

ТРУДЫ И ДНИ
ИВАНА
ДМИТРИЕВА

I
ХРОНИКА

ТРУДЫ И ДНИ
ИВАНА
ДМИТРИЕВА

ХРОНИКА

МОСКВА
УЛЬЯНОВСК

*К 250-летию
со дня рождения
Увана Ивановича Дмитриева*

1760—1837

Prince Demingres

В. А. СУКАЙЛО

ТРУДЫ И ДНИ ИВАНА ДМИТРИЕВА

В двух книгах

Книга первая

ХРОНИКА

Хронология — око истории.
Старая поговорка

Москва – Ульяновск
Издательство «Корпорация технологий продвижения»
2010

Рецензенты:

С. М. Шаврыгин, д.ф.н., профессор;

М. П. Чередникова, д.ф.н., профессор;

Н. В. Алексеева, д.ф.н., профессор.

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова

Сукайло В. А.

С 89 Труды и дни Ивана Дмитриева. В 2-х кн. Кн. 1.
Хроника. / Изд. 2-е доп., испр. – Ульяновск: Издательство
«Корпорация технологий продвижения», 2010. – 960 с.

ISBN 978-5-94655-153-3

Книга о жизни и творчестве И. И. Дмитриева, поэта, государственного деятеля, ближайшего друга Н. М. Карамзина. Среди его близких знакомых – выдающиеся представители русской культуры конца XVIII – первой трети XIX вв.: Н. И. Новиков, Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, князь П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, А. И. Тургенев и его братья и многие другие.

Книга написана в научно-литературном жанре «летопись жизни и творчества». В ней собраны все данные его биографии: события из его жизни, переписка, перечень его произведений, публикации и издания его произведений, прижизненная критика, упоминания о нем и его произведениях (в том числе и цитирование) в печати, прижизненные биографические статьи.

Книга предназначена самому широкому кругу читателей, не потерявших интерес к истории отечественной литературы (шире – русской культуры).

ББК 83.3. (2=Рус)

Министр, поэт и друг: я все тремя словами
Об нем для похвалы и зависти сказал.
Прибавлю, что генов и рифм он не искал,
Но рифмы и гены к нему летели сами...”

Николай Нарамзин

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках книгу, посвященную памяти Ивана Ивановича Дмитриева, видного государственного деятеля первой половины XIX века, талантливого и неподкупного чиновника – министра юстиции Российской империи, поэта, литератора, открывшего миру талант Александра Сергеевича Пушкина.

И. И. Дмитриев всей своей жизнью явил пример духовной силы, жертвенного служения высоким нравственным идеалам, исконной самобытности, национального самосознания и, наконец, русского характера. Эта книга пронизана идеями Отечества, патриотизма и государственности, она не просто «источник знаний», а возможность приобщения к общечеловеческим ценностям, инструмент пробуждения творческого, созидательного начала человека, повышения его культурного уровня и социальной активности.

Не могут не тревожить участвовавшие попытки подвергнуть сомнению извечные моральные ценности, издревле присущие нашему народу.

Эта книга – своеобразный ответ на вызов времени, шаг к утверждению мировоззренческих устоев, укреплению фундамента российской государственности через восстановление исторической правды как одной из главных основ возрождения сильной России.

Председатель Счетной палаты Российской Федерации

Председатель Императорского Православного Палестинского Общества

Президент Российского книжного союза

Сергей Степашин

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед Вами юбилейное издание, вышедшее в свет в ознаменование 250-летия со дня рождения Ивана Ивановича Дмитриева. Новая книга о И. И. Дмитриеве является продолжением изданной в 2008 году его документальной биографии «Труды и дни Ивана Дмитриева».

Представляя вашему вниманию эту книгу, хотел бы поделиться своей искренней радостью – нами сделан еще один шаг в воплощении задуманной в конце 1990 годов серии изданий, посвященных симбирянам, чей вклад в культурное наследие Государства Российского неоспорим. Первым из этой серии стал археографический сборник «Симбиряне в жизни и творчестве А. С. Пушкина».

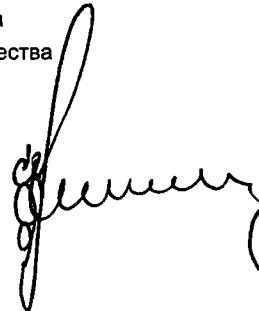
И. И. Дмитриев – высокопоставленный чиновник Российской империи, министр юстиции, по имеющимся признаниям многих его современников и историков, он был одним из лучших министров юстиции XIX века. За честность и неподкупность его высоко ценили императоры Павел I, Александр I, Николай I. Он пережил пять царствований! Он дружил с Г. Р. Державиным, Д. И. Фонвизиным, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, князем П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым, Н. И. Тургеневым, Н. В. Гоголем. Именно Дмитриев первым предсказал А. С. Пушкину великую судьбу национального поэта России.

Достойна внимания исследователей и сорокалетняя дружба Ивана Ивановича с Н. М. Карамзиным. Надеюсь, что в недалеком будущем нам удастся осветить и этот замечательный уголок отечественной истории и культуры.

Юбилейное издание, посвященное И. И. Дмитриеву, – это не только дань памяти великому сыну России, но и проявление уважения ко всему национальному, к тому, без чего мы никогда не будем едины как нация, – к нашей тысячелетней культурной истории.

Эта книга не только для тех, кто дорожит «преданьями старины глубокой». Она прежде всего для нашей талантливой молодежи, чье сердце открыто для любви к родному Отечеству, а ум ищет новых знаний, основанных на духовно-нравственных началах, заложенных нашими великими предками.

Аудитор Счетной палаты Российской Федерации
Почетный гражданин города Ульяновска
Член Президиума Ульяновского землячества

Сергей Рябухин

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге «Труды и дни Ивана Дмитриева», выходящей накануне его 250-летнего юбилея, собраны с максимально возможной полнотой все данные биографии И. И. Дмитриева: события из его жизни, публикации и издания его произведений, переписка, прижизненная критика, упоминания о нем и его произведениях (в том числе и цитирование) в печати, прижизненные биографические статьи.

Книга составлена из двух частей: «Книга Первая. Хроника» и «Книга Вторая. Сочинения и Переводы».

«Книга Первая. Хроника» написана в научно-литературном жанре «летопись жизни и творчества», весьма распространенном в российском литературоведении (под российским здесь понимается и советское литературоведение, на которое пришелся пик составления «Летописей»).

Статьи и публикации о Дмитриеве не многочисленны. Биографические сведения (в широком понимании) распылены в различных источниках (в основном второй половины XIX в.): в дневниках, в прижизненной и позднейшей переписке его друзей и знакомых. Важнейшими источниками для биографии И. И. Дмитриева являются: автобиография («Взгляд на мою жизнь»; текст см. «Кн. Вторая») и переписка с Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым и кн. П. А. Вяземским. Также ценнейшим источником для биографии И. И. Дмитриева остается Остафьевский Архив князей Вяземских. Сохранившаяся в архиве переписка кн. П. А. Вяземского и А. И. Тургенева содержит многочисленные факты литературной жизни Москвы и Петербурга первой трети XIX в., участником (свидетелем) которых был поэт.

В ходе работы над хроникой были просмотрены: собрания его сочинений, переписка, значительная часть прижизненных периодических изданий (прежде всего с целью выявления фактов биографического характера, так, например, была установлена точная дата отъезда Дмитриева из Петербурга в Дерпт, после знаменитого обеда петербургских писателей в июле 1833 года, на котором состоялась подписка на памятник Н. М. Карамзину в Симбирске), переписка ближнего окружения Дмитриева.

О письмах Дмитриева и к Дмитриеву. Основной свод писем Дмитриева и к Дмитриеву был опубликован еще во второй половине XIX в., в основном, на страницах двух ведущих исторических журналов: «Русского Архива» и «Русской Старины». За последние годы переписка Дмитриева значительно пополнилась новыми публикациями (прежде всего усилиями В. Э. Вацура и А. А. Ильина-Томич). Вместе с тем, примерно около 200 писем, в основном это письма Дмитриева, остаются неопубликованными. Самое крупное собрание неопубликованных писем Дмитриева (147 писем к О. Франку) хранится в ИРЛИ. Единичные письма из этого собрания были опубликованы В. Э. Вацура. С учетом новых публикаций и сведений о местах хранения неизданных писем, в хронике представлен наиболее полный, на сегодняшний день, свод писем Дмитриева и к Дмитриеву.

Тексты писем воспроизводятся полностью. Автор решительно против публикации писем в подобных изданиях (понимаю, это спорно) в извлечениях, будь-то цитирование или, что еще хуже – пересказ. В любом случае и то, и другое вносит элемент субъективизма. Например, как можно пересказать письмо А. С. Шишкова о неприятии им буквы «ё», и передать графическую полемику этого письма. Невозможно через цитирование передать юмор Дмитриева, его публицистический задор в поздних письмах кн. Вяземскому и т. д.

Некоторые письма не датированы или датированы числом, месяцем (без года) и даже днем недели (понедельник, среда и т. д.). Не для всех недатированных писем удалось найти бесспорные факты, позволяющие более или менее точно датировать то или иное письмо. В таких случаях предполагаемая дата заключается в косые скобки.

Письма публикуются по текстам первых публикаций. В случае их повторной публикации (например, в сочинениях под редакцией А. А. Флоридова) предпочтение отдавалось именно первым публикациям. Как наиболее точно отражающих грамматический стиль Дмитриева, и наименее подвергнувшихся редакторским правкам и поновлениям.

Содержание ряда неопубликованных писем осталось недоступно автору (по разным причинам). Для этих писем указываются: дата написания, адресат, место хранения автографа (или копии).

В хронике приведены полные описания содержания всех прижизненных собраний сочинений поэта. Это важно, для понимания процесса формирования состава собрания сочинений самим Дмитриевым. Состав собраний сочинений претерпевал как жанровые, так и количественные изменения от одного издания к другому. Так, например, в издание собрания сочинений 1823 года, Дмитриев не включил более половины произведений, включенных им ранее в издания 1814 и 1818 гг., а это наиболее полные собрания его сочинений, особенно издание 1814 г. Именно изучение росписей содержания сочинений привело к выявлению ряда неточностей (и даже грубых ошибок) в поздних изданиях сочинений И. И. Дмитриева.

Печать о Дмитриеве. В хронику включены критические статьи, заметки (где Дмитриев полностью назван, или не назван, но речь идет несомненно о нем) в том числе и те, которые он несомненно читал и в которых речь шла о его ближайшем окружении (например, все, что писалось о Карамзине). Включены также посвященные ему многочисленные стихотворные послания, а также направленные против него эпиграммы, цитаты из его произведений (Дмитриев при жизни был одним из самых цитируемых авторов), объявления о поступлении в продажу книг, журналов, которые упоминаются в переписке или были ему подарены. Для большинства этих изданий указываются цензурные разрешения.

О принципах издания текстов писем и сочинений И. И. Дмитриева см.: «Кн. Вторая. Примечания». Все даты в хронике (год, число, месяц) даются по старому стилю. Даты жизни даются также по старому стилю. Следует заметить, что источники здесь не редко противоречат друг другу; в таких случаях предпочтение отдавалось наиболее авторитетным.

«Книга Вторая. Сочинения и Переводы». Это наиболее полное собрание сочинений И. И. Дмитриева (в котором представлены не только произведения поэтические, но также и сочинения прозаические). Для настоящего издания были просмотрены все как прижизненные, так и поздние издания его сочинений.

Основной корпус поэтических произведений И. И. Дмитриева сформировался к концу XIX в. Речь идет о двухтомном собрании сочинений под редакцией А. А. Флоридова (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. В двух томах. СПб., 1893. Т. I. Стихотворения; СПб., 1895. Т. II. Проза. Письма). Однако в последнее время список сочинений И. И. Дмитриева значительно пополнился. В. П. Степановым, А. Балакиным, М. Б. Велижевым, Т. И. Краснобородко были выявлены ранее неизвестные его стихотворения. В первую очередь здесь надо сказать о найденном А. Балакиным и М. Б. Велижевым в фондах ОПИ ГИМ рукописного сборника с автографами ранее неизвестных тридцати стихотворений Дмитриева. В ОПИ ГИМ, помимо автографов из чертковской коллекции (где и был найден А. Балакиным и М. Б. Велижевым выше упомянутый сборник), были выявлены ранее неизвестные автографы перевода И. И. Дмитриевым комедии Флориана «Багамские Близнецы» и его поэтического послания к П. П. Бекетову (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 207). Неизвестные ранее стихотворения поэта были найдены также и среди автографов И. И. Дмитриева в рукописном отделе ИРАИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115). Вообще, это собрание автографов примечательно еще и тем, что в нем находятся самые ранние из известных автографов стихотворений Дмитриева, датируемые концом 80-х гг. XVIII в.

Издание сочинений под редакцией А. А. Флоридова (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. В двух томах. СПб., 1893. Т. I. Стихотворения; СПб., 1895. Т. II. Проза. Письма) содержит многочисленные неточности в текстах стихотворений, нередко неверно датированы и не приведены варианты. Это значительно снижает достоинства этого издания. Но оно остается востребованным, прежде всего литературоведами.

В 1967 г. под редакцией Г. П. Макогоненко вышло полное собрание стихотворений И. И. Дмитриева (И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Г. П. Макогоненко. Л., 1967). При всех бесспорных достоинствах, это издание содержит ряд весьма досадных ошибок. Так в разделе «Приписываемое» были помещены пять эпиграмм, которые не принадлежат И. И. Дмитриеву. Эпиграмма «Вельможа Ротозей во дни свои щастливы...» (Дмитриев, 1967: С. 402) была опубликована в 1811 г. (а не в 1828 г. как у Г. П. Макогоненко) в «Собрании русских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (М., 1811. Ч. 5. С. 218–220) за подписью «Аржевитинов».

Четыре других эпиграммы, напечатанные в этом же разделе: «Вредняк злословит всех...», «На Клита, верно б, я сатиру сочинил...», «Какое сходство Клит с календарем имеет...», «Однажды Скрягин видел сон...» (Дмитриев, 1967. С. 401–402, с датировкой 1822 г.) принадлежат П. Сума-

рокову. Указанная Г. П. Макогоненко датировка этих эпиграмм также ошибочна. Весь блок эпиграмм (как П. Сумарокова, так и Дмитриева) был напечатан еще в 1817 г. в первом издании «Собрания образцовых сочинений...» (1817. Ч. 6. С. 123–125 <эпиграммы П. Сумарокова>; 125–127 <эпиграммы Дмитриева>). При этом ссылка в примечании к этим эпиграммам на свидетельство М. Лонгинова (РА. 1863. № 8–9. Стб. 711) вводит читателя в заблуждение. В этом выпуске «Русского Архива» Лонгинов пишет о трех эпиграммах, напечатанных без подписи в 1783 г. в «Собеседнике Любителей Российского Слова» (Ч. 4. С. 110). При всех ошибках и неточностях, издание стихотворений И. И. Дмитриева под редакцией Г. П. Макогоненко остается памятником советскому литературоведению.

Автор отдает себе отчет в том, что в работе такого объема и сложности неизбежны ошибки, недосмотры, пропуски, как бы он не стремился их избежать. Однако он надеется, что при всех этих недостатках, читатель будет великодушен, а книга внесет свой вклад в изучение биографии и творчества Ивана Ивановича Дмитриева.

*

Автор выражает благодарность за поддержку замысла и помощь в организации издания этой книги:

Степашину Сергею Вадимовичу – Председателю Счетной палаты Российской Федерации,

Рябухину Сергею Николаевичу – аудитору Счетной палаты Российской Федерации,

Городялову Андрею Викторовичу (г. Москва),

Дымщиц Светлане Ивановне – заместителю директора Департамента Счетной палаты Российской Федерации,

Ульянову Вячеславу Николаевичу – главному консультанту аппарата Счетной палаты Российской Федерации,

Мелимуку Виталию Игоревичу – Директору Департамента Счетной палаты Российской Федерации,

Гущину Максиму Викторовичу – заместителю директора Департамента Счетной палаты Российской Федерации,

Богданову Виталию Вячеславовичу – заместителю директора Департамента Счетной палаты Российской Федерации,

Усанову Александру Николаевичу – главному инспектору Счетной палаты Российской Федерации,

Антонову Александру Юрьевичу (г. Ульяновск).

Считаю приятным долгом своим от души поблагодарить библиотечное и архивное сообщества России, которые я неоднократно утруждал многочисленными просьбами и которые относились и ко мне и к моим просьбам с редкой любезностью и предупредительностью, чем весьма облегчили мне работу. Глубокую свою благодарность свидетельствую:

директору Российской Государственной библиотеки *В. В. Федорову*; старшему научному сотруднику НИО редких книг (Музей книги) этой библиотеки *И. А. Картовой* и сотрудникам Отдела Рукописей;

директору Российской Национальной библиотеки *В. Н. Зайцеву*; кураторам Отдела Рукописей и сотрудникам Отдела внешнего обслуживания этой библиотеки;

директору Библиотеки Российской Академии наук *В. П. Леонову* и зав. НИО редких книг Библиотеки Академии Наук *Е. А. Савельевой*, а также сотрудникам библиотеки;

директору Государственной Публичной Исторической библиотеки России *М. Д. Афанасьеву* и сотрудникам этой библиотеки;

директору Государственного Исторического Музея *А. И. Шкурко*, заведующему отделом письменных источников *А. Д. Яновскому* и сотруднику этого отдела *А. К. Афанасьеву*;

директору Российского Государственного Архива Древних Актов *М. Р. Рыженкову* и сотрудникам этого архива;

директору Российского Государственного Архива литературы и искусств *Т. М. Горяевой* и сотрудникам этого архива;

директору Центрального Исторического Архива Москвы *Е. Г. Болдиной* и сотрудникам этого архива;

заведующей отделом рукописей Института Русской Литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук *Т. С. Царьковой* и сотрудникам этого отдела;

ректору Казанского Государственного университета *М. Х Салихову* и сотруднице Научной библиотеки Казанского университета *И. А. Новицкой*;

ректору Харьковского Национального Университета им. В. Н. Каразина *В. И. Бакирову* и заведующей отделом редких изданий и рукописей Центральной научной библиотеки этого университета *М. И. Бобровой*.

Сотрудникам отдела редкой и рукописной книги Ульяновской областной научной библиотеки, читателям которой я имею честь быть вот уже полвека, *А. Ю. Ивашкиной*, *В. В. Морозовой* и *Т. Т. Панфиловой*, моим бесценным, многолетним помощникам.

К. Г. Боленко и *Е. Э. Ляминой* мои слова благодарности за помощь и советы.

Моему другу *А. В. Старостину* (г. Москва) – за то, что он *просто* был все это время рядом со мною, за его поддержку и помощь.

Смогут ли слова выразить чувство особой благодарности *Н. В. Беляковой*... Спасибо, Наташа.

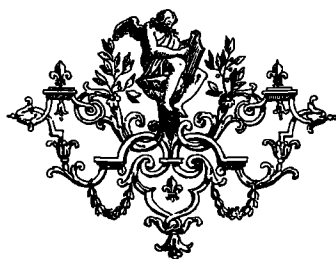
**Эта книга посвящена Трем Наталиям:
*Наталии Тимофеевне, Наталии Васильевне, Наталии Александровне.***

Прошлому, Настоящему и Будущему.

Москва – Ульяновск
2008–2010.

ХРОНИКА 1760—1837

1760

Сентябрь, 10. Село Богородское, Сызранский уезд, Симбирская губерния.

Рождение в семье Ивана Гавриловича Дмитриева (1736–2 V 1818) и жены его Екатерины Афанасьевны, урожденной Бекетовой (1737–28 V 1813), сына Ивана.

Дмитриев, 1866. С. 11: «Отчизна моя Симбирская губерния. Я родился в 1760 году, Сентября десятого дня, в родовом нашем поместье, селе Богородском, в двадцати пяти верстах от окружного города Сызрана...».

1761

Ноябрь, 22. Симбирск.

Рождение у Петра Афанасьевича и Анны Григорьевны Бекетовых сына Платона.

Декабрь, 7. Село Богородское.

Приезд И. Г. Дмитриева из Оренбурга.

Старикова Л. М. Два письма актера Ивана Афанасьевича Дмитриевского // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 143. Об ошибочной атрибуции в этой статье см. ниже.

Декабрь, 8. Село Богородское, Сызранский уезд, Симбирская губерния.

Два письма И. Г. Дмитриева к П. А. и А. Г. Бекетовым в Симбирск.

И. Г. Дмитриев в письме к П. А. Бекетову поздравляет последнего с рождением сына Платона. Сообщает о получении согласия на свою отставку от военной службы, о предстоящей поездке в Петербург (в первых числах января 1762 г., хотя отпуск заканчивался в половине февраля 1762 г.), о бедственном положении хозяйства в Богородском.

В письме к А. Г. Бекетовой (урожд. Репьевой) И. Г. Дмитриев пишет:

«Милостивая государыня моя Анна Григорьевна. Имею честь вам, матушка моя, засвидетельствовать мое усердное поздравление з благополучным разрешением вашей тягости и здорованным вам от Бога сыном. Дай боже вам, матушка, возрастая ево благополучно, им иметь утешение. Покорнейше вас, милостивою государыню, прошу, естли можно, удостоить нас в деревне вашим милостивым посещением, чем бы мы весьма были щастливы, а в прочем желаю вам, милостивой государыне, купно с милостивым государем моим Петром Афанасьевичем и з государем Платоном Петровичем всякого благополучия, и з глубочайшим моим почтением остаюсь, милостивая государыня, ваш всепокорно послушный слуга Иван Дмитриев».

Здесь же приписка Е. А. Дмитриевой (урожденной Бекетовой, младшей сестры П. А. Бекетова): «При сем и я вам, батюшка братец Петр Афанасьевич и матушка невестушка Анна Григорьевна, засвидетельствую мое почтение и прошу любезнейшева крестника поцеловать и тако остаюсь покорная сестра ваша

Катерина Дмитриева».

Это самые ранние, из известных, автографы родителей И. И. Дмитриева.

Старикова Л. М. Два письма актера Ивана Афанасьевича Дмитриевского // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 137–144. Место хранения автографов указано автором статьи: Государственный Центральный Театральный Музей им. А. Бахрушина. Ф. 92, № 66185 (письмо И. Г. Дмитриева); Ф. 92, № 66186 (приписка Е. А. Дмитриевой). Автор ошибочно атрибутировал эти два письма И. А. Дмитриевскому с ошибочным, естественно, указанием адресатов: Петра Афанасьевича Дьяконова и Анны Григорьевны Дьяконовой. Ошибка была исправлена только через 10 лет. В статье «Следствие излишней доверчивости к авторитетам, или как автором писем И. А. Дмитриевского оказался И. И. Дмитриев» (Памятники культуры. Новые открытия. 1992 / Сост. Т. Б. Князевская. М., 1993. С. 142–146) верно были указаны как корреспонденты, — И. Г. Дмитриев и Е. А. Дмитриева, — так и адресаты — П. А. и А. Г. Бекетовы. К сожалению, даже в этой статье избежать неточностей автору не удалось. В заглавии статьи допущена досадная ошибка (не описка!): «...оказался И. И. Дмитриев», вместо «...оказался И. Г. Дмитриев». Четырехмесячный младенец И. И. Дмитриев не то чтобы писать, говорить еще не умел.

1766

Декабрь, 1. Пятница. Симбирская губерния (с. Знаменское).

В семье симбирского помещика отставного капитана Михаила Егоровича Карамзина и жены его Екатерины Петровны Карамзиной (урожд. Пазухиной) родился сын Николай.

Н. М. Карамзин. Автобиография: «Николай Михайлов сын Карамзин родился в Симбирской губернии...».

Декабрь, 6, зимний Никола. Село Знаменское.

Вероятная дата крещения Н. М. Карамзина. Крестный отец — Александр Кудрявцев, жена которого, Любовь Фадеевна Кудрявцева, урожденная Суворцева, владела соседним со Знаменским селом Верхняя Елшанка.

Погодин, 1866. Т. I. С. 2.

1767–1773

1767–1772. Обучение в пансионах Казани и Симбирска.

Дмитриев, 1866. С. 11–14: «На осьмом году возраста, отвезен был родительницею моей в губернский город Казань к отцу ее, отставному Полковнику Афанасью Алексеевичу Бекетову, и отдан в тот же пансион, в котором уже с год находился старший брат мой Александр, обучаться Французскому языку, арифметике и рисованию.

В следующем году скончалась моя бабка, которой мать была природная Шведка. Дед мой решил несколько месяцев прожить в Симбирске, бывшем тогда еще провинциальным городом Казанской губернии, чтобы в горести своей иметь отраду быть вместе с моею матерью и одним из сыновей своих. Уговорили и учителя нашего перевести свой пансион туда же, но его существование там продолжалось не далее 1772 года. Учитель мой г. Манжень, французский мещанин, застал в Симбирске другой пансион, заведенный Лорансеном, бывшим Французским офицером. Между обоими началось соперничество: ученики переходили от одного к другому, кроткий Манжень, устав бороться с совместником, исполненным еще военного духа, закрыл свой пансион и съехал в деревню к богатому казанскому помещику Макарову, обучать его сына, бывшего в последствии игралищем Фортуны, и одним из остроумных наших писателей. Это Петр Иванович Макаров.

Прибавлю к слову, что некогда, у того же Манженя обучался в детских летах и Михайло Никитич Муравьев, когда отец его жил в Казани. Учитель наш истощался пред нами в похвалах образцовому своему ученику, с жаром рассказывал нам о его добронравии, прилежности к учению, об его редкой памяти, и я, бывши еще отроком начал уважать будущего писателя.

Около года пробыл я без учителя. Потом отдан был в новый пансион к Г. Кабриту, отставному нашей службы поручику, воспитаннику Сухопутного Кадетского Корпуса. В последствии он уже был правителем канцелярии Наместника Игельстрома, и умер в Москве отставным Надворным Советником. В этом пансионе обучался я с старшим братом языкам Французскому и немецкому; русскому правописанию и слогу, истории, географии и математике. Признаюсь, что я до того времени считался в последнем классе самым тупым учеником. От прежнего учителя моего, гарнизонного Сержанта Копцева, я только и слышал непостижимые для меня слова: искомое, делимое; видел только на аспидной доске цифры, и сам ставил цифры же на удачу, без всякого соображения; потом с робости представлял учителю мою доску, он осыпал меня бранью, стирал мои цифры, ставил свои, и я спешил тщательно списывать их красными чернилами в мою тетрадку. Таким образом оканчивался каждый урок мой в математике; но под руководством Кабрита, я начал понимать всю важность этой науки, и в три месяца успел в ней более, чем у прежнего учителя Копцева в продолжении года.

Кабрит был очень мил в обращении с нами: во время уроков часто давал нам отдыхать, позволяя предлагать ему вопросы; всегда охотно отвечал на них, и сообщал между тем какая либо полезная сведения; в детстве мы обыкновенно прельщаемся воинским нарядом: он объяснял нам обязанности чинов, рассказывал иногда военные анекдоты, и знакомил нас с отличными того времени полководцами. Я любил и слушать его, и ему повиноваться. Никакой урок его не был мне в тягость. Особенно же я охотно занимался историческим, и сочинением писем по его темам. Хотя и стыдно мне было иногда слышать смех учителя и старших учеников, когда я прочитывал вслух сочиненную мною нелепость; но мысль, что я учусь сочинять, и надежда научиться писать лучше, успокоивали оскорбленное мое самолюбие.

Ученье мое и здесь недолго продолжалось. — Дошли до отца моего слухи, что умный и добрый Кабрит, которому тогда было 26 лет, платил дань слабостям своего возраста. Он испугался последствий худых примеров и взял нас из пансиона. Итак, на одиннадцатом году моей жизни прекратился решительно курс моего учения, когда я во Французском языке не дошел еще до синтаксиса, а в немецком остановился на глаголах...».

1768–1773. Симбирск – село Богородское.

Начало знакомства с русской и французской литературами. Симбирское дворянство.

Дмитриев, 1866. С. 14–21: «По выходе из пансиона, я проживал при отце моем по несколько месяцев в деревне, во ста верстах от Симбирска, и пользовался свободою гораздо меньше, чем в пансионе. Отец мой заставлял меня с братом, под строгим своим надзором, повторять старые наши уроки. Часто сам прослушивал нас в грамматике Французской и немецкой; заставлял выучивать наизусть школьные (*Colloquia scolastica*) и домашние разговоры, изданные на трех языках еще в царствование Императрицы Анны; или переводить из старинного же Собрания Писем *Вуатюра*, *Костара* и *Бальзака* (да не встречаются этим словом нынешние добровольные наши судьи в журналах), отысканных им также в своей библиотеке.

Такой ход учения наводил на меня грусть и отвращение; тем более, что я уже с десяти лет набил голову мечтательными приключениями. В бытность мою еще в первом пансионе я уже прочитал *Тысячу Одну Ночь*; *Шутливые Повести Скаррона*; *Полождения Робинзона Круза*; *Жильблаза де Сантлана*; *Приключения Маркиза Гее* (I). По этой книге я получил первое понятие о Французской литературе: читая, помнится мне, в третьем томе, описание ученой вечеринки, на которую молодой Маркиз и наставник его приглашены были в Мадрите, в первый раз я услышал имена Мольера, Буало, Лопец де Вега, Расина и Кальдерона, критическое об них суждение, и захотел узнать и самые их сочинения; этому же роману обаян я и тем, что начал понимать и французские книги.

Дочитав четвертый том *Полождений Маркиза Г****, узнал я, что последних двух томов еще нет в переводе. Это навело на меня грусть; сколько раз я вздыхал, что пришло мне оставаться в неизвестности об участи моих героев. “Не отчаивайся, сказал мне однажды г. Руцкой, всегдашний наш гость, и Лекарь бывшего Московского Легиона, стоявшего тогда в Симбирске, я пороюсь в моих французских книгах, не найду ли в них пятого и шестого тома”. — И что же? На другой день принес мне их в подарок! Как я был доволен! Этот день был для меня праздником! Но радость моя была минутная: в первый же вечер схватил я пятый том; пробежал в нем первую страницу, и понял только несколько слов, изредка легкую фразу, и не мог еще понимать полного содержания периода. Но чего не преодолевают настойчивость и терпеливость? Я положил, с помощью Вояжирова лексикона, непременно прочитать от доски до доски оба тома. Приступя к исполнению, я день от дня стал понимать более; при чтении шестого тома уже я почти не имел нужды в лексиконе. Наконец этот отважный подвиг был для меня эпохой, с которой начал я читать французские книги, уже не по неволе, а по охоте, и в последствии уже мог переводить Лафонтена.

Чтение романов не имело вредного влияния на мою нравственность. Смее даже сказать, что они были для меня антидотом противу всего низкого и порочного. *Полождения Клеветанда*; *Приключения Маркиза Г.* возвышали душу мою. Я всегда пленялся добрыми примерами, и охотно желал им следовать.

Однажды, ехав из деревни в Симбирск, я сидел в коляске с моим братом; он молчал, и я тоже, окидывая между тем глазами с обеих сторон поля, дубравы и селения; вдруг пришло мне на мысль: от чего я так долго молчу, и ни о чем не рассуждаю? Помню из книг, что молодой Маркиз дорогою рассуждал в коляске с своим наставником; Барон *Пельниц* с своим сыном, и *Дон Фигеоразо*, или *Уединенный Гишпанец*, также с своими детьми: от чего же никакие предметы, никакой случай не возбуждают во мне размышлений? Конечно от того, думал я, что они были умнее. При этом замечании мне стало грустно.

Еще в том же возрасте стал я знакомиться и с русской поэзией. Матушка любила стихотворения А. П. Сумарокова. Живучи в Петербурге, она лично знала его. Поэт был в коротком знакомстве с родным братом ее, Никитою Афанасьевичем Бекетовым. Не считая трагедий *Гамлета*, *Хорева*, *Синава* и *Трувора*, и *Артистони*, полученных ею в подарок от самого автора, она знала наизусть многие из других его стихотворений. Мне очень памятна минута, когда она в деревне пересказывала оду его, посвященную Петру Великому:

Матушка сидела на канале за ручною работою, а старший брат мой против ее на подножной скамеечке, и держа на коленях лист бумаги, он записывал карандашом стих за стихом; я же, стоя за ним, слушал с большим вниманием, хотя и не все понимал — это было еще до вступления нашего во второй пансион, и тогда я едва ли не в первый раз услышал имена *Париса* и *Авроры*, но помню, что при одном произношении слов *златого века*, *утешения*, я находил в этих стихах какую-то неизъяснимую для меня прелесть, гармонию, и после несколько раз упрашивал брата повторить их, чтобы я мог вытвердить их наизусть.

С каким удовольствием вспоминал я эти стихи, и вместе мое детство, когда чрез несколько лет после того, бывши Унтер-офицером в Петергофской команде, увидел я в первый раз *Мон-Плезир* и открытое море! С той минуты, пока находился в Петергофе, почти всякое утро, я встречал восходящее солнце у домика Петра Великого. Опершись па балюстрад или перилы, то глядел я на синее море, на едва видимый флот с кронштадтской рейды; то оборачивался к домику, осененному столетними липами, и мысленно повторял — уже с благоговейным умилением не к стихам, но к виновнику вдохновения:

Домик, что при самом море,
Где Парис в *златой* жил век,
Собеседя *Авроре*
Утешением нарек.

Столь же приятно мне вспоминать один вечер Великой Субботы, проведенный отцем моим посреди нашего семейства за чтением. Это также происходило в деревне, уже по выходе моем из последнего пансиона. В ожидании заутрени, отец мой, для прогнания сна, вынес из кабинета Собрание Сочинений Ломоносова, первого московского издания, и начал читать вслух известные строфы из Иова; потом *Вечернее Размышление о Величестве Божием* в котором два стиха:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна...

произвели во мне новое, глубокое впечатление. Чтение заключено было Одою на взятие Хотина. Слушая первую строфу, я будто перешел в другой мир, почти каждый стих возбуждал во мне необыкновенное внимание, хотя и неизвестно мне еще было, о какой говорится горе:

Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой;
Внимая нечто ключ молчит и проч.

Потом третий стих в девятой строфе:

Мурза упал на *долгу тень*,

полюбился мне верностью изображения. Тогда пришло мне на память, как бывши еще ребенком и гуляя с мамкою по двору, забавлялся видом долгой тени своей.

Но последние четыре стиха девятой строфы:

Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом;
Омытым кровию мечем
Гоня врагов, герой открылся...

особенно же последние два в двенадцатой:

Свилася мгла, герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует...

исполнили меня священным благоговением. Я будто расторг пелены детства, узнал новые чувства, новое наслаждение, и прельстился славой поэта.

С переездом отца моего из деревни в Симбирск, он имел уже меньше досуга смотреть за нашим повторением старых уроков, а я более свободы читать все, что ни попадалось. У отца моего в гостиной всегда лежали на одном из ломберных столов переманные книги разных годов и различного содержания, начиная от Велисария, соч. Мармонтеля (II) до указов Екатерины Второй и Петра Великого. Даже и Маргарит (поучительные слова) Иоанна Златоустого, Всемирная История Барония и Острожская Библия стали мне известны еще в моем отрочестве, по крайней мере по их названиям. Мне позволено было заглядывать в каждую книгу и читать, сколько хочу.

Последние два года моего отрочества протекли более в городе. Я уже находил удовольствие бывать чаще с моими родителями, особенно когда у нас случались гости, и вслушиваться в их разговоры. С гордостью могу сказать, что я вырос и состарился под шумом отечественной славы. Находясь в Казани, еще семилетним мальчиком, я выбежал на нашу *Сарскую улицу* <*Сарская улица (1771—1772)*, потом Арская, ныне ул. К. Маркса в Казани (сообщено И. А. Новицкой)>, смотреть на проходящие отряды пленных польских конфедератов. Уже тогда затвержены были мною имена Пулавских, Поточких и проч. С переселением нашим в Симбирск началась война с Оттоманскою Портою. Отец мой, получая при газетах реляции, всегда читывал их вслух посреди семейства. Никогда не забуду я того дня, когда слушали мы реляцию о сожжении при Чесме турецкого Флота. У отца моего от восторга перерывался голос, а у меня навертывались на глазах слезы.

Симбирские обыватели, сколько я могу судить по воспоминаниям, наслаждались тогда совершенною независимостью: от дворянина до простолюдина, никто не нес другой повинности, кроме поставки в очередь свою утюжника, и по временам военного постоя. Последний мещанин или цеховой имел свой плодovitый при доме садик, на окне в бурачке розовый бальзамин, и ничего не платил за лоскуток земли, доставшейся ему по купле или от прадеда. Заграничные товары были дешевы: например Фунт американского кофья — кто ныне тому поверит? — продавался по сороку копеек. Рубль ходил за рубль; серебра было много, а об лаже на звонкую монету и ассигнации даже и понятия не имели. Первенствующие особы в городе были: Комендант, начальник гарнизонного батальона, и Воевода, первоприсутствующий по гражданским делам. Дворянство знало и уважало их по мере личных достоинств. Тогда еще не было в провинциях ни театров, ни клубов, которые ныне и в губернских городах различают мужей с женами, отцов с их семейством. Тогда едвали кто понимал смысл слова: *разсеяние* ныне столь часто употребляемого. Каждый имел свои связи не от трусости, не из корыстных видов, а по выбору сердца. Таким образом жил и отец мой.

Почти ежедневное общество его состояло из трех коротких приятелей, умных, образованных и недавно покинувших столицу. Между ломбером, любимую тогда игрою, и ужином оставалось еще довольно времени для разговоров. Я бывал, так сказать, весь внимание. Всякой вечер получал новые сведения; слушивал о бывшем Италиянском театре Локателлия и Бельмонти: о иггранных на нем интермедиях и больших операх; о игре Дмитриевского и Троепольской; часто вспоминаемы были анекдоты о соперничестве Ломоносова с Сумароковым; о шутках последнего на счет Тредиаковского; судили об их талантах и утешались надеждою, которую подавал тогда молодой Д. И. Фон-Визин, уже обративший на себя внимание комедией: *Бригадир* и *Словом по случаю выздоровления Наследника*

Екатерины. Иногда разговор нечувствительно принимал тон важный: сетовали об участи Москвы, где свирепствовало моровое поветрие; судили об мерах, принимаемых против него светлейшим Князем Орловым, или с таинственным видом, в полголоса начинали говорить о политических происшествиях 1762 года; от них же восходили до дней могущества Принца Бирона, до превратности счастья вельмож того времени, до поразительного видения Императрицы Анны и пр. и пр. Таким образом еще на двенадцатом году моей жизни, я набирался сведениями для меня не бесполезными. Таким образом проходили наши тихие вечера, и ни отец мой, ни его собеседники не предчувствовали того, что они вскоре оставят мирных своих пенатов, и вот по каким обстоятельствам...».

1770

Январь ... Февраль (?). Симбирск.

Михаил Георгиевич Карамзин женится на Евдокии Гавриловне Дмитриевой, сестре И. Г. Дмитриева, тетке И. И. Дмитриева. Первая встреча с Н. М. Карамзиным.

Дмитриев, 1866. С. 38–39: «В 1770 году, в провинциальном городе Симбирске, старший брат мой и я, десятилетний отрок, находились на свадебном пиру, под руководством нашего учителя г. Манжениа. В толпе пирующих увидел я в первый раз пятилетнего мальчика в шелковом перувиновом камзолычке с рукавами, которого русская нянюшка подводила за руку к новобрачной и окружавшим ее барыням. Это был будущий наш Историограф Карамзин. Отец его, симбирский помещик, отставной Капитан, Михаила Егорович соединился тогда вторым браком с родною сестрою моего родителя, воспитанною по ее сиротству в нашем семействе.

С того времени до зрелого моего возраста я не имел случая видеть его; знал только, что он в отрочестве своем обучаем был немецкому языку тамошним пятидесятилетним врачом, которого прозвище я позабыл, но очень помню, не потому, что он был с горбом, но по его привлекательной физиономии. Он говорил тихо, в глазах и на устах его обнаруживались кротость и человеколюбие. Я узнал и полюбил его по случаю болезни младшего брата моего, еще младенца, который от оспы несколько дней не мог открывать глаз. Добрый старик думал утешить его, привозя к нему разные детские гостинцы, но эти вещи лишь более раздражали больного, потому что не мог их видеть. Тогда он обратился к другому средству: привез к нему свой маленький клавесин, и в каждое посещение играл на нем разные штучки, сидя подле кровати младенца, желая тем сколько нибудь развлекать его и успокоивать».

Июнь, в ночь с 25 на 26. Турецкий порт Чесме (Чесма).

Атака русского флота на укывшийся в порту Чесма турецкий флот. К утру 26 июня весь турецкий флот был уничтожен (сожжен), потери турков составляли до 11 тыс. человек.

Июль–Август. Симбирск.

Получено известие о победном Чесменском сражении.

Дмитриев, 1866. С. 19: «Отец мой, получая при газетах реляции, всегда читывал их вслух посреди семейства. Никогда не забуду я того дня, когда слушали мы реляцию о сожжении при Чесме турецкого Флота. У отца моего от восторга перерывался голос, а у меня навертывались на глазах слезы...».

1772

Сентябрь, 10. Богородское (или Сызрань).

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось двенадцать лет.

Ноябрь, 22.

Записан вместе с братом Александром в л.-гвардии Семеновский полк солдатом.

Дмитриев, 1866. С. 25: «...по тогдашнему обыкновению, еще в малолетстве, в 1772 году, записаны были Гвардии в Семеновский полк солдатами и уволены в отпуск до совершенного возраста»; *Иванов*, 1864. С. 117–126; запись о начале воинской службы А. И. Дмитриева см.: *Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г.* // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.–66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512).

1773

Сентябрь – Ноябрь.

Оренбургская губерния. Начало пугачевщины.

Дмитриев, 1866. С. 21–22: «...Оренбургской губернии в козацком городке Яике, прозванном потом Уральском появился донской козак, прозвищем Пугачов, под именем бывшего Императора Петра Третьего. Он собрал нарочитое войско из тамошних козаков, всякой сволочи, и распространил ужас по всему краю. По случаю войны с Оттоманскою Портою, почти все линейные полки были за границею. Комендант наш Полковник Чернышев тотчас получил повеление, соединясь с двумя ротами Второго гренадерского полка, стоявшего в Казани, с гарнизонным баталионом своим выступить против злодея...».

1773 (Ноябрь, после 13. Симбирск) — 1774 (Москва).

Становится известно о казни, по приказу Пугачева, симбирского военного коменданта полковника П. М. Чернышева и его офицеров. Дмитриевы выезжают в Москву. Жизнь в столице. Знакомство с творчеством В. П. Петрова.

Дмитриев, 1866. С. 22–24: «Симбирск еще не унывал, ожидая последствия похода; но вскоре поражен был известием, что чрез худое распоряжение коменданта весь баталион и гренадерские роты принуждены были сдать мятежникам, а комендант, начальник гренадерских рот Майор Иванов и все офицеры были повешены <13 ноября 1774 г.>. За этим весть за вестью, одна другой ужаснее. Пугачов уже подходил к Оренбургу; так называемые крепостцы, огороженные тыном, уступали многолюдству; коменданты и офицеры в них предавались мучительной казни. Та же участь постигала и всех дворян, попадавших в руки бунтовщиков. Наконец самые крестьяне, обыкновенные игральщица хитрого обольщения, откладывались от своих помещиков. Эта зараза коснулась Пензенской провинции, и уже близка была к Симбирской. Везде волнение, грабеж и кровопролитие...»

... Все наше дворянство из городов и поместьев помчалось искать себе спасения: каждый скакал туда, где думал быть безопаснее. Так и отец мой со всем своим семейством отправился в Москву. Собравшись наскоро, он только что мог доехать до места с теми деньгами, которые на тот раз в наличности у него были. С первых дней приезда уже он начал хлопотать о займе, не имея в столице почти никого знакомых кроме земляков, таких же изгнанников, кои сами нуждались.

В столь тесных обстоятельствах отцу моему конечно было не до того, чтоб думать о продолжении нашего ученья. По крайней мере я и брат мой еще более пристали к чтению русских книг всякого рода. В выборе их руководствовал нас крепостной служитель богатого заводчика Ивана Борисовича Твердышева Дорофей Серебряков, обучавшийся на иждивении господина своего, в Славено-Греко-Латинской Академии при Заиконоспасском монастыре, латинской и русской словесности, а потом у лучших московских докторов врачебному искусству. Известный лирик Василий Петрович Петров был учителем его в красноречии и поэзии. Дорофей часто принашивал нам в листочках оды и другие случайные стихи своего учителя, и досадовал на меня, что я находил язык Петрова тяжелым и неблагозвучным. Мне казались даже смешными рифмы его: *многоочита, сердоболита, хребтощептинный, рамы, пламы* и тому подобные. Тогда я не имел истинного понятия о сущности поэзии, и заключал ее в одной только чистоте слога и гармонии. Помню, что Дорофей однажды рассказывал нам, как он в летние вечера хаживал за поэтом по Кремлю с карандашем в руках и свернутым листом бумаги. Там переводчик Виргилия, окруженный величавыми памятниками и живописными видами отдаленного Замоскворечья, расхаживал взад и вперед, надумывался и сочинял оду на карусель. Это стихотворение сделало его известным Екатерине и приобрело ему приязнь Г. А. Потемкина и покровительство Графа Г. Г. Орлова, бывших потом Светлейшими Князьями. Дорофей читывал нам его послания к первому, когда он еще был Камер-юнкером и после Генерал-Маиором. Поэт называл его своим другом. Тот же тон сохранил он и в позднейших стихах, когда воспеваемый им был уже на высокой степени могущества и славы.

В то же время познакомился я с сочинениями и других писателей: Хераскова, Майкова, Муравьева, бывшего тогда еще Гвардии Измайловского полка Каптенармусом, но уже выдавшего Собрание басен, Похвальное слово Ломоносову, и стихотворный перевод с оригинала Петрониевой поэмы: Гражданская брань. Между тем слушал я иногда привозимые отцу моему стихи Сумарокова. Это уже были последние искры угасающего таланта: но тем с большим участием передавали их из рук в руки. Посещение книжных лавок было любимую моею прогулкою; большая часть их закрывала собою от Воскресенских ворот древнюю церковь Василия Блаженного...».

1774

Январь(?) – Март(?). Москва.

Дмитриевы живут в Москве. Вероятно, в конце марта отъезд матери с «меньшими детьми» в симбирское имение (с. Богородское).

Дмитриев, 1866. С. 24: «...Через несколько месяцев пребывания нашего в Москве прошли слухи, что губерния наша уже вне опасности; что мятежники отбиты от Оренбурга и взяли направление к Дону. Мать моя с меньшими детьми отправилась в отчизну, а отец наш с старшим братом моим и со мною остался весновать, чтобы с первым путем отпустить нас при себе в Петербург для явки в действительную службу».

Май. Петербург. Братья Дмитриевы прибыли из Москвы для поступления в полковую школу. На следующий день по прибытии «явились с паспортами к полковому Маиору Евгению Петровичу Кашкину».

Дмитриев, 1866. С. 25: «...И так в первых днях Мая 1774 года мы уже находились посреди прекрасного Петербурга, но где не было ни одного нам родного дома. Из порядочного московского дома переселились в низменный солдатами домик с платежом по рублю пятидесяти копеек на месяц. На другой день нашего новоселья явились мы с нашими паспортами к полковому Маиору Евгению Петровичу Кашкину, и по приказу его помещены были в полковую школу. В ней обучали только математике, рисованью и на русском языке священной истории и всеобщей географии. Мы с первых недель уже заслужили от рисовального учителя одобрение к переводу во второй класс, но надобно было купить для употребления нашего кисти: учитель сам не удосуживался, а нам не доверял, и мы продолжали рисовать только глаза и уши. Доказательство, в каком состоянии была школа!..».

Июль, 10. Деревня Кючук-Кайнарджи.

Подписание мирного договора между Россией и Турцией.

Июль, 12. Казань.

Сокрушив импровизированную оборону города, Пугачев вступил в Казань. Город был «предан на поток и разграбление», продолжавшиеся с шести часов утра и до полуночи. Затем Казань подожгли с девяти концов: из 2873 домов сгорело 2063.

Дубровин Н. Пугачев и его сообщники... Спб., 1884. Т. III. С. 94.

Июль(?). Москва.

Вторичное возвращение И. Г. и Е. А. Дмитриевых из Симбирска.

Дмитриев, 1866. С. 25–26: «...Самозванец Пугачов опять усилился. Он уже истребил многие дворянские семейства в Пензенской провинции; вступил в Казань, разорил ее и всю выжег. Многие из обывателей преданы были смерти, в том числе и слепой, столетний старец, отставной Генерал-Маиор Нефед Никитич Кудрявцев. Злодеи ворвались в монастырь, нашли его сидящим подле раки с мощами святого угодника. Одна только крепость, хотя и без правильных укреплений, спасла Губернатора Фон-Брандта и несколько дворянских семей. Пугачов не имел времени овладеть ею. Он спешил оставить дымящийся город, узнав о приближении кавалерийского Полковника Михельсона. Этот проворный и неустрашимый воин везде преследовал его с передовым конным отрядом и наносил ему более всех вреда и страха.

Мы поражены были этим известием: полагали, что и Симбирск, отстоящий только во сто семьдесят верстах от Казани, не миновал равного жребия; к счастью нашему вскоре потом порадованы были письмом от родителей. Видя близкую опасность, они вторично расстались с своею отчизною и прибыли в Москву...».

Июль, 27. Саранск.

«...Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством... Триста человек дворян, всякого пола и возраста, были им тут повешены...».

Пушкин. История Пугачева. Акад., IX (1). С. 71, 116–146 (список повешенных).

Среди повешенных дворян были: Егор Иванович Пазухин, его жена – Мария Алексеевна и их дети: сын – Алексей Егорович, дочери – Анна и Елизавета Егоровны (Акад. IX (1). С. 130).

Егор Иванович Пазухин приходился двоюродным братом матери Н. М. Карамзина — Екатерине Петровне Карамзиной, урожденной Пазухиной. По преданию, Егора Пазухина и его семью бунтовщикам выдали крестьяне.

Брат Екатерины Петровны Карамзиной — Петр Петрович Пазухин — построил в с. Засарье, родовом имении Пазухиных (ныне с. Засарье, Сурского района, Ульяновской обл.), и 22 Мая 1783 г. освятил церковь «в память невинно убиенных и в благодарность за спасение и избавление от навета и смерти со всеми его домочадцами во время бывшего в 1774 г. июле месяце от подлаго народа мятежа по возмущению бунтовщика и самозванца беглага (sic) донского казака Емельки Пугачева...» (*Пазухин А. А. Родословная Пазухиных. П., 1914. С. 10*). Пушкин мог знать эту трагическую историю родственников Н. М. Карамзина от И. И. Дмитриева, который, несомненно, знал ее в подробностях.

Внук П. П. Пазухина, Петр Сергеевич Пазухин был женат на племяннице И. И. Дмитриева Елизавете Николаевне Дмитриевой.

Сентябрь, 10. День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось четырнадцать лет.

Октябрь, 2. Симбирск.

А. В. Суворов привозит «прямо на двор к графу Панину» плененного Пугачева.

Суворов А. В. Письма. М., 1987. С. 501; Записки П. С. Рунича // РС. 1870. Т. II (изд. третье). С. 145—151.

Дмитриев, 1866. С. 26: «...счастливый Симбирск увидел Пугачева уже не с грозным мечем, но в позорных оковах. Войска наши, под распоряжением Суворова, бывшего тогда еще Генерал-Маиором, разбили его под *Черным-Яром*, остатки толпиц загнали в степь и при урочище *Узени* заградили ему пути к получению съестных припасов. Мятешники, устрасясь изнурения голодом, начали разбегаться. Девятеро из урядников самозванца сковали ему руки и ноги и представили его Коменданту Яицкой Крепости. Суворов переслал его в Симбирск, откуда начальник армии, Граф Петр Иванович Панин, отправил его в Москву под прикрытием многочисленного отряда. Поэт Сумароков воспел достопамятную судьбу Симбирска в стихах, вероятно ныне известных одним моим ровесникам:

Прогнал ты Разина стоявшим войском твердо,
Симбирск и удалил ты гордого врага и пр.»

1774. Ноябрь — Декабрь. Москва.

Вместе с братом в составе первого батальона л.-гвардии Семеновского полка прибыл из Петербурга.

Дмитриев, 1866. С. 26—27: «К этой радости нашей присоединилась другая, свидание с отцом и матерью. В конце года последовал мир с Турками. Императрица вознамерилась торжествовать его в древней столице. Гвардия получила повеление готовиться к походу, назначено было с каждого полка по одному баталиону. Многие малолетки из нашей школы, в числи коих и я с братом, стали просить о причисления к походному баталиону. Снисходительный начальник, желая доставить радость отцам и матерям, уволил всех нас в месячный отпуск с тем, чтобы мы по приходе баталиона в Москву явились к адъютанту для дальнейшего об нас распоряжения.

И так мы опять в Москве, и посреди родимого семейства. Но свидание мое с отцом было на короткое время: он отправился в Симбирск, а семейство еще осталось. Вторичный приезд наш в Москву был для нас как будто переходом из отроческого возраста в юношеский. Здесь я в первый раз начал знакомиться с обязанностями воинской службы. Все молодые охотники из полковой школы стали поочередно ходить на вести к адъютанту. Явиться к нему в семь часов утра, выстоять около часа против его уборного столика, выпить у начальника чашку чая и возвратиться домой; в случае же пожара, когда бы то ни было, узнать, где горит, и немедленно о том донести: вот и все, в чем состояла первоначальная моя служба...».

1774. Симбирск(?).

Кончина Е. Г. Карамзиной, урожденной Дмитриевой.

1775

Январь, 10. Москва.

Дмитриев и его брат Александр присутствуют на казни Е. Пугачева.

Дмитриев, 1866. С. 27–29: «В скором времени по прибытии нашем в Москву я увидел позорище, для всех чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь. Жребий Пугачова решился. Он осужден на четвертование. Место казни было на так называемом *Болоте*.

В целом городе, на улицах, в домах, только и было речей об ожидаемом позорище. Я и брат нетерпеливо желали быть в числе зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. По убеждению одного из наших родственников, она вверила нас ему под строгим наказом, чтоб мы ни на шаг от него не отходили.

Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностью описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось.

В десятый день Января тысяча семьсот семьдесят пятого года, в восемь или девять часов по полуночи приехали мы на Болото; на середине его воздвигнут был эшафот или лобное место, вокруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Тут же находился и Обер-Полицеймейстер И. П. Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте или помосте лобного места увидел я с отращением в первый раз исполнителей казни. Позади Фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запяжки карет и колясок. Вдруг все восколебалось, и с шумом заговорило: *везут, везут*. Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной величины сани, и в них сидел Пугачов; насупротив духовник его, и еще какой-то чиновник, вероятно секретарь Тайной Экспедиции. За санями следовал еще отряд конницы.

Пугачов, с непокрытою головою, кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные, и небольшую бороду клином.

Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачов и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников, едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово *на караул* и один из чиновников начал читать манифест; почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, Обер-Полицеймейстер спрашивал его громко; «ты ли донской казак Емелька Пугачов?» Он отвечивал столь же громко: «Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы. Емелька Пугачов». Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился; между тем сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой, и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их, и пошел с эшафота; читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачов сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал проситься с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный» — При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаныя. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же.

Не утаю, что я при этом случае заметил в себе что-то похожее на притворство, и сам осуждал себя: как скоро Пугачов готов был повалиться на плаху, брат мой отворотился, чтобы не видеть взмаха топора: чувствительное сердце его не могло выносить такого позорища. Я притворно показывал то же расположение; но между тем, украдкою, ловил каждой движение преступника. Чтож этому было причиною? Конечно не жестокость моя; но единственно желание видеть, каковым бывает человек в толь решительную, ужасную минуту...».

Январь, 25. Москва.

Торжественный въезд имп. Екатерины II и Великого Князя Павла Петровича.

Дмитриев, 1866. С. 30: «Вскоре после этого происшествия <казни Пугачева> последовало торжественное шествие в Москву победительницы внешних и внутренних врагов своих. С прибытием двора, день от дня, более стало прибывать иногороднего дворянства: роскошь удвоилась; промышленность усилила свою деятельность; в обществе начались непрерывные праздники, а при дворе приготовления к великолепному торжествованию славного мира с Оттоманскою Портою; но я не имел удовольствия быть зрителем народного пира на Ходынке, ни входа победителя и миротворца Графа Румянцева-Задунайского в триумфальные ворота, нарочно для него устроенные. По крайней мере не стыжусь и теперь с поэтическим участием повторить последнее двоестие из послания, поднесенного на этот случай знаменитому полководцу, столь несправедливо забытым ныне, Петровым.

Вот как сильно и кратко изобразил поэт могущество Екатерины:

Речет, да гибнет враг: и сходит быстро мечь!
Да грянет гром: гремит! да будет мир: и есть.

Март, 17. Петербург.

Манифест по случаю окончания войны с Турцией.

Март, 26. Москва.

Дмитриев произведен в капралы.

Бантыш-Каменский, 1834. Т. I. С. 537.

В этот же день в капралы был произведен и старший брат — А. И. Дмитриев (см.: *Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г.* // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512)).

Апрель, 21. Москва.

Произведен в фурыеры.

Дмитриев, 1866. С. 30—31: «Мать моя со всем семейством отправилась в отчизну, оставя меня с братом у родного нашего дяди Петра Афанасьевича Бекетова, в надежде перемены нашего звания. Ожидание наше было не долговременно: чрез ходатайство другого нашего дяди, Сенатора Никиты Афанасьевича Бекетова, Подполковник наш Граф Брюс произвел нас, чрез чин, прямо в Фурыеры».

О производстве А. И. Дмитриева в фурыеры см.: *Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г.* // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512).

Июль, 10. Москва.

Лейб-гвардии Семеновский полк на молебствии по случаю заключенного мира с Турцией.

Дирин, 1883. Т. 1. С. 290. Братья Дмитриевы несомненно присутствовали в составе л.-гвардии Семеновского полка на этом молебствии.

Июль, 20. Москва.

Семеновский л.-гвардии полк «выступил в лагерь на Ходынку».

Дирин, 1883. Т. 1. С. 290.

Июль (в конце месяца?). Москва.

Получил годовой отпуск и с братом Александром «отправились в деревню к родителям» в с. Богородское.

Дмитриев, 1866. С. 31: «...Потом мы получили годовой отпуск, и отправились в деревню к нашим родителям».

Сентябрь, 10. Богородское (или Сызрань).

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось пятнадцать лет.

1776

Февраль, 10. Петербург.

Дмитриев произведен в подпрапорщики.

Бантыш-Каменский, 1834. Т. I. С. 537.

В этот же день в подпрапорщики был произведен старший брат — А. И. Дмитриев (см.: Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512)).

Сентябрь, 10. Богородское(?). День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 16 лет.

1776. Дмитриев знакомится с поэзией Г. Р. Державина.

Дмитриев, 1866. С. 52: «...Поэзия Державина известна мне стала еще с 1776 года. Около того времени первые произведения его вышли в свет без имени автора, из типографии Академии Наук, под названием: *Оды, сочиненные и переведенные при горе Читалагае*. Это было, как я после узнал, плоды кратких досугов его в военном стану, посреди уфимских степей. Тогда он, в числе гвардейских офицеров, находился для разных поручений при Александре Ильиче Бибикове, предводителе войск против бунтовщика и самозванца Пугачова».

1777

С семьсот семьдесят седьмого года начались первые мои опыты в рифмовании, — мне совестно сказать в поэзии. Не выдав еще ни одной книги о правилах стихосложения, не имея и понятия о метрах, о разнородных рифмах, о их сочетании, я выводил строки и оканчивал их рифмами: это были стихи мои. Первоначальные были большею частию сатирические. Все они брошены в огонь, коль скоро я узнал о их неправильности. Одна только надпись, хотя и погребена во мраке неизвестности, но к стыду моему еще существует. Вот ее история...

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь

Январь, 6 ... Июнь, 2. Петербург.

Н. И. Новиков издает и редактирует «Санктпетербургския Ученыя Ведомости на 1777 год». Еженедельник выходил по пятницам; всего вышло 22 номера.

Дмитриев, 1866. С. 32—33: «Николай Иванович Новиков издавал в Петербурге еженедельник под названием: *Ученые Ведомости*. В одном номере этих Ведомостей предлагаемо было нашим поэтам сочинить надписи к портретам некоторых из отличных наших соотечественников; на первый же случай, к изображению духовного оратора Феофана Прокоповича; остроумного поэта Князя Антиоха Кантемира; живописца Лосенкова; портретного гравера Чемезова. Едва я прочитал этот вызов, как вспыхнуло во мне дерзкое желание быть в числе сподвижников. Журнальный листок принесен был ко мне в ту минуту, когда я отправлялся в трехдневный полковой караул. Итак, положи листок в грудной карман, пошел я с ружьем в руке на полковой двор и привел оттуда мою команду на так называемый *Средний Пикет*, поставленный позади полка в поле, где по летам бывало ученье, ротное и баталионное. Там, в низкой и тесной хижине, называвшейся караульною, окруженной сугробами снега, в куче солдат, я надумывался, как бы мне выхвалить Кантемира. Стихотворения его мне уже были известны; служба его также из *Опыта Исторического Словаря о Руских Писателях* того же Новикова. Думал, думал, и на силу докончил мою надпись. Настала другая забота: чтобы не забыть ее до смены, ибо со мною не было ни карандаша, ни бумаги. Целый день я твердил ее; даже всю ночь терпел бессонницу. Наконец пришла смена: я бегу домой; тотчас пишу стихи мои четким почерком на хорошей бумаге, и отправляю их при письме к издателю *Ученых Ведомостей...*».

Февраль, 15. Петербург.

Произведен в каптенармусы. Вероятно, вместе с братом Александром.

Бантыш-Каменский, 1834. Т. I. С. 537. О производстве А. И. Дмитриева в каптенармусы см.: Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512).

Апрель, 14. Страстная Пятница. Петербург.

В «Санктпетербургских Ученых Ведомостях» (№ 15. 14 апреля. С. 117) напечатана

Надпись князю Антиоху Димитриевичу Кантемиру («Се князь изображен Молдавский Кантемир...»). Подпись: Сочинил Иван Дмитриев.

Это первое печатное стихотворение И. И. Дмитриева, а день 14 апреля 1777 г. «есть день, в который началось его литературное поприще».

Стихотворению предпослано замечание редактора: «Мы сообщаем здесь еще одну Надпись, полученную нами на страстной неделе от г. Дмитриева с искренним нашим желанием хороших успехов во стихотворстве г. сочинителю сея Надписи. Она здесь следует».

Дмитриев, 1866. С. 33: «Чрез неделю я вижу надпись мою уже в печати! Приятель и сослуживец мой Н***, живший со мною, поздравляет меня с успехом; так он заключал из отзыва издателя, состоявшего только в том, что он желает хороших *успехов* неизвестному сочинителю надписи. Самолюбие мое не помешало мне понять всю силу подчеркнутого слова; однако я остерегся выводить приятеля моего из заблуждения».

Апрель, 16. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Сентябрь, 10. Петербург(?).**

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 17 лет.

1777–1778. Петербург.

Письмо к И. П. Бекетову в Москву:

«Любезный братец Иван Петрович!

Доношу о себе, что третьяго дня мы прибыли благополучно. Чтож со мною по сей день произошло, о том начну уведомлять, образом поденной записки.

Вчера. Повешено было всех рот унтер-афицерам быть на полковой двор. На смотр к графу <Салтыкову>. Я был в числе визитторов, поколику обо мне не отдано было еще в приказе. Его Сиятельство смотрел каждого порознь: иног от-мечал в гранадерской убор, инова во фрунтовья, инова в негодяи, делая при том каждому по несколько посторонних вопросов. При сем случае произошло весьма достопамятное и достойное такога мужа, каков его С.[иятельство], дело. Между прочими у.[нтер]-а.[фицерами] предстал пред него один унт.[ер]-аф.[ицер], сын барабанщиковой жены, котораго свободоязычники называли незаконным порождением. Граф, осмотра его, отпустил; потом, поворотя опять, сказал всему собранию следующее: Господа афицеры! Многие почитают, будто етот у.[нтер]-а.[фицер] есть плод моей фабрики; однакож я уверяю вас, что порицают меня етим напрасно. Вот прямо поступок искренной души и приличный нынешнему времени, т.-е. великому посту, в который каждый христианин имеет долг исповедывать грехи свои и от них очищаться!

Сего дня располагался я быть у Хвостова и у прочих знакомцев. Однакож разбужден был егарем, который принес мне известие, чтоб я шел к графу. Пришедши к нему, спрашивал он меня, отколе я из поместья, долго ли где был в отпуску, потом назначил в гранадерский убор.

Вот все, что со мною по сей день произошло. Теперь, пожелав вам благополучнаго в низовые пределы пути, навсегда имею честь быть ваш, Милостиваго Государя, покорный слуга и брат

Иван Дмитриев.

С в я т к и

В России лишь узнали
 Рождение Х...
 Отвсюду поспешали
 В священные места
 Писателей толпы Х... на поклоненье
 Иныя, чтоб дитя узреть
 Другия, чтоб с ослом иметь
 Приязнь и обхождение.
 Из первых приближался
 С посланием Хвостов * (примеч.: Александр Семенович)
 Младенец испугался
 Его обиняков –
 Вскричал: не тронь! тебя я не замаю!
 Не бось, вещал ему Хвостов
 Я только лишь одних скотов
 В стихах моих караю
 Но только лишь ввалился
 Фон-Визин вздернув нос
 Тотчас отворотился
 Заплакавши Хр...
 И ангелам сказал: зачем ево пустили
 Моим писаньем он шутил * (примеч: Ф. В. обыкновенно
 шутил в комедиях своих на шот
 Священнаго Писания)

Так вы б ево, лишь он вступил
 К ослу и проводили.

 Потом стихотворитель
 Микулин прибежал
 Крича: тебе Спаситель
 Я оду написал
 Вели чтоб к оной все вниманье приложили
 Но ах! лишь начал он читать
 Осел так сильно стал визжать
 Что их не различили.

На визг осла светова
 Капнист во хлев спешил
 За брата он роднова
 Осла давно уж чтил
 И тут хотел отдать поклон ему усердной
 Прочь, прочь! сказал ему осел
 Визжаньем ты вредить хотел
 А я осел безвредной.

 За ним Арсеньев следом
 Прославиться хотя
 С украденным обедом ** (примеч.: Он зделал
 подражание (Буало))

 При шел перед дитя
 Х... ему сказал хоть ты имеешь пару
 Мидасовых мой друг ушей
 Однакож рук ево ей ей
 Иметь не можешь дару *** (примеч.: Мидасовы
 руки имели дар превращать в
 золото все, до чего бы он не
 дотронулся)

Арсеньев осердился
 Ему смеялся всяк...
 Но младший появился
 Хвостов **** (подстроч. примеч.: Д. И.) вещая так:
 Я басенку скажу дитяте в утешенье
 Х... был слушать басни рад
 Он знал творца хороший склад
 И их употребленье.
 Спокойно все сидели
 Читать хотел Хвостов
 Вдруг двери закрипели
 И входит Колычов * (примеч.: Василий Петрович,
 Сочинитель драмы Адельсон и пр.)
 Кричит: давно прочесть трагедию старался
 Но только молвил: Адельсон
 На всех напал ужасный сон
 И он с ослом остался.

К: Дмитрий Горчаков

Н. Ф. Гарсону прошу засвидетельствовать усердное мое почтение.

На д п и с ь к д о м у в е л и к а г о Л о м о н о с о в а .

На месте, где была Троянская столица,
 У бедных рыбаков посеяна пшеница;
 В том Капитолии, судились где цари,
 Уж в наши времена живут пономари:
 Дом Ломоносова, безсмертного пииты,
 Жилищем сделался Демидова Никиты».

Приписка А. И. Дмитриева:

«И я вам, любезный братец Иван Петрович, свидетельствую мое почтение и о себе скажу, что я право замучен должностью: через три дни все хожу дnevать, а с весною я думаю беспокойство еще усугубится. Граф <Салтыков> наш каждую неделю посещает полковой двор; но важного еще ничего нет, а все его визиты оканчиваются пустяками или бранью на тех, кого судьба приведет по несчастью первому ему на глаза попасться. Суди, братец, по сему, как весело нам здесь жить.

Прости, любезный друг, и будь уверен, что я навсегда пребуду
 вернопокорнейшим слугою Александр Дмитриев».

На обороте: «Милостивому Государю Ивану Петровичу Его благородие Бекетову. В Москве в доме Господина Полковника Петра Афанасьевича Бекетова на Алексеевской улице в приходе Симиона Столпника».

Впервые полностью с сохранением орфографии подлинника: *Щукинский Сборник*, 1903. Вып. II. С. 259–262. Ранее печаталось в отрывках: *РА*, 1880. III. С. 392–393; *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 177–178.

1778

Январь, 7. Петербург.

Дмитриев произведен в сержанты.

Бантыш-Каменский, 1834. Т. I. С. 537.

В этот же день в сержанты был произведен и старший брат — А. И. Дмитриев (см.: *Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г.* // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512)).

Сентябрь, 10.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 18 лет.

1780

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 20 лет.

Ноябрь, 16. Ревель (Колывань).

Рождение Екатерины Андреевны Колывановой (внебрачной дочери кн. Андрея Ивановича Вяземского и Елизаветы Карловны Сиверс), единокровной сестры кн. Петра Андреевича Вяземского).

С 8 января 1804 г. – жена Николая Михайловича Карамзина.

1781

Апрель, 4. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 28. Петербург. Преображенский полк.

Карамзин произведен в подпрапорщики.

1781(?). Апрель (не ранее 28-го)(?) – Сентябрь (до 11-го)(?). Петербург.

Начало знакомства братьев Дмитриевых с Н. М. Карамзиным. Вначале Карамзин «более сблизился со старшим Дмитриевым – Александром Ивановичем».

Дмитриев, 1866. С. 39–40: «С приближением юношеского возраста Карамзин отправлен был в Москву и отдан в учебное заведение г. Шадена, одного из лучших профессоров Московского Университета, где и находился до вступления в настоящую службу. По тогдашнему обыкновению, или злоупотреблению, в гвардейских полках, он записан был, так же как и я, еще малолетним в Преображенский полк Подпрапорщиком. С того времени началось наше знакомство, и вот каким образом: однажды я, будучи еще и сам Сержантом, возвращаюсь с прогулки, слуга мой, встретя меня на крыльце, рассказывает мне, что кто-то ждет меня, приехавший из Симбирска. Вхожу в горницу, и вижу румяного, милостивого юношу, который с приятною улыбкою вручает мне письмо от моего родителя.

Стоило только услышать имя Карамзина, как он уже был в моих объятиях; стоило нам сойтись два, три раза, как мы уже стали короткими знакомцами.

Едва ли не с год мы были почти неразлучными; склонность наша к словесности, может быть, что-то сходное и в нравственных качествах укрепляли связь нашу день от дня более. Мы давали взаимный отчет в нашем чтении; между тем я показывал ему иногда и мелкие мои переводы, которые были печатаемы особо, и в тогдашних журналах. Следуя моему примеру, он и сам принялся за переводы. Первым опытом его был *Разговор Австрийской Марии Терезии с нашей Императрицею Елисаветою в Елисейских полях*, переложенный им с немецкого языка.

Я советовал ему показать его книгопродавцу Миллеру; который покупал и печатал переводы, платя за них, по произвольной оценке и согласно с переводчиком, книгами из своей книжной лавки. Не могу и теперь вспомнить без удовольствия, с каким торжественным видом добрый и милый юноша Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика *Фильдингова* Томаса-Ионеса (Том-Джона), в маленьком формате, с картинками, перевода Харламова. Это было первым возмездием за словесные труды его...».

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнился 21 год.

Сентябрь, 11. Петербург.

Запись в книге полковых и именных приказов по Преображенскому полку:

«1781 года, лейб-гвардии преображенского полку в полковой канцелярии того же полку отпущенные в дома по нуждам унтер-офицеры, капралы и прочие дали сей реверс в том, чтоб на данные им в паспортах сроки неотменно явиться к полку, и будучи в том отпуску никаких противных указом поступков не чинить, во исполнение чего у сего подписуются...» <следуют до конца книги росписи отпусков».

ных; на л. 114, под 11 сентября записано рукою писаря>: «Подпрапорщик Николай Карамзин на год».

Потом рукою Карамзина: «Синбирского уезда в село Знаменское, пашпорт взял Подпрапорщик Никалай Карамзин» (правописание подлинника; это самая ранняя из известных нам надписей Карамзина).

Пекарский. О годе рождения Карамзина // Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб, 1866. С. 463 (приложение VI).

Октябрь, 1. Симбирск (село Тургенево, Симбирская губ.).

Рождение Андрея Ивановича Тургенева.

1782

Май. Петербург.

В майской книжке еженедельника «Утра, Еженедельное издание, или Собрание разного рода новейших сочинений и некоторых переводов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге Российских книгах» напечатаны:

«Идиллия» («Умолкни, ветерок, забудьте, птички петь...») – С. 9; без подписи.

«Стихи на кончину доктора Вира» («Что вижу? злая смерть днесь косу поднимает...») – С. 11; без подписи.

Ни в одно из изданий сочинений Дмитриев эти стихотворения не включил.

Дмитриев, 1866. С. 36–37: «Между порицателями вкуса и строгими судьями, заметил я однажды незнакомого мне, малорослого человека, по-видимому довольно бойкого. Он критиковал нещадно игру актера Плавильщикова. Я принял смелость напомнить ему его молодость, еще малую опытность. «По крайней мере, говорил я, он и теперь уже лучше всех своих сверстников. Соглашусь с вами, что иногда он слишком кричит, горячится, невпопад произносит слово, или размахивает руками; но у него звонкий голос, выразительное, пригожее лицо, свободная и благородная поступь. Притом же видишь, что он не хочет обезьянить Дмитревского, но сам силится обдумывать игру свою, а это уже верный признак природного таланта» – Малорослый ни в чем со мною не соглашался. – «Сверх того, продолжал я, он лучше многих своих товарищей понимает автора драмы, и красоты или недостатки сочинения: он сам был студентом, и упражняется в словесности». – Прекрасный словесник! подхватил незнакомец, пишет площадные комедийки и выдает дрянной журнал! Я ничего не читал глупее стихов, напечатанных в последнем его листочке. Тогда Плавильщиков издавал еженедельник под заглавием *Утро*. «Какие?» – спросил я. – Вялая Идиллия и Элегия на смерть какого-то доктора. Это ужас!

И это были мои стихи! Признаюсь, что я был поражен его словами. Они непрестанно отзывались в ушах моих, и мешали мне брать участие в игре актеров. Едва я возвратился домой, как тотчас бросился читать критикованные стихи мои. Увы! Они уже и самому мне нравились меньше. На другой день опять прочитал мои стихи, и нашел их еще худшими! С той минуты я вразумился, что еще рано мне выдавать мои произведения, и положил хранить их до времени под спудом.

Спустя уже несколько лет после того я нечаянно застал аристарха моего в кабинете Гаврилы Романовича Державина; с каким нетерпением ждал его выхода, чтоб узнать об его имени! – Это был Иван Иванович Шильд, бывший Обер-секретарем в Сенате».

Еженедельник «Утра...» выходил с мая по сентябрь 1782 г. (вышло 20 №№). Издатель: П. А. Плавильщиков. В изд. участвовали И. И. Дмитриев и Я. Б. Княжнин.

Июнь. Петербург.

В июньской книжке еженедельника «Утра» напечатана «Эпиграмма» («По-что Софрона осуждают...») – С. 24; без подписи.

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 22 года.

Сентябрь, 10. Петербург.

В книге полковых приказов (л. 111) записано:

«...явшихся(!) из отпуска подпрапорщика Николая Карамзина передать в бомбардирскую роту, а из 14 исключить; о службе сообщить... <следуют имена сослуживцев Карамзина, вернувшихся из отпуска>».

Погодин. Приложение. С. 21; *Пекарский*. О годе рождения Карамзина // Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб, 1866. С. 463 (приложение VI).

1782. Симбирск (?).

Кончина Михаила Егоровича Карамзина.

После кончины М. Е. Карамзина осталось недвижимого имения: «Симбирского наместничества Сенгилеевской округи село Знаменское, Карамзино тож, и село Ясашная Ташла; Уфимского наместничества Бугурусланской округи деревня Ключевка и Бузулукской округи село Преображенское, Михайловка тож» (*Сиверс*, 1913. С. 144; *РС*. 1898. № 2. С. 433–434).

1782. Сенгилей, Симбирская губерния.

Учреждение опеки над малолетними Карамзиными и первый раздел недвижимого имения покойного капитана Михаила Егоровича Карамзина.

С позволения Сенгилеевской дворянской опеки «между опекунами над малолетними детьми от первого брака его старшего их брата Василия и от второго брака дяди их надворного советника Ивана Гавриловича Дмитриева, согласно которому произведен был двухчастный раздел этих имений, а именно в селах Преображенском и Знаменском и из пустовых земель и прочих угодий выделены были Александру одна четвертая, а сестре его Марфе указная части, им же уступлена, оставшаяся после смерти их матери указная часть отца в ее имении селе Богоявленском Сызранской округи, взамен чего дети от первого брака оставили себе соответствующее число душ из имений отца и землю, доставшуюся ему купчей крепости от фурьера Григорья Фадеева сына Суворцева в деревне Ключевке Бугурусланской округи; доставшееся на их долю имения сыновья от первого брака разделили на три части — Василий и Федор получили свои части в селе Преображенском и в селе Знаменском, а Ключевка досталась одному Николаю» (*Сиверс*, 1913. С. 144).

1783

Январь, 29.

Рождение Василия Андреевича Жуковского.

Февраль, 6. Петербург.

В книге полковых приказов (л. 23 об.) внесено: «...числить в отпуске: из сержантов Александра и Дмитрия Норовых — год; Федора Назимова, каптенармуса Николая Карамзина — 11 месяцев».

Пекарский. О годе рождения Карамзина // Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб, 1866. С. 464 (приложение VI). М. П. Погодин высказывает предположение, что этот отпуск был началом отставки (*Погодин*. Приложение, 21).

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 23 года.

1783. Петербург.

В 4-й части «Собеседника Любителей Российского Слова» (С. 110) напечатаны четыре эпиграммы:

«Эпиграмма 1» («Хотел бы Лизу я иметь моей женой...»);

«Эпиграмма 2» («За что Ликаста осуждают...»);

«Эпиграмма 3» («Азор смеется надо мною...»);

«Эпиграмма 4» («Скажи, мой друг чистосердечно...»).

Все четыре эпиграммы напечатаны без подписи. Вторая эпиграмма была опубликована годом ранее в майской книжке еженедельника «Утра» (С. 24; без подписи). М. Н. Лонгинов в «Материалах для полного собрания сочинений И. И. Дмитриева» (*РА*. 1863. № 8–9. Стб. 711) поместил эти эпиграммы (кроме второй) в раздел произведений Дмитриева, не вошедших в издание его сочинений 1814 года (Лонгинов в примечании называет это издание «исправнейшим и притом полнейшим»), т. е. для Лонгинова вопрос об авторстве этих эпиграмм Дмитриева не стоял. Однако в издании «Дмитриев, 1966» Г. П. Макогоненко поместил эти эпиграммы в раздел «Приписываемое», правда, косвенно признавая их автором Дмитриева (С. 467).

1783. Петербург.

Выходит в свет первая печатная публикация Н. М. Карамзина, перевод идиллии Саломона Геснера (Gessner S.) «Der hölze rne Bein. (Eine Schweitzer-Idylle).

1772»: «Деревянная нога, швейцарская идиллия гос. Геснера / Пер. с нем. Никол. Карамз. СПб., 1783».

Маловероятно, чтобы Дмитриев с братом не получили от Карамзина по экземпляру этого перевода.

1783. Симбирск.

При Приказе общественного призрения открыта первая книжная лавка. В лавке продавались преимущественно учебная литература и книги, изданные Новиковым и Московским Университетом. Комиссионером Новикова в Симбирске был Иван Васильевич Ко(а)любакин.

Мартынов И. Ф. Книга в русской провинции 1760—1790 гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 122.

С И. В. Ко(а)любакиным и его сыном, «коротко» знакомы были как Н. М. Карамзин, так и братья А. И. и И. И. Дмитриевы.

1784

Март (?). Москва.

Приезд Дмитриева из Петербурга. Посещение жилья Карамзина и Петрова у Меньшиковой башни в старинном каменном доме, принадлежавшем Дружескому Ученому Обществу.

Дмитриев, 1866. С. 43: «...Карамзин полюбил Петрова, хотя они были не во всем сходны между собою: один пылок, откровенен, и без малейшей желчи, другой угрюм, молчалив, и подчас насмешлив. Но оба питали равную страсть к познаниям, к изящному; имели одинаковую силу в уме, одинаковую доброту в сердце; и это заставило их прожить долгое время в тесном согласии под одною кровлею у Меньшиковой башни, в старинном каменном доме, принадлежащем *Дружескому Обществу*. Я как теперь вижу скромное жилище молодых словесников; оно разделено было тремя перегородками; в одной стоял на столике, покрытом зеленым сукном, гипсовый бюст мистика Шварца, умершего незадолго пред приездом моим из Петербурга в Москву; а другая освящена была Иисусом на кресте, под покрывалом черного крепа. Карамзин оплакал раннюю смерть своего товарища в сочинении: *Цветок над гробом Агатона*».

Март, 27. Село Тургенево (Симбирская губ.).

Рождение Александра Ивановича Тургенева.

1785

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 25 лет.

<Осень, 1785, Москва>.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Петербург:

«Любезный друг Иван Иванович!

Вы в начале письма вашего имяновали меня М.[илостивый] Г.[осударь]; но имянование *друга* мне бы приятнее было слышать из уст твоих. Вы радуетесь, что я начал пользоваться спокойною и приятною жизнью, то вместо моего на сие ответа, потрудитесь прочесть несколько начальных строк письма моего к Александру Ивановичу. Следующее потом в письме, вашем возклицание, открывает, как мне кажется, некоторым образом неудовольствие ваше на настоящую участь вашу; но позволь мне, любезный друг, сказать, что независящее от нас самих, не должно угнетать нас. — Поэма: *Возрожденный Владимир* еще печатается. Письмо ваше к Ивану Петровичу <Тургеневу> я отослал. Дружба ваша ко мне позволяет мне надеяться, что переписка наша продолжится, и подаст мне случай, чаще уверять вас в моей к вам преданности и моем к вам почтении. *Сии* чувства сохранит к вам навсегда покорнейший ваш слуга Николай Карамзин.

Прости мне, любезный друг! что во многих местах письмо замарано; я б конечно переписал оное, естли б не уверен был, что сие вы без замечания пропустите».

Карамзин, 1866. С. 1–2 (№ 1). Здесь сохранена орфография подлинника.

1786

Февраль, 17. Петербург.

В «СПб. Ведомостях» (№ 14) напечатано объявление и условия подписки на «Зеркало Света еженедельное издание».

Февраль, 23. Петербург.

В «Зеркале Света» (Ч. 1. № 3. С. 43–58; без подписи) напечатан перевод Дмитриева из Мерсье: «*Философ живущий у хлебного рынку*».

Ч. 1 (№№ 1–17) выходили с 9 февраля по 24 мая.

Март, 2. Петербург.

Выходит 4-й № «Зеркала Света», в котором напечатан перевод: «*Жизнь гр. Н. И. Панина*» (Ч. 1. С. 73–81; без подписи). Переводчик: И. И. Дмитриев.

Апрель, 12. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Сентябрь, 10. Москва.**

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 26 лет.

Октябрь, 19. Москва.

Запись в цензурной ведомости: «Получена Трагедия Юлий Цезарь. “Сия Трагедия в оригинале и экземпляр печатной доставить цензору, и не прежде оную выпустить в свет, пока от него не получу дозволения, обязуюсь поручик Николай Карамзин”».

Смирнов С. Цензурные ведомости 1786—1788 годов // Оснадцатый век. Кн. первая. М., 1868. С. 437.

1786. Петербург.

<Мерсье Л. С.> «*Философ живущий у хлебного рынку*», (Изд. 2-е. СПб., в тип. Вильковского и Галченкова).

СК. II. № 4173.

1786. Москва.

Встреча Дмитриева с Карамзиным и Петровым.

Дмитриев, 1866. С. 43: «...После свидания нашего в Симбирске, какую перемену нашел я в милом моем приятеле! Это был уже не тот юноша, который читал все без разбора, пленялся славою воина, мечтал быть завоевателем чернобровой, пылкой Черкешенки; но благочестивый ученик мудрости, с пламенным рвением к усовершению в себе человека. Тот же веселый нрав, та же любезность, но между тем главная мысль, первые желания его стремились к высокой цели. Тогда я почувствовал пред ним всю мою незначительность и дивился, за что он любит меня еще попрежнему! Мы прожили недолго вместе. После того еще несколько раз встречались в Москве, и, наконец, разлучились уже на долгое время: он отправился в чужие края; но не на счет Общества, как многие о том разглашают, а на собственном иждивении. Со дня вступления его в Дружеское общество до путешествия, он перевел и выдал с немецкого языка: два или три тома *Штурмовых Размышлений*, под заглавием, помнится мне, *Беседы с Богом*; Галлерову поэму, *О происхождении зла*; Лессингову трагедию, *Эмилия Галотти*; и Шекспирову, *Юлия Цесаря*; одну песнь (ненапечатанную) из Клопштоковой поэмы: *Мессада*; с французского: *Les veillées du chateau*, и за отсутствием Петрова продолжал около года *Детское Чтение*, в котором напечатал первую повесть, им сочиненную, и первые опыты свои в поэзии».

1786(?). Декабрь, 26. Петербург.

Письмо к П. П. и И. П. Бекетовым в Москву:

«Любезные братцы Платон Петрович и Иван Петрович.

Здравствуйте, поздравляю вас со вчерашним праздником; ваша участь день от дня для меня завиднее. Будучи по несчастью поэт, я всякий день летаю воображением около вас и вижу, с каким свежим румянцем просыпаетесь вы около одиннадцатого часа, с какою живостию каждый с своей постели пересыпает друг к другу невинные шутки, сопровождаемые дружбой и смехом, пьете не торопясь чай

или кофе, принимаетесь за свои упражнения, садитесь за жирный стол, а вечером играете в карты, ворожите, льете олово и резвитесь. Как же я живу? Езжу, сплю и езжу, а теперь в добавок и без шеи: на левой стороне опухоль, так что не могу сегодня и во дворец ехать. Вчера вечер сидел при примерке на ногу шпор нового отставленного с мундиром батальонного командира, Николая Дирина, который того же дня обрадован был нечаянным приездом своего родителя. Как он счастлив; а я, может быть, с моими никогда уже не увижусь! Отец мне полюбился, а особенно его парик; представьте себе – выткан из дикого гаруса в три ряда по краям пукольками, точно колпак. Еслиб мне удалось переехать к вам, то непременно бы такой же себе сделал; но полно.

Поцелуйте у тетушки ручку и поздравьте от меня с праздником. Брат Петр Петрович вчера был у меня; он, слава Богу, здоров. Простите. Верный ваш брат и друг И.[ван] Д.[митриев]».

РА, 1880. III. С. 395; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 180–181.

1787

Январь, 1. Петербург.

А. И. Дмитриев произведен в прапорщики. Вероятно, вместе с братом Иваном.

Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.–66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512).

Дмитриев, 1866. С. 49: «Если пришлось мне сказать о повышении меня чином Гвардии Прапорщика, так более потому только, что оно разлучило меня с любезным ментором на долгое время: получа годовой отпуск, я провел его у моих родителей, а в следующем году, по случаю открывшейся войны с Швецией, пошел в поход на границу Финляндии и прожил четыре месяца в палатках или в переходах с места на место, под шумом песен и барабанов. Гвардейские батальоны далее Фридрисгама не доходили. Мы видели неприятелей только в положении унылых пленников...».

1787. Январь – Август.

Дмитриев в годовом отпуске в Богородском (или Сызрани).

1787(?). Май – Июль. Богородское (или Сызрань):

Отъезд («Простите, Лары и Пенаты!..»).

1787. Август (серед.). Москва.

Возвращение из поездки в Богородское (или Сызрань).

Август, 25. Утро. Москва.

И. И. Дмитриев у Н. А. Булгакова.

РА, 1880. III. С. 394.

Август, 25. Москва.

Письмо к И. П. Бекетову в Сарепту:

«Любезный брат Иван Петрович.

Сегодня по утрам был я у Николая Алексеевича Булгакова, который сказывал мне за верное, что Кокошкин старший женится на дочери покойного заводчика Турчанинова и берет за нею около полумиллиона деньгами, да еще тысячу душ, если выиграет ее процесс с Строгоновым, а Северин <Петр Иванович> на одной благородной девице <Брагиной Анне Григорьевне>, воспитывавшейся у графини Строгановой, которая, сверх дорогих вещей, дает ей в приданое двадцать тысяч. Я уверен, что ты не меньше моего порадуешься сему известию. Обедал в К.[няжеском] д.[оме], вместе с Николаем Карамзиным, где также обедали Спиридов, старший Раевский, бывший в нашем полку князь Хованский, меньшей Ляпунов и пр. пр. Я выпил пол стакана Бургонского, поднесенного князем Х.[ованским] и на ряду с прочими рюмку Шампанского, которым потчивал всех нас почтенный и странноприимный Шеню, под предлогом, будто сегодня тезоименитство Французского короля. Правда ли то или нет, не знаю, только все мы его поздравили, а Шеню поблагодарил; остальную часть дня пробыл у любезного Карамзина вместе с его товарищем Петровым и И. Тургеневым, а теперь только приехал на квартиру, т.-е. в дом Василия Борисовича Бест.[ужева], у которого я уже давно живу и не застав почтенных хозяев дома, начал писать сие письмо.

В Петербурге напечатана трагедия прозою в Шекспировом вкусе: Начальное управление Олега. Первое действие начинается заложением Москвы. Здесь к Олегу приходят два Киевляна, присланные от сограждан с жалобами на Оскольда, будто он переменяет древние обычаи и показывает себя наклонным к греческой вере. Второе действие начинается проходом Угров мимо Киева, и в тоже время Игорь съезжается с Олегом; приезжает княжна Прекраса, помолвленная за Игоря. Оскольд сменяется и уходит к Уграм; Игорь и Олег вступают в Киев, а за ними следует и Прекраса. Третье действие открывается свадебным обрядом Прекрасы и почти до самого конца занято оным; потом Олег собирается в Царьград и при отъезде на-

рицает Прекрасу Ольгою. В четвертом действии Олег пред Царьградом заключает славный мир, а в пятом имеет свидание с греческим императором Леоном, который дает ему разные зрелища, пение, танцы, борьбу и проч. на ипподроме т.-е. на месте ристалищном, на котором по окончании игр Олег укрепляет Игорев щит. В сем действии вмещены хоры, составленные из некоторых Ломон.[осовских] строф, и весьма кстати. И. З. рассказывает, что продавать ее запретили.

Объяви, братец, мое почтение обоим дядюшкам, Анне Николавне, Ник.[олаю] Васильевичу, Марье Ивановне и Вильгельму Петровичу с фамилией; да скажи дяде Н.[иките] А.[фанасьевичу], что некоторые книги сегодня от Новикова к нему отправлены, а остальные скоро присланы будут. Теперь послано к нему на 13 р. 80 к. ...

И.[ван] Дмитриев».

РА, 1880. III. С. 394–395; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 178–179.

Сентябрь (до 10-го). Москва.

Выходит в свет в переводе Карамзина трагедия В. Шекспира (Shakespeare W.) «Юлий Цезарь» (Julius Ceasar. 1599): «Юлий Цезарь, трагедия Виллиама Шекеспира. Москва. В Типографии Компании Типографической, с Указанного дозволения. 1787».

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 27 лет. Утром, вероятно до обеда, он получает записку Карамзина и экземпляр его перевода трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь»:

«Любезный друг!

Поздравляю тебя со вступлением на 28 год. Желая, чтобы будущее было лучше прошедшего.

Но что же скажем мы о времени прошедшем?
 Какими радостьми, мой друг, питались в нем?
 Мы жили, жили мы – и более не скажем,
 И более сказать не можем ничего.
 Уже наш шар земной едва не четверть века
 Сверхшает круглый путь, вокруг солнца обходя,
 Как я пришел в сей мир, иль, попросту родился;
 Но все, мой друг, мне все казалось время сном –
 Бывали страшны сны, бывали и приятны;
 Но значат ли что сны? не суть ли только дым? –

Посылаю к тебе Шекспирову трагедию. – Ложа для Катерины Ивановны <Козицкой?> будет готова, она в первом этаже, под № 19, в шестом часу будет отперта. – Сожалею о твоей дряхлости. Ныне у тебя после обеда буду.

Щастье истинно хранится
 Выше звезд, на небесах;
 Здесь живя, ты не можешь
 Никогда найти его.
 Есть здесь щастие едино,
 Бude так сказать могу,
 Коим в мире обладая,
 Лучшим обладаешь ты.
 Верна дружба! ты едина
 Есть блаженство на земле;
 Кто тобою усладился,
 Тот недаром в мире жил.
 Небеса благоволили
 Смертным дружбу даровать,
 Чтоб утешить их в нещастьи,
 Сердце бедных усладить.
 Буди ты благословенна,
 Дружба, дар святой небес!

Буди жизни услаждением
 Ты моей здесь на земле!
 Но и дружбе окончатся
 Время некогда придет;
 Сама дружба нас заставит
 После слезы проливать.
 Время всем нам разлучиться
 Непременно притечет,
 Час настанет, друг увянет,
 Яко роза в жаркой день.
 Все исчезнет, что ни видишь,
 Все погибнет на земле;
 Самой мир сей истребится
 Пеплом будет в некий день».

Карамзин, 1866. С. 3—5 (№ 2). О тексте стихотворения см.: Карамзин, 1917. Т. 1. С. 5—6.

1787(?). Ноябрь, 10. Петербург(?).

Письмо к П. П. Бекетову в Москву:

«Здравствуй, любезный братец Платон Петрович!

Слава Богу, что ты перестал сердиться; за письмо и присылку книги очень благодарю тебя; пожалуй присылай ко мне всякую новость и старину, какую только найдешь: Арлевиля, Виже, Лебрюна, Фонтана и Де-Мутье, не исключая и театральных их произведений; да еще, если ты найдешь, давнишний брошюр мадам Сталь *О характере* и сочинения Ж. Ж. Руссо. Прости, любезный; посылаю к тебе новое Белосельского произведение, покажи его Николаю Михайловичу, да не забудь также сказать Федору Ильичу, что как он ни переменялся ко мне, однакож не думал бы, чтобы я позабыл его комиссию взять у графа Ливена его книги: я уже десять раз посылал к нему, и все откладывает до завтра; третьего дня я еще посылал к нему за ними моего соседа Сидора, который живет у меня на кухне и который недавно получил от Федора Ильича письмо, но и тот при всей его расторопности, пришел с тем же. Прости, братец. Верный твой друг и брат

Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 179—180.

1787. Москва.

Дата, выставленная Карамзиным под стихотворением, отправленным Дмитриеву в Петербург и начинающимся строкой: «Часто здесь в юдоли мрачной...».

Карамзин, 1866. С. 2—3.

Все стихотворения, помещенные в письмах к Дмитриеву, Карамзин никогда не включал ни в сборники, ни в прижизненные издания своих сочинений. Впервые: *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву* / Изд. под ред. академиков Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866.

1788

Март, 2. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезный друг Иван Иванович!

Радуюсь, что ты доволен своею жизнью, или перестал скучать. Надеюсь, что приближение весны имеет целебное влияние на твое здоровье. Все скоро оживится. Скоро птицы, соединясь в хоры, воспоют хвалебную песнь весне. Мой друг! Не уже ли мы с тобой будем ходить повеса голову? Не уже ли возьмем участие во всеобщей радости, и, наморщив лоб, скажем:

Везде, везде мы видим радость,
Везде веселие одно;
Но мы, печалью отягчены,
Уныло бродим по лесам, —
В лугах утехи не находим; —
Смотря в ручей, мы слезы льем;
Слезами воду возмущаем,
Волнуем вздохами ее. —

Прости, мой друг, прости! Я живу по прежнему; нет никакой важной перемены в жизни моей.

Покорнейший твой слуга и верный друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 5–6 (№ 3).

1788. Март.

Дмитриев, по получении письма от Карамзина от 2-го марта, пишет на обороте конверта стихотворный ответ:

«Ответ.

Мой друг! судьба определила,
Чтоб я терзался всякой час;
Душа моя во мне уныла
И жар к поэзии погас.
Узрюль весну я? неизвестно,
Но только то скажу неместно,
Что естли щастлив я в тебе:
Любезна для меня природа
Во все четыре время года
И не пеняю я судьбе».

Карамзин, 1866. С. 6.

<1788>. **Март, 16. Петербург.**

Дмитриев на обеде у кн. Белосельского.

<1788>. **Март, 17. Петербург.**

Письмо к П. П. и И. П. Бекетовым в Москву:

«Любезные братцы Платон Петрович и Иван Петрович!

Вчера я приезжаю к Белосельскому обедать; спрашиваю, княгиня скоро ли будет? Кат.[ерина] Ив.[ановна] отвечает, что она уже здесь; наконец, входит Александр Григорьевич и рассказывает, что ты Иван Петрович вскружился от Московских балов и грозишь падением модному вашему Шпренгпортену, а ты Платон Петрович был нездоров. Я о первом сожалел бы, а о последнем сожалею, а вы оба пожалейте от всего сердца обо мне. Не поверите, какая мне тоска; из дома получаю письма раз от разу огорчительнее, расходы страшные, а всей моей казны после сегодняшнего счета Матюшки, оказалось в наличности 2–64 коп. до Мая.

Кто этому поверит, видя меня в праздники во дворце? Прибавь к этому заботу по службе, хилое здоровье, приходящее день ото дня в худшее состояние, и совершенное отчуждение от поэзии, которая одна только с дружбою в горестях меня и оживляла. Ради Бога, пишите ко мне чаще. Бог свидетель, как я вас люблю и как бы хотел пожить с вами.

Не только двоюродный, но и душевный вам брат Дмитриев».

РА, 1880. III. С. 396; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 181–182.

Апрель, 16. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Май, 18. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Желаю тебе, любезной друг Иван Иванович, здоровья, в котором у тебя по сие время всегда был недостаток. Не уже ли весна не принесла тебе с собою ничего доброго? Правда, что у нас она не очень весела; по сие время все еще холодно, так что в одном кафтане не лзя ходить.

Любовник Флоры не играет,
Не резвится у нас в лугах;
Борей шумит, древа качает –
А мы сидим в своих домах.

Ты меня очень одолжишь, если пришлешь мне журнал Фон-Визина. Не скоро еще М. М. Херасков отдаст в печать своего *Кадьма*, как я от него слышал; и так обещав вам скоро доставить сие сочинение напечатанное, я вас обманул, быв сам обманут. – Нет ли у вас каких-нибудь ученых новостей? У вас не так, как у нас: журналов множество, стихотворцев перечесть нельзя. Не поверю я, чтобы и твоя лира всегда так лежала; верно ты по временам берешь ее, бряцаешь и мурлычишь кое что про себя от скуки. Пой, брат, пой! песни дело не худое. Кто упражняется в поэзии, кто нашел в ней вкус, тот реже другого будет в жизни своей скучать; а скука есть злой червь, который точит цвет жизни нашей.

Прости, любезной друг!

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 6–7 (№ 4). На обороте конверта: «Ивану Ивановичу Дмитриеву».

«Журнал Фон-Визина» – В 1788 г. у книгопродавца Клостермана была объявлена подписка на новое периодическое издание «Друг честных людей, или Стародум», «под надзиранием, – как сказано в объявлении, – сочинителя комедии Недоросля: напрасно было бы предвзяты публику, какого рода будет сие сочинение, ибо образ мыслей и объяснения Стародума довольно известны». Журнал предполагалось издавать листами, по четыре в мае, сентябре и в начале 1789 года. Статьи для издания были уже приготовлены, но оно не состоялось по причине, которую объяснил сам Фон-Визин в письме из Петербурга к графу Н. И. Панину, 4 апреля 1788 года: «здесьняя полиция воспретила печатание Стародума. И так я не виноват, естли он в публику не выдет». (*Библиографические Записки*. 1861. Т. III. № 9. С. 255).

«Кадм и Гармония, древнее повествование» соч. Хераскова, издано в двух частях в Москве, 1789 года. Карамзин поместил разбор этого произведения в 1-м номере «Московского Журнала» за 1791 г.: «Кому не известна, сказано там, басня Кадма и Гармонии или Гермियोны, которую рассказывает Овидий? Но из сей басни автор наш взял, так сказать, только одежду для своего творения». Карамзин вообще отзывался с похвалами о сочинении Хераскова и очень осторожно намекнул на его недостатки.

<1788. Лето(?). Москва>.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Болезнь есть часть живущих в мире;
Страдает тот, кто в нем живет.
В стране подлунной все томится,
Нигде покоя в мире нет.

Но тем мы можем утешаться,
Что нам не век в сем мире жить;
Что скоро, скоро мы престанем
Страдать, стенать и слезы лить.

В духовны сферы вознесемся,
Где нет болезни, смерти нет.
Тогда, мой друг, тогда узнаем,
Почто страдали столько лет.

Тогда, быв светом озаренны,
Падем, поклонимся Творцу,
И слезы радости проливши,
Возкликнем к нашему Отцу:

“Ты благ, премудр, могущ чудесно!
Ты все во благо превратил,
Что нам великим злом казалось!
Ты нас к блаженству сотворил.

Я рад, любезной друг, что ты терпеливоносишь свою болезнь. Нетерпеливой человек во всяком случае увеличивает свое горе и бывает близок к отчаянию; но тот, кто в скорби вооружается терпением, бывает к щастливой перемене гораздо ближе нетерпеливого, и самое настоящее зло не так сильно чувствует, от того, что не ропщет и не жалуется. – Ивана Петровича <Тургенева?> посетить я намерен. – Adieu! Adieu! – Я всегда буду верным твоим другом и покорнейшим слугою.

Н. Карамзин.

PS. Выдает ли Фон-Визин журнал? и какие пьесы в нем помещает?»

Карамзин, 1866. С. 7–8 (№ 5). На обороте конверта рукою Карамзина надписано: «Ивану Ивановичу Дмитриеву».

Стихотворение напечатано впервые в «*Детском чтении*» в 1789 г. (Ч. XVIII. С. 109). Перепечатывалось во всех последующих изданиях этого журнала в 1803 и 1819 гг. под названием «Господину Д** на болезнь его». В прижизненные издания сочинений Карамзин это стихотворение не включал.

<1788. Москва>.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг Иван Иванович!

Поздравляю тебя с праздником и благодарю за письмо. Хорошо бы было, если бы письма мои когонибудь утешать могли, но, мой друг, позволь мне на сей раз сомневаться в истине сказанного тобою.

Вторично прошу тебя уведомить меня, выдает ли фон-Визин журнал, и из каких пьес он состоит; если он хорош, то бы я выписал его. Да и что он стоит? Нет ли у вас какихнибудь ученых новостей? – Но прежде всего уведомь меня, каково твое здоровье, где ты ныне живешь? Вместе с братцами или один? – Видитесь ли вы с Платоном Петровичем?

Желаю тебе всего доброго, остаюсь верным твоим другом и покорным слугою.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 9 (№ 6).

«Видитесь ли вы с Платоном Петровичем?...» – здесь Карамзин пишет о Бекетове Платоне Петровиче, двоюродном брате И. И. Дмитриева, который вспоминал, что «с ним я вместе учился в Казани и Симбирске; вместе служил в гвардии и, к счастью моему, вместе доживаю теперь и старость» (*Дмитриев*, 1866. С. 70). М. П. Погодин говорит, что «товарищами Карамзину в пансионе Шадена были два брата Бекетовы, Платон Петрович и Иван Петрович, которые впоследствии сделались известными своею любовью – первый к истории и словесности, второй – к нумизматике». (*Утро*, лит. и пол. сборн. «Детство и пр. Карамзина». С. 14).

Июль. 30. Петербург.

Манифест об объявлении войны со Швецией.

В Семеновском л.-гвардии полку, где служили братья Дмитриевы «все приготовления были окончены очень скоро, и батальон, за два дня до обнародования манифеста был сформирован в составе 26-ти обер-офицеров и 837 нижних чинов...» (*Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского Полка. Т. I. СПб., 1883. С. 299).

Июль, 2. Москва.**Письмо Карамзина к Дмитриеву:**

«Надеюсь еще, любезный друг Иван Иванович, что это письмо застанет тебя в Петербурге. И так друг мой, болезнями отягченный, забывает слабость свою и в энтузиазме спешит на поле сражения!

Сердце его бьется скорее обыкновенного, кровь его волнуется, лице покрывается свежим румянцем, на челе у него сияет мужество!.. Bravo, друг мой! Только позволь спросить, возьмешь ли ты с собою в поход парики свои? Лучше не брать; — парик придает важность профессору, а не воину. Может быть потомки наши будут читать поэму, под заглавием: Шведская война, в которой ты конечно будешь играть непоследнюю роль, и где ты (НВ. Естьли не возьмешь с собою в поход париков), будешь именован плешивым героем. Как громко это прилагательное имя! Я живо воображаю тебя шествующего большими шагами против Шведов, махающего блестящею шпагой и по временам кричащего: ступай! ступай! Какое Российское сердце не порадуется, что и самые дряхлые люди в нашем Царстве так храбры! Естьли же ты и сам вздумаешь воспеть великие подвиги свои и всего воинства нашего, то пожалуй пой дактилями и хорееями, Греческими Гекзаметрами, а не ямбическими шестистопными стихами, которые для Героических поэм не удобны и весьма утомительны. Будь нашим Гомером, а не Вольтером. Два дактиля и хорей, два дактиля и хорей. Например:

Трубы в походе гремели крики по воздуху мчались.

Но оставя вздорные шутки, скажу, что я очень буду жалеть, естьли ты подлинно в поход пойдешь; послабому твоему здоровью будет трудно переносить беспокойства, с походом сопряженные.

Петрова нет в Москве; почему и не мог я сказать ему твоего комплимента.

Прости, любезный друг! Надеюсь, что ты ко мне еще напишешь кое что, прежде нежели оставишь Петербург. Я буду всегда другом твоим.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 9—10 (№ 7).

Август, 3. Москва.**Письмо Карамзина к Дмитриеву:**

«Благодарю тебя, любезный друг Иван Иванович, что ты помнишь меня посреди громких звуков военных труб. Как бы желал я вдруг перенестись к вам в лагерь и обнять Героя моего!

Что мне писать к тебе? Уведомлять ли тебя о новых песнях московских муз? Но оне все унылы и молчат. — Ах, любезной друг! Чада мира не рождаются во время войны!

Философствовать ли? Но там не любят читать философических диссертаций, где летают пули.

Что же? — Пожелаю тебе от всего сердца доброго здоровья и спокойствия; попрошу тебя, чтобы ты и вперед помнил меня и писал ко мне (ибо вы можете писать о многом, что нас интересовать будет) и потому скажу, что я всегда буду твоим другом.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 10—11 (№ 8).

Сентябрь, 3. Москва.**Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:**

«Радуюсь, мой любезной друг Иван Иванович, что ты здоров и не скучаешь. Хорошо, весьма бы хорошо было, естьли бы нынешние твои сильные движения в духе и теле совсем истребили в тебе болезни, так долго тебя томившей. Да летят все неприятельские пули мимо тебя!

Как все вокруг вас шумно, так все вокруг меня тихо. Многие из моих знакомых разъехались по деревням, и я целые дни просиживаю один в своей комнате. Так-то участь людей различна! Вашей участи не завидую, хотя чувствую всю цену славы сражаться за отечество и усмирять врагов, дерзнувших нарушить его спокойствие.

Идите, Герои! Побеждайте и подарите нас миром! Уже плетутся лавровые венцы для героев российских – отрутся пот и кровь, и спокойствие с нежною улыбкою примет вас в свои объятия!

Пиши ко мне, мой друг. Скажи только, что ты здоров, и я буду доволен.
Бог с тобою! – прости.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 11–12 (№ 9).

Сентябрь, 10.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 28 лет.

Сентябрь, 26. Петербург.

Возвращение л.-гвардии Семеновского полка, а вместе с ним и служивших в нем братьев А. И. и И. И. Дмитриевых.

«Военные действия Густава III <короля Швеции, начавшего войну против России> в 1788 году окончились полною неудачею: осада Нейшлота и Фридрихсгама не повели ни к чему; гвардия не принимала участия ни в том, ни в другом случае и большую часть времени простояла лагерем у Кнута и Выборга, а 26 Сентября Семеновский баталион возвратился обратно в Петербург. Так кончилась кампания 1788 года...» (*Дирин П. История лейб гвардии Семеновскаго Полка. Т. I. СПб., 1883. С. 299*).

Об участии И. И. Дмитриева в русско-шведской войне 1788–1790 гг. ничего неизвестно. Немногочисленные, но весьма ценные известия об участии А. И. Дмитриева в этой кампании, а также о его военной карьере впервые опубликованы К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой (см.: *М. Дмитриев, 1998. С. 512–513*).

Октябрь, не ранее 26. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг Иван Иванович!

Слава Богу, что ты возвратился в Петербург здоров. Компания кончилась и друг мой уже не в ставке, но в теплой и покойной комнате! пьет кофе.

Кажется, что я еще не отвечал тебе на последнее твое письмо. Стихи твои мне полюбились. Как я удивился, узнав, что они ходят по Москве! Их хвалили все, кто только их читал.

Естьли чтонибудь выдашь в свет из трудов своих, то пожалуй сообщи своему покорному слуге, давно уже нечитавшему твоих произведений; а я думаю, что теперь, возвратясь из похода, ты в праздности не будешь.

На сей раз прости. Люби меня и будь здоров. Во всю мою жизнь буду верным твоим другом.

Николай Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 15 (№ 13). О каких стихах Дмитриева пишет Карамзин, не ясно.

Ноябрь, не позже 17-го. Москва.

Карамзин получает письмо от И. И. Дмитриева (содержание неизвестно). Вероятно, при письме Дмитриев послал некое произведение (содержание неизвестно), на которое Карамзин пишет послание «К Д*» («Многие Барды, лиру настроив...»), открывающее письмо Н. М. Карамзина к Дмитриеву от 17 ноября 1788 г.

Карамзин, 1917. С. 400 (примеч. В. В. Сиповского).

Ноябрь, 17. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву:

«И в а н у И в а н о в и ч у

Многия Барды, лиру настроя,
Смело играют, поют;
Звуки их лиры, гласы их песней,
Мчатся по рощам, шумят.

Многия Барды, тоны возвыся,
 Страшныя битвы поют;
 В звуках их песней слышны удары,
 Стон пораженных и смерть.

Многия Барды, тоны унизя,
 Сельскую радость поют –
 Нравы невинных, кротких пастушек,
 Вздохи, утехи любви.

Многия Барды в пьяном восторге,
 Нам воспевают вино,
 Всех призывая им утоляти
 Скуку, заботы, печаль.

Все ли их песни трогают сердце,
 Душу приводят в восторг?
 Все ли Гомеры, Томсоны, Клейсты?
 Где Анакреон другой?

Мало осталось Бардов великих. –
 Так воспевая, вздохнул;
 Слезы из сердца тихо катятся,
 Лира валится из рук.

Быстро Зефиры, с Невских пределов,
 Быстро несутся ко мне –
 Веют – вливают сладкие песни,
 Нежные песни в мой слух...

Я восхищаюсь! – в радости сердца
 Громко зываю, пою:
 Древние Барды дух свой влияли
 В нового Барда Невы!..

Так бедной московской стихотворец, учащийся ныне разбирать по слогам греческих авторов, осмеливается греческим стихосложением воспевать хвалу своему другу! – Как радуюсь, естли подлинно я подал тебе повод спеть такую хорошую песнь! Высокая гармония да будет всегда душею песней твоих! –

Прости мой друг!

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 12–13 (№ 10).

«...бедной московской стихотворец, учащийся ныне разбирать по складам греческих поэтов» – о своих занятиях греческим языком Карамзин вспоминает в «Письмах русского путешественника», именно под 22 июня из Данцига: «Хотелось бы мне видеть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за греческую Грамматику, им сочиненную, которою я пользовался и вперед надеюсь пользоваться...». В позднейших изданиях «Писем русского путешественника» Карамзин прибавил в выноске примечание: «Автор начал тогда учиться греческому языку; но после не имел уже времени думать об нем».

<1788. Декабрь(?). Петербург>.

«Ах, Хлоя! Мне-ль за то сердиться...».

Впервые: РА, 1880. III. С. 396.

<1788. Декабрь(?). Петербург>.

И. И. Дмитриев в письме к А. Н. Бекетову в Москву пишет:

«Милостивейший государь, братец Аполлон Николаевич!

Вы еще не перестали проказничать, и вместо того, чтоб сказать брату с десятком какихнибудь искренних и полезных слов, растянули по целой странице холодные высокопочитания и проч. В наказание за то, от всего сердца делаю, чтоб ты лишился дара быть прозаическим поэтом и чтоб во весь будущий год, ни одна твоя фикция не пошла в путь. Милостивой же государыне, сестрице Прасковье Петровне, не удостоившей меня ни строчкою, по незлобию моему, свидетельствую

мое почтение и желаю всевозможных благ в свете. Брат Платон пишет, что она изволит портить его часы; я тотчас представил, какой бы это лестный случай был для поэта, чтоб сказать *impromptu*, и сказал:

Ах, Хлоя! Мне-ль за то сердиться,
 Что хочешь ты часы испортить, изломать?
 Тем лучше, я не буду знать,
 Когда с тобою разлучиться.

Т. е. батюшка братец, это б я сказал, когда бы сестрица была не сестрица». *РА*, 1880. III. С. 395–396, без даты; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 181.

1788. Петербург.

Читает вместе с братом Александром двухтомный сборник «*Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois*».

1788.

«*Любовь и Дружество*» («Священно дружество! о коль твой силен глас!..»).

Первое в русской поэзии стихотворение на сюжет Оссиана. С рассказом об Оскаре и Дермиде Дмитриев познакомился по французскому переводу «*L'amour et l'amitié*» («Любовь и Дружба») из двухтомного сборника «Избранные эрские сказки и стихотворения» («*Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois*», pt. II. Amsterdam—Paris, 1772, p. 60–63). Ю. Д. Левин высказывает предположение, что Дмитриев также пользовался переводом Летурнера (Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle. *Poésies galliques, trad. sur l'anglois de M. Macpherson, par Le Tourneur, t. I, II. Paris, 1777*) откуда взял имя Оскар (в *Choix...* — *Toskar*) и некоторые детали. Переложение Дмитриева, по словам Ю. Д. Левина, «весьма вольное; вводная часть (до строки «Внемли: я петь стихи печальныя хочу...») и заключение принадлежат исключительно русскому поэту» (*Левин Ю. Д. Дополнения // Джеймс Макферсон. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 557*).

1788. Петербург.

Выходит книга «Поэмы древних бардов. Перевод А. [И.] Д.[митриева]. На ижд.[ивении] П. [И.] Б.[огдановича]. СПб., 1788. 64 с.».

Книга с автографом И. И. Дмитриева из библиотеки отца — И. Г. Дмитриева, хранится в б-ке МГУ (см.: *Боленко*, 2004. С. 342).

А. И. Дмитриев перевел десять из четырнадцати переводов Оссиана, помещенных во втором томе вышедшего в 1772 году в Амстердаме и Париже двухтомного сборника «Избранные эрские сказки и стихотворения» («*Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois*», pt. II. Amsterdam—Paris, 1772, p. 5–90) (См.: *Левин Ю. Д. Оссиан в России // Джеймс Макферсон. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 505*).

1789

Март, 29. Петербург.

В «Утренних Часах» (1789. 29 марта) напечатана басня «Лестница» («Примеры гордости и щастия превратна...») – С. 175; подпись: И. Д.

Ни в одно из прижизненных изданий сочинений Дмитриев этого стихотворения не включал.

Апрель, 5. Петербург.

В «Утренних Часах» (1789. 5 апреля) напечатана басня «Две гробницы. Идиллия» («Прохожий! Будь твой благополучен путь...») – С. 187; подпись: И. Д.

Ни в одно из прижизненных изданий сочинений Дмитриев этого стихотворения не включал.

Апрель, 8. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 12. Петербург.**

В «Утренних Часах» (1789. 12 апреля) напечатана басня «Червонец и Полушка» («Не ведаю, какой судьбой...») – С. 207; без подписи.

Перевод из Мерсье (Mercier): «Le denier et le louis-d'or» (Etrennes du Parnasse. Paris. 1771).

Перепечатано в 1791 в «Моск. Журн.» (Ч. I. Кн. 1. С. 21; подпись: И.) и в 1802 г. во 2-м издании «Моск. Журн.» (Ч. 1. Январь. С. 25–27; подпись: И. Д.).

Ни в одно из прижизненных изданий сочинений Дмитриев этого стихотворения не включал.

Апрель, 18. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 31, 18 апреля) напечатано первое объявление о предстоящем отъезде Карамзина за границу: «Отставной поручик Николай Карамзин отъезжает в чужие края; живет 5 части 3 квартала, в доме под 3 214».

Апрель, 21. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 32, 21 апреля) напечатано второе объявление об отъезде Карамзина за границу.

Апрель, 25. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 33, 25 апреля) – третье объявление о предстоящем отъезде Карамзина за границу.

Май, 10. Петербург.

А. И. Дмитриев по именному указу выпущен в армию премьер-майором в Псковский пехотный полк.

Май, 18. Пятница. Москва.

Карамзин в сопровождении крепостного человека Ильи выезжает в Петербург. «Милой Птрв <Петров>» провожает его до заставы.

Карамзин, 1984. С. 5.

Май, 21. Понедельник. Петербург.

Приезд Карамзина из Москвы.

Карамзин, 1984. С. 6.

Май, 21–26.

Пребывание Карамзина в Петербурге. Встреча с А. И. Дмитриевым.

Карамзин, 1984. С. 6–7.

В письме, датированном 26-м мая, Карамзин пишет: «Прожив здесь пять дней, друзья мои, через час поеду в Ригу.

В Петербурге я не веселился. Приехав к своему Д** <А. И. Дмитриеву>, нашел его в крайнем унынии. Сей достойный, любезный человек открыл мне свое сердце: оно чувствительно — он несчастлив!.. «Состояние мое совсем твоему противоположно, сказал он со вздохом: главное твое желание исполняется: ты едешь наслаждаться, веселиться; а я поеду искать смерти, которая одна может окончить мое страдание...» (Карамзин, 1984. С. 6).

1789. Июнь(?) — Декабрь, 16 (не позже).

Поездка Дмитриева на финляндскую границу для встречи с братом А. И. Дмитриевым.

Дмитриев, 1866. С. 52: «...Во вторую кампанию шведской войны, я ездил на границу Финляндии, для свидания с старшим братом моим. Он служил тогда в пехотном Псковском полку Премиер-Маиором...». И. И. Дмитриев пишет, что встреча состоялась, когда брат служил в Псковском пехотном полку. Это значит, что эта встреча могла произойти до 16 декабря 1789 г., когда А. И. Дмитриев был переведен в Ямбургский карабинерный полк.

А. И. Дмитриев участник второй русско-шведской войны. Во время этой войны «при Кемене городе с ротою на батареях июля 8 числа, при мызе Тавастиле в действительном сражении при прогнании шведского войска в свои границы, находился» (Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66: цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512). Согласно другому источнику, заменив убитого командира батальона, возглавил атаку и заставил неприятеля отступить от горящего моста, однако в «Истории Псковского пехотного полка» Н. И. Гениева (М., 1883) при описании сражений у Кюменьгородского поста и деревни Стортавастилла 7—9 июля 1789 г., равно как и других боев, Дмитриев не упоминается, хотя в полку в это время числился (С. 89, 94—98).

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 29 лет.

Октябрь, 10. Симбирск.

Рождение Николая Ивановича Тургенева.

Декабрь, 16. Петербург.

А. И. Дмитриев переведен в Ямбургский карабинерный полк.

Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об.—66 (цит. по: *М. Дмитриев*, 1998. С. 512).

1789. Петербург.

И. И. Дмитриев произведен в подпоручики.

1780-е гг. (конец).

«Прелестный пол твердит: без сердца скучен свет...».

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Л. 13—13об. Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 390—391 (как приписываемое). Датировка Г. П. Макогоненко (*Дмитриев*, 1967. С. 468).

«Тьфу, к чорту — муж сказал жене...».

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Л. 13об. Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 392 (как приписываемое). Датировка Г. П. Макогоненко (*Дмитриев*, 1967. С. 468).

«В воскресенье я влюбился...».

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Л. 13об. Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 391—392 (как приписываемое). Датировка Г. П. Макогоненко (*Дмитриев*, 1967. С. 468).

1790

1790. Январь – Август, 3. Петербург.

Знакомство с Г. Р. Державиным.

Дмитриев, 1866. С. 52–57: «Поэзия Державина известна мне стала еще с 1776 года. Около того времени первые произведения его вышли в свет без имени автора, из типографии Академии Наук, под названием: *Оды, сочиненныя и переведенныя при горе Читалагае*. Это было, как я после узнал, плоды кратких досугов его в военном стану, посреди уфимских степей. Тогда он, в числе гвардейских офицеров, находился в разных поручений при Александре Ильиче Бибикове, предводителе войск против бунтовщика и самозванца Пугачова.

В этой книжке помещены были несколько од разного содержания, более философических, и послание Фридриха Второго к астроному Мопертию, переведенное в прозе. Я упоминаю с такою подробностью об этой книжке потому только, что ныне она редка, и немногим известна даже из литераторов. В стихах, помещенных в ней, при некоторых недостатках, уже показывались замашки или вспышки врожденного таланта и его главные свойства: благородная смелость, строгие правила и резкость в выражениях. После того в разные времена вышли также без его имени: *Послание к И. И. Шувалову*, по случаю возвращения его из чужих краев, писанное в Казани; оды: *На смерть Мещерского*; к *Соседу*; к *Киргизкайсацкой Царевне Фелице*; стансы: *Успокоенное неверие дифирамб На выздоровление И. И. Шувалова*, и *Гребеневский ключ*, посвященный М. М. Хераскову. Все эти стихи, по моему мнению, едва ли не лучшие и совершеннейшие из поэтических произведений Державина. Они были напечатаны в *С.- Петербургском Вестнике* в 1778 году и последующих, а потом некоторые из них перепечатаны с поправками в *Собеседнике Любителей российского слова*. В нем участвовала сама Императрица. Ее сочинения выходили под названием: *Были и Небылицы*. Издавался же он под надзором Президента обеих Академий Княгини Екатерины Романовны Дашковой. Кроме Фелицы, долго я не знал об имени автора упомянутых стихотворений. Хотя сам писал и худо, но по какомуто чутью находил в них более силы, живописи, более, так сказать, свежести, самобытности, нежели в стихах известных мне современных наших поэтов. К удивлению должно заметить, что ни в обществах, ни даже в журналах того времени, не говорено было ничего об этих прекрасных стихотворениях. Малое только число словесников — друзей Державина чувствовали всю их цену. Известность его началась не прежде, как после первой оды к *Фелице*. Наконец я узнал об имени прельстившего меня поэта; узнал и самого его лично, но только глядя на него издали во дворце, с чувством удовольствия и глубокого уважения. Вскоре потом посчастливилось мне вступить с ним и в знакомство, вот какой был к тому повод.

Во вторую кампанию шведской войны, я ездил на границу Финляндии, для свидания с старшим братом моим. Он служил тогда в пехотном Псковском полку Премиер-Маиором. В продолжении дороги и на месте я вел поденную записку; описывая в ней между прочим красивое местоположение, употребил я обращение в стихах к Державину, и назвал его единственным у нас живописцем природы. По возвращении моем <вторая русско-шведская война завершилась подписанием мирного договора 3-го августа 1790 г.>, знакомец мой, П. Ю. Львов, переписал эти стихи для себя, и показал их поэту. Он захотел узнать меня, несколько раз говорил о том Львову; но я совестился представиться знаменитому певцу в лице мелкого и еще никем непризнанного стихотворца, долго не мог решиться и все откладывал. Наконец, одним утром знакомец мой прислал собственноручную к нему записку Державина. Он еще напоминал Львову о желании его сойтись со мною. Эта записка победила мою застенчивость. И так, в сопровождении Львова, отправился я к поэту, с которым желал и робел познаться.

Мы застали хозяина и хозяйку в авторском кабинете: в колпаке и в атласном голубом халате, он что-то писал на высоком накое; а она, в утреннем белом платье, сидела в креслах посреди комнаты и парикмахер завивал ей волосы. Добросердечный вид и приветливость обоих с первых слов ободрили меня. Поговоря несколько минут о словесности, о войне и пр., я хотел, соблюдая приличия, откланяться; но они оба стали унимать меня к обеду. После кофья я опять поднялся, и еще упрощен был до чая. Таким образом с первого посещения я просидел у них весь день, а чрез две недели уже сделался коротким знакомцем в доме. И с того времени редко проходил день, чтоб я не виделся с этой любезной и незабвенной четюю.

Державину минуло тогда пятьдесят лет. Он был еще Действительным Статским Советником и кавалером ордена Св. Владимира третьей степени. Года за два пред тем, он отрешен был от должности Губернатора Тамбовской губернии, по случаю несогласия, происшедшего между им и Генерал-Губернатором или Наместником Графом Гудовичем. Взаимные их жалобы отданы были на рассмотрение Сената. Державин был оправдан. Любопытная столица с нетерпением ожидала от премудрой *Фелицы* решения судьбы любимого ее поэта. <...>

С первых дней нашего знакомства, я уже пробежал толстую рукопись всех собранных его стихотворений, известных мне и неизвестных. Сверх того показаны мне и те, которые, по хлопотам службы, долгое время лежали у него неоконченными. Главнейшие из них были: *Водопад* состоявший тогда в пятнадцать только строфах, *Видение Мурзы*, ода *На коварство*, *Прогулка в Сарском Селе*. Последние стихи, равно как и *Видение Мурзы* дописал он уже при появлении *Московского Журнала*; *Водопад*, гораздо после, когда получено было известие о кончине Князя Потемкина; оду же *На коварство* еще позднее. Немногим известно, что и *Вельможа* напечатан был в числе од, писанных при *горе Читалагае* о коих я упоминал выше; но любители словесности познакомились с нею уже при втором появлении, когда поэт прибавил в этой оде несколько строф, столь изобильных сатирической солью и яркими картинами. Возобновление ее последовало по кончине Князя Потемкина,

при Генерал-Прокуроре Графе Самойлове. Общество находило в ней много намеков на счет того и другого. Тогда поэт был уже Сенатором.

Державин при всем своем гении с великим трудом поправлял свои стихи. Он снисходительно выслушивал советы и замечания, охотно принимался за переделку стиха, но редко имел в том удачу. Везде и непрестанно внимание его обращено было к поэзии. Часто я заставал его стоявшим неподвижно против окна и устремившим глаза свои к небу. Что вы думаете? однажды спросил я. — Любуюсь вечерними облаками, отвечал он. И чрез некоторое время после того вышли стихи: *К дому любящему учение* (к семейству Графа А. С. Строганова), в которых он впервые назвал облака *краезлатыми*. В другой раз заметил я, что он за обедом смотрит на разварную щуку и что-то шепчет; спрашиваю тому причину. «А вот я думаю, сказал он, что если бы случилось мне приглашать в стихах когонибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен подчивать, можно бы сказать, что будет: *и щука с голубым пером*». И мы чрез год или два услышали этот стих в его послании к Князю Александру Андреевичу Безбородке.

Голова его была хранилищем запаса сравнений, уподоблений, сентенций и картин для будущих его поэтических произведений. Он охотник был до чтения, но читал без разборчивости. Говорил отрывисто и некрасно. Кажется, будто заботился только о том, чтоб высказать скорее. Часто посреди гостей, особенно же у себя, задумывался и склонялся к дремоте; но я всегда подозревал, что он притворялся, чтоб не мешали ему заниматься чемнибудь *своим*, важнейшим обыкновенных, пустых разговоров. Но тот же самый человек говорил долго, резко и с жаром, когда пересказывал о каком либо споре по важному делу в Сенате, или о дворских интригах, и просиживал до полуночи за бумагой, когда писал *голос*, заключение или прозект какогонибудь государственного постановления. Державин, как поэт и как государственная особа, имел только в предмете нравственность, любовь к правде, честь и потомство...».

Июнь, 4. Лондон.

Письмо Н. М. Карамзина к братьям Дмитриевым в Петербург.

«Любезные друзья!

Более года я ничего о вас не знаю — живы ли вы? где вы? что вы? Дружбы вашей никогда не забуду. Часто о вас вспоминаю. Что-то делается в сердце любезного Александра Ивановича? Время и воинской шум рассеяли ли мрачность его? Мое сердце не переменилось по крайней мере в любви к вам.

Я пишу к вам на скорую руку, только для того, чтобы подать вам о себе весть, будучи уверен, что вы, друзья мои, берете участие в моей судьбе. Я проехал через Германию; побродил и пожил в Швейцарии, видел знатную часть Франции, видел Париж, видел *вольных* Французов, и наконец приехал в Лондон. Скоро буду думать о возвращении в Россию.

Увидя моих братьев, поклонитесь им от меня. Сестре отпишите от меня поклон.

Будьте живы и благополучны, друзья мои! До свидания, до свидания!

Ваш друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 13—14 (№ 11).

Июль, 15. Петербург.

Приезд Карамзина из Лондона. Запись в «Книге донесений о приезжающих и отъезжающих 1790 г.»: «Приехал в город ... из Москвы отставной поручик Николай Карамзин и стал в той же части в доме купца Демута».

Шторм Г. П. Новое о Пушкине и Карамзине // Изв. Академии Наук СССР, отд. Лит. и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 2. Март—апрель. С. 151.

В июле 1790 г. из Лондона в Петербург корабли приходили 15, 16, 17 июля (СПб.-Ведомости, № 64, 9 августа):

«№ 536. «Виллиям», кор.[абельщик] В. Бирон в 10 дней из Лондона с балластом;

№ 537. «Три Брудерс», кор.[абельщик] Р. Джонсон оттуда, а из Ревеля в 2 дня».

Карамзин, в «Письмах», называет имя капитана корабля, на котором вернулся в Россию: «... Мне осталось бежать на биржу, скорее, скорее; уговориться с молодым Капитаном Виллиямсом, взлететь по веревкам на корабль его, и, сняв шляпу, учтиво откланяться с палубы Лондону...» (Карамзин, 1984. С. 384—385). В Регистре Ллойда за 1790 г. сообщается, что владельцем («хозяином») корабля «Виллиям» был капитан В. Байрон (W. Вугон), а вот капитаном корабля «Три Брудерс» был Вильямс, но не Р. Джонсон, как указано в «СПб. Ведомостях». В листе Ллойда за 24 августа 1790 г. есть информация, что корабль «Виллиям» прибыл в Петербург и находится там (дата прибытия не указана), здесь же имеется информация, что корабль «Три Брудерс с капитаном Виллиямсом прибыл в Петербург в одно время с кораблем «Виллиям». Вероятно, что Карамзин прибыл в Петербург на корабле «Три Брудерс» с капитаном Виллиямсом.

Благодарю госпожу Кэтрин Ройс, старшего библиотекаря Guildhall Library (Лондон) за любезное письмо, в котором она подробно описала содержание Регистра и листов Ллойда за 1790 г.

Июль, после 15 – Октябрь. Петербург.

Дмитриев знакомит Карамзина с Г. Р. Державиным.

Бантыш-Каменский. Словарь. СПб., 1847. См: Погодин, 1866. Ч. 1. С. 168: «...Возвратясь в Петербург осенью 1790 года в модном фраке, с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках, Карамзин был введен И. И. Дмитриевым в дом славного Державина и умными, любопытными рассказами обратил на себя внимание. Державин одобрил его намерение издавать журнал и обещал сообщать ему свои сочинения. Посторонние лица, посещавшие Державина, гордясь витиеватым, напыщенным слогом своим, показывали молчанием и язвительною улыбкою пренебрежение к молодому франту, не ожидая от него ничего доброго».

Ноябрь, 6. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 69) напечатано объявление о начале подписки на «Московский Журнал».

Ноябрь, 12 (не позже). Москва.

Карамзин получает через Дмитриева окончание стихотворения «Видение Мурзы» Г. Р. Державина.

Ноябрь, 12. Москва.

Письмо Карамзина к Г. Р. Державину в Петербург:

«Милостивый государь, Гаврило Романович!

В бытность мою в Петербурге был я столько обязан вашей ласкою, что всегда буду почитать себя должником вашим. Я вас сердечно почитаю, и всегда почитать буду, вместе со всеми теми, которые вас знают, и которые умеют чувствовать достоинства.

Через Ивана Ивановича Дмитриева получил я окончание *Видения Мурзы*, за которое вас покорнейше благодарю. Могу ли сию в своем роде прекрасную пиесу напечатать в Январе или в Феврале месяце? Мне очень хочется, чтобы вы отвечали да. Хотя и не много, однакож есть у нас люди со вкусом; люди, знающие, что такое Поэзия, знающие, что Мурза есть истинной Поэт. Я приступаю к исполнению своего намерения, вам известного, и с Января начну издавать Журнал, которой по крайней мере хотя тем будет примечания достоин, что в нем поместятся сочинения Певца Фелицы. При сем прилагаю публикованное мною объявление. Не лъзя ли показать его в Петербурге вашим знакомым, любящим Литтературу? Вы потрудились сообщить мне имена охотников с их адресом. За верность пересылки Журнала ручаюсь. В первых числах Января могу прислать в Петербург первую книжку. Весь год с пересылкою будет стоить семь рублей. Но я боюсь вас беспокоить. Только прошу вас не позабыть меня, и впредь присылать мне, что вдохнет в дух ваш Муза. Когда вы окончаете оду Коварство, то вспомните, что для нее бережется место в моем Журнале. Не оставьте меня в сиротстве. Певец *Россияды* и *Владимира* общил мне две небольшие пиесы.

Я бы осмелился спросить вас, навсегда ли вы думаете остаться в Петербурге или нет?

Прошу засвидетельствовать мое почтение милостивой Государыне Екатерине Яковлевне. – Впрочем, прося вас о продолжении ваших ко мне милостей, имею честь быть, Милостивый Государь! Вашим покорнейшим слугою.

Николай Карамзин.

PS. Я живу на Тверской, в приходе Василия Кесарийского, в доме Плещеева». *Державин, 1871. Т. V. С. 775–776.*

Ноябрь, 12. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Любезной друг Иван Иванович!

Видение Мурзы получил, и к Певцу писал на сей почте. Посылаю к тебе объявление. Не сыщешь ли охотников подписаться? – Где любезной Александр Ивано-

вич? – Низко поклонись Николаю Александровичу Чирикову. Будь здоров и живи весело! В ответ хотя строку. Я живу на Тверской, в приходе Василия Кесарийского, в доме Плещеева. Прости!

Верный твой друг и слуга

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 14 (№ 12).

Декабрь, 15. Москва.

Карамзин получает присланное с офицером письмо от Г. Р. Державина из Петербурга (вероятно, это первое письмо Державина к Карамзину и, вероятно, оно может рассматриваться как начало переписки Карамзина и Державина; письмо не сохранилось).

См. «1790. Декабрь, 16».

Декабрь, 16. Москва.

Письмо Карамзина к Г. Р. Державину в Петербург:

«Милостивый государь Гаврило Романович.

Вчера имел я честь получить ваше письмо, за которое и приношу вам мою благодарность.

Некоторые, пишете вы, не довольны тем, что я в своем объявлении превознес похвалами Певца Фелицы? Я сих господ не понимаю. Разве Певец Фелицы не достоин похвалы? Или разве я слишком похвалил его? Правда, можно слишком похвалить и Гомера и Оссиана и Шекспира и Клопштока; но в чем же состояла излишняя похвала моя? Я сказал только: *Кто не знает Певца мудрой Фелицы?* Правда, в сем вопросе есть похвала; я полагаю, что сей Певец известен всем, читающим Русские стихи; но кому же из сих людей он в самом деле неизвестен? Где тут излишняя похвала? И не так еще можно похвалить Мурзу, не сказав никакой неправды. – Мне сделают много чести, естли по выходе первой книжки моего Журнала скажут, что вы его издаете. Меж тем конечно нельзя вам собирать субскрибентов, когда так говорят.

Вы меня чувствительно одолжите, прислав мне оду *Коварство*. Можно ли будет ее напечатать или нет, одолжение ваше останется в равной цене. Журнал мой уже печатается. В сей первой книжке помещено *Видение Мурзы*. Пожалуйста не оставляйте меня и впредь. М. М. Херасков хочет писать для моего Журнала и стихами и прозою. Я надеюсь на вас – надеюсь на вашу ко мне благосклонность и на вашу любовь к литературе. – Как скоро первая книжка будет отпечатана, тотчас ее к вам доставлю. Я осмелился не взять денег у Господина Офицера, который отдал мне ваше письмо и хотел заплатить за ваш экземпляр Журнала. Позвольте мне иметь удовольствие доставлять его вам без семи рублей.

К Ивану Ивановичу <Дмитриеву> буду скоро писать, и скажу ему, что вы приказываете.

Прошу вас уверить милостивую Государыню Екатерину Яковлевну в моем почтении к ея достоинствам.

Желаю вам всех возможных благ – здоровья, спокойствия и поэтического досуга – имею честь быть, Милостивый Государь! вашим покорнейшим слугою

Николай Карамзин».

Державин, 1871. Т. V. С. 776–777.

1790(?). Петербург.

«*Истукан Дружбы*» («Сколь щастлив тот, кто Дружбу знает!..»).

1790(?). Петербург.

«*Картина*» («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...»).

1791

С началом 1791 года появился журнал Карамзина под именем *Московского*, и обратил на себя внимание первостепенных наших авторов. Все отдали справедливость новому, легкому, приятному и живописному слогу *Писем Русского Путешественника*, *Натальи Боярской дочери* и других небольших повестей. Этот журнал, сверх многих собственных сочинений издателя, помещал стихотворения Хераскова, Державина, Нелединского-Мелецкого, Николева, Федора Львова и других молодых стихотворцев. В первых трех частях его напечатаны были и мои стихотворения, выбранные издателем без моего назначения, а по собственному его произволу, из взятого им моего бумажника. Все они были едва ли не ниже посредственных; но с четвертой части начался уже новый период в моей поэзии: песня моя *Голубок* и сказка *Модная жена*, приобрели мне некоторую известность в обеих столицах. Любители музыки сделали на песню мою несколько голосов. Она полюбилась прекрасному полу; а сказка поэтам и молодежи...

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь.

Январь, 1. Москва.

В 1-м номере «Моск. Вед.» напечатано объявление о начале выдачи январской книжки «Моск. Журн.» (Ч. I. Кн. 1) в «Университетской книжной лавке, что на Тверской».

Из сочинений Дмитриева в ней напечатаны:

«*Истукан Дружбы*» («Сколь щастлив тот, кто Дружбу знает!..») – С. 19; подпись: И.

«*Червонец и Полушка*» («Не ведаю, какой судьбой...») – С. 21; подпись: И.

Январь, 21–24. Москва.

Приезд И. П. Тургенева из Симбирска.

Моск. Вед. 1791. № 8, 25 января.

Январь, 23. Москва.

В театре играется спектакль «Эмилия Галлоти».

Моск. Вед. 1791. № 7, 22 января.

Февраль, 1. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 10) напечатано объявление о начале выдачи февральской книжки «Моск. Журн.» (Ч. I. Кн. 2). Из сочинений Дмитриева в этой книжке журнала напечатано стихотворение «*Счет поцелуев*» («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 148–150; подпись: И.

Март, 1. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 18) помещено объявление о начале выдачи мартовской книжки «Моск. Журн.» (Ч. I. Кн. 3).

Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*Письмо к Прелесте*» («Прелеста, веселись: мой рок уже решился...») – С. 274–279; подпись: И.

«*Я*» («Умен ли я, никем еще в том не уверен...») – С. 280; подпись: И.

Эпиграммы:

1. «Поверю ль я тебе, Кощей...») – С. 280–281;

2. «Почто ты Мазона, мой друг, не прочитаешь...») – С. 281; под обеими общая подпись: И.

Апрель, 2. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 27) напечатано объявление о начале выдачи апрельской книжки «Моск. Жур.» (Ч. II. Кн. 1).

Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*Надежда и Страх*. Притча» («Хотя Надежда век...») – С. 6; подпись: И.

«*Надпись к статуе Юпитера*. Перевод из Антологии» («Или Юпитер сам с превыспренных кругов...») – С. 11; подпись: И.

В этом же номере «Моск. Журн.» помещен список «имен особ, благоволивших подписаться на Московский Журнал в Феврале и Марте месяцах». Среди подписавшихся:

«В Петербурге: Его Высочайшее Александро-Иванович Дмитриев. Его Благодородие Иван Петрович Дмитриев» («Моск. Журн.» Ч. II. Кн. 1. С. 105).

Апрель, 13. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 23. Среда. Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг Иван Иванович!

Может быть я виноват перед тобою, не писав к тебе так долго. Только и ты виноват, не сказав мне ни слова о том, где живешь, и куда мне надписывать письма. И теперь пишу на удачу, не зная верно, дойдет ли до тебя это письмецо.

Голова моя все еще в худом состоянии, и часто жизнь мне очень не приятна.

Что, и как велишь, в твоих стихах поправлю. Кто сочиняет, тому натурально заботиться о усовершенствовании сочиняемого – NB. естли у него не болит голова, так как у меня.

Я очень рад, что любезные наши Державины против нас не переменялись. Уверь их, любезной друг, в моем почтении и в моей благодарности. При случае можешь сказать Гаврилу Романовичу, что я все еще надеюсь получить от него что нибудь для моего журнала. Херасков все обещает. Теперь переделывает он своего Владимира и прибавляет десять песней новых. – По праву дружбы требую от тебя, чтобы ты, любезной друг, писал для *московского Журнала*. Твои пиесы нравятся умным читателям.

Благодарю за субскрибента, которого ты мне нашел между офицерами вашего полку. Сообщи мне его имя и адрес. Естли Академия выдает журнал, то, сделай мне одолжение, подпишись на него и пересылай ко мне; а естли нет, то купи мне третью часть лексикона, издаваемого Российской академиею, буде она вышла. Две первые у меня есть. Естли русской перевод комедии Оптимисты напечатан в Петербурге, то пришли мне его. – Вот как употреби взятые с субскрибента деньги.

Завтра пошлю к тебе и апрель и май месяцы журнала. И впредь что отпечатано будет, стану к тебе пересылать. Только пожалуй уведоми, где ты живешь. Тогда будешь ты получать прежде всех.

Ступайте, храбрые воины! Деритесь как Индейские петухи! Ступай и ты, любезной друг, естли надобно. Только пожалуй не ударься головою о Прусское ядро, – ни об английское, ни о шведское. Будь жив и здоров, и на первой почте пиши ко мне. Не забудь в надписи прибавить к дому Плещеева: на Тверской. Постиллионы наши не из Лаконии.

Прости, милой друг! Всегда тебя любит Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 17–18 (№ 16).

Апрель, 24. Москва.

Карамзин высылает Дмитриеву в Петербург апрельскую и майскую книжки «Московского Журнала».

Карамзин, 1866. С. 18.

Апрель, 30. Среда. Москва. В «Моск. Вед.» (№ 35) напечатано сообщение о начале выдачи майской книжки «Моск. Журн.» (Ч. II. Кн. 2).

Из сочинений Дмитриева здесь напечатано стихотворение «*Плач Супруги*» («Нежной страсти плод любезной...») – С. 110. Без подписи.

В этой же книжке «Моск. Журн.» (С. 113) напечатано стихотворное послание Карамзина к Дмитриеву: «*Господину *** В ответ на полученную от него Поэму*» («Многие Барды лиру на строя, / Смело играют, поют...»); к стихотворению приложена ритмическая схема. Карамзин включал это стихотворение во все прижизненные издания своих сочинений.

Июнь, 1. Вторник. Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг Иван Иванович!

Благодарю за все, что получил от тебя. К Гаврилу Романовичу писал; а тебя прошу поблагодарить от меня г. Львова за его стансы, и попросить его, чтобы он и вперед сообщал мне свои сочинения. Скажи, какой это Львов? – Стансы будут напечатаны в Июле месяце.

Пожалуй, любезной друг, и вперед пиши ко мне, что услышишь о Московском Журнале от людей, вкус имеющих; пиши, не смягчая никакой критики. Ты верно читал в Академическом Журнале оды Николева, будто бы сыном его сочиненные, и оду Хвостова, под именем *стихотворение*. То-то поэзия! то-то вкус! то-то язык! – Боже! умилосердися над нами! Что сделалось с Туманским? Я получаю от него оду за одой, послание за посланием. К нещастию, я не могу ничего напечатать, и притом по таким причинам, которых нельзя объявить автору. Желал бы я показать тебе сии бессмертные произведения малороссийского духа; желал бы показать тебе еще одну эпистолу, на сих днях полученную из Вологды от одного Секретаря. – А ты пожалуй пришли мне собрание *мудрых* писем. Говорят, что войны не будет; и так ты в поход не пойдешь и будешь иметь время писать стихи и написанное присылать ко мне. Пожалуй не ленись. Кто же из ваших офицеров подписался на мой журнал? Деньги ты с него взял, а от меня экземпляра не требуешь; однакожь я пошлю его на будущей почте к тебе. Тверди Державиным, что я их люблю и почитаю. – Прости, мой друг! Всегда будет любить и почитать тебя верной твоей друг

Н. Карамзин.

Июнь Журнала чрез несколько дней поедет в Петербург. – На другом листочке пишу к Александру Ивановичу <Дмитриеву>».

Карамзин, 1866. С. 18–19 (№ 17).

Июнь. 7. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 46) напечатано объявление о начале выдачи июньской книжки «Моск. Журн.» (Ч. II. Кн. 3).

Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*На смерть попугая*» («Любезный попугай! давно ли ты болтал...») – С. 220; подпись: И.

«*К текущему столетию*» («О век чудесностей, ума, изобретений...») – С. 229–231; подпись: Ф.

Приписывалось Н. М. Карамзину (см.: *Карамзин, 1917. С. 333–334*, в разделе «Приписываемое»). В. В. Виноградов, опираясь на письма Карамзина к Дмитриеву, убедительно доказал принадлежность этого стихотворения И. И. Дмитриеву (см.: Виноградов В. В. Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Вып. 1. М., 1949. С. 190–194).

Однако Макогоненко поместил это стихотворение в раздел «Приписываемое» (*Дмитриев, 1966. С. 395 (№ 378); примеч. на с. 468–469*).

Июнь, 23. Понедельник. Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг Иван Иванович!

Благодарю тебя за письмо и за Июнь месяц академических сочинений. Мужественно и храбро пробился я сквозь тысячу Николовских стихов; хотя тысячу раз колебался, однакож, преодолев самого себя, добрался до конца. Конечно, есть несколько порядочных стишков; но сии малочисленные изрядные стишки не могут сделать сносною Эпистолы в 1000 стихов. Признаться тебе, любезной друг, что естли бы все стихи писать так, то я возненавидел бы стихотворство. Стихи Камарова, подобные прозе Семена Пирогова, заставляют меня по крайней мере смеяться; а это жесткое послание (и притом *лирическое!!!*) так натерло мой мозг, что он несколько часов был подобен болячке. *Прогулку в Сарском селе* получил, и тотчас узнал сочинителя. Я напечатаю ее в августе (разумеется, что имени моего тут не будет). Какого *quiproquo* ты боялся, по своей дружбе ко мне? Однакож не сказывай Гаврилу Романовичу, что я знаю автора. — Стихи из описания Князева праздника также получил от него.

Журнал Дириину пошлю завтра. — Прости, любезной друг! Уведомь меня, как ты живешь, и с кем по большей части проводишь время.

Сочинителю *Памелы* можешь и вперед кланяться».*Карамзин. 1866. С. 20 (№ 18).***Июль, 9. Среда. Москва.**

В «Моск. Вед.» (№ 55) напечатано объявление о начале выдачи июльской книжки «Моск. Журн.» (Ч. III. Кн. 1).

Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*Быль*» («Уже опять орлы Российски...») — С. 6–9; подпись: И.*Эпиграмма* («Кто хочет, тот нещастья трусь!..») — С. 12; подпись: И.

Перевод анонимной франц. эпиграммы «*La fortune en vain m'est cruelle...*» (см.: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX). Л., 1988. С. 559).

1791. Август — Сентябрь. Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву:

«Любезной друг Иван Иванович!

Благодарю тебя вдруг за два письма. Посылку к сестре Марфе Михайловне так же получил. Только не знаю, что с нею делать. На почте, говорят, таких посылок не принимают; а случая к пересылке теперь никакого не знаю. По крайней мере, при первом случае, какой найдется, пошлю, естли по почте нельзя будет отправить. Письмо твое к сестре вместе с моим, пойдет в среду. Пожалуй скажи, знает ли наш любезной Державин, что *И* в московском Журнале означает Ивана Ивановича Дмитриева? Получил ли он письмо мое, в котором я писал к нему, что Шувалов отпирается от пляски, бывшей некогда у него на мызе, и подавшей повод к сочинению *Эвтерпы*? И что Державин говорит об этом? Пожалуй, любезной друг, не поленись меня уведомить.

Успокойся в рассуждении своих пьес. Сколько мне известно, то никто из читателей журнала не восстает против стихотворений под буквою *И*. Их читают и хвалят. Стихи на деньги в своем роде ни как не худы, и ты напрасно их не любишь. — Я вызываю тебя по дружбе сочинить в стихах сказочку или романс. У нас еще в этом роде ничего нет. Или не можешь ли по крайней мере перевести Вольтерову сказку *Les trois manières*, которая так начинается: *Que les Athéniens étoient un peuple aimable!* Пожалуй упражняйся в поэзии, и в первом своем письме ко мне скажи, принимаешь ли мое предложение.

И так ты ныне стал основательнее, экономнее, дальновиднее и проч. и проч.? Уже перед добром ли, мой друг? Впрочем, желаю тебе успевать и во всяком благе.

Надобно, чтобы вы уже давно получили Июнь месяц журнала. Август дней через семь может отправиться в Петербург. Тут увидишь сочинение одной девицы, в котором есть гладкие стихи, но нет поэзии.

Прости, мой Друг, и отпиши ко мне поскорее. Да не можешь ли прислать мне, новых своих сочинений? Естьли не хочешь их печатать, то по крайней мере дай прочитать, а то я могу поссориться с тобою».

Карамзин, 1866. С. 20–21 (№ 19), 015 (примеч. М. Н. Лонгинова).

Август. Москва.

Выходит очередная книжка «Моск. Журн.» (Ч. III. Кн. 2). Из сочинений Дмитриева здесь напечатана «*Надпись к портрету Ефрема Живописца*» («Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр...») – С. 133; подпись: И.

Сентябрь, 1. Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя, любезной друг, за два письма; а потом скажу, что обе твои комиссии я исполнил, т. е. платье к сестре Марфе Михайловне послал с ездоками, а политический Журнал (которой с пересылкою стоит восемь рублей) отправил к Ивану Гавриловичу на прошедшей почте.

Естьли бы я знал, что невинной мой вопрос (*знает ли Д., что литер* и проч. и проч.) может привести тебя в беспокойство, то ни за что бы не сделал его. Но давно ли ты стал так подозрителен? Божусь тебе, что одно любопытство заставило меня спросить об этом.

Благодарю тебя за лесть. Желал бы я превратить ее в истину. – Пожалуй, любезной друг, сказывай мне, какие пиесы или места в московском Журнале тебе не полюбятся. Это может был(!) для меня полезнее.

Исполни же свое обещание, и переведи Вольтерову сказочку – переведи, и пришли мне, чем много одолжишь меня.

Шмит, *Попугай* и *Ефрем* конечно нелучшие из твоих пиес, однакожь имеют свою цену, и я уверен, что многим из читателей *оне* полюбились. В журнале хороши и безделки – и самые великие поэты сочиняли иногда *Ефремов* и не стыдились их. Впрочем я *из экономии* не напечатал в августе ни одной из твоих пиес, кроме *Ефрема*; тут было довольно Державинских.

Люди, мною уважаемые, иногда просят, чтобы я помещал в журнале вялые *рифмосплетения* или детей их, или племянниц, или племянников. Иногда бываю принужден исполнять их желания.

Трудно, мой друг, переводить поэтов; но естьли и на тот год буду выдавать журнал (что однакожь очень неверно), то постараюсь перевести некоторые кусочки из древних и новых поэтов.

Александр Иванович не отвечает мне на письмо, и я очень беспокоюсь о состоянии его здоровья. Пожалуй уведоь, каков он.

На сей раз прости, любезной друг! При случае уверяй Державиных, что я их очень, очень почитаю.

Верной твой друг и слуга

Н. Карамзин.

Климена мне полюбилась, и я, с твоего позволения, напечатая ее в Журнал!».

Карамзин, 1866. С. 22–23 (№ 20). Адрес на обороте письма рукою Карамзина: «Его благородию Милостивому государю моему Ивану Ивановичу Дмитриеву, Гвардии Семеновского полку г. По-рутчику, в С. Петербурге У Семеновского моста в дом Зимина под № 1711».

Сентябрь. Москва.

Выходит сентябрьская книжка «Моск. Журн.» (Ч. III. Кн. 3). Из сочинений Дмитриева здесь напечатано стихотворение «*Любовь и Дружество*» («Священно дружество...») – С. 227–238; подпись: И.

Сентябрь. Москва.

Н. И. Новиков подписывается на «Московский Журнал».

Сентябрь (не ранее 1-го) ... Октябрь (перв. пол.). Москва.

И. И. Дмитриев проездом в с. Богородское (Сызранского уезда, Симбирской губ.) останавливается в Москве. Встреча с Карамзиным (возможно и с А. А. Петровым).

Карамзин, 1866. С. 23.

Октябрь, 5. Яссы.

Кончина кн. Г. А. Потемкина-Таврического.

О кончине кн. Потемкина Дмитриев узнал, вероятно, в середине ноября в с. Богородском (или Сызрани).

Октябрь. Москва.

Выходит октябрьская книжка «Моск. Журн.» (Ч. IV. Кн. 1). Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*Разговор прохожего с горлицей*» (Подражание) («Что так печально ты воркуешь на кусточке...») – С. 10; подпись: И.

Перевод стихотворения неизвестного французского поэта XVIII в. «*Le passant et la tourterelle*», напечатанного анонимно в альманахе: «*L'Utile et l'agréable. Almanach amusant. Amsterdam et Paris, 1774, p. 78*».

«*Надпись к портрету господина...*» («И это человек? / О времена! о век!») – С. 12; подпись: И.

«*Эпитафия*» («Он врал – теперь не врет: / Вот эпитафия, когда Марон умрет») – С. 13; подпись: И.

Ноябрь, ок. 18. Москва.

Выходит ноябрьская книжка «Моск. Журн.» (Ч. IV. Кн. 2). Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*К Лире*» («О ты, котора утешала...») – С. 122–124; подпись: И.

«*Эпиграмма*» («Мне лекарь говорил...») – С. 127–128; подпись: И.

«*К Климене, которая спрашивала меня, много ли красавиц видел я в концертe*» («Красавиц не видал, да их и не бывало...») – С. 128; подпись: И.

В этом номере сообщены «Имена особ, подписавшихся на Журнал в Ноябре месяце». Из знакомцев Дмитриева подписались: в Петербурге – Осип Петрович Козодавлев; в Сызрани – Игнатий Иванович Соловцов.

Ноябрь, не позже 18-го. Москва.

Карамзин получает письмо от Дмитриева из Богородского (или Сызрани). При письме текст «Модной жены».

Ноябрь, 18. Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Богородское:

«Благодарю тебя, любезной друг Иван Иванович, за твое письмо, а особливо за сказку, которую читал я два раза с удовольствием, вместе с А. А. Петровым. Дело решено и Моск. журн. пойдет на 1792 г. С позволения твоего, *Модная жена* выйдет в свет в Генваре или в Феврале месяце. Между тем прошу тебя прислать мне и другую сказку, которой начало читал ты мне в Москве, а естли не находишь времени кончить ее, то пожалуй прими еще слабительное, чем много одолжишь покорного твоего слугу. – Надпись к портрету: *и это человек*, и пр. очень полюбилась, и многие твердят ее наизусть. – Николев бесится за те пять или шесть строк, которые в ноябре месяце написал я о его комедии, и что-то пишет против меня. – На что тебе *Сильфида*? Естли не ошибаюсь, то мы таким образом певали ее в Петербурге:

Плавай, Сильфида, в весеннем эфире!
С розы на розу в веселье летай!

С нежного мирта в кристальный источник
 На испещренный свой образ взирай!
 Май твоей жизни да будет весь ясен!
 Пчелка тебя никогда не пугай,
 Там, где пиешь ты свой сладостный нектар –
 Птица Цитерина мимо лети!
 В Оркус низыдя, Сильфида, покойся
 Кротко в Платоновом вечном венке!
 Он возвещал утешение смертным,
 Псиши свободу, подобно тебе.

Любезному Александру Ивановичу кланяюсь, а сестру Марфу Михайловну поцелуй. Ноябрь при сем посылаю, а когда сам в Симбирске буду, не знаю. Пиши ко мне еще в Москву; туда же присылай и сказку. Прости! Твой верной Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 23–24 (№ 21).

Ноябрь, 19. Село Богородское (или Сызрань). Симбирская губерния.

Записка Дмитриева к неизвестному:

«Здравствуй любезный друг! Вот тебе и еще от сызранского горемыки. Иван Дмитриев. 1791. Ноября 19 дня».

При письме тексты трех стихотворений: «*Песнь на кончину светлейшего Князя Потемкина Таврического*» («Уныл внезапно лавр зеленый...»), «*Песенка*» («Певец вечерний, милый...»), «*Другая [песенка]*», с подзаголовком: «На кончину одной девицы писанная от чувствительных ее приятельниц» («Душа ль моя душинька...»).

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 445. Ед. 206. Л. 4–5, под заглавием: «Песнь На кончину светлейшего князя Поте<м>кина-Тавр.[ического]» с подзаголовком: «Sic transit Gloria mundi». Текст «Песни...» по автографу напечатан в «Московском Журнале» (1792. Ч. 5. Кн. 2. С. 170). В следующих изданиях текст «Песни» Дмитриевым был переработан. В «Дмитриев, 1967» («Другие редакции и Варианты». С. 411) повторена ошибка, допущенная в «Московском Журнале»: во второй строфе, позже изъятый Дмитриевым, стих «Блистал, гремел и – пал как Крым;» в автографе читается: «Блистал, гремел и – пал как крин!» (Ф. 445. Ед. 206. Л. 4). Приношу сердечную благодарность А. К. Афанасьеву за сообщение автографа текста этого стихотворения.

Декабрь, 2. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань:

«Любезной друг Иван Иванович!

Сердечно благодарю тебя за все стихи твои. Слава Богу, что Сызранской воздух имеет для тебя силу вдохновения! Пиши, мой друг, пиши, и непременно пришли мне ту сказку, которой начало читал ты мне в Москве; видишь, как я ненасытим! – Многие места в печальной твоей песни на смерть Потемкина мне очень полюбились. Все будет напечатано, и конечно к удовольствию читателей Москов. Журнала.

О Державине ничего не знаю; но думаю на сих днях писать к нему, и когда получу ответ, тебя уведомя.

На газеты и на Политической Журнал подпишусь, и мальчик будет одет с головы до ног. Книги при сем посылаю; а стихов на смерть Потемкина никаких не знаю, кроме тех глупых, которые были напечатаны в Ведомостях.

Любезному Александру Ивановичу <Дмитриеву> кланяюсь, и надеюсь с ним и с тобою видеться в Симбирске; но когда, не знаю – потому что у нас еще нет пути. – Поцелуй за меня сестру Марфу Михайловну <Карамзину>.

Прости! Я простудился, и чувствую сильную боль в голове, не могу более писать.
 Верной друг твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 25 (№ 22).

Декабрь, 10. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 99) напечатано объявление о начале выдачи декабрьской книжки «Моск. Журн.» (Ч. IV. Кн. 3). Из сочинений Дмитриева здесь напечатано «*Письмо к ****» («Какое зрелище для нежных души!..») – С. 253–257; подпись: И.

Декабрь, 13 (не ранее). Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в с. Богородское (или Сызрань):

«Любезной друг Иван Иванович!

Очень, очень благодарю тебя за письмо и за стихи. Знаешь ли что *быль* мне лучше *картины* полюбилась, и не только мне, но и всем тем, которым я читал сии пиесы?

Теперь я не имею времени много писать к тебе, а скажу только то, что дней через шесть думаю выехать в Симбирск. Прошу тебя, прошу Александра Михайловича, прошу любезную сестру Марфу Михайловну приехать в Симбирск для свидания со мною, где мне нельзя пробыть более десяти дней.

Засвидетельствуй мое почтение милостивой государыне Катерине Афанасьевне и милостивому государю моему Ивану Гавриловичу.

Державин взят в Кабинетские Секретари, пишет ко мне и зовет меня в Петербург. Пожалуйста приезжайте в Симбирск; там поговорим обо всем. Естьли вы, наприм. завтра или после завтра, выедете, то мы приедем в одно время. Твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 15–16 (№ 14).

Декабрь, 18–25. Москва.

Карамзин выезжает в Симбирск, где собирался пробыть не более десяти дней.

1792

Январь. Москва.

Выходит январская книжка «Моск. Журн.» (Ч. V. Кн. 1). Из сочинений Дмитриева здесь напечатано «*Подражание Проперцию*» («Вотще мы, гордостью безумною надменны...») – С. 10–12; подпись: И.

Февраль. Москва.

Выходит февральская книжка «Моск. Журн.» (Ч. V. Кн. 2). Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*Модная жена*» Сказка («Колико я в мой век бумаги исписал!..») – С. 157–167; подпись: И.

«*Песнь на кончину Князя Потемкина-Таврическаго*» («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 170–175; подпись: И.

«*К честному человеку*» («Что слышу? О, приятна весть!..») – С. 175–177; подпись: И.

1792(?). Февраль-Март(?). Москва.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в с. Богородское Сызранского уезда Симбирской губернии:

«Любезной друг Иван Иванович!

Благодарю тебя за письмо и за похвалу Элизе, которую мне давно хотелось напечатать. Таким образом и прозаические твои пиесы будут служить к украшению москов. Журнала! В Лефевре я иное переменяю, для того что г. Француз не все понимал и умничал. Скажу тебе приятную весть — *приятную*, говорю, думая, что ты вместе со всеми Евиными чадами имеешь самолюбие, или честолюбие, и любишь, когда тебя хвалят. *Модная жена* очень понравилась нашей Московской Публике, и притом публике всякого разбора. *Это прекрасно*, говорить Франт — *в иных местах очень вольно*, говорить модная дама с стыдливою улыбкою. — *Быль* напечатана была прежде получения последнего письма твоего, и следственно без поправки.

Любезному другу Александру Ивановичу и любезной сестре Марфе Михайловне кланяюсь. Последней прошу сказать, что она может прислать в Москву мальчика, чтобы учиться портному ремеслу; я знаю очень хорошего женского портного. Тень свою пришлю, когда найду *теносымателя*.

Туманский задавил меня своими пиесами. Между тем да будет тебе известно, что Дмитриевской вместе с Плавильщиковым и *Клюшкиным*, или *Кукушкиным* или *Кулушкиным*, издает в Петербурге журнал *Зритель*, которой еще до меня не дошел. Да когда же ты будешь в Москве? Прости!

Друг твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 16–17 (№ 15).

Март. Москва.

В мартовской книжке «Моск. Журн.» (Ч. V. Кн. 3) напечатаны: «*На мир с Оттоманскою Портою*» («Во сне ли сладком я мечтаю...») – С. 293–295; подпись: И.

«*Отставной Вахмистр. Баллада*». («Сними с себя платочек...») – С. 295; подпись: И.

Апрель. Москва.

Выходит апрельская книжка «Моск. Журн.» (Ч. VI. Кн. 1). Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

«*Похвала Элизе Драпер, сочиненная Аббатом Реналем*» (при сочин. Елизаветы Драпер: Письма Иорика к Элизе и Елизы к Иорика) – С. 10–17; подпись: И.

Апрель, 13. Петербург.

Указ имп. Екатерины II московскому главнокомандующему кн. А. А. Прозоровскому, предписывающий «командировать» в подмосковное имение Н. И. Новикова, в село Авдотьино, «одного из советников судебных палат и из заседателей верхняго земского суда», которые должны произвести «там внезапный обыск».

Лонгинов, 1861. С. 314.

Апрель, 22. Авдотьино.

Обыск в имении Н. И. Новикова, проведенный Д. А. Олсуфьевым, Даниловым и Писаревым. Все его бумаги и найденные при обыске книги конфискованы. Первый припадок у Н. И. Новикова во время обыска. Состояние Новикова было столь опасно, что Олсуфьев не решается везти Новикова в Москву. Новиков оставлен в Авдотьино под присмотром Никитского городничего и на медицинское попечение жившего в Авдотьино Багрянского.

Лонгинов, 1861. С. 415.

Апрель, 24. Москва.

Н. И. Новиков привезен к кн. А. А. Прозоровскому, который «тут же снял с него первый допрос».

Лонгинов, 1861. С. 317.

Апрель (не ранее 24) ... Май (перв. пол.). Москва.

Карамзин пишет в защиту арестованного Н. И. Новикова и адресованное имп. Екатерине II стихотворение «К Милости» («Что может быть тебя святее, / О Милость, дщерь благих небес...»).

Май. Москва.

В майской книжке «Моск. Журн.» (Ч. VI. Кн. 2) из сочинений Дмитриева напечатано стихотворение «Весна» («Под розово-серебристым небом...») – С. 120–122; подпись: И.

Июнь, 14. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя, мой любезный друг, благодарю сердечно за все твои письма и за все удовольствие, которое они мне сделали».

Я очень рад, что ты в Державиных по видимому не нашел перемены, что они по прежнему любят своих приятелей. Что принадлежит до Петрова, то мне кажется, что они еще не знают его – кажется, что и ты вместе с ними его не знаешь. Такого человека не лзя судить так, как судят обыкновенных людей. Он дик и чувствителен – при незнакомых молчалив и холоден, а с другом сокровище. Наивного ответа его: я привык дома обедать, не должно принимать за грубость – он напоминает ответы Руссовы.

Дай мне идею о Водопаде Державина, и скажи ему, что я дожидаюсь его с нетерпением – разумеется, если это будет кстати сказать. Да сделай одолжение, сказывай мне иногда мысли свои о пьесах Московского Журнала, которые заслужат твое внимание. – Для тебя в Июне месяце будет нечто из Морицовой митологии.

Уведомь, в Петербурге ли Коцебу? Гаврило Романович может поздравить себя с таким хорошим переводчиком. Он имеет жени, дух и силу. Я хотел бы знать его лично.

Я очень беспокоюсь о любезном Александре Ивановиче. В последнем письме ты не говоришь об нем ни слова: каков он? Поцелуй за меня.

Что принадлежит до меня, любезной друг, то я довольно покоен. Мне очень хочется недели на три ехать в деревню, не далеко от Москвы.

Прости, мой друг! Завтра пошлю журнал и к Ляпунову и к Дирину. Ваш полк занимается литературою. – Каков тебе кажется *Петербургский Зритель*, которой жестоко разит Петербургских актеров нижнего разбору и Венериных жриц? Не можешь ли мне сказать, что сочиняет тут Дмитриевский?

Если муза твоя в Петербурге спит, то я желаю ей скорого и радостного пробуждения.

Прости!

Что Львов, сочинитель Памелы? Стенает ли он от нечестивых? Чувствует ли удары *Зрителя*?».

Карамзин, 1866. С. 25–27 (№ 23).

«Мне очень хочется недели на три ехать в деревню, не далеко от Москвы...» – см. «1799. Апрель, 4».

Июль, 3. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 53) напечатано объявление о начале выдачи июньской книжки «Моск. Журн.» (Ч. VI. Кн. 3). Из сочинений Дмитриева здесь напечатана песня «*Сизой Голубочик*» Песня («Стонет сизой голубочик...») – С. 217–218; подпись: И.

Июль, 16. Деревня.

Карамзин получает письмо Дмитриева из Петербурга, (не обнаружено).

Июль, 18. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя, любезной друг мой, искренно благодарю за два письма твои. Одно из них получил я накануне отъезда моего в деревню, а другое третьего дня. Теперь отвечаю на оба.

Я ни мало не сердился на тебя за то, что ты писал ко мне об Александре Андреевиче <Петрове>. Напротив того еще благодарю тебя, потому что мне очень хотелось знать, как думают об нем Г. Р. и К. Я. <Державины>. По *человеколюбию*, которое мне приписываешь, желал бы простить тебя, но не могу, потому что ты ни в чем не согрешил передо мною. Сколь ни люблю Александра Андреевича <Петрова>, однакож соглашусь, что он может показаться странным тому, кто не хорошо знает его – и особливо женщине, даже самой любезной, и самой почтенной, например К...ъ Я...ъ.

И вперед, мой милой друг, прошу тебя писать ко мне о их расположении к моему любезному нелюдиму.

Мысль, привести к водопаду зверей кажется, мне пиитическою; в рассуждении солдата и П... Не скажу ничего – надобно прочесть стихи. Положение умершего, думаю, хорошо и трогательно описано. Полушек не понимаю. Когда пиеса будет окончена, нельзя ли достать ее для прочтения?

Благодарю тебя, мой милой, за приятные вести о Журнале; но пожалуй сообщай и неприятные, какие услышишь. Собственное твое мнение для меня важно.

Что принадлежит до *Зрителей*, мой друг, то я столько уважаю себя, что не войду с ним ни в какой бой. Пусть они уничтожают примечания на Кадма и Гармонию, и все, все, что им угодно! Qu'est ce qu'il y a de commun entre nous? Скажу я с одним Французом. – Твой *Вахмистр* в Москве гораздо щастливее, нежели в Петербурге. У нас его хвалят, и очень хвалят. Чудно для меня, что он не по-

любился Г. Ро-чу <Державину>! Верно он читал его в худой час. *Вахмистр* есть и будет всегда превосходною писею в своем роде. Впрочем, я думаю, что Коклюшин не есть Петербургская Публика, и что львенок не имеет причины торжествовать. Он имеет причину горевать, не для того, что Коклюшин понимает его под Миниа-тюркиным, но для того, что он имел нещастие написать Памелу, Храм бессмертия, и прочее. Только я не доволен тобою, что ты показал ему мое письмо – не доволен, и очень недоволен. Если тебе хотелось щелкнуть его по носу, то для чего ты не прочитал ему своей эпиграммы на трех Львовых? Впрочем всего лучше предать его судьбе и Коклюшиним. Кто захочет жать с ним на одном поле? – Позволь мне еще удивиться тому, что ты хотел заставить часто упоминаемого Коклюшина писать против *Московского Журнала*, по крайней мере Аполлон Иванович Бекетов так мне сказывал. Что за странная мысль? Уже ли ты, ты мог думать, что я при-му от него перчатку и выеду на рыжке с ланцом? Признаюсь, что не смотря на мое человеколюбие, едва ли бы я простил тебе эту мысль. Скорее вступлю в бой с Пироговыми, Сызранскими секретарями, Вележевыми, и проч., и проч.

Пожалуй, любезный, изъяви благодарность мою Гавриле Романовичу за при-сланную им пиесу, которая напечатана будет в Июле.

Да уведомя, как любезный Федор... Львов, принял примечания мои на его стихи к Лире? Не сердился ли он? Мне это будет прискорбно. Он имеет истинные дарования.

О каких стихах к истине говоришь ты? Пиши, милой друг мой и брат по любви к Музам! Пиши! Ты поэт – но не ужели тебе самому это неизвестно? – Чуть было не забыл сказать, что Херасков Сизаго Голубка твоего называет пре-краснейшею писею. Это уверяет меня, что он имеет хороший вкус.

Прости любезный! Пиши скорее. Я теперь в деревни, но ответ твой найдет меня уже в Москве.

Жалею, очень жалею, о смерти Катерины Ивановны. В таких летах!

Прости! – Но чур не показывать моих писем, и верить, что я очень, очень люблю тебя! Какова Саконтала?».

Карамзин, 1866. С. 27–29 (№ 24). На обороте письма рукою Карамзина надписано: «Его Благо-родию, Милостивому Государю моему Ивану Ивановичу Дмитриеву, Гвардии Семеновского полку Г. Поручику, За Семеновским мостом в доме Г. Коммиссара Чулкова в С. Петербурге».

Июль, 19. Петербург.

А. А. Петров в письме к Карамзину в Москву сообщает: «С И. И. <Дмитрие-вым> вижу почти всякую неделю раз, когда он бывает у Г. Р. <Державина>, а с Л<абзиным> с приезде моего сюда виделся только два раза...».

Карамзин, 1984. С. 510–512.

Август, 1. Петербург.

Указ имп. Екатерины II московскому Главнокомандующему кн. А. А. Прозо-ровскому, по которому Н. И. Новикова приказано (повелела): «... запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость. Что же касается до сообщников его Новикова, статского действительного советника князя Николая Трубецкого, отставных бригадиров Лопухина и Тургенева <...> повелеваем, призвать каждого из них порознь, истребовать чистосердечного по прилагаемым при сем вопросам объяснения...».

Лонгинов, 1861. С. 0114–0115.

Август, 28. Суббота. Москва.

В № 69 «Моск. Вед.» напечатано сообщение о начале выдачи «Моск. Журн.» за июль месяц (Ч. VII. Кн. 1). Из сочинений Дмитриева в этой книжке жур-нала напечатано стихотворение «*Отъезд*» («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 8–11; подпись: И.

Август. Москва.

Выходит августовская книжка «Моск. Журн.» (Ч. VII. Кн. 2). Здесь напечатаны соч. Дмитриева:

«Пчела, Шмель и я» («Шмель, роясь в навозе...») – С. 118–119; подпись: И.

«Гимн восторгу» («Восторг, восторг души Поэта...») – С. 119–120; подпись: И.

Сентябрь, 6. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 72) напечатано объявление о начале выдачи сентябрьской книжки «Моск. Журн.» (Ч. VII. Кн. 3). Из сочинений Дмитриева здесь напечатана «Бабушкина песня» («Ах! когдаб я предузнала...») – С. 275–276; подпись: И.

Сентябрь, 6. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя, любезной друг мой, за два письма твои, полученные мною вдруг по приезде моем из деревни, где прожил я долее, нежели думал, и где прожил бы еще долее, еслиб Субскрибенты не принудили меня оттуда выехать и предстать в персональной наличности пред лице Окорокова и наборщиков его. – За все присланные стихи благодарю тебя, и прошу (NB. Естли надобно) поблагодарить и других. И так ты записался ныне в дамские стихотворцы и пишешь только по заказу! И я бы заказал тебе перевести *Les trois manieres*, одну из лучших Вольтеровых сказок (о которых, кажется, давно уже говорено было); но не будучи дамой, могу ли надеяться? Вообрази, что львенок все еще присылает переводы для помещения в Московском Журнале! Но полно; более ни строчки не напечатаю. – Всякой день собираюсь ехать к Нелединскому за песнями. Но какая странная мысль издать песенник! Кому хочешь ты услужить? Хорошо, естли своему карману; но и в этом не ошибешься ли? Впрочем я не люблю *отстращать* людей от их предприятий; и так издавай! Я подписываюсь на экземпляр; только с тем уговором, чтобы тут напечатан был и *сизою Голубочик*. – Для чего по сие время не получаешь ты Мифологии? Для того, что издатель (т. е. Издатель Мифологии, а не Московского Журнала) возненавидел жизнь и удавился. Вообрази, какой удар для матери, переводчицы *Инок!* Естли хочешь, то я пришлю к тебе письмо, писанное им к дяде за несколько часов пред смертью. Ты удивишься! – Пожалуй уведоми меня об Александре Андреевиче. Он ко мне давно не пишет. Нет ли у вас чего нибудь нового в литературе? – В каком состоянии Бобров? Стихи его и Львова и Державина напечатаны в августе, который скоро выдет. Прости, мой любезный Поэт и Стихотворец! Пиши к твоему Издателю Карамзину!».

Карамзин, 1866. С. 30–31 (№ 25).

Октябрь, 21. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«После осмидневной болезни берусь в первый раз за перо, чтоб писать к тебе, мой милой друг Иван Иванович!

Благодарю за два письма твои. Последнее огорчило меня известием о худом здоровье твоём. В рассуждении худого хозяйства – надежда, надежда! – Впрочем когда есть свободное кофе, изредка макароны и блан-манже, то можно еще терпеть по-философски. Заимодавцы? Да разве ты уже лишился дарования своего смешить их и отправлять назад без платы, однакож довольными? Я с своей стороны для подкрепления кашелька твоего посылаю тебе при сем Нелединского песни. Печатай Песенник и собирай деньги с Публики! Или ты уже оставил свое намерение? Пожалуй уведоми. – Булгаковым недавно виделся; но нам помешали беседовать о пользе человеческого к... Какой человек! – Хорошо сделал, что отдал книжки Авдотье Дмитриевне; ей оне и посланы были. Июнь пришлю с Сентябрем, который уже отпечатан. В Октябре и Ноябре хочу поместить продолжение и окончание *Лиодора*. – Благодарю за стишки. Это не голубок, однакож хорошо; а особливо обращение к ласточке и сии стихи:

*Розы ль дышут над могилой
Иль полынь над ней растет, и проч.*

Знаешь ли, братец, что Николев оскорбился Гимном восторгу? Я уверял его, что Автор не думал об нем. Что Гаврило Романович? Воспоминает ли иногда о нас? – Прости, мой милой! Еще рука дрожит от слабости. Твой друг Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 31–32 (№ 26).

Декабрь, 3. Среда. Москва.

В № 98 «Моск. Вед.» помещено объявление о начале выдачи очередной книги «Моск. Журн.» (Ч. VIII. Кн. 1–2. Октябрь – Ноябрь). Здесь напечатано стихотворение Дмитриева «Картина. Сказка». («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 5–12; подпись: И.

1792. Декабрь.

Евгений Болховитинов, получавший «Московский Журнал» от Селивановского, пишет последнему: «Пожалуйте изведайте, будет ли Карамзин чтонибудь издавать в следующем году и поскорее меня уведомяте».

Библиографические Записки. 1859. Т. II. С. 67.

1792. Петербург.

Дмитриев, вероятно, читает в «Российском Магазине» разбор Ф. Туманским перевода Е. Кострова «Оссиан, сын Фингалов» (С. 198 и след.): «Ничто не определяет лучше цены, как сравнение двух вещей между собою; а в сем случае двух переводов. К частию г. Кострова в переводе некоторых Оссиановых сочинений предшественник (в выноске: «Г. К.[арамзин] писатель Московскаго журнала 1791 и 1792 годов»), некоторою частию читателей одобряемый, сам и с братею своею Судия многих чуждых трудов и часто подписывающей определения без позволения переноса, или силящийся суждения других поддержать своими примечаниями, предоставил случай сличить сей перевод, сделать обоим сравнение и поставя цену тому и другому заключить во прочем...». За этою тяжелою выходкою следуют выписки из переводов Карамзина и Кострова.

1793

Январь, 3. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Поздравляю тебя с 1793 годом, мой любезный друг Иван Иванович! Желаю, чтобы ты в течение его был здоров и щастлив, любил меня по прежнему, играл на лире приятные песни и веселился с друзьями своими как беспечной младенец.

Виноват! Признаюсь – но любил и люблю тебя сердечно. Всякую почту хотел писать, и всегда что нибудь мешало. Прибегаю к твоему великодушью – прости кающегося!

И так ты сиротствуешь в Петербурге? Приезжай в Москву; сделай себе темной фрак, застегни его до последней пуговицы, и будь Журналистом! – Ты верно не забыл сего старинного плана.

Я вместе с тобою стареюсь, мой друг! Уже и пределы лба моего расширяются. Что делать? Слезы не помогут; от вздохов заболит грудь. – Постараемся наилучшим образом проводить, или наимприятнейшим образом сокращать время наше! – Книги не приносят тебе удовольствия? Знак, что сердце твое беспокоино. Думаю, что экономические обстоятельства наиболее тебя тревожат. Когда-то все мои друзья будут богаты! – Придет весна, и мы будем веселее!

Мне сказывали, будто издателей *Зрителя* брали под караул: правда ли это? и за что?

Уведомь, любезной друг, как расположен Г.[авриил] Р.[оманович Державин] к Александру Андреевичу <Петрову>, и часто ли ты бываешь у первого.

Ты желал знать, кто сочинял рускую песню, напечатанную в Сентябре: Николев.

Прости, мой любезной, и почитай меня всегда твоим вернейшим приятелем и другом».

Карамзин, 1866. С. 32–33 (№ 27).

«Сочинил рускую песню... Николев...» – в «Моск. Журн.» (1792. Ч. VII. Сентябрь) помещена под затейливым заглавием «Руская песня, сочиненная в Подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозвищем швея Горемыка, живописцем, прозванным сердце» с подписью Н. Н. Песня эта в свое время пользовалась большою известностью:

Вечерком румяну зорю
Шла я с грусти посмотреть...
и проч.

Январь, 15. Москва.

Письмо Карамзина к А. В. Колмакову в Петербург:

«Искренно благодарю вас за ваше приятное письмо и за Алкоран, о котором, по желанию вашему, скажу нечто в последнем месяце *Московского Журнала*.

Есть ли вы когда нибудь приедете в Москву, то прошу вас одолжить меня своим посещением.

Я вместе с вами жалею, что петербургский перевод Рассматривания натуры не совсем достоин подлинника. Может быть, через несколько месяцев выйдет в Москве другой перевод сей полезной книги.

Желаю знать вас лично, остаюсь вашим покорным слугою

Николай Карамзин».

РЛ. 1991. № 4. С. 90.

1793. Январь (втор. пол.). Москва.

Выходит последняя книжка «Московского Журнала» (Ч. VIII. Кн. 3).

Выход в свет последней книжки следует датировать втор. пол. января 1793 г. В письме от 15-го января 1793 г. Карамзин обещает Колмакову сказать о его переводе «нечто в последнем месяце *Московского Журнала*». Рецензия Карамзина на перевод Колмакова была напечатана в «Моск. Журн.» (Ч. VIII. С. 332–334), т. е. после 15 января.

Карамзин в этом номере журнала опубликовал, вероятно, все, или почти все, что было передано ему Дмитриевым для «Московского Журнала». Это самая большая подборка сочинений Дмитриева, напечатанная в периодическом издании:

«*Быль*» («Чума и Смерть вошли в великолепный град...»). – С. 161–164; подпись: И.

«*К Хлое*» («Дрожащею рукою / За лиру днесь берусь...»). – С. 195–197; подпись: И.

«*Голубок. Подражание Анакреону*» («Прекрасный голубчик! скажи мне отколе...») – С. 197–198; подпись: И.

«*К младенцу (Подражание)*» («Дай собой налюбоваться...») – С. 199–201; подпись: И. Стихотворение посвящено сыну А. Г. Севериной – Дмитрию Петровичу Северину (1791–1865).

«*Наслаждение*» («Всяк из нас в желаньях волен...») – С. 209–210; подпись: И.

«*Песня*» («Тише, ласточка болтлива...») – С. 210–211; подпись: И.

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 115. л. 2 об., под заглавием «Третья».

«*Пустынник и Фортуна*». Сказка («Какой-то доброй человек...») – С. 232–234; подпись: И.

Перевод из Грекура (Grécourt): «Le solitaire et la Fortune».

Январь, 28. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг Иван Иванович!

Лучше не благодарить да прощать; лучше не благодарить да не думать, чтобы я когданибудь забывал тебя.

Радуйся, мой друг, распространению лба моего; но не радуйся тому, что мне, с некоторого времени очень грустно. И так не один ты горюешь!

Болезнь Александра Андреевича меня очень беспокоит. Я пишу к нему на сей же почте, и с нетерпением ожидаю его ответа.

И так Эмин, Крылов, Клушин, Туманской не благоволят ко мне! Какое нещастие! Я видел, как бедной Туманской хотел зацепить меня в своем Журнале. Эмин не сочинил ли какойнибудь эпиграммы?

Желаю сердечно, мой милой друг, что бы ты был веселее, и чтобы состояние любезных родных твоих не могло тебя беспокоить. Вчера я получил письмо от Александра Ивановича <Дмитриева>: он здоров.

Ода на щастие гладка. Сочинитель имеет вкус. Но находишь ли ты в сей пиесе новые, живые, глубокие чувства и творческое воображение?

Пожалуй, доставь приложенное письмо к Василию ... Сопикову, Петербургскому книгопродавцу. Я не знаю, где он живет. Человек твой может спросить об нем в книжных лавках. – Прости, любезной!».

Карамзин, 1866. С. 33–34 (№ 28).

«Ода на щастие. Родным, друзьям и ближним» (Моск. Журн. 1792. Ч. VIII. С. 296) принадлежит В. Капнисту.

Январь, 31. Петербург.

Становится известно о казни в Париже Людовика XVI. Объявляется траур на шесть недель. А. В. Храповицкий записывает в дневник: «... Замечательное стечение чисел с 10-м Генваря 1775 года: в Москве казнен Пугачев» (Храповицкий, 1862. С. 281).

Февраль, 11. Петербург.

Имп. Екатерина II предписывает кн. А. А. Прозоровскому из имущества Н. И. Новикова предать огню «запрещенные книги, бывшие на сохранении за печатью с 1786 г. и отобранные в лавке в 1792 году и конфискованные в Авдотьино».

Лонгинов, 1861. С. 358.

Февраль, 17. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезной Иван Иванович!

Не можешь вообразить, в каком я беспокойстве об Александре Андреевиче <Петрове>. Ужели пришел конец его? Эта мысль для меня слишком мучительна. Пожалуй, мой друг, уведомя, и если можно, уведомяй меня всякую почту каков он – пиши хотя по одной строчке. Болезнь Александра Ивановича <Дмитриева> мне также очень прискорбна. Отвсюду неприятные вести! Везде горизонт так черен и грозен! – Какое время, мой друг!

Но может быть пройдут тучи, хаос разделится и солнце проглянет – друзья Александры наши будут здоровы, а мы покойны и веселы!

Прости, мой друг! поручаю тебя твоему Гению. Оба года Журнала пошлю на первой почте. Страхову скажу. Бумаги твои отдам Ивану; *огарки* или *оборыши* Московского Журнала также доставлю тебе. Будь спокоен по возможности!».

Карамзин, 1866. С. 34 (№ 29).

Март, ок. 15. Петербург.

Кончина А. А. Петрова. Вероятно, Дмитриев был на его отпевании (или погребении).

Март, 21. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«И так его уже нет! –

Одному мне известно, чего я в нем лишился – и сердце мое долго, долго не привыкнет к своей потере.

Мне очень хочется иметь все бумаги покойного моего друга. Если хочешь обязать меня, то попроси их у брата его Ивана Андреевича. Надеюсь, что он сделает для меня это великое одолжение; а если не сделает, то я прошу его возвратить мне хотя одни письма мои, которые ни для кого не могут быть интересны. Ты можешь отобрать их и переслать ко мне через почту. Любезной друг! я уверен, что просьба моя не покажется тебе неважною.

Уведомя меня, где его погребли, и можно ли почему нибудь узнать его могилу.

Сердечно благодарю почтенного и любезного Гавриила Романовича <Державина> за его вторичное благосклонное предложение; но я по разным причинам не могу им воспользоваться. – Теперь право не в состоянии писать более. Прости, мой друг! будь здоров и покоен!

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 34–35 (№ 30).

Апрель, 24. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель. Петербург.**

В «С. Петербургском Меркурии» (С. 3–10) помещена ода Клушина «Человек».

Май, 4. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя, любезной друг мой, за два письма твои, полученные мною почти вдруг. Долгое время не имея о тебе никакого известия, я начинал уже беспокоиться.

Благодарю и за исполнение моей просьбы. Я доволен, что письма мои сожжены; но для чего г. Петров не хотел отдать их, не понимаю. Жаль мне, что я заставил тебя ехать к человеку не весьма учтивому; но ты очень обязал меня.

Принимаю искреннее участие в твоих беспокойствах. Братец <один из бр. Бекетовых> твой казался мне таким тихим человеком, а делает такие дела!

Я надеялся видеть тебя весною, мой любезной друг. Смерть Александра Андреевича <Петрова> помрачила душу мою на долгое время, но не прохладила в сердце моем любви к оставшимся друзьям. Я очень люблю тебя.

Недели через три думаю ехать в деревню, верст за триста из Москвы. Вид сельской природы успокоит меня. Там может быть напишу нечто и для *Аглаи*, которую теперь мало занимаюсь.

Скажи пожалуй, что у вас говорят о периодическом сочинении Клушина, о его важных замечаниях, анекдотах, рецензиях, *несчастном М-ве*.

Господина Страхова я не видал. Слуга его принес пакет твой. Но он хотел сам быть у меня – и естьли будет, то я отдам ему твои бумаги, два экземпляра Журнала и огарки.

Часто ли бываешь у Гаврилы Романовича? Не сердит ли он на меня за то, что я не принял его предложения? Засвидетельствуй ему мое почтение, также и Катерине Яковлевне. – Пиши ко мне, милой! Письма твои мне очень приятны. Прости! Друг твой Карамз[ин]».

Карамзин, 1866. С. 35–36 (№ 31).

В «С. Петербургском Меркурии» (Ч. I. С. 138–226) помещена повесть Клушина «Несчастный М-в», которая в 1802 году издана отдельно и обозначена в «Росписи российским книгам» Смирдина под № 8352 как «Вертеровы чувствования или несчастный М-в (Маслов)». Здесь рассказано о любви молодого Маслова к знатной девушке, которой он преподавал русский язык. Вообще повесть написана с притязаниями на подражание Вертеру Гёте и чрезвычайно утомительна; но содержание ее взято, по-видимому, из истинного происшествия.

Июнь, 2. Москва.

Карамзин при письме от Дмитриева из Петербурга получает тексты басни «*Чиж. Подражание*» («Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет...») и «Сказки («Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?...»).

Июнь, 2. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Сию минуту, любезной Иван Иванович, получил письмо твое, стихи и Державина Оду, о которой не скажу тебе ни слова. Перевод самой не пиитической. *Briser les cachots* и некоторые другие выражения показывают, что переводчик не Француз. Но ныне мне право и критиком быть не хочется, в то время, когда Клушины издают журналы, пишут рецензии, называют Жилблаза *периодическим* (смотри рецензию на Фобласа) сочинением, я винительным падежом (см. приключение несчастного М-ва Феврала месяце) облакачиваются головою, и восхищают *le gros du Public* комедиями *смех и горе*.

Но твоего *чижика* посажу в чистую клетку, к двум или трем разноцветным, маленьким птичкам, которые, видя мрачность неба, не хотят лететь на волю и сидят прикорнувши в маленьком своем домике, ожидая красного дня, когда грация Аглая собственною рукою отворит им дверцы.

Твою сказку, посвященную щекотуньям, прочитаю двум или трем щекотуньям, с которыми не редко вижусь.

Скажи, братец, что за человек Иван Розанов, или Иван Розов, которой пишет такие превосходные стихи? Да скажи еще, к которому сорту читателей Клушина принадлежат Державин, Львовы, Козодавлев, Капнист? Может быть я оскорбляю их сим вопросом, но ты не донесешь на меня. Впрочем в свете бывает много странностей – поверишь ли ты например, что Николев до небес превозносит *Меркурия*, удивляется знаниям и чувствам Клушина (с которым он недавно познакомился) и говорит, что приключение несчастного М-ва гораздо лучше Вертера? Поверишь ли, что Горчаков с ним соглашается? Но старик Херасков и Нелединской крайне сожалеют, что у нас на Руси можно *impunement* писать такие нелепости.

Сей же доброй и почтенной старик Херасков сочинил Оду, которую при сем к тебе, посылаю. Строфа, в которой говорится о *Наказе*, прекрасна. Первые три строфы хороши; шестая и седьмая также, осьмая превосходна, – но в целом нет порядка. Согласно ли твое мнение с моим?

Я послал к тебе через почту журнал и *огарки*. Не лъзя ли последние возвратить мне? А я на смену пришлю тебе другие.

Да не можно ли узнать, почему Шнор продает хорошие свои литеры? я бы купил их листа на два.

Апреля месяца славного *Меркурия* я еще не получил от тебя.

Силуэтер Герман сделал мне прекрасной силуэт Александра Андреевича Петрова, которой я всегда ношу в кармане.

Пиши ко мне, по прежнему, т. е. подписывай письма в дом Алексея Александровича. Еще не знаю, когда поеду в деревню; но где бы я ни был, письма твои дойдут до меня. В Москве останется человек, которой будет пересылать ко мне и письма, и газеты, и журналы.

Прости, мой милой! Пиши чаще и больше, и люби всегда верного твоего друга».

Карамзин, 1866. С. 36–38 (№32).

Июнь, не позже 22. Москва.

Карамзин получает письмо от Дмитриева из Петербурга (не обнаружено), при котором были присланы тексты притчи «*Жаворонок с детьми и земледелец*» («Пословица у нас: *на ближних уповай, / А сам ты не плошай!..*») и эпиграммы «О Клюквин! Не глуши своим нас лирным звоном...».

Июнь, 22. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Мой милой друг и Ла-Фонтен!

При отъезде в деревню хочу написать к тебе несколько строк. Благодарю за все Петербургские *стихотиды и прозаиды*, – повторение, скажешь ты. Извини, любезной! но я боюсь, чтобы ты совсем говорить не перестал, по ненависти твоей к повторениям.

Ода с возом как воз дров, а дрова, как известно, употребляются не на худое. Из политических стихов можно и должно сделать другое употребление (прости мне сей галлицизм). Бумага, на которой они напечатаны, довольно мягка. Я подозреваю, что Автор хочет отрыть лавровый венок Василия Тредьяковского, лежащий в пыли и прахе, – отрыть и возложить его на свою пустую главизну.

Жаворонок очень хорош. Я хотел бы, чтобы стих: *и любви, не помышляла*, был глаже, и чтобы вместо *встрепенясь* поставил ты другое слово; надобно сказать *встрепенувшись*. *Пичужечки* не переменай – ради Бога не переменай! Твои советники могут быть хорошими в другом случае, а в этом они не правы. Имя *Пичужечка* для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Оно возбуждает в душе нашей две любезные идеи: о *свободе* и *сельской простоте*. К тону басни твоей нельзя прибрать лучшего слова. *Птичка* почти всегда напоминает клетку, следственно неволю. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное. Слыша это слово, ты еще не знаешь, о чем говорится: о струси или колибри.

То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красной летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку, и покойного селянина, которой с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *вот гнездо! вот пичужечка!* При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, которой чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квас!* Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! — И так, любезной мой *И*, не лъзя ли вместо парня употребить другое слово? – Мораль в заключении кажется мне неясною. Из басни следует, что не должно надеяться на чужую помощь; к чему же сказано: *не всегда в намерениях будь скор!* Разве к тому, что жаворонок не тотчас решился оставить гнездо свое? Но это очень далеко и темно. – Вот мои замечания, очень, очень не важные!

Эпиграмма твоя на одическое вздорословие стоила бы того, чтобы напечатать ее под сим великим произведением Клушинского ума и естли бы спросили тогда: “для чего Клушин написал человека?”, то я отвечал бы: “чтобы любезной мой Дмитриев сочинил на него прекрасную эпиграмму”. Скажи, братец, кто писал примечания в Апреле Меркурия?

Литеры Шнора хороши и не слишком дороги. Может быть я куплю их, только не теперь. Судьба университетской типографии еще не решена. Может быть она достанется какому нибудь Водопьянову или Пономареву – вообрази же, в каких руках будет московская литература!

Пять рублей за Fictions morales ко мне не посылай, а оставь у себя на пересылку Меркурия и прочего.

Через час надеюсь оставить Москву и быть в чистом поле. Пиши ко мне, любезной друг, по прежнему, и как можно более, чем крайне одолжишь меня.

Впрочем, будь здоров, будь весел! Как бы хотелось с тобою видеться! В начале зимы думаю ехать в Симбирск: не лъзя ли вместе? Приезжай и поедем! Прости, и люби всегда твоего верного друга Н. К.».

Карамзин, 1866. С. 38–40 (№ 33).

1793. Июнь(?) – Июль(?). Петербург.

К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню Голубок («Нежный ученик Орфея!..»).

Июль, 26. Село Знаменское (Орловское наместничество).

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Не писать ко мне так долго! Не отвечать на мое письмо! – Не знаю, что думать; но знаю и чувствую то, что я о тебе, в превеликом беспокойстве, любезной друг Иван Иванович! Сделай милость, отпиши поскорее.

Я живу в деревне около месяца, покойно и нескучно. Что у вас в свете делается, в ученом и неученом? Уведомляй нас пустынников. – Теперь не хочу писать к тебе, много; право очень беспокоюсь. Дай Бог, чтобы ты был здоров и благополучен!

Вечной твой друг Карамзин.

П. П. Письма надписывай по прежнему, то есть в Москву, в дом Алексея Александровича. Меркурия после Апреля я не получал».

Карамзин, 1866. С. 40–41 (№ 34).

«Я живу в деревне... Письма надписывай по прежнему... в дом Алексея Александровича...» – Карамзин жил в селе Знаменском, тогдашнего Орловского наместничества, у приятелей своих Алексея Александровича и Настасьи Ивановны Плещеевых. И. И. Дмитриев говорит о Настасье Ивановне Плещеевой: «...в ее-то сельском уединении развивались авторские способности юного Карамзина. Она питала к нему чувства нежнейшей матери» (*Дмитриев, 1866. С. 78*).

Август, ок. 17. Село Знаменское (Орловское наместничество).

Карамзин получает от Дмитриева из Петербурга два письма, а также адресованные ему «Стансы» («Прочь от нас, Катон, Сенека...»).

Карамзин, 1866. С. 43 (№35).

Август, 17. Село Знаменское (Орловское наместничество).

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя, любезной друг, за два письма твои, которые были мне очень приятны. Прежде всего скажу тебе, что я очень буду жалеть, естли ты не най-дешь меня в Москве, где думаю быть не прежде Ноября. Как бы хорошо было, если бы ты выехал из Петербурга по первому пути! Мы бы обнялись на берегу бедной Яузы и поскакали бы вместе на берег великолепной Волги. Я верно отправлюсь в Симбирской край в начале зимы, дал слово и намерен сдержать его. Как тебе, ехать в Октябре? Вообрази себе ужасную грязь, скверную дорогу, тряскую

кибитку, мокроту и сырость. Не лучше ли в тысячу раз катиться по белым одеялам зимы? – Впрочем, если Петербург тебе очень наскучил, то Бог с тобою! Я должен жертвовать своим удовольствием твоей пользе. По крайней мере в Симбирске увидимся. Только прошу уведомить меня о своем плане.

Я живу, любезной друг, в деревне с людьми милыми, с книгами и с природою, но часто бываю очень, очень беспокоен в моем сердце. Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов – но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое сердце. Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дулцинею свою так страстно, как я люблю – человечество!

Кто председательствует в вашем *высокоумном комитете*? – Что молодой Львов? Пишет ли? и как? – Желаю видеть *полные творения* нашего Г. Романовича Державина. Вероятно, что издание будет великолепное.

И так голубок твой ожил в Петербурге! ты знаешь, как я люблю его. Только голос мне не очень полнокровен; уныло, но *выражение* слабо. Музыка другой твоей песни гораздо лучше. Не лъзя ли, любезной поэт, переменить в ней последней строфы? Она мне не так нравится, как другие. *Персты и сокрушу* производят какое-то дурное действие.

Господин Ц-оч. <здесь под буквою Ц Карамзин понимает себя> благодарит тебя за стансы, достойные твоей лиры. Только четвертую строфу портят *иль и ниже*. Последняя также подвержена критике. *Знать* (в том смысле, в каком ты употребил его) и *узнать* рифмовать можно, но мне не нравятся первые два стиха потому, что связь их слаба или неразительна. Ты сблизил, так сказать, *мечтание с пороками*; но одно от другого очень далеко по существу своему. Мечта есть нечто иное, как заблуждение, и всегда достойна сожаления; порок есть разращение сердца, и должен быть предметом омерзения. Человек, окруженный пороками, гнушается ими, или сам делается порочным, но не мечтателем. Когда же между мечтами и пороками нет явной связи, то на что говорить:

*Друг! довольно мы мечтали
Там, где всех пороков знать*

ты переменяешь сию строфу и говоришь:

*Друг! еще ль мы не устали
Сердце в нас поработать?*

Но здесь не сказано, чему поработать; а это, кажется, нужно. – Вот вся моя критика!

Герман не мог сделать похожего на меня силуэта; а что тебе в такой тени, которая не есть тень друга твоего? – Не думай, чтобы я забывал твои желания.

Прости, любезной! пиши скорее, когда думаешь оставить Петербург.

Бедной Розов! Но я не могу понять, каким образом можно находить богохуление в стихах Розова!

Друг твой Н. К. ».

Карамзин, 1866. С. 41–43 (№35).

«Голубок твой ожил...» – Карамзин понимает музыку, сочиненную О. М. Дубянским на песню Дмитриева «Сизой голубочик», которая из столиц перешла потом во все провинциальные закоулки. О Дубянском (см.: *Державин*, 1871. Т. I. С. 750–751).

«Бедной Розов! Но я не могу понять, каким образом можно находить богохуление в стихах Розова!» – в июне 1793 года Розов напечатал «Живой источник». Синод нашел, что в этом сочинении помещены «многие выражения, относящийся до Св. Писания, по силе оно не соответствующие». На основании указа 27 июля 1787 года светские типографии не могли издавать, а книжные лавки продавать книги, касающиеся веры и Св. Писания, а потому Розова стали отыскивать через Управу благочиния. Губернское правление постановило Розова, как крепостного, отослать на жительство к его помещику; а синод, «по негодности» стихов, велел нерозданные экземпляры «Живаго источника» употреблять на обертки в одной из казенных типографий (*Библиографические Записки*. 1861. № 3. С. 66–68).

Первое издание «Аглаи» вышло в конце 1794 года. В послесловии «от сочинителя» сказано: «Я не мог издать Аглаи ни весною, ни летом, ни осенью. Но что говорить о причинах? Довольно, что я не мог. Важное для меня не важно для публики. Наконец — вот первая книжка! В ней одни Руския сочинения; переводов нет. На сей раз приятели мои сообщили мне только две пьесы: басню чиж и разлуку».

Сентябрь, 20. Село Знаменское (Орловское наместничество).

Карамзин в письме к Г. Р. Державину в Петербург пишет:

«...За доставленный мне [через И. Ив. Дмитриева] Немецкий перевод ваших сочинений приношу вам искреннюю мою благодарность. С великим удовольствием читал я все пиесы, и радовался, узнавая мысли Российского Поэта в Немецких выражениях.

Я живу теперь в деревне; но скоро думаю возвратиться в Москву – и тогда, может быть, осмелюсь послать к вам в Петербург некоторые печатные безделки. Времена нынешние не весьма благоприятны для Литтературы.

Пожалуйте и впредь не забывайте усердного почитателя Музы и души вашей, который предан вам сердечно.

Прося вас засвидетельствовать мое почтение милостивой государыне Екатерине Яковлевне, имею честь быть, милостивый государь! Вашим покорнейшим слугою Н. Карамзин».

Державин. Т. V. С. 820–821.

Карамзин здесь понимает перевод Коцебу, который прежде издал по-немецки «Изображение Фелицы». Об этом переводе Карамзин отозвался в «Московский Журнал» (1792. Ч. VII. С. 377).

Ноябрь, 26. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 95) напечатано сообщение о подписке на литературный журнал «Приятное и полезное препровождение времени» (1794–1795); редактор – П. С. Подшивалов. Журнал выходил два раза в неделю, одновременно с очередным номером «Московских Ведомостей».

Декабрь, 1. Москва.

День рождения Н. М. Карамзина. В этот день он пишет письмо к Дмитриеву в Петербург:

«Любезной друг!

Приехав в Москву, я всякой день ждал тебя из Петербурга, и для того не писал к тебе. Теперь, узнав, что ты еще не скоро выедешь, пишу.

Жалею, сердечно жалею, милой друг мой, о твоих горестях, хотя и не знаю, в чем состоят оне. Теперь и не спрашиваю. О вещах, столь близких к сердцу, писать не ловко; все остается до нашего свидания.

Нынешний год и для меня был не весьма щастлив; сердце мое с разных сторон было тронуту. Как мало истинных приятностей в жизни, и как много неприятностей! Может быть следующий год будет еще хуже. По-крайней мере собственные мои горести никогда не помешают мне брать участия в горестях друзей моих.

Дай Бог, чтобы ты скорее выехал из такого места, которое, как видно, не поселит тебя! Весьма, весьма желаю обнять тебя, моего друга. Живу теперь один в маленьком своем домике. Алексей Александрович и Настасья Ивановна остались в деревне. Приезжай – за бутылкою пятидесятилетнего Рейнвейна поговорим о всякой всячине; посмеемся и поплачем.

Прости, любезной!».

Карамзин, 1866. С. 43–44 (№ 36).

1793(?). Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезный друг Иван Иванович!

Я почти уверен, что это письмо не застанет тебя в Петербурге!; однакож на всякой случай пишу. – Как грустно мне думать, что ты без меня приедешь в Москву! И как бы; напротив того, весело мне было ехать вместе с тобою в Сим-

бирск! По первому пути возвращусь в Москву, проживу там несколько дней или недель, может быть что нибудь напечатаю, и отправлюсь на низ. По крайней мере дай мне слово, торжественное слово, что для свидания со мною приедешь в Симбирск. Мне очень, очень хочется видеть тебя, старого моего поэта и сотрудника. Поживем вместе хотя несколько дней, там,

Где в первый раз открыл я взор,
Небесным светом озарился,
И чувством жизни наслаждался;
Где птичек нежных громкий хор
Воспел рождение младенца;
Где я Природу полюбил, –
Ей первенцы души и сердца:
Слезу, улыбку, посвятил,
И рос в веселии невинном,
Как юный мирт в лесу пустынном.

Надеюсь, что и любезной Александр Иванович захочет со мною видеться. Нам право будет весело. – Благодарю тебя искренно за все пиесы твои. Пожалуй и впредь сообщай другу твоему всякое произведение Музы своей. Поправки в *стансах* очень хороши. – Будь здоров и покоен где бы ты ни был!».».

Карамзин, 1866. С. 44–45 (№ 37).

1793 (?). Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Я жив – люблю тебя; а дождусь ли в Москве, не знаю. – *Аглая* завтра публикуется; пошлю к тебе. – Скажи Сергею Сергеевичу Кушникову (или вели сказать ему) что я жду его всякой день в Москву, и для того не пишу к нему. Прости, мой друг!

Н. К.

Стихи от де Мазюра к И. И. Дмитриеву.

Усердно с праздником я друга поздравляю;
Честнейшим образом ему того желаю,
Чего себе едва ли он может пожелать. –
Желание сие я вздумал отослать
Со оным хлопцем-то, ко мне сей день присланным,
И сей же от меня к тебе – ах! – отосланным.
Желание сие сосложено в стихах,
Да ведаешь сие, что ум наш не в голях.

Семион де Мазюр.

PS. Еще не утерпел, чтоб более не сказать:

Хочу еще, мой друг, сей день я похваляти.
Коль красен вить сей день, и коль – ах! – солнечн есть!
Туманов, мрака в нем совсем, совсем – ах! – несть.
Мой дух поэзии теперь весьма играет,
И красный день зимы весьма он похваляет».

Карамзин, 1866. С. 45–46 (№ 38).

Родная сестра Карамзина, Екатерина Михайловна, была в замужестве за казанским помещиком Чебоксарского уезда С. А. Кушниковым. Сергей Сергеевич был их сыном и, стало быть, племянником Карамзина (*Москвитянин*. 1852. № 12. Кн. 2, внутр. известия. С. 146, 147).

Стихи де-Мазюра, очевидно, пародия на какого-то современного стихотворца. Des Masures комическое лицо в комедии Детуша «*La fausse Agnès*»: старинный дворянин-провинциал, он считает

себя образцом ума и любезности и на каждом шагу сочиняет чрезвычайно плохие стихи, от которых сам приходит в восхищение (Oeuvres dramatiques de N. Destouches, Paris, 1822, Т. III, p. 322 sq.).

1793. Чиж («Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем поет...»).

Петербург. Не позже 2-го июня 1793 г. (упоминается впервые в письме Карамзина от 2-го июня 1793 г.). Впервые: «Аглая» (1794. Кн. 1, под назв. «Чиж» и подз. «Подражание». С. 90–91).

1793. Сказка («Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?..»).

Петербург. Не позже 2-го июня 1793 г. (упоминается впервые в письме Карамзина от 2-го июня 1793 г.). Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 172–175).

1793. Жаворонок с детьми и земледелец («Пословица у нас: на ближних уповай, / А сам ты не плошай!..»).

Петербург. Не позже 22-го июня 1793 г. (упоминается впервые в письме Карамзина от 22-го июня 1793 г.). Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 113–118, с подз. «Притча»).

1793. «О Клюквин! Не глуши своим нас лирным звоном...».

Петербург. Не позже 22-го июня 1793 г. (упоминается впервые в письме Карамзина от 22-го июня 1793 г.). Впервые: «И Моих Безделках» (1795. С. 243, в разделе «Эпиграммы»).

1793. К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню Голубок («Нежный ученик Орфея!..»).

Петербург. Не позже 17-го августа 1793 г. (упоминается в письме Карамзина от 17-го августа 1793 г.). Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 111–112, под загл. «К. Ф.[едору] М.[ихайловичу] Д.[убянскому], Сочинившему голос на сию песню»).

1793. Стансы к Н... М... К*** («Прочь от нас Катон, Сенека...»)

Петербург. Не позже 17-го августа 1793 г. (упоминается в письме Карамзина от 17-го августа 1793 г.). Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 119–123, под загл. «Стансы к Н...[иколаю] М...[ихайловичу] К***[арамзину]»).

1793. «Без друга и без милой...».

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 131–132, под загл. «Разлука»).

1794

1794. Сызрань и с. Богородское. Симбирская губерния.

Весь год Дмитриев провел в имении отца в с. Богородском («Богородицком») и Сызрани.

Дмитриев, 1866. С. 70–71: «Семьсот девяносто четвертый год был моим лучшим питическим годом. Я провел его посреди моего семейства, в приволжском городке Сызране, или в странствовании по Низовому краю. Здоров, независим, обеспечен во всех моих неприхотливых нуждах, я не скучал отсутствующим шумных забав и докучливых, холодных посещений. Для меня достаточно было одной моей семьи и двоюродного моего брата Платона Петровича Бекетова: с ним я вместе учился в Казани и Симбирске; вместе служил в Гвардии и, к частию моему, вместе доживаю теперь и старость.

Сызрань выстроен был худо, но красив по своему местоположению. Он лежит при заливе Волги и разделяется рекою Крымзюю, которая в первых днях Мая бывает к большому разливе. Каждое воскресенье, в хорошую погоду, видел я ее из моих окон покрытою лодками: зажиточные купцы с семейством и друзьями катались в них взад и вперед, под веселым напевом бурлацких песен. На дочерях и женах веяли белые кисейные фаты или покрывала, сверкал жемчуг, сияли золотые повязки, кокошники и парчовые телогреи. Прогулка их оканчивалась иногда заливом Волги. Там они бывало тянут тоню, и сами себе готовят на мураве уху из живой рыбы.

Это место было моим любимым гульбищем. Всякое утро, с первыми лучами солнца, я переезжал на дрожках — когда нет разлива — реку Крымзу прямо против монастыря и, взобравшись на высокий берег, хаживал туда и сюда, без всякой цели; но везде наслаждался живописными видами, голубым небом, кротким сиянием солнца, внешним и внутренним спокойствием. Везде давал волю моим мечтам, начиная мою прогулку всегда с готовою в голове работою. Потом спускался на Воложку или к заливу Волги. Там выбирал из любого садка лучших стерлядей, и привозил их в ведре к семейному обеду. Потом клал на бумагу стихи, придуманные в моей прогулке. Если сам бывал ими доволен, то читывал их сестрам моим, Платону Петровичу Бекетову, или Игнатию Ивановичу Соловцову, которые гашивали у нас попеременно. Наступает новое удовольствие: переписывать стихи мои набело для отсылки к Карамзину. С каким нетерпением ожидал от него отзыва! С какою радостью получал его! С каким удовольствием видел стихи мои уже в печати! Каждое письмо моего доброго друга было поощрением для дальнейших стихотворных занятий. Здесь-то, в роскошную пору весны, в тонком сумраке тихого вечера мелькнули передо мной безмолвные призраки Ермака и двух шаманов...».

1794. Январь ... Апрель, до 18. Москва.

Карамзин пишет «Послание к Д***[митриеву] в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность щастливой молодости...» («Конечно так, — ты прав, мой друг!»).

Эпистолу к Дмитриеву Карамзин напечатал в 1796 г. во 2-й книжке «Аглаи» (С. 19–25) под заглавием «Послание к Д... В ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность щастливой молодости».

1794. Февраль. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. I) напечатаны: *Ручеек* («Любовны утешенья...») — № 13. С. 200; подпись: — въ;

Ни в одно из изданий сочинений Дмитриев этого стихотворения не включал.

Песня: («Видел славный я дворец...») — № 19. С. 299; подпись: Б.

Подстр. примеч. издателей: «Вот и оригинал той песни, которой многие подражали! Любезной сочинитель хочет остаться неизвестным: но его знают!».

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2, № 115. Л. 1–1 об. (подзаголовок: «Песня 1»: здесь же под № 3 в рубрике «Песни», л. 10 об.). Включено Дмитриевым во все издания сочинений.

Песня: («Бывало я с прекрасной...») — № 20. С. 306–307; подпись: ъ;

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 11 об.

Песни:

I. «Птичка вырвавшись из клетки...» — № 20. С. 314–315; подпись: ъ;

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 1 об.—2, под названием: «Другая».

II. «Коль надежду истребила...» — № 20. С. 315–316; подпись: ъ.

Апрель, 9. Светлое Христово Воскресенье. Пасха.**Апрель, 18. Вторник. Село Знаменское.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (Богородское?):

«Здравствуй, мой любезной друг Иван Иванович! Я живу в деревне не скучно и не весело, имею удовольствия и неудовольствия, смеюсь и плачу, езжу верхом и хожу пешком, пишу и за перо не принимаюсь, читаю и не беру книги в руки, сплю и бодрствую, пью мед и ключевую воду – но никакой писатель не опишет всего, что я делаю, и чего не делаю. – Пять строк твоих заставили меня вздохнуть. Ты, конечно согласишься искренности сего вздоха, мой любезной друг! – Я написал к тебе Эпистолу во 186 стихов; но ты не увидишь ее до нашего свидания. Пиши от скуки и от грусти: вот лучшая польза нашего ремесла, которое ремеслом не называется! Пиши и присылай ко мне, как в старину бывало. Бог с тобою! Желаю тебе здоровья, спокойствия, радости, благополучия. Когда возвращусь в Москву, не знаю. Пиши ко мне по прежнему, то есть надписывая письма в дом Алексея Александровича Плещеева на Тверской. – Salut!

PS. Перепиши все свои стихи и пришли ко мне. Ты обещал, а я напечатаю».

Карамзин, 1866. С. 46–47 (№ 39).

Апрель, 22. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Сызрань (Богородское?):

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Приятное ваше письмо получил. Радуюсь, что вы и все ваши в добром здравьи находитесь. От сердца моего желаю вам и впредь всякого и с родителями вашими благоденствия. Благодарю, что вы нас помните. Мне очень совестно пред Николаем Михайловичем, что я, *Аглаю* Николаевну получа, его не уведомил. Она прекрасна и приятна; во многом должно бы ее мне хвалить ему. Собирался по всякой день и за хлопотами упустил время; то теперь и неловко. Извини-пожалуй меня перед ним. Но я сожалею, что вы с ним не вместе. Еще бы приятнее для вас время было. К.[атерина] Я.[ковлевна] моя насилу, насилу теперь только стала отдыхать и воскресать из мертвых; так отдыхают теперь и оживляются растения и цветы. Я этому безмерно рад, однако не очень весел, потому что за делами писать стихов некогда и не пишу; однакоже не вовсе. Вот вам при сем две скороспелки, сыгранные на сопелке, прилагаю <«К Меркурию» и «Провидение»>. У нас в Польши не хорошо (между нас сказать); а в межевой экспедиции лучше, потому зачали по вашему делу экстракт сочинять. Между тем поверенный ваш поехал за чем-то к вам, и как возвратится, то и дело слушать будем <о наследстве И. И. Дмитриева с Всеволодским>. Ему что-то в Москве по межевой нужда, то и дал я ему письмо к тамошнему судье, чтобы на него лучше глядели. К.[атерина] Я.[ковлевна] спит, однако вам кланяется, для того что она и во сне помнит о своих приятелях. Хотел было к вам продолжать мою беседу, но едет на двор отец Самборской <Андрей Афанасьевич> с стихами своего воспитанника <Степана Семеновича Джунковского, написавшего в стихах описание Александровки, павловского сада, в котором был устроен храм Фелицы; поэма была напечатана в 1793 г.>, приехавшего недавно из Англии, которые он вчера поднес Ее Величеству.

Простите до свидания, которое чем скорее воспоследует, тем лучше. Пребываю с истинным почтением вам, м[илости]-вому г[осу]-дарю моему, покорный слуга

Гавриил Державин.

Р. S. Приложенные стихи здешней публике неизвестны – за тем, что очень плохи».

Державин, 1871. Т. VI. С. 6–7.

Под «*Аглаю* Николаевной» Державин разумел издававшийся Карамзиним альманах «Аглая», первая часть которого вышла в апреле 1794 г.

Апрель, 24. Петербург.

В «СПб. Ведомостях» (№ 33) напечатано объявление о начале выдачи подписчикам 1-й книжки «Аглаи» (1794. Кн. 1. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия). Цензор: Андрей Брянцев.

В этой книжке напечатано стихотворение Дмитриева «*Чиж. (Подражание)*» («*Чиж свил себе гнездо...*») – С. 90–91; подпись: И. Д.

Май. Москва.

В «*Приятном и полезном препровождении времени*» (Ч. 2) напечатано стихотворение *К одной Г-же На вызов ее написать стихи* («*Ах! когда бы в древни веки...*») – № 36. С. 140–142; подпись: ъ.

1794. Май—Июнь.

Совершает по Волге путешествие от Сызрани до Астрахани.

Дмитриев, 1866. С. 71–72: «В продолжении того же года я отлучался в Царицын для свидания в последний раз с родным моим дядею Никитой Афанасьевичем Бекетовым. Он жил в селе своем *Отраде* в тридцати верстах от города, а в пятнадцать от Сарепты, известного поселения евангелического братства. Всю дорогу совершил я по величавой Волге. Не могу и теперь вспомнить без удовольствия тех дней, которые провел я в плавучем доме, — особенно же каждого утра! Время было прекрасное: начало лета. В каюте моей помещались только столик, один стул, кровать, а над нею полка с моими книгами. По восходе солнца выходил я из тесной моей спальни на палубу с Ариостом в руках (с французским переводом Неистового Роланда); за мною выносили стул, столик и ставили на нем серебряный прибор для кофья. — Я сам варил его. Судно наше тянулось плавно, или неслось быстро на парусах, в полной безопасности от мелей и бури. Между тем на обоих берегах непрестанно переменялись для глаз моих предметы; с каждою минутою новые сцены: то мелькали мимо нас города, то приосеняли навислые горы; инде дремучий лес или миловидные кустарники; здесь татарская мечеть, там церковь или кирка среди больших селений. С наступлением вечера, я спускался в каюту, и ожидал вдохновения музы. В этом-то уголке написаны: ода *К Волге* и сказка *Искатели фортуны*».

1794. Май—Июнь.

К Волге («*Конец благополучну бегу!..*»).

Впервые: «*И Мои Безделки*» (1795. С. 9–13, с первой строкой. «*Река священнойшая в мире...*»). Включено Дмитриевым во все собрания сочинений

1794. Май—Июнь.

Искатели Фортуны («*Кто на своем веку Фортуны не искал?..*»).

Впервые: «*Аониды, или Собрание разных новых стихотворений*» (1797. Кн. 2. С. 82–90, с подз. «*Сказка*»). Включено Дмитриевым во все собрания сочинений.

(1794?). Май—Июнь. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Сызрань (Богородское?) пишет:

«*Любезной, милой друг!*

Прости меня, что я так долго не писал к тебе; некоторые беспокойства были причиною того. Я любил, люблю и всегда буду любить тебя. На сей раз не скажу ничего боле. На следующей почте, то есть через два дни, пространнейшее письмо. Теперь не имею времени. Прости мой любезной, и верь, что я всегда буду верным твоим другом.

PS. Сюю минуту получил письмо твое с писею Ф. П. Львова. Ответ на следующей почте».

Карамзин, 1866. С. 47 (№ 40).

Июнь, 7. Село Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«*От пределов Малороссии к пределам Волги.*

Здравствуй, мой любезной друг! Сердечно благодарю тебя за твое письмо, хотя на скорую руку писанное. Где ты теперь? В Царицыне или в Сызране? путешествуешь или живешь на одном месте? Дай Бог только, чтобы ты был здоров, благополучен и весел. Верь, что я очень люблю тебя.

Одному Богу известно, когда — и где буду. Зная только, что мне грустно. Ты отчасти знаешь причину. Все худо! Видно нам не бывать щастливым! — Иногда забываюсь и отдыхаю; берусь за книгу, за перо, или иду гулять — вот лучшие мои минуты. Жаль, что их не много! По большей части думаю о настоящих и будущих

неприятностях. Состояние друзей моих очень горестно. Алексей Александрович <Плещеев> страдает в Москве, а мы здесь страдаем. Благополучен тот, кто живет хотя в хижине, но живет спокойно и никому не должен! – Я беру участие в твоём горе, а ты в моем; лучше естли бы мы делили друг с другом радости и удовольствия.

Непреренно пришли мне свои пиесы. Назови их посылкою, положи с ними какую нибудь книгу, или что нибудь, напиши цену, и в таком случае заплатишь только 19 копеек за Фунт. Пакет адресуй на имя *служителя Петра Агеева, в Москве, на Тверской, в приходе Василия Кесарийского, в доме Плещеева*. Я издам и напишу маленькое предисловие, естли ты не захочешь никому дедиковать своей книжки (стихами или прозой). В последнем случае ты уже сам будешь издателем, а я твоим поверенным или комиссионером. Будь уверен, что мы напечатаем не худо.

Прости, мой любезнейший друг! Письма ко мне надписывай по прежнему. – Кланяюсь любезному моему Александру Ивановичу. Здоров ли он? – Кланяюсь также любезной сестре Марфе Михайловне, естли она возвратилась в Сызран. Adieu!

Твой друг до смерти.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 48-49 (№ 41).

Июнь, 7 ... Август, 2. Село Богородское.

Женитьба А. И. Дмитриева на М. А. Пиль. И. И. Дмитриев несомненно присутствовал на свадьбе старшего брата.

Июнь, 15. Москва.

А. Курбатов предаёт огню запрещенные книги, изданные Н. И. Новиковым. Кн. А. А. Прозоровский откладывает в число вредных и, вероятно, сожженных в этот день книг Шекспирова «Юлия Цезаря» в переводе Карамзина.

Лонгинов, 1861. С. 359.

Июль, 9. Сарепта.

Кончина Никиты Афанасьевича Бекетова (род. 8.IX.1729).

1794. Июль (после 9-го) – Август.

<На кончину Н. А. Бекетова> «*Воспитанник любви и щастия богини...*».

Впервые: «Аониды» (1797. Кн. 2. С. 231).

Июль, 15. Петербург.

Кончина Екатерины Яковлевны Державиной, жены Г. Р. Державина.

Июль, 24. Петербург.

Г. Р. Державин в письме к Дмитриеву в Сызран(ь) (или Богородское) пишет:

«Ну, мой друг Иван Иванович, радость твоя о выздоровлении Катерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ее 15-го числа сего месяца. Погружен в совершенную горесть и отчаяние. Не знаю, что с собою делать. Не стало любезной моей Пленеры! Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродетельную Пленуру, которая для меня только жила на свете, которая все мне в нем составляла. Теперь для меня сей свет совершенная пустыня... и вас, друзей моих, нет к утешению моему!

Простите и будьте щастливы. Верный ваш друг Гаврил Державин».

Державин, 1871. Т. VI. С. 14.

1794. Июль – Август.

Совершает путешествие от Сызрани до Астрахани сухим путем.

Дмитриев, 1866. С. 72–75: «Другая отлучка моя из Сызрана была в том же году в Астрахань, уже сухим путем, но не меньше приятным. Проехав несколько русских и татарских деревень и сел,

вступаешь в поселения выходцев европейских, большую часть из Германии. Они простираются на расстоянии трех сот верст от Саратова до Камышина. Чем ближе к Астрахани, тем чаще встречаются кочевья Калмыков. Дорога местами лежит на несколько верст подле самой Волги, так что колеса почти захватывают воду, потом взбираешься на крутой берег. Красного леса там нет: изредка мелкий или кустарники, за то поля усеяны тюльпанами. Иногда думаешь быть вне России: ибо видишь других людей, другие обычаи, даже других животных. Часто я внезапно бывал поражен протяжным и продолжительным скрипом татарских арб или тележек на двух немезанных колесах, на них от правляется виноград в Москву и другие губернии. Порою встречался мне вооруженный Калмык, скачущий во всю прыть на борзom коне, держа на руке сокола или ястреба. Там, в туманный вечер, в виде зыблущихся холмов, покоился на траве табун вельблюдов; за ним открывался ряд кибиток, при коих против пылающего хвороста развилься нагие Калмычата.

Город Астрахань представляет также картину достойную любопытства. Можно прожить в нем недели две не скучно. С противоположного берега он виден в значительном протяжении на высоких холмах, как бы увенчанных садами виноградными. Доехав до Волги, находишь лагерь кибиток, и около их Калмыков и прибывших по торговым делам Бухарцев и Хивинцев. Все они по привычке живут вне города. Промышленные Татары тотчас предлагают свои лодки для переправы чрез Волгу в город, входяшь в них вместе с Калмыком, Армянином, Индийцем и оглушаешься шумным говором на разных незнаемых языках. Каждый попутчик имеет особый облик, отличную одежду. В одном городе видишь разные обычаи, гостиние двory трех народов, свободное отправление службы трех вероисповеданий: христианского, могометанского и идолопоклоннического. Монах сталкивается с факиром; лама прятельски разговаривает с муллою, лютеранин с католиком.

Поэту не бесполезно путешествовать — одна неделя в пути может обогатить его запасом идей и картин по крайней мере на полгода. Всегда под открытым небом, свидетель великолепного восхождения солнца, вечерних сцен, озлащаемых последними его лучами; безмолвной величественной ночи, усеянной звездами, или освещаемой полною и кроткою луною: он вдыхает в себя большее благоговение к Непостижимому. Будучи одинок, никем не развлечен, наблюдатель и нравственного и физического мира, он входит сам в себя, с большею живостию принимает всякое впечатление, и запасается, не думая о том, материалами для будущих, как и прежде сказал, своих произведений. Самое над ним пространство, недосыгаемое и беспредельное, возвышает в нем душу и расширяет сферу его воображения.

Всякой раз, когда я ни бывал в дороге, в весеннюю или летнюю пору, прихаживало мне на мысль, что я родился живописцем, а не поэтом, — по крайней мере поэтом в живописи: каждое замечательное местоположение, все живописные сцены утра, вечера или ночи заставляли меня вздохнуть, для чего я не живописец, и не могу тотчас остановиться и перенести все виденное на холст или бумагу.

Никогда не забуду меланхолического, но как-то приятного впечатления, испытанного мною однажды в положении путника. С наступлением вечера въезжаю я в околицу большого селения, и ногоняю толпу поселян обоего пола, возвращающихся с полевой работы. Чрез всю деревню я велел ехать шагом, чтоб не разлучиться мне с ними. Долго следовали они за мною и оглушали меня своими песнями, потом рассыпались в разные стороны; между тем я продолжаю путь мой, и веселые песни еще отзываются в ушах моих. Достигаю до конца селения, и вижу поселянина, в глубокой старости, сидящего на завалинке последней хижины и держащего на коленях своих младенца. Вероятно это был внук его. Старик глядел спокойно; последние лучи солнца падали на обнаженное темя его.

Путешествие, младенец в противоположности с старцем, поющая молодость, закат солнца — все это представило мне яркую картину жизни во всех возрастах и конец ее.

Я не однажды рассказывал об этой сцене знакомым мне рисовальщикам и живописцам: мне хотелось возбудить в них желание составить из моего описания иносказательную картину, но рассказ мой не подействовал на их сердце.

Пиитический мой год уже приближался к концу, и я по возвращении моем в Сызран прожил в нем только до зимнего пути. В продолжении моего там пребывания, написаны были: *Глас Патриота*, *Чужой толк*, *Ермак*: из сказок: *Воздушные башни*, *Причудница*, и *Послание к Державину*, по случаю кончины незабвенной его супруги, оставившей преждевременно мир наш в Апреле того же года....».

1794. Июль—Август.

«*Глас патриота на взятие Варшавы*» («Где буйны, гордыя Титаны...») (см.: «1794. Октябрь, не позже 17-го»).

1794. Июль—Август.

«*Чужой толк*» («Что за диковинка? Лет двадцать уж прошло...»).

Автограф первых 16 строк: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Л. 4—7об. В автографе стр. 7-я первоначально читалась: «Быть Ломоносову, Рамлеру, Флакку равным...», затем исправлена: «Быть Флакку, Рамлеру <слово густо замазано более светлыми чернилами> равным». Текст «Чужого толка» находится на Л. 7об., на котором помещено окончание пространного стихотворения «Наследники» («Не даведи бог быть богатым и бездетным...») (Л. 4—7об.) (см. ниже). Впервые: «И мои безделки» (1795. С. 177—191).

С. П. Шевырев вспоминал, что Державин сердился на Дмитриева за эту сатиру, которая написана им по дороге в Симбирск и направлена против Копьева, автора предлинных од (Шевырев С. П. Некрология И. И. Дмитриева // Моск. Вед. 1837. № 83. 16 окт. С. 610—612).

«*Ермак*» («Какое зрелище пред очи...»).

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 32–41).

«*Воздушные башни*» («Утешно вспомнить под старость детски леты...»).

Впервые: «И мои безделки» (1795. С. 18–31).

«*Причудница*» («В Москве, которая и в древни времена...»).

Впервые: «И мои безделки» (1795. С. 55–85).

«Причудница — венец Дмитриева; он победил Вольтера (у которого сказка и заимствована), превзошел сам себя: веселость ума, совершенство слога, богатый блеск описательной поэзии, игривость воображения, истинно стихотворного, остроумие шутки, не выходящей за границы благопристойности...мера в подробностях, все в обрез» (Новости Литературы. 1824. Кн. VII. № 3. С. 43–44; авт.: А. Воейков).

«*К Гавриилу Романовичу Державину по случаю кончины первой супруги его*» («Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой...»).

Впервые: 1803. Изд. 2. Ч. 2. С. 125, под загл. «К Г-Р-Д***<ержавину> по случаю кончины первой супруги его».

Август, 2. Село Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«Здравствуй, любезнейший мой друг Иван Иванович!

Благодарю тебя за дружеское письмо твое и за твои стихи, которые по возвращении моем в Москву немедленно будут напечатаны. Постарайся к тому времени и еще что нибудь написать. Книжка будет поболее; удовольствие читателей также.

Сердечно, сердечно радуюсь женидьбе Александра Ивановича. Поздравляю его искренно, от всей души, как истинной его друг и доброжелатель. Можно ли, что ты не сказал мне, как он женился, и на ком? Разве ты не знаешь, какое участие беру я в судьбе его? Загладь скорее свой проступок; уведошь меня обо всем подробно. Нетерпеливо желаю знать историю его нежного сердца. Надеюсь, что и он ко мне напишет.

Между тем знай, что друг твой на сих днях едва было не отправился в Оркусово царство. В двух верстах от деревни Алексея Александровича, где я живу, напали на меня разбойники и убили бы до смерти, естли бы мужики, ехавшие с поля, не заставили их разбежаться. Я отделался двумя легкими ранами. Когда увидимся, расскажу тебе подробности этова происшествия. За несколько недель перед сим разнесся в Москве слух, что меня нет уже на свете: этот слух мог быть пророчеством.

Радуюсь, что Гавр. Романович помнит меня. Естли буду жив, покоен, и выдам вторую книжку *Аглаи*, то напишу к нему письмо.

Весьма желаю видеть тебя нынешнею зимою в Симбирске; весьма желаю возвратиться с тобою в Москву. Это бы очень хорошо было.

Обнимаю тебя в мыслях со всею дружескою нежностью. Будь здоров и благополучен! Будь всегда моим другом! — Прости, милой земляк! Поцелуй за меня сестру Марфу Михайловну. Adieu!».

Карамзин, 1866. С. 48–49 (№ 42).

Август, 14. Немиров.

А. В. Суворов начал свой знаменитый марш-бросок («в три дни перешел семьсот верст»), закончившийся взятием предместья Варшавы—Праги.

Сентябрь, не позже 6-го. Село Знаменское (Орловское наместничество).

Карамзин получает письмо Дмитриева (не обнаружено) и при письме тексты стихотворений: «*К Волге*» («Конец благополучну бегу!..»); «*Ермак*» («Какое зрелище пред очи...»); «*На разбитие Костюшки глас патриота*» («Где буйны, гордые Титаны...»); «*Подражание одам Горация* (Книга III, ода I)» («Служитель муз, хочу я истины воспеть...»); «*Подражание одам Горация* (Книга I, ода III)» («Лети, корабль, свой путь с Вергилием моим...»).

Сентябрь, 6. Село Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«Любезной мой Певец! Salut et fraternité!

Редко, редко пишу к тебе; но естли бы ты знал, в каком я ныне расположении, то конечно бы не стал винить меня. Более не скажу ничего.

Сердечно благодарю тебя за стихи к *Волге* и за *Ермака*. И ту и другую пиесу читал я с великим удовольствием, не один раз, а несколько. Bravo! Вот Поэзия. Пиши так всегда, мой друг. Только не лзя ли переменить в *Ермаке барабаны, пот, сломал и вскричал?* В хорошем стихотворении я замечаю все и не пропускаю ничего без критики. Еще кажется мне, что нельзя сказать *потупленная голова* (вместо: *преклоненная*) и в *одежде равны*. – В начале третьей строфы к *Волге* не лучше ли сказать:

То нежным *ветерком* лобзаем,
То ревом *бури* и валов
Под черной тучей оглушаем
И *отзывом* твоих брегов, и пр.

Зефиром, вместо зефи́ром я терпеть не могу, и отзыв для меня лучше, нежели *отглас*. – Ода и глас *Патриота* хороши *Поэзиею*, а не *предметом*. Оставь, мой друг, писать пиесы нашим стихокропателям. Не унижай Муз и Аполлона. – Подражание Горацию, сострадание и к свирелке достойнее твоей лиры по своему содержанию.

Желаешь ли знать новость? Копьев в превеликой моде при дворе, и сама Государыня дает ему сюжеты для комедий.

Нетерпеливо желаю узнать горесть твою, чтобы взять в ней сердечное участие. Теперь не спрашиваю. – Странное дело! Сперва говорим о стихах, а после о душевной горести! но ты Поэт.

Прости, любезной! Я очень не весел. – Уверь любезного Александра Ивановича в искренней моей дружбе. Он не хочет написать ко мне ни строчки. Поцелуй сестру Марфу Михайловну. Я беспокоюсь о брате Василье Михайловиче, от которого более месяца не имею писем. – Прости и люби меня!»

Карамзин, 1866. С. 50-51 (№ 43).

«Подражание Горацию...» — из письма, однако, не ясно, о какой из двух од пишет Карамзин. Впервые: 1805. Изд. 2. Ч. 3. С. 84, под заглавием «Вольный перевод из Горация».

Сентябрь, 29. Мацевеицы (Польша).

Сокрушительное поражение поляков во главе с Костюшко от русских войск. Вместе с некоторыми другими польскими командирами Костюшко попал в плен, произнеся знаменитые слова: «Finis Poloniae» («Польше конец»).

Письмо А. В. Суворова к И. И. Рибасу от 4 октября 1794 г. // А. В. Суворов. Письма / Изд. под В. С. Лопатин. М., 1987. С. 279–280.

Октябрь, не позже 17-го. Петербург.

Г. Р. Державин получает письмо от Дмитриева из Астрахани (не сохранилось). При письме два стихотворения: «*К Гавриилу Романовичу Державину по случаю кончины супруги его*» («Державин! Ты ль сосуд печальный, но драгой,/ Объемлешь и кропишь сердечною слезой?..»); «*Глас патриота на взятие Варшавы*» («Где буйны, гордые Титаны...»).

Дмитриев, 1866. С. 75: «*Глас Патриота* был данью обрадованного сердца, по слуху о покорении Варшавы. Я сочинил эти стихи пред отъездом моим в Астрахань, но еще на дороге узнал к моей досаде о несправедливости слуха. Однако по привычке моей сообщать всякое мое произведение Карамзину и Державину, отправил я уже из Астрахани к последнему и *Глас Патриота* вместе с *Посланием*, о котором сказано выше. Они доходят до него в то самое время, когда получено известие о разбитии польских войск и взятии в полон самого их предводителя. Державин тотчас, переменя в стихах моих имена Варшавы, Собиески на прозвище Костюшки, показывает мои стихи Светлейшему Князю Зубову, а он представляет их Императрице, которая усомнилась, чтобы слух о таком важном событии, мог в одно время дойти до двора и Низового нашего края. Тогда Державин принужден

был признаться Князю в сделанной им перемене, при чем показал и самое мое письмо. Императрица приказала напечатать мои стихи на счет своего кабинета...»

Октябрь, не позже 17-го. Петербург.

Выходит в свет отд. изданием без титульного листа и подписи «*На разбитие Костюшки глас патриота*» («Где буйны, гордые Титаны...»).

Державин, 1871. Т. VI. С. 17–19; СК. Т. 1: А–И. С. 301, № 1915. В декабрьской книжке «Приятного и полезного препровождения времени» (1794. Ч. 4. № 95) напечатано под заглавием «*Глас патриота на покорение Варшавы*».

Октябрь, 17. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Дружеское твое письмо и при нем две пиесы я получил. За обе благодарю. Первая хотя мне стоила слез и не могу ее теперь без рыдания читать; но что делать! коль переменить нечем, то плакать будем; плакать и кончать век мой в унынии. Так судьбе угодно! Я было хотел сам писать; но, или чувствуя чрезмерно мою горесть, не могу привести в порядок моих мыслей, или, как окаменелый, ничего и мыслить не в состоянии бываю. Вторая пиеса пришла очень кстати, в самое то время как получено известие, что идол Польши, Костюшко, не токмо Ферзеном разбит и ранен, но и сделан пленником; и недавно также сильное поражение сделано г. Суворовым, так что в обоих потеряли на месте неприятели около 22 тысяч войск своих. Суворов чудеса сделал: в то время как прусские войска оставили Варшаву и соединение с нами, пошли во свояси, то он в три дни сделал более семисот верст, увидел, напал и победил. Сей ужас помог в победе и Ферзену. Словом, стихи ваши были очень кстати, и вот вы видите их напечатанными и в публику по воле Ее Величества выданными. Государынею и всеми с великою похвалою приняты. Я было приказал 50 экземпляров напечатать; но должно было впятеро еще прибавлять и со всем тем всех требователей удовольствовать не можно. Невероятно показалось, как в Астрахани сочиненные стихи могли так скоро сюды перелететь и почти в одно время показались напечатанными, как последнее от Ферзена получено известие. И для того все думали, что я написал; но я, чтобы доставить вам честь принадлежащую, должен был показать ваше письмо.

Скажите Павлу Дмитриевичу, что мне никак не можно освободить его от суда. Не делом оклеветали, а делом оправдайся; по мне гораздо легче удержать его на старом месте, о чем я вообще с его приятелями и стараюсь. Не знаю, успею ли. Правду сказать трудно, и я в том сумневаюсь, потому что и генерал-губернатор подтвердил подтверждение их суду. Впрочем, сожалею о хлопотах ваших; дай Бог, чтобы они с пользою вам кончились. Ежели вам нужна какая моя помощь, то охотно готов употребить всю мою возможность. Пребываю с почтением *и проч.*».

Державин, 1871. Т. VI. С. 17–19.

Октябрь, 28. Варшава.

Под крики «Да здравствует Екатерина!» русские войска вступили в столицу Польши.

Ноябрь, 8. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское).

«Где ты, милой мой Иван Иванович? В Астрахани, в Отраде или в Сызране? Я не получил от тебя ответа на последнее письмо мое. — Что твои 50.000 рублей? в кармане ли? чего очень желаю, зная, как Поэты всегда нуждаются деньгами. Знаешь ли, любезный, что твой *Глас Патриота* напечатан в Петербурге и ходит там и здесь под именем Державина? Я за должность почел открыть истину нашим стихохлюбителям и прибавить новый венок к венкам твоим. — Я еще не печатаю твоих сочинений, потому что со всем не имею времени читать корректур; а поручу

читать корректуру не хочу, зная, как эти господа все портят. К Генварю или в Генваре выдам, и напечатаю для тебя несколько экземпляров на голландской бумаге. Доволен ли будешь таким титулом: *Стихи Аполлодоровы, изданные приятелем его?* – Долго ли пробудешь в Сызране? Могу ли увидеться с тобою в Симбирске? – Я веду теперь самую рассеянную жизнь, имею множество новых знакомых, et je ne suis presque jamais à moi; а когда дома, то пишу письма или работаю для Ридигера. Иногда забываюсь; иногда луч удовольствия блеснит в моем сердце; иногда же – тоскую. А тебя люблю беспрестанно, мой милый друг, и всегда надеюсь быть достойным дружбы твоей. – Смерть Катерины Яковлевны меня очень тронула. Я начал писать стихи к Гаврилу Романовичу, но не кончил. Прости, любезнейший. Желая скорее обнять тебя. Adieu, adieu!».

Карамзин, 1866. С. 51–52 (№ 44).

Как следует из письма, Карамзин думал назвать сборник стихов Дмитриева «Стихи Аполлодоровы, изданные приятелем его», но потом книга вышла под заглавием: «И мои безделки».

1794. Декабрь. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 4. № 95) напечатаны: «*Гимн Богу*» («Парю душой к тебе, всечтимый...») – С. 277–278; подпись: – ъ; «*Глас патриота на покорение Варшавы*» («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 279–281; подпись: – – ъ.

Подстр. примеч. «Я слышал в уединении моем (пишет любезной Автор) о взятии Варшавы. Естьли сие справедливо, то прошу вас поместить прилагаемую при сем пиесу, произведение первых восторгов сына отечества” – она и помещается с искреннею к сыну отечества благодарностию» (С. 279).

В. В. Измайлов утверждал, что это «лучшая ода, написанная г-ном Дмитриевым» (1815. Российский Музеум. Ч. 2. С. 182).

Декабрь, 21. Варшава.

А. В. Суворов, которому стало известно стихотворение Дмитриева «Глас патриота», в стихотворении при письме к Г. Р. Державину цитирует (не точно) строку из «Гласа патриота»:

«Царица, севером владея,
Предписывает всем закон;
В деснице жезл судьбы имея,
Вращает сферу перемен...».

Памятник Отечественных муз на 1827 год. С. 83; *Державин*, 1871. Т. VI. С. 22. У Дмитриева: «И жезл судьбы в руке Твоей»:

1794 (в конце?) – 1795 (в начале?). Петербург.

Записка Г. Р. Державина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«Я, братец Иван Иванович, перед любовницею вашею вчера сделался очень виноватым. Сошлись мы с ним в прихожей комнате гр. Платона Александровича <Зубова> и были вместе с четверть часа; но я его никак не узнал. А после, как он прошел рапортовать в спальню, то будучи в профиле и в свету, лицо мне его показалось знакомым. Спросил я Ивана Петровича Ляпунова: он разрешил мое сумнение, но уже мне не удалось по скором его выходе с ним поговорить. Итак спешу вас о сем уведомить, прося, чтобы вы меня пред ним извинили известною моею вам сыпучкою <сонливостью>».

Державин, 1871. Т. VI. С. 23–24.

Я. К. Грот в примечания к этому письму поместил недатированную записку Державина, в которой упоминаются и Дмитриев, и гр. П. Зубов:

«Не впрямь ли муза Дмитриева сердита,
Что ею к нам и дорога забыта?
Но теперь напал снежок:
Приди, мой миленький дружок,

и принеси, коли есть, книгу г. Бекетовым сочиненную о революции французской. Я видел какую-то у гр. Платона Александровича. Ты, я думаю, знаешь» (*Державин*, 1871. Т. VI. С. 24). В этом письме под «любовницею вашею» Державин понимает Федора Ильича Козлятева.

1794. «*Стихи на победу графа Суворова-Рымникского, одержанную над польскими войсками, когда он в три дни перешел семьсот верст*» («Не твоего ль, Израиль, сына...»).

Сызрань. Не ранее 17-го октября 1794. См. письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Сызрань от 17-го октября 1794 г.: «Суворов чудеса сделал: в то время как прусския войска оставили Варшаву и соединение с нами, пошли во свояси, то он в три дни сделал более семисот верст, увидел, напал и победил». Впервые: «И мои безделки» (1795. С. 50–51).

1794. «*Стихи графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы*» («Кто Росс – и ныне не восплещет...»).

Сызрань. Не ранее 28 октября 1794 г. (день падения Варшавы; см.: *Дмитриев*, 1866. С. 71–72.). Напечатано впервые в 1795 в «И моих Безделках» (С. 86–88).

1794. «*На новый 1795 год*» («Будь щастливей в твоём теченьи...»).

Впервые: «И мои безделки» (1795. С. 52–54).

1794. «*Наследники*» («Не даведи бог быть богатым и бездетным...»)

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 4–7об. Впервые: «Дмитриев, 1967» (С. 396–399, в рубрике: «Приписываемое»). Г. П. Макогоненко уверенно датирует написание этого стихотворения 1794 годом (см.: *Дмитриев*, 1967. С. 469).

1794. «*Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...*» (Эпиграмма).

Впервые: Вчера и Сегодня, литературный сборник, сост. В. А. Соллогубом, изд. А. Смирдиным. СПб., 1845. Кн. 1. С. 52.

М. А. Дмитриевым опубликован иной вариант эпиграммы: «А я, хоть и не ум, а тож скажу два слова...» (*М. Дмитриев*, 1869. С. 227). В 1897 г. в «Русск. Стар.» (Декабрь. С. [496]) опубликован вариант этой эпиграммы с первой строкой: «Хоть я не ум, но тож скажу три слова...».

1794? – 1827?. Сборник автографов И. И. Дмитриева: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 115.

В ОР ИРЛИ хранится сборник автографов И. И. Дмитриева (Ф. 357, оп. 2. № 115) из собрания В. И. Яковлева. Впервые шесть, ранее не публиковавшихся стихотворений Дмитриева, по автографам из этого сборника были опубликованы Г. П. Макогоненко (см.: И. И. Дмитриев. Пол. собр. соч. Л., 1967. №№ 374, 375, 376, 379, 380, 381).

Датировка для опубликованных стихотворений Дмитриева у Г. П. Макогоненко указана приблизительно: «перв. пол. 1790-х годов?», «конец 1780-х годов?». По филиграммам датировано только два стихотворения: «Прелестный пол твердит...» (№ 374) на бумаге 1786 г. и «Наследники» (№ 379) на бумаге 1794 г. Однако хронологический диапазон автографов много шире и охватывает период с конца 1780-х гг. (по Макогоненко) и по 1827 г. (недатированное письмо к П. П. Бекетову). Особо хочется отметить, что не все стихотворения принадлежат Дмитриеву.

Ниже помещено описание состава этого сборника. Нижняя хронологическая граница – 1794 год – выбрана чисто условно: большая часть автографов очень осторожно может быть датирована первой пол. 1790-х гг. Однако в сборнике есть автографы черновых набросков стихотворений, которые можно датировать втор. пол. 1780-х годов.

Приношу сердечную благодарность Т. С. Царьковой за сообщение сведений о самом сборнике и его составе.

Сборник стихотворений. ИРЛИ. Ф. 357, оп. 2. № 115.

Песня 1 («Видел славный я дворец...») – Л. 1–1об.

Впервые: «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. Февраль. Ч. I. № 19. С. 299).

Песня 2 («Птичка, вырвавшись из клетки...») – Л. 1об.–2

Впервые: «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. Ч. I. Январь – Март. № 1–27. С. 313, вместе с песней «Коль надежду истребила...» под общим загл. «Песни»).

Песня 3 («Тише, ласточка болтлива...») – Л. 2 об.

Впервые: «Московский Журнал». 1793(?). Ч. VIII. Кн. 3. С. 210–211.

<Дуб и Трость> («Дуб с тростью вступил однажды в разговор...») – Л. 3;

Без заглавия, с авторской правкой. Так последние две строки первоначально читавшиеся: «В единый миг – упал / Как будто не бывал» были исправлены на: «В минуту, в миг – упал!».

Впервые: «И мои Безделки». 1795. С. 249–251, с подз. «Притча».

«Наследники» («Не доведи бог быть богатым и бездетным...») – Л. 4–7об.;

Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 396–399 (№ 379); датировка «1794» предложена Г. П. Макогоненко (см. *Дмитриев*, 1967. С. 469–470).

«Цама! Цама! не мори...» – Л. 8;

Автограф на бумаге с водяным знаком «1793».

Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 399–400 (№ 380); датировка «1790-е гг. (первая пол.)» предложена Г. П. Макогоненко (см. *Дмитриев*, 1967. С. 470).

«Мало, мало быть прекрасной...» – Л. 9:

Мало, мало быть прекрасной
Чтоб приятно в свете жить;

Должно, Зулька*, быть и страстной – *нежность Греческое женское
Перво щастие любить имя <примеч. Дмитриева>

Естьли ты строга к судьбине
Сердца пленного тобой –
Берегись! когда не ныне,
Завтре рок постигнет злой.

Сам нарцыс самолюбивый
Хоть к себе, но страсть питал
И зато цветок щастливый

Украшает граций стан <испр. на: Сельских нимф убором стал>.

Гиацинт, что умирая
Фебу слез виною был
Ныне вновь цветет, блистая
Страстно, нежно он любил.

Власть Эрота повсеместна
Все мы, все его рабы:
Покорись иль жди прелестна
Страшной <не разобр.> судьбы

Всяк тебя увидя скажет
К милой взор простер своей
Так Любви <испр. на: Цитеры.> бог накажет
Всех последующих ей!

Всяк тебя увидя скажет
Милой взор простер своей
Так Любви <испр. на Цитера> бог накажет
Всяк последующий ей!

«К: А: В: » (: от Петр. Петр. Б: подарил фарфоровую чашку» («Позволь невинности С.....») – Л. 9об.:

Позволь невинности С.....
Тебе подарок поднести
И с ним сказать тебе три слова
Без всякой хитрости и лести
Приятности твои не вечны
Как чашечка дарима мной

Но качества твои сердечны
 На век останутся с тобой
 И для тово кому известна
 Прекрасная твоя душа
 Ты будешь всегда прекрасна
 Мила и хороша.

Песни:

1. «Полно сердце сокрушать...» – Л. 10:

Полно сердце сокрушаться
 Успокойся и не ной;
 Станем, станем восхищаться!
 Мой уж миленькой со мной.

Сколько вздохов, слез и муки
 Мне, любезный, приключил,
 Год несносных разлуки!
 Он мне веком целым был.

Без тебя я увядала
 Как при вечере цветок:
 Ах! и солнца не видала,
 Не дышал и ветерок.

Досаждали игры, смехи
 Удалялась от подруг –
 Естли радости, утехи
 Коль далеко милый друг!

Каждо утро в грусти, в горе
 Я на берегу была
 И смотря на сине море
 Друг души! тебя ждала.

На конец судьбы смягчились
 Вижу, вижу я тебя:
 Красны дни мне возвратились
 Чту воскресшую себя.

Буду я опять прекрасна,
 Весела и молода;
 Буду сердцу век подвластна
 И любить тебя всегда.

2. «Коль надежду истребила...» – Л. 10;

Впервые: «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. Ч. I. Январь–Март. № 20. С. 315–316; подпись: ъ.).

3. «Видел славный я дворец...» – Л. 10 об.;

4. «Птичка, вырвавшись из клетки...» – Л. 11;

5. «Без друга и без милой...» – Л. 11–11 об.;

Общепринятая датировка: 1793 г.; впервые: «И мои Безделки». 1795. С. 131–132, под загл. «Разлука».

6. «Бывало, я с прекрасной...» – Л. 11 об.;

Впервые: «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. Ч. I. Январь–Март. № 20. С. 306–307; подпись: ъ.).

«Юность! юность! веселися...» – Л. 12;

Впервые: «И мои Безделки». 1795. С. 206–207, под загл. «К Юности».

«Прелестной пол твердит...» – Л. 13–13 об.;

Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 390–391 (№ 374); датировка «конец 1780-х годов» предложена Г. П. Макогоненко (см. *Дмитриев*, 1967. С. 470).

«Тьфу, к черту...» – Л. 13 об.;

Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 392 (№ 376); датировка «конец 1780-х годов» предложена Г. П. Макогоненко (см. *Дмитриев*, 1967. С. 470).

«В воскресенье я влюбился...» – Л. 13 об.;

Впервые: КП. Ч. II. Песни веселья № 3. Дмитриев, 1967. С. 391–392 (№ 375); датировка «конец 1780-х годов» предложена Г. П. Макогоненко (см. *Дмитриев*, 1967. С. 470).

<Эпиграмма на В. А. Жуковского> «Из савана облекся он в ливрею...» – Л. 14;

Из савана облекся он в ливрею
На пудру променял лавровый свой венок
И что же наконец?
С указкой втерся он во дворец
И руку жмет Камер Лакею
Бедный певец.

См. «1825. Май, 22».

Недатированное письмо к П. П. Бекетову; при письме автографы 6-ти эпиграмм: «Надпись к портрету NN», «Встреча у желтого дома...», «Наборщику стихов моих...»; «Ответ»; «Чепуха»; Эпиграмма кн. Шаликова на Иванчина-Писарева – Л. 15–16 об.;

См. «1827. Март».

<Кн. П. А. Вяземский> «К Е. Н. Кар.[амзиной] от кн. Вяз.[емского]» («Благодарю Вас за письмо...») – 17–17об.;

См. «1821. Декабрь, 29».

Песня на слово: я <зачеркнуто> люблю («Тверди сие бесценно слово...») – Л. 19:

Тверди сие бесценно слово
Которое из уст твоих
Всегда для сердца мило, ново
Тверди его всяк час, всяк миг.

Тверди ево, чтоб был уверен
Я больше в щастии моем
Пускай за то, что столь я верен
Моя награда будет в нем.

Тверди ево, но столько тихо
Чтоб слышел я один с тобой.
Ты знаешь свет: он судит лихо.
Везде в глазах завистник злой.

Ты сим признаньем утверждаешь
На век моих блаженство дней
Сильнейшу страсть во мне рождаешь
И царствуешь в душе моей.

Орфография подлинника сохранена.

«Нет! не верю, чтоб любезна...» – Л. 20:

Нет! не верю, чтоб любезна
Не смягчилась на до мной
Естьлиб знала сколь я стражду
И за очно в страсти злой.

Бесполезно я стараюсь
Позабыть со всем об ней
Ум и взор ее владеют
Всякой час душой моей.

Всякой час воображаю
Я ее прелестный вид
И по всякую минуту
Сердце к ней мое летит.

Знаю сам, что без отрады
Страстью сей себя гублю
Помню все ее досады:
А люблю ее, люблю.

Для чего ты, о природа
Нежно сердце мне дала?
Естьли дар сей обратился
Мне в источник бед и зла!

Дай другое мне ты сердце
Иль прерви мою напасть
Уничтожь скорей жизнь слезну
И отчаянную страсть.

Сохранена орфография подлинника.

К друзьям моим («Свершилось. Ростаргаю узы...» – Л. 21;

Впервые: *Дмитриев*, 1967. С. 400–401 (381); датировка «1790-е гг. (первая пол.)» предложена Г. П. Макогоненко (см. *Дмитриев*, 1967. С. 470).

«Что ты так грустишь, Ванюша?..» – Л. 22:

Что ты так грустишь, Ванюша
Что ты не весел, молчишь,
Иль тебе постыла Груша,
На нее ты не глядишь!

От чего мне быть унылым,
К грусти мне причины нет;
Всё нельзя быть говорливым,
Час на час, веть не придет.

Нет, ах! нет, ты осердился
На меня за чтонибудь
Прежде в миг бы открылся
Со мной искренен ты будь.

Что тебе в том, чтоб ты знала
Свою горе у меня;
Мне на что знать, что шептала
С пастушком ты здесь одна.

Ах! ревнивец! стыдно, полно
Мучиться тебе пустым;
Говорить ведь с братом вольно,
Стану ль я шептать с другим.

Как, не уж ли я ошибся
Груша милой ты друг мой
Ах! пожалуй, не сердися
Виноват перед тобой.

Ну! быть так и всё забудем
Только чур не ревновать.
Мы на толь друг друга любим
Чтоб друг друга нам терзать.

Мила Груша! все забудем
Чур вперіод не вспоминать
Мы на том друг друга любим
Чтоб друг друга нам терзать.

«Отчаинье! души безжалостной тиран...» – Л. 23;

Отчаинье! Души безжалостной тиран
Гдеб скрыться от тово и где искать спасенья
Чем скорби исцилить сердечных тяжких ран
И как в злой горести найти мне облегченье.

Сохранена орфография подлинника.

«Расстаться должен я с тобою!..» – Л. 24:

Расстаться должен я с тобою!
Расстаться! – ах! могуль снести!
Расстаться легче мне с душою,
Чем молвить мне тебе: Прости.
Ужасно слово! Смерти злее

Мой томной дух оно разит
 Кто в свете мне всего милее
 Той долг сказать ево велит.
 А чтоб умножить зло мученье
 И сердце боле тяготить
 Душевно горесть и смущенье
 Велит от всех он мне таить.
 Нет сил сердечны скрыть терзаныи,
 Волненья духа моего;
 Неволей тяжки воздыханьи,
 Причину скажут, от чего.
 Могуль я скрыть глаза слезящи!
 Могули слезы в них унять?
 Ресницы могут лишь дрожащи
 Едва, едва их удержать.
 Стесненно сердце занывает
 В груди трепещется моей
 Стремяся к той кем дух пылает
 Остаться хочет вечно в ней.

Сохранена орфография подлинника.

«Кто влюблен, здоров и молод...» – Л. 25:

Кто влюблен, здоров и молод
 Тому бури, снег и холод
 Дальней путь – все ничего
 Лишь забава для него.

В ком же кровь уж простывает
 И утеха не прельщает
 В том охоты нет гулять
 И милей тому лежать.

Иль зимой у комеліочка
 Где тепло от огоніочка
 Сидя чай иль кофе пить
 Или трубку там курить.

Или временем от скуки
 Взять перо иль книгу в руки
 Сказки, басенки читать
 Что на ум взбредіот марать.

Лето придет во садочке
 О своем радеть цветочке
 Деревцо там подчищать
 Или травку поливать.

Молоды коль дни промчались
 Вот забавы там остались
 А о том что и вздыхать
 Чево нам уж не поймать.

Сохранена орфография подлинника.

Обращает внимание использование Дмитриевым диграфа іо, как в этом, так и в стихотворении «Что ты так грустишь, Ванюша». Впервые у Дмитриева диграф іо встречается в 1791 г. в стихотворении «Письмо к ***» («Какое зрелище для нежных души»), где вторая строка читается: «О Гріоз! дай кисть свою иль сам ты напиши...» («Моск. Журн.». 1791. Ч. 4. Кн. 3. Месяц Декабрь. С. 253). Чуть позже в «Модной жене» находим: «А так...ни то ни сіо...как будто не своя...» («Моск. Журн.». 1792 г. Ч. 5. Кн. 2. Месяц Февраль. С. 160).

1795

Февраль (в первых числах). Москва.

Выходит в свет вторая книжка «Аглаи»: «Аглая. Кн. 2. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия». Эпиграф: «Je veux que la mort me trouve plantant mes choux; mais nonchallant d'elle, et encore plus de mon jardin imparfait» (из М. Монтеня).

Февраль, 12. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Любезнейший друг Иван Иванович!

Я все еще в Москве, и все еще собираюсь ехать в Симбирск. Кажется, что дня через четыре верно выеду, хотя мне и не хотелось бы скитаться по белому русскому свету.

Как поживаешь в Петербурге, мой друг? Весело ли, покойно ли? Что наш Александр Иванович <Дмитриев>? Сказывают, что Гаврило Романович уже женился <Державин женился во второй раз на Дарье Алексеевне Дьяковой>. Поздравь его от меня, естли NB. *придется кстати*. –

Я нанял те комнаты, которые мы вместе с тобою осматривали, и живу теперь в них; но ты надписывай письма ко мне по прежнему, то есть в дом Алексея Александровича. Мне хочется возвратиться из Симбирска около десятого марта. Как же скоро возвращусь, то и начну печатать твои стихи. Аглаю ты уже получил: *безделки* получишь через несколько дней. На долго прощаюсь с Литературою. – Я просил тебя о дворянине Арнаутове, которой служит капралом в четвертой роте Семеновского полку: пожалуй, любезной друг, возьми его под свое покровительство, и выпроси ему чин. Надеюсь, что ты не забудешь моей просьбы. – Газеты и журнал к тебе посланы. Справься в Петербургском почт-амте. – Прости, мой милый друг! Люби меня, и пиши ко мне, хотя раза два в месяц. Adieu!

Твой вечной друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 52–53 (№ 45).

«На долго прощаюсь с литературою...» – в 1795 г. Карамзин в «Моск. Вед.» печатал переведенные им статьи под заглавием «Смесь». Впрочем, это продолжалось только в 1795 году. Все статьи этого отдела перепечатаны в «Москвитянине» (1854. №№ 3–4, 6, 7, 10, 11, 12, в рубрике: «Историческая Материалы», с предисловием С. П. Шевырева. Т. I. Историч. Матер. С. 45–64; II. С. 13–28).

Февраль, 16. Москва.

Отъезд Карамзина в Симбирск.

Е. В. Хераскова передала с отъезжающим в Симбирск Карамзиным письмо ко И. П. Тургеневу (находившемуся в ссылке в Симбирской губ. в селе Тургеневе): «Сегодня едет в Симбирск Н. М. Карамзин и, конечно, увидится с вами, я ради того имею случай писать к тебе, но что писать, доброго нечего, приятного ничего... Мы, благодаря Бога, здоровы, в рассуждении горестей и старости нашей, здоровы довольно, но чувствую, однако, что разные неприятные и горькие обстоятельства меня съедают, и я мало-помалу разрушаюсь. Ах! мой друг, как тошно жить без отрады, а мы, к нещастию, ни с которой стороны ее не имеем. Завидно мне, что увидит тебя Н. М.; видно, нам уже не видаться, горькая мысль! Но я как-то отчаялась дожить до свидания с моими друзьями. Н. М. часто бывал у нас, мы с ним гораздо прежнего спознакомились и более узнали цену его. Без лести сказать, что он редкой человек во всех отношениях; мы любим его много и очень, очень много; он же и тебя любит, то как мне не любить его» (*Вацуро В. Э.* Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину // РЛ. 1993. № 2. С. 87).

Март, 8. Симбирск.

Раздел недвижимого имущества (земли без крестьян) между братьями Карамзиными. Н. М. Карамзин продает за 16500 рублей свою долю братьям – Василию, Федору и Александру.

Март, не позже 26. Москва. Возвращение Карамзина из Симбирска.

Март, 27. Москва.

Е. В. Хераскова в письме к И. П. Тургеневу в Симбирскую губ. благодарит его за письмо, которое получила она с «Ник.[олаем] Мих.[айловичем] <Карамзиным>; ты мало пишешь, но я зато много спрашивала его о вас; он любит тебя очень и, кажется, более, чем прежде любил».

Вацуро В. Э. Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину // РЛ. 1993. № 2. С. 87.

Апрель, 1. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 5. Четверг. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Здравствуй, любезнейший мой Иван Иванович!

Я возвратился из Симбирска и получил от тебя два письма; оба они не веселы. Что делать, мой друг! Покрайней мере будь здоров. Скука не вечна. Если не можешь *никем* заниматься, то занимайся хоть *чем*нибудь. Читай, пиши, броди, мечтай. Я сам живу... Бог знает как. Многим кажется мое состояние приятным и завидным; но я, знаю, каково мне. – В Симбирске был я не даром: продал свое имение, не чужим, а братьям, за 16000 руб. Хорошо или худо сделал, не знаю. – Сочинения твои печатаются. Поправки, по письму твоему, сделаны. – Прости, мой милой друг! Московская публика желает скорее видеть и мои безделки. Не велишь ли пересылать к себе экземпляра два по листам? – Люблю тебя всем сердцем; надеюсь, что и ты меня любишь.

Прости! Пиши ко мне: *на Тверской, в доме Федора Ивановича Киселева*. Целую тебя в мыслях.

При случае засвидетельствуй мое почтение Гаврилу Романовичу <Державину>».

Карамзин, 1866. С. 53 (№ 46).

Апрель, 7. Петербург.

Письмо имп. Екатерины II к Санктпетербургскому губернатору Рылеву:

«Господин генерал-поручик и Санктпетербургский губернатор Рылеев.

Препровождая при сем прошение, поданное нам гвардии Семеновского полку от капитана-поручика Ивана Дмитриева с жалобой на ротмистра гвардии Конного полку Всеволожского, который, наследовав большую часть имения после родного дяди его Дмитриева – генерал-поручика Бекетова и заведя тяжбу об оном с флота капитаном Ахматовым, под предлогом сей тяжбы отрекается выплатить по завещанию своего благодетеля ему Дмитриеву с четырьмя братьями и тремя сестрами сорок тысяч рублей, повелеваем вам, по пребыванию здесь просителя Дмитриева и ответчика Всеволожского, призвать их к себе и стараться склонить их к миролюбивому прекращению тяжбы их; но если в том не предусеете, тогда прошение первого препроводить в здешний Совестьный Суд на разбор и решение по правилам должности его в учреждениях наших начертанным.

Екатерина.

В Санкт-Петербурге,
Апреля 7 дня 1795 г.»

Бумаги П. П. Бекетова // РА. 1880. III. С. 358–359.

Апрель. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 6) напечатана песня: «*О любезной, о мой милой...*» – № 27 (4 апреля?). С. 9; подпись: *ъ..*

С подстроч. примеч.: «Мы не почитаем за нужное объявлять, кто писал сию песню. Читатели и без нас это отгадают. Скажем только, что скоро сочинения его выйдут вместе под названием “И мои безделки”»; подпись: П.[одшивалов].

Апрель. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург пишет:

«Сию минуту, милой мой Иван Иванович, получил письмо твое. Все будет исполнено по воле твоей в рассуждении *и моих безделок*. Завтра я скачу из Москвы в деревню к Настасье Ивановне, которая очень, очень больна и не встает с постели; что, вместе с другими обстоятельствами, раздирает мое сердце. Ты конечно возьмешь участие в моей горести. – Отсутствие мое не остановит печатание твоих сочинений. Василий Сергеевич взял на себя корректуру и проч. Он будет пересылать к тебе и отпечатанные листы. – Дай Бог, чтобы я к Августу месяцу мог возвратиться в Москву с покойным сердцем. Очень рад буду увидеть тебя, мой друг! Люби меня, мой милой! И пиши ко мне в деревню. Здесь останется мой человек, которой будет пересылать ко мне письма. Прости, любезнейший! И в горе и в удовольствии я твой верной друг».

Карамзин, 1866. С. 53–54 (№ 47).

Май. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 6. № 35) напечатаны: «*Стихи на присоединение Польских провинций и Курляндскаго герцогства к Российской Империи*» («*Всяк подвиг божеству возможен...*») – С. 146; без подписи.

С примеч. к заглавию: «Многие под всякою безделкою ставят свое имя. Здесь нет его; но редкость подобных поэтов без труда откроет почтенного сочинителя».

Сила Любви («*Кто в страсти не ревнив?..*») – С. 148; без подписи.

Май, перв. пол. Петербург.

Дмитриев ведет корректуру первых двух печатных листов «*И Моих Безделок*».

Май, 13. Село Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший мой друг, Иван Иванович!

Можешь ли ты думать, чтобы я переменялся в рассуждении тебя, моего милого? Пишу редко – правда. Причиною этому – беспокойная жизнь моя, не другое что. Или еду или собираюсь ехать; то в Москве, то в деревне; иногда же не хочется за перо взяться. – Сочинения твои давно уже печатаются. Ко мне прислали сюда в деревню два первые отпечатанные листа. Думаю, что и ты уже получил их; уведошь. Василий Сергеевич Подшивалов читает корректуру. Просматривай каждой лист, и какие ошибки найдутся, заметь и пришли ко мне записку; напечатаем errata. – Сестра Марфа Михайловна помолвлена за Никиту Никитича Философова; чему я рад сердечно. – На сей же почте пишу к моему Петрушке, чтобы он отправил к тебе *Аглаю и безделки*. – Теперь я живу в деревне, мой друг, единообразно, но не скучно. Только неприятные обстоятельства друзей моих тревожат мое сердце. – Никогда, никогда не думай, чтобы любовь моя к тебе могла охладеть, уменьшится; люблю тебя всем сердцем, и всегда любить буду. Если не ошибаюсь, то стихи на присоединение Курляндии сочинены тобою: для чего их не напечатать вместе со всеми? – Прости, милой!

Пиши ко мне или в Москву, в дом Кисилева на Тверской, или прямо на имя мое в город Болхов. Я пробуду в деревне до Августа. – Что твое дело?».

Карамзин, 1866. С. 54–55 (№ 48). В этот же день Карамзин написал письмо к П. М. Хераскову (см.: Библ. Зап. 1858, № 19. С. 587).

Июнь, 3. Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Худое твое здоровье беспокоит меня, любезнейший мой Иван Иванович! Что с тобою делается? Хотя я не медик, однакож уведошь меня, в чем состоит болезнь твоя. Между тем, вместо лекарств, посылаю тебе – добрые мои желанья.

Я не так беспечен, как ты думаешь: все поправлено, как ты хотел, в пьесах твоих. Опечаток, кажется, никаких нет в первых листах безделок; только в препинаниях не соблюдается нужной тонкости. — Думаю, что через две недели все будет отпечатано.

Благодарю тебя, мой друг, за участие, которое ты берешь в здоровье Настасии Ивановны. Ей, слава Богу! Лучше. Дай Бог, чтобы ты, любезной друг, мог тоже сказать мне об своем здоровье!».

Карамзин, 1866. С. 55 (№ 49).

Июнь. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 6. № 46) напечатаны: *К Голубку* («Голубочек сизокрылый...») — С. 317; подпись: — — ъ.; *Песня* («Настроив томну лиру...») — С. 322; подпись: — — ъ.

Июль, 11. Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезной мой Иван Иванович!

Давно уже не имею от тебя писем. В. С. Подшивалов писал ко мне, что ты был на пути в Москву и возвратился в Петербург из Вышнего Волочка. Я удивился. Скажи, мой друг, где думаешь провести зиму? Хорошо, естли бы в Москве; но не надеюсь. А ты верно нашел бы удовольствие в Московской жизни. — Я все еще в деревне у моего друга, и пробуду здесь до Сентября. Ты хотел некогда приехать к нам! Как бы удивил и обрадовал нас! (в выноске: Настасья Ивановна очень любит тебя) Твои приятные и скромные *Безделки* отпечатаны; думаю, что уже и опубликованы. По возвращении в Москву, сделаю счет с Клаудием, и перешлю к тебе сколько нибудь денег. — Хованский стихотворец, которого ты знаешь, разобрал в пух Василья Сергеевича за то, что он в каком-то стихе его не нашел смыслу. И еще недоволен: вызвал его на поединок в публичном Университетском собрании. Наш приятель Подшивалов отвечал ему, что он умеет драться пером и кулаками, а не шпагою. Стихотворец еще более рассердился, и клялся Стиксом, что он (Подшивалов) узнает его в свое время. Чем кончится история, неизвестно. — Печатаются ли сочинения нашего любезного Гаврила Романовича? Уведомь, когда могу получить их. Обнимаю тебя в мыслях. Прости, милой! И люби всегда друга твоего.

Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 55—56 (№ 50).

«Хованской стихотворец... разобрал в пух Василья Сергеевича...» — об этом же Карамзин писал в июне 1795 года к Роману Петровичу (по догадке М. Н. Лонгинова, племяннику Хераскова): «...наш приятель, князь и стихотворец... завел жестокою ссору с издателем Ежемесячных листов, и я боюсь, чтобы у них не дошло дело до поединка. Вся моя надежда на сырую и холодную погоду, которая может прохладить жар нашего любезного стихотворца...». Князь Григорий Александрович Хованский умер 1 декабря 1796 года. Еженедельные листы, упоминаемые Карамзиным, был журнал «Приятное и полезное препровождение времени», издававшийся Сохацким и Подшиваловым. (*Библиографическая Записка. 1858. № 19. С. 589—592.*)

Июль — Август (не позже 9-го). Москва.

В университетской типографии у Ридигера и Клаудия отпечатаны «И Мои Безделки» (М., 1795. Унив. тип., у Ридигера и Клаудия).

Это первое прижизненное собрание сочинений И. И. Дмитриева. Издание печаталось под наблюдением Н. М. Карамзина.

Содержание:

I. *Гимн Богу* («Парю душой, к Тебе Всечтимый...») — С. 5—6; II. *Стихи к бронзовой статуе графа Румянцева, воздвигнутой графом Завадовским на его даче* («Почтенный лик! Когда б ты был изображен...») — С. 7—8; III. *К Волге* («Река священнойшая в мире...») — С. 9—13; IV. *Глас Патриота. На покорение Варшавы* («Где буйны, гордые Титаны...») — С. 14—17; V. *Воздушныя Башни. Сказка* («Утешно

вспоминать под старость детски леты...») – С. 18–31; VI. *Ермак* («Какое зрелище пред очи...») – С. 32–41; VII. *Стихи на игру Господина Геслера, славнаго органиста* («О Геслер! где ты взял волшебное искусство?...») – С. 42–46; VIII. *Ода к П.[латону] П.[етровичу] Б.[екетову]* («Пускай тщеславный предается...») – С. 47–49; IX. *Стихи На победу Графа Суворова-Рымникского, одержанную над Польскими войсками, когда он в три дни перешел семь сот верст* («Не твоего ль, Израиль, сына...») – С. 50–51; X. *На Новый 1795 год* («Будь щастливой в твоём течении!...») – С. 52–54; XI. *Причудница*, Сказка («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 55–85; XII. *Стихи Графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы* («Кто Росс – и ныне не восплещет...») – С. 86–88; XIII. *Весна* («Под розово-серебристым небом...») – С. 89–91; XIV. *Модная Жена*. Сказка («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал!...») – С. 92–105; XV. *Чиж*. Притча («Чиж свил себе гнездо...») – С. 106–108; XVI. («») – С. – ; XVII. *К. Ф.[едору] М.[ихайловичу] Д.[убьянскому]*, *Сочинившему голос на сию песню* («Нежный ученик Орфея!...») – С. 111–112; XVIII. *Жаворонок с детьми и земледелец*. Притча («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 113–118; XIX. *Стансы к Н...[иколаю] М...[ихайловичу] К*** [арамзину]* («Прочь от нас, Катон, Сенека!...») – С. 119–123; XX. *К Хлое* («Дрожащею рукою / За лиру я берусь...») – С. 124–126; XXI. *Отъезд* («Простите Лары и Пенаты...») – С. 127–130; XXII. *Разлука* («Без друга и без милой...») – С. 131–132; XXIII. *Два Голубя*. Притча («Два голубя друзьями были...») – С. 133–139; XXIV. *Картина*. Сказка («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 140–148; XXV. *Каррикатура* («Сними с себя завесу, / Седа старина!...») – С. 149–155; XXVI. *Ответ Филлиде. На вызов ее написать к ней стихи* («Ах! когда бы в древни веки...») – С. 156–158; XXVII. *К Младенцу* («Дай собою налюбоваться...») – С. 159–161; XXVIII. *К Приятелю*. С дачи («Льстивый друг моей цевницы!...») – С. 162–163; XXIX. *Похвала Араку* («Други! время скоротечно...») – С. 164–165; XXX. *Наслаждение* («Всяк в своих желаньях волен...») – С. 166–167; XXXI. *К Ю.[рию] А.[лександровичу] Н.[елединскому] М***[елецкому]* («Заведен в лесок тоскою...») – С. 168; XXXII. («») – С. – ; XXXIII. *Истукан и Лиса*. Притча («Осел, как скот простой...») – С. 171; XXXIV. *Сказка* («Ну, всех ли, милыя мои, пересчитали?...») – С. 172–175; XXXV. *Горлица и Прохожий* («“Что так печально ты воркуешь на кусточке?..”») – С. 176; XXXVI. *Чужой толк* («Что за диковинка!...») – С. 177–191; XXXVII. *Стихи На присоединение Польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской Империи* («Всяк подвиг Божеству возможен...») – С. 192–194; XXXVIII. *Стихи На всерадостный день рождения Ея Императорскаго Величества* («В сей день, как Росс простерши руки...») – С. 195–198; XXXIX. *Эпитафия Младенцу* («Коль дружество сии начертывая строки...») – С. 199; XL. *Стихи По прозбе одной матери на двух ее детей* («Прочь затей стихотворства!...») – С. 200–201; XLI. *К Хлое* («Всех цветочков боле / Розу я любил...») – С. 202–203; XLII. *Старинная Песня* («Ах! когдаб я прежде знала...») – С. 204–205; XLIII. *К Юности* («Юности! юность! веселися...») – С. 206–207; XLIV. *Притча. Старик и трое молодых* («Однажды старичок над заступом потел...») – С. 208–211; XLV. *Заяц и перепелиха* («Как над нещастливым, мне кажется, шутить?...») – С. 212–213; XLVI. *Счет поцулуев* («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 214–217; XLVII. *Песня* («Видел славный я дворец...») – С. 218–219; XLVIII. *К *** В день ее рождения* («Естли б ты и не сказала...») – С. 220; XLIX. *На Цыганскую пляску* («Пой, скачи, кружись, Параша!...») – С. 221–222; L. *К Прелесте* («Прелеста! веселись; мой рок уже решился...») – С. 223–229; LI. *Два друга*. Притча («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – С. 230–232; LII. *Песни*: 1. «Куда мне, сердце страстно...» – С. 233–234; 2. «Птичка вырвавшись из клетки...» – С. 234–235; 3. «Тихе, ласточка болтлива...» – С. 236–237. LIII. *Пустычник и Фортуна*. Сказка («Какой-то добрый человек...») – С. 238–240; LIV. *Мадригалы*: 1. «По чести! от тебя не можно глаз отвести...» – С. 241; 2. «Задумчива ли ты, смеешься или поешь...» – С. 241; LV. *Эпиграммы*: 1. «Дамон! Кто бытиго Всевышняго не верит...» – С. 242; 2. «Мне лекарь говорил...» – С. 242; 3. «Почто Ликаста осуждают...» – С. 243; 4. «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...» – С. 243; 5. «Он врал – теперь не врет – / Вот эпитафия, когда Бурун умрет» – С. 243; 6. «О Клюквин! не глуши...» – С. 243; LVI. *Надписи к Портретам*.

1. «Возможно ль, как легко по виду...» – С. 244; 2. «Глядите, вот Ефрем!..» – С. 244; 3. «Ай! как его ужасен взор!..» – С. 245; 4. «Родятся лилии...» С. 245; 5. «И это человек?..» – С. 245; LVII. *Плач Матери* («Нежной страсти плод любезной!..») – С. 246–248; LVIII. *Дуб и Трость*. Притча («Дуб с тростью вступил однажды в разговоры...») – С. 249–251; LIX. *На мир с Оттоманскою Портою* («Во сне ли сладком я мечтаю...») – С. 252–254; LX. *Песнь на кончину Светлейшаго Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго* («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 255–259.

Август, 9. Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Я все еще в деревне, мой любезной друг Иван Иванович! И едва ли в половине Сентября буду в Москве. Не думай, чтобы я отменно любил деревню; нет, я люблю только друзей своих, и в Москве и в Знаменском. Худо кашлять, худо иметь слабой желудок, худо иметь и тощий кошелек; последнее все не так худо, как первое. Петербургский климат не благоприятствует твоему здоровью. Желаю скорее видеть тебя бригадиром, и в Москве. Как бы хорошо было, если бы мы могли жить вместе, стали бы по старому сочинять бу-риме и писать сатиры на плешивых, т. е. на самих себя. Я хотел бы никогда не расставаться с теми, кого люблю; хотел бы провести с ними все то время, которое остается мне жить на земле – вот одно из первых моих желаний! Мы могли бы составить не скучное общество, если бы – если бы... mais avec un si on mettroit Paris dans une bouteille, со всеми Роялистами и Республиканцами.

Василий Сергеевич <Подшивалов> пишет ко мне, что он продает все экземпляры *Безделок*, и надеется послать к тебе рублей 400. Я писал к Клаудию и Ридигеру, чтобы они уведомили меня, сколько мне надобно отдать им за напечатание; но еще не имею ответа.

Михаил Матвеевич <Херасков> (который любит тебя) сочиняет комическую поэму, странника <напечатана в Москве, в 1795 году, под заглавием: «Пилигримы, или искатели счастья»>. Говорят, что она забавна. – И так новые творения <«Добрыня, театральное представление с музыкаю»> Державина, напеч. впервые в 1808 г.> нашего Невского Барда, по словам твоим, неудачны? Музы имеют свои капризы, и не всегда слушаются поэтов. – Дай мне идею о Добрыне, если он чтонибудь значит.

Желаю от всего сердца, чтобы процесс твой какнибудь скорее кончился. Однакож лучше выиграть, нежели проиграть.

Настасья Ивановна все еще слаба здоровьем. Я поцеловал у нее руку, по твоему приказанию. Она благодарит тебя и очень желает с тобою познакомиться. Алексей Александрович <Плещеев> в Москве.

Прости, мой любезной друг! дай Бог, чтобы Игея излила на тебя весь сосуд свой, и чтобы ты возвратился из деревни в Петербург совершенно здоров. Бодр и весел.

Верной и вечной друг твой

Н. Карамзин.

Последняя страничка в *Безделках* твоих печатана».

Карамзин, 1866. С. 56–58 (№ 51).

1795. Лето. Петербург.

Пожарской («Примите, древняя дубрава...»).

Сентябрь, 2. Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезной Иван Иванович!

На сих днях получил от тебя два письма, за которые благодарю моего друга. Хорошо, что меня помнишь; хорошо, что меня любишь. Но худо, что в Сызране был пожар; худо, что сгорел ваш дом. Воображаю себе ужасную сцену для твоих

родных! Между тем надобно благодарить Бога, что все они остались здоровы. – Радуюсь, мой друг, что Д. И. Затрапезнов тебе полюбился; я сам люблю его сердечно, как умного, и очень умного человека. Такие люди у нас редки. Жалею, что он оставил Москву. – Между тем напомни ему обо мне. Он хотел писать из Петербурга к деревенскому своему приятелю, и забыл! – Ты зовешь меня в Петербург: может быть и приеду к вам в начале зимы, но только... может быть! Теперь живу без плана и ленюсь думать о том, что ожидает меня впереди. – И так обо мне говорят, что я удален? За что же? И кому хочется выдумывать на мой счет такие печальные басни! – Василий Сергеевич <Подшивалов>, не уведомив меня, заплатил за напечатание твоих стихов; узнав о том, я на первой почте писал в Москву к своему Петрушке, чтобы он немедленно отправил к тебе сто двадцать рублей из моих денег, у него оставшихся – получил ли ты их, мой друг? Уведомь. – Я все еще в Знаменском, и когда буду в Москве, не знаю. Прости, мой любезной, мой милой Иван Иванович! До гроба друг твой

Н.[иколай] К.[арамзин]».

Карамзин, 1866. С. 58–59 (№ 52).

Сентябрь, 19. Знаменское.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«На три письма не имею от тебя ответа, любезнейший мой друг Иван Иванович, и думаю, что они пропали. Болховский почтмейстер имеет привычку жечь по выбору некоторые письма и оставлять у себя взятые за них деньги; для того пишу теперь через Москву. Не вини же меня, любезной друг! не говори, что я забываю тебя и ленюсь писать. Последнее письмецо твое так ласково и дружелюбно, что я должен поцеловать тебя за него. Милой друг, мизантроп и меланхолик! Я люблю тебя как душу, и нетерпеливо желаю с тобою увидеться. Все, все расскажи мне, и печальное и смешное! Вместе потужим и посмеемся. Ты мог обмануться в стоиках и моралистах, в книжниках и фарисеях, но во мне, как в друге своем, никогда не обманешься; за это смело отвечаю – никогда не скажешь мне: лжец! лицемер! обманщик! Люди, люди! Что вы и чем хотите казаться?... видишь, мой друг, что я подделываюсь под тон письма твоего! В заключение скажу еще: о tempoга! о mores! И переменяю материю. – Я все еще в деревне, но по собственной воле своей, вопреки тому, что угодно было добрым людям сказать обо мне в Москве и в Петербурге. Дружба имеет свои обязанности. – Думаю, что в Ноябре буду в Москве; но, кажется, прежде.

Между тем пиши ко мне; слова два-три, и я доволен! Обнимаю тебя в мыслях. Человек дожидается письма. Прости, милой!

Вечной, вечной друг твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 59–60 (№ 53).

Октябрь, не позже 17-го. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 8. № 80) напечатано «Подражание первой Тибуловой элегии» («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 8; подпись: – ъ.

Примеч. к заглавию: «Греки и римляне были не только первые поэты, но и положили пределы, из коих почти ни один последователь выступить не дерзал. Посему перевод греческих и римских стихотворений есть благоденствие для литературы новейших народов. Подобное сему сказали мы прежде упоминая о переводе на наш язык Анакреонта; но он, как мы уведомились после, не переведен, а напечатан только в корпусе греческих единовременцев».

Октябрь, 17. Знаменское.

Письмо Н. М. Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Из пяти писем моих ни на одно не получил я от тебя ответа, любезнейший друг Иван Иванович. Что это значит? Думаю, то, что они не дошли до тебя, и

пропали в Петербурге. Сперва имел я подозрение на Болховского почтмейстера; но он доказал мне картою, что письма мои отправлены в Петербург. Сверх того я писал к тебе два раза и через Москву, и все ответа нет! Не понимаю и досадную! Иногда мне приходит на мысль, что не отдают ли петербургские почтальюны писем твоих кому другому? Например, тому приятелю, с которым ты имеешь судное дело? По крайней мере вели справиться на почте, куда девались два письма, посланные из Болхова на твое имя, одно от 13 Августа под № 2, а другое от 3 Сентября под № 5. Теперь пишу к тебе через В. С. Подшивалова. Желая знать, что ты думал о моем мнимом молчании? Не правда ли, что винил, осуждал, бранил меня в своих мыслях? Будь вперед справедливее против своего друга. Мне кажется, что я тебя люблю ныне еще более, нежели прежде. Последние меланхолические письма твои очень растрогали мое сердце. Тысяча раз желал я обнять тебя, моего любезного. Умею ценить твою дружбу, и надеюсь всегда быть ее достойным, и в щасти и в нещасти, и в радости и в печалях.

Думаю, что буду в Москве около половины Ноября. Дай Бог, чтобы ты нынешнею зимою мог прожить со мною несколько времени! – *Живой о живом и думает*, говорит пословица. Дней пять занимаюсь я новым планом: выдать к новому году русской *Almanach des Muses* <издан Карамзиным под заглавием «Аониды»>, в маленькой формат, на голландской бумаге, и проч. Надеюсь на твою Музу: она может произвести к тому времени довольно хорошего. Михайло Матвеевич <Херасков>, Нелединской и проч. чтонибудь напишут; а ты мог бы в Петербурге сказать о том Гавр. Романовичу <Державину>, Львову, Козодавлеву и прочим. Они бы также дали нам несколько пиес. Начнем – а другие со временем возьмут на себя продолжение. Откроем сцену для русских стихотворцев, где бы могли они без стыда показываться публике. Отгоним прочь всех уродов, но призовем тех, которые имеют какойнибудь талант! Естли мало наберется хорошего, поместим изрядное; но полого, нечистого, карикатурного, нам не надобно. Таким образом всякой год могли бы мы выдавать маленькую книжку стихов – и дамам нашим не стыдно б было носить ее в кармане. Что ты об этом скажешь? – Тибуллова Элегия прекрасна на Руском языке, кроме трех или четырех стихов. Такой перевод стоит десяти сочинений; я прочитал его несколько раз сряду с великим удовольствием –

Не правда ли, что я зажился в деревне? Между тем Московские мои приятели заклинаят меня скорее возвратиться в Москву, чтобы уничтожить разные слухи, рассеянные обо мне злобою и глупостию; одни говорят, что меня уже нет на свете; другие уверяют, что я в ссылке, и проч. Люди не хотят верить, чтобы человек, которой вел в Москве довольно приятную жизнь, мог из доброй воли заключиться в деревне, и притом в чужой! И притом осенью! – Все такие слухи не заставят меня ни днем скорее выехать из Знаменского. Больно видеть, что некоторые люди без всякой причины желают мне зла; но приятно, очень приятно мне уверяться более и более в бескорыстной дружбе и приязни добрых, благородных душ. – Целую тебя, моего друга! Как желаю видеться с тобою скорее! Прости, Прости, любезной! Надеюсь, что по крайней мере это письмо дойдет до тебя, и что я буду иметь ответ. Adieu!

Милая и почтенная Настасья Ивановна приказывает мне написать к тебе *самою ласковой* поклон от нее. При случае можешь сказать Гавр. Романовичу, что я душевно люблю его и почитаю. Мне хотелось бы видеть его».

Карамзин, 1866. С. 60–62 (№ 54).

1795. Октябрь. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 8) напечатаны:

Притчи:

1. «Обезьяны» («Во всяком роде есть безумцы и буяны...») – № 81. С. 18;
2. «Орел, Кит, Уж и Устрица» («Орел парил под облаками...») – № 81. С. 18.

Подпись одна к обоим притчам: – ъ;

«Духовная Песнь, извлеченная из 48 псалма» («Внуши, земля! владыки мира...») – № 86. С. 113; подпись: – ъ.

Ноябрь. Москва.

В «Приятном и полезном препровождении времени» (Ч. 8. № 93) напечатан перевод стихотворения И. В. Гёте «Границы человечества»:

«*На случай грома*» (подражание немецкому поэту г. Гёте) («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») – С. 209. Без подписи.

Примеч. издателя: «Вот поэзия во всей своей силе и славе, наперсница богов, одаренная бесмертною красотою».

Декабрь, 20. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший мой, Иван Иванович!

Наконец я в Москве, опять по старому езжу из дому в дом, играя в Бостон, и проч. и проч. Что ты делаешь? Давно не имею от тебя ни строчки. Пиши для меня прозою, а для публики стихами. Все здешние стихотворцы от Михаила Матвеевича до ..., радуются мыслию об Руском Almanach des Muses; все обещают плакать и смеяться в стихах, чтобы занять место в нашей книжке. Содержатели типографии также рады. Я на тебя надеюсь, мой поэт, не смотря на твои оговорки. Пиши и присылай ко мне; чем скорее, тем лучше. Да скажи мне, что Гаврило Романович? И будет ли он в Москве? Если не будет, то попроси у него чтонибудь для Almanach, которой назовется: *наши музы в 1796 году*. – На твои деньги, которые у меня остались, куплю Москов. Журнал и пошлю к Ивану Гавриловичу через почту. – Обнимаю тебя в мыслях, и люблю всем, всем сердцем.

P. S. Михайло Матвеевич отдал мне для тебя экземпляр *Пилигримова*: велишь ли прислать его к тебе? – Да думаешь ли ты быть в Москве в Феврале? Прости, милой друг!»

Карамзин, 1866. С. 62–63 (№ 55).

1795. Послание Н. М. Карамзину («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...»).

<1795>. «*Пой, скачи, кружись Параша!..*».

<1795>. «*Всех цветочков более / Розу я люблю...*».

<1795>. «*По чести от тебя не можно глаз отвести...*».

<1795>. «*Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...*».

<1795>. *Дуб и трость*. Баснь («Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры...»).

Перевод из Лафонтена: «Le chêne et le roseau».

<1795>. *Два Голубя* («Два Голубя друзьями были...»).

Перевод из Лафонтена: «Les deux pigeons».

<1795>. *Два Друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...»).

Перевод из Лафонтена: «Les deux amis».

<1795>. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...»).

<1795>. *Старик и трое молодых* («Старик, лет в семьдесят...»).

Перевод из Лафонтена: «Le vieillard et les trois jeunes hommes».

<1795>. «*Други, время скоротечно...*».

<1795>. «*Куда мне, сердце страстно...*».

<1795>. «*Юность, юность, веселися...*».

<1795>. *Стихи на игру Господина Геслера, славнаго органиста* («О Геслер! Где ты взял...»).

<1795>. *К *** в день ее рождения* («Если б ты и не сказала...»).

<1795>. *Стихи на всенародный день рождения Ея Императорскаго Величества* («В сей день, как росс, простерши руки...»).

- <1795>. *Ода П. П. Бекетову* («Пускай тщеславный предается...»).
- <1795>. *Приятелю* (С дачи) («Льстивый друг моей Цевницы...»).
- <1795>. *К Ю. А. Н.-М.* («Заведен в лесок тоскою...»).
- <1795>. *Надпись к памятнику мореходца Шелехова* («Как царства падали к стопам Екатерины...»).
- <1795>. *Заяц и Перепелка* («Как над несчастливым, мне кажется, шутить?»).
- <1795>. *Стихи по просьбе одной матери на двух ее детей* («Прочь затеи стихотворства...»).
- <1795>. *Эпиграмма* («Дамон! Кто бытию всевышняго не верит...»).
- <1795>. *Эпитафия* («Когда и дружество струило слез потоки...»).
- <1795>. *Эпиграмма* («Завидна, – я сказал, – Терситова судьбина...»).
- <1795>. *Надпись к портрету* («Родятся лилии, родятся мухоморы...»).
- <1795>. *Надпись к портрету* («Возможно ль, как легко по виду ошибиться!..»).
- <1795>. *Надпись к бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцева Задунайскаго, поставленной Графом Завадовским в его деревне* («Почтенный лик! Когда б ты был изображен...»).

1796

Январь, 1. Петербург.

Получает чин капитана.

Дмитриев, 1866. С. 123: «Не имев склонности к воинской службе, я нетерпеливо ждал капитанского чина, последнего по гвардии, и наконец первого Января в 1796 году получил его. <...> Вскоре потом отпросился в годовой отпуск, с твердым намерением в следующий год выйти в отставку, к умножению московских Бригадиров: тогда их было столь же много, как ныне Действительных Статских Советников».

Январь, 7. Петербург.

В крещенский парад на гранитном берегу Невы «отправляет первую и последнюю службу в новом чине, командуя гренадерскою ротой».

Дмитриев, 1866, С. 123.

1796. Январь, 16.

А. Т. Болотов пишет о Дмитриеве: «Славный новый наш поэт, г. Дмитриев уже не молод; имеет сына, и он сам гвардии офицер и друг Карамзина».

Краткия историческая записи о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 13.

Январь, 22. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезной, милой Иван Иванович!

Пишу и буду писать через почту. Между тем поздравляю тебя с Капитанским чином; но пожалуй, не будь ленивым капитаном-поэтом, особливо когда сердечной приятель и друг твой хочет выдать *Almanach des Muses*. Вообрази, что он от тебя не печатается; а естли ничего не пришлешь, то и не будет печататься. Слышишь ли, ленивой человек? До Сызрана долго; нам скорее что нибудь. – Пиши или сам приезжай в Москву; в ожидании обнимаю тебя мысленно.

Прости, милой друг!

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 63 (№ 56).

1796. Январь. Петербург.

Выходит первая книжка журнала «Муза, ежемесячное издание на 1796 г.». В списке имен «особ благоволивших подписаться на Январь, Февраль месяц в Санкт-Петербурге» названы: А. И. Мусин-Пушкин, Г. Р. Державин, Д. И. Хвостов, И. И. Дмитриев, Невской семинарии префект М. М. Сперанский и др.

Февраль, 2. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший Иван Иванович!

Я писал к тебе через почту и с князем Долгоруким, теперь пишу с Петром Афанасьевичем Пельским, очень умным и хорошим человеком, которого знакомство может быть для тебя интересно. – Стихи Державина и Капнистовы получил; изъяви им мою благодарность. Но *Almanach des Muses* не будет напечатан, естли ты мне ничего не пришлешь. Всего будет одна книжка, которая должна выйти к весне; и так пожалуй не откладывай до Сызрана, а пришли что нибудь скорее. Долго ли Поэту написать и поэму? – Между тем скажи, когда думаешь быть в Москве? Очень желаю видеть, обнять тебя, моего друга. – Ты говоришь о моих новых безделках: оне безделки и более ничего. Через несколько дней могу прислать тебе одну сказочку. – Обнимаю тебя в мыслях. Прости, милой друг!».

Карамзин, 1866. С. 64 (№ 57).

1796. Февраль, (до 16?). Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Любезнейший мой друг Иван Иванович!

Жду тебя в Москве. Приезжай скорее. Весна приближается, снег сходит, и ... *Almanach des Muses* у цензора. Приезжай, приезжай! – Между тем пожалуй доставь приложенное письмо капралу Арнаутову, которого я тебе некогда рекомендовал, и если он захочет ехать в отпуск, то сделай одолжение, попроси об нем Секретаря или кого надобно. – Прости, мой любезнейший Иван Иванович!».

Карамзин, 1866. С. 64 (№ 58).

Февраль, 16. Москва.

В «Моск. Вед.» (1796. № 14, 16 февраля) напечатано объявление о продаже 1-й и 2-й книжек 2-го изд. «Аглаи».

Февраль, 18. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Здравствуй, мой любезной, милой друг!

Знаешь ли, что я в самом деле был на тебя сердит? За то единственно, что ты мог почитать меня сердитым, легковерным, непостоянным. Как тебе не стыдно? Меня надлежало бы посадить в дом сумасшедших по крайней мере дни на два – если бы я поверил, что ты мог быть против меня виноватым; если бы я озлился на тебя, и для того перервал с тобою переписку. Нет, мой любезной Поэт! я уверен в твоей дружбе, однажды навсегда; писал редко, но писал; говорил и говорю об тебе почти всякой день, а помню и люблю тебя беспрестанно. Для чего же пишу редко? спросишь ты. Обвиняй все, кроме моей дружбы к тебе; обвиняй малодушие и слабость мою, которые делают меня иногда излишне чувствительным к житейским неприятностям, отвращают от всякого дела и мешают даже собраться с мыслями, нужными для того, чтобы написать пять или шесть строк к любезному человеку. Жалею, милой друг, что судьба не велит нам жить вместе; сердце мое не скрывалось бы от тебя ни в чем. Пока оставим...

И так малой Поэт малой России вооружается против любезного поэта великой России? Не огорчайся, мой друг. За тебя все, все; имя твое как светлой алмаз: черные краски злословия не могут на нем держаться. Твой талант не подвержен никакому сомнению, и Муза Русская при рождении твоём сказала: *Поэт!*

Бедные люди! Как зависть беспокоит их!

Между тем непременно, непременно пришли или привези с собою чтонибудь для *наших Муз*, хотя одну пиесу, хотя не большую; соберись с духом и напиши. Сделай это для меня. Мне не хочется и печатать, пока от тебя не получу чегонибудь. – Прости, мой любезной друг! Благодарю за присланные стихи Петербургских Поэтов; все помещу. – Завтра пошлю к тебе *Юлию*. – Обнимаю тебя в мыслях. Прости и люби меня всегда».

Карамзин, 1866. С. 65–66 (№ 59).

Февраль, 19. Москва.

Карамзин высылает И. И. Дмитриеву в Петербург повесть «Юлия».

Карамзин, 1866. С. 66.

Март, 16. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Худые вести, мой любезнейший Иван Иванович! Я надеялся через несколько дней видеть тебя в Москве, а ты собираешься в Финляндию! Теперь прошу и молю Бога, чтобы парадная шляпа твоя не возвращалась в Петербург; ей у меня тепло и хорошо. Долго ли воевать? Пожалуй опиши в гармонической оде все прелести

мира, и пошли ее ко всем дворам; авось либо они перестанут ссориться. – Будем все еще надеяться, что парадная шляпа твоя не поедет обратно в Петербург.

К Пушкиным писали из Москвы неправду: я не думал и не думаю жениться.

Будь спокоен в рассуждении Подшивалова; он любит тебя и почитает, а молчал от хлопот и недосугов своих. На этой почте хотел он сам писать к тебе.

Люди твои нынешний день приех.[али] получать от меня деньги, естли будут иметь в них нужду.

Прости, мой друг любезной и сердечной!

Нетерпеливо желаю видеть тебя скорее. Дай Бог, чтобы войны не было, между прочим и для того, чтобы ты мог выехать из Петербурга! Прости, обнимаю тебя в мыслях. – Отошли письмецо к Пу...у».

Карамзин, 1866. С. 66 (№ 60).

О возможной войне России со Швецией писал Карамзин к брату В. М. Карамзину в Симбирск 26 марта 1796: «Недавно говорили все о войне со шведами, и гвардия готова была идти в поход; но теперь кажется, что мир нарушен не будет...» (РЛ. 1993. № 2. С. 110).

Апрель. Петербург.

В апрельской книжке «Музы» (Ч. 2) напечатано «Горлица и Мальчик» (Подражание Французскому) («Когда блестящий день, / Явившись на земле...») – С. 28–29; подпись: – – ь.

Май. Петербург.

В майской книжке «Музы» (Ч. 2) напечатаны:

«Сонет» («Однажды дома я весь вечер просидел...») – С. 140; подпись: – – вь.;

«Ночь» («В черной мантии, волнистой...») – С. 141–143; подпись: – вь.

Июнь, 4. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург.

«Здравствуй, мой любезнейший Иван Иванович!

Когда-то мы увидимся! Когда-то будем спокойны и веселы! Тебе много хлопот и беспокойства, а мне горя. Больше и больше теряю охоту жить в свете и ходить под черными облаками, которых тень помрачает в глазах моих все цветы жизни. – Между тем Аониды (вместо Музы) печатаются. Не ужели ты ничего не пришлешь мне? Морской офицер, твой питомец, читал мне наизусть новую твою пиесу, которая очень хороша. Я не хотел без позволения твоего списать и напечатать ее, в надежде, что ты сам доставишь ее искренно – любящему Музу твою и тебя. Пожалуй не будь упрям. Нынешний год выдет только одна книжка Аонид. Приглашение к обеду – останется между моими бумагами, и не пойдет в типографию. Нет ли еще чегонибудь у Гаврилы Романовича? Поблагодари от меня Николая Александровича Львова; его пиесы уже напечатаны. – Д. И. Затрапезнов не пишет ко мне: попеняй ему. Да попроси его, чтобы он никому не показывал ни соловья, ни послания моего.

Прости, мой милой друг! От всего сердца желаю тебе доброго здоровья и спокойствия.

П. П. Третьяго дня получил я из Швейцарии письмо, которое обрадовало и огорчило меня. Пишут ко мне, что старик Клопшток любит меня и желает иметь в своей библиотеке все мои безделки: это приятно. Но Лафатер гаснет, как догорающая свечка и не встает уже с постели: это меня очень тронуло».

Карамзин, 1866. С. 67 (№ 61).

Июль(?) – Ноябрь, ок. 20(?). Сызрань (или Богородское).

Дмитриев в годичном отпуске, прерванном известием о кончине имп. Екатерины II.

Июль (втор. пол.) – Август (до 5-го). Москва.

Выходит в свет первая книга альманаха «Аониды, или Собрание разных, новых Стихотворений». Эпиграф на титульном листе каждой книжки альма-

наха: «Chérissons le rival que peut nous surpasser; montrez moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser».

Державин, 1871. Т. VI. С. 54–56.

В первой книге альманаха напечатано «*Письмо к И. И. Д.[митриеву]*» («Ты прав, мой милой друг!..») – С. 92–95; подпись: Всл. Пшкн <Василий Пушкин>.

Август, 3. Петербург.

Во время переправы через Неву утонул Ф. М. Дубянский.

Август, 5. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Богородское:

«На письмо твое, м.[илостивый] г.[осударь] мой Иван Иванович умедлил несколько отвечать по причинам, которые тебе, по образу моей жизни, не безызвестны: то лень, то недосуг; но теперь пишу. Сожалею о честном и любезном человеке Петре Афанасьевиче <Бекетове>. Что делать? Смерть похищает кого ей только угодно. Без тебя и в наших знакомых не один, но несколько человек успели уже отправиться на тот свет. Другая неделя тому, как шурин мой Александр Яковлевич Бастидон, зашибши ропусками весьма легко ногу, но в 24 часа, получа антонов огонь, скончался.

Третьего дни Федор Михайлович Дубянский, переезжая с дачи своей чрез Неву, с компанией потонул; а именно с ним: банковые доктор Сипаж с женою, кассир Генш, придворного закройщика Дьячкова жена. Но спаслися кой-как: тот Дьячков – муж утопшей, жена Геншева, Захаржевский – протоколист сенатский, и наш Орфеев Иван Данилыч, который уж был на дне, но не оробел, и кое-как выкарабкался к лодке, которая от трусости Генша, вскочившего от небольшой течи на борт, опрокинулась, и сделала столько покойников.

После печального известия, приятное то, что ждут уже публично приезда шведского короля с большою свитою и готовят множество при дворе и у больших бояр пиров. Сожалею я, что Михайло Матвеевич написал оду на клевету и еще более, ежели ее напечатает: она хороша, но как ему связаться с Николевым, который есть и будет всеми своими вздорами сам на себя сатира. Надобно в таковых случаях последовать наставлению Сираха, который говорит: раздуешь искру, – возгорится, а плюнешь на нее, – угаснет.

Все стрелы злаго дурака
Достойны лишь плевка.

Я получил от Николая Михайловича *Аониды*, – книжка, в которой много прекрасных стихов, а особливо его эпистола к женщинам *очень очень* хороша; но я недоволен окончаньем, т. е., последним стихом, на который тотчас приходит мысль:

Что с таковыми жен друзьями
Мужья с рогами.

И соловей, *правда ваша*, не весьма громок; впрочем я много ему благодарен, сколько за подарок, а вдвое, что он трудится к пользе литературы, не так как некто: ленится и ничего не прислал в сию складчину стихотворцев. Но для чего вы не отдали *Гремиславы*? Я посылаю к вам Наумовы громы, который без памяти рад, что напечатаны. Свидетельствую мое почтение багюшке вашему и матушке. Меня не отпускают по сию пору, итак, видно, не видать мне моей родимой сторонки. Будьте впрочем здравы и благополучны. Покорнейший ваш слуга.

Измайловские офицеры для Марфы Ивановны <Арбеновой, муж которой Иосаф Иевлович был командиром Измайловского полка> и для всей публики давали бал, фейерверк, ужин; мы были; очень было весело. Напиши поздравительные стихи Пушкину <В. Л., в то время поручик Измайловского полка>».

Державин, 1871. Т. VI. С. 54–56.

1796. Август(?), втор. пол. Сызрань (или Богородское).

Ф. М. Д-[убянском]у («Любезного и прах останется ль безвестным...»).
С примечанием: «Он утонул в Неве».

Август, 6. Москва.

Карамзин высылает Дмитриеву в Сызрань (или Богородское) при письме первую книжку «Аонид»:

«Salut à mon ami et confrère!

Ты давно уже в деревне: здоров ли? спокоен ли? как проводишь время? Сколько часов в день посвящаешь Гению поэзии? Какие песни разносятся Зефиром на полях ваших? Чем пленяется слух Дриад Симбирского наместничества Сызранской округи? Между тем скажу тебе, мой милой Иван Иванович, что я некоторые из комиссий твоих исполнил, а другие надеюсь скоро исполнить; книги в Петербург послал, а денег от Подшивалова еще не получал. Вот тебе Аониды в бумажке; во француз. переплете еще не готовы. Обнимаю тебя мысленно. Настасья Ивановна и Алекс. Александр. <Плещеевы> уверяют тебя в своей любви и почтении. Прости, любезнейший! В другой раз напишу больше. Ожидаю от тебя письма. Всем твоим родным мое почтение; особливо любезному Александру Ивановичу. Прости!»

Карамзин, 1866. С. 68 (№ 62).

Август, 28. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«И так ты очень невесело начал сельскую жизнь свою, мой любезнейший друг Иван Иванович?

Надеюсь, что продолжение будет лучше. Старайся дать хороший оборот своему воображению, чтобы оно, вопреки Сентябрю, играло цветами. Долго ли жить нам под гнетом Рока? Наскучь горестью и скукою, мой любезной друг, и будь весел как ребенок, сидящий на деревянном коньке своем.

У тебя есть Пегас: садись на него и погоняй из всей мочи; чем грустнее твоему сердцу, тем сильнее погоняй его; он размычет твою горе по красным долинам Фессалии. Поэт имеет две жизни, два мира; естли ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения, и живет там по своему вкусу и сердцу, как благочестивый магометанин в раю с своими Гуриями. Vive et scribe! Все, что произведет Муза твоя, будет очень приятно твоему другу; в этом позволь мне быть уверенным.

Вообрази, что я еду в деревню, тогда как другие люди в город возвращаются! Однакож надеюсь через месяц быть опять в Москве. Уведомь, когда могу тебя здесь видеть. Нельзя ли нам вместе съездить в Петербург зимой?

Вещи твои давно отданы Платону Петровичу <Бекетову>. Присланные тобою 150 рублей остаются у меня до твоего приказа. Французской журнал выписываю через Биберову лавку; о цене не знаю. На той почте человек мой отправит к тебе несколько Французских книг.

Гаврило Романович прислал ко мне две новые пиесы свои, и хочет, чтобы я непременно выдал вторую книжку Аонид. Это отчасти зависит от тебя: пиши, пиши!

Обнимаю тебя мысленно. Прости, мой милой друг! Завтра меня уже не будет здесь. Прости – поручаю тебя Богу Фебу и всем добрым богам».

Карамзин, 1866. С. 68–69 (№ 63).

Август, 28. Москва.

Карамзин выезжает к Плещеевым в село Знаменское.

РЛ. 1993. № 2. С. 111–112.

Сентябрь, 6. Сызрань (или Богородское).

Дмитриев пишет письмо к Г. Р. Державину в Петербург.

Державин, 1871. Т. 6. С. 57.

Сентябрь, 16. Петербург.

Именной Указ, данный Сенату об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг и об учреждении цензур в С.Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловой таможне. Цензура составлена была в каждом месте из трех особ: одной гражданской (избирал Сенат), одной духовной (избирал Синод) и одной ученой (избирали или Академия Наук, или Московский университет).

ПСЗ. Т. XXIII. С. 933, 960.

Октябрь, 6. Петербург.

Г. Р. Державин в письме к Дмитриеву в Сызрань (Богородское?) пишет:

«Письмо ваше, м. г. мой Иван Иванович, от 6-го сентября я получил. По первой материи на ответ я ваш согласен. Вот почему:

Когда кричит кулик,
Что кто велик, велик,
Его так слышен крик –
Будто шумит голик!
Для грома имени Петрова
Слаба музыка Куликова;
Но пусть по своему вызывает всяка плоть:
Велик, велик Господь!

По второй материи на ответ ваш я не согласен; я примечание мое шутя не для того сообщил я вам, что подозреваю чье развращение, а вот ради чего:

В замужней женщине, прекрасной,
Себе кто дружбу приобрел,
Для толков, для молвы напрасной
Он лучше бы ее не пел:
Как хладный ветерок чума для нежных роз,
Так при муже и друг вмиг отморозит нос.

Не погневайся: это истина; но прошу меня не поссорить с Николаем Михайловичем; я его люблю. Его привязанность к добродетели и восторг поэта побудили похвалиться дружбою дамы; но благоразумие в сем случае друга, то есть ваше, должно было остеречь его в сей нежной материи. Но оставим ссору. И то и другое прошу знать только про себя. Здешние праздники шумные исчезли как дым; по сию пору не знаем, что впредь будет; а потому и все грома поэтов погребены под спудом, для того и я мою безделицу не выпускаю; аще же возсияет благодать, придет желанный брак, они воскреснут, то я тотчас к вам их сообщу. Вышел указ о цензуре. Все вольные типографии уничтожены; дозволено только в привелигированных местах книгопечатание и *учреждены цензоры здесь и в Москве* под ведомством Сената и еще в некоторых городах под смотрением правительства. Впрочем, другие новости, кажется, до вас не принадлежат, да и потому что их никаких нет, кроме того, что моя Шмерц-коллегия примет, с окончанием года, свое окончание. Пребываю с темже искренним почтением, с каковым и был, ваш и проч.»

Державин, 1871. Т. 6. С. 57–58.

«Слаба музыка Куликова» — относится к рондо Н. П. Николева, напечатанному в первой книжке «Аонид» Карамзина (С. 78–81). Современники оценили это рондо достойным образом. И. И. Дмитриев написал на него пародию: «Пой, кулик, в гнилом болоте»; а «Державин эту шутку» (примеч. М. Дмитриева). Ср.: Державин, 1871. Т. III. С. 362.

«В замужней женщине, прекрасной...» — должно разуметь Настасью Ивановну Плещееву.

Октябрь, не ранее 17. Москва.

Карамзин возвращается из поездки к Плещеевым в село Знаменское.

См. письмо Карамзина к брату В. М. Карамзину в Симбирск от 17 октября 1796 г.: «Я только что приехал в Москву, где нашел письмо от вас. Теперь скажу только, что путешествие мое было очень беспокойно; насылу мог добраться до места...» (РЛ. 1993. № 2. С. 112).

1796. Октябрь. Петербург.

В октябрьской книжке «Музы» (Ч. 4) напечатаны:

Надгробье другу моему И. Ф. Г-ю («Приходит нищ сюда...») – С. 7; подпись: – – ъ;

Слон и Обезьяна. Басня («Кто бы подумать мог?...») – С. 7–9; подпись: – – ъ.

Ноябрь, 6. Петербург.

Кончина имп. Екатерины II.

Ноябрь, 6. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское).

«Здравствуй, мой любезнейший друг Иван Иванович!

Возвратившись из деревни, я успел быть очень нездоровым и выздороветь; читал пиесу твою и больной и здоровой: она показалась мне и в том и в другом состоянии равно хорошею. Благородство в мыслях, связь и свободное их течение в чистом слоге: вот ее достоинство. Пиши, мой любезной друг; чем больше, тем лучше; чем разнообразнее, тем приятнее. Сочини сказку, две, три; выдумывай эпиграммы и доказывай, что Русские подобно Французам могут иметь остроумие. Тогда о второй книжке Аонид не скажут того, что ты сказал о первой; не скажут, что в ней нет ни сказок, ни эпиграмм. Г. Р. Державин прислал мне пиес десять, из которых на смерть Бецкого самая лучшая. Один стих рассмешил меня, и я вспомнил, что ты мне сказывал. Мих. Матвеевич занимается изданием своих сочинений, и Поэму Владимира совсем переделал. Я прочитаю ему твое послание, которое будет для него без сомнения очень приятно.

Книгопродавцы дают тебе за песенник 200 рублей: и так что велишь делать с этими деньгами?

Естьли спросишь, что я делаю? То мне стыдно будет отвечать: так мало, что почти ничего, имея впрочем охоту писать. Лишь только за перо, ктонибудь в дверь, или корректура на стол. 4 тома писем Руск. пут. выдут через месяц и будут к тебе доставлены.

Прости, мой милой друг! Настасья Ивановна очень любит тебя, равно как и Алексей Александрович.

Пиши ко мне и прозою и стихами. Пусть сердце твое говорит прозою, а разум стихами! Я люблю и сердце твое и разум твой. Обнимаю тебя мысленно. Прости, милой мой Поэт!».

Карамзин, 1866. С. 69–70 (№ 64).

Ода на смерть Бецкого под заглавием: «На кончину благодетеля, приключившуюся 1795 года августа 31 дня в Санкт-Петербурге» напечатана в 1797 г. в «Аонидах» (Кн. II. С. 152 и след.). Быть может, веселость Карамзина возбудили неудачные стихи:

Погас, распространил приятный
Вкруг запах ты...

Подробности об этой оде см.: *Державин*, 1871. Т. I. С. 701–708.

Ноябрь, 12. Петербург.

Указ имп. Павла I об освобождении от надзора И. В. Лопухина, а «князю Н. Н. Трубецкому и И. П. Тургеневу разрешено выехать из своих деревень, куда они были сосланы и жить, где пожелают».

Лонгинов, 1861. С. 363.

Ноябрь, 12. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«Любезнейший мой Иван Иванович!

Екатерины II не стало 6 Ноября, и Павел I наш император. Увидим, какие будут перемены. Государь сделал тотчас своими адъютантами Растопчина и Шу-

валова. Слышно, что бумаги Зубова запечатаны. Барятинский отставлен; на его место Шереметев. Александр Павлович будет править вашим полком, а Константин Измайловским; они гвардии полковники; а сам Император остается полковником конной гвардии и преобр. полку. Сейчас едем в собор. Прости, любезной друг! Еще вести: говорят, что Вал. Зубов разбит и убит в Персии; не знаю точно, правда ли. Обнимаю тебя мысленно».

Карамзин, 1866. С. 70–71 (№ 65).

В этот же день Карамзин писал брату В. М. Карамзину в Симбирск: «...Поздравляю вас с Императором Павлом I. Императрица Екатерина скончалась 6-го числа. Теперь будут многие перемены в чиновниках. Император взял к себе в Адъютанты Ростопчина и Шувалова; место Обер-Гофмаршала Барятинского заступил Граф Н. П. Шереметев. Кн. А. Б. Куракин будет важным человеком. — Император любит очень Фельдмаршала Румянцева и Князя Репнина. Говорят, что Зубов болен и что его бумаги запечатаны. Нынешний день мы все присягали. — Народ кричит от доброго сердца: да здравствует Император! Дай Бог ему счастья и славы!» (*Карамзин*, 1848. Т. 3. С. 711).

Ноябрь (в серед. месяца). Симбирск и Симбирская губерния.

Становится известно о кончине имп. Екатерины II и восшествии на престол имп. Павла I. Отъезд Дмитриева в Петербург.

Дмитриев, 1866. С. 123: «...шестое число Ноября, день достопамятный не только для меня, но и для всей Империи, внезапно рассеял все утешительные надежды и, так сказать, подавил меня всею тяготою неизвестности о будущей судьбе моей. Императрица Екатерина Вторая скончалась скоропостижно. Едва я узнал о том, как тотчас поскакал в Петербург. Проезжая Москву, слышу о разных переменах, следовавших в гвардии и по всем частям государственного управления; далее, по петербургской дороге, встречаю непрестанно гонцов, скачущих в разные стороны, или гвардейских сослуживцев, успевших выйти в отставку, и узнаю от них еще более. Таким образом, еще в продолжении пути, я мог надумать, какие на первый случай взять лучшие меры».

Ноябрь (вероятно, в конце месяца) ... Декабрь (перв. пол.). Петербург.

Выходит в отставку с чином полковника.

Дмитриев, 1866. С. 124: «По прибытии моем в Петербург, на другой же день я объявил себя в полку больным, и посылаю к баталионному командиру вместе с паспортом и прошение на высочайшее имя об увольнении меня от службы. После такой решимости уже никакие честолюбивые виды не обольщали меня. Я хотел только получить спокойную независимость. Не прошло еще недели, как сверх чаяния моего я получил отставку, и притом с благоволением: ибо я уволен был с чином Полковника и с ношением *нового* мундира, между тем как некоторые из старших Капитанов отставлены были в тех же чинах, или Надворными Советниками. К тому же я и по старой службе не мог бы получить повышения чином, не выслужив в настоящем полного года».

Доволен будучи столь удачным началом, я расположился еще несколько дней просидеть дома, а потом представиться Императору Павлу и принести ему благодарность мою на вахтпараде; но представление мое случилось прежде, чем я ожидал, и притом необыкновенным образом».

Декабрь, 15. Петербург.

Указ о назначении И. П. Тургенева Директором Московского Университета и одновременно он произведен в действительные статские советники. И. П. Тургенев занимал пост Директора Московского Университета до его преобразования (до 21 ноября 1803 г.).

Лонгинов, 1861. С. 364.

Декабрь, 25. Рождество. Утро. Москва.

Приезд И. П. Тургенева с семьей из своего симбирского имения села Тургенева, куда был сослан в августе 1792 г.

Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 21.

Декабрь, 25. Петербург.

Арест Дмитриева по ложному доносу.

Дмитриев, 1866. С. 124–128: «В самый день Рождества Спасителя, поутру, я лежал на кровати и читал книгу. Растворяется дверь, и входит ко мне Полицмейстер Чулков, спрашивает меня, я ли от-

ставной Полковник Дмитриев? Получа подтверждение, приглашает меня к Императору, и как можно скорее. Я тотчас обновляю *новый* мундир, и выхожу с Чулковым из моих комнат. В сенях вижу представленного к наружным дверям часового. Я сказал только моим служителям, следовавшим за мною: «скажите братьям» — один из них был двоюродный мой брат И. П. Бекетов, Семеновского полка Капитан, нанимавший в одном доме со мною средний этаж; а другой родной, Семеновский же Сержант, лишь только прибывший в то утро из отпуска и находившийся на ту пору в среднем этаже.

Выйдя из ворот, мы садимся в полицейстерскую карету и скачем ко дворцу. Останавливаемся на углу Адмиралтейства, против первого дворцового подъезда. Полицейстер, выскоча из кареты, сказал мне, что он скоро возвратится, и пошел во дворец.

Между тем как на дворцовой площади продолжался вахтпарад, зрелище для меня новое, я в одном мундире, в тонком канифасном галстуке, дрожал в карете от жестокого мороза, и ломал себе голову, чтоб отгадать причину столь внезапного и необыкновенного происшествия. Однакож невольно видел всю гвардию, от офицера до рядового, в новом убранстве, или лучше сказать, в том образе, в каком она в семилетнюю войну находилась.

Наконец Полицейстер показался в подъезде, махнул платком, и карета подъехала. Выйдя из оной, встречаюсь я с сослуживцем моим Штабс-Капитаном В. И. Лихачевым, отставленным со мною в одно время и жившим, как и я, в Гороховой улице. По приезде моем в Петербург, мы еще в первый раз увиделись. Полицейстер ставит нас рядом и приглашает следовать за ним вверх по лестнице.

Доселе я довольно бодрствовал, ибо забыл о празднике и думал, что проведут нас пустыми комнатами, мимо часовых, прямо в кабинет к Государю, но с первым шагом во внутренние покои, я поражен был неожиданною картиною: вижу в них весь город, всех военных и статских чиновников, первоклассных вельмож, придворных обоего пола, во всем блеске великолепного их наряда, и вдоль анфилады — самого Государя! Окруженный военным генералитетом и офицерами, он ожидал нас в той комнате, где отдавались пароль и императорские приказы. При входе нашем в нее, он указывает нам место против себя, потом обратясь к генералитету, объявляет ему, что неизвестный человек оставил у буточника письмо на императорское имя, извещающее, будто Полковник Д*** и Штабс-Капитан Л*** умышляют на жизнь его. «Слушайте», продолжал он, и начал читать письмо, которое лежало у него в шляпе. По прочтении оного Государь сказал: «Имя не подписано; но я поручил Военному Губернатору <Н. П. Архарову> отыскать доносителя. Между тем, продолжал он, обратясь к нам, я отдаю вас ему на руки. Хотя мне и приятно думать, что это клевета, но со всем тем я не могу оставить такого случая без уважения. Впрочем, прибавил он, говоря уже на общее лицо, я сам знаю, что Государь такой же человек, как и все; что и он может иметь и слабость и пороки; но я так еще мало царствую, что едва ли мог успеть сделать кому либо какое зло, хотя бы и хотел того.» Помолчав немного, заключил сими словами: «Если же хотеть, чтоб *меня* только не было, то надобно же кому нибудь быть на моем месте, а дети мои еще так молоды!» — При сем слове Великие Князья, Наследник и Цесаревич, бросились целовать его руки. Все восколебалось и зашумело: генералы и офицеры напирали и отступали, как прилив и отлив, и целовали Императора, кто в руку, кто в плечо, кто ловил поцеловать полу.

Когда же все утихло и пришло в прежний порядок, Император откланялся. Архаров кивнул нам головой, чтобы мы пошли за ним. В передней комнате сдал нас Полицейстеру, который и привез нас в дом Военного Губернатора.

По возвращении г. Архарова из дворца мы были позваны в его гостиную. Он обошелся с нами весьма вежливо, даже довольно искренно. На какие-то мои слова, он отвечал мне: «за вас все ручаются». После обеденного стола, к которому и мы были приглашены, он отдохнул и поскакал опять к Государю, а мы с Лихачевым простояли в одной из проходных комнат, прижавшись к печи, до глубоких сумерек, и не говорили друг с другом почти ни слова. Наконец домоправитель г. Архарова с учтивостию предложил нам перейти в особую комнату, для нас приготовленную. Мы охотно на то согласились, и он, доведя нас до нашего ночлега, приготовленного в верхнем жилье, пожелал нам доброй ночи. Это были две небольшие комнаты, из коих в первой нашли мы у дверей часового. При входе же в другую, первая вещь, бросившаяся мне в глаза, был мой пуховик с подушками, свернутый и перевязанный одеялом. Признаюсь, что я не порадовался такой неожиданной услуге. Товарищи мой, найдя также и свою постелю, разослал ее на полу и вскоре заснул на ней, а я, сложя руки, сел на свою, не думав ее развешивать. Между тем свеча, стоявшая в углу на столике, уже догорала, а я еще не спал, неподвижно упер глаза в окно, и что же сквозь его видел? Полный месяц ярко сиял над Петропавловским шпцом. Не хочу описывать всего, что я чувствовал, что думал, и куда занесло меня воображение. Довольно сказать, что после первых волнений стал я входить в себя, начал обдумывать все возможные случаи, и твердо решился, где бы ни был, что бы ни было, поставить себя выше рока.

Уже в самую полночь товарищ мой проснулся, и стал уговаривать меня лечь на постелю. Он помог мне справиться ее, и я забылся. Но с первыми лучами солнца жестокая нервическая боль в голове разбудила меня. Вероятно она была следствием простуды и сильных душевных движений. Военный Губернатор, узнав о том, прислал ко мне домового врача, с помощью которого болезнь моя чрез несколько часов прекратилась...».

М. П. Погодин указывает неверную дату ареста Дмитриева — 6 января 1796 г. (*Погодин*, 1866. Т. I. С. 264).

Декабрь, 25(?). Петербург.

Вероятно, к этому дню должна быть отнесена недатированная «Записка капитана Дмитриева об обвинении его и Лихачева в заговоре против императора Павла I».

РГАДА. Ф. 1. «Разряд I – Секретные пакеты». Оп. 1. Ч. I «Пакеты с императорской печатью». Ед. хр. Лл. 1–6 об.

Декабрь, 26. Петербург.

Дмитриеву и Лихачеву становится известно, что клеветник отыскан.

Дмитриев, 1866. С. 128–129: «На другой день поутру известились мы, что донощик, или клеветник наш, отыскан, и вот каким образом: Военный Губернатор, от природы сметливого ума и опытный в полицейских делах, приказал немедленно забрать и пересмотреть все бумаги, какие найдутся у наших служителей, не забыв перешарить и все их платье: в ту же минуту найдено было, в сертучном кармане одного из слуг письмо, заготовленное им в деревню к отцу и матери. Он уведомляет в нем о разнесшемся слухе, будто всем крепостным дарована будет свобода, и заключает письмо свое тем, что если это не состоится, то он найдется получить вольность и другою дорогою. Этот слуга, не старше двадцати лет, принадлежал брату Лихачева, Семеновского полка Подпоручику...».

Об этом пишет и граф Е. Ф. Комаровский: «Мне случилось быть свидетелем одной необыкновенной сцены: крепостной мальчик Семеновского полка подпоручика Лихачева донес Архарову, бывшему тогда вторым Петербургским военным губернатором, что господин его и того же полка капитан И. И. Дмитриев посягают на жизнь императора» в надежде получить за то увольнение от крепостного состояния (Из записок генерал-адъютанта гр. Е. Ф. Комаровского // РА. 1867. Стб. 229–230).

Декабрь, 28(?). Петербург.

Освобождение из-под стражи. Прием у имп. Павла I.

Дмитриев, 1866. С. 129–131: «На третий или на четвертый день нашего задержания, часу в десятом по полудни, были позваны мы к Военному Губернатору. Он приветствовал нас надеждою скорого освобождения. Хотя подозреваемый в доносе, прибавил он, еще не признается, но изобличается в том родным своим братом: он застал его дописывающим на листе бумаги императорский титул; изобличается также и рабочею женщиною, при которой старший брат, удара младшего, отталкивал его от стола, чтоб не мешал ему писать, наконец Военный Губернатор объявил нам, что Государь приказал доносителя, не смотря на его заpiresательство, предать суду Уголовной Палаты, а нас уверить, что мы не более двух или трех дней будем продержаны».

Сколь ни отраднa была для нас весть о скором освобождении, но признаюсь, что тридневный срок представился мне тогда целым годом. Однако эта ночь была для меня спокойнее прочих: сон мой был крепок и продолжителен. Едва я успел встать с постели, как вбегает к нам в горницу ординарец с известием, что Военный Губернатор прислал из дворца карету, с тем, чтобы мы поспешили приехать во дворец до окончания вахтпарада.

Мы отправились, но уже одни, без Полицмейстера. Встречался ли кто с нами в дворцовых сенях, по какой лестнице всходили, я не помню. Только мы с четверть часа простояли в какой-то маленькой комнате, между двух, трех лакеев, сидевших с господскими шубами. Тут я в первый раз увидел бывшего при старом дворе Камер-Юнкера Ф. В. Растопчина, уже в генерал-адъютантском мундире и с достоинством Графа. Проходя поспешно мимо нас, он узнал меня и изъявил обязательное участие в случившемся со мною. Вскоре после того вошел Полицмейстер, и позвал нас к Государю.

Император принял нас в прежней комнате и также посреди генералитета и офицерства. Он глядел на нас весело, и дав нам занять место, сказал собранию: «С удовольствием объявляю вам, что Г. Полковник Дмитриев и Штабс-Капитан Лихачев нашлись, как я ожидал, совершенно невинными; клевета обнаружена, и виновный предан суду. Подойдите, продолжал обратиться к нам, и поцелуемся». Мы подошли к руке, а он поцеловал нас в щеку. «Его я не знаю, примолвил он, указывая на Лихачева, а твое имя давно мною затверждено. Кажется без ошибки могу сказать, сколько раз ты был в Адмиралтействе на карауле. Бывало, когда ни получу рапорт: все Дмитриев или Лецано... <...>».

Потом Император пригласил нас к обеденному столу, и отправился со всюю свитою в дворцовую церковь для слушания литургии.

Таким образом кончилось сие чрезвычайное для меня происшествие. Скажем несколько слов о последствиях оногo: сколько я ни поражен был в ту минуту, когда внезапно увидел себя выставленным на позорище всей столицы, но ни тогда, ни после не возматвала во мне мысль к обвинению Государя; напротив того, я находил еще в таком поступке его что-то рыцарское, откровенное, и даже некоторое внимание к гражданам. Без сомнения он хотел показать, что не хочет ни в каком случае действовать, подобно азиатскому деспоту, скрытно и самовластно. Он хотел, чтобы все знали причину, за что взят под стражу сочлен их, и равно причину его освобождения. По крайней мере так я от того заключал, и от того-то, может быть, и сохранил всю твердость духа в минуту моего испытания.

Не могу при сем случае умолчать о благородной черте почтенного Ф. И. Козлятева. В первый день нашего задержания, Император поручил разведать в Семеновском полку, с кем я из сослужив-

цев был более дружен. Козлятев сказал решительно и смело, что в этом случае никому не уступит первенства. — Душа небесная! Я знал тебя, и это меня не удивило...».

Несколько иначе о встрече Дмитриева и имп. Павла I рассказывает в «Словаре достопамятных людей» Бантыш-Каменский: будто Дмитриев с жаром оправдывался перед Государем и тем обязан освобождению. Разумеется, если бы это было действительно, то Дмитриев не умолчал бы о том в своих воспоминаниях. В неизданных записках адмирала Шишкова есть подробность, также не рассказанная Дмитриевым, а именно: когда Император прочитал окружавшим его офицерам донос на Дмитриева и Лихачева, то первые кинулись к Государю с выражениями преданности своей его особе и при этом был разорван мундир Государя. На другой день Император вышел на вахт-парад в этом самом мундире и говорил офицерам: «Я с удовольствием сохранию и буду носить этот мундир, который вы на мне изодрали!».

Декабрь, 29. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Очень, очень я обрадовался, мой любезнейший друг, узнав, что ты отставлен с чином; теперь остается мне желать, чтобы ты скорее получил выгодное место или в Петербурге или в Москве. Ради Бога будь ласков к Настасье Ивановне. Она любит тебя как родного. Старайся видеться с нею чаще; утешь и ее и меня. Я мог бы ехать в Петербург; но не скажут ли, что я еду искать, добиваться, и проч.? Не лучше ли подождать всех вас в Москве? Тетрадь твою пришлю на той почте, списав все пиесы; а без того из рук ее не выпущу. За пиесы И. М. Муравьева буду благодарить. — Ты в такой живой картине представил мне К. Бел., что я засмеялся от всего сердца. Со всеми его странностями, он очень хороший человек. Прости, мой милый друг! Обнимаю тебя мысленно. Пиши ко мне, и будь весел! Кашлять совсем не хорошо».

Карамзин, 1866. С. 71 (№ 66).

1796. Москва.

Выходит в свет «Карманный песенник, или собрание лучших светских и простонародных песен» (Ч. 1–3). Составитель И. И. Дмитриев. В «Карманном песеннике» Дмитриеву принадлежат:

Часть 1.

Песни нежные.

- № 15. «Стонет сизый голубок...».
- № 17. «Коль надежду истребила...».
- № 25. «Бывало я с прекрасной...».
- № 26. «Видел славный я дворец...».
- № 27. «Тише, ласточка болтлива...».
- № 28. «Куда мне, сердце страстно...».
- № 29. «Всяк в своих желаньях волен».
- № 30. «Всех цветочков боле...».
- № 31. «Что с тобой, любезна, стало?..».
- № 33. «Без друга и без милой...».
- № 36. «О любезный, о мой милый...».
- № 39. «Ты клялась мне, ты божилась...».
- № 64. «Ах, когда б я прежде знала...».

Часть 2.

Песни веселыя.

- № 3. «В воскресенье я влюбилась...» (?).
- № 5. «Пой, скачи, кружись, Параша!..».

Сатирическая.

- № 12. «Я Моськой быть желаю...».
- № 13. «Обманывать и льстить...».

Застольная.

№ 6. «Други! Время скоротечно...».

1796. К этому году относится анекдотический случай о встрече Карамзина и Кострова, записанный кн. П. А. Вяземским со слов И. И. Дмитриева: «Карамзин встретился с ним <с Костровым> в книжной лавке, за несколько дней до кончины его. Он был измучен лихорадкою. «Что это с вами?» спросил его Карамзин. – «Да вот какая беда», отвечал он, «всегда употреблял горячее, а умираю от холодного». Он сказывал о себе, что он сын дьячка, но на первой оде его напечатанной выставлено, что сочинена крестьянином казенной волости».

Вяземский. Старая записная книжка. Т. VIII. С. 10, с припиской кн. Вяземского: «(Все сказанное о Кострове слышано от И. И. Дмитриева)».

1796–1797. *Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол* («Ты принял скиптр Екатерины...»).

<1796>. «Что с тобою ангел стало...».

<1796>. «Обманывать и льстить...».

<1796>. «Я моськой быть желаю...».

<1796>. *Блаженство* («Блажен тот муж, кто к Безбородке...»).

Впервые: РА. 1863. № 1. С. 111; вторично М. А. Дмитриевым (РА. 1863. № 12. С. 12) с указанием на ошибки в первой публикации. В 1867 г. М. Лонгинов из принадлежавшей П. П. Бекетову тетради с автографами стихотворений И. И. Дмитриева, среди пяти ранее напечатанных стихотворений, назвал стихотворение «Щастливец» со ссылкой на вторую публикацию в РА (1863. № 12. С. 12). Однако во всех последующих изданиях сочинений это стихотворение печатается под названием «Блаженство».

1797

Январь (в первых числах). Москва.

Карамзин получает два письма из Петербурга: от Н. И. Плещеевой и И. И. Дмитриева (не сохранились). В письме Н. И. Плещеевой, вероятно, говорилось о происшествии с И. И. Дмитриевым.

Карамзин, 1866. С. 72.

Январь, 5. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург пишет:

«Обнимаю тебя со слезами, мой любезной друг Иван Иванович. Гром, которой грянул над тобою, отдался в моем сердце. Какой случай! Я был вне себя от удивления. Невинность твоя не могла быть долго в подозрении; но какое положение! Милой друг! как мне жаль, что я не с тобою! Тебя все любят, но многие ли так, как я? Боюсь, любезнейший, чтобы этот случай не оставил по себе дурных следствий в рассуждении твоего здоровья. Ради Бога, пиши ко мне. Я надеюсь, что милостивой наш Император наградит тебя за претерпение. Сто раз целую тебя со всею дружескою горячностью. Милая Настасья Ивановна любит тебя как истинной твоей друг. Ты конечно будешь с нею видаться. Как самая нежная сестра брала она участие в твоей истории; и твое и ея письмо читал я со слезами. Прости, мой сердечной друг! Дай Бог тебе здоровья, спокойствия и всех возможных благ!

Твой вечной друг Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 72 (№ 67).

Январь (не позже 21). Москва.

Карамзин получает от Дмитриева при письме «*Стихи его Императорскому Величеству Павлу Первому при восшествии на Всероссийский Престол*» («Ты принял скиптр Екатерины...»).

Январь, 21. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Дружба твоя, мой любезнейший Иван Иванович, драгоценна моему сердцу; все ласковые твои слова доходят до него и производят в нем самые приятные впечатления. Люби меня всегда, мой милый друг, естли ты любишь утешать людей! – Не вини меня, что я не с тобою; верь, что я сердечной друг твой, и не вини. Больно мне слышать о твоих домашних беспокойствах; не то, так другое, и мы с добрым сердцем, с добрым расположением терзаемся весь свой век. Что-то такое мешает нам жить щастливо. Мой милый друг! утешайся тем, что тебя многие любят, и все хорошо о тебе думают. – Стихи твои очень хороши; ода или нет, все одно. Вот мои бездельные примечания:

Строфа 1. – *он памятник России строил.* – Какой памятник? Неясная мысль.

2-я строфа очень хороша.

Строфа 3 – вместо *тропой* не лучше ли *стезей*? – вместо *опускают*, опускают.

Строфа 4 – *возьмет* не хорошо по ударению.

Строфа 5 отменно хороша.

В следующих *картина изобилия*, успехов наук, все очень хорошо.

“Смири свою ты *наглость*, время!” мне не нравится. –

“И славный щастлив стал народ”, прекрасно!

В последней строфе два последние стиха слабы; что-нибудь и какнибудь, да посильнее, мой любезнейший Поэт! Конец важен во всякой пиесе; это венец, купол здания. Вообще я очень доволен твоею, как ты говоришь, не – одою; план, стройность, язык Поэзии! – Кажи, печатай! Пусть читают знатоки и незнатоки!

Будь здоров, милой Иван Иванович, спокоен по возможности и люби, люби верного и вечного твоего друга.

Н. Карамзин.

Наконец я списал все стихи твои и завтра пошлю их на тяжелой почте в Петербург на твое имя, естли только примут; прежде я не мог с ними расстаться. Вели справиться дни через два на почте, есть ли посылка на твое имя из Москвы от 23 Генваря. Я боюсь, чтобы тетрадь как нибудь не затерялась. – Что наш Гаврило Романович?».

Карамзин, 1866. С. 72–73 (№ 68).

«Стихи на восшествие на престол императора Павла I» были напечатаны в 1797 году на отдельных листах и потом никогда не перепечатывались...» (*Карамзин, 1866. С. 042, примеч. М. Лонгинова.*)

Январь, 23. Москва.

Карамзин высылает Дмитриеву в Петербург «на тяжелой почте» посылку со списками его стихотворений.

Карамзин, 1866. С. 73.

Январь, 28. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 8) напечатано сообщение о выходе в свет первых 4-х частей «Писем Рускаго Путешественника» Н. М. Карамзина.

Февраль, 16. Астрахань.

Письмо А. И. Дмитриева к брату И. И. Дмитриеву в Петербург (не сохранилось).

Вацуро, 1980. С. 416.

Февраль, 26. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Есть ли маленькое письмецо мое тебя обеспокоило, прости меня. Мне так грустно! И теперь не весело; и теперь еще я не здоров, сижу дома. И наконец могу читать. Полно, это пройдет. В какое время вздумал было ты на меня рассердиться! Я же и не виноват. Бог с тобой. Сердце мое в таком расположении, что я все и всем прощаю: даже и тебе твою авторскую вспылчивость. Стихи твои перепечатаны. Апол. Николаевич <Бекетов> взялся отправить их к тебе нынешний день. – Не понимаю, как ты не получил своей тетради, отправленной мною с Г. Грантом, здешним банкиром; пропасть ей кажется нельзя. Англичане и Банкиры не ветрены. – Настасья Ивановна очень тебя любит, и не понимает, для чего не хочешь ты ехать к Федору Васильевичу обедать, когда он сам этова требовал; когда он сам желает твоего знакомства. Будешь ли ты в Москве? Впрочем, естли сердце твое держит тебя в Петербурге, живи там. – Обнимаю сердечно моего сердечного друга. Прости».

Карамзин, 1866. С. 74 (№ 69).

Март, 10. Царское Село.

Отъезд имп. Павла I в Москву для коронации.

Март, 10. Петербург.

Дмитриев получает записку полковника Рота, адъютанта наследника вел. кн. Александра Павловича.

Дмитриев, 1866. С. 133: «Его Высочество Наследник, узнав от Козлятева о желаний моем вступить в гражданскую службу, соблаговолил вызваться быть за меня ходатаем. Вскоре потом весь двор отправился в Сарское село, дабы оттуда предпринять путь в Москву. В самый же день отбытия двора из Сарского села, я получил от Полковника Рота, Наследника Адъютанта, записку, которою он, по приказание Его Высочества, извещал меня, что Государь с удовольствием принял желание мое вступить в гражданскую службу, и приказал Наследнику отнестись к Генералу-Прокурору, Князю Алексею Борисовичу Куракину, чтоб он приискал мне хорошее место, ибо я выбор одного предоставил высочайшему назначению самого Императора. Г. Рот заключил записку свою тем, что Его Высочеству приятно будет, если я приеду в Москву до коронации...».

Март, 11. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Дружеское письмо твое, мой любезнейший Иван Иванович, влило несколько капель бальзама в мое сердце. Но мне больно, что я огорчил тебя, человека, которой истинно меня любит, которой сам имеет нужду в утешении. Слабость, слабости! Не стыжусь ее, но досадую. Будь покоен, милой друг! надобно верить Провидению; будет с каждым из нас чему быть назначено, и что мы заслуживаем; я не хочу другога, и соглашаюсь терпеть, естли не заслуживаю ни щастья, ни спокойствия. Слабое сердце мое умеет быть и твердым, вопреки всему. Теперь главное мое желание состоит в том, чтобы не желать ничего, ничего; ни самой любви, ни самой дружбы. — Да, я любил, естли ты знать хочешь; очень любил, и меня уверяли в любви. Все это прошло; оставим. Никого не виню. Ты говоришь о свете, о моей к нему привязанности: я смеюсь внутренне. Естли бы ты заглянул ко мне в душу! Правда, бывали минуты, бывали часы, в которые друг твой смешивался с толпою; но с моим ли сердцем можно любить свет? Я искал только средств жить щастливо в уединении; теперь ничего не ищу. Называй же меня суетным! Жизнь кажется мне скучною, бесплодною равниною; там, впереди, что-то возвышается ... надгробный камень — и вот эпитафия:

Бог дал мне свет ума: я истины искал,
И видел ложь везде — светильник погашаю.
Бог дал мне сердце: я страдал —
И Богу сердце возвращаю.

Пока будем жить; сердце еще бьется, кровь течет в жилах. Будь здоров как я, но гораздо щастливее. Ты не хотел мне сказать, что тебя делает несчастливим: не зная, беру во всем искреннее дружеское участие, и желаю тебе спокойствия от всего сердца. Прости, милой. Мысленно обнимаю тебя».

Карамзин, 1866. С. 74—75 (№ 70). В ГИМ ОПИ хранится копия этого письма (Ф. 117. Ед. 445. Л. 32—33).

«Бог дал мне свет ума: я истины искал...» — Галахов, со слов кн. П. А. Вяземского, пишет, что это четверостишие написано, вероятно, по поводу смерти шведа Шпренгпорта, застрелившегося от несчастной любви (ЖМНП. 1867. № 1. С. 135).

Март, 14. Москва.

Приезд имп. Павла I и двора.

Март (втор. пол., за три дня до отъезда в Петербург). Петербург.

Письмо к брату А. И. Дмитриеву в Астрахань (ответ на письмо от 16 февраля):

«Любезный братец Александр Иванович.

Вчера имея я удовольствие получить письмо твое от 16 февраля из Астрахани. Сердечно сожалею о слабости твоего здоровья; ради бога, послушай прежнего моего совета и пусти кровь. Что ж касается до службы, то по обстоятельствам твоим не переменяю и теперь моего мнения: в статской же службе ты найдешь ныне очень хорошее место и очень скоро в Москве или в Петербурге. Вся сила в том, чтоб в сентябре быть тебе непременно в Петербурге; благодаря бога, я имею довольно доброжелателей, которые не оставят войти и в твое состояние. Ныне открылись новые цензорские места с жалованием по 1700 рублей. Уповательно, что и еще выйдут новые какие-нибудь должности. Что ж касается до нашего дела, то как оно не кончилось еще в совестном суде, почему и не знаю, можно ли возобновить в Астрахане. Впрочем, Федор Антипыч если имеет документ на свои требования и доказа[тельство] справедливости приказов, то он и без верющего письма обязан будет выполнять касательное до нас, по приказам. Или когда уже огласится судом отдача ему предназначенной для раздачи суммы, в таком случае мы можем войти в требование, адресуясь уже на его имя, где следует. В дополнение сообщаю тебе прилагаемую новость, которая, может быть, до вас еще не дошла и по которой ты, братец, лучше и можешь расположить свои меры. У Николая Ва-

сильевича пропасть дядюшкиных бумаг, которые могли бы очень легко обличить дерзость просителя.

Прости, братец. Братья в походе, я сам думаю дня чрез три отправиться в Москву. Перчатки при сем посылаю. Верный брат И.[ван] Д.[митриев]».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 12; опубликовано: Вацуро, 1980. С. 416.

Март (до 28). Москва.

Приезд Дмитриева из Петербурга (вероятно, накануне въезда имп. Павла в Москву).

Март, 28. Москва.

Торжественный въезд имп. Павла I.

Апрель, 3–4. Москва.

Дмитриев определен «за обер-прокурорский стол».

Дмитриев, 1866. С. 133: «Высокое покровительство Наследника превзошло мое ожидание: тотчас по приезде моем в Москву, я получил место за обер-прокурорским столом в Сенате...».

Апрель, 5. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 5. Москва.

Коронация имп. Павла I.

Шильдер. Александр I. С. 150–151.

Апрель, 8. Среда. Москва.

Получает два письма от брата А. И. Дмитриева и пишет ответное письмо в Астрахань:

«Христос воскрес, любезнейший, милый мой брат Александр Иванович. Я сегодня получил от тебя вдруг два письма; они больше бы меня порадовали, если бы ты был спокойнее и здоровее; будь уверен, братец, что душевно готов все, что только можно, для тебя сделать; комиссию твою на нынешней же недели исполню; будь терпеливее, братец; авось либо фортуна устанет играть тобою; я по высочайшей милости определен за обер-прокурорский стол в первый департамент. Если ты получишь отставку, то ради бога приезжай и с Марьей Александровной в Петербург; может быть, я буду столько счастлив, что чрез благодетелей моих найду и тебе хорошее место; я всегда готов отдать тебе справедливость и уверен, что во всех делах, требующих основательного рассудка, ты более, нежели я, способен, и следовательно, ты право ничего не потеряешь, вступая в статскую службу; а ныне везде служба на такой ноге, что каждого служба сама за себя ходатайствует и щедро награждается. Нам обоим по домашним обстоятельствам равная участь; начнем же сами стараться искать лучшей доли по своей службе; авось сбудется и над нами пословица: за богом молитва, а за государем служба не пропадает.

Прости, братец, в мыслях тебя целую и по гроб мой остаюсь нежным другом и братом

Иван Дмитриев».

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 12; впервые: Вацуро, 1980. С. 416.

Апрель, 11. Суббота. Москва.

Назначен 2-м товарищем министра в новоучрежденный Департамент Удельных имений.

Дмитриев, 1866. С. 133: «...В первые же дни после коронации повелено мне носить Семеновский *новый* мундир; и в какое же время Государь благоволил оказать мне сию милость? Когда он,

в короне и далматике, сидел на троне в Грановитой Палате, наполненной военными и гражданскими чиновниками, и я уже в французском кафтане, в след за другими, с коленопреклонением принимал его руку. В эту минуту он шепнул Наследнику, по правую сторону трона, чтобы я впредь до повеления, считался по прежнему Полковником и ходил в мундире. Через несколько дней после того я получил новое звание Товарища Министра в новоучрежденном Департаменте Удельных имений. Министром назван Генерал-Прокурор Князь Куракин, Старшим Товарищем Действительный Тайный Советник Саблуков, а я, в числе трех, младшим...».

П. Иванов называет иную дату назначения Товарищем Министра уделов – 22 мая 1797 (Иванов, 1863. С. 119).

Апрель, 20. Понедельник. Москва.

В. А. Поленов пишет И. И. Мартынову в Петербург о Карамзине и о встрече у него Дмитриева:

«...Одно из пламеннейших моих желаний исполнилось. Я видел Карамзина, видел и говорил с ним.

На немногие редкости смотрел я с таким вниманием, с каким смотрел на милого сочинителя Бедной Лизы, и если бы судьба вручила мне кисть Апелесову или резец Праксителев, я изобразил бы его в совершенной точности, смотревши на него четыре или пять часов. – Так заметил я черты лица его.

Он роста высокого. На его лице написано нечто такое, что привлекает к нему всякого человека. Он говорил много; но приятно, разумно. В обществе вы не увидите в нем ни глубокомысленного ученого, ни печального меланхолика, каким я нарисовал его в своем воображении; в обществе он развязан, весел. Но где доходит дело до рассуждений, там рассуждает как умный, сведущий человек.

Мы вместе с ним обедали. За столом зашла речь о литературе. Я старался не проронить ни одного слова. – Между прочим вспомнили о Флориане. Карамзин не очень доволен Гонзальвом, последним его сочинением. *Флориан*, – говорит он, – *нравится нам в своих подробностях (details); но в Гонзальве представлены одне большие картины, которые мы уже видели в Гомере, в Тассе и в других поэтах. Сия-то неновость весьма неприятна. При всем том я его люблю за прелестный слог.*

И еще говорено было много кой-чего занимательного; но о этом (sic) побеседую с вами на досуге в Петербурге.

Сим приятным свиданием одолжен я Василью Федоровичу и Алексею Федоровичу <Малиновским>, у которых я был в гостях вместе с Карамзиным. Тут я увидел и друга его Дмитриева. – Судя о свойствах их по их сочинениям, я было почел Дмитриева Карамзиным, а Карамзина Дмитриевым. Первый в обществе совершенно светский человек; Дмитриев степенен, важен; но оба милы, любезны.

Тут же имел случай видеть Пушкина <Василия Львовича?>.

Вот вам самое краткое начертание беседы, которая была для меня чрезвычайно занимательна. Я написал бы вам о Карамзине побольше, если бы время подарило меня хотя одним десятком лишних минут.

Прощай, милой друг! Желаю тебе иметь по больше таких часов, какими я наслаждался, слушая Карамзина.

П.[оленов]».

РА. 1866. Стб. 1763-1765.

В 1797 г., когда писалось это письмо, Василий Алексеевич Поленов по случаю коронавания имп. Павла, с частью иностранной коллегии был командирован в Москву.

Май, 18. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Что значит холодный тон письма, любезной мой Иван Иванович? Мне кажется, что я против тебя не виноват, и даже не могу быть виноватым в сердце своем. Ты может быть улыбнешься; однакож я говорю, что чувствую. Впрочем готов и виниться перед тобою; но ты жестокой человек скажешь: дела, дела, а не слова! И строгим взором заставишь меня молчать. Дела!.. Право мне кажется, что я для тебя и сделать мог бы многое. Ты опять рассмеешься и напомнимшь мне... ужин, за день твоего отъезда. Не называй же себя излишне искренним: ты потаил от меня

свое чувство; я узнал о твоём – как сказать? – нежном довольствии тогда, как пыль столбом вилась уже за твоею кибиткою на Петербургской дороге. Это меня тронуло. Оправдываться ли? мне казалось тогда, что ты мыслями своими был уже весь в Петербурге, и я в отместку уехал. Теперь жалею – и в ожидании случая, в котором, вместе с Ланфонтеновым другом, мог бы я предложить тебе кошелек и шпагу

(N'auriez – vous point perdu tout votre argent au jeu?
En voici. S'il vous est venu quelque querelle,
J'ai mon épée, allons)

Скажу, что люблю тебя всею душою; то есть, знаю цену твоего сердца, ума, приятных и добрых свойств твоих, и желал бы всегда жить с тобою вместе. Обнимаю тебя мысленно – и полно.

Аониды печатаются довольно скоро. Пьесы твои и в корректуре читаю с великим удовольствием. – Уведомь наконец, основал ли ты новую жизнь свою, и как располагаешь временем? Приказание твое исполнил; всем от тебя кланялся, и все приняли поклоны твои с благодарностию, все, кроме Венгерца, который, думаю, уехал в Венгрию за хорошим вином. – Прости, мой милой друг, не светской, по словам твоим. Ничего не скажу о моем сердечном расположении. Настасья Ивановна очень довольна письмом твоим, хочет отвечать на этой почте, но не хочет показывать мне своего письма; следственно тут будет что нибудь обо мне. Браните меня как хотите; лишь только любите. Прости, милой».

Карамзин, 1866. С. 75–76 (№ 71).

Июнь, 11. Петербург.

Дмитриев пишет письмо к Карамзину в Москву (не сохранилось).

Карамзин, 1866. С. 78 (№ 72).

Июнь, 17. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Нежные упреки в письме твоём мне очень приятны, мой любезнейший Иван Иванович! Не хочу извиняться; скажу только, что беседа твоя никогда не могла быть для меня скучною – никогда! В человеческом сердце много слабостей, в моем довольно; однакож я поехал тогда к Вор. совсем не для того, чтобы забавлять их сказками, за-Аббата и радоваться одобрительною улыбкою молодых дам. Впрочем думай как хочешь; только люби меня хорошенько, мой милой друг и брат! Меланхолическая мысль твоя, что мы может быть никогда уже не увидимся в здешнем свете, меня огорчает... Конечно; почему знать? Только я никак не хочу тужить по тебе; оставайся ты! Мне что-то все очень грустно, хотя и не жгу теперь груди своей перед камином. Желаю только спокойствия Настасье Ивановне и семейству ее. Ежели жизнь моя нужна в свете, то разве для нее; не смотря на частые и смешные ссоры, она очень любит меня. Я также сердечно к ней привязан. Чрезмерно беспокоюсь, мой милой друг, о другом человеке <Е. И. Протасовой?>; она поехала из Москвы больная, уверив меня самым нежным, самым трогательным образом в любви своей. Не знаю, что с нею делается! жива ли, здорова ли она! Писать – но может быть ей не отдадут письма моего. Однакож решусь. Часто вижу печальные сны, и делаюсь суеверным. Клянусь Богом, что готов отказаться от любви ее, с тем условием, чтобы она была жива, здорова и щастлива? – Сию минуту получил письмецо твое от 11 Июня, в котором ни слова не говоришь о другом письме моем: разве ты не получил его? я на одной почте писал к Гавр. Роман. и к тебе. – От него имею ответ. Уведомь, елики переменяешь квартиру; я и теперь адресую письмо в дом Дирина. – Люби и ласкай Александра Алексеевича. Он доброй и милой человек.

Обнимаю тебя, друга сердечного. Желаю тебе успехов в бухгалтерии, а всего больше здоровья. Прости, милой брат! Мне полюбились это имя. Прости и люби».

Карамзин, 1866. С. 77–78 (№ 72).

«Я поехал тогда к Вор.» — Лонгинов полагает, что здесь следует разуместь графиню Ирину Ивановну Воронцову, урожденную Измайлову, мать графа И. И. Воронцова-Дашкова (*Карамзин*, 1866. С. 042).

«Люби и ласкай Александра Алексеевича...» — А. А. Плещеев, сын друзей Карамзина — Алекс. Алекс. и Настасьи Ивановны Плещеевых, о которых так часто упоминается в письмах Карамзина. Молодой Плещеев впоследствии славился искусством «передражнить» знакомых в голосе, приемах и походке; притом он был отличный актер. По соседству деревень около Белева, Плещеев познакомился с Жуковским, а этот представил его потом в члены Арзамаса, где его нарекли Черным Враном (*Вигель*, 2000. С. 375—376; «Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива» // *РА*. 1866. № 3. Стб. 490, № 6. Стб. 875).

Июль, 6. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Милой друг мой Иван Иванович!

Сердечно благодарю тебя за последнее письмо твое: оно очень ласково. Я как ребенок: люблю, чтобы меня ласкали друзья мои. Друзья! Как будто бы их у меня много! Первой, другой — и только что не обчелся. Вчера возвратился я в Москву ночью, с простудой, и в превеликой усталости; нашел письмо твое, прочитал его два раза, и лег на постель в приятном расположении духа. Очень, очень люблю тебя. — Для рассеяния ездил я по московским окрестностям, видел прекрасные места и жалел, что у нас не умеют ими пользоваться. Через несколько дней опять куда нибудь поеду. Между тем всякой день брожу еще пешком, и таким образом делаюсь перипатетическим философом. Радуюсь сердечно, мой милой друг, что Александр Алекс. [еевич Плещеев] заслужил твою приязнь. В письмах твоих не может он нахвалиться твоею ласкою, и благодарен тебе как нельзя больше. Он умен, любезен и скромнен. Скажи мне что нибудь о Дм. Ив. Затрапез.[нове]. Здоров ли он? Скажи и ему что нибудь обо мне. Ты знаешь мысли мои о его достоинствах. — Исполняя твою волю, велю перепечатать тот лист Аонид, в котором напечатаны были стихи твои к Делии. — Нет ли в Петербурге *Voyage de Brydon en Italie*? И что стоит? Книгопродавцы наши не получили еще ни одной книжки нынешним летом. Слышно, что нынешние цензоры тому причиною, и что все присланные из чужих краев книги лежат в Рижской и Петербургской таможне. — Обнимаю тебя, любезного. Прости.

Р. S. Письма твои буду прятать, а не жечь».

Карамзин, 1866. С. 78—79 (№ 73).

Июль, 18. Петербург.

Дмитриев избран действительным членом Российской Академии.

Июль, 22. Петербург.

Письмо Дмитриева к И. И. Лепехину:

«Милостивый государь мой Иван Иванович.

С великим удовольствием приемлю сию честь, которою Императорская Российская Академия благоволила меня удостоить. Признаюсь вам, однакож, что удовольствие мое было бы еще совершеннее, естли бы я, согласно с лестным для меня вашим отзывом, надеялся иметь щастие быть деятельным участником в полезных трудах Академии; но быв не более, как только смиренным питомцем муз, пожинаящим иногда в продолжении воинской службы цветы парнасские, я могу только обещать быть прилежнейшим учеником ее, искренним почитателем трудов достойных ея сочленов, и хранить к сему знаменитому собранию и к его высокопревосходительству, высокопочтенному оного председателю <Павлу Петровичу Бакунину>, сердечную мою благодарность и глубочайшее внимание.

Вас же, милостивый государь, как почтенного секретаря Академии, всепокорно прошу оную уверить в сих моих чувствах, и полагать в числе первых почитателей достоинств и известных ученому свету знаменитых трудов ваших, милостивый государь мой, вашего покорнейшего слугу Ивана Дмитриева».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 182—183.

Июль, 25. Петербург.

Назначен исполняющим должность Обер-Прокурора во временный Казенный департамент Сената с награждением чином Статского советника.

Дмитриев, 1866. С. 134: «По возвращении же двора в Петербург, месяца чрез три я определен был в должность Обер-Прокурора во временный Казенный...».

Июль, 29. Москва.

В «Моск. Вед.» (1797. № 60) напечатано извещение о начале продажи второй книжки «Аонид, или Собрания разных, новых стихотворений».

Карамзин в этот день в письме к брату В. М. Карамзину в Симбирск писал, что посылает «вторую книжку Аонид, которая только что опубликована...» (*РЛ*. 1993. № 2. С. 122. Отрывок из этого письма («Посылаю к вам ... лучше других») опубликован был ранее: *Моск. Сб.* С. 366; перепечатан: *Карамзин*, 1848. С. 712).

Вторая книжка «Аонид» вышла в двух вар. изданиях. В эпиграфе одного из вар. слово «surpasser» напечатано с переносом на следующую строку. Удалены с. 73–82, а на с. 83 продолжается текст с. 72. Не удалось установить, было ли это сделано по цензурным ограничениям или это редакционные изменения. С. 234 напечатана в двух вариантах. Первоначально (вероятно, до 6 июля) на ней было напечатано стихотворение Дмитриева «К Делии. На рождение дочери», с подписью: ***. Во 2-м варианте (позднее, после 6 июля) на этой странице было помещено стихотворение Карамзина «К портрету Ломоносова» («В отечестве Зимы, среди ея снегов...») (см.: *СК*. IV. № 119).

Из сочинений Дмитриева во второй книжке «Аонид» напечатаны:

Пожарской («Примите, древняя дубрава...») – С. 25–34; подпись: ***.

К Лампию, славному живописцу («Взглянул ли наш Монарх на копии Беллоны...») – С. 47; подпись: ***.

Романс («Где Дафнис? где он воспевает...») – С. 48–53; подпись: ***.

Кенотафия («Покорствуя судеб уставу...») – С. 54; подпись: ***.

К Другу («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 74–81; подпись: ***.

Искатели Фортуны. Сказка («Кто на своем веку Фортуны не искал?..») – С. 82–90; подпись: ***.

Надпись к портретам:

1. «Что мне об ней сказать?..» – С. 91;

2. «Лишь взглянешь на нее...» – С. 91;

3. «Одним тебя стихом, любезна, опишу...» – С. 92.

Общая подпись под всеми тремя надписями: ***.

Эпиграмма («Хорош бы Хватов был...») – С. 93. Подпись: ***.

Надпись к памятнику имени таго гражданина Шелехова («Как царства падали к стопам Екатерины...») – С. 182; подпись: ***.

Ласточка и Птичка. Притча («Летуныя ласточка и там и сям бывала...») – С. 183–186; подпись: ***.

Тибуллова Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 187–196; подпись: ***.

Надпись к Венериней статуе. Из Антологии («Парис и Марс – о том ни слова...») – С. 197; подпись: ***.

Эпиграмма. Оттудаж («Леандр в последний раз возникнув из валов...») – С. 197; подпись: ***.

Преложение 49 Псалма («Кто в блесках молнии нисходит...») – С. 212–215; подпись: ***.

Надгробие («В надежде будущих талантов...») – С. 216; подпись: ***.

Шарлатан. Притча («Однажды шарлатан во весь горланил рот...») – С. 220–221; подпись: ***.

Надпись к портрету Н. [икиты] А. [фанасьевича] Б. [екетова] («Воспитанник любви и щастия богини...») – С. 231; подпись: ***.

К Делии. На рождение дочери («И боги Делии послушны...») – С. 234; подпись: ***.

«И боги Делии послушны,
Любимицы своей!
Вздохнула лишь она – и дочь послали ей!
О чувствавья великодушны!
О скромность, милый нрав, любезность, чистый ум!
Сберитесь к новорожденной;
Украшайте вы как мать и плод ее бесценный,
И щастье на земле еще даруйте двум».

Полный текст этого ранее никогда не опубликованного стихотворения здесь приведен вполне по причине исключительной редкости второй книжки «Аонид», с первоначальной версткой с. 234. За сообщение текста стихотворения приношу сердечную благодарность И. Л. Карповой, ст. научному сотруднику НИО редких книг (Музея Книги) Российской Государственной библиотеки и кураторам отдела истории Русской книги Российской Национальной библиотеки.

Надгробие Ф. [едору] М. [ихайловичу] Д[убянского]* («Любезнаго и прах останется безвестным?..»). – С. 238; подпись: ***.

Подражание Петрарку («Поверит ли кто мне?..»). – С. 241–242; подпись: ***.

Надпись к портрету Его Высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова («С цветущей младости до серебряных власов...») – С. 243; подпись: ***.

Кокетка и Пчела. Притча («Прелестна, милая кокеточка Лизета...») – С. 244–246; подпись: ***.

Перевод из Флориана: «La coquette et l'abeille».

Желания. Сказка («Сердися Лафонтен, иль нет...») – С. 285–290; подпись: ***.

Август, 10. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, здравствуй, мой любезнейший Академик, Обер-Прокурор, Статский Советник, и проч. и проч. Сердечно, сердечно радуюсь. Сделалось то, чего тебе хотелось. Будь щастлив, мой милой! Ты достоин всех лучших даров Фортуны. Во всех твоих удовольствиях беру и буду всегда брать искреннее, живое участие. Александр Алексеевич полюбил тебя всею душою и чувствует всю цену твоей приязни; он ее заслуживает. – Я, мой друг, надеюсь когданибудь сделаться философом. Лет за десять перед сим, или больше, Н. И. Новиков, закладывая в воспитательном доме свой дом и деревню, просил меня быть в числе личных порук. Теперь выходит всей суммы около 150000 рублей, и велено описать наше имение, хотели даже описать и мои книги, и мои фракы. Таким образом я лишусь, может быть и последнего. Поверишь ли, что это меня не трогает? Если бы только мои Плещеевы могли выпутаться из долгов, я согласился бы работать день и ночь для своего пропитания. – Прости, мой милой друг! Другое тревожит меня. Она живет или страдает в 10 верстах от Москвы, больна, кровь льется из груди, и я не могу видеть ее! – Прости. Бридона мне уже не надобно. Сочинения Гаврилы Романовича в ценсуре; скажи ему. Обнимаю тебя».

Карамзин, 1866. С. 79–80 (№ 74).

Август, 31. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой милой друг!

Больно слышать мне о твоих беспокойствах, о твоём слабом здоровьи. Боги ничего не дают даром, говорили Греки: они все продают, и за дорогую цену. Те же Греки называли необходимость золотом; это золото часто кажется нам сусальным, но что же делать? Надобно как можно равнодушнее покоряться уставу Судьбы. Жизнь есть игра; et très souvent ce jeu ne vaut pas la chandelle. Faisons toujours bonne mine! Старость еще от тебя далека, а будущее неизвестно. Я имею некоторое право говорить о твердости; говорю и не краснеюсь. – Читай мои экстракты, господин Обер-Прокурор; но хотя изредко, хотя одною строкою уведомляй меня о своем здоровьи. Люблю тебя всею душою; желаю тебе как можно более удовольствий, как можно менее неудовольствий – и мысленно обнимаю моего друга».

Карамзин, 1866. С. 80 (№ 75).

Сентябрь, 26. Петербург.

Назначен исполняющим должность Обер-Прокурора в 3-й департамент Сената.

Дмитриев, 1866. С. 134—137: «...Переведен в Третий департамент Сената, с награждением чином Статского Советника, а в следующем году пожалован в действительные Обер Прокуроры. — Отсюда начинается ученичество мое в науке законоведения, и знакомство с происками, эгоизмом, надменностью и раболепством двум господствующим в наше время страстям: любостыжанию и честолюбию...

...Сколь ни удачен был для меня первый шаг на поприще гражданской службы, но я не без смущения помышлял о пространстве и важности обязанностей моего звания, быть блюстителем законов; одни охранять от умышленно-кривых истолкований, другие приводить на память; ополчаться против страстей; бороться с сильными, не поддаваться искушениям; сносить равнодушно пристрастные толки и клеветы тяжущихся или подсудимых, их покровителей или родственников; противоречить иногда особам, украшенным сединою, знаками отличий, давно преобретшим общее уважение, каковы были в то время Сенаторы: Граф А. С. Строгонов, Граф П. В. Заводовский, М. Ф. и П. А. Соимоновы, Г. Р. Державин, А. В. Храповицкий, Граф Я. Е. Сиверс; Курляндцы: Барон Гейкинг и Ховен. Столь щекотливые условия могли бы устроить и опытного дельца, не только новичка в своем деле.

Прибавим еще к тому, что мне вверен был такой департамент, который можно было назвать совершенно энциклопедическим. Он заведывал все уголовные и гражданские дела всей Малороссии, вновь приобретенного Польского края, Лифляндий, Эстляндии, Финляндии и Курляндии. Ему же подведомственны были Юстиц-Коллегия с принадлежащим к ней департаментом для расправы по духовным делам католиков, учебные заведения, от Академии Наук до народных училищ; полиция, почта, устройство дорог и водьяныя сообщения во всей Империи.

Представляя себе всю тяжесть возложенных на меня обязательств, невольно вспомнил я Вольтеров стих:

Je suis comme un docteur, hélas! je ne suis rien!

По крайней мере совесть моя не укоряла меня: я не домогался оного места. Еще до подписания указа, даже имел смелость говорить Генерал-Прокурору, что я отнюдь не заслуживаю столь важного звания, в котором, с первого шага, должен быть не учеником а учителем.

Такого же мнения был и отец мой. Вместо приветствия с местом, он журил меня, думая, что я сам домогался получить его.

По вступлении в должность, первую моею заботою было узнать внутреннее положение департамента, установленный порядок в течении дел; какими департамент руководствуется законами, — и вот, что мне открылось на первый случай:

Третий Сената департамент, кроме великороссийских законов, руководствуется, по делам Польских губерний и Малороссии, Литовским Статутом, Магдебургским правом и разных годов конституциями; Остзейских провинций и Финляндии: Шведским земским уложением; а по Курляндии особенным постановлением, не помню под каким названием, на Латинском языке. Из всех же оных законов переведены были на русский язык только *Земское уложение*, *Литовский статут* и *Магдебургское право*; но переведены едва ли словесником, в верности никем не засвидетельствованы, переписаны дурным почерком, без правописания, от долговременного и частого употребления затасканы и растрепаны. Прочие же хранились в оригиналах. Но Обер-Секретари не могли ими пользоваться без пособия переводчика, ибо заведывавший Польские дела не знал польского языка, а Остзейских провинций и Курляндии — ни немецкого, ни латинского.

Я положил немедленно представить о том Генерал-Прокурору и ходатайствовать о учреждении из сенатских переводчиков комитета, под председательством избранной им особы, для проверки наличных переводов с оригиналами, для исправления ошибок, какие будут найдены; равно и для перевода с немецкого или латинского и других законов, коими руководствуются в судах вышеозначенных губерний, а потом для напечатания сих переводов, старых и новых, на счет экономической суммы Сената, которая конечно в скором времени была бы чрез продажу выручена не только сполна, но и с лихвою...».

Ноябрь, 16. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Ты долго не писал ко мне, я долго не писал к тебе; и так разве мы оба виноваты. Люблю тебя сердечно, мой милой Иван Иванович, и разлюбить не могу. Ни явно, ни тайно не виню тебя, для того что вины твоей не знаю. Ты добр и меня любишь; я не женщина и не взыскателен: какому же разрыву быть между нами? Всегда буду благодарен тебе, когда меня вспомнишь; и конечно, не останусь должником твоим в знаках нашей взаимной дружбы.

Как ты проводишь время, могу вообразить себе; как я живу ... едва ли стоит того, чтобы говорить. Главная печаль моя тебе известна: несчастное состояние Алексея Александровича <Плещеева>. Все другое беспокоит меня теперь гораздо

мене. Дальновидных планов никаких не имею. Не ползаю перед счастьем – нет! Le dos contre le dos. Когда сердце мое по старой привычке вздохнет, заговорит, велю ему молчать. Надежда есть кокетка; ищет только рабов; обманет да и посмеется. Правда, что зеваю не редко...

Как беден человек! Нам страсти горе, мука,
 Без страсти жизнь не жизнь, а скука.
 Люби – и слезы проливай!
 Покоен будь – и век зевай!

Этот катрен сказал я одной молодой даме, задремав подле нее на диване. Mais je fais encore des vers galants. Две женщины в масках, в плащах, подошли ко мне в маскараде. Я узнал их, и сказал:

Ничто, ничто сокрыть Любезных не могло!
 На вас и маска как стекло.
 Прелестные глаза прелестных обличают;
 Под маскою они не менее сияют.
 Взглянул – и сердце мне
 Сказало: вот оне!

Одна из них насадила у себя в кабинете маленькой лесочек, и хотела, чтобы я вдруг написал к нему стихи. Муза моя большим куском мела в минуту начертала на стене следующие:

Тебя, лесочик насадила
 Полина собственной рукой:
 Кому же посвятила? –
 Богине прелестей – И так себе самой!

У другой, очень любезной женщины есть табакерка, на которой изображены мраморной столб и ландыш. Я отвечал:

Любезное глазам как цвет весенний тленно
 Любезное душе как мрамор неизменно.

Вот еще катрен на эхо:

Мне часто эхо изменяет
 Твержу: Милены не люблю!
 Но эхо в роще отвечает:
 Люблю!

Видишь, что и в Москве пишут стихи едва ли хуже вашего Сотника Родиона Чернявского!

Издатель французского *Северного Зрителя* требовал от меня чегонибудь. Я послал к нему Un mot sur la litterature russe. Письмо мое напечатано в Октябре месяце журнала; но я не имею еще этой книжки.

Обнимаю тебя, моего друга. Поцелуй милого Плещеева. Прости. – Скажи Александру Алексеевичу <Плещееву>, что я ныне весь в итальянском языке; сплю и вижу Метастазия; его Libertà знаю наизусть. Прости, милой Обер-Прокурор. Люблю тебя всем сердцем».

Карамзин, 1866. С. 80–82 (№ 76).

Декабрь, 10. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Милой мой Иван Иванович!

Письмо твое меня очень обрадовало. Дружба твоя кажется не простывает от Сенатских дел; а это сердцу моему несказанно приятно. Будь уверен, милой друг, что любовь твоя не переживет моей. По своему сердцу суди и о моем. Даю тебе бланкет: пиши за меня все возможные дружеские уверения – я подписываю, и не отопрусь от своей руки, пока будешь меня любить.

Воображение твое по старой привычке все еще рисует карикатуры. Спрятался в свой кабинет, всунул спину свою в камин, etc.! Повинуясь твоим мыслям, я

живо представил себя в этом положении, и засмеялся. – Нет, Нет! Милая и несчастная ветриница скатилась с моего сердечного горизонта без грозы и бури. Осталось одно нежное воспоминание, как тихая заря вечерняя. Но я все еще не попадаю в долину Иосафатову; все еще на море как Симбад мореходец! Боюсь кораблекрушения, но распускаю парусы! Досадное сердце не слушается рассудка, твержу наизусть Эпиктета:

Mais, hélas! on a beau faire,
Le coeur y revient toujours –

Il revient à son penchant naturel; il demande à aimer! Приманки соблазнительны. Как птичка лечу в сети; как рыбка берусь за уду. Однакож я еще довольно спокоен. На правой и на левой стороне вижу берег. Знаю, что такое женщина, что такое фантом любви, и в самой неосторожности надеюсь быть осторожен.

Теперь просьба. Ради Бога, мой милой, уведомя как можно скорее Настасью Ивановну <Плещееву>, получено ли в новом Департаменте Сената, то есть в департаменте нерешенных дел, от имени Плещеевых прошение о производстве их дела с Бярятинским. Ты знаешь, что от Сената была публикация: “если кто в назначенный срок не представит просьбы о решении своего дела, то процесс будет уничтожен”. Их дело, кажется под № 42; от него зависит их благосостояние. Если меня любишь, то потрудишься справиться не откладывая. Бумага их могла пропасть на почте; может быть не записана. В Сенате; между тем срок проходит. Настасья Ивановна писала к Обер-Прокурору Ананьевскому. Ты верно его знаешь: милой! Спроси у него, получил ли он ее письмо? Он был очень знаком с ее отцом, Иваном Яковлевичем Протасовым, и может быть чтонибудь для нее сделает. Прощу тебя усиленно.

Прилагаю *Quelques idées sur l'amour*. Не сказывай никому, что эта пиеса моя. Я назвал ее сочинением одной дамы; и так не противоречь мне.

Сочинения Гавр. Роман. делают мне множество хлопот. Цензоры остановили в печати два листа, а он упрямится, и не хочет переменить замеченных ими мест. Что же пользы? В типографии остановка, а мне с обеих сторон неудовольствие.

Об Аонидах и думать нечего. Ты не имеешь времени писать, а мне танцевать на сцене с московскими нашими стиходеями как-то большой охоты нет. К тому же я теперь, собираю материалы для христоматии. Обнимаю тебя, милого моего друга.

<Далее следует текст «*Quelques idées sur l'amour*». Здесь опускается. Перевод и подлинник см.: *Погодин*, 1866. Т. I. С. 270–274>.

Карамзин, 1866. С. 83–88 (№ 77).

Декабрь, 31. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«В последний день года пишу к моему милому другу, желаю, чтобы он встретил новый год с веселою улыбкою, провел его как можно лучше, любил меня как можно больше, писал ко мне как можно чаще, жаловался на судьбу свою как можно реже, и проч. и проч.»

Благодарю тебя, любезнейший друг, за исполнение моей просьбы и за ответ Настасье Ивановне. Мысли мои о любви брошены на бумагу в одну минуту; я не думал писать трактата, а хотел единственно сказать, по тогдашнему моему чувству, что любовь сильнее всего, святее всего, несказаннее всего, философия и страстная любовь не могут быть дружны, мой милой Иван Иванович. Первая пишет только сатиры на последнюю; а тогда жить и любить было для меня одно. Рассуждать о страстях может только равнодушной человек; не в бурю описывать бурю.

Графиня Авдотья Ивановна Воронцова, которую ты видел в доме у Белосельского, очень довольна, что тебя узнала лично. Она хорошая женщина и любит стихи, даже Русские.

Говори мне всегда о терниях и розах жизни своей. Приходы и расходы твои соразмерны ли? Милая рука бросает ли цветочки на скучной путь по лесам и болотам Ерихонским? Я к совместницам не ревную тебя; иное дело совместники.

Еще impromptu или назови как хочешь:

Делины слова.

О время! знаю власть закона твоего.
 Все прелести лица уносишь ты с собою;
 Но нежность сердца моего
 Останется со мною:
 А тот, кто сердцу мил,
 Меня за нежность полюбил.

Печаль и радость.

С печалью радость здесь едва ли не равна:
 Надежда с первою, с другой боязнь дана

Эпиграмма на жизнь.

Что наша жизнь? Роман. – Кто автор? Аноним.
 Читаем по складам, смеемся, плачем ... спим.

Нежно, нежно обнимаю милого моего друга».

Карамзин, 1866. С. 89–90 (№ 78).

Декабрь (?). Петербург (?).

Запись на 2-й странице обложки «Месяцеслова на 1798 год»: «Для батюшки». Здесь же еще две записи: «Ивана Дмитриева» (отца И. И. Дмитриева) и «Михаила Дмитриева» (М. А. Дмитриева).

На 3-й странице обложки предположительно рукою И. И. Дмитриева (или С. И. Дмитриева?) приведено начало оды Карамзина «К Милости»: «Что может быть / тебя милее / О Милость».

Боленко, 2004. С. 342.

<1797>. *Надпись к портрету* («Одним тебя стихом, любезна, опишу...»).

<1797>. *Мадригал девице, которая спорила со мною, что мужчины щастливее женщин* («Мужчины щастливы, а женщины нещастны...»).

<1797>. *Шарлатан* («Однажды шарлатан во весь горланил рот...»).

1798

Январь, 18. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой милой друг!

Благодарю тебя за дружеское письмо и за все твои добрые желания. Согласен, чтобы весь 98-й год был для меня похож на конец 97-го. Восторги редки и дороги; их почти страшно желать, особливо за тридцать лет; довольно, чтобы не очень беспокоиться, не очень скучать, иметь некоторые удовольствия, чувствовать иногда свою цену, редко на себя досадовать – так я, кажется, заключил прошедший год, и так хотел бы жить в течение нынешнего; в конце старого написал разговор о щастьи, а вначале нового вздумал писать о скуке! Философия может утешать нас по временам; но жизнь, потеряв свою новость для сердца, течет медленно, томно, вопреки всем прекрасным теориям мудрости. Судьба моя во власти Провидения; но мне не хотелось бы дожить до старости. Лучше жить не долго, да умереть хорошо, то есть покойно, тихо, без большого страдания.

Вхожу в твои чувства – и верю, что наше Русское честолюбие не ослепляет тебя. От всего сердца желаю, мой любезнейший друг, чтобы ты нашел способ жить более по своему вкусу. Беспокойство твое о родных мило и показывает всю доброту твоего сердца. Я знаю, как горестное положение любимых людей тревожит душу!

У меня нет копии с письма моего к издателю Французского Северного Зрителя; оно напечатано в Октябре месяце журнала; естли захочешь, то можешь найти его в Петербурге. Издатель и читатели довольны; требуют еще, но я ленив. Разве месяца через два пошлю извлечение из нового Руского Романа, который может быть никогда не выдет на Руском языке... хочешь знать титул? Картина жизни; но эта картина известна только самому живописцу или маляру; и не глазам его, а воображению.

Прости, милой друг! Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью. Буду у Платона Петровича, увижу вторую часть твоих стихов и с удовольствием буду читать корректуру. Рад искренно, что ты не совсем забываешь Муз. – Прости».

Карамзин, 1866. С. 90–91 (№ 79).

Февраль, 11. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший друг!

Я имел сердечное удовольствие расспрашивать о тебе у Дм. Полторацкого, который, по его словам, видал тебя часто у Генерал-Прокурора. Например, он сказал мне, что ты говоришь об делах как профессор законов; что ты одеваешься как придворный, и проч. и проч.

Мне казалось, что так надобно было писать о Руской литературе для иностранцев слегка, без дальних подробностей, с оборотом à la française. Означенные мною картины и чувства из русских песен не совсем выдумка; есть à-peu-près – чего и довольно. От меня требовали несколько строк о Руской литературе вообще и при том извлечения из моих писем. Но что об этом говорить? Надобно писать, как нам кажется; а другие пусть судят, как им кажется.

Твои стихотворения теперь переписываются. Я рад читать корректуру, но не могу отвечать, чтобы совсем не было опечаток; проклятые хоть как, так вкрадутся.

Настасья Ивановна не больна, однакож и не очень здорова. Ты не ко мне писал об ея деле, а к ней самой: получив, я тотчас отдал ей письмо твое.

Прости, мой любезнейший друг, я не совсем здоров; от дурнова времени простудился. Видишь ли ты иногда Д. И. Загряжского и А. А. Витовтова. Скажи им от меня дружеское слово. Мысленно тебя обнимаю. Прости, мой друг!».

Карамзин, 1866. С. 91–92 (№ 80).

«Мне казалось, что так было надобно писать о Руской литературе...» – здесь Карамзин пишет о своей статье «Un mot sur la littérature Russe» («Несколько слов о Русской литературе»), напечатанной в гамбургском журнале «Le Spectateur du Nord» (1797. Октябрь. С. 53–72).

Февраль, 27. Петербург.

Записка обер-прокурора И. И. Дмитриева по жалобе киевского дворянства, поданная Генерал-Прокурору князю Куракину о неправильном выборе судей в Киевском уезде.

«Двадцать первого числа сего месяца вступила в третий Сената департамент жалоба от надворного советника Кирилова по уполномочию дворянства уезда Киевского, бывшего доселе Малороссийским, на польских дворян той части, которая причислена к уезду Киевскому, что они при наступлении первых выборов судей по новому штату избрали между собой поветовым маршалом своего соотечественника Росцишевского, а сей, будучи подкрепляем от них, все места наполнил польскими дворянами и даже такими, которые ни чинов, ни собственности в том уезде не имеют, а поссессоры токмо арендаторы: российские же дворяне, имеющие право избирать и быть избираемыми, коих в городе Киеве и уезде находится более тридцати, а всех вообще до ста фамилий, вопреки сенатского 1797 года указа, были от выборов удалены, кроме только одного, да и сей назначен был для одного вида, как то впоследствии оказалось: что гражданский губернатор и губернский прокурор, хотя и старались отвратить такой беспорядок, но не имели успеха: что дворянский новоизбранный предводитель послал список новоизбранных судей в Сенат прямо от себя, а не чрез губернское правление: что производство дел отправляется ими на польском языке, в противность сенатскому предписанию, дабы в городах Киеве и Василькове отправлять оные на русском, потому что жители оных суть русские: в заключении киевское дворянство просит, чтоб повелено было исследовать поступки маршала повета киевского, равно как и дворян польских, которые лишают их древних подданных, прав их и преимуществ: чтоб учредить у них поветовый суд и другие уряды и уничтожа, наконец, незаконно учиненный выбор, произвести оный вновь с допущением к тому и дворян киевских.

По деликатности прописанных здесь обстоятельств и дабы третий департамент, не зная, подтвержден ли будет или нет представленный в Герольдию список избранных судей, не положил противной резолюции, за долг поставил предварительно довести о сем вашему сиятельству. Правящий должность обер-прокурора Дмитриев».

РС. 1907. Июль. Т. 131. С. 153–154.

Март, 1. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Salut et amitié, любезнейший мой Иван Иванович!

Здоров ли? привык ли наконец к своей Обер-прокурорской должности; легче ли для тебя работа?

Я также работаю, то есть перевожу лучшие места из лучших иностранных авторов, древних и новых; иное для идей, иное для слога. Греки, римляне, французы, Немцы, Англичане, Итальянцы: вот мой магазин, в котором роюсь всякое утро часа по – три! Мне надобно переводить для кошелька моего; а как благо-разумие велит осыпать необходимость цветами, то я в рассуждении переводов сочинил для себя огромной и новой план, которой мне пока очень нравится и оживляет труд охотою. Посмотрим, каково будет Цицероново, Бюффоново, Жан-Жаково красноречие на Руском языке! Между тем все для слога; многое помещу в этом цветнике и для любопытства, для исторического сведения, для женщин, из новых журналов, из книг не очень известных. Даже и восточная литература входит в план. – Материялы готовятся; изрядная лежит у меня перед глазами; дней через десять отдам в цензуру первой нумер. Вот тебе моя литературная новость! Прости, мой милой!».

Карамзин, 1866. С. 92–93 (№ 81).

Март, 15. Петербург.

Кн. Куракин на записку от 27 февраля 1798 г. сообщил Дмитриеву, что он отнесся к герольдмейстеру кн. Щербатову «чтобы до времени, пока учинено будет

в Сенате по упомянутой жалобе рассмотрение, удержался он докладом о списке, доставленном в Герольдию о выбранных по Киевскому уезду дворянах». Далее кн. Куракин рекомендовал Дмитриеву «поспешить докладом Правительствующему Сенату по жалобе дворян и, по важности существа оной, настоять о законном и решительном постановлении как на сей, так и на пребудущие такого рода случаи».

РС. 1907. Июль. Т. 131. С. 154.

Март, 17. Петербург.

Дмитриев в рапорте кн. Куракину пишет, что «вышеозначенная жалоба сего числа Правительствующему Сенату докладывана и последовала резолюция, чтоб Киевскому губернскому правлению предписать: 1) учиненный по оной губернии выбор в кандидаты, для помещения в главный суд и в Киевский и Васильковский поветовые суды представителей отменить, а учинить вновь согласно высочайшей его императорского величества воли, изображенной в посланном из Сената от 29 октября прошлого 1797 г. указе, к которому допустить и малороссийских дворян чиновников; 2) всех помещенных из поляков в кандидаты, кои не имеют поместья, а только содержат на аренде чужие деревни, исключить и к выборам их не допускать; 3) как в самом Киевском и Васильковском поветах жители обитают по большей части малороссийские, не знающие польского языка, то согласно самого главного суда требования и на оное от Сената прошлого ж 1797 года декабря 14 дня предписанию должно производить дела на российском языке, то при баллотировании в выборах польским дворянам преимущество давать тем, которые знают российский язык».

РС. 1907. Июль. Т. 131. С. 154.

Апрель, 15. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший Иван Иванович!

Все, что ты сделаешь по делу Настасьи Ивановны, почту я за великое одолжение; и собственное твое доброе сердце будет тем конечно довольно. – Платон Петрович сказывает мне, что ты в письме своем к нему жалуешься на худое здоровье: долго ли тебе быть хилым? Учись у меня быть здоровым: во всякое годовое время, и во всяком расположении духа. Ты рассмеешься на мой счет: я люблю, чтобы друзья мои смеялись; не люблю только, чтобы они бранились. Впрочем ни *Orlando furioso*, ни щастливый Медор нейдут со мною в параллель.

Перевожу, печатаю свой Пантеон, имею иногда приятные минуты, иногда очень беспокоюсь, всегда очень люблю тебя. Прости, милой друг! Пиши хотя изредка».

Карамзин, 1866. С. 93–94 (№ 82).

Апрель, 29. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший Иван Иванович!

О деле наперед; и так скажу тебе, что надобно Настасье Ивановне. У них, как тебе известно, дело с Бярятинскими в департаменте старых нерешенных дел под № 42, кажется. Им хочется знать, скоро ли оно может дойти до слушания, и надобно ли им прислать поверенного, или дело само собою по очереди решится без дальнего ходатайства? Они уже отозвались на публикацию от Департамента, и через почту прислали просьбу в Сенат о решении дела. Ты сам уведомлял, что просьба Плещеевых там получена. И так (еще повторяю) довольно ли этова отзывают или надобно еще иметь хождение по делу? Слышно также, что иные дела обходят по очереди, то есть, что на очередь не смотрят, а решат те, которые предлагаются к решению Генерал-Прокурором. Так ли это? И в таком случае нельзя ли тебе молвить слово, чтобы дела Плещеевых не обходили, а решили в очередь? Мой друг! кланяюсь тебе почти в ноги: не поленись и сделай. Пишу, кажется, довольно ясно. Но вы, деловые люди не очень входите в просьбы и скоро забываете.

Например, я два раза писал к тебе об этом деле; ты обещал стараться, и вдруг опять спрашиваешь, что такое надобно Настасье Ивановне! Мой друг! Я немного знаю слабую сторону людей; но мне не хочется сказать тебе в некотором смысле: и ты Брут? О себе просить я никого не хочу, ни самых тех, которые уверяют меня в отменной благосклонности – ни самых даже друзей моих; но о друзьях прошу смело, не краснея, и готов снести грубой отказ. К тому же просьба моя справедлива, не безрассудная. Тебе надобно только спросить и, есть ли нужно, попросить о законном решении дела в очередь. – Я изъяснился; поставим точку.

Листов семь Пантеона пошлю к тебе на той почте. Время и у нас хорошо, но я худо им пользуюсь.

Прости, мой друг! Будь здоров, благополучен и грусти разве только о каминах. Любит тебя всею душою твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 94–95 (№ 83).

Июнь, 3. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший друг Иван Иванович!

Письмо твое, полученное мною с кн. Белосельским, очень невесело. Видно, что хлопоты Сенатские не по твоему сердцу. Я рассмеялся твоей мысли жить переводами! Руская Литтература ходит по-миру, с сумою и с клюкою: худая нажива с нею! Не подумай, чтобы я боялся иметь в тебе совместника, будучи сам записным переводчиком; ты бы мне не помешал. Я издаю Пантеон, а ты мог бы издавать Политеон; всякой бы из нас шел своею дорогою – но дело состоит в том, что содержатели типографии не богатеют, и смотрят Сентярем на переводчиков. – Все еще не посылаю к тебе вышеупомянутого Пантеона; его не выпускают из типографии без ценсорского позволения; но через несколько дней верно получишь всю I часть. – Белосельской все таки мил; искренне люблю его. Что скажу о себе?.. Сладкое и горькое, все перемешано в моей чаше; боюсь, чтобы последнее не заглушило первого. Обнимаю тебя нежно. Будь как можно щастливее!».

Карамзин, 1866. С. 95–96 (№ 84).

Июнь, 17. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй мой любезнейший друг Иван Иванович!

Видно, что приказные хлопоты не свойственны душе твоей, когда она так тревожат и гнетут ее. Следственно дорого платишь ты за свое обер-прокурорство. Для таких упражнений надобно иметь самую холодную и несчастную душу; иначе бедная пропадет с грусти. Ленивые верблюды проходят благополучно мертвые степи Каменистой Аравии: гордой, пламенный конь томится, сохнет, умирает среди песчаных ее морей.

Ты будешь жить

Но все тужить!

Для чего я редко пишу? Думаю, что тебе нет времени, часто ко мне писать; а я люблю получать ответы на письма. Зная несколько сердце человеческое, знаю и то, что переписка со мною в теперешних обстоятельствах не может быть для тебя очень интересна. Уверен в дружеском твоём ко мне расположении, но уверен и в том, что ты среди своих хлопот, надежд и страхов, без некоторого принуждения не можешь часто мною заниматься. Одним словом, скромность, а не лень бывает причиною моего молчания. Гавр. Ром. мне не отвечает; видно он рассердился – жаль. Пожалуй спроси у него, что он прикажет делать с напечатанною книгою. Надобно чем нибудь кончить. Я должен разделяться с типографиею. Естли он не хочет выдавать напечатанного, то я брошу все в огонь, и более не скажу ему ни слова. Эта шутка будет мне стоить рублей пять сот и более. Прости, мой друг. Люблю и всегда любить тебя буду. Пантеона все еще не могу послать, не имея позволения от ценсора. В мыслях обнимаю тебя.

Вечной твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 96–97 (№ 85).

В июле 1798 года собрание сочинений Державина было отпечатано, но он вдруг сделался недоволен ни порядком, в котором расположены были стихотворения, ни внешностью издания, о чем 17 июня 1798 года писал к кн. Голицыну, тогдашнему куратору московского университета, прибавляя: «и так я рассудил, заплатя типографии, весь завод истребить; а поелику сим я огорчу Карамзина, которому я поручил смотреть над печатанием и который мне хороший приятель, то и хочется мне это так сделать, чтоб он и не сведал»... Однако на другой день, Державин передумал, и книга с некоторыми изменениями выпущена в свет: «Сочинения Державина, часть I». (см.: *Державин*, 1871. Т. I. С. XVIII, XIX).

Июль, не позже 27-го. Москва.

Карамзин высылает Дмитриеву в Петербург «Письма рускаго путешественника», первую книжку «Пантеона», «Аглаю».

Карамзин, 1866. С. 98.

Июль, 27. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург пишет:

«Желаю всего доброго от доброго сердца моему любезнейшему Ивану Ивановичу. Я давно не писал к тебе, думая, что ты должен мне еще ответом на мое последнее письмо. Витовтов сказывал мне, что ты наш Д'Агессо, и приказной слог знакомишь с ясною краткостью, чистотою, приятностью. Vive le Procureur! Весело быть первым, а мне и последним быть мешает цензура. Я перевел несколько речей из Демосфена, которые могли бы украсить Пантеон; но цензоры говорят, что Демосфен был республиканец, и что таких авторов переводить не должно и Цицерона также – и Салюстия также ... grand Dieu! Что же выдет из моего Пантеона? План издателя разрушился. Я хотел для образца перевести чтонибудь из каждого древнего автора. Если бы экономические обстоятельства не заставляли меня иметь дело с типографиею, то я, положив руку на алтарь Муз и заплакав горько, поклялся бы не служить им более, ни сочинениями, ни переводами. Странное дело! У нас есть Академия, университет, а Литтература под лавкою! Тебе сказали с удивлением, что я танцую! И ты поверил! Вздор мой друг! Я умею по крайней мере соблюдать Decorum автора. Мне ли прыгать серною с кирасирскими офицерами? Я на бале то же, что шуба летом или парасоль зимою: вещь самая бесполезная, и не трогаюсь с места, как гора Альпийская. Нет человека, которому бы так-называемый свет был скучнее, нежели мне.

Я послал к тебе Письма, первую книжку Пантеона, Аглаю, и пр. Десять рублей, о которых пишешь, не получал; да и не надобно. Прости, милой! Мысленно обнимаю тебя, и буду всегда верным другом твоим. Н. К.»

Карамзин, 1866. С. 97–98 (№ 86).

Август, 18. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший друг Иван Иванович!

Сердечно благодарю тебя за два письма, дружеские и милые. Пантеон издаю не для Университета, а для Публики, которая не стала бы его читать, если бы в нем не было ничего, кроме Демосфена, Цицерона и других классических Риторов. В древности назывались Пантеонами храмы, посвященные всем богам: и громовержцу Юпитеру и кузнецу Вулкану, и важной Минерве и пьянице Силену. В наше время называются пантеонами места, посвященные всем удовольствиям, где, в Париже и Лондоне, дают маскарады, балы, концерты и проч. Пантеон Литтературы должен быть ничто иное, как собрание всякого рода творений, и важных и неважных; следственно тут может быть и сказка, и отрывок, и арабский анекдот; иное для слога, иное для любопытства. Если бы я переводил только самых лучших авторов, следственно и самых известнейших, то знающие Французской и прочие иностранные языки не стали бы читать моего собрания; а мне хочется и для них быть сколько-нибудь интересным – и для того перевожу иное из журналов, мало известных, единственно для новости; посредственное неизвестное лучше очень –

хорошего известного. Одним словом, это род журнала, посвященного иностранной Литтературе. Пока не выдаю собственных своих безделок, хочу служить публике собранием чужих пьес, непротивных вкусу и писанных не совсем обыкновенным Руским – то есть, не совсем пакостным слогом. – Лас-Казас есть благочестивая пьеса; она хороша для многих читателей; мне в ней полюбилась одна мысль. – Для чего не выдаю ничего собственного? Для того, что ничего, или почти ничего не пишу, даже и стихами! Голова моя как-то все несвободна; то заботы, то неудовольствия, то... Бог знает, что. Однакож все собираюсь: и выдаю книжки три Пантеона (NB. для подспорья кошельку своему), верно что-нибудь начну или начатое кончу. Только ценсура как черной медведь стоит на дороге; к самым безделицам придираются. Я кажется и сам могу знать, что позволено и чего не должно позволять; досадно, когда в безгрешном находят грешное. – Разве сообщить тебе какое нибудь *impromptu*!! Изволь. Я увидел в одном доме мраморного Амура, и с позволения хозяйки исписал его карандашом с головы до ног. Вот надписи:

1. *(На голову.)*

Где трудится голова,
Там труда для сердца мало,
Там любви и не бывало;
Там любовь одни слова.

2. *(На глазную повязку.)*

Любовь слепа для света,
И кроме своего
Бесценнаго предмета
Не видит ничего.

3. *(На сердце.)*

Любовь Анатомист: где сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

4. *(На пальчик, которым Амур грозит.)*

Награда скромности готова:
Будь щастлив – но ни слова!

5. *(На руку.)*

Когда рука
Любовника дерзка,
Не верь ему; но верь, когда она робка.

6. *(На крыло.)*

Амур летает для того
Чтоб милую найти для сердца своего;
Нашедши, крылья оставляет –
Уже ему в них нужды нет –
Летать позабывает,
И с милою живет.

7. *(На стрелу, которую Амур берет в руку.)*

Страшитесь: прострелю!
Но кровью вы не изойдете;
Лишь томно взгляните, вздохнете,
И скажите: люблю!

8. *(На ногу.)*

Когда любовь без ног? как надобно итти
От друга милаго, сказав ему: прости!

9. *(На спину Амуру.)*

Стою всегда лицом к красавицам молодым,
Спиною к старикам седым.

Аониды пришлю к моему другу. – Александр Алексеевич <Плещеев> точно женится <на графине Анне Ивановне Чернышевой>. Ему скоро надобно быть в Москве; а теперь он, думаю, еще в Петербурге. Прости, мой милой друг! Обнимаю тебя в мыслях со всею дружескою нежностью».

Карамзин, 1866. С. 98–101 (№ 87).

Август, 28. Петербург.

Стихи На случай оказанной Его Императорским Величеством Высочайшей милости родственникам Стихотворца Ломоносова, исключением их из подушного оклада («О радость! дайте, дайте лиру!..»).

Дата выставлена Дмитриевым под текстом стихотворения (см.: «Аониды». Кн. III. С. 38–40; подпись: Д-въ). Впервые упоминается в письме Карамзина к Дмитриеву от 13 декабря 1798.

Сентябрь, 20. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший друг Иван Иванович!

Я долго не отвечал на письмо твое для того, что хотел отвечать стихами; но по сию пору не собрался. Свежих стихов нельзя писать без углубления в самого себя, а меня что-то не допускает продолжительно заняться своими мыслями. Все обещаю себе, отлагаю до спокойнейшего времени – и перо мое верно бы засохло в чернильнице, если бы нужда не заставляла меня переводить, и то очень лениво. Иногда забавляюсь только в воображении разными планами. Например, мне хотелось бы между прочим написать два похвальные слова Петру Великому и Ломоносову. Первое требует, чтобы я месяца три посвятил на чтение Руской истории и Голикова: едва ли возможное для меня дело! А там еще сколько надобно размышления! Не довольно одного риторства: надлежало бы доказать, что Петр самым лучшим способом просвещал Россию; что изменение народного характера, о котором твердят нам его критики, есть ничто в сравнении с источником многих новых благ, открытым для нас Петровою рукою. Надлежало бы приподнять уголок той завесы, которою вечная судьба покрывает свои действия в рассуждение земных народов. Одним словом, труд достоин всякого хорошего автора, но не всякой автор достоин такого труда.

Ты спросишь: о чем я хотел писать к тебе в стихах? Об Аонидах. Теперь скажу прозою, что совсем еще не оставил намерения выдать 3-ю книжку; но если хочешь, то охотно уступаю тебе мое право, с условием, чтобы ты сам написал несколько пьес.

Я слышал, что ты сочинил quatrain на самоубийство Воейкова: пришли его, любезной друг, если он подлинно существует.

Теперь спрошу у тебя о важном деле. Правда ли, что мой милой Иван Иванович думает жениться? Так писали ко мне; но я не совсем верю, судя по содержанию твоего последнего письма. Впрочем никто более моего не обрадуется твоей женитьбе. Ты конечно бы не ошибся в выборе. – Что принадлежит до желания твоего быть в Москве, то я вместе с тобою только что желаю, не имея надежды. Нам свойственно роптать на судьбу и между тем следовать ей; трудно решиться и переменить свою участь. Прости, мой любезнейший друг! Мысленно тебя целую. Будь щастлив и люби меня!».

Карамзин, 1866. С. 102–103 (№ 88).

«Правда ли, что мой милой Иван Иванович думает жениться?..» – в вопросе Карамзина скрытый намек на слухи, ходившие в то время по Москве, о возможной женитьбе И. И. Дмитриева на Анне Львовне Пушкиной, тетке А. С. Пушкина. Брак не состоялся, но Дмитриев сохранил очень теплые отношения с А. Л. Пушкиной. См. «1824. Октябрь, 14. Москва».

Сентябрь (втор. пол.). Екатеринодар.

Кончина А. И. Дмитриева.

Александр Иванович Дмитриев умер в Екатеринодаре, куда был послан на следствие по мнимому возмущению Черноморцев. Дмитриев пишет на смерть брата Элегию (Аонид. 1798—1799. Ч. III. С. 36) и романс под заглавием «Песня для двух голосов» (там же, с. 217).

Октябрь, не позже 12-го. Москва.

Карамзин получает от Дмитриева из Петербурга письмо (не сохранилось) и при письме два стихотворения: *Элегия* («Возьмите, боги жизнь») и *Надгробие* («В. А. В. <оейков>у») («Здесь тихая могила...»).

Октябрь, 12. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург пишет:

«Сердечно благодарю тебя за твое дружеское письмо,
любезнейший мой Иван Иванович!

Я знал уже, чего ты лишился. Любезнейший Александр Иванович рано убрался на ту сторону, на другой берег,

откуда с вестью к нам никто не возвращался,

как говорит Шекспир. Разлука и временная и вечная, горестнее для тех, которые остаются на месте; отъезжающему легче. — Сердце твое сказало и говорит тебе все, что я сказать могу. Оно излилось в элегии, которая для меня любезна и трогательна своею простотою и чувством.

В романсе твоём очень нравятся мне строфы вторая, четвертая и последняя. Надгробие очень мило. Вместо *кроткой* лучше *тихая*. — А я, как автор, могу исчезнуть заживо. Здесьние цензоры при новой эдидии Аонид поставили? на моем послании к женщинам. Такая же участь ожидает и Аглаю, и мои безделки, и письма Руск.[ого] Путеш.[ественника], то есть, вероятно, что цензоры при новых изданиях захотят вымарывать и поправлять, а я лучше все брошу нежели соглашусь на такую гнусную операцию; и таким образом через год не останется в продаже может быть ни одного из моих Сочинений. Умирая авторски, восклицаю: да здравствует, Российская Литература! — впрочем цензоры обязывают лень мою, которая в их строгости находит для себя оправдание...

...А пока еще нет цензоров на чувства наших сердец, будем любить, что нас любит, и что нам кажется мило!

Прости, милой друг! Обнимаю тебя в мыслях со всею дружескою нежностью.

PS. Гаврило Романович в письме своем сказал (говоря о женитьбе А. А. Плещеева), что и ты намерен жениться. Я согласен с тобою, что добрую жену скорее можно найти в Сарепте, нежели на сцене большого света и в так-называемой *bonne compagnie*».

Карамзин, 1866. С. 103—104 (№ 89).

Ноябрь, 8 Петербург.

Дмитриев произведен в Действительные Статские советники.

Ноябрь, 8. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здоров ли ты, любезнейший мой Иван Иванович!

Не имею от тебя ответа на письмо, посланное мною с Иваном Петровичем Бетковым. Скажи по крайней мере, что ты не болен и не забыл меня.

А я — не болен и не забыл тебя! Ленив по прежнему, в надежде быть трудолюбивым через несколько времени. Однакож на сих днях отправляю к тебе пакет печатных листов.

Хочешь знать, в каком расположении дух мой? Люди мне почти тошны, а я все еще не могу отстать от них, и сержусь сам на себя. Смотрю на вещи беспристрастнее, нежели когда нибудь: тем лучше, или тем хуже! Не люблю света, и боюсь скуки в уединении...

Las du monde, que j'apprecie,
De ce qu'on nomme *amusement*,
Je voudrais lire... un baillement
Vient m'avertir que je m'ennuie!
Plus de piquante nouveauté!
Tout est dit, tout est repeté.
Le plaisir s'use pour les avis;
Il s'use encore pour les esprits.

Мысленно обнимаю тебя. Будь здоров и люби друга твоего».

Карамзин, 1866. С. 104–105 (№ 90).

Ноябрь, 20. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший Действительный Статский Советник!

Мысленно обнимаю тебя. Будь всем, чем ты достоин быть – будь щастлив! Естли хочешь, чтобы я выдал третью книжку Аонид, то пришли (ради Аполлона!) собранные тобою стихи. Сказывают, что коллекция твоя очень богата. Московские Музы нынешний год бесплодны: зову на помощь Петербург. Ты одолжишь меня, естли пришлешь нечто изрядное.

Завтра отправлю к тебе Аониды, 1 кн., и разговор о щастьи. Пантеона пришлю три книжки через две недели.

Еще раз обнимаю тебя, моего милого друга!

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 105 (№ 91).

Ноябрь, 25. Петербург.

Дмитриев в письме к П. П. Бекетову в Москву пишет:

«Благодарю тебя, любезнейший мой братец Платон Петрович, за твое поздравление; уверен, что оно от сердца; благодарю равно и за книгу. И так и я превосходительный! Et moi, je suis peintre aussi! Но это титул возвратит ли мне брата, которого кончина никак из мыслей моих не выходит? Успокоит ли мое сердце, возмущаемое непрерывным размышлением о последствиях сего удара? И меньше ли, наконец, я озабочен и удручен бедностию? Поверишь ли, что принужден закладывать вещи, чтоб только как нибудь протянуть до трети? Иногда занимаю по 5 и 10 руб. на содержание людей и лошадей, т.е. для удовлетворения уже не прихотям, но самым необходимым потребностям; а между тем старею, дряхлею и не вижу другой перспективы, кроме совершенной старости посреди нищеты, долгов и одиночества, а далее... придет, может быть, умереть так, что никто не услышит и последняго моего вздоха.

Мне уже и досадно, что я разгрустился и наведу, конечно, и на тебя грусть; однакож не думай, что я стал меланхоликом во всей форме. Нет, мой друг, характер не переменяется, равномерно и мой, как его нещастия ни коробят: я грущу только, когда один, по утрам и вечерам; а в собраниях, разумею с приятелями, по прежнему смеюсь и болтаю; бываю в театре, на балах и везде показываю вид человека, по крайней мере в бархатном кафтане.

Прости, любезный, милый мой друг, тысячу раз тебя целую. Преданный брат Иван Дмитриев».

РА. 1880. III. С. 397; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 183–184.

Декабрь, не позже 13-го. Москва.

Карамзин получает два письма от Дмитриева и пакет с текстами его стихотворений:

Романс («Песня для двух голосов»); *Элегия* («Возьмите, боги, жизнь, которую вы мне дали!..»); *Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором*

Павлом Первым потомству Ломоносова («О радость! дайте, дайте лиру...»); *Надпись к Амуру* («Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...»); *К графу Н. П. Румянцеву* («Что может более порадовать певца...»); *А. Г. С.<евериной> в день ее рождения* («Вступая в новый год, любезная Климена...»).

Декабрь, 13. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший мой Иван Иванович!

Очень благодарю тебя и за два последние письма и за пакет, отданный мне Г-м Ляпуновым, которого знакомству я рад искренно, потому что он твой приятель или знакомец. Стихи отчасти хороши, отчасти изрядны, кроме писаний без животворного духа; это Петербургский Н-в <Николев?>. Ты и милостив и жесток. Как можно вымарать все стихи свои? Они для меня всех дороже. Воля твоя: я воскресну, сниму с креста или крест с них. Если хочешь, можешь чтонибудь поправить; только непременно дозволю украсить ими Аониды, естли хочешь, чтобы Аониды были мне милы. Особливо ни как не уступлю тебе Романса, Элегии, на исключение из оклада Ломоносова потомства, надписи к Купидону, стихов к Румянцеву, к новорожденной – то есть, все хочу напечатать. Можем не поставить внизу ни одной буквы из твоего имени; могу никому не сказывать, что это твои стихи; одним словом, соглашаюсь на всякой договор. Нынешний год я буду почти только издателем, не написав ничего или очень мало. – Где мы увидимся, в Петербурге или в Москве? Думаю, что скорее в первом, хотя ты и обещаешь сюда быть. Где бы то ни было, дай Бог, чтобы мы увиделись в радости.

В печатных сочинениях Гаврила Романовича есть пропуски оттого, что они были в манускрипте. Какая беспечность, послать рукопись в типографию, не взяв на себя труда прочитать ее!

Как лето было жарко, так зима холодна. Вы, деловые господа, менее нашего чувствительны к действиям природы; однакож естли ты все еще не носишь парика ни à la Titus, ни à la Brutus, ни à la Caracalla, то голова твоя должна теперь очень забнуть.

Три книжки Пантеона отправлю к тебе дни через три; оне у переплетчика. – Прости, милой друг. Люблю тебя всем сердцем. – Чья песня *договор*? Не забудь сказать. Мысленно обнимаю тебя. Скажи чтонибудь от меня князю Белосельскому. Видишься ли с Александр. Алек. Плещеевым? Еще раз прости, милой».

Карамзин, 1866. С. 106–107 (№ 92).

Декабрь, 18. Москва.

В «Моск. Вед» (№ 101) напечатано извещение о начале продажи «Пантеона иностранной словесности, или Собрания разных новых переводов, изданного Г. Карамзиным в трех книжках» («Пантеон иностранной словесности. Кн. 1–3. М., Унив. тип., у Ридигера и Клаудия»).

Декабрь, 30. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Сердечно благодарю тебя, милого друга, за ласковое, нежное заключение письма твоего; оно меня очень тронуло. Я право думаю быть в Петербурге, только не так скоро, отчасти по экономическим, отчасти по другим обстоятельствам; буду же более всего для того, чтобы с тобою видеться, поговорить, походить, вместе у когонибудь побывать, вместе чтонибудь посмотреть, etc. Чувствую уже действие лет, которое вливает в нас свинцовую тяжесть, гнетет человека к центру земли и затрудняет для него переходение с места на место. Но физическая неподвижность не мешает моему воображению летать очень далеко. Когда Руской мороз заставляет меня стучать зубами и стягивает неприятным образом все мои фибры, тогда живо представляю себе щастливый климат Хили, Перу, островов Св. Елены, Бурбона, Филиппинских, и веселюсь мыслю, что там будет покоиться прах мой, под сению вечно-цветущих, вечно-плодоносящих дерев. Там согласился бы я

дожить до глубокой старости, разогревая холодную кровь свою теплотою лучей солнечных; а здесь боюсь и подумать о сединах шестидесятилетия. Однакож не подумай, чтобы я так скоро намерен был отправиться в южную часть земного шара; нет, прежде побываю в Северном Петербурге, в гостях у моего друга Ивана Ивановича.

Напечатаю, что позволяешь; другое останется в хаосе бумаг моих. Присылай, что хочешь и можешь на почтовых и на долгих. Аониды в ценсуре; но у них будет еще хвостик.

Обнимаю тебя сердечно. Имеешь ли наконец новые Делилевы поэмы? Верной и вечной друг твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 107–108 (№ 93).

Декабрь. 31. Москва.

Петр Агеев, служащий у Карамзина, передает в Моск. ценз. «Аониды или собрание новых стихотворений на 1798 год книжка III, издание Порутчика Николая Карамзина».

Рогожин, 1922. Вып. II, № 323 (71).

1798. Петербург.

Дарственная надпись на форзаце экз.: «Басен и Сказок / I.[вана]. – Д.[митриева]. СПб., 1798»: «Любезнейшему моему брату и другу Платону Петровичу [Бекетову]».

Экземпляр с авторской корректурой хранится в Государственной публичной исторической библиотеке России (Москва) (см. *Каталог коллекции авторских надписей* (издания XVIII-XIX вв.) / Сост. Л. Б. Шицкова. М., 1994. № 71).

1798. Петербург.

Дарственная надпись на форзаце экз.: «Басен и Сказок / I.[вана]. – Д.[митриева]. СПб., 1798», подаренном И. И. Дмитриевым сызранскому помещику И. И. Соловцову: «Любезнейшему моему клевету Игнатию Ивановичу в знак искренней моей дружбы и привязанности».

Книга хранится в Ульяновской научной областной библиотеке.

1798. Петербург.

Выходит книга: «Басни и Сказки. I.[вана] – Д.[митриева]. Спб.[тип. Гос. мед. коллегии], 1798».

Эпиграф:

Les fables ne sont pas ce qu'elles
semblent être.
Le plus simple animal nous y tient
lieu de maitre.

Содержание:

Басни

1. *Чиж* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 3–6; 2. *Жаворонок с детьми и земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 7–12; 3. *Два Голубя* («Два голубя друзьями были...») – С. 13–20; 4. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 21; 5. *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке?...») – С. 22; 6. *Старик и трое Молодых* («Однажды старичок над заступом потел...») – С. 23–26; 7. *Заяц и Перепелиха* («Как над несчастливым, мне кажется шутить?...») – С. 27–29; 8. *Два Друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – С. 30–32; 10. *Отцеубийца* («Не тигр, а человек – и сын...») – С. 36–37; 11. *Орел, Кит и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 38–39; 12. *Шарлатан* («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») – С. 40–41; 13. *Ласточка и Птички* («Летунья ласточка и там и сям бывала...») – С. 42–45; 14. *Кокетка и Пчела* («Прелестна, милая Кокеточка Лизета...») – С. 46–48.

Сказки

1. *Воздушные Башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – С. 49–62; 2. *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 63–93; 3. *Картина* («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 94–102; 4. *Пустынный и Фортуна* («Какой-то доброй человек...») – С. 103–105; 5. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку фортуны не искал?...») – С. 106–114; 6. *Желания* («Сердися Лафонтен, или нет...») – С. 115–120; 7. *Модная Жена* («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал...») – С. 121–136.

<1798> *Экспромт* (На игру г-на Дица) («Что слышу, Диц! Смычок, тобой одушевленный...»).

<1798> *Элегия* («Возьмите, боги, жизнь, которую вы мне дали!..»).

<1798> *Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова* («О радость! дайте, дайте лиру...»).

<1798> *Надпись к Амуру* («Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...»).

<1798> *К графу Н. П. Румянцеву* («Что может более порадовать певца...»).

<1798> *А. Г. С.<евериной> в день ее рождения* («Вступая в новый год, любезная Климена...»).

<1798> *На спуск Стефанием трех шаров, в присутствии трех знатных особ* («Ну, видел спуск я трех шаров!..»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 454. См.: «1807. Ноябрь, 18».

<1798(?)> *Надпись к Амуру* («Открыт как истина; без крыл, как постоянство...»).

<1798? – не позже 10 марта 1799> *Послание от Английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту* («Иван! Запри ты дверь, защелкни, заложи...»).

1799

1798–1799. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Пророчество на 1799 год, найденное в бумагах Нострадамуса:

В сей год глупцы и ум не будут – антиподы,
 Из глаз мадам Шню родится – василиск,
 Немые с сиднями составят – хороводы,
 Из Рима в Клин шагнет Троянов – обелиск,
 Поэта Дмитриева разлюбят – Аониды,
 Оставят злых людей в покое Эвминиды,
 Амур явится вдруг с усами как – гусар,
 Прекрасным девушкам в Москве наскучат – балы,
 Скупые засветят без свеч одни – скандалы,
 Чтоб все воспеть, родится вновь – Пиндар.

Вот, что я выписал из одного Китайского журнала и что пришлось на заданные тобою рифмы, любезной мой друг Иван Иванович! Между тем рекомендую тебе вручителя письма, нашего Симбирского дворянина, г. Кулебакина. Ты знаешь отца его. Если можешь, то помоги ему при случае. Страшные холоды сделали меня полубольным. Принимаю лекарство и браню наш климат. Здоров ли ты? Прошла ли твоя головная боль? – С дружескою нежностью обнимаю тебя, милого моего друга. Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 108–109 (№ 94).

Февраль, 7. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший мой друг Иван Иванович!

Письма на три я не имел от тебя ответа, и был в крайнем беспокойстве о твоём здоровье. Наконец две строки твои успокоили меня. Сердечно благодарю тебя за них. Я недели три нездоров: геморойды привели меня в такое расслабление, что я не задохнувшись не могу взойти на самое низкое крыльцо, бледнею, худею, и плачу от истерики как женщина. Лечусь; но более надеюсь на весну, нежели на докторов, если душа моя к тому времени будет спокойна. Обнимаю тебя со всею нежностью дружбы. Вечно твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 109 (№ 95).

Февраль, 19. Петербург.

Письмо Дмитриева к неизвестному:

«Любезный Александр Иванович.

Как я был тронут, услыша от сестрицы вашей, что вы и заочно меня помните! сердечно благодарю вас и желаю вам всевозможного счастья, которого вы по всему достойны; поверите ли, что я вам завидую, то есть сколько позволительно с добрым сердцем и тому, кого любишь, завидовать; какая приятная для вас дорога! сколько предметов для любопытства, сколько случаев к большему познанию человека, и в таких молодых летах! между тем как я, бедный, лучшую часть жизни, провел на маленьком театре почти в недействии, почти не чувствуя живых удовольствий, и не имею в виду ничего, кроме скучной старости, сопряженной с заботами.

Но я дал себе слово не переносить письма на другую страницу; итак, прощайте и вспоминайте иногда искренно любящего вас

*Дмитриева».**Вацуро, 1980. С. 417.*

Март, 10. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

За две твои холодные записки едва ли должно благодарить тебя. Однакож надеюсь, что лед приказных дел не превратит в лед твое сердце; теперь же и весна наступает. Здоров ли ты по крайней мере? Я все еще слаб. Разве хорошее время будет моим лекарем. Вообрази, что около двух месяцев не имею удовольствия ходить пешком, от слабости. — Я не перестану жалеть о том, что твоих стихов будет так мало в нынешних *Аонидах*.

Где твоя сатира, подражание Поповой? Ради Аполлона пришли ее напечатать! Она очень хороша. М. М. Херасков сочинил оду, и прислал мне экземпляр для тебя, которой отправлю завтра. — В мыслях обнимаю моего друга, и буду вечно его другом».

Карамзин, 1866. С. 109—110 (№ 96).

«М. М. Херасков сочинил оду...» — Карамзин понимает здесь поэму «Царь, или спасенный Новгород», напечатанную в Москве в 1800 году.

Март, 11. Москва.

Карамзин отправляет Дмитриеву в Петербург оду Хераскова.

Карамзин, 1866. С. 110.

Апрель, 4. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой милой Иван Иванович!

Мы оба редко пишем, но любим, надеюсь, друг друга по прежнему. Сохрани тебя Бог от чахотки! Скорее можешь иметь ипохондрию, к которой есть в тебе не малая склонность. Желая, мой милой, чтобы скорее пришло то время, в которое, по словам твоим, мог бы ты жить совершенно для Муз и дружбы. Мне весело и воображать это. Тогда, чтоб не упасть лицом в грязь перед тобою, и я начал бы прилежнее молиться Аполлону стихами и прозой. Летом жили бы мы в маленьком, чистеньком домике на высоком берегу Москвы-реки, в семи верстах от города, где я третьего году писал *Дарования* и стихи к *верной*, давно неверной. Место самое романтическое! Там бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсем холодные, вспомнив иное, засмеялись — вспомнив другое, вздохнули — и эхо рощи засмеялось бы с ними, эхо рощи вздохнуло бы с ними. Из чувств рождались бы слова, из слов стихи, из стихов может быть наша слава, по крайней мере наше удовольствие. Гораций прославил *Тиволи*, а мы Самарову гору превратили бы в Руской Геликон. Прости, мой любезнейший! Дай Бог, чтобы ты был как можно здоровее и спокойнее! Обнимаю тебя со всею нежностью дружбы».

Карамзин, 1866. С. 110—111 (№ 97).

«...мы Самарову гору превратили бы в Руской Геликон...» — быть может, в Самарову гору собирался Карамзин, когда в письме от 14 июня 1792 г. писал к Дмитриеву: «... мне очень хочется недели на три ехать в деревню, не далеко от Москвы». В «Записке о московских достопамятностях», написанной Карамзиным в 1817 году, замечено: «Против Коломенскаго за Московую-рекою Перерва, где ныне бывшая Заиконоспасская Академия и Самарова гора (где автор жывал весною, летом в своей молодости когда он еще занимался мечтами воображения)» (см.: *Соч. Карамзина*. Изд. Смирдина. Т. I. С. 442). В «Отечественных Записках 1825 года» (№ 67) есть статья Ив. Гурьянова: «Прогулка в село Люблино», в которой упоминается о Самаровой горе и высказано предположение, что здесь Карамзин, может быть, писал «Бедную Лизу», «Наталью, боярскую дочь» и проч.

Май, 19. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

Сколько времени не имею от тебя писем! Каков ты в своем здоровьи? Я сам все не очень здоров, и на прошедшей неделе занемог было лихорадкою. Пиши хотя изредко милой обер-Прокурор.

Аониды скоро выдут; есть не дурные пиесы. Я также намарал кое-что. Если буду поздоровее, то нынешним летом стану писать *прозою*, чтобы не загрузить умом. В противном случае надобно думать о теплых водах. Не вздумаешь ли и ты съездить со мною на несколько месяцев в Карлсбад или в Пирмонт? Я надеюсь, что больным дают паспорта.

В каком состоянии твоя библиотека? Я умножил свою новыми покупками, только не романами, а философскими и историческими книгами.

Прости, милой друг! мысленно тебя обнимаю. Будь здоров, и как можно спокойнее!».

Карамзин, 1866. С. 111 (№ 98).

Июнь, 26. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой любезнейший кавалер Св. Анны!

Желаю тебе всех возможных приятностей и знаков отличия в службе.

Большую часть времени провожу теперь в деревне; однакож здоровье мое худо. Со стороны Физики я стал совсем другой человек.

Посылаю *Аониды*, дурно и слепо напечатанные. Видишь ли иногда Белосельского? Напиши ему обо мне; скажи, что и нынешний год мы пели в Марфине, жалею об его отсутствии. Будь здоров и весел, мой любезнейший друг! Еду опять в деревню».

Карамзин, 1866. С. 112 (№ 99).

«...и нынешний год мы пели в Марфине» — село Марфино принадлежало тогдашнему московскому главнокомандующему, графу Ивану Петровичу Салтыкову. Карамзин говорит здесь «О хоре и куплетах», петых в Марфине и помещенных в «Аонидах» 1798–1799 гг., (Ч. III. С. 98 и 102). О спектаклях в Марфине есть несколько известий в «Записках» Вигеля; только он там был позднее, именно в июне 1801 года. «Всего примечательнее, рассказывает Вигель, была пиеса, интермедия, пролог или маленький русский водевиль, под названием «Только для Марфина», сочинение Карамзина. Содержание, сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуют союзу любовников, и нетерпеливо ожидаемый приезд из армии доброго господина, графа Петра Семеновича, который их соединяет; потом великая радость, песни и куплеты оканчивают пьесу. <...> Сам Карамзин приехал накануне представления, учил нас и даже играл с нами графа Петра Семеновича Салтыкова. В тогдашнее еще чинопочитательное время, было даже несколько странно видеть стариков вельмож, почти как с равным в обхождении с трицатилетним (sic!) отставным поручиком. Мне не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень верно выражают глубокие думы на его челе и добродушие во взорах его»... (*Вигель*, 2000. С. 82–83).

Июнь, 26. Москва.

Карамзин высылает Дмитриеву в Петербург 3-ю книжку «Аонид». Из сочинений Дмитриева в ней напечатаны:

Надгробие («Здесь тихая могила...») — С. 35; подпись: Д-въ;

Элегия («Возьмите, боги, жизнь, которую вы мне дали...») — С. 36–37; подпись: Д-въ;

Стихи На случай оказанной Его Императорским Величеством Высочайшей милости родственникам Стихотворца Ломоносова, исключением их из подушного оклада («О радость! дайте, дайте лиру!..») — С. 38–40; подпись: Д-въ;

Стихи на игру Дица («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...») — С. 114; подпись: ** (с примечанием к последнему стиху: «Сей превосходный музыкант, к удивлению всех, вдруг перестал говорить и уже близ года наблюдает глубокое безмолвие, не переставая при том восхищать по-прежнему игрой своей»);

Песня («Ты клялась мне, ты божилась...») — С. 214; подпись: — вь;

Подражание Ла Фонтену («О вы, которых бог любви соединил!..») — С. 215–216; подпись: — вь;

Песня Для двух голосов («Что с тобой, любезна, стало?...») – С. 217–218; подпись: – въ.

Сила любви («Кто в страсти не ревнив...») – С. 219–220; подпись: – въ.

Июль, 25. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Как давно ни строчки от тебя не имею, мой любезнейший друг Иван Иванович! От чего такое молчание? Я начинал беспокоиться о твоём здоровье; но приехавший из Петербурга князь Голицын уверил меня, что ты, слава Богу! здоров, и что он за день до своего отъезда обедал с тобою в музыкальном клобе. Будь еще весел и доволен судьбою; однакож мне прискорбно будет, если ты станешь забывать меня. Впрочем не принуждай себя, и если не хочется тебе писать, то не пиши. Я буду наведываться о твоём здоровье в здешних департаментах Сената.

Живу опять за городом, жалея о деревне. C'est là qu'on est heureux sans trop à l'être, говорит Ламберт. Если я не был щастлив в деревне, то по крайней мере часто твердил этот прекрасный стих. C'est toujours quelque chose.

Наст.[асья] Ив.[ановна] <Плещеева> хотела писать к тебе. Она давно уже обходится со мною холодно; но я бываю у них довольно часто, люблю их по прежнему и буду гораздо щастливее тогда, когда они успокоятся в рассуждении своих обстоятельств.

Пришли мне Петербургский журнал *Новости*; я очень буду благодарен.

Прости, милой Иван Иванович! Мне очень хочется, что бы ты всегда, всегда любил меня и почитал верным твоим другом».

Карамзин, 1866. С. 112–113 (№ 100).

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева.

Октябрь, 29. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Я также надеюсь, милой Иван Иванович, что сердца наши не развыкнутся; до гроба буду любить тебя с дружескою нежностью. Ты не весел, я также. Цветы жизни более и более для меня увядают. Желая только одного: умереть покойно. Не в таком расположении выдают журналы, любезной друг. Надобно что нибудь желать сильно, чтобы работать прилежно; а я, в отношении к свету, ничего не желаю. Талант мой как Сибирской плод; не дозрев иссыхает. Довольно, если иногда, улучшив спокойную минуту, напишу стиха два. И за это то благодарю судьбу. – Надпись к портрету твоему мила. Присылай мне, если что нибудь напишешь.

Молодой наш автор Измайлов ездил в Крым и на Кавказскую линию; описал, что видел, и скоро отдаст в печать. Я пришлю тебе книжку его.

Дружески обнимаю тебя, милой мой Иван Иванович. Живу и умру другом твоим. Н.[иколай] К.[арамзин]».

Карамзин, 1866. С. 113 (№ 101).

Декабрь, 1. Москва.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 3. Петербург.

По прошению, вследствие болезни, Дмитриев уволен в отставку с чином тайного советника и обращением жалованья в пенсию.

Дмитриев, 1866. С. 146: «Со вступлением моим в гражданскую службу, я будто вступил в другой мир, совершенно для меня новый. Здесь и знакомства и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непрестанно

изменяется, наравне с положением каждого. Товарищи не уступают кокеткам: каждый хочет исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было на счет другого. Нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое неосторожное слово. Разумеется, что я так заключаю не о всех. К неприятности быть в частых сношениях с подобными сослуживцами, присоединялись еще другие, несравненно для меня важнейшие: едва проходила неделя без жаркого спора с кемнибудь из Сенаторов, без невольного раздражения их самолюбий. Таким образом я имел неудовольствие два раза быть хотя и в легкой, но для меня чувствительной, размолвке с тем, которого любил и уважал от всего сердца, с Г. Р. Державиным. Благородная душа его конечно была чужда корысти и эгоизма; но пылкость ума увлекала его иногда к решениям, требованиям, для большей осторожности, других мер, некоторых изъятий или дополнений. Также пылкость его оскорблялась противоречием, — однакож не на долгое время: чистая совесть его скоро брала верх, и он соглашался с замечанием Прокурора.

Между тем ни малейшее ободрение не оживляло меня за все мои хлопоты и заботы. При Князе Лопухине я отправлял два раза прокурорскую должность по двум департаментам; потом, вследствие соглашений нашего кабинета с берлинским, поручено мне было отобрать из Польской Метрики все акты, по тому краю Польши, который при разделе оные отошел к Пруссии, и сдать их чиновнику, присланному для того от прусского правительства. Таковое поручение требовало много времени, терпеливого чтения и большой осмотрительности; но я за все то не удостоен от начальника моего ниже ласковым словом.

Два Обер-Прокурора, Рындин и Козодавлев, еще при Князе Куракине получили орден св. Анны второго класса, командорский крест Иоанна Иерусалимского и по три или четыре тысячи десятин земли на выбор в лучших местах; продажею оных они выручили, может быть, около ста тысяч, а я содержал себя только тремя тысячами годового дохода, получая тысячу от отца и две тысячи рублей жалованья. За всю же мою прокурорскую службу награжден, при Князе Лопухине, только орденом св. Анны второго класса вместе со многими, и даже после цензора книг, печатаемых на отечественном языке. При всей скромности позвоительно мне думать, что труды его были не важнее моих, и вероятно не слишком изнуряли телесные и умственные его силы.

Все сии неприятности, соединенные с уверенностью в том, что с моими свойствами я не могу ожидать и впредь по гражданской службе большей удачи, решили меня, наконец, просить об увольнении. Начальник мой А. А. Беклешов удивился, когда я подал ему прошение. Он стал уговаривать меня, чтоб я отложил мое намерение; даже хотел отчать меня в получении пенсиона, признаваясь мне, что по холодности к нему Императора, он не осмелится ни о чем просить его в мою пользу. Я с усмешкою отвечал ему, что даже и не думал о пенсионе; а желал бы только уверить Государя, что не от лени, но единственно по причине худого здоровья и других обстоятельств, для меня только важных, я принял смелость просить о увольнении...».

Декабрь, 4.

Кончина В. П. Петрова (род. 1736).

Декабрь, 14. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, мой милой Тайной Советник!

Сердечно, сердечно обрадовался я твоей выгодной отставке, которая дает мне надежду жить с тобою в одном городе. Дай Бог, чтобы ты совершенно был здоров, и скорее к нам приехал. Сердце мое нетерпеливо желает обнять друга. Я уже думаю, как бы жить с тобою вместе, и в городе и за городом. Спокойная жизнь может поправить твоё расстроенное здоровье. Здесь многие вместе со мною обрадовались приятному известию, и все желают, чтобы ты в Москве поселился. Я сделался-было полуслепым; и теперь еще глаза болят; однакож увижу тебя издали. Приезжай скорее, милой друг; и приезжай здоровым.

Обнимаю тебя сердечно.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 114 (№ 102).

Декабрь, 30. Петербург.

Отставка с чином Тайного Советника и пенсией.

Дмитриев, 1866. С. 144—151: «Сколь ни приятно готовиться к свиданию с другом и с родными, но невозможно быть равнодушным при разлуке и с кругом приятелей. С переменою мест нельзя забирать с собою все, что мило сердцу, или к чему привыкнешь. *Щастие* благоприятствовало мне и в сем случае: почтенный Козлятев, бывший и в продолжении гражданской службы моей, почти ежедневным моим собеседником, за несколько месяцев прежде меня вышел также в отставку; другая

особа, в сообществе с которой несколько лет находил я равное удовольствие, должна была, в одно же время со мною, переселиться в отдаленную губернию. И так во всем Петербурге жаль мне было разлучиться только с двумя: Г. Р. Державиным и А. В. Храповицким. С первым я имел счастье в последствии еще несколько лет жить вместе, а с последним простился уже навеки! Но всегда буду с сердечным чувством вспоминать посвященные ему субботы. В эти дни, от обеда до позднего вечера, пресиживал я у него, по большей части, с глаза на глаз, и услаждался наставительною беседою остроумного словесника и государственного мужа.

По описании первого периода гражданской службы не неприлично сказать несколько слов и о тогдашнем дворе и влиянии оного на государственные дела, на общество и частные лица.

Шошестие на престол приемника Екатерины последуемо было крутыми переворотами во всех частях государственного управления: наместничества раздробились на губернии; Учреждение, изданное для управления оных, изменилось; Директоры экономии уничтожены; Совестные суды упразднены; некоторые из уездных городов превращены в посады, вместо древних, греческих или славянских названий данных при Князе Потемкине-Таврическом многим городам в Крыму и Екатеринославской губернии, возвращены имена прежние, татарские, или русские простонародные: Эвпаторис, Севастополис, Григориополис стали называться опять Кизикерменем, Козловым и пр. Все воинские и гражданские постановления сего недавно столь могущественного вельможи отброшены; даже и самый мавзолей, воздвигнутый под сводом церкви над его прахом, приказано было разрушить.

В войсках введены были новый устав, новые чины, новый образ учения, даже новые командные слова, составленные из французских речений с русским склонением*), и новые, наконец, мундиры и обувь по образцу старинному, еще времен голстинских Герцогов.

Вскоре за сим последовали перемены и в участи именитых особ: Фельдмаршал Граф Суворов-Рымникский, по исключении из службы, сослан был в собственную его деревню, под строгим присмотром чиновника, а потом уже предводительствовал двумя армиями: нашею и австрийскою против Французов, и за освобождение Италии получил титул Генералиссимуса и Князя Итальянского. Светлейшему Князю Зубову и брату его Валериану, начальнику армий против Персов, приказано также иметь пребывание в деревнях своих. Та же участь постигла и Вице-Канцлера Графа Панина.

Сначала первыми любимицами Государя были Кутайсов, бывший камердинер его, родом Турок, присланный к двору еще мальчиком после взятия Анапы, Ростопчин и Аракчеев. Они все трое получили графское достоинство. Но фортуна неизменна была только к первому, двое же последних были потом удалены, и жили в деревнях своих до самой перемены правления.

Никогда не было при дворе такого великолепия, такой пышности и строгости в обряде. В большие праздники все придворные и гражданские чины первых пяти классов были необходимо в французских кафтанах, глазетовых, бархатных, суконных, вышитых золотом, или по меньшей мере шолком, или с стразовыми пуговицами, а дамы в старинных робах, с длинным хвостом и огромными боками (фишбейнами), которые бабками их были уже забыты.

Выход Императора из внутренних покоев для слушания в дворцовой церкви литургий предваряем был громогласным командным словом и стуком ружей и палашей, раздававшимися в нескольких комнатах, вдоль коих, по обеим сторонам, построены были фрунтом великорослые Кавалергарды, под шлемами и в латах. За императорским домом следовал всегда бывший польский Король Станислав Понятовский, под золотою порфирию на горностае. Подол ее несом был императорским Каммер-Юнкером.

Непрерывные победы Князя Суворова-Рымникского в Италии часто подавали случай к большим при дворе выходам и этикетным балам. Государь любил называться и на обыкновенные балы своих вельмож. Тогда, на перерыв друг пред другом, истощаемы были все способы к придание пиршеству большего блеска и великолепия.

Но вся эта наружная веселость не заглушала и в хозяевах и в гостях скрытного страха и не мешала коварным царедворцам строить ковы друг против друга, выслуживаться тайными доносами, и возбуждать недоверчивость в Государе, по природе добром, щедрым, но вспыльчивом.

От того происходили скоропостижные падения чиновных особ, внезапные высылки из столицы даже и отставных из знатного и среднего круга, уже несколько лет наслаждавшихся спокойствием скромной, независимой жизни.

В последний год царствования Императора многим из выключенных и изгнанников позволено возвратиться в обе столицы и вступить опять в службу; в том числе и двум братьям Зубовым: светлейшему Князю Платону и Графу Валериану. Обоим поручено начальство над Кадетскими корпусами: над Сухопутным первому, а над Инженерным второму.

Тогда ближайшими к Государю были: Граф Пален, бывший в одно время и Военным Губернатором и Управляющим Коллегией Иностранных Дел, Обер-Шталмейстер Граф Кутайсов и Генерал-Прокурор Обольянинов. Два первые имели большое влияние на двор и общество.

В это время я, по домашним делам моим, приезжал в Петербург на короткое время. Несколько раз, по воскресным дням, бывал во дворце, и, не смотря на все прошение исключенных, находил все комнаты почти пустыми. Вход для чиновников был уже ограничен; представление приезжих, откланивающихся и благодарящих, за исключением некоторых, было отставлено. Государь уже редко проходил в церковь чрез наружные комнаты. Строгость полиции была удвоена, и проходившие чрез

*) Вместо к ружью: *вон!* вместо ступай: *марш!* вместо заряжай: *шаржируй!* (Примеч. И. И. Дмитриева).

площадь мимо дворца, кто бы ни были, и в дождь и в зимнюю вьюгу, должны были снимать с головы шляпы и шапки.

В последний раз я видел Императора на Невском Проспекте, возвращавшимся верхом из Михайловского Замка, в препровождении многочисленной свиты. Он узнал меня и благоволил отвечать на мой поклон снятием шляпы и милостивою улыбкою. По возвращении моем в Москву, меньше, нежели чрез месяц, последовала внезапная его кончина. Пусть судит его потомство: от меня же признательность и сердечный вздох над его прахом!..».

1799. Лондон.

Выходит в свет книга Уильяма Тука «<W. Tooke> Life of Catherine II. 3 ed. London, 1799». В дополнительной главе (V. III. P. 349–439), основанной на сведениях, заимствованных из «Картин С.-Петербурга» А. Шторха, приводятся многочисленные данные о состоянии литературы, наук и искусств в России. В ней были впервые упомянуты на английском языке имена целого ряда русских писателей: Державина, Дмитриева, Крылова, Капниста, не говоря уже о длинном перечне знаменитых русских художников, скульпторов, музыкантов и ученых разных специальностей.

Cross A. G. The Rev. William Took's contribution to English knowledge of Russia at the end of the XVIII century // Canadian Slavic Studies. 1969. V. III. P. 106–115 (цит. по: Алексеев М. П. Ранние английские истолкователи русской поэзии // Русско–Английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. Т. 91. С. 179).

1790-е гг.

Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина («Он дома – иль Шольё, иль Юм, или Платон...»).

РА. 1867. № 5–6. Стб. 988. М. Н. Лонгинов, автор публикации в РА, в примечании к этому стихотворению писал: «Эта шутка писана еще в девяностых годах. В доме Дмитрия Ивановича Кисилева (1761–1820) много играли в карты, до которых Карамзин был тогда большой охотник».

1790-е гг.

Неизвестный художник конца XVIII в. Портрет И. И. Дмитриева.

Гос. Исторический музей. Цинкография с живописного оригинала. См. *Гончарова Н. Н.* Из ближайшего пушкинского окружения. Новые атрибуции рисунков Кипренского // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник.* 2001. М., 2003. С. 436.

1800

Январь, 23. Москва.

И. И. Дмитриев в книжном магазине Горна. Здесь его впервые видит Ан. И. Тургенев, который так описывает эту встречу: «Ходя гулять, пришел я к Горну и нашел у него двух человек, которые что-то покупали. Один в шубе, большого роста, физиономия очень отличная; приятное, благородное лицо, большой плешивый лоб и что-то холодное (по крайней мере, для меня). Он говорил тихо и медленно. Лицо его обратило мое внимание. Я не много видел таких благородных, значущих физиономий. Она походила на французское лицо. Вот наш разговор:

Горн предложил ему, не хочет ли он купить Вил.[анда] Оберона на фран- цузском.

Дм.[итриев] отвечал, что он у него есть, и сказал, что Виланд и Кант на франц.[узском] в Париже переводятся.

Горн (с усмешкой): O! Ce sera une belle traduction! И на немецком Канта не понимают.

Дм.[итриев]: – В Германии он уже упадет.

Я: – Напротив, я думаю, что все профессора взяли его Систему, и проч.

Дм.[итриев]: – Да Николай в Берлине так осмелел его.

Я: – Зато над Николаем за это и смеются и говорят, что он не понимает его.

Он казалось, принял это как будто-бы с удовольствием, что узнал это от меня.

Он, [оборотясь ко мне] а реи pres: Да чтож хорошего, что его всякий бу- дет толковать на свой манер?

Я: – Я думаю, что его можно понимать с некоторым напряжением ума.

Горн (в это время): Он и говорит всегда так, что понимать его трудно; он думает глубоко, но не находит слов; однакож, рад по пяти раз изъяснять, что он сказал, и после, когда поймешь, увидишь, что все это истина.

Я: – Я сказал, что думаю тоже, что он непонятен от своей глубокомысли- тельности.

Они ушли – и я остался и спросил: кто это?

Горн: – Der eine ist (забыл), aber der andere war Geheimraht Dmitrieff.

Я остолбенел. Книга выпала у меня из рук. Так это он: Дмитриев! И я начал приводить себе на память все его пиески и бранил себя, думая, что, верно, показался ему смешным. И теперь еще не могу опомниться хорошенько.

Сколько не вспоминаю образ его – нахожу в нем Автора только напр. его эпигр. *Модной жены*, *Чужого толка* и проч.; но где ж Автор *Ермака*, *Волги*, *К Младенцу?* – Я должен узнать его короче, рассмотреть его».

Арх. Бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 96–97 (примеч.).

Март, 28. Среда, 11 часов вечера. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в село Богородское:

«Почтенный деревенский житель, друг любезнейший здравствуй! Давно ли в Петербурге? Давно ли в Москве? И вдруг мыслям моим надобно искать тебя в диких сторонах Волги, в древнем дворянском замке, против утесистой горы, покрытой... не знаю чем; помнится соснами, как ты сказал.

Беру искренне участие в первых горестных твоих чувствах, мой друг. *Одни старые, другие больные*. Но приезд твой должен был утешить и старых и больных. Ты как Феб явился для освещения этой мрачности, по крайней мере на время.

Между тем весна улыбается на розовом облаке и сыплет на тебя свежие цветы свои за то, что ты некогда воспел ее приятным голосом, вместе с богородскими жаворонками. Скажи ей и ныне, какое нибудь приветствие в стихах. Тебе ли молчать, когда говорит вся природа? А весною бывает она красноречива. Рассыпай богатства Поэзии на богатства Натуры. Поэт и Бог, Бог и Поэт: дай жизнь и цвет мыслям своим о двух великих предметах; оне давно уже хранятся в магазине твоего Гения. Это не помешает тебе исполнить должности пансионного содержателя. Поцелуй от моего имени любезного племянника; и я любил отца его! Между тем не забывай Москвы; возвратись к нам в срок. Будь честным человеком, и сдержи слово. Увидишь, как здесь хорошо летом. Я надеюсь тотчас после святой недели переехать за город, на берег Москвы-реки, где книга, чай и трубка будут для меня гораздо приятнее.

Посылаю тебе Хераскова Царя и Сумарокова стихи, в которых много шуточного и забавного. Он имеет талант. Скажи мне свое мнение. Я может быть пристрастен.

Вообрази, что Рижская ценсура, то есть Туманский остановила немецкий перевод моих писем! Как людям хочется делать зло.

Я пишу теперь *нотицы* к портретам Руских авторов; естли хочешь, то пришло их к тебе. — *Бьет 11 часов; пора ехать ужинать.* Обнимаю тебя, милого; будь спокойнее и веселее как можно. Живу и умру другом твоим».

Карамзин, 1866. С. 114–115 (№ 103).

Апрель, 8. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Май, 2. Среда. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в село Богородское:

«Не имею от тебя ни строки, любезнейший Иван Иванович. Послал к тебе книги, и на то нет ответа. Что за причина? По крайней мере я рад, что ты пишешь к Платону Петровичу <Бекетову>; иначе такое странное молчание меня бы очень беспокоило. Даже и Decorum не соблюден Вашим Превосходительством; Автор Поэмы Царя несколько раз спрашивал, полюбила ли она тебе; а я, бедной человек мог только отвечать: *думаю — уверен — но ответа нет!* Разве ты на меня сердит? За что же любезной? Я право более нежели когда нибудь чувствую твою цену. Хоть брани, да пиши! Мне и грустно и досадно. Время у нас несносное: холод, снег, дождь; и на гулянье 1 Мая почти можно было ехать в санях. Я хотел рано убраться за город, на берег Москвы-реки; но теперь и думать нельзя; одна забава, играть в бостон. Что ты делаешь? И когда нам ждать тебя? Я по уши влез в Рускую историю; сплю и вижу Нестора с Никоном. Обнимаю тебя со всею нежностью дружбы. Будь здоров, и пиши — *vale et scribe!*»

Карамзин, 1866. С. 116 (№ 104).

Май, 20. Воскресенье. Кунцово.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в село Богородское:

«Пишу к тебе, сидя на высоком берегу Москвы-реки, под тенью густых лип, и взглядывая на обширную равнину, которую вдаль ограничивают рощи и пригорки. Это место подарено Царем Алексеем Михайловичем отцу Натальи Кириловны, и в окрестностях Москвы нет ничего ему подобного красотою. Хозяин живет в Петербурге, а я рву ландыши на его лугах, отдыхаю под ветвями его древних дубов, пью чай на его балконе! Свет принадлежит тому, кто им наслаждается: это мирит меня с Провидением и с недостойными богачами.

Между тем, любезнейший друг, гуляя и наслаждаясь, и говоря с Ж. Жаком десять раз в день: о grand Etre! О grand Etre! Считаю остальные волосы на голове своей и вздыхаю. Прошли те лета, в которые сердце мое ждало к себе в гости какого-то неопisanного счастья; прошли годы тайных надежд и сладких мечтаний! Рассудок говорит, что мне уже поздно думать о приобретениях; даже и то,

чем теперь наслаждаюсь, должно мало по малу исчезнуть. Так на шумном пиршестве утружденные гости один за другим расходятся; музыка умолкает; залы пустеют, свечи гаснут, и хозяин ложится спать – один! Природа очень многое хорошо устроила; но для чего сердце не теряет желаний с потерей надежды? Для чего, например, перестав быть любезным, хотим еще быть любимыми? – *Helas!*

Что может быть любви и щастия быстрее?
 Как миг их время пролетит.
 Но дружба нам еще милее
 Когда от нас любовь и щастие бежит».

Карамзин, 1866. С. 116–117 (№ 105).

Июнь, 20. Вторник. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Сызрань (или с. Богородское?) пишет:

«Давно я не писал к тебе, любезнейший друг Иван Иванович, и не для того, чтобы мстить тебе за долгое твое молчание – и не для того, чтобы завеселился – и не для того, чтобы заработался – а всего больше не для того, чтобы редко о тебе думал. Напротив мне очень грустно, что ты далее и далее отлагаешь свой отъезд. Жертвовать собою похвально и добродетельно; однакож я позволяю себе желать, чтобы ты скорее приехал в Москву. Я был бы щастливее с тобою. В обстоятельствах моих сделалась некоторая перемена, и бедной друг твой часто грустит тихонько. И бостон уже меньше веселит меня; для того чаще бываю дома. На этих днях сочинил я маленькую драматическую сельскую пиесу для фамилии Салтыковых, она будет или не будет представлена через три дни. На той почте я пришлю к тебе песни, которыми заключается эта безделка. Я переменил квартиру, и живу на Никольской в доме Шмита, естли не покойнее, то по крайней мере красивее. Прости до следующей почты. Дружески и нежно обнимаю тебя».

Карамзин, 1866. С. 117–118 (№ 106).

Июль (втор. пол). Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в село Богородское:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

К сердечному моему сожалению ты откладываешь свой отъезд; а я жду тебя с великим нетерпением, ей Богу! Не можешь вообразить, как мне грустно! Я не послал к тебе ни пиесы, ни куплетов, думая, что ты в начале Июля выедешь. Платон Петрович <Бекетов> сказывал мне, что для тебя наняли квартиру; однакож я надеюсь, что ты согласишься жить со мною в одном доме, на Никольской, у Шмита, где на втором этаже есть прекрасные комнаты (шесть или семь); а я живу внизу, чисто и покойно. Как хочется чтобы план мой состоялся! Это послужило бы к большому для моего сердца утешению; я привязался бы к тебе как верная твоя собачка, однакож не мешая тебе ничего делать. Стали бы читать, писать, говорить о дружбе чувствовать ее...

Quand l'infortune ôte le droit de plaire,
 Interesser est le bien le plus doux.
 Что может быть любви и щастия быстрее?
 Как миг их время пролетит.
 Но дружба нам еще милее
 Когда от нас любовь и щастие бежит.

Приезжай, приезжай, мой милой друг. Все, что тебя занимает, будет занимать и меня. Сердечно тебя обнимаю».

Карамзин, 1866. С. 118–119 (№ 107).

Август (до 10-го). Москва.

Возвращение Дмитриева из поездки в Сызрань (Богородское).

Август, 10. Пятница. Москва.

Дмитриев на обеде у Карамзина, где знакомится с Ан. И. Тургеневым.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 97 (примеч.).

Август, 10–11. Москва.

Ан. И. Тургенев пишет на экземпляре своего перевода «Вертера» (выполненного совместно с Мерзляковым) надпись к портрету Гёте: «Свободным Гением природы вдохновленный...».

В автографе стихотворению предшествует запись: «Вчера познакомился я с Дмитриевым, с которым вместе обедал у Карамзина. Самый веселый и приятный обед. Вот надпись к портрету Гете...».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 97 (примеч.). В. М. Истрин высказывает осторожное предположение, что об этой надписи могла идти речь на обеде у Карамзина (там же). Ю. М. Лотман, не объясняя мотивов, датирует написание этого посвящения 13-м августа, см.: *Поэты 1790–1810-х годов* / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л. 1971. С. 236 (текст четверостишия под заглавием «Надпись к портрету Гёте»).

Август, 11. Суббота. Москва.

Записка Ан. И. Тургенева к В. А. Жуковскому: «Вчера познакомился я с Дмитриевым, с которым вместе обедал у Карамзина. Самый веселый и приятный обед!». К записке приложен текст надписи к портрету Гете «Свободным Гением природы вдохновленный...».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 97 (примеч.).

Август, 13. Понедельник. Москва.

Ан. И. Тургенев записывает в журнал: «Сегодня понедельник; в Пятницу познакомился Дмит[итриевым], обедая у Карамзина и нашел в нем все».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 97 (примеч.).

Сентябрь, 9. Воскресенье. Москва.

Дмитриев у обедни в Заиконоспасском Монастыре. Встреча и разговор с Ан. И. Тургеневым.

По возвращении домой Ан. И. Тургенев записывает в дневник: «Сегодня был у обедни в Заиконосп[асском] Мон[астыре], видел Дмитриева, который звал меня обедать в следующий вторник к Кар[амзину], но я принужден был отказаться. Его приглашение очень меня обрадовало. Слабость ли это, или нет, но довольно, я был этому очень, очень рад».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 97 (примеч.).

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось сорок лет.

Сентябрь, 18. Вторник. Москва.

Дмитриев на обеде у Карамзина.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 97 (примеч.).

Ноябрь, 15. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

Нетерпеливо ожидал от тебя писем, и благодарю за полученное, как оно ни грустно. Дай Бог, чтобы ты скорее успокоился в разсуждении своей матушки, и

чтобы она перенесла этот удар как христианка <И. И. Дмитриев потерял в это время брата Николая Ивановича>. Воображаю, как больно хлопотать тебе с таким печальным сердцем. Ради дружбы, пиши ко мне чаще. Ей Богу, сердечно желаю соединять хотя издали чувства мои с твоими. Настасья Ивановна скоро едет в Петербург. Ты не забудешь моей прозбы: ни слова о моем расположении к известной тебе девице! Она есть ничто иное как страшная, безразсудная кокетка... С княгинею я почти разстался. Суди теперь, на какую погоду указывает барометр моего сердца! Назови все это дурачеством, естли хочешь; но – будь только спокойнее и люби меня! Мой племянник, Сергей Сергеевич Купшиков, в Петербурге. Он у тебя будет: обласкай его, милой друг! Сто раз обнимаю тебя мысленно».

Карамзин, 1866. С. 119 (№ 108).

Декабрь, 1. Москва.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 3. Москва.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург пишет:

«Мой любезнейший друг! Ты спрашиваешь, что будем писать друг к другу? Я, что вздумается; ты, что занимает тебя. Говори мне о своей грусти, естли это не умножает ее; можешь быть уверен, что говоришь не камню. Я же с своей стороны увольняю тебя от слушания моих Иерамиад, и не буду жаловаться на ветренность Амарилл моих, которые (слава Богу) перепрыгнули от меня за ручей и скрылись в лесу. Пусть там гоняются за ними Сильваны, Фауны и простые Сатиры! Третьего дня исполнилось мне 35 лет от роду —

Время нравиться прошло,
А пленяться не пленяя,
И пылать не воспаляя,
Есть худое ремесло,

говорит Нижегородский Поэт, над которым мы столько смеялись у Хераскова. Он же еще, подражая Делилю изобразил портрет меланхолии в следующих стихах:

Что Меланхолия? Нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло – но слезы осушив,
Она еще взглянуть с улыбкою не смеет,
И голову свою на руки опустив,
Вид Злополучия (отца ее) имеет.
Блаженство для нее задумавшись мечтать
И на прошедшее взор нежной обращать.

Бьюсь об заклад, что ты не можешь столько желать своего возвращения в Москву, сколько я желаю его. Хотя бы к весне дал мне тебя Бог! Говорит мое сердце. В прошедшее лето я жил, наслаждался и мучился в Кунцове; в следующее хотелось мне там пожить с сердцем на руке, с Дружбою, с натурою и с книгами. – Настасья Ивановна собирается в Петербург; только недостаток в деньгах ее задерживает. Поздравь от меня сына ея Александра Александровича, с дочерью Надеждою. У него надежда родилась, у меня надежда умерла. Прости, милой! Все. Душою обнимаю тебя. Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 120–121 (№ 109).

«Что Меланхолия? Нежнейший перелив...» — эти стихи составляют отрывок, вошедший потом, с некоторыми изменениями, в стихотворение под заглавием: «Меланхолия. Подражание Делилю». Оно помещено в «Вестнике Европы» (Ч. I. № 1. С. 53). Из этого можно заключить, что под нижегородским поэтом Карамзин разумел самого себя. О том, что у Карамзина была во владении земля в нижегородской губернии, см. в «Утре. Литер. и пол. сборнике» Погодина (С. 432).

Декабрь, 23. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Милой друг Иван Иванович!

Одно из самых жарких моих желаний есть то, что бы ты скорее возвратился в Москву; желаю, но мало имею надежды. Ты верно заживешься в Петербурге; день за день, а там и зима пройдет. Настасья Ивановна конечно уже приехала в Петербург. Encore une fois: ne lui parlez jamais de mes sentimens pour la Demoiselle que je n'aime plus, et qui est amoureuse de ce petit musicien, que vous connoissez; j'en sais tous les détails. Elle-même a dit, qu'elle m'avoit aimé, mais que ce sentiment s'est éteint dans son coeur, attaché pour toujours à Ferroy. Telles sont les femmes, et je ne peux que la plaindre <«Еще раз: никогда не говорите ей о моих чувствах к девице, которую я больше не люблю. И которая влюблена в этого маленького музыканта, которого Вы знаете, я это знаю во всех деталях. Она сама сказала, что она меня любила, но это чувство погасло в ее сердце, привязавшись навсегда к Ферроу. Таковы женщины. Я могу ее только пожалеть»>.

Извини, любезной, что я пишу к тебе об этом, обещав не говорить о своих Амариллах. Оправдание мое в Обертовой басне, которую ты очень хорошо перевел. Недавно просидел я у Платона Петровича до 11 часов вечера, и мы много об тебе говорили. Видишься ли ты с Сергеем Сергеевичем Кушниковым? Он предоброй малой; желаю, чтобы ты полюбил его. Мне приятно знать, что ты любишь Каверина; я сам чистосердечно люблю его; он ветренен, но умен и добр. Скажи ему от меня что нибудь ласковое. Не редко по вечерам бываю ныне дома, но все еще ленюсь писать; роюсь в своей библиотеке и читаю. Видел ли ты оперу Капнистову с музыкою Плещеева? Что это такое? Желаю, милой, что бы ты по крайней мере был здоров, как я. Мысленно тебя обнимаю и нежно целую. Знай, что 31 Декабря, в 12 часов ночи, я буду пить за твое здоровье с добрыми приятелями, которые у меня будут ужинать».

Карамзин, 1866. С. 121–122 (№ 110).

«Видел ли ты оперу Капнистову с музыкою Плещеева?..» — В. В. Капнист написал либретто оперы «Клорида и Милон», которая играна в первый раз в Петербурге 7 ноября 1800 г.; но сочинителем ее музыки назван Фомин. Это имя часто попадает при обозначении сочинителя музыки того времени. Быть может, он ссужал свое имя любителям, опасавшимся неудачи. Карамзин., 1866. С. 057, (примеч. М. Лонгинова).

<1800>. *Друзьям моим по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр.[авительствующего] Сената («В Москве ль я наконец? Со мною ли друзья?..»).*

1801

1801. Январь, 12 ... Март, 14. Москва.

В. А. Жуковский знакомится с И. И. Дмитриевым.

Дневники В. А. Жуковского // РС. 1901. Май. С. 39; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. в трех томах. Т. 3. Петроград. 1918. С. 561. (Отрывки из дневников. «Московская жизнь. Служба. <...> Литературное собрание. <Учреждение Дружеского Литературного общества подписано его участниками 2 января 1801 г.>. Знакомство с Дмитриевым. Козлятьевым. С Карамзиным. Смерть государя...»). См. также: Соч. Н. С. Тихонравова. Т. III. Ч. 2. С. 154.

Февраль, 23. Суббота. 10 часов утра. Москва.

И. А. Второв вместе с Андр. И. Тургеневым посещает Карамзина, жившего в доме портного Шмита на Никольской улице.

За утренним кофе Второв и Карамзин говорят о литературе, Симбирске и старшем брате Николая Михайловича – Василии Михайловиче Карамзине. На рабочем столе Карамзина Второв увидел напечатанные листы «Московского Журнала» (второе издание журнала).

Во время разговора к Карамзину приезжает какой-то французский граф-эмигрант, приехавший в Москву. Второв из разговора Карамзина с французом заметил, что они были знакомы во время путешествия Карамзина в 1789 г.

Второв И. А. Москва и Казань в начале XIX века // РС. 1891. Апрель–Июнь. С. 7–8.

Февраль, 24. Москва.

Выступление Жуковского в «Дружеском Литературном Обществе», пропагандировавшего программные принципы Карамзина. Свое выступление Жуковский начал с пространной цитаты из стихотворного послания Карамзина к Дмитриеву («Конечно так – ты прав, мой друг!..»).

Лотман Ю. М. Стихотворение Андрея Тургенева «К Отечеству» и его речь в «Дружеском Литературном обществе» // ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 329.

Март, 14. Четверг. Москва.

Становится известно о смерти Павла I.

«Дмитриев гулял по Кремлю в Марте месяце 1801 г. Видит он необыкновенное движение на площади и спрашивает старого солдата, что это значит? «Да съезжаются, говорит он, присягать Государю!». – «Как присягать и какому Государю?» – «Новому» – «Что ты, рехнулся-ли?» – «Да императору Александру». «Какому Александру?» спрашивает Дмитриев, все более и более удивленный и испуганный словами солдата. – «Да Александру Македонскому что ли!» — отвечает солдат». (*Вяземский П. А. Из старой записной книжки, начатой в 1813 году // РА. 1875. Кн. Первая. С. 205, с припиской: «Слышано от Дмитриева».*)

Сентябрь, не ранее 15-го. Москва.

Песнь на день коронавания Его Императорского Величества Государя Императора Александра Первого («И я питомец Аполлонов...»).

Сентябрь, не ранее 15-го. Москва.

***На случай од, сочиненных в Москве в коронацию («Гордись пред Галлами, Московский ты Парнас!..»)* –**

Первые: *РА. 1867. № 4–5. Стб. 986–987, с обширным комментарием М. Н. Лонгинова.*

Ноябрь, 16. Москва.

В «Моск. Вед.» напечатано объявление о начале подписки на «Вестник Европы».

1801. Москва.

И. И. Дмитриев и А. Л. Пушкина, тетка А. С. Пушкина, – восприемники при крещении сына дьякона церкви Харитония в Огородниках.

Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 7.

1801. Петербург.

Образовано «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств».

1801–1811. Июль, 15. Москва.

У С. Л. Пушкина бывают И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, В. Л. и А. М. Пушкины, Ксавье де Местр, пианистка Першерон де Муши.

Летопись, 1991. С. 22.

«Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он <Пушкин> был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью» (*Вяземский П. А. Допотопная или допожарная Москва // Собр. соч. 1882. Т. VII. С. 88*).

1801.

Надпись к Портрету Древнего Рускаго Историка Нестора («Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...»).

1801–1803. Москва.

Выходит второе изд. «Московского Журнала» (1801: Ч. 1–4 (1791), Ч. 6 (1792); 1803: Ч. 7–8 (1792)).

1801.**Часть Первая.**

Месяц Январь: *Истукан Дружбы* («Сколь щастлив тот, кто Дружбу знает!..») – С. 23–24; подпись: И. Д.; *Червонец и Полушка* («Не ведаю, какой судьбой...») – С. 25–27; подпись: И. Д.

Месяц Февраль: *Счет поцелуев* («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 134–137; подпись: Дм.

Месяц Март: *Письмо к Прелесте* («Прелеста! веселись: мой рок уже решился...») – С. 273–280; подпись: Дм.; *Я* («Умен ли я, никем еще в том не уверен...») – С. 280–281; подпись: Дм.; *Эпиграммы*:

1. «Поверю ль я тебе, Кащей...» – С. 281;

2. «Почто ты Мазона, мой друг не прочитаешь...») – С. 281–282; подпись: Дм.

Часть Вторая.

Месяц Апрель: *Надежда и Страх. П р и т ч а* («Хотя Надежда век...») – С. 8–11; подпись: И.; *Надпись к статуе Юпитера (Перевод из Антологии)* («Или Юпитер сам с превыспренних кругов...») – С. 14–15; подпись: И.

Месяц Май: *Плач супруги* («Нежной страсти плод любезной!..») – С. 112–115; подпись: Д.

Месяц Июнь: *К текущему столетию* («О век чудесный, ума, изобретений...») – С. 229–231; подпись: Ф.; *На смерть попугая* («Любезной попугай! давно ли ты болтал...») – С. 231–232; подпись: И.

Часть Третья.

Месяц Июль: *Быль* («Уже опять орлы Российски...») – С. 9–12; подпись: -вз; *Эпиграмма* («Кто хочет, тот нещастья трус...») – С. 16; подпись: -вз.

Месяц Август: *Надпись к Портрету Ефрема Живописца* («Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр...») – С. 137; подпись: -вз.

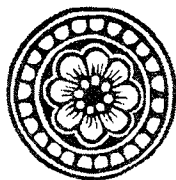
Месяц Сентябрь: *Любовь и Дружество* («Священно дружество! о коль твой силен глас!..») – С. 233–246; подпись: -вз.

Часть Четвертая.

Месяц Октябрь: *Разговор Прохожего с Горлицей (Подражание)* («Что так печально ты воркуешь на кусточке?..») – С. 13; подпись: И.; *Надпись к портрету Господина...* («И это человек?..») – С. 16; подпись: И.; *Эпитафия* («Он врал – теперь уже не врет: / Вот эпитафия, когда Морон умрет») – С. 16; подпись: И.

Месяц Ноябрь: *К Лире* («О ты, котора утешала...») – С. 133–135; подпись: -вз; *Эпиграмма* («Мне лекарь говорил...») – С. 139; подпись: -вз; *К Климене, которая спрашивала меня, много ли красавиц видел я в концерте?* («Красавиц не видал, да их и не бывало...») – С. 139; подпись: – вз.

Месяц Декабрь: *Письмо к **** («Какое зрелище для нежных души!..») – С. 246–251; подпись: Д.

1802

Январь, 4. Суббота. Москва.

Выходит первый номер журнала Н. М. Карамзина «Вестник Европы».

Январь, ок. 7. Москва.

Карамзин высылает первый номер «Вестника Европы» Дмитриеву в Сызрань (или с. Богородское).

В письме в Симбирск к брату В. М. Карамзину от 7 января 1802 г. Карамзин просит: «...Посылаю вам журнал. Прикажите, любезнейший брат, разнести книжки: к Сушкову, Ермолову, Аржевитинову, Апраксину, Языкову и Колебакину Ивану Васильевичу; седьмая книжка для вас» (*Карамзин*, 1858. № 20, с. 245). Экземпляры «Вестника Европы» за 1802–1803 гг. с владельческой подписью В. М. Карамзина хранятся в ОППК Ульяновской обл. б-ки.

Январь, 14. Вторник. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или с. Богородское):

«Здравствуй, мой любезнейший друг!

Я нетерпеливо ждал письма твоего, желая увериться, что ты благополучно доехал. Слухи о разбоях здесь все продолжались, и я не совсем надежен был на кистень твоего бравого калмыка. Ты не хотел мне сказать ни слова о расположении твоего духа, и сократил письмо свое дурною оговоркою. У меня довольно времени на то, чтобы любить тебя и тобою интересоваться; иначе с журналом вышла бы у меня ссора. Прошу тебя сердечно быть в письмах говорливее; говори мне о своих родных, своих упражнениях; я рад слушать даже все медицинские подробности твоего здоровья. Чтобы на то убедить тебя, скажу, что нередко сам хвораю, и попрежнему беспокоюсь о Лизаньке, в ожидании Марта месяца. Пишу, пишу, и все думаю, что мало. Этот журнал требует великих трудов. Но если буду здоров и весел в Марте, то меня станет, и я набросаю в книжки довольно собственного. Пренумерантов немало: около 580; вероятно, что еще прибавится. Скоро пришлю тебе второй номер <Вестника Европы>; также и слово *Ек.[атерины]*. Хорошо и прекрасно, если бы ты в щастливой час вздумал чемнибудь подарить журналиста, или, лучше сказать, друга своего; я сердечно бы обрадовался всякому цветку твоему. Мне приятно будет знать и видеть, что ты занимаешься старинным хорошим ремеслом. Лизанька самыми нежными словами уверяет тебя в дружбе и в почтении. Прости, милой! Поверь, недоверчивый человек, что я душевно обрадуюсь каждому письму твоему. Старинный и вечной твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 122–123 (№ 111).

Январь (втор. пол.) – Февраль (до 12-го). Москва.

Карамзин высылает Дмитриеву в Сызрань (или с. Богородское) второй и третий номера «Вестника Европы».

Февраль, до 12-го. Москва.

Карамзин получает письмо от Дмитриева (не обнаружено).

Февраль, 12. Среда. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в с. Богородское:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

И первая, и вторая, и третья книжка *Вестника* отправлены к тебе в свое время. Видно, что их задерживают в Симбирске. Не понимаю, как ты не получил моего ответа; я писал к тебе на первой почте. Мне грустно слышать от тебя, что ты не выходишь из дряхлых. Я сам, мой милой друг, занемогал без тебя раза четыре; и теперь с трудом пишу от страшной головной боли. Дней шесть не думал о журнале,

и ни за что не принимался. Так трудно быть счастливым в здешнем свете! Когда все есть, так нет здоровья. Беспокоюсь также и об Лизаньке; время решительное приходит, и сердце у меня очень дрожит. Слышал ли ты о потере Пельского? Жена его умерла родами. Он со всех сторон несчастлив, и всякой день должен бояться своих заимодавцев. Я искренне пожалел о Храповицком, которого ты любил, и который был добрый человек, хотя и худой стихотворец. Посылаю тебе Похвальное Слово Екатерине, дурно напечатанное. В Москве нельзя думать о хорошем издании. Теперь начнут критиковать меня: это гораздо легче, нежели писать. Бог с ними! Мне грустно, что я должен писать в Петербург, и некоторым образом кланяться; это не ободряет талант. Искренне скажу, что я ничего не желаю; а хотел бы только, чтобы публика нашла удовольствие в этом произведении. — Будь здоровее и веселее, мой любезной друг; утешайся тем, что родные утешаются тобою. Ты исполняешь долг сердца и добродетели; это важно и приятно. Пожелай, мой милой, чтобы я или сам умер в Марте месяце или был радостным мужем и отцом. Обнимаю тебя сердечно и люблю всею душою. Свидетельствую мое почтение твоим близким. Елизавета Ивановна дружески тебе кланяется».

Карамзин, 1866. С. 123—124 (№ 112).

О болезни Карамзина пишет и Е. И. Карамзина в единственном сохранившемся письме к Е. А. Протасовой: «Скажу тебе о себе, что я, слава Богу, здорова и по своему состоянию лучше, чем смела надеяться; только страшно чрезвычайно становится, так что и Бог знает что идет в голову, от того что я по милости Божией так совершенно счастлива, что, кажется, невозможно долго сему продолжаться: ибо мое благополучие, милая Катенька, совсем необыкновенно. Минуты нет в жизни моей, которая бы не казалась мне раем. Одно только беспокоит меня нынче — частая разстройка здоровья моего Н. Мих. от гемороида больше гораздо болен, чем здоров; а несколько дней назад очень было занемог; благодаря Бога, три дни уже, как хорошо себя чувствует. Журнал его чрезмерно требует или берет у него много время, так что он хотя никуда не ездит, но все таки не имеет время ничего почти иного делать».

Первая супруга Карамзина, мать старшей его дочери Софьи Николаевны, была Елисавета Ивановна Протасова (р. 1767), младшая сестра Настасьи Ивановны Плещеевой, у которой молодой Карамзин еще до отъезда своего за границу и потом в грозное Павловское время живал по целым месяцам в Орловской ее деревне, Черни, и Александры Ивановны Протасовой же (тещи графа Ростопчина). Один из братьев Елисаветы Ивановны Андрей Иванович (некогда Тульский губернский предводитель дворянства) был отцом М. А. Мойер и А. А. Воейковой. Отсюда связь с Жуковским, в бумагах которого и сохранились это и следующие письма, писанные к вдове Андрея Ивановича — Протасовой, Екатерине Афанасьевне, жившей в Белеве.

Март, после 5-го. Москва (или Свиблово).

Карамзин в письме к Дмитриеву в Москву(?) пишет:

«Здравствуй, милой друг! Я отец маленькой Софьи. Лизанька родила благополучно, но еще очень слаба. Выпей целую рюмку вина за здоровье матери и дочери. Я уже люблю Софью всею душою и радуюсь ею. Дай Бог, чтобы она была жива и здорова, и чтобы я мог показать тебе ее, когда к нам возвратишься! Желаю сердечно скорее увидеть тебя. Прости, милой! будь здоров и покоен! Люблю тебя душою и сердцем. Император прислал мне табакерку с бриллиантами, не очень блестящими. Обнимаю тебя со всею нежностью дружбы».

Карамзин, 1866. С. 124 (№ 113).

Табакерку Карамзин получил от Императора Александра I за «Похвальное слово Екатерине II». Уведомляя об этом своего брата, Василия Михайловича, Карамзин прибавляет: «...таким образом имею от него уже три подарка: два перстня и табакерку». Ранее Карамзину пожалован был перстень за «Оду на восшествие на престол Александра I». Другой ему дан, вероятно, за стихи на коронавание государя (*Карамзин, 1858. № 19. С. 203; № 20. С. 246.*)

Март, 13. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. II. № 7. С. 232—236) напечатана статья Дмитриева(?) «О русских комедиях». Подпись: В. В.

[1802. Апрель]. Москва.

Записка Дмитриева к Г. Р. Державину, возвращавшемуся через Москву в Петербург из Калужской губ., куда был послан на ревизию: «Спешу поздравить вас, милостивый государь, Гаврило Романович, с благополучным приездом. Очень сожалею, что не могу лично сего исполнить за сборами моими в Петербург, куда я в 11 часов отправлюсь. Надеюсь там иметь удовольствие вас видеть; между тем предлагаю вам мою квартиру и с душевным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 184.

1802. Май (пер. пол.?). Свирлово.

Кончина Елизаветы Ивановны Карамзиной.

Точная дата смерти Е. И. Карамзиной неизвестна. М. П. Погодин, со слов П. А. Вяземского, называет дату ее кончины 4 апреля 1802 г. (*Погодин*, 1866. Т. I. С. 384). Но это сообщение противоречит письму Карамзина к брату Василию Михайловичу от 15 апреля 1802 г. Бантыш-Каменский передает горе Карамзина: «С бледным лицом, открытою головою, шел он около пятнадцати верст (от Свирлова до Донского монастыря) подле печальной колесницы, положи руку на гробницу сам опускал ее в могилу; бросил первую горсть земли. Друзья подошли к нему, предлагая ему место в карете. «Оставьте меня одного», — отвечал Карамзин, — «приходите завтра. Присутствие ваше будет необходимо». Он не мог тогда облегчить душевной скорби слезами: она иссушила их» (*Бантыш-Каменский*, 1836. Ч. 3. С. 42–48).

Июнь, 11. Москва.

Письмо И. П. Тургенева к Ивану Ивановичу <Дмитриеву?>.

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 247. Ед. 12. Л. 1.

Октябрь, 14. Второй час пополудни. Москва.

Землетрясение в Москве.

Ноябрь (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VI. № 22 (ноябрь). С. 134–136) напечатана басня «*Петух, Кот и Мышонок*» («О дети, дети! как опасны ваши лета!..»). Подпись: Д-в.

Перевод басни Ж. де Лафонтена «Le rat qui s'est retiré du monde».

Декабрь (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VI. № 23 (декабрь). С. 213–215) напечатана басня «*Царь и два пастуха*» («Какой-то государь, прогуливаясь в поле...»). Подпись: ***.

Перевод из Флориана: «Le roi et les deux bergers».

1802. Петербург.

Рукописный сборник «Журнал или собрание разных стихотворений. Часть 1-я. В Санкт-Петербурге. 1802-го года», составленный неизвестным лицом; владелец скрыт под инициалами: И. Т. В сборнике помещены стихотворения Дмитриева: «*Жалоба на отказ*» («Коль надежду истребила...») — Л. 6; «*К Клою*» («Всех цветочков боле розу я любил...») — Л. 73 об.; «*Дует*». Песня для двух голосов («Первый голос: Что с тобой, любезна, стало?...») — Л. 75; Эпиграмма: «Он врал — теперь не врет...» — Л. 89 об.; «*Наслаждение*» («Всяк из нас в желаньях волен...») — Л. 92 об.

Стихотворения, Романсы, Поэмы и Драматические сочинения. XVII — первая треть XIX в. / Описание рукописного отдела библиотеки Академии Наук СССР. Т. 4. Вып. 2. Л., 1980. С. 210–216. Шифр хр.: Успенск. 123.

1801–1803. Москва.

Выходит второе изд. «Московского Журнала» (1801: Ч. 1–4 (1791), Ч. 5–6 (1792); 1803: Ч. 7–8 (1792)).

1802.

Часть П я т а я.

Часть П я т а я. Месяц Февраль: *Модная жена. Сказка* («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал...») – С. 152–163; подпись: И.; *Песнь. На кончину Князя Потемкина-Таврическаго* («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 166–171; подпись: И.; *К честному Человеку* («Что слышу? О приятна весть!..») – С. 171–173; подпись: И.

Часть П я т а я. Месяц Март: *На мир с Оттоманскою Портою* («Во сне ли сладком я мечтаю...») – С. 279–281; подпись: И.; *Отставной Вахмистр. Баллада* («Сними с себя платочек...») – С. 282–287; подпись: И.

Часть Ш е с т а я.

Часть Ш е с т а я. Апрель: *Похвала Элизе Драпер, сочиненная Аббатом Реналем* – С. 13–20; подпись: И.

Часть Ш е с т а я. Месяц Май: *Весна* («Под розово-сребристом небом...») – С. 109–111; подпись: И.

Часть Ш е с т а я. Месяц Июнь: *Сизой Голубчик. Песня* («Стонет сизой голубчик...») – С. 206–207; без подписи.

1803.

Часть С е д ь м а я. Месяц Июль: *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 10–13; подпись: И.

Часть С е д ь м а я. Месяц Август: *Пчела, Шмель и Я* («Шмель роясь в навозе...») – С. 119; подпись: И.; *Гимн восторгу* («Восторг, восторг, душа Поэта!..») – С. 120–121; подпись: И.

Часть С е д ь м а я. Месяц Сентябрь: *Бабушкина Песня* («Ах! когда б я предзнала...») – С. 278–279; подпись: И.

Часть В о с ь м а я. Месяц Октябрь – Ноябрь: *Картина. Сказка* («В час исполнены толькоя отрады...») – С. 7–14; подпись: И.

Часть В о с ь м а я. Месяц Декабрь: *Быль* («Чума и Смерть вошли в великолепный град...») – С. 164–167; подпись: Д.; *К Хлое* («Дрожащею рукою...») – С. 197–198; подпись: И.; *Голубок (Подражание Анакреону)* («Прекрасный голубчик! скажи мне отколе...») – С. 199–200; подпись: И.; *К младенцу (Подражание)* («Дай собой налюбоваться...») – С. 200–203; подпись: И.; *Наслаждение* («Всяк из нас в желаньях волен...») – С. 210–211; подпись: И.; *Песня* («Тише, ласточка болтлива...») – С. 211–212; подпись: И.; *Пустынный и Фортуна. Сказка* («Какой-то доброй человек...») – С. 233–235; подпись: И.

1803

Январь. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VII. № 1) напечатана «*Супружеская молитва*» («Один смиренный муж имел обыкновенье...») – С. 46; подпись: -в'.

Перевод из Р. Понса де Вердена: «Un bon époux, après sa paternôtre». Издавалась также под названием «Супружняя молитва», с 1-й строкой: «Один предобрый муж...».

Февраль (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VII. № 3) напечатано: «*Летучая рыба*» («Есть рыбы, говорят, которые летают...») – С. 192–193; подпись: ***.

Перевод одноименной басни Ж. П. Флориана «Le poisson-volant».

Март (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VIII. № 5) напечатано стихот. «*Амур и Дружба*» (««Сестрица, душенька!» – Здорово, братец мой!..») – С. 42; подпись: ***.

Перевод из Гишара: «L'Amour et l'Amitié».

Март (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VIII. № 6) напечатаны «эпитафии поэту Богдановичу»: «*Привесьте к урне сей, о грации! венец...*» – С. 139; подпись: ***;

«*В спокойствии, в мечтах текли его все лета...*» – С. 139; подпись: ***; а также:

«*Загадка*» («Нет голоса во мне, а все я говорю...») – С. 140–141; подпись: ***.

Апрель. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. VIII. № 7) напечатаны: «*История любви*» («Любовник в первый день признаньем забавляет...») – С. 227; подпись: ***;

«*Эпитафия «Автору Душеньки*» («На урну преклонясь, вечернюю порою...») – С. 230; подпись: S.;

издавалась также под заглавием: «И. Ф. Богдановичу, автору Душеньки».

1803. Апрель. Петербург.

Письмо Н. П. Рязанова из Петербурга Дмитриеву в Москву:

«Любезный друг Иван Иванович!

Вы несомненно уже известны, сколь много отягощена судьба моя. Так, почтенный друг мой, я лишился всего. Кончина жены моей, составлявшей все щастье, все блаженство дней моих, соделала для меня всю жизнь мою безотрадною. Примите, любезный друг, от меня истинное почтение, которое всегда она к вам сохраняла. Оно было следствием достоинств ваших и искренней ее благодарности к дружеским вашим ко мне расположениям. Я и теперь, мой милый друг, пролил слезы и едва могу писать к вам. Шесть месяцев протекли уже для меня в сей горести, и я конца лучше не вижу, как вообще нам определенного. Двое милых мне детей, хотя некоторым образом и услаждают жизнь мою, но в тож самое время растравливают они сердечные мои раны, и я опытом дознал, что последнее чувство сильнее. – Чужд сделавшись всего на свете, предавшись единой скорби своей, думал я взять отставку, думал, занявшись воспитанием детей, посвятить чувствительности остатки дней моих, но и тут встретил препятствие. Государь вошел в положение мое, сперва советовал мне рассеяться, наконец предложил мне путешествие: потом, доведя меня постепенно к согласию, объявил мне волю, чтобы принял я на себя посольство в Японию.

Долго отказывался я от сего трудного подвига; милостивые его при всякой встрече со мною разговоры, наконец призыв меня к себе в кабинет и настоятельные убеждения его, решили меня повиноваться. Я признался ему, что жизнь для меня, хотя тягостна, но нужна еще для детей моих; многие обещал мне милости, но я просил не унижать подвига моего награждениями, которые один успех мне только обещать может, и разговор наш кончился так, что и царь и подданный расстались спокойнее. Он дал слово покровительствовать сирот моих, а я подтвердил ему, что каждый час готов жертвовать жизнью. Вот, любезный друг, что случилось со мною.

Теперь готовлюсь к походу. Два корабля купеческих <«Надежда» и «Нева»>, купленных в Лондоне, отдаются в мое начальство. Они снабжены приличным экипажем; в миссию со мною назначаются гвардии офицеры, а вообще для путешествия ученая экспедиция. Путь мой из Кронштата в Портсмут, оттуда в Тенерифе, потом в Бразилию и обойдя Кап-Горн в Вальпарезо, оттуда в Сандвичевы острова, наконец в Японию и на 1805 год зимовать в Камчатку; оттуда пойду в Уналашку, в Кадъяк, в Принц-Виллиам-Зунд и спущусь к Ноотке, от которой возвращусь в Кадъяк и, нагружаясь товарами, пойду в Кантон, в Филиппинские острова; надеюсь побывать в Батавии и на Малабарском берегу, в Калькуте и, обозрев состояние Батавской и Английской Индейской компаний, возвращаться буду кругом мыса Доброй Надежды. – Предмет моего путешествия относится более до торговли; я должен произвести все возможные опыты, ибо одно из двух судов, со мною назначенных, принадлежит компании <Американской>. В Америке должен я также образовать край тот, сколько позволят мне и время и малые мои способности. Я везу туда семена наук и художеств; со мною посылают обе Академии <Академия Наук и Российская> книги и картины, также и многие частные люди посылают кто книги, кто бюст, кто эстамп, кто картину, кто творения свои, и я желал бы, чтобы имя Русского Лафонтена украсило Американской музеум. Пришли, любезной друг, творения свои при письме, которое положу я там в ковчег, сохраняющий потомству память первых попечителей о просвещении края того. Я прошу вас, как друга, не лишиться меня сего удовольствия. Сделайте мне также чувствительное одолжение, постарайтесь убедить к таковому же подвигу великих мужей века нашего, в Москве пребывание имеющих. Я не именую их для того, что они слишком громки; знаю и то, что сие не прибавит им славы; но кажется мне, что приятно им будет, ежели потомство новых народов возбудится к ним, равно с нами, почтением и благодарностию. Да простят они энтузиазму человека, посвятившего жизнь свою на единую пользу отечества. Я еду Июля 1-го; ожидаю приятного ответа вашего и продолжения дружбы вашей, всегда для меня лестной.

Прощай, любезной друг, будь здоров и благополучен; когда подрастут дети мои, и ты с ними встретишься, скажи им, что знаешь об отце их и матери, помоги советами своими, чтоб были они добрые люди и верные сыны отечества, для которого ими отец их пожертвовал.

Сего единого просит от дружбы твоей, преданный и душею тебя чтущий

Рязанов.

PS. Державин прислал мне сочинения свои в Кадъякскую библиотеку. Не согласится ли кто из Москвичей прислать чтонибудь, чтоб увековечить имя свое? Распусти, любезной друг, слух сей. Все безделки вообще составят знатное собрание. Поговорите университетским.

Адрес мой, в Преображенском полку, камергеру Рязанову в собственном доме. – Я надел придворный кафтан, только не для экосесов».

РА. 1866. № 8–9. Стб. 1331–1334.

1803. Апрель. Петербург.

Выходит в свет книга: «Беккария Разсуждение о преступлениях и наказаниях. Переведено с италиянского на французский Андреем Мореллетом, а с онаго на российский Дмитрием Языковым... – В Санктпетербурге: При Губернском правлении. 1803».

Книга из б-ки Дмитриева, с автографом переводчика, хранится в б-ке МГУ.

Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 500; см.: «Май, 10».

Май (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. IX. № 9) напечатаны:

«*Башмак, или Мерка равенства*»: Басня («Да что ты, долгой, возмечтал?..») – С. 45; подпись: ***;

«*Эпитафия Эпитафиям, сочиненная одним из Авторов Эпитафий*» («Прохожий! Пусть тебе напомнит этот стих...») – С. 46; подпись: ***.

Май, 10. Москва.

По получении от Д. И. Языкова перевода книги «Разсуждения о преступлениях» Беккарии, Дмитриев пишет ему письмо в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Спешу изъявить чувствительную благодарность мою за честь, которую вы сделали мне сообщением прекрасного вашего перевода. Как давно я желал видеть эту книгу на нашем языке! От сердца радуюсь, что пал на нее ваш выбор; не меньше и тому, что вы доказываете мне продолжение вашей приязни, которую навсегда постарается сохранить пребывающий к вам с совершенным почтением ваш, милостивого государя моего, покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. VII. 3. Стб. 1081; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 184.

Май (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. IX. № 10) напечатано стихотворение «*Прохожий*» («Прохожий, в монастырь зашедши на пути...») – С. 129; подпись: ***.

Май ... Июнь(?) (до выхода «Сочинений и Переводов»). Москва.

Дмитриев в письме к Н. П. Рязанову (ответ на письмо от апреля 1803 г.) пишет:

«Приятную для меня вашу комиссию, частично исполнил. М. М. Херасков уже прислал два тома эпических творений, Кадма и Гармонию, и Полидора; завтра отправлю их к вам на тяжелой почте. Карамзин также хотел прислать. Что же касается до меня, то я, дойдя в вашем письме до моего имени, право покраснел, и подумал: что мне послать на ряду с прочими? Что значат мои безделки? – эта лепта в капитал умов российских! Наконец, по совету может быть самолюбия, а более, право, из повиновения к вам, решился отправить мои Басни и Сказки. Пускай ваши Американцы учатся по ним русской грамоте, пока не дойдут еще до риторики и пиитики...».

Морской Сборник, издаваемый от Морского Ученого Комитета. Т. IV. № 7. Июль. СПб., 1850. С. 37.

Датировка условна: Дмитриев высылает «Басни и Сказки»(1798), но ни словом не обмолвился о находившихся в печати «Сочинениях и Переводах», т. е. письмо было написано до выхода в свет «Сочинений и Переводов» (1803).

Июнь (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. IX. № 12) напечатана басня «*Воспитание Льва*» (Сказка из Флориановых Сочинений) («У Льва родился сын...») – С. 239–244; подпись: ***.

На сюжет басни Ж. П. Флориана «L'éducation du lion».

Июнь – Июль. Москва.

Приезд графа Д. И. Хвостова из Петербурга.

Июль. Москва.

В «Моск. Меркурии» (1803. Ч. 3. Кн. седьмая. Июль. С. 35–41) напечатано «Послание к И. И. Д-ву» («Мы в белокаменной вновь свиделись Москве...»). Подпись: Граф Дмитрий Хвостов.

Напечатано с многочисленными ошибками (см: «Моск. Меркурий». Июль. С. 136). Июльский номер «Московского Меркурия» в продажу поступил не ранее 2-го сентября 1803 г.

Июль (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. X. № 14. С. 105–108) напечатано стихотворение П. И. Шаликова «В моем наследии», с подзаголовком: «Автор посвящает сию пиесу И* И* Д*** <И. И. Дмитриеву>» («Не лзя подчас тебе, Фортуна, не сказать...»). Подпись: к. Ш-в.

1803. Август – Сентябрь (не позже 12-го). Москва.

Выходит книга: «Сочинения и переводы И.[вана] Д.[митриева] / Иждивением М. Глазунова. – Москва: В типографии Платона Бекетова. Ч. 1–2. 1803».

Эпиграф: Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

Содержание Части Первой:**Лирические Стихотворения**

К Волге («Конец благополучну бегу!..») – С. 7–10; *Освобождение Москвы* («Примите древния, дубравы...») – С. 11–16; *Ермак* («Какое зрелище пред очи...») – С. 17–23; *Смерть Князя Потемкина* («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 24–27; *Глас Патриота на взятие Варшавы* («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 28–29; *Песнь на день Коронования Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Перваго* («И я питомец Аполлонов!») – С. 30–32; *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молнии нисходит...») – С. 33–34; *Гимн Богу* («Парю душой к тебе, всечтимый...») – С. 35–36.

Смесь

Чужой толк («Что за диковинка!..») – С. 39–44; *Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благородстве* («Скажи, Понтикус, мне, какая польза в том...») – С. 45–52; *Примечания к Ювеналовой Сатире* – С. 52–54; *Послание Аглинского Стихотворца Попа к Доктору Арбутноту* («Иван! запри ты дверь...») – С. 55–70; *К Графу Николаю Петровичу Румянцову* («Что может более порадовать певца...») – С. 71–72.

Надписи

I. *К портрету Ивана Ивановича Шувалова* («С цветущей младости до серебряных влосов...») – С. 73; **II.** *Князя Итальяскаго* («Суворова здесь лик...») – С. 73; **III.** *К его же портрету* («Се Росс, Авгарян бич...») – С. 73; **IV.** *К бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайскаго, поставленной Графом Завадовским в его деревне* («Почтенный лик! когдаб ты был изображен...») – С. 74; **V.** *К памятнику мореходца Шелехова* («Как царства падали к стопам Екатерины...») – С. 74.

Басни

Дуб и Трость («Дуб с тростию вступил...») – С. 77–78; *Петух, Кот и Мышонок* («О дети, дети! как опасны ваши лета!..») – С. 78–79; *Змея и Пилявица* («Как я несчастна...») – С. 80; *Ласточка и Птички* («Летуныя ласточка и там и сям бывала...») – С. 80–82; *Два друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – С. 82–83; *Летучая Рыба* («Есть рыбы, говорят, которые летают...») – С. 83–84; *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители в преданиях своих...») – С. 84–85; *Чижик и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 86–87; *Осел, Обезьяна и Крот* («Не диво ли? осел вдруг ипохондрик стал...») – С. 87; *Старик и трое Молодых* («Один старик в саду рыл яму и кряхтел...») – С. 88–89; *Жаворонок с детьми и Земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 89–91; *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 92; *Совесть* («Не тигр, а человек, – и сын ... убил отца!..») – С. 92–93; *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 93–94; *Дряхлая Старость* («Возможно ли, как в тридцать лет...») –

С. 94–95; *Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто царедворцы...») – С. 95–96; *Молитвы* («Благочестивый муж стоял в предверьи храма...») – С. 96–97; *Нищий и Собака* («Большой боярский двор собака стерегла...») – С. 97; *Шарлатан* («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») – С. 98; *Прохожий* («Прохожий в монастырь зашедши на пути...») – С. 98–99; *Башмак, мерка равенства* («Да что ты, долгой, возмечтал?...») – С. 99; *Книга* («В начале мирозданья...») – С. 99–100; *Кокетка и Пчела* («Прелестная Лизета...») – С. 100–101; *Два Голубя* («Два голубя друзьями были...») – С. 101–104; *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь прогуливаясь в поле...») – С. 105–106; *Магнит и Железо* («Природу одолеть, превыше наших сил...») – С. 107.

Содержание Части второй:

Сказки

Модная жена («Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!..») – С. 7–13; *Воздушные башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – С. 14–19; *Картина* («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 20–23; *Желания* («Сердися Лафонтен иль нет...») – С. 24–26; *Пустынник и Фортуна* («Какой-то добрый человек...») – С. 27–28; *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку фортуны не искал?...») – С. 29–32; *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 33–44; *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 45–48.

Смесь

Тибуллова Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 51–54; *К*** О выгодах быть любовницею Стихотворца* («Прелеста! веселись; мой рок уже решился...») – С. 55–58; *Счет поцелуев* («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 59–60; *Признание* («Темира! виноват, ты точно отгадала...») – С. 61; *Сила Любви* («Кто в страсти не ревнив...») – С. 62; *К*** При сообщении ей других стихов* («Дельфира! вот стихи, которых ты желала...») – С. 63–64; *Наслаждение* («Всяк в своих желаньях волен...») – С. 65–66; *Элегия* («Коль надежду истребила...») – С. 67; *К Хлое* («Всех цветочков боле...») – С. 68; *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке...») – С. 69; *Спор на Олимпе* («Прочь слабое дитя...») – С. 70; *Песни. I*. «Видел славный я дворец...» – С. 71–72; *II*. «Други! время скоротечно...» – С. 72–73; *III*. «Без друга и без милой...» – С. 73–74; *IV*. «Тише, ласточка болтлива...» – С. 74–75; *V*. «Бедно сердце! как решится...» – С. 75–76; *VI*. «Ах! когдаб я прежде знала...» – С. 76–77; *VII*. «Пой, скажи, кружись Параша!..» – С. 77–78; *VIII*. «Куда мне, сердце страстно...» – С. 78–79; *IX*. «Что с тобою, ангел стало?...» – С. 80; *X*. «Стонет сизый голубочик...» – С. 81–82; *Подражание Петрарку* («Поверит ли кто мне?...») – С. 83; *Совет* («Юности! юности! веселися...») – С. 84; *Мадригалы. I*. «Нет! Хлоя, не могу я страсти победить...») – С. 85; *II*. «По чести, от тебя не можно глаз отвести...») – С. 85; *III*. «Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...») – С. 85; *Надписи к Портретам. I*. «Что мне об ней сказать?...» – С. 86; *II*. «Лишь взглянешь на нее...» – С. 86; *III*. «Вот мой тебе портрет...» – С. 86; *VI*. «Я лучшей не могу хвалы ему сказать...» – С. 86; *V*. «Вот милый всем творец!..» – С. 87; *VI*. «Янтарная заря, румяный неба цвет...» – С. 87; *К Венереной статуе*. Из Антологии («Парис и Марс – о том ни слова...») – С. 88; *Эпиграмма*. Оттудаж («Леандр в последний раз возникнув...») – С. 88; *К*** которая хотела испортить часы* («Ах! Лиза, мне ль за то сердиться...») – С. 89; *Слабость* («Мне Хлоя сделала решительный отказ...») – С. 89; *Отъезд* («Простите Лары и Пенаты...») – С. 90–92; *Каррикатура* («Сними с себя завесу...») – С. 93–97; *Загадка* («Нет голоса во мне...») – С. 98; *Близнецы* («Кого вам надобно?...») – С. 99; *Амур и Дружба* («Сестрица, душенька...») – С. 99; *История Любви* («Любовник в первый день...») – С. 100; *Супружняя Молитва* («Один предобрый муж...») – С. 100; *Эпиграммы. I*. «Мне лекарь говорил...» – С. 101; *II*. «За что Ликаста осуждают...» – С. 101; *III*. «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...» – С. 101; *IV*. «Я разорился от воров...» – С. 101; *V*. «Увы! Дамон кричит, мне Нина не верна!..» – С. 102; *VI*. «О Бардус! не глуши...» – С. 102; *VII*. «Хорош бы Фока был...» – С. 102; *VIII*. «Он врал...» – С. 102; *Надписи к Портретам. I*. «Глядите: вот Ефрем! домашний наш маляр...» – С. 103; *II*. «Какой ужасный, грозный вид!..» – С. 103; *III*. «Смейтесь, смейтесь, что я шую...» – С. 103; *IV*. «Чей это, Боже мой! порт-

рет?..» – С. 104; V. «И это человек...» – С. 104. *Эпитафии*. I. «Здесь Бригадир лежит...» – С. 105; II. «В надежде будущих талантов...» – С. 105; *Эпитафия Эпитафиям* («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...») – С. 105; «Покорствуя судеб уставу...» – С. 106; *Быль* «Даруй мне, Муза, тон согласный...» – С. 106–107; *К Младенцу* («Дай собой налюбоваться...») – С. 108–110; *К NN... на вызов ее написать стихи* («Ах! когда бы в древни веки...») – С. 110–112; *К**** («Какое зрелище для нежных души!..») – С. 112–114; *К ней же в день ее рождения* («Вступая в новый год, любезная Климена...») – С. 114; *К Маше* «Я не Архангел Гавриил...» – С. 115; *Надписи*. I. *К Портрету древняго Рускаго Историка Нестора* («Постигнув с юных лет тщету...») – С. 116; II. *Михайлы Матвеевича Хераскова* («Пускай от зависти сердца...») – С. 116; III. *Гаврилы Романовича Державина* («Державин в сих чертах блистает...») – С. 117; IV. *Н–А–В* («Воспитанник любви и счастья богини...») – С. 117; *Надгробия*. I. «Когда и дружество струило...» – С. 118; II. *В–И–С* («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...») – С. 118; III. *И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки* («Привесьте к урне сей, о Грации! венец...») – С. 118; IV. Ему же («В спокойствии, в мечтах...») – С. 119; V. Ему же («На урну преклоняюсь...») – С. 119; VI. *Ф–М–Д* («Любезнаго и прах...») – С. 119; VII. *В–А–В* («Здесь тихая могила...») – С. 120; *Экспромт на игру Дица* («Что слышу, Диц!..») – С. 120; *К Ф–М–Д***. Сочинившему голос на песню мою: Голубок* («Нежный ученик Орфея...») – С. 121; *Стансы к Н–М–К**** («Прочь от нас Катон, Сенека!..») – С. 122–124; *К Г–Р–Д*** по случаю кончины первой супруги его* («Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой...») – С. 125–126; *К Н–М–К**** («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 127–130; *Грусть* («Влекомо унынием сердечным...») – С. 131–132; *К Друзьям моим по случаю первого с ними свидания после моей отставки* («В Москве ль я, наконец?..») – С. 133–135.

Сентябрь, 12. Москва.

Дарственная запись на шмуцтитуле первой части «Сочинений и переводов И.[вана] Д.[митриева]. Москва, 1803»: «Любезному брату Платону Петровичу [Бекетову] от автора. Москва. 1803. Сентября 12 дня».

Книга хранится в Государственной публичной исторической библиотеке (см.: Каталог коллекции авторских надписей (издания XVIII–XIX вв.) / Сост. Л. Б. Шицкова. М., 1994. № 72).

Сентябрь, 20. Москва.

Дарственная запись на экз. «Сочинений и переводов И. Д.» (М. 1803. Ч. 1–2): «Ея превосходительству милостивой государыне Анне Григорьевне <Северинной?> от автора, 1803 года, сентябрь 20 дня».

Книга хранится в РГБ (№ МК IV–10524). В 6-ке МГУ хранится экз. из 6-ки Дмитриева(ых) (см.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 2392).

Сентябрь, 28. Москва.

Письмо Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву в Петербург:

«Милостивый Государь Михайло Никитич!

Имея доказательства вашего ко мне благорасположения, а более всего, уверенный в вашей любви ко славе отечества и Русской словесности, беру смелость говорить вам о моем положении.

Будучи весьма не богат, я издавал журнал с тем намерением, чтобы, *принужденною* работаю пяти или шести лет, купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы – одним словом, сочинять Русскую Историю, которая с некоторого времени занимает всю душу мою. Теперь слабые глаза не позволяют мне трудиться по вечерам и принуждают меня отказаться от *Вестника*. Могу и хочу писать Историю, которая не требует поспешной и срочной работы; но еще не имею способа жить без большой нужды. С журналом я лишаюсь 6000 руб. доходу. Если Вы думаете, Милостивый Государь, что Правительство может иметь некоторое уважение к человеку, который способствует успехам язы-

ка и вкуса, заслужил лестное благоволение Российской публики, и которого безделки, напечатанные на разных языках Европы, удостоились хорошего отзыва славных иностранных литераторов: то нельзя ли при случае доложить Императору о моем положении и ревностном желании написать историю не варварскую и не постыдную для Его царствования? Во Франции, богатой талантами, сделали некогда Мармонтеля *историографом* и давали ему пенсию, хотя он и не писал истории: у нас в России, как вам известно, не много истинных авторов. Если галиматья, под именем *Корифея*, печатается на счет казны; если перевод Анахарсиса удостоился вспоможения от Правительства: то для чего же, казалось бы, не поддерживать автора, уже известного в Европе, трудолюбивого и пылающего ревностию ко славе отечества? Хочю не избытка, а только способа прожить пять или шесть лет: ибо в это время надеюсь управиться с историею; и тогда я мог бы отказать от пенсии: написанная история и публика не оставили бы меня в нужде. Смее думать, что я трудом своим заслужил бы профессорское жалованье, которое предлагали мне Дерптские Кураторы, но вместе с должностию неблагоприятною для таланта.

Сказав все и вручив вам судьбу моего авторства, остаюсь в ожидании снисходительного ответа. Другого человека я не обременил бы такою просьбою; но вас знаю, и не боюсь показаться вам смешным. Вы же *наш* попечитель – Господин Чеботарев, ректор, предложил мне быть членом Московского Университета: честь, которую я вам обязан, и за которую изъявляю искреннюю благодарность. – Университет оживился. Публичные лекции привлекают многих слушателей и без сомнения распространяют вкус к наукам.

С душевным высокопочтением имею честь быть Милостивый Государь,
Вашим покорнейшим слугою

Николай Карамзин.

П. П. Я живу на малой Дмитровке, в доме Мосолова».

Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву // *Москвитянин*, 1845. Ч. I. С. 1–3.

«именем Корифея...» — «Корифей, или Литературный ключ», журнал, издававшийся Я. А. Галинковским с 1802 по 1807 годы. Заклучал в себе статьи, преимущественно по теории словесности. В словах Карамзина все достоинства этого журнала. Дмитриевым была написана эпитафия «На Журналы» (Как этот год у нас журналами богат...)» (*РА*. 1867. Стб. 986) (см.: «1805» и «1807»).

И. И. Дмитриев вспоминал: «...некоторым образом имел влияние на его <Карамзина> историю, на его собственную и отечественную славу. Он уже давно занимался прохождением всемирной истории средних времен; с прилежанием читал всех классических авторов, древних и новых; наконец прилипился к отечественным летописям... Между тем он часто говаривал мне, что ему хотелось бы писать отечественную историю; но в положении частного человека не смеет о том и думать: пришлось бы отстать от журнала, составляющего значительную часть годового его дохода. Я советовал ему просить звание Историографа; он считал это невозможным, говоря, что по обычаю моего все вижу в розовом цвете. В продолжении времени несколько раз возобновлялась речь о том же, и я все говорил ему одно и тоже: проситься в Историографы. Наконец он уступил моим советам, избрав ходатаем своим Михаила Никитича Муравьева, бывшего тогда Статс-Секретарем и Попечителем Московского Университета» (*Дмитриев*, 1866. С. 82).

Н. Д. Иванчин-Писарев в 1845 г. в письме к М. П. Погодину вспоминал: «...Над письмами Карамзина к Муравьеву я плакал, плакал как русский, как литератор и читатель подвигов на поприще Истории. Жаль, что сообщитель сих писем <напечатанных в «Москвитянин»> не знал, что подвижником к этой переписке был И. И. Дмитриев: он настоял, *насел* на Карамзина, чтобы писать первое письмо к Муравьеву...» (*Барсуков*, 1888. Т. I. С. 15; *Погодин*, 1866. Т. II. С. 17)

Сентябрь. Москва.

Кн. Шаликов по получении в дар от И. И. Дмитриева «Сочинений и Переводов» пишет и печатает в «Моск. Меркурии» (1803. Ч. 3. Кн. девятая. Сентябрь. С. 193) четверостишие «На книгу И* И* Д*» («Нет, более уже ни слова не скажу...»), с подзаголовком: «Которую Автор получил от него в подарок». Подпись: К. Ш—въ <Князь Шаликов>.

В продажу этот номер «Моск. Меркурия» поступил не ранее 9-го декабря. В «Уведомлении», напечатанном в этом же номере сообщается, что «Меркурий прекратится с нынешним годом. Десятая книжка печатается; одиннадцатая выйдет в декабре, а последняя неотменно в январе» (С. 213).

Октябрь, 19. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Приятное для меня письмо ваше я имел удовольствие получить; спишу как за него, так и за доставление мне журнала принести вам искреннюю благодарность мою. Позвольте же и мне отдарить вас моими перекрещенными *безделками*, которые при сем вам посылаю. Вы очень одолжите меня, если возьмете на себя труд доставлять мне и продолжение журнала, который по многим причинам для меня интересен. Коль скоро я узнаю проспекта другого журнала, то не премину прислать к вам деньги и на него, с просьбой вас о доставлении. Как я рад, что словесность наша расшевелилась!

Простите, любезный Дмитрий Иванович; я в здоровье моем день ото дня хилее, но в почтении моем к вам пребуду всегда непреходящим покорнейшим слугою. Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1082—1083; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 184—185.

1803. Сентябрь ... Октябрь. Москва.

Получает из Петербурга от Д. И. Языкова вторую книжку альманаха «Свиток Муз», изданный «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств».

Октябрь, 31. Петербург.

Именной Указ Александра I: «Как известный писатель, Московского Университета почетный член, Николай Карамзин изъявил нам желание посвятить труды свои сочинению полной Истории отечества нашего, то Мы, желая ободрить его в толь похвальном предприятии, Всемилостивейше повелеваем производить ему, в качестве Историографа, по две тысячи рублей ежегодного пенсионна, из кабинета нашего...».

Погодин, 1866. Т. I. С. 397.

Ноябрь, 7. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо от Дмитриева:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Приятный для меня подарок вашего почтеннаго общества я имел удовольствие получить; покорнейше вас прошу уверить господ членов его, в искренней моей к ним признательности. Я от сердца радуюсь успехам нашей поэзии, и желал бы, очень желал бы познакомиться лично с г. Востоковым. Его *Осень*, *Кантата*, *Телема* и *Макар* прекрасны. Вы знаете мою искренность: видя в нем истиннаго поэта, желал бы я только, чтоб он убегал низких слов, както: *истомить*, вместо *утомить*, *подмога* и еще некоторые, да исправнее был в рифмах. Пиеса чем совершеннее, тем более славы для автора.

Простите, любезный мой корреспондент! Будьте благополучны и верьте, что я с совершенным почтением навсегда имею честь быть вашим покорнейшим слугою.

Иван Дмитриев.

NB. Недавно я нашел мое имя в переводе Лонгинова трактата. Не имея удовольствия быть лично знаем г. Мартыновым, тем большую приношу ему благодарность мою. Дошли ли до вас мои стихотворения? Уже две почты, как я отправил их».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1082—1083; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 185.

Стихотворения Востокова, названные Дмитриевым, помещены в 1-й книжке «Свитка Муз» и носят названия: «Осеннее утро» и «Кантата к Луне».

Под переводом «Лонгинова трактата» Дмитриев разумеет: «Дионисий Лонгин. О высоком или величественном», пер. с греч. Ив. Мартынова. (С.Пб. 1803). На с. 103 переводчик говорит, между прочим, что «в храм бессмертия Дмитриев будет принят Лафонтеном».

Ноябрь(?) – Декабрь. Москва.

Читает «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова.

Декабрь, 21. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо из Москвы от Дмитриева:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Письмо ваше и при нем третий номер журнала я имел удовольствие получить и спешу за то и другое изъявить вам благодарность мою. Но долго ли вам подчивать меня гостинцами? Вы меня избалуете, мне право совестно. Я хочу подписаться на *Петербургский Журнал* <С.-Петербургский Журнал, издаваемый мин. вн. дел (1804–1809)>, *Вестник* <Северный Вестник, издаваемый И. И. Мартыновым (1804–1805)>, также и на ваше *Периодическое издание* <«Периодическое сочинение о успехах народного просвещения». Издание департ. нар. просв. (1803–1819)>; но как я не знаю, сколько за последнее вносят денег, то прошу вас сделать мне одолжение уведомить о цене его и позволить мне прислать их на ваше имя. Недавно я прочитал *Разсуждение о старом и новом российском слоге*. Не грех ли вам, петербургским нападать на наших московских? Право, нам еще рано браниться. Но мне грустно далее о том говорить, лучше поздравляю вас с переменою чина; дай Бог, чтобы я чаще имел это удовольствие! А между тем прошу вас быть уверенным в душевном почтении, с которым есть и навсегда к вам пребудет покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1083–1084; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 185–186.

Декабрь, 28. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Спешу изъявить вам благодарность мою за приятное ваше письмо и за все ваши уведомления об нашей литературе. Нетерпеливо буду ожидать первого номера вашего *Вестника*, на который и деньги при сем посылаю к вам в особливом пакете. На политический *С.-Петербургский Журнал* я еще до письма вашего взял билет здесь у Глазунова; а Бекетова журнал <«Друг Просвещения»> стану <вместо зачеркнутого буду> пересылать к вам каждый месяц, то есть я намерен <это слово написано сверху зачеркнутого буду> делиться с вами тем экземпляром, который буду для себя получать. Начто платить лишние деньги? Вы, конечно, заметите три раза моих *буду*, но что делать? Это обыкновенный мой слог в письмах. Пишу же так неопратно, что после самому стыдно.

Простите, любезный Дмитрий Иванович! Верьте искренней приязни и почтению, с которыми навсегда к вам пребудет покорнейший ваш слуга

Дмитриев.

Р. S. Я мысленно сказал тысячу раз спасибо гг. академикам».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1085–1086; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 186–187.

Декабрь, 30. Москва.

Поступила в продажу десятая (октябрьская) книжка «Моск. Меркурия» (Ч. 4. Кн. десятая. Октябрь), в которой напечатана статья П. И. Макарова «Сочинения и переводы Ивана Дмитриева. М. 1803...» («Кто не знает Рускаго ла Фонтена? Кто не читал книги его скромным название Безделки?...Ныне та же книга напечатана с прибавлением новых пиес...») (С. 56–70). Здесь же напечатано «Новое путешествие в Малороссию» кн. Шаликов (С. 3–43). На с. 14–19 помещено стихотворение «Не лъзя под час тебе, Фортуна не сказать...»

(«...стихи, посвященные мною нашему Лафонтену, любезнейшему душе моей человеку И. И. Дмитриеву»).

Одиннадцатая книжка «Моск. Меркурия» поступила в продажу 13 февраля 1804 г., а двенадцатая — 23 апреля 1804 г.

Декабрь. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. XII. № 23/24) напечатаны две басни:

Каретныя лошади («Две лошади везут карету...») — С. 209; подпись: ***.

Перевод басни Б. Имбера «Les chevaux de carosse».

Путешествие («Начать до света путь и ощупью идти...») — С. 210; подпись: ***.

Перевод басни Ж. П. Флориана «Le Voyage».

1803. Москва.

Пародия на слова: Сотворивший небо и землю, тот, который и проч. рек, сотворил нам бессмертного и — Петра Великого, явился, и творец всплескал творению своему. Храм славы сгромождения П. Ю. Львова («Седящий на мешках славено-русских слов...»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 351. См. «1807. Ноябрь, 18».

Львов П. Ю. Храм славы российских героев от времени Гостомысла до царствования Романовых. СПб., 1803. Отрывок, вызвавший насмешку Дмитриева на с. XXXII—XXXIV.

1803. Москва.

На смерть Ипполита Федоровича Богдановича (« — “О чем ты сетуешь, прелестная Харита?..”»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 432, 457. См. «1807. Ноябрь, 18».

1801–1803. Москва.

Выходит в восьми частях второе изд. «Московского Журнала» (1801: Ч. 1–4 (1791), Ч. 5–6 (1792); 1803: Ч. 7–8 (1792)).

1803.

Часть С е д ь м а я

Часть С е д ь м а я. Месяц Июль: *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») — С. 10–13; подпись: И.

Часть С е д ь м а я. Месяц Август: *Пчела, Шмель и Я* («Шмель роясь в навозе...») — С. 119; подпись: И.; *Гимн восторгу* («Восторг, восторг, душа Поэта!..») — С. 120–121; подпись: И.

Часть С е д ь м а я. Месяц Сентябрь: *Бабушкина Песня* («Ах! когда б я узнала...») — С. 278–279; подпись: И.

Часть В о с ь м а я.

Часть В о с ь м а я. Месяц Октябрь — Ноябрь: *Картина. Сказка* («В час исполнены толькая отрады...») — С. 7–14; подпись: И.

Часть В о с ь м а я. Месяц Декабрь: *Быль* («Чума и Смерть вошли в великолепный град...») — С. 164–167; подпись: Д.; *К Хлое* («Дрожащею рукою...») — С. 197–198; подпись: И.; *Голубок (Подражание Анакреону)* («Прекрасный голубчик! скажи мне отколе...») — С. 199–200; подпись: И.; *К младенцу (Подражание)* («Дай собой налюбоваться...») — С. 200–203; подпись: И.; *Наслаждение* («Всяк из нас в желаньях волен...») — С. 210–211; подпись: И.; *Песня* («Тише, ласточка болтлива...») — С. 211–212; подпись: И.; *Пустынник и Фортуна. Сказка* («Какой-то доброй человек...») — С. 233–235; подпись: И.

1803 – Ноябрь, 18. 1807. Москва.

Пародия на Шаликову эпитафию И. Богдановичу («Любовь любовью пленилась...»).

Пародия на эпитафию И. Ф. Богдановичу кн. П. И. Шаликова «Любовь у Душеньки в плену любви была...». (ВЕ. 1803. Т. 8. № 6. С. 140).

Впервые: РА, 1867. Стб. 985, под заглавием «Пародия» и с измененным М. Н. Лонгиновым вторым стихом: «И с Душенькой соединилась» вместо «совокупилась» как у Дмитриева. Авторское название впервые указано В. П. Степановым (Степанов В. П. С. 261).

1803(?) – 1812, 13 июня.

Неизвестным лицом составляется рукописный сборник стихов. В сборнике помещены стихотворения Дмитриева: «*Могила*» («Здесь тихая могила прах юноши взяла...») – Л. 21; «*Истукан и Лисица*» («Осел, как скот простой...») – Л. 23 об.; «*Песнь на кончину князя Потемкина-Таврическаго*» («Уныл внезапно лавр зеленый...») – Л. 24 об., переписана только одна строфа.

Стихотворения, Романсы, Поэмы и Драматические сочинения. XVII – первая треть XIX в. / Описание рукописного отдела библиотеки Академии Наук СССР. Т. 4. Вып. 2. Л., 1980. С. 219–222. Шифр хр.: Успенск. 124. На л. 42 помещена копия рескрипта имп. Александра I на имя графа Н. И. Салтыкова из Вильны от 13 июня 1812 г. о нападении франц. войск на Россию.

1804

Январь. Петербург.

Выходит в свет 1-й номер журнала «Северный Вестник» (изд. И. И. Мартынов), открывший «брань» против «Рассуждения о старом и новом слоге российкаго языка» А. С. Шишкова. В этой книжке журнала напечатано «апологетическое» объявление о только что вышедшей первой части «Сочинений и переводов» Дмитриева. Было обращено особое внимание на новую басню «Мышь, удалившаяся от света», перепечатанную здесь же целиком (С. 29).

Январь. Москва.

Выходит в свет первая книжка журнала «Друг Просвещения. Журнал Литературы, наук и художеств» (издатели: гр. Д. И. Хвостов, П. И. Голенищев-Кутузов и Г. С. Салтыков). Издавался при финансовой поддержке П. П. Бекетова и печатался в его типографии.

В 1-й номер журнала Дмитриев передал автограф М. В. Ломоносова (см.: Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива Ломоносова. Л., 1975. С. 120).

Февраль, 11. Четверг. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Николай Федорович Муравьев, слышав от вас, пересказал по приязни Ушакову <Аполлону Александровичу>, бывшему в межевой канцелярии прокурором, что жена его, живущая с ним в несогласии и порознь, сочинила и отдала, будто для поправления в штиле, жизнь свою Николаю Михайловичу Карамзину, который отдает оную в печать, как известный писатель. В сей жизни будто г-жа автор описывает не токмо мужа, но и отца и мать свою самыми дурными красками. Сие уже здесь известно. Не незнакомы также и мне поведение всех, правила и образ жизни, особливо двух последних: первого, по департаменту юстиции, в котором он был у меня экспедитором, а второго, по сенаторству. Я вас уверяю, что они ни мало не похожи на тех злых или смешных героев, которых бы в романах на позор публики выставлять можно было; но они самые мирные и честные люди. Итак всякая таковая на них сатира будет совершенный пасквиль и по черноте клеветы своей не думаю, чтобы нашла одобрителей, кроме людей легкомысленных, а особливо по известности теперь, что злословятся им дочерью родители. Я ее описывать вам не хочу, а коротко скажу, что она изрядная птица, которую другой отец, не столь мягкосердечный, давно бы запер в клетку. Теперь сие легко и случиться может, что когда по таковому роману обратит публика на него глаза и он известен кем и как роман писан, то прибегнет к правительству, которое короткой даст суд отцу с дочерью; и вспомогателям также будет стыдно.

Итак, ежели дошедшая сюда история справедлива, остерегите по дружбе Николая Михайловича, чтобы он не вмешивался в сии сплетни и не давал веры развращенной женщине, которая поведением своим уже давно известна. Пребываю и проч.

Р. С. Я пишу о сем коротенько Николаю Михайловичу и Михаиле Матвеевичу <Хераскову>: ибо его, по Брянчанинову, замешивают в сию низость».

Державин, 1871. Т. 6. С. 146–147. Это письмо писано Державиным вследствие ложных слухов (Примеч. Я. Грота).

Февраль, 17. Среда. Москва.

Дмитриев пишет письмо к Г. Р. Державину в Петербург.

Державин, 1871. Т. 6. С. 147.

Февраль, 24. Среда. Москва.

По получении 1-го номера «Северного Вестника» Дмитриев пишет письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Благодарю вас за приятное письмо ваше; очень рад, что басенка моя <«Ружье и Заяц»> заслужила внимание; рад и тому, что еще не напечатана, ибо я, перечитывая ее, нашел некоторые неисправности, которые в прилагаемом при сем списке поправил; поправки означены чертою. Я надеялся на сей почте получить и второй номер; нетерпеливо желаю его видеть. Простите, будьте здоровы и продолжайте любить покорнейшего вашего слугу Ив. Дмитриева».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1085.

К письму была приложена переписанная самим Дмитриевым басня «*Ружье и Заяц*». Против стиха «*Трусливых наберешь немало*» он заметил: «*трусов против ударения*», а против стиха: «*От бургомистра до щенка*» — «*соглашусь даже: от скорохода*. Это еще игривее. Отдаю на волю госп. Изд.» С этими поправками стихотворение было напечатано в «Северном Вестнике» (см.: «1804. Март»).

Февраль, 28. Воскресенье. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Благодарю в-[аше]го пр. за письмо ваше ко мне, от 17 числа настоящего месяца пущенное. Из него легко видно, что это из невинного приятельского разговора, по усугубленным пересказам и ложным слухам, произошла сплетня, которая потревожила здесь отца. Он, увидя письма: ваше, Михаила Матвеевича <Хераскова> и Николая Михайловича <Карамзина>, убедился в истине, что это дошел до него вздор, просит извинения и тем самым сия искра неприятности угасла, будучи никому не известно. Он успокоился, и вы будьте покойны. Дошел сюда приятный слух, что нашего полку прибыло; но как еще не знаю правда ли, то и не осмеливаюсь вас поздравить. Я уверен, что вы меня сделаете участником в благополучии вашем и уведомите. Обременяю вас просьбою: покорно прошу вас доставить ко мне все московские журналы или ежемесячные сочинения, на сей год выпешшие и выходящие, и уведомить о цене. Я с благодарностию моею тотчас деньги пришлю. Г. Ши. <Шишков> вызывал меня в разговорах на похвалу своей критики <«Разсуждения о старом и новом слоге»>, сделанной им на счет новых писателей и, как кажется, более Ни.[колая] Ми.[хайловича] <Карамзина>. Я ему отвечал, что я не грамматик, о всех тонкостях языка судить не могу; но мне кажется, что слишком пристрастны его рассуждения. Он отошел с неудовольствием. Я желаю Ни. Ми. такого же успеха в истории, как в изданных им творениях; но боюсь подражателей его, что они, выказывая свои таланты, сияются слишком проповедывать те правила, которых следствия опасны. Мы видим тому примеры. Не быв в делах, они все легко принимают и ищут только блестящего. Но мудрость заключается в середине крайностей».

Державин, 1871. Т. 6. С. 147–148.

«Дошел сюда приятный слух...» — Державин понимает слухи о предполагавшейся женитьбе Дмитриева, но на ком? На А. П. Буниной или на Н. Я. Плюсковой? В 1790-х годах он должен был жениться на Анне Львовне Пушкиной (Примеч. Я. Грота). См. стихи его «О выгодах быть любовницею стихотворца» (М., 1818. Ч. II, с. 80).

Февраль, 29. Понедельник. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо Дмитриева от 24 февраля и правленую рукопись стихотворения «Ружье и Заяц».

Помета Д. И. Языкова на письме от 24 февраля: «Получено в Петербурге 29 февраля 1804».

Февраль. Москва.

В «Друге Просвещения» (№ 2. С. 108–109) Дмитриев печатает басню «*Амур, Гимен и Смерть*» («Амур, Гимен со Смертью строгой...»); подпись: Д-в.

Вацуро, 1989. С. 142; в «Дмитриев, 1967» эта басня датирована 1805 г. (С. 383).

Март. Петербург.

В «Северном Вестнике» (Ч. 1. № 3. С. 473) напечатана басня «*Ружье и Заяц*» («Трусливых наберешь не мало»); криптограмма; перевод из Imbert: «Le fusil et le lièvre».

Примечание издателей: «Хотя сочинитель сей басни и желает остаться неизвестным, но несмотря на то читатели узнают его. Издателям остается только благодарить его за присылку сего нового произведения и просить о продолжении украшать журнал их своими сочинениями».

Апрель, 23. Москва.

Выходит в свет декабрьская (за 1803 г.) книжка «Моск. Меркурия» (Ч. 4), в которой в разделе «Смесь» напечатано «Послание к *** <И. И. Дмитриеву>» («Не раз, к нещастию, потупя томный взор...») (С. 149–153; подпись: к. Ш-в <кн. П. И. Шаликов>). Здесь же напечатаны стихотворения Дмитриева:

Эпиграмма («Поэт Оргон, хваля жену свою не вмеру...») – С. 154; подпись: Перевел с Французскаго ***.

Перевод эпиграммы Ж. Ф. Ришара «Orgon, poète marital...».

Люблю и любил («Люблю – есть жизнью наслаждаться...») – С. 154; подпись: ***;

Отдых Соловья («Умолк соловушко! конечно бедный болен...») – С. 155; подпись: ***.

Перевод басни Ж. Буасара «Le silence du rossignol...».

Апрель, 24. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель (втор. пол.). Москва.**

В «Вестнике Европы» (Ч. 14. № 8. С. 312–317) напечатана статья Г. В. Герасова «Николай Исаевич Ахвердов, или Нечто о потомстве Ломоносова». В тексте на с. 316 помещено стихотворение И. И. Дмитриева «На высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом I потомству М. В. Ломоносова» («О радость! дайте, дайте лиру!..»). Заглавие стихотворения помещено в подстр. примеч.

1804. Май. Москва.

Дмитриев читает в «Патриоте» в отделе библиографических известий (С. 232–241) критику В. В. Измайлова на драму Н. И. Ильина «Великодушные или рекрутский набор». Измайлов особенно упрекал Ильина за изображение «людей, которых состояние есть последнее в обществе, которых мысли, чувства и самый язык весьма ограничены и которых дела не могут служить нам ни наставлением, ни примером», и вместе с тем находит, что таким образом автор поневоле «украшает простой язык крестьян, удаляется от истины, от природы, и заставляет говорить своих героев языком им несвойственным». А с другой стороны «не может ли всегашнее подражание простонародным выражениям иметь вредного влияния на слог и язык самого автора?».

Июнь, 5. Воскресенье. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву(?).

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Письмо ваше получил и радуюсь, что вам понравились безделушки, в анакреонтическом тоне написанные. Благодарю за рассылку экземпляров некоторым гг. Они удостоили меня своими стихами, или журналами: то и должен был отплатить тем же продуктом. Гр. Хвостов нарочным письмом выпросил у меня позволение напечатать в своем журнале *Колесницу и Фонарь* <в «Друге Просвещения», упо-

минаемые здесь стихи были напечатаны в 3-ей части этого журнала». Я позволил. В самом деле, куды как *зажурналилось*, и по привычке к рифме хочется сказать: *затуманилось*, вместо света, которого ожидали. Например, я весьма не похваляю г. Измайлова, что он так напал в своей цензуре, несправедливо и неискусно на Ильина, человека молодого весьма с хорошими дарованиями. И кто дал право на этот диктаторский тон?.. Также читал я и все те стихотворения в переводе, о коих вы пишете, и, между нами сказать (что это никуда на сторону не выйдет), весьма удивляюсь, особливо Пиндаровым одам!!! соображая их только с немецким прозаическим переводом! Что ж скажут знающие язык греческий!? как то и случилось, что при чтении их некто проворчал:

Пиндар бросал и молнии и громы;
Кутузов же зажег пучок соломы.

В дружеском удостоверении, что это между нами останется, пребываю с истинным почтением и проч.

Г. Державин.

Р. С. Ежели захотите, то письма свои ко мне, адресуйте в Чудов Ям к почталиону, ибо я лето целое проживу в деревне, называемой Званка, в Новгородском уезде».

Державин, 1871. Т. VI. С. 153–154.

1804. Июнь (в первых числах?). Москва.

Отъезд в с. Богородское (Сызранский уезд, Симбирская губерния).

В Богородском Дмитриев пробыл, вероятно, до начала сентября.

Июль, 7. Четверг. Рязань.

А. Ф. Мерзляков спрашивает в письме В. А. Жуковского: «Пишешь ли ты к Дмитриеву? Он один раз был у меня на лекции».

РА. 1871. Стб. 0148.

Июль 9 (в посл. числах) ... Август, не позже 3-го. Село Богородское (Симбирская губ., Сызранский уезд).

Получает от Д. И. Языкова письмо и два номера журнала «Северный Вестник».

Июль. Петербург.

В «Северном Вестнике» (1804. Ч. 2. № 7. С. 169) напечатана рецензия на 1-ю часть книги М. И. Антоновского «Сердце и законы Екатерины Великия самодержицы всероссийской, / Почерпнутыя из ея изустных изречений, писаний и законодательства Михаилом Антоновским. — В Санктпетербурге: При Морской типографии, 1804».

Книга с дарственной надписью М. И. Антоновского И. И. Дмитриеву хранится в б-ке МГУ (см.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 2. № 2624, в печати. За сообщенные сведения благодарю И. Л. Карпову, ст. науч. сотр. НИО редких книг (Музея книги) РГБ).

Август, 3. Среда. Село Богородское (Симбирская губ., Сызранский уезд).

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Чувствительно благодарю вас за приятное ваше письмо и сообщение двух журналов; все это получил в деревни за 800 верст от Москвы, где нахожусь уже два месяца. В собственном вашем журнале не хотел бы, признаюсь, видеть Карлу. Так ли пишут анекдоты? Так ли должны писать члены Российской Академии? Ежели перевести на иностранный язык, то, право, будет к стыду нашей литературы. Какое неравенство, какие неприличности! Заметьте, например, пышное описание Петербурга, и после другой период начинается: Карла не умней ни на волос! Карамзин и даже Измайлов не члены Академии, а, право, написали бы лучше. Но я слишком разговорился в жару любви моей к литературе.

Теперь приступаю к вам с просьбою: у Бувита продается *Histoire du 16 siècle, par Linguet* и журнал политехнической за 75 коп. Вы меня очень одолжите, ежели купите их. Пришлите ко мне в Москву, а как скоро возвращусь, то, незамедля, пошлю к вам и деньги, и *Друга Просвещения*. Впрочем с совершенным почтением моим имею честь быть ваш, милостивого государя моего, покорный слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1086; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 187—188.

Сентябрь, 10. Суббота. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 15. Четверг. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Покорнейше благодарю вас, милостивый государь мой, Дмитрий Иванович, за приятное для меня ваше письмо. *Политехнический журнал* я также получил, за который и деньги 20 руб. при сем к вам посылаю; только я просил вас не об нем, а о русском *Технологическом Журнале*, издаваемом нашею Академиею Наук и которого вышла первая часть и продается по 75 коп. Однакож я не остался в накладе и уже продал брату моему Бекетову <Платону Петровичу>.

Непреренно желаю видеть продолжение ересей нашего славянофила; на сих днях вступают в продажу *Творения* Пиндара, перетворенные другом его Кутузовым. Вот обрачки из него:

«Пиит, в блистании картин
Не делай с правдой лжи смешенье,
Тебя поя, Танталов сын,
Я древних не приемлю мненье;
Нептун, бог вод, тебя любя,
Похитил в пиршестве тебя,
Он с помощью коней своих,
Для неба зря тебя готовым,
Подъял тебя от стран земных,
Да будешь Ганимедом новым;
Отец тебя вотще искал:
Для смертных ты невидим стал и проч.

(Олимп, ода к Перону, часть I-я, стр. 31.).

В прозе из первой части:

Здесь идет дело о первом Гиероне. Прим. I, стр. 97.

Сначала один токмо и был судья; потом поставили *оних два* и пр. (ода III, прим. 2, стр. 106).

Сие *пожелание* Пиит и пр. случались беспокойствия и пр. (ода VII, прим. 21, стр. 119)».

Довольно; прибавлю только, что граф Хвостов выдал еще оду *Безначалие*, которая, вероятно, уже отправлена и в Петербург.

Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искреннего вашего почитателя и покорнейшего слугу Дмитриева».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1087.

Дмитриев здесь разумеет книгу «Творения Пиндара. Перевел Павел Голенищев-Кутузов, с прим. и объяснениями... М. 1804 г. 2 ч.».

Октябрь, до 4. Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Милостивый государь.

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за обязательное ваше

писание. Я не хочу повторять того, что говорено было с Н.[иколаем] М.[ихайловичем] <Карамзиным>. Но могу вас уверить, что люблю и по крайней мере желаю быть всегда искренним и беспристрастным в моих суждениях.

Ваша актриса Колосова утешила всю Москву прекрасною своею игрою. Она играла в Мизантропе, в Танкреде; завтра будет играть в одной из комедий Мариво, а 4 Октября декламировать одну сцену из Андромахи в какой-то интермедии, под названием Маскерад или вечеринка артистов. — Лучше бы услышать ее в целой трагедии».

РА. 1871. III. 2. Стб. 409.

1804. Москва.

Записка к Жуковскому:

«Благодарю вас, любезный Василий Андреевич, за ваш подарок; только и не прежде приму его, пока мы не сделаем некоторых условий. На именинах я непременно буду; а Николаю Мих-[айлови]чу <Карамзину> я не давал знать, потому что вчера на него осердился. Как мне жаль было, что вчера вас у меня не было. Были стихотворцы, было чтение, были блины. К.[нязь] Шал.[иков] читал свою комедию».

РА. 1871. III. 2. Стб. 409.

Октябрь, 9. Воскресенье. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович. Чувствительно благодарю вас за последние два письма, также и за *Технологический Журнал*. Здешняя литература также не богата новостями, как и ваша. Журналы один за другим исчезают. *Меркурия* уже нет, *Патриот* отказывается; типографщик <Пл. П. Бекетов> *Друга Просвещения* не только быть сотрудником, но даже и издателем журнала быть уже не хочет; однакож друзья просвещения намерены продолжать свои подвиги и на будущий год, и для прозаической части приглашают, я слышал, Суворова, автора похвального слова Екатерине Второй. Я от сердца благодарил господ издателей *Северного Вестника* за их обличение пачкунов *Журнала для милых*, если их и после того не уймут или сами не уймутся. — Но, не обременяя вас более новостями, мало интересными, обращаюсь к вам еще с просьбою, именно о сообщении мне вашего перевода Шлецера, который и по автору, и по переводчику будет сугубо для меня интересен, и еще прибавления к *Разсуждению о старом и новом слоге*, в кожаном переплете. Впрочем, желая вам всего лучшего в свете, с искренним почтением моим имею честь быть ваш, милостивого государя моего, покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1088—1089.

В «Северном Вестнике» (1804. Ч. II. С. 136) была напечатана заметка о «Технологическом журнале», в которой, между прочим, было сказано о «Журнале для милых» следующее: «Следует упомянуть также о «Журнале для милых», хотя он ни по содержанию, ни по наружности не похож на свое название и в предосторожность мы советуем милым не брать его в руки, ибо он оскорбляет стыдливость и целомудрие, первейшие украшения милых».

Октябрь, 31. Понедельник. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Покорнейше благодарю вас, милостивый государь мой Дмитрий Иванович, за приятное ваше письмо и доставление книги и новостей литературных. Здесь никто не хочет верить, чтоб автор, как бы ни был самолюбив, мог иметь такие требования, а я очень верю, если автор при самолюбии своем довольно щедро одарен и слабомыслием; но он не хотел худого, следственно и прав, равно как и Академия права, что не хотела худого. Я желал бы очень видеть точь-в-точь копию с его письма, равно как и с резолюции Академии. Между тем прошу вас еще уведомить меня, кто писал рецензии на рецензии (в давно прошедшем времени) Карамзина

и на рецензии Макарова. Мне кажется, и та и другая писаны не одним пером. Посылаю к вам при сем 5 рублей за славянофила и прошу вас еще прислать мне *Слово похвальное Екатерине Храповицкого* и, если найдется, *Histoire du XVI siècle, par Linguet*; она продавалась, как сказано было в петербургских газетах, у Бувита. Может быть, я в титуле ошибся, только это точно *История XVI века* соч. Лингета. Впрочем с душевным почтением моим имею честь быть ваш, милостивого государя моего, покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1089–1090; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 190.

Декабрь, 1. Москва.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 16. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо И. И. Дмитриева из Москвы:

«Чувствительно благодарю вас, милостивый государь, Дмитрий Иванович, за доставление мне Лингетовой Истории; она хотя и без конца, но я очень рад, что ее имею; теперь прошу вас уведомить, сколько прислать за нее денег. Кто издает Севернаго Меркурия? Боже мой! сколько журналов! а борзых все еще мало. Но пусть пишут, я право рад, что у нас расписались. Простите, любезный Дмитрий Иванович, помните и любите искренно почитающего вас покорного слугу Ивана Дмитриева».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1090. В «Дмитриев, 1895» (Т. II. С. 190) это письмо помечено декабрем, но без даты.

«Северный Меркурий» издавался с 1805 г. В. Ф. Вельяминовым-Зерновым; вышло всего 5 номеров.

Декабрь, 21. Среда. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Слышу я, что вы из деревни вашей возвратились в Москву; но не удостоили о том уведомлением вашим. Покорнейше прошу в-[аше]го пр-[евосходительств]ва взять на себя труд, как прошлаго года, выбрать на будущий для меня несколько журналов, на Московской пошве (sic) произрастающих.

Их, говорят, у вас очень много, как прошлого лета было грибов. Но как в таком множестве, были дубовики, масленики, березовики, шампинионы, мухоморы и прочие, то и не могли мы их всех употреблять, а которые для русских желудков здоровее. Шампинионы, сказывают, очень слабят, масленики делают колику, дубовики – запор, а мухоморы – уморительны; то в сем случае, и полагаюсь на ваш вкус и выбор. Что будет товар стоить, деньги с благодарностью к вам немедленно доставлю. Уверен будучи в вашей дружбе, что комиссия сия для вас не отяготительна, пребываю впрочем вашего пр-[евосходительств]ва и проч.

Гавриил Державин».

Державин, 1871. Т. 6. С. 163–164.

В 1805 г. в Москве издавались журналы: «Вестник Европы», «Друг Просвещения», «Новости Русской Литературы» (Сохацким и Победоносцевым, с 1802 по июль 1805), «Журнал Новостей» (с фр., получивший с 3-й книжки заглавие: «Журнал различных предметов словесности»), «Московский Курьер» (П. Ю. Львовым), и «Московския ученые ведомости» (профессором Буле).

Декабрь, 22. Четверг. Петербург.

Г. Р. Державин в письме к гр. Д. И. Хвостову в Москву на его просьбу подписаться на «Друга Просвещения» сообщает, что «писал уже о сем И. И. Дмитриеву, чтоб избрал для меня московские журналы...».

Державин, 1871. Т. 6. С. 165.

1804.

<Эпиграмма на П. А. Сохацкого> «На журнал “Новости литературы”» («Что за журнал?..»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 351, 459.

1804–1809. Петербург.

Выходит в свет книга Ж. Ж. Бартелеми «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертаго века до Рождества Христова... – В Санкт-Петербурге: При Императорской Академии наук. 1804–1809. Т. 1–6».

Экземпляр из б-ки Дмитриева с дарственной ему от Императорской Российской Академии хранится в б-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 451*).

1804–1816. Москва.

«Афинския письма, или Переписка одного агента, находившагося, по тайным препорученим от царя персидскаго, в Афинах, в продолжение войны Пелопонесской: С французскаго перевода Вильтеркова. – Москва: В вольной типографии, Гария и компани. 1804–1816. Т. 1–6».

Книга из б-ки Дмитриева с печатным посвящением ему переводчика М. Каченовского хранится в б-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 391*).

1805

Январь, 8. Воскресенье. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник: «Завтра приглашает нас И. И. Дмитриев на вечер».

Жихарев, 1989. Т. I. С. 34.

Январь, 9. Понедельник. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник:

«У Ивана Ивановича никого из записных охотников читать стихи свои не было. Зато сам хозяин заставил меня прочесть послание его к Державину в ответ на присланные стихи без подписи нашего Пиндара:

Бард безымянный, тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет,
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует!

Вот так стихи! Иван Иванович владеет языком мастерски. Платон Петрович Бекетов толковал все о своей типографии. Это истинный ревнитель отечественного просвещения; при больших способностях он был бы другим Новиковым, и особенно теперь, когда нет ни одной отрасли наук, которой бы правительство не поощряло. Иван Иванович, которому Бекетов близкий родственник, говорит, что он не падит ничего для учебных и литературных предприятий и даже расстроил свое состояние. Иван Иванович жалеет, что пособия Платона Петровича падают большею частью на бездарных писателей, довольно назойливых. Дождит на злыя и благия!».

Жихарев, 1989. Т. I. С. 35.

Январь, 10. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«Благодарю вас за билеты, по коим журналы я московские получать буду; при сем препроводить честь имею за них 27 рублей, заплаченные вами. Вы говорите, что будто я расхулил журналы ваши; но я их уподобил только множеству грибов, которые не весьма дурное кушанье, а особливо для крепких желудков и очень хороши. А как я имею слабый, то и нанял повара, который не жирно и весьма мало блюд готовит; почему и читать хочется что-нибудь покороче и повкуснее. Но свет ведь своим чередом идет; и как кого чем уверишь? Кажется, письмо мое к Павлу Ивановичу <Кутузову> о Пиндаровом его переводе довольно ощутительно к невыгоде его сказало мои мысли; но он принял его за чистую похвалу, благодарил меня, и слышу, что им еще и хвастается. Удивляюсь я, ежели знатоки не проникли моих истинных мыслей. Хотя я и люблю правду, но говорю ее где только по должности от меня требуется; а между нашими братьями авторами самое лучшее дело, ежели и при запахе стервы нос залегает. По сей-то самой правде и манинький <sic> Львов <Павел Юрьевич>, но великий надутым самолюбием, позабыв все благодеяния мною ему сделанные, более уже ко мне не ходит. И правду сказать, как не возмериться и не поднимать носу, когда (как слышу здесь) московская публика превозносит его *Храм великих мужей*. После сего советовал бы я умолкнуть и всякой лучшей рецензии. Почто глухим петь и дуть на ветер! Но как бы то ни было, предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю. Твердят уже здесь на театра русского Штерна; тут-то полетят громы и молнии; штыки нового и старого стиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку, с истинным почтением пребываю и проч. Гавриил Державин».

Державин, 1871. Т. 6. С. 166 (№ 970).

Под «русским Штерном» Державин разумеет комедию кн. А. А. Шаховского «Новый Стерн», направленную против Карамзина. Премьера комедии состоялась на сцене Малого театра в Петербурге 31 марта 1805 г. Известны стихи В. Л. Пушкина в его сатире «Опасный сосед» на эту комедию: «Две гости дюжия смеялись, разсуждали / И Стерна новаго, как диво, величали: / Прямой талант везде защитника найдет! — ».

Январь, 12. Четверг. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник: «...Говорят о назначении И. И. Дмитриева сенатором. Дай Бог! Кроме таланта, нелицеприятен и не подвержен ничьему влиянию».

Жихарев, 1989. Т. I. С.36.

Январь, 14. Суббота. Петербург.

Записка Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович. Покорно прошу вложенную здесь бумагу отдать напечатать в один из тех журналов, которые ко мне присылаются будут; чем обяжете с почтением и преданностью пребывающего и проч.»

Державин, 1871. Т. 6. С. 167 (№ 971). В записке речь идет о стихотворении Державина «Память другу», написанное на смерть Н. А. Львова (см.: «1805. Февраль (втор. пол.)»).

Январь (перв. пол.). Москва.

Дмитриев читает в «Вестнике Европы» (1805. Ч. № 1. С. 38–41) анонимный перевод статьи из Жанлис «Об авторской вражде» (переводчик: М. Т. Каченовский). В статье речь идет «об авторском самолюбии и о полемике, которая только «писателей без дарований» делает неумолимыми, но не в силах повредить истинному достоинству» (см.: Вацуру, 1989. С. 150 и др.).

Январь, 23. Петербург.

Письмо Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Благодарю тысячу раз за примечания и повки. Видите, как худо без друзей писать: не увидишь, как ошибешься; но ежели еще не напечатаны, то не лучше ли переправить таким образом: *Ах! плачьте чада, плачьте други*: ибо, мне кажется, тут нужно повторение; то и можно прибегнуть к обыкновенной у нашей братьи затычке. *У цевницы*, или у дудки струн нет, хотя поэзия и имеет вольность называть лады струнами, а струны ладами; то не лучше ли так: *Но кто ж моей гитары струны на нежный будет тон спускать*. Впрочем, ежели уж под пресс попало, то быть тому так. Пребываю с почтением и преданностью и проч.

Гавриил Державин».

Державин, 1871. Т. 6. С. 167 (№ 972 и примеч. к нему).

В подлиннике письма против стиха «Но кто ж моей гитары струны на нежный будет тон спускать» против слова «спускать» Дмитриев пишет: «я не разобрал, а кажется спускать». На обороте этого письма рукой Дмитриева обращение к Каченовскому: «Успеете ли вы, любезный Михайло Трофимович, сделать по сему письму поправки? Если можете, то очень одолжите покорнейшего слугу, Ив. Дмитриева». Из пример. Я. Грота к этому письму: «Как видно из тетрадей Державина, у него была ошибка против размера: «Плачьте чада, плачьте други!». Затычкою называет он междометие *ах*, прибавленное им для меры.

В рукописи слова «*моей гитары*» поставлены вместо зачеркнутых «*лиры моей*». В списке, посланном Дмитриеву, стояло, вероятно, *моей цевницы*».

Январь. Москва.

В «Друге Просвещения» (1805. № 1. С. 17) гр. Д. И. Хвостов печатает перевод басни А. Гофмана «Орел и Змея» («Оставля пышные, надзвездные чертоги...»).

Переиздавая эту басню, гр. Д. И. Хвостов в примечании указал, что басня «переведена после басни И. И. Дмитриева на то же содержание» (Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. Т. 4. Басни и сказки. С. 135, 301).

Январь. Москва.

Возвращение А. И. Тургенева из Гёттингена.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 307–308 (письмо Шлецера, адресованное к нему в Москву от 26 марта 1805 г.).

Январь(?). Москва.

А. И. Тургенев в письме к А. С. Кайсарову в Гёттинген сообщает:

«...На другой день по приезде обедал у Бекле[ми]щева, на третий у Булгакова. Был с Дмитриевым у Карамзина. Обеим сказал, что ты им послал свою книжку с надписью, но что они, видно, как и многие другие, не получили ее. Благодарят оба усердно. Дмитриев хотел по получении книжки отвечать сам тебе. Карамзин, брат, удивительные сведения имеет в критической Русской Истории. Проверишь ли ты, что он почти все книги имеет, кои мы с трудом достали себе в Геттингене, потому что он пользуется Штритеровой и другими библиотеками. Пишет тихо, не вдруг и работает прилежно; хочет послать первые листы к Шлецеру; я говорил с ним много и право удивился его знаниям и усердию. Правда ли, что Шлецер на него писал в Петербург, называя его не способным писать Русскую Историю? это – несправедливо; уведошь меня об этом. Шлецер думает, что только и свету, что у него под окошком, а, право, и у Карамзина светло. Естли К.[арамзин] все это обдумает, что он имеет случай и средства узнать, то я от него ожидаю многова. Он также всего Шлецера имеет и множество Русских летописей, кои гораздо важнее всех Шлец.[еровых] списков. – Как мне досадно, что тебя здесь нет: мы бы начали издавать свой Журнал; здесь все издают Журналы. <...> В Пансионское собрание ходит очень часто Дмитриев и твердит беспрестанно Хвостову и Кутузову, которые выдают журнал, чтоб они шли учиться благоразумной критике к детям в Пансион».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 327, 328.

Февраль, 7. Село Успенское (Гробцово тож).

Кончина Петра Дмитриевича Еропкина.

Февраль (после 7-го)... Март (перв. пол.). Москва.

Эпитафия: стихи к надгробному камню Петра Дмитриевича Еропкина («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...»).

Февраль, 9. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Чувствительно благодарю вас за приятное письмо ваше и сообщение журнала, который, однакож, я обратно к вам препровождаю. Не удивитесь этому, вот причина: денег у меня мало, а журналов много и у вас, и в Москве, и даже в Калуге; по привязанности моей к русской словесности, мне захотелось заглядывать в каждый журнал, и для того записался в английский клуб, где между прочими журналами имею удовольствие пользоваться и вашим.

Ник. Мих. Карамзину сего же дня скажу о манускрипте; ежели он не имеет его, то, конечно, будет вас просить сообщить ему список, а между тем я и за него, и за себя от искреннего сердца благодарю вас, любезный Дмитрий Иванович, за ваше к нему доброжелательство.

Я надеюсь, что вы не прекратите со мною вашу переписку, которая по многим отношениям столь для меня приятна, и с сею надеждою заключу мое письмо искренним уверением вас в совершенном почтении, с которым был и навсегда будет ваш, милостивого государя моего, покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

Р. С. По написании письма я виделся с Карамзиным, который препоручил мне сказать вам, что он с великою благодарностию примет ваш манускрипт, если

вы возьмете труд доставить его на мое имя. Еще прощайте и любите искреннего вашего почитателя».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1090–1091; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 191–192.

Февраль, 9. Москва.

Встреча с Карамзиным, разговор о рукописи Д. И. Языкова.

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 192.

Февраль, 9. Москва.

А. И. Тургенев в письме к А. С. Кайсарову в Гёттинген сообщает, что Карамзин написал первый том Истории, но «еще не печатал». В этом же письме он пишет:

«Жаль, что тебя здесь нет, а то бы мы, так как нынче в моде издавать Журналы, начали бы свой, на что уговаривает меня Дмитриев и предлагает мне, Жуковскому, Мерзлякову свой дом для собрания и для работ. Ему хочется этого непременно. Заведем брат, мы с тобою литературную переписку. Ты меня уведомляй о новостях ученых и литературных в Германии, а я – о здешних глупостях и друзьях просвещения, которые пишутся врагами его, т. е. Кутузовыми и Хвостовыми...».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 332–333.

Февраль (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 19. № 3) напечатана басня «Орел и Змея» (Подр. франц.) («Орел из области громов...») – С. 220; подпись: И. Дм.<И. И. Дмитриев>. Пер. басни А. Гофмана.

Дмитриев «отвечает Хвостову переводом той же басни «Орел и змея», возвращая таким образом обвинения в зависти «дарованию» и одновременно стремясь преподать ему урок поэтического переложения» (*Вацура, 1989. С. 152*).

Февраль (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 19, № 4. С. 298–300) напечатано посвященное памяти Н. А. Львова стихотворение Державина «Память другу. 1803» («Плакущая березы воют...»); подпись: Г. Державин.

Март, 6. Москва.

Обед у А. И. Тургенева, на котором были Карамзин, Дмитриев и немецкие профессора.

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 335 (письмо к А. С. Кайсарову от 7 марта 1805 г.).

В этом письме А. И. Тургенев, в частности, пишет: «Пропасть материалов для Истории в Архиве. Я как буду членом Исторического Общества, то буду пользоваться всеми рукописями. Карамзину хотелось бы, чтоб я был издателем вместо Черепанова, но мне некогда. Мы часто бываем вместе с Карамзиным и Дмитриевым».

Март, 15. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Спешу изъявить вам покорнейшую благодарность мою за приятное ваше письмо и присылку книги, которой так давно я искал. Деньги на сей же почте за нее получите. Любопытен видеть Академический журнал, только не отважусь подписаться; тут, верно, много будет домашнего, следовательно много вековечных сидней и пр. и пр. Но положим хранение устам нашим. Простите, будьте уверены в совершенном почтении, с которым навсегда пребудет покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868 № 7–8. Стб. 1091–1092; перепечат.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 192.

Март (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 20. № 5) напечатаны *Стихи к надгробному камню Петра Дмитриевича Еропкина* («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – С. 55; подпись: И. Дмитр. <И. И. Дмитриев>.

Апрель. Москва.

В «Друге Просвещения» (1805. № 4. С. 29) напечатана анонимно «Песенка. Подражание французской» («Я щастлив был, когда в невинности приятной...»). Автор гр. Д. И. Хвостов.

Май (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 21. № 10) напечатаны *Стансы* («Я щастлив был во дни невинности безпечной...») – С. 133–134; подпись: Дм. <И. И. Дмитриев>.

Примечание Дмитриева: «Эта безделка уже давно мною переведена и известна была моим приятелям; ныне же я решился напечатать ее для того, чтоб не смешали моего перевода с другим, который напечатан от неизвестного, под именем *песеньки*, в четвертой книге (м. Апрель) «Друга Просвещения» на 1805 год» (С. 133).

Июнь. Петербург.

В «Северном Вестнике» (1805. № VI. С. 292–293) Я. А. Галинковский пишет, что русская критика отстает от зарубежной в оценках произведений отечественного художественного слова, отмалчивается, вместо того, чтобы возвысить собственный голос; далее автор пишет о сочинениях Карамзина и Дмитриева. По мнению Галинковского, «существует бездна книг, у нас не рассмотренных, оставленных на произвол читателей. Скажите например, кто рассматривал у нас критически «Письма Русаго Путешественника», «Аглаю», «Наталью» и др., между тем как их критикуют от Шотландии до Парижа? Между тем как в чужих землях дают цену нашим книгам, мы молчим законопреступно. Кто разбирал «Путешествие в Полуденную Россию», стихи и переводы И. И. Дмитриева?..».

Лопман Ю. М. Писатель, критик и переводчик А. Я. Галинковский // «XVIII век». Сб. 4. Л., 1959. С. 237–238; *М. П. Алексеев.* Ранние английские истолкователи русской поэзии // Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. Т. 91. С. 154.

Июль, 8. Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Вот все, что вы хотели получить от меня, Василий Андреевич; примите с этим вместе и благодарность мою за приятное ваше письмо, за перевод Шиллеровой оды, который я прочитал два раза сряду с великим удовольствием, и за назначение ваше моих безделок в собрание чегото. Радуюсь, что вы здоровы, спокойны и продолжаете упражняться в поэзии. Копите к будущему журналу; пользуйтесь спокойною жизнью и летом, этим благоприятнейшим временем года для умного мечтателя! А осенью приезжайте в Москву с своим запасом. Старый трутень почтит труды молодой пчелы и докажет, что не все трутни бывают злы и завистливы.

Простите, искренно любящий вас Дмитриев.

NB. Отвечаю вам поздно потому, что я не умею скоро переписывать, да и грудь моя не позволяет мне долго писать.

Она под стражей, а певец
И день и ночь на томной лире
Бряцает: «Нет мне счастья в мире!»
Настал отрадам всем конец!
Увижусь ли еще я с милой?

Внемли, о небо, вопль унылой:
Отдай ее, иль смерть пошли!»

Поет он день, поет другой,
На третий – утренне светило
Несчастну жертву озарило;
Отец низводит дочь с собой;
Она едва на труп взглянула,
Увы!.. в последний раз вздохнула.
Красавицы! Песнь эта былъ».

РА. 1871. III. 2. Стб. 409–410; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 193.

Дмитриев цитирует последние две строфы из своей баллады «Старинная любовь» (впервые: Изд. 2, ч. 3 (1805), с. 64).

Июль, 15. Петербург.

На заседании С.-Петербургского Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств под председательством И. М. Борна было постановлено поднести дипломы почетных членов Общества нескольким литераторам и ученым, приобретшим своими трудами широкую известность, и между ними Н. М. Карамзину, И. И. Дмитриеву и М. М. Хераскову.

Петухов Е. В. Из истории одного литературного общества // ИВ. 1889. Т. XXXVII. С. 213.

Июль, 16. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Благодарю вас от имени Карамзина за сообщение рукописи; она сегодня отправлена к нему в подмосковную. Вместе с вашим письмом читал я и критику с мастерскою пародиею Капнистовых стихов, которыми вы рассудили украсить журнал ваш, на счет Карамзина и прочих. Хотел бы знать, кто этот ваш корреспондент, который обещает добровольно клеймить чужие произведения? *Технологического Журнала* и ученого мне не надобно: я хотел только иметь, как библиоман, по образчику того и другого. Впрочем с почтением моим имею честь быть ваш, милостивого государя моего, покорный слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1092; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 194.

1805. Июль. Климово.

Записка Карамзина к Дмитриеву:

«Здравствуй, любезнейший друг. Уведомь, как ты поживаешь. Одолжи меня, напиши к г. Языкову, что я весьма благодарен ему за присланную им рукопись, и желал бы отплатить ему какоюнибудь услугою. Исполни мою просьбу: ты с ним переписываешься. Мысленно обнимаю тебя и надеюсь скоро увидеться с тобою».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1093.

1805. Июль. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург (при письме записка Карамзина из Климова):

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Тем с большим удовольствием получил письмо ваше, что оно утвердило меня в том мнении, которое я всегда имел о вашей деликатности; хотя такого рода критика, каковая помещена в журнале, не может быть чувствительна ни мне, ни Карамзину, но со всем тем не утерпишь, чтоб не сказать слова два о ваших витязях петербургской литературы. Что они сами? Пускай поставят в образец нам собственные произведения и научат писать лучше. И для чего скрывать свое имя? Вероятно, что такие

писачки только и слышны будут в журналах. Вероятно, что и журналы с такою разборчивостью скоро прослынут не журналами, а калашнею, в которую сходится всякая сволоочь бранить высших себя и тем отмщать за свое ничтожество. Карамзин очень благодарит вас за рукопись, и в доказательство прилагаю при сем его ко мне записку. Простите, будьте здоровы и верьте, что я с истинным почтением моим навсегда имею честь быть вашим покорнейшим слугою. Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1092–1093; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 192–193.

Июль (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 22. № 14) напечатана басня *Смерть и Умиравший* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 115–119. Подпись: Дмитриев. Подражание басни Лафонтена: «La mort et le mourant».

Август, 7. Москва.

А. И. Тургенев в письме к А. С. Кайсарову в Гёттинген пишет:

«А прогос. Недавно в Северном Вестнике написал кто-то рецензию на всех Русских Авторов нынешних, где по обыкновению бранит Карамзина и Дмитриева даже, Richter'a за Russ. Miscellen и пр. и пр. Впрочем, одно только, что в ней есть умного и справедливого, это то, что он похвалил твою книжку. Сказав, что ее никак нельзя сравнивать с Славянской Мифологией Глинкиной. Карамзин пишет неумоимо. Много имеет рукописей таких, о каких Шлецер и не знает. Верно, выдет что-нибудь дельное...».

Архив бр. *Тургеневых*. Вып. 2. С. 345.

Август (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 22, № 16) напечатано посвященное А. П. Бунинной стихотворение *Стихи на получение от неизвестной особы вышитого по канве Геня...* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством...»). – С. 303; подпись: ***.

Автор установлен по ст. А. Ф. Воейкова «Историческое и критическое обозрение российских журналов».

Август, 30. Среда. Москва.

Вероятно, присутствует вместе с Карамзиным на премьере драмы «Наталья, боярская дочь». Автор переработки – С. Н. Глинка. В роли Натальи – Семенова, в роли Алексея – Яковлев.

Арапов, 1861. С. 171 (дата премьеры).

1805. Август – Сентябрь. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Благодарю вас за письмо ваше; сожалею, что вы были больны и радуюсь выздоровлению. Что же касается до тех денег, то я желал бы, чтоб вы не торопились возвращать их и между тем постарались бы разведать о четвертой части *Гербовника*; я точно читал в петербургских газетах, что она продается у какого-то приказного служителя Рубана, близ Галерной пристани. Еще покорно прошу вас доставить мне первый месяц *Академического журнала* и уведомить, сколько надобно прислать за него денег? Вы позабыли исполнить мою просьбу и дать мне знать, кто писал и пишет приговоры свои на нашу братью в прозе, также и кто пародировал начало Капнистовой сатиры? Неужели сам он? Если так, то лучше бы написать новую; прозу же приписывают здесь Галенковскому. Но у вас так много гениев и такое между ними фамильное сходство, что не скоро различишь их одного от другого.

Простите, с искренним моим почтением имею честь быть вашим покорным слугою Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1093–1094; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 194.

В письме речь идет о 4-й части «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи». СПб. 4 ч.

Сентябрь, 12. Вторник. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник:

«На вопрос Ив. Ив. Дмитриева у приехавшего из Петербурга г. Максимовича, служащего в комиссии составления законов, что делают тамошние литераторы и в особенности Державин, Максимович отвечал, что «по слухам, он сочиняет какую-то оперу, вроде Мегастазия...». «Разве вроде безобразия», – возразил Дмитриев. <...> Иван Иванович не может скрыть своего сожаления, что величайший лирический поэт нашего времени на старости лет предпринимает сочинения, совершенно не свойственные его гению: пишет и даже переводит трагедии, комедии и оперы в подрыг своей славе, которою Иван Иванович, как старинный его приятель и усердный почитатель его таланта, так дорожит, что желал бы видеть ее неприкосновенною для критики <...> На днях провожали мы в С. Петербург П. С. Молчанова. Вот распримильный-то человек! Иван Иванович говорит, что он непременно будет статс-секретарем, о чем сказывал ему граф Н. П. Румянцев, который рекомендовал его государю... Иван Иванович советует мне держаться этого знакомства, которое может со временем быть для меня чрезвычайно полезным».

Жихарев, 1989. Т. I. С. 119.

Сентябрь, 22. Пятница. Москва.

Рождение у Н. М. и Е. А. Карамзиных дочери Екатерины (в замужестве кн. Мещерская, ум. 10-го ноября 1867).

Сентябрь (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 23, № 18. С. 107–108) напечатано без подписи обращенное к Дмитриеву стихотворение «Лето» («Знойное лето весна увенчала...»). Автор Г. Р. Державин. В издательском примечании сказано: «Автор не подписал своего имени, это и не нужно. Читатели узнают российского барда по напеву» (С. 107).

Г. Р. Державин, живя летом в Званке, думал, что Дмитриев также живет в деревне, –

«В доме жив летом, в раю ты небесном,
В славном поместье сызранском с отцом,
Мышлю».

и послал ему это стихотворение без подписи.

Октябрь, 1. Воскресенье. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник: «...Всюду толки об Эдипе <...> Все лучшие литераторы: Дмитриев, Карамзин, Мерзляков – отдают полную справедливость автору...».

Жихарев, 1989. Т. I. С. 125.

Октябрь, 14. Суббота. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник:

«...Наблюдательный Иван Иванович <Дмитриев> рассказывал, что Гаврила Романович <Державин> по кончине первой жены своей (Катерины Яковлевны, женщины необыкновенной по уму, тонкому вкусу, чувствам приличия и вместе по своей миловидности) приметно изменился в характере и стал еще более задумчив, и хотя в скором времени опять женился, но воспоминание о первой подруге, внушавшей ему все лучшие его стихотворения, никогда его не оставляет».

Жихарев, 1989. Т. I. С. 133.

Октябрь (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 23, № 19) напечатан *Ответ сочинителю стихов под названием: Лето, напечатанных в осьмнадцатом нумере Вестника Европы* («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?..») – С. 202–203; подпись: ***.

В примечании к стих. 10 («Рдяных сатиров и вакховых жриц») Дмитриев пишет: «Здесь описаны цыгане и цыганки, которые во все лето промышляют в Марьиной роще песнями и пляскою. Для тех, которые жили в Москве можно прибавить, что в этой роще было кладбище для иностранных; теперь же надгробные камни служат для гуляющих вместо столов и стульев».

Со 2-го изд. печатается под заглавием «К Г. Р. Державину». С 5-го изд. Дмитриев убрал последнюю строку «Для тех, которые жили в Москве...».

Октябрь, 27. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Чувствительно благодарю вас за сообщение первой части трудов достопочтенной Российской Академии, одолжите меня сообщением и продолжением. Я постараюсь и сам чем нибудь отплатить вам, а между тем спрошу вас, читали ли вы в сентябри вашего *Вестника* стихи: тетеревочик, просвещенного генерала, и басню, в которой я заметил стихи: *с хренком, в борцу и верещаге*, и еще: *сим сделала свинья ответов окончанье*. Ктобы такие были эти два новые светила на нашем Парнасе? Но, впрочем, для меня все равно, хотя и не знать об них; уведоьте лучше меня, скоро ли выйдут упражнения общества любителей учености? У меня только одна вторая книжка; я желал бы иметь и продолжение. Удивляюсь, что уже давно ничего не слышу от г. Востокова. Я всегда охотно читаю его произведения.

Простите, будьте уверены в искреннем почтении покорнейшего вашего слуги Дмитриева».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1094–1095; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 195.

Басни «Голубчик и Тетеревочек», «Историк и лжецы» и притча «Овца и Свинья» напечатаны в «Северном Вестнике» (1805 г., ч. VII), без подписи.

Ноябрь, 6. Москва.

Пишет письмо к Г. Р. Державину в Петербург.

Державин, 1871. Т. 6. С. 172.

Ноябрь, 6. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо Дмитриева от 27 октября.

РА. Стб. 1095.

Ноябрь, 15. Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Виноват я перед вами, любезный Василий Андреевич, что так долго не отвечал на письмо ваше. Вы можете легко отгадать, какая к тому была причина: недосуг от безделья, и сверх того я, право, думал, что вы сами скоро приедете. Радуюсь, что вы не даром живете в Белеве и нетерпеливо желаю видеть ваши произведения. Без вас я получил 10 томов *Petite Encyclopédie Poétique* <«Petite encyclopédie poétique ou choix de poésies dans tous les genres, par une société de gens de lettres. Paris 1804. 12 vol.»>, в которой собраны лучшие стихотворения от поэмы до дистиха. При каждом роде наставление, которое не худобы вам перевести для вашей христоматии <«Собрание Русских Стихотворений...». Москва 1811–1815. 6 ч.>. Антон Антонович хотел купить эту книгу для вас, но опоздал.

Что мне сказать о вашем вояже? Если б я умел рисовать, то представил бы юношу, точь-в-точь Василья Андреевича, лежащим на недоконченном фундаменте дома; он одною рукою оперся на лиру, а другою протирает глаза, смотрит на поч-

товую карту и, зевая, говорит: успею! Это будет надписью под картину. В ногах несколько проектов для будущих сочинений, план цветнику и песочные часы, перевитые розовою гирляндю.

Я говорю часто об вас с милым Тургеневым; он искренно вас любит и не меньше моего желает вашего возвращения. Сколько здесь найдете вы нового, разумею, в нашей словесности. Лирик наш или протодиакон Хвостов беспрестанно кадит Гомеру и Пиндару и печет оду за одою. Друзья просвещения присоединили к причисленному своему лику обер-секретаря Сандунова, и с первою рыжею книжкою на будущий год пустят гром на русских путешественников, и на все, где только встретят *слезу* и *милое*. По всему кажется, что не уйти и мне от их перунов, хотя я ни до слез, ни до сладкого не охотник. С другой стороны князь Шаликов возлагает на надежный свой нос зеленые очки и объявляет себя Московским Зрителем. Жаль, что нет у него помощников. Впрочем, я уверен по крайней мере, что в журнале его не будет варварских пиес, какие в *Северном Вестнике*, в *Курьере* и в других пр.

А любезный наш Карамзин терпеливо сносит жужжание вокруг себя шершней и продолжает свою Историю. Он уже дошел до Владимира. Вот вам все здешние новости! Грудь моя не позволяет мне больше писать; и так, оканчиваю стариною, что искренно люблю вас и желаю вам совершенного благополучия. Прощайте до свидания!..».

РА. 1871. III. 2. Стб. 410–412; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 195–196.

Кн. Шаликов с 1806 г. начал издавать журнал «Московский Зритель»; П. Ю. Львов в 1805–1806 гг. издавал «Московский Курьер».

Ноябрь (перв. пол.). Москва.

Читает напечатанную анонимно в «Друге Просвещения» (1805. № 11. С. 143) басню «Барышня и Ткачи» («В деревне барыня холстами промышляла ...~... Кричит: вот еlégансе – и я поэт!»). Автор: гр. Д. И. Хвостов (см. «1806. Январь, 10»).

«Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (1801) разделил историю русского слога на четыре эпохи: «первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей, а четвертую с нашего времени, в которую образуется приятность слога, называемая французами еlégансе». Выражение «с нашего времени» — значило с Карамзина. Это вызвало раздражение классицистов — против этой периодизации выступил Шишков, к нему присоединился и Хвостов. В известной мере Дмитриев считал, что эта басня задевает и его» (цит. по: *Дмитриев*, 1966. С. 460).

Ноябрь, 17. Москва.

Первая книжка «Московского Зрителя» подана в цензуру.

Крылов. Басни / Изд. подг. А. П. Могиланский. М.; Л. С. 318.

Ноябрь, 21. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Письмо ваше от 6 числа и портрет получил исправно, который срисовав, с благодарностию возвратить не умедлю. Относительно стихов Дмитрия Ивановича <Хвостова> и прочих господ, которыми они спешат наводнять их журналы, ничего другого сказать не могу, как предать их воле Божией; ибо публика равнодушно их терпит. Что делать, и как их уверишь в противном их самолюбию? Однакоже Дмитрию Ивановичу, при благодарности моей за похвалу его мне <«Ода Г. Р. Д.»>, напечатанную в минувшем месяце в Друге Просвещения <1805. Ч. IV. С. 5–9>, попытаюсь сказать правду. Не знаю, сделает ли запор сия позолоченная крепительная пилюля. У нас здесь свой вития: Павел Юрьевич Львов сочинил историческое слово князю Пожарскому и Минину. В прошедший четверг в собрании авторов читали. Превеликая кipa! так что, минуя вступление и первую часть и не докончив, одной серединой занимались от 7 часов вечера до 1 за полночь. Удиви-

тельное изобилие, или, лучше сказать, пространное море велеречия. При всем том есть поразительные места, которые совершенную заслуживают похвалу. Это дом Шереметева, или лавка щепетинных (sic) товаров и мебели прекрасных, на которые глядя столбенеешь, не зная которую выбрать, и в нерешимости выходишь ни с чем. Словом: *тут красота и блеск, и слово в слово арабск*. Здесь продают старинный манускрипт под заглавием *Ковчег Русской Правды*. Не знаю, известен ли он Николаю Михайловичу <Карамзину>. Меня просили к нему его адресовать, по слухам, что будто ему дано право от короны закупать такие древности для его Истории; а для того препровождаю я заглавие материям, в той книге находящимся. До получения от него или от вас известия я ее удержу у себя. Прошу подписаться за меня для будущего года на журнал г. Каченовского. Это правда, что он из всех лучший, а для компании ему можно взять Учены Ведомости и Друга Просвещения, ежели выходить будут, или какой другой вы заблагоразсудите; в чем и полагаюсь на ваш вкус. Что будет стоить, не умедлю деньги с благодарностию возвратить. Пребываю и проч.

Гавриил Державин».

Державин, 1871. Т. 6. С. 172–174.

Ноябрь, 28. Вторник. Москва.

Ст. П. Жихарев пишет в дневнике, что вследствие чумы, многих «из ежедневных посетителей Английского клуба вовсе не видно. И. И. Дмитриев, Карамзин и князя Оболенские вечера проводят у князя Андрея Петровича Вяземского <отца кн. П. А. Вяземского и Е. А. Карамзиной>. Ю. А. Нелединский и Обрезков тоже там».

Жихарев, 1989. Т. 1. С. 154.

Ноябрь (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 24, № 22. С. 134–135) напечатано стихотворение Г. Р. Державина «*Цыганская пляска*» («Возьми...») (Подпись: Д-н.). Ответ на стихотворное послание Дмитриева «*Ответ сочинителю стихов...*».

1805. Ноябрь. Москва.

Эпиграмма на притчу «Госпожа и Ткачи», напечатанной в одном журнале («Без имя Рифмодей глумился сколько мог...»).

Ответ на басню гр. Д. М. Хвостова «Барышня и Ткачи» («В деревне барыня холстами промышляла... Кричит: вот еёdanse – и я поэт!»). Датировка: *Дмитриев, 1966. С. 460. См. «1807. Ноябрь, 18».*

Декабрь, 6, 7. Москва.

А. И. Тургенев в письме к А. С. Кайсарову сообщает, что встречается с Мерзляковым у Дмитриева. В этом же письме он пишет:

«...Гаврилов объявил в *печатном* Каталоге, что он будет учить Российскому стилю по Батё и Гердеру!.. Со временем скажем мы: *Tanta molis erat Russicam condere gentem*. Но прикроем наготу свою Карамзиным, Дмитриевым, Мерзляковым...».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 347, 348.

Декабрь, 23. Москва.

Письмо к И. М. Борну в Петербург:

«М.[илостивый] Г.[осударь]. Я имел удовольствие получить диплом, которым Общество Любителей Наук, Словесности и Художеств благоволило почтить меня. Чувствителен будучи к таковой чести, прошу вас, М.[илостивого] Г.[осударя], как почтенного президента сего Общества, сообщить ему искреннюю благодарность мою и уверить господ сочленов ваших, что я потщусь – по крайней мере братской моей к ним любвию и посильным моим соревнованием – хотя частью оправдать их благосклонное и всегда для меня лестное ко мне расположение.

Примите, наконец, М.[илостивый] Г.[осударь], особенную мою признательность и к вам за честь, оказанную мне обязательным письмом Вашим, примите равно и нелестные уверения в совершенном почтении, с коим навсегда имею честь пребыть, М.[илостивый] Г.[осударь], в.[ашего] п. с. Иван Дмитриев».

Петухов. Из истории одного литературного общества // ИВ. 1889. Т. XXXVII. № 7. С. 213.

Декабрь, 24, Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Сколько скопилось причин к благодарению вас, любезный отныне сочлен мой. Я уверен, что в избрании меня вы более всех участвовали, и потому примите особенную к вам мою признательность; не меньше и за доставление мне двух знакомств, очень, очень для меня приятных. По старому моему обыкновению, теперь приступлю с до-куками: первая, вручить прилагаемые при сем пакеты по адресу, взяв прежде труд поставить на них имя и отчество того и другого, да мне сообщить, как их зовут. Желал бы также, чтобы вы одолжили меня списком всех членов действительных и почетных, и под каким титулом издаются труды ваши. Узнал, что вы уже отстали от *Северного Вестника*; я перестану впредь жаловаться вам на него, но не перестану и впредь клясть, хотя в уединении моего чердака, подобные мерзости. Авось Феб услышит страдальческий глас мой в пустыне и отмстит чадам безвкусия, или нелепицы. Хвостовщина объявила явную войну врагам своим, команду над армией своей вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвещения, и выступит с будущего месяца противу *Московского Зрителя*.

Полюбопытствуйте иногда заглядывать и в ту, и в другую армию. *Курьер* в числе скрытных союзников первой, *Вестник Европы* более расположен ко второй, а журнал *Минерва* остается совершенным неутралитетом. Все это я пишу в надежде, что останется между нами, ибо я сам держу неутралитет. Так ничего более и не хочу, как только зевать на их подвиги.

Простите, любезный Дмитрий Иванович. Верьте всегда искреннему моему почтению, с которым был и всегда пребуду вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1095–1096; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 196–197.

Декабрь, 27, Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Благодарю вас, любезный Василий Андреевич, за письмо ваше; я вижу из него, что вы еще и не думаете о возвращении вашем в Москву, и очень о том сожалею; право, говорю искренно, я желал бы, чтоб вы скорее оставили ваше уединение, которое способно только питать вашу склонность к меланхолии. Впрочем, делайте, что хотите, только продолжайте меня любить и верить, что я искренни ваш почитатель и добротой. И. Дмитриев.

Р. S. Поздравляю вас с наступающим годом. Н.[иколай] М.[ихайлович] <Карамзин> и Ф.[едор] И.[льич] <Козлятев> кланяются вам и благодарят за ваши об них отзвывы».

РА. 1871. III. 2. Стб. 412; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 197–198.

1805. Москва.

Знакомство с И. А. Крыловым и с его басенными опытами. Дмитриев приветствует их словами: «Это истинный ваш род, наконец вы нашли его».

Лобанов. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. СПб., 1847. С. 48; И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 60.

1805. Москва.

Объявление от издателей о журнале на будущий год («Во славу троицы певцов...»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 460. Эпиграмма направлена против издателей прошишковского журнала «Друг Просвещения» (1804–1805). См. «1807. Ноябрь, 18».

<1805. Москва>.

Письмо к А. Ф. Мерзлякову:

«Давно я собирался, любезный Алексей Федорович, удовлетворить требование Николая Николаевича <Бантыш-Каменского>, но робел приступить к тому; теперь же вижу, что вы неотменно хотите послужного моего списка; должен исполнить, как умею. И так, имею честь донести вам, что родился в 1760 г.; был гвардии капитаном, потом обер-прокурором в сенате; в последнем звании удостоился получить и орден св. Анны 2-го класса. Ныне же нахожусь в статских тайным советником. Вот моя гражданская жизнь; а учение состоит только в том, что я начал было учить французскую грамматику, но, по причине бывшего в нашем краю Пугачевского мятежа, не доучил ее; русской же я совсем не учен; издал три томика койкаких стихотворений и попал, не понимаю и сам каким образом, в число Российской Академии и в почетные члены Московского Университета. Все это я пишу только для любезного Алексея Федоровича, предоставляя его благоразумию выбрать из оногo, что рассудите...».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 191.

1805. Москва.

«Сочинения и Переводы И. Дмитриева. Часть Третья. М., в Типографии Платона Бекетова. 1805».

Эпиграф: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris».

Содержание:

Продолжение Басен

Мудрец и Поселянин («Как я люблю моих героев воспевать...») – С. 7; *Муха* («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – С. 10; *Лиса Проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 11; *Осел и Кабан* («В навозе вскормленный и взревший Осел...») – С. 13; *Слепец и Разслабленный* («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 14; *Отец с Сыном* («Скажите, батюшка, как щастия добиться?...») – С. 16; *Полевой цветок и Гвоздика* («Простой цветочек, дикой...») – С. 17; *Дон Кишот* («Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...») – С. 17; *Мальчик на столе* – С. 20; *Разбитая Скрипка* («Скрипка пошлая упала и разбилась...») – С. 20; *Человек и Конь* («Читатели! Хотите ль знать...») – С. 21; *Грусть и Скука* («Бедняк, не евши день, от глада...») – С. 23; *Пчела и Муха* («Здорово, душенька! – влетя в окно, Пчела...») – С. 23; *Три Льва* («Его величество, Лев сильный, царь зверей...») – С. 25; *Месяц* («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – С. 26; *Молчание Соловья* – С. 26; *Две Лисы* («Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...») – С. 27; *Суп из костей* («О времена! о времена!..») – С. 28; *Два Веера* («В гостиной на столе два Веера лежали...») – С. 29; *Ружье и Заяц* («Трусливых наберешь нимало...») – С. 30; *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 32; *Каретныя лошади* («Две лошади везли карету...») – С. 33; *Амур, Гимен и Смерть* («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – С. 34; *Часовая Стрелка* («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – С. 35; *Человек и Эхо* («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») – С. 36; *Смерть и Умирающий* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 37; *Лебедь и Гагары* («За то, что Лебедь так и бел и величав...») – С. 40; *Калиф* («Против Калифова огромнаго дворца...») – С. 41; *Лев и Комар* («Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!..») – С. 43; *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дому отлучиться...») – С. 44.

Смесь

Филемон и Бавкида («Ни злато, ни чины...») – С. 51; *Людьмила. Идиллия* («Кого мне бог послал среди уединенья?...») – С. 58; *Стансы* («Я щастлив был во дни невинности безпечной...») – С. 60; *Люблю и Любил* («Люблю – есть жизнью наслажденье...») – С. 61; *Песенка* – С. 62; *Старинная любовь*. Баллада («Как мило жили в старину...») – С. 64; *Меланхолик*. Романс («Как сын проклятия, скитаюсь...») – С. 67.

Надписи: к *Амуру*. I. «Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...» – С. 69; II. («Кто б ни был ты, склонись пред младенцем сим...» – С. 69; *Эпитафии*. *Петру Дмитриевичу Еропкину* («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – С. 70; *** «Не дрогнет начертать на камне сем резец...» – С. 71; *Матери и Сыну* («Здесь мать двух близнецов почила в свете лет...») – С. 71. *Путешествие* («Начать до света путь и ощупью идти...») – С. 72; *К приятелю, который, по сходству различных фамилий, часто принимал одну вместо другой* («Два разные, мой друг, прозванья ты меняешь...») – С. 73; *Эпиграммы*. I. «Кто как ни говори, а Нина бесподобна!..» – С. 74; II. «Поэт Оргон, хваля жену не в меру» – С. 74; III. «Что легче перышка?» – «Вода» – я отвечаю...» – С. 75; IV. «Как! Рифмин жив еще и телом и душою?..» – С. 75. *Надгробия*. I. «Полвека стан его возили в сей юдоли...» – С. 76; II. «Прохожий, стой!..» – С. 76; III. «...» – С. 76; IV. «Прохожий, стой!..» – С. 77. *На получение вышитаго по канве Геня* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством...») – С. 78; *К Гавриилу Романовичу Державину* – С. 79; *Размышление по случаю грома* («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») – С. 82; *Вольный перевод двух Од из Горация – Ода третья из Первой книги* («Лети корабль, в свой путь с Вергилием моим...») – С. 84; *Ода первая из Третьей книги* («Служитель муз, хочу я истину воспеть...») – С. 87.

1805(?) – 1807(?). Москва.

Эпиграмма «*На журналы*»:

«Как этот год у нас журналами богат!
И вестник – от Корел, и просвещенья – сват,
Аврора и Курьер Московский, – не Европы,
И грузный Корифей – дорожник на Парнас!
Какой для чтения запас!..»

Впервые: *Лонгинов*, 1867. С пропуском последнего стиха. У Дмитриева: «Какой для чтения запас, / А более для жопы» (впервые в авторской редакции: *Степанов*. С. 261).

Здесь Дмитриев разумеет:

- «...*вестник от Корел*» – «Вестник Европы» Каченовского, в котором мало что относилось к отделу известий о западной Европе;
- «...*просвещенья сват*» – «Друг Просвещения», издаваемый гр. Д. И. Хвостовым и Кутузовым и гр. Салтыковым;
- «...*Аврора и Курьер Московский*» – «Аврора» издавалась Х. Е. Рейхардтом (ум. 1812) и Я. И. де-Сангленом; «Московский Курьер» издавался С. Львовым;
- «...*И грузный Корифей*» – «Корифей, или Ключ Литературы» издавался Я. А. Галинковским.

1806

Январь. Москва.

Выходит в свет 1-й номер «Московского Зрителя». В журнале напечатано (С. 31–38; без подписи) «Письмо к Издателю журнала». В «Письме...» сохранилась программа журнала. Авторство, начиная с П. А. Плетнева (1847), приписывается И. И. Дмитриеву.

«Вы намерены издавать журнал и заботитесь о том, как назвать его? Назовите, как вам угодно, лишь бы только журнал ваш был занимателен.

Ныне трудно быть журналистом: вкус очистился более, суждение стало разборчивее, взыскательнее; сколько выходит журналов здесь и в Петербурге! Но много ли чтецов на них? ... Прочих журналов я не читал, и так остановимся теперь и отдохнем на «Вестнике Европы». Это ежемесячное издание, беспристрастно скажу, есть лучшее и по слогу своему, и по содержанию. Без сомнения, вы думаете взять его за образец для своего журнала. Советую, но только в рассуждении слога. План его хорош, но для вас бескорыстен; привычка, предубеждение отдадут всегда преимуществу образцу перед подражанием.

Постараемся лучше дать журналу вашему собственную физиономию. Мне хотелось бы видеть в нем более подлинников, чем переводов, более местного; хотелось бы, чтоб издатель его, как ревностный патриот, с пламенным сердцем и смелою рукою принялся за перо единственно для пользы земляков своих.

Вы живете в столице, где более разнообразия, более игры страстей, более условных законов, более предубеждений и, следственно, более случаев к замечаниям. Здесь одно слово старика или молодой женщины подадут повод к сочинению целого морального трактата. Часто разговоры двух простолюдинов на улице откроют наблюдателю черту народного характера или степень нынешней нравственности. Пускай журнал ваш будет хранилищем таковых наблюдений. Дайте знать молодым умникам, что гражданину отнюдь не предосудительно, как они думают, носить знак отличия, полученный за службу; что приятнее щеголять им, нежели шелковым чрез плечо снурком, с прицепленным к нему лорнетом; уведоьте некоторых почтенных земляков своих, что они скоро могут получить понятие о сочинениях Карамзина, ибо многие из них уже переведены на французский язык; что они также могут написать из Парижа и перевод записок морехода нашего Сарычева.

Последуйте примеру Карамзина и Каченовского; будьте ходатаем за несчастных; разбуджайте чувственность сограждан. Если вздох страждущего человечества не всегда доходит до высоких палат; если журнал ваш не попадет на мраморные каминь, по крайней мере он будет в руках доброго поселянина, и вы доставите ему случай быть, по мере сил его, благотворителем; скажите вашу мысль и о новых русских эмигрантах, — я говорю о тех, которые отъезжают на житье в чужие края под предлогом, что там жить дешевле; напомните им, что отцы наши до такой степени себя не уничижали; что они живали соответственно своему роду, умели сберегать для детей и содрогнулись бы при одной мысли бежать от праха отцов своих.

Можете иногда сказать слова два и о состоянии в отечестве нашем художеств. Статья эта была бы не бесполезна: сколько мы видим здесь колон, которые ничего не подпирают, или полукруглых окошек и в верхнем и в нижнем жилье, или разрисованных деревянных домов и заборов. Что скажет просвещенный иностранец о нашем вкусе? Но довольно! боюсь наскучить; заключим рецензией, важнейшею, как я уже сказал, частью журнала».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 174–176; *Вацуро*, 1989. С. 160. Составители «Сводного каталога сериальных изданий России (1801–1825)». Т. 3. Журналы (З – М)» (СПб, 2006. С. 274) называют автором этой статьи кн. П. И. Шаликова.

Здесь же (С. 73–78) напечатаны две басни И. А. Крылова: «Дуб и Трость» («Тростинке как-то Дуб изволил сделать честь...») и «Разборчивая Невеста» («Невеста девушка смекала жениха»), с примечанием издателя (кн. Шаликова): «Я получил сии прекрасные басни от И* И* Д*[митриева]. Он отдает им

справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое оне принесли ему... *Имя любезного поэта обрадует, конечно и читателей моего журнала так, как обрадовало меня*».

Кн. П. И. Шаликов в письме к кн. Вяземскому (1845, 9 февраля, Одесса) вспоминал, как «незабвенный Иван Иванович Дмитриев» привез к нему басни Крылова, процитировав при этом знаменитую строку из Вольтера:

«Chérissons le rival qui peut nous surpasser
Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser»

(«Покажите мне соперника, превосходящего меня, и я поспешу обнять его»).

Пухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени: (По архивным материалам) // Русская литература. 1973. № 2. С. 162.

Январь, 10. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Чувствительно благодаря вас за письмо и список, прошу вас принять поздравление мое с наступившим годом, с искренним желанием вам возможного в продолжение оногo благополучия. Очень любопытно видеть, каков то будет бывший Вестник по своем возрождении под новым именем <Мартынов с 1806 начал вместо «Северного Вестника» издавать «Лицей»>? Шаликова журнал Зритель пошел неудачно. Он хотел во второй книжке поместить свою рецензию на некоторые уродливости графа Хвостова; цензоры наши университетские пропустили; Хвостов о том стал их стращать, что с глупости никогда пошлин не брали; они поверили и, взяв назад Шаликова тетрадку, написали на ней, что *«хотя в ней нет ничего прогивного уставу о цензуре, однакож думаем, что напечатать ее не можно!»* Почему же не можно, когда сами говорят, что законы цензуры тому не противятся? Между тем Хвостова притчу на меня: *Барыня и ткачи* пропустили. Может быть, кн. Шаликов будет писать к попечителю университета. Если вы знакомы с Михаилом Никитичем Муравьевым, то не можете ли употребить ваше предстательство за бедного журналиста? Право, не много чести университету, если он будет запрещать критиковать тех, которые не имеют не только таланта, но даже здравого рассудка. Свидетельствуют то последние две оды Хвостова *На победу*, и *Зима*, напечатанная в декабре Друга Просвещения <1805 г., декабрь, с. 193 и 223>; желал бы я, чтобы вы прочитали ее. Этот поступок совсем новый в истории нашей словесности. Всякий подумает, что университет уважает не таланты, а графство. Державин великий поэт, но и на него писали критические замечания и печатали в «Собеседнике Любителей Российскаго Слова». И что же после того будет в ободрение тем, которые не похожи на урода Хвостова, которого произведения, конечно, делают стыд нашей словесности. Я разгорячился, но право от того, что люблю пользу и славу земляков моих. Простите, любезный Дмитрий Иванович, будьте здоровы, счастливы и продолжайте любить почитателя вашего Дмитриева».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1096—1098; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 199—200.

Январь (перв. пол.). Москва.

Ея превосходительству Прасковье Ивановне Мятлевой («Стени дочь нежная над урною отца...») («Вестник Европы». Ч. XXV. № 1. С. 32; подпись: Дм.).

Издавалось также под заглавием «Стихи на кончину фельдмаршала графа И. П. Салтыкова».

Январь. Москва.

Читает в «Друге Просвещения» (Ч. I. № 1. С. 27—30, без подписи) «Оду к милой во вкусе модной литературы», начинающуюся с прославления слова «милый»:

Мила похлебка с бураками,
Мила говядина, что в ней,

*Мила капуста с огурцами,
Мил соус красный из гребней...*

Далее автор переходит к слезам:

Стихи прекрасны – в том признайтесь,
Слеза и мило – все тут есть...
Что нужды в том, что смыслу мало.
Не всякий с толком говорит,
Пролей *слезу* – и ты пиит!

Заканчивается «Ода» злым намеком на «Московский Зритель»:

Последуя влеченью моды,
Слезу и милую твердя,
Я скоро опишу походы,
Из комнаты не выходя.

Здесь же напечатаны:

– полемическое стихотворение «Чувствительно-нежный бред» (С. 31–33; без подписи, но с указанием места и времени: «село Прямухино мая 20 дня 1805»).

– «Письмо к Издателю» (С. 72–73, подписанное NΣ), с нападками на русских путешественников, прежде всего на Карамзина («...езда по свету без всякаго предмету») и В. В. Измайлова и его «Путешествие в полуденную Россию» (1800; 2-е изд. 1802).

Февраль, 5. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо Дмитриева из Москвы:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Я уже предупредил вас о странном поступке университетского цензурного комитета против кн. Шаликова. Теперь дело решилось: комитет возвратил ему критику на сочинения Хвостова с запрещением печатать ее, и с своими на нее замечаниями. Какие же они! Например, где у кн. Шаликова сказано: в этом стихе нет смысла, там профессора написали на поле: *не учтиво*, где критик сказал: этот стиль дурен, там они поставили: *оскорбительно*, и так далее. Он на сей почте посылает эту критику с замечаниями к Михайле Никитичу Муравьеву. Что ж значит теперь устав цензуры и самый департамент просвещения, если, вопреки видов правительства, критика будет стесняема, и что еще хуже, критика на дурных только сочинителей потому только, что они пятого класса и в ленте; если эти пачкуны напротив того будут еще ободряемы, ибо я слышал, что приказано будет *в ученых Московских Ведомостях* расхвалить Пиндаров перевод, который нельзя бы похвалить и во времена Тредьяковского? Что мне лестного, наконец, быть членом академии, университета, когда всякий пачкун может быть моим сотоварищем! Недавно одного из них глупое рифмосплетение <вероятно, графа Хвостова> читали даже на кафедре университетской. Я не вытерпел и сделал мои замечания, равно как и на другую оду его, помещенную в Друге просвещения; для любопытства при сем к вам посылаю. Увидите сами, стоит ли такой человек явного покровительства университета. Сделайте дружбу, Дмитрий Иванович, постарайтесь в пользу кн. Шаликова, а ежели нельзя уже напечатать критику его в Москве, так уведоьте меня, нельзя ли, по крайней мере, напечатать ее в петербургских журналах? Неужели у вас позволено щелкать только нас бедных? Простите, будьте здоровы и продолжайте любить искреннего вашего почитателя и покорнейшего слугу Ивана Дмитриева».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1098–1100, с пометой о получении: «Письмо получено в Петербурге 5 февраля 1806 г.»; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 198–199.

Февраль, 6. Москва.

Назначен сенатором в Московский VI департамент Сената.

Дмитриев, 1866. С. 151: «В 1806 году, Февраля 6 дня, Император Александр, первый и единственный мой покровитель, соблаговолил удостоить меня звание Сенатора. Согласно с желанием моим я остался в Москве: повелено мне присутствовать в Шестом департаменте Сената...».

Февраль, 11. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Покорнейше благодарю вас за обещанную вами протекцию кн. Шаликову; он уже послал жалобу к попечителю Московского университета; если не получит себе удовлетворения, в таком случай я уже буду просить вас исполнить или по первому, или под другому вашему предложению. Что же касается до моих примечаний, то я писал их не таким тоном, какой требуется для критики, предназначаемой для публики, по сему и нельзя их напечатать. Скоро ли выйдут вторая часть сочинений Востокова и 2-я часть Трудов Академии? Любопытствую и ту и другую видеть, но по разным причинам. Между тем, пожелав вам всякого благополучия, с совершенным почтением моим имею честь быть ваш, милостивого государя моего, покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1100; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 200.

Февраль. Москва.

В «Друге Просвещения» (1806. Ч. I. № 2. С. 155–156) напечатано без имени переводчика «Письмо Петрония к Ювеналу» с подзаголовком: «Перевод с латинского», в котором рассказывается, как некий Эвмольп, «загорелый африканских степей житель, иссохший, бледный, у которого длинный нос, может служить преградой собеседникам от солнечных лучей», пришел в гости к Сенеке, где были «Лукан, Перций и другие знаменитые и просвещенные люди» и т.д. Совершенно очевидно, что под римскими масками здесь описаны какие-то современные литераторы и какое-то событие. Гр. Д. М. Хвостов раскрывает авторство, имена литераторов и событие, описанное в «Письме...»: «Сие письмо есть сочинение графа Дмитрия Ивановича Хвостова на князя Петра Ивановича Шаликова. Описанное происшествие случилось в присутствии Карамзина, Дмитриева, графа Хвостова, В. Л. Пушкина и других в доме покойного именинника творца Россияды <Хераскова>. Сатира или пасквиль сей был напечатан в «Друге Просвещения» под титулом перевода и никто не догадался, что это было. Первый оцупал через полгода Ив. Ив. Дмитриев, пересказал Шаликову, который так рассердился, что напечатал в своей Аглае <описка Хвостова, следует: «Московский Зритель»>, по-матерну, что я непристойный уд на Парнасе. После князь Шаликов ко мне умилоствовался, пишет доселе нежные письма, а я при сущей старости моей усовестился и каюсь в моем грехе. 1832 марта 1 дня».

Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг Просвещения» и «Московский Зритель») // XVIII век. Сб. С. 98–99 (со ссылкой на архив гр. Хвостова: ИРЛИ. РО. Ф. 322 Д. И. Хвостова, № 1, л. 19, об. 20).

Февраль, 22. Москва.

Письмо к Г. Р. Державину.

Державин, 1871. Том II. С. 536.

Март, 2. Петербург.

Г. Р. Державин в письме к Дмитриеву в Москву пишет:

«Письмо ваше от 22 числа минувшего месяца получил. Как я уже отвечал пред сим вам на просьбу г. Каченовского, то на письмо его, после мною полученное по той же самой материи, и не рассудил делать повторения к вам написанного, уповаю, что вы покажете ему письмо мое; а сим и кончится смешная переписка наша и мы будем по прежнему приятелями. Но из нынешнего вашего письма вижу, что по вашему совету переправил он перевод мой *Цирцеи*; следовательно он и не виноват ни в чем передо мною. Вы же как по вашей дружбе ко мне уже и прежде поправляли в стихах

моих что вам не покажется, и я нередко следовал вашим советам; то и теперь также безделка не может между нами сделать ни малейшей неприятности. Недоразумения и ошибки всем людям свойственны. Касательно же *Девы за клавиесинами*, белыми стихами написанной, то мне известно отвращение ваше от сей поэзии, как от протухлой рыбы, которая неприятна вкусу вашему: то и не мудрено теперь, что она г. Каченовским при первом разе была не напечатана. А потому и прошу сказать ему, что зависит теперь от вас предавать ее тиснению или оставить; однако для любящих немецкого и греческого языков безрифменную поэзию она будет в собрании моих сочинений напечатана, и вас прошу, как особенного охотника до рифм, в том на меня, хотя для известной мне дружбы вашей, не прогневаться.

Последняя кантата г. Мерзлякова, переведенная с Драйденовой, право прекрасна; не знаю только, как близка с подлинником».

Первые: *Москвитянин*. 1848. № 10 (письмо 15); *Державин*, 1871. Т. II. С. 536 и 540. Т. VI. С. 176.

Под «последней кантатой Мерзлякова» Державин понимает «Торжество Александра, или сила музыки». Эта же кантата была переведена после В. А. Жуковским под названием: «Пиршество Александра, или сила гармонии» (примеч. М. Дмитриева).

Март, 3 ... 8. Петербург.

Г. Р. Державин получает письмо Дмитриева из Москвы (не обнаружено) и 3-ю часть его сочинений <напечатана в 1805 г. в дополнение к двум первым, изданным в 1803 г.>.

Март, 8. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Письмо ваше и при нем дружеский, а для меня весьма приятный подарок ваш в 3-й части сочинений ваших получил. Я тотчас его с крайним вниманием прочел. Нахожу ту же чистоту мыслей и приятность слога, как в первых ваших творениях. Но кажется, или вы наскучили стихотворством, или с намерением сокращались в некоторых баснях ваших, сжимая слишком слог оных, который, при всей своей краткости в сем роде сочинений и простоте, должен быть сколько легок, столько и игрив; а для того и высочили у меня следующие четыре стиха, которые, по дружбе моей, к вам одному только и сообщаю:

О! как сердит бывал градской наш бургомистр,
Из первостатейных кто в мещане исключался.
Досадно, что и ты талант свой скрыть старался,
Из баснослова став, мой друг, эпиграммист.

Пребываю впрочем и т. д.

Гавриил Державин».

Державин, 1871. Т. VI. С. 176. В чистой тетради мелких пьес Державина три последних стиха получили следующую редакцию:

«Из первой гильдии кто в мещане исключался.
Сердит и Феб, мой друг, что дар ты скрыть старался
И стал не басельник, но уж эпиграммист».

Март. Москва.

В «Московском Зрителе» (1806. Ч. 1. № 3 (март). С. 33–34) в рубрике «Словесность Руская» Дмитриев печатает:

Орел и Каплун. Баснь («Юпитеров Орел за облака взвивался...» <ранняя редакция>) – С. 33–34; подпись: И*.

Ода. Спокойствие («Пловец под тучею нависшей...») – С. 35–37; подпись: И*. <Подражание Горацию. Книга XIII, Ода VII>.

Март. Москва.

В «Друге Просвещения» (Ч. I. № 3. С. 227) напечатано «Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву» Д. П. Горчакова, содержащее известную строфу:

И даже Мирлифлор, Прозопиита Дамской,
Мечтающий пленить то былью нас, то сказкой,
Между сороками сидящий гогольком,
Горючую слезу лиющ над васильком,
И он умрет. – Ах! Нет, как сахарец растает,
В незриму превратится мглу,
И свет бессовестный во веки не узнает,
Что дивом некогда он слыл в своем утлу.

Г. В. Ермакова-Битнер, как и многие ее предшественники, считает, что под Мирлифлором Горчаков «имеет в виду Н. М. Карамзина или, может быть, кого-то из его последователей» (Поэты-сатирики конца XVII – начала XIX в. Л., 1959. С. 626; там же указано (С. 158, 631) примерное время написания «Письма...» – 1799 г.). М. А. Арзуманова выдвигает предположение, что Мирлифлор – скорее всего И. И. Дмитриев (*Арзуманова М. А. Об одной распространенной легенде // Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы, вып. I, 1964. С. 99–102*). М. Г. Альтшуллер оспаривает датировку стихотворения и высказывает осторожное предположение, что под Мирлифлором следует разумеать кн. П. И. Шаликова (*Альтшуллер М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века... С. 102*).

Апрель, 14. Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич.

Чувствительно благодарю вас за приятное ваше письмо и за участие, принимаемое вами во всем том, что до меня касается. Коммиссию вашу я исполнил на другой же день по получении письма вашего. Бекетов сказал, что охотно пришлет к вам все деньги, когда вы ни потребуете. Может быть, вы их и получили, ибо он тогда же хотел писать вам, и это уже давно было. Долго ли вам жить в деревне? Долговременное уединение едва ли не столь же вредно для автора, как неумеренное рассеяние. По крайней мере доставьте мне удовольствие сообщением ваших произведений. Об этом просит вас тот, который, право, искренно любит и сердце ваше и ум, всегда пребудет к вам с совершенным почтением покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

РА. 1871. III. 2. Стб. 413.

Апрель, не позже 19. Москва.

Получает письмо А. И. Тургенева из Петербурга.

РС. 1903. № 12. С. 703.

Апрель, 19. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу:

«Милостивый Государь мой Александр Иванович!

Чувствительно благодарю вас за дружеское ваше писание; все, что вы ни сказали в нем, лестно и сердцу моему и самолюбию; желал бы хотя десятою долею оправдать ваше обо мне заключение.

Уверяю также в благодарности моей и Дмитрия Николаевича <Блудова>, которого, право, я искренно почитаю; я удивляюсь моему щастию, что есть еще добрые люди, которым я могу казаться сносным; мне кажется, кучи нелепостей, непрестанно выходящие из наших привилегированных типографий, могут произвести отвращение ко всей вообще российской словесности. Что бы сказали наши внучата о нашем просвещении, если бы дошли до них только русские наших времен журналы?

Однакож я забылся; мое дело теперь читать сенатские записки. Пусть Хвостов ратоборствует на поприще славы и топчут (sic) Шаликовых; пусть цензоры раздают им лавры и похвалы: пред ними честь и слава, а я выбираю щастливую посредственность и буду очень доволен, ежели милые мне люди не перестанут меня любить, как доброго их друга.

Прости, любезный Александр Иванович! будьте щастливы и уверьтесь навсегда в неперменном почтении к вам и приязни покорнейшего вашего слуги. Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 703.

Апрель (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. XXVI, № 8, апрель. С. 278–300) помещен, без подписи, разбор третьей части «Сочинений и Переводов» Дмитриева, вышедшей в 1805 г. Автор: М. Каченовский.

Май (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. XXVII, № 9, май. С. 42–54) помещено окончание критического разбора третьей части «Сочинений и Переводов» Дмитриева. Автор: М. Каченовский.

Рассмотрению подвергнуты переведенная из Лафонтена «стихотворная повесть» «Филемон и Бавкида» (С. 43–48) и перевод третьей оды Горация из первой книги, «той самой, которая почитается образцовым произведением Лирического Гения» (С. 48–54).

<1806. Май>. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург, после прочтения рецензии Каченовского пишет:

«Любезный Александр Иванович.

Без сомнения вы уже видели строгую рецензию великого Каченовского на мои безделки. Что теперь вы скажите о связях, надеждах, любомудрии и счастья сынов человеческих? Давно ли этот муж дедиковал мне свои переводы? Давно ли признавал меня достойным своего одобрения? А теперь вознес на меня грозный бич критики и желал бы в один миг уничтожить бедную мою славишку. Этого еще мало: хотел бы даже больно угрызть меня; вы это сами приметите. Я нимало не огорчаюсь тем, что он замечает мои погрешности в слоге, в языке, в приличности и пр. Это взаимность: я и сам, хотя не печатаю, но один на один говаривал ему, что нельзя писать, как он пишет: *заложить* вместо завести фабрику, *ехать* на корабле и пр., что не должно в Руском журнале нападать на галлицизмы малороссийзмами. Замечать погрешности в соч., еще повторю, не только позволительно, но и полезно, и добросовестный писатель никогда не должен сердиться в таком случае на добросовестного своего критика. Но к чему вводить в критику личности, как например о *спеси сенаторской*? К чему посторонние злые намерения? Есть ли все таким образом будут журналисты наши писать, то наш литературный журнал будет не иное что как котомка, висящая на Пасквиновой статуе. Это все я говорю между нами: лишась, по несчастию способа изъясняться с милым *Иваном Петровичем* <Тургеневым> (в рассуждении языка его), мне отраднo по крайней мере вместо его говорить хотя с милым сыном его. Господину же критику отвечать не намерен. Пусть он остается в сладкой уверенности, что властен управлять вкусом публики и раздавать свои венцы или отнимать их когда захочет. Я уже давно уволен с Парнаса: топчи он, сколько хочет, мою книгу, лишь не мни подсолнечника в огороде моем. Право, я говорю это от всего доброго сердца с такою же искренностью, с какою любил и всегда будет любить вас покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1074–1075.

Май, до 18-го. Москва.

<Эпиграмма на Каченовского>: *Ответ* («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...»).

Впервые: *РА*. 1867. № 5–6. С. 985.

Май, 18. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович!

Вы дивитесь, что господин магистр Каченовской переменил ко мне свое высокоблаговоление. Чему дивиться? Он узнал меня короче, узнал более мои недостатки и уверился, наконец, что в Русской литературе два только светила: он со стороны вкуса, а Мерзляков в поэзии. Но тонкой вкус его не уважает даже и в Мерзлякове лирического таланта, а восхищается от его элегических выражений: *горемышно ретиво сердце; кто размыкаете мою тоску; горючи слезы глаза выплакали, проточили стену каменну* и пр. К тому же он запаса творениями наших знаменитых поэтов Державина и Хераскова; к тому же он уверен, что мне защищать себя не прилично, а другие за меня не вступятся: всяк стоит за себя только. Правда, я не следовал сему правилу, пища *Орел и Змея, Осел и Кабан* и другие подобные пиесы. Но, может быть, поступок мой отнесут более к моей простоте и неосторожности.

Иные хотят уверить меня, будто и Мерзляков участвовал в этой критике: я и сам подозреваю тираду о характере Гор:[ациевых] соч:[инений] быть его произведением, ибо слог этой тирады совершенно отличен от слога всей критики. Впрочем я не досажду на него, естли он и внушил Каченовского: он друг ему, а мне ничего. Теперь остается мне ожидать заключительного проклятия от Петербургских журналистов и потом отдать пальму [Хвостову: в оригинале зачеркнуто], посвятить себя служению одной Фемиде и забыть навсегда милую двадцатилетнюю привычку к стихокропанию и лестное ободрение публики. Вот какие чудеса может настроить один магистр!

Плюгавый выползок из ... де Фонтена!

Но я с лишком предался горячности оскорбленного поэта; важность судьи полагает предел ей, а сердце велит вас обнять и уверить в искреннем почтении к вам покорнейшего слуги.

Дмитриев.

Любезному Дмитрию Николаевичу <Блудову> скажите искреннее мое почтение и благодарность».

РА. 1867. № 7. Стб. 1072–1073; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 202–203.

Май, 25. Москва.

Дмитриев в письме к Жуковскому в Белев пишет:

«Простите меня, Василий Андреевич, что я так поздно вам отвечаю; право, не за леностью, а за недосугом. Платон Петрович извиняется пред вами, что так долго не посылал к вам денег: он сам имел в них недостаток, и к тому же не мог угадать, сколько прислать, не зная, в какой формат был оригинал, с которого вы переводили. И так, поспешите о последнем уведомить меня и вы, конечно, скоро получите. Читали ли вы рецензию г. Каченовского? Что же вы скажете теперь о вашем рыцаре, т. е. обо мне бедном? Где теперь хваленый вами баснописец? Где его чистота и гармония в стихотворстве, где его слава? Увы! увь! одно слово Каченовского, и прощай моя девятилетняя славишка! Самому за себя вступаться не ловко, а другим какая нужда! Шутки в сторону, могли ли вы подозревать, чтоб Каченовский мог так скоро переменить свое мнение о моем таланте? Вы узнаете о том после, а теперь знайте только, что я подозреваю и вашего Мерзлякова соучастником в этой критике; по крайней мере уверен, что изъяснение характера Горациевой оды есть точно Мерзлякова. Знайте же и о том, что и тот и другой во всю зиму были у меня по одному разу в неделю, и верно, — никто их не принимал с

большую ласкою. Но теперь я буду гораздо осторожнее; я ставлю себя выше того, чтоб оскорбляться критикою какого-нибудь Каченовского, который хочет судить других, а сам в то же время пишет *ехал на корабле, заложил фабрику, заложил магазин*, вместо *завел и учредил*, и думает вместо галлицизмов обогащать нас малороссизмами. Но пусть Каченовский видит в Мерзлякове единственного поэта, а этот в нем Лагарпа; пусть досточтимые цензоры запрещают критику на Хвостова и позволяют на счет мой говорить самые личности: я, право, равнодушен и, может быть, еще сыщутся добрые люди, которые будут читать меня. Прощайте, любезный Василий Андреевич, пишите ко мне, несмотря на медленность моих ответов и продолжайте любить меня».

РА. 1871. III. 2. Стб. 413—415.

Май, ок. 20. Москва.

Получает из Петербурга от А. Х. Востокова письмо и книгу «Опыты лирические и другия мелкия сочинения в стихах» (СПб. Ч. 1—2).

Май, 26. Петербург.

Д. И. Языков получает письмо Дмитриева из Москвы:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Чувствительно благодарю вас за письмо ваше. Как бы я желал увидаться с вами в Москве! Но ежели вы будете в Июне, то мы можем и не увидаться, ибо я намерен в этом месяце съездить в отчизну. Я имел удовольствие получить от г. Востокова приятный для меня подарок его сочинений. На будущей почте буду благодарить его, а между тем прошу вас уведомить, как его имя и отчество? Я мог бы о том справиться в присланной от вас росписи членов общества, но не мог найти ее. Уведомьте меня, Дмитрий Иванович, вышла ли третья книжка *Свитка Муз* и еще перевода Филланджерия *О законодательстве*. Желал бы я видеть и то и другое, а еще более желал бы скорее увидеть вас и уверить лично в том почтении, с которым был и всегда пребуду покорнейшим вашим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Карамзин уже кончил вторую часть истории; но публика увидит ее не прежде, как по окончании четвертой части».

РА. 1868. № 7—8. Стб. 1100—1101, с пометкой о получении: «Получено в Петербурге 26 мая 1806 года»; *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 204—205.

Май, 28. Петербург.

Дата под статьей Д. Н. Блудова по поводу критики Каченовского на сочинения И. И. Дмитриева.

Впервые: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М. 1869.

Май, 30. Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич.

Спешу препроводить к вам при сем от брата Платона Петровича Бекетова в особливом пакете сто рублей ассигнациями. Он посылает к вам еще два вырезка из каталога; уведомьте, с которого из означенных изданий вы переводили, чтоб вернее знать, сколько следует вам получить денег. Не привыкши писать о таких расчетах, чувствую сам, что написал все письмо не по авторски, а по подъячески. Скоро вы придете? Право советую. По крайней мере позволительно желать того искренно любящему вас Дмитриеву».

РА. 1871. III. 2. Стб. 415. Адрес: «В Белев. Его благородию, милостивому государю моему Василию Андреевичу Жуковскому».

Июнь (не позже 2-го). Москва.

Получает из Петербурга от А. Х. Востокова 2-ю часть книги «Опыты лирические и другия мелкия сочинения в стихах» (СПб. Ч. 2).

Июнь, 2. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь мой Дмитрий Иванович.

Покорнейше благодарю вас за приятное ваше письмо и исполнение моей комиссии. Надеюсь, что вы по приязни вашей не отречетесь исполнить и другую: приказать доставить прилагаемое при сем письмо к Александру Христофоровичу Востокову. Я не догадался спросить о его жителстве, и теперь боюсь, чтобы письмо мое не разтёхалось с вами. Я отложил отъезд мой до Июля, следственно ласкаю себя подчивать вас чаем в огороде моем, а между тем повторяю вам прежние уверения в искреннем моем почтении и любви, с коими навсегда пребудет к вам ваш покорный слуга Иван Дмитриев».

РА. 1868. № 7–8. Стб. 1101–1102; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 205.

Июль, 2. Москва.

Письмо к А. Х. Востокову в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Христофорович. Примите от сердца моего новую благодарность за новый ваш подарок. Вторая часть ваших произведений доставила мне такое же удовольствие, как и первая; особенно же полюбилась мне ваш повествовательный опыт. Это едва ли не новый род в нашей литературе; по крайней мере, я доселе не читал на нашем языке стихотворных героических сказок. Не охладевайте в служении столь светоносному богу; иначе вы были бы к нему неблагодарны. Довольствуйтесь тихой, но невинною, следственно и приятною жизнью. С вашим талантом, по которому я, кажется, отгадываю ваше сердце, вы верно счастливее многих светских счастливых: их блага в мечтах, а ваши в сердце. Письмо ваше могло бы упоить меня самолюбием, но хорошо, что оно пришло вскоре после Каченовского рецензии на мои сочинения.

По крайней мере я утешаюсь, что вижу в вас снисходительного судию моих талантов, и искренно благодарю вас за ваше доброе обо мне мнение, пребывая навсегда с отличным почтением моим вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 205–206.

Июль. Москва.

В «Московском Зрителе» (1806. № 7. С. 38–52) П. И. Шаликов в статье о Лафонтене, разбирая басню Дмитриева «Мышь, удалившаяся от света», в примечании к ней пишет: «Пользуюсь переведенною нашим единственным *Лафонтеном*, истинным соперником баснописца французского. Сравните сей перевод с оригиналом – и вы увидите, как гении переводят гениев». Далее в примечании к строке из этой басни «И руки положи на грудь свою крестом» Шаликов пишет: «Я слышал однажды от поэта-переводчика, что он написал *махиально руки* вместо *лапки*; без сомнения так; ибо ничто не обязывало написать *руки*: ни мера, ни просодия; к тому же *лапки крестом* сделало бы очень хорошую противоположность» (С. 52).

Август, 25. Москва.

С. П. Жихарев записывает в дневник:

«...И. И. Дмитриев пожалован Сенатором; я ездил его поздравить и нашел у него Н. Н. Бантыш-Каменского, которому он меня рекомендовал, объявив, что я из студентов и записан уже в Иностранную коллегию».

Жихарев, 1989. Т. 2. С. 4. Это какое-то недоразумение: сенатором Дмитриев стал еще в феврале месяце.

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему минуло 46 лет.

Ноябрь, 18. Петербург.

Рескрипт имп. Александра I о награждении Дмитриева орденом святой Анны первого класса:

«Нашему Тайному Советнику и Сенатору Дмитриеву.

Желая изъявить особенное благоволение к отличному усердию и трудам, подъемным вами на пользу службы, всемилоостивейше пожаловали мы вас кавалером ордена св. Анны первого класса, коего знаки, для возложения на вас, при сем препровождаются.

Александр».

Дмитриев, 1866. С. 151; 173: «В 1806 году <...> осьмнадцатого Ноября, я имел щастие получить орден святыя Анны первого класса».

Ноябрь, 22. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву. Вместе с письмом Державин высылает Дмитриеву пять экз. только что отпечатанных двух его од: «На рождение великой княжны Елисаветы Александровны» (род. 4 нояб. 1806) и «На отправление в армию гр. Каменскаго»:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Имею честь в-го пр-ва поздравить с прирасою, полученною от Государя Императора. Желая вам более и более. Я вам должен два рубли за Эстетику <это могли быть или: «Главное начертание теории и истории изящных наук, соч. Мейнерса, пер. Сохацкаго, М. 1803»; или: «Начальные правила словесности, аббата Баттё, перев. Облеухова, 4 части, М. 1806–1807»>. Прошу покорнейше подписаться на получение журналов и взнести деньги для Вестника Европы, Друга Просвещения и Ученых Ведомостей, а более никаких. Деньги с благодарностию, что будет стоить, доставлю. При сем препровождаю пять экземпляров нового моего продукта. Прошу по надписям доставить и тем меня одолжить. Читал я некоторую драму, как говорят, сочинения Юрия Александровича Нелединского и Сандунова. Завязка очень хитра, но по моему мнению не делает чести их нравственности. Но я в таковых сочинениях не знаток; а может быть, и не они писали: то и замечаю только для любопытства вашего.

Пребываю и проч.

Гавриил Державин».

Державин, 1871. Т. 6. С. 181–182.

Декабрь, 5. Среда. Петербург.

Первая встреча Г. Р. Державина с С. П. Жихаревым. Во время совместного разговора Жихарев рассказал о своем знакомстве с Дмитриевым и процитировал целиком его послание к Державину: «Бард безымянный, тебя ль не узнаю».

Жихарев, 1989. Т. 2. С. 45.

Декабрь, 23. Воскресенье. Москва.

Письмо к А. Х. Востокову в Петербург:

«Милостивый государь мой. Спешу изъявить вам искреннюю благодарность мою за честь, сделанную мне и письмом вашим и подарком. Я уже полюбил вас по трем или четырем пиесам, напечатанным во второй книжке *Свитка Муз*; с того времени сочинений ваших прибавилось, следственно и любовь моя к вам должна прибавиться. Ода ваша: к фантазии и царство очарований исполнены прекрасными местами и носят совершенно печать очаровательной поэзии. Перевод Руссовой кантаты и Вольтеровой сказки доказывают, что вы умеете чувствовать красоту и в других родах поэзии и владеете языком стихотворным. Вы предупредили мое желание, показав нам опыты с разных размеров греческих и римских. Мне давно хотелось, чтобы поэты наши пели не одним только ямбом и хореем: чем более перемен в музыке, тем более удовольствия для слушателя. Все показанные вами

размеры приятны и в нашей поэзии, кроме Горацианского, употребленного вами в пиесе: к борею. По крайней мере он не так полюбился мне, как прочие. Вот, милостивый государь мой, все что хотелось мне сказать на первый случай. Теперь позвольте мне кончить, препоручением себя в дальнейшее ваше знакомство и уверением в неместном почитании, с коим навсегда имеет честь пребыть ваш, милостивого государя моего, покорный слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 207–208.

Дмитриев пишет о стихах, помещенных в первой части «Опытов» А. Х. Востокова: «Фантазия» («Тебе, Олимпа дочь священна...»), «Царство очарований», «Цирцея», «Амимона» (кантаты Ж. Б. Руссо), «Телема и Макар, или желание и блаженство» (из Вольтера), «К Борею, в 1-й день Маяя».

1806. Москва.

Письмо к Жуковскому в Петербург:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич. Благодарю вас от сердца за два приятных письма ваши и за стихотворное, весьма лестное для меня, приветствие. Я недавно возвратился в Москву, и потому только так поздно вам отвечаю. О плане вашем христоматии скажу, что нельзя сделать выбора с большею разборчивостью; что же, по моему мнению, прибавить или убавить, это вы увидите отмеченным на вашем листочке, который при сем возвращаю. Сверх того желал бы, чтоб вы не передумали приобщить к каждому роду и наставления, по примеру издателей Стих.[отворной] Энциклопедии. О поступке Кач.[еновского] я не скажу ни слова, ибо мне и не ловко, и не прилично быть судьей в собственном деле. Пусть судят о том те, которые довольно опыты, довольно знают приличность и умеют отличать здравомысленную критику от натяжек малороссийского школьника, желавшего более мне мстить, нежели отдать справедливость. Журналисты: Храповицкие, Богдановичи, Новиковы, конечно, могли также находить некоторые ошибки в Хераскове, Петрове и проч., но они останавливались только на красотах их. Зачем же? Для того, что хороших поэтов у нас еще не много, для того, что сами были светские люди, а не бурсаки, следственно умели наблюдать деликатность. Но оставим это. Скажите лучше, когда вы возвратитесь в Москву, скоро ли мы увидим что-нибудь вашего произведения, не зародился ли какой-нибудь внучек Марфы Посадницы? Но я лучше бы желал увидеть колдунью в Марьиной рощи, или в рода идилии, возвращающегося со службы воина в свою отчизну, или барда на поле битвы после ночного сражения, или оду: песнопевец, или четыре время дня, но мало ли что приходит в голову на досуге! Простите, верьте искренней привязанности к вам покорного вам слуги И. Дмитриева».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 206–207.

1806. Петербург.

Письмо А. Х. Востокова к Дмитриеву:

«...Я читал и перечитывал прекрасные ваши басни, все до одной, с равным удовольствием. Позвольте мне объявить свое мнение: из всех подражателей Лафонтена (на Русском языке – иностранных я не знаю) Вы в своих баснях наиболее умели сохранить простоту его и любезность; и все те качества, коими французы в своем Баснописце восхищаются, дали Вы почувствовать Русским, с лучшим успехом, нежели Ваши предшественники. Они не имели Вашей приятности в слоге. Ни в ком из них не видно и по уму вкусу столько сходства с Лафонтеном, как в Вас».

Сборник Отд. русск. яз. и словесности. Т. V. Вып. 2. С. XIX.

1806. Москва.

«Не понимаю я, откуда мысль пришла / Клеону приписать Фуфановой «Цирцею»...».

Датировка: *Дмитриев, 1966. С. 358. См. «1807. Ноябрь, 18».*

1806. Москва.

К моему лицеподобию («Ему плетет венец терновый Каллиопа...»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 461. Г. П. Макогоненко связывает это двустишие с эпиграммой «Ответ» («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») (*Дмитриев*, 1966. С. 461). См. «1807. Ноябрь, 18».

1806–1807. Москва.

Амур в карикатуре («Слуга покорный тем и этим в тот же час...»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 358. См. «1807. Ноябрь, 18».

1806–1807. Москва.

Будочник («Слушай всякий, кто с ушами...»).

Датировка: *Дмитриев*, 1966. С. 362. См. «1807. Ноябрь, 18».

1806–1810. Январь, 1.

Из детских лет Пушкина:

«...Однажды мне И. И. Дмитриев сказал: «Посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «По крайней мере отличусь тем и не буду рябчик» <И. И. Дмитриев был рябой – примеч. М. Макарова>. Рябчик и арабчик оставались у нас целый вечер на губах».

Макаров М. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве) // Современник. 1843. Т. 29. С. 383.

Однако о *рябости* лица И. И. Дмитриева А. П. Бекетов пишет совершенно противоположное: «Я помню его уже, быв еще пятилетним ребенком, но выдав его несравненно реже, не мог так твердо запомнить. Как теперь смотрю на его высокую величавую фигуру, на его спокойное, умное лицо, внушающее уважение. Он был всегда ровен, нельзя сказать сдержан, нет, но сдержанность и самообладание настолько выработали его характер, настолько сделали его второю природою, что в преклонных годах он, кажется не имел уже надобности себя сдерживать...»

Череп Дмитриева, хорошо развитый, был почти совершенно обнажен, и И. И. носил густой парик, серой, но не белый, с короткими, зачесанными кверху волосами надо лбом и приглаженными вперед на висках. Цвет лица его был немного красноват, глаза серо-голубые, умные, холодные. Дмитриев имел прищуривать один глаз, чтобы по возможности скрыть косогласие, довольно сильное, что видно на портрете, рисованном Тончи. Живописный портрет Дмитриева, работы Кинеля, в свое время наверное был очень похож. Нос И. И. был велик, но не дурной формы; губы тонки и несколько сжаты. Держался он прямо и сановито, но без всякой натяжки. Одевался он тщательно, просто; чаще всего можно было видеть его во фраке серого цвета, точнее – грифельного, звезды носил он, как все тогда, постоянно... Описывая наружность Дмитриева, я забыл упомянуть о том, что где-то в журнале лет за 5 или более, было сказано, что он ряб. М. А. Дмитриев возражал на это, восстанавливая истину. И. И. не был ряб, но М. А. был действительно несколько рябоват...».

Отрывки из воспоминаний Бекетова // Щукинский Сборник. М. 1903. Вып. 2.

1806–1811. Июль, 15.

Пушкин, слушая чтение стихотворений и басен Дмитриева и Василия Львовича Пушкина, повторяет их наизусть.

Бантыш-Каменский, 1847. С. 60. Летопись, 1991. С. 29.

1807

Февраль, 24. Петербург.

Кончина И. П. Тургенева.

Ноябрь, 18. Москва.

Дмитриев дарит П. П. Бекетову тетрадь со своими стихами со следующим заглавием: «Именинный подарок любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва, 1807, ноября 18 дня».

РА. 1867. № 5–6. Стб. 981. См. также: *Степанов В. П.* Заметки о В. Л. Пушкине // Пушкин. Исслед. и матер. Вып. XI. С. 250–262, с указанием места хранения: ИРЛИ. (Ф. 497, поступления 1979 г., № 37.

В тетради помещены 22 стихотворения Дмитриева; 5 были позже напечатаны, а 17 стихотворений впервые были напечатаны только в 1867 г. в «Русском Архиве» (№ 5–6. Стб. 982–990).

«Первые суть следующие»:

Путешествие в чужие края в 1803 и 1804 годах.

Впервые напечатано в 1807 г. под заглавием: «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» («Друзья! сестрицы! я в Париже...»)

Трисоттин и Вадиус.

Впервые: Изд. 3-е. Ч. 1. С. 76. В «Дмитриев, 1966» ссылка на публикацию в РА (1867. № 5–6. Стб. 981) отсутствует.

Эпиграмма («Подзобок на груди и подогнув колена...»).

Впервые: Изд. 3-е. Ч. 1. С. 71.

На множество дурных од, вышедших по случаю рождения именитой особы («О, тяжелой жизни договор!..»).

Щастливец («Блажен тот муж, кто к Безбородке...»).

Впервые: РА. 1863. № 13. Стб. 959, под заглавием «Блаженство».

Впервые опубликованные в «Русском Архиве»:

I. *На спуск Стефанием трех шаров, в присутствии трех знатных особ («Ну, видел спуск я трех шаров!..»)* – стб. 982.

II. *На журнал «Новости литературы» («Что за журнал?..»)* – стб. 982.

Под названием «Новости Литературы», вместо «На журнал “Новости литературы”» как у Дмитриева (см.: *Степанов В. П.* С. 260). Эпиграмма на П. А. Сохацкого.

III. *«Не понимаю я, откуда мысль пришла...»* – стб. 982–983.

Под названием «Эпиграмма». Жанровый заголовок «Эпиграмма» у Дмитриева отсутствует; представлен М. Н. Лонгиновым (см.: *Степанов В. П.* С. 260).

IV. *К моему лицеподобию («Ему плетет венец терновый Каллиопа...»).* – стб. 983.

V. *Объявление от издателей о журнале на будущий год («Во славу троицы певцов...»)* – стб. 984.

VI. *На смерть Ипполита Федоровича Богдановича (« – О чем ты сетуешь, прелестная Харита?...»).* – стб. 984.

С опечаткой в третьей строке: «Послала смерть Петру...». В. П. Степанов приводит авторский текст этой строки: «Послала смерть Петру», поясняя, что Дмитриев знал, что Хариты не распоряжаются жизнью смертного и поэтому употребил в эпитафии неопределенно-личный оборот. К имени «Петр» Дмитриев сделал примечание, исключенное М. Н. Лонгиновым: «П. И. Богданович, бывший книгопродавец и плохой издатель журналов» (*Степанов В. П.* С. 261).

VII. *Амур в карикатуре («Слуга покорный тем и этим в тот же час...»)* – стб. 984.

М. Н. Лонгинов опустил примечание Дмитриева: «Это пародия на известную французскую надпись «Sans armes comme l'innocence» <«Безоружен, подобно Невинности»>», заменил указанием литературного источника и опубликовал текст французского оригинала; на полях тетради (Л. 10) сохранилась его предварительная карандашная помета: «XVI, 323, Grouvelle» (цит. по: *Степанов В. П.* С. 260).

VIII. *Ответ* («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») – стб. 985.

IX. *Пародия на Шаликову эпитафию И. Богдановичу* («Любовь любовью пленилась...») – стб. 985.

Под заглавием «Пародия» и с измененным М. Н. Лонгиновым вторым стихом: «И с Душенькой соединилась» вместо «совокупилась», как у Дмитриева (см.: *Степанов В. П.* С. 261).

X. *На журналы* («Как этот год у нас журналами богат!...») – стб. 986.

С пропуском у М. Н. Лонгинова последнего стиха. У Дмитриева: «Какой для чтения запас, / А более для жопы» (см.: *Степанов В. П.* С. 261).

XI. *На случай од, сочиненных в Москве в коронацию* («Гордись пред Галлами, Московский ты Парнасл...») – стб. 986–987.

XII. *Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина* («Он дома – иль Шольё, иль Юм, или Платон...») – стб. 988.

XIII. *Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи», напечатанной в одном журнале* («Без имя Рифмодей глумился сколько мог...») – стб. 988.

XIV. *Пародия на слова: Сотворивший небо и землю, тот, который и проч. рек, сотворил нам бессмертного и – Петра Великаго, явился, и творец восплескал творению своему. Храм славы сгромождения П. Ю. Львова* («Седящий на мешках славено-русских слов...») – стб. 989.

Под названием «Пародия». Полное название приведено *В. П. Степановым* (С. 260–261).

XV. *Песнь* («Обманывать и льстить...») – стб. 989.

М. Лонгинов, опустив заглавие «Песнь», напечатал эту песню как неизданную и датировал ее последними годами царствования имп. Екатерины II. (См. также: *Степанов*, С. 260). Впервые: 1796. Карманный Песенник. Ч. 2, в рубрике «Песни сатирическая», № 13.

XVI. *Будочник* («Слушай всякий, кто с ушами...») – стб. 990.

XVII. *На рождение Лирика* («Пегас под бременем лирических творцов / С надсады упустил, и вылился Хвостов»).

М. Н. Лонгиновым, вероятно, из соображений приличия, не включено. Впервые: *В. П. Степанов* (С. 260).

Ноябрь (в последних числах). Москва.

Жуковский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет: «...Дмитриев кланяется Блудову и просит его купить у Роспини следующие книги; но вот записка его руки, или нет, лучше напишу сам:

1. Les etudes du magistrat par François de Neufchâteau;
2. Oeuvres choisies de Cochin, avocat au parlement, 2 v.;
3. De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire...».

Жуковский, 1895. С. 39–40.

Декабрь, 9. Москва.

Жуковский в письме пеняет А. И. Тургеневу:

«...я уверен, что ты, Александр, не отдал Блудову записки о тех книгах, которых требует Дмитриев; между тем мне пенют, а тебе и дела нет!». Далее в письме Жуковский напоминает Тургеневу название книг, заказанных Дмитриевым.

Жуковский, 1895. С. 39–40.

1807. Петербург.

В издаваемом А. П. Беницким сборнике «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе» (СПб., 1807. Кн. 1. С. 126) напечатана надпись Дмитриева «К Амуру» («Кто б ни был ты, склонись пред младенцем сим / Он был владыка твой, иль есть, иль будет им»; у Вольтера надпись озаглавлена: «Inscription pour une statue de l'Amour les jardins de Sceaux»).

Здесь же: *Ивану Ивановичу Дмитриеву. На получение им высочайшей милости 15 декабря 1806 года.* Подпись: ***.

1808

Январь (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 37. № 1, январь) напечатаны:

К Амуру, который прицеливается стрелой («Стреляй, наш милый враг, в два сердца, не в одно...») – С. 40; подпись: ***ъ.

Перевод надписи Ж. Ф. Гишара «Inscription pour un Amour...».

Отрывок разговора на бале [Ариста и Аглаи] – С. 49–52; подпись: ***ъ.

Мысли. С. 52–55; подпись: ***ъ.

Январь (в начале). Москва.

Жуковский в письме с раздражением спрашивает А. И. Тургенева: «...Что ж книги Дмитриеву? Если нет на Немецком *Der philosophische Bauer*, то поищи на Французском *Le Socrate rustique...*».

Письма Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 43.

Март, 19. Рязань.

Письмо к П. П. Бекетову в Москву:

«Любезный братец Платон Петрович.

Сердечно благодарю тебя, что ты не забываешь меня в нашей разлуке, равно и за присылку книги. Отдаю полную справедливость чистоте и красивости издания. Это после Юнга второе щеголеватое издание. Я все еще пишу в Рязани и по всему думаю, кончу не скоро. Лучшее мое здесь знакомство с Третьяковым: и муж и жена умные и любезные люди. Иногда бываю и в концертах, в доказательство препровождаю при семь две дешення афиши; пожалуй, братец, отошли их от моего имени к Анне Львовне <Пушкиной>. Поверю, что без Сергея Сергеевича <Кушникова> у вас пусто. Слышали ли вы, что князь Прозоровский <в это время участвовал в турецкой кампании> опасно болен и его место уже заступил дюк Ришелье? Жаль, если с этим переменится и положение С.<ергея> С.<ергеевича Кушникова>. Поблагодари, братец, от меня Ивана Алексеевича за... билет; деньги отдам ему при первом с ним свидании, разумеется здесь, а не в полях Елисейских. А если туда отправлюсь против моего желания, в таком случае уже ты с ним разочтись на счет моего дома. Грустно этим кончить, а право писать более ничего не придумаю. И так, прости, братец, будь уверен всегда в искренней к тебе привязанности и дружбе Ивана Дмитриева.

Видел ли ты, братец, слепок с печати, отдал ли ее резать и получу ли я ее скоро?».

Бумаги П. П. Бекетова // РА. 1880. III. С. 397–398; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 208.

Июль (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 40. № 13. Июль) напечатана басня *Верблюду и Носорогу* («Верблюду говорил однажды Носорог...»). – С. 59; подпись: ***ъ.

Перевод басни Флориана: «Le rhinocéros et le dromadaire».

Август (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 40. № 16. Август) напечатана басня *Рысь и Крот* («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...»). – С. 311–312; подпись: ...в.

Перевод басни Ж. Ж. Буасара «Le lynx et le taureau...».

Сентябрь, 3. Остафьево.

Карамзин в письме просит А. И. Тургенева обнять И. И. Дмитриева.

Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826) // РС. 1899. Январь. С. 219: «Обнимите за меня Ивана Ивановича...».

Ноябрь, 2. Москва.

Письмо к Г. Р. Державину в Петербург (не обнаружено).

Державин, 1871. Т. 6. С. 192.

Ноябрь, 10. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Почтенное и приятное мне в-[аше]го пр-[евосходительст]ва письмо от 2 ч.[исла] текущего месяца получил. Весьма ласкательно мне, что вы меня вспомнили, а более, что имели намерение ко мне заехать в деревню. – Как бы я был рад! несказанно бы вы меня одолжили! Сенатские и парнасские сослужебники сколько бы кое-чего наговорили! С Анною Петровной <Буниной> мы иногда видимся и беседуем о вас; и как она застенчива и скромна, то всякой раз при имени вашем заикается и дрожит: – это, я думаю, от того, что столь нежного и приятного стихотворца, как вы, иначе невозможно вспомнить; но как теперь разобран чрез Неву мост, то и не могу я её скоро видеть и поблагодарить за то, что она подала повод вам ко мне писать. – Вручитель сего письма, племянник мой, сын покойного Николая Александровича Львова, который вас так любил, имеет в Москве дело по Сенату, – не по департаменту вашему, но покорнейше прошу вас замолвить за справедливость его у кого либо ваше слово. Вы меня сим много обяжете, пребывающего и проч.

Г. Державина».

Державин, 1871. Т. 6. С. 192 (№ 1000).

Ноябрь, 13. Петербург.

Письмо министра внутренних дел кн. А. Б. Куракина к Дмитриеву в Москву:

М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович!

Отправляя ныне к вашему превосходительству высочайший рескрипт о исследовании злоупотреблений по Костромской губернии, с сим вместе я должен исполнить возложенное на меня высочайшее повеление сообщить вам, милостивый государь мой, что Его Императорское Величество изволит надеяться, что таковое поручение вашему превосходительству примите знаком особаго к вам благоволения Е.[го] И.[мператорского] В.[еличества] и совершенным уже опровержением сделанного вами заключения о неудовольствии Его Величества на щет исполненной Вами ревизий по губернии Рязанской».

РС. 1895. Т. 83. № 8 (август). С. 168.

Декабрь, 6. Петербург.

Письмо («отношение») кн. А. Б. Куракина к И. И. Дмитриеву в Кострому (не обнаружено).

РС. 1895. Т. 83. № 8 (август). С. 168.

Декабрь, 14. Кострома.

Получает из Петербурга письмо («отношение») кн. А. Б. Куракина от 6 декабря.

РС. 1895. Т. 83. № 8 (август). С. 168.

Декабрь, 15. Кострома.

Письмо к кн. А. Б. Куракину:

Почтеннейшее вашего сиятельства отношение от 6-го сего месяца, коим изволите уведомлять меня о высочайшем Его Императорского Величества соизволении, чтоб ассигновать мне следуемое число денег для прогонов и расходов по примеру сделанного мне отпуска суммы при отправлении меня в Рязанскую губернию, я имел честь на вчерашней почте получить и спешу на оное всепокорнейше вашему сиятельству донести, что при отправлении моем в Рязань, я никакой суммы

на расходы не получил и содержал канцелярию 3 месяца на своем иждивении; прогонов же выдано мне было за 197 верст до Рязани для меня и свиты моей 95 рублей, а о прогонах для обратного пути я принужден был относиться к государственному казначею. К сему долгом поставляю к сведению вашего сиятельства присовокупить, что по окончании ревизии здешних присутственных мест нахожу я нужным отправиться в Галицкий и Чухломский уезды. О дальнейшем же не премину всепокорнейше к вашему сиятельству отнестись в свое время».

РС. 1895. Т. 83. № 8 (август). С. 168.

1808.

Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poétique» («Ты-ль это, Буало? Какой смешной наряд!..»).

Учебная книга, 1820. Ч. 3. С. 262.

1808. Петербург.

В «Драматическом Вестнике» (Ч. 1. № 23. С. 187–191; редактор: П. А. Шаховской) напечатана «Сатира взятая из Боало» («Любимец нежных Муз, питомец Аполлона...»); подзаголовок: Посвящено И. И. Дмитриеву; подпись: С... М... (С. Марин). В стих. 6–9 прямое обращение к Дмитриеву:

«Скажи, о Дмитриев! где рифмы ты находишь?
Как можешь без труда приятно так писать
И мысли с легкостью столь ясно выражать?
Читав твой стих, всяк должен согласится,
Что рифма под перо сама собой ложится. — ».

Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 118–120.

Это вольный перевод второй сатиры Буало, посвященный Мольеру («Satire II à Moliere accord de la Rime et de la raison»). При жизни Дмитриева была перепечатана:

— вместе с сатирой 1-ой («Какая бы тому, Капнист, была причина...») в отдельной брошюре под заглавием «Сатиры, взятые из Боало» (СПб., без означения года издания и без заглавного листа);

— в «Собрании русских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцов российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (М., 1811. Ч. 4. С. 47–50, под заглавием: «Сатира, подражание сатире Боало»);

— в «Пантеоне Русской Поэзии, издаваемый Павлом Никольским» (СПб., 1814. Ч. 2. Кн. 4. С. 211, под заглавием: «Подражание второй сатире Боало»);

— в «Русской стихотворной хрестоматии» Василия Золотова (1829. Ч. 1. С. 306–309, под заглавием: «Послание к И. И. Дмитриеву» (Марин С. Н. Полн. собр. соч. М., 1948. С. 379–382; примеч., составленные Н. Арнольдом).

1808. Петербург.

В «Драматическом Вестнике» (Ч. 2. № 37. С. 85–88) напечатано анонимно стихотворное послание: «К Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Повествователь милый и прелестный...»). К заглавию подстр. примеч. редактора: «Сии стихи писаны покойным переводчиком *Созерцания природы*».

1809

Февраль, 9. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый Государь Александр Иванович!

Сколько я порадован был вашим письмом, столько недоволен тем, что оно уже не застало меня в Костроме; почему я и не мог более для вас сделать, как просить отсюда председателя уголовной палаты г-на Абрамова, чтоб он принял в покровительство свое г-на Ажбукова. Надеюсь, что эта просьба послужит в его пользу.

Искренно вас поздравляю с новым званием, которое под руководством человека, не лестно почитаемого мною, конечно, принесет и вам и нам пользу. Скажите мое почтение Михайлу Михайловичу <Сперанскому> и уверьте его, что я, как патриот, право, был порадован, услыша о новой к нему высокомонаршей милости.

Ежели Дмитрий Николаевич <Блудов> уже возвратился, то передайте и ему мое поздравление с получением от отечества виттов знака отличия.

Я еще меньше вашего знаю о московской литературе, ибо, возвратясь из Костромы больной, уже третья неделя сижу дома и почти никого не вижу во все это время. Залетела ко мне одна только ода вашего лирика гр. Хвостова: «На случай обручения ея высочества», которая еще более уверила меня, что истинный гений не имеет своего запада.

Между тем примите искреннее уверение в душевном к вам почтении и привязанности преданнейшего вам слуги. И. Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 704.

Февраль, 15. Петербург.

Письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой, Иван Иванович.

Услышав, что вы возвратились из комиссии вашей <Ревизии Костромской губернии>, препровождаю к вам и к Н. М. Карамзину по экземпляру моих сочинений, заключающихся каждый в четырех томах. Если вам не наскучат мои бредни и захотите вы прочесть драматические мои произведения, то можете вы и Николай Михайлович полюбопытствовать о том у Василья Ивановича Нелидова, которому я ныне послал трагедию мою *Евпраксию*, а чрез несколько почт доставлю *Ирода* и *Мариамну*. — Вы удивитесь и верно скажете про себя, что я под старость ряхнулся с ума, пустившись по неизвестной мне поныне дороге в храм Мельпомены; но что делать от безделья? Оды уже наскучили; итак я хотел испытать русскую пословицу: смелым Бог владеет! Пусть господа ваши критики ценят, как хотят, но дело уже сделано. Пребываю и т. д.».

Державин, 1871. Т. VI. С. 196–197 (№ 1005).

Март (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 44. № 6 (Март). С. 125–130) напечатана статья «Два слова от издателя [о плагиате С. Истомина, приславшего издать стихи “Подпись к портрету моего друга П. С.” под своим именем, хотя они принадлежат И. И. Дмитриеву]»; подпись: Ж <В. А. Жуковский>.

Май, 1. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Н. И. Тургеневу в Гёттинген сообщает, что посылает «басни Крылова, которые здесь недавно вышли. Между ними есть очень хорошие и смешные: но он не Дмитриев».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 388.

Май, 3. Або.

К. Н. Батюшков в письме к Н. И. Гнедичу цитирует строку из стихотворения Дмитриева «Старик и трое молодых»: «Чувствительна душа и в чуже веселится».

Батюшков, 1885–1887. Т. III. С. 33:

Май, перв. пол. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 45. № 9 (Май). С. 35–67) напечатана статья В. А. Жуковского «Критика. Басни Ивана Крылова. С.-Петербург. В типографии губернского правления, 1809». Жуковский сравнивает два перевода, Крылова и Дмитриева, басни Лафонтена «Два голубя» и отдает предпочтение переводу Дмитриева.

Июнь (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 45. № 11 (Июнь). С. 172–178) напечатано эссе «Испанки» («Физиогномия Испанки есть верный отпечаток ее характера... ~... Недавно одна молодая и прекрасная женщина принудила любовника заколоть своего мужа, и вместе с преступником кончила жизнь на эшафоте»); подпись: ****вз* <Дмитриев>.

Июнь(?) – Июль (перв. пол.).

Дмитриев в Богородском.

М. Дмитриев, 1998. С. 46: «...к приезду Ивана Ивановича из Москвы в 1809 году сшили нам однобортные длинные сюртуки из светло-фиолетовой байки, с стоячими воротниками. В них и щеголяли мы при дяде, в самые жары, в июле месяце».

Июль, 21. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь Александр Иванович.

За приятное письмо ваше и сообщение книг, которых я еще не получил, спешу принести вам искреннюю благодарность мою. Сделайте милость, не замедлите доставлением и стихотворного послания к Саратовцу, также и другой пьесы *при случае*. Я совсем не знаю нового библиографического опыта; вы одолжите меня, если и его пришлете. Да покорнейше вас прошу еще уведомить меня, есть ли у П.[етер] Б.[ургских] книгопродавцев Les oeuvres de M-r Le Brun, стихотворца, и Recueil des meilleurs plaidoyers, и что они стоят. Я уже давно читал об них во фр.[анцузских] журналах, но здесь не продаются. Что мне сообщить вам, в отплату о здешней словесности, упражняющей большею частью бессловесных? В стихах: читал несколько рифм на случай поднесения П. С. Валугеву от подчиненных золотого кубка, с изображением на нем пеликана. В прозе: вышло Ложный Петр III или история Пугачева; первый том переведен с французского и наполнен небылицами, а второй для весу составлен из манифеста и списка всех погибших от него дворян. Вы тут найдете: *сострадательный поступок Пугачева, несчастный Пугачев* и пр. и пр. Издатель, увидя большой расход на эту книгу, тотчас вслед за нею выдал еще и другую, под именем *Анекдоты* того же героя, поместя в них сказания из новейших ф.[ранцузских] ром.[анов] La Chaumiere russe, Alexandra и пр., и через 50 лет сии две книги пойдут за исторические документы. И их печатают, к стыду нации, с дозволения невинных ценсоров, которые хотя и профессеры или кандидаты, но может быть еще в первый раз и сами узнали о всем от чужестранных писателей! Я уже ничего не говорю со стороны нравственной и политической. Но как я сам бывал в цехе литераторов, то не могу не вздыхать, что так бесславится наша литература.

Простите, любезный Александр Иванович, верьте душевному почтению к вам и привязанности.

И. Дмитриев.

PS. Вот еще черта о тех же цензорах: недавно они не пропустили хронологической таблицы подполковника Свечина, бывшего в последней кампании нашей войны с Францией за то, что он поместил в них выигранными нами баталии при Пултуске и Пройсиш Эйлау и проч.».

РА. 1867. № 7. Стб. 1075—1077; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 209—210.

«Я совсем не знаю нового библиографического опыта...» — Дмитриев понимает книгу А. Н. Оленина «Опыт нового библиографического порядка для С.Петербургской Императорской библиотеки». С.Пб. 1809 г.».

«...есть ли у петербургских книгопродавцев *Les oeuvres de Mr. Lebrun...*» — Лебрен, известный фр. поэт. Дмитриев заимствовал у него эпиграмму «Я разорился от воров...».

«В прозе: вышло *Ложный Петр...*» — «Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева». Москва 1809 г. 2 ч.». По содержанию «преглупый и несвязный роман» (см. рец. в журн. «Цветник» 1809. Ч. I. С. 377).

«...под именем *Анекдоты...*» — «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве. М. 1809 г.».

Август, 12. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович.

Чувствительно благодарю вас за дружеское обещание ваше выписать для меня Лебрюна и издание лучших *Plaid.[oyers]*, равно как и за сообщение пред сим двух русских произведений. Одно из них я отошлю к Карамзину, который, конечно, признателен будет к автору, что он *приурочил* его к Яз[ыкову], а другое — погрузил в бюро. Мне совестно было с строгостию разбирать его. Дойдя до авторских упреков молодым людям, что они вместо того, чтоб волочиться за женщинами и быть любезными, хотят мыслить, и встретя между тем несколько улыбок дарованию, я уверился, что это писано еще очень молодым человеком, который может со временем и зреее мыслить и правильнее выражать свои мысли на отечественном языке, если это писал русский. Отрывки из поэмы князя Шихматова <«Пожарский, Минин и Гермоген»> я уже давно читал в Руском Вестнике; желал бы видеть произведения и другого князя <П. А. Вяземского?>, также и господина Истомина <Семена>, только с тем, чтобы не платить вам за них весовых, а прислать с каким-нибудь обозом; таким образом я могу вернее получить, нежели посредством г. Боголюбова. Этот, по словам Пушкина, любезный человек, недавно бывши в Париже, обедав у знакомой мне дамы, сказывал сам ей, что у него в кармане письмо ко мне; через несколько дней, встретясь с тою же дамою, повторил ей опять то же; прошло еще несколько дней, и я слышу, что он уже ускакал в Орел, и пакет ваш туда же. Это ли парижская вежливость? Горе наследнику, к которому пошлет с ним дедушка свою духовную!

Любезный, но крайне увалчивый, Жуковский, собирая года три свою хрестоматию <«Собрание Руских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов». М. 1810—1816 г. 6 ч.>, обещая к каждому роду стихотворения написать краткое наставление, которое мог бы он, не ломая головы своей, перевести из *Petite encyclopédie poétique* <Paris. 1804. 12 vol.> кончил все это тем, что печатает сбор всякой всячины. Тут вы найдете и певцов, и птенцов. Даже есть притча моего пюпиля <Северина, в «Собрании Руских Стихотворений» (Ч. III. С. 141), помещена его басня «Мышь»>, который сочинил ее по заказу, будучи еще в Иезуитском пансионе, и которая, конечно, не может быть в числе образцовых. Согласен с вами, что трудно набрать много примеров: если бы кто вздумал, подражая Попу, написать *l'art de ramper*, это было бы другое дело. На нашем языке я только и знаю одну оригинальную дидактическую поэму Притчи, которую сочинил граф Хвостов, а перевел на французский учитель его сына. Она расхвалена и учителем, и издателем *Цветника* и хранится у всех книгопродавцев. Здесь еще нет сочинения Герена *О влиянии крестовых походов* <книга вышла на франц. яз., под заглавием «*Essai sur l'influence des croisades*». Paris. 1808.> и пр. Очень одолжите, если пришлете ее, уведомя при том, что она стоит. Наконец, искренно обнимаю вас, любезный Александр Иванович, и с душевным почтением и приятною есмь и буду навсегда вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1077—1079; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 210—212.

Август, 27. Петербург.

А. И. Тургенев просит в письме А. Я. Булгакова напомнить В. Ф. Боголюбову, чтобы тот передал его письмо И. И. Дмитриеву, «который на него за сию неисправность очень сердится».

А. Тургенев, 1939. С. 86.

Сентябрь, 15. Белев.

Жуковский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет, что каждая часть его «Собрания Руских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев Российских...» будет украшена портретами Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитриева, Хераскова и Фон-Визина.

Жуковский, 1895. С. 50.

Октябрь, ок. 24. Москва.

Получает письмо от А. И. Тургенева из Петербурга и при письме книгу о поездке в свите имп. Александра I в 1809 г. по Финляндии «Тринадцать дней или Финляндия» (М., 1809).

Октябрь, 24. Москва.

Пишет два письма в Петербург: к П. Г. Гагарину (не обнаружено) и к А. И. Тургеневу:

«Милостивый государь Александр Иванович.

Чувствительно благодарю вас за дружеское и приятное ваше письмо, равно и за две книги; за одну препровождаю при сем к вам деньги, а за другую письмо, которое покорнейше прошу вас доставить князь Павлу Гавриловичу <Гагарину> и взять на себя труд уверить его, сколько я тронут его вниманием.

Николай Михайлович <Карамзин> получил ваши книги. Пожалейте об нем: он возвратился из подмосковной с лихорадкою и теперь еще от нее не освобожден.

И так, ваши невские поэты наперерыв стремятся к храму бессмертия! Сколько явилось трагиков, и все незнакомцы! Какое отважное предприятие! Бывало, я дивился, как можно, подобно великому Роде, писать сам-пять, или сам-шесть водевилей, а наши земляки с такою же легкостью научились писать и самые трагедии! Не презирайте, однакож, и наших стихотворцев. Алексей Пушкин перевел в одно лето *Федру* и *Тартюфа* <вышел в 1810 г. под заглавием «Ханжеев или Лицемер», ком. в 5 действиях. М. 1810 г.>, а Кокошкин доканчивает *Мизантропа*. Но лирики наши молчат; вероятно, Пегас еще не отдохнул от вашего витязя <гр. Д. И. Хвостова>. Жадничаю читать оду его. Для меня нет посредственности: давай мне или самое прекрасное или самую пакость, и в последнем случае этот рифмач всегда меня интересуется. Вы обрадовали меня, что и при последнем мире будет нам доля <в 1809 г. был заключен мир со Швециею, во Фридригсгаме, по которому Россия получила Финляндию>. У нас уже давно вся публика в ожидании торжеств и праздников, а между тем забавляется вашими актерами и дансиорами. Жорж будет в первый раз играть в следующую пятницу. Вот все наши новости. Оканчиваю стариною, что я душевно вас люблю и с совершенным почтением пребуду к вам навсегда покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 212–213.

Ноябрь, 14. Москва.

Дмитриев в письме к Козодавлеву выражает благодарность за скорое увольнение брата Ф. И. Дмитриева и сообщает о признательности Н. М. Карамзина «за лестный отзыв, который был сделан о трудах его во втором номере Северной Газеты».

Труды Черниговской губернской Архивной Комиссии. Чернигов, 1909. Вып. 2. С. 17. В публикации допущена ошибка: адресатом назван А. В. Казадаев.

Ноябрь, 30. Тверь.

Письмо имп. Александра I к Московскому Генерал-Губернатору графу Гудовичу, в котором высказывается пожелание посетить Москву:

«...Я предполагаю в будущий понедельник, 6 числа поутру, приехать в Петровский дворец и оттуда прибыть в первом часу по полудни прямо в Успенский собор. <...> Пребывание мое в Москве я намерен продлить до 12 числа вечера».

Бумаги П. П. Бекетова // РА. 1880. III. С. 371.

Декабрь, 1. Москва.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 6. Понедельник. Москва.

Приезд имп. Александра I с сестрой Вел. Кн. Екатериной Павловной.

Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 252.

Декабрь, 6 ... 12. Москва.

Встреча Дмитриева с имп. Александром I.

Дмитриев, 1866. С. 195.

Декабрь, 6 ... 12. Москва.

Знакомство имп. Александра I с Н. М. Карамзиным.

Из разговора имп. Александра с Дмитриевым осенью 1810 г.: «...Мне <Александру I> давно известен авторский талант его <Карамзина>, но я виделся с ним только однажды, мимоходом в Оружейной Палате, когда приехал с сестрою Екатериною Павловною в Москву» (*Дмитриев, 1866. С. 195*).

Декабрь, 12. Вечеру. Москва.

Отъезд имп. Александра I.

Декабрь, 23. Петербург.

Рескрипт имп. Александра I:

«Господину Тайному Советнику и Сенатору Дмитриеву.

Найдя нужным изъясниться с вами о предметах, в коих разум и известная мне опытность ваша могут быть государству полезны, я желаю, чтоб по получении сего прибыли вы сюда. Мне приятно бы было видеть вас здесь к наступающему новому году. Пребываю вам благосклонный

Александр.

В С. Петербурге.

23 декабря. 1809».

Дмитриев, 1866. С. 164, 176 (текст рескрипта): «... В конце 1809 года я имел щастие получить высочайший рескрипт, в котором Государь изволил писать, что он, найдя нужным изъясниться со мною о предметах, в коих опытность моя может быть полезна государству, желает, чтоб я прибыл в Петербург к наступающему новому году.

Рескрипт препровожден был ко мне М. М. Сперанским. Он, письмом своим, уведомил меня, по высочайшему повелению, что Его Величество, хотя и желает меня видеть, сколько можно, скорее, однакож не предполагает обезпokoить меня слишком скорым путешествием, тем более, что к первому Января мне и поспеть было бы затруднительно; а потому Государь Император и предоставляет мне прибыть между первым и шестым числом Января будущего года.

Так и исполнено мною...».

1809. Москва.

Выходит книга «Сельский работник, Поэма Роберта Блумфельда. Перевод с французскаго [М. Ошанина]». На С. 5 помещено посвящение переводчика И. И. Дмитриеву.

Сводный каталог русской книги. 1801—1825. № 682.

1809. Москва.

На листе авантитула первой части «Собрания сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича...». (М., 1809. Ч. 1), П. П. Бекетов пишет: «Любезному брату Ивану Ивановичу Дмитриеву от издателя».

«Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича...». (М., 1809–1810. Ч. 1–6) хранится в б-ке МГУ (см.: Анохина, 1973. С. 96).

1809.

Батюшков. «Похвальное слово Сну». Цитирует строки из стихотворения Дмитриева «Элегия. Подражание Тибуллу»:

«...под тению древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою дарит.
Сквозь солнца иногда дождь мелкий чуть шумит:
Я, слушая его, помалу погружаюсь
В забвение и сном приятным наслаждаюсь».

Батюшков, 1885–1887. Т. II. С. 17; «Похвальное слово Сну» впервые напечатано в «Вестнике Европы» (1810. Ч. 53. № 18. С. 112–122).

1809. Петербург.

<Мартос И. Р. > «Изследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор» (СПб.: В типографии Ивана Глазунова, 1809).

1809–1810. Москва.

«Собрание сочинений и переводов Ипполита Федоровича Богдановича. Собраны и изданы Платоном Бекетовым, почетным членом Императорского Общества испытателей природы и членом Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете...». (М., 1809–1810. Ч. 1–6).

1809. Ч. 1.

С. 7–85. «О Богдановиче и его сочинениях». Подпись: Н.[иколай] К.[арамзин].
Перепечатка статьи, опубликованной в 1803 г. в «Вестнике Европы» (№ 9. С. 3–18; № 10. С. 75–111).

С. 86–93. Стихи и эпитафии, посвященные И. Богдановичу: В. В. Измайлова, А. А. Палицына, С. Н. Глинки, И. И. Дмитриева, П. И. Шаликова, Н. М. Кугушева, В. Л. Пушкина.

1810

Январь, 1. Петербург.

Назначен членом Государственного Совета и министром юстиции.

Январь, 2. Москва.

Выезжает в Петербург.

Январь, 5. Петербург.

Приезд Дмитриева из Москвы.

Дмитриев, 1866. С. 165: «... Выехав из Москвы Января второго 1810 года, я прибыл в Петербург пятого, накануне Крещения. В тот же вечер узнал я нечаянно, чрез Петербургские Ведомости, о всемилостивейшем помещении меня в число членов вновь преобразованного Государственного Совета. Канцлер Граф Н. П. Румянцев назван Председателем оного, а М. М. Сперанский Государственным Секретарем».

Январь, 6. Крещение. Петербург.

Военный парад, на котором присутствовал Дмитриев. После парада представлялся имп. Александру I, от которого принял звание Министра Юстиции.

Дмитриев, 1866. С. 165: «На другой день, после большого парада, я имел щастие представиться Государю в его кабинете, и принял от него новую милость: звание Министра Юстиции, а в следующий день объявлен был о том и высочайший указ Правительствующему Сенату».

Январь, 12. Среда. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Николаю в Гёттинген сообщает, что Дмитриев уже в Петербурге, и что он с помощью М. Сперанского поможет в имущественном споре Тургеневым. В этом же письме он, вероятно, со слов И. И. Дмитриева, пишет о посещении Карамзиным в Твери вел. кн. Екатерины Павловны и чтении ей некоторых глав «Истории».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 408, 410.

Январь, 29. Петербург.

Письмо к А. М. Лунину с благодарностью за письмо и участие.

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 445. Ед. 102. Л. 36.

Февраль, 1. Вторник. Москва.

Батюшков в письме Н. И. Гнедичу в Петербург сообщает, что «Карамзин обо мне с похвалой относится, как слышу от многих. Это дает повод на его знакомство: только что ему легче, и я у него. <...> Дмитриев и Карамзин обо мне хорошо отзываются. Карамзин был болен, вот почему я у него не был».

Батюшков, 1885–1887. Т. III. С. 75, 77.

Февраль, 16. Петербург.

Вероятно, после встречи с И. И. Дмитриевым А. И. Тургенев в письме к брату Николаю в Гёттинген сообщает, что «Дмитриев в Министерском звании в отношении ко мне не переменялся».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 412.

Февраль. Москва.

В «Аглае» (Ч. 9. Кн. 2. Февраль. С. 3–40) напечатана повесть М. Н. Макарова «Евдоксия, или Картина мнимаго просвещения: (Происшествие 19 столетия)». Подпись: М. М.к.р.в. Перед текстом на с. 3 помещено стихотворение

«Моей Вальмине»; подпись: Дмитриев. Это стихотворение И. И. Дмитриеву не принадлежит.

Окончание: «Аглая» (Ч. 9. Март. С. 3—37).

Март, 3. Четверг. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

Искреннее дружеское участие, которое ты принимал и в нашей горести и в моей болезни, требует, чтобы прежде всего сказал я тебе несколько слов о моем здоровье и нашем душевном расположении.

Собираюсь с силами, ем и сплю как здоровой, однакожь нахожу себя еще слабым для постоянной головной работы, и только слегка занимаюсь своим обыкновенным делом; сижу дома или выезжаю единственно для того, чтобы подышать чистым воздухом; вижу иногда наших общих приятелей и говорю о тебе: даже и Платон Петрович <Бекетов> был у нас несколько раз! Наш молодой Князь <П. А. Вяземский> теперь с нами. Он показывает в себе чувствительность, какой я не предполагал в нем, и которая всего более ручается мне за его сердечные достоинства. Потеря, нами оплаканная, оставила глубокие следы в нем и в моей Катерине Андреевне. Можешь вообразить, как часто бывают горестные воспоминания!

Живо чувствую и приятности и беспокойства твоего состояния. Каждой имеет свою судьбу: ты не искал, а тебя нашли. Крепись и бодрствуй! Милость Государя, совесть и доброе мнение добрых да будут твоею наградою за все труды и скуку дел приказных! Хорошо, кто в твоём месте засыпает с приятною мыслию о садике и друзьях Московских!

Марья Ивановна Протасова желает узнать, не писал ли к тебе опекун ее племянницы дочери Василья Ивановича Протасова, о деле его с нею и не предлагал ли тебе быть посредником между ими? Она готова отдаться на твой суд.

С великим любопытством читал я на сих днях проект законов; на иное сделал бы свое примечание, но писать об этом не ловко. Дай Бог всего доброго нашему отечеству!

Граф Ф. В. Ростопчин пишет, что ты уже не жалуешься на свое здоровье; но слышу от других, что ты раза два сидел дома от простуды. Видно Петербург сделал тебя скромным в медицинских материях. Надеюсь, что весна будет для тебя полезнее всех лекарств.

Сто раз обнимаю тебя мысленно, любезнейшего друга, буду до гроба твоим другом.

Н. Карамзин.

Катерина Андреевна и Князь тебе усердно кланяются вместе со всеми нашими малютками».

Карамзин, 1866. С. 125—126 (№ 114).

Март, не позже 10-го. Москва.

Отпечатан первый том стихотворений Дмитриева. Корректуру вел В. А. Жуковский.

РА. 1900. Кн. 3. С. 9.

Март, 10. Москва.

Письмо В. А. Жуковского к Дмитриеву в Петербург:

«Милостивый Государь Иван Иванович!

Я теперь вдвое благодарю вас за то, что вы поручили мне быть корректором ваших сочинений <3-е изд. соч. И. И. Дмитриева>: эта приятная обязанность доставила мне выгоду получить от вашего превосходительства письмо, которое было чрезвычайно для меня лестно и которое подтвердило мое уверение, что вы расположены ко мне и в Петербурге так же благоприятно, как и прежде в Москве. Проведя целый день в важнейших государственных заботах, вы засыпаете каж-

дый вечер с приятною мыслию о своем уединенном Московском домике <дом И. И. Дмитриева находился у Харитония в Огородниках; сгорел в московском пожаре 1812 г.>, о своем саде, о своей люльке доброго эгоиста, о своих Московских знакомых; это я слышал от нашего почтенного, возвратившегося из царства мертвых, историографа. И я желал бы, чтобы эта черта была известна вашему будущему биографу, хотя (со многими вместе) желаю, чтобы дело дошло до вашей биографии как можно позже.

О себе имею честь доложить вам, что я, ваш молодой щастливец во всех отношениях, и по сию пору еще перехожу мыслию от одного понятия о щастии к другому и не знаю еще на котором остановиться; самими щастливейшими минутами были для меня по сие время минуты стихотворных родов. Иногда, вообразив, что щастие в Петербурге, готов уже взять подорожную; то вздумается, что оно на каких-нибудь Швейцарских горах, и я мечтаю о путешествии в Швейцарию, о двух-трех годах, проведенных у Песталоция, для того чтобы завести что-нибудь подобное его институту в России и быть через то истинно полезным. Часто останавливаюсь мыслию в том идеальном доме, в котором живет моя жена, и в эти минуты обыкновенно досадно, что вы не исполнили своего намерения женить меня на милостивой Немке из Немецкой Слободы. Одним словом, дай Бог здоровья моему воображению: оно любит разгуливать попрежнему.

Но позвольте возвратиться к существенному. Первый том стихотворений ваших совсем отпечатан. Я снова взял его перечитывать и заметил уже ошибок с пять; заставляю читать и своего сожителя Соковнина <Сергея Михайловича>; Плат.[он] Петро.[вич] Бекетов также читает и обещал со мною снестись. Одним словом, мы ведем с большою деятельностью наступательную и оборонительную войну с наборщиками и опечатками. Желал бы я, чтобы и Дмитр.[ий] Петр.[ович] <Северин> прислал мне записку о том, что он заметил. По всему этому сделаны будут поправки; для важных ошибок вставятся новые перепечатанные страницы, и менее важные внесены будут в конце зррату. В письменном оригинале (перев.[од] Горац.[еевой] оды к Гросфу) находятся следующие стихи:

Мать-родину свою покинешь,
Но от себя не убежишь;
Сердечной власти не отринешь,
Ничем ее не *заслужишь*.

Заслужишь есть ошибка г-на секретаря Северина; должно, если не обманываюсь, *заглушить*. Но отринуть и заглушить *власть* едва ли это ясно. Не рассудите ли этого поправить? Я, между прочим, придумал следующее:

Сердечных жалоб не отринешь,
И укоризн не *заглушишь*.

Или:

Мать-родину свою оставишь,
Но от себя не убежишь,
Умолкнуть сердце не заставишь
И мук его не утолишь (усмиришь, *заглужишь*).

И мук его не утолишь (усмиришь, *заглужишь*). Смею надеяться, что вы простите мне мою дерзость. И прочие части буду просматривать с возможным старанием.

Имею честь быть с совершенною преданностию вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга В. Жуковский».

РА 1900. Кн. 3. С. 8—10. Это самое раннее из известных писем В. А. Жуковского к И. И. Дмитриеву.

«Ничем ее не *заслужишь*» — Дмитриев оставил без изменений эту строку (Изд. 3-е. Ч. 1. С. 45).

«И мук его не утолишь (усмиришь, *заглужишь*)» — в последующих изданиях Дмитриев принял предложенную Жуковским редакцию, и эта строка читается: «И мук его не усмиришь».

Март, 11. Петербург.

Дмитриев подписывает увольнительный билет в отпуск чиновнику Министерства Юстиции губернскому секретарю П. С. Шишкину.

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 213. Ед. 25. Л. 19.

Март, 28. Петербург.

Именной указ о подчинении 2-му департаменту Сената всех гражданских тяжёлых дел по войсковой канцелярии Войска Донского (ПСЗ. № 24169; подготовлен Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Март, 30. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Николаю в Гёттинген сообщает, что часто бывает у Дмитриева.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 413.

Апрель, 10. Воскресенье. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезнейший друг Иван Иванович!

Благодарю тебя за доставленную мне записку о нашем деле. Оно действительно уже несколько месяцев в Москве; но я не знал того по своей беспечности.

Хорошо, что и по две строки пишешь ко мне. Воображаю, как ты занят. Здесь рассказывают о тебе анекдоты, в которых нет, думаю, ни слова правды. Некоторые осуждают тебя за две вещи: за отставку двух писарей шестого Департамента и за определение в Обер-Прокуратуры Мамонова, еще не вышедшего из-под опеки.

Мы, слава Богу! здоровы, хотя в доме у нас, т. е. между людьми, завелись горячки, равно как и во многих других домах. Сколько померло здесь в нынешнюю зиму! Наш князь Щербатов ровно в три месяца похоронил жену, отца и мать.

Недавно узнал я одного молодого человека, именем Копецкого, служившего в Таганроке при Кампенгаузене. Он очень не глуп, хорошо учился и пишет складно. Не можешь ли употребить его с пользою? Он просил у меня одобрительной записки к тебе, с которою, думаю, и явится к Вашему Превосходительству. Тургенев также весьма хороших об нем мыслей; а вам Министрам люди надобны.

Прости, любезнейший мой друг! Пока жив твой друг

Н. Карамзин.

Жена моя дружески тебе кланяется, а малютки наши тебя целуют».

Карамзин, 1866. С. 126–127 (№ 115).

Апрель, 17. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель. Москва.**

В «Аглае» (Ч. 10. № 1 (апрель). С. 67; без подписи) напечатано стихотворное послание «К Ивану Ивановичу Дмитриеву на новую степень достоинства им занимаемую» («Вблизи, или вдали от царского лица...»).

Май, 7. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к Булгаковым пишет:

«Сию минуту узнал я от Журавлева, любезнейшие друзья, – что г.[рафа] И. В. Гудовича было к министру ю.[стиции] <И. И. Дмитриеву> отношение, в которого он спрашивает его, что ему должно делать по делу, возникшему в уездном суде о наследстве после Б., что производство остановлено потому, что ему известно о нахождении этого дела в совете. И.[ван] И.[ванович] Д.[митриев] посылал вчера же к М. М. <Сперанскому>, что и как ему отвечать должно г. Гудовичу...».

А. Тургенев, 1939. С. 93.

Май, 7. Петербург.

У Дмитриева обедает А. И. Тургенев.

А. Тургенев, 1939. С. 93.

Май, 8. Петербург.

Дмитриев высылает В. С. Попову книгу «Жизнь князя Г. А. Потемкина-Таврического, служащая дополнением к царствованию Екатерины II» (СПб., 1808).

Май, 8. Петербург.

Письмо к В. С. Попову:

«Милостивый государь Василий Степанович.

Имею честь препроводить при сем книгу *Жизнь Потемкина*; причем позвольте изъявить вашему высокопревосходительству за ссуду оною чувствительную благодарность мою, а с тем вместе и уверить вас, милостивый государь, в совершенном почтении и преданности, с коими навсегда был и пребудет, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Автограф: *РНБ ОР. Ф. 609, Попов В. С., № 166, л. 1; впервые: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 213.*

Май, 22. Воскресенье. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

Мы уверены в твоём искреннем участии. Мало того, что мы лишились своей милейшей дочери и все другие дети в той же злой болезни. Сонюшка опаснее других. Бедные отец и мать! Я не бьюсь головою об стену, но едва ли когданибудь возвращусь в прежнее свое спокойное состояние. Очень тяжело.

Прости, любезнейший друг! Пишу в доказательство, что тебя помню и в горе. Впрочем, что могу сказать?

На веки преданный тебе Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 127 (№ 116).

Май, 26. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к братьям Булгаковым в Москву сообщает, что «И. И. Дмит[риева] письмо доставил».

А. Тургенев, 1939. С. 96.

Июнь, 9. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Николаю в Гёттинген сообщает, что в имущественном споре Тургеневых Дмитриев будет «в нашу пользу».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 417.

Июнь, 27. Петербург.

Распоряжение Министра юстиции по Сенату «о порядке решения уголовных дел» (ПСЗ. № 24272; подготовлено И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Июль, 1. Пятница. Петербург.

Узнает о пожаловании Карамзину при рескрипте ордена Святого равноапостольного князя Владимира третьей степени.

Текст рескрипта см.: *Карамзин, 1858. 23, С. 478.*

Июль, 7. Четверг. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

По сие время дети наши не могут еще совершенно освободиться от коклюша; однакожь мы спокойнее. Впрочем грустим сердечно. Незабвенная милая Наташа у нас в душе. Тут действует не воображение, а Природа. Щастлив, кто никогда не

оплакивал детей! Щастлив, кто мог прожить в мире без сильных привязанностей! Покрайней мере лучше не быть щастливым, нежели быть несчастным. С Генваря месяца я испытал много.

Желаю сердечно, любезнейший Друг, иметь лучшие известия о твоём здоровье. Дай Бог, чтобы оно не помешало тебе пользоваться дальнейшею милостию Государя доброго и действовать усердно для общего блага. Вижу мало людей, но слышу, что в Петербурге отдадут тебе справедливость. На сих днях был у нас Граф А. И. Пушкин: он не мог нахвалиться тобою.

Стараюсь искать рассеяния в трудах; а в свете уже не найду его. Катерина Андреевна свидетельствует тебе дружеское почтение.

Прости, любезнейший. Нежно обнимаю тебя в мыслях, вечно твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 128 (№ 117).

Июль, 11. Понедельник. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

От всего сердца благодарю тебя, угадывая, кто выходил мне этот крест. Как лестна мне Государева милость, так любезно и действие твоей дружбы. Некогда сказал я тебе в шутку, что не буду носить никаких орденских знаков, если бы мне и дали их: теперь беру это слово назад. Памятники дружества священны; да и милостивое соизволение Императора отличить меня таким знаком награды трогает мое сердце. Обнимаю тебя нежно.

Усердно исполняя Повеление Вашего Превосходительства, прилагаю благодарственное письмо к Государю и рапорт в Сенат (не зная формы), вместе с *ласковою* эпистолюю к М. М. Сперанскому, в которой благодарю его за доброе расположение ко мне, *сведенное мною от почтенного моего друга* (цензура твоя пропустит ли это смелое выражение?) и слегка даю ему отчет в моих исторических трудах, зная, что он любит Историю; а наконец поручаю себя в его покровительство. Распечатай письмо, если хочешь. Прилагаю еще 15 рублей в Капитул Ордена за приложение Орденской печати к Высочайшей Грамоте.

Все это очень хорошо, но милой Наташи нет на свете! Грущу за себя и беспокоюсь за Катерину Андреевну. Она всякой день плачет. Я могу умерять грусть свою работою; а ей гораздо труднее.

Ф. П. Ключарев с великим усердием исполнил твое поручение и доставил мне твой пакет с эстафетою.

Приятельски кланяюсь Рейману и радуюсь, что он лечит тебя колумбою: ее дают обыкновенно, когда нет никакой решительной болезни, а бывает только некоторая слабость. Дай Бог, чтобы ты никогда не имел нужды в других лекарствах!

Прости, любезнейший. Еще раз обнимаю тебя в мыслях. На веки друг твой Н. Карамзин».

Приписка Е. А. Карамзиной:

«И я вас, любезной и почтенной Иван Иванович, сердечно благодарю за все доказательства вашей к нам дружбы. Желаю очень чтобы вы были здоровы и счастливы. Никто больше вас не заслуживаете счастья, но увы! не всегда тот счастлив, кто бы должен быть; примером тому служит несравненной мой друг Николай Михайлович. Шесть месяцев как его сердце страдает; что будет вперед не знаю, по сию пору дети, которые еще остались, кашляют».

Карамзин, 1866. С. 128—130 (№ 118).

Август, 4. Четверг. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг Иван Иванович!

Не имею от тебя ответа на мое письмо, но надеюсь, что ты здоров; по крайней мере другие, например Нелединский etc.... получили от тебя письма на последней почте.

Нечаянно и вдруг решился я с Катериною Андреевною ехать в Нижегородскую нашу деревню для защиты крестьян от Межевщика и Капитана Исправника. Это мне крайне неприятно, особенно в нашем грустном расположении. Мы оставили детей в Остафьеве, и завтра думаем отправиться в Арзамас. Эта дорога напомнит мне лета первой молодости и путешествие мое с тобою к пределам нашей общей родины.

Желаю возвратиться недели через две, буде можно. Между тем мысленно тебя обнимаю, от всего сердца желаю, чтобы ты, любезнейший друг, был совершенно здоров и трудился охотно для общей Государственной пользы.

Катерина Андреевна свидетельствует тебе свое дружеское почтение. Прости. На веки преданный тебе друг Н. Карамзин.

Сию минуту получил от тебя письмо и благодарю дружески. Еще раз обнимаю тебя и сажусь в коляску».

Карамзин, 1866. С. 130–131 (№ 119).

Август, 10. Петербург.

Письмо к М. М. Сперанскому.

Автограф: *РНБ ОР. Ф. 731. Сперанский М. М. Ед. хр. № 2249, л. 1.*

Август, 11. Петербург.

Именной, объявленный Министром юстиции Сенату указ о том, чтобы «на ревизию Сената поступали приговоры уголовных палат о лишении доброго имени подсудимых, украшенных медалями, с изображением портрета Его Величества» (ПСЗ. № 24322; подготовлен И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Август, 24. Петербург.

Письмо И. И. Дмитриева к князю А. А. Гундорову о деле подполковника Скрипицына.

Автограф: *ГИМ ОПИ. Ф. 281. Оп. 3. Ед. 253. Л. 17.*

Август, 24. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к К. Я. Булгакову в Москву сообщает:

«Иван Ив. Дмитриев, принимающий участие в Смирнове <погибшего 22 июля 1810 г. при штурме Руцука>, просил меня написать к тебе по делу о долгах его...<далее в письме Тургенев расписывает долги Смирнова>. Пожалуста уведошь меня об этом обстоятельстве и немедленно и сделай о сих трех посланных суммах надлежащие и верные выправки, дабы я мог доставить обстоятельные сведения Ивану Ив.[ановичу] <Дмитриеву>».

А. Тургенев, 1939. С. 110.

Август, 30. Петербург.

Дмитриев награжден орденом Александра Невского.

Дмитриев, 1866. С. 190: «...Государь-Император, 30-го того же месяца <августа>, в день своего тезоименитства, благоволил пожаловать мне орден Св. Александра Невского и одновременно пятьдесят тысяч рублей...».

Август, 30. Петербург.

«Грамота на орден св. Александра Невского».

Божию милостию
мы Александр первый,
Император и Самодержец
Всероссийский

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Тайному Советнику, Министру Юстиции Дмитриеву.

Во изъявление отличного нашего благоволения к благоразумной деятельности и ревностным трудам, подъемлемым вами по званию, на вас возложенному, признали мы за благо пожаловать вас кавалером ордена св. Александра Невского, коего знаки для возложения на вас при сем препровождая, императорскою нашею милостию пребываем вам всегда благосклонны.

АЛЕКСАНДР.

В С. Петербурге.

Августа 30-го дня, 1810 года».

Дмитриев, 1866. С. 257.

Август, 30. Петербург.

«Высочайший Рескрипт».

Иван Иванович! Желая изъявить вам особенное внимание мое к отличному усердию и трудам, коими содействовали вы в успешном совершении винного откупа на будущее четырехлетие, приказал я Государственному Казначейству отпустить вам пятьдесят тысяч рублей на счет доходов, по сей части столь нарочито приумноженных.

Пребываю вам благосклонный

АЛЕКСАНДР.

В С. Петербурге.

30 Августа 1810 года».

Дмитриев, 1866. С. 258.

Сентябрь, 2. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к А. Я. Булгакову в Москву сообщает, что «Дмитриев пережаловал и всех главных чиновников своего департамента...».

А. Тургенев, 1939. С. 111.

Сентябрь, 8. Четверг. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

С больными глазами и с расстроенным здоровьем возвратился я из Нижегородской Губернии, куда ездил вопреку своему сердцу, с горем, и с беспокойством, чтобы исполнить долг Господина; дела важного не сделал, а себе повредил. Катерина Андреевна была моею спутницею: ибо мы дали друг другу слово не расставаться, пока живы. Уже более десяти дней, как я опять на месте, но не могу еще заниматься обыкновенным своим делом, чувствуя слабость в глазах. Нынешний год есть для нас черной по календарю Римскому.

Позволь, любезнейший друг, попросить тебя о деле не безважном для моего сердца. Ты любил покойного Князя Андрея Ивановича, который и сам любил тебя искренно. Не можешь ли из уважения к его памяти сделать чтонибудь для его сына, для нашего молодого и достойного Князя? Он теперь как сирота в свете и не имеет покровителей. Умиравший отец поручил его мне; люблю его как брата и нахожу любви достойным: он умен и старается приобретать знания. Думаю, что тебе не трудно выпросить ему Каммер-Юнкерство. Государь сказал в Указе, что на этот чин имеют право сыновья знатных людей; а наш Князь есть сын, внук и правнук первых Государственных чиновников; как Историограф прибавлю, что Фамилия Вяземских происходит в прямой линии от Владимира Мономаха! Этот молодой человек шесть месяцев таскался по северным губерниям с П. А. Обрезковым, писал у него в канцелярии, трудился, и не получил ничего. Обрезков говорит, что он представлял его к ордену Св. Анны, но что сие представление осталось без действия. Ты меня очень порадуешь, если выпросишь его в Каммер-Юнкеры. Ему по молодости лестно будет иметь чин придворной; он же довольно богат и не уронит этого знания, которое ободрило бы его к дальнейшим успехам в учении и в делах. С чином Каммер-Юнкера он мог бы пока остаться при своем прежнем месте, то есть, при делах Межевой Канцелярии. Мне приятно будет сделать ему это удовольствие и быть в том обязанным моему другу, тебе.

Скоро думаем переехать в Москву; стало холодно. Дети наши по сю пору все еще не могут совершенно оправиться. Они тебя целуют и жена моя свидетельствует тебе дружеское почтение.

Граф Хвостов был у меня в деревне: возьми этот визит на свой счет. Он даже написал и стихи ко мне! Как щастливы люди, которые умеют быть столь суетными в 50 лет!

Прости, любезнейший. Мысленно обнимаю тебя со всею дружескою нежностью. На веки твой друг

Н. Карамзин.

Князь имеет чин Титулярного Советника».

Карамзин, 1866. С. 131–132 (№ 120).

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения Дмитриева. Ему исполнилось 50 лет.

Сентябрь, 19. Понедельник. Петербург.

Письмо к кн. Вяземскому в Москву (Остафьево):

«Милостивый Государь мой, князь Петр Андреевич!

Чувствительно благодарю вас за приятное хоть и слишком церемонное письмо ваше. Уверяю вас с обыкновенным моим чистосердечием, что я от всей души желаю вам возможного благополучия; что я почел бы себя щастливым, если бы мог быть в чем-нибудь для вас полезным, и что я с совершенным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, вашего сиятельства, покорнейший слуга Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 125 (№ 1).

Сентябрь, 19. Понедельник. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

От глазной боли пишу не своей рукою. Сердечно поздравляю тебя с двумя милостями доброго нашего Государя и дружески благодарю за уведомление меня о том: никто конечно не берет живейшего участия во всех твоих приятностях. Дай Бог, чтобы награды были всегда равны трудам твоим и пользе приносимой тобою отечеству. Как бы хотелось мне обнять тебя!

Надеюсь что ты получил письмо мое в котором я говорил тебе о нашем молодом князе. Не буду повторять сказанного мною: я уверен в твоей дружбе.

В прибавок ко всему претерпенному нами в нынешнем году я слепну, и не могу искать утешения в работе. Иногда теряю терпение; иногда обещаю себе быть тверд! и на все готовым. Вообще здоровье мое не очень в хорошем состоянии. Желаю иметь лутчие вести о твоём.

Думаем на сих днях переехать в город где будем жить в доме Николая Семёновича Мардвинова, в Новой Басманной.

Моя Катерина Андреевна свидетельствует тебе дружеское почтение а малютки наши тебя целуют. На веки друг твой

Н. Карамзин.

Каково правописание?».

Карамзин, 1866. С. 133 (№ 121).

Сентябрь (не ранее 23-го). Москва.

Выходит книга: «Сочинения Дмитриева... Издание третье. Москва, в Университетской Типографии. 1810».

Цензурное разрешение: «С одобрения Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета».

Эпиграф: Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

Часть Первая.

Содержание Первой Части.

Лирические Стихотворения

Ермак («Какое зрелище пред очи...») – С. 7–13; *Освобождение Москвы* («Примите древняя, дубравы...») – С. 14–19; *К Волге* («Конец благополучну бегу!..») – С. 20–23; *Смерть Князя Потемкина* («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 24–27; *Глас Патриота на взятие Варшавы* («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 28–30; *Стихи на Высококомонаршую милость, оказанную Императором Павлом Первым потомству Ломоносова* («О радость! дайте, дайте лиру!..») – С. 31–32; *Песнь на день коронования Его Императорского Величества Государя Императора Александра Павловича* («И я, питомец Аполлонов...») – С. 33–35; *Гимн Богу* («Парю душой, к Тебе, Всечтимый...») – С. 36–37; *Размышление по случаю грома* («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») – С. 38–39; *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молний низходит...») – С. 40–41; *К Гавриилу Романовичу Державину* («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?..») – С. 42–43; *Подражания Горацию: Ода VII из книги XIII* («Пловец, под тучею нависшей...») – С. 44–46; *Ода III из I книги* («Леги, корабль, в свой путь с Вергилием моим!..») – С. 47–48; *Ода I из III книги* («Служитель Муз, хочу я истинны воспеть...») – С. 49–50.

Смесь

Сатиры

Чужой толк («Что за диковинка!..») – С. 53–58; *Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благородстве* («Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...») – С. 59–67; *Примечания к Ювеналовой Сатире* – С. 68; *Эпиграммы. I.* «Мне Леккарь говорил...» – С. 69; *II.* «За что Ликаста осуждают...» – С. 69; *III.* «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...» – С. 69; *IV.* «Я разорился от воров...» – С. 70; *V.* «Увы! Дамон кричит, мне Нина неверна!..» – С. 70; *VI.* «О Бардус! не глуши ...» – С. 70; *VII.* «Хорош бы Фока был...» – С. 70; *VIII.* «Он врал...» – С. 70; *IX.* «Подзобок на груди...» – С. 71; *X.* *На дурные оды, по случаю рождения именной Особы* («О тяжелой жизни договор!..») – С. 71; *XI.* «Кто как не говори, а Нина безподобна!..» – С. 71; *XII.* «Поэт Оргон...» – С. 72; *XIII.* «Что легче перышка...» – С. 72; *XIV* «Как! Рифмин жив...» – С. 72; *План Трагедии с Хорами* («Ляпландской Князь, жених...») – С. 73–75; *Триссотин и Вадиус* («Вы истинный Поэт!..») – С. 76–80.

Послания

I. От Английского Стихотворца Попа к Доктору Арбутноту («Иван! запрети дверь...») – С. 81–98; *II. К Г. Р. Державину, по случаю кончины первой супруги его* («Державин! тыль сосуд, печальный, но драгой...») – С. 99–100; *III. К Н. М. Карамзину* («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 101–104; *IV. К Графу Николаю Петровичу Румянцову* («Что может более порадовать певца...») – С. 105–106; *V. К друзьям моим, по случаю первого с ними свидания после моей отставки* («В Москвель я, наконец? со мною ли друзья?..») – С. 107–109.

Надписи

1. К портрету Ивана Ивановича Шувалова («С цветущей младости...») – С. 110; *2. Князя Итайлийскаго* («Суворова здесь лик до серебряных влосов...») – С. 110; *3. К его же портрету* («Се Росс, Авгарян бич...») – С. 110; *4. К бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайскаго, поставленной Графом Завадовским в его деревне* («Почтенный лик! когдаб ты был изображен...») – С. 111; *5. К памятнику мореходца Шелехова* («Как царства падали к стопам Екатерины...») – С. 111; *6. К портретам древняго Рускаго Историка Нестора* («Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...») – С. 112; *7. Михайла Матвеевича Хераскова* («Пускай от зависти сердца в Зоилах ноют...») – С. 112; *8. Гавриила Романовича Державина* («Державин в сих чертах блистает...») – С. 112; *9. Н** А** Бекетову* («Воспитанник любви и щастия богини...») – С. 113.

Надгробия

I и II. *Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему Московскому Градоначальнику* («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – С. 114; II. «Не дрогнет начертать на камне сем резец...» – С. 115; III и IV. *Матери и сыну* («Здесь мать двух близнецов почил в свете лет...») – С. 115; IV. «Когда и дружество струило слез потоки...» – С. 115; V. *В – И – С* («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...») – С. 115–116; VI. *И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки* («Привесьте к урне сей, о Грации!..») – С. 116; VII. Ему же («В спокойствии, в мечтах...») – С. 116; VIII. Ему же («На урну преклонясь...») – С. 116; IX. *Ф–М–Д* («Любезного и прах останется безвестным?..») – С. 117; X. *В–А–В* («Здесь тихая могила...») – С. 117; XI. *Стихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова. К Прасковье Ивановне Мятлевой* («Стены, дочь нежная, над урною отца!..») – С. 118.

Часть Вторая.

Содержание Второй Части.

Смесь

Тибуллова Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 5–8; *Счет поцелуев* («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 9–10; *Признание* («Темира! виноват; ты точно отгадала...») – С. 11; *Сила Любви* («Кто в страсти не ревнив?..») – С. 12; *Элегия* («Коль надежду истребила...») – С. 13; *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке?..») – С. 14; *Спор на Олимпе* («Прочь, слабое дитя!..») – С. 15; *Песни*. I. «Видал славный я дворец...» – С. 16–17; II. «О любезный! о мой милой!..» – С. 18; III. «Други! время скоротечно...» – С. 19; IV. «Юность! юность веселися...» – С. 20; V. «Без друга и без милой...» – С. 21–22; VI. «Тише, ласточка болтлива!..» – С. 23; VII. «Бедно сердце! как решиться...» – С. 24; VIII. «Ах, когда б я прежде знала...» – С. 25; IX. «Пой, скажи, кружись Параша...» – С. 26; X. «Куда мне, сердце страстно...» – С. 27; XI. «Что с тобою, ангел стало...» – С. 28; XII. «Всех цветочков боле...» – С. 29; XIII. «Все ли, милая пастушка...» – С. 30; XIV. «Стонет сизый голубочек...» – С. 31–32. *К Ф. М. Д.**** *Сочинившему голос на песню мою: Голубок* («Нежный ученик Орфея...») – С. 33; *Стансы. К Н. М. Карамзину* («Прочь от нас Катон, Сенека...») – С. 34–36; *Наслаждение* («Всяк в своих желаньях волен...») – С. 37–38; *Стансы* («Я счастлив был во дни невинности беспечной...») – С. 39; *Быль* («Даруй мне, Муза, тон согласный...») – С. 40–41; *Старинная любовь*. Баллада («Как мило жили в старину!..») – С. 42–43; *Меланхолик*. Романс, подражание Французскому («Как сын проклятия скитаюсь...») – С. 44–45; *Людмила*. Идиллия («Кого мне Бог послал среди уединенья?») – С. 46; *Мадекасская пленница* («Младая пленница! не проклинай войну...») – С. 47–48; *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 49–51; *Карикатура* («Сними с себя завесу...») – С. 52–56; *Надписи к Портретам*. I. «Глядите: вот Ефрем...» – С. 57; II. «Какой ужасный, грозный вид!..» – С. 57; III. «Смейтесь, смейтесь, что я щурю...» – С. 57–58; IV. «И это человек?..» – С. 58; *Эпитафия*. I. «Здесь Бригадир лежит...» – С. 59; II. «В надежде будущих талантов...» – С. 59; III. «Увы! здесь погребен мой милый поугай...» – С. 59; IV. «Под холодной кочкой сей Вралева хладный прах...» – С. 60; V. «Полвека стан его возили в сей юдоли!..» – С. 60; VI. «Прохожий, стой!..» – С. 60; *Эпитафия Эпитафиям* («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...») – С. 61; *Кенотафия* «Покорствуя судеб уставу...» – С. 62; *Экспромт на игру Г. Дица* («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...») – С. 63; *Мадригалы*. I. «Нет! Хлоя, не могу я страсти победить...» – С. 64; II. «По чести, от тебя не можно глаз отвести...» – С. 64; III. «Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...» – С. 65; *Надписи к Портретам*. I. «Что мне об ней сказать?..» – С. 66; II. «Лишь взглянешь на нее...» – С. 66; III. «Вот мой тебе портрет...» – С. 66; IV. «Я лучшей не могу хвалы ему сказать...» – С. 66; V. «Вот милый всем творец!..») – С. 67; VI. «Янтарная заря, румяный неба цвет...» – С. 67; *К Венереной статуе*. Из Антологии («Парис и Марс – о том ни слова...») – С. 68; *Эпиграмма. Оттудаж* («Леандр, в последний раз возникнув из валов...») – С. 69; *Надписи к Амуру*. I. «Открыт, как истина...» – С. 70; II. «Кто б ни был ты...» – С. 70; III. «Стреляй, о милый враг!..» – С. 70; *К Альбому Е*. С**.

О...й («Поэту ль своего таланта не любить?..») – С. 71; *К Альбому К. Н. И. К.* («Что пред соперницей Эраты наше пенье!..») – С. 72; *К ****, которая хотела испортить часы... («Ах, Лиза! мне ль за то сердиться...») – С. 73; *Слабость* («Мне Хлоя сделала решительный отказ...») – С. 74; *На случай получения от неизвестной Особы вышитаго на канве Гения* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!..») – С. 75; *Загадка* («Нет голоса во мне, а все я говорю...») – С. 76; *Путешествие* («Начать до свету путь и ощупью идти...») – С. 77; *К приятелю, который, по сходству двух различных фамилий, часто принимал одну вместо другой* («Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь...») – С. 78; *Близнецы* («Кого вам надобно? – “Я дом ищу Разврата”») – С. 79; *Амур и Дружба* («Сестрица, душенька!..») – С. 80; *История Любви* («Любовник в первый день признаньем забавляет...») – С. 81; *Люблю и любил* («Люблю – есть жизнью наслажденье...») – С. 82; *Супружняя молитва* («Один предобрый муж имел обыкновенье...») – С. 83; *К ***. О выгодах быть любовницею Стихотворца* («Прелеста, веселись! мой рок уже решил...») – С. 84–87; *К ****, при сообщении ей других стихов («Дельфира, вот стихи, которых ты желала!..») – С. 88–90; *К Младенцу* («Дай собой налюбоваться...») – С. 91–93; *К А–Г–С...й, на вызов ее написать стихи* («Ах, когда бы в древни веки...») – С. 94–95; *К ней же* («Какое зрелище для нежных души!..») – С. 96–97; *К ней же, в день ее рождения* («Вступая в новый год...») – С. 98; *К Маше* («Я не Архангел Гавриил...») – С. 99–100; *Грусть* («Влеком унынием сердечным...») – С. 101–102.

Сказки

I. *Филемон и Бавкида* (С Лафонтенова подражания Овидию) («Ни злато, ни чины, ко счастью не ведут...») – С. 105–110; II. *Модная жена* («Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!..») – С. 111–117; III. *Воздушные Башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – С. 118–123; IV. *Картина* («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 124–127; V. *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 128–141.

Часть Третья.

Содержание Третьей Части.

Басни.

Книга первая.

1. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию...») – С. 3–4; 2. *Петух, Кот и Мышонок* («О дети, дети! как опасны ваши лета!..») – С. 5–6; 3. *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители, в преданиях своих...») – С. 7–8; 4. *Чижик и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 9–10; 5. *Месяц* («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – С. 11; 6. *Лиса-Проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 12–14; 7. *Ласточка и Птички* («Летунья Ласточка и там и сям бывала...») – С. 15–17; 8. *Часовая Стрелка* («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – С. 18; 9. *Человек и Конь* («Читатели! хотитель знать...») – С. 19–20; 10. *Лебедь и Гагары* («За то, что Лебедь так и бел и величав...») – С. 21; 11. *Ружье и Заяц* («Трусливых наберешь не мало...») – С. 22–23; 12. *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 24–25; 13. *Каретные лошади* («Две Лошади везли карету...») – С. 26; 14. *Два Голубя* («Два Голубя друзьями были...») – С. 27–31.

Книга вторая.

1. *Мудрец и Поселянин* («Как я люблю моих героев воспевать...») – С. 33–35; 2. *Молчание Соловья* («Умолк Соловушка! конечно бедный болен!..») – С. 36; 3. *Калиф* («Против Калифова огромного дворца...») – С. 37–38; 4. *Осел, Обезьяна и Крот* («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал...») – С. 39; 5. *Амур, Гимен и Смерть* («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – С. 40; 6. *Прохожий* («Прохожий в монастырь зашедши на пути...») – С. 41; 7. *Два друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – С. 42–43; 8. *Совесть* («Не тигр, а человек – и сын ...убил отца!..») – С. 44–45; 9. *Дряхлая Старость* («Возможно ли, как в тридцать лет...») – С. 46–47; 10. *Дон Кишот* («Надсевшись Дон Кишот с баранами сражаться...») – С. 48–50; 11. *Муха* («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – С. 51; 12. *Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто Царедворец...») – С. 52–53;

13. *Кокетка и Пчела* («Прелестная Лизета...») – С. 54–55; 14. *Горесть и Скука* («Бедняк, не евши день, от глада...») – С. 56; 15. *Полевой Цветок и Гвоздика* («Простой цветочик, дикой...») – С. 57; 16. *Молитвы* («Благочестивый муж стоял в преддверьи храма...») – С. 58–59; 17. *Слепец и расслабленный* («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 60–61.

Книга третья.

1. *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 63–67; 2. *Башимак, мерка равенства* («Да что ты, долгой, возмечтатель?..») – С. 68; 3. *Человек и Эхо* («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») – С. 69; 4. *Три Льва* («Его величество, Лев сильный, Царь зверей...») – С. 70; 5. *Две Лисы* («Вчера, подслушал я, две разных свойств Лисицы...») – С. 71; 6. *Суп из костей* («О времена! о времена!..») – С. 72; 7. *Мальчик на столе* («Как я велик! с стола мальчишка всем кричал...») – С. 73; 8. *Пустынник и Фортуна* («Какой-то доброй человек...») – С. 74–75; 9. *Отец с сыном* («Скажите, батюшка, как щастия добиться?..») – С. 76; 10. *Шарлатан* («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») – С. 77; 11. *Книга «Разум»* («В начале мирозданья...») – С. 78; 12. *Два Веера* («В гостиной на столе два Веера лежали...») – С. 79; 13. *Пчела и Муха* («Здорово, Душенька! влетя в окно Пчела...») – С. 80–81; 14. *Слон и Мышь* («Как ни велик и силен Слон...») – С. 82; 15. *Бык и Корова* (« – Как жалок ты! Быку Корова говорила...») – С. 83; 16. *Смерть и Умирающий* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 84–86.

Книга четвертая.

1. *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дому отлучиться...») – С. 87–89; 2. *Верблюд и Носорог* («Верблюду говорил однажды Носорог...») – С. 90; 3. *Рысь и Крот* («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») – С. 91–92; 4. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 93; 5. *Жаворонок с детьми и Земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 94–96; 6. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 97; 7. *Желания* («Сердися Лафонтен, иль нет...») – С. 98–100; 8. *Нищий и Собака* («Большой боярский двор Собака стерегла...») – С. 101; 9. *Сверчки* («Два обывателя столицы безымянной...») – С. 102–103; 10. *Осел и Кабан* («В навозе вскормленный и вызревший Осел...») – С. 104; 11. *Летучая Рыба* («Есть рыбы, говорят, которые легают...») – С. 105; 12. *Разбитая Скрыпка* («Скрыпка дюжинна упала и разбилась...») – С. 106; 13. *Три Путешественника* («С восходом солнечным переходя лужок...») – С. 107–108; 14. *Змея и Пиявица* («Как я несчастна!..») – С. 109; 15. *Орел и Каплун* («Юпитеров Орел за облака взвивался...») – С. 110–111; 16. *Магнит и Железо* («Природу одолеть превыше наших сил...») – С. 112; 17. *Старик и трое Молодых* («Старик, лет в семдесят, рыл яму и кряхтел...») – С. 113–114; 18. *Лев и Комар* («Прочь ты, подлейший гад, навоза порожденья!..») – С. 115–116; 19. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку Фортуны не искал?..») – С. 117–120; 20. *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь, прогуливаясь по полю...») – С. 121–123.

Сентябрь, 23. Петербург.

Дарственная запись на экз. «Сочинений Дмитриева» (М., 1810. Изд. 3-е. Ч. 1–2): «Любезному брату Платону Петровичу от автора. 1810-го сентября 23-го С.П.б. Хоть и не взял печатать, но я великодушен».

Хранится в 6-ке МГУ (*Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 2393*).

Октябрь, 6. Петербург.

М. В. Милонов в письме к А. Ф. и Н. Ф. Грамматиным сообщает «новую эпиграмму, которую теперь только услышал, на гр. Хвостова:

Пегас под бременем лирических певцов

С насаду ... – и вылился Хвостов.

Говорят, будто написал ее Дм.[итриев]...».

Библиографические Записки. 1859. № 10. С. 294. См. «1807. Ноябрь, 18».

Октябрь, 16. Воскресенье. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

У меня все еще болят глаза: однакожь мне хочется написать к тебе несколько строк своею рукою. Сердечно благодарю тебя милой друг, за все доказательства неслетной твоей ко мне любви, которая дороже мне и крестов и чинов. Не могу отплатить тебе ничем подобным; но люблю тебя верно не менее, и с живейшим удовольствием говорю в своем семействе, что ты наш первой и последний друг в здешнем свете.

Молодой наш князь не знал, что я просил тебя об ней.

Мне хотелось сделать ему нечаянное для него удовольствие. Я не давно видел в газетах, что сын Юсупова пожалован в Камер-Юнкеры: наш Князь не уступает ему в заслуге предков и в знатности рода. Отец его, как тебе известно; был Наместником при Екатерине, дед Действительным Тайным Советником, прадед служил Петру Великому в первых чинах придворных, и так далее. Оставляю все на твое дружеское попечение, а когда тебе удастся сделать это для нас, то обрадуюсь не менее Князя: обрадуюсь и за него и за тебя, будучи уверен, что тебе приятно будет отплатить благодеянием сыну за искреннюю к тебе любовь покойного отца.

Со всеми своими мысленно тебя обнимаю. До гроба твой верный друг

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 134 (№ 122).

Октябрь, 31. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к А. Я. Булгакову в Москву сообщает, что «Иван Ив.[анович] <Дмитриев> теперь очень болен и делами не занимается».

А. Тургенев, 1939. С. 114.

Октябрь. Петербург.

В «Цветнике» (Ч. 8. № 10. С. 106–130) напечатана статья А. Ф. Воейкова на третье изд. соч. И. И. Дмитриева. В ней А. Ф. Воейков дает высокую оценку творчеству Дмитриева:

«Г. Дмитриев принадлежит к малому кругу тех поэтов, коих называют классическим. Молодой человек, желая образоваться в словесности, чувствуя в себе дар и охоту писать стихи, кого поставит образцом своим? у кого будет учиться этим законом тонкого вкуса, этой правильности в выражениях, этой строгой точности и нежной разборчивости в употреблении слов? У Ломоносова и Дмитриева» (С. 106–107). В статье приводятся обширные цитаты из его стихов и басен. Заканчивая статью, Воейков с сожалением пишет, что «государственная должность отвлекает от пиитических занятий сего знаменитого нашего писателя».

В этом же номере «Цветника» в отделе «Театр» помещена заметка «Брань г-ну Щеникову». Игравший Пирра, при втором представлении «Андромахи» (17 октября 1810 г.), Щеников вздумал поправлять стихи гр. Д. И. Хвостова и вместо «доводы ясны» прочитал «досады ясны», что вызвало неудовольствие Хвостова (См.: «1810. Декабрь, 13»).

Октябрь. Москва.

С. Глинка в «Русском Вестнике» (Ч. 12. № 10. С. 126–129) публикует сообщение «О напечатании третьяго издания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева».

Ноябрь, 3. Четверг. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Я выхожу из слепых и снова начинаю марать бумагу. Это хорошо; но худо что ты не здоров. Впрочем я уверен, что болезнь твоя так же похожа на болезнь покойного нашего Князя, как моя. Ты советуешь мне писать о молодом Князе к Н. С. Мордвинову: я готов; но мне хотелось бы за все благодарить тебя одного.

Радуюсь, что ты берешь участие в наших исторических исследованиях. Несторово банное строение есть не Польское *Bania*, а Греческое *βαλτιζήριον*, латинское *Baptisterium*, по русски *Крестильница*, или особенное здание при наших древних церквах, где крестили: ибо крещение называлось у нас банею.

Часто говорю о тебе, а чаще думаю. Сколько у тебя хлопот! но желаю, чтобы ты еще долго, долго был Министром: ибо это будет знаком твоего доброго здоровья. — Здесь Дм. Ник. Блудов и посещает меня не редко: он искренно тебе предан.

Со всеми своими домашними обнимаю тебя мысленно. Надеюсь, что ты уже выезжаешь. Прости, любезнейший! На веки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 135 (№ 123).

Ноябрь, 9. Петербург.

Письмо к М. М. Сперанскому.

Автограф: *РНБ ОР*. Ф. 731. Сперанский М. М. Ед. хр. № 2065, л. 1.

Ноябрь, 14. Петербург.

К. И. Габлиц дарит Дмитриеву свою книгу «Географические известия, служащая к объяснению прежняго состояния нынешней Таврической губернии, Собранныя из разных древних и средних времен писателей...» (СПб., 1803).

Хранится в б-ке МГУ (Сводный каталог русской книги. 1801—1825. № 1447).

Примерно в это же время К. И. Габлиц подарил гр. Д. И. Хвостову эту «книгу своего сочинения описание полуострова Крыма с двумя географическими каратами» (Западов, 1935. С. 64).

Ноябрь, 15. Петербург.

Гр. Д. И. Хвостов в письме к П. П. Бекетову в Москву пишет: «Министр юстиции <И. И. Дмитриев>, как вы чаю знаете, был очень болен; теперь гораздо лучше, только еще слаб. Он мне сделал одолжение, Оду мою Карамзину напечатал у Глинки, а как я ею люблюсь по одобрению публики, то прошу вас, как она уже напечатана, в истинное мне одолжение взять тот № Вестника у Сергея Николаевича, где она помещена и с онога на белой бумаге напечатать оной по вашему вкусу со всей типографской роскошью на мой щет 150 экземпляров и мне 100 доставить, а остальные раздарите вашим приятелям...».

Бумаги П. П. Бекетова // РА. 1880. III. С. 399.

Ноябрь (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 54. № 22 (Ноябрь). С. 101) напечатано посвященное И. И. Дмитриеву стихотворение вологодского губернского прокурора Н. Ф. Остолопова «*Аполлонова шутка*» («Езоп да Федр, и с ними...»). Подпись: О...; с пометкой: «Из Вологды».

Ноябрь (втор. пол.). Петербург.

Гр. Д. И. Хвостов в «Записках о словесности» пишет: «...В Вестнике Европы, в октябре месяце 1810-го года, прекрасная мысль в мадригале из Вологды г-на Остолопова, в похвалу И. И. Дмитриева, под названием *Шутка*, в коей замысловато сказано, что Федр и Лафонтен жаловались Фебу на малое число своих читателей по причине притчей Дмитриева. Феб открылся в том Фемиде, которая, чтобы, успокоить баснотворцев, Дмитриева взяла к себе в министры».

Западов, 1938. С. 365.

Ноябрь (втор. пол.). Петербург.

В «Записках о словесности» гр. Д. И. Хвостов пересказывает два каламбура на перевод Рассиновой «Гофолии» («*Athalie*»; переводчики Потемкин и

Шапошников): «...первой Ив. Ив. Дмитриева – Totolie, а другой по французски: se n'est pas Athalie, mais à thalie».

Западов, 1938. С. 365.

Ноябрь, 27. Петербург.

Именной, данный Министром юстиции (И. И. Дмитриевым) указ по Сенату, относительно слушания дел «в сем учреждении и подачи сенаторами своих мнений» (ПСЗ. № 24440).

Иванов, 1863. С. 122.

Декабрь, 7. Петербург.

Дмитриев в письме к В. В. Измайлову пишет:

«Я имел щастие довести до сведения Государя Императора об учреждающемся в Москве институте для образования юношества. Его Императорскому Величеству приятно было слышать, что вы, милостивый государь мой, вопреки предубеждениям, решились принять на себя почтенную обязанность быть директором сего института; во изъявлении же своего к вам благоволения, Государь Император высочайше повелел мне препроводить к вам подарок, у сего прилагаемый.

Спеша исполнить высокомонаршую волю, за особенное удовольствие поставляю уверить вас в совершенном почтении, с которым имею честь быть, милостивый государь мой, ваш покорнейший слуга Иван Дмитриев».

«Моск. Вед.» (1811, № 3). Отрывок: «Я имел щастие довести до сведения Государя Императора... ~ ... у сего прилагаемый». (*Карамзин*, 1866. С. 058–059); полностью: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 214.

Декабрь, 13. Петербург.

Запись гр. Д. И. Хвостова в «Записках о словесности»: «Вышла 10-я книжка Цветника, в коей похвала под названием разбора творениям г-на Дмитриева и брань под тем же названием г-ну Щеникову».

Западов, 1938. С. 367.

Декабрь, 21. Среда. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

В. Л. Пушкин успокоил меня на счет твоего здоровья, уверяя, что ты стал здоровее прежнего. Дай Бог, чтобы это в самом деле так было! Я долго расспрашивал его о твоем образе жизни, твоих обедах и вечерах. Он гордится в душе знаками твоей приязни. Доброй малой! Я поздравил его с новым достоинством масона. Здесь говорят о тебе с отменным уважением, отдавая полную справедливость твоему благородному характеру. У Публики есть иногда верное чутье. Сочинения Муравьева тебе доставлю; а ты, мой любезнейший Министр, пришли мне как можно скорее все, что выдет у вас к Новому Году или после касательно Законодательства, Государственного образования и проч. Разумеется, что требую печатного, публичного, а не более.

Из уважения к критике Вашего Превосходительства вымарал я выражение: как не многим. – Сердечно тебя обнимаю.

На веки твой друг Н. Карамзин.

Все мои тебя целуют».

Карамзин, 1866. С. 135–136 (№ 124).

1810 (?). Петербург.

Записка к А. И. Тургеневу:

«Ради Бога, извините меня, Александр Иванович, что я не исполнил ни вашей, ни матушкиной комиссии, потому что у меня один только и есть слуга, который послан на почту, и еще не пришел, а мне самому крайняя нужда dokon-

чить еще мои визиты. Почему и возвращаю вам и билеты и деньги, чтоб вы не могли пропустить время».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 213.

1810. Петербург.

«Басни И. Дмитриева. СПб., 1810». С посвящением императрицам: Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне.

Это перепечатка третьей части 3-го изд. (1810) соч. Дмитриева. В четвертую книгу Дмитриев внес изменения: басню «Верблюд и Носорог» («Верблуду говорил однажды Носорог...») перенес во вторую книгу, а басню «Рысь и Крот» («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») исключил.

Басни И. Дмитриева.

С.: Петербург. 1810.

Содержание.

Книга Первая.

1. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию...») – С. 1–3; 2. *Петух, Кот и Мышенек* («О дети, дети! как опасны ваши лета!..») – С. 4–7; 3. *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители в преданиях своих...») – С. 7–9; 4. *Чижик и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 10–12; 5. *Месяц* («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – С. 13; 6. *Лиса проповедница* («Разбитая параличем...») – С. 13–17; 7. *Ласточка и Птички* («Летунья Ласточка и там и сям бывала...») – С. 17–20; 8. *Часовая стрелка* («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – С. 21; 9. *Человек и Конь* («Читатели! Хотите ль знать...») – С. 22–24; 10. *Лебедь и Гагары* («За то, Что Лебедь так и бел и величав...») – С. 25; 11. *Ружье и Заяц* («Трусливых наберешь нимаало...») – С. 26–28; 12. *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 29–30; 13. *Каретныя лошади* («Две лошади везли карету...») – С. 31; 14. *Два Голубя* («Два голубя друзьями были...») – С. 32–39.

Книга Вторая

1. *Мудрец и Поселянин* («Как я люблю моих героев воспевать...») – С. 40–43; 2. *Молчание Соловья* («Умолк Соловушка!..») – С. 44; 3. *Калиф* («Против Калифова огромного дворца...») – С. 45–48; 4. *Осел, Обезьяна и Крот* («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал...») – С. 48–49; 5. *Амур, Гимен и Смерть* («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – С. 49–50; 6. *Прохожий* («Прохожий в монастырь зашедши на пути...») – С. 51; 7. *Два друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – С. 52–54; 8. *Совесть* («Не тигр, а человек, – и сын ...убил отца!..») – С. 54–55; 9. *Дряхлая Старость* («Возможно ли, как в тридцать лет...») – С. 56–57; 10. *Дон-Кихот* («Надсевшись Дон-Кихот с баранами сражаться...») – С. 58–61; 11. *Муха* («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – С. 62; 12. *Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто царедворец...») – С. 63–64; 13. *Кокетка и Пчела* («Прелестная Лизета...») – С. 65–66; 14. *Горесть и Скука* («Бедняк, не евши день, от глада...») – С. 67; 15. *Полевой Цветок и Гвоздика* («Простой цветочек, дикой...») – С. 68; 16. *Молитвы* («Благочистивый муж стоял в преддверьи храма...») – С. 68–70; 17. *Верблюд и Носорог* («Верблуду говорил однажды Носорог...») С. 71–72; 18. *Слепец и Расслабленный* («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 72–75.

Книга Третья

1. *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 76–84; 2. *Башмак, мерка равенства* («Да что ты, долгой, возмечтатель?..») – С. 84; 3. *Человек и Эхо* («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») – С. 85–86; 4. *Три Льва* («Его величество, Лев сильный, царь зверей...») – С. 86; 5. *Две Лисы* («Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...») – С. 87–88; 6. *Суп из костей* («О времена! о времена!..») – С. 88–89; 7. *Мальчик на столе* («"Как я велик" – с стола мальчишка всем кричал...») – С. 89; 8. *Пустынник и Фортуна* («Какой-то доброй человек...») – С. 90–92; 9. *Отец с сыном* («Скажите, батюшка, как чистия добиться?..») – С. 93; 10. *Шарлатан* («Однажды шарлатан во весь горланил рот...») – С. 94–95; 11. *Книга «Разум»* («В начале мирозданья...») – С. 95–96; 12. *Два Веера* («В гостиной

на столе два Веера лежали...») – С. 97–98; 13. *Пчела и Муха* («Здорово, душенька! – влетя в окно, Пчела...») – С. 98–99; 14. *Слон и Мышь* («Как ни велик и силен Слон...») – С. 102; 15. *Бык и Корова* («Как жалок ты! – Быку Корова говорила...») – С. 103; 16. *Смерть и Умирающий* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 104–108.

Книга Четвертая

1. *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дому отлучиться...») – С. 109–113; 2. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 113; 3. *Жаворонок с детьми и Земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 114–118; 4. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 119; 5. *Желания* («Сердися Лафонтен иль нет...») – С. 120–124; 6. *Нищий и Собака* («Большой боярский двор собака стерегла...») – С. 125; 7. *Сверчки* («Два обывателя столицы безымянной...») – С. 126–128; 8. *Осел и Кабан* («В навозе вскормленный и вызревший Осел...») – С. 128; 9. *Летучая Рыба* («Есть рыбы, которые, говорят, летают...») – С. 129–130; 10. *Разбитая Скрыпка* («Скрыпка пошлая упала и разбилась...») – С. 130; 11. *Три Путешественника* («С восходом солнечным переходя лужок...») – С. 131–132; 12. *Змея и Пиявица* («Как я несчастна...») – С. 133–134; 13. *Орел и Каплун* («Юпитеров Орел за облака взвивался...») – С. 134–135; 14. *Магнит и Железо* («Природу одолеть, превыше наших сил...») – С. 136; 15. *Старик и трое Молодых* («Один старик в саду рыл яму и кряхтел...») – С. 137–138; 16. *Лев и Комар* («Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!..») – С. 140–142; 17. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку Фортуны не искал?...») – С. 142–149; 18. *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь прогуливаясь по полю...») – С. 149–153.

1810. Москва.

Выходят первые две части «Собрания русских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (Ч. 1–2. М., 1810).

Статья «От издателя» (В. А. Жуковского) датирована 17 декабря 1810 г. (Ч. 2)

В. А. Жуковский выбрал и напечатал следующие сочинения И. И. Дмитриева:

Часть 1.

Оды.

IV. *Освобождение Москвы* («Примите, древняя дубрава...»). – С. 14–19; XXI. *Стансы. К Н – М – К**** («Прочь от нас Катон, Сенека!..») – С. 85–88; LVII. *Размышления по случаю грома* («Гремит!... благоговей, сын персти!..») – С. 199; LXIV. *Глас Патриота на взятие Варшавы* («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 221–223; LXXVIII. *К Волге* («Конец благополучно бегу!..») – С. 255–258.

Часть 2.

Оды.

XXIII. *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молнии нисходит...»). – С. 79–80; XXVIII. *Ермак* («Какое зрелище пред очи...») – С. 100–105.

Лирическая Поэзия

Песни, романсы и баллады.

II. «Ах, когда бы я прежде знала...» – С. 111; IX. «*Стонет сизый голубок...*» – С. 121–122; XIV. *Наслаждение* («Всяк в своих желаниях волен...») – С. 127; XXI. «*Видел славный я дворец...*» – С. 135; LXXXVI. *К Хлое* («Всех цветков боле Розу я любил...») – С. 229; СIII. «*Без друга и без милой...*» – С. 256–257; CIV. «*О любезный! о мой милой...*» – С. 260–261; CXVI. «*Куда мне сердце страстно...*» – С. 274; CXVIII. «*Что с тобою, ангел, стало?...*» – С. 276–277; CXX. «*Я щастлив был во дни невинности безпечной...*» – С. 280; CXXII. *Карриатура* («Сними с себя заве-

су...») – С. 282–285; СХХIV. *К Младенцу* («Дай собой налюбоваться...») – С. 289–290; СХХVI. *Старинная любовь* («Как мило жили в старину...») – С. 293–295.

Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

Об этом издании гр. Д. И. Хвостов писал в своих «Записках о словесности»: «Января 2. 1811. В Москве издаются творения покойного Михайлы Никитича Муравьева г. Карамзиным и хрестоматия г. Жуковским, который отказался от соучастия в журнале *Вестник Европы* на 1811 и последующие годы, оставя оный г. Каченовскому» (*Степанов*, 1935. С. 367).

1810. Москва.

«В удовольствие и пользу. Труды воспитанников Университетского Благородного Пансиона. Книжка 1. М., 1810». На листе авантитула дарственная запись: «Его Превосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву Господину Министру юстиции с глубочайшим почтением подносят издатели».

Хранится в б-ке МГУ (см.: *Анохина*, 1973. С. 104).

1810. Москва.

Н. М. Карамзин. Стихи к портрету И. И. Дмитриева: «*Министр, Поэт и друг: я все тремя словами...*».

Впервые: «Памятник Отечественных Муз» (1827. С. 3. Отдел стихотворений).

Об этом «четверостишии» говорится в письме Карамзина к А. И. Тургеневу от 20 октября 1815 г.: «Не знаю, о каких стихах к портрету Ивана Ивановича говорил вам наш любезный Жуковский. Лет за пять перед сим написал я следующие (сколько помню):

Министр, поэт и друг: я все тремя словами
Об нем для похвалы и зависти сказал.
Прибавлю, что чинов и рифм он не искал,
Но рифмы и чины к нему летели сами...» (РС. 1899. № 2. С. 469).

Венгеров С. А. Русская поэзия. Вып. VII. Полное собрание стихотворений Ю. А. Нелединского-Мелецкого и Н. М. Карамзина. СПб., 1901. С. 62, 128, 142.

1810. В. А. Жуковский. *Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева.* Жуковский. Изд. 10-е. С. 68.

1810. К. Батюшков. Повесть «Предслава и Добрыня». Повесть заканчивается стихом, который служит также окончанием переведенной Дмитриевым из Вольтера сказки «La Beguelle» («Причудница»): «...Насилу досказал».

Повесть впервые напечатана в «Северных Цветах на 1832 год» (С. 1–46).

1810. Гр. Д. И. Хвостов. «<И. И. Дмитриеву>» («Давненько Буало твердил, что целый век...»).

Дата: Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л. 1971. С. 442–445. Однако Хвостов в примечании датирует это послание 1811 г. (там же. С. 445).

Ок. 1810. Неизвестный художник перв. пол. XIX в. Портрет И. И. Дмитриева. Гос. Музей Пушкина. Х., м.

1810–1811. С. Н. Марин. «Стихи Экспронтум. И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои басни в первый день поста» («Я счастием моим почести удивлен, / Лишь привело меня в печаль сухояденье / Как вдруг ко мне в уединенье / Явился русской Лафонтен»).

Впервые: *Марин С. Н.* Полн. собр. соч. М., 1948. С. 150.

1810(?)–1814(?). Петербург.

Записка к Г. Р. Державину:

«Не преминую войти в прописанные вами обстоятельства, м.[илостивый] г.[осударь], Г.[аврило] Р.[оманович]. Вчера я не спал с 9 часу, и не мог принимать

никого потому, что другой день потерял голос и слаб грудью, следовательно нужно было хранить молчание, хотя и ныне в том же положении, но всем сердцем хочу вас видеть и буду вас ожидать.

И так, до свидания.

В[аше]-го в[ысоко]-пр[евосходительства] покорнейший слуга Дмитриев».

Державин, 1871. Т. 6. С. 372–373; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 214.

1810-е гг. Неизвестным лицом составляется рукописный сборник стихов. В сборник включены стихотворения Дмитриева:

«*Лисица-Проповедница*» («Разбитая параличем...») – Л. 47; «*Ружье и Заяц*» («Трус-ливых наберешь немало...») – Л. 49; «*Два голубя*» («Два голубя друзьями были...») – Л. 50; «*Калиф*» («Против калифова огромного дворца...») – Л. 54; «*Воспитание Льва*» («У Льва родился сын...») – Л. 66 об.; «*Жаворонок с детьми и Земледелец*» («Пословица у нас...») – Л. 72; «*Кот, Ласточка и Кролик*» («Случилось Кролику от дома отлучиться...») – Л. 75; «*Желания*» («Сердися Лафонтен иль нет...») – Л. 80 об.; «*Кокетка и пчела*» («Прелестна милая кокеточка Лизета...») – Д. 104 об.; «*Горлица и Прохожий*» («Прохожий: Что так печально ты воркуешь на кусточке?...») – Л. 106; «*Прохожий*» («Прохожий в монастырь зашедши на пути...») – Л. 125; «*Два Друга*» («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – Л. 125 об.; «*Амур и Дружба*» («Сестрица, душенька!..») – Л. 128; «*Полевой цветок и Гвоздика*» («Простой цветочек дикой...») – Л. 128 об.

Стихотворения, Романсы, Поэмы и Драматические сочинения. XVII – первая треть XIX в. / Описание рукописного отдела библиотеки Академии Наук СССР. Т. 4. Вып. 2. Л., 1980. С. 235–238. Шифр хр.: Успенск. 54.

1810-е гг. Неизвестным лицом составляется рукописный сборник стихов. В сборник включены стихотворения Дмитриева:

«*Шарлатан. Притча*» («Однажды шарлатан во весь горланил рот...») – Л. 7; «*Кокетка и пчела. Притча*» («Прелестна милая кокеточка Лизета») – Л. 8 об.; «*Надпись к Венереной статуе. Из Антологии*» («Парис и Марс – о том ни слова...») – Л. 11; «*Подражание Петrarку*» («Поверит ли кто мне?...») – Л. 24 об.; «*Сила любви*» («Кто в страсти не ревнив?...») – Л. 24 об.; «*Подражание Лафонтену*» («О вы, которых бог любви соединил!..») – Л. 31 об.; «*Модная жена. Сказка*» («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал...») – Л. 32 об.; «*Ермак*» («Какое зрелище пред очи...») – Л. 34 об.; «*Преложение 49 Псалма*» («Кто в блесках молнии нисходит...») – Л. 46; «*Разлука*» («Без друга и без милой...») – Л. 52 об.; «*Ласточка и птички. Притча*» («Летунья ласточка и там и сям бывала...») – Л. 59 об.; «*Голубочек*» («Стонет сизой голубочек...») – Л. 64; «*Искатели Фортуны. Сказка*» («Кто на своем веку фортуны не искал...») – Л. 68 об.; «*Воспоминание*» («Бывало я с прекрасной...») – Л. 68 об.; «*Желания. Сказка*» («Сердися Лафонтен или нет...») – Л. 73.

Стихотворения, Романсы, Поэмы и Драматические сочинения. XVII – первая треть XIX в. / Описание рукописного отдела библиотеки Академии Наук СССР. Т. 4. Вып. 2. Л., 1980. С. 238–244. Шифр хр.: Приенисейск. Край 61. Одно из последних записанных стихотворений датировано 20-м января 1816 г. (С. 244).

1811

Январь, 2. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за приятную весть о нашем молодом Князе и за твое истинно дружеское в том участие. Отныне и навсегда поручаю его в твое особенное покровительство. Если переживешь меня, то не забывай, что доброй, старинной друг твой возложил на тебя эту обязанность. Следственно ты имеешь два побуждения ему благодетельствовать: любовь ко мне и к покойному Князю.

Все мое семейство усердно поздравляет тебя с Новым Годом. Дай Бог, чтобы ты в его течение был здоров и доволен во всех отношениях!

Теперь, слава Богу! не имею ни глазной боли, ни геморроидов; пишу и проч.

От всего сердца обнимает тебя верный твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 136—137 (№ 125).

Январь, 3 ... 19. Петербург.

Запись гр. Д. И. Хвостова в «Записках о словесности»:

«Я кончил свое письмо о критике, в коем 250-ть стихов, читанное оно Дмитриеву, Гнедичу, Горчакову и другим, слышал лестные похвалы. Так же и Ивану Ив. Дмитриеву, заметившему нечто в слоге, а главное суждение, чтобы выкинуть о Баптисте Руссо, но я на сие не соглашаюсь...».

Западов, 1938. С. 368.

Январь, 21. Петербург.

Указ по департаменту Министерства юстиции «о воспреещении употреблять по департаменту Министерства юстиции и подведомственным оному учреждениям другой бумаги, кроме выделяваемой в России» (ПСЗ. № 24493; подготовлен И. Дмитриевым).

Январь, 23. Петербург.

Представляет в Академию Наук 3-е изд. своих сочинений (Соч. Ивана Дмитриева в 3-х частях. М., 1810).

Сухомлинов. История Российской Академии. Вып. VII. С. 59.

Январь, 24. Петербург.

Письмо к С. Н. Озерову.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Январь. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 3) напечатано письмо Дмитриева к Измайлову от 7 декабря 1810 г. Дмитриев остался недовольным публикацией этого письма.

Карамзин, 1866. С. 58; см. «Февраль, 19».

Февраль, 3. Петербург.

Гр. Д. И. Хвостов пишет в «Записках о словесности»:

«3-е февраля вышел 1-й № «Улья», где выписка в похвалу мне из немецкого журнала, ода моя Ив. Ив. Дмитриеву *Приглашение на вечеринку*, и две басенки: *Леопард и Козел* и *Земляная ласточка...*».

Западов, 1938. С. 368.

В «Allgemeine Litteratur Zeitung» («Всеобщая литературная газета», № 335 от 5 декабря 1810), между известиями о русских книгах помещена хвалебная статья о сборнике Д. И. Хвостова «Лирические творения». Анастасевич перепечатал эту статью в 1-м № «Улья» (С. 32—35) (см.: *Западов*, 1938. С. 368, 394).

Февраль, 19. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Давно, давно я не писал к тебе, и не от лени. Только в нынешнюю ночь возвратились мы из Твери, где жили две недели как в очарованном Замке. Не могу изъяснить тебе, сколь Великая Княгиня и Принц ко мне милостивы. Я узнал их несравненно более прежнего, имел случай ежедневно говорить с ними по несколько часов между наших исторических чтений. Великая Княгиня во всяком состоянии была бы одною из любезнейших женщин в свете; а Принц имеет Ангельскую доброту и знания необыкновенные в некоторых частях. Не отвечаю за будущее; но теперь милостивое ко мне расположение сей Августейшей четы составляет одно из главных утешений моей жизни. Разумеется, что ты в наших разговорах был у меня часто на языке; ежедневно, так или сяк, о тебе упоминалось, без всякого нарушения правил скромности с моей стороны.

Как удивило меня твое письмо *по секрету!* Ради Бога мой любезнейший, как можно скорее доложи нашему дражайшему Государю, что я сколь восхищаюсь сим знаком Его милостивого ко мне расположения, столь удивляюсь несправедливости Московских донесений: я только *один раз* в жизни видел Шевалье де Месанс, и он *никогда не бывал у меня в доме*, ибо своею наружностью и тоном мне не полюбился, и получив от меня сухой ответ на свои учтивыя фразы, не рассудил за благо ко мне приехать. Как можно доносить к Императору столь ложно! Я даже подозреваю тут намерение повредить мне. Друг твой едва ли может быть обманут шпионом. Дом наш есть уже давно монастырь, куда изредка заглядывают одни благочестивые люди, например, Гр. Растопчин, Нелединской, Обрезков, Сушков, Гр. Пушкин, бригадир Кашкин, Разумовской, Рябинин, Оболенские. Вот наше общество: как тут замешаться Французу! Я же сам почти никуда не езжу; однакожь слышу, что Шевалье Месанс вербует здесь Масонов, ссылаясь на Петербургскую моду. Прибавь, любезнейший, что Французские шпионы никогда не подумают войти в связь со мною: я не фанатик и не плут. — Уведомь, когда об этом скажешь Государю. Мне больно то, что осмеливаются писать к Нему столь неосновательно.

Посылаю за Измайловым, которой в Московских газетах напечатал твое к нему письмо, т. е. уведомление о пожаловании ему перстня, и более ничего, кажется. Но разпрошу его обо всем, и на первой почте дам тебе отчет.

Выражение, что ты обо мне тоскуешь, тронуло мое сердце. Верю, ибо люблю тебя действительно со всею дружескою нежностью. Может быть, я загляну в Петербург, но без всяких честолюбивых видов, а единственно для тебя и для нашего молодого Князя. Довольный благорасположением ко мне Государя добраго и Царской Фамилии, приятною людей почтенных, дружбою Дмитриева и любовью моего семейства, чего могу искать, кроме мира душевного поконце моей жизни? Занимаюсь приятно в своем кабинете, имею нужное и молюсь Богу за отечество. А ргорос как жаль, что не имею права похвастаться перед тобою своею *философическую умеренностью!* Не многие отказываются, от чего я отказался: но пока не объявлю тебе секрета. — Жена моя сердилась на тебя за то, что ты в последних письмах совсем не упоминал об ней: дружба бывает взыскательна.

Сто раз обнимаю тебя. — О *Беседе* Шишковской слышал. Желаю ей успеха, но только в добре. Для чего сии господа не хотят оставить меня в покое? Впрочем мое правило не злиться. Будь здоров, мой милой друг.

Преданный тебе Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 137—139 (№ 126).

О своем пребывании в Твери Карамзин пишет старшему брату В. М. Карамзину в Симбирск в письме от 28 февраля 1811: «Я с женою был опять в Твери и жил там две недели, совершенно в гостях у Великой Княгини и у Принца. Они осыпали нас ласками, и мы всякий день бывали у них по несколько часов. Любезность и милость Великой Княгини трогают мою душу. Принц имеет ангельское сердце и знания. Часы, проведенные мною в их кабинете, причисляю к счастливейшим в моей жизни. Теперь я возвратился к обыкновенным своим упражнениям» (Карамзин, 1858. 23, 480 (№ 82).

Февраль, 28. Петербург.

Дмитриев присутствует на первом общем собрании «Беседы любителей Российского слова» в доме Г. Р. Державина. Среди присутствовавших: Г. Р. Державин, гр. Д. И. Хвостов, Завадовский, Разумовский и др.

Западов, 1938. С. 369.

Февраль, 28. Петербург.

Запись гр. Д. И. Хвостова в «Записках о словесности»: «П. Ю. Львов, сочинитель Храма Славы, при открытии первого общего Беседы собрания очень занемог и вышел из-за стола. Дмитриев сказал: «худой знак: зодчий Храма Славы пал».

Западов, 1938. С. 369.

Март, 1(?) ... 15(?) . Петербург.

Прощение С. Л. Пушкина в Герольдию о выдаче ему свидетельства о дворянстве сына его Александра. К прощению приложено свидетельство министра юстиции И. И. Дмитриева о том, что «недоросль Александр Пушкин есть действительно законный сын служащего в Комиссариатском штате 7-го класса С. Л. Пушкина».

Летопись, 1991. С. 36.

Март, 7. Петербург.

Узаконение, подготовленное при Министре юстиции И. И. Дмитриеве, о «запрещении совершать крепости и письменные сделки на имена лиц, не имеющих права владеть недвижимым имением».

Иванов, 1863. С. 123.

Март, 14. Петербург.

Первое публичное чтение «Беседы любителей Российского слова». Присутствовало около двухсот «избраннейших особ». Среди них – Дмитриев.

Март, 16. Тверь.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Вчера имел я щастие быть представлен к Государю в Кабинете Ея Императорского Высочества, моей благодетельницы. Ты знаешь нашего дражайшего Монарха еще лучше, нежели я: следственно нет нужды говорить о редкой доброте Его. В первых словах Он сказал мне поклон от тебя, прибавив, что тобою *весьма* доволен во всех отношениях. Было слово об историческом обществе, и разговор о разных предметах продолжался около часа. Государь изволил много говорить с моею женою, и в Кабинете и после обеда: между прочим звал нас в Петербург, разумеется только в знак ласки. Нынешний день будем также иметь щастие с ним обедать. Все это есть следствие милостивого к нам расположения несравненной Великой Княгини: или оно никогда не переменится, или я буду щастлив менее прежнего, будучи действительно привязан к Ней душею и сердцем. Она столь мила, что бранит меня за эту меланхолическую мысль; однакожь я стою в том, что непостоянство есть мода здешнего света. – Ты шутишь, думаю, над моею излишнею скромностию: у меня нет секретов. Правда, я не сказал тебе об одном милостивом предложении: это останется до нашего свидания. – Люблю не быть малодушным, однакожь весьма желаю, чтобы Государь выехал отсюда с благоприятным ко мне расположением. Катерина Андреевна свидетельствует тебе свое душевное почтение. Думаю, что еще напишу к тебе из Твери. Между тем нежно и дружески тебя обнимаю, моего милого и почтенного. На веки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 139–140 (№ 127).

Март, 20. Тверь.

Письмо Карамзина к И. И. Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Вчера мы в последний раз имели щастие обедать с Государем: он уехал ночью. Сверх четырех обедов я с женою был два раза у него во внутренних комнатах, а в третий при Великой Княгине и Принце читал Ему свою Историю долее двух часов; после чего говорил с ним не мало – но чем же? О Самодержавии!! Я не имел щастия быть согласен с некоторыми Его мыслями, но искренно удивлялся Его разуму и скромному красноречию. Сердце мое всегда влеклось к Нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего редкого Монарха: теперь люблю, уважаю Его по внутреннему удостоверению в красоте Его души. Дай Бог, чтобы он был щастлив щастием России! вот первое желание моего сердца, привязанного к нему и к отечеству! – Прощаясь с нами, он вторично звал меня в Петербург и примолвил, что мы не имеем нужды в наемном доме; что Дворец Аничковский довольно велик; что Великая Княгиня без сомнения с удовольствием поместит нас в своем доме. Чувствую всю цену Его милости. Скажи Ему, любезнейший друг, *при случае*, что я и по правилам и по сердцу предан на веки Монарху столь редкому изящными качествами души. Последние слова Его были: «что приказываешь к Ивану Ивановичу?» Великая Княгиня хотела даже, чтобы я дал Государю письмо к тебе! «На это есть почта», сказал я с низким поклоном. Пусть другие забываются: мое дело помнить, что есть Государь, и что подданный. – Он несколько раз говорил со мною о тебе, о твоём здоровье, и не хочет верить, чтобы ты когда нибудь бывал усердным пешеходом. Историю мою слушал Он, кажется, с непритворным вниманием и удовольствием; никак не хотел прекратить нашего чтения; наконец, после разговора взглянув на часы, спросил у Великой Княгини: «угадайте время: двенадцатой час!» Одним словом, я должен быть совершенно доволен.

А ты, мой любезнейший верный друг, будь совершенно здоров по желанию моего сердца. Сказывали мне, что ты *излишно* изнуряешь себя работою и хочешь все сам делать; что ты *излишно* болишь сердцем в малейших неприятностях по делам. Не мое дело учить тебя умеренности в трудолюбии и хладнокровию, которыми (сказывают) отличаются другие Министры и в особенности А. Д. Балашев. Остаюсь при желании, чтобы Бог подкрепил твоё здоровье. Но для чего ты, мой любезнейший, не делаешь движения? для чего не ходишь пешком? Отними *полча* у дел и ступай в любую сторону, не однажды, не иногда, а *всякой день*, без исключения: увидишь пользу: говорю по опыту. Ты любишь жизнь: употребляй же все средства продолжать ее.

Платон Петрович давал мне читать исправленный и подписанный Министром Устав нового Исторического Общества. Статьи об освобождении членов от городских повинностей, о получении из казны денег, о цензуре и проч. выкинуты к сожалению Автора; но весь устав есть нелепость в глазах знающего человека и произведение смешного невежества в этом деле. – Нежно и сто раз обнимаю тебя. Еще не знаю, ныне или завтра или после завтра выеду отсюда. Великая Княгиня хочет еще поговорить со мною.

Навеки преданный тебе Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Муж меня забыл, но я вас прошу почтенной и любезной Иван Иванович, у него не перенимать и помнить ту которая на веки вам преданная».

Карамзин, 1866. С. 140–142 (№ 128).

Март, 22. Тверь.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Великая Княгиня непременно желала, чтобы я вручил ей *рекомендательное письмо* к тебе: суди о Ее милостивом к нам обоим расположении! Более ничего не прибавлю. Она хочет узнать тебя короче; а ты чем более узнаешь Ее прелестную душу, тем более, по твоему выражению, будешь благоговеть перед нею.

Через несколько часов отправляемся в Москву, осыпанные знаками милости, столь бесценной.

Навеки друг твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866, 142 (№ 129).

Апрель, 2. Светлое Воскресение Христово. Пасха.**Апрель, 9. Москва.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Сто раз обнимаю тебя, поздравляя с Праздником, хотя уже и прошедшим. — Отдыхал и отдыхаю после Тверских путешествий, собираюсь с мыслями и стараюсь возвратиться в свое прежнее мирное состояние духа, т. е. от настоящего к давно-минувшему, от шумной сущности к безмолвным теням, которые некогда также на земле шумели.

Жалею, мой любезнейший, что ты не видал Великой Княгини: она верно желала видеться с тобой. Прошу тебя убедительно поправить это, когда она возвратится из Риги: думаю, что уже и возвратилась. Кроме отменной живости ума, нахожу в ней редкую любезность и доброту. Милостивое расположение Ее к тебе достойно твоей признательности.

Милость Государеву чувствую; а благодарность моя должна состоять в усердии к работе, которая удостоилась его одобрения. О приезде в Петербург молчу, хотя и крайне желаю скорее обнять моего друга. Каков ни есть твой Карамзин, но имеет правила души благородной.

И так, мнительной, но не мнимой друг мой, ты желаешь знать, к какой стати упомянул я о А. Д. Б.[алашове]? Вот все дело: один из Петербургских, впрочем не весьма важный человек, хваля тебя, сказал, что ты слишком чувствителен к малейшим неисправностям по делам твоего Департамента, и не похож на такового, удивительно хладнокровного. Более ничего.

Сделай одолжение, любезнейший: прикажи по приложенной записке справиться в Сенате и скорее послать указ, пока не прошел срок. Князь наш еще не может заниматься своими делами и вся ответственность лежит на мне; боюсь своей безпечности в отношении к ближнему.

Жена моя свидетельствует тебе свое дружеское почтение, а малютки наши тебя целуют. Будь здоров и спокоен.

Навеки преданный тебе Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 143–144 (№ 130).

Апрель, 12. Москва.

Карамзин в письме к брату В. М. Карамзину в Симбирск сообщает:

«...Исполняя волю любезнейшей Великой Княгини, я ездил опять в Тверь, чтобы быть там представленным Государю, который и сам приказал Ивану Ивановичу Дмитриеву написать ко мне о желании своем видеть меня в этом городе. Осыпанный милостивыми приветствиями Императора, я читал ему некоторые места из моей Истории. Он был доволен <Карамзин читал тогда Александру I о борьбе Димитрия Донского с Мамаем, в то самое время, когда готовилась уже новая, решительная борьба с западными завоевателями: Францией и Наполеоном>».

Карамзин Брату, С. 480–481 (№ 83).

Апрель, не ранее 18-го. Петербург.

Дмитриев получает от В. А. Жуковского третью часть «Собрания Руских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцов российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (Ч. 3. М., 1811). Издание открывается гравированным портретом И. И. Дмитриева.

В. А. Жуковским для третьей части были выбраны и напечатаны сочинения И. И. Дмитриева в разделах:

С к а з к и

I. *Воздушныя Башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») — С. 59–65; IV. *Модная Жена* («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал!..») — С. 83–89; VI. *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») — С. 96–109.

Б а с н и

I. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростью вступил однажды в разговоры...») – С. 113–114; VI. *Ласточка и Птички* («Летуныя Ласточка и там и сям бывала...») – С. 119–120; XI. *Пустынник и Фортуна* («Какой-то добрый человек...») – С. 129–130; XV. *Амур, Гимен и Смерть* («Амур, Гимен со Смертию строгой...») – С. 136; XVIII. *Рысь и Крот* («Когда-то Рысь найдя лежащего Крота...») – С. 140–141; XXI. *Чиж и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо, и сидя в нем поет...») – С. 143–144; XXIV. *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители, в преданиях своих...») – С. 148–149; XXV. *Старик и трое Молодых* («Старик, лет в семдесят, рыл яму и кряхтел...») – С. 150–151; XXXI. *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 164–168; XXXIV. *Жаворонок с детьми и Земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 171–173; XXXVII. *Прохожий* («Прохожий, в монастырь зашедши на пути...») – С. 179; XLI. *Скрыпка* («Скрыпка, дюжинна упала и разбилась...») – С. 185; XLIV. *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь, прогуливаясь по полю...») – С. 189–191; XLVIII. *Лиса-Проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 197–199; LIII. *Молчание Соловья* (« – Умолк Соловушко!..») – С. 205; LIV. *Муха* («Бык с плугом на покой тащился...») – С. 206; LX. *Слепец и Разслабленный* («И ты нещастлив...») – С. 213–214; LXVII. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку Фортуны не искал?...») – С. 226–230; LXXV. *Дон Кишот* («Надсевшись Дон Кишот с баранами сражаться...») – С. 241–343; LXXVII. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 245; LXXXII. *Сверчки* («Два обывателя столицы безумьяны...») – С. 253–254; LXXXIV. *Кот, Кролик и Ласточка* («Случилось Кролику от дома отлучиться...») – С. 257–259; LXXXVI. *Смерть и Умиравший* («Один охотник жить...») – С. 262–264; LXXXVIII. *Два Голубя* («Два Голубя друзьями были...») – С. 268–272.

Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

Описано по экз. из б-ки Д. П. Ознобишина (УОНБ. РФ(Р1)8. № 428).

Апрель, 18. Петербург.

Дмитриев в письме к Жуковскому пишет:

«Милостивый Государь мой Василий Андреевич.

С большим удовольствием получил я ваше издание Русских поэтов и спешу принести вам искреннюю благодарность мою и за подарок и за честь, мне сделанную. Вы столь хорошо ко мне расположены, что даже прибавили мне и звезду на моем портрете, и потомство по этой прибавке будет больше обо мне думать, нежели что я был в самом деле. Вот вам и критическое замечание, чтоб не показать, что вы усыпили мое беспристрастие вашим подарком. Надеюсь, что издатель спокойно передаст его Московскому граверу.

А. И. Тург.[енев] польстил меня, что вы будете в Пб.[урге] искренно желал бы вас видеть. Впрочем, где бы вы ни были, всегда будете близки к сердцу, исполненному к вам почтения и приязни.

Иван Дмитриев».

РА. 1871. III. 2. Стб. 417.

Май, 1. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Благодарю тебя за два письма, любезнейший друг. Великая Княгиня прислала мне твое при своем письме из Твери, и благодарит меня за твою приветливость! Она весьма довольна тобою и зовет нас в Тверь. Люблю Ее душевно и признателен ко всем Ея милостям; однакожь, будучи усердным домоседом, не пленяюсь мыслию скакать по большим дорогам, жить дней по десяти в праздности и беспокоиться о детях. Время летит, а История моя ползет. Хотелось бы дойти скорее хотя до Романовых, и напечатать, пока есть сила в душе и зрение в глазах.

Мне грустно слышать о слабости твоего здоровья; однакожь надеюсь, что лето и в Петербурге будет для тебя здоровее зимы. Я на твоём месте непременно ходил бы пешком всякой день, не смотря на множество дел. Это без сомнения лучшее лекарство.

Ты ни слова не сказал мне в ответ на мою прозбу, чтобы справиться, получена ли во 2 Департаменте Сената апелляционная жалоба от нашего Князя Петра Андреевича <Вяземского> на решение Костромской Гражд. Палаты, и послан ли туда указ из Сената о прислании дела в сей Департамент.

Сергей Сергеевич Кушников крайне огорчен, что ты, дав ему слово определить его брата, Александра Сергеевича, в Прокуроры в Симбирск, на открывшуюся там ваканцию определил другога. И по родству и по доброму моему мнению об Александре Сергеевиче я желал бы, чтобы ты сделал ему и нам это одолжение. Я просить не охотник; однакожь иногда бессовестно и не попросить.

Собираемся ехать в Подмосковную; но Май пришел к нам с холодом и с градом.

Прости, милой друг. Будь здоров, спокоен и люби меня как твоего верного друга. Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 144–145 (№ 131).

Май, 2...3. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Н. И. Тургеневу в Гёттинген сообщает, что Дмитриев «велел приготовить дело к слушанию на консультацию», и что он <А. И. Тургенев> надеется, что дело скоро кончится.

В этом же письме он сообщает, что в Петербурге «учреждено новое общество словесности, под названием: Беседа любителей Российского слова: оно состоит из четырех разрядов, их коих в 1-м председательствует Шишков, во 2-м Державин, в 3-м Хвостов (Александр Семенович), в 4-м Захаров. Два публичные собрания оной уже были. Множество съезжается из знатной публики; но мало проку; ибо члены большею частию и в сторожа на Парнас не годятся...».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 435, 436.

Май, 4. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Вручитель сего есть Николай Иванович Огарев, один из наших добрых приятелей. Он желал, чтобы я написал с ним несколько строк к тебе: что весьма охотно делаю, имея уважение к его почтенным нравственным свойствам. Итак – *в угождение не мне, а собственным твоим правилам* – ты обойдешься с ним приветливо. Есть ли у него какое дело, и в чем состоит, не знаю: это до меня не касается.

Мы собираемся ехать в деревню; но погода мешает. На сей раз кончу, обнимая тебя мысленно со всею дружескою нежностью. Навеки преданный тебе Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Муж мой меня забывает, не хочу чтоб и друг его то же делал и для того напоминаю вам ту, которая вас искренно любит и почитает».

Карамзин, 1866. С. 145–146 (№ 132).

Май, 7. Петербург.

Запись графа Д. И. Хвостова в «Записках о словесности»:

«...7 мая в доме Ивана Ивановича Дмитриева читал Александр Семенович Хвостов <двоюродный брат гр. Д. И. Хвостова> свое в прозе суждение, вообще о словесности и поэзии. Разделение его совсем погрешительное, а слог подъяческий...».

Западов, 1938. С. 373. Рассуждение А. С. Хвостова «О стихотворстве» напечатано в «Чтении в Беседе люб. Русс. слова» (1811. Кн. 3; 1812. Кн. 7).

Май, 11. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

К крайнему моему удивлению пишешь ты, что не получаешь от меня писем;

а я, напротив, на два последние письма не имею от тебя ответа. Не уже ли пропадают? чего однакожь не бывало. Великая Княгиня тотчас доставила мне твое письмо: о чем я уведомлял тебя, и проч. И так Гр. Хвостов показывает мою эпистолу! Кажется, я только сквозь зубы промолвил что-то в похвалу его стихов. Удивительное добродушие!

Меня уверяют, что ты потолстел: это хороший знак. Лето Петербургское не стоит Московского, однакожь должно иметь благоприятное действие на твое здоровье, которое для меня дорого. Желая как можно скорее узнать от тебя самого, что оно поправляется. Я, слава Богу! здоров с своими. После завтра думаем отправиться в Подмосковную. Работаю изрядно; впрочем, все как-то не спорится. — Прости, любезнейший. Нежно обнимаю тебя. Навеки друг твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 146 (№ 133).

Май, 23. Петербург.

Именной, объявленный Министром юстиции обер-прокурору 6 департамента Сената гр. Дмитриеву-Мамонову, указ «о составлении докладов, подносимых от Сената Государю» (ПСЗ. № 24644; подготовлен И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Май, 27. Остафьево.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург пишет:

«Любезнейший друг!

Прибегаю к защите Министра Юстиции по делу, которое для меня важнее моих собственных.

Село Красное нашего Князя Петра Андреевича, в Костромской губернии, гораздо долее ста лет владело двумя или тремя большими пустошами, бесспорно утвержденными за ним и в Генеральное Межевание: никогда не было об них никакого дела. Прошло лет 30 после межевания. Вдруг экономические соседственные крестьяне представляют в Уездный Суд засаленную бумагу, без всякой подписи, без *свидетельства*, до ныне нигде не *явленную*, и писанную за 240 лет до нашего времени!! В этой бумаге сказано, что какие-то женщины по смерти своей отказывают такую и такую пустошь Ипатьевскому Монастырю; а истцы наши, экономические крестьяне, говорят в своей просьбе Уездному Суду à peu-près так:

«Из представляемого завещания явствует, что сии пустоши принадлежали Ипатьевскому Монастырю; а хотя сей Монастырь уже и давно не существует, но как мы сами ему принадлежали, и как упомянутые пустоши состоят во владении Князя Вяземского: то да благоволит Суд отдать их нам!» Уездный Суд не отдал; но Костромская Гражданская Палата, не входя ни в какое разбирательство, а ссылаясь единственно на заключение Прокурора, решила *отнять пустоши у Вяземского и отдать крестьянам экономическим* по силе завещания, писанного в седьмондесять веке!! Сего мало.

Поверенной Князя подписал апелляцию, а второй Департамент Сената, по апелляционной его жалобе, потребовал дело из Палаты; но Палата, отправив сие дело, определила *исполнить свое решение*, по тому, что Князь Вяземский пропустил будто бы пятью днями апелляционный поверстный срок. Это ложь: в Академическом Календаре показано, что от Костромы до Петербурга 903 версты: следственно, считая *по закону* 25 верст на день, апеллятор имеет *тридцать семь* дней сроку. Апелляция Вяземского подписана Марта 3, а жалоба его получена в Сенате Апреля 8: следственно еще за день до истечения срока.

Князь на прошедшей почте послал бумагу во второй Департамент Сената, прося, чтобы он, до рассмотрения дела, уже присланного Палатой в сей Департамент, указал остановить исполнение нелепого Палатского решения.

Именем дружбы и правосудия прошу тебя, любезнейший друг, удержать такое беззаконие и скорее послать в Костров указ о неисполнении решения Палаты: если отдадут землю во владение экономическим крестьянам, то они вырубят лес, а там ищи.

Прилагаю о сем деле подробнейшую записку.

В Костромской Гражданской Палате сидят не судьи, а разбойники: они требовали с Князя трех тысяч рублей, и не получив ни копейки, сделали определение неслыханное, как-то сам увидишь из дела. Они взяли несколько тысяч с истцев, экономических крестьян, и послали двух из них с своими наставлениями и письмами в Петербург, чтобы остановить в Сенате действие жалобы Князя.

С нетерпением буду ждать твоего ответа. Я уверен, любезнейший друг, что ты не дашь восторжествовать плутам. Это дело крайне меня встревожило.

Завтра думаю отправиться в Тверь, но пиши ко мне в Москву. Со всеми моими обнимаю тебя нежно. Твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 147—148 (№ 134).

Май, 31. Москва.

Отъезд Карамзина с женой в Тверь.

См. письмо Карамзина к брату В. М. Карамзину в Симбирск от 30 мая 1811: «Мы с детьми прожили в деревне только две недели и возвратились в Москву с тем, чтобы завтра ехать в Тверь дней на восемь.» (Карамзин Брату. (№ 84)).

Июнь, 3. Тверь.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Говорю тебе из Твери: *здравствуй!* Великая Княгиня по своей обыкновенной милости предложила мне писать к тебе с отправляемым отсюда курьером. Видишь, что я исполнил твой совет, по крайней мере в главном; но приехал сюда без работы и без детей, зная, что Великая Княгиня и Принц собираются ехать в Вышний Волочок и далее. Пробыв здесь четыре дни, завтра в ночь отправляюсь с женою назад в Подмосковную, где остались наши малютки.

Полубогиня Тверская все так же любезна. Герцог Ольденбургский есть умной и весьма приятной человек: я рад его знакомству. Они живут здесь в совершенном щастии семейственном.

С некоторым нетерпением ожидаю от тебя ответа на мою усердную просьбу о деле Князя нашего. Я писал к тебе как к Министру Юстиции, требуя законной защиты от наглых бессовестных судей.

Обнимаю тебя с дружескою нежностью. Будь всего более здоров и спокоен духом!

До гроба твой верной друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 149 (№ 135).

Июнь, 15. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за уведомление по делу Князя. Ради Бога защити его от неслыханной наглости. Теперь и дело в Сенате и моя записка в твоих руках; но боюсь, что незаконное решение Гражданской Костромской Палаты незаконным образом исполнится прежде нежели Сенат получит от нее ответ и велит остановить исполнение. Полагаюсь на твою деятельную справедливость. Это дело важно для всех честных людей: что будет с нашею собственностью, если такие разбойники-судьи останутся без наказания? С нетерпением ожидаю развязки: ты Министр Правосудия и друг мой. Я не просил бы тебя с такою ревностью, если бы дело было мое собственное.

Великая Княгиня и Принц, думаю, уже возвратились в Тверь, осмотрев пути судоходства; но, может быть, они отправятся после и в Петербург.

Строки, в которых ты изъясляешь искреннее желание видеться со мной, тронули меня до глубины души. Ты еще в *первый раз* говоришь о том прямо от души. И так, если Богу угодно, в самом начале зимы оставлю моих малюток и явлюсь

с женою у тебя, и *единственно для тебя*; проживу с тобою дней восемь, и опять назад в Москву. Ехать летом затруднительнее. Не имею нужды уверять тебя в истинной любви: глаза мои наполнились слезами. Я имею некоторых приятелей, но ты единственной мой старой друг: так и умру. Обнимаю тебя очень, очень нежно. Будь здоров и спокоен по возможности. На веки твой Н. Карамзин.

Жена моя свидетельствует тебе дружеское почтение».

Карамзин, 1866. С. 149—150 (№ 136).

Июль, 5. Остафьево.

В письме к Дмитриеву в Петербург Карамзин пишет:

«Любезнейший друг!

В ответ на последнее письмо твое скажу, что *труд ехать в Петербург* для свидания с тобою будет мне более сердечным удовольствием, нежели трудом; Бог видит, сколько желаю обнять тебя, в Петербурге ли, в Москве ли! Как ни коротки иногда письма твои, но всякое из них принимаю за истинный знак твоей дружбы. В вихре дел и придворной жизни это имеет большую цену.

Сердечно благодарю тебя, любезнейший, за участие принимаемое тобою в жалком деле Князя. Но ты Министр Юстиции: можешь ли равнодушно видеть такие наглые беззакония? Следственно и у меня и у всякого отнимет имение завтра, кто вздумает, дав судьям Гражданской Палаты тысяч пять! Я уверен, что ты прочитал доставленную мною тебе записку об этом деле, и видел всю нелепость решения Палатского, внушенного явным мздоимством. Ты говоришь, что дело зависит теперь от удостоверения, пропущен ли срок, и что Сенат ожидает объяснения от Палаты: разве только для формы? ибо Сенат по находящимся у него бумагам знает, что апелляция подписана поверенным Князя 3 Марта, и что апелляция жалоба его вступила в Сенат 8 Апреля; а как от Костромы до Петербурга по Календарю 903 версты, то на поверстный срок дается 37 дней, считая на день 25 верст: следственно срок не пропущен, и Палата не должна была исполнять своего решения. Она, как вероятно, в ответе своем Сенату сошлется на Почтовую Карту; но Публика не знает сей карты, а знает Календарь государственный, по коему и Сенат доньше судил поверстные сроки.

Я уверен в душе своей, любезнейший друг, что если бы Князь по каким нибудь обстоятельствам и пропустил срок (чего однакожь не случилось), то это дело, как *необычайно незаконное*, наглое и нелепое в отношении к Гражданской Палате требовало бы особенного доклада Государю, чтобы он приказал *не в очередь* решить его Сенату как можно скорее, дабы исполнение Палатского решения не разоряло целого невинного селения. Именем святой справедливости закливаю тебя в сем случае доказать и честным людям и плутам-судьям, что мы живем не в вертепе разбойников, а в государстве благоустроенном, где нельзя так нагло отнимать собственности, и где наказываются Председатели и Заседатели взяточбратели, явно обличаемые в том их решением: ибо как они ни глупы, но без тысяч не подписали бы определения *вопреки всем Законам, и не ссылаясь ни на один из них*, а говоря единственно: «согласно с заключением Прокурора отнимаем землю у Вяземского». Все дело состоит в нескольких листах: нужен только час для его выслушания. Оно уже в Сенате, как тебе известно.

Видишь, любезнейший, что это крайне тревожит мою душу. Я люблю Отечество, Государя и Министра: более ни чего не прибавлю, кроме того, что судьи Костромской Гражданской Палаты (как пишут к нам оттуда) смеются над жалобами Князя в Сенате и хвалятся своими Петербургскими связями. Конец этова неслыханного дела или успокоить меня или отвратить от всего.

Прости, любезнейший друг. Мысленно обнимаю тебя со всею нежностью души и сердца. Будь более всего здоров и спокоен. Жена и малютки мои дружески тебе кланяются.

На веки твой Карамзин.

Катерина Андреевна велит приписать к тебе особенную ее благодарность за твои строки. — Великая Княгиня пишет, что она может быть, около 18 Июля отправится в Петербург недели на три. Кутузов недавно обедал у нее и бледнел и заикался, *принужденный хвалить меня!*».

Карамзин, 1866. С. 151—153 (№ 137).

Июль, 5. Петербург.

Именной указ по Сенату «о поднесении всеподданнейших рапортов касательно решения дел, производимых в палатах по Высочайшим указам» (ПСЗ. № 24711; подготовлен И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Июль, 20(?) ... Октябрь, 9. Петербург.

В. Л. Пушкин с племянником Александром в гостях у И. И. Дмитриева, у которого встречают Д. Н. Блудова. Собираясь читать стихи (вроде «Опасного соседа»), Василий Львович приказывает Пушкину выйти из комнаты. Последний возражает: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал».

Летопись, 1991. С. 39.

Август, 9. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Я беспокоился, долго не получая от тебя писем: получив, благодарю сердечно, любезнейший, за оказанную справедливость по делу Князя. Мне стало легче. Что касается до моих *эпитетов*, то они были не *пиитические*, а *исторические*. Ты знаешь, кажется, что я не очень зол в отношении к своим личным неприятелям; но общественные злодейства, которые можно назвать язвою Государственною, трогают меня до глубины души. Пишу к тебе не на *гербовой* бумаге: следственно могу сказать иное и слишком сильно; но не стыжусь своего чувства. Ты Министр, а я смею назвать себя патриотом: пользы наши сходятся, так как и наши сердца в дружбе. Заклучу тем, что нежно обнимаю тебя в мыслях.

Никак не думаю обмануть тебя и себя в намерении ехать зимою в Петербург для свидания с тобою. Сердечно желаю иметь это утешение. Покровительница моя хотела пошутить на счет моей философической неподвижности. При первом случае исполню твое поручение в отношении к ней. Кроме Ее высокого сана, прелестей и достоинств личных, я должен любить Ее и за отменно милостивое ко мне расположение: эту приятную должность исполню усердно и не по-придворному.

Ты жалуешься на преждевременную старость, а я предсказываю тебе самую маститую: увидишь, что проживешь долго, долго, согласно с твоим и моим сердечным желанием. Недавно читал я о признаках долголетия: все их нахожу в тебе без шутки. Между тем не ленись ходить пешком и в хорошую и в дурную погоду: это главное.

Живем в тишине сельской. Работаю усердно, и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича. Вот прямо исторической предмет! Доселе я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собою песчаную степь Африканскую, а перед собою величественные дубравы, красивые луга, богатые поля и пр. Но бедной Моисей не вошел в Обетованную Землю! — Еще раз обнимаю тебя. Моя Катерина Андреевна сердечно благодарит за твое дружеское приписание. Навеки твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 153–154 (№ 138).

Август, 27. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Мы думали жить в деревне до Октября, но Бог сделал иначе. Наш Князь нечаянно объявил нам, что он помолвил жениться на княжне Гагариной, дочери Кологривой, Прасковьи Юрьевны. Мы не имели даже ни малейшего подозрения... Между тем мы должны расстаться, то есть жить в разных домах: он думает скоро жениться и переехать в Подмосковную; а твой Историограф, не очень здоровой, не очень веселой, занимается теперь хлопотами нового, особенного хозяйства. У меня открылась обыкновенная болезнь моя в сильном градусе: теряю много крови, и проч. и проч. Будем утешать друг друга в нашей обоюдной хилости, но дай Бог,

чтобы ты не имел нужды в моих утешениях философских и был здоров по возможности. Бедная История опять почти ни с места. Да будет воля Божия! Я было совсем изготовился к Тверскому путешествию, получив отменно милостивое письмо от Великой Княгини и любезное приглашение; но теперь не знаю, когда могу ехать: на сей почте пишу к ней о моем худом здоровье. Не как Министру и придворному, а как другу скажу тебе, что я искренно и бескорыстно люблю Великую Княгиню; она же называет свою милость ко мне *дружбою*, которая тем более имеет цены для меня, что я не льстил и не ласкал. — Жена моя уверяет тебя в своем дружеском почтении, а я мысленно обнимаю. Навеки преданный тебе

Н. Карамзин.

Не подумай, любезнейший, чтобы я был сердит на Князя: люблю его как истинно родного. Он будет писать к тебе о своей женитьбе. Повторяю сердечную мою просьбу, чтобы ты был всегда его покровителем и милостивцем, в память его отца и в следствие дружбы ко мне. Если переживешь меня, то милостию своею к нему будешь доказывать, что помнишь и мертвого друга. Говорю это от глубины сердца и на всякой случай.

Добрая моя жена думает, что мне лучше съездить в Тверь для приятного расседания. И так мы опять положили туда отправиться на 3 или 4 дни».

Карамзин, 1866. С. 155–156 (№ 139).

Август ... Сентябрь, 13 (не позднее). Петербург.

Разговор имп. Александра I с Дмитриевым о Карамзине: «...Как ты думаешь, можно ли употребить Карамзина к письмоводству? Разумеется, не с тем, чтоб отвлечь его от настоящего занятия, по его званию Историографа; но чтоб иногда только поручать ему кабинетскую работу: мне давно известен авторский талант его, но я виделся с ним только однажды, мимоходом, в Оружейной Палате, когда приезжал с сестрою Екатериною Павловною в Москву. Она мне указала его. Я желал бы с ним сблизиться». — Отвечав на то, что было можно, я осмелился доложить Государю, позволено ли будет мне сообщить Карамзину о том, что имел счастье слышать. — «С тем то я и начал речь об нем, отвечал Император: ты можешь отписать к нему, что я скоро поеду в Тверь для свидания с сестрою; хорошо было бы, еслиб он к тому же времени туда приехал».

Дмитриев, 1866. С. 195.

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнился 51 год.

Сентябрь, 11. Петербург.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Москву (Остафьево):

«Милостивый государь мой, князь Петр Андреевич!

Чувствительно благодарю вас за честь, которою ваше сиятельство почтили меня, уведомляя о вашей помолвке. Эту честь конечно я заслужил по праву только искренней дружбы к вашему батюшке: почему и не сомневаюсь, чтобы не были уверены о участии моем во всем том, что относится и до любезного его сына. И так, примите от меня искренное поздравление с исполнением ваших желаний; примите равномерно и нелестное уверение в совершенном почтении, любви и привязанности к вам вашего сиятельства покорнейшего слуги Ивана Дмитриева».

СН. 1898. Кн. 2. С. 125 (№ 2).

Сентябрь, 12. Москва.

Запись Н. М. Карамзина в альбоме Дмитриева:

«О Дружбе.

Вернейшая, приятнейшая спутница жизни для сердца благородного, чувствительного, от колыбели до могилы, есть Дружба. С нею играем цветами в детстве;

с нею делим восторги юношества и любви; ей в годах мужества поверяем великодушные намерения славолубия, важные опыты и мысли сокровенные. В то время, когда все иные утехи, склонности, страсти оставляют нас; когда Любовь гаснет в сердце и в воображении: когда честолюбие, насыщенное или обманутое засыпает в душе утомленной, когда самая Надежда отлетает от угрюмой Старости: Дружба и тогда еще стоит за нами с кроткою улыбкою приветствия, готовая внимать последним нашим беседам о жизни и мире утешать, ободрять нас именем Провидения, Вечности и Добродетели.

Н. К.[арамзин]».

Впервые: Иванчин-Писарев Н. Д. Дух Карамзина, или избранные мысли и чувствования сего писателя. С прибавлением некоторых обозрений и исторических характеров» (М., 1826. Ч. I. С. 28–29). Первая часть была составлена еще при жизни Карамзина (примеч. В. И. Саитова, см.: ОА. Т. III. С. 513); перепеч.: Дон. 1957. С. 154–155. См.: «1827. Август, 20».

Сентябрь, 12. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное И. О. Тимковским на выпуск в свет книги Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики».

Экземпляр этой книги из б-ки И. И. Дмитриева с дарственной ему надписью автора хранится в б-ке МГУ (*Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 2146*).

Сентябрь, 13. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Вместо того, чтобы ехать в Тверь, я занемог и страдал около 10 дней от геморoidalной колики; а встав с постели, езжу теперь всякой день к нашему больному Князю, которой лежит в доме своей невесты. У него жестокой кашель с лихорадкою, и легко может открыться чахотка. Вообрази наше положение горестное! Молим Провидение единственно о том, чтобы он выздоровел... Мне совестно огорчать тебя нашим горем. Богу не угодно дать мне спокойствия, которое теперь всего для меня нужнее. Прости, любезнейший. Верю твоему дружескому участию. Будь здоров и спокоен. Люблю тебя всюю душою и сердцем. Обнимаю нежно. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 156 (№ 140).

Сентябрь, 21. Москва.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Я рад случаю написать к тебе несколько строк с г. Бемом, определенным к тебе в Канцелярию; знаю, что он хорошего поведения, имеет ученые знания и был здесь отличаем Профессором.

Беспокойство наше о Князе продолжается: ездим всякой день слушать его кашель... Медики имеют надежду; но я все еще не вижу решительного облегчения. Здоровье мое однакожь поправляется: опять езжу верхом. А моя Катерина Андреевна страдает от тошноты: т. е. беременна. Это не совсем кстати в нашем беспокойстве.

Обнимаю тебя нежно. Будь здоров и люби меня. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 156–157 (№ 141).

Сентябрь, 22. Петербург.

Ордер министра юстиции И. И. Дмитриева правящему должности Псковского губернского прокурора:

«Провиантского штата комиссионер 7-го класса, Сергей Пушкин, прислал ко мне просьбу, в которой объясняет, что по представленному ко взысканию от дяди жены его, Петра Ганнибала, заемному письму в 3 т. рублей, данному от тестя

просителя, по коему уже уплачено 2 т. рублей, Опочецкий уездный суд описал все их, Пушкиных, имение, состоящее в 200 душах с господским домом и со всеми усадьбами, оценив годных в рекруты в 100 рублей, других в 75 и 40, а 45-ти летним и никакой не положив цены, — я рекомендую вам доставить мне немедленно обстоятельное о сем деле сведение, между-же тем настоять, где следует, по должности вашей, чтобы жене просителя оказана была законная защита.

(Подписано) Иван Дмитриев.

Сентября 22-го дня 1811 года».

К. П. П. Александр Сергеевич Пушкин // РС. 1879. Т. 25. № 6 (Июнь). С. 375–376.

Сентябрь, 25. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное Г. М. Яценко(вым) на выпуск книги Н. Ф. Грамматина «Досуги Грамматина. Книга первая».

Книга открывается посвящением И. И. Дмитриеву: «Его Превосходительству Господину Тайному Советнику, Государственного Совета Члену, Министру Юстиции, ... Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву.

О Ты, что с юных лет моей утехой был,
Что вкуса, простоты примером мне служил,
Кого твореньями мой юный дух питался,
И в след за Кем парить он тщетно воскрилялся!
С улыбкой кротости прими сей скудный дар,
И зри единого усердия в нем жар.

Николай Грамматин».

Экземпляр этой книги из б-ки И. И. Дмитриева с дарственной ему надписью автора хранится в б-ке МГУ (*Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 1962*).

Сентябрь, 26. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Н. И. Тургеневу в Гёттинген сообщает, что «наше дело», по предложению Дмитриева, кончилось «в нашу пользу».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 449.

Октябрь, 8. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Я сердечно рад, если строки, написанные мною в *Альбум* Г. Ланской, сделали тебе некоторое удовольствие. Ты хвалишь меня за учтивость: признаюсь, что в другом случае она не была бы для меня столь легкой.

Ты советуешь мне выехать из Москвы, где в течение двух последних годов имели мы столько горестей; но, любезнейший друг, от Судьбы не ускачешь! Дай мне, если можешь, более твердости и добродетели.

Я поправился в здоровье. Князю лучше, но сильный кашель еще продолжается, и состояние влюбленного жениха не благоприятствует выздоровлению молодого человека, близкого к чахотке. Нам остается только молиться за него Богу. При свидании и случае изъяви, любезнейший, благодарность мою Осипу Петровичу за статьи *Северной почты* о списывании грамот Кенигсбергского Архива, относящихся к истории Лифляндской и Русской. Это произведет без сомнения хорошее действие.

Обнимаю тебя от всего сердца. Жена моя дружески тебе кланяется, и малютки наши не забывают Друга в отсутствии. Будь здоров и спокоен по возможности.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 157–158 (№ 142).

Октябрь, 18. Москва.

Кн. П. А. Вяземский женится на кн. Вере Федоровне Гагариной.

Октябрь, 19. Четверг. Царское Село.

Торжественное открытие Лицея. Присутствуют имп. Александр I с семьей, члены Государственного Совета, министры (Дмитриев как министр юстиции), придворные и «прочие первенствующие лица» <весьма вероятно, что среди последних был А. И. Тургенев>. После литургии и речей всех воспитанников вызывали по списку и каждый из них кланялся Александру I. Затем император водил гостей осматривать помещения Лицея; заходил он и в столовую, где обедали лицеисты. Вечером – торжественный ужин и иллюминация.

Летопись, 1991. С. 42–43.

1811. Октябрь, 19 – 1816. Март, 19. Царское Село.

Лицей посещают И. И. Дмитриев, гр. Д. И. Хвостов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, П. И. Голенищев-Кутузов, Д. В. Дашков.

Летопись, 1991. С. 43.

Ноябрь, 9. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Я давно не писал к тебе от разных хлопот домашних, и между тем успел съездить в Тверь, где десять дней пользовался знаками милости Их Высочеств; теперь сел опять на гнезде, и не скоро тронусь с места.

Любовь наша к Князю не переменялась: с сердечным удовольствием скажу тебе, что он ближе к здоровью и по видимому чувствует цену нашей дружбы; это для него еще лучше, нежели для нас. Прочее зависит от Бога.

Не знаю, радоваться ли, что Москва не перестает действовать на тебя, как магнит на железо. По крайней мере мои желанья всегда будут согласны с твоими. Будь везде здоров и доволен!

Моя Катерина Андреевна не очень здорова от своей беременности: к сердечному сожалению не могу еще сказать, когда увижусь с тобою в Петербурге. Не вини моей дружбы: она не холодна и пряма.

Нежно, нежно тебя обнимаю. На веки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 158 (№ 143).

Ноябрь, 20. Петербург.

Дмитриев в письме к Жуковскому пишет:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич.

Чувствительно благодарю вас за подарок ваш собранием русских стихотворцев; хотя вы не слишком разборчивы были в выборе пьес, но тем не менее оказали, конечно, услугу любителям русской словесности. Сколько я ни отдален от вас, но поверьте, что везде и всегда вас помню. Искреннее брал участие в вашей горести <кончины матери В. А. Жуковского>, и хвалю вас теперь, что приобрели убежище для отдыха от сует житейских.

До свидания, любезный Василий Андреевич. Будьте здоровы, спокойны духом, наслаждайтесь мирною жизнью в объятиях дружбы, под покровительством Муз и Минервы. Я желаю вам того, чем и сам всегда прельщался, чего бы ни на что не променял.

Искреннейший ваш почитатель Дмитриев».

РА. 1871. Стб. 417–418.

Ноябрь, 24. Москва.

Дата, выставленная Н. М. Карамзиным на собственноручно написанном им самим альбоме для Вел. Кн. Екатерины Павловны. Под № XII в этом альбоме Карамзин поместил басню Дмитриева «Три Льва («Его величество, Лев сильный, царь зверей»).

Лыжин Н. Альбом Н. М. Карамзина / *Летописи русской литературы и древности*. М., 1859. Кн. 2. С. 179.

Декабрь, 4. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Благодарю тебя и за письмо и за присылку стихов с прозою. Кажется, что наши Петербургские Авторы, и старые и молодые, спорят о языках *Славянском* и *Русском* без ясного понятия об их различии. Об этом говорить будет долго; и так не скажу ничего.

Сердцу моему приятно читать в твоих письмах, сколь ты любишь Государя, редкого по Его любви к добру. Никто ревностнее моего не желает, чтобы Потомство прославило Его Царствование.

Слышу от приезжих, что ты с виду здоров, и стал гораздо полнее: так ли? – Верю, любезнейший, что приманки честолюбия не ослепляют тебя, и что ты нередко повторял в уме славнейшее из Соломоновых изречений. Нет сомнения, что щастие может быть только внутри нас: ты им пользуешься в изрядной мере и довольно.

Я пока здоров, пишу и часто выезжаю в приятельские беседы. Когда Бог приведет меня побеседовать с тобою? Не отказываюсь от надежды видеть тебя в Петербурге; но когда, не знаю. Я уже писал к тебе о беременности Катерины Андреевны. Расстаться с нею для меня почти не возможно, а ехать с брюхатою также не ловко. Перед Богом могу сказать, что радостное свидание с тобою есть одно из самых живейших моих желаний. – Обнимаю тебя нежно. Будь, любезнейший, здоров и спокоен в духе, и люби твоего Н. Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 159 (№ 144).

Декабрь, 7. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Н. И. Тургеневу в Гёттинген сообщает, что «Северин уже не при Ив.[ане] Ив.[ановиче] <Дмитриеве>, а перешел в Коллег. Иностр. дел...».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 2. С. 452.

Декабрь, 30. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Так давно не имею от тебя ни строки! Здоров ли ты? Право беспокоюсь; то есть, право люблю тебя. Может быть ты очень занят: желаю, чтобы не было иной причины твоему молчанию.

У меня в доме поселился насморк и кашель: Катерина Андреевна и дети не очень здоровы; я также, хотя и выезжаю. Здесь какое-то поветрие: множество больных. Следственно теплые зимы не здоровы в России.

Вероятно, что я до весны не тронусь из Москвы по беременности Катерины Андр. Она родит не прежде Апреля, и чувствует себя вообще не очень хорошо. Я работаю, гуляю etc. etc. Все по старому, кроме того, что имею более домашних хлопот по хозяйству.

Новой Год наступает; на прошедший не смею жаловаться: по крайней мере он не унес никого из моих сердечных! Временное нездоровье, временные огорчения сносны. – Обнимая тебя от всей души, желаю, любезнейший, чтобы ты провел 1812 год как можно лучше, как можно спокойнее и веселее; а здоровье ставлю в головы. Жена моя дружески тебе кланяется. Люби меня всегда и пиши хотя изредка.

Твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 160 (№ 145).

1811. Пушкин. Автобиография: «1811. Дядя В[асилий] Л[ьвович]. – Дм[итриев]. Дашк[ов] <?>. Блуд[ов] <...> – Светская жизнь. – Лицей. Открытие».

Акад. XII. С. 308.

1811 (втор. пол.). Батюшков. «Мои Пенаты. Послание к Ж.[уковскому] и В.[яземскому]» («Отчески пенаты, / о пестуны мои...»). Упоминается Дмитриев:

«...С Эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит:
Беседуя с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя...».

Впервые «Мои Пенаты» (Послание к Ж.[уковскому] и В.[яземскому]) напечатаны в: «Пантеоне русской поэзии, издаваемом Павлом Никольским» (1814. Ч. 1. С. 55–59). Здесь цит. по: *Батюшков*, 1885–1887. Т. I. С. 137–138.

1811 (втор. пол.). Батюшков. «Прогулка по Москве». Неточная цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «К А. Г. С<евериной>»: «Корнеты, чепчики, мужья и сундуки» (у Дмитриева: «Картоны, ящики, мужья и сундуки»).

1811. *Стихи Дмитриеву* (Русской Вестник. Ч. 13. № 3. С. 3–8; подпись: С. Г. <Сергей Глинка>).

1811. К[аченовский М. Т.] «Взгляд на успехи Российскаго витийства в первой половине истекшаго столетия» (ВЕ. 1811. Ч. 59. № 19. С. 182–211). Перепеч.: Труды Общества любителей российской словесности (М., 1812. Ч. 1. Кн. 1. С. 17–52).

См.: «1819. Апрель, 2».

1811–1812. Петербург. Два письма без даты к С. Н. Озерову.

Автографы: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 1.

1811. Москва.

«Собрание Руских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцов российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (М., 1811).

В. А. Жуковским выбраны и включены следующие сочинения И. И. Дмитриева:

Ч. 4.

(Открывается гравированным портретом Н. М. Карамзина).

Послания, Сатиры Элегии, Идиллии, дидактическая и описательная стихотворения:

V. *Чужой толк* («Что за диковинка!..») – С. 38–44; X. *Людмила*. Идиллия – С. 57; XII. *К Карамзину* («Не скоро ты мой друг...») – С. 62–65; XXI. *К**** («Какое зрелище для нежных души!..») – С. 149–150; LI. *К друзьям моим* («В Москвель я, наконец...») – С. 287–288.

Ч. 5.

Смесь:

IV. *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке...») – С. 25; XXX. *Мадригалы*. «Задумчива ли ты...»; «Вот мой тебе портрет...») – С. 75; XXXI. *Загадка* («Нет голоса во мне...») – С. 76; XLIX. *Амур и Дружба* («Сестрица, душенька!..») – С. 139; LCV. *Эпиграммы*. 1. «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...»; 2. «Я разорился от воров...»; 3. «О Бардус...»; 4. «Поэт Оргон...»; 5. «Что

легче перышка...» – С. 208–209; LXXI. *Надгробия*. 1. И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки («На урну преклоняясь...») – С. 211; 2. Ф. – М. – Д. («Любезного и прах...») – С. 212; 3. В. – А. – В. («Здесь тихая могила...») – С. 212; LXXXVIII. *Надпись к портретам*. I. «Глядите: вот Ефрем!..»; II. «И это человек...» – С. 223; CVII. *История любви* («Любовник в первый...») – С. 243; СХIII. *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 247–249; СХХI. *Супружняя Молитва* («Один предобрый муж...») – С. 260; СХХV. *Эпитафии*. Бригадиру («Здесь Бригадир лежит...»); Воину («Прохожий, стой!..») – С. 264; СХХХIX. *Эпитафия младенцу* («Когда и дружество струило слез потоки...») – С. 292; СХLIII. *Триссотин и Вадиус*. Отрывок из Мольеровой Комедии: *Les femmes savants*. Действие III. Явление V. – С. 309–314.

В этой же части помещены восемь эпиграмм (С. 218–220): 1. «Один приятель мне сказал...»; 2. «Дамон наш занемог...»; 3. «За Евридикою в ад Орфей сходил...»; 4. «Глупон, известный врач и ужас всех людей...»; 5. «Вельможа Ротозей во дни свои щастливы...»; 6. «Не правду говорят, что будто злой жены...»; 7. «Издох несчастный змей, Шипона уязвив...»; 8. «Асаф воздержности уставы...». Под первыми четырьмя эпиграммами выставлена общая подпись: «Даргомыжский», под следующими четырьмя общая подпись: «Аржевитинов».

В «Собрании Образцовых Руских Сочинений и Переводов в Стихах. Изданном Обществом любителей отечественной словесности» (1817. Ч. 6) эпиграммы 1, 3, 5, 6 напечатаны под общей подписью «Дмитриев». (См. «1817»).

Г. П. Макогоненко включил эпиграмму «Вельможа Ротозей во дни свои щастливы...» в рубрику «Приписываемое» с неверной датировкой: <1828> (см.: «Дмитриев, 1967». С. 402). Далее см. «1822». Об эпиграмме «За Евридикою в ад Орфей сходил...» см. «1828. Петербург» (С. 691).

1812

Январь, 11. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Наконец я получил от тебя письмо и обрадовался; а то, право, мне было очень грустно. Несколько моих писем оставалось без ответа, и я не знал, что думать. Искренняя, старая моя любовь к тебе стоит по крайней мере десяти строк в месяц. Басня о двух Друзьях выдумана не мною; однакожь умею беспокоиться о тех, кого люблю. – Видел ли ты Местра? Отдал ли он тебе мое письмо?

Графиня Остерман крайне желает, чтобы ты продал ей свой дом для заведения в нем чего-то Богоугодного. Деньгами тебя не прельстишь: иначе она не стала бы торговаться и готова купить его за всякую цену, чтобы соорудить там памятник своему брату. Как думаешь? скажи.

В новый год был я на бале у Гр. Гудовича, а после занемог и сидел дома около недели; теперь опять на ногах, на коне и за письменным столом своим.

Наша любезная Великая Княгиня в Ярославле. Не имею надежды видеться с нею в течение нынешней зимы за беременностью моей жены. Иногда получаю от нее письма, всегда ласковые и дружеские.

Прости, любезнейший. Не забывай преданного тебе

Н. Карамзина».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Муж мой меня забыл, но я вас прошу у него не перенимать и быть уверенным в моем дружеском почтении».

Карамзин, 1866. С. 160–161 (№ 146).

Февраль, 3. Петербург.

Дмитриев назначен членом Особого комитета для выработки постановления о введении экзаменов при производстве чинов.

Февраль, 16. Петербург.

К. Н. Батюшков в письме к А. Н. Батюшковой сообщает, что часто бывает у Ивана Ивановича Дмитриева, и что «он весьма приветлив и учтив».

Батюшков, 1885–1887. Т. III. С. 173.

Февраль (перв. пол.) – Март (начало). Москва.

А. И. Тургенев в 28-дневном отпуске.

Февраль, 20. Петербург.

По представлению Министра Юстиции И. И. Дмитриева учреждается финляндская комиссия, куда были переданы из Сената и Юстиц-Коллегии «неоконченные дела по Финляндии и вместе с тем уничтожено название коллегии финляндских дел» (ПСЗ. № 25000).

Иванов, 1863. С. 123.

Март, 12. Петербург.

Возвращение А. И. Тургенева из поездки в Москву.

Март, 13. Понедельник. Петербург.

Дмитриев приглашает на обед А. И. Тургенева.

А. Тургенев, 1939. С. 124 (письмо А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову от 16 марта 1812 г.: «На другой день моего сюда приезда в понедельник И. И. Дмитриев пригласил к себе обедать...».

Март, 16. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к А. Я. Булгакову пишет: «Ах, Москва! Я сперва переделал Дмитриева стих и говорил: что матушки Москвы и гаже и скучнее; а вы заставили меня опять наладить по-прежнему: что матушки Москвы и краше и милее!..».

А. Тургенев, 1939. С. 124.

Март. Петербург.

Дарственная надпись на экземпляре «Санктпетербургскаго Вестника» (№ 3. Март): «Его превосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву <далее запись утрачена>...».

Лапьер Л. Х. Новая находка: из библиотеки И. И. Дмитриева // Самарский книжник 2. Самара. 2006. С. 335–361.

Апрель, 8. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Я давно не писал к тебе в ожидании сына или дочери; но Катерина Андр. все еще не родила: узнав же от Пушкиных, что ты по своей дружбе обо мне беспокоишься, пишу и благодарю. Я довольно здоров, но не могу быть спокойным, пока не уведомлю тебя, что жена моя родила и оправилась. Впрочем занимаюсь обыкновенным делом; мало вижу людей, кроме больных, которых здесь много. П. А. Обрезков в горячке, Н. М. Сушков в параличе, А. Ф. Малиновский выздоравливает.

Я имел щастие получить письмо от Великой Княгини и сам писал к Ней. Умею любить Ее сердечно и бескорыстно; кажется, что Она этому верит.

Здесь говорят, что Император уже поехал в армию. Как у вас будет пусто! Если будешь свободнее, то надеюсь чаще иметь о тебе известие от тебя самого. Прости, милой друг. Обнимаю тебя сердечно. Катерина Андреевна дружески тебе кланяется. Будь здоров и благополучен. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 161–162 (№ 147).

Апрель, 12. Петербург.

К. Н. Батюшков сообщает Жуковскому в письме: «И. И. Дмитриев часто о тебе вспоминает».

Батюшков, 1885–1887. Т. III. С. 179:

Апрель, 19. Петербург.

Рекомендательное письмо, выданное И. И. Дмитриевым П. Е. Языкову для «его превосходительства Николая Авдеевича».

Автограф: ГИМ ОПИ, Ф. 213. Ед. 106. Л. 4.

Апрель, 21. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 22. Москва.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Христос воскрес, любезнейший друг! Написав к тебе последнее письмо, я занемог лихорадкою, и теперь еще не совсем здоров; сижу дома и не могу заниматься обыкновенным своим делом.

Вчера был у меня Огарев, которой определен к твоему Министерству и едет в Петербург. – Усердно и дружески рекомендую его в твое благорасположение. Он дик, неискателен, чувствителен, честен, умен, способен к делам и весьма хорошо пишет. Прошу тебя узнать его короче: таких людей у нас не много. Говорю не на

ветер. Принц думал сделать его Губернатором в Твери. Пожалуй не оставь моих слов без внимания. Огарев действительно может быть очень полезен.

Всякой час жду малютки, но Катерина Андреевна все еще бродит. Считаю минуты и беспокоюсь. Правда ли, что Тургенев поехал в Вильну при Шишкове?

Прости, любезнейший. Нежно обнимаю и целую тебя.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 162–163 (№ 148).

Май, 4. Москва.

Дмитриев избран почетным членом Общества Любителей Российской Словесности, учрежденного при Императорском Московском Университете. Диплом подписали: Председатель А. Прокопович-Антонский; действительный член и секретарь М. Каченовский.

Дмитриев, 1866. С. 108–109.

Май, 9. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

6 мая родилась у нас дочь Наталья. По сию минуту все идет хорошо: как Бог даст вперед! Только я опять не очень здоров и примусь, кажется, снова за хину; но это не беда: лишь бы моя Катерина Андр. благополучно оправилась и малютка жила в замену старшей Натальи, незабвенной для нашего сердца. – На этой почте я напишу и к Великой Княгине.

Недавно вступил к тебе в канцелярию один молодой *Сибиряк*, которого имени не упомяну; но которой мне очень полюбился умным разговором и доброю физиогномиею. Я видел его в Нижнем и в Москве, он стоит твоего внимания, тем более, что мне известна одна весьма хорошая черта его характера.

В рассуждении Огарева я желал бы, чтобы ты употребил его при себе к обоюдному удовольствию начальника и подчиненного: он умен, способен к делам и че-стен, как древний Римлянин, но дик.

Дай Бог, чтобы ты, мой любезнейший друг, был доволен своим здоровьем и наслаждался в душе спокойствием, несмотря на хлопоты Министерские. Помни и люби нас. Обнимаю тебя от души. На веки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 163 (№ 149).

Июнь, 6. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Сердечно благодарю тебя за поздравление. Слава Богу, Катерина Андр. оправляется; а новорожденной мы привили оспу. Бедная еще не успела хорошенько взглянуть на здешний свет, а ей уже впустили яд в жилы! Я несколько дней был очень нездоров; теперь хожу и выезжаю, но не могу назвать себя совершенно здоровым. Иногда унываю в душе. – Собираемся ехать в Подмосковную: дай Бог, чтобы ничто не помешало нам прожить там месяца три-четыре в тишине и спокойствии! Имею в том нужду.

Я благодарил Великую Княгиню за милостивые пени, и не считаю за нужное оправдываться. Иное дело, если бы она была в Москве или мы в Петербурге: заочные крестины только церемония для света. Она написала к нам прелюбезное письмо. Бог знает, когда увижу Ее; Бог знает, когда увижу и тебя, моего любезнейшего друга, не смотря на искреннейшее, сердечное желание обнять тебя скорее!

Жена моя дружески тебе кланяется. Прости, любезнейший. Будь здоров и благополучен. Сто раз целую тебя в мыслях. На веки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 164 (№ 150).

Июнь. Москва.

В «Аглае» (Ч. 14. Июнь (ценз. разр. 15 июня 1812). С. 77–79) напечатано стихотворное послание «К Б* Е* Г***[Герсеванову] Для Альбома: Подражание началу известной сказки г-на Дмитриева» («Ах! сколько я в Москве альбомов исписал...»). В конце текста пометка: Юрьевка.

Июль, 2. Петербург.

Письмо к В. С. Попову.

Автограф: РНБ ОР. Ф. 609, Попов В. С., № 166, л. 2.

Июль, 11. Петербург.

Дмитриев делает запись на экземпляре книги «В удовольствие и пользу. Труды воспитанников Университетского Благородного Пансиона. Книжка 1. М., 1810»: «1812-го года июля 11-го дня привезены из Москвы Михайлом Александровичем <Дмитриевым>. Из книг Ивана Дмитриева».

Книга хранится в б-ке МГУ (см.: Анохина, 1973. С. 104).

Август, 2. Петербург.

Письмо к С. Н. Озерову.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Август, 4. Петербург.

Записка к гр. Д. И. Хвостову:

«Спешу принести чувствительнейшую мою благодарность вашему сиятельству за присланные мне стихотворения, из которых оду вашу я уже успел прочесть с необыкновенным удовольствием, какое всегда мне приносят произведения вашей музыки».

РС. 1892. Т. 75. № 7 (июль). С. 100.

Август, 20. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Давно я не писал к тебе: у меня была лихорадка за лихорадкой; а сверх того и наши государственные обстоятельства не дают охоты писать. Я переехал в город, отправил жену и детей в Ярославль с брюхатою Княгинею Вяземскою; сам живу у графа Ф. В. Ростопчина и готов умереть за Москву, если так угодно Богу. Наши стены ежедневно более и более пустеют: уезжает множество. Хорошо, что имеем Градоначальника умного и бодрого, которого люблю искренно как Патриот Патриота. Я рад сесть на своего серого коня и вместе с *Московскою* удалою дружиною примкнуть к нашей Армии. Не говорю тебе о чувствах, с которыми я отпуская мою бесценную подругу и малюток: может быть в здешнем мире уже не увижу их! В первой раз завидую тебе: ты не муж и не отец! Впрочем душа моя довольно тверда. Я простился и с Историею: лучший и полной экземпляр ее отдал жене, а другой в Архив Иностранной Коллегии. Теперь без Истории и без дела, читаю Юма о *происхождении идей*!!

Здоров ли ты? Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью. Многие из наших общих знакомцев уже в бегах. Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил отсюда на встречу к неприятелю. Увы! Василий Пушкин убрался в Нижний! Прости, милой.

До гроба верный друг твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 164–165 (№ 151).

1812. Август. Петербург.

«Письмецо» г-жи де Сталь к Дмитриеву:

«Сударь! Вы найдете естественным, что я пожелаю узнать в министре юстиции переводчика Лафонтена и самого просвещенного друга французской литературы – я надеюсь, что это письмецо послужит мне рекомендацией к вашему превосходительству, и я имею честь засвидетельствовать ему мое горячее почтение.

Неккер Б.[аронеса] де Сталь-Гольштейн».

Дон. 1957. № 6. С. 153 (подл. на фр. языке; перевод автора публикации Б. Виноградова). Сохранилось в составе альбома И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 1. Воскресенье. Москва.

Передовые части французских войск занимают Москву. Карамзин вместе с кн. П. А. Вяземским, только что вернувшимся из армии после Бородинского сражения, выезжают из Москвы в Ярославль.

РА. 1866. Стб. 226 (Примеч. П. А. Вяземского); Карамзин Брату, 23, 486 (№ 94).

Сентябрь, 1. Петербург.

Письмо Дмитриева к гр. Ф. В. Ростопчину в Москву:

«Милостивый Государь Граф Федор Васильевич!

Тяжело мне при официальном к вам письме не сказать слов в обыкновенном. На случай чрезвычайных обстоятельств, от коих да сохранит вас Бог, я уже предписал старшему обер-прокурору, какие относительно Сенатских дел сделать распоряжения, остается только покорнейше просить ваше сиятельство о содействии вашем в способах исполнения, когда нужда того востребует. Мы с нетерпением ожидаем дальнейших известий из армии. В настоящем положении Москвы очень живо представляют всю меру забот ваших, но за то все благомыслящие здесь патриоты приписывают ясному частию Москвы, что на эту пору вы главнокомандующим в ней, и объявления ваши народу ходят из рук в руки.

Дело ваше, о котором, конечно, вы теперь и не думаете, приказал я готовить к докладу. Между тем от всего сердца желаю вам возможного благополучия с душевным почтением и преданностью имею честь быть

Милостивый Государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РС. 1908. № 6. С. 520.

Сентябрь, в перв. числах. Москва.

Гибель младшего брата – Федора Ивановича Дмитриева.

Дмитриев, 1866. С. 219: «...Он служил за обер-прокурорским столом в Сенате. Пред занятием Французами Москвы, за разгоном лошадей, он не мог следовать за Сенатом в Казань, и только что в состоянии был добраться до села Измайлова, отстоящего в семи верстах от столицы. Там нашла его шайка Французов, ограбила, и потом – свирепый Поляк прострелил его из пистолета, в глазах жены и малолетних детей».

Сентябрь, 22. Петербург.

Дмитриев как министр юстиции докладывает Сенату о просьбе арестантов об отправлении их в действующую армию.

РС. 1901. № 11 (Ноябрь). С. 292.

Сентябрь, 25. Петербург.

Дмитриев в письме просит С. С. Уварова:

«Милостивый Государь мой Сергей Семенович!

Виленский Губернский Прокурор Коллежский Советник Любоцинский, лишась по случаю военных обстоятельств всего своего имущества, оставил здесь почти без пропитания многочисленное семейство свое в числе коего находится семилетний

сын лишившийся ноги несчастным случаем. Принимая участие в положении Г. Любоцинского как моего подчиненного, я обращаюсь к вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой об оказании ему из человеколюбия пособия вашего помещением на казенное содержание в здешнюю Гимназию означенного семилетнего сына его.

С совершенным почтением имею честь быть,
Милостивый Государь мой! Вашего превосходительства

Покорнейший слуга Иван Дмитриев.

25 сентября 1812

Его Превосходительству

С. С. Уварову».

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. X. М., 1908. С. 378.

Октябрь, 7. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное Ив. Тимковским на выход в свет 1-го номера «Сына Отечества», где была напечатана статья «Глас чести» с подзаголовком: «Перевод с немецкого». Статья открывается четверостишием из «Освобождения Москвы» Дмитриева: «Где ты, Славянов храбрых сила!.. ~ ... Как мрачная осенняя ночь» (С. 3).

Октябрь, 7. Петербург.

Отъезд Д. Н. Блудова в Стокгольм.

РА. 1866. Стб. 239.

Октябрь. 11. Нижний Новгород.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Петербург сообщает:

«Любезнейший друг!

Выехав из Москвы в тот день, когда наша Армия предала ее в жертву неприятелю, я нашел свое семейство в Ярославле и оттуда отправился в Нижний. Думаю опять странствовать, но только без жены и детей, и не в виде беглеца, но с надеждою увидеть пепелище любезной Москвы: Граф П. А. Толстой предлагает мне идти с ним и с здешним ополчением против Французов. Обстоятельства таковы, что всякой может быть полезен или иметь эту надежду: обожаю подругу, люблю детей; но мне больно издали смотреть на происшествия решительные для нашего отечества. Осудишь ли меня? По тому же побуждению я и в Москве оставался. Верю Провидению. Не буду говорить много, хотя и с другом. Во всяком случае еще напишу к тебе отсюда. Отвечай мне скорее: по крайней мере Катерина Андр. прочитает твое письмо. – Вся моя библиотека обратилась в пепел, но история цела: Камюэнс спас *Лузиаду*. Жаль многова, а Москвы всего более: она возростала семь веков! В какое время живем! Все кажется сновидением. Прости, милой друг. Живем здесь в доме Ивана Алексеевича Аверкиева. Скажи графу Ростопчину, сколь искренно люблю его и почитаю: у него благородная, патриотическая душа. Кланяюсь любезному приятелю Турганеву. Обнимаю тебя мысленно. Жена дружески тебе кланяется: малютки также.

Верный твой друг Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 165–166 (№ 152).

Октябрь, 13. Владимир.

Отношение № 5 гр. Ф. Ростопчина к министру юстиции И. И. Дмитриеву на его вопросы о том, куда и как размещены московские присутственные места после разорения Москвы неприятелем и о судимости Верещагина. Гр. Ростопчин отвечал, что присутственные места размещены в Нижнем Новгороде и что 13 октября во Владимире получено сообщение об оставлении Москвы французами. О деле Верещагина гр. Ростопчин сообщал: «Что же касается до Верещагина, то измен-

ник сей и государственный преступник был пред самым вшествием злодеев наших в Москву предан мною столпившемуся пред ним народу, который, видя в нем глас Наполеона и предсказателя своих несчастий, сделал из него жертву своей ярости».

М. Дмитриев, 1989. С. 99.

Октябрь, 28. Нижний Новгород.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Пишу к тебе с Н. И. Агаревым, которой несколько времени жил с нами в Нижнем. Дозволь повторить, что я говорил тебе об нем прежде: не много в свете таких честных, благородных и даже умных людей в смысле основательности, а не блеска мишурного. Обстоятельства его крайне затруднительны: он не может служить без жалованья. Душевно обрадуюсь, когда узнаю, что ты доставил ему хорошее место. Не презри моей усердной просьбы, основанной на уверении, что она дельная.

Живем день за день, не зная, что будет с нами. Я теперь как растение вырванное из корня: лишен способов заниматься, и едва ли когда нибудь могу возвратиться к своим прежним мирным упражнениям. Не знаю даже и того, как и где буду жить. На сей раз имею хороший домик: здешний помещик, Действительный Статский Советник Степан Алексеевич Львов, уступил мне свой, куда и надписывай ко мне письма: теперь они будут для меня еще приятнее, нежели в иное время.

Москва возвратилась нам без меча историографского: остаюсь с моим семейством.

Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью. Жена и дети тебе кланяются. Часто говорим о нашем Петербургском Друге. Жаль, жаль, что судьба разлучает нас в такое время. Будь здоров, любезнейший.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 166–167 (№ 153).

Ноябрь, 1. Казань.

Перемещенные из Москвы по распоряжению Министра юстиции И. И. Дмитриева московские департаменты Сената начали свои занятия.

ПСЗ. № 25264 (от 11 ноября 1812 г.); подготовлено И. И. Дмитриевым.

Ноябрь, 19. Царское Село.

Проф. Кошанским составлен «Список воспитанников имп. Царскосельского Лицея из российского и латинского классов с показанием их способностей, прилежания и успехов» с 15 марта по 15 октября 1812 г. «Из российской грамматики пройдено: сочинение (syntaxis) и ударение (prosodia). По части словесности читаны избранные места из од Ломоносова и Державина и лучшие из басен Хемницера, Дмитриева и Крылова».

Летопись, 1999. Т. 1. С. 38.

Ноябрь, не позже 26-го. Нижний Новгород.

Карамзин получает два письма Дмитриева из Петербурга.

Ноябрь, 26. Нижний Новгород.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

К сердечному моему утешению получил я вдруг два письма от тебя. Скажу вместе с тобою: как ни жаль Москвы, как ни жаль наших мирных жилищ и книг обращенных в пепел, но слава Богу, что Отечество уцелело, и что Наполеон бежит зайдем, пришедши тигром. Ты, любезнейший, удивляешься неосторожности Москвитян: но отцы и деды наши умерли, а мы дожили почти до старости без помышления о том, чтобы неприятель мог добраться до Святыни Кремлевской: не хотелось думать, не хотелось верить, не хотелось трусить в собственных глазах своих;

нас же уверяли, ободряли; клялись седыми волосами, и проч. Не брани меня за худой совет, данной мною Горяинову в рассуждении твоих книг: он явился ко мне 30 или 31 Августа: тогда уже не было возможности отправлять книги за 700 верст, или надлежало бы заплатить ямщикам сумму необъятную. Судьба моей собственной библиотеки служит тебе доказательством, что я не имел средств спасти твою: все сгорело; а твои книги еще может быть и целы, в каменной палатке, крытой железом, куда хотел положить их твой комиссионер. Сердечно желаю, чтобы ты был обрадован вестию о сохранении хотя библиотеки твоей, если уже нет сомнения, что прекрасной домика твой исчез в пламени. — С нетерпением жду, чем закончится эта удивительная кампания. Есть Бог! Он наказывает и милует Россию. Крайне желаю обнять тебя, моего друга; но еще не знаю, где буду жить, на Московском ли пепелище или в Петербурге, где единственно могу продолжать Историю, то есть, найти нужные для меня книги, утратив свою библиотеку. Теперь еще не могу тронуться с места: не имею денег, а крестьяне не дают оброка по нынешним трудным обстоятельствам. Между тем боюсь загрузить умом и лишиться способности к сочинению. Невольная праздность изнуряет мою душу. Так угодно Богу! Авось весною найду способ воскреснуть для моего историографского дела и выехать отсюда. Здесь довольно нас Московских. Кто на Тверской или Никитской играл в Вист или Бостон, для того мало разницы: он играет и в Нижнем. Но худо для нас, книжных людей: здесь и *Степенная Книга* мне в диковинку. — Прости, милой старой друг. Будь здоров и благополучен. Все Карамзины обнимают тебя».

Карамзин, 1866. С. 167—168 (№ 154).

Декабрь, не позже 18-го. Нижний Новгород.

Карамзин получает письмо Дмитриева из Петербурга.

Декабрь, 18. Нижний Новгород.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

С сердечною горестию читал я письмо твое о несчастной судьбе Федора Ивановича. Мне давно рассказывали его историю; а после слышал я, что она несправедлива: к нещастию оказалось противное. Варварство ужасное! Летел бы я обнять тебя горестного, если бы мог. Очень, очень желаю не только ехать в Петербург, но и поселиться там, по крайней мере в ожидании, когда Москва делается обитаемою. Время для меня дорого: склоняюсь к старости; несколько лет еще могу писать, пять, шесть, если Богу угодно; а там на покой, временной или вечной: следственно надобно пользоваться днями и часами для довершения моего историографства. Здесь я теряю время, не имея нужных книг. Только в Петербурге могу продолжать работу. К этому прибавь утешение жить с тобою, и суди о моем нетерпении! выехать из Нижнего. Но вот беда: крестьяне, изнуренные всякими налогами чрезвычайными, не дают оброка. Жена моя представила на службу 70 человек, которых вооружение и прочее стоило нам около 10,000 рублей: вот весь наш доход годовой. Даже и пенсии не получаю, ибо казенная Московская Палата еще не открылась. Дадут ли мне в Петербурге чистой уголок в какомнибудь казенном доме, т. е. комнат шесть? Государь сам предлагал мне жить в Аничковском дворце; но тогда были другие обстоятельства: Ему теперь не до Историографа. Скажи мне об этом свое мнение. Нижний кажется для нас ссылкой. Грущу и по своей библиотеке, которую я собирал четверть века. Утешаюсь только мыслию, что Бог через нас истребляет всемирного злодея. Российская История может сделаться еще любопытнее. — Я был нездоров, и малютки наши также. Теперь опять гуляю на коне по высоким берегам Волги. Прости, любезнейший. Пиши ко мне из милосердия. — В нынешних обстоятельствах утешительны дружеские строки. Сто раз тебя обнимаю за себя и еще раз за моих домашних. Будь здоров и благополучен. Навеки твой друг

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 169—170 (№ 155).

1812. В «Чтении в Беседе любителей русского слова» (Кн. 6. С. 55) напечатано послание гр. Д. И. Хвостова «И. И. Дмитриеву» («Давненько Буало твердил, что целый век...»).

1813

Январь, 14. Вторник. Нижний Новгород.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Поздравляю тебя, любезнейший друг, с наступившим годом, желая, чтобы он стоил России и нам менее крови и слез, пролитых в течение минувшего. — Нецарствие нашей любезнейшей Великой Княгини искренно оплакивается нами. Не знаю, где она, в Твери ли, в Петербурге ли? Устоит ли ее молодость и здоровье в этой буре? Пиши ко мне, что об ней узнаешь. Слышно, что она никого не хочет видеть в своем горьком отчаянии: так и быть должно. Одно время бывает утешителем. Хотелось бы мне писать к ней, но не смею. Бог знает, когда увижу Ее, и в каком положении! Остаюсь в прежнем неведении о времени нашего отсюда выезда по известным тебе обстоятельствам. Усердно желаю мира: тогда увидели бы мы, при чем останемся, где и как можем провести остаток дней своих. Но кажется, что война еще продолжится. Тамерлан не околед, а Немцы будут курить табак. — Мы теперь беспокоимся о своем Андрюше, которой около трех месяцев не здоров и страшно похудел. Прости, любезнейший. Обнимаю тебя со всею дружескою нежностью.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 170 (№ 156).

Февраль, 17. Понедельник. Нижний Новгород.

Письмо Карамзина в Петербург к Дмитриеву:

«После того, что я говорил тебе, любезнейший друг, о нашем здесь пребывании, ты не можешь сомневаться в моем нетерпении выехать отсюда благополучно. По сию пору я не в Петербурге от того, что считаю безразсудностию ехать туда без денег и без известного нам дохода. Я муж и отец четырех детей: мне надобно иметь более, нежели прогоны. Доселе я жил своим: на пятом десятке не хочется входить в долги и кланяться. Состояние крестьян жалкое: у меня нет духа требовать с них полного оброка, хотя и весьма умеренного. Будущее также не ясно. Долго-ли станем воевать? Чего еще потребуется от нас и крестьян для славы и безопасности России? Одним словом, думаю, что мне надобно еще по крайней мере дожидаться здесь лета, вопреки моему сильному желанию обнять тебя, видеть любезнейшую Великую Княгиню и снова заняться моим историографским делом, для которого не имею здесь достаточных способов. Более нежели благодарность привлекает меня к Великой Княгине. Люблю Ее всею душею; но Ей не до меня. Слышно, что Она не хочет никого видеть и живет только горестию, изнуряя свое здоровье. Это очень тревожит нас. Мы богаты прискорбиями. Дай Бог, чтобы Вам в Петербурге было веселее, и чтобы Вы тешили нас хорошими известиями!

Изъяви мою искреннюю благодарность Митрополиту Сестренцевичу за книгу, которую ты мне от него доставил: я с удовольствием написал бы к нему письмо, если бы мог согласить истину с учтивостию; а лгать не хочется. Ученая книга его без сомнения заслужит похвалу наших Журналистов.

Ты знаешь Бардовского? Он публиковал в газетах, что Император приказал ему описать бедствие Москвы».

Карамзин, 1866. С. 171—172 (№ 157).

Февраль, 20. Четверг. Петербург.

Дмитриев в письме к Жуковскому пишет:

«Любезный Василий Андреевич.

С большим удовольствием читал я ваши последние произведения; с удовольствием, какое сродно иметь только тому, кто сам знает цену искусства и не завидует, но сорадуется чужим талантам. Жаль только, что в Певце в стане Рус.[ских]

В.[оинов] в строфе *О старец, да услышим твой* и т. д. вероятно есть ошибки переписчиков; например в следующих 4-х стихах:

Не тщетной славы пред тобой,
Не мщениа дружины,
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками!

я не понимаю смысла; кажется, что тут какой нибудь глагол пропущен. Также и в следующем:

Пой, лебеды! Свергнут их мечем,
С племен порабоценье –

Но это не помешало всем отдать справедливость изяществу вашей поэзии. Вчера Государыня вдовствующая Императрица, можно сказать, с восторгом изволила хвалить ее и препоручила мне просить вас, чтоб вы прислали ко мне вашу пиесу, переписанную собственной вашей рукою. Она желает сама сделать ей второе издание, а я к этому присовокупляю и мою просьбу, чтоб вы позволили мне препоручить кому либо из моих знакомцев припечатать в конце пиесы легкие исторические примечания, иныя даже необходимыя.

Надеюсь, Василий Андреевич, что вы примите за благо мои негоциации и позволите мне гордиться успехом. Я не пеняю, что вы перестали ко мне писать; чувствую сам, что некогда; но желаю, однакож, чтоб вы с присылкою вашей пиесы уведомили меня по авторски, и кратко и подробно, о всех ваших воинских подвигах.

Карамзин все еще в Нижнем; и В. Пушкин там же; а я все еще здесь, но часто мысленно гляжу на собственное пепелище, где некогда надеялся

Что солнце дней моих в безмолвии зайдет,
И мой последний взор на друга устрема...

Прощайте, любезный Василий Андреевич, да хранит вас благодать Небесная и возвратит тем, кои вас искренно любят.

Иван Дмитриев.

Р. S. Молитва моя сбылась, о чем я уже узнал по написании письма, которое приготовлено было в армию».

РА. 1871. III. 2. Стб. 418–419.

Февраль, 27. Москва.

«Доношение министру юстиции и разных орденов кавалеру Ивану Ивановичу Дмитриеву от надворного советника Бестужева-Рюмина».

РА. 1910. № 5. С. 105–122.

1813. Февраль. Москва.

В журнале «Друг юношества» (С. 138) напечатаны два стихотворения кн. П. Шаликова:

«К моей библиотеке: В знак благодарности посвящаю Ивану Ивановичу Дмитриеву, как превосходному поэту, как справедливому судии, и как моему благодетелю» («Еще остаток зрю сокровищей твоих...»);

«К юной девушке при подарке басен Ивана Ивановича Дмитриева» («Поэту грации стих каждый диктовали...»).

Март, 1. Петербург.

Письмо к Г. И. Вилламову.

Автограф: РНБ ОР. Ф. 143, Вилламов Г. И., № 43, л. 1.

Март, 13. Четверг. Нижний Новгород.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг! Мы лишаемся Андрияши. Что Богу угодно, то и будет с нами. Много писать не могу. Катенька, Наташа и Сонюшка также не здоровы. Боюсь и за моего друга, жену. Обнимаю тебя от всего моего горестного сердца. Прости, любезнейший.

Твой друг до гроба

Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 172 (№ 158).***Март, 25. Вторник. Петербург.**

А. И. Тургенев в письме просит А. Я. Булгакова: «...Другая просьба: на прошедшей почте послан графом запрос от мин. юстиции <И. И. Дмитриева>, может ли заседатель моск. надворного суда сов. Высоцкий быть уволен от настоящей его должности? Не лъзя ли ответить: что может?..».

*А. Тургенев, 1939. С. 132.***Март, 28. Петербург.**

Письмо к Г. И. Вилламову.

Автограф: *РНБ ОР. Ф. 143, Вилламов Г. И., № 43, л. 2.***Апрель, 13. Светлое Христово Воскресение. Пасха.****Апрель, 14 ... 15. Москва.**

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу абзац, посвященный В. А. Жуковскому, начинает (не точно) строкой из басни И. И. Дмитриева «*Искатели Фортуны*»: «Я спал, а у меня Фортуна в головах!» (у Дмитриева: «Он спит, а у него Фортуна в головах»).

В этом же письме кн. Вяземский сообщает о женитьбе кн. Шаликова: «...Знаешь ли ты, что Шаликов женился, и на немке <Александре Федоровне Лейснау>, которая курит трубку, пьет полпив. <...>. Иван Иванович <Дмитриев> видя его, спросил: «Помилуйте, отчего вы это стали еще пуще прежняго кобениться?».

*ОА. Т. I. С. 14, 15.***Апрель, 30. Среда. Нижний Новгород.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезнейший друг мой! Я долго не имел сердца писать к тебе в нашей горести и тоске. Катерина Андр.[еевна] от беспокойства выкинула и еще не совсем здорова. Андрияша еще жив и все также безнадежен. Болезнь его обратилась по видимому в чахотку: он высох и заливается мокротами. Ждем непрестанно, чем Бог решит Судьбу нашу. Уже настал третий месяц: сил у меня не много в запасе. Удерживаюсь от ропота: много в свете несчастливых; не я первой, не я последний. Мы здесь удалены почти от всех, кто нас любит; но Бог нас видит, и да не оставит! Не время делать планы. Выедем ли отсюда, и когда? не знаем. От всего сердца предаемся во власть Божию.

Не смотря на свою тоску, с умилением смотрю на подвиги России. Мы наказаны, но спасены со славою. Отечество наше, потрясенное бурей, укрепится может быть в корне своем на новое тысячелетие.

Прости, любезнейший. Дай Бог, чтобы ты был здоров и спокоен.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Очень вас благодарю любезнейший и почтеннейший Иван Иванович за ваши дружеские воспоминания. Сама не часто к вам приписываю, но за то часто об вас

думаю и говорю с сердечным чувством. Мы несчастные изгнанники, когда уже в России все радуются, еще горько плачем; уверены в вашем дружеском участии».

Карамзин, 1866. С. 172–173 (№ 159).

Апрель – Май (перв. пол.). Село Богородское (Сызранский уезд, Симбирская губ.).

Письмо Е. А. Дмитриевой, матери И. И. Дмитриева:

«Милой мой друг Иван Иванович.

Благодарю вас за письмо. О себе скажу – я, слава Богу, брожу. Прости, мой друг. Заочно тебя целую, буди над тобой божья милость и мое благословение. Мать ваша Катерина Дмитриева».

Рядом помета И. И. Дмитриева: «Написано перед кончиною, последовавшею 28 мая 1813».

Дон. 1957. № 6. С. 154.

Май, 8. Четверг. Петербург.

Письмо имп. Марии Федоровны к Дмитриеву:

«Иван Иванович!

Я с великим удовольствием прочитала вновь Певца в стане Русских войнов и, благодаря сочинителя за поднесение мне сего изящного творения, коего достоинство доказывается уже покровительством вручившего мне оное знатока, я прошу вас изъявить ему признательность мою и за посвящение, – новый опыт отличного его стихотворческого дара показывающее и тронувшее меня чувствительным своим выражением. Сделайте мне удовольствие доставить г. Жуковскому приложенный при сем знак моего благоволения, который да напомянет ему иногда о справедливости отдаваемой мною его дарованиям. Пользуясь притом изъявленною вами готовностью пецнися о напечатании сочинения его, я прошу вас принять на себя труд приказать напечатать на моем иждивении 300 экземпляров Лирической песни, из них десять прислать ко мне, принять для себя сколько заблагоразсудите, а достальные предоставить Сочинителю. Что же касается до посвящения, то при всей красоте стихотворения, делающего честь автору, предмет и содержание оногo не позволяют мне дать согласие мое на издание его в свет; я тем не менее обязана ему за чувствования столь выразительно им изображенные, о чем и прошу вас его уверить и с удовольствием пользуюсь сим случаем изъявить вам совершенное уважение, с каковым пребываю вам благосклонною.

Мария».

РА. 1871. III. 2. Стб. 421.

Май, 12. Понедельник. Петербург.

Письмо к Жуковскому:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич.

Получив выправленный экземпляр прекрасного вашего сочинения, имел я щастие поднести оный Ее Императорскому Величеству, которая, удостоив особенною милостию приношение ваше, соизволила приказать мне доставить вам, милостивый государь мой, прилагаемый у сего перстень как знак ее благоволения. Из копии с Высочайшего рескрипта, последовавшего по сему случаю на мое имя, изволите Вы усмотреть лестный отзыв Государыни Императрицы о чувствах и дарованиях ваших. Ей угодно было поручить мне издание в свет вашего творения, и вы можете судить, сколь приятно для меня быть исполнителем Ее воли.

Примите, милостивый государь мой, чувствительную мою благодарность за письмо ваше. Оно доставило мне истинное удовольствие, показав, что вы еще меня любите; оно живо напомнило мне Москву, друзей моих и приятные часы, прове-

денные с ними. К тому ж оно подало мне известие о здоровьи вашем, и я сердечно радуюсь, узнав, что вы опять наслаждаетесь спокойствием в любимом вашем уединении.

Впрочем с истинным почтением имею честь быть, Милостивый государь мой
Покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Р. S. Сердечно благодарю вас, любезный Василий Андреевич, и за дань которую вы вместо меня заплатили незабвенному Козлятеву. Вы знаете как я любил его и чего мне стоит эта потеря! Но она была не последняя. В конце минувшего года я потерял брата, а на днях поражен известием о кончине матушки».

РА. 1871. Стб. 419–420.

Май, 13. Вторник. Нижний Новгород.

Кончина шестилетнего Андрея Карамзина.

СН. 1897. Кн. 1. С. 10 (№ 7).

Май, 14. Среда. Нижний Новгород.

Погребение Андрея Николаевича Карамзина, первого сына Н. М. и Е. А. Карамзиных, на кладбище нижегородского Печерского монастыря.

О погребении сына Карамзин пишет в двух письмах от 15 мая 1813 г.: Вяземским и брату В. М. Карамзину.

В письме к Вяземским он писал: «Любезнейшие друзья! Вчера погребли мы милого незабвенного Андрюшу. Богу известно, чего нам это стоит. Предаем судьбу нашу в Его святую волю. Если будем живы и здоровы, то думаем недели через две ехать отсюда в Москву, а из Москвы к вам в Остафьево... Сердечно желаю скорее обнять вас. Простите. Бог с вами. Будьте здоровы и благополучны. На веки ваш нелицемерный друг Н. Карамзин» (СН. 1897. С. 10).

К брату Василию Михайловичу в Симбирск он сообщал: «Любезнейший братец Василий Михайлович! Вчера мы погребли милого Андрюшу. Тоскуем и плачем. Думаем как можно скорее выехать отсюда, если будем здоровы. На той почте напишу к вам» (*Карамзин Брату*, 24. С. 535).

Май, 20. Вторник. Нижний Новгород.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Мы погребли милого Ангела, Андрюшу, более десяти недель страдав безпокойством и тоскою. Наша горесть велика и мы жалки самим себе. Было у нас двое детей прекрасных, здоровых, милых: обоих схоронили. Так угодно Всевышнему. Жизнь и свет для меня стали беднее. Удерживаюсь говорить более. Мысленно обнимаю тебя с нежностью, зная, что ты берешь искреннее участие в нашей печальной судьбе. Мы собираемся ехать в Москву, хотя и не имеем там верного пристанища. Думаю отправиться после и в Петербург, чтобы выдать написанные мною томы Рос. истории и тем исполнить долг мирской чести. Но подожду возвращения Государева. — Пиши ко мне в Москву: желаем быть там к 10 Июня.

Теперь попрошу тебя. Председатель здешней Уголовной Палаты Г. Ребендер, намерен оставить службу или искать другого места. Сделай мне дружеское одолжение, определи на его место в Председатели Советника здешняго Губернского Правления, Ивана Алексеевича Аверкиева, которой более сорока лет служит с честью и с деятельностью. Он мне коротко знаком, и весьма давно Коллежским Советником. Смею тебя уверить, что не легко найти лучшего Председателя для Уголовной Палаты. Пожалуй, не презри моей убедительной прозьбы, и возьми меры не забыть об ней, когда откроется ваканция.

Прости любезнейший. Муж и жена обнимают тебя. Остальные наши дети тебе кланяются. Будь здоров и благополучен.

Навеки твой друг

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 173–174 (№ 160).

Май, 28. Среда. Село Богородское (Симбирская губ., Сызранский уезд).

Кончина Екатерины Афанасьевны Дмитриевой, матери И. И. Дмитриева.

Дата кончины Е. А. Дмитриевой, указанная И. И. Дмитриевым, вероятно, ошибочна. Ибо в письме к В. А. Жуковскому от 12 мая 1813 г. (см. выше) Дмитриев пишет, что на днях был «поражен известием о кончине матушки».

Дон, 1957. № 6. С. 154.

Май, 30(?). Нижний Новгород.

Отъезд Карамзина с семьей в Москву.

Карамзин, 1858. 24. С. 535–536 (№ 103).

Июнь, 1. Воскресенье (Троица). Остафьево.

Приезд Карамзина с семьей из Нижнего Новгорода.

Карамзин Брату, 24. С. 536–537 (№ 104).

Июнь, 5. Петербург.

Ценз. разр., выданное Иваном Тимковским на выпуск «Чтения в Беседе Любителей Руского Слова. Чтение тринадцатое. СПб., 1813». Выпуск открывает «Список Г. Г. Членов, ныне Беседу Любителей Руского слова составляющих». Среди «Попечителей» назван И. И. Дмитриев (С. III).

Июнь, 15. Воскресенье. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«И ты, мой любезнейший, испытал жестокой удар! Тяжко лишиться нежной матери. Знаю, как она тебя любила: знаю, как и ты любил ее. Бог и время да утешат тебя в естественной и, смею сказать, добродетельной горести. Кроме общественных бедствий, мы с тобою имеем сердечныя. Грустно, тошно. Я плакал дорогою: плакал и здесь, смотря на развалины. Москвы нет: остался только уголок ее. Не одни дома сгорели: самая нравственность людей изменилась в худое, как уверяют. Заметно ожесточение; видна и дерзость, какой прежде не бывало. Правительство имеет нужду в мерах чрезвычайного благоразумия. Впрочем это не мое дело: есть Бог; он все знает лучше нашего. Мое дело грустить о сыне, жалеть о друге и собираться в Петербург, чтобы обнять тебя и напечатать свою Историю с дозволения Государева. Не можешь ли *на несколько дней* дать нам у себя в доме *три* или *четыре* комнаты, не более? Мы живали и в двух. Не хотелось бы мне с детьми въехать в трактир; да и богатство наше не велико. Разумеется, что ты не должен церемониться со мною и делать себе неприятность. Скажи искренно. Через несколько дней я найду себе или казенную квартиру или найму уголок по выбору и по удобности; не употреблю во зло твоего снисхождения. Назначу Август для путешествия к Вам. Теперь хочется отдохнуть в Остафьево. Пиши ко мне в Москву без всякого особенного адреса: я сам посылаю за письмами на почту; ни одно не пропадет, как надеюсь. Прости, любезнейший. Желая хорошего мира; только не имею ясного понятия о возможности заключить его с Наполеоном. Обнимаю тебя от души и сердца. Навеки твой друг

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 174–175 (№ 161).

Июнь, 21. Суббота. Остафьево.

Карамзин в письме к имп. Марии Федоровне в Петербург пишет:

«...Иван Иванович <Дмитриев> известил меня, что Ваше Императорское Величество милостиво предлагаете мне жилище в Павловском и в Петербурге: примите мою всенижайшую благодарность. Столь лестный знак благоволения усугубляет мое желание представиться Вашему Императорскому Величеству. Я не царь-дворец, мало привязан к свету, но умею чтить добродетель в Августейшей Вашей особе».

Погодин, 1866. Т. II. С. 112.

Июнь, 21. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Уведомленный тобою о милостивом предложении вдовствующей Императрицы, я счел за нужное написать к ней благодарное письмо в шести строках. Можешь ли думать, чтобы мы разъехались? Я жду тебя с нетерпением и до того времени отлагаю мыслить о Петербурге. Хочу знать, как и на долго ли ты оставляешь его, и где будешь, в Москве ли или поедешь для свидания с родными. Между тем чувствую всю милость Государыни. Я писал и к Юрию Александровичу.

Пожалуй, уведоь меня о дне выезда твоего, чтобы я мог встретить тебя в Москве. – Мне что-то очень грустно. Прости, любезнейший, до скорого свидания. Желаю обнять тебя здорового. Твой навеки

Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 175–176 (№ 162), с ошибкой в дате: 21 Июля.***Июнь, 27. Пятница. Остафьево.**

Карамзин в письме к брату В. М. Карамзину в Симбирск сообщает, что всякий день ждет И. И. Дмитриева, «который отпросился на 4 месяца в отпуск».

*Карамзин Брату, 24, с. 536 (№ 105).***1813. Июнь. Петербург.**

Приезд из Москвы племянников Михаила и Валентина Дмитриевых.

М. Дмитриев, 1989. С. 92–93: «...С боязливою робостью явились мы к дяде. Мы знали его давно: когда он приезжал в деревню, он был с нами ласков и обходителен, даже шутив; но тут ввели нас в кабинет министра, через огромные комнаты, где сидели дежурные чиновники; все это с непривычки обдавало нас холодом. Нас поместили рядом с комнатами нашего же симбиряка, Андрея Васильевича Бестужева, сына того, с которым дед мой был в ссоре за землю. <...> По счастью мы приехали в Петербург в то время, когда дядя, получивший отпуск, собирался в Москву. Брата Валентина поместили в Пажеский корпус, а меня дядя взял обратно в Москву...».

Июль, 6. Воскресенье. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за обещаемое гостеприимство. Если мы тем и не воспользуемся, по крайней мере с истинным удовольствием видим, что ты готов дать нам пристанище. Буду ждать от тебя вести о вероятности или невероятности скорого Государева возвращения в Петербург: что должно решить наш выезд отсюда. Едва ли неприятельские действия не возобновятся: в таком случае не время думать о напечатании моей Истории, надобно будет подождать конца. Доживем ли до спокойствия? или найдем его только в гробе? Я не здоров; всякой день лью слезы о миллом Андрюше и теперь еще беспокоюсь о Наташе, которая пятой день в жару, думаю к зубам. Стоя на коленях подле трупа Андрюшина, я просил Бога, чтобы Он удовольствовался этою жертвою: не знаю, исполнится ли эта молитва. Я очень переменился, любезнейший друг, со времени разлуки нашей: остыл к приятностям мира, и даже едва ли могу продолжать Историю, для того более и хотел бы напечатать, что готово. Чувствительность моя цела единственно для горестей. Иногда рассудком убеждаю себя быть суетнее! Впрочем да будет со мною, что угодно Провидению. Не я сам произвел себя; не я сам захотел быть в здешнем Свете: это говорю себе в утешение. Сердечно желаю обнять тебя, Министра или уже не Министра, как Богу и тебе угодно, в Петербурге, или в Москве, или в Остафьево. Уведомь же меня любезнейший, есть ли у вас слух о прибытии Государя.

Прости. Катерина Андр. уверяет тебя в своем дружеском почтении.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 176–177 (№ 163).

Июль, 10. Четверг. Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«И так с нетерпением буду ждать тебя в Москву, любезнейший друг. *Пожалуй уведомя меня, в которой день выедешь.* Желая встретить тебя в Москве. Здесь уже знают о твоём отпуске *на четыре месяца*, и говорят, что Г. Болотников будет на время править Министерством Юстиции. Судьба не пускает меня в Петербург: я собрался было туда, а ты оттуда! Мне лучше, но маленькая дочь наша все нездорова. Еду теперь в Москву, чтобы повидаться с Доктором. Прости. Жена и дочери мои тебе кланяются. Обнимаю тебя нежно.

Навеки твой

Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 177 (№ 164).***Июль, 10. Москва.**

Письмо А. Д. Бестужева-Рюмина к Дмитриеву в Петербург:

«Милостивый Государь, Иван Иванович!

Донесение мое Вашему Превосходительству от 27 прошедшего Февраля остается по сию пору без ответа, а я без разрешения, даже заподлинно не знаю, получили Вы оное, или нет? Слышу только, что угодно Вам было отставить меня от службы моему отечеству без моей о том просьбы еще 2-го Января, и хотя таковая отставка предосудительна чести и имени моему, однако, смею сказать, без всякого моего преступления, и я поднесь никакого законного письменного вида не имею на оную. В сем недоумении и находясь в самом трудном положении жизни, решился отнести к Вам, Милостивый Государь, не касаясь звания Вашего, Министра юстиции, но как к честному благородному человеку, и просить чистосердечно, что Вас огорчило против меня, и чем заслужил я Вашу немилость? Исполнив все обязанности сына отечества и честного человека, я надеялся, что такого примерного усердия чиновник, каковым я себя быть показал, и в такое притом еще время жестокости от нашествия неприятеля, которому и история мало примеров имеет, делает честь начальству, под ведомством которого состоит, и заслужит, по крайней мере, оного внимание; но мне, напротив, сие усердие обращается от Вас в поругание, безчестие и ужасное истязание. Сами враги моего отечества не были равнодушны к усилиям моим в исполнении сих обязанностей, похваляли заботы мои к сохранению государственных дел, надзору моему вверенных и оставшихся в их власти, а увидев, что я имею еще семейство, и узнав, с какою опасностью жизни моей я исполнял долг присяги, не могли отказать мне и в уважении. Вы признаетесь, Милостивый Государь, что всякой бы согласился быть в то время на моем месте, и что гораздо легче осуждать поступки других, будучи от театра ужаса на несколько сот верст, и обвинять тех несчастных, без малейшего исследования, кои с истинным усердием к пользе отечественной жертвовали жизнью своею. В числе сих несчастных поставить могу и себя: ибо, не имея ни от какого начальства приказания оставить своего места, ниже особенного наставления, как поступать в сие время страха, я должен был руководствоваться клятвенным моим обещанием, преданностию к престолу законного Государя, любовью к отечеству. Если б я и последовал подлому примеру моих обоих сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долг присяги в трусости своей оставили места, ими занимаемые, или, по просту сказать, бежали от должностей своих, оставив дела на произвол, то и в тайной измене престолу и отечеству, я с своей стороны, как Вам уже известно, имел от 9-го Августа законной отпуску на 28 дней (в оное время еще нимало не думали, чтоб неприятель овладел Москвою), следовательно, срок сему отпуску должен кончиться около 9-го Сентября, а неприятель взошел в Москву 2-го Сентября. К тому ж, к отъезду моему, по милости графа Бобринского, имел я деньги и лошадей; но при таком безнужном к побегу моему положении, я не изменил оного, сам собою старался спасти дела вотчинного департамента. Плоды усердия моего видимы: ибо вотчинной департамент существует; если же некоторые дела в оном не в том порядке, в котором были до нашествия неприятеля, то это потому только, что сей департамент находится в Кремле, а в Кремле нет ничего в порядке, даже и Иван Великой тронулся с места своего.

Имея к личным достоинствам вашим истинную приверженность, и зная при том, что Вы имеете благородную душу, в полном смысле разумения сего слова, не могу не удивляться столь явно несправедливому против меня поступку. Ибо товарищи мои, изменив престолу и отечеству, остались при своих местах, а я, напротив, сохранив все обязанности службы и сына отечества, и имев при том щастие спасти дела вотчинные, исключаясь из оной, и вопреки даже милосердного закона: *Никто без суда не накажется.*

В таком горестном положении обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, и убедительнейше прошу, не обижайте меня в безответном звании своем, не порочьте имени моего, не оскорбляйте юстиции, высочайше Вам вверенной; объявите, по крайней мере, в чем преступление мое состоит; ибо я должен оправдать мой поступок пред обществом честных людей, в кругу которых и себя почитаю. Я охотно извиняю Вам то ужасное состояние, в которое вы меня ввергли, и если б не великодушные графа Растопчина, главнокомандующего в Москве, который дает мне казенную квартиру, в самом том доме, которой я спас от пожару и разграбления, не взирая на отставку мою, то не знал бы, где с семейством приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большого затруднения, в котором от Вас же нахожусь, доставать жизненные потребности для бедных малюток моих, и хотя такое положение есть следствие ваших немилостей, но я умалчиваю об оном; а в поругании чести и имени моего вы непременно должны сказать причину такого поступка вашего. Вы опытом знаете, Милостивый Государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человеку; и если припомните собственное свое положение, и примените оное к теперешнему моему положению, то можете усмотреть, сколь достойна участь моя сожаления! Вы искали в то время себе покровителя, которой бы обнаружил Вашу невинность; теперь я ищу сего покровителя в Вас самих, сколько по долгу звания Вашего, Министра юстиции, столько и по благородной душе вашей, и Вы должны не только обнаружить невинное страдание, но еще представить заслуги моему отечеству спасением дел вотчинного департамента. С должностным высокопочитанием и преданностию честь имею быть, в пр-ва, Милостивого Государя, всепокорнейший слуга А. Б.[естужев]-Р.[юмин].

В ответ оного письма, 3-го Сентября, объявлено мне от Московского Прокурора, Желябовского, посредством Московской Управы Благодичиния, чтоб я впредь в отношениях моих с начальством был осторожнее в выражениях и наблюдал должное почтение».

РА. 1910. № 5. С. 124—126.

Июль, 13. Москва. М. Т. Каченовский в письме к В. В. Измайлову сообщает: «...Не лишним почитаю известить вас, что здесь на сих днях ждут И. И. Дмитриева, с которым вам без сомнения приятно будет увидеться...».

Московское Обозрение. 1877. № 19. С. 80.

Июль, 14(?) ... 16(?). Петербург.

Дмитриев получает «дружеское» письмо от Д. Н. Блудова из Лондона.

Июль, 16. Среда. Петербург.

Письмо к Д. Н. Блудову:

«Милостивый государь мой Дмитрий Николаевич.

Чувствительно благодарен вам за дружеское ваше письмо и доставление мне политических произведений. Может бы[ть], италийский журнал сделает чудо, какого и Тасс не произвел надо мною: что я для него выучусь по-италиански. Теперь же мне и досугу будет довольно, ибо я отпущен на 4 месяца в отпуск. И скоро надеюсь отправиться в Москву, где буду жить в доме канцлера.

Парнас наш, пользуясь перемирием, отдыхает. Орел нашей Поэзии <Г. Р. Державин> от бранного шума направил полет свой к Киевским святым пещерам, которых вид, вероятно, пособит ему подарить нас вместо громкого чем-нибудь умилительным; Сокол <гр. Д. И. Хвостов> почивает на лаврах, занимаясь мимо-

ходом поправками и вторичным изданием *De l'art poétique*; но кажется, что он собирается с силами, чтобы внезапно возгреметь надгробную песнь Смоленскому, коль скоро смолкнут над прахом его прочие птицы.

Нетерпеливо желаю дожидаться приятного свидания с вами; между тем, свидетельствуя вам и милостивой государыне Анне Андреевне душевное мое почтение, навсегда имею честь быть ваш, милостивого государя моего покорнейший слуга
Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 418.

Июль, 19. Петербург.

По представлению Министра юстиции И. И. Дмитриева учреждается «комиссия для рассмотрения переводов уложения грузинского царя Вахтанга» (ПСЗ. № 25429).

Иванов, 1863. С. 123.

Июль, 29. Вторник. Петербург.

Отъезд Дмитриева с племянником Михаилом в Москву.

Дмитриев, 1866. С. 219: «...Отпустя весь домашний мой скарб водою и сухим путем в Москву, двадцать девятого Июля, и сам отправился туда же. По причине сгоревшего моего домика я выпросил у почтенного Канцлера временное пристанище в московских его палатах». *М. Дмитриев*, 1989. С. 93: «...По счастью, мы приехали в Петербург в то время, когда дядя, получивший отпуск, собрался в Москву. Брата Валентина поместили в Пажеский корпус, а меня дядя взял обратно в Москву».

Август, ок. 5. Москва.

Приезд Дмитриева и племянника Михаила из Петербурга. Остановились в доме канцлера гр. Н. П. Румянцева на Маросейке. Знакомство М. А. Дмитриева с гр. С. П. Румянцевым.

Дмитриев, 1866. С. 219: «...С самой нежной молодости моей въезд в Москву бывал всегда для меня праздником. Но в этот раз я взглянул на нее с сжатым сердцем: она раскрыла еще свежую мою рану, напомня мне о насильственной смерти родного моего брата Федора! Он служил за обер-прокурорским столом в Сенате. Пред занятием Французами Москвы, за разгоном лошадей, он не мог следовать за Сенатом в Казань, и только что в состоянии был добраться до села Измайлова, отстоящего в семи верстах от столицы. Там нашла его шайка Французов, ограбила, и потом — свирепый Поляк прострелил его из пистолета, в глазах жены и малолетних детей.

Первая от Петербургского предместия и лучшая улица, *Тверская* представлялась мне вся в развалинах. Знатнейшие по огромности своей дома покрыты копотью, без стекол, с провалившеюся кровлею, или совсем без оные; инде церкви без креста, или с главами обнаженными от позолоты. Но я забылся: это корысть истории.

По свидании с другом моим Карамзиным, лишь только возвратившимся из Нижнего Новгорода, первая моя забота была приготовить новый приют для моей старости. Я купил погорелое место в разгороженным садом, недалеко от Тверского Бульвара и так называемого Патриаршего пруда, в приходе Св. Спиридона, и приступил к постройке дома, начав с необходимых принадлежностей».

О пребывании в доме гр. Н. П. Румянцева и о знакомстве М. А. Дмитриева с его братом гр. С. П. Румянцевым см.: *М. Дмитриев*, 1989. С. 93–94.

Август, 15. Пятница. Петербург.

Имп. Мария Федоровна в письме к Карамзину в Москву пишет: «Я имела удовольствие получить письмо ваше, и признаю себя обязанною Иваном Ивановичем Дмитриевым, за поданный от него случай, вступить в сношение с одним из отличнейших наших писателей, давно мне известным не только по изящному в сем звании дарованию, но и по другим уважения достойным качествам...».

Погодин, 1866. Т. II. С. 112–113.

Август, 16. Петербург.

Надпись на книге В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов (СПб., 1813, изд. 2-е): «Подарена Императорской Публичной библиотеке Министром

Юстиции Господином Тайным советником Иваном Ивановичем Дмитриевым 1813-го года августа 16-го дня».

Хранится в Русском фонде Российской Национальной Библиотеки (Петербург).

Август, 18. Понедельник. Остафьево.

Карамзин в письме к А. И. Тургеневу в Петербург сообщает: «...Хотя живу в подмосковной, однако часто вижусь с Иваном Ивановичем и теперь собираюсь ехать к нему. Почти жалею, что он не мог дожидаться меня в Петербурге: я скорее приехал бы к вам, а теперь мне труднее оставить Москву».

РС. 1899. Февраль. С. 464 (№ 18).

Сентябрь, 10. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему минуло 53 года.

Сентябрь, 10. Петербург.

Именной указ о разделении уголовных и следственных дел между 1-м и 2-м отделениями 6-го департамента Сената (ПСЗ. № 25451; подготовлен Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Сентябрь, 13. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович.

На сей почте отправится отсюда в Благотворительную Комиссию свидетельство о разорении здешняго почтамтского доктора Фейлера. Он мне давно знаком, и я действительно уверен в том, что он потерял почти все свое имущество, доведен содержать жену, тещу, своячину(sic) и дочь одним только жалованьем, которого получает не боле 600 рублей. Прибавьте к тому, что пятидесятилетняя старость уже не позволяет ему иметь большой практики, в которой он по искусству своему не имел недостатка. Сделайте мне одолжение, любезный Александр Иванович, объясните когда надобно будет о всех обстоятельствах этого почтенного человека князю Александру Николаевичу <Голицыну>. Зная расположение его к христианским добродетелям, я почти уверен в успехе моего ходатайства, естли вы, по свойственной вам чувствительности и по приязни вашей ко мне, возьмете на себя быть моим органом.

Я хотя и в Москве, но вижусь с Карамзиным не часто, ибо он живет еще в деревне.

На сих днях получил я довольно новостей П.[етер]Б.[ургской] словесности: от двух сенаторов по оде; от одного из двух еще и перевод Горация и Буало *о стихотворстве*, да от преосвященного и прелюбезного Феофилакта *эстетические разсуждения* Ансильона. Разумеется, что я начал чтение мое с последней, дабы она вразумила меня лучше почувствовать изящность первых.

Прошу вас сказать мое почтение Алексею Николаевичу Оленину, и попросить его, не можно ли поскорее доставить ко мне виньеты к моим сочинениям. Между тем, желая вам возможных благ, с нелюбимым почтением имею честь быть покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Впервые: РА. 1867. № 7. Стб. 1081–1082 (без указания даты и места написания); РС. 1903. № 12. С. 705–706 (с указанием даты и места написания).

Сентябрь, 25. Москва.

Н. П. Николев в письме к гр. Д. И. Хвостову сообщает о встрече с Дмитриевым:

«...Министра правосудия и купно знаменитого члена Российского Парнаса в Москве я видел: судя по голосу он немножко постарел; но как я слеп и время свидания за недосугом моим весьма было недлинно, то может быть, я ошибся – может быть он и возъюнился? Чего искренно ему желаю...».

Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 413 (публ. И. Ф. Мартынова).

Октябрь, 6. Понедельник. Остафьево.

Карамзин в письме к брату В. М. Карамзину в Симбирск сообщает, что редко бывает в Москве и то «на несколько часов для свидания с Иваном Ивановичем Дмитриевым, который непременно хочет иметь в ней дом и купил место».

Карамзин, 1858. 24. С. 537–538 (№ 107).

Октябрь, 22. Среда. Москва.

Письмо к Жуковскому в Белев:

«Милостивый государь и любезный Василий Андреевич.

Искренно благодарю вас за дружеское письмо и доставление прекрасной вашей дедикации. Желая и советую вам напечатать ее в Вестнике. Государыня не благоволила позволить ее напечатать при вашем сочинении, единственно из скромности, будучи сама издательницею оного. Новое же издание делать не советую: это было бы не прилично и заставило бы подумать, что вы не довольны последним изданием. Другое дело, когда оно все разоидется. Вы, может быть, скажите, что о новом издании не дошло бы до сведения Государыни – ошибетесь, ибо она все книжные объявления имеет любопытство читать, как ни глупо оные у нас пишут. Я надеюсь еще долго пробыть в Москве, уже и купил сад (получше прежнего, но только сомневаюсь, счастливее ли в нем буду прежнего), с обгорелю кужнею. Для Диогена было бы этого довольно; но развращенный сын природы, не смотря на 55 лет, замышляет еще строить опять дом; желает, боится и наконец ободряет себя ЛаФонтевым стихом, им же испорченным:

Не мне, так детям пригодится.

После этого стиха прошу не напоминать мне *старика* и *смерть*, или я заткну уши. Нетерпеливо желаю с вами увидаться, между тем заочно вас целую и с искренним почтением пребуду.

Преданный вам

И. Дмитриев».

РА. 1871. III. 2. Стб. 422.

Посвящение Жуковского вдовствующей императрице Марии Федоровне, издавшей его «Певца в стане русских воинов», напечатано в «Вестнике Европы» (1814. Ч. 73. С. 4).

«Не мне, так детям пригодится» — стих из басни Дмитриева «Старик и трое молодых».

Октябрь, 29. Остафьево(?).

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург, говоря о Жуковском, цитирует двестише из стихотворения Дмитриева «*Стансы к Н. М. Карамзину*»: «Желал бы очень, хотя и на плечах, притащить и Белевского нашего Тиртея и Горация – Эпиктета; но, кажется, он на все наши приглашения нам поет:

Прочь от нас Катон, Сенека

И угрюмый Эпиктет!..».

ОА. Т. I. С. 17.

Ноябрь, 10. Петербург.

«Мнение Государственного Совета о голосах сенаторов по общим собраниям» (ПСЗ. □ 25475; подготовлено И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Ноябрь – Декабрь (до 29-го). Москва.

Отъезд Дмитриева в Богородское (проездом через Симбирск).

Дмитриев, 1866. С. 220: «...По прошествии же срока моему отпуску испросил еще отсрочки на три месяца, и по первому зимнему пути отправился в Симбирскую губернию, для свидания с моим родителем.

После долговременных трудов, противоборстве и неприятностей, наконец я увидел себя опять в том самом доме, который был моим ровестником, ибо родители мои обновили его в один день с моими крестинами. Из страны эгоизма, из высоких чертогов я очутился под низменною кровлею, у подошвы горного хребта, покрытого дубовым лесом, в уединенном семействе, где не было ни одного сердца, ни мне чуждого, ни ко мне холодного.

Я нашел отца моего в глубокой старости, семидесяти лет. Всегдашнее сообщество его составляли меньшей мой брат, пожертвовавший сыновней любви всеми выгодами честолюбия и независимости; две мои сестры и малолетняя сиротка, дочь покойного моего брата.

Отец мой отвел для жителя моего свой кабинет, куда я никогда вхаживал, с трепетом для отчета в заданном мне уроке. С каким удовольствием взглянул я на старинный зеленый шкаф с книгами, бывший предметом моей зависти! Я увидел в нем давних моих знакомцев: первую книгу Собрания разных сочинений в стихах и прозе Ломоносова, московского второго издания 1757 года; Сочинения и переводы Владимира Лукина; Горациевы послания, перевод силлабическим размером Князя Кантемира, Грациана Балтазара придворного человека, в оригинале письма Вуатюра, Бальзака и Костара, даже домашние и школьные разговоры на трех языках, которые в детстве моем столько натручивали память мою, и бывали иногда виною вздохов и слез моих. Да простят меня товарищи мои Министры, за воспоминание о таких мелочах, да извинят в том и авторы классические и романтические! Я пишу не для щегольства, не для потомства, а для собственного удовольствия. Так, в этом кабинете я возвратил безпечные счастливые дни моей невинности, и почти позабыл все причиненные мне досады. Нежность отца моего, противоречившая угрюмой его наружности в молодых летах; удовольствие, сиявшее в глазах его, при виде сына, достигшего значительной степени; искренние ласки всего семейства могли бы тогда сделать меня совершенно счастливым, если бы не мешал тому врезанный в сердце моем образ любезной матери. Она за год пред тем скончалась. Я не мог привыкнуть к этой разлуке, пока жил у отца моего: час обеда, время чая, место, где она обыкновенно сидела, все напоминало об ней и погружало меня в уныние...».

Декабрь, 29. Понедельник. Москва.

Карамзин в письме в Петербург благодарит С. С. Уварова за присылку ему и И. И. Дмитриеву книги о Моро и сообщает, что «Ивана Ивановича нет в Москве. Вручу ему экземпляра, когда возвратится».

XVIII век. Сборник 8. Л., 1969. С. 354. Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 17, ед. хр. 80, лл. 60–61.

1813. Петербург.

Выходит в свет фр. перевод «Модной жены»: «*La femme à la mode, trad. par M. d'Inocourt, maître au Gymnase de S.-Pét.*».

1813. О. А. Кипренский. Портрет И. И. Дмитриева (итал. кар.).

Гос. Русский Музей. Инв. № Р—1019. Итал. кар. 22,6×17,2. Атрибуция: Гончарова Н. Н. Из ближайшего пушкинского окружения. Новые атрибуции рисунков Кипренского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 344.

1813 – 1814. Москва.

У Дмитриева, в присутствии Карамзина и кн. Вяземского, В. А. Жуковский читает свою поэму «Певец на Кремле».

Кн. Вяземский вспоминал: «Однажды у Дмитриева, приехавшего в Москву из Петербурга во время министерства своего, Жуковский читал нам только что написанную поэму свою *Певец на Кремле*. Карамзин слушал со вниманием, но в середине чтения не вытерпел и сказал: «Вперед! Вперед! Вы все на одном месте кружитесь...» (РА. 1868. № 11. Стб. 1836).

1814

Январь, 9 ... 10. Москва.

Возвращение Дмитриева из Сызрани.

Дмитриев, 1866. С. 221: «В начале 1813 года я простился с моим любезным семейством и возвратился в Москву. Там ожидало меня пересланное от Болотникова отношение ко мне Графа Аракчеева из за границы. Он препроводил ко мне прошение, поданное к Государю от одного общества Евреев, объявляя при том высочайшее повеление, чтоб я, по возвращении Императора, при первом моем докладе внес в оный и эту бумагу...». Ошибка (Дмитриева или издателей?) в дате возвращения в Москву; должно быть: «В начале 1814...».

Январь, 12. Понедельник. Москва.

Дмитриев посещает Карамзиных.

Карамзин в письме от 12 января 1814 г. к А. И. Тургеневу в Петербург, пишет, что прерывает написание письма, чтобы готовиться «встретить Ивана Ивановича, который только что приехал из Сызрани...» (РС. 1899. Февраль. С. 465).

Январь, 17. Суббота. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович.

Чувствительно благодарю вас за письмо и за присылку надгробного слова несчастному Моро. В то же время получил его и от самого автора. Сделайте мне одолжение, уверьте его в моей признательности, равно как и в почтении к его таланту. Я читал с большим удовольствием его произведение. Ежели можно чего пожелать, к большому его совершенству, так разве только подробнейшего изложения воинских подвигов прославленного полководца; впрочем, все условия оратора исполнены.

Поздравляю вас не с одним новым годом, но и с концом минувшего: я очень порадовался, увидя в газетах о пожаловании вас статским советником; не меньше взял участие и в Николае Ивановиче <Тургеневе>. Дай Бог и ему ваше щастие.

Между тем, с совершенным моим почтением и привязанностию имею честь быть вашего высочайшего покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Милостивой государыне Екатерине Семеновне <Тургеневой> прошу вас засвидетельствовать искреннее мое почтение.

Впервые: РА. 1867. № 7. Стб. 1082–1083 (с неверной датой: 11 января 1814); ошибка в дате повторена в «*Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 219–220». Точная дата «17 января 1814 г.» впервые указана в ОА (1899. Т. III. С. 501. примеч. В. И. Саитова) и в «Русской Старине» (1903. № 12. С. 706).

Январь, 19. Петербург.

Именной указ о подчинении всех гражданских тяжёбных дел по Тарнопольской области 3-му департаменту Сената (ПСЗ. № 25521; подготовлен Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.**Январь, 30. Петербург.**

Именной указ Сенату о возвращении из Казани в Москву «департаментов Сената» (ПСЗ. № 25531; подготовлен И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.**Февраль, 6. Пятница. Москва.**

Кн. Шаликов записывает в альбом И. И. Дмитриева стихотворение «*Тяжба*» («Фемида с Аполлоном / Однажды ссорилась...»).

Дон. 1957. № 6. С. 152.

В собрании сочинений кн. Шаликова напечатано с подзаголовком: «В записную книжку И* И* Д***» (Сочинения Князя Шаликова. Ч. 2. Стихи. М., 1819. С. 215–216).

Февраль (перв. пол., после 6-го). Москва.

Отъезд Дмитриева в Петербург.

Февраль, 23. Понедельник. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Сердечно благодарю тебя, любезнейший, за твое дружеское письмо, которое для меня во всех отношениях было приятно. Главное то, что ты доехал благополучно. Я несколько беспокоился о твоём глазе. Министерствуй с Богом; будь здоров, спокоен и не забывай нас. Мы не очень веселы: у нас Катенька занемогла лихорадкой; после наших нещастий можно бояться новых. Нынешний день, в обыкновенной моей утренней прогулке верхом, я упал с лошадьёю и расшиб себе ногу, так, что лежу; да и вообще чувствую себя както не хорошо. Со времени твоего отъезда я не выезжал ни пяти раз, быв в простуде. Катерина Андр., думаю, беременна. Дай Бог, чтобы это было щастливее прошлогоднего! Если буду здоров и поспокойнее, то непременно съезжу осмотреть твое строение из усердия и любопытства, хотя и не могу обещать тебе никакой пользы. Пиши ко мне, когда можешь писать без усилия. Я холоднее стал к свету и к истории, а не к тебе, старинному другу. Прости, милой. Катер. Андр. вместе со мною обнимает тебя. Навеки твой

Н. Карамзин.

Ты не забудешь моей прозьбы и записки о Аверкиеве».

Карамзин, 1866. С. 177–178 (№ 165).

О падении с лошади Карамзин пишет и брату В. М. Карамзину в Симбирск в письме от 25 марта: «В обыкновенной своей утренней прогулке, упав с лошадьёю, я так зашиб ногу, что недели три не мог ходить и теперь еще наступаю с болью...» (*Карамзин Брату*, 539 (№ 111)).

Март, 19. Четверг. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезнейший друг!

Ты, кажется, на сей раз менее прежнего великодушен ко мне: очень давно жду дружеских строк твоих и не получаю. Будь только здоров. – Я хожу, однакожь еще не вышел из хромых. Делается кризис в моей жизни: перестаю ездить верхом, по крайней мере на этой лошади, которая выучилась падать (желал бы прибавить: у Наполеона!). В семействе моем теперь нет лихорадки; но Катерина Андр. очень жалуется на тоску, вестницу зародыша. – К вам отправляется Капнист с диссертациею об экзаметрах и с громом на К. Лобанова-Ростовского. Я не видал его лет 15, думаю: он все так же молод духом! Федор Полторацкий мог сказать мне несколько интересных слов о тебе. Еще лучше, если бы ты сам дал мне идею о твоём нынешнем Петербургском житье-бытье. Гуляешь ли пешком? Завелся ли цветами к весне? Мы думаем ехать в Подмосковную, как только будет можно. Прости, любезнейший. Не только мои большие дочери, но и Наташа воспоминает о тебе, указывая место, где ты у нас сиживал. Сонюшка ждет от тебя темы, чтобы сочинить какой нибудь трактат. – Нежно обнимаю тебя. Навеки твой

Н. Карамзин.

Селивановской отправил к тебе пакет с объяснениями на свое типографское дело. – Не забудь моего Аверкиева».

Карамзин, 1866. С. 178–179 (№ 166).**Март, 19. Париж.**

Вступление русских и союзнических войск в столицу Франции.

Дмитриев, 1866. С. 222: «В скором времени после того вся Империя обрадована была известием об торжественном вступлении Государя с победоносною своею армиею и союзными войсками в Париж и об отречении Наполеона, за себя и сына, от престола Франции. Сие достопамятное событие последовало 19 Марта, а известие о том получено с Генерал-Адъютантом Кутузовым, помнится мне, в Апреле. В тот же или на другой день я имел щастие, с некоторыми из Министров, быть приглашенным к столу вдовствующей Императрицы. Никогда столь искренняя радость не сияла на челе матери венценосного победителя! После обеда она приказала подать новости, полученные ею; собрала вокруг себя всех гостей своих обоого пола и заставила секретаря своего г. Вилламова читать фран-

цузские и немецкие ведомости, наполненные похвал и благословений освободителю Европы. Во всех превозносили его скромность, великодушие и человеколюбие. Потом поручено было Сенатору Нелединскому-Мелецкому прочитать постановления, относительно к обстоятельствам, французского временного правительства и Бюстительного Сената. Наконец было заключено песенкою, сочиненною в Париже в честь нашего Императора, на голос известной старинной песни: *Vive Henri quatre!* Да здравствует Генрих Четвертый».

Март, 29. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Март, 30. Понедельник. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Христос Воскресе, любезнейший друг!

Обнимаю тебя нежно. Будь здоров и весел! Я кое-как брожу с опухлою ногою. Домашние мои почти совсем здоровы; но Катерина Андр. иногда очень страдает от своей беременности. — На сих днях получил я книги от Великой Княгини Екатерины Павловны и милостивое письмо от вдовствующей Императрицы, которая изъявляет желание видеть меня чрез несколько месяцев в Павловском. Право не знаю, как благодарить Ее; не знаю также, отправлюсь ли в Петербург летом: это будет зависеть от здоровья моей беременной. — Я видел твое новое строение: оно красиво. Нарочно поеду в сад твой, когда он позеленеет. — Еще раз обнимаю тебя за себя, за жену и за детей. Бог с тобою и с нами! Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 179 (№ 167).

Апрель, 8. Среда. Петербург.

В «Сыне Отечества» (№ 7; Прибавление) напечатано извещение о взятии Парижа 19 марта союзными войсками.

Дмитриев, 1866. С. 222—223: «За первым известием последовал и высочайший манифест, подписанный в Париже, о занятии оною нашими и союзными войсками. Назначен был день для торжествования сего достопамятного события. Обе Императрицы изволили прибыть в Казанский Собор к слушанию литургии. Церковь уже была наполнена гражданством обою пола и всех сословий. Самая площадь пред нею усеяна была народом. По совершении литургии и по выходе из алтаря митрополита Амвросия со всем духовенством на средину храма, для отправления благодарственного молебна, я имел счастье читать манифест, взойдя на первую ступень помоста возле амвона, обратиться к народу и имея с правой стороны императорскую Фамилию, а с левой иностранных министров. С последним словом манифеста начался благодарственный молебен, заключенный хором: *Тебе Бога хвалим*. За сим грянул гром пушек, и раздалось ура! по всей площади.

В тот вечер весь город был освещен. Знатнейшие присутственные места, начиная с Сената, министерские и многие частные дома украшены были великолепными щитами; даже посредственного состояния, не только хозяева но и жильцы выставляли в окнах своих прозрачные аллегорические картины или что другое с остроумными надписями...».

Апрель, 13. Понедельник. Москва.

Становится известно о капитуляции Парижа.

Карамзин в письме к брату В. М. Карамзину в Симбирск 14 апреля 1814 г. сообщает: Вчера получено здесь известие из Берлина через Петербург, что 19 марта Государь и прусский король вступили в Париж без кровопролития. Жена Наполеонова и брат его уехали накануне в Орлеан. Государь обнародовал там, что союзники не будут трактовать с Наполеоном, а хотят возстановления Бурбонов. Ждут теперь курьера от Императора. Впрочем это известие кажется достоверным. Дай Бог скорее конца Наполеону и войне!» (*Карамзин Брату*, 539—540 (№ 112). См. также письмо А. Я. Булгакова к брату К. А. Булгакову в Париж: «Ура! Ура! Еще официального от вас нет ничего о взятии Парижа; но эстафета, прибывшая в Петербург из Кенигсберга, известила о вступлении Государя и Прусского короля 19/31 Марта в сию столицу злочестия» (*РА*. 1900. № 7. С. 305).

Апрель, 15. Петербург.

Письмо к О. Е. Франку.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 11—12: начало письма утрачено, нач. со слов: «...а помните, что я был еще в первой отставке...».

Апрель, 16. Петербург.

Именной указ Сенату об открытии в Москве возвратившихся из Казани «департаментов Сената» (ПСЗ. № 25570; подготовлен И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 122.

Апрель, 20. Понедельник. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Поздравляю тебя, любезнейший друг, с щастливыми и славными происшествиями. Я не прыгаю, но глаза мои иногда наполняются слезами благодарности к Тому, Кто карает по справедливости и спасает по милосердию. О Французы, жалкие и смешные Французы! Кажется, что дело идет к концу. Слава Александра сладостна Русскому сердцу. Удивительно и трогательно!

Очень благодарю тебя за два последние письма. Выдержи свой характер и будь спокоен: дом твой достроится и все будет, как надобно. В саду твоём показалась было зелень, но все опять замерло от морозов и снега. У нас вторая зима и шубы возвратились на плеча.

Исполняя твое желание и приказание, Софья написала трактат о будущей твоей жизни у Спиридония. Улыбнись, читая! Она не уступает по крайней мере нашим Журналистам в искусстве марать бумагу. Не можешь ли прислать мне книгу, изданную от Библиотеки, где напечатана речь Гнедича? Ее хвалят.

Думаю переехать в Остафьево, как скоро будет можно. Надеюсь там кончить Василья Ивановича и прибавить главу о состоянии России, а после увидим. Мысль описать происшествия нашего времени! мне довольно приятна; но должно знать многое, чего не знаю. Не возьмусь за перо иначе, как с повеления Государева. Не хочу писать для лавок: писать или для потомства или не говорить ни слова. У меня есть Царь Иван Васильевич: довольно для остатка дней моих и способностей! Катерина Андр. очень страдает от беременности. Сочту за милость Божию, когда она родит благополучно. Муж, жена и дети обнимают тебя нежно. Будь здоров, спокоен и люби старинного твоего

Н. Карамзина».

Приписка Е. А. Карамзиной:

«Очень вам благодарна, любезной и почтенной Иван Иванович за ваши приятные строки, желала бы вам темже отплатить, но пеняйте вашему другу за его нерадение выучить меня писать по руски, и от страха чтоб не сказать какойнибудь плоскости, заключаю тем, в чем верно ни на каком языке не ошибусь: что люблю и почитаю вас от искреннего сердца».

Карамзин, 1866. С. 180–181 (№ 168).

Апрель, 22. Петербург.

Письмо к Г. И. Вилламову.

Автограф: *РНБ ОР. Ф. 143, Вилламов Г. И., № 43. Л. 3.*

Апрель, 25. Суббота. Петербург.

Чрезвычайное заседание в Общем Собрании Сената.

Дмитриев, 1866. С. 223–226: «Но все это было недостаточно для изъявления нашей признательности; она требовала большей, важнейшей дани, от лица всей Империи. Некоторым Сенаторам внушено было подать о том свои голоса, иные обращали их ко мне, другие к Председателю Комитета Министров. Все они слушаны и рассматриваемы были в Общем Собрании Сената. Там единогласно положено пригласить, для чрезвычайного присутствия в Сенате, Святейший Синод, всех Министров и Членов Государственного Совета, дабы совокупно придумать и положить на мере, каким приличнейшим образом изъявить признательность отечества Государю, виновнику новой нашей славы и освобождения Европы.

Чрезвычайное собрание, в заседании своем Апреля 25-го, утвердило единогласно: 1-е составить от лица присутствующих, как от представителей Империи, всеподданнейшее на высочайшее имя прошение о принятии наименования *Благословенного* и о разрешении на добровольную денежную складку во всем государстве для сооружения в Петербурге памятника; 2-е отправить с сим прошением к Государю посольство, составленное из членов Совета: Действительного Тайного Советника первого

класса Князя Александра Борисовича Куракина, от армии Генерала Александра Петровича Торماسова, Гофмейстера Графа Александра Николаевича Салтыкова; 3-е в ожидании же высочайшего на то соизволения, предварительно предложить, посредством Министра Просвещения, художникам Императорской Академии Художеств, равно и прочим известнейшим в Европе, о изобретении чертежа сему памятнику и еще медали, которая бы достойна была передать потомству славную для России эпоху.

Но для меня и сие торжество не прошло без некоторых неудовольствий. Готовясь к чрезвычайному собранию в Сенате и зная цель оного, для собственного руководства в некоторых случаях, я заблаговременно велел отыскать в сенатском архиве производство дела по поводу подобного же чрезвычайного собрания, где положено было просить от имени всего народа Императрицу Екатерину Вторую о восприятии наименования *Великой*. Тогда сочинение адреса или прошения всем собранием предоставлено было Генерал-Прокурору Князю Вяземскому. Собрание знало, что он передаст это обязательство другому (Графу Заводовскому), но хотело тем изъявить ему свое внимание. В настоящем случае поступлено было совсем иначе. Согласно с вышесказанным сенатским старинным производством и моею должностью, в назначенный день для чрезвычайного собрания, я предупредил старшего Обер-Прокурора Титова, что присутствие начнется прочтением протокола, которым определено было пригласить членов Синода и Государственного Совета для общего совещания с Сенатом; что он должен стоять за мною, у императорских кресел, и по слову моему приступить к чтению; но вместо того, едва собрание стало усаживаться за стол, каждый по своему старшинству, как Председатель Комитета Министров Граф Салтыков, опускаясь еще в кресла, уже заговорил не тоном приглашенного гостя, хотя сам накануне предупреждал меня, что он будет гостем, не более; Князь же А. Б. Куракин, не дав ему докончить, уже тотчас предлагает, по обыкновению своему кудрявыми фразами, Сенатора Нелединского-Мелецкого для сочинения всеподданнейшего прошения, о котором еще ни слова не было сказано; ближайшие к ним члены изъявили на то согласие, и Нелединский принял на себя быть редактором адреса, но только просил составить комитет из нескольких особ, дабы он мог предварительно показывать им свою работу и пользоваться их советом. Собрание согласилось и в члены Комитета избрало Архиепископа Серафима (нынешнего Митрополита) и Графа Кочубея. Но вскоре за тем с конца стола, где сидел Сенатор Молчанов, прислан был к Графу Салтыкову Князь Горчаков с предложением, будто от многих Сенаторов, о избрании в члены же комитета и Действительного Тайного Советника Василья Степановича Попова, и на то согласились.

Я не оскорбился тем, что собрание не признало меня достойным участвовать, хотя советом, при сочинении адреса; но не мог быть равнодушным к тому, что Граф Салтыков помешал мне открыть заседание приличным образом и вмешался не в свое дело».

Апрель, 29. Среда. Петербург.

Ценз. разрешение, выданное И. Тимковским на выпуск «Пантеона Русской Поэзии, издаваемый Павлом Никольским» (СПб., 1814. Ч. 1. Кн. 1–2. Ч. 2. Кн. 3–4).

П. Никольские были выбраны и напечатаны следующие сочинения И. И. Дмитриева:

Часть 1.

Кн. 1: *Ермак* («Какое зрелище пред очи...») – С. 20–28; *Чужой толк* («Что за диковинка?..») – С. 76–84; *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры...») – С. 112–113; *Жаворонок с детьми и Земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 127–130; Песни: 2. «*Всех цветочков боле...*» – С. 133–134; *Триссонин и Вадиус* («Вы истинный поэт...») – С. 148–153.

Кн. 2: *Воздушныя башни* («Утешно вспоминать под старость детски лета...») – С. 231–239; *Дон Кишот* («Надсевшись Дон Кишот с баранами сражаться...») – С. 255–257; Песни: 1. «*Видел славный я дворец...*» – С. 258–259; 3. «*Стонет сизый голубчик...*» – С. 262–263; *Эпиграммы*: 1. «*Мне лекарь говорил...*» – С. 269; 2. «*Поэт Оргон, хваля жену свою не в меру...*» – С. 269; *Эпитафии*: 1. «*Здесь Бригадир лежит, умерший в поздних летах...*» – С. 271.

Часть 2.

Кн. 3: *К***. О выгодах быть любовницею Стихотворца* («Прелеста, веселись! Мой рок уже решился...») – С. 54–58; *Лиса проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 92–94; *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители, в преданиях своих...») – С. 100–102; *Надпись к портретам*: 1. «*Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!..*» – С. 127.

Кн. 4: *К Н. М. Карамзину* («Не скоро, ты мой друг, дождешься песней новых...») – С. 206–210; *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дома отлучится...») –

С. 253–256; *Песни*: 4. «Что с тобою, ангел стало?..» – С. 264; *Эпитафии*: «Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай...» – С. 273; *Мадригалы*: 2. «Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...» – С. 276.

Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

Апрель (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 74. № 8 (апрель). С. 277) напечатано стихотворное обращение «*К портрету Ивана Ивановича Дмитриева*» («Он службой знаменит равно Царю и Фебу; / Мил людям за талант, за справедливость – Небу»). Подпись: К. П. Ш-въ <князь П. И. Шаликов>).

Май, 11. Понедельник. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезнейший друг!

У меня лихорадка, и рука едва повинуется голове, хотя мне уже и лучше. Не хочу пропустить этой почты, давно не писал к тебе. Не имею нужды уверять тебя, какое живое участие беру в великих происшествиях, в особенности столь славных для нашего любезнейшего Государя. Я готов явиться на сцену с своею полушкою, и если буду жив, то непременно предложу усердное перо мое на описание Французского нашествия; но мне нужны, любезный, сведения, без которых могу только врать: почему я буду просить их etc. Читал я Петербургское Красноречие, и хотя не знаю, что ты думаешь, но соглашаюсь с тобою, доверяя твоему вкусу. Мы очень славны: авось будем и разумны; всему есть свое время. Я в бреду написал было несколько строф; но теперь не имею сил писать ни стихами, ни прозою. – Надеюсь, что простуда твоя уже прошла. Какая весна! Здесь всякой день идет снег и топятся печи как зимою. У Катеньки шесть раз была лихорадка. Прости, милый друг. Не от лени перестаю я писать, обнимая тебя нежно и с горячностью. Будь непременно здоров и спокоен. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 181–182 (№ 169).

Май, 25. Петербург.

В «*Courrier de Londres*» (1814. № 49, отдел «*Nouvelles étrangères*») в корреспонденции из Петербурга от этого числа (25 мая) перепечатана заметка, взятая из какого-то парижского журнала: «*La littérature russe s'honore maintenant de deux poètes d'un talent distingué; ce sont M. M. Dériabin (т. е. Державин) et Dmitriew. Le premier réussit dans le genre épique et lyrique; le second dans la poésie légère. M. Dmitriew joint à ce talent des connoissances étendues, et il s'est appliqué en particulier à l'étude du droit de la législation. Il a été nommé depuis peu minister de la justice*».

ОА. Т. III. С. 452 (примеч. В. И. Саитова).

Июнь, 15. Понедельник. Остафьево.

Карамзин в письме к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Сердечно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за ваше дружеское письмо, которое дало мне почувствовать, что я еще имею изрядную меру самолюбия. Так и быть! По крайней мере не хочу притворяться смиренным и нечувствительным к одобрению таких людей, как вы. Вы имеете право сделать все, что вам угодно с моими стихами: напрасно спрашивали моего согласия...».

РС. 1899. Февраль. С. 465 (№ 21).

Примеч. А. И. Тургенева: «Карамзин доставил мне рукопись стихов своих на избавление Москвы от французов <«Освобождение Европы и слава Александра I»>. Я просил позволения напечатать их и напечатал. Стихотворение было напечатано в 75-й части «Вестника Европы» на 1814 год. В том же году в Москве и в Петербурге оно вышло отдельным изданием, с предисловием Карамзина. Весьма вероятно, что Тургенев давал читать рукопись стихотворения Дмитриеву. О судьбе стихотворения в

Петербурге сообщает Д. В. Дашков кн. П. А. Вяземскому в письме от 25 июня 1814 г.: «...дух ревности и зависти в сердцах Беседчиков, а особливо Шаховского <...> Стихи Ник. Мих. не имели также счастья понравиться сему грозному Аристарху; он даже нападает на прекрасную и трогательную строфу: *Отец, пусть бури мир волнуют!* и пр.» (РА. 1866. Стб 495, 496, 498).

Июнь, 15. Село Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Я получил от тебя вдруг два письма, любезнейший друг, и оба не очень веселые. Дай Бог, чтобы расположение твое переменилось в лучшее еще до нашего свидания, здесь ли, в Петербурге ли. Беременность Катерины Андреевны удержала меня: без чего мы уже были бы с тобою. Опасаюсь ехать с нею по худой дороге Петербургской. – Бедной Петр Алексеевич оставил нас после ужасного страдания. Я видел его за день до смерти и сам снова занемог на несколько дней. Елисавета Семеновна сделалась тенью; положение ее горестно с разных сторон. Она теперь в деревне у мачихи покойного; а когда возвратится, то я напишу к тебе, чем можешь одолжить ее.

Я был уверен, что Гр. Хвостов представит тебе мой ответ на его письмо. Он пишет действительно для своего удовольствия: в чем можем ему завидовать.

Радуюсь славе твоего нового Прокурора, Кокошкина. Он не даром съездил в Петербург. И наш Князь Петр собирается ехать в вашу столицу вкуса, пожинать Аполлоновы лавры. Москве не до стихов. Пожалуй, любезнейший, скажи мне чтонибудь об Огаревых. Здоровы ли они после своей горести, в которой брали мы живейшее участие?

Все мы Карамзины, большие и малые, обнимаем тебя с сердечною любовью, как нашего вернейшего и милейшего друга. Навеки твой».

Карамзин, 1866. С. 182–183 (№ 170).

Июнь, 30. Вторник. Село Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезнейший друг!

Перечитывая твое последнее письмо, справедливо или нет я подумал, что ты на меня сердит: ошибаюсь ли? Успокой меня. Не хочу угадывать и оправдываться прежде времени, чтобы не быть смешным даже и в глазах Друга. Знаю твою нежность (сказал бы деликатность, да боюсь Шишкова), но знаю и любезную твою искренность.

Вообрази, что я только на сих днях получил от тебя Шатобриана и речь Гнедича: этот пакет лежал около месяца на почте, потому что живу в деревне. Благодарю тебя, любезнейший. Своими заметками ты предупредил мое увьи! Все хорошо. Мы победили Наполеона: скоро удивим свет и нашим разумом. Жаль, что я из могилы не услышу рукоплесканий Европы в честь наших Гениев Словесности.

На сих днях я получил письмо от Нижегородского Прокурора, которой исполнен живейшей благодарности за твою к нему милость. Надеюсь, что он изъясит то на деле: будет прилежен и честен как Баярдова шпага.

Елисавета Семеновна еще не возвратилась от могилы своего доброго мужа, а нашего доброго приятеля. После отчаяния горесть, а в горести хлопоты, которых будет ей не мало, и каких я не хотел бы оставить своей жене.

Твой Московский Прокурор, увенчанный лаврами, сам привозил ко мне пакет от Уварова в дом Селивановского. Я не видел его. Он с восторгом говорит о милостях к нему Императрицы; а Василий Пушкин лезит из кожи, доказывая, что он читает лучше Кокошкина».

Карамзин, 1866. С. 183–184 (№ 171).

1814. Июнь. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 75. № 12 (июнь), С. 258–271) напечатано стихотворение Карамзина «*Освобождение Европы и слава Александра I*» («Конец победам! Богу Слава!..»).

Июль, 2. Четверг. Петербург.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому:

«Спешу изъявить вам сердечную благодарность мою за обязательное ваше письмо и благосклонное приветствие меня с получением новой награды от великодушного государя. Чувства, с которыми я принял ее – неизъяснимы. Твержу только про себя старый мой стих: да будет счастье и слава вечно с ним!

Искренно могу вас уверить, что отсутствие ваше из Москвы весьма для меня ощутительно. Сказанное вами о моей беседе, по всей справедливости, приличнее мне обратиться к вашей; она истинно была для меня любопытна: вы были свидетели великих подвигов, необыкновенных переворотов; видели лицом к лицу знаменитых виновников оных; вы беседовали с Виландом, Гете и лучшими умами Франции; после столь громких имен, могу ли я без смущения благодарить вас, что вы обещаете когда-нибудь в записках ваших вспомнить и меня, неприметную точку на поприще словесности; вся моя авторская жизнь упишется на одной строчке.

Заканчаю покорнейшею просьбою о продолжении ко мне вашей приязни, весьма для меня лестной, и свидетельством душевного почтения, с которым навсегда имею честь пребыть и проч.».

РС. 1901. Март. С. 719–720; см. также: Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // РС. 1899. Декабрь. С. 552–553.

Июль, 3. Пятница. Москва.

В «Вестнике Европы» (№ 13. С. 9–12) напечатано стихотворение «К другу стихотворцу» («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!»). Подпись: «Александр Н. к. ш. п» (анаграмма фамилии Пушкина). Это первое появившееся в печати стихотворение Пушкина.

Летопись, 1991. С. 76.

Июль, 4. Суббота. Казань.

Избран почетным членом имп. Казанского Университета. Вместе с И. И. Дмитриевым почетными членами Казанского университета были избраны: гр. Н. П. Румянцев, кн. Г. С. Волконский, Г. Р. Державин.

Список почетных членов имп. Казанского университета, со времени преобразования его. Составлен 21 мая 1866 года // *Известия и Ученые записки Казанского университета*. Казань, 1866. Вып. 2. С. 209. (Сообщено И. А. Новицкой).

Июль, 7. Петербург.

Узаконение, подготовленное при Министре юстиции И. И. Дмитриеве, о «возбранении совершать крепостные акты на покупку личными дворянами крестьян и дворовых людей».

Иванов, 1863. С. 123.

Июль, 12. Воскресенье. Село Остафьево.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Последним твоим письмом я был довольнее, нежели двумя предпоследними: мне кажется, что оно писано не в меланхолическом расположении, которого не люблю ни в себе, ни в тебе. Ты говоришь о приятной погоде, о веселой комнате, о цветах, хотя упоминаешь об Экспедиторах; хотя жалеешь о своем Московском саде: однакожь вижу отсюда, что в эту минуту ты менее прежнего скучал своею Петербургскою жизнью. Будь здоров и спокоен: это главное. – Я очень рад, что ты доволен Огаревым, в судьбе которого беру искреннее участие: она совсем не розовая; а он достойной человек. – Автор Мелодрамы был, сказывают, доволен твоею похвалою. Он скромной стихотворец и позволил нашему Князю Вяземскому марать без милосердия его пролог: вышло, что ты читал; не хорошее, но сносное. – Я любопытен видеть Французские книжки, о которых ты говоришь; может быть

найду их в Москве. – На сих днях я получил из Павловского... угадай, что? Розу, сорванную для меня, смиренного, рукою Императрицы и высушенную Нимфами тамошних садов, в награду, как сказано, за мое смиренное стихотворение. В то же время предложили мне загадку: «Что мешало Ю. А. Нелединскому быть совершенно щастливым, когда он в беседке Флоры, сидя между Государынею и Великою Княжною читал им мою безделку, в приятной вечер, близь кристальных вод?» Я отвечал: комары! и думаю, что не ошибся. Похвали нового Эдипа. Сфинксова загадка была не мудренее этой. Милость Государыни трогает мою душу. Ты верно при случае скажешь Ей, как все знаки Ее благоволения для меня бесценны. – Прости, любезнейший. Все мои обнимают тебя. Катерина Андр. с трудом ходит от беременности. Нездоровье Наташи нас очень беспокоило. Теперь ей лучше. Я как-то уныл духом. Будь веселее меня. Навеки твой

Н. Карамзин.

PS. Любезнейший друг! Я распечатал это письмо, чтобы приписать к тебе несколько строк из Москвы, после моего свидания с Елисаветою Семеновною Обрезковою. Она как тень; вся высохла. Помоги ей. Получишь от нее письмо, а другое к Государю. Постарайся, чтобы оставили ей жалованье и столовые деньги покойника: это составляет не более 5500 рублей. Может быть, она не долго проживет. Петр Алексеевич не нажился в службе, и оставил 200 тысяч рублей долгу; а имение худое».

(На обороте письма адрес рукою Карамзина:)

«Его Превосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу
Дмитриеву,
Г. Министру Юстиции.
В С. Петербурге».

Карамзин, 1866. С. 184–185 (№ 172).

Июль, 13. Понедельник. Петербург.

Рано утром имп. Александр I проезжает через Царское Село в Петербург.

Дмитриев, 1866. С. 227–228: «В тринадцатый день июля столица обрадована была прибытием Императора из за границы. С первым пушечным выстрелом, многие, в том числе и я, поскакали во дворец на Каменный Остров. Государя там еще не было. Сказали нам, что он из Казанского Собора отправился к Графу Салтыкову, бывшему тогда нездоровым. Наконец мы имели щастие дожидаться Государя. Он был весел, много изволил говорить о минувшей войне, и по беспристрастию своему счастливый конец оные относил единственно к благодати провидения, не скрывая того, что наше войско, быв уже на пути к Парижу, неоднократно находилось близким к отступлению. Его Величество удостоил меня по прежнему ласковым словом...»

Июль, 14. Вторник. Петербург.

Несостоявшаяся встреча с Александром I.

Дмитриев, 1866. С. 228: «Ободрен будучи сим, я на другой же день отправился во дворец, взяв с собою бумагу, присланную ко мне, как выше сказано, из армии от Графа Аракчеева. Придворный камердинер доложил обо мне, и вынес ответ, что если нет большой нужды, то ожидать для доклада другого дня. В тот же день узнал я, что и Министру Финансов было отказано. Чрез несколько дней после того Граф Салтыков сообщил мне рескрипт на его имя, в котором, по откупным делам, употреблены выражения, изъявляющие неудовольствие на действия Министра Финансов и самого Сената. Гурьев сказался больным и перестал выезжать из дома, но продолжал изыскивать все способы к своему оправданию...».

Июль, 22. Среда. Петергоф.

Присутствует на празднике по случаю дня рождения вдовствующей имп. Марии Федоровны.

Дмитриев, 1866. С. 228–229: «Между тем, в 22 день Июля, наступило празднование дня рождения вдовствующей Императрицы. Вся столица перенеслась в Петергоф. Дворец окружен был народом, а проходные комнаты наполнены служащими и отставными. Государь, при выходе из церкви, оставаясь в приемной комнате, обращался ко всем Министрам с обыкновенным своим благоволением.

Говорил даже с некоторыми из Сенаторов. Меня же не удостоил не только словом, ниже взглядом: та же участь была и Сенатору Болотникову, отправлявшему должность мою, в продолжении моего отпуска. Тут я увидел ясно, что дворские ухищрения произвели свое действие. В последствии же узнал, что Князь Салтыков (тогда он уже получил достоинство Светлейшего Князя), при первом свидании с Государем, испросил у него позволение прислать к нему Молчанова с докладами по Комитету; что последний в тот же день и был принят. Вероятно этот случай и послужил к обвинению меня и Болотникова. Последнего, может быть из одной предосторожности, чтобы не допустить его быть моим преемником, ибо всем известно было давнее наше знакомство и доброе согласие. Тогда же дошло до меня, что Государь изволил отзываться пред одною особою, будто я стал ленив и очень горд, а потому и задал мне урок в смиреннии.

...Вскоре потом я получил приглашение к императорскому столу на Каменный Остров. Это будет вторичный урок, думал я, и с спокойным духом отправился на остров. Но добрый Государь, сверх чаяния моего, обошелся со мною по прежнему. Даже, минуя нескольких особ, стоявших выше меня, подходил ко мне, и потом уже в мою очередь еще удостоил меня двумя тремя словами.

Такой благосклонный прием решил меня на другой день повторить мою просьбу о назначении мне дня доклада по нужнейшим делам Сената; но ошибся в моей надежде. Три дня прошло, и не было ответа. Тогда нимало не мешкав, я написал к Государю вторичную просьбу о увольнении меня не из одного Министерства, как то было сказано в первой, но уже *вовсе* от службы и об решении моей участи прежде отбытия на Венский Конгресс, назначенного на другой или на третий день его тезоименитства. Запечатав прошение мое в пакет, поехал с ним на Каменный Остров и отдал его камердинеру, для вручения Государю.

Между тем положение Министра Финансов переменялось. Испрошенное им объяснение пред Графом Аракчеевым и другие побочные старания помогли ему оправдаться; в следствие чего он получил орден св. Владимира первой степени и прежний вес в Сенате, равно как и в Государственном Совете.

Еслибы я пошел тем же путем, может быть, и мне удалось бы иметь равный успех; но я не мог сделать себе насилия; имел уже однажды свободный доступ к Государю, по званию Министра, а я не мог решиться на принесение оправданий моих чрез *посредника*. Мне легче было расстаться с своим местом, чем занимать оное с потерянными правами своими и возможности быть вполне полезным...».

Июль ... Август. Москва.

Выходит книга «Сочинения И. И. Дмитриева. Изд. Четвертое. Ч. 1–3. М., 1814. В Типографии С. Селивановского».

Эпиграф: Il veut le souvenir de ceux qu'il a chers.

Ценз. разр. «Третье издание печатано в Москве 1810 года, с одобрения Ценсурнаго Комитета учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета».

Часть Первая.

Содержание Первой Части.

Лирические Стихотворения

Ермак («Какое зрелище пред очи...») – С. 1–8; *Освобождение Москвы* («Примите древния, дубравы...») – С. 9–15; *К Волге* («Конец благополучну бегу!...») – С. 16–19; *Смерть Князя Потемкина* («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 20–23; *Глас Патриота на взятие Варшавы* («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 24–26; *Стихи на Высокомонаршую милость, оказанную Императором Павлом Первым потомству Ломоносова* («О радость! дайте, дайте лиру...») – С. 27–28; *Песнь на день Коронования Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Павловича* («И я, питомец Аполлонов...») – С. 29–31; *Гимн Богу* («Парю душой, к тебе всечтимый...») – С. 32–33; *Размышление по случаю грома* («Гремит!.. благоговей, сын персти!...») – С. 34–35; *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молнии нисходит...») – С. 36–37; *К Гавриилу Романовичу Державину* («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?...») – С. 38–39; *Подражание Горацию: Ода VII из книги XIII* («Пловец, под тучею нависшей...») – С. 40–42; *Ода III из I книги* («Лети корабль, в свой путь с Вергилием моим!...») – С. 43–44; *Ода I из III книги* («Служитель Муз, хочу я истину воспеть...») – С. 45–46.

Смесь

Сатиры

Чужой толк («Что за диковинка?...») – С. 49–55; *Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благородстве* («Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...») –

С. 56–66; Примечания к Ювеналовой сатире – С. 67; Эпиграммы. I. «Мне Лекарь говорил...» – С. 68; II. «За что Ликаста осуждают...» – С. 68; III. «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...» – С. 68; IV. «Я разорился от воров...» – С. 69; V. «Увы! – Дамон кричит – мне Нина неверна!..» – С. 69; VI. «О Бардус!..» – С. 69; VII. «Хорош бы Фока был...» – С. 69; VIII. «Он врал...» – С. 69; IX. «Подзобок на груди...» – С. 70; X. «На дурные оды по случаю рождения...» – С. 70; XI. «Кто как не говори...» – С. 70; XII. «Поэт Оргон...» – С. 71; XIII. «Что легче перышка...» – С. 71; XIV. «Как! Рифмин жив...» – С. 71; *План Трагедии с хорами* («Лапландской Князь, жених...») – С. 72–74; *Триссотин и Вадиус* («Вы истинный Поэт!..») – С. 75–79.

Послания

I. *От Английского Стихоторца Попа к Доктору Арбутноту* («Иван! запри ты двери...») – С. 80–99; II. *К Г. Р. Державину, по случаю кончины первой супруги его* («Державин! Ты ль сосуд печальной, но драгой...») – С. 100–102; III. *К Н. М. Карамзину* («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 103–106; IV. *К Графу Николаю Петровичу Румянцову* («Что может более порадовать певца...») – С. 107–108; V. *К друзьям моим, по случаю первого с ними свидания после моей отставки* («В Москве ль я наконец! со мною ли друзья...») – С. 109–111.

Надписи

1. *К бюсту Императора Александра I* («Потомство! Россиян завидуй торжеству...») – С. 112; 2. *К портрету Ивана Ивановича Шувалова* («С цветущей младости до сребренных власов ...») – С. 112; 3. *Князя Итальяского* («Суворова здесь лик Искусство начертало ...») – С. 112; 4. *К его же портрету* («Се Росс, Авгарян бич...») – С. 113; 5. *К бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайского, поставленной Графом Завадовским в его деревне* («Почтенный лик! когдаб ты был изображен...») – С. 113; 6. *К памятнику мореходца Шелехова* («Как царства падали к стопам Екатерины...») – С. 113; 7. *К Портрету древняго Рускаго Историка Нестора* («Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...») – С. 114; 8. *Михайла Матвеевича Хераскова* («Пускай от зависти сердца в Зоилах ноют...») – С. 114; 9. *Гавериила Романовича Державина* («Державин в сих чертах блистает...») – С. 114; 10. *Н** А** Бекетова* («Воспитанник любви щастия богини...») – С. 114.

Надгробия

I и II. *Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему Московскому Градоначальнику* («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – С. 115–116; II. «Не дрогнет начертать на камне сем резец...» – С. 116; III и IV. *Матери и сыну* («Здесь мать двух близнецов почила в свете лет...») – С. 117; IV. «Когда и дружество струило слез потоки...» – С. 116; V. *В-И-С* («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...») – С. 116–117; VI. *И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки* («Привесьте...») – С. 117; VII. *Ему же* («В спокойствии...») – С. 117; VIII. *Ему же* («На урну...») – С. 117; IX. *Ф-М-Д* («Любезнаго и прах останется ль безвестным?..») – С. 118; X. *В-А-В* («Здесь тихая могила...») – С. 118; *Стихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова. К Прасковье Ивановне Мятлевой* («Стени, дочь нежная, над урною отца!..») – С. 119.

Часть Вторая.

Содержание Второй Части.

Смесь

Тибуллова Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 1–5; *Счет поцелуев* («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 6–7; *Признание* («Темира! виноват; ты точно отгадала...») – С. 8; *Сила Любви* («Кто в страсти не ревнив?..») – С. 9; *Элегия* («Коль надежду истребила...») – С. 10; *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке?..») – С. 11; *Спор на Олимпе* («Прочь, слабое дитя!..») – С. 12.

Песни.

I. «Видел славный я дворец...» – С. 13–14; II. «О любезный! о мой милой!..» – С. 15; III. «Други! время скоротечно...» – С. 16; IV. «Юность! юность веселися...» – С. 17;

V. «Без друга и без милой...» – С. 18–19; VI. «Тише, ласточка болтлива...» – С. 20; VII. «Бедно сердце...» – С. 21; VIII. «Ах! когда б я прежде знала...» – С. 22; IX. «Пой, скажи, кружись Параша...» – С. 23; X. «Куда мне, сердце страстно...» – С. 24; XI. «Что с тобою, ангел стало...» – С. 25; XII. «Всех цветочков боле...» – С. 26; XIII. «Все ли, милая пастушка...» – С. 27; XIV. «Стонет сизой голубочек...» – С. 28–29; *К Ф. М. Д.***. Сочинившему голос на песню мою: Голубок* («Нежный ученик Орфея...») – С. 30; *Стансы. К Н. М. Карамзину* («Прочь от нас, Катон, Сенека...») – С. 31–33; *Наслаждение* («Всяк в своих желаньях волен...») – С. 34–35; *Стансы* («Я щастлив был во дни невинности безлечной...») – С. 36; *Быль* («Даруй мне, Муза, тон согласный...») – С. 37–38; *Старинная любовь*. Баллада («Как мило жили в старину!..») – С. 39–41; *Меланхолик*. Романс, подражание Французскому («Как сын проклятия скатаюсь...») – С. 42–43; *Людмила*. Идиллия («Кого мне Бог послал среди уединенья?..») – С. 44; *Мадекасская Пленница* («Младая пленница! не проклинай войну...») – С. 45–46; *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 47–49; *Карриатура* («Сними с себя завесу...») – С. 50–54; *Надписи к Портретам*. I. «Глядите: вот Ефрем...» – С. 55; II. «Какой ужасный, грозный вид!..» – С. 55; III. «Смейтесь, смейтесь, что я шую...» – С. 55; IV. «И это человек?..» – С. 55; Эпитафии. I. «Здесь Бригадир лежит...» – С. 56; II. «В надежде будущих талантов...» – С. 56; III. «Увы! Здесь погребен мой милый попугай...» – С. 56; IV. «Под холодной кочкой сей Вралева хладный прах...» – С. 57; V. «Полвека стан его возили в сей юдоли...» – С. 57; VI. «Прохожий, стой!..» – С. 57; *Эпитафия Эпитафиям* («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...») – С. 58; *Кенотафия* «Покорствуя судеб уставу...» – С. 59; *Экспромт на игру Дица* («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...») – С. 60; *Мадригалы*. I. «Нет, Хлоя! не могу я страсти победить...» – С. 61; II. «По чести, от тебя не можно глаз отвести...» – С. 61; III. «Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...» – С. 61; *Надписи к Портретам*. I. «Что мне об ней сказать?..» – С. 62; II. «Лишь взглянешь на нее...» – С. 62; III. «Вот мой тебе портрет...» – С. 62; IV. «Я лучшей не могу хвалы ему сказать...» – С. 62; V. «Вот милый всем творец!..» – С. 63; VI. «Янтарная заря, румяный неба цвет...» – С. 63; *К Венереной статуе*. Из Антологии («Парис и Марс, о том ни слова...») – С. 64; *Эпиграмма*. Оттудаж («Леандр, в последний раз возникнув из валов») – С. 65; *Надписи к Амуру*. I. «Открыт, как истина...»; II. «Кто б ни был ты...»; III. «Стреляй, о милый враг...» – С. 66; *К Альбому К* Н* И* К...й* («Что пред соперницей Эраты наше пенье!..») – С. 68; *К*** котоя хотела испортить часы...* («Ах, Лиза! мне ль на то сердится...») – С. 69; *Слабость* («Мне Хлоя сделала решительный отказ...») – С. 70; *На случай получения от неизвестной особы вышитаго на канве Геня* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством...») – С. 71; *Загадка* («Нет голоса во мне, а все я говорю...») – С. 72; *Путешествие* («Начать до свету путь и ощупью идти...») – С. 73; *К Приятелю, который, по сходству двух различных фамилий, часто принимал одну вместо другой* («Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь...») – С. 74; *Близнецы* («Кого вам надобно?» – «Я дом ищу Разврата») – С. 75; *Амур и Дружба* («Сестрица, душная...») – С. 76; *История Любви* («Любовник в первый день признаньем забавляет...») – С. 77; *Люблю и любил* («Люблю – есть жизнью наслажденье...») – С. 78; *Супружняя молитва* («Один предобрый муж имел обыкновенье...») – С. 79; *К***. *О выгодах быть любовницею Стихотворца* («Прелеста, веселись! мой рок уже решился...») – С. 80–83; *К****, *при сообщении ей других стихов* («Дельфира! вот стихи, которых ты желала!..») – С. 84–86; *К младенцу* («Дай собой налюбоваться...») – С. 87–89; *К А[нне]–Григорьевне–С[авериной]...й, на вызов ее написать стихи* («Ах, когда бы в древни веки...») – С. 90–91; *К ней же* («Какое зрелище для нежных души...») – С. 92–93; *К ней же, в день ее рождения* («Вступая в новый год...») – С. 94; *К Маше* («Я не Архангел Гавриил...») – С. 95–96; *Грусть* («Влекомо унынием сердечным...») – С. 97–98.

Сказки

I. *Филемон и Бавкида* (С Ланфонтенова подражания Овидию) («Ни злато, ни чины, ко щастью не ведут...») – С. 101–107; II. *Модная жена* («Ах, сколько я в мой век

бумаги исписал!..») – С. 108–115; III. *Воздушныя башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – С. 116–122; IV. *Картина* («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 123–127; V. *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 128–143.

Часть Третия

Содержание Третьей Части.

Басни.

Книга первая.

1. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию...») – С. 1–2; 2. *Петух, Кот и Мышенки* («О дети, дети! как опасны ваши лета!..») – С. 3–4; 3. *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители в преданиях своих...») – С. 5–6; 4. *Чижик и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 7–8; 5. *Месяц* («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – С. 9; 6. *Лиса-Проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 10–12; 7. *Ласточка и Птички* («Летуныя Ласточка и там и сям бывала...») – С. 13–15; 8. *Часовая Стрелка* («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – С. 16; 9. *Человек и Конь* («Читатели! хотите ль знать...») – С. 17–18; 10. *Лебедь и Гагары* («За то, что Лебедь так и бел и величав...») – С. 19; 11. *Ружье и Заяц* («Трусливых наберешь нимало...») – С. 20–21; 12. *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 22–23; 13. *Каретныя Лошади* («Две Лошади везли карету...») – С. 24; 14. *Два Голубя* («Два голубя друзьями были...») – С. 25–29.

Книга вторая.

1. *Мудрец и Поселянин* («Как я люблю моих героев воспевать...») – С. 31–33; 2. *Молчание Соловья* («Умолк Соловушка! конечно бедный болен...») – С. 34; 3. *Калиф* («Против Калифова огромного дворца...») – С. 35–36; 4. *Осел, Обезьяна и Крот* («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал...») – С. 37; 5. *Амур, Гимен и Смерть* («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – С. 38; 6. *Прохожий* («Прохожий в монастырь зашедши на пути...») – С. 39; 7. *Два друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – С. 40–41; 8. *Совесть* («Не тигр, а человек, – и сын ..убил отца!..») – С. 42–43; 9. *Дряхлая Старость* («Возможно ли, как в тридцать лет...») – С. 44–45; 10. *Дон-Кихот* («Надсевшись Дон-Кихот с баранами сражаться...») – С. 46–48; 11. *Муха* («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – С. 49; 12. *Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто царедворец...») – С. 50–51; 13. *Кокетка и Пчела* («Прелестная Лизета...») – С. 52–53; 14. *Горесть и Скука* («Бедняк, не евши день, от глада...») – С. 54; 15. *Полевой Цветок и Гвоздика* («Простой цветочек, дикой...») – С. 55; 16. *Молитвы* («Благочистивый муж стоял в преддверьи храма...») – С. 56–57; 17. *Слепец и расслабленный* («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 58–59.

Книга третья.

1. *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 61–65; 2. *Башмак, мерка равенства* («Да что ты, долгой, возмечтал?..») – С. 66; 3. *Человек и Эхо* («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») – С. 67; 4. *Три Льва* («Его величество, Лев сильный, Царь зверей...») – С. 68; 5. *Две Лисы* («Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...») – С. 69; 6. *Суп из костей* («О времена! о времена!..») – С. 70; 7. *Мальчик на столе* («Как я велик! с стола мальчишка всем кричал...») – С. 71; 8. *Пустынный и Фортуна* («Какой-то добрый человек...») – С. 72–73; 9. *Отец с сыном* («Скажите, батюшка, как частия добиться?..») – С. 74; 10. *Шарлатан* («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») – С. 75; 11. *Книга «Разум»* («В начале мирозданья...») – С. 76; 12. *Два Веера* («В гостиной на столе два Веера лежали...») – С. 77; 13. *Пчела и Муха* («Здорово, душенька! влетя в окно, Пчела...») – С. 78–79; 14. *Слон и Мышь* («Как ни велик и силен Слон...») – С. 80; 15. *Бык и Корова* («Как жалок ты! Быку Корова говорила...») – С. 81; 16. *Смерть и Умиращий* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 82–84.

Книга четвертая.

1. *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дому отлучиться...») – С. 85–87; 2. *Верблюд и Носорог* («Верблуду говорил однажды Носорог...») – С. 88; 3. *Рысь*

и *Крот* («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») – С. 89–90; 4. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 91; 5. *Жаворонок с детьми и Земледелец* («Пословица у нас: На ближних уповай...») – С. 92–94; 6. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 95; 7. *Желания* («Сердися Лафонтен иль нет...») – С. 96–99; 8. *Нищий и Собака* («Большой боярский двор Собака стерегла...») – С. 100; 9. *Сверчки* («Два обывателя столицы безымянной...») – С. 101–102; 10. *Осел и Кабан* («В навозе вскормленный и вызревший Осел...») – С. 103; 11. *Летучая Рыба* («Есть рыбы, говорят, которые летают...») – С. 104; 12. *Разбитая Скрипка* («Срипица дюжинна упала и разбилась...») – С. 105; 13. *Три Путешественника* («С восточном солнечным переходя лужок...») – С. 106–107; 14. *Змея и Пилявица* («Как я несчастна!..») – С. 108; 15. *Орел и Каплун* («Юпитеров Орел за облака взвивался...») – С. 109–110; 16. *Магнит и Железо* («Природу одолеть, превыше наших сил...») – С. 111. 17. *Старик и трое Молодых* («Старик, лет в семдесят, рыл яму и кряхтел...») – С. 112–113; 18. *Лев и Комар* («Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!..») – С. 114–115; 19. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку Фортуны не искал?...») – С. 116–120; 20. *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь, прогуливаясь в поле...») – С. 121–123.

Август, 3. Петербург.

Постановление Священного Правительствующего Синода, Государственного Совета и Правительствующего Сената «на выбитие медали и на сооружение памятника», которые бы «достойны были передать потомству славную для России эпоху» (ПСЗ. № 25629; подготовлено И. И. Дмитриевым).

Иванов, 1863. С. 123.

Август, 13. Четверг. Петербург.

Избирается почетным членом Петербургской духовной академии.

Дмитриев, 1866. С. 109 (текст диплома на лат. языке).

Август, 29. Суббота. Петербург.

Отставка Дмитриева.

Дмитриев, 1866. С. 230–232: «Двадцать девятый день Августа был последним днем моего служения. Поутру получил я, не помню от Фельдмаршала ли Князя Салтыкова или от Графа Аракчеева два высочайшие повеления: первое, чтобы при торгах по винному откупу присутствовать Князю Лопухину и Сибирскому Генерал-Губернатору Пестелю, второе, чтобы в день тезоименитства Императора (30 Августа), перед обеднею, пригласить Сенаторов в Сенат для выслушания высочайших указов.

Вечером того же дня Первый департамент открыл первое заседание для прочтения новых условий собравшимся для торгов по винному откупу. Зала Общего Собрания, место присутствия, была ими наполнена. Заседание долго не открывалось, в ожидании Князя Лопухина, который заехал к Графу Аракчееву. Наконец и он прибыл. Бодрый вид его, не всегда ему свойственный, заставил всех присутствующих что то отгадывать. Начались переговоры на счет условий. Сенатор Молчанов с прежнею надежностью стал было говорить в пользу откупщиков; но Князь Лопухин кратким отпором заставил его побледнеть и потупить глаза. Потом он, обратясь к трем депутатам или ораторам из толпы откупщиков, говорил с ними довольно резко; даже позволил себе слишком неблагоприятные отзывы на счет Статского Советника Безака, управлявшего домовою конторою откупщика Переца. Все не спускали глаз с Князя Лопухина. Пестель шепотом говорил мне, что он не узнает его, и сожалел о неприличной его запальчивости, но я отгадывал источник его смелости, и не дивился».

Август, 30. Суббота. Петербург.

Выходит в отставку с поста министра юстиции.

Дмитриев, 1866. С. 231–232: «На другой день поутру подают мне присланные в Департамент указы, между прочими находился и об моей отставке и высочайший рескрипт на мое имя. Государь изволит изъявлять в нем монаршее свое благоволение за мою министерскую службу и жалует в пенсию ежегодно по десяти тысяч ассигнациями. Приемником же моим назван Действительный Тайный Советник Дмитрий Прокофьевич Трошинский. Он уже находился в столице в числе Депутатов избранных от киевского дворянства для поздравления Государя с благополучным окончанием войны и возвращением в отечество.

Я тотчас надел в последний раз парадный министерский мундир, и поехал в Сенат. Сенаторы уже были в полном собрании, кроме одного Молчанова, приславшего сказать, что он болен. Я велел

Обер-Секретарю читать указы, отдавая ему один за другим. Об отставке же моей вместе с рескриптом и о преемнике моем были последними. Потом, разпростясь с Сенатом отправился в Невский монастырь, а оттуда в Таврический Дворец к обеденному столу, к которому приглашен был накануне.

Император, обходя Министров, изволил сказать мне: «ты непременно хотел отставки, и не однажды о том просил меня. Должно было наконец исполнить твое желание». Я отвечивал только почтительным поклоном. Добрый Государь, отступя от меня, еще обратился ко мне и повторил обыкновенную свою шутку, что я *мнимый больной*. Все это сказано было конечно для того, чтоб уверить предстоявших в продолжении всемилостивейшего ко мне благоволения. В следующий день я приглашен был опять уже к малому обеденному столу. Государь, до обеда и после, благоволил удостоить меня несколькими словами: между прочим не одобрял моего намерения поселиться в Москве на *пепелище*...».

Август, 30. Петербург.

Рескрипт имп. Александра I об отставке И. И. Дмитриева:

«Высочайший Рескрипт.

Иван Иванович! Удовлетворяя неоднократно принесенным от вас просьбам, я увольняю вас от службы, и в знак благоволения моего к оной, назначаю вам пенсион по десяти тысяч рублей в год.

Пребываю засим благосклонный

АЛЕКСАНДР

С. Петербурга.

Августа 30 дня

1814».

Дмитриев, 1866. С. 258.

Сентябрь, 4. Четверг. Петербург.

Письмо к графу Н. П. Румянцеву:

«Милостивый государь, граф Николай Петрович.

Почтенное письмо вашего сиятельства я имел честь получить чрез чиновника иностранной коллегии и тогда же покровительствуемого вами молодого человека определил в департамент. Весьма сожалею, что не мог исходатайствовать Новосильцеву награду за добрую службу его: записка об нем давно была изготовлена, но я во все пребывание Императора не имел счастья докладывать, почему и не мог ничего более сделать, как передать ее, вместе с прочими, моему преемнику. Теперь я замешкался отъездом моим в Москву только потому, что ищущи еще занять денег для расплаты с должниками и на дорогу. Позвольте, ваше сиятельство, прибегнуть еще к вашему снисхождению и покорнейше просить вас позволить мне дней на десять, не более, занять комнаты три в ваших антресолях. Надеюсь, что к этому времени поспеет несколько перегородка вверх и в моем строящемся доме. Накануне вашего отбытия из Петербурга я приезжал к вам откланяться и принести душевную благодарность мою за все доказательства вашего ко мне благорасположения, но не застал уже вас в загородном доме. Впрочем, с душевным высокопочтанием имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1893. Т. II. С. 220–221.

Сентябрь, 9. Вторник. Москва.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Здравствуй, любезнейший!

Радуюсь и сожалею: радуюсь, что могу скоро увидеть тебя и прижать к сердцу; жалею, что ты оставил службу, в которой я, по любви к отечеству и Государю, хотел бы видеть всех умных и честных людей. Но так угодно Богу и тебе! Вы лучше моего знаете дело. Приезжай же скорее к нам, друзьям старинным и верным, если не веселиться, то по крайней мере жить спокойно. Пусть заглядывают к нам и добрые Музы: я еще умею плакать от них, не завидуя смеху, которой со мною раззнакомился. —

Мы уже совсем переехали в город. Весь дом наш в Кашле. Ожидаю с беспокойством, однакожь и с надеждою на милость Божию, родин Катерины Андр. Будь здоров и спокоен. Дом твой уже в шляпе и не боится осенних дождей: стоит гигантом и смотрит вокруг себя на пустыри; но едва ли примет хозяина прежде весны. Сто раз обнимаю тебя, милого, истинного Друга. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 186 (№ 173).

Сентябрь, 10. Среда. Петербург.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему минуло 54 года.

Сентябрь (перв. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 77. № 17. Сентябрь. С. 32) напечатаны «*Стихи на четвертое издание сочинений Ивана Ивановича Дмитриева*» («Раз сорок я читал издания сих стихов...»). Подпись: к. Ш-в (князь П. И. Шаликов). Ему же принадлежит и пояснение после заглавия: «Почтенный автор, в отсутствии своем, поручил мне смотрение за печатанием».

Сентябрь, до 21. Москва.

Приезд из Петербурга.

Сентябрь, 21. Воскресенье. Москва.

Письмо к В. В. Измайлову:

«Охотно повторяю вам, любезный Владимир Васильевич, прежний мой стих и радуюсь, что опять с вами. На другой же день моего приезда я посылал просить вас к себе обедать, но, к сожалению, узнал, что вы еще не возвратились. Выздоровливайте скорее и приезжайте к нам на житье. Поля уже лишились своих прелестей. Я много привез новостей фр.[анцузской] литературы; от доброго сердца поделюсь с вами для вашего журнала. Кстати вспомнить: очень благодарю вас за «Бродягу».

О деле вашем предоставляю поговорить с вами при первом свидании. Между тем с душевным почтением был и всегда пребуду преданнейшим вам

Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 418.

Сентябрь, 21. Москва.

Карамзин в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Болезни и беспокойства вогнали нас прежде времени в город. Теперь жду разрешения жены моей и беседую с Иваном Ивановичем. Если Бог даст, то после завтра начну царя Иоанна. А кончу ли? Обнимаю вас мысленно. Не забывайте меня и Аверкиева!

Поклон с добрым словом С. С. Уварову, Блудову, Батюшкову, которого благодарю за сочинение о М. Н. Муравьеве. Будьте здоровы и любите преданного вам Н. Карамзина».

РС, 1819. Февраль. С. 467 (№ 23). Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева, изданных по его кончине в Москве в 1810, напечатано в «Сыне Отечества» (1814. Ч. XVI. № 35).

<1814. Сентябрь. Москва>.

Записка к кн. Вяземскому:

«Покорнейше прошу вас, любезный князь Петр Андреевич, пожаловать ко мне откушать во вторник; вместе с старыми приятелями и новоприехжими иногородцами очень рад будет вас видеть, искреннейший ваш почитатель Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 126 (№ 3). Датировка письма Н. Барсукова (СН. 1898. Кн. 2. С. 200–201).

Октябрь, 9. Пятница. Москва.

Письмо к графу Н. П. Румянцеву:

«Новое благодеяние и новую дань благодарности приношу от глубины сердца вашему сиятельству. Ежели кто из друзей моих авторов захочет в сочинениях своих оставить следы бытия моего для потомства, то завещаю ему не умолчать и о том, что бывший поэт и министр, возвратясь на родное свое пепелище, обязан был в старости лет своих первым пристанищем и первым успокоением единственно вашему гостеприимству.

Надеюсь, однакож, что и мой домик скоро поспеет. – Уже я в мыслях полагаю, где в кабинете моем поставит почтенные бюсты победителя при Кагуле <графа П. А. Румянцева> и фридрихсгамского миротворца <графа Н. П. Румянцева>. – Это будут почетные места в моем жилище.

Между тем снова поручаю себя лестному для меня вашему благорасположению, с отличным почитанием и преданностию имею честь быть...».

РС. 1901. № 4 (Апрель). С. 122.

Октябрь, 24. Суббота. Москва.

У Н. М. и Е. А. Карамзиных родился сын Андрей (убит 23. V. 1854).

Октябрь, 27 (не позже). Москва.

Карамзин:

«Он с честью был Министр, со славою Поэт;
Теперь для дружества и счастья живет».

Октябрь, 27. Вторник. Москва.

Дата под автографом Дмитриева ч. 1-й «Сочинений И. И. Дмитриева» (М., 1814. Изд. 4-е. Ч. 1–3). Воспроизведение двустипшия Н. М. Карамзина «К портрету сочинителя»: «Он с честью был министр, со славою поэт / Теперь для дружества и счастья живет».

Хранится в РГБ (*Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 2394*).

Ноябрь, 26. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное Г. М. Яценковым на выпуск литературного журнала «Кабинет Аспазии...».

Ноябрь, 29. Воскресенье. Петербург.

Ценз. разрешение на выпуск «Пантеона Русской Поэзии, издаваемый Павлом Никольским» (1814. СПб., Ч. 3. Кн. 5–6. Ч. 4. Кн. 7–8).

Ч. 4. Кн. 7: Батюшков «Послание к И. М. Муравьеву-Апостолу» («Ты прав, любимец муз!..») (С. 79–84; под заглавием: «К И. М. М. А»). Упоминается И. И. Дмитриев и цитируются строки из его стихотворений: «К Волге» и «Ермак»:

«Как часто Дмитриев расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой музыки,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирскаго Пиззара вдохновенный...»

Здесь цит. по: *Батюшков, 1885–1887. Т. I. С. 137–138*.

Декабрь, 1. Вторник. Москва. День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 10. Четверг. Царское Село.

Воспитанник Царскосельского Лицея А. Д. Илличевский в письме в Петербург к своему другу П. Н. Фуссу пишет:

«...Не худо иногда подымать завесу протекших времен, заглядывать в книги отцов отечественной поэзии, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитриева: там лежат сокровища, из коих каждому почерпать должно».

РА. 1864. Изд. 2-е. Стб. 955.

Декабрь, 16. Суббота. Казань.

Н. М. Карамзин избран почетным членом имп. Казанского Университета.

Вместе с Карамзиным почетными членами Казанского университета были избраны: Евгений, епископ Калужский и Боровской [Болховитинов], Н. Н. Новосильцев, д.с.с. И. И. Мартынов, Н. Я. Озерецковский, Н. И. Фусс, Я. В. Виллие (медик), А. А. Крейтон (медик), Я. И. Лейтон (медик), вятский гражд. губ. Ф. И. Фон-Брадке, Г. А. Розенкамф, Вильгельм Мих. Рихтер – проф. Московского Университета, Ф. И. Шуберт (член СПб. АН), И. Ф. Крузенштерн – мореплаватель и др.

Список почетных членов имп. Казанского университета, со времени преобразования его. Составлен 21 мая 1866 года // *Известия и Ученые записки Казанского университета*. Казань, 1866. Вып. 2. С. 211. (Сообщено И. А. Новицкой).

Декабрь, 21. Понедельник. Село Долбино (Лихвинского уезда Калужской губ.).

Жуковский в стихотворном послании «К Воейкову» («О Воейков, видно нам...») упоминает о Дмитриеве.

РА. 1864. Изд. 2-е. Стб. 921–922 (стих 10-й).

Декабрь, 24. Четверг. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович.

Надеюсь, что вы и по приязни вашей ко мне, и по чувствительности вашего сердца не поставите мне в докучливость ходатайство мое об Анне Львовне Пушкиной, сестре Василья Львовича. Она сегодня послала в Благотворительное Общество просьбу об оказании ей вспоможения за потерю дома и всего, что в нем было. Сделайте милость, помогите ей: состояние ее, право, заслуживает сострадания. Возвратясь по неволе на пепелище, должна была две зимы дрогнуть в пакостном домишке за дорогую цену, строиться снова и для того входить в долги, и растреваться на всю жизнь. Как все это тяжело, по себе знаю, и тем убедительнее прошу об облегчении участи Анны Львовны.

С совершенным почтением моим имею честь быть ваш, милостивого государя, покорнейший слуга, Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 4. Стб. 1083–1084; перепечатано: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 221.

1814. Москва. Два письма к Н. П. Голицыной.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 64 (Вяземы). К. 98. № 31.

1814. Батюшков в «Путешествии в замок Сирей» в примеч. упоминает Дмитриева: «Напрасно мы искали в саду мраморного Амура, который некогда стоял под балконом с надписью из Антологии: *Qui que tu sois, voici ton maître* и пр., которую перевел г. Дмитриев:

Кто б ни был ты, пади пред ним
 Был, есть иль будет он владыкою твоим!»

«Путешествии в замок Сирей» впервые напечатано в «Вестнике Европы» (1816. Ч. 74. № 6. С. 136–149); здесь цит. по: *Батюшков*, 1885–1887. Т. II. С. 65.

1814. Петербург.

Выходит книга «Послания в стихах графа Дмитрия Хвостова» (СПб., 1814). Эпиграф на титуле: «Люблю писать стихи и отдавать в печать...» (строка их послания гр. Хвостова «К Ивану Ивановичу Дмитриеву»). Само послание к И. И. Дмитриеву находится на с. 81.

1815

Январь, 10. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович!

Хотя успех и не отвечал моему желанию, тем не менее уверен в вашем доброжелательстве Анне Львовне <Пушкиной>.

Чувствительно благодарю вас за сообщение мне литературных новостей: истолкование псалма довольно любопытно, желал бы и впредь получать подобное. Успел на досуге воспользоваться и отчетом: порадовался успехам и с умилением читал в нем многие письма.

Для чего вы лишили меня прочесть и речи... <фамилия не разобрана> ...желал бы очень сравнить ее с прежнею.

С отъездом Северина из Парижа, я ничего не получаю из французской словесности. Очень одолжен буду вам, если вы обогатите меня излишком.

Что же касается до поэмы Жуковского, я уже читал ее: прекрасных стихов и даже целых мыслей очень много; только я желал бы больше ровности и авторского искусства в концепции, желал бы, чтобы он наблюдал более экономии в *описаниях* и не повторял бы, как иногда случается, одной и той же мысли. Тогда прекрасные стихи его были бы еще совершеннее. Но подаждь Феб, чтобы и эдак у нас больше писали!

Наконец, усерднейше приветствую вас с новым годом, будьте в продолжении одного щастливы во всех отношениях. Это самое неперменное желание пребывающего к вам с совершенным почтением и приязнию, милостивый государь мой, вашего покорнейшего слуги, Ивана Дмитриева».

РС. 1903. № 12. С. 707 (№ 6).

Отчет, о котором пишет Дмитриев, написан был А. И. Тургеневым, в то время правителем дел Женского Патриотического Общества. Написанный им первый отчет деятельности этого общества, напечатан в «Сыне Отечества» (1816 г. Ч. XXXI, № 28).

Январь. Москва.

В «Российском Музеуме или Журнале Европейских Новостей» (№ 1. С. 98) (ценз. разр. 22 декабря 1814 г.; ц-р: Л. Цветаев), помещено объявление о выходе в свет четвертого изд. соч. И. И. Дмитриева.

Примеч. издателя «Российского Музеума» В. В. Измайлова: «Сие новое издание одного из лучших наших классических Поэтов заслуживает подробный разбор, которым надеемся скоро занять Читателей» (С. 98).

Январь. Петербург.

Выходит в свет 1-я книжка литературного журнала «Кабинет Аспазии» (Ценз. разр.: 26 ноября 1814). Здесь в разделе «Изящное» в рубрике «Стихи» (С. 75–81) помещены краткие цитаты из стихотворений И. И. Дмитриева:

С. 75:

«Тот верно стал умней, кто в школе бедствий стал».

<Разбитая Скрыпка.>

Подпись: Дмитриев.

«Розы ль дышут над могилой,

Иль полынь над ней растет,

Все равно, о друг мой милой,

В прахе чувства уж нет!...».

Подпись: Дмитриев.

С. 78:

«Душой прекрасныя – не вянут».

<из «Наслаждения» («Всяк в своих желаньях волен...»). 1792> Подпись: Дмитриев.

С. 80:

«Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит,
Я утро похвалю как вечер уж наступит».

Подпись: Дмитриев.

«Но милую хвалить, как ни хвали – все мало!..».

<«Надпись к портрету» («Что мне об ней сказать?»). 1797> Подпись: Дмитриев.

Январь. Казань.

В «Трудах Казанского Общества Любителей Отечественной Словесности» (№. 1. С. 117–118) сообщается о принятии И. И. Дмитриева в члены Казанского Общества Любителей Словесности.

Февраль. Петербург.

Выходит в свет 2-я книжка журнала «Кабинет Аспазии» (Ценз. разр. 11 декабря 1814). Здесь в разделе «Изящное» (С. 86–92) напечатаны фрагменты стихотворений русских поэтов, среди которых краткие цитаты из Дмитриева.

Это изд-е осталось недоступно составителю. Описано по: *Смирнов-Сокольский Н.* [П]. Русские литературные альманахи и сборники XVIII XIX вв. М., 1965. С. 76.

Февраль – Март. Москва.

В. В. Измайлов печатает в «Российском Музее или Журнале Европейских Новостей» (№ 2 (февр.). С. 170–189; № 3 (март). С. 276–303) пространную критическую статью на только что вышедшее четвертое изд. соч. И. И. Дмитриева.

Март. Петербург.

Выходит в свет 3-я книжка журнала «Кабинет Аспазии» (Ценз. разр. 7 февраля 1815). В разделе «Изящное» (С. 113–115) помещена краткая цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Элегия» («Коль надежду истребила». 1794).

С. 114:

«Естьлиб в нашей было воле,
И любить и не любить,
Стал либ я в злощастной доле
Потаенно слезы лить?..».

Подпись: Дмитриев.

Апрель, 1. Четверг. Петербург.

А. И. Тургенев в письме просит кн. Вяземского передать слова почтения Николаю Михайловичу, Екатерине Андреевне Карамзиным и Ивану Ивановичу Дмитриеву.

ОА. Т. I. С. 30.

Апрель (втор. пол.). Москва.

Отъезд Дмитриева в с. Богородское (или Сызрань).

Май, 24. Понедельник. Петербург.

Ценз. разрешение на выпуск «Пантеона Русской Поэзии, издаваемого Павлом Никольским» (СПб. Ч. 5. Кн. 10; 1815. Ч. 6. Кн. 11–12).

П. Никольским выбраны и напечатаны следующие стихотворения Дмитриева:

Часть 5.

Кн. 9. *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молнии низходит...») – С. 5–7; *Старик и трое Молодых* («Старик, лет в семдесят, рыл яму и кряхтел...») – С. 79–81; *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь...») – С. 82–85.

Кн. 10. *Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благородстве* («Скажи мне, Понтикус...») – С. 204–218; *Причудница* («В Москве и в древни времена...») – С. 219–238; *Слепец и Разслабленный* («И ты несчастлив...») – С. 242–244; *Ласточка и птички* («Летунья Ласточка...») – С. 250–252.

Часть 6.

Кн. 11. *Молитвы* («В предверьи храма...») – С. 106–107; *Песни*: 2. «Я щастлив был во дни невинности беспечной...» – С. 127–128; *Эпиграммы*: 1. «Я разорился от врагов...» – С. 134.

Кн. 12. *Послание от Английского Стихотворца Попа к Доктору Арбутноту* («Иван, запри ты дверь...») – С. 199 – ; *Ружье и Заяц* («Трусливых набережь...») – С. 279–281 (без подписи); *Песни*: 1. «Без друга...» – С. 287–288; *Надписи*: 1. *К Венереной Статуе* («Парис и Марс...») – С. 294; *К Амуру* («Ктоб ни был ты...») – С. 294; *Надгробия*: 1. *Ипполиту Федоровичу Богдановичу* («На урну преклоняясь...») – С. 297.

Все напечатанные стихотворения И. И. Дмитриева подписаны: Дмитриев.

Июнь. Петербург.

Выходит в свет 5-я (майская) книжка журнала «Кабинет Аспазии» (Ценз. разр. 4 июня 1815). В разделе «Изящное» в рубрике «Стихи» (С. 99–100) помещена краткая цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «*Смерть и Умиравший*» («Один охотник жить...»): «Так должно отходить как гость отходит с пира». Подпись: Дмитриев.

Июль. Москва.

В «Российском Музеуме» (№ 7. С. 15–18) (ценз. разр. 22 июня 1815; ц-р: Л. Цветаев) напечатано стихотворное послание кн. П. И. Шаликова «*К Ивану Ивановичу Дмитриеву, на новоселье*» («Вхожу в твой дом с пустыми я руками...»).

Перепеч.: *Сочинения Князя Шаликова. Ч. 2. Стихи.* М., 1819. С. 100–103.

Август, 31. Вторник. Москва.

Записка к графу Д. И. Хвостову: «Напрасно вы по скромности вашей не доверяете своему гению. Новейшее произведение вашей музы во всех отношениях не уступает прежним».

РС. 1892. Т. 75. № 7 (июль). С. 100.

Август. Петербург.

Выходит в свет 7-я книжка (июльская и последняя) журнала «Кабинет Аспазии» (Ц. разр. 7 августа 1815). Здесь в разделе «Изящное» в рубрике «Стихи» (С. 72–73) напечатаны фрагменты стихотворений русских поэтов, среди которых стихотворения И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева.

Сентябрь. Москва.

В «Российском Музеуме» (№ 9. С. 375–379) напечатан немецкий перевод «Освобождения Москвы» («Die Befreiung von Moskau»), сделанный студентом Дерптского университета Боргом под руководством А. Ф. Воейкова.

Переводу предпослано краткое вступление от издателя: «Переводчик сей прекрасной пизсы Г. Дмитриева есть студент Императорского Дерптского Университета, фон Борг, который под руко-

водством Профессора А. Ф. Воейкова, намерен перевести все лучшие стихотворения Российских Писателей и в нынешнем году несколько отрывков будет помещено в *Календаре Муз*, издаваемом в Дрездене» (С. 375).

Октябрь, 14 ... 18. Москва.

Возвращение из поездки в Симбирскую губернию.

Моск. Вед. 1815. № 84. 20 октября. С. 1816.

Октябрь, 20. Остафьево.

Карамзин в письме к А. И. Тургеневу цитирует два стихотворения к портрету И. И. Дмитриева: «Не знаю, о каких стихах к портрету Ивана Ивановича говорил вам наш любезный Жуковский. Лет за пять перед сим написал я следующие (сколько помню):

Министр, поэт и друг: я все тремя словами
Об нем для похвалы и зависти сказал.
Прибавлю, что чинов и рифм он не искал,
Но рифмы и чины к нему летели сами...

Теперь он уже не министр. Разве скажем:

Он с честью был Министр, со славою Поэт;
Теперь для дружества и счастья живет».

РС. 1899. Февраль. С. 469.

Ноябрь, 4. Четверг. Москва.

Кн. Вяземский по получении рукописи «Видения» Д. Н. Блудова (ответ на комедию кн. Шаховского «Урок кокеткам или Липецкия воды», в которой был осмеян В. А. Жуковский), пишет в письме к А. И. Тургеневу в Петербург: «Благодарю милую Эолову Арфу <арзамас. прозвище А. И. Тургенева> за присылку *Видения*, которое я прочитал несколько раз, и всегда с новым удовольствием и новым смехом. <...> Сейчас везу *Видение* к Василью Львовичу, который пламенеет желанием сразиться с нечестивцами. Иван Иванович <Дмитриев> советует ему поспешить съездить в Петербург, чтобы сделать эту кампанию против Шутовского <кн. Шаховского>».

ОА. Т. I. С. 32.

Ноябрь, 28. Воскресенье. Царское Село.

А. Д. Илличевский в письме в Петербург к другу П. Н. Фуссу сообщает, что «некто Фон Борг, студент Дерптского университета, решился перевести на немецкой язык лучшие сочинения русских авторов и отпечатать их в Дрезденском журнале. *Освобождение Москвы* г. Дмитриева отпечатано пока в последнем номере Музеума, и переведено прекрасно!».

РА. 1864. Изд. 2-е. Стб. 962.

Декабрь, 10. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное Ив. Тимковским на выпуск 5-й части «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах». В ней напечатаны:

1. Послания, Сатиры, Элегии, Идиллии, Дидактические и Описательные стихотворения.

II. *К Дружьям моим* («В Москвель я наконец?..») – С. 10–12; VI. *Тибуллова элегия* («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 26–29; XVII. *К Г. Р. Державину*. По случаю кончины первой супруги его («Державин! ты ль сосуд, печальной, но драгой...») – С. 107–109.

2. Смесь.

II. Надписи. 1. *К бюсту Императора Александра I* («Потомство! Россиян за-видуй торжеству...») – С. 154; VIII. *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь...») – С. 161; XXIII. Загадка («Нет голоса во мне, а все я говорю...») – С. 191–192; XXIV. *Эпиграммы*. 1. «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...»; 2. «Я разорился от воров...»; 3. «О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном...»; 4. «Поэт Оргон, хваля жену свою не в меру...»; 5. «Что легче перышка? – Вода...» – С. 192–193; XXXII. *Мадригал*. («Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...») – С. 209; XXXVII. *Эпитафии*. Бригадиру («Здесь Бригадир лежит...») – С. 211; *Воину* (Прохожий, стой! во фронт!..) – С. 211; XLVI. *Надгробия*. 1. И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки («На урну преклоняясь вечернею порою...»); 2. Ф.-М.-Д. «Любезного и прах останется безвестным...»). 3. В.-А.-В. («Здесь тихая могила...») – С. 230–231.

Все напечатанные стихотворения И. И. Дмитриева подписаны: Дмитриев.

Декабрь, 15. Петербург.

Ф. Н. Глинка высылает Дмитриеву в Москву письмо (несохранившееся) и свою книгу «Письма Руского Офицера».

«Письма Руского Офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции; с подробным описанием похода Россиян противу Французов, в 1805 и 1806, также Отечественной и Заграничной войны 1812 по 1815 год... Писаны Федором Глинкою. Ч. Первая. Москва. В типографии С. Селивановскаго». Ценз. разр.: 4-го мая 1814 г.; цензор.: Никифор Черепанов.

Декабрь, 30. Москва.

Письмо к Ф. Н. Глинке. Вместе с письмом отправляет к нему новое издание своих сочинений:

«Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Благосклонное ваше письмо от 15 сего месяца тем для меня приятнее, что подает мне случай возобновить искреннюю благодарность мою, и уже не косвенным образом, за полученный от вас подарок. Письма Русского Офицера и просвещенного автора читаю я, как патриот и любитель словесности, с сугубым удовольствием. Из всех русских сочинений, вышедших по случаю войны, ваша книга сохранит свою цену и во дни мира.

Мне очень прискорбно, что отлучка моя в отчизну лишила меня удовольствия видеться с вами в Москве. По крайней мере могу чистосердечно уверить вас, что отсутствие ваше не ослабит отличного к вам почтения, с которым навсегда имеет честь пребыть ваш милостивого государя моего покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

Р. С. Позвольте при сем поздравить вас с наступлением нового года и покорнейше вас просить о благосклонном принятии от меня, вместо обыкновенного сюрприза, нового издания моих сочинений.

Москва, 1815 декабря 30-го.

Вацуро, 1980. С. 419.

1815. Москва.

Письмо к А. Я. Булгакову.

Автограф: *РГБ ОР*. Ф. 41 (Булгаковы), К. 77, № 60.

1815. Петербург.

Выходит в свет «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности» (Ч. 1–3. СПб., 1815). В первой части в предисловии «От издателей» сообщается о составе многотомника: «...в III <части, помещены будут> Баллады, Сказки, Басни; в IV Послания, Сатиры, Идиллии, Эклоги; в V и VI Смесь: Эпиграммы, Мадригалы, Сонеты, Эпитафии...». Из сочинений Дмитриева здесь напечатаны:

Ч. 1. (Ц. р. 7 октября 1814. Цenz. Ив. Тимковский).

III. *Освобождение Москвы* – С. 10–15; XVII. *Размышление по случаю грома* – С. 81–82; XIX. *Вольный перевод Горациевой оды*. Книга III. Ода I («Служитель муз! Хочу я истины воспеть...») – С. 84–86; XXXIV. *Стансы к Н. М. Карамзину* («Прочь от нас Катон, Сенека...») – С. 135–138; LI. *К Волге* («Конец...») – 209–212; LXXV. *Глас патриота на взятие Варшавы* («Где буйны...») – С. 277–279;

Ч. 2. (Ц. р. 6 апреля 1815. Цenz. Ив. Тимковский).

Отделение первое. Оды

XV. *Преложение 49 псалма* – С. 60; XXIX. *Ермак* – С. 111–117;

Отделение второе. Песни и романсы.

II. «Ах, когда б я прежде знала...») – С. 123; XI. *Наслаждение* («Всяк в своих желаньях...») – С. 136–137; XVI. «Стонет сизый голубчик...» – С. 140–141; XXI. «Видел славный я дворец...» – С. 148–149; LX. *К Хлое* («Всех цветочков боле...») – С. 216–217; LXIX. «Я щастлив был во дни невинности безпечной...») – С. 228; LXXII. «Что с тобою, ангел, стало?..» – С. 231; LXXXII. «О любезной! о мой милой!..» – С. 246; LXXXIII. «Куда мне, сердце страстно...» – С. 247; LXXXVI. «Без друга и без милой...») – С. 250–251; LXXXVIII. *Карикатура* («Сними с себя завесу...») – С. 254–258; XCIII. *К младенцу* («Дай собой налюбоваться...») – С. 270–272.

Ч. 3. (Ц. р. 17 июня 1815. Цenz. Ив. Тимковский).

Сказки

II. *Воздушныя Замки* – С. 113–129; V. *Модная жена* – С. 151–157; VII. *Причудница* – С. 164–180.

Здесь помещено 98 басен всех русских поэтов; 24 – принадлежат Дмитриеву. 3-я часть открывается портретом Дмитриева.

1815. Москва.

«Руской Вестник» (№ 4. С. 66–69). Стихи Дмитриеву.

1815. Москва.

«Собрание Русских Стихотворений, взятых из лучших российских стихотворцев. Дополнение к изданию г. Жуковского». Ч. 6. М., 1815. Среди авторов: И. И. Дмитриев.

1815 – 1816. Москва.

Встреча и разговор Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева с историком и богословом, представителем «Библейского общества» Джоном Пинкертоном.

Горчаков Н. Беседа Карамзина, И. И. Дмитриева и великобританского агента Пинкертона у московского архиепископа Августина // *Литературный вечер*. М., 1844. С. 12.

1816

Январь, 8. Москва.

Письмо к В. А. Жуковскому:

«Милостивый государь Василий Андреевич.

Истинно порадовали вы меня дорогим вашим подарком, и я спешу принести вам чувствительную благодарность мою. С нетерпением буду ожидать последующих частей. Между тем покорнейше прошу вас, любезный Василий Андреевич, принять и от меня последнее издание моих басен. Парнасскому Инвалиду нечем отдаривать, как старыми пожитками. Впрочем экземпляр давно был для вас приготовлен, но по смутным обстоятельствам, не зная вашего местопребывания, я отлагал доставление оно до надежного случая.

Заключаю приветствием вас с новым годом, душевным желанием вам возможного благополучия и искренным уверением вас в отличном уважении преданного вам навсегда

И. Дмитриева».

РА. 1871. III. 2. Стб. 423.

Январь, 20. Москва.

Дмитриев на обеде у А. А. Пушкиной.

Батюшков, 1886. Т. III. С. 369 (письмо от 20-го января 1815 г. к Е. Ф. Муравьевой в Петербург: «...Надобно одеваться и к старой Пушкиной отправляться обедать, где найду эксминистра и экспозта Дмитриева, который не потерял важности, имеет быть любезным».

Январь, 31. Москва.

Отъезд Карамзина и кн. П. А. Вяземского в Петербург.

Январь, 31. Тверь.

В половине седьмого вечера Карамзин и кн. П. А. Вяземский приехали в Тверь. Карамзин пишет письмо к Е. А. Карамзиной.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 488. 11. Л. 21.

Февраль, 1. Крестец. 4 часа пополудни.

Приезд Карамзина и Вяземского. Письмо к Е. А. Карамзиной.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 488. 11. Л. 22.

Февраль, 2. Петербург.

В 6 часов вечера Карамзин и кн. П. А. Вяземский приехали из Москвы.

Неизд. соч., 1862. С. 141.

Февраль, 3. Петербург.

Карамзин встречается с А. Н. Голицыным. Обедает у Ростопчина. После обеда наносит визит Вел. Кн. Екатерине Павловне.

Неизд. соч., 1862. С. 141.

Февраль, 3. Петербург. 6 часов вечера.

Письмо Карамзина к жене (Е. А. Карамзиной) в Москву:

«Милый друг!

Вчера в 6 часов вечера въехали мы в город благополучно, долго искали пристанища и наконец вошли в холодные комнаты; но теперь оне уже нагрелись и можно в них жить. Я здоров совершенно: сию минуту был у Великой Княгини, по старому милостивой; узнал Принца, умного и приветливого; завтра, как думаю,

увидю Императрицу вдовствующую; а когда Императора, еще не знаю. Великая Княгиня много расспрашивала о тебе с видом искреннего участия. Я видел многих, но еще гораздо более надобно видеть. Не смотря на усталость моих лошадей, я не устал духом, ни телом, а только грущу... Из здешних Царедворцев виделся я с К. А. Н. Голицыным: он меня ласково или учтиво принял. Я бы не узнал его: так он переменялся наружностью. Обедал у Графа Растопчина, как у свойственника любезного. Впрочем еще не знаю, как буду проводить время. Вообще не могу доселе жаловаться. Как то обойдется со мною Императрица!».

Неизд. соч., 1862. С. 141 (№ 1).

Е. А. Карамзина, конечно же, сообщала содержание писем мужа И. И. Дмитриеву. Поэтому мы приводим их вполне.

Февраль, 4. Петербург.

Карамзин посещает имп. Марию Федоровну. Пробыл у нее «минут 20 или еще менее».

Неизд. соч., 1862. С. 142.

Февраль, 4–8. Петербург.

Карамзин встречается с гр. Ростопчиным, гр. С. П. Румянцевым, графиней Лаваль, Полторацким, Н. Я. Плюсковой, Д. П. Трощинским.

Неизд. соч., 1862. С. 143.

Февраль, 7. Петербург.

Карамзин встречается с племянником, сыном брата Федора Михайловича. Вечером Карамзин просидел у А. Н. Салтыкова «до второго часу ночи».

Неизд. соч., 1862. С. 143–144.

Февраль, 7(?) . Петербург.

Карамзин оставляет «мерзкую отель-гарни» и перезжает в дом к Е. Ф. Муравьевой.

Неизд. соч., 1862. С. 143.

Февраль, 7 и 8. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«...Поговорим о Петербурге. На другой день я был у Императрицы Марии: не удивился ее милостивому приему, но до крайности удивился ее молодости и свежести: это прекрасная женщина в 40 лет; говорит любезно, складно и с редкою легкостью. Разговор наш продолжался минут 20 или еще менее; а мы коснулись и до нравственности и до самых отвлеченных идей, не забыв, разумеется, Истории. Извиняясь, что не может теперь дать мне более времени, она сказала с чувством: *pensez à l'état d'une mère qui marie sa dernière fille*. Спрашивала о тебе, об детях; заставила меня перецеловать сыновей Великой Княгини, нашла что я не так по-худел, как ей сказали, и проч. Вот и конец моих свиданий с Императорскою Фамилиею. Жду повеления Государева явиться к Нему с Историею через Графа Н. А. Толстого: так Ему угодно; Он не приказал (как объявили мне), чтобы я представлялся через Обер-Каммергера. Боюсь только, что это может продлиться и неделю и две и три в нынешних обстоятельствах. Готовятся к свадьбе и праздникам: разве около 20 затихнет шум. Сколько дней для меня потеряно! Впрочем не могу нахвалиться учтивостию, приветствиями и ласками здешних жителей и бояр. Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu' à Moscou. Обедаю у Растопчина, у Канцлера, у Гр. Сергея Петровича, у Графини Лаваль, Полторацкого и проч. и проч.

После обеда езжу из дому в дом, т. е. бываю в двух или трех местах. La liste de mes visites est augmentée d'une douzaine de noms. Еще у половины не был; многие

уже пеняют мне. Всего важнее то, что я оставил мерзкую *отель-гарни* и переехал к доброй Катерине Федоровне Муравьевой, которая, узнав, что я буду в Петербурге, велела топить для меня свой верхний этаж. Я вижу в ней родную. На той почте буду писать к Ивану Ивановичу, которого поручения все исправлены мною: я был у Н. Я. Плюсковой и нашел в ней приятную женщину; благодарил от него Д. П. Трошинского, и проч. Будучи безпрестанно в движении, я не ступил почти ни шагу к главной цели. Один *вельможа* или боярин (ибо здесь нет *вельмож* кроме одного Графа Аракчеева, как сказывают) вымолвил моему приятелю такое слово: «Карамзин хочет, чтобы Казна дала деньги на печатание его Истории; но сумма велика, и вероятно, что по новым правилам экономии ему откажут или не откажут да не дадут. В таком случае я с удовольствием предложил бы ему 50 тысяч для сего дела». Я рад, что у нас есть такие бояре; но скорее брошу свою Историю в огонь, нежели возьму 50 тысяч от партикулярного человека. Хочу единственно должного и справедливого, а не милостей и подарков.

К. Алексей Щербатов здесь, и мы вместе проводим нынешний вечер у О. П. Козодавлева. Вчера видел я племянника, сына Федора Мих., и обнимал его со слезами: прекрасный мальчик! Вообрази, что у меня в одно утро было 12 гостей, и все добрых приятелей! Но все здешняя ласки приводят меня в грусть: ты не делишь их со мною, и не видишь, как твоего плешивого мужа уважают в Петербурге! С хорошим или дурным намерением распустили слух, что мне уже дано то и то. Знай, что я видел и Шишкова: беседовал с ним втроем около трех часов. Сперва он чинился, а после свободно рассуждал со мною... о происхождении Славянских слов. *J'ai du tendre pour mes ennemis si j'en ai.* Хожу пешком рано, часу восьмом и девятом и все одною дорогой, от Аничковского мосту до Казанской...

Это письмо дописываю уже во вторник. Прибавлю еще, что я был у обедни у К. Голицына: прекрасная церковь, служба и пение. Из моих новых знакомых наименую К. Александра Ник. Салтыкова: человек умной и приятной. Вчера мы просидели с ним до второго часу ночи. Пишу к тебе без связи и спешу отправить письмо...

Завтра свадьба: не пойду ни во дворец, ни на бал, ни в маскарад; и в Москве и в Петербурге не люблю блестящих собраний... нисколько раз поцелуй за меня Сонюшку, Катеньку, Андрея, Сашу: всем вам именем Божиим даю благословение. Простите, да сохранит вас Всевышний. Я здоров и начинаю есть со вкусом; в первые дни у меня что-то не было аппетита. Скажи от меня ласковое слово другу Ивану Ивановичу <Дмитриеву>, Сергею Сергеевичу <Кушникову>, К. Андрею Петровичу, etc, etc! Вот записка экономическая: карета в месяц 500 рублей, лакей 70 р., на пищу двум человекам 60 р. Других издержек мало.

Огарева в кашли, муж ея также нездоров; но оба встретили меня как родного. К. Петр здоров».

Неизд. соч., 1862. С. 142–145 (№ 2).

Февраль, 8. Петербург.

Вечером Карамзин вместе с кн. А. Щербатовым в гостях у О. П. Козодавлева.

Неизд. соч., 1862. С. 143.

Февраль, 11. Петербург.

Письмо Карамзина к жене (Е. А. Карамзиной) в Москву:

«... Я здоров совершенно, и Невская вода не вредит мне; ем и сплю не худо; всякое утро, иногда на рассвете, хожу пешком. Какой прекрасной город! Вот уже более недели, как я здесь, и все езжу с визитами. От Государя ни слова. Императрица Мария не редко говорит обо мне с другими, как мне сказывают. Что будет далее, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ехать к вам назад и более не заглядывать в Петербург, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здешних господ и приятелей. Обед за обедом; зовут и на вечер; пишут обязательные записки: одним словом купаюсь как сыр в масле! Приятельница Г-жи Сталь, наша Графиня Лаваль, поет мне комплименты

как сирена. Я от роду не живал так: вообрази, что с 11 часов скачу с визитами! и хорошо делаю: это лучшее рассеяние; почти не затворяю рта и не имею времени грустить. На странице едва ли упишу имена тех, которые велели мне уверить тебя в любви или в почтении: упомяну однакожь и о доброй Огаревой, Лобановых, Растопчинных, Румянцеве и старом приятеле Пестеле. Однакожь знай, что нашелся один человек, старой знакомец, которой принял меня весьма холодно, и объявил, что ему *известен* мой образ мыслей, *contraire aux idées libérales*, то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Он думает, что мне лучше печатать свою Историю в Москве, и я с ним согласился; это между нами. Живу у доброй Катерины Федоровны как дома, и только нынешний день в первый раз буду у нее обедать. Скажи другу Ивану Ивановичу, что даже и Лазаревич Армянин звал меня на обед, на которой однакожь не поеду, не будучи ни случайным, ни обжорою. Скоро наши любезные Малиновские отправятся в Москву: они поговорят с тобою обо мне. Алексей Федорович получит нечто в знак благоволения. С Князем Петром иногда вместе обедаем. В Москве будет новой Почт-Директор: мне жаль Д. П. Ручича, которому следовало бы иметь это место. Здесь теперь все занято праздниками: авось скоро узнаю что нибудь решительное в рассуждении моей Истории. Доселе не сержусь и так спокоен, как младенец. Что-то наши младенцы? ... Судьба наша зависит от Бога: следственно в хороших руках».

Неизд. соч., 145–146 (№ 3).

Февраль, 12. Суббота. Петербург.

Карамзин посещает детский бал у гр. Толстого.

Неизданные соч., 146.

Февраль, 12. Суббота. Петербург.

Г. Р. Державин в письме к А. С. Шишкову сообщает, что «...Московский приезжий автор Николай Михайлович Карамзин будет ко мне в наступающий вторник обедать: не угодно ли и вам будет ко мне пожаловать и составить приятную компанию. Мне чрезвычайно хочется познакомиться вас...».

Державин. Т. VI. 332. В *РС* (1901. Декабрь. 648) последняя строка читается: «...Мне чрезвычайно желается спознакомить вас...».

Февраль, 14. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«... Третьего дня был я на маленьком детском бале у Гр. Толстого, и чуть не залился слезами, смотря на малюток и матерей их. Бог да хранит нас! Поговорим о Петербурге.

Я видел Императора, но только видел. Вчера вдовствующая Императрица приехала звать меня на свой блестящий бал, а как, увидишь из приложенной записки. Она раза три говорила со мною; предлагала мне играть в карты, и заметила, когда я, до крайности утомленный, в 12 часов уехал. Милость ея любезна. Вчерась же по утру сказали мне *именем Государя*, что Он *после праздников* пришлет за мною, и прибавили *от себя*, что всякое мое справедливое желание без сомнения будет Им исполнено. Более ничего не знаю. Государыня Елисавета Алексеевна изъявила намерение принять меня без чинов на сих днях и слушать мою Историю. Я любовался вчера всею Императорскою Фамилиею, и тем приятнее, что они все, как мне сказывали, милостиво отзываются о твоём друге; все, кроме самого Государя, о расположение которого не имею никакого понятия. Не хочу угадывать. *C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: je t'admire et je voudrais t'aimer beaucoup!* Il a une belle physionomie. Из новых примечательных знакомств наименую тебе Капо д'Истрия; он в большой доверенности и показался мне любезным, откровенным, так что Князь А. Н. Голицын, познакомив нас, через 10 минут заметил с шуткою, что мы уже говорим как старые знакомцы. Может быть я еще с ним увижусь и действительно короче познакомлюсь. Вообще, не обижая Москвы, нахожу здесь более умных, приятных людей, с которыми можно говорить о моих любимых материях...

Румянцевы рады ежедневно быть со мною. Нынешний день буду у Державина обедать со всеми моими смешными *неприятелями* и скажу им: *есть один посреде вас и не утрашуся!* Видел во дворце и К...<утузова>: вероятно, что он вымышляет какие нибудь новые доносы и лжет по обыкновению. Шишков честен и учтив, но туп. Собираюсь на первой неделе осмотреть Эрмитаж, Казанскую церковь, Библиотеку и проч., хотя неизвестность еще беспокоит меня. Повторю, что 10 марта надеюсь сидеть в кибитке. Жить у милой доброй Катерины Федоровны есть для меня величайшая выгода: это сестра родная. Жду брата Федора. Булгаков Почт-Директор в Москве. Пошли, милая, мамушкина мужа поздравить Д. П. Рунича с получением чина...

Я совершенно здоров, и даже сплю хорошо от усталости. Этот год жизни однакожь может сделаться тяжелым *à la longue*.

Неизд. соч., 1862. С. 146—148 (№ 4).

Февраль, 15. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Здоров ли ты? — Благодарю тебя за весьма приятное знакомство с любезною Натальею Яковлевною: я провел с нею несколько приятных часов. Все знатнейшие о тебе спрашивают и велят кланяться. Не могу сказать ничего, кроме того, что езжу, обедаю, болтаю; к старым прибавляю новые знакомства etc. Все или почти все ласковы со мною, даже и иностранцы: Лорд Каткарт, Местр, Австрийской etc. Не успеваю ездить. Государь обещался принять меня в своем Кабинете и *дозволил* мне быть на бале у Императрицы. Душа моя спокойна, а тело в большом движении. Обнимаю тебя. До свидания в половине Марта, если не прежде. Сто раз обнимаю тебя. Не забывай моей доброй, верной жены. Будь здоров и люби твоего вечного, преданного тебе друга

Н. Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 186—187 (№ 174).

Февраль, 18. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Я имел удовольствие получить ваше приятное письмо и вашу книгу. От всего сердца благодарю ваше превосходительство за безценный подарок. Отсутствие мое в Дерпт причину тому, что отвечаю несколько поздно. Не почитаю за нужное уверять ваше превосходительство в том, как высоко ценю всякий знак вашей ко мне дружбы. Вам известно, как я привязан к вам и каким почтением исполнен к вашему характеру. — О себе имею честь донести вашему превосходительству, что я здесь почти без дела. Занимаюсь изданием книги своей; и так — почти ничем. Второй и последний том выйдет недели через две с половиною, и тотчас будет доставлен вашему превосходительству. Кончив это дело, поеду в Дерпт; а весною, может быть, загляну в Москву и буду иметь удовольствие посетить вас в новом вашем доме. Из этого можете заключить, что еще моя странническая или странная жизнь не окончилась. — У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича Карамзина. Здесь все жаждут его узнать, и видеть его в этом кругу также приятно, как и быть с ним в его семье: он обращает в чистое наслаждение сердца то, что для большей части есть только беспокойное удовольствие самолюбия. Что же касается до меня, то мне весело необыкновенно об нем говорить и думать. Я благодарен ему за счастье особенного рода: за счастье знать и (что еще более) чувствовать настоящую ему цену. Это, более нежели что нибудь, дружит меня с самим собою. И можно сказать, что у меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиным*: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего. Недавно провел я у него самой приятной вечер. Он читал нам описание взятия Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для Русского появление этой истории! Какое сокровище для языка,

для поэзии, не говорю уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту историю можно назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа*. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории Русского народа, доселе известные, можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получат величественный, привлекательный образ. Счастливы дарования, теперь созревающие! Они начнут свое поприще, вооруженные с ног до головы.

После Карамзина не следовало бы говорить о самом себе – но для чего же? Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему. Во мне живо желание произвести чтонибудь такое, что бы осталось памятником доброй жизни. По сию пору ни деятельность, ни обстоятельства не соответствовали желанию; но оно не умирало, а только иногда засыпало. Естли обстоятельства не сделались *счастливей*, то по крайней мере *лучше*, по крайней мере в отношении к нравственному лучше; вероятно, что буду более в ладу с самим собою – это главное для поэзии. О фортуне же попечется Провидение.

Я должен кончить в такую минуту, когда перо было разговорилось. Простите, ваше превосходительство. Иметь всегда ту привязанность к вам, какую имел я и прежде в сердце своем, есть для меня счастье. Прошу вас не переменять ко мне никогда безценной вашей дружбы. С совершенным почтением честь имею быть вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Жуковский».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1629–1631.

Февраль, 18. Петербург.

Письмо Карамзина к Е. А. Карамзиной в Москву:

«... Государь, как ты знаешь, обещался позвать меня в кабинет после праздников. Через два дня пост; но говенье опять может быть препятствием. Увидим. Добрые люди на всякий случай дают мне мысль продать свою Историю тысяч за сто, то есть, если не увижу Государя еще недели три, или Казна не выдаст мне денег для ее печатания. Покупщик, может быть, найдется; но согласно ли это с достоинством Российской Империи и с честью Историографства? Между тем мне счастье в Императрицах и в Публики: первые милостиво говорят обо мне, с кем могут. Елисавета Алексеевна расспрашивала у Графа Растопчина о тебе, о твоей наружности и душе, и сказала: *eh bien, je crois la voir* (по словам Графа). Великая Княгиня (по его же словам) сказала ему: *notre historiographe court la ville, mais pourquoi est-ce qu'on le cajole?* он отвечал: *c'est qu'il est le suisse de l'immortalité*. Она засмеялась, и после с важностью примолвила: *je voudrais pourlant que cela fut déjà fini*.

Вчера был у меня еще посол от В. К. Марии Павловны, Глинка, кавалер при Великих Князьях, и звал меня к ней. Всеми здешними не могу нахвалиться. Будущие обеды, записанные в моей книжке, идут уже до воскресенья второй недели поста: суди, любят ли здесь гостеприимство! На сих днях поеду в гости и к Английскому Клобу: Директоры приглашают меня. Я не хотел и не думал быть на праздниках; однакожь, как тебе известно, был на бале у Императрицы, а нынешний день буду в маскараде Таврического дворца, потому что едва ли не по приказанию Государеву доставлен мне билет чрез Кн. А. Н. Голицына, и потому что Император весьма занимается сим праздником, так, что знатную часть вчерашнего утра провел в Таврическом дворце, все сам учреждал и проч. Как не ехать к такому доброму хозяину, когда Он зовет! Гостей будет около 3000, а отставных только 60; трем стам, большею частью классным, не дали билетов. Вот подробности самыя историографическия, по крайней мере историческия! Но милая жена моя всему рада от мужа, видя, что он здоров и почти весел! Дай Бог, чтобы я не был в худшем расположении: тогда выеду из Петербурга с искренной признательностью. Что касается собственно до города, то он удивительно прекрасен: в Европе нет другога Петербурга. Пост начну осмотром Эрмитажа и Казанской. Мало, что

я мыкаюсь с обеда до полуночи: всякое утро бывают у меня люди, и приятели и новые лица. Скажи Ивану Ивановичу, что наш велемудрый законодатель Розенкамф, столь ему известный, сам явился ко мне для знакомства и был приветлив до крайности. С Румянцевыми живу душа в душу: слава их отца и собственные их достоинства вселили в меня искреннюю любовь к ним, хотя мы отчасти и *разных* систем. Изменил мне только один человек: бедной! А как здесь пишут о тарифе! как врут! как хотят обманывать Государя! Славный мой обед с *неприятелями* не был для них весел: все сидели нахмурясь, хотя я и старался забавлять их Грамматикою, Синтаксисом, Этимологиєю. Добрый старик Державин вздумал было про- извести меня в Члены Российской Шишковской Академии; но я сказал ему, что до конца моей жизни *не назовусь* Членом никакой Академии, и не буду ни в каком так называемом ученом обществе. Даже и К.[утузов] обедал с нами; он в волнении духа, и спрашивал у меня, когда уеду в Москву? Он верно не без страха, и мне почти хотелось бы успокоить его; вот казнь злобы и душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему приезду, или он моему отъезду! К вам едет новой Почт-Директор: можешь в случае нужды адрессоваться к нему; мы с ним познакомились. Милая хозяйка моя не изменяется в своих ласках: всего чаще говорю с нею о тебе. Вот истинная жена Михайла Никитича! Не мог я выбрать лучшего жилища, и это украсило для меня Петербург. С Кн. Петром только иногда обедаем вместе, за исключением одного вечера, которой он до второго часа ночи провел у меня с нашими молодыми приятелями. Он на всех балах, однакожь, по его словам, не очень веселится: я умереннее в своих требованиях и потому *веселюсь*, пою как соловей!..»

Неизд. соч., 1862. С. 148—151 (№ 5).

Февраль, 22. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«... Неизвестность, для тебя и для меня огорчительная, не продолжится более двух недель: еще повторяю, что около 10 Марта съезжу к Обер-Гофмейстеру и скажу ему, что я, оставив в Москве жену и детей, прошу позволения ехать к ним обратно. Не можешь вообразить, как я по милости Божией спокоен в душе и выше элементов придворных! Не хочу презирать себя: *c'est tout dire, et tu me comprends*. Не сделаю ничего непристойного; знаю отношения подданного к Государю и долг нашего к Нему благоговения. Государь и вся Императорская Фамилия были заняты праздниками, теперь заняты говеньем и молитвою, на второй неделе будут заняты прощанием с Великою Княгиною, а в половине третьей я уже *займусь* своим отъездом в Москву; мера терпения моего исполнится. *J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou; j'ai fait ce que j'ai dû faire et je ferai ce que je dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son Souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignité morale. Mais parlons un peu de mon séjour à Pétersbourg*. Я писал к тебе о маскарade: он был самым Царским праздником; никогда не видал я такого феерверка и столь великолепной огромностию и освещением залы: около трех ты-сяч людей не теснились в ней. Но если многие из бывших там веселились, то многие и досадуют, не получив билетов. Муж твой сделался здесь героем: в одном маскарадном платье (Графа Румянцева) и в башмаках ходил по холодным коридорам, два часа сидел в холодной комнате, чтобы смотреть феерверка, и после, вышедши в поту из огромной залы опять в холодные сени, ни мало не простудился! Кареты не ждал ни двух минут, потому что уехал рано, в 11 часов, пить чай и ужинать к хозяйке. Ты, милая, требуешь от меня журнала: и так знай, что в субботу обедал я у Полторацкого, часть вечера был у брата Федора и добрых, любезных племянниц, которые от тебя без памяти; другую часть вечера провел у Княгини Александры Петровны Голицыной, а в 12 часу ночи отправился на большой бал к Графине Лаваль, где начинали только съезжаться; в первом часу уехал и на крыльце встретил Лорда Каткарта, приехавшего на бал с своим семейством. Видишь, как здесь не перенимают новой моды ложиться рано! В воскресенье обед у Олениных. Они ко мне очень ласковы, хотя и новые знакомые, так что проболтав у них до 8 часов, я уже не захотел никуда ехать; заехал только к брату Федору и

спешил домой на постелю, чтобы отдохнуть. Сплю вообще хорошо и ем за двоих; надеюсь, что не поухею. В понедельник обед у доброго Столыпина, и самой приятельской, а вечер у Расопчина; во вторник, ныне, обедаю у нашего законодателя Розенкамфа, а вечер у Канцлера и Козодавлева, как думаю. У Лобановых обедал: они всегда говорят о тебе с любовью. У Нелединских я уже не был дней шесть; они как-то слишком заняты собственным, и не всегда приветливы; иное дело Князь Василий: это брат, хотя и с ним вижу редко; Мордвинов все так же добродушен и здесь очень не в моде; а Муромцов, по старому, спорит и любит; Авдотья же Селиверстова ласкает и плачет. Наш Князь Алексей Щербатов заезжал ко мне раза два; виделся со мною только на бале, в маскараде, и кончит, думаю, тем, что женится. У Мятлевых я был и не застал их; буду еще; они зовут меня. Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всех *сердечнее, ласковее*: добрая хозяйка, Малиновские, *Арамасское* общество наших молодых литераторов, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкие; но со всеми вижу редко, ибо вижу многих, и не умею отказываться от обедов. Вообще все хорошо со мною; не только зовут, но и ездят ко мне по утрам, так что всякое утро принимаю человек пять; являются и незнакомые. Не могу похвалиться дружбою Великой Княгини: она мне только с ласкою кланялась во дворце; говорит, что занимается моим делом; хочет звать меня к себе, и не зовет. Бог с нею и со всеми! ничего не требую и доволен. Вчера осматривал у Эрмитаж: сколько прекрасного! — Строки твои о любезной Катерине Федоровне заставили плакать и меня и ее: достойная жена покойника! — Милой Андрюша! Как хорошо умела ты описать движение его маленького сердца! Нежно, нежно поцелуй за меня всех детей, не забывая и Саши тихого. Спасибо дочерям за их послания. Катенька требует особенных от меня писем: это рассмешило меня. — Ты хочешь знать мой туалет: распудрен, причесан славно за 30 рублей в месяц, большею частию в черном фраке, в башмаках, и хоть куда! Находят, что я не так стар. Дай Бог, чтобы ты по возвращении то же обо мне сказала! Обнимаю друга Ивана Ивановича, Сергея Сергеевича, Князя Андрея Петровича, и всех кто тебя посещает; в особенности почтенного П. И. Приклонского и Князя Ивана. С любовью целую руки у доброй Княгини Веры, у К. А. Рябининой и Графини Паниной. Скоро будут к вам Малиновские с перстнем и с рескриптом, а я может быть ни с чем, но без зависти и с благодарностию к Богу, если Он сохранит тебя, милая, и наших остальных детей. Благодарю Бога и радуйся: потому что я здоров и спокоен; это главное; а к тому еще уважают меня...».

Неизд. соч., 1862. С. 151—154 (№ 6).

Февраль, 24 и 25. Петербург. Письмо Карамзина к жене в Москву:

«...Уже три недели я здесь и теряю время на суету: не подвигаюсь вперед, и действительно имею нужду в терпении. Почти ежедневно слышу, и в особенности через Великую Княгиню, что Государь благорасположен принять меня — и все только слышу. Видишь, как трудно войти в святилище Его кабинета! Вчера Граф Капо д'Истрия (сидевший у меня три часа) в утешение говорил мне, что Государь во все это время еще *никого* не принимал у себя в кабинете: следственно надобно ждать! Ты, милая, заставила меня посмеяться над тобою, сказав, что я верно не употребляю всех способов отделаться поскорее: действительно жду только, и более ничего не делаю; но для того, что делать нечего. Государь не может забыть, что Историограф здесь: ибо сам, как мне сказывали, говорит обо мне; а принудить Его никто без сомнения не возьмется...

Буду молчать до третьей недели поста; а там скажу, что пора мне домой, как я уже писал к тебе. Государь причиною того, что не вижу и милостивых, любезных Императриц, ни Великих Княгинь. Скажу тебе несколько слов о *вельможе*. Вчера входит ко мне ординарец его, с запискою от Адъютанта, что Граф ждет меня в 6 часов вечера. Догадываюсь, и отвечаю, что *не я*, а брат мой Федор, старинной сослуживец Графа, был у него накануне, не имев счастья видеть его. Адъютант извиняется весьма учтиво и пишет, что он действительно ошибся, и что Граф ждет брата. Брат является и Граф с низким поклоном говорит ему: «радуясь случаю познакомиться с таким *ученым* человеком, тем более, что я был некогда приятелем вашего братца. Федор Михайлович отвечает: «Ваше Сиятельство! я не Истори-

ограф, а самой ваш старинной знакомец!»). Следуют объятия, ласки. Открылось, что Граф ждал Историографа, узнав, что приезжал к нему Карамзин. Но мог ли я, имея известный тебе характер, ехать к незнакомому мне Фавориту? Это было бы нахально и глупо с моей стороны. Однакожь этот случай ставит меня в неприятное положение: *друг Государев* уже объявил свое расположение принять меня учтиво и обязательно: если не буду у него, то не покажусь ли ему грубияном? а если буду, то не заключат ли, что я пролаз и подлой искатель? Лучше, кажется, не ехать. Пусть вельможа несправедливо сочтет меня грубияном. Так ли думаешь, милая? Вот росписание моих обедов: в вторник у Розенкампа со всею законодательною Коммиссиею и с его довольно-любезною женою, qui a un assez joli ton. Много рассуждений о сочинении Законов, и проч. Я сказал им: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errer beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connoitre la Russie. Оправдывались и не убеждали меня. Вечер у Канцлера. В среду обед у Графа Сергея Петровича с Кн. Петром; несколько визитов и вечер с Арзамасским обществом. В четверток обед у Графа Винценгероде, несколько визитов и приятной вечер дома с Графом Капо d'Истрия, Кн. Алексеем Щербатовым еще некоторыми и Арзамасцами. Люблю первого: он умен и кажется основательным, franc et discret en même tems, ce qui prouve qu'il a beaucoup d'esprit. Мало, что езжу: у меня бывает довольно людей; je suis presque à la mode. Кормят меня все сладкими закусками, но мой естественный вкус требует жены и детей, которых дал мне Бог. Je commence un peu à me fatiguer quoique je ne me gêne pas beaucoup et conserve ma franchise ordinaire. Ты хочешь знать, что сделал для меня Граф Петр Александрович: познакомил с братом своим, Обер-Гофмаршалом, и говорил, кажется, с Императором, давая мне чувствовать, что труд мой не останется без Всемилостивейшего внимания. У друга твоего нет покровителей: разумеешь меня. Hélas! j'ai déjà peu de tems à vivre: changerois-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux! Молись Богу, милая, чтобы он сохранил нас друг для друга и для детей еще по крайней мере на несколько лет. И это может быть слабость; но я не стыжусь ее перед Всевидящим.

У Ланской буду и не премину исполнить воли нашего друга во всей полноте ее... Выезжай, милая, принимай и менее грусти, а более молись. Пиши, повторяй, сказывай, что с тобою бывает всякой день. Не обочту тебя, милая, днями: авось 10-го выеду, а к 15 у тебя. Обеты наши часто бывают бесполезны; но думаю, что мы уже не расстанемся, когда соединимся.

Ты, любезная, виновата, если наши Московские друзья и приятели недовольны моим молчанием: для чего всем им не кланяешься от меня? Разумеется, что я их не могу забыть. Всех, всех обнимаю: у *других* целую руку. Напомню тебе, что не надобно оглашать некоторых подробностей в моих письмах. Печешься ли ты о моем коне? водят ли его к Шульцу? Князь Яков Иванович Лобанов сделан Членом Совета: вчера был у меня Кн. Дмитрий Иванович, твой обожатель. Пестель также Член Совета: он кажется *угадывает* меня, а я *знаю* его. Nous avons été parfaitement bien, mais il me néglige depuis 10 jours. Adieu, chère et douce amie.

11 часов утра.

Мне часто не дают писать, а отказывать не могу: видят что я дома по карете; не хочу быть грубым и неблагодарным... Bénis les enfans pour moi: je compte sur ta bénédiction plus que sur la mienne. Ne sois pas fière de *mes succès*: prie Dieu et attends moi. Je te reviendrai plus que jamais dégoûté du monde!».

Неизд. соч., 1862. С. 154—158 (№ 7).

Февраль, 28. Петербург. Письмо Карамзина к жене в Москву:

«...Будем вместе призывать имя нашего Отца Небесного: Он к нам добр, потому что хранит нас еще друг для друга. Пожалуй, милая, пиши ко мне подробно о всяком дне своем: письма твои столь же любопытны для меня, как мои для тебя, хотя в Москве и нет Двора. О себе скажу, что мое положение не переменялось: к Императору не зовут меня, и даже Великой Княгини не вижу. Почти желаю, чтобы она уехала в четверг не простившись со мною. Мне будет легче или так же

легко как и теперь. Нынешний день был я у Великой Княгини Марии: она очень миловидна, ласкова, любезна. О Принце не скажу ни слова. A sa demande, si je passois bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne fais rien et je cours toute la journée. Она: Mais L'Empereur est si occupé! Я: Un Empereur de Russie est toujours occupé, et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou. Она не заставила меня ждать ни минуты, хотя я приехал ранее назначенного времени. Прощаясь звала меня опять к себе; а я отвечал: j'attendrai vos ordres. Завтра отправляюсь к Вел. Княгини Анне Павловне в 11 часов утра: вероятно и ею буду доволен. Впрочем я всеми доволен, не смотря на сплетни, и вот какая: Генерал Писарев, которого знаешь, приятель Графа Аракчеева и Генерал-Адъютанта Сипягина, (как мне объявили) рассказывал за секрет в одном доме, что Государь, услышав о шестидесяти тысячах, коих должна стоить Казне моя История, сказал: «Какой вздор! дам ли я такую сумму!» Верить ли? Я и верю и не верю. Это не сделало во мне сильного впечатления, ибо я уже решился не говорить об Истории, везти ее назад, спрятать до иных времен и надписать над манускриптом: à d'usage de mes enfans et de la postérité. Сделай милость, любезнейшая, не говори об этом никому. Скажи любопытным, что надеюсь выехать из Петербурга около 10 Марта, и что я, как и правда, весьма доволен Петербургом. В самом деле, меня все ласкают: чего более? По милости Бога мы не умрем с голоду и без Истории: c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres. Je supporterai avec patience toutes les bêtises de notre cher Moscou. Pétersbourg est une belle ville; j'y ai vu quelques gens d'esprit: mais il m'est plus doux d'être au sein de ma famille, dusse-je tous les jours aller moi-même au marché pour y acheter mon bois! Je suis très tranquille et je me porte à merveille: rends grace aii Ciel. J'ai diné ces jours-ci chez ma bonne Катерина Федоровна, chez le Comte Пушкин (где все об тебе говорили), у Полторацкого и Державина; был по вечерам у Канцлера, Оленина, Козодавлева, Раstopчина, Голицыной. Завтра обедаю с шестью или семью избранными, Куракиным, Кочубеем, может быть и Аракчевым у Графа Николая Петровича Румянцева. Amie chère, tu dis que mes lettres sont trop peu détaillées et sont écrites trop à la hâte: s'est vrai; mais je suis trop impatient de retourner à Moscou, j'attache trop peu d'importance à ce que je vois, à ce que j'entends, surtout depuis quelques jours. Oh! quant aux diners, quant aux honnetetés j'en aurois encore pour quelques semaines au moins. Dis à notre ami, que j'ai eu le plaisir d'être chez l'aimable Mme Lanskoj et que je suis resté chez elle depuis 9 heures du soir jusqu' à 11^{1/2}. Quant à son amie Наталья Яковлевна, je l'aime beaucoup: elle a aussi l'air de m'aimer. En sortant de chez la Grande Duchesse, j'ai passé une heure chez cette bien aimable dame: nous causons à merveille. Здесь из муштин всех любезнее для меня Арзамасцы: вот истинная Русская Академия, составленная из молодых людей умных и с талантом! Жаль, что они не в Москве или не в Арзамасе. Я не спешу ехать к Графу Капо-д'Истрия и уже недели две не видал Князя Голицына: следственно Плюскова ошиблась, и я не придворной. Вообрази, что я по сие время не могу собраться на вечер к Князю Лопухину, которой звал меня убедительно: je suis presque barbare. Chasse Pétersbourg et la Cour de tes idées; n'y vois que ton ami qui n'aspire qu'à retourner auprès de toi; oublie jusqu'à mon histoire même. Revenu à Moscou, je continuerai pourtant cet ouvrage: il appartient à mes enfans et à ma patrie. Vive le travail! En attendant je t'écrirai ce qui m'arrivera encore. Je prévois un cas pénible: si l'Empereur ne répond rien à ma demande de retourner à Moscou? Prendrois-je cela pour une permission? J'espère que tout sera plus clair dans 8 ou 10 jours d'ici. Je ne veux pas être fou, et ne veux rien précipiter; mais je me sens plus fier que jamais après avoir respiré l'air de Pétersbourg!..»

Неизд. соч., 1862. С. 158—161 (№ 8).

Февраль, не позже 29-го. Петербург.

Письмо Ланской к И. И. Дмитриеву в Москву.

Неизд. соч. 1862. С. 162.

Февраль, 29. Вторник, 9 часов утра. Петербург.

Карамзин в письме к жене в Москву пишет:

«Здравствуй, милая!

Собираясь ехать во дворец, хочу написать к тебе еще несколько строк. Я уже успел пройти пешком версты четыре, и хотя вчера возвратился домой от Растопчина в 12 часов, но не мог спать долее как до 7 часов. Там сверх многих дам, была *Свечина*, женщина умная и *Католичка*: она учтивостями и ласками хотела обязать меня до крайности. Надобно быть у нее, чтобы поговорить о Религии. Такой же разговор ожидает меня у Графа Местра, Министра; но по сие время не собрался к нему. Знаешь, как не умею располагать временем! Писарев, может быть, солгал; а вчера другой человек опять за тайну объявил мне, что меня сделают Каммергером! Не говори об этом. Увидим, кто прав. Здесь многие сильно огорчены указом о строгом взыскании недоимок, которыя простираются до 35 миллионов. Около 200 т. душ, находящихся в казенном залоге, могут быть проданы с публичного торгу. Пестель остается по видимому Генерал-Губернатором; его ненавидят все вообще. Жалею об нем и предвижу, что ему со временем могут встретиться неприятности. Il est difficile de lutter contre l'opinion publique. Прилагаю письмо Ланской к Ивану Ивановичу. У них война более за Плюскову, нежели за меня. В изъяснение моего непредставления Государю еще прибавлю, что Принц Ольденбургской уже давно добывается аудиенции в кабинете и напрасно».

Неизд. соч., 1862. С. 161—162 (№ 9).

Март, 1. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Милой друг! Светлейший Князь Петр Васильевич Лопухин хочет непременно, чтобы я дал ему к тебе письмо, которое он сам желает доставить. Это очень обязательно и ласково с его стороны: изъяви ему признательность. Здесь все или почти все ко мне ласковы; однакожь его учтивость заслуживает мою благодарность. Нынешнее утро с 10¹/₂ часов почти до двух провел я во дворце у Вел. Княгини Екатерины Павловны с нашими главными боярами. Все ждали и ждали. Олединская вышла сказать мне несколько приветствий и просила вооружиться терпением. Скуки не было: я беседовал с старыми и новыми знакомцами, например с Шишковым около часа, весьма искренно, простосердечно. Если он честен, то не будет (как ты сказала) злиться на меня. Из новых знакомцев Попов не мало болтал со мною. Их впускали к Вел. Княгине по несколько человек; наконец ввели и меня одного. Мы говорили минут 20. Она сказала: l'Empereur parle de vous et voudra peut-etre entendre encore quelques chapitres de votre histoire. Я отвечал: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à Sa Majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans. Я промолвил, что могу быть в Германии. Она требовала моего обещания писать к ней; вынесла и подарила мне английский ящик с белыми книжками на память, un souvenir. Одним словом, мы расстались пристойным образом: я сказал ей все, что сказал бы самому Государю. Теперь повезу это письмо к Князю Лопухину».

Неизд. соч., 1862. С. 162—163 (№ 10).

Март, 2. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Вчера, говоря с В. К. Екатериною Павловною, я только что не дрожал от негодования при мысли, что меня держат здесь бесполезно и почти оскорбительным образом. Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission: elle m'a répondu que non et que je devois attendre les ordres de Sa Majesté. Je dis à tous ceux qui veulent m'entendre que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtems un pareil genre de vie; je suis trop en scène; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui qui a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon histoire; ne m'imites pas, mon

ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du Comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller. La Grande Duchesse est partie ce matin: je t'ai écrit hier avec le Prince Лопухин sur ma dernière entrevue avec cette charmante et bien légère Princesse, si inconséquente envers moi; malgré cela je lui conserverai mon *souvenir*; je l'ai fort sincèrement aimée, et je ferai toujours des vœux pour elle. В. К. Анна Павловна a l'air d'être bonne et douce; elle est tellement novice dans l'art des présentations, qu'en me parlant, elle ne pensoit guère à dire un mot de moi au Prince d'Orange qui se tenoit vis-à-vis de moi et à côté d'elle sans proferer une seule parole. Je lui ai demandé enfin l'honneur d'être présenté au Prince, charmant jeune homme, et je lui ai adressé ce compliment: «si jeune, vous vous êtes déjà placé au nombre des héros du tems.» Il m'a répondu avec beaucoup de modestie. Demain à 6 heures du soir, je dois aller chez les Grands Dues qui s'occupent beaucoup du militaire, à ce qu'on dit. Je les ai vus de loin: je les regarderai de près maintenant. Je suppose que M-lle Pluskow (chez qui j'ai passé avant-hier 4 heures au moins) écrira à notre ami encore quelque chose sur l'Impératrice Elisabeth: je n'en parlerai donc pas. Во вторник я был на щегольском обеде у Канцлера; сидело за столом человек 12: Куракин, Кочубей, один Граф, ближний родственник Императрицы, Тормасов, Варшавский Ланской, Лобановы, Козодавлев и проч. Обед, вины, услуга были очень хороши. В среду обед у Графа Варфоломея Толстого, в четверг у Ив. Вас. Тутолмина, в пятницу у Козодавлева; вечера иногда с дамами, иногда с Арзамасцами; не ревнуй к первым: они совсем не в роде прелестниц: такая набожная или такая охотницы писать, что я ленивый едва от них прячусь. Всех любезнее в отношении ко мне Наталья Яковлевна Плюскова, разумеется, за исключением моей святой Катерины Федоровны. Вчера перед обедом провел я два часа с любезным Шторхом à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: «j'entends des choses *neuves*; c'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer». Ему, как и мне, около 50 лет; он умен и приятен. А у Капо д'Истрия я все еще не был, ни у Князя Голицына. Вероятно даже, что и Граф Аракчеев считает меня неучтивцем: следственно, я худой *царедворец!* Не мудрено, что выйду ни с чем, и что моя История останется в пыли. А propos d'histoire: читал ее Арзамасцам два раза у Катерины Федоровны (тут был и Оленин); еще по-немногу раза три Канцлеру: действие удовлетворяло моему самолюбию. Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее Арзамасцев: с ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотел бы я переехать с тобою в Петербург, но если не удостоят меня *лицезрения*, то надобно забыть Петербург: докажем, что и в России есть благородная и Богу не противная гордость; продадим Вторускую деревеньку и станем век доживать в Москве. Еще повторяю: не сердись, не говори о том для меня; даже и сердцем мы могли бы унизиться; будем только жалеть, и есть об чем жалеть! Пестро, очень пестро; но все делается, как Богу угодно; вот что всегда успокоивает мою душу, исполненную любви к России и к ея доброжелательному Монарху. Comme les gens d'esprit sont bêtes quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale. Малиновской не здоров, но думает ехать дни через два. Они скажут тебе не боле того, что уже знаешь: потому что я ничего боле не знаю. Не даю себе грустить, прося Бога, чтобы и ты, мой ангел бесценный, не грустила. — У Князя Алексея авось отниму портрет милой: он доброй малой; иногда мы вместе обедаем и проводим вечера. Чувства его не глубоки: всякой по своему создан. Едва ли решусь говорить Местру о моем портрете: cela lui rappelleroit trop son ancien état. Я уже давно с ним не видался. — Круг думает обо мне хорошо, и признавался, что нашел меня *учнее*, нежели воображал! Впрочем *теперь* нет нужды читать ему моей Истории. Еще узнал я Фабра, автора известного, и с умом. Все они хорошо расположены ко мне. Вообще я изрядно болтаю; но это наконец утомляет меня. — Родных всех видел, но мало вижу: даже и брата Федора, даже и племянниц любезных. Невозможно, милая, искусно располагать временем в моих обстоятельствах. Многие на меня сердятся: Бог с ними! Я еще, например, не видался с Мятлевыми. Беспорядок моих писем дает тебе идею о моем положении: Когда бываю дома, то ко мне заезжают, заходят, отрываю; а я не

имею духа отказывать. И теперь сидит у меня гость. Одним словом дней через шесть надеюсь известить тебя решительнее о времени моего отъезда. Нет, нет! не надобно нам расставаться!.. Сию минуту целую Жуковского, говоря с ним о тебе. Есть добрые люди на свете Поручаю тебя Богу. Я здоров совершенно. Береги себя как *мою* зеницу ока, как меня самого! Благодарю дочерей за их любезныя письма: пусть оне хорошенько молятся, чтобы мы скорее благополучно и радостно соединились. Пусть и Андрюша молится как умеет. Целую нежно их и Сашу драгоценного; он уже крепко сидит у меня в сердце. Adieu. J'embrasse bien tendrement notre ami Иван Иванович. Многие говорят здесь, что спокойствие его завидно, и может быть говорят искренно...».

Неизд. соч., 1862. С. 163–167 (№ 11).

Март, 6 и 7. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«...Действительно ничего, ничего, кроме нетерпения и негодования, я не чувствую, как ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо решительнее и постоянное во мне признательность к Петербургу, где все, кроме К.[утузова] и Шаховского, сыплет на меня цветы. А *propos de* К.[утузов], сказывают, что он на сих днях старался доставить Графу Аракчееву записку с новыми доносами на меня; но посредник отказался. *C'est un fou, se* К.[утузов]. К щастию твоему он трус: иначе твой муж был бы конечно им застрелен или зарезан ночью. Не слишком ли много делаю ему чести, упоминая об нем в письме к милой жене? Теперь расскажу тебе о моих дворцовых приключениях.

В пятницу был я у Великих Князей. Милая! не поверишь, как сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашел, чего не воображал: двух прекрасных, добро-сердечных, прямых, умных молодых Принцев, которыми я горжуся, веселюсь как ребенок. О! я не имел об них понятия. Николай Павлович или еще полнее любовью, или увереннее в самом себе: я видел в нем – подивись – я видел в нем юного брата. Он меня обнял; благодарил за мою *снисходительность!* моя рука была в его руке несколько минут. Милая! ты не ошибешься в моих чувствах: нет, не самолюбие удовлетворенное, а любовь к Царскому Дому и России произвела в душе моей какое-то сладкое, тихое, бескорыстное удовольствие. Мы говорили, как водится, о Российской Истории, о великих происшествиях, о состоянии Европы, о славе Императора и России. Я даже предлагал им легкие вопросы, и радовался их ответам: *ils ont de l'étoffe, oui, oui*. Не знаю, что они будут через два года; но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благоденствие Природы и вдовствующей Императрицы. Удивительная женщина! Может быть, потомство отдаст ей справедливость громогласнее, нежели мы, ветреные, невнимательные современники: это гораздо святее. – Мне так приятно говорить о Великих Князьях, что я должен удерживаться.

За сим свиданием ожидало меня чтение у Императрицы Марии, в воскресенье, в 5 часов вечера. Я отказался в этот день от обеда, завтрака дома в 2 часа, дремал и приехал во дворец с Нелединским. Государыня переодевалась; но меня не заставили ждать ни пяти минут, в которыхя однакожь я успел познакомиться с Катериною Ивановною Нелидовою. За Императрицею пришла В. К. Мария Павловна, а там и Великие Князья. Первая сказала, что она свободна до *семи* часов. Я развернул свой том Царя Ивана: читал об его исправлении и взятии Казани, в глубоком или почти глубоком молчании. Государыня хвалила, и даже мой образ чтения, замечая *иногда* картины и мысли. Вместо двух часов прошло три и более. Подавали чай: сама Августейшая хозяйка налила мне чашку, спросив, сколько мне надобно положить кусков сахару и проч. Мы говорили до *десятого* часу, и я с величавшею искренностью сказал, что как ни приятен ласковый Петербург, как ни велико щастие пользоваться знаками Императрицыных милостей, но что сердце мое просится к жене и к детям. Государыня добрая предложила мне, склонить Императора к *скорейшему* свиданию. Наконец мы встали и все еще говорили. Когда Великие Князья ушли, я слегка упомянул о впечатлении, сделанном их любезными свойствами в моем сердце. Она как самая нежная мать говорила о воспитании, примолвив несколько раз: «надеюсь, что они со временем

могут быть полезны Государю.» Заключением был комплимент: «это приятной для меня вечер». Она изъявила желание слышать Историю Донского. Так мы расстались. Люби ее, милая! Вопросы о тебе, о детях всего более меня тронули. Женщины умнее нас чувствительностью.

Кроме обедов, я провел еще два вечера довольно приятным образом: один у Свечиной, с Графами Растопчинными, Местром Сардинским и Послом Баварским, а другой у Графини Лаваль, опять с Свечиной (умною и полусвятою), с Кн. Александром Николаевичем Голицыным, и Балашевым, очень ко мне ласковым, и только что приехавшим из Москвы любезной (ты в ней с детьми!). Я читал им о Новгороде. Не забуду еще вечера Тургеневского, где слушателями моими были, кроме Арзамасцев, Кн. А. Ник. Салтыков, Нелединский, Оленин, Крылов, Гнедич и проч. – Видно, что мне всех надобно узнать в Петербурге: вчера обедал я у Вельшева с Пуколовым, который здесь выше всех Стат-Секретарей, по уверению знающих людей. Он с умом, и объявил себя моим *старым* знакомым: я отделался учтивым поклоном и не просил о возобновлении знакомства. Видишь, что муж твой Гурон: не поехал к Графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположением Пуколова! Чего же мне ждать? Уважения твоего и собственного. Я никого не хочу оскорбить грубостью; но мое ли дело итти криво? Вот записка от Нелединского: «мне *приказано* известить вас, что вы завтра (7 Марта) приглашены будете к Государю». Это хорошо; но теперь около 11 часов утра, а приглашения нет, вероятно уже и не будет. По крайней мере будет то, что угодно Богу. – Поздравляю с новым Тарифом, уже подписанным; но большая пошлота испортит все, и контрбанда не прекратится. Здесь некоторые туго набивают карманы, в ожидании того, чтобы их прогнали. Мало совести и стыда в свете...».

Неизд. соч. 1862. С. 167–171 (№ 12).

Март, 10. 11 утра. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Милая! Письмо твое от 2 Марта растрогало меня еще более, нежели обыкновенно: я живо почувствовал всю тоску твоего нежного сердца в разлуке с другом. Мне стало уже чрезмерно грустно; подумаю, и сердце забьется. Это искушение: снесем его с твердостью и благоразумием; но когда вновь соединимся, то попросим Бога, чтобы уже не расставаться до смерти. Бодрись, бесценная, для друга; ты хвалишься геройством, а я вижу, что у тебя в душе лихорадка. Прошу, прошу, милая, чтобы ты, открывая утром глаза и помывшись с нежностью о друге, с душою исполненною доверенности к Провидению, вставала с постели, спокойно занималась детьми, домашними делами, чтением; принимала наших ближних людей без рассеяния, иногда выезжала для рассеяния, и если не можешь быть веселою, то будь хотя тихою в душе. Почти удивляюсь силе твоего рассудка: ты не советуешь мне излишне спешить и горячиться! От кого могу принимать советы, если не от тебя?»

Вдохновенная чистою любовью, ты мой ангел покровитель, главный по Боге. Положение мое таково, что действительно имею нужду в советах. Сердце рвется от нетерпения; а между тем опасаясь решить, может быть навсегда, судьбу нашей здешней жизни как нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться; говорю искренно: но боюсь преступить границу благоразумия. Вот обстоятельства: не смотря на торжественное обещание Государя пригласить меня к себе 7 числа, я до сей минуты ничего от Него не слышу; ждал два дни и перестал ждать. 10 Марта наступило, а друг твой в главном не подвинулся вперед. Вчера я должен был обедать у приветливого, любезного (для меня) Графа Алексея Кирилловича Разумовского; но вдруг в 2 часа зов к Императрице: меня ищут по городу, и я едва успел к обеду Государыни, доброй, милостивой. Тут была вся Императорская Фамилия, кроме Государя и Императрицы Елисаветы Алексеевны. Я сидел против Августейшей хозяйки; и все было хорошо, кроме того, что твой простосердечной муж еще не видал ни Института, ни Монастыря, управляемых Ею. Признаюсь, что вопрос Её и даже милостивый, деликатный упрек кольнул меня в сердце. Так и быть: это доказывает, что я не хитрец придворной. Государыня сказала: *vous verrez cela au-moins à votre retour*. Заметь это слово: оно не есть ли следствие разговора Её

с Императором? Великие Князья обходятся со мною просто и мило; мы жмем руку друг у друга как бы старинные знакомцы. Марья Павловна говорила со мною после обеда очень долго, и пеняла мне, что я вмешиваю в разговор Франц. фразы. Государыня звала меня в воскресенье на *второе чтение*, в 5 часов вечера. Когда же увижу Императора? Вооружимся терпением еще на несколько времени. Бог все сделает, чему быть надобно. Милая! проси Бога, чтобы Он дал тебе спокойствие и светлость души: вся душа моя в этих словах. Еще замечу, что Императрица за столом, взглянув на меня, сказала: «*Московская дорога еще не испортилась!*» Выслушай другое происшествие. Фактотум Графа Аракчеева, об котором я писал к тебе, передал мне через Вельяшева, что Граф желает видеться со мною, и говорит: «Карамзин, видно, не хочет моего знакомства: он приехал сюда, и не забросил даже ко мне карточки!» Вот как судят люди: скромность считают за грубость! *Фактотум* (по крайней мере так здесь думают) прислал ко мне карточку и велел меня звать к себе в воскресенье на вечер для свидания с Графом. Вообрази мое положение! не хочу никого оскорбить; но могу ли дать себе вид пролаза? Я также отослал к нему свою карточку, ответствуя Вельяшеву, что мне не ловко ехать к такому человеку, которой у меня сам не был. Между тем, надев мундир, я отвез карточку к Графу. Что будет далее, не знаю. Помогите нам Бог выпутаться из всех придворных обстоятельств с невинностию и честию, которыми я обязан моему сердцу, милой жене, детям, России и человечеству! Прибавлю, что я провел три часа у Графа Капо д'Истрия: не знаю, в чем мы можем быть несогласны. Так, кажется, не обманывают. Это умной, достойной Министр, и я искренно хвалю Государя за такой выбор. — Было чтение для *Свечиной* у Графини Лаваль но теперь я вспомнил, что уже писал к тебе об этом. В доме у Графа Остермана осуждали меня, как я мог у Графини Лаваль (которой *дом* есть едва ли не первой в Петербурге) читать свою Историю, а не у *важных* людей, не у Остермана, не у Княгини Нат. Петр. Голицыной, к которым не езжу! Улыбнись, жена милая: видишь, что завидуют моим приятелям! Писала ли ты к бурмистру, чтобы он прислал в Марте оброчную сумму не на мое, а на твое имя? Напиши адрес к нему: *Бурмистру села Макателема Илье Павлову в Арзамас*».

Неизд. соч., 1862. С. 171–174 (№ 13).

Март, 10. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Милая! Сей час отправил я к тебе письмо через почту: скажу еще несколько слов с любезным Дашковым.

Объявляю Сонюшке мое родительское удовольствие за ея письмецо: *c'est bien dit et bien tourné; je l'ai lu à quelques personnes: tout le monde en a été content.* Катюша Николаевна также очень любезна. Обнимаю нежно обоих; а ты поцелуешь друга Андрея, малютку Сашу. Тверди первому об отце: боюсь чтобы он не взглянул на меня как на чужого. Саша не забудет отца, потому что еще не знает его. Говори о себе, об них, как можно более: это бальзам для моего сердца. Между тем надеюсь, что ответ на это письмо может уже не застать меня в Петербурге. Императрица Елисавета хотела также звать меня в воскресенье: узнав что вдовствующая предупредила ее, она хочет переговорить с нею, в надежде, что муж твой будет на этот день ей уступлен: ибо Елисавета Алексеевна будет на той неделе говеть. Я обещал ныне в 7 часов к Державину для чтения, но получил зов к В. К. Марии Павловне. Видишь, в какой я моде у Двора до дня, в которой сделаюсь скучным! *Mais la grandeur des grandeurs m'échappe, et je suis loin d'être parfaitement content.* Доношу тебе, верной жене, на себя: вообрази что вчера ночью ехал я в одной карете с глазу на глаз, с молодою, любезною женщиною! Отгадаешь ли с кем? с Огаревою к Мятлевым, которые грозилась писать тебе о моих шапках. Для успокоения твоей ревности скажу тебе, что, к сожалению, вижу редко добрую Елисавету Сергеевну: не умею ни у кого быть часто, хотя и разъезжаю всякой день. Обеды продолжаются непрерывно, и желудок мой ни разу не расстроивался; вода также не произвела никакого худого действия на меня. В награду будь здорова с детьми! Пстой: ко мне идет Фактотум Г. Аракчеева...

Он пробыл у меня с час: много учтивости. На зов в воскресенье я отвечал, что буду у Императрицы. Тем и кончилось. За визит отплачу визитом; это необходимо...».

Неизд. соч., 1862. С. 174—175 (№ 14).

Март, 13. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Душа моя, жена милая! Письмо твое от 6 Марта не только растрогало, но даже испугало меня намерением твоим кинуть детей и ехать в Петербург, если захватит меня здесь зима или распутица. Во-первых я все надеюсь, что дело мое кончится на сих днях: как скоро увижу Императора, то без сомнения на третий день выеду. Во-вторых, если бы сверх чаяния и продлились недосуги Его еще неделю, две или более, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счет, предаться в волю Божию и ждать меня в Москве. Самой последний срок есть отъезд Государев: это развяжет мне руки и ноги; если и не увижу Его, то все буду свободен ехать к тебе, милая; а Он, как слышно, в самом начале весны отправится. Теперь уже дело зашло далеко: не могу пристойным образом и просить дозволения возвратиться в Москву, не видав Государя: мне со всех сторон кладут в рот, что Он расположен сделать для меня все справедливое и пристойное...

Не имей никаких черных обо мне мыслей: оне не справедливы; напротив, ты можешь мне завидовать; ты, ты, милая, жалка более, нежели я, имеющий здесь приятных рассеяния, хотя они и не могут ослабить моего внутреннего беспрестанного влечения к тебе, окруженной детенками. Бог дает мне здоровье: ем, сплю хорошо, и надеюсь на милость Всевышнего. Неужели это, бесценная, не может ободрить тебя в твоём, хотя и печальном, но временном одиночестве? Решится судьба моего труда долговременного и отчасти самой жизни нашей: две лишние недели разлуки могут некоторым образом наградить нас за шесть уже прошедших. Великодушие на твоей стороне: мое гораздо менее, хотя любовь моя (Бог видит) не уступает твоей. Потешь друга: жди меня и не мысли бросить наших детей. Ты во мне уверена: не влюблюсь здесь ни во Двор, ни красавиц, ни в обеды, коих часто бываю героем; не высохну и от грусти: надежда на Бога и рассеяние авось поддержат меня; по крайней мере до сего времени не худою заметно..... Будь же веселее!

За то расскажу тебе мои похождения. На другой день Императрицына обеда провел я вечер у В. К. Марии Павловны; читал, но более разговаривал. Она не такого блестящего ума, как наша Екатерина; однакожь любезна и в особенности нравится своим добродушием. В разговоре я сказал, что женщины вообще тонее умом, нежели мужчины: она не соглашалась, и... доказала противное. Входит в другой раз Веймарской Принц: elle lui rend compte de notre conversation et me dit tout-de-suite de continuer la lecture, qui chasse tout-de-suite le Prince. Arrive un autre Prince, celui d'Oldenbourg. Elle lui dit que son mari est dans son cabinet, et me dit de recommencer la lecture. Le malheureux, sans rien comprendre, reste, et elle lui dit: «Vous êtes le plus aimable de tous les cousins possibles: vous restez avec nous; mais mon mari est là, dans son cabinet». Ольденбургской все таки ни с места, и я внутренно усмехнулся. Ей угодно было обязать меня словом еще побывать у нее до моего отъезда.

Я отвез карточку к Графу Аракчееву, и на третий день получил от него зов; приехал в 7 часов вечера и пробыл с ним более часу. Он несколько раз меня удерживал. Говорили с некоторою искренностью. Я рассказал ему мои обстоятельства, и на вызов его замолвить за меня слово Государю отвечал: «не прошу Ваше Сиятельство; но если вам угодно, и если будет кстати», и проч. Он сказал: «Государь без сомнения расположен принять вас, и не на две минуты, как некоторых, но для беседы приятнейшей, если не ошибаюсь». Пришел третий человек, его *ближний*, и разговор наш переменился. Слышно, что он думает пригласить меня к обеду. Вообще я нашел в нем человека с умом и с хорошими правилами. Вот его слова: «учителем моим был дьячек: мудрено ли, что я мало знаю? мое дело исполнять волю Государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться: теперь уже поздно». Не подумай, милая, что это насмешка; нет, он хорошо трактовал меня, и сказан-

ное мною не могло подать ему повода к такой насмешке. Следственно и Граф Аракчеев обязался способствовать моему скорейшему свиданию с Государем; даже *уверил* меня, что это откладывание не продолжится. Неужели все будет напрасно? По крайней мере надобно ждать и непристойно требовать, чтобы меня ни с чем отпустили в Москву.

Вчера в 7 часов вечера приехал я с Уваровым к Императрице Елисавете Алекс. Мы нашли ее совершенно одну, в большом кабинете. Она еще хороша лицом, миловидна, стройна, имеет *серебряной* голос и взор прелестной. Читали долго, но в глубоком молчании, следственно холодно. К сожалению, уткнув глаза в книгу, я не мог часто взглядывать на Императрицу; а на нее приятно смотреть. В ее глазах есть нечто красноречивое. Она казалась довольною. После мы говорили с час, ловко и свободно, о войне Французской, о пожаре Московском и проч. В начале одиннадцатого она изъявила мне благодарность: мы расстались и я вышел с приятным воспоминанием. Надобно было видеть эту интересную женщину одну в прекрасном белом платье, среди большой, слабо освещенной комнаты: *elle avail quelque chose de magique et d'aérien*. Она будет говеть и сказала мне, что не имеет надежды видеть меня в другой раз до моего отъезда. — На сих днях обедал я у Гр. Румянцева с знатными, у Шторха с учеными, у Огаревой с Тургеневым, у Балашева (*весьма* ко мне ласкового) со многими гостями; вечера был у Свечиной, Голицыной, Растопчиных, Гр. Алексия К. Разумовского, с Арзамасцами у Тургенева. Все хорошо; но худо что дни проходят, а день желаемый не приходит, и я еще не иду к милой!.. Завтра рано, в 9 ¹/₂ часов, должно мне ехать в *Училище глухонемых*, где будет, думаю, Императрица».

Неизд. соч. 1862. С. 175—178 (15).

Март, 15. Среда. Петербург. 5 часов вечера.

Н. М. Карамзин после полуторамесячного унизительного ожидания принят имп. Александром I.

Неизд соч., 1862. С. 179.

Март, 16. Четверг. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Милая! Вчера в 5 часов вечера пришел я к Государю. Он не заставил меня ждать ни минуты; встретил ласково, обнял, и провел со мною *час* сороки *минут* в разговоре искреннем, милостивом, прекрасном. Воображай что хочешь: не вообразишь всей Его любезности, приветливости. Я хотел прочесть Ему дедикацию: два раза начинал и не кончил. Скажи: *тем лучше!* ибо Он хотел говорить со мною. Я предложил наконец свои *требования*: все принято, дано, как не лъзя лучше: на печатание 60 тысяч и чин, мне принадлежащий по закону. Печатать здесь в Петербурге; весну и лето жить, если хочу, в Царском Селе; право быть искренним и проч. Я нюхал табак: Он взял мою табакерку; нашел, что ты лучше портрета, и улыбнулся, когда я сказал ему: *Sire, je rendrai ce compliment à ma femme; mais ne lui faites pas la cour: c'est une femme fidèle*. Он пригласил меня обедать в пятницу, то есть, завтра; обещал подписать два указа обо мне нынешний день, или, по Его словам, прежде пятницы; одним словом, надеюсь выехать около будущего вторника или среды. Опасаюсь одного, чтобы не задержали меня выдачею денег; но конечно не вздумаю вносить здесь для этой гадости: в случай *Гурьевской строптивости* уеду и без денег; оставляю только верующее письмо комунибудь из приятелей. Милая! пора, пора к тебе: начинаю уставать крепко. Весна может быть для нас приятна, если Бог, как надеюсь, соединит нас благополучно около Благовещенья. Как обрадуюсь тебе и детенкам! Теперь хочу только видеть указы подписанные...».

Неизд. соч., 1862. С. 179—180 (№ 16).

Март, 16. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Искренно благодарю вас, милостивый государь, любезный Александр Иванович, за доставление копии с Высочайшего указа об издании Библии на славянском

и русском языках. Таковое издание будет полезнейшим подарком, и не в одном отношении, не только для простолюдинов, но и для высшего класса, и даже для нашей братья, хотящих называться писателями.

Благодарю вас не меньше и за то, что вспомнили отшельника, дремлющего на пепелище, в ожидании долгой ночи. Он совершенно сиротствует. Петербург завладел и друзьями его, и московскими сладкопевцами. Отдайте нам хотя Василия Львовича <Пушкина>.

Между тем искренно вас обнимаю, поручая себя в продолжение вашей приязни и свидетельствуя душевное почтение с которым навсегда пребудет искренно вас любящий покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1084; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 222.

В 1816 г. состоялось Высочайшее повеление президенту Российского Библейского Общества об издании библии с переводом на русский язык. А. И. Тургенев, будучи секретарем этого общества, вероятно, по просьбе Дмитриева, и прислал копию с этого указа.

Март, 17. Пятница. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«Вчера не дали мне писать: теперь 7 часов утра; но то беда, что в девятом я уже должен быть в Воспитательном Доме, где Императрица намерена экзаменовать воспитанниц. Милость велика, но утомительна. Четвертого дни все утро в Институте глухих, третьего в Монастыре Смольном (где даже и обедал с любезными питомицами!), а ныне опять тоже; а в 2 часа надобно уже быть во дворце! Государь, как вероятно, не скажет мне ни слова о *моем деле*: за обедом говорят только о постороннем. Не знаю, кто мне даст знать об указах. Вчера я отвез карточку к Графу Аракчееву: он догадается, что это в знак благодарности учтивой. Вероятно, что он говорил обо мне с Императором. Последнее письмо твое от 9 Марта есть верх нежной меланхолии: чувства твои, друг милой, сколь естественны, столь и пронзительны для моего сердца. Будь же теперь веселее! Главное сделано: через четыре дни надеюсь сесть в кибитку; но еще напишу к тебе во вторник... Досей минуты, не смотря на усталость, твой доброй, муж здоров совершенно... Письмо запечатаю. Думаю, что оно, хотя и краткое, сделает тебе более удовольствия, нежели прежние. Авось все устроится к лучшему! Могу сказать лишнее; могу и поступить в ином не совсем благоразумно, но Бог поправит, вступится за мою простоту!».

Неизд. соч., 1862. С. 180—181 (№ 16).

Март, 18. Суббота. Петербург.

Карамзин получает чин статского советника и орден Анны I степени.

Март, 18 ... 25. Петербург.

Диплом, поднесенный обществом «Арзамас» Карамзину:

«От Арзамаского общества безвестных людей почтенному и известному Историографу Всея России Господину кавалеру Анны и Славы Карамзину.

Известно нам, что Ваше Высокородие занимаетесь описанием знаменитых пождений Руского народа и даете, по милости своей, жизнь русской славы, которая до сих пор беспорядочно покоилась сном беседы и смерти в гробах, сооруженных ей различными халдеями, как-то: Господином Леклерком, Господином Левеком и некоторыми ожесточенными сынами или пасынками России.

Известно нам, что Ваше Высокородие с величием арзамасского Гуся прохаживаетесь по шелковым лугам руского слова и не устаиваете взгляда Беседных трясин галиматый ни академических закоулков бессмыслицы.

Известно нам, что сердце Вашего Высокородия, сие сокровище небесное, своею чистотою подобится белому едва оперившемуся гусенку, начинающему расправлять свои крылья и весело полоскаться в чистых водах отчизны и что ваш характер так же ясен, как небо, сияющее в красоте весенней над главою сего гусенка.

Известно нам, что мы все нижеподписавшиеся любим ваше высококородие любовью нелицемерно каждый особенно и все совокупно, любим за себя и за свое отечество, которому вы честь и слава.

Известно нам, слава Богу, что и отец отечества нашего так же вас любит, и что он соблаговолил вас отличить пред всеми прочими детьми своими уважением, вам приличным, достойным Царского сердца, делающим честь Царскому сердцу и Царскому величию.

Известно нам, что Ваше Высочородие получили от Царя почтенного и знаки сего уважения и что всякой доброй сын России почувствовал за сие благодарность к Царю своему.

Того ради не для чего иного, как для сего и прочего, мы возымели охоту поднести Вашему Высочородию посильный экземплярец сего знака отличия, сию ленту со крестом и сию звезду их сопутницу; да сияет звезда сия у вас на груди во знамение любви нашей, а вы, Ваше Высочородие, пребывайте для нас незаходимою звездою славы, дружбы и всего что есть арзамасского, то есть лучшего на свете.

Светлана <В. А. Жуковский>.

Кассандра <Д. Н. Блудов>.

Элова Арфа <А. И. Тургенев>.

Старушка <С. С. Уваров>.

Громобой <С. П. Жихарев>.

Ивиков Журавль <Ф. Ф. Вигель>.

Вот! <В. Л. Пушкин>.

Асмодей <П. А. Вяземский>.

Чу!! <Д. В. Дашков>.

Ахилл <К. Н. Батюшков>».

СН. Кн. XII. М. 1907. С. 334–335.

Март, 20. Понедельник. Царское Село.

Лицейский товарищ Пушкина А. Д. Илличевский пишет П. Н. Фуссу в Петербург:

«...Как же это ты пропустил случай видеть нашего Карамзина, бессмертного историографа отечества? Стыдно, братец, – ты бы мог по крайней мере увидеть его хоть на улице; но прошедшего не воротить, а чему быть тому не миновать, – так нечего пустова толковать! Ты хочешь знать, видел ли я его когда нибудь? как будто желаешь найти утешение, если это подлинно случилось. Нет, любезный друг, и я не имел счастья видеть его; и не находил к тому ни разу случая. Мы надеемся, однакож, что он посетит наш лицей, и надежда наша основана не на пустом: он знает Пушкина и им весьма много интересуется; он знает также и Малиновского. <...> Поспешайже, о день отрад! Правдаль? Говорят, будто Государь пожаловал ему вдруг чин статского советника, орден Анны 1 класса, 60.000 руб. для печатания Истории. – Слава великодушному монарху! Горе зоилам гения!

Признаться тебе, до самого вступления в лицей, я не видел ни одного писателя – но в лицее видел я Дмитриева, Державина, Жуковского, Батюшкова, Василия Пушкина – и Хвостова; еще забыл: Неледенского, Кутузова, Дашкова».

РА. 1864. Изд. 2-е. Стб. 966.

Март, 21. Вторник. Петербург.

Письмо Карамзина к жене в Москву:

«...Ты уже знаешь, друг бесценной, что Государь пожаловал мне еще Аннинскую ленту через плечо, и самым приятнейшим образом. Нынешний день я простился с двумя Императрицами, добрыми, любезными, и был у вдовствующей от 3 часов до девяти. Завтра прощусь с Великими Князьями и Вел. Княгинеею. Не знаю, увижу ли еще Государя. Деньги, 10 тысяч, общали мне выдать завтра или после завтра; а 50 тысяч оставлю в Кабинете. Выеду, как надеюсь, в четверг. Теперь проси Бога, чтобы он соединил нас благополучно.

... Благословляю вас и предаю вместе с собою в волю Божию. Спешу кончить письмо. Много визитов и дела: но главное сделано. Так ли, милая? Еду к тебе! Твой на веки».

Неизд. соч., 1862. С. 181–182 (№ 17).

Март, 24. Пятница. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1816. № XII. С. 239) напечатано сообщение: «При сем случае можем известить публику, уже давно с нетерпением ожидающую Истории Российской, сочиненной г. Карамзиным, что он кончил и совершенно изготовил к напечатанию 8 томов. В них заключается История России от древнейших времен до кончины царицы Анастасии Романовны, супруги царя Ивана Васильевича Грозного, т. е. до 1560 года. Ныне занимается он девятым томом и надеется кончить его до издания в свет первых осьми. Вся История печататься будет в Санктпетербурге, под смотрением самого автора, и все 9 томов выйдут вдруг. Печатание продолжится года полтора».

Март, 25. Суббота. Благовещение. Петербург.

Карамзин, кн. Вяземский и В. Л. Пушкин выезжают в Москву. По дороге они заезжают в Царскосельский Лицей (занятий в Лицее не было по случаю Благовещенья), где навещают А. С. Пушкина. Их, вероятно, провожали до Царского Села Жуковский и А. И. Тургенев.

Летопись, 1991. С. 108.

Однако кн. П. А. Вяземский в 1874 г. в письме к К. Я. Гроту рассказывал об этом визите несколько иначе: «...Из Москвы в Петербург в 1816 г. с Карамзиным ехал я один. Жуковский был уже в Петербурге. Василий Львович <Пушкин> приехал в Петербург или перед нами или вслед за нами, но положительно не с нами, а в обратный путь примкнул к нам. С ним по дороге и заезжали мы в Лицей, вероятно, по предложению Вас.[илия] Львов.[ича Пушкина]. Оставались мы там с полчаса, не более. Не помню особенных тогда отношений Карамзина к Пушкину. Вероятно, управляющие Лицеем занимались Карамзиным. А меня окружила молодежь...» (Грот. 138).

Март, 27. Понедельник. Москва.

Приезд из Петербурга Карамзина и кн. Вяземского в девятом часу утра.

ОА Т. I. С. 42 (письмо кн. Вяземского к А. И. Тургеневу от 29 марта 1816); *Погодин*, 1866. Т. II. С. 135.

Март, 27(?) ... Апрель. 15(?).

Эпиграмма Пушкина «На Карамзина» («Послушайте: я сказку вам начну...»).

Летопись, 1991. С. 109.

Н. О. Лернер датирует эту эпиграмму 1818 или 1819 годами; вместе с тем он утверждает, что «нет оснований думать, что она-то и написана Пушкиным. Может быть, пушкинская эпиграмма вовсе не дошла до нас» (Лернер, 1910. С. 44).

Поводом для написания эпиграммы на «Историю Государства Российского» послужило, вероятно, сообщение от 24 марта в «Сыне Отечества» (1816. № XII. С. 239). См. «Март, 24».

Март, 31 ... Апрель, 13. Москва.

Карамзин посещает Е. С. Тургеневу.

См. «Апрель, 13».

Апрель, 2. Воскресенье. Москва.

К. Н. Батюшков встречается Карамзина с женой у И. И. Дмитриева.

Батюшков, 1886. Т. III. С. 385 (письмо к Е. Ф. Муравьевой в Петербург помеченное «На страстной в понедельник»: «Видел вчера Карамзиных у Дмитриева»).

Апрель, 3. Понедельник. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет:

«...Накануне отъезда Жуковский написал, по просьбе английского посла, прекрасные куплеты, которые я не успел послать вам; а теперь не посылаю, зная, что Северин доставил их Ивану Ивановичу <Дмитриеву>».

ОА Т. I. С. 41.

Куплеты Жуковского — «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Государя императора Александра Павловича». Празднество происходило 28 марта, в годовщину отречения Наполеона от престола. Жуковский выехал в Дерпт, через Царское Село, 24 марта.

Апрель, 9. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 10. Понедельник. Москва.**

Письмо к А. Е. Измайлову (не сохранилось).

РА. 1871. Стб. 961.

Апрель, 11. Вторник. Москва.

Дмитриев в письме к графу Н. П. Румянцеву пишет:

«Исполняя приятный для меня долг, поспеваю принести вашему сиятельству усерднейшее поздравление с наступающим праздником всего христианства.

Между тем позвольте мне, милостивый государь, как другу Карамзина, изъяснить вам и сердечную благодарность мою за весьма лестное для него ваше гостеприимство. — Он растроган вашим благоволительным приемом и исполнен к вам искреннего почтения. — Теперь свидания с ним стали для меня еще приятнее прежних: я могу говорить с ним часто о вас, говорить с тем, который одинаково со мною чувствует.

Примите, милостивый государь, уверение в душевном почтении и признательности и проч.».

РС. 1901. № 7 (Июль). С. 168. Странно, что Дмитриев пишет «с наступающим праздником всего христианства». Пасха была 9 апреля.

Апрель, 16. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Поспеваю изъяснить вам искреннюю признательность мою за приятное ваше письмо и доставленную при оном книгу. Покорнейше прошу вас передать за нее благодарность мою князю Александру Николаевичу <Голицыну>.

Эта книга довольно любопытна; для меня же особенно по многим грамотам, в ней помещенным. Ежели я не отыщу некоторых томов в своей библиотеке, то с благодарностию воспользуюсь благосклонным предложением вашим.

Вы приветствуете меня с возвращением В. Л. <Пушкина>, но на долго-ли? Это перелетная птица. Выслужа арзамасского гуся, он теперь еще более вскружен от Петербурга. Только и говорит о скором переселении.

Наконец, приветствую вас задним числом с недавно минувшим высокаторжественным днем всего христианства, и поручив себя продолжению вашей приязни, с душевным почтением навсегда пребуду вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Поцелуйте за меня Василия Андреевича <Жуковского> и уверьте в моей искренней признательности за вторую часть прекрасной поэзии».

РС. 1903. № 12. С. 707—708 (№ 7).

Апрель, 27. Среда. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 1—2.

Май, 4. Четверг. Москва.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Я имел честь получить почтеннейшее письмо вашего превосходительства, от 10-го числа минувшего Апреля, и приношу вам чувствительную мою благодарность за весьма лестное для меня ваше ко мне благорасположение.

Вы изволите ободрять меня, советугя мне *идти надежно по следам веселых моралистов*. Ах! я не столько надеюсь, сколько страшусь, вступив на сие обширное и скользкое поприще. Чем более читаю Лафонтена и других славных фабулистов и критиков, тем более имею причин опасаться и не доверять самому себе. Весьма много почитаю себя обязанным отечественным баснописцам, ибо хорошие образцы на своем языке полезнее всякой теории и правил. По моему мнению, Хемницер и Крылов весьма близко подошли к Лафонтену: первый своим просто-

душием, а второй веселостью и живостью разговора. Но ни тот, ни другой не имеют любезной его чувствительности, силы и благородства в выражениях, которые столь удачно сохранили вы в своих подражаниях. Я удивляюсь, как ваше превосходительство могли столь хорошо и столь близко переводить Лафонтена. От Лафонтена и от вас узнал я, что баснописец должен быть настоящий поэт, то-есть должен иметь чувство, составляющее существенное свойство поэта, и при всей простоте рассказа не унижать никогда языка богов.

Кажется, у нас любят теперь читать басни. Никогда еще не раскупали здесь так хорошо ни одной книги, как раскупают ныне басни Крылова. Жаль очень, что в 4-й и 5-й частях пометил он довольно посредственных басен и оставил в прочих насколько слабых и даже дурных стихов, которые весьма бы легко можно было поправить. Завидуя его успехам, многие здесь принялись писать басни, и пишут ежели не успешно, за то весьма поспешно. У главного издателя Духа Журналов подражен один молодой баснописец Лузанов, который всякую почти неделю ставит ему по две и по три басни. Вот настоящий и самый плодовитый *Fablier!*

Граф Д. И. Хвостов намерен сделать второе издание своих Притчей. Не известно еще, скоро ли оне появятся к свет, но давно уже одобрены цензурою к напечатанию. Недавно вышла здесь 1-я книжка басен и сказок Василия Тибекина; вслед за оной должны выйти еще три книги. Г. Тибекин, как я слышал от книгопродавцев, человек уже пожилой и с просвещенным вкусом: он строго критикует в книжных лавках сочинения Карамзина и хвалит свои басни, называя их *ядовитыми*. И подлинно ядовиты! Вот как он пишет:

На спор и драку к ним
С усердием своим
В подобных случаях искусный Разбирайло,
Крючек, Зацепчик, Обдирайло...

Это у него подражание Лафонтену; это Perrin Dandin в басне: Устрица и двое Прохожих.

А Шницель вслед бежит и вяк сему уроду:
Наряд не может скрыть породу

Так говорит устами г. Тибекина Собака Обезьяне, которая нарядилась в платье своей госпожи.

Но я уже наскучил вашему превосходительству дурными стихами и дурною прозою. Прошу покорнейше великодушно меня в оном извинить.

С чувством глубочайшего высокопочитания и душевной преданности имею честь пребыть навсегда, милостивый государь вашего превосходительства всепокорнейшим слугою Александр Измайлов».

РА. 1871. Стб. 961–963.

Май. 18. Четверг. Москва.

Отъезд Карамзина с семьей в Петербург (Царское Село).

ОА. Т. I. С. 46; Карамзин Брату, 25. 605.

Май, 24. Среда. Пять часов вечера. Царское Село.

Приезд Карамзина с семьей из Москвы.

РС. 1899. Февраль. С. 475 (№ 32): записка к А. И. Тургеневу в Петербург: «24 мая ввечеру <1816 г., Царское Село>».

Здравствуйте, любезнейший Александр Иванович! Мы в Царском Селе. В Петербурге ли Вы? — Думаю или надеюсь. Можете ли заглянуть к нам, или мне ехать к вам?..».

«В 1816 году для Карамзина отвели казенный дом в Царском Селе, прямо против Лицейского сада (второй дом от угла). Бруни, отец знаменитого художника, занимавшийся при дворе реставрацією картин, нарисовал нарочно на стене одной комнаты этого дома портрет Карамзина. Карамзин очень этому удивился и немедленно велел замазать портрет. — Рядом с ним жил граф Толстой (женатый на Протасовой), который не мало удивлялся, за что Карамзину такая милость» (Из рассказов князя Петра Андреевича и княгини Веры Федоровны Вяземских, записанных в разное время, с позволения обоих <Петром Ивановичем Бартеневым>) // РА. 1888. № 7. С. 305).

Май, 25. Четверг. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы приехали благополучно 25 Мая в пятом часу вечера и нашли свой домик приятным; уютно и все изрядно; только кабинет мой должен быть в особенном флигеле: за то у меня там две комнаты. Император уехал отсюда третьего дни и будет назад после завтра. Вдовствующая Императрица велела поздравить меня с приездом и сказать, что могу быть в Павловск, когда хочу, и что она всегда примет меня с удовольствием. Увидим, так ли любезен будет Государь: едва ли! Мы еще никого не видали, кроме графа Ожаровского, пока весьма учтвого. Я писал к Наталье Яковлевне: она в Петербурге. Надеюсь скоро увидеться с нею; а письмо к Ланской отослал через Вилламова. Еще не имею ни строки из Петербурга, т. е. ни от Тургенева; ни от Натальи Яковлевны, ни от К. Ф. Муравьевой; я к ним только и писал. Слышно, что Двор переедет сюда к 15 Июня, после отъезда Великих Княгинь. Я уже гулял верхом и пешком. Здесь все еще уединенно; нет никого, а всех ждут. Завтра думаю съездить в Павловск. Погода не летняя. Во все утро был у нас огонь в камине. Авось будем к Сентябрю в Москву! Впрочем не делаю планов. В начале той недели заглянем в Петербург. Более нет вестей. Желая написать к тебе впредь что нибудь по любопытнее. Люби меня, как люблю тебя, и будь здоров, спокоен; гуляй в саду и думай тогда об нас. Катерина Андр. дружески тебе кланяется. Обнимаю тебя с горячностью. Прости милой друг! Навеки твой Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 187—188 (№ 175).***Июнь, 8. Царское Село.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший, милый друг! у меня было занемогла Катерина Андр.: теперь, слава Богу! ей лучше. — Государь призывал меня к себе и говорил со мною весьма милостиво о вещах обыкновенных. Увидев меня на бале в Павловске, в розовом павильоне, тотчас подошел спросить о здоровье жены, и на другой день прислал лакея Своего спросить о том же. Это милостиво, и тронуло меня. Императрицы также приветливы. Однакожь все еще не знаю, останусь ли печатать здесь историю. Типографщики дорожатся или не имеют нужного для такого печатания. Будет, чему быть надобно, а пора мне где нибудь основаться до конца жизни и работать постоянно, без всяких развлечений. — Пользуемся дружеским обхождением любезной Натальи Яковлевны и гуляем с нею в прекрасном саду. Скажи ей, как мы чувствуем цену её приязни. — Еду в Петербург, чтобы пожелать счастливого пути Бел. Княгине и Принцу Оранскому, да и просить денег из Кабинета, не весьма податливого. Обнимаю тебя нежно. Пищу к тебе уже третье письмо, и жду твоих. Будь здоров, спокоен, и люби твоего Н. Карамзина».

*Карамзин, 1866. С. 188 (№ 176).***Июнь, 27. Царское Село.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

На три письма я получил только один ответ от тебя, бывший в дороге две недели. Сделай милость, пиши ко мне через Наталью Яковлевну, в её пакете: это вернее и скорее.

Меланхолическия слова твои: старость, одиночество, все бедно и скучно, тронули меня до глубины сердца. Утешаюсь однакожь мыслию о твоей душевной твердости в которой всякой из нас имеет большую нужду. Приезжай на время сюда: ты возвратишься спокойнее и довольнее в Москву. Говорю по собственному, искреннему, глубокому чувству. Меня еще ласкают; но Московская жизнь кажется мне прелестнее, нежели когда нибудь, хотя стою в том, что в Петербурге более общественных удовольствий, более приятных разговоров. Ты знаешь и свет и Двор лучше меня, думаю; но время изглаживает, ослабляет впечатления. Люби, люби Москву: будешь веселее. Такое философствование готовит тебя к следующему. Не

смотря на ласки Двора, вероятно, что мы возвратимся к тебе в конце Августа. Сверх цены нахожу, что у Селиван. можно печатать Историю скорее, нежели в здешних типографиях. Жить дорого, а квартиры *просить* не хочу. Смешно будет в два года издержать наперед то, что может мне принести История. Я благодарен и доволен; однакожь...ou reut-on être mieux, etc.? Воспоминание о приятной Царско-Сельской жизни, о праздниках, обедах Павловских, любезной приветливости Государя и Императриц, останется и в воображении и в сердце. Не каюсь, что приехал сюда; надеюсь, что не буду каяться и возвратясь в дом Кокошкина. Я писал к тебе, что Государь однажды призывал меня к себе; встречаюсь с ним в прогулках: он всегда останавливается, чтобы сказать несколько приятных слов – и только. Он снисходителен, добродушен, как ты сам знаешь. – Третьего дни на бале в Павловске наш умный министр говорил со мною в уголке часа два, и так *искренно*, так *обязательно!* Тут мы сошлись с Клингером: он расспрашивал о тебе. Наконец явился Милорадович с военною трубою, и время показалось мне коротко. – Три раза был я в Петербурге и гулял по Неве с женою, с дочерьми, с Огаревою и с Тургеневым. Императрица звала нас на Каменной остров. – В добавок к известиям скажу, что Пуколов посещал меня, но не застал дома; также и Затрапезнов. Сапо д'Истрия виделся я только на бале. Он хотел приехать к нам обедать; а если не будет, то и я никогда не буду у него. Они *образуют*. Стурза уже образовал Бессарабию, а принц Ольденбургской убедил Эстляндских Дворян дать свободу крестьянам: за что и получил Владимира. – Прости, милой друг. Я не очень здоров, но благодарю Бога за жену и детей. Иногда мысли в тумане; но вспомню, что без Бога ничего не делается, и делаюсь спокойнее. Vive la Providence! Почти хотел бы сказать: vive la mort! Люблю жить с женою, с детьми и с друзьями; но мысль о смерти дает особенную приятность жизни: все милее от того, что не вечно! Это не в твоём вкусе: нужды нет. On ne se gêne pas avec les amis. Еще прости, любезнейший. Будь здоров и *долговечен*, весел умом и спокоен сердцем. Твой навеки.

Н. Карамзин.

Мы всякой день видимся с доброю и приятною Натальею Яковлевною; проводим вместе вечера».

Приписка Е. А. Карамзиной:

«И я прибавлю любезнейший Иван Иванович изъявление своей благодарности за доставление нам столь приятного знакомства. Надеюсь что сказанное вами о тоске и скуке есть чувство минутное которое исчезает когда вы входите в свой приятной сад, по крайней мере я сего желаю вам душевно, равно как и всех благ сего смешного света».

Карамзин, 1866. С. 189–190 (№ 177).

Июнь, 29. Царское Село.

У Карамзиных в гостях А. С. Пушкин.

Берег. 1880. № 74. С. 17.

Июнь ... Август, 9. Царское Село.

Пушкин у Карамзиных встречается с имп. Александром I.

*Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 179: («Пушкин у них «Карамзиных» бывал часто, но всегда смущался, когда приходил император»); *Летопись*, 1991. С. 113.*

Июль, в ночь с 8-го на 9-е. Село Званка. Новгородская губерния.

Кончина Гавриила Романовича Державина (рожд. 3 июля 1743).

Июль, 18. Вторник. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Ты с грустью писал ко мне о смерти нищелюбивого И. В. Лопухина, моего старинного благоприятеля, а я с грустью же пишу к тебе о кончине Г. Р. Держави-

на. В один день узнали мы о той и другой. Меня кольнуло в сердце. Естественно вспоминать об усопших только добром. Наш Пиндар готовился дать сельский пир друзьям своим и пал в могилу, которая часто бывала рифмою в его стихах. До сей минуты не знаю никаких подробностей. Здесь мало занимаются мертвыми. В воскресенье мы обедали в Павловске: никто не сказал мне ни слова о смерти знаменитого Поэта! Один Греч ревнует в *Сыне Отечества*. Sic transit gloria mundi!

В первом письме могу сказать тебе что нибудь решительное о нашей судьбе: здесь ли останемся года на два или к Сентябрю будем в Москве. Государь без моей прозбы дал приказание К. Волконскому, чтобы военная типография печатала мою Историю на условиях, какия предложу ей; но Г. Закревской учтиво пишет ко мне, что он готов исполнить приказание, не ручаясь за скорое печатание! Я отвечал, что в таком случае не могу иметь с ними дела. — Помышляем теперь о Петергофе, где милостивый Император велел К. Волконскому нанять для нас домик, не сказывая нам. О тебе не редко воспоминают в Павловске, особенно вдовствующая Императрица. — Мне иногда бывает очень грустно, что я не в Москве: это не слово, а чувство. Иные дни проводим весьма уединенно; пишу в особенном сельском домике; верхом гуляю в саду Александровском и в зверинце. Место прелестное: только мне кажется, что я не в России, когда слышу вокруг себя язык чухонской. — Прости, любезнейший. Будь здоров и как можно веселее! Ты не хотел уведомить меня об Остафьевском приключении. Хорошо, что это не имело следствий. Алексей Пушкин стал, говорят, набожнее. Сто раз обнимаю тебя. Часто, часто беседуем о тебе с Катериною Андр. и с Натальею Яковлевною.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 191—192 (№ 178).

Июль, 20. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Чувствительно благодарю вас, милостивый государь Александр Иванович, за дружеское ваше письмо и сообщение мне вашего отчета. Требуя от меня критики, вы, конечно, предполагаете во мне самую холодную душу: можно ли искать недостатков в слоге в таком роде сочинения, которое дышет человеколюбием, милостынею и пользою? Я читал его с большим участием от первой до последней страницы, и заключение ваше назову, без всякой лести, прекрасным произведением искусного литератора.

Искренно разделяю с вами чувство о потере Ивана Владимировича <Лопухина> и всегда с уважением вспомню имя его; а о кончине Державина всегда вздохну от сердца. Он был гений, благонамеренный гражданин, и некогда любил меня. Наконец, заключаю сердечным желанием, чтоб и вы не переставали любить искреннего вашего почитателя и покорнейшего вашего слугу Ивана Дмитриева».

Впервые: *РА*. 1867. № 7. Стб. 1085, с ошибкой в дате: «10 июля»; *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 222—223 (с повторением ошибки в дате). В «Рус. Стар.» (1903. № 12. С. 708) выставлена дата правильная: «20 июля». Об этой ошибке см.: *В. В. Чулицкий*. Из писательских отношений десятих годов XIX столетия // Известия отделения рус. языка и словесности имп. Академии Наук. Т. IX. 1904. С. 321—322.

Август, 3. Четверг. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Дело кончено, и мы остаемся в Петербурге года на два: Государь приказал печатать мою Историю в военной типографии. Я исполнен благодарности, хотя и не радуюсь. Желаю, чтобы ты был прав, и чтобы я потел от Петербургской жизни; но едва ли это желание исполнится.

Предаюсь в волю Божию с своею меланхолией. Я жил в Москве: не придется ли умереть в Петербурге? Мы наняли дом близ Литейного Двора, в Захарьевской улице, за 4,000 р.: он, кажется, хорош для нас, и даже с садиком. Нева близко, сад Таврической недалеко. Располагаемся пробыть в Царском Селе до Сентября, но часто принужден буду ездить в город по делам типографским.

Мы два раза обедали у Государя; вчера звали и в третий раз, но, к сожалению, я был в городе, а Катерина Андр. не решилась итти одна во Дворец. Не можем нахвалиться любезною приветливостию милостивого Императора и всей Царской Фамилии. В Павловске бываем и в воскресенье и в простые дни, раза два в неделю: т. е. обедаем. Ласкают равно и меня и жену. Одним словом, здесь не знаю ничего милее Царскосельских и Павловских хозяев. Признательность моя обыкновенно состоит в любви. А доволен ли я? По крайней мере не собою; не совсем доволен и другими: любя, желаю, желаю, желаю; а многия желания беспокоят душу, как известно. — С Петербургом я еще не возобновил знакомства: бываю там всегда за каким нибудь делом, и почти никого не вижу, кроме Тургенева, Блудова etc. Умной и доброй Северин в *большом ходу*, как говорится, по делам дипломатическим: он лучший работник у Гр. Капо д'Истрия и едет при нем с Государем, следственно увидишь его 14 Авг. в Москве. — Будь здоров, любезнейший: это главное; все другое может поправиться. Писал ли ты к батюшке о своих долгах? или еще сочинишь письмо в голову? Мои Финансы также иногда беспокоят меня в будущем. Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью: жена моя следует примеру мужа, а дети примеру отца.

Твой на веки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 192—194 (№ 179).

Август, 8. Царское Село.

Карамзин с женой на обеде у имп. Александра I.

Август, 14. Москва.

Приезд имп. Александра I из Петербурга.

Август, 21. Понедельник. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Слово твое, что мы виделись, может быть, в последний раз, меня очень тронуло. Конечно: как знать? Однакожь надеюсь, что мы еще будем жить вместе, в Петербурге ли, в Москве ли, куда, если буду только жив, возвращуся по издании Истории: я не придворной! Историографу естественнее умереть на гряде капустной, им обработанной, нежели на пороге Дворца, где я не глупее, но и не умнее других. Правда, не мало времени в двух годах: да будет воля Божия! Все делается для чего нибудь, хотя мы и не знаем, для чего! Мне бывало очень тяжело: теперь уже легче от привычки. — Ты как Поэт описал мне украшенную Москву: *le Roi est au camp, et Montausiel n'y est pas!* Не поленись сказать мне два слова о пребывании Государя в царствующем граде. Как обошелся с тобою? Мы живем теперь в глубоком уединении: вдовствующая Императрица провожает Великую Княгиню до Нарвы. Гуляю один, верхом, по садам Павловским, в Царскосельском парке, вокруг Бабилова. И здесь бывает хорошая погода: на пример, вчера и ныне удивительная. К сожалению, еду через несколько часов в Петербург по скучным делам типографским. Едва ли в исходе Сентября увижу первый лист печатный: то нет бумаги, то малы станы; я дал уже 8000 р. вперед, а все не ладится. Между тем пересматриваю ноты, и для меня скучныя: каковы же будут для читателей? Однакожь не имею духа поставить X. Дом наш в городе расписывают. Боюсь и думать о том, сколько надобно будет проживать здесь! — О князе Петре нет ни слуха, ни духа: это нас беспокоит. — Пока мы здоровы: вот главный предмет нашей благодарности к Богу! Будь и ты совершенно здоров, любезнейший! Все мои обнимают тебя. Люби и без грусти помни твоего

Н. Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 194—195 (№ 180).

Август, 30. Москва.

Сообщается о назначении И. И. Дмитриева Председателем комиссии для пособия разоренным от пожара и от неприятеля в Москве.

Моск. Вед. 1816. № 71. 2 сентября. С. 1541.

Сентябрь, 6(?) ... Октябрь, (?). Царское Село.

Пушкин пишет стихотворное послание «К Жуковскому» («Благослови, поэт!.. В тиши Парнасской сени...»), в котором упоминается Дмитриев:

«...Сокрытого в веках священный судия,
Страж верный прошлых лет, наперсник Муз любимый
И бледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитриев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?».

Акад., I. С. 194; *Летопись*, 1991. С. 119. Н. О. Лернер датирует это стихотворение «серединной 1817 г.» (*Лернер*, 1910. С. 36). Впервые напечатано в 1840 г. в «Сыне Отечества» (Т. II. Кн. 5. С. 246–249).

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 12. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за дружеское письмо. Кажется, что Государь Москвою и Москва Государем довольны. К нам пишут, что Он избрал тебя в Председатели Комиссии для раздачи полумиллиона бедным: так ли? ты не говоришь ни слова. — Наступила пасмурная осень, и мы думаем к 20 ч. переехать в город, где типография и корректуры будут ближайшими к моему сердцу предметами! Желаю скорее начать это дело, чтобы скорее кончить и решить судьбу остальных дней моих. Не знаю, как расположу свою жизнь в Петербурге. Вероятно, что у меня останется не много времени для общества или по крайней мере для выездов. Как часто думаем и говорим о тебе! Вчера я виделся с нашим любезным Канцлером. Он весьма доволен своим наблюдательным путешествием и возвратился с новыми доказательствами мнимой истины старых своих исторических парадоксов. — Ты познакомился с Графом Капо д'Истрия: вот умнейший человек нынешнего Двора; кажется искренним, однакожь не без тонкости. Государь, Императрица любят хвалить его, и я без лестии могу им вторить. — Ты не любишь делать пустых вопросов: следственно не спросишь, весело ли нам? В некоторых летах и с некоторым характером люди перестают думать о веселье. Ум и сердце согласно предписывают мне жизнь семейственную и работу. Невольная или, лучше сказать, естественная, благоразумная скромность удаляет меня от всяких льстивых мечтаний самолюбия; если не могу, то и не хочу нравиться людям. Здесь многие уже перестали быть ласковы со мною: у того я не был с визитом; другому не сказал учтивостей, и проч.; иной считает меня даже гордецом, хотя я в душе ниже травы. — У меня еще болит нога; однакожь езжу верхом и надеваю башмаки, хотя нога и завязана. Нынешний день отправился обедать к Императрице Елисавете Алекс. Павловск на сих днях опустеет: Государыня едет в Гатчину. — Надписывай, любезнейший, письма ко мне в Петербург, в *Захарьевскую улицу, в дом Баженовой*. Прости. Будь как можно здоровее и спокойнее. Обними за нас любезного Сергея Сергеевича <Кушникова>, и скажи доброй поклон Бекетовым. Где наш Дашков? Не знаю, куда писать к нему. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 195–196 (№ 181).

Сентябрь, 20. Царское Село.

Отъезд Карамзина с семьей в Петербург.

Пушкин. Исслед. и мат. Т. XII. С. 289.

Сентябрь, 20. Москва.

Цензурное разрешение, выданное Иваном Двигубским на выпуск 9-го номера «Русского вестника», в котором напечатано «Послание к И. И. Дмитриеву, по случаю сделанного ему Высочайшего препоручения о рассмотрении прошений неимущих Московских жителей» («Сколь сладостное утешение...») (С. 8–9). К стиху: «Желал ты бедных быть покровом...» примеч. ред.: «Смот. Сочинения Дмитриева. Часть. I, стран. 93».

Сентябрь, 29. Петербург.

Кончина Павла Александровича Никольского.

СО. 1816. № 40. С. 67 (ц. р.: 12 октября).

Сентябрь, 30. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 3.

Октябрь, 1. Воскресенье. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за три письма. Вчера прислал мне А. Д. Балашев твой 4000 р., с которыми вчера же ездил я к Наталье Яковлевне, но не застал ее; надеюсь отдать их ныне или завтра.

В ответ на *Тургеневское* письмо скажу: лучше кончить дело, как надобно, и поставить себя выше маленьких неприятностей; так думаю, и надеюсь, что так и сделаешь.

Вдов. *Императрица*, говоря мне о тебе, сказала: mon fils rendoit toujours justice à Mr. Dmitriew. *Елисавета Алексеевна* хотела знать подробности нынешней философской жизни твоей. Последний обед у Нее был для меня очень приятен. – За то теперь мне и скучно и хлопотно. Типография смотрит на меня медведем; в доме всего не достает, а денег выходит много. Ездить не хочется; все торопимся и ничего не делаем. Только читаю корректуры; даже смотрю без удовольствия на первые листы. Меня так милостиво звали в Гатчину, а я не трогаюсь с места. Жалею не только о Москве, но и об Царском Селе! Ободримся!

Сейчас отдал я деньги Наталье Яковлевне: был у нее. Дружба её к нам очень любезна.

Прости, мой друг! Душею и сердцем обнимаем тебя. Навеки твой

Н. Карамзин.

Любезнейший! Бедная старушка, мне весьма известная, Секретарша Аграфена Алексеевна Шарапова, подала *Государю* прозьбу о вспоможении: удостой ее своего внимания; она действительно в жалком состоянии. Живет на Поварской, у Покрова, в доме Княжны Волконской. – Еще раз обнимаю тебя».

Карамзин, 1866. С. 196–197 (№ 182).

Октябрь, 16. Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу сообщает, что «Иван Иванович <Дмитриев> написал несколько превосходных басен».

ОА. Т. I. С. 58.

Октябрь, 18. Петербург.

Возвращение имп. Александра I из Москвы. Не позднее 26-го октября князь А. Н. Голицын представил ему записку Карамзина о препятствии «военных господ начальников типографий» печатать «Историю» без цензуры.

См. недатированное письмо Карамзина к А. И. Тургеневу с просьбой об «уничтожении одного слова, а именно, что Закревский <А. А., в ведении которого находилась военная типография, где печаталась «История» Карамзина> велел остановить печатание» (РС. 1899. Февраль. С. 478).

Октябрь, 26. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Последнее письмо твое порадовало меня веселым тоном своим и тронуло милым выражением твоей дружбы к отсутствующему Историографу, которого место занял Историограф Клоба etc. Мы душевно порадовались, что ноша долгов свалилась с плеч твоих. Остальные 6000 уже не могут быть тягостны. Теперь можешь утешаться прекрасным домом: он вполне твой, и в нем жить лучше, нежели в *трех философских комнатах*. Ты не говоришь, но слышу от других, что и Музы снова посещают тебя, не смотря на 13 т. бумаг, тобою разбираемых. Все это хорошо для тебя, друзей и Публики. — О себе скажу, что нам не очень весело. История печатается худо и весьма худо. Сверх того военные господа, начальники типографии, старались делать мне разные неудовольствия, и в отсутствие Государа даже остановили было печатание, требуя, чтобы я отдал книгу свою в цензуру. Но теперь это кончилось. Государь велел печатать *без цензуры*. Записку мою подавал князь А. Н. Голицын. Я не видал Императора, и едва ли увижу. Мы расстались по видимому с Двором: Бог с ним! — Несколько дней беспокоит нас Андрюша своим нездоровьем. Такова наша доля! от горя не уйдешь ни в Москве, ни в Петербурге. Катерина Андр. дружески тебе кланяется: не её, но моя вина, если в последнем письме я не сказал об ней ни слова. Прости, любезнейший. Душею и сердцем обнимаю тебя. Будь здоров и наслаждайся спокойствием. Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Похожели на справедливого, на любезного Ивана Ивановича осуждать не выслушавши обвиняемую? Я могу вас осуждать и справедливо в дружеском оскорблении: могли ли вы думать, чтоб я когданибудь не была расположена сказать вам всего приятного и ласкового? Н. М. обязался быть изъяснителем моих чувств, но иногда лень а иногда и забвение мешают ему исполнить свою обязанность. Вините же вашего друга в неисправности, а не меня когда дело идет о моей привязанности и дружеском почтении к вам любезный Иван Иванович».

*Карамзин, 1866. С. 198—199 (№ 183).***1816. Октябрь. Москва.**

Дмитриев в письме к В. В. Измайлову пишет:

«Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Благодаря вас искренно за дружескую доверенность, которою почтили меня в письме вашем, могу вас уверить, что я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила которые даны в руководство комиссии. В противном же случае мне останется только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам.

Я нетерпеливо жду вашего возвращения, так давно не имел удовольствия с вами беседовать; между тем с душевным почтением навсегда пребуду, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

*Вацуро, 1980. С. 419.***1816. Октябрь(?). Москва.**

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пародирует четыре стиха из песни Дмитриева «Что с тобою, ангел, стало»:

«Что с тобою, ангел стало:
Не слышать твоих речей?
Или брюхо захворало
От бекас и стерлядей?»

ОА. Т. I. С. 59—60. У Дмитриева последние два стиха: «Все вздыхаешь! а бывало / Ты поешь как соловей».

Ноябрь, 2. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Читаю корректуры с утра до вечера; слепну: досажаю, что история моя худо печатается; выезжаю иногда; иногда вижу добрых людей у себя; беспокоюсь то об Андрюше, то об Сапе; с умилением думаю о Москве, о тебе, о тамошних приятелях: вот мой *бюллетень*. Скоро забуду, как пишут Историю: переехав в город, я не прибавил ни строки к IX тому! – Между тем Государь освободил меня от ценсур; но я не видал Его, и только однажды обедал у Императрицы вдовствующей.

По мнению людей *знающих*, ты не должен иметь ни малейшего беспокойства, любезнейший. Делай свое дело, и будь уверен, что заслужишь благодарность. Полагаю, что ты не забыл о содержании последнего письма твоего.

Вчера был у нас Граф Капо д'Истриа, и мы говорили о тебе. Нередко вижу Канцлера и Графа С. Петровича, которые любят тебя душевно. Первый начал опять давать обеды. Третьего дни в числе тридцати гостей был у него и Граф Аракчеев. В понедельник обед у Куракина; поеду, однакожь, не без философских размышлений! На сих днях я познакомился с Генералом Жомини: человек любопытной.

Любезную Наталью Яковлевну видим редко. Петербург не Царское Село. Увы! Прости, милой друг. Люби меня, пока я жив; люби и Катерину Андр. за то, что она тебя сердечно любит. Будь здоров и по возможности весел. Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 199–200 (№ 184).

Ноябрь, 20. Четверг. Петербург.

А. И. Тургенев в письме просит кн. Вяземского передать через Дмитриева письма к В. Л. Пушкину и к кн. Шаликову. В конце письма просит передать свое «душевное почитание милостивому государю Ивану Ивановичу <Дмитриеву>».

ОА. Т. I. С. 61–62.

Декабрь, 1. Пятница. Петербург.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 3. Воскресенье. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за два письма, истинно дружеския. В течение месяца я два раза был нездоров от простуды, и теперь только что оправляюсь: еще не выезжаю. Впрочем, милой друг, не воображай меня рыцарем печального образа. Знаю, чего в 50 лет надобно ждать в этом свете, сверх глухоты и слепоты, к которым приближаюсь, и предаюсь во власть Божию. Здешняя моя деятельность, т. е. чтение корректур, идет порядочно: следственно приближаюсь к цели, к изданию истории, и к Москве тихой. В военной типографии напечатано 20 листов 1-го тома, и за недостатком в мелких литерях для примечаний начали там набирать III-й том; а второй печатается в Медицинской, теперь еще медленно, но месяца через два пойдет скорее. Остается желать, чтобы я был здоров хотя для корректур. Глаза слабеют, но еще не изменяют. – Душевно радуюсь, что ты здоров и спокоен, если не ошибаюсь. Прогулки твои сделались приятнее, имея теперь цель ползную. За то мои расстроились: не могу ездить верхом, отчасти по нездоровью, отчасти по о.... манежа. – Когда сидим дома, к.... *) иногда заглядывают добрые люди; но мы едва стоим того, не имея охоты ездить к другим. Я был два раза у вдов. Императрицы, а Государя видел только издали во Дворце в Екатеринин день. – Обнимаю тебя от души. Для слабой головы я написал довольно строк. Прости, милой друг. Авось Бог даст еще увидеться с тобою в здешной жизни. Навеки твой

Н. Карамзин.

Жена моя, весьма тебе благодарная за дружеское поздравление, отвечает тебе особенным письмом, которое отправится на той почте».

Карамзин, 1866. С. 200–201 (№ 185). *) В подлинном письме, при распечатывании его, вырван лоскуток, отчего три слова остались неизвестны.

Декабрь, 11. Москва.

В письме к А. И. Тургеневу в Петербург Дмитриев пишет:

«Чувствительно благодарю вас, милостивый государь, Александр Иванович, за дружеское ваше одолжение исполнением просьбы моей. Я показывал ваше письмо С. С. Кушникову, и он столько же вам благодарен.

Я позавидовал вам в богатстве литературных новостей. Хотел бы прочитать и то и другое. Мы, бедные москвичи, очень бедны в новостях иностранной словесности, и только, увы, питаемся от крупниц, падающих со стола Антона Антоновича Антоного, т. е. басенками Василия Львовича <Пушкина> и Вельяешева.

Простите, любезный Александр Иванович, я поручил Н. А. Всеволожскому побывать у вас и рассказать о моем житье-бытье. Пожалуйста приласкайте его; он, право, человек хороший и умный. Затем, сердечно вас обнимаю и с искренним почтением к вам пребуду вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 708–709.

Декабрь, 12. Петербург.

Утром больной Карамзин выезжает поздравить имп. Елизавету Алексеевну. Однако вечером Карамзин и Екатерина Андреевна из-за болезни Николая Михайловича не поехали «на блестящей бал при дворе».

Карамзин, 1866. С. 087–088.

Декабрь, 13. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу пишет:

«Милостивый государь Александр Иванович.

Князь Петр Иванович Шаликов отправляет сегодня к князю Александру Николаевичу <Голицыну> экземпляры Жизни Генриха IV, с покорнейшею его просьбою представить один из них Государю Императору. Отдавая справедливость заслугам его на словесном поприще и принимая живое участие в стесненных обстоятельствах домашней его жизни, я покорнейше прошу вас замолвить за него ваше словцо и постараться, чтоб на приношение его обращено было милостивое внимание. Подкрепить силы нуждающегося автора есть, право, дело самое доброе: он по званию своему обязан всегда воскриляться духом, питать в себе возвышенные чувства и скрывать свою бедность... Но чтоб не повредить и ему и себе дальнейшими фразами, полагаюсь лучше на ваше доброе сердце и заключаю искренним уверением вас в душевном моем почтении, с которым навсегда имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1085–1086; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 223.

Под «Жизнью Генриха IV» Дмитриев разумеет «Историю Генриха Великого, соч. Жанлис. Пер. кн. Шаликов М. 1816–1817 г. 3 ч.».

Декабрь, 13. Москва.

Избирается почетным членом Московского Физико-Медицинского общества.

Дмитриев, 1866. С. 110–111 (текст диплома на лат. языке).

Декабрь, 15. Петербург.

Кончина Михаила Карамзина, сына младшего брата Н. М. Карамзина—Александра Михайловича.

Карамзин, 1866. С. 088. Дмитриев несомненно был знаком с А. М. Карамзиным.

Декабрь, 15(?). Петербург.

Е. А. Карамзина в письме к Дмитриеву в Москву сообщает:

«Прежде всего, любезный и почтенный Иван Иванович, винюся пред вами, что так долго не отвечала на любезное ваше письмо и на приятельския поздравления. Причина моего молчания то, что я не могла собраться ни с духом, ни с временем, будучи безпрестанно с больными; сперва беспокоило меня здоровье Николая М.[ихайловича], а потом занемогла и Катенька: теперь, слава Богу, обоим лучше.

Благодарю вас и за воспоминания и за дружбу. Что касается до памяти, то я всегда вашею прельщалась, особливо же когда дело шло о доказательствах дружбы, а эту последнюю умею ценить и надеюсь, что не совсем её недостойна, любя вас и почитаю душевно.

Навеки вам преданная К. Карамзина».

Приписка рукою Карамзина:

«Любезнейший друг! я еще был не здоров и опять оправляюсь. Мы раза два выехали, и вдруг были поражены несчастием брата Александра Михайловича, который лишился шестнадцатилетнего сына, предоброго. Я сию минуту приехал от него и устал от горестных чувств. Он не порадуется Петербургом. – 12 Дек. я выезжал утром поздравить Императрицу, но не решился ехать на блестящей бал, чтобы еще не простудиться. На другой и на третий день Государь присылал к Екатерине Андреевне спрашивать об ее здоровье, не выдав ее на бале. – Благодарю тебя, любезнейший, за дружеския поздравления. Не сомневаюсь в твоей памяти, а еще менее сомневаюсь в твоей дружбе. Прости, будь здоров, доволен и люби всегда твоего

Н. Карамзина.

Лабзину дали второго Владимира за перевод Эккартсгаузена и Штиллинга».

Карамзин, 1866. С. 087–088.

Декабрь, 22. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, милостивый государь, Александр Иванович, за путешествие двух членов. Я с умилением читал о крестьянине-проповеднике на острове Эзель. Хорошо, если бы все так были проникнуты искренною любовию к Божьему слову!

Между тем, как мирянин, и уверенный при том в вашей ко мне приязни, убедительнейше прошу вас уведомить меня, не знаете-ли вы, какой ход дан двум спискам нашей комиссии, которые от нашего генерал-губернатора уже давно отправлены к государю. Не отданы-ли они для рассмотрения к князю Александру Николаевичу <Голицыну>, как управляющему благотельными обществами. Вы очень одолжите меня, если не отречетесь быть со мною искренны в этом случае.

Извещением в прежнем вашем письме о полученных новостях, кажется, вы хотели только раздражить мое любопытство: для чего бы не прислать хотя крошечку и мирского? Например, воспоминания Шатобриана об Англии, Италии и пр. только не петербургского издания, или два письма Фуше к Веллингтону. Сколько я ни старался, но здесь не мог отыскать их.

Затем, простите, любезнейший Александр Иванович; примите искренное поздравление с наступающим новым годом и будьте уверены в непрременном моем почтении вашего превосходительства покорнейшего слуги Ивана Дмитриева».

РС. 1903. № 12. С. 709.

Декабрь, 25. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно поздравляю тебя с праздником. В сию минуту гремят пушки. Я не поехал во Дворец; сижу дома и пишу к другу, желая, чтобы он был здоров и весел.

Н. А. Всеволожский доставил мне твое истинно дружеское письмо, и мы с ним поговорили о тебе. Я уверен, любезнейший, что ни Капитан, ни Архимандрит

не могут повредить тебе в мыслях Государя. Он знает, что ты принял на себя эту должность единственно в угодность Ему; знает и уважает тебя. Ради Бога будь спокоен, презирая глупости и злость, сплетни и пустое важничанье. Если бы я имел доступ к Императору, то просто сказал бы ему о твоих досадах; но говорить ли о том с Князем Александром Николаевичем? Сомневаюсь, потому что я берегу тебя во всех отношениях как самого себя. Он *только учтив* со мною; не могу требовать от него никакого усердного доброхотства. Еще подумаю и посоветуюсь. Ставя себя на твоём месте, я поступил бы так: следовал бы в точности данным Комитету правилам, совести, рассудку, не уважая ничего более; а если бы встретилось мне какое *существенное* неудовольствие, то написал бы прямо к Государю или к Графу Аракчееву, взял бы свое или откланялся Комитету. Ты умел быть всегда твердым и гордым от душевного благородства. Стань же пятою на гадину: это лягушка, а не змея!

Ты угадал, что я не мог писать к К. Оболенскому о кураторстве. *Сенатор-куратор* все еще не оставляет меня в покое! Не смотря на то, я пожалею об нем, если приключится ему досада.

Вот письмо к доброму К. Шаликову. Я богат усердием, а не способами слушать людям честным. — Обнимаю тебя, милого. Катерина Андр. велит мне сказать тебе от нее множество ласковых слов. Люби нас, как мы тебя любим. Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 201–202 (№ 186).

Декабрь, 31. Воскресенье. Петербург.

Карамзин в письме к Дмитриеву в Москву пишет:

«Любезнейший друг!

Сердечно поздравляю тебя с наступающим новым годом. Будь, милой, здоров и весел! Вот тебе на новой год новости: доброй Государь пожаловал Жуковскому 4000 р. пенсии и перстень с шифром; а К. А. П. Оболенской сделан Куратором Московского Университета. Сию же минуту получили мы зов от Государя на завтрашний ужин в Эрмитаже. Надобно ехать, а мне грустно: Катенька очень тревожит нас своим несносным кашлем.

Обнимаю тебя, любезнейшего друга. Твой навеки

Н. Карамзин».

Приписка Е. А. Карамзиной:

«От всей души поздравляю вас с новым годом любезной и почтеннейший Иван Иванович, желаю вам всех благ, начав с первейшего с здоровья».

Карамзин, 1866. 203 (№ 187).

1816. Лондон. Вышла в свет книга Бенджамина Берисфорда (B. Beresford) «*The Russian Troubadour or Collection of Ukranian and other National melodies, together with the Words of each respective Air, translated into English verse by the Author of the German Erato, interspersed with several favorite Russian Songs, set to Music by Foreign Masters, and translated by the Same Hand London 1816*» («Русский трубадур, или Собрание украинских и прочих национальных мелодий вместе со словами к каждой отдельной арии, переведенными английскими стихами»). Здесь напечатан перевод песни И. И. Дмитриева «Стонет сизой голубочек...».

1817

Январь, 3. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь, Александр Иванович!

Чувствительно благодарю вас за все доказательства вашей ко мне приязни. Я не в праве ожидать, чтоб все мои просьбы имели равный успех, по крайней мере, никогда не усомнюсь в вашем ко мне доброжелательстве.

Покорнейше прошу вас передать благодарность мою и Николаю Ивановичу <Тургеневу> за его милый подарок. Как бы жаль было, если бы и эта умная брошюра писана была на русском и попала в графские руки!

На последней почте я писал к вам опять об моем племяннике. Между тем, он уведомляет батюшку, будто надеется скоро быть выпущен в офицеры. Как бы я обязан был вам, почтенный Александр Иванович, если бы вы взяли труд прежде, нежели отдадите письмо князю Александру Николаевичу <Голицыну>, увидеть самого племянника, разведать об нем от его начальников и переговорить с сестрой моей Анной Николаевной Смирновой (она живет на Васильевском острове подле Академии художеств), а после я уже просил бы вас поступить по собственному вашему благоусмотрению.

Чувствую сам, что слишком докучаю вам моими просьбами, но извиняюсь только тем, что вижу в вас моего земляка и достойного сына Ивана Петровича <Тургенева>, который никогда не умирал в моем сердце.

С душевным почтением и привязанностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 709—710 (№ 11).

Январь, 5. Петербург.

А. И. Тургенев пишет письмо к И. И. Дмитриеву в Москву.

РС. 1903. № 13. С. 710.

Январь, 9. Москва.

Получает из Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском Архиве «Выпись о происхождении и службах Дмитриевых...», подписанную А. Ф. Малиновским и И. Ждановским.

Беспалова Е. К. Род и предки И. И. Дмитриева // Симбирский Вестник. 1993. вып. 1. С. 34—44.

Выпись о происхождении и службах Дмитриевых

По поданному Государственной коллегии Иностранных дел в Московский архив от Тайного Советника и Орденов Святого Александра Невского и Св. Анны I класса Кавалера Ивана Ивановича Дмитриева прошению, с приложением поколенной росписи и других документов о даче ему надлежащего свидетельства о происхождении и службе предков его, в делах сего Архива и по справке Правительствующего Сената с Московскими Герольдмейстерскими делами, оказалось следующее.

Первое. В рукописной старинного письма книги, хранящейся в Архиве под № 298, совмещающей в себе Княжеские и дворянские родословия, в самой главе на 56 листе написано:

Род князей Смоленских.

От Великого Княжения Смоленского князя Смоленские: А у Великого Князя Владимира Мономаха большой сын Мстислав Смоленский, а после отца

своего Владимира Мономаха был на великом княжении на Киевском. А у Мстислава третий сын Ростислав Смоленский, а на Великом Княжении на Киевском был же и преставился на Киеве. А у Великого Князя Ростислава ... сын Роман, Юрий, Давыд; а на Великом Княжении на Киевском Роман был же, а посадил его на Великое Княжение Князь Великий Андрей Боголюбский, и сиде на Киеве ... года, и выйди из Киева своею волею –

Той же книги на обороте 59 листа продолжается:

А у третьего сына Ростислава Мстиславовича Смоленского у Давыда сын Мстислав. А у Мстислава сын Ростислав.

Той же книги в главе 30 на листе 180 сие родословие дополняется следующей статьей:

А у Ростислава у Мстиславовича дети князь Федор да князь Константин. А у князя Константина один сын Князь Федор. А у князя Федора сын Александр, служил в немцах, и приехал из немцев служить на Москву к Великому Князю Ивану Даниловичу. А у Александра сын Дмитрий. А у Дмитрея дети: Андрей боярин, да Иван Боярин, да Михайло. А у Андрея дети: Семен Плот да Василей Виселица, да Григорей Мамон был окольниковичей у Великого Князя Ивана. А у Семена у Плота сын Василей, бездетен. А у Василя у Виселицы дети: Семен, да Константин; а у Семена сын Михайло, бездетен. А у Григорей у Мамона Иван большой, да Федор, да Иван меньшей, все бездетны.

А у другого сына Дмитриева Александровича у Ивана дети: Данило да Дмитрий. А у Данило дети: Иван да Андрей, бездетны, да Дмитрий, да Федор, бездетен, да Михайло.

А у Ивана дети: Семен да Яков Уструм да Степан, да Дмитрий, да Иван, да Петр.

А у Дмитрея сын Василий.

А у Уструма дети: Михайло да Федор.

А у Семена сын бездетен.

А у Дмитрея у Иванова сына Дмитриевича дети: Михайло Шарап в Литве, да Иван, да Петр, да Василей, да Федор, да Угрим, да Уструм.

А у Ивана сын Никифор, да Григорей. Да у третьего сына Дмитриева Александровича у Михайла дети: Иван большой бездетен, да Григорий. А у Григорей дети: Семен внук, да Александр Белой, да Иван Старой. А у Семена дети Василей, да Петр.

А у Александра дети Василий да Петр. А у Ивана один сын Василий. –

Сверх того о предке просителя Василя сын Ивана Старого, Дмитриев в родословной большой книги в листе под № 2, на обороте 93 листа поясняется.

А у третьего сына Дмитриева Александровича, у Михаила дети: Иван бездетен, да Григорий. А у Григорья дети Семен внук, да Александр Белый, да Иван Старый. А у Семена внука дети: Тимофей, да Иван. А у Тимофея сын Андрей. А у Ивана внуков дети: Василей. А у Александра Белова дети: Василей: взяли его на судбицком деле Крымские люди, да Петр, бездетен. А у Ивана Сторов сын Василий.

Второе. Василий сын Ивана Сторова; Дмитриев просителей прапращур, в 7074/1566 году собственноручно подписался под приговорною грамотою Государя Царя Иоанна Васильевича об отказе присланным от Польского Короля Сигизмунда II послам, в заключении с ним перемирия и о объявлении Польше войны.

Третье. Арефий по прозванию Нехороший просителей пращур, и брат его Ермолай Васильевы дети Дмитриевы в 7112/1604 году показаны в числе Новиков и верстаны по Арзамасу поместным и денежным окладами; о третьем же рате своем Алексее, объявили они, что и он в службу поспел, но к верстанью поместному в Пронске не явился. В 7130/1622 о Нехорошем Васильевом сыне

Дмитриеве окладчики в своем списке отметили: «собою средний и поместье за ним обычное, на государевой службе будет на коне, сайдак и сабля. — А в 7139/1631 году, по указу Государя Царя Михаила Федоровича и отца его Святейшего Патриарха Филарета Никитича, при пересмотре на лицо всех городских дворян, верстанных по Арзамасу поместьем по 400 четвертей и получивших годового жалованья по 20 рублей, написан во 2-ой статье он же Нехорошей Васильев сын Дмитриев.

Четвер. — Константин Нехорошего сын Дмитриев; просителей пращур; в 7162/1654 и 7163/1655 гг., находился в Литовском походе в числе Кокшайских детей Боярских с означением, что состояло тогда с ним поместья 300 четвертей в 7168/1660 г. он же значится между прочими начальными людьми в Государевой службе состоящими, за отличность в список Московских Дворян включенными, и под именем его отмечено: из Курмышан, а в памяти из Казанского Дворца оклад ему поместный 400 четвертей, денег 12 рублей из четьи.

Пятое. Семен Константинов сын Дмитриев, просителей прапрадед, в 7194/1684 неоднократно награждаем был от Государей Царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича придачи к окладу его поместному и вотчинному, что все явствует из предъявленных просителем жалованных и похвальных грамот, а именно 7194/1684 г., февраля в 16 день получил он 3 таковых грамоты:

1 — за службу отца своего Константина Дмитриева дано ему в награду из поместья в вотчину 80 четвертей в поле, а в дву потому ж;

2 — за храбрость им самим в походах против Турков и Татар оказанную, дано ему из поместья в вотчину 146 четвертей в поле;

3 — за охранение царских особ при бывшем в Москве мятеже и за неотлучное его пребывание при государях в селе Коломенском, Савине монастыре, в селе Воздвиженском, Троицком-Сергееве монастыре, дано ему из поместья в вотчину 73 четверти в поле.

В 1704 г. он был уже Стольником, и февраля в 27 день Государь Царь Петр Алексеевич четвертою жалованную и похвальною ему же Семену Константиновичу грамотою за службы предков его и отца его и за его, которые службы, ратоборство и храбрость и мужественное ополчение и крови и смерти предки и отца его, и сродники показали в прошедшую войну в Коруне Польской и в Княжестве Литовском; пожаловано ему из поместного оклада в вотчину 200 четвертей в поле и в двух по тому ж.

Шестое. Яков Семенов сын Дмитриев, просителей прадед, написан в Боярском списке 1721 года в числе являвшихся к смотру в Сенате и в Герольдмейстерской конторе, и показывающих в сказках своих сколько и у кого детей, сколько за нем крестьянских дворов. Под именем его означено следующее: «сорока шести лет, крестьян в Симбирском уезде 29 дворов, у него сын Гавриил, просителей дед, осьми лет».

В 1724 году по приговору Высокого Сената, Яков Семенович Дмитриев определен был Астраханей Губернии в город Сызрань воеводою, а после своего Ивана Семенова сына Дмитриева наследовал родовое выслуженное и купленное недвижимое имение.

Седьмое. Иван Гаврилов сын Дмитриев, просителей отец, в 1753 вступил в военную службу, и дослужась до Капитанского чина, в 1778 году был в Сызране воеводским товарищем. По открытии Симбирского наместничества возложена была на него так же должность Городничего, и за тщательное исправление оной, 1784 года произведен был в чин Надворного Советника, а в 1791 году от сей же должности за болезнею он испросил себе увольнение.

Осьмое. Служба Отечеству прочих Дмитриевых, однородцев просителя, в поданной от него поколенной росписи поименованных не менее значительна, а именно: Григорий Андреевич Дмитриев, прозванный Мамоном, был с 7008/1500 по 7018/1510 г. у Великого Князя Иоанна Васильевича Окольничим.

Сын его Иван Григорьевич в 7008/1500 году посылаем был в Литву к Великой Княгине Елене с убеждением от Государя Родителя Ея, Великого Князя

Иоанна Васильевича, чтобы она, не взирая ни на льстивые обещания супруга своего Великого Князя Литовского Александра, ни на самые мучения, не отступала от греческого православия, и не склонялась бы ни на какие прельщения к католицкой вере. По возвращении из Польши в том же году Государь отправил его в Крым к царю Менлигирею с возвещением о славной победе, одержанной над Литовцами при Ведром и о подданстве России Князей Стародубских, Новгородосеверских, Трубецких, Бельских и Мосальских с городами их и волостями.

В 7023/1515 г. он был уже Боярином и от Великого Князя Василия Иоанновича вторично ездил в Крым в качестве посла с поздравлением отступившего на Крымский Юрт Царя: Магмед Гирея, и для возобновления бывшего с Россией при отце его Менлигирее против Польши союза. Преогорченный неудачею в возложенном на него поручении, Иван Григорьевич претерпевает там более года многие притеснения, скончался. –

Григорий Иванов сын Дмитриев, при разделе детям боярским поместей, по указу Государя Царя Иоанна Васильевича 7059/1550 октября во 2 день, верстан был в Московском уезде по городу Дмитрову стами четвертей.

В октябре 7065/1556 находился он в Кирачеве для охранения от нашествия Крымских татар. В 7070/1562 подписался с другими под поручною записью по тех Боярах, которые ручались по Князе Иване Дмитриевиче Бельском. –

Семен Григорьев сын Дмитриев 7084/1576 был в разряде Головою. –

Михайло Семеонов сын Дмитриев в 7109/1601 г. находился при посольстве, отправленном в Польшу для принятия у Короля Сигизмунда III подтвержденной на 20-тилетнее с Царем Борисом Федоровичем перемирие грамоты. –

В 7112/1604 был он в Рязане Воеводою; а оттуда отправлен с отрядом в Новосиль...

В 7124/1616 посылан для преследования Лисовского.

В следующем году, по известиям из Стародуба полученным, действовал наступательно против поляков. В том же 1616 г., мая в 4 день получил за многие службы его от Царя Михаила Федоровича жалованную грамоту на 400 четвертей из поместной дачи в вотчину. –

Михайло Михайлов сын Дмитриев при первом бракосочетании Государя Царя Алексея Михайловича был чашником и носил пред государем вино. В 7162/1654 г. имеет он чин стольника, и во всех городах и селах Нежинского полка приводил жителей к присяге в верности России. В сентябре того же года он посыпан к наказному гетману Ивану Золатаренку для удержания его от притеснения поддавшихся России жителей города Могилева и всего уезда Могилевского. В 7176/1668 г. находился в Нежине воеводою. –

Стольник Василий Михайлов сын Дмитриев в 7190/1681 ноября 24, в числе выборных людей подписался собственноручно под соборным деянием о уничтожении местничества.

В 7195/1687 упоминается он в разрядных записках Посыльным воеводою. –

Брат его родной, Стольник Афонсий Михайлов сын Дмитриев, в тех же разрядных записках о дворянских службах в 7195/1687 г. написан Ротмистром у Стольников, а в 7197/1689 оба они именованы уже Дмитриевыми-Мамонавыми.

Сия выпись о происхождении и службах Дмитриевых учинена Государственной Коллегией Иностранных дел в Московском Архиве на основании именного его Императорского Величества Указа Июля в 27 день 1797 г. состоявшегося, по которому Архивы обязаны способствовать Дворянам в отыскании документов дворянского достоинства, и Просителю Тайному Советнику и Кавалеру Ивану Ивановичу Дмитриеву января 9 дня 1817 года.

Действительный Статский Советник и Кавалер
Алексей Малиновский.

Коллежский Советник и Кавалер
Иван Ждановский.

Январь, не позже 10. Москва.

Получает письмо А. И. Тургенева от 5-го января.

Январь, 10. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь, Александр Иванович!

Чувствительно благодарю вас за приятное ваше письмо от 5-го сего месяца. Я желал бы, чтоб князь Александр Николаевич не успел доложить, пока не получите последнее мое письмо; в нем я просил вас увидеть самого племянника и поговорить об нем с моею сестрою и с его учителями. Признаюсь вам, что я по хилому его здоровью и по весьма бедному росту, не предвижу, чтоб он, хотя бы и вышел в офицеры, мог иметь удачу в военной службе, а потому и желаю видеть его в гражданской; но, с другой стороны, боюсь и сделать ему насилие в выборе службы. Теперь же еще и более боюсь, чтоб не выпустили его без офицерского чина. В таком случае, я лучше бы желал, чтоб испросить ему их Пажеского корпуса годовой отпуск для поправления его здоровья.

Сделайте милость, любезный Александр Иванович, примите на себя быть его покровителем и поступите так, как согласно будет с его выгодами.

Милость, оказанная Жуковскому, принесла и мне большое удовольствие, я мысленно поздравляю его от всего сердца, а вас поблагодарил, что умеете быть другом на самом деле. Песню его еще не получил, с нетерпением ожидать буду.

От Библиотеки же даров и ожидать не смею. Она и Академия благоволила только ко мне, когда я был министром, со времени моего ничтожества я и продолжения Академического словаря не получаю.

Праздники прошли, все новости уже прочли, и у вас теперь все успокоилось, кроме университета; профессеры готовятся к смотру, а ученики налаживают лиры и затверживают арии для приветствия нового пастыря.

С душевным почтением и привязанностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 710—711 (№ 12).

Январь, 18. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за два любезных письма, и радуюсь, что ты здоров: это для меня важная весть. Ответ твой на мое письмо, доставленное через Всеволожского, сделал мне большое удовольствие. Ради Бога, будь спокоен. Я засмеялся, читая о Кошелеве: он будет Министром разве *вышняго* Просвещения! Соединение двух Министерств последовало с тем намерением, чтобы мирское просвещение сделать христианским. Отныне Кураторами будут люди известного благочестия. Клингер уволен: мне сказывали, что он считается вольномыслящим. Не мудрено, если в наше время умножится число лицемеров; но, по моей системе, будет единственно то, что угодно Богу. Государь желает добра.

Мы были 13 Генв.[аря] на бале до второго часу. Император танцевал с моею женою однажды, а с некоторыми отличающимися дамами по два раза. Ныне спектакль у вдов.[ствующей] Императрицы: думаю быть там. — Типографския дела мои идут медленно, к моему немалому сожалению: потому что мне хочется возвратиться в Москву еще с глазами, с ушами и с ногами, чтобы видеть, слышать тебя и гулять в твоём саду. Все другое в сторону, здешний климат не хорош, особливо для Катеньки слабой и щедушной. Кашель ее почти прошел, но сделалась лихорадка. — Мне мешают продолжать письмо. Обнимаю тебя, любезнейший. Жена моя тебе дружески кланяется. Будь здоров и спокоен!

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 203—204 (№ 188).

Январь, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 4–5.*

Февраль, 5. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Последнее лаконическое письмо твое доказывает, что *мое* или *мои* не дошли до тебя. Уже не в первый раз сомневаюсь в исправности почты. Имея мало людей, пользуюсь услужливостью доброго А. И. Тургенева, который отправляет мои письма на почту. Думаю, что Московский комиссионер его иногда задерживает письма. Это вручит тебе Нижегородский Прокурор, тобою благодетельствованный и признательный.

Я в *четвертый* раз был нездоров и сидел дома 10 дней; теперь пока опять выезжаю. Жена брюхата; дочь (Катенька) не выходит из больных. Между тем бодро читаю корректуры, и более ничего не делаю.

На маслянице я обедал у Императрицы; был у Нее с женою в спектакле, на бале. Она милостива по прежнему. На сих днях и Государь оказал нам большую милость. Я осмелился через письмо просить Его о А. М. Рябинине, которого не велено было определять ни к какому месту. Вынесли справку, и Государь простил Рябинина, т. е. велел имянным указом причислить его к герольдии. Это тронуло меня до глубины сердца, тем более, что Император очень колебался. Он сказал графу Капо д'Истрия: *Je voudrais bien faire une chose agréable à Mr. Karamzine; mais c'est une affaire fâcheuse: il y a eu une perte considerable d'argent et beaucoup de negligence aumoins.* Жена моя в день подписания указа встретила Его в прогулке и благодарила. Он отвечал ей: *Je vous avoue, Md., que vous y etes entrée pour beaucoup* (или что-то подобное). Я в письме к Нему сказал, что связь моя с Рябининым состоит в дружбе наших жен (как и в самом деле). Из всех милостей Александровых ко мне эта есть самая главная: я обрадовался, думаю, более самих Рябининых. *Que tout cela reste entre nous!*

Не так щастливы мы были в других. Исполняя долг родства, я принудил себя просить К.[нязя] Голицына о деле Анны Сергеевны Порошиной: следствием было то, что мы оба покраснели, и что у меня остался камень на сердце. К.[нязь] Голицын, думаю, не имеет ко мне особенно-хорошего расположения. Утешаюсь тем, что я принес жертву племяннице, хотя и бесполезную. На том свете разочтемся. — Здесь Духовные ко мне ласковы: митрополит, Филарет, Иннокентий. Но многие ждут моей Истории, чтобы атаковать меня. Она же печатается без цензуры! Все это в порядке вещей. Есть Бог! Надобно только иметь терпение. Да и на долго ли? Я уже крепко опускаюсь к земле. Блестящий свет не для меня. Скорее бы в Москву! Двор от вас, а мы к вам, если в 1818 году будем еще живы.

Прости, милой. Знай, что я перед тобою не могу быть действительно виноват. Люблю тебя всею душою. Катерина Андр.[еевна] велит мне написать к тебе множество ласковых слов; главное то, что она любит тебя со всею дружескою нежностью.

Заклучу печальным известием о глухоте нашего любезного Канцлера: с ним почти говорить нельзя, и я лишаюсь в нем одного из приятнейших для меня собеседников.

Обнимаю тебя от души и сердца.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 204–206 (№ 189).

Анна Сергеевна Порошина (ум. 1865) — племянница Н. М. Карамзина, дочь Е. М. и С. А. Кушниковых. В первом браке за Порошиным, после его кончины вышла замуж за А. Н. Зиновьева. Она составила родословную Кушниковых (*ОР РГБ. Ф. 231, разд. III. Оп. 22, ед. хр. 16*).

Февраль, не позже 8-го. Москва.

Получает письмо от А. И. Тургенева; при письме — экземпляр «Певца в Кремле» В. А. Жуковского.

РС. 1903. № 12. С. 711 (№ 13).

Февраль, не позже 8-го. Москва.

Получает от А. Ф. Воейкова перевод поэмы Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды СПб., 1816».

РС. 1903. № 12. С. 711 (№ 13).

Февраль, 8. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за дружеское ваше письмо и присылку приятного для меня подарка от милого Жуков-ского. В то же время получил я и от Воейкова перевод Делилевой поэмы. Хотя последний певец и уступает первому, но все певец, а не стихотворец и отличается многими прекрасными мыслями и стихами; особенно же полюбилось мне заключение: нечто новое и религиозное. К достоинствам *Садов* недостает разве только богатых рифм; впрочем, перевод дышет поэзией и тем прекраснее, что не похож на перевод. В последнее пятилетие поэзия наша довольно отличилась и все ей благоприятствовало. Со всем тем невольно вырывается вздох и приходит на мысль: когда и у нас будут писать книги? Вы можете дожидаться, а мне, конечно, придется почить на высокопарных известиях и извещениях.

Участь племянника совершенно уверяю вашей ко мне приязни и вашему благо-разумию. Сестра пишет, что лучше бы прежде испросить ему отпуск: ежели первая мера будет для него слишком крута, то я и на эту согласен; еще повторяю, как вы сами лучше рассудите, за все буду сердечно к вам признателен.

Радуюсь приобретению почтенного Михаила Александровича; сорадуюсь и все щастливым соизыателям на поприще фортуны, и пребуду навсегда с душевным почтением вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

А князь Колхиды? будет ли ему малейшая отрада? Еще вы ничего не говорите о наших списках, конечно, как политик, хотите скромничать».

РС. 1903. № 12. С. 711 (№ 13).

Февраль, 10. Москва.

Дмитриев в письме к Жуковскому в Дерпт пишет:

«Примите, любезнейший Василий Андреевич, искреннюю мою признательность за ваш подарок. Если б я и безчувствен был к прелестям вашей поэзии, то и тогда не мог бы равнодушно читать вашей песни <«Певец в Кремле»>, будучи патриот и обыватель Московский.

Поверьте, что неменьшее взял участие в улучшении вашего положения и с умилением читал то место в письме вашем к Вяземскому, где вы говорите о ваших чувствах к благодетельной дружбе и о плане будущих ваших занятий. Слава в вышних Фебу! Будьте тверды в предприятии вашем и признательны к щедрой для вас природе; будьте здоровы и вспоминайте иногда дряхлого и сиротствующего старика на берегу Патриарших Прудов.

За тем в мыслях вас обнимает Покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев».

РА. 1871. III. 2. Стб. 423–424.

«Певец в Кремле» издан на средства гр. Н. П. Румянцева. Жуковский начал писать «Певца» еще в декабре 1814 г. в Муратове; закончил в конце 1816 г. в Дерпте (*Жуковский*, 1895. С. 132, 168).

Февраль, 11. Москва.

Дмитриев пишет письмо к Карамзину в Петербург (не обнаружено).

Карамзин, 1866. С. 207 (№ 190).

Февраль, 11. Москва.

Получает письмо от А. И. Тургенева из Петербурга.

РС. 1903. № 12. С. 712.

Февраль, 11. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Я имел удовольствие получить сегодня ваше письмо, любезнейший Александр Иванович, и спешу изъявить вам сердечную благодарность мою за уведомление меня об отпуске моего племянника, равно как и за содействие ваше в сем деле.

Покорнейше прошу вас передать и князю Александру Николаевичу <Голицыну> чувствительную благодарность мою за оказанное мне при сем случае одолжение.

Вижу теперь на опыте, что вы по делам ваших приятелей не беспечны и не ленивы: да поставит вас Бог в такое положение, чтобы вы еще более имели к тому способов.

Впрочем, с чувствами совершенного моего почтения и привязанности навсегда имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РА. 1903. № 12. С. 712–713 (№ 14).

Февраль, 20. Москва.

В «Модном Вестнике» (Ч. 1. № 10. С. 77) напечатано анонимно стихотворение И. И. Дмитриева «Загадка» («Нет голоса во мне; но я все говорю...»).

Февраль, 20. Петербург.

Карамзин в письме просит кн. А. П. Оболенского: «...Убедительно прошу Вас, любезнейший Князь, сделать мне одолжение, представить князя П. И. Шаликова в помощники издателя <Московских> Ведомостей, который идет в отставку. Спасите от жестокой бедности доброго мужа и отца. Ручаюсь Вам, что он хороший человек и пишет лучше многих наших авторов. Иван Иванович Дмитриев знает и любит его».

РА. 1992. Т. II–III. С. 24.

Февраль, 21. Москва.

Дмитриев получает два письма от А. И. Тургенева из Петербурга.

РА. 1867. № 4. Стб. 1086.

Февраль, 22. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за оба ваши письма, которые вчера имел удовольствие получить. Поручение ваше непременно исполню и перескажу Пушкину <Василию Львовичу>. Вероятно, он уже все получил исправно, ибо княгиня В. при мне показывала ему принадлежности к туалету г-жи Поповой: вязанные сеточки и пр., сказывая, что все это от вас прислано. Уверен, что вы по доброте вашего сердца не упустите ничего, что от вас будет зависеть в пользу кн. Ш.[аликова]. Он, верно, не меньше нуждается Пушкиной дамы.

Как я рад, что описанный вами случай прошел без вредных последствий; однакоже все не буду совсем покоен, пока вы еще не уведомите меня, что далее? Бедная наша участь! Здесь

Слепыя курицы меж вечности и тленья,
Увы! должны скользить и на пути спасенья!

Ужасная бедность в магазинах М.[осковских] книгопродавцев! Вы очень одолжите меня, если купите мелкие сочинения Шатобриана. Прошу только вас, уведомите меня и о цене, дабы я мог быть исправным вашим платательщиком; и не в наклад тем, которые любят меня.

Наконец, чистосердечно уверяю вас, любезнейший Александр Иванович, что я назвал вас состязателем, и пр. отнюдь не в предосуждение вашему сердцу, которого цену я очень знаю. Я и сам был состязателем, пока служил. Таковыми почитаю и всех служащих.

Впрочем, с душевным почтением и привязанностию был и всегда пребуду вашего превосходительства покорный слуга Ив.[ан] Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1086–1087; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 224–225.

Февраль, 26. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за письмо дружеское от 11 Февр., а ты благодари от меня Графа Петра Александровича за его добрыя об нас воспоминания. Он любезной человек, благородной души. Таких не много в Петербурге.

Не удивляюсь, что ваши списки лежат под спудом до времени: если утвердить их, то надобно выдать деньги, а мы не Крезы. Медленность происходит, кажется, единственно от затруднения в выдаче больших сумм. Никак не думаю, чтобы бумаги Комиссии шли мимо Графа Аракчеева в другие руки для рассмотрения. Уверяют, что наши Финансы скоро процветут, и через 4 года рубль бумажный обратится в серебряный. Аминь – буди, буди! Тогда Гурьев прославится не менее Скулли и Кольберта. Настанет если не золотой, то по крайней мере серебряной век. Шутки в сторону. Желаю тебе, любезнейший, старой неопцененной безпечности столько же, сколько самому себе. Сердце мое уверяет меня, что добрый Государь отдает тебе справедливость. Будь только спокоен и делай свое дело с полною свободою духа.

Дело Анны Сергеевны меня огорчило до глубины сердца. Лучше, если бы адресовалось не к Главным, а Секретарям. Теперь поздно. – Об Ашанине я просил Осипа Петровича, которой едва ли и сам знает, как он расположен ко мне. До сего времени я ничего не мог сделать для Набокова. Два утра, и с сердечным удовольствием, провел я на экзаменах, в Екатер. Институте. Добрая Мария! Бог верно любит Ее; любит и друг твой. Питомицы обласкали меня. Из вышедших теперь лучшая есть Корецкая.

Главная моя забота о жене; она должна родить в Июле. Надеюсь на милость Божию. – Едва ли поедет в Царское Село.

Обнимаю милого друга. Катерина Андр. уверяет тебя в искреннейшей любви. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 207–208 (№ 190).

Март, 1. Дерпт.

Жуковский в письме к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 10 февраля) пишет:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства. Приношу сердечную благодарность за ваше дружеское, драгоценное воспоминание. Как бы хотелось перепрыгнуть к вам на берега Патриарших ваших прудов и заглянуть в ваше новое уединение; может быть, летом и буду иметь это счастье. Посмотреть на вас значило бы возбудить воспоминание о хорошем прошлом и разогреться для хорошего в будущем. В ожидании этого времени, мысль об вас, как о человеке принадлежащем к немногочисленному совету тех людей, пред коими хотелось бы со всех сторон быть чистым и правым, будет подстрекать меня к доброму труду. Не скажу, чтоб я много сделал; у меня большая неровность в работе! Часто какая-то нравственная сухотка нападает на меня и мучит целые месяцы. За то готовлюсь! Чтоб хорошо обработать предмет, взятый из нашей истории, надобно покорооче познакомиться с этою историею в ее источниках: это я и делаю. Без подмостков нельзя построить здания. Дай Бог только не остаться с одними подмостками. –

Простите М.[илостивый] г.[осударь] И.[ван] И.[анович]. Возобновляя уверение в моей душевной к вам привязанности, честь имею быть с совершенным почтением вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Василий Жуковский».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1631–1632; Жуковский, 1878. Т. 6. С. 427–428.

Март, 8. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 6.*

Март, 12. Москва.

Дмитриев избирается почетным членом московского Общества Любителей Коммерческих знаний.

Дмитриев, 1866. С. 111–112.

Март, 12. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

На два письма не имею от тебя ответа: по крайней мере скажу, что мы живы и почти здоровы: что любим тебя всею душою, часто говорим о тебе и всегда жалею о сердечном удовольствии ждать тебя к нам в 6 часов вечера, сидеть с тобою на скромном диване нашем и беседовать о всякой всячине. Будет ли это опять? Будет, если будем живы.

Корректурная моя деятельность продолжается и доводит меня иногда почти до обморока. Вообрази, что печатаю вдруг в *трех* типографиях: в военной, мединской и сенатской! но вообрази также, что до сего времени не могут кончить и 1 тома, хотя печатают уже и второй, и третий, и четвертой!

Я писал тебе о глухоте Канцлера: не могу видеть его без грусти; смотрим друг на друга, а беседовать не можем; кричу изо всей силы, а пользы нет. Однакожь все еще обедаю у него раз в неделю: только что обедаю! Он скрывает грусть свою. Знатность и богатство теряют свою цену в таких обстоятельствах. Между тем любезной граф все еще занимается древностями Российскими! Знаешь ли, что он уходил Макарьев и князя Грузинского? То есть дал мысль Государю перевести ярмонку в Нижний. Желаю успеха; но боюсь, чтобы это не повредило ярмонке.

Если бы ты знал, какую пиесу я поправлял, даже переводил на сих днях! Не имею духа сказать; но и ты не поступил бы иначе на моем месте.

Прости, любезнейший. Катерина Андр. свидетельствует тебе свое дружеское почтение. Обнимаю тебя нежно. Навеки твой

Н. Карамзин

Не только гр. Хвостов, но и другие спрашивали у меня, правда ли, что ты будешь Петербургским жителем? Нет, нет, нет! сказал я решительно.

Тургенев сказывал мне, что указ об увольнении К. А. Н. Салтыкова от всех должностей подписан. Не много таких людей в Петербурге. Он не хотел служить».

Карамзин, 1866. С. 208–209 (№ 191).

Март, 25. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Март, 26. Понедельник. Москва.**

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 7.*

Март, 26. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Христос Воскресе! Обнимаю тебя нежно. Будь здоров и спокоен.

В последнем письме ты жалуешься на худое здоровье: надеюсь, что приближение весны облегчит твою голову вместе с моею, которая не редко бывает тяжела от чтения листов корректурных. До сего времени глаза и терпение мое, почти *великодушное*, неизменно служат мне в типографском деле.

Праздник встретил я во Дворце, но от множества людей в церкви не мог добраться до Императора, чтобы похристосоваться с ним: видел Его и Императрицу Е.[лизавету] А.[лексеевну] у вдовствующей Императрицы после парада: он милостиво пожал мне руку и спросил о жене. Государыня Мария Феодоровна пожаловала мне фарфоровое яйцо, которое будет храниться вместе с Павловскою розою. Вот мои *придворныя* вести: оне нейдут далее! С визитами я никуда не ездил, кроме

доброто Канцлера и доброй К. О. Муравьевой; а ныне собираюсь ехать к А. Н. Зиновьеву на дачу, разумеется для Анны Сергеевны. Видишь что я дядя как дядя! — Катерина Андр. уже становится не легка. Думаю, что мы на лето останемся в Петербурге, во-первых для ее родин, а во-вторых и для скорейшего печатания. Мало думаю о будущем: вижу перед собою только смерть или Москву в 1818 году. Авось еще будем пить чай под сению твоей липы! Главная моя усердная молитва к Богу не переживать милых. Судьбу Истории поручаю Судьбе! *C'est une grande bataille livrée à l'ennemi; je reux la perdre pourvu que je ne perde point ma femme, mes enfans et mes amis!* Отдай мою записку князю Шаликову. Прости любезнейший. Я здесь не наживу нового друга: люби меня по старому. Обнимаю тебя со всею нежностью.

На веки твой Н. Карамзин.

Скажи почтенному и любезному Сергею Сергеевичу <Кушникову>, что я мысленно обнял его в праздник вместе с немногими, кого истинно люблю в здешнем свете».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Христос Воскресе! Любезной и почтенной Иван Иванович поздравляю вас от души с светлым праздником, дай Боже чтоб вы были здоровы телом и веселы духом, и чтобы всегда любили ваших друзей как они вас любят».

Карамзин, 1866. С. 209—211 (№ 192).

Март — Апрель, Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь Александр Иванович.

Чувствительно благодарю вас за доставление третьего отчета библейского общества <«Третий отчет комитета Российского Библейского Общества за 1815 г.»> и стихов Жуковского <«Двенадцать спящих дев»>. Оба гостинцы, хотя и в разных отношениях, но равно для меня интересны, всего же боле тем, что уверяют меня в вашей ко мне приязни. Знаете ли вы последние стихи Батюшкова, достойного собрата любезного Жуковского? Это *Переход за Рейн*, напечатанный в последней книжке Руского Вестника прекрасные и прямо иноземной отделки; нет ни лишка, ни недостатка: все в пору, стройно и мило. По крайней мере, я читал их с большим удовольствием <«Переход за Рейн» напечатан в «Руском Вестнике» (1817. № 5—6. С. XXXVIII)>.

Простите, любезный Александр Иванович. Будьте здоровы и продолжайте любить пребывающего к вам с душевным почтением, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейшего слугу Ивана Дмитриева».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 225.

Март — Май. Царское Село. Пушкин в «Послании к В. Л. Пушкину» советуется последнему брать пример с И. И. Дмитриева:

«...Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога...».

Акад., I. С. 251.

Апрель, 19. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 8.*

Апрель, 23. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Я очень страдал более недели, сидел дома недели три, и теперь все еще не совсем здоров; однакожь выезжаю и хожу. Если Бог даст нам увидеться в 1818 году, то без сомнения найдем перемену в друг друга: ты стареешься не более моего. Стареюсь и Физически и нравственно, то есть, зрею для другой жизни, а для здешней перезреваю. Милых люблю, кажется, не менее прежняго; но свет стал для меня мрачнее: теряю цену в его глазах, он в моих теряет.

А. Н. Оленин заступил место графа А. С. Строганова: сделан Директором Академии Художеств. — Знаешь ли, кто теперь на месте Мартынова? Доброй Попов, сочинитель Русских статей о Библейском обществе, Израильском Комитете, etc. — Я читал устав Коммиссии нового погашения: будут ежегодно бросать в огонь 30 миллионов. Гурьев должен быть волшебником, когда мы так богаты. — С. С. Уваров в большом кредите у Князя А. Н. Голицына, как сказывают; а Лабзин, которого я встретил на берегу Невы, жаловался мне на притеснения цензуры! В числе его подписчиков сияют имена Гурьевой, Сенатора Хитрова (модного), Филарета, Разумовских etc. — Вышла книга Стурзы о Православной Церкви: прочитай ее. Есть в иных местах красноречие. Автор доказывает истину Троицы тремя частями силлогисма; говорит, что воздух есть символ ума, вода символ страстей и проч. Всего более жалею о том, что Стурза лишился жены; но жалею также, что он портит свой ум мистическою *вздорологию*. — Вот тебе Невской бюллетень!

На сих днях пошлю осмотреть Царскосельской домик, хотя и не уверен, чтобы мы им воспользовались. Жена должна родить в Июле. — Любезная Наталья Яковлевна не очень здорова: теперь однакожь ей лучше. Обнимаю тебя от души.

На веки твой Карамзин.

Еще добавлю: И. В. Пестель едва ли останется Сибирским Г.[енерал] Г.[убернатором]. Ему, говорят, очень худо по истории каких-то Сибирских людоедов. — Прости, милой. На сей раз я был вестовщиком, как надеюсь».

*Карамзин, 1866. С. 211–212 (№ 193).***Апрель, 28. Москва.**

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой, Александр Иванович!

Присланные от вас проповеди и перевод книги св. Максима о любви я имел удовольствие получить и покорнейше прошу вас изъявить князю Александру Николаевичу <Голицыну> искреннюю благодарность мою за внимание, которым благоволил почтить меня.

Я успел только прочитать проповедь отца Филарета на великий пяток: ни одна из его проповедей, по моему мнению, не имела столь важного вступления. Но одно это не составило бы еще достоинства целого: я нахожу при том, что все части обдуманы, выдержаны и дышут, так сказать, тою силою, которая располагает душу к умиленному благочестию.

Не премину исполнить вашего поручения нащет Алексея Федоровича М.[ерзлякова], между тем, с совершенным почтением и привязанностию к любезному моему земляку имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

*РС. 1903. № 12. С. 712 (№ 15).***Апрель, 30. Москва.**

Цензурное разрешение, выданное М. Снегиревым на выпуск 2-й и 3-й частей 5-го изд. сочинений И. И. Дмитриева.

Май, 4. Москва.

Цензурное разрешение, выданное М. Снегиревым на выпуск 1-й части 5-го изд. соч. И. И. Дмитриева.

См. «1818».

Май, 22. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Здравствуй, любезнейший друг!

Приветствую тебя из Царского Села, куда мы четвертого дни переехали благополучно, и где наслаждаемся прекраснейшею погодою. Живем в том же домике, вновь расписанном хитрою кистью Бруни, которой хотел-было между Музами, Нестором и Щербатовым, изобразить меня в треугольной шляпе, но *вняв мнению* начальника Царскосельского, г. Захаржевского, должен был смарать все фигуры. Снова гуляю в садах и парках, верхом и пешком. На другой день приезда были мы у Императрицы Елисаветы, на третий обедали в Павловском, на четвертый говорили с Императором в саду. Вчера я поздравлял Императрицу Марию с именинами В. К., но возвратился обедать домой, по любви своей к тишине: во дворце было множество людей. Боюсь между тем, чтобы не замедлилось печатание моей Истории: хотя мне присылают корректуры и сюда; но не так исправно, как в городе. — С сердечным удовольствием читал я те любезные строки письма твоего, в которых ты говоришь о приятностях жизни: это было написано в доброй час и меня тронуло. Будь, милой, всегда в таком расположении! Твой характер веселее моего. Благодарю Бога за все доброе, что имею в жизни; но я и в молодости бывал меланхолик. Мнимой Наполеон говорит в Manuscrit de St. Hélène: *on a beau aimer la vie, mais personne ne voudroit y repasser deux fois*. Я с любопытством читал этот манускрипт; много резкого и хорошо сказанного; но это подлог. — Ты спрашивал об успехе моего дела: печатают вдруг шесть томов, но только первый отпечатан, и то не совсем; надеюсь, однакожь, что разделаюсь с типографиями к Декабрю. Не могу думать о возвращении в Москву прежде будущей весны. Много времени! — По делам твоей Комиссии вооружись терпением до прибытия Государева в Москву. Обнимаю тебя нежно. Бог с тобою и с нами! Жена тебе дружески кланяется.

Навеки твой Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 212—213 (№ 194).***Май, 31. Москва.**

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 9—9 об.***Июнь, не позже 6-го. Москва.**

Получает от М. О. Карлевича перевод с франц. Перро «Основания естественного законодательства» (С.-Пб. 1815—1819 г. 4 ч.) и ежемесячное издание «Любитель Отечества» («Отчелюбец». С.-Пб. 1816 г.). Но, возможно, Карлевич прислал брошюру, заключающую в себе программу и объявление о журнале, под заглавием «Приступ к ежемесячному изданию под названием Любитель Отечества».

Июнь, 6. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь Александр Иванович.

Какой-то Петербургский автор Карлевич прислал мне перевод свой сочинения г-на Перро: *Об основаниях естественного законодательства* и еще предначертание дневника *Отчелюбца, по объему* (системе) собственного Гения, в котором он обещает утвердить Руской язык, очистя его от всего ему несвойственного. Я должен был благодарить его за оказанное мне внимание; но не знаю, ни как его зовут, ни куда надписать. По сей причине решился обратиться к вашей дружбе с покорнейшею моею просьбою: не можете ли вы узнать от Геракова <Г. В.> или другого словесника о сем незнаемом рыцаре, и доставить ему прилагаемое при сем мое послание, за что буду весьма вам благодарен.

Москва наша день от дня более пустеет: все скажут в подмосковных; даже и стихотворцев нигде не видать. Батюшков давно в отлучке; князь Вяземской у вас; Староста <В. Л. Пушкин> уже с месяц в подагре, однакож посещающим его неутомимо читает переводимую им басню: какую-то Смоковницу. Хочет подарить его Обществу Люб.[ителей] Словесности, которое готовится праздновать день своего

основания <басня «Смоковница» напечатана в «Труд. Общ. Любит. рос. Слов.» (1817. Ч. IX. С. 84–85)>. Вероятно, этот день будет кризом его подагры. Подобные случаи всегда облегчали болезнь его.

Простите, что праздный человек занял вас на несколько минут сим лепетаньем. Мне совестно было наполнить письмо одним Карлевичем.

Будьте здоровы и всегда уверены в душевном к вам почтении вашего превосходительства покорнейшего слуги Ивана Дмитриева».

РА. 1867. № 7. Стб. 1087–1088; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 226.

Июнь, 6. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! спасибо за добрыя вести: ты здоров и гуляешь в собственном саду, сидишь под собственной липою. Неблагодарной! ты мне завидуешь? Разве свое не милее чужого? Я, может быть, кончу жизнь странником, таскаясь из дому в дом, из сада в сад: а ты владетель на земле: на что ни взглянешь, все твое... даже и небо, с того времени, как ты сделался Членом Библейского Общества! о чем дошел до меня слух. Следственно ты уже *сеешь* не один мак, *садишь* не один картофель! См. речи Попова и Северную Почту.

Четвертого дни испугала нас Катенька своею болезнию, сильным жаром, которой продолжался целый день. Она простудилась. Теперь ей лучше, и мы спокойнее.

Князь Петр, пожив с нами дней пять, заседает теперь в Петербурге с Арзамасцами, которые думают выдавать журнал. Мы говорили с ним о твоих неудовольствиях, любезнейший. Остаюсь при старом мнении. Постарайся все кончить к Сентябрю. Увидишь доброго Государя и дашь ему отчет. Тогда или вы будете друг другом довольны или снова будешь по крайней мере свободен. Знаю, что легче советовать, нежели иметь терпение; но не могу думать иначе. Будучи горд и за себя и за тебя, не говорил я о том ни с Князьями, ни с Графами.

На сих днях мы имели щастие обедать у Государя. Тут я видел Н. Н. Новосильцова: как он постарел! И все еще говорит об Адаме Смите. Здесь едва ли останется: ему трудно примкнуть и к военным и к штатским Царедворцам настоящего времени; старья же связи его рушились: один Строгонов умер, другой умирает, etc. Впрочем Двор к нему милостив, и по справедливости: Новосильцев еще орел в сравнении с другими; благороден душою, не лакей, и знает – Адама Смита! но я не сравниваю его с Графом Каподистрия: *c'est une tête à idées*. Хотя идеи не всегда ясны, и хотя он иногда доказывает без доказательств; хотя излишно мудрить в словах и любить метафизические фразы: но выбор этого человека делает честь Государю. Он едет к водам до Сентября. Мы видались редко. По крайней мере я всегда говорил с ним искренно, люблю его и обязан ему благодарностию за Огареву и за Рябинина. – В Павловске бываю не редко. Вдов.[ствующая] Имп.[ератрица] милостива. Душевно люблю Ее за благодетельность редкую. Скоро будут здесь праздники. Я съезжу в город с поздравлением и засяду дома с женою, которая уже весьма не легка на подъем. Прости, милой друг. Катерина Андр. тебе дружески кланяется; дети также, т. е. девицы; сыновья еще глупы, хотя и милы. Бог с тобою и с нами. Навеки твой Н. Карамзин.

Наталя Яковл. уже с нами. Канцлер уехал. Пиши ко мне по старому в Петербург: это вернее».

Карамзин, 1866. С. 214–215 (№ 195).

Июнь, 6. Москва.

Дмитриев в письме к Ф. Н. Глинке в Петербург пишет:

«Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Спешу принести вам чувствительную благодарность мою за сообщение мне сочинения вашего книги *Письма к другу* и начального номера *Военного журнала*. Первую читаю я с большим удовольствием; с неменьшим прочитал и вторую. Хотя уже мне и не бывать в военной службе, но я охотно желаю быть в числе подписчиков на журнал сей; итак, покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, почтить меня уведомлением вашим, можно ли здесь внести деньги на получение оногo, и к кому с этим адресоваться, – в ожидании чего препоручаю себя в продолжение

вашей ко мне приязни, весьма для меня лестной, и с отличным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 420.

Июнь. 22. Москва.

В гостях у Дмитриева В. А. Жуковский.

РА. 1867. № 7. Стб. 1088.

Июнь, 22. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Примите, милостивый государь Александр Иванович, искреннюю благодарность мою за исполнение моего поручения и доставление ко мне новых прозрений с вашей нивы. Я обязан вам удовольствием, что в другой раз наслаждался чтением вашей речи, по истинне прекрасной. Другие, может быть, скажут, что она сбивается на французской манер, отзывается еще земною мудростью. Но я нахожу, что она пленяет, и без набора слов, обилием мыслей, кроткими, благочестивыми чувствами и живым выражением оных. Сейчас расстался со мною добрый В.[асилий] А.[ндреевич Жуковский]. Я прочитал ему заключение вашей речи, и он восхищался до умиления. Напрасно К.[нязь] В.[яземский] хлопочет и беспокоится: я слышал, что несчастный Карденио <не Воейков ли? – примеч. В. П. Бартерева> уже лишен способов к новым проказам. И так, пускай он лучше потрудится с Арзамасцами в обработке плана предполагаемому журналу. Хорошо, если они устоят в своем намерении и сделают свой журнал неумытным судилищем для авторов, переводчиков и журналистов. С некоторых лет завелась и у последних политика: они сделали между собой тесный союз, и бедный автор или переводчик, притесненный одним журналистом, уже не может обратиться с оправданием своим к другому: никто не примет от него апелляции.

Но я, как праздный человек, разболтался: извините в том вашего земляка, которому приятно говорить с вами хоть в письмах, и который навсегда сохранит к вам искреннюю привязанность и душевное почтение.

NB. Лучше бы ничего не говорить мне, чем раздражить любопытство и скромничать. Не прогневайтесь. Это тирания любослова».

РА. 1867. № 7. Стб. 1088–1089; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 227.

Июнь, 22. Петербург.

Прошение Старшего библиотекаря Библиотеки при Гвардейском Штабе Ф. Глинки к И. И. Дмитриеву о его согласии принять звание Почетного члена Библиотеки при Гвардейском Штабе.

Дмитриев, 1866. С. 112 (прошение подписано Старшим библиотекарем Гвардии Капитаном и Кавалером Федором Глинкой).

Июнь, 23. Петербург.

Отношение Начальника Гвардейского Штаба, генерал-адъютанта Н. Сипягина к И. И. Дмитриеву с просьбой принять на себя звание Почетного члена Военного Общества.

Дмитриев, 1866. С. 112–113 (отношение подписано Н. Сипягиным).

Июнь, 30 (июль 11). Буюкдере.

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Прощаясь с вашим превосходительством в начале мая, я думал быть через две недели непременно в Одессе, а может быть уже и на берегах Босфора. На деле не совсем так вышло. Болезнь продержала меня в деревне до конца мая. В Одессу

поспел я не прежде как 4 июня после самой скучной и неприятной дороги, а там еще дни четыре ожидал отправления какого нибудь корабля. Извольте прибавить в сему жестокою болезнь, которою заплатил я за первое свое знакомство с морем, несмотря на прекрасную погоду и попутный ветер: тогда выдет на поверку, что прекрасное солнце и местоположения Буюкдерския не даром мне достались.

Прием нашего министра <графа Г. А. Салтыкова> был мне самый благосклонный. Я здесь еще слишком недавно, чтобы судить о будущем, но по крайней мере до сих пор ничто еще не лишило меня совершенно надежды *быть полезным*. Пока останется у меня в сердце сия химера, которая решила меня сюда ехать, я чувствую в себе довольно твердости на то, чтобы отказаться от отечества, родных, друзей, скажу более, от всякого общества. Здешнее и не для меня не привлекательно. Оно составлено единственно из чужестранных министров и чиновников их, но между ними этикет, холодный эгоизм и недостаток в качествах, одушевляющих общество, разрушили все связи и согласие еще более, нежели политические интересы. Один наш министр совершенно отличен от прочих. Ваше превосходительство изволите знать, охотник ли я до этикета. К счастью нашел я здесь прежняго своего товарища по службе, Бутенева, с коим и Северин очень дружен, доброго, умного, любезного молодого человека. С ним провожу все свободные часы, коих, правду сказать, здесь у меня немного; с ним пробегаю окрестности Буюкдерские и восхищаюсь чудесными, очаровательными видами.

Буюкдере деревня в 18 верстах от Константинополя, на Европейской стороне, где живет ныне наш посланник. Пролив образует в сем месте пространый бассейн, загибаясь к Константинополю; вместо берегов ужасная гора, превращенная в сады и обделанная уступами, а внизу, у самого моря, на узком берегу, построены дома в один ряд с набережного. С левой стороны через пролив, возвышается Азиатский берег; с правой, на повороте пролива, Европейский; оба усеянные развалинами Генуэзского замка, Турецкими батареями, древними и новыми, приятными деревнями, долинами и рощами. Тополи и кипарисы красиво венчают верхи гор; корабли, задерживаемые здесь противными ветрами, покрывают море; вся даль покрыта туманною пеленою, или скрывается за крутым загнутым берегом. Когда плывешь к Константинополю сквозь повороты пролива, то при каждом встречают глаза новую картину и ищут куполов мечетей в столице и тонких, остроконечных минаретов. В самом Константинополе я еще не был, частью за недосугами, а частью от желания подождать конца чумы, которая недавно похитила с лица земли целую Бухарскую миссию. Но мы довольно спокойны – пока, и я теперь начинаю понимать, как жители Катаны и Неаполя могут спокойно спать у подошвы Этны и Везувия. В Турции вообще на Востоке будешь по неволе фаталистом.

Впрочем ни опасности чумныя, ни отдаления никогда не будут иметь влияние на мое сердце. Оно будет всегда вам предано. Примите искреннейшее уверение в душевном почтении и совершенной приверженности, с коими честь имею пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнейшим слугою,

Дмитрий Дашков.

Покорнейше прошу ваше превосходительство принять на себя труд сказать Вяземским и В. Л. Пушкину, что я не забыл их».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 583–586.

Июль, 3. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Всякой день жду разрешения от бремени жены моей. Между тем еще бродим по саду в глубоком уединении. Весь блестящий свет в городе. Я был там на несколько часов 25 июня и спешил назад домой. Мы люди не праздничные. Новобрачную хвалят: она миловидна; только бледна. Брат ее также худ и бледен. Прусской климат хуже Руского. – Послезавтра здесь все зашумит: отправятся в Павловское, а в Царском Селе перепутье. Там в Ораниенбаум, в Петергоф... Мы же ни с места. Не оставляю жены ни для какой Иллюминации. Участвую в общей радости, но издали. – Даже и любезная Наталья Яковлевна оставила нас: жди от нее вестей о праздниках, о жалованиях и проч.

Скоро будут собираться и к вам. Я рад за Москву; но жаль, что История моя выйдет в отсутствие Двора. Милостивый Государь сказал Катерине Андр., что мы можем приехать зимою в Москву, а весною возвратиться в Царское Село: это очень милостиво; но нам ли с детьми скакать из места в место, в мои лета, под старость, без суетных обольщений? Думаем остаться в Петербурге до весны, а там навеки, т. е. до смерти, в Москву, где дай Бог нам здоровым обнять тебя здорового! – Печатание идет теперь медленнее. Авось к Ноябрью или Декабрю отделаюсь. Вообрази, что один 1-й Т. вышел совсем из дела, хотя *семь* печатается! Всего более затрудняют *ноты*, от недостатка в мелких литерях.

Прости, милой друг. Жена моя уверяет тебя в сердечной любви, а с нею вместе и дочери, которые очень дорожат твоим добрым к ним расположением. Обнимаю тебя с нежностью.

Навеки твой Н. Карамзин.

Хочешь ли, чтобы я прислал к тебе 1-й том? Или уже все вместе? Королева Виртембергская написала ко мне обязательное письмо, и даже по-Руски!»

Карамзин, 1866. С. 215–216 (№ 196).

Июль, 9. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за духовный гостинец; мне очень нравится, что обе духовныя Академии и Харьковский университет знакомят нас с успехами своих студентов; желательно, чтоб и Московский университет последовал сему примеру.

Что же касается до нового перевода Евангелия, то я в таком только случае прошу вас прислать мне второго (?) издания, когда последуют какие поправки в слоге. Если же оных не будет, то для меня довольно и одного экземпляра первого издания, который уже давно имею. Я просил вас прислать на веленовой бумаге, не выдав еще на простой. Теперь же нахожу, что и простая бумага почти не уступает нашей веленовой.

Радуюсь, слыша хорошие вести о Пушкине. Завтра буду обедать у дяди его по зову и праздновать с тетушкиным приездом и выздоровление племянника.

Дисо куплю, когда пришлют его в Москву. Ныне у французских писателей вошло в моду собирать свои крохи, которые рассыпаны были в журналах; последуя им, и наши стали печатать свои прозаические крошечки и разделять на томики.

Удивительно, что я так давно не имею писем ни от Кривцова, ни от Блудова. Ужели он и вам ничего не отвечал на щет последних томов *Mémoires de Georget*? Скоро-ли же вы обрадуете меня свиданием? В лестном ожидании, пребуду навсегда с отличным почтением вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 712–713 (№ 16).

Июль, 10. Москва.

Дмитриев на обеде у В. Л. Пушкина.

РС. 1903. № 12. С. 713.

Июль, 17. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю за дружеское письмо. Немедленно отправлю к тебе 1-й том, на сих днях: только надобно послать за ним в город; здесь у меня один экземпляр, без которого не могу обойтись для справок. Прошу тебя, любезнейший, никому, никому не давать его, и сообщить мне дружеские твои замечания. Веленевые экземпляры еще не *подняты*: пришлю тебе *пока* на простой белой бумаге: – я всем жертвовал и жертвую скорости печатания: не только наружною красивостию печати, но и своими глазами; никто усерднее моего не читывал корректур. За недостатком литер *примечания* набираются разными: и корпусом и петитом. Беда не велика: не многие

будут читать их. К Декабрю думаю отделаться; но зимою не поедем в Москву с малютками: надобно дожидаться лета, чтобы возвратиться туда, как мы выехали оттуда. С живейшею признательностью пользуюсь знаками Августейшего благоволения; но лета и характер склоняют меня к тихой жизни в семействе и с дружбою. Уже не мое дело нравиться людям: я стар, мрачен, не гибок. Дай Бог только, чтобы мы расстались с Двором в таком к нему расположении, в каком мы теперь к Государю и к Императрицам: т. е. исполненные любви и благодарности! Они к нам ласковы. Я как Гурон не был на свадебных праздниках и не представлялся новой Великой Княгине: она же сама после обеда в Павловском подошла ко мне с милостивым приветствием; говорила о Короле, о покойной Королеве, об их благоволении к старому Русскому Путешественнику. Государь пригласил нас обедать с молодыми и с Павловским Двором. Жена по своей тягости отказалась: я был на этом приятном обеде и гулянье; обедали в Александровском дворце, катались на шлюпках, пили чай на колоннаде в саду. Праздник в Петергофе будет великолепен. Император предлагал нам опять тот же дом: мы отказались, потому что жена может всякой день родить; вероятно, что и я не поеду. Все это хорошо, и даже трогательно для нас, простодушных людей, искренно преданных Императорскому Дому; но думаю о Москве! Готовь местечко в своем саду, где нам пить чай и мирно беседовать вдвоем или втроем. Ось мира будет вертеться и без нас! Поблагодарю Бога, когда с *целым* семейством и к *целому* другу Московскому возвращуся, и буду в состоянии купить домик, а для роскоши и землицу с огородом под Москвою. Буду ли продолжать Историю или нет, все равно или почти равно: могу написать более, но уже не могу написать лучше.

Сделай одолжение, любезнейший, скажи князю П. И. Шаликову, что я немедленно отослал экземпляры его Генрика к Тургеневу, но, к сожалению, не могу ручаться за успех, которой едва ли зависит и от доброго Тургенева: иначе он уже нашел бы способ избавиться от докук моих: я прожужжал ему уши о Генрике. Князь Голицын хороший человек и всегда учтив со мною, но я к нему совсем не близок и с Кюшелевым не знаком; даже и текстами не промышляю. Иногда смотрю на небо, но не в то время, когда другие на меня смотрят. Вообще могу сказать, что я не имею здесь никакой связи с так называемыми важными людьми; эта мне не честь, но и не безчестье. Я ленив, горд смирением и смирен гордостью. Суетность во мне есть, к сожалению; но я искренно презираю ее в себе, и еще более нежели в других: следственно она, по крайней мере, не сведет меня с ума. Более нежели когда нибудь, в искренние минуты, чувствую свою ничтожность. — Прости, милой друг! Будь здоров и спокоен. Всего более желай мне того, чтобы Катерина Андр. родила благополучно.

Навеки твой Н. Карамзин.

Катерина Андр. кланяется тебе с нежнейшею дружбою, а дети с любовью и почтением».

Карамзин, 1866. С. 217–219 (№ 197).

Июль, 29. Москва.

Дмитриев в письме к Н. И. Гнедичу в Петербург пишет:

«Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъяснить вам чувствительную благодарность мою за обязательное ваше письмо и доставление подарка от одного из моих любимейших прозаиков и поэтов. Это драгоценный подарок и для нашей словесности; как ревностный любитель славы ее, искренно желаю скорее увидеть в библиотеке моей и вашего Гомера.

Между тем, поручая себя лестной для меня вашей приязни, с отличным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 420.

Июль. Москва.

Получает из Петербурга от К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. Часть 1. Проза. СПб., 1817». На оборотной стороне форзаца:

«Его Превосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву в знак глубочайшего почитания и признательности от автора. С. Петербург. 1817».

Книга хранится в б-ке МГУ (см.: *Анохина*, 1973. С. 95).

Август, 2. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за ваши гостинцы. Прошу и впредь не оставлять, по мере вашей щедрости. Записку Давида сей же час посылаю к князю Юсупову, и между тем предваряю вас уведомлением, что ни одна из картин его не погибла, ибо он все их, равно как и мраморные статуи, успел увезти в Астрахань. Сафу и Фаона я видел в селе его Архангельском уже после пожара.

Недавно я имел удовольствие получить первый том Батюшковых *Опытов*. Уверен, что всякой, умеющий ценить хорошее, признает его истинным литератором, с размышляющим умом, с благородными чувствами и тонким вкусом. При чтении аллегии его (первой), у меня навернулись слезы, и я от сердца пожелал ему счастья Жуковского. Скоро ли начнется Арзамасский журнал? Нетерпеливо хочу читать его. Прошу вас сообщить о том Д.[митрию] Н.[иколаевичу] Блудову и сказать мое искреннее почтение.

Впрочем, пожелав вашему превосходительству совершенного благополучия, с душевным почтением пребуду навсегда покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Еще к вам покорнейшая просьба: несмотря на то, что я не подписался ни на одно сочинение г. Карлевича, он по великодушию своему прислал конец своего перевода о законодательстве. Учтивость или совестливость заставляет меня благодарить его. Сделайте милость отошлите к нему прилагаемое при сем письмецо. Прошу вас на адресе вписать его отчество, которого я все еще не знаю».

РА. 1867. № 7. Стб. 1089—1090; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 227—228.

Август, 3. Царское Село.

У Н. М. и Е. А. Карамзиных родился сын Николай (ум. 1833).

Август, 3. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Поздравляю тебя с рождением маленького Николая Карамзина: если будет жив, то будет любить тебя по примеру своего отца. Дай Бог только, чтобы жена, родив благополучно, благополучно и оправилась. Вот одно, что занимает теперь мою душу. — Получил ли ты 1-й Т. моей Истории, отправленный мною к тебе через почту? — Сто раз обнимаю тебя с нежностью.

Твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 219 (№ 198).

Август, 5. Остафьево.

Кн. Вяземский в письме просит А. И. Тургенева:

«...В досужий час скажи своей пузе, чтобы она прислала мне свои арзамасские речи прозой и стихами: Ив.[ану] Ив.[ановичу] хочется их прочесть».

ОА. Т. I. С. 79.

Август, 10. Село Даниловское (Новгородская губ.).

Письмо Батюшкова к Дмитриеву в Москву:

«Ваше превосходительство, я имел счастье получить письмо ваше. Не нахожу слов для изъяснения вам, милостивый государь, душевной признательности, за

ободрение маленькой Музы моей. Здесь, в тишине сельской, рассудок мой за одно с истиною делает строгое вычитание из всего лестного, *что* изволите говорить на счет её; но сердце упрямится и ничего уступить не хочет. Оно сохранит в памяти письмо ваше на равне с краткими, но сладостными минутами, которыми я наслаждался в доме вашем, в обители Муз. Страшусь быть суетным и знаю твердо, что вы, милостивый государь, ободряете меня не за то что сделал, но за то, чтоб вперед могу сделать. Буду стараться оправдать внимание ваше, и, если по проществу некоторого времени удастся мне написать чтонибудь путное, прочное, достойное вас, то с слезами радости воскликну: Дмитриев ободрял некогда мою Музу, он дал ей крылья, он указал мне прямой путь к изящному! Не могу вам изъяснить, какое добро сделали мне ваши волшебные строки. Они меня воскресили. – Я знал слабость моей прозы. Почти все было писано на скоро, на дороге, без книг, без руководства и почти в беспрестанных болезнях. Большая часть моей книги писана *про себя*. Я хотел учиться писать, и в прозе заготовлял воспоминания или материалы для поэзии. Сам не знаю, как решился: напечатать это! Теперь же на досуге, перечитывая все снова, с горестью увидел все недостатки: повторения, небрежности, и даже какое-то ребячество в некоторых пиесах. Посудите сами, как сердце мое уныло! В добавок к несчастью, множество ошибок типографских поразили мои отеческие взоры. И чужие, и мои собственные грехи, полагал я вооружат на меня нашу *неблагодарную* публику и всех расставщиков кавык и строчных препинаний, которые, не имея великих талантов, не могут иметь и вашей снисходительности. Теперь я несколько спокойнее и по крайней мере себя не презираю. Надеюсь, что вторая часть будет исправнее и разнообразнее первой. Я молю судьбу мою, – почти неумолимую! – чтобы она позволила мне лично вручить ее вам, милостивый государь, как новый знак моей признательности и усердия. Меня никто до сих пор не ободрял кроме вас, не за то несколько слов ваших – не смею и думать, чтобы они были не искренни – несколько слов ваших, с избытком заменяют похвалу нашей публики и скажу более – все дары Фортуны, к поэтам редко *благодарной*.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга. Константин Батюшков».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1642–1644.

Август, 12. Царское Село.

На десятый день после родов Е. А. Карамзину навещает имп. Александр I. Карамзин, 1866. С. 219 (№ 199).

Август (перв. пол.). Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Сейчас получил твое письмо от 7-го августа. Обязуюсь присылать тебе свои стихи и Орля-Опшмянца. Как знаете вы его? Но, послушайте, вот чего вы не знаете: он приходит к Ив.[ану] Ив.[ановичу] <Дмитриеву>. Тот говорит ему: “По содержанию вашего журнала приличнее было бы назвать его *Букетом цветов знатным вельможам из орловскаго сада*”. Тот встает со стула: “О, ваше превосходительство, – говорит он, – как прекрасно! Позвольте...” вынимает карандаш и записывает слова Дмитриева; встречает после Шаликова и рассказывает ему о сожалении своем, что не прежде услышал он совет Ив.[ана] Ив.[ановича] и не может уже на этот год воспользоваться им. Каков Орлик!».

ОА. Т. I. С. 81.

Август, 21. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за высокую цену, которую даешь ты моей смиренной Истории, говоря, что она занимала тебя и поутру и в полдень и вечером. Знаешь ли, что это меня тронуло до глубины сердца? Дружба твоя выше комплиментов. – Вижу: едва ли не умышленно отступил я от *формы* в дедикации, для *краткости!*

Жена, слава Богу! оправляется. Она в десятый день имела щастие принять в нашем смиренном домице Царскосельского Хозяина, то есть Государя. Вот новый знак Его к нам милости! Накануне я у него обедал и после обеда был в Кабинете с час или более. Мы сидели дома с Арзамасцами, и вдруг говорят: Император! Гости разбежались, и я едва успел встретить Августейшего в передней комнате. Ты поверишь, когда скажу тебе, что сердца наши Ему преданы. Он спрашивал, зачем не хотим ехать в Москву? и позволил нам, если будем живы, встретить Его весною в Царском Селе. Печатание продолжится, может быть, до Генваря: будет еще не мало хлопот для издания и продажи. Не удобно также ехать с малютками зимою.

Для Архива твоего прилагаю список с ласковой записки Императрицы вдовствующей.

Ныне у нас крестины. Мы могли бы покумиться с Императорскою Фамилиею, но не хотели трудить ни Государя, ни Императрицы. Это не прибавило бы Их к нам милости; а подарков не желаем.

Читаю теперь Франклиновы письма: мне пожаловала их Имп. Елисавета, с тем, чтобы я замечал карандашом все достойное особенного внимания.

Вот тебе журнал Царскосельской!

Одним словом, никто здесь столько не ласкал, не поил и не кормил нас, как Царская фамилия. Малютки сыновья наши осыпаны Ея поцелуями, а дочери учтивостями и приветствиями в их прогулках. За всем тем строгое благоразумие велит мне оставить чрез несколько месяцев и прекрасную Неву и прекрасное Село Царское, чтобы доживать век в тихой Москве с семейством и с дружбою. Я уже стареюсь. Дай Бог только управиться с Историею без стыда, но не без... угадай, чего? Мы здесь прожили 40 тысяч: желаю продажею Истории успокоить мою экономическую заботливость хотя лет на пять.

Прости, любезнейший! Мы целым домом обнимаем тебя нежно.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Наталья Яковлевна у нас и тебе кланяется, а писать будет после».

Карамзин, 1866. С. 219–221 (№ 199).

Август, 21. Царское Село.

Карамзин в письме к Вяземским в Остафьево сообщает: «Государь был у нас в гостях; обещал перед отъездом еще заехать к родильнице. Все к нам милостивы. Я писал о том к Ивану Ивановичу. А теперь спешим приводить Николая в христианскую веру...».

СН. 1897. Кн. 1. С. 32–33 (№ 27).

Август, 22. Москва.

Дмитриев получает из Устюга(?) письмо К. Н. Батюшкова.

РС. 1903. № 12. С. 713. Вероятно, это письмо от 10-го августа 1817. Но в РА (1866. № 11–12. Стб. 1644) в примечании к этому письму сообщается, что написано оно в селе Данилове Новгородской губ., куда Батюшков уехал по случаю кончины отца своего.

Август, не позже 23. Москва.

Получает письмо от А. И. Тургенева из Петербурга.

РС. 1903. № 12. С. 713.

Август, 23. Москва. Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за дружеское ваше письмо и посылку проспектуса. Теперь все мои знакомцы в разброде по деревням и подмосковным; при первом с ними свидании буду вербовать субскрибентов, но едва-ли усердие мое увенчано будет желаемым успехом; надеюсь только на Вяземского и Пушкина. Мы все москвичи после пожара еще не пришли в прежнюю силу. Каждый обстраивает себя, и между тем исправляет городские повинности, а цены и на материалы, и на работников утроились.

Ни мало не усумнюсь в участии вашем к Батюшкову; вчера я получил от него письмо из Устюга.

Наконец мысленно обнимает вас пребывающий с душевным к вам почтением вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 713 (№ 17).

Август, 25. Царское Село.

Отъезд имп. Александра I в поездку по России.

1817. Лето.

Батюшков К. Н. «Чужое – Мое Сокровище» <Из записной книжки 1817 г.>. В плане составления книги по истории русской литературы, под № 19, он записывает: «Дмитриев. Характер его дарования, красивость и точность. Он то же делает у нас, что Буало или Попе у себя».

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подг. И. М. Семенко. М., 1977 (Литературные Памятники). С. 421.

Сентябрь, 4. Москва.

У Дмитриева В. Л. Пушкин читает свое послание к гр. С. А. Мусиной-Пушкиной.

СН. 1898. Кн. 2. С. 126.

Сентябрь, 5. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Остафьево пишет:

«Хотя

Не занимаясь во век о рангах спором,
Рафаель не бывал коллежским ассесбром,

но другой век, другие нравы, и я от всего сердца поздравляю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, с получением монаршей милости, не смотря на то, что ваша новая служба убавит, может быть, число наличных по сердцу моему приятелей.

Благодарю вас за доставление поэмы Жуковского и поздравляю Любителей Российской Словености с хорошею книгою; поздравим и Василия Львовича: вчера он приежживал ко мне прочитав восемь стихов к графине Пушкиной, которые он называет Епвои, и прочтя их, очень смеялся. За тем свидетельствует вам искреннее свое почтение преданнейший вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 126–127.

Сентябрь, 6. Москва.

Письмо к Жуковскому в Петербург:

«От сердца благодарю вас, любезнейший Василий Андреевич, за подарок новым изданием большой вашей баллады <«Двенадцать спящих дев»>. Я, презря все страхи, бросился читать в постеле на сон грядущий, и с прежними впечатлениями дочитался до возникших стен вокруг обители дев усопших. Нетерпеливо хочу ознакомиться с Вадимом и узнать развязку.

Между тем с тою же искренностью поздравляю вас с новым Монаршим благоволением. Этот случай принес мне сугубую радость: ибо я ласкаю себя надеждою скоро увидеть в моем кабинете любезного поэта.

И так до свидания; зачно вас целует преданнейший вам

Дмитриев».

РА. 1871. III. 2. Стб. 424–425; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 228–329.

О «монаршем благоволении» к Жуковскому писал Карамзин к Вяземскому в письме из Царского Села 28 августа: «Прощаясь, я сказал ему: Государь! Желаем не новых от вас милостей, а продолжения старых! И Жуковский с местом, и не по милости Глинки. Императрица сказала мне, что Жуковский за молодостью *не может быть* учителем Великой Княгини... Я представил, что ему 34 года, и описал его благородный характер. Надлежало еще объяснить некоторыя обстоятельства его жизни – и третьего дня наш поэт обедал в Павловском уже как признанный учитель...» (СН. 1897. Кн. С. 33–34 (№ 28).

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 57 лет.

Сентябрь, 17. Петербург.

Отъезд Вел. Кн. Николая Павловича в Москву.

Шильдер. Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 225.

Сентябрь, 20. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Приношу искреннюю благодарность вашему превосходительству за дружеское письмо ваше. Скоро надеюсь изъяснить ее на словах: к двенадцатому октября буду в Москву и живейшее удовольствие обещаю себе от свидания с вами, в новом [для меня новом] доме вашем, где, надеюсь, возобновится для меня прелесть тех счастливых вечеров, которые во время оно с таким наслаждением проводил я в вашей беседе. Смее сказать, что в Москве вы теперь один из ближайших родных моих, и с радостною мыслию об удовольствии скоро вас увидеть соединяется и надежда, что найду в вас прежнее ко мне благоволение: заслуживаю [его] по тому глубокому почтению, которое люблю питать к вам в сердце. — Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе моей: должность, мне теперь порученная, есть счастливая должность, счастливая не по тем выгодам, которые могут быть соединены с нею, но по той необыкновенно-приятной деятельности, которой она меня подчиняет. Для поэта это главное. Имею перед собою цель прекрасную, к которой буду идти без всяких беспокойных посторонних видов; могу быть обеспечен на счет всего, кроме моего долга, а этот долг привлекательный. Еще одно особенное счастье: я всем обязан ревностной дружбе Карамзина. Чтобы доставить мне это место, надобно было Карамзину сказать вслух, что он любит меня и уважает. Радость наполняет сердце всякий раз, когда об этом подумаю. — Простите, м.[илостивый] г.[осударь] И.[ван] И.[ванович]. Пишу это слово с некоторым удовольствием, ибо само собой приклеивается к нему другое: ненадолго. Мысль об вас всегда водит за собою свиту любезных воспоминаний; свидание с вами столпит еще большее их множество. — Уверяя вас в душевном, неизменном почтении, честь имею быть с совершенною преданностию вашего превосходительства покорнейшим слугою. Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 428–429.

Сентябрь, 22. Москва.

И. И. Дмитриев избран почетным членом Общества Истории и Древностей Российских при Императорском Московском университете.

Дмитриев, 1866. С. 113 (диплом подписан Председателем Общества — П. П. Бекетовым и секретарем Общества — И. А. Двигубским).

Сентябрь, 26. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мне грустно было, что я давно не писал к тебе. Несколько времени употреблено мною на сочинение *Записки о москов. достопамятностях* для вдов. Императрицы; между тем типографские дела мои остановились, и я был в хлопотах: еще и теперь не все в порядке. Мы уже 10 дней в городе, и еще не делаем визитов, большею частью пустых, но предписываемых учтивостию.

Мы расстались хорошо с Императорскою Фамилиею. Перед отъездом Императриц, я пять дней сряду ездил во Дворец! Теперь всему конец. Весь блеск от нас перешел к вам. Жду от тебя добрых вестей. Имею все причины любить Государя, Императриц, и быть благодарным. Любезной Северин без сомнения уже сказал тебе о перемене своей участи. Сердечно желаю ему счастья. Ты увидишь Графа

Каподистриа: вот наш благоприятель! В последний раз он пробыл у нас часов пять, с глазу на глаз.

Вероятно, что мы будем жить уединенно: мне как-то тяжело выезжать, и еще три месяца надобно крепко работать глазами. Хорошо, если бы Бог благословил мой труд в главных отношениях; а там ... к тебе бы в Москву! Я не весел, но благодарю Всевышнего.

Скажи нам о своем здоровье; скажи, кончил ли ты свою Коммиссию. Пришлю тебе и второй и 3-й т. моей Истории. Я воспользовался твоими замечаниями.

Люблю, люблю тебя, нашего неизменного друга. Жена и дети мои свидетельствуют тебе свою любовь и почтение.

На веки твой Н. Карамзин.

Мы поговорили о тебе с Гр. Сергеем Петровичем <Румянцевым>. Канцлера еще нет здесь».

Карамзин, 1866. С. 221–222 (№ 200).

В письме к кн. П. А. Вяземскому от 14 сентября Карамзин писал: «...Спешу дописывать нечто о Москве для Императрицы» (*СН*. 1897. Кн. 1. С. 35–36 (№ 29)).

Сентябрь, 30. Москва.

Приезд царской семьи, а также Вел. Кн. Николая Павловича вместе с женой, Вел. Княгиней Александрой Федоровной, в Москву.

Шильдер. Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // *РС*. 1901. Август. С. 226–227.

Октябрь, 4. Четверг. Петербург.

Отъезд Жуковского и Северина в Москву.

Дневники В. А. Жуковского // *РС*. 1901. Май. С. 52; *Письма Жуковского к Тургеневу*. С. 179; *ОА*. Т. I. С. 89.

Октябрь, 9. Вторник. Москва.

Приезд Жуковского и Северина из Петербурга.

Дневники В. А. Жуковского // *РС*. 1901. Май. С. 52; *Письма Жуковского к Тургеневу*. С. 180. Однако кн. Вяземский в письме от 8-го октября пишет к Тургеневу: «...Жуковский приехал и сегодня видел свою ученицу...» (*ОА*. Т. I. С. 90).

Октябрь, 10. Среда. Москва.

Дмитриева посещает Жуковский.

Дневники В. А. Жуковского // *РС*. 1901. Май. С. 52.

Октябрь, не ранее 10. Москва.

Северин передает Дмитриеву вторую часть «Опытов в стихах» Батюшкова. Книга хранится в б-ке МГУ (см.: *Анохина*, 1973. С. 96).

Октябрь, не ранее 10. Москва.

По получении книги Дмитриев пишет письмо к Н. К. Батюшкову (ответное, 26 октября).

Октябрь, 12. Москва.

Дмитриев и Жуковский на Торжественной закладке храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, на которой присутствовали Вел. Кн. Николай Павлович и принц Вильгельм.

Запись в дневнике В. А. Жуковского: «12 <Октября>. Чудесный праздник на Воробьев. горах» (*Дневники В. А. Жуковского* // *РС*. 1901. Май. С. 52); *Шильдер. Н. К.* Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // *РС*. 1901. Август. С. 227. Принц Вильгельм покинул Москву 15 декабря 1817 г.

Октябрь, 15. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за добрые вести о себе. Надеюсь, что ты во все время Государева пребывания в Москве будешь доволен Его милостию, равно как и добрых Императриц. Мы вчера много поговорили о тебе с любезною Натальею Яковлевною. — Буду от тебя кланяться двум Графам, а ты от меня поклонись третьему, Гр. Каподистрию, и очень нежно милому жениху, Северину, которой всегда и во всем доказывал нам свою дружбу. За то никто искреннее нашего не желает ему счастья.

Мы теперь беспокоимся о малютке: кормилица его уже две недели не здорова. Никуда почти не ездим; видим мало людей, и я с утра до вечера в корректурах.

Уведомь, любезнейший, *какой* лист надобно перепечатать? Тот ли, где в твоём экземпляре перемешаны формы, или другой? Буду ждать твоего ответа, и готов все перепечатать. Ты уже получил II-й том от доброго поэта Жуковского?

Пиши к нам. На сих днях, пользуясь милостивым приказанием Имп. Марии, буду писать к ней. Мы искренно и просто любим всю Цар. Фамилию.

Публиковано ли в Москов. газетах о моей истории. Я поручил это Жуковскому; а ты поручи К. Шаликову.

Жена пошла гулять по берегу Невы, но за нее скажу, что она всею душою любит тебя. — У нас в доме между людьми завелись болезни; но мы еще здоровы. Прости, милой друг!

На веки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 222–223 (№ 201).

Октябрь, 24. Среда. Москва.

Запись в дневнике Жуковского: «24. <...>. Обедал в Английском Клубе. Давыдов, Дмитриев, Каченовский...».

Дневники В. А. Жуковского // РС. 1901. Май. С. 53; Письма Жуковского к Тургеневу. С. 181–182.

Октябрь, 25. Москва.

Записка к Жуковскому: «Хотите ли, любезнейший Василий Андреевич, сего дня отобедать со мною вдвоем, и тот час потом ехать на место закладки храма, а на возвратном пути поклониться и Пожарскому с Мининым. Есть ли так, то я хотел бы, чтоб вы приехали ко мне в половине второго. Скорее отобедаем и засветло будем любоваться Москвою».

РА. 1871. III. 2. Стб. 425; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 229.

Вероятно, встреча с Жуковским не состоялась. В этот день Жуковский, по его записи в дневнике, дважды посещал Е. С. Тургеневу; обедал у Великого Князя, встречался с А. Х. Бенкендорфом, М. Е. Храповицким, Н. Д. Дурново, Антонским, кн. П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным (*Дневники В. А. Жуковского // РС. 1901. Май. С. 53–54*).

Октябрь, 26. Петербург.

Письмо К. Н. Батюшкова к Дмитриеву в Москву:

«Ваше превосходительство, в волнении приятнейших чувств я читал письмо, которым вы изволили меня удостоить. Благосклонное внимание ваше к моим *Опытам* оживляет меня, как волшебный пруттик: оно меня не избалует, ибо я принимаю его как ободрение и чистосердечное желание мне успеха, а не награду за безделки мои. Я вручил Дмитрию Петровичу Северину при отъезде его в Москву второй том *Опытов*, только что вышедший из типографии, где его немилосердно изуродовали, к смирению моей авторской гордости. К моим беотизмам, наборщики столько собственных своих беотизмов прибавили, что мои родительские руки от ужаса опустились! Отправляя его к вам, я умолял Северина быть моим ходатаем за младшего моего сына. С первой оказией осмелюсь препроводить к вам лучший и исправнейший экземпляр, который, по крайней мере по переплету, заслужит

местечко в библиотеке вашей, то есть, в храме вкуса. Ласкаю себя надеждою, что вы, милостивый государь, примите его с благосклонною улыбкою, как слабый, но искренний знак моей преданности; она не истощима, ибо беспрестанно питается чувствами глубочайшего почитания и благодарности.

Имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим слугою.

Константин Батюшков».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1644–1645.

Октябрь, 27. Суббота. Москва.

Дмитриев, Жуковский, кн. Шаликов, В. Л. Пушкин и др. присутствуют на заседании Общества любителей российской словесности. В. Л. Пушкин читает свою басню «Гнев Зевса», а П. С. Яковлев стихотворение Жуковского «Сказка Корбункул».

Моск. Вед. (1817. № 91); Дневники В. А. Жуковского // РС. 1901. Май. С. 55 («27, суббота <1817> Заседание в Обществе любителей словесности и скупа. Дмитриев и Шаликов. Ужин у В. Л. Пушкина»).

Ноябрь, 1. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за милое письмо. Всего более желаю, чтобы ты был доволен Государем: пересуды Московской публики неважны. Говорю это в отношении к твоей Коммиссии. – Будешь иметь самый лучший экземпляр моей Истории. Есть люди, которые находят, что она еще дорога; но здешние книгопродавцы не того мнения: они продавали бы ее рублей по семидесяти, если бы она им принадлежала. – На вопрос твой о публикации отвечаю, что Государь пожаловал мне деньги на печатание, а книгу оставил моею собственностью. Решив прошлого году недоумение в рассуждении цензуры, он чрез министра приказал мне сказать (по крайней мере К. Голицын, т. е. министр, так написал ко мне), что я без сомнения не откажусь исполнить обряд и отослать, куда следует, несколько экземпляров, т. е. в Императорскую Библиотеку и проч. Следственно и в этом случае История предполагалась моею собственностью, как иначе и быть не могло. Государь при отъезде изволил сказать мне, чтобы я адресовал экземпляр ей прямо на Его имя (в Москву). Натурально, что, послав к Нему книгу, подожду недели две и не отдам ее в продажу.

Все твои замечания, любезнейший, для меня важны и любезны. Скажи, что тебе не полюбилось, сверх того, что ты уже мне заметил.

Мы теперь, слава Богу! здоровы. Что слышно о Дворе? Всю ли зиму пробудет он в Москве? Я писал к Императрице М. Ф., и не таил своей дружеской связи ни в Цар. Селе ни в Павловске. Пишу это с усмешкою. Впрочем не дивлюсь молчанию: я не пришел на мысль – и только: для разговора так много предметов у вас в Москве! – Прости, милой и очень милой! Жена, дети, все мы обнимаем тебя. Твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 223–224 (№ 202).

Ноябрь, 3. Суббота. Москва.

Дмитриев с Жуковским на обеде у Е. С. Тургеневой.

Письма Жуковского к Тургеневой. С. 185.

Ноябрь, 6. Вторник. Москва.

У Дмитриева вечером Жуковский. Поздно вечером кончина Митеньки Вяземского, сына П. А. и В. Ф. Вяземских. Жуковский у Вяземских.

Дневники В. А. Жуковского // РС. 1901. Май. С. 59.

Ноябрь, 12. Понедельник. Москва.

Вечером у Дмитриева Жуковский.

Дневники В. А. Жуковского // РС. 1901. Май. С. 61

Ноябрь, 22. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! мы, слава Богу! здоровы, но грустны: жалею сердечно о Князе Петре Андр. Он рано испытывает ужаснейшее несчастье для сердца родительского. Впрочем живем спокойно, изредка выезжаем и сверх чтения корректур находим время читать книги. По старому обыкновению обедаю раз в неделю у Канцлера, то есть, кричу изо всей силы. Он всегда вспоминает о тебе с нежностью, равно как и Гр.[аф] Сергей Петр.[ович]. Из Арзамасцев один доброй Тургенев бывает у нас часто. Блудов едет в Лондон Советником Посольства: место хорошо; но лучше, если бы умных людей, и с дарованием, употребляли в России, откуда я не выпустил бы и Дашкова. Давно не говорил я тебе об *умном* Министре: он не всегда ласков ко мне и жалуется, что я хвалю Самодержавие, а не *либеральные* идеи; то есть, хвалю печи зимою в Северном климате! Жизнь коротка: иногда хочется сказать правду людям. С Канцлером уже не спорю, для того, что не хочу говорить о некоторых предметах *во всеуслышание* Дому его. Граф Сергей Петр.[ович] занимается ныне всего более Грамматикою Русскою. Иногда мы оба смеемся от доброго сердца. Он едет – в Одессу! На сих днях отправляется к вам посланник Баварской, Граф Брей, человек с умом, и здешний хлебосол: он желает познакомиться с тобою. – Письма твои, любезнейший, радуют меня своим тоном: кажется, что ты вообще доволен и спокоен духом: это главное, после здоровья. Прости, милой друг! Жены нет дома; но могу отвечать тебе за нее в ее дружеских чувствах. Все обнимаю тебя мысленно. Навеки твой Н. Карамзин.

Дружеской поклон Поэту Жуковскому, Дипломату Северину».

Карамзин, 1866. С. 225–226 (№ 203).

Ноябрь, 30. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 10.* При письме – записка Дмитриева о судебном деле по размежеванию его имения.

1817. Петербург.

В журнале «Сын Отечества» в отделе «Смесь» напечатано объявление «О русской Истории Н. М. Карамзина» (С. 78): «*История Государства Российскаго, сочиненная Н. М. Карамзиным, в осьми томах*, будет отпечатана в С.П. бургке месяца через два. Желающие иметь сию книгу в других городах могут заблаговременно подписываться на оную, и для вернейшего ее доставления присылать деньги с своим адресом прямо в Газетную Экспедицию С. П.бургского Почт-Амта. Цена осьми томов, с картою древней России, 55 рублей; следующие же в казну за пересылку весовые и страховые деньги будут вносимы подписавшимися в почтовые места уже при получении книги».

Здесь же примечание от редактора «Сына Отечества»: «Наконец выходит у нас *настоящая Руская История*. Всякой просвященной Россиянин обрадуется этому и поблагодарит душевно за сей важный труд почтеннейшего Сочинителя, который оказал назабвенныя услуги для нашей отечественной словесности. – Невезды, которых (стыдно сказать, а грех утаить) очень еще у нас довольно, думают, что *Руская История Н. М. Карамзина* написана тем же самым словом, как *Бедная Лиза, Наталья Боярская дочь, Юлия* и проч. – *Отче! Отпусти им: не велят-бо что творят и что говорят. Примеч. Редак. С. О.*».

Декабрь, 6. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Ежели бы это было в прошлом году, то решительно сказал бы вам, любезной князь Петрович (sic): с удовольствием буду. Теперь же по неволе скажу вам с

удовольствием: если не пригласят меня к придворному обеду. Между тем поздравляю вас с милым именинником и с душевною привязанностию пребуду к вам навсегда преданный Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 127 (№ 6).

Декабрь, 10. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Последнее дружеское письмо твое меня не порадовало: оно грустно. Надеюсь, что незаконное решение Межевой Канцелярии не будет законом. В первое свидание с Министром Юстиции упомяну об этом деле. Он сделался почти невидимкою. Непременно напиши к нему и пришли записку о всех обстоятельствах, а копию ко мне, чтобы я мог попросить и Обер-Прокурора: рад быть твоим Стряпчим, милой друг. Что твоя Комиссия? Много ли еще остается дел? Желаю очень, чтобы ты еще при Государе отделался. В Августе авось увидимся. Оба стареемся, но оба будем тверды. Признаюсь, однакожь, что я надеюсь более на умиление, нежели на твердость своего сердца. Есть Бог! По моей философии Он занимается не только Дипломатикою здешняго света, но и всеми моими делами: вот моя опора и в старости и в грусти! Свет для меня гаснет, или я для него гасну: так и быть! Не зная, для чего? знаю, что все должно быть, как есть. Между тем будем и в старости любить друг друга. Д. Н. Блудов с нами расстался: мне жаль его для себя. Прости, любезнейший. Катерина Андр., две дочери и три сына приветствуют тебя дружески. Наша семья есть почти твоя. Царскосельский уроженец недурен: он также будет любить тебя в свое время.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 226—227 (№ 204).

Декабрь, 15 (27). Буюкдере.

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Занятия по службе, обыкновенно скопляющиеся при редком отправлении отсюда почты, а особливо болезнь, почти непрерывная с начала сентября, мешали мне иметь честь писать к вашему превосходительству. Но сердце мое не имело никакого участия в сей неисправности: оно никогда не забывало и не забудет вас.

Примите, милостивый государь, искреннейшее поздравление с наступающим новым годом. И вне России, равно как и в отечестве, желания мои в сей день всегда будут одинаковы: желанья вам здоровья и спокойствия, двух благ, коих цену вы умеете чувствовать. Я с моей стороны лишен их, и к сожалению всякой день больше уверяюсь, что прекрасной природы *одной* мало для счастья человека. Как часто привожу себе на память совет ваш: возвращаться скорей на родину после трехмесячного отсутствия! Как часто желаю ему последовать!

Сегодня выпал здесь первый снег и покрыл наш берег. Противолежащие горы на Азиатской стороне забелелись. Зрелище прекрасное! Но время ужасно сыро и особливо для меня вредно. Дорого бы я дал за трескучий мороз русский, между тем как все здешние жители, Франки, Греки и Турки зябнут уже около своих мангалов и тандуров, т. е. подвижных очажков, открытых и закрытых.

Если Наталья Яковлевна <Плюскова> в Москве, то покорнейше прошу ваше превосходительство засвидетельствовать ей мое искреннейшее почтение и уверить, что я не забыл ея. Впрочем с чувствами глубочайшего почтения и сердечной преданности имею честь навсегда пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнейшим слугою

Дмитрий Дашков.

Р. S. Ваше превосходительство конечно изволили уже получить отправленный мною к вам кофе».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 586—587.

Декабрь, 24. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Посылаю к тебе IV-й том; а лист I-го, вместо испорченного, пришлю после, вместе с перепечатанными листочками II-го и III-го.

Поздравляю тебя с завтрашним праздником. Будь как можно здоровее, спокойнее и веселее! – Я сутки лежал, и двое не выходил из комнаты: теперь опять брожу: гуляю по утрам в летнем саду, среди инья, снегов и статуй прикрытых рогожами! Самые жестокие морозы не прерывали моих прогулок, не сентиментальных, не философских.... не знаю, каких! Выду на Неву: смотрю, хвалю Петербург, пройду в мыслях историю его, и спешу домой завтракать с женою. Стараюсь не грустить без причины; утешаюсь семейством и надеюсь на милость Божию. Выезжаю как можно менее. Наше доселе неизменное копые Тургенев. Типографские дела идут к концу, но еще много хлопот с вставными листочками и с переплетчиками. Едва ли прежде Февраля успею выдать. Иногородных Субscribers доселе за 400, кроме Московских. Иркутск взял 50 экз., а Париж 2.

Непреренно сообщи мне записку о своем деле, когда получишь ее.

Здесь все так тихо. Это нравится мне более шума. И у нас были метеоры от сильных морозов. Всем домом обнимаем тебя, любезнейший. Обними за меня Северина, которого мы истинно любим. Темно: не вижу бумаги.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 227–228 (№ 205).

1817. Москва.

Письмо к А. С. Шульгину:

«Милостивый Государь мой Александр Сергеевич!

Список тех лиц, о коих свидетельства еще не были получены, с означением умерших, нежелающих пособия, и выбывших из Столицы, при отношении Вашего Превосходительства от 11-го Декабря я имел честь получить, а как в оном сказано о некоторых, что свидетельства составляются, то покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь мой, приказать чрез кого следует свидетельства о сих лицах доставить ко мне прежде тех, кои подали вновь прошения на Высочайшее имя и о коих уже два списка от меня препровождены, чтоб учрежденная под председательством моим Коммисия могла прежде окончить рассмотрение прошений, поданных в прошлом 1816-м году, а потом уже приступить к вновь полученным от Г. Статс Секретаря Кикина и тем содействовать ей в исполнении возложенного на нее поручения Его Императорского Величества.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть.

Милостивый Государь мой, вашего Превосходительства подлинное подписал покорнейший слуга Иван Дмитриев».

ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 1987. Л. 89.

1817. Москва.

Письмо к А. С. Шульгину:

«Милостивый Государь мой Александр Сергеевич!

Имею честь при сем препроводить к Вашему Превосходительству список, расположенный по частям города, о 244-х лицах вновь подавших прошения на Высочайшее имя.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь мой! приказать чрез кого следует, отбрать от них должные свидетельства с тем, если откроется, что кому из находящихся в оном списке уже дано было свидетельство на него, или на кого из его семейства, о таковом вместо свидетельства доставить сведение с означением кому из сего семейства и когда то свидетельство было дано, чтоб учрежденная под

председательством моим Коммисия во исполнение Высочайшей воли назначала пособие тем только, кои оного действительно не получали от правительства.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть.

Милостивый Государь мой, вашего Превосходительства подлинное подписал покорнейший слуга Иван Дмитриев».

ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Ед. хр. 1987. Л. 78.

1817. Петербург.

Выходит книга «Собрание Образцовых Руских Сочинений и Переводов в Стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности» (Ч. 6).

Ч. 6 (ц. р. 9 марта 1817. Цензор: Ив. Тимковский).

Здесь напечатаны стихотворения и басни И. И. Дмитриева в разделе «Смесь»:

XIII. *Амур и Дружба* («Сестрица, Душенька!..») – С. 60; XXVI. *К Маше* («Я не Архангел Гавриил...») – С. 99–100; XXXIII. *История Любви* («Любовник в первый день...») – С. 120; XXXIII. *Эпитафия Младенцу* («Когда и дружество струило слез потоки...») – С. 109; XXXVII. *К портрету Б.* («Великой человек и духом и делами...») – С. 123; *Эпиграммы.* 13. «Мне лекарь говорил...» – С. 126; 14. «Подзобок на груди...» – С. 127; XLV. *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 142–145; XLVIII. *Надписи к Портретам.* 1. «Глядите, вот Ефрем...»; 2. «И это человек?...» – С. 149; LXII. *Супружняя молитва* («Один предобрый муж...») – С. 172; LXV. *Трисотин и Вадиус.* Отрывок из Мольеровой комедии *Les femmes savantes* – С. 204–208; LXXIX. *Путешествие* («Начать до света путь...») – С. 241.

Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

<1817–1818. Среда. Москва>.

Письмо Дмитриева к Жуковскому:

«Поспешаю уведомить любезнейшего Василья Андреевича, что г. Астраковой еще 4 Сентября назначено 125 руб. Она получит их в то время, когда последует на то Высочайшее утверждение. В пятницу располагаю обедать дома. Очень рад буду разделить с вами мою трапезу и насладиться беседою умного и добросердечного поэта; между тем прочту вам сейчас полученную оду, которую почтил меня граф Дмитрий Иванович Хвостов.

Среда».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 229.

1817–1818. Москва.

«Отечественный Памятник, посвященный дружелюбному соединению российских и польских народов, 1817 года. Периодическое сочинение, составляемое в Орле титулярным советником Фердинандом Орля-Ошменьцом» (М. 1817–1818. Кн. 1–3).

Включены отрывки из сочинений И. И. Дмитриева. Заглавия принадлежат составителю – Ф. Орля-Ошменьцу.

Ч. 1.

С. 48. Памятник В. И. С. («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...»). Подпись: Дмитриев.

Четверостишие «В.-И.-С.» («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...»)

С. 56. Писатель и похвала ему.

Г. «Я лучшей не могу Хвалы ему сказать / Мать дочери велит труды его читать». Подпись: Дмитриев.

<К портрету> М. Н. Муравьева.

С. 61. Автор к читателю.

I. «Пел не думая о славе...». Подпись: Дмитриев.

«Стансы к Н. М. Карамзину».

II. «Угоден – пусть меня читают...». Подпись: Дмитриев.

Ч. 2.

С. 47–48. Отечественный памятник – в стихах.

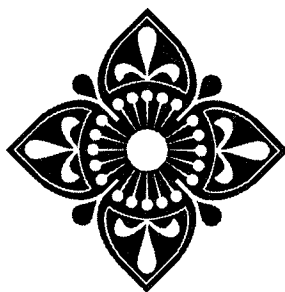
§ 1. Москва («В каком ты блеске ныне зрима...»)

«Освобождение Москвы». Подпись: Дмитриев.

1817. Москва.

И. П. Мартос, находившийся в Москве в связи с работой над памятником Минину и Пожарскому, в письме к племяннику сообщает: «...С Иваном Ивановичем Дмитриевым я виделся на работе, он мне очень пенял, что я у него не был; после я был у него и обедал...».

Частная переписка И. П. Мартоса. 1817–1830. Киев, 1898. С. 6.

1818

Январь, 3. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! сердечно поздравляю тебя с новым годом: дай Бог тебе здоровья и спокойствия. Думаю, что в этом все заключается. Я все не здоров; наконец уже не гуляю и сижу в халате. Нынешний день решился принять лекарство. Между тем занимаюсь изданием Истории. Получил ли ты 4-й т.? Теперь она в руках у переплетчиков, которые не лучше типографщиков. Может быть, я уже прощаюсь с *Друкарною* практикою! но с тобою не прощаюсь. Хотя по всей вероятности История и не даст мне способа купить свой домик в Москве, однакожь располагаюсь там провести остаток своей жизни, хотя и в наемном доме: велим около Августа искать его. — Обнимаю тебя с горячностью, хотя и с больною головою. Твой навеки Н. Карамзин.

Жена вместе с мужем желает тебе всех возможных благ в здешнем свете от начала до конца года».

Карамзин, 1866. С. 231 (№ 206).

Днем ранее Карамзин в письме к Жуковскому в Москву сообщал, что выслал 4-й том «Истории» ему и Д. Н. Блудову (*РА. 1868. № 11. Стб. 1833: письмо от 2 января 1818 г.*).

Январь, 4. Петербург.

В «Сыне Отечества» (Ч. 43. № 1 (ценз. разр. 1 января 1818; ц-р: И. Тимковский) напечатаны:

– статья Н. Греча «О произведениях Руской Словесности в 1817 году», в которой, в частности, сообщается: «...За год при сим изъявлена была в Сыне Отечества надежда, что при начатии 1818 года можно будет известить публику о выходе в свет *Истории Государства Российскаго*, сочиненной *Н. М. Карамзиным*. Надежда сия еще не исполнилась, но скоро, скоро любопытство и ожидание отечественной публики будут удовлетворены...» (С. 4);

– рецензия (С. 84) на книгу А. Малиновского «Биографическия сведения о Князе Димитрее Михайловиче Пожарском» (М., 1818). Рецензия заканчивается цитатой последней строфы из стихотворения Дмитриева «Освобождение Москвы» (в первой редакции стихотворение носило название «Пожарской»): «...Нельзя не вспомнить при сем случае прекрасных стихов *Дмитриева*:

И ты, герой пребудешь в веки

 В прямой к Отечеству любви».

Январь, 28. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! я все не очень здоров: выезжал, чтобы поднести Историю Государю; был у Него в кабинете, имел щастие обедать: следственно одно дело сделано; другое делается на сих днях: т. е. выдет книга для публики. — Около Августа, любезнейший, располагаемся быть в Москве. Дай Бог, чтобы мы обняли друг друга радостно! Дадим поручение, немедленно по отъезде Двора, искать нам жилища в древней столице: где я жил, провел молодость, начал стареться, там должно мне и умереть; там земля дружелюбнее откроет мне свои недра, как старому знакомцу. Берега Невы прекрасны; но я не лягушка и не охотник до болот. — Любезная Наталья Яковлевна провела у нас два вечера сряду. Разумеется, что мы говорим о тебе; к нам пристаёт и Тургенев. Государь был на четверть часа у Канцлера: это оживило его. Здесь все были очень довольны приветливостию Императора. — Прости, любезнейший. Дней через шесть получишь остальные томы. Катерина Андр. свидетельствует тебе свое душевное почтение и дружбу, а вместе с нею и дочери.

Сыновья еще глуповаты: извини их молчание. Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью. Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 232 (№ 207).

Январь, 28. Петербург.

Карамзин по предложению гр. С. С. Уварова избран почетным членом Императорской Академии наук.

По этому поводу в «Сыне Отечества» (Ч. 44. № 8. С. 79–80) появилось «Письмо к издателю»: «Вам уже известно, что в первое присутствие в Академии наук д. с. с. Уварова в звании Президента, избран по его предложению почетным оной членом историограф Российской империи Н. М. Карамзин. Мы не знаем, что препятствовало по сие время академиям нашим гордиться именем того, кто первый по Ломоносове познакомил нас с сокровищами гражданского языка нашего и первый расторг завесу, за которой скрывалась русская древность, обезображенная Леклерками и Елагиными.

И слава возрастает его не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Прошу вас поместить в журнале вашем письмо г. Уварова и ответ Карамзина (см. ниже)».

Январь, 29. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 527. № 124.*

Февраль, 1. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1818. Ч. 43. № 5 (ц. р. 29 января). С. 43) напечатано сообщение о продаже восьми томов «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина «в Захарьевской улице, близ Литейного моста, в доме Баженовой, во флигеле, у комиссионера Александра Косматова».

Февраль, 2. Петербург.

Восемь томов «Истории Государства Российского» выходят в свет тиражом 3000 экземпляров.

См. письмо Карамзина к Жуковскому от 11 марта 1818 г.

Февраль, 2. Москва.

Приезд имп. Александра I и Вел. Кн. Николая Павловича из Петербурга.

Шильдер. Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 228.

Февраль, 2 ... 28. Петербург.

Пушкин «в постели с жадностью и со вниманием» читает первые восемь томов «Истории Государства Российского» Карамзина.

Акад., XII, С. 305. Пушкин: <Из автобиографических записок> («...лины печатью вольномыслия». См.: «1826. Ноябрь, 15 ... Декабрь»).

Февраль, 8 ... 26 (?). Петербург. Прочитав в «Сыне Отечества» (Ч. 43, № 6 (ц. р. 8 февраля) – С. 227–251; Ч. 44, № 7 (ц. р. 15 февраля) – С. 3–22; Ч. 44, № 8 (ц. р. 19 февраля) – С. 43–58) отрывок из «Истории Государства Российского» Карамзина, «Осада и взятие Казани», Пушкин говорит: «В этой прозе гораздо более поэзии, чем в поэме Хераскова».

Кюхельбекер, 1979. С. 128–129; Летопись, 1991. С. 156.

Февраль, 10. Москва.

Дмитриеву пожалован чин Действительного Тайного Советника.

«Указ Правительствующему Сенату.

В особенном внимании на то усердие, с каковым бывший Министр Юстиции Тайный Советник Дмитриев содействовал попечению нашему о разоренных не-

приятелем жителей московских, приняв на себя, будучи в отставке, заботливую должность Председателя Коммиссии, учрежденной в Москве по указу нашему 30 Августа 1816 года, всемилостивейше жалуем его в Действительные Тайные Советники.

Александр.

Москва
Февраля 10-го
1818».

Дмитриев, 1866. С. 259.

Однако в тексте «Взгляда...» (С. 244) Дмитриев называет иную дату награждения чином Д. Т. Советника — 16 февраля 1818 г. Именно эта дата вошла во все биографические статьи.

Февраль, 11. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 13* (1-я, старая, пагинация).

1818. Февраль (не позже 11-го). Москва.

Записка Дмитриева к кн. Вяземскому:

«Я сию только минуту возвратился от молодого Северина, с которым странствовал на Воробьевы горы. Не смею ласкать себя свиданием с вами; но буду очень, очень жалеть, если, не видав друг друга, расстанемся, и в таком случае прошу вас принять искренное мое желание, чтобы вы благополучно доехали и возвратились; поцеловать за меня Николая Михайловича и сказать мое почтение Катерине Андреевне, Софье Николаевне и Катерине Николаевне. Сегодня я писал к ним через почту. Всем сердцем вас обнимает вашего сиятельства покорнейший слуга И. И. Дмитриев».

СН. Кн. 2. 1898. С. 126 (№ 4; не датировано).

Февраль, 11. Понедельник. Москва.

Кн. Вяземский с женой после бала, устроенного его тещей, П. Ю. Кологривовой, на рассвете выехали в Варшаву.

Северная Пчела (1818. № 15); *Вяземский*, 1878–1896. Т. I. С. XL–XLI.

Февраль, 13. Среда. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! благодарю за милое письмо. Готов (но не прежде Июля или Августа) скакать к тебе на подмогу в житейской ноше. Будем поддерживать друг друга в преклонных летах, так чтобы и *Бригадиры* не помешали нам в этой взаимной услуге (см. твое письмо ко мне). Не имею ни малейшей нужды в *энергии*, чтобы выехать из великолепного Петербурга. Авось груз моих экземпляров к тому времени уменьшится: я уже внес в Опекунский Совет, что мы должны, да и сверх того несколько тысяч. В 2 года без трех месяцев прожили мы 35 тысяч *сверх* нашего дохода, не смотря на всю экономию, так, что не можем купить домика в Москве, не смотря на продажу *тысячи-осьми-сот* экз. До сего дня одна Москва не показывает охоты иметь Рос. Историю, чему здесь многия дивяться, полагав, что в спокойной Москве читают более, нежели в рассеянном Петербурге; я не так думал, и не дивлюсь, что в Москве и в Иркутске разошлось *почти* равное число экземпляров моей старины. К тому же я сам Москвич: меня видали за Бостоном: нет заманки для воображения. К тому же Двор, балы или трауры! Надеюсь, что ты уже давно получил свой экземпляр Истории через Тургенева, который все мое и вскоду отправляет. Уведомь, какого листа недостает в I томе: я забыл; пришлю его. — Прости, любезнейший. Мы почти совсем здоровы. Хлопочу с переплетчиками, с лавошниками etc. Это не веселое, хотя и прибыльное дело. Обнимаю тебя всем семейством.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 232–233 (№ 208).

Февраль, 16. Петербург.

Получает чин Действительного Тайного Советника.

Дмитриев, 1866. С. 244.

Февраль, 15 ... Март. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает: «Все экземпляры Российской истории раскуплены. Николай Михайлович <Карамзин> пишет, что он награжден за труды свои и что теперь публика доказала, что нелепые критики не действительны. Пушкин беснуется и говорит все одно и то же, я и повторять его глупостей не хочу».

Летопись, 1991. С. 156.

Февраль, 15 ... Март. Петербург.

Распространяется эпиграмма на Карамзина, приписываемая Пушкину:

В его Истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Акад., XVII, С. 16; *Летопись*, 1991. С. 156; *Вацуро В. Э.* Подвиг честного человека. С. 57–61; *Томашевский Б. В.* Эпиграммы Пушкина на Карамзина // *Пушкин. Исслед. и мат.* М. 1956. Т. I. С. 208–215.

Кажется маловероятным, чтобы эта эпиграмма не была известна И. И. Дмитриеву.

Февраль, 20. Москва.

Письмо к П. И. Полетике.

Автограф: *РГАЛИ*. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Февраль, 20. Москва.

Открытие памятника Минину и Пожарскому.

Февраль, 20. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «История Российская вся уже раскуплена в Петербурге, и здесь ее продают дорогой ценою» и что сегодня «открывается монумент Пожарского и Минина».

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // *Пушкин. Исслед. и матер.* Т. IX. С. 217.

Февраль, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! С радостью обнимаю и поздравляю тебя. Vive le Conseiller privé actuel! Vive l'Empereur! Друзья твои радуются, а завистники горюют. Вчера, в Собрании Департ. Сената, исчисляли, кого ты обошел, и даже из служащих Министров. Будь только здоров и спокоен; я мог бы прибавить: не нуждайся в деньгах! но это одно с спокойствием. Мы еще не видали Натальи Яковлевны. Завтра с Тургеневым будем пить за здоровье новопожалованного. Никто из Московских не получал такого блестящего знака Государевой милости. Сто раз обнимаю тебя.

Навеки твой Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Я искренно радуюсь вашей радости и от души поздравляю вас, любезной и почтенной Иван Иванович. Завтра будем в малом кругу ваших и наших приятелей пить ваше здоровье. Дочери разделяют вашу радость, и поздравления вам приносят».

Карамзин, 1866. С. 233–234 (№ 209).

Февраль, 21. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что Дмитриев «пожалован в действительные статские советники и сверх того получил столовых денег по шести тысяч рублей в год».

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исслед. и матер. Т. IX. С. 218.

Февраль, 21. Москва.

Отъезд имп. Александра I в Варшаву на открытие первого польского сейма.

Шильдер. Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 228.

Февраль, 22. Петербург.

Письмо К. Н. Батюшкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович,

примите, ваше высокопревосходительство, мое искреннее, душевное поздравление с получением новой монаршей милости. Все добрые, и следственно приверженные вам люди, порадовались от всего сердца сему известию. По крайней мере я беру на мою долю все, что бы ни случилось вам приятного в жизни. Сегодня проведу вечер у Николая Михайловича <Карамзина>, с которым спешу разделить удовольствие. Семейство его, и он, благодаря Бога, здоровы, и он без сомнения писать к вам будет.

Дорожа вашим временем, не смею (хотя бы и хотелось), продолжить моего письма, но осмелюсь повторить вам милостивый государь, что никогда не изгладятся из души моей чувства глубокого почитания, преданности и признательности, с которыми имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Константин Батюшков».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1645–1646; Батюшков, 1885–1887. Т. III. С. 491.

Февраль, 22. Москва.

33-е заседание Общества любителей российской словесности. На заседании присутствовали: И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, В. Л. Пушкин, а также министр просвещения князь А. Н. Голицын и попечитель Московского университета А. П. Оболенский. Профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков читает «Письмо о гекзаметрах, балладах и баснях, присланное от неизвестного» (автором «Письма» был сам Мерзляков). Одним из объектов критики Мерзлякова был Жуковский, давний и некогда близкий знакомый Мерзлякова.

См. «Март, 27».

Февраль, 26. Петербург.

Куплены последние экземпляры «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Карамзин в письме к Жуковскому в Москву от 11 марта 1818 г. сообщал: «...История моя вступила в продажу 2 февр., а 26 февр., в 11 часов утра, были куплены у меня последние экземпляры. И так, она скончалась, к неутешной горести десяти (а может быть и более) знаменых мужей, но к живейшему удовольствию смиренного родителя ее...» (*РА. 1868. № 11. Стб. 1835*).

Февраль, 22. Москва.

Выходит в свет и выдается подписчикам вторая книжка «Благонамеренного» (Ч. 1. № 2). В ней напечатан разбор басни Дмитриева «*Кот, Ласточка и Кролик*» («Случилось Кролику от дома отлучиться...») (С. 257–268). Автор А. Е. Измайлов.

Объявление о выходе в свет: *СО. 1818. Ч. 44. № 8* (ц. р. 19 февраля; ц-р: И. Тимковский). Отд. II. С. 82.

Февраль, 25(?) ... Март. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой А.[лександр] И.[ванович]. Всем сердцем благодарю вас, любезнейший земляк, за дружеское приветствие меня с получением

высокомонаршей милости. Честолюбие мое удовлетворено в полной мере: остается только благодарить Бога и государя по конец дней моих.

Я сегодня был у вашей матушки. Она опечалила меня, сказав решительно, что вы уже к нам не будете. Не скрою от вас, что она очень огорчается своим одиночеством; даже и поплакала, хотя и уверяла меня, что сама не приказала вам проситься в отпуск. Как вы обрадовали меня известием о молодом Пушкине. Я его не знаю, но всем сердцем брал участие в его болезни. Радуюсь и окончанию грам. Таблиц и возвращению Жуковского в свое отечество. Что же касается до Вяземского, нимало об нем не сожалею: не во гнев своенравной ценсуре и ученейшему совету, он и без печати будет читан и проживет долго, а Карамзин еще и долее.

Простите, любезнейший А.[лександр] И.[ванович]. Поручаю себя в продолжение вашей приязни и с отличным почтением навсегда имею честь пребыть, м.[илостивый] г.[осударь], в.[ашего] прев.[осходительства] покорнейший слуга. И.[ван] Д.[митриев].

Любезному вашему братцу покорнейше прошу сказать искреннее мое почтение и такую же благодарность за его во мне участие. Будет ли и когда обещаемый журнал?»

РА. 1867. № 7. Стб. 1091; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 230.

Февраль, 27. Москва.

Кн. Шаликов пишет статью под названием «Новость»; в ней он высмеивает мелочные придирки «московских знатоков» к только что вышедшей «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Содержание статьи, вероятно, было известно Дмитриеву до ее опубликования.

Статья напечатана в «Сыне Отечества» (1818. Ч. 44. № 10 (ценз. разр. 5 марта). С. 157–159).

Февраль, 28. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 14* (1-я, старая, пагинация).

Февраль (после 20). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 97. № 4 (февраль). С. 307–309) в рубрике «Московские записки» напечатано объявление о выходе из печати «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Здесь же сообщается об открытии памятника Минину и Пожарскому в Москве.

Март, 1. Москва.

Выходит в свет первый номер книжечки, составленной «из поэтических безделок» В. А. Жуковского и им же изданной под названием «Für Wenige» («Для немногих»).

СО. Ч. 44. № 9 (ценз. разр. 26 февраля; ц-р: Тимковский). С. 113, в разделе «Современная русская библиография».

Вероятно, к этому времени относится случай, описанный кн. Вяземским: «При появлении первой книжечки <«Für Wenige»>, князь Александр Николаевич Голицын, встретясь с Дмитриевым, спросил его: «Читали-ли вы *Для немногих?*» — «Для немногих, да и не много» — отвечал он» (РА. 1868. № 11. Стб. 1836).

Март, 11. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! я получил любезное письмо твое при Наталье Яковлевне и сказал ей о твоём беспокойстве: она огорчилась. Мысль ея была поздравить тебя оригинальным образом в надписи письма (Высокопревосх. и проч.), и более ничего. Ты не можешь сомневаться в истинной ея к тебе привязанности. Она радовалась сердечно вместе с нами и звала нас к себе на вечер, чтобы праздновать новую к тебе милость Государеву.

Мы довольно поговорили о тебе с Блудовым. Оставив тебя, он скоро оставит и нас. Дай Бог, чтобы выгоды службы удовлетворили всем потребностям души его. Он скучал праздностию. Жаль расстаться с ним; но мы должны предпочитать его удовольствие нашему.

Ты справедливо досадуешь на любезного Поэта Жуковского, что он не воспел Минина и Пожарского. Потребуем, чтобы он загладил эту вину новыми прекрасными стихами. Прилагаю маленькое письмецо к нему и К. Шаликову.

Моя История в 25 дней скончалась: не осталось у меня ни одного экземпляра; сверх трех тысяч проданных, требовали у меня еще шести сот. Не равняемся с Англиею; однакожь это замечательно. Пусть мои приятели, В. Л. Пушкин и К. Шаликов, успокоятся: наша публика почтила меня выше моего достоинства: мне остается только быть благодарным и смиренным.

Надеюсь, что добрый наш Государь будет всегда добр к тебе. Искренняя к нему любовь есть одно из наслаждений жизни моей. — Прости, милой друг. Всем домом обнимаем тебя.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Лист для 1-го тома прилагаю».

Карамзин, 1866. С. 234—235 (№ 210).

14 марта в письме к кн. Вяземскому в Варшаву Карамзин сообщал: «...Наши вести состоят в том, что все экземпляры Истории продались в 25 дней: это похоже на Англию. О втором издании помышляю, но боюсь лишиться времени для корректур» (*СН. 1897. Кн. 1. С. 47—49*).

Март, 13. Варшава.

Приезд имп. Александра I.

Северная Почта. № 22.

Март, 15. Варшава.

Торжественное открытие Польского Сейма. Имп. Александр I произносит речь (на фр. яз.). Текст речи получен в Петербурге 27 марта.

Март, не позже 18-го. Москва.

Дмитриев получает через А. И. Тургенева письмо от Кривцова.

РА. 1867. № 7. Стб. 1091.

Март, 18. Москва.

Дмитриев в письме А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Милостивый государь Александр Иванович!

Чувствительно благодарю вас за дружеское ваше писание и доставление ко мне письма от Кривцова. Где бы он ни был, буду всегда признателен к его ласке. Я очень люблю иметь приятелей и молодых, с умом и чувствами. Одно только не по мне, что они непоседы. Едва успеешь полюбить их, привыкнуть к ним, и уже отыскивай их по всем четырем частям света.

Жуковский, хотя еще и на месте, но редко посещает меня. Ревность друзей его почти достигла цели своей: кажется, поэт мало-по-малу превращается в придворного; кажется, новость в знакомствах, в образе жизни начинает прельщать его. Увидим в чем найдет более выгоды, и между тем будем пока питаться *Овсяным киселем*. Для меня и он по вкусу, но я лаком и люблю разнообразие.

Заключу покорнейшею просьбою доставить, если можно, прилагаемое при сем письмецо Кривцову, и верить отличному почтению и преданности, с которыми пребудет навсегда вашего превосход.[ительства] покорнейший слуга И.[ван] Д.[митриев].

Р. S. Прошу вас сказать искреннее мое почтение милостивому государю князь Александру Николаевичу <Голицыну> и поцеловать от меня моего друга <Карамзина>».

РА. 1867. № 7. Стб. 1091—1092.

Март, 19. Москва.

Письмо Дмитриева к Ф. Н. Глинке:

«Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Примите искреннюю благодарность мою за новый знак вашей ко мне приязни: оба сочинения прочитал я с большим удовольствием; в одном выдержаны все условия литератора; другое занимательно по своей новости и похвальной цели, для какой писано. Желательно, чтоб этот опыт распространил в добрых поселянах охоту обучаться грамоте: тогда бы можно было издать для них книгу по обширнейшему плану: такую, в которой бы изложены были вкратце и ясно понятия о нашей религии, о их обязанностях в отношении к семейству, к начальникам, к правительству, к ближнему; понятия о домоводстве, о простых лекарствах от обыкновенных болезней. Можно бы присовокупить к тому собрание лучших пословиц, сентенций и сказочек, подобных вашей. Можно или нет, но весело и мечтать о возможности добра и пользы.

Не обременяю вас долее моим письмом. Закрываю сердечным уверением вас в отличном почтении, с которым навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 420–421.

Март, 24. Воскресенье. Москва.

Ужин у М. С. Кайсарова. Присутствуют: Дмитриев, Жуковский (читал «Старушку»), В. Л. Пушкин (читал «Кабуда-Путешественника»).

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // *Пушкин. Исслед. и матер.* Т. IX. С. 218.

Здесь под «Старушкой» должно разуместь «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» (перев. из Саути). Напечатана только в 1831 г.

Март, 27. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву пишет:

«...Не знаю, дошла ли до тебя весть о том, что происходило в последнем собрании нашего ученого общества? <33-е заседание Общества любителей российской словесности 22 февраля 1818 г.>. Мерзляков читал Письмо какого-то Анонима, возмущавшегося против экзаменов, баллад, одним словом ругал нашу Светлану <Жуковского> сколько душе его хотелось. Вот до чего доводит зависть! Господин профессор <Мерзляков>, забыв, что Жуковский сам присутствует в собрании, вздумал давать ему уроки, и министр просвещения, попечитель университета, И. И. Дмитриев и многие другие были слушателями. На другой день он <Мерзляков> явился к приятелю нашему <Жуковскому> с извинением, и тот, по доброте души своей, простил его. <...> Речь, которую говорил государь император на Сейме, напечатана в гамбургских газетах, но по-русски я еще не читал ее. Я давно не был у Ивана Ивановича <Дмитриева> и от того самого прочесть ее не мог».

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // *Пушкин. Исслед. и матер.* Т. IX. С. 218–219.

Перевод речи имп. Александра I при открытии Сейма в Варшаве, написанной по-французски, был напечатан в «Северной Почте» (1818. № 26). Кн. П. А. Вяземский принимал участие в этом переводе (см. «Апрель, 7. Письмо Карамзина к Дмитриеву»).

Март, 28. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Не могу изъяснить, сколько я признателен вам, милостивый государь князь Петр Андреевич, что вы и посреди ликующей Варшавы вспомнили уединенного москвича и даже утешили его сообщением новостей весьма любопытных. Всем сердцем благодарю вас и прошу одолжать меня и впредь подобными гостинцами. Желал бы я видеть хотя один из лучших голосов, читанных на Сейме: лучших, разумею, по важности предмета или по красноречию.

Теперь я догадываюсь, от чего запил добрый староста <В. Л. Пушкин>: он верно потеет над польскими баснями, при помощи Линдева лексикона. Буду перед ним скромничать: авось он выдаст которую-нибудь из них за свою в первом собрании.

История нашего любезного историографа у всех в руках и на устах: у просвещенных и профанов, у словесников и словесных, а у автора уже нет ни одного экземпляра. Примерное торжество русского умоделья!

Я слышал о случившемся с вами в дороге, но в то же время утешен был и тем, что пропажа отыскана. Желал бы, чтобы первое *прояснилось* или последнее подтвердилось.

Между тем, поручая себя в продолжение вашей приязни, с искренним почтением и привязанностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою.

Иван Дмитриев.

P.S. Покорнейше прошу вас засвидетельствовать милостивой государыне княгине Вере Федоровне мое искреннее почтение и приказать доставить прилагаемое при сем письмо Степану Петровичу».

СН. 1898. Кн. 2. С. 127–128 (№ 7).

Март, 28. Москва. Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР.* Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 15 (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 7. Петербург. Карамзин «условился с Слениным» о втором издании «Истории Государства Российского».

Библиографические Записки. 1858. № 19. Стб. 584.

Апрель, 8 ... 9. Петербург. Отъезд А. И. Тургенева в Москву.

ОА. Т. I. С. 99.

Апрель, 8. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Здравствуй, любезнейший друг! спасибо за милое письмо твое; спасибо за то, что ждешь нас с приятными мыслями. Август уже не так далеко. Если не на деле, то по крайней мере в мыслях собираемся в Москву. Но если ты из нее уедешь? а это возможно, при какомнибудь новом образовании etc.; тем возможнее, что ты не очень привязан к старушке Белокаменной. Ясно или неясно? Между тем идут у меня переговоры о новом издании Рос. Истории; в цене мы согласны, но требую залога в верном платеже. Все это едва даст нам способ жить, как живем. Но благодарю Всевышняго из глубины сердца. – Тургенев едет к вам с известием, что вместо Амвросия имеем Михаила Митрополита. Амвросий остается только Новгородским. – Варшавские новости сильно действуют на умы молодые. Я всему рад хорошему, но только хорошему. Все будет, как надобно. К. Петр открыл свое государственное служение переводом Государевой речи, с поправками Новосильцева. – В каком смысле находишь ты книгу Стройновского примечания достойною? Вчера Автор прислал ее ко мне: загляну. Он *Экономист*, как слышу, и щиплет Шторха. Прости, любезнейший. Я говею, т. е. езжу в Церковь всякой день. Между тем обедаю нынешний день у Графа Николая Петровича. Поговорим о тебе, как обыкновенно. Жена и дети мои уверяют тебя в своей искренней к тебе привязанности. Будь здоров, навеки твой
Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 235–236 (№ 211).

Апрель, ок. 12-го (но не позже 17-го). Москва.

Приезд А. И. Тургенева из Петербурга.

См. письмо В. Л. Пушкина к кн. Вяземскому в Варшаву от 17 апреля 1818 г.: «Тургенев <А. И.> здесь пробудет несколько недель. Он мне сказывал, что мой племянник пишет прекрасную Поэму <«Руслан и Людмила»>, и читал из нее отрывки в последнем Арзамасе...» (*Ильин-Томич,* 1970. А. С. Пушкин в письмах В. Л. Пушкина // *Вопр. лит.* 1979. № 6. С. 151.

Апрель, 14. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 15. Варшава.**

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович!

Не подавайте нищему, а пишите изредка ко мне. Ваше письмо было для меня истинным благодеянием: читая и перечитывая его, забывал я о Варшаве, был в России, был в Москве, а *что матушки Москвы и краше и милее?* Честь имею доставить вам речь, произнесенную Государем сегодня, при закрытии сейма. Журнал его заседаний должен быть известен вашему высокопревосходительству, посредством А. Я. Булгакова, которому поручил я доводить его до вашего сведения. Впрочем до сего времени он мало занимателен. Скоропостижный отъезд курьера в Москву не дозволяет мне долее обременять вас своею беседою; но вам назло надеюсь при первом случае омыть свою досаду в обильнейшем потоке чернил».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1691.

Апрель, 17. Москва.

В. А. Жуковский в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает текст рисланного ему из Петербурга стихотворного послания А. С. Пушкина («Когда младым воображеньем...») со знаменитой строфой о Н. М. Карамзине: «Смотри, как пламенный поэт...».

Письмо В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому // РА. 1896. № 10 (Октябрь). С. 204–208.

Кажется невероятным, чтобы В. А. Жуковский не познакомил И. И. Дмитриева с этим стихотворением А. С. Пушкина.

Апрель, 17. Москва.

На исходе одиннадцатого часа утра — рождение Вел. Князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II). По случаю рождения престолонаследника, Жуковский пишет послание: «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение великого князя Александра Николаевича в Москве», напечатанное тогда же в Москве. Дмитриев, вероятно, одним из первых читал это стихотворение.

О рождении Вел. Кн. Александра Николаевича см. письмо Г. И. Вилламова к Карамзину в Петербург от 18-го апреля 1818 г.: «Государыня императрица, по известному к вам милостивому расположению, хотела сама уведомить вас о рождении ея величеству внука, великого князя Александра Николаевича, но вы догадаетесь, сколько она занята, отправив вчерась уже двух курьеров к Государю и в Берлин и отправляя теперь курьера к великим князьям и великим княгиням, вне России находящимся, не говоря уже о самом радостном происшествии, материнское ея сердце занимающем.

В таком затруднении ея величество изволили решиться высочайше поручить мне уведомить вас, что вчерашняго числа 17-го в 11 часов до полудня великая княгиня благополучно разрешилась прекрасным здоровым младенцем и находится поныне в вожденном здравии по обстоятельствам. Сегодня было молебство в Успенском соборе и поздравление.

Могу ли желать приятнейшего случая напомнить вам по пребывающем с искреннейшим почтением и преданностию и т. д.» (РС. 1898. Октябрь. 37–38 (№ 7).

Апрель, 21. Москва.

Письмо к Карамзину в Петербург (не сохранилось).

Карамзин, 1866. С. 236.

Апрель, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 16 (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 29. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за письмо от 21 Апр. И так ты не думаешь ни в аком случае изменить Москве? Верю. Здесь говорят о Наместниках: именуют

человек восемь; в том числе А. Д. Балашова, В. С. Ланского, Милорадовича и несколько Генерал-Адъютантов. Это учреждение всегда казалось мне нужным: успех зависит от выбора людей и от других обстоятельств. Надобно будет многое переменить в организации Министерств, чтобы приладить к ним Наместничества. Увидим. Дай Бог всего доброго! Варшавския речи сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят Конституцию; судят, рядят; начинают и писать в *Сыне Отечества* в речи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смешно и жалко! Но будет, чему быть. Знаю, что Государь ревностно желает добра; все зависит от Провидения – и слава Богу! Не перестая наслаждаться своим образом мыслей или, лучше сказать, сердечным удостоверением, что мы так, а Бог по своему. В сей системе какой покой для ума зрителей, т. е. для нашей Братьи! Пусть молодежь яритса: мы улыбаемся. – Весьма неохотно продал я второе издание Слениным: они могут разориться, а мне будет это прискорбно, кроме того, что не возьму денег. Против обыкновения я не хвалил своего товара, а предостерегал купцев. – Мы берем живейшее участие в ваших торжествах: Императрица приказала Г. И. Вилламову написать ко мне о рождении Александра; я благодарил и поздравил Ее. – У вас холодно, и у нас было не тепло; но третий день Нева освещена ярким солнцем. Я не здоров, в простуде, но гуляю по набережной. Что сделалось с Жуковским? нет ни слуху, ни духу. – Обнимаю тебя нежно от имени всего нашего семейства, мужа, жены и детей.

Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 236-237 (№ 212).

О продаже второго изд. «Истории Гос. Рос.» Карамзин пишет к Вяземским в Варшаву в письме от 29 апреля 1818 г.: «...Второе издание Истории продал я книгопродавцам в долг на 5 лет за 50 тысяч. Теперь занимаюсь опять продолжением, но не очень успешно. Дети наши, слава Богу, здоровы, кроме малютки Николая, у которого тяжело идут зубы. Девушки рисуют, танцуют, бренчат на клавесине; Андрей упрямитса, Саша любезничает. У вас жары, у нас холод, и сухой. Дай Бог, чтобы не было худого года. Арзамас разехался: Блудов в Лондон, Тургенев в Москву на крестины новорожденного Александра, Батюшков в Тавриду, Полетика в Америку. Какой расход на добрых людей!..» (*СН. 1897. Кн. 1. С. 50–51 (№ 42)*).

Май, 2. Село Богородское. Сызранский уезд, Симбирская губ.

Кончина Ивана Гавриловича Дмитриева (род. 1736).

М. Дмитриев, 1998. С. 146: «Мая 2 1818 года скончался мой дед. Странно, что еще в марте месяце, будучи здоров, он писал ко мне: "Извещаю, что я жив, и замечаю, весьма близок мой конец"».

Май, 2. Москва.

Дмитриев пишет письмо к Карамзину в Петербург (не сохранилось).

Карамзин, 1866. С. 237.

Май, 5. Москва.

Крещение Вел. Кн. Александра Николаевича в церкви Чудова монастыря в присутствии имп. Елисаветы Алексеевны и имп. матери Марии Федоровны духовником их Круницким.

Шильдер Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 230. На крестинах, вероятно, был И. И. Дмитриев.

Май, 9. Петербург.

Карамзин по получении письма И. И. Дмитриева от 2 мая пишет ответное письмо:

«Любезнейший друг! спешу с любезным нашим Поэтом отвечать на твое письмо от 2 Мая. Зная характер К. Лобанова, я уверен, что письмо твое к нему произведет гораздо более действия, нежели моя словесная прозьба, которая заставит его думать, что ты сам не хочешь отнестись к нему. И так пожалуй напиши к нему письмо и пришли ко мне: я вручу его сам, поговорю с ним и тебя уведомяю о следствиях. Между тем съезжу к нему ныне или завтра, чтобы приготовить его к твоему письму. Он так странен, что я почти раззнакомился с ним; но это не меша-

ет нашему делу. С нетерпением буду ждать твоего письма. – Мы здоровы, кроме Катеньки: она простудилась. Всем домом обнимаем тебя нежно. Человек дожидается письма. Будь здоров, милой друг. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 237–238 (№ 213).

Май, 16. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

С нетерпением ожидаю твоего письма к Министру Юстиции о деле твоего Батюшки: отвезу его к нему, и надеюсь, что это подействует гораздо сильнее, нежели одна моя прозба. Я советовался и с другими: все того же мнения.

Мне грустно, что Гг. Профессоры Москов.[ского] Университета оскорбились моим выражением в *Записке*, сочиненной мною для *Императрицы*. Я не думал ничего худого, сказав: “надобно возстановить Университет и физически и *нравственно*”. Это совсем не касается нравов. Я желал только, чтобы Университет еще более возвысился, более одушевился и сделался полезнее. Желание мое отчасти исполнилось: Профессоры ободрены награждениями. Общие наши любезные приятели распустили эту Записку по Москве к моему неудовольствию; она была писана совсем не для публики.

Я готов воспользоваться всякими замечаниями на мою Историю. Увижу, что сказал К.[аченовский] в Вестнике о Херсонских воротах. – Коцебу уже напечатал в Германии перевод некоторых отрывков с большими ошибками в смысле и писал ко мне, что желает перевести всю Историю. Я отвечал ему, что она уже переводится.

У тебя был портной Александр и снимал мерку: следственно он сшил тебе новой мундир? следственно ты щеголяешь? Я рад. Мы ходим здесь в шлафроках, а по праздникам в камзолах. Сижу дома или гуляю по Неве.

Уведомь, любезнейший, приехал ли в Москву Ошанин, которого ты мне рекомендовал? Он поехал отсюда больной, и я об нем беспокоюсь. Петербург не благоденствует ни слабуму здоровью, ни пустоуму кошельку.

Все Карамзины, муж, жена, дети, обнимают тебя с любовью.

Северин пожалован в Коллеж. Советники, а Стурза в Стат., за образование Бесарабии.

Будь здоров и люби всегда твоего

Н. Карамзина.

У Князь Петра родился в Варшаве сын Николай».

Карамзин, 1866. С. 238–239 (№ 214).

Май, 20. Петербург.

Возвращение А. И. Тургенева из Москвы.

ОА. Т. I. С. 102.

Май, 29. Донков.

Имп. Александр I утверждает новый устав и штат Российской Академии.

Июнь, 1. Москва.

Приезд имп. Александра I из поездки по южным губерниям России.

Шильдер. Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 230.

Июнь, 4. Москва.

Приезд короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, наследного принца Вильгельма, старшего брата вел. кн. Александры Федоровны.

Шильдер. Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 231.

Июнь, 4. Петербург.

Карамзин узнает о смерти отца И. И. Дмитриева – Ивана Гавриловича и спешит выразить слова сочувствия Дмитриеву:

«Любезнейший друг! с сердечным прискорбием узнал я о кончине почтенного твоего родителя: я с младенчества знал его и любил, когда он посещал нас. Беру искреннейшее участие в твоей горести. Нет лет, в которых бы не тяжело было потерять отца. – Спешу дать отчет в деле. Третьяго дни я был у Министра Юстиции с твоим письмом: он взялся быть ходатаем, и я давно не видал его столь любезным. Вероятно, что ты получишь от него ответ, когда Обер-Прокурор доставит ему сведения о деле. – Сию минуту отходит почта. Прости до следующей, друг любезнейший. С нежностью обнимаем тебя всем домом. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 239–240 (№ 215).

Июнь, 6. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 17 (1-я, старая, пагинация).*

Июнь, 8. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к князю П. А. Вяземскому в Варшаву сообщает: «Отец И. И. Дмитриева умер. Батюшков ежедневно сидит по целым часам у огорченного сына, который получает, однако, хорошее наследство...».

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 220.

Июнь, 8. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1818. № 23 (8 июня). С. 158) напечатано сообщение, что «на сих днях начинается печатание второго, исправленного и дополненного, издания Истории Государства Российскаго... Оно украшено будет портретом Автора <Н. М. Карамзина>, рисованным Г. Варнеком и гравированным Г. Уткиным».

Июнь, 13. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Исполнив твое поручение, я писал к тебе об успехе, т. е. о хорошем отзыве Министра Юстиции. Мне сказывали, что он писал о том к Обер-Прокурору и отвечал тебе. Буду ждать твоих дальнейших приказаний по этому делу. Уведомь, любезнейший, о своем расположении: думаешь ли съездить к своему семейству или останешься на лето в Москве? Что принадлежит до нас, то мы решимся в Июле: ехать ли тотчас в Москву или опять читать здесь корректуры до весны! Мысль о последнем не веселит меня. Если увижу, что печатание может итти без меня, то непременно отправимся на любезное Московское пепелище, Сленинския 50 тысяч будут мне дорого стоить, если здесь останемся.

Было у нас тихо: теперь у вас. Лето проходит, а мы в городе. О Царскосельском домике опять ничего не слышим. Живем уединенно: гуляем по Неве и в двух садах. В добрые часы описываю ужасы Иоанна Грозного. Любезного Тургенева видим через день за своим чайным столиком. Северина совсем не видим. Умной Граф Каподистриас обедал у нас на сих днях, и мы провели с ним приятно часов шесть. Он рассказал нам всю свою историю. Я люблю его, но вижу редко. — Вчера с любезною Натальею Яковлевною осматривали мы великолепныя комнаты Его Прусского Величества: это стоило около четырех сот тысяч, как сказывают. Ему достался и тот уголок, где скончалась Екатерина Великая.

Все мы Карамзины обнимаем тебя с нежностью, друг любезнейший. Будь здоров и как можно спокойнее. Навеки твой

Н. Карамзин.

Прилагаю записку к почтенному Ивану Петровичу Бекетову: сделай милость, отдай ему и доставь мне его ответ: чем скорее, тем лучше.

Скажи мой дружеской поклон любезному Василью Львовичу Пушкину. Здоров ли он? »

Карамзин, 1866. С. 240–241 (№ 216).

Июнь, 17 (29). Буюкдере (деревня в 18 верстах от Константинополя, на европейской стороне).

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Последнее письмо вашего высокопревосходительства вместе с приятнейшим известием о справедливом воздаянии, вами полученном дошло до меня очень поздно. Расстроенное здоровье мое необходимо требовало отдохновения и лучшего воздуха, и добрый начальник не отказал мне в позволении провести около двух месяцев на *Принцевых Островах*, в Никомидийском заливе. Там пробыл я конец апреля, май и начало текущего месяца, с разными однакожь промежутками. Вот причина, лишившая меня удовольствия во время поздравить вас с монаршею милостию столь давно вами заслуженною. В моем участии, смею в полной мере надеяться, вы не изволите сомневаться. Желал бы только еще одного – иметь честь лично принести вам усерднейшее мое поздравление. Известие о здоровье и спокойствии вашем еще более принесло мне сердечного удовольствия. Кто лучше вас будет уметь наслаждаться ими! До сих пор мешали сперва хлопоты о постройке и отделке дома, потом комиссия – ныне же все кончилось. Время жатвы настало после трудов разнообразных, полезных, славных.

Одно из главных моих удовольствий в настоящем заточении – переноситься мыслями в отчизну, в круг любимых родных и друзей. Почтение не позволяет мне так назвать вас, но сердце мое, соблюдая все оттенки и живо помня все ваши ко мне милости, ставит вас в первый ряд ему любезных. Мне всего приятнее представлять себе петербургские и московские вечера ваши и как бы еще наслаждаться ими. Жалею о тех, коим присутствие двора мешало бывать у вас по прежнему. Не думаю, чтобы они могли забыть вас. Добрые Москвичи и в первый приезд государя были как то вне себя, будто в чаду; тут же было и время милостей: как не потереться около дворца и тому, кто ничего не ожидает и ожидать не имеет права! При том сколько было поздравительных визитов: это долг экстраординарный. Как тут успевать!

Но как сии небольшие слабости любезны в сравнении с гнусными, подлыми интригами и совершенным забвением всех правил чести и всякого благородства, коими здесь мы окружены! Здесь уму нет пищи, а душа вянет. Ах, с каким бы я удовольствием пустился в обратный путь! Но попасть сюда гораздо легче, нежели отсюда вырваться, а сверх того есть многое, что меня здесь удерживает. Честолюбия, слава Богу, во мне совсем нет; но чувство некоторой приносимой пользы, привязанность к доброму, благонамеренному начальнику и желание кончить начатое дело, если только будет возможно, должны иметь влияние на мою волю. Дружба равномерно услаждает мою скуку и неудовольствие. Я приобрел здесь нового друга в моем соуднике, Бутеневе, достойном молодом человеке, коего я слишком мало знал в Петербурге. При всем том я очень старался вырваться в начале сего года – но не удалось.

Приехав сюда, я подарил свой экземпляр, или лучше сказать свой 1-й том Истории Н.[иколая] М.[ихайловича Карамзина] надеясь скоро получить другой экземпляр, и писал о том Северину; но он что-то запоздал и наконец уведомил меня, что достать уже никак нельзя. Не знаю как быть. Хочу прибегнуть к самому Н.[иколаю] М.[ихайловичу Карамзину]. Такой расход книги в 50 р. мне кажется чудесным у нас, в России. Как, чай, досадно многим, многим петербургским и московским писакам!

Примите сердечное уверение в том глубочайшем почтении и нелицемерной преданности, с коими честь имею пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Дмитрий Дашков.

Р. С. Наталья Яковлевне свидетельствую мое усерднейшее почтение. Боюсь, не сердится ли на меня? Много бы в. пр. изволили обязать меня, выведя из сомнения».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 587—589.

Июнь, 19. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное Г. М. Яценко на выпуск книги Фридриха Аделунга «О важнейших изданиях Герберштейна Записок о России... — С. Петербург: Изданием Вольного общества любителей российской словесности: В типографии Карла Крайя, 1818».

Экземпляр из 6-ки И. И. Дмитриева хранится в б-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801—1825. № 75*).

Июнь, 27. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно жалею о твоих хлопотах и беспокойствах приказных; однакожь надеюсь, что узел, завязанный покойным Обрезковым, будет развязан или рассечен Князем Лобановым, и земли останутся там, где были. Знаешь о нещастии Северина? Он 5 месяцев блаженствовал с своею любезною женою и внезапно ее лишился. Это нас поразило. Я два раза был у него на даче: видел его в изступлении; теперь он в глубокой горести. Фамилия Стурдзы ознаменована для меня чем-то священным. Какая судьба! Моя жена не перестает плакать. За 10 дней перед сим доброй Северин говорил ей о своем блаженстве! Повторим старую пословицу, что в здешней жизни щастье опасно.

Я видел Государя, Императриц. Они милостливы к нам по прежнему. Государь удивился, сведав, что в нашем Царскосельском доме живет Г. Фролов: ему велено было тотчас выехать, и мы думаем дней через пять быть в Царском Селе. Здешние праздники несколько расстроились корью Вел. Князя Николая Павловича; однакожь болезнь легка, и в Петергоф отправятся. Ныне Эрмитаж.

Каразин удивил меня, без моего ведома и с безобразными ошибками напечатав записку о Москве. Я должен был отнести о том к Министру Просвещения. Пристойно ли критиковать заложение Церкви на Воробьевых горах *после* ея торжественнаго заложения? Я мог судить (и то не публично) о плане Витберга, еще не утвержденном; но *теперь*, и в журнале! Каразин верно не хотел отдать меня под суд: в таком случае он весьма не рассудителен. Пиши ко мне, любезнейший друг, в Петербург: это вернее, нежели в Царское Село.

Императрица отдала мне письмо твое в кабинете, говорила о твоём горе, о твоих достоинствах очень мило. — Скажу вместе с тобою: где нам ни жить, а надобно доживать век свой друзьями. Если мне еще на год оставаться в Петербурге, то оставаться с грустью большою: это говорю от души. Всем семейством обнимаем тебя нежно. Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Свидетельствую вам свое душевное почтение, любезнейший Иван Иванович, и скажу вместе с мужем, что грустно, очень грустно будет еще решиться остаться на год в С. Петербурге, в разлуке с нашими Московскими друзьями, которых так душевно любим. Но я все еще люблю надеяться, что судьба наша не совсем решена и что Г. Греч, постарается нам дать чистую отставку, чистым и правильным печатанием Истории. В ожидании счастливого свидания верьте чувствам почтения и любви преданной вам

К. Карамзиной».

Карамзин, 1866. С. 241—242 (№ 217).

Июль, 10. Петербург.

А. С. Шишков на заседании Российской Академии в присутствии министра князя А. Н. Голицына сообщает об утвержденном имп. Александром I

новом уставе и штате Российской Академии. Сказав по этому случаю небольшую речь, А. С. Шишков как президент Академии вслед за тем пригласил собрание приступить на основании устава «к избранию в действительные члены Академии на имеющиеся в оной *упалыя места*», и предложил к выбору «г. статского сов. Н. М. Карамзина. Творения его стихами и прозою – прибавил он, – всем известныя, особливо же сочинение Российской Истории, увольняют меня от всякой надобности исчислять прочие труды его для показания достоинства ко вступлению в сие почтенное сословие». Присутствовавшие 22 члена, вместе с министром, подавая голоса и за отсутствующих, избрали предложенного единогласно.

Июль, 11. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Наконец опять пишу к тебе из Царскосельской купцы, откуда было вытеснила нас Дружина Государева, но куда с новою честью ввел нас сам милостивой Государь, с изумлением сведав, что, вопреки Его повелению, наш домик отдан Г. Фролову, которого ты не знаешь и не узнаешь. Вот следствие того, что я ни к кому не прибежен и всем чужд; но у нас пока есть истинной благотворитель Александр: Он не дает нас в обиду и честит безкорыстно; на пример, велел заплатить 2000 рублей за домик для нас в Петергофе на 48 часов! Я не продам души за 2000 р.; но в ней живет истинная любовь к Государю, произведенная и многими Его прекрасными свойствами и сердечною благодарностию. Мы наслаждались Петергофским праздником и Ораниенбаумским, хотя иллюминация и Феерверк не весьма удалися. Время было прекрасное; людей множество, и все на свободе. Не смотря на ветер, довольно сильной, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе), сели на катер и носились по волнам Финского Залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног – но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подальше. Государь давал полдник на *Собственной даче*; ужинал в Ораниенбауме: мы были также приглашены. Теперь живем уединенно. Государь смотрит ученье полков в Петербурге, а вдов. Императрица задержана в городе болезнью Великой Княгини, вероятно корью, приставшею к жене от мужа. Мы одни гуляем в саду. Он прекрасен; но жаль, что в нем нет дубов, кленов, лип Ораниенбаумских. Помнишь ли вид из тамошняго Дворца к морю, которое волнуется за густым зеленым лесом? Я воображал тебя, любезнейший друг, с нами. Не хочу однакожь звать тебя в Петербург на житье: если и останемся еще здесь на год, то все будем глядеть в Москву. Мы в Петербурге как на станции; не имеем дружественного приюта; кланяемся многим, а сидим дома одни, пока не явится доброй Тургенев, или Жуковский. Однакожь мы не в праве жаловаться: сами не льнем к людям. В 50 лет кажется, что все это не стоит труда, пока Бог к нам милостив, пока есть милое семейство, кусок хлеба и друг в Москве. День за день, а там и конец. Дай Бог только любви к Нему и мира душевного! – Мир праху Н. А. Дурасова! По крайней мере он не дожил до бедности; давал бедным хлеб, а богатым стерледей и шампанское. – У Северина я был три раза на даче: он в глубокой горести, но молод и не безнадешен для душевного выздоровления. Покойница была слабого здоровья. Живость ея чувств и воображения изнуряла тленный состав физический. Она любила хвалить тебя; и ко мне изъявляла доброе расположение. Будем вспоминать об ней с умилением. Семейство Стурдзы имеет удивительную судьбу.

Прости, милой друг. Ожидаю первых корректур. Не знаю, как найду время для всего, что мне делать надобно. Будь здоров, спокоен и люби твоего

Н. Карамзина.

Сердечно благодарю почтеннейшего Ивана Петровича. Хорошо, если бы он захотел быть *вторым* Членом Москов. Архива Кол. Иностран. Дел: тогда и я стал бы искать себе *третьяго* места на этой высокой скамье, покрытой *благородную пылью*».

Карамзин, 1866. С. 243–244 (№ 218).

Июль, 20. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Как я благодарен вам, любезный Александр Иванович, за приятныя вестии! От сердца рад, что Батюшков достиг своего желания. Щастливый климат Италии, конечно, будет иметь благодатное влияние и на талант его. Не меньше участвую и в добром Дашкове: теперь, хотя и будет скучать в карантине, так по крайней мере в шляпе с плюмажем.

Северин не выходит у меня из мыслей. Я всегда не надежен был на его здоровье, теперь еще более.

Василий Львович <Пушкин> давно уже в отлучке. По обыкновению своему, он поехал в Козельск, навеститься о здоровья родной тетки. Платя долг наследника, может быть, уплатит что-нибудь и своим заимодавцам, а собранию Любителей Словесности новую басенку или преложение псалма.

Московский профессор письмом своим к редактору *Украинского Вестника* вероятно еще более остратит А.[нтон] А.[нтоновича] А.[нтонского] и утвердит знаменитость свою между пансинерами и чтецами Анг.[лийского] клуба. Нет лучше ремесла журналиста: говорит что хочет, бранит кого хочет и нет апелляции, потому что журналисты сделали между собой союз, чтоб друг на друга ничего не печатать. Калайдович посылал замечание на одну пьесу К.[арамзина] и *Сын Отечества* не напечатал. О положившем за брата белый шар постараюсь довести до брата; что же касается до черного, я не дивлюсь тому: я помню, что он и за двадцать лет тому не соглашался. Если это не твердый характер, так по крайней мере упрямый норв.

Я писал вам, что с нетерпением буду ждать вашего братца, но он терпеливее меня. Я еще с ним не видался. Утешусь тем, что уверен в вашей ко мне любви, и повторю вам еще искреннюю благодарность мою за <О. Е.> Франка. Оба брата чувствительно тронуты вашим благодеянием.

За тем, поручая себя в продолжение лестной для меня вашей дружбы, с душевным почтением пребуду навсегда вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Р. С. Какая революция в нашей словесности! Читали ли вы примечания казанского профессора на превосходный перевод Науки стихотворства, Хвостова <3-е изд. перевода «Науки о стихотворстве» Буало с примеч. проф. Казанского унив. Городчанинова>; читали ли и отзыв Инвалида <№ 156> о превосходных замечаниях казанского профессора? Уверен, что господин Хвостов через год будет в лаврах».

РА. 1867. №7. Стб. 1092–1094.

«Московский профессор письмом своим к редактору *Украинского Вестника...*» – в «Вестнике Европы» (1818. Ч. 100) была напечатана статья Каченовского «Письмо из Лужников» <К господам издателям Украинского Вестника>, которые в 5 книжке своего журнала напечатали «Записку о достопамятностях Москвы» Карамзина с довольно грубыми ошибками. Каченовский указывал на эти ошибки и напал на Карамзина.

Июль, 20. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 18* (1-я, старая, пагинация).

Июль, 30. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает князю Вяземскому в Варшаву, что сейчас «получил письмо от Батюшкова из Одессы, откуда он отправляется в Крым, и от И. И. Дмитриева из Москвы <от 20 июля 1818 г.>, который восхищается превосходством, найденным казанским профессором <Г. Н. Городчаниновым> в стихах графа Хвостова...».

ОА. Т. I. С. 112.

Июль, 31. Село Тихвинское-Авдотьино Бронницкого уезда Московской губернии.

Кончина Н. И. Новикова (род. 27 апреля 1744).

1818. Июль.

В «Украинском Вестнике» (С. 103) напечатаны «Надписи к Портретам Русских писателей» Н. Ф. Грамматина. Под № 9 помещена надпись к портрету Ивана Ивановича Дмитриева: «Душа его видна в творениях прекрасных...».

Август, 2. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву:

«Здравствуй, любезнейший друг! сердечно благодарю тебя за милое письмо, в котором ты упоминаешь о нападении Вестника Европы на мою Записку. Я читал, но без сердца. Вольному воля. Браниться не люблю и не хочу. Я мог бы отвечать только одно; а именно, что Записка о Московских Достопамятностях действительно написана мною, вопреки обязательному *неверствию* Г. Анонима. Но и в этом нет большой нужды. Я стар и ленив. Делать зла не желаю и тем, которые хотят сделать его мне.

Мы, слава Богу! и здоровы и спокойны. Первые листы второго издания доказали мне необходимость остаться здесь на зиму: иначе будет ошибка на ошибке: чего при жизни не хочу видеть. Остаюсь не без грусти. Здесь мы не на месте, а жить уже не долго. Я уверен в твоей дружбе, следственно уверен и в том, что тебе жаль не быть с нами, как нам жаль не быть с тобою в одном городе. Не смотря на знаки Государевой к нам милости, стремлюсь душею в даль от блестящего света, с которым у меня нет симпатии. Тем живее чувствую потребность Дружбы, истинной, старой, неизменной. Здесь у нас только молодые друзья. Обнимаю тебя хотя мысленно, но очень, очень нежно. Дай Бог по крайней мере, чтобы ты был здоров и спокоен.

Здесь мы живем почти уединенно; раз пять имели щастие обедать у Государя; раз в Павловском, куда Императрица недавно переехала; скоро останемся в тишине: недели через 3 или 4 Государь и Императрицы уедут в Германию. Если осень будет сносна, то проживем здесь до конца Сентября. Нанимаем за 5000 р. этаж у К. Ф. Муравьевой, которую любим душевно. Всем семейством обнимаем тебя, милого друга.

Твой навеки

Н. Карамзин.

Графа Сергея Петровича еще мы не видали. Рюрик уже пришел: скоро приедет и Канцлер.

Сделай милость, любезнейший, уведоь меня, был ли у тебя Ашанин? Он выехал отсюда почти умирающим. — Душевно благодарю почтенного Ивана Петровича за его записку».

Карамзин, 1866. С. 245–246 (№ 219).

Август, 5. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Простите меня, любезный князь Петр Андреевич, что я, вопреки собственному желанию, так долго к вам не писал. Разные неприятные обстоятельства тому причиною. Я имел нещастие потерять отца, потом получил известие о вдовстве бедного Северина, который пять месяцев только был щастлив. Жена его в 10 часов вечера была здорова и веселее обыкновенного, а в два часа ночи ее уже не стало. Он и теперь в глубокой печали. Сказывают, что граф Каподистриа берет его с собою за границу. Может быть, они уже в дороге.

По отбытии двора я совершенно осиротел в любезных моих собеседниках. С ним и последний Жуковский меня оставил. Теперь опять сам-друг с князем Шаликовым. Пушкин в Козельске щупает пульс у своей тетушки <Вар. Вас. Чичериной>, а Сонцев в Каширских дубравах грустит об отсутствии К. Н. П...ы и С. С. А.

С любезным Карамзиным отчаяваюсь скоро увидеться. Между тем, не могу сохранять равнодушие, читая в *Вестнике* разные на щет его колкости, и дивлюсь, как г. попечитель позволяет пропускать их. О критике ни слова, но подшпынивать и оскорблять историографа совсем неприлично. Уверен, что ни он не будет отвечать, ни другие за него вступаться, и очень о том жалею.

Я благодарен вам, что вы позволили А. Булгакову сообщать мне листочки о Польском сейме, но был бы еще более благодарен, еслибы подарили меня полным журналом. Мне хотелось бы дополнить им собрание политических книг в моей библиотеке.

За тем, поручая себя лестной для меня вашей приязни и свидетельствуя вам и милостивой государыне княгине Вере Федоровне искреннее мое почтение, навсегда имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

P.S. Дашков статский советник, а Батюшков надворный и в Неаполь».

СН. 1898. Кн. 2. С. 128—129 (№ 8).

Август, 19. Москва.

Письмо к Д. В. Дашкову в Буюкдере (не обнаружено).

РА. 1868. № 4—5. Стб. 589.

Август, 22. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Дожди нас залили, но мы живем надеждою на хорошее время: авось еще придет! Располагаемся, если можно, прожить здесь до исхода Сентября.

Поверь мне, любезнейший, что сердце мое умеет чувствовать нужду в твоём присутствии. Мы также живем в одиночестве, как и ты, хотя и часто сидели за Императорскими обедами, смотря на Гр. Аракчеева, слушая Гр. Кочубея etc. Теперь будем в совершенной тишине: вчера в последний раз обедали у Государя: Он уехал смотреть полки в Петергофе, в Стрельну, и 26 отправится в Германию. Сохраним живейшую благодарность за милостивые знаки Его к нам доброго расположения, и только *Его*: тем лучше. Мы старики не прочим себя для Двора, а Государя любить весело и вдали. Зачем *так часто* звали нас, не знаем; зачем некоторые весьма приметно (*avec affectation*) охолодели к нам, не ведаем. Вдов. Императрица по старому обыкновению была милостива и ласкова до конца, то есть, до разлуки: Она уехала в город; возвратится в Павловское на несколько часов и поедет в след за Государем. Вот в последний раз наши придворные вести: вперед могу сообщать тебе одни типографския. Корректуры мои начались, не знаю, куда деваться от переводчиков моей Истории, Немецких и Французских: я не искал их. Вот тебе Prospectus Парижской. Этот Julien приятель Лагарпов, известен Государю и пишет складно. Некоторые из его сочинений переведены на Немецкой. Вообрази, что и Коцебу переводит мою Историю — в своем журнале!

Наталья Яковлевна сказывала мне, что ты думаешь ехать в деревню, но возвратись, любезнейший, прежде глубокой осени. Что такое процесс? Я видел здесь К.[нязя] Дм.[итрия] Ив.[ановича] Лобанова: ему уже не долго быть Министром, как он говорит. Публика дает Графу Кочубею разные места: то сажает его в какой-то вышний Совет, Conseil de Régence, будто бы на случай Государева отсутствия; то делает главою Министерств Полиции и Внутрен.[них] Дел, жалуя О. П. Козодавлева в Министры Юстиции. Последний на сих днях в первый раз обедал здесь в Царском Селе и был, сказывают, очень доволен.

Кротость моя тебя сердит, но я люблю быть кротким. Не стою ни за что, мне не принадлежащее; а что мое, того у меня не отнимут. Я должен благодарить Бога. Ты говоришь о достоинстве *Историографа*: но Историограф еще менее Карамзина (между нами будь сказано).

Прости, милой друг. От негодного пера я не писал, а марал. Я, жена, дети, все обнимаем тебя от души и сердца.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 246—248 (№ 220).

Август, 22. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«С живейшею благодарностию имел я честь получить письмо вашего высокопревосходительства, лестный и драгоценный знак милостивого вашего ко мне

расположения. Осужденное на сухой Варшавский хлеб сердце мое только и лакомятся что добрыми вестями из России. Здесь со мною одна проза жизни; поэзия вся осталась дома; освежаюсь иногда ее веянием, хранящим в душе моей животворную искру. Будь сообщения заграждены – она в миг угаснет. Но вот беда: сие волшебное и благодетельное сообщение между миром жизни и преисподнею смерти, или, говоря языком человеческим, сия почта, которая ходит из России в Польшу и приносит мне письма от людей уважаемых и любимых мною, приносит мне и Вестник Европы! В первую минуту негодования готов я проклинать полезное постановление, связывающее меж собою отдаленные земли и только тогда прихожу в себя, когда вспомню, что законом природы всякая тварь имеет здесь свое определенное назначение: лягушка рождена квакать в болоте, а К...<аченовский> писать из *Лужников* площадную брань. Я и сам удивляюсь, что князь Андрей Петрович <Оболенский, попечитель Московс. учеб. округа> дозволяет таким образом безчесть и марать журнал, издаваемый университетом. О Мочалове, актере императорского театра, запрещается судить гласным образом; над Карамзиным, государственным историографом, представителем нашего просвещения в глазах ученой Европы, отличенным примерными знаками благоволения Государя, наградившего его за труды, позволяют насмехаться наглыми и бесстыдными шутками. О, Пушкин, Пушкин! И я с сокрушенным сердцем скажу тебе во след: Бухарцы! Бухарцы! Когда вы образумитесь? Свободы книгопечатания у нас нет; неужели только тогда развязывать ей руки и выпускать ее на волю, когда она кидается на людей, означенных общим уважением и заслуживших признательность отечества? Жаль, что нет ни Дашкова, ни Блудова! Мне не прилично сражаться за Карамзина, и к тому же надлежащее оружие не по моей силе. Каченовского эпиграммами не доедешь. Его надобно бить летописями. Вижу отсюда, как горячится Василий Львович <Пушкин>, но его опасно выпускать на драку. Каченовский имеет над ним какую то тайную силу, против коей не может он обороняться».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1691–1693 (без даты). Дата: *СН*. 1898. Кн. 2. С. 206 (примеч. Барсукова).

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения Дмитриева. Ему минуло пятьдесят восемь лет. У него в гостях В. Л. Пушкин; разговор о Вяземском.

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исслед. и матер. Т. IX. С. 222.

Сентябрь, 11. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Здравствуй, любезнейший друг!

Мы наконец живем в тиши. Государь расстался с нами очень ласково: был у нас; заглянул даже в мой кабинет, то есть, в нашу спальню; подивился тесноте и беспорядку; говорил любезно о своих добрых намерениях; говорил как Ангел; на другой день, в 5 часов утра, уже почти садясь в коляску, отдал К. Голицыну одну бумагу, чтобы показать мне для перемены в ней некоторых слов, которые Ему не нравились (а прежде Он, столь же милостиво, велел мне поправить краткой манифест о мире с Персиею). Все это останется между нами. Знаки Его доброга расположения для меня драгоценны, потому что люблю Его душевно. Знай, любезнейший, что я ничего не хочу, уже приближаясь к старости. Полно! Благодарю Бога за то, что имею. Надобно доживать дни с семейством, с другом и с книгами. Мне гадки лакеи, и низкие честолюбцы и низкие корыстолюбцы. Двор не возвысит меня. Люблю только любить Государя. К Нему не лезу и не полезу. Не требую ни Конституции, ни Представителей, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным Царя Руского: вот противоречие, но только мнимое!

Н. И. Тургенев рассказывает, что ты мыслишь переехать в Петербург: сделай милость, изъясни мне эту любопытную загадку, в которой дружба моя берет столь живое участие. Обрадуюсь тебе несказанно, но не позволю себе звать тебя: разве, разве ты продашь дом свой?.. Обнимаем тебя нежно, муж и жена и дети. Твой Н. Карамзин.

Извини, любезнейший, что письмо на полулисточке: не случилось целого!!»

Карамзин, 1866. С. 248–249 (№ 221).

Сентябрь, 11. Царское Село.

Карамзин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву пишет:

«...Вообразите, что я написал самую Карамзинскую речь для Российской Академии и А. С. Шишкова! Они требовали от меня речи, но вероятно, не такой, и могут отвергнуть ее. Да будет их воля! Да будет воля и профессора Каченовского! Поверите ли, что я все еще не сердит на него? Вижу одно простосердечие: он толкует мне, что такое дворянин, и что тысячной, что *басма*, и проч. Дивлюсь боле дерзости Каразина (не Карамзина), который в Украинском Вестнике без моего ведома напечатал мою *Записку о Москве* с безобразными ошибками. Впрочем и то *да будет!* Видите, в каком я миролюбивом расположении».

СН. 1897. Кн. I. С. 62.

Сентябрь, 17. Царское Село.

Жуковский с Пушкиным у Карамзиных.

ОА. Т. I. С. 122.

Сентябрь, 18. Петербург.

В письме к кн. Вяземскому в Варшаву (ответ на письмо кн. Вяземского от 31 августа) А. И. Тургенев сообщает, что «маленький Пушкин давно уже плюнул на него <Каченовского> эпиграммою, que voici:

Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужил!
Безчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись – и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из г -- Дефонтена!

Но не худо бы однако ж оставить на нем не одно клеймо зависти, но и глупости, которого он равно достоин; тем более, что стих, которым Дмитриев за -- бего, не для всех».

ОА. Т. I. С. 122.

Сентябрь, 19. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Нет, любезнейший Александр Иванович, я уже не признаю вас Гриммом. Тот не щеголял лаконизмом; свидетельствуют в том несколько толстых томов писем, в которых он говорил о драмах и балах, о Вольтере и об интригах, о сплетнях и политике. Я не требую от вас сведений по последним трем артикулам, но для чего бы не сказать слова три о себе, о вашем братце, о Карамзине и Жуковском, о Калайдовиче и Каченовском, словом, о состоянии нашей словесности, к которой еще не умерло сердце отставного поэта. Это пени только приятеля, любящего говорить с вами, хотя через письмо. Впрочем, чувствительно благодарю вас и за лаконические ваши строки. Скажите также искреннюю благодарность мою и молодому Пушкину; я и по заочности люблю его, как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет. Почтенный дядя его недавно читал мне несколько начальных стихов о том же предмете. Не знаю, что еще выйдет, но он исполнен священным негодованием, зияет молнией и громом говорит.

Если вы будете писать к Д.[митрию] Н.[иколаевичу] Блудову, убедительно прошу вас уверить его в моей благодарности за *Mémoires de l'abbé Georgel* <«*Mémoires pour servir à l'histoire des évènements de la fin du XVIII siècle*». Paris. 1817. 6 vol.>, и сказать ему, что я буду еще более обязан, если он пришлет мне и остальные томы.

Душевное почтение вам и братцу. Вашего превосходительства покорнейший слуга Ив.[ан] Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1094–1095. В «Дмитриеве, 1895» (II. С. 233) это письмо помечено 18 сентября 1818.

Сентябрь, 30. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Всем сердцем благодарю вас, милостивый государь любезнейший Александр Иванович, за дружеское ваше письмо и отправление ко мне библейских книжек, которых еще не получил, равно и за обещание отчетов; вы знаете, с каким я удовольствием всегда их читаю. Между тем прошу вас вспомнить и об обещанных портретах Руссо и Вольтера. Не достаёт только их к украшению моего кабинета.

Если б недостаток мой позволял мне иногда предаваться на старости лет приятным капризам, то я непременно явился б в распах в Р.[оссийскую] Академию в назначенный день для торжественного собрания: явился б единственно для удовольствия слышать любезного моего оратора <Н. М. Карамзина>.

Здесь также готовится торжественное собрание по случаю обновления университета. Здание уже отштукатурено; зала собрания также в отделке; остановилось только за недоделкою, как говорят, Мерзляковым и Каченовским их работы. Вероятно, что чтение будет больше обыкновенного, потому что тут же читаны будут и произведения Общ.[ества] Люб.[ителей] Слов.[есности], которого заседание было отложено до новоселья. Старый Пушкин читал уже мне начало приготавливаемой к сему случаю сказки, почерпнутой им из собрания фр.[анцузских] сказок; но он совершенно обрусил ее, назвав одного из рыцарей Печенегом, а другого Киевским князем. Тема сказки: собака вернее любовницы; последняя изменяет любовнику, а первая остается при нем <Сказка В. Л. Пушкина «Людмила и Улад» напечатана в «Труд. общ. люб. рос. слов.» 1819 г. Ч. XIII>.

За тем, пожелав вам возможного благополучия, и свидетельствуя вам и любезному вашему братцу душевное мое почтение, навсегда имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Ив.[ан] Дмитриев».

РА. 1867. №7. Стб. 1095–1096.

Торжественное собрание академии по случаю утверждения в 1818 г. нового устава и штатов, назначенное первоначально в ноябре, состоялось 5-го декабря того же года (См.: Декабрь, 5). На этом собрании Карамзин произнес речь, написанную им по случаю избрания его действительным членом академии. Она напечатана в «Сыне Отечества» (1819. Ч. 51. № 1).

Сентябрь, 30. Петербург.

В «Благонамеренном» (Ч. III. № 9, 30 сентября. С. 282) напечатаны две «Надписи» М. В. Милонова; вторая обращена «К бюсту И. И. Дмитриева» («Храню я образ твой, любимец Муз и Славы...»).

О связи этого четверостишия и скульптурного портрета И. И. Дмитриева работы И. П. Мартоса, хранящегося ныне в отделе рукописей Рос. Нац. Библиотеки (Петербург), см.: Карпова Е. В. Ранее неизвестный скульптурный портрет И. И. Дмитриева // *Памятники Культуры. Новые открытия*. 1992. Сост. Т. Б. Князевская. М., 1993. С. 260–266.

Сентябрь. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 101, № 18, сентябрь, С. 122–127) напечатана статья «От Киевского жителя к его друга» <полемиическая статья по поводу выхода в свет «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина>.

Вопрос об авторе статьи остается спорным. Традиционно она приписывается М. Т. Каченовскому. Однако В. П. Козлов отрицает авторство Каченовского (см.: Козлов В. П. «История Государства Российского» в оценках современников. С. 39; но на С. 209 автором этой статьи называется Каченовский). Как автор статьи Каченовский назван в след. источниках: «Рус. писатели». Т. 2. С. 517; Каченовский В. М. Михаил Трофимович Каченовский // Библиогр. Зап. 1892. № 5. С. 334–335; Биограф. слов. проф. ИМУ. Т. 1. С. 395–396; Кудрявцев И. А. «Вестник Европы» М. Т. Каченовского об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина // Тр. Моск. историко-арх. ин-та. 1965. Т. 22. С. 217 (наиболее убедительное доказательство авторства Каченовского со ссылкой на письмо последнего к Н. И. Гнедичу от 12 июля 1820 г.).

Октябрь, 7. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Тысячу благодарностей за последнее ваше письмо, любезный князь Петр Андреевич, и за обещание прислать журнал Польского сейма. Я очень желаю

иметь его в числе политических книг. По расселении друзей моих и приятелей по разным странам света Москва сделалась для меня совсем чужбиною. Боюсь, чтобы Каченовской и вдосталь не охолодил меня к ней: он решительно посягнул на кроткого историографа; хочет следовать за ним шаг за шагом; ученое войско его без сомнения будет многочисленно, не считая чтецов всяких книжек, которых он легко может склонить также на свою сторону. А историографа берется защищать один только Василий Львович своим бильбоке, яко Давид своею працею!! Все прочие други и приверженцы прижались с нежностью к своим творениям. Слава и честь безкорыстному, усердному рыцарю!

Шутки в сторону, кто бы из нас за пять лет мог представить себе, что Карамзин будет говорить речь в торжественном собрании Руской Академии, которая так долго не хотела усыновлять его, которой президент так долго и много писал против него. А профессор Московского университета, искавший некогда его знакомства, единственно по уважению его таланта, почитавший его образцовым для себя писателем, не клянется быть гонителем его, образцовым для себя писателем, не клянется быть гонителем славы его, и когда же? В то время, как Франция, Германия обратили внимание свое едвали не в первый раз к рускому автору! В то время, когда присный Николая Михайловича, возлюбленный сердцу его родственник, благочестивый князь Андрей Петрович начальником университета!!

Не знаю, известны ли вы, что преосвященный Филарет и Жуковский предложены к избранию в члены Руской Академии. Вчера получил я требование моего согласия – разумеется, что я дал от всего сердца.

Ужели любезной наш поэт ни разу не настраивал в Варшаве отечественную лиру? Я не поверю тому, и был бы очень рад, еслибы вы при случае сообщили мне новые ваши произведения. Между тем советовал бы вам ознакомиться и с польскою словесностию, а потом и нас познакомить с их авторами. Краткое ваше обозрение польской словесности было бы любопытным подарком для *Сына Отечества* и его читателей. У нас только двое начинали писать о польских авторах, но к сожалению, они сами были худые авторы.

Прости, любезный князь, поцелуйте за меня ручку княгини Веры Федоровны и будьте уверены в искренном к вам почтении и привязанности вашего сиятельства покорнейшего слуги Ивана Дмитриева».

СН. 1898. Кн. 2. С. 129–130 (№ 9).

Октябрь, 7. Петербург.

Карамзин и А. И. Тургенев на обеде у канцлера Н. П. Румянцева.

РА. 1867. № 4. Стб. 642.

Октябрь, 7. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Зная, что прокурор Евреинов, иногда бывает у вашего высокопревосходительства и пользуется вашим благорасположением, я обращаюсь к вам, м.[илостивый] г.[осударь], с покорнейшею просьбою, которая состоит в следующем. По прошению штатс-дамы княгини Волконской <Александры Николаевны, супруги кн. Григория Семеновича Волконского>, в св. Синод поданному, о позволении перенести гроб покойного отца ее генерал-Фельдмаршала князя Репнина с одного места на другое, к первому прилежащее, св. Синод определил спросить о сем мнение настоятеля Донского монастыря и Московскую синодальную контору и, если нужно вытребовать и план церкви, дабы легче можно было судить, не стеснит ли перенос надгробного камня внутренности церкви. Требование о сем послано уже в контору. Опасаясь, чтоб настоятель Донского монастыря, усмотрев, что за несколько лет пред сим один из его предшественников, архимандрит Виктор <Антонский, брат Антона Антоновича>, и ныне еще в сем монастыре живущий, отказал в удовлетворении сей просьбы княгине Волконской, не вздумал поступить по прежнему примеру, я желал бы, чтобы г. Евреинов обратил на сие дело особенное внимание и принял бы в соображение то, что после того Донской монастырь поставил памят-

ник Н. Н. Бантыш-Каменскому точно на том месте, которого испрашивает ныне дочь Фельдмаршала для памятника отцу своему, столь славно отечеству послужившему. Уважение мое к памяти незабвенного мужа и дружеская связь его с отцом моим, заставляяет меня принимать участие в просьбе его дочери, по мнению моему весьма справедливой; ибо я в бытность мою в Москве сам осматривал в монастыре место сие и вместе с тогдашним архимандритом нашел, что для симметрии весьма бы лучше было перенести памятник Репнина и устроить его на простом месте.

Почитая, что по занимаемой мной должности неприлично мне просить о сем г. Евреинова, я осмелился обременять вас, м.[илостивый] г.[осударь], с тем, чтобы вы приняли на себя труд внушить ему, сколь приятно было бы мне доказать чем либо благоговейное усердие мое к памяти князя Репнина. Я уверен, что вы простите мне сию дерзость, ибо она основана на чувстве, для вас не чуждом. Сие самое извинит меня и в глазах г. Евреинова, которому я известен только по официальным сношениям.

Вчера Н. М. Карамзин переехал из Царского Села в П.-бург, в дом Е. Ф. Муравевой, у которой мы и обедали вместе, а сегодня будем у канцлера <гр. Н. П. Румянцева>. По субботам проводим мы вечера у В. А. Жуковского, где собираются литераторы всех расколов и всех наций. Брат мой свидетельствует вам истинное свое почтение, с каковым и пр.

Р. С. Сей час имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от 30 Сентября, и первым движением моим было отобрать два портрета Руссо и Вольтера для немедленного их отправления к вам; но к крайнему моему сожалению увидел я, что в числе шести портретов, которые еще до отъезда моего в Москву назначал я для вашего кабинета, именно Вольтера и Руссо нет, а есть Мольер, Расин, Корнель, Буало, Даламбер и Лабрюер. Все они к вашим услугам, если вы их не имеете. Между тем постараюсь отыскать Вольтера и Руссо; но желал бы знать, в каком формате они быть должны.

Вяземский давал обед Полякам, которые проводили цесаревича в Ахен, откуда он поедет осматривать Русские войска во Францию. Если получу недавно вышедшую переписку Абата Гальяни с разными особами того времени, то буду иметь честь вам доставить. Ожидаю с нетерпением торжественного собрания университета, в которое Вас. Львович будет сказывать сказку. Если бы собрание прибегло к другому роду его таланта, то оно могло бы соделаться баснословным».

РА. 1867. № 4. Стб. 640—643.

Октябрь, 8. Петербург.

А. И. Тургенев высылает Дмитриеву эпиграммы Вяземского.

ОА. Т. I. С. 128.

Октябрь, 9. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву пересказывает часть письма Дмитриева к нему от 30-го сентября 1818 г. («Здесь также готовится торжественное собрание по случаю обновления университета... ~ ...Тема сказки: сабака вернее любовницы; последняя изменяет любовнику, а первая остается при нем»).

ОА. Т. I. С. 128.

Октябрь, 10. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! Наконец мы переехали в город, в дом почтенной Катерины Федоровны, где нам жить просторно, но где мы еще не обжились. Я выезжал только один раз и простудился; однакож, не смотря на сильный насморк всякое утро хожу пешком, от Аничкова моста ко Дворцу, берегом Невы до саду, и садом на Фонтанку, где наш дом. Вероятно ли, что нам должно сделать 50 визитов? Можем остаться при одном добром желании. Делаюсь час от часу ленивее на выезды. Завидовать ли молодости? По крайней мере бесполезно. В моем расположении

духа не вижу большой разницы между Петербургским и Московским обществом, то есть, для меня: домоседу почти все равно. Если бы ты, любезнейший, жил в Петербурге, то я без сомнения не захотел бы оставить его; но пока ты остаешься в Москве, то мысли мои стремятся под сень Кремля: там и дружба и покой и независимость. Как ни милостив был ко мне доброй Государь, но я уже стареюсь и смотрю не на гору, а в нору. Хорошо и разтаться хорошо. Сыновья еще малы, а для невест Бог может послать суженого и в Москве. — Постараюсь, как можно скорее, разделаться с Типографиею, которой худая деятельность меня теперь огорчает. Ты верно угадал, кто охолодел ко мне, угадываешь и причину: что же? Скажи хотя намеком. Я, право, ничего не знаю. Бог с ними! Грустно мне слышать, что твои экономическая обстоятельность не поправились. Когда увижу Министра Юстиции, спрошу о твоём деле.

Муж, жена, дети — все обнимаем тебя, нашего верного друга.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Дом Катерины Федоровны Муравьевой у Аничкова мосту, на Фонтанке.

Я думал послать к тебе речь, написанную мною по желанию А. С. Шишкова для торжественного Собрания Академии, но она не переписана, и мне не хочется читать ее: это совсем не в духе Устава. Скажут, что хочу дразнить людей, а я миролюбив. Доброй Шишков одобрил эту речь: не знаю, искренно ли.

Карамзин, 1866. С. 249—250 (№ 222).

Октябрь, 14. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «Иван Иванович Дмитриев получил письмо твое и им радуется».

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исслед. и матер. Т. IX. С. 223.

Октябрь, 17. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] и любезнейший А.[лександр] И.[ванович].

Благодарю вас от всего сердца за дружеское ваше письмо. Спешу вас уведомить, что я исполнил ваше поручение, и вследствие того посылаю вам при сем копию с указа Син.[одальной] Кон.[торы] и еще несколько строк, отрезанных от письма ко мне Николая Ивановича.

Вы чувствительно одолжите меня доставлением переписки аббата Галиани <«Correspondance inédite de Galiani 1765—1783 avec M. d'Épinay, le baron d'Holbach etc». Paris. 1818. 2 vol.>. Зная его остроумие, я очень любопытен читать ее. Что же касается до портретов, то мне хотелось только иметь иллюминированные в овальном кругу Руссо и Вольтера, которых у меня нет, то я был бы вам очень благодарен. Работа их не важна, но мне хочется их иметь потому только, чтоб они были под пару Франклину, Лафонтену и пр.

Согласен с вами, что эпитагмы, хотя и не дурны, но я от Вяземского привык ожидать большего; да и сам Вяземский пишет ко мне, что Каченовского надо бить не *эпиграм*. [мами], а *летописями*. А я думаю, что можно бы одним письмом укротить его. Здесь нетерпеливо ждут первую книжку *Вестника*, в которой обещают разбирать вступление Р.[оссийской] И.[стории Карамзина]. Многие распускают слух, будто журналист делает это в угодность министру просвещения. Я очень понимаю, что министр не может, да и не должен, запрещать рецензии, но не поверю тому, чтоб он захотел позволить журналисту употреблять сарказмы на счет заслуженного и лучшего писателя, которыми наполнено письмо из Лужников. Однакож это есть, и остается сожалеть об участии наших писателей или о состоянии нашей словесности.

Простите, любезный Александр Иванович. Будьте уверены в душевном к вам почтении преданного Ивана Дмитриева.

Р. S. Перечитывая письмо, я сам почувствовал, как оно писано нескладно и вяло; словом, совсем не по-авторски; извинюсь только тем, что пишу тотчас после обеда и под шумком гостей моих».

РА. 1867. №7. Стб. 1096—1097.

Октябрь, не ранее 17. Петербург.

Получает от А. В. Казадаева 1-й том переведенной им книги Рецова «Новые исторические записки о семилетней войне» (С.-Пб., 1818 г. 2 т.).

Октябрь, 17. Москва.

Письмо Дмитриева к А. В. Казадаеву в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Васильевич.

В приятнейший долг вменяю себе изъявить вам чувствительную благодарность мою за внимание, которым изволили почтить меня, подарком любопытной книги. Она и по содержанию своему и по достоинству перевода, конечно, будет стоять в числе избранных в моей библиотеке. Я уже имел удовольствие прочитать ваше вступление, в котором вы показали себя и оратором и патриотом. Ласкаю себя надеждою, что вы довершите ваше ко мне благорасположение доставлением и следующего тома. Между тем с совершенным моим почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 236.

Октябрь, 23. Москва.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что вчера (22-го октября) «послал либеральные стихи твои Дмитриеву».

ОА. Т. I. С. 134.

Октябрь, 31. Буюкдере (деревня в 18 верстах от Константинополя, на европейской стороне).

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Между многими неприятностями здешней жизни одним из главнейших полагаю затруднение в переписке с людьми, близкими моему сердцу. Почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 19 августа дошло ко мне только с октябрьскою почтою. Оно обрадовало меня известием о здоровье вашем, но много и опечалило, дав знать о вашей потере. Поверьте, что я принял в ней живое участие; все ваше не может быть для меня равнодушно.

Горесть бедного Северина разтерзала мою душу. Я писал к нему; не удивляюсь, что не получал ответа, но желал бы искренно знать, каков он теперь и какое облегчение доставило ему разъезды его и рассеяние. Не знаю, писать ли еще к нему, стараться ли утешить или молчать о жене его: и то и другое иногда растревляет наши раны. Еслиб я был с ним, то лучше бы знал что делать. Голос друга много значит в такой грусти.

Покорнейше благодарю вас за московския весты. Оне чтото сухи, но чего же ждать от наших словесников! В немногие часы досуга читаю иногда В.[естник] Е.[вропы] и вижу в нем с жалостию борьбу боязни и зависти: и хочется уколоть порядочно Карамзина, и опасно! Историю я прочел уже два раза, хотя и не имею своего экземпляра, благодаря дорогим приятелям. Но главное занятие мое здесь, после службы, есть греческий язык. И нужда и давнишняя охота побудили его учиться. К счастью нашел я здесь исправнаго Лоютатоса в наставники и читаю с ним Омира и Платона. Говорить начинаю, но еще худо. Если пробуду здесь еще год, то буду докой; но сие очень сомнительно. Многое, правда, удерживает меня в Константинополе: служба, небольшая польза, которую могу приносить, свыкнувшись совершенно с делами, а всего более привязанность и могу даже сказать дружба к доброму, умному, благородному начальнику. Но за то многое обращает мне жизнь в бремя. Воздух не по мне в физическом и нравственном смысле. Здоровье мое истощилось, сложение приметно слабеет, желчь разливается и вредит равно духу и телу. К весне буду непременно опять проситься в отставку или в продолжительный отпуск, и так убедительно, что надеюсь вырваться. До тех пор надежда увидеть вас, родных, друзей, будет меня поддерживать.

Где осталась Н. Я. Плюскова? Смее просить вас, милостивый государь, напомнить ей меня и уверить, что отдаление не мешает мне ее помнить по старому. Ник. Мих. в полном праве на меня сердиться: вот уже полгода как собираюсь писать к нему и все еще не написал. Право, я не меньше ему от того предан.

Не знаю, где найдет вас письмо сие. Надеюсь, что комиссия московская уже кончилась, и что вы возвратили себе утраченную свободу. Может быть, вы теперь в Петербурге, в кругу друзей, истинно любящих и почитающих вас. Еслиб чувства сии давали возможность быть с вами, то я, преимущественно пред всеми, пользовался бы сим удовольствием.

Простите, милостивый государь. Будьте здоровы, спокойны, веселы: вот пламенное мое желание.

С глубочайшим почтением и сердечною преданностию честь имею пребыть навсегда, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Д. Дашков».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 589–591.

Октябрь, 31. Петербург.

Письмо К. Н. Батюшкова к Дмитриеву в Москву:

«Ваше высокопревосходительство, на сих днях отправляюсь в Неаполь. Покидая отечество, может быть, и на долго, чувствую живо все что покидаю. Не смею говорить вам о моей признательности и чувствах глубокого почитания; но сердце мое исполнено ими, и воспоминание о вашей ко мне благосклонности останется на всегда прелестнейшим для меня воспоминанием. Смее надеяться, что вы, милостивый государь, не забудете человека, вам столь искренно преданного. Из Неаполя буду напоминать о себе; буду писать к вам и из отчизны Горация и Цицерона. Эта мысль меня утешает при отъезде из России более, нежели надежда увидеть Италию.

С глубоким почитанием честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, покорнейший слуга.

Константин Батюшков.

Р. S. Возвращаю сказки Франц. с благодарностию. Портрет Суворова, на который изволили подписаться, при сем прилагаю.

Если увидите Василья Львовича, прошу покорнейше сказать ему, что люблю его душевно и дружбы его нигде не забуду».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1646.

Ноябрь, 2. Казань.

В «Казанских Известиях» (1818. № 88. С. 354) напечатан «Список лиц, сделавших пожертвование на сооружение Памятника над прахом воинов при совершенном покорении Казанскаго царства убиенных, с означением пожертвованной суммы, в 1812 году»:

«[...] Алексей Ник. Оленин 50 р.; гр. А. К. Разумовский 500 р.; министр юстиции Иван Иванович Дмитриев – 50 р.».

Ноябрь, 2. Варшава.

Кн. Вяземский в письме просит А. И. Тургенева отправить книгу И. И. Дмитриеву.

ОА. Т. I. С. 138.

Ноябрь (не позже 4-го). Москва.

Выходит книга «Сочинения И. И. Дмитриева. Издание пятое, исправленное и умноженное Ч. 1–3. Москва. В Университетской Типографии. 1818». В первой части помещен гравированный Е. О. Скотниковым по рисунку Ф. Я. Рейхеля портрет И. И. Дмитриева (воспроизведен: Морозов А. В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. М., 1912. Т. II. Табл. 152).

Эпиграф: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris».

Ценз. разрешения: Часть первая – 4-го мая 1817; Части вторая и третья – 30-го апреля 1817. Цензор: М. М. Снегирев.

Часть Первая.

Содержание Первой Части.

Лирические Стихотворения.

Ермак («Какое зрелище пред очи...») – С. 1–8; *Освобождение Москвы* («Примите древняя, дубравы...») – С. 9–15; *К Волге* («Конец благополучну бегу!..») – С. 16–19; *Смерть Князя Потемкина* («Уныл внезапно лавр зеленый...») – С. 20–23; *Глас Патриота на взятые Варшавы* («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 24–26; *Стихи на Высокомонаршую милость, оказанную Императором Павлом Первым потомству Ломоносова* («О радость! дайте, дайте лиру...») – С. 27–28; *Песнь на день Коронования Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Павловича* («И я, питомец Аполлонов...») – С. 29–31; *Гимн Богу* («Парю душой к Тебе, Всечтимый...») – С. 32–33; *Размышление по случаю грома* («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») – С. 34–35; *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молнии нисходит...») – С. 36–37; *К Гавриилу Романовичу Державину* («Бард безымянный! теб-ль не узнаю?..») – С. 38–39; *Подражание Горацию. Ода VII из книги XIII* («Пловец, под тучею нависшей...») – С. 40–42; *Ода III из I книги* («Лети, корабль, в свой путь с Виргилием моим!..») – С. 43–44; *Ода I из III книги* («Служитель Муз, хочу я истины воспеть...») – С. 45–46.

Смесь.

Сатиры.

Чужой толк («Что за диковина?..») – С. 49–55; *Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благодетстве* («Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...») – С. 56–66; *Примечания к Ювеналовой сатире* – С. 67; *Эпиграммы. I.* «Мне Леккарь говорил...» – С. 68; *II.* «За что Ликаста осуждают...» – С. 68; *III.* «Завидна, я сказал, Терситова судьбина...» – С. 68; *IV.* «Я разорился от воров!..» – С. 69; *V.* «Увы! – Дамон кричит – мне Нина неверна!..» – С. 69; *VI.* «О Бардус! не глуши ...» – С. 69; *VII.* «Хорош бы Фока был...» – С. 69; *VIII.* «Он врал...» – С. 69; *IX.* «Подзобок на груди...» – С. 70; *X.* На дурные оды по случаю рождения именитой Особы («О тяжелой жизни договор!..») – С. 70; *XI.* «Кто как не говори...» – С. 70; *XII.* «Поэт Оргон...» – С. 71; *XIII.* «Что легче перышка?..» – С. 71; *XIV.* «Как! Рифмин жив...» – С. 71; *План Трагедии с хорами* («Лапландской Князь...») – С. 72–74; *Трисотин и Вадиус.* Отрывок из Мольеровой Комедии: *Les Femmes savantes* («Вы истинный Поэт!..») – С. 75–79.

Послания

I. От Английского стихотворца Попа к Доктору Арбутноту («Иван! запри ты дверь...») – С. 80–99; *II. К Г. Р. Державину, по случаю кончины первой супруги его* («Державин! тыль сосуд печальный, но драгой...») – С. 100–102; *III. К Н. М. Карамзину* («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 103–106; *IV. К Графу Николаю Петровичу Румянцову* («Что может более порадовать певца...») – С. 107–108; *V. К друзьям моим, по случаю первого с ними свидания после моей отставки* («В Москве ль я, наконец? со мною ли друзья?..») – С. 109–111.

Надписи

1. К бюсту Императора Александра I («Потомство! Россиян завидуй торжеству...») – С. 112; **2.** К портрету Ивана Ивановича Шувалова («С цветущей младости до сребренных волос...») – С. 112; **3.** Князя Итальяйского («Суворова здесь лик Искусство начертало...») – С. 112; **4.** К его же портрету («Се Росс, Агарян бич...») – С. 113; **5.** К бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцова-Задунайского, поставленной Графом Завадовским в его деревне («Почтенный лик! когда ты был изображен...») – С. 113; **6.** К памятнику мореходца Шелехова («Как царства падали к стопам Екатерины...») – С. 113; **7.** К портрету Графа Витгенштейна («Целуйте вы сей лик!..») – С. 114; **8.** К портрету древняго Рускаго Историка Нестора («Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...») – С. 114; **8.** Михайла Мат-

веевича Хераскова («Пускай от зависти сердца в Зоилах ноют...») – С. 114; *9. Гавриила Романовича Державина* («Державин в сих чертах блистает...») – С. 115; *10. Н** А** Бекетову* («Воспитанник любви и щастия богини...») – С. 115.

Надгробия

I. и II. Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему Московскому Градоначальнику («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – С. 116; *II.* («Не дрогнет начертать на камне сем резец...») – С. 117; *III. и IV. Матери и сыну* («Здесь мать двух близнецов почила в свете лет...») – С. 117; *IV.* («Когда и дружество струило слез потоки...») – С. 117; *V. В – И – С* («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...») – С. 117–118; *VI. И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки* («Привесьте к урне сей...») – С. 118; *VII. Ему же* («В спокойствии, в мечтах...») – С. 118; *VIII. Ему же* («На урну преклонясь...») – С. 118; *IX. Ф – М – Д* («Любезного и прах останется ль безвестным?...») – С. 119; *X. В – А – В* («Здесь тихая могила...») – С. 119. *Стихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова. К Прасковье Ивановне Мятлевой* («Стени, дочь нежная, над урною отца!..») – С. 120.

Часть Вторая.

Содержание Второй Части.

Смесь

Тибуллова Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 1–5; *Счет поцелуев* («Прелестна Лизанька! на этом самом поле...») – С. 6–7; *Признание* («Темира! виноват; ты точно отгадала...») – С. 8; *Сила Любви* («Кто в страсти не ревнив?...») – С. 9; *Элегия* («Коль надежду истребила...») – С. 10; *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке?...») – С. 11; *Спор на Олимпе* («Прочь, слабое дитя!..») – С. 12.

Песни

I. «Видел славный я Дворец...» – С. 13–14; *II.* «О любезный! о мой милой!..» – С. 15; *III.* «Други! время скоротечно...» – С. 16; *IV.* «Юность! юность веселися...» – С. 17; *V.* «Без друга и без милой...» – С. 18–19; *VI.* «Тише, ласточка болтлива...» – С. 20; *VII.* «Бедно сердце! как решиться...» – С. 21; *VIII.* «Ах! когда б я прежде знала...» – С. 22; *IX.* «Пой, скачи, кружись, Параша!..» – С. 23; *X.* «Куда мне, сердце страстно...» – С. 24; *XI.* «Что с тобою, ангел, стало?...» – С. 25; *XII.* «Всех цветочков боле...» – С. 26; *XIII.* «Все ли, милая пастушка...» – С. 27; *XIV.* «Стонет сизый голубчик...» – С. 28–29; *К Ф. М. Д.***. Сочинившему голос на песню мою: Голубок* («Нежный ученик Орфея!..») – С. 30; *Стансы. К Н. М. Карамзину* («Прочь от нас, Катон, Сенека...») – С. 31–33; *Наслаждение* («Всяк в своих желаньях волен...») – С. 34–35; *Стансы* («Я щастлив был во дни невинности безпечной...») – С. 36; *Быль* («Даруй мне, Муза, тон, согласный...») – С. 37–38; *Старинная любовь. Баллада* («Как мило жили в старину!..») – С. 39–41; *Меланхолик. Романс, подражание Французскому* («Как сын проклятия скитаюсь...») – С. 42–43; *Людмила. Идиллия* («Кого мне Бог послал среди уединенья?...») – С. 44; *Мадекасская Пленница* («Младая пленница! не проклинай войну...») – С. 45–46; *Отъезд* («Простите, Лары и Пенаты!..») – С. 47–49; *Карриатура* («Сними с себя завесу...») – С. 50–54. *Надписи к Портретам* – *I.* («Глядите: вот Ефрем...») – С. 55; *II.* («Какой ужасный, грозный вид!..») – С. 55; *III.* («Смейтесь, смейтесь, что я шую...») – С. 55; *IV.* («И это человек?...») – С. 55. *Эпитафии. I.* «Здесь Бригадир лежит...» – С. 56; *II.* «В надежде будущих талантов...» – С. 56; *III.* «Увы! здесь погребен мой милый попугай...» – С. 56; *IV.* «Под хладной кочкой сей Вралева хладный прах...» – С. 57; *V.* «Полвека стан его возили в сей юдоли...» – С. 57; *VI.* «Прохожий, стой!..» – С. 57; *Эпитафия Эпитафиям* («Прохожий! пусть тебе напомят этот стих...») – С. 58; *Кенотафия* «Покорствуя судеб уставу...» – С. 59; *Экспромт на игру г-на Дица* («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...») – С. 60. *Мадригалы. I.* «Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!..») – С. 61; *II.* «По чести, от тебя не можно глаз отвести...») – С. 61; *III.* «Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...») – С. 61. *Надписи к Портретам. I.* «Что мне об ней сказать?...») – С. 62; *II.* «Лишь взглянешь на нее...») – С. 62; *III.* «Вот мой тебе портрет...») – С. 62; *IV.* «Я лучшей

не могу хвалы ему сказать...» – С. 62; V. «Вот милый всем творец!..» – С. 63; VI. «Янтарная заря, румяный неба цвет...» – С. 63; *К Венереной Статуе. Из Антологии* («Парис и Марс – о том ни слова...» – С. 64. *Эпиграмма. Оттудаж* («Леандр, в последний раз возникнув из валов») – С. 65. *Надписи к Амуру*: I. «Открыт как истина...»; II. «Кто б ни был ты...»; III. «Стреляй, о милый враг...» – С. 66. *К Альбому Е* С* О...й* («Поэту ль своего таланта не любить...») – С. 67; *К Альбому К* Н* И* К...й* («Что пред соперницей Эраты наше пенье!..») – С. 68; *К***, которая хотела испортить часы...* («Ах, Лиза! мне ль за то сердиться...») – С. 69; *Слабость* («Мне Хлоя сделала решительный отказ...») – С. 70; *На случай получения от неизвестной особы вышитого на канве Геня* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!..») – С. 71; *Загадка* («Нет голоса во мне, а все я говорю...») – С. 72; *Путешествие* («Начать до свету путь и ощупью идти...») – С. 73; *К приятелю, который, по сходству двух различных фамилий, часто принимал одну вместо другой* («Два разные мой друг, прозванья ты мешаешь...») – С. 74; *Близнецы* (««Кого вам надобно?» – «Я дом ищу разврата»») – С. 75; *Амур и Дружба* («Сестрица, душенька...») – С. 76; *История Любви* («Любовник в первый день признаю ем забавляет...») – С. 77; *Люблю и любил* («Люблю – есть жизнью наслаждаться...») – С. 78; *Супружняя молитва* («Один предобрый муж имел обыкновенные...») – С. 79; *К **.* *О выгодах быть любовницею Стихотворца* («Прелеста, веселись! мой рок уже решился...») – С. 80–83; *К ***.* *при сообщении ей других стихов* («Дельфира! вот стихи, которых ты желала!..») – С. 84–86; *К младенцу* («Дай собой налюбоваться...») – С. 87–89; *К А – Г – С...й, на вызов ее написать стихи* («Ах, когда бы в древни веки...») – С. 90–91; *К ней же* («Какое зрелище для нежных души...») – С. 92–93; *К ней же, в день ее рождения* («Вступая в новый год, любезная Климена!..») – С. 94; *К Маше* («Я не Архангел Гавриил...») – С. 95–96; *Грусть* («Влеком унынием сердечным...») – С. 97–98.

Сказки

I. *Филемон и Бавкида*. С Лафонтенова подражания Овидию («Ни злато, ни чины, ко счастью не ведут...») – С. 101–107; II. *Модная жена* («Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!..») – С. 108–115; III. *Воздушные башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – С. 116–122; IV. *Картина* («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 123–127; V. *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 128–143.

Часть Третья

Содержание Третьей Части.

Басни.

Книга первая.

1. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию вступил...») – С. 1–2; 2. *Петух, Кот и Мышенюк* («О деги, деги! как опасны ваши лета!..») – С. 3–4; 3. *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители, в преданиях своих...») – С. 5–6; 4. *Чижик и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 7–8; 5. *Месяц* («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – С. 9; 6. *Лиса-Проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 10–12; 7. *Ласточка и Птички* («Легунья Ласточка и там и сям бывала...») – С. 13–15; 8. *Часовая Стрелка* («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – С. 16; 9. *Человек и Конь* («Читатели! хотите ль знать...») – С. 17–18; 10. *Лебедь и Гагары* («За то, что Лебедь так и бел и величав...») – С. 19; 11. *Ружье и Заяц* («Трусливых набережь не мало...») – С. 20–21; 12. *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 22–23; 13. *Каретные лошади* («Две лошади везли карету...») – С. 24; 14. *Два Голубя* («Два голубя друзьями были...») – С. 25–29.

Книга вторая.

1. *Мудрец и Поселянин* («Как я люблю моих героев воспевать!..») – С. 31–33; 2. *Молчание Соловьёв* («Умолк Соловушка! конечно бедный болен...») – С. 34; 3. *Калиф* («Против Калифова огромного дворца...») – С. 35–36; 4. *Осел, Обезьяна и Крот* («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!..») – С. 37; 5. *Амур, Гимен и Смерть* («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – С. 38; 6. *История* («Столица роскоши, искусства и наук...») – С. 39–40; 7. *Прохожий* («Прохожий, в монастырь зашедши на пути...») – С. 41; 8. *Два друга* («Давно уже, давно два друга где-то

жили...») – С. 42–43; 9. *Совесть* («Не тигр, а человек, – и сын убил ... отца!..») – С. 44–45; 10. *Дряхлая Старость* («Возможно ли, как в тридцать лет...») – С. 46–47; 11. *Дон-Кишот* («Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...») – С. 48–50; 12. *Муха* («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – С. 51; 13. *Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто Царедворцы...») – С. 52–53; 14. *Кокетка и Пчела* («Прелестная Лизета...») – С. 54–55; 15. *Горесть и Скука* («Бедняк, не евши день, от глада...») – С. 56; 16. *Полевой Цветок и Гвоздика* («Простой цветочик, дикой...») – С. 57; 17. *Молитвы* («В преддверьи храма...») – С. 58–59; 18. *Слепец и Разслабленный* («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 60–61.

Книга третья.

1. *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 63–67; 2. *Баишмак, мерка равенства* («Да что ты, долгий, возмечтал?..») – С. 68; 3. *Человек и Эхо* («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») – С. 69; 4. *Три Льва* («Его Величество, Лев сильный, Царь зверей...») – С. 70; 5. *Две Лисы* («Вчера, подслушал я, две разных свойств Лисицы...») – С. 71; 6. *Суп из костей* («О времена! о времена!..») – С. 72; 7. *Мальчик на столе* («Как я велик! с стола мальчишка всем кричал...») – С. 73; 8. *Пустынник и Фортуна* («Какой-то добрый человек...») – С. 74–75; 9. *Отец с Сыном* («Скажите, батюшка, как счастья добиться?..») – С. 76; 10. *Бобр, Кабан и Горностай* («Кабан, да Бобр и Горностай...») – С. 77–78; 11. *Шарлатан* («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») – С. 79; 12. *Книга «Разум»* («В начале мирозданья...») – С. 80; 13. *Пчела и Муха* («Здорово, душенька! влета в окно, Пчела...») – С. 81–82; 14. *Слон и Мышь* («Как ни велик и силен Слон...») – С. 83; 15. *Бык и Корова* («Как жалок ты! Быку Корова говорила...») – С. 84; 16. *Смерть и Умиравший* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 85–87.

Книга четвертая.

1. *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дому отлучиться...») – С. 89–91; 2. *Верблюд и Носорог* («Верблуду говорил однажды Носорог...») – С. 92; 3. *Рысь и Крот* («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») – С. 93–94; 4. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 95; 5. *Жаворонок с Детьми и Земледелец* («Пословица у нас: *На ближних уповай...*») – С. 96–98; 6. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 99; 7. *Желания* («Сердися Лафонтен, иль нет...») – С. 100–103; 8. *Нищий и Собака* («Большой боярский двор Собака стерегла...») – С. 104; 9. *Сверчки* («Два обывателя столицы безъимянной...») – С. 105–106; 10. *Осел и Кабан* («В навозе вскормленный и вызревший Осел...») – С. 107; 11. *Летучая Рыба* («Есть рыбы, говорят, которые летают...») – С. 108; 12. *Разбитая Скрылка* («Скрыпица дюжинна упала и разбилась...») – С. 109; 13. *Три Путешественника* («С восходом солнечным переходя лужок...») – С. 110–111; 14. *Змея и Пиявица* («Как я несчастна!..») – С. 112; 15. *Орел и Каплун* («Юпитеров Орел за облака взвивался...») – С. 113; 16. *Магнит и Железо* («Природу одолеть превыше наших сил...») – С. 114; 17. *Старик и трое Молодых* («Старик, лет в семдесят, рыл яму и кряхтел...») – С. 115–116; 18. *Лев и Комар* («Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!..») – С. 117–118; 19. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку Фортуны не искал?..») – С. 119–123; 20. *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь, прогуливаясь в поле...») – С. 124–126.

Ноябрь, 4. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь, Александр Иванович!

Чувствительно благодарю вас за дружеское ваше письмо с литературною новизною и за обещание портретов и Галиани. Сделайте одолжение, выхлопочите для меня у Д. Н. Блудова 5-й, 6-й и 7-й томы записок <«Mémoires» Georgel>. Неужели он хотел раздражить только мое любопытство и оставить меня без утешения? Это была бы приятельская жестокость!

Московские книгопродавцы тиснули вновь мои стихотворения. Завтра отправляю к вам целый коробок с экземплярами оных. Покорнейше прошу вас принять один из них в знак искренней любви к вам и почтения, а прочие доставить по надписям общим нашим приятелям. Можно-ли после препроводить к вам же и для отсутствующих в чужих краях?

Затем препоручаю себя в продолжение вашей приязни, и с отличным почтением навсегда пребуду вашего превосходительства покорнейшим слугою И. Дмитриев.

Нетерпеливо жду от вас вашей речи, которую все здесь очень хвалят, и расуждение Н. М. <Карамзина>».

РС. 1903. № 12. С. 714 (№ 18).

Ноябрь, 5. Москва.

Высылает в Петербург А. И. Тургеневу «коробок с экземплярами» 5-го изд. своих сочинений.

1818. <Ноябрь (после 4-го). Москва>.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Очень, очень благодарю вас, почтенный Александр Иванович за Варшавское песнопение, кажется могу смело прибавить, князя Вяземского. Редактора же другой бумаге отгадать не мог, ибо вы не прислали ее. Искренно скажу, что стихи мастерством своим достойны князя Вяземского.

Нетерпеливо буду ждать от вас переписки Галиани и речи Карамзина. Здесь, кажется, уже входит в моду между молодых людей говорить худо об его Истории: редкая проходит беседа, чтоб патриарх их А.[лексей Михайлович] П...[ушкин] не проповедывал в кругу их об ее недостатках. Посмотрим, что-то еще будет от Московского Университета. Вчера у меня был студент и сказывал, что за позднюю отделкою дома акта не будет, а отправят только по случаю новоселья молебствие.

Плачу вам тою же краткостью и по одинаковой с вами причине. За тем, мысленно обнимая вас и пр.»

РА. 1867. № 7. Стб. 1098: перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 236–237.

Ноябрь, 11. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Давно не имею от тебя писем. Кажется, что ты должен мне ответом на мое последнее; но вексель остается без взыскания, и вот новой. Начну тем, что мы, слава Богу! здоровы, хотя и не совершенно. Катерина Андр. беременна: ей бывает дурно, а мне тяжело. Теперь сердечная моя молитва об ее благополучном разрешении от бремени. Это еще далеко: в исходе Мая или в Июне. Если Гр. Каподистриас здоровой к нам возвратится, то снова посмеется над мужем и женою: он говорит, что мы считаем годы новорожденными детьми и томами Рос. Истории. Обрадуюсь дочери; обрадуюсь и сыну, если мать родит его благополучно.

Не весело мне слышать о твоих приказных хлопотах. В некоторые лета дорог покой. Ты не прашивал казенных Десятин: за то казна отнимает твои – чего бы не было, если бы ты еще управлял Юстициею. Галиани сказал о Неаполе: on ne craint pas ici la justice, mais on craint l'injustice; т. е. боятся тех, у кого сила в руках, сила делать добро и зло по воле. Это можно отнести и к России любезной. Щастлив кто независим; но как трудно быть щастливым, т. е. независимым! Так или саяк, а мы всегда в зацепке. Утешением быть может одно: все к лучшему, когда есть Бог! – Дело твое, вероятно, не кончится при нынешнем Министре Юстиции; а там увидим, кого нам Бог даст.

Читал ли ты *Congrondance de Galiani*? Он был очень умен во многих отношениях, и гораздо умнее, гораздо плутоватее наших Либералистов – следственно умнее и умершей или бессмертной Г-жи Сталь. Читая, я бранил его только за цинизм.

Второе тиснение моей Истории идет весьма медленно, к моему большому неудовольствию. Важных прибавлений в нем не будет; а конец Иоанна будет напечатан особенно, т. е. в IX т., если только удастся мне кончить.

Что тебе сказать нового? Бываю у почтенного глухого Канцлера, которой видит мое лицо, но не слышит моего голоса. Третьяго дни взглянул я на блестящий

свет ввечеру у Великого Князя: он дает балы для общества Павловского, Царско-сельского и для немногих городских. От времени до времени делаем еще визиты. Колоты страшная: в нынешнее утро бедной наш кучер упал с лошади, и так повердил себе ногу, что я беспокоюсь. Вот тебе домашняя, худая весть!

Академическая речь моя есть безмыслица для Академии. Торж.[ественное] Собрание отложено до Декабря. Давно уже не видал я и Президента. – Посылаю тебе Prospectus здешних переводчиков моей Истории, и в заключение обнимаю тебя, милого друга, с нежностью. Катерина Андр. и все мое семейство следуют моему примеру. Будь здоров и люби твоего

Н. Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 251–252 (№ 223).

Ноябрь, 12. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к князю Вяземскому в Варшаву сообщает, что Дмитриеву пакет отправил и что «Дмитриев шлет мне новое издание своих сочинений».

ОА. Т. I. С. 143–144.

Ноябрь, 14. Петербург.

Отъезд К. Н. Батюшкова в Италию.

ОА. Т. I. С. 145. Однако в письме к М. Ф. Орлову от 3-го ноября 1818 г. Батюшков пишет, что «после завтра еду в Италию» (РС. 1901. Март. С. 742).

Ноябрь, 14. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к Д. В. Дашкову в Константинополь сообщает, что «Иван Иванович писал ко мне недавно, что Историографа берется защищать один только Василий Львович своим Бильбоке, яко Давид своею пращею...».

Гиллельсон М. И. Материалы по истории Арзамасского братства // Пушкин. Исслед. и мат. Т. IV. С. 299.

Ноябрь, 16. Казань.

Выписка Совета Императорского Казанского Университета (№ 1009) о получении в дар от И. И. Дмитриева его «Сочинений» (Ч. 1–3. Изд. 5. М., 1818).

В настоящее время дарственный экземпляр хранится под шифром: Р III/101 9756.

Документальный каталог библиотеки Императорского Казанского Университета. Т. II. 7868–14800. Л. 86 об.

Сообщено И. А. Новицкой (библиотека Казанского Государственного университета). Автор приносит ей сердечную благодарность за сообщенные ею сведения.

Ноябрь, 19. Петербург.

А. Е. Измайлов получает из Москвы от Дмитриева письмо (не обнаружено) и новое издание его сочинений.

РА. 1871. № 7–8. Стб. 964.

Ноябрь, 20. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к князю Вяземскому в Варшаву сообщает, что посылает «новое издание Дмитриева, которого я благодарил за экземпляр письмом, истинно арзамасским, предрекая приговор потомства».

ОА. Т. I. С. 150. Письмо к Дмитриеву, о котором пишет Тургенев, в печати не появлялось.

Ноябрь, не позже 21-го. Москва.

Дмитриев получает два письма от А. И. Тургенева и подарок от Н. И. Тургенева: его книгу «Опыт теории налогов» (СПб., 1818).

Ноябрь, 21. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович.

Чувствительно благодарю вас за два письма и доставление вашей речи и подарка Николая Ивановича. Я уже отдал вам справедливость за прошлогоднюю речь: говорить о последней было бы повторять прежнее. Не могу, однакож, скрыть моего сожаления, что вы, будучи одарены всеми способностями автора, посвятили их единственно библейской зале. Победите лень свою, и будьте для нас вдвое любезнее.

Завтра я отправляю на ваше имя еще два экземпляра пакостного и неисправного издания моих стихотворений <«Сочинения и переводы». М., 1818 г.>. Прошу вас доставить один Дмит.[рию] Ник.[олаевичу] Блудову, а другой Николаю Ивановичу <Тургеневу?>. Жаль, что за достальным расходом веленевых экз:[емпляров], должен послать к нему на самой простой. Он утешил меня своею книгою. Желательно, чтоб пример его поощрил и других заниматься подобными трудами.

Переписка Галиани уже и здесь продается, почему и прошу вас обещанное вами мне одолжение сберечь до другого случая.

Что сказать вам о Московской словесности? Университетского акта в сем году не будет, по причинам, без сомнения вам известным. Чтение Шаликовых мадригалов и Пушкина басенок также по настоянию А.[нтон]а А.[нтоновича] А.[нтонского] отложено до освящения храма при пансионе. Василий Львович еще не опустил мстительной руки своей, удержан быв сочинением французского романса на русский мотив, который, вероятно, уже разослан от него к отсутствующим приятелям. Словом, вся М.[осковская] литература заключается в сухощавом *гонце* Европы.

Простите, любезный Александр Иванович. Будьте здоровы и верьте искренним чувствам совершенного почтения и приязни, с которыми навсегда имею честь пребыть вашего превосходительства покорнейший слуга Ив.[ан] Дм.[итриев]».

РА. 1867. №7. Стб. 1098—1099.

Экз. с дарственной И. И. Дмитриева Н. И. Тургеневу хранится в б-ке МГУ (*Сводный каталог русской книги. 1801—1825. № 2395*).

Ноябрь, 21. Москва.

Письмо к Н. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый Государь мой Николай Иванович!

Вы не можете представить, сколько я порадован был вашим подарком, и по чувствам патриота, и по участию, которое всегда беру в доброй славе земляков моих, т. е. симбирян, в вашей же и недавно, помня издавна приятельскую связь домов наших. И так примите искреннюю благодарность мою за вашу книгу, а с тем вместе взаимный и от меня подарок в экземпляре нового, хотя и жалкого, издания моих стихотворений. Совецусь отплачивать вам за дельную книгу пусто-словием стихотворным: что же делать? чем богат, тем и рад. По крайней мере вмените это в знак искренняго моего к вам почтения, с которым навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев».

РС. 1901. Июнь. С. 566.

Ноябрь, 22. Москва.

Отправляет в Петербург два «экземпляра пакостного и неисправного издания» своих сочинений Н. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову.

РА. 1867. №7. Стб. 1098.

Ноябрь, 22. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Я имел честь получить от Тургенева экземпляр нового издания сочинений ваших: примите мою искреннюю благодарность и за драгоценный подарок и за

надпись. Считаю счастьем быть у вас в памяти и пользоваться вашею дружбою, как то было в лучшее время моей жизни. Желал бы представить вам также экземпляр нового издания моих стихов, но не считаю этот подарок вас достойным: издание хуже первого и с большими ошибками; все же, что в нем есть, вы уже имеете. Если нужно будет делать еще издание, то похлопочу, что бы оно было и красивее и безошибочно; вероятно также, что сделаю его и богаче содержанием. Я еще в долгу у вас последними книжками для немногих, но я в долгу и у всех моих немногих: ни одного еще номера не вышло. Этому однако причина не лень, а грамматическия занятия, сухия и непоэтическиея. Кончив эту работу, сделаюсь свободен, и поэзия авось воскреснет. — Скажу нисколько слов о себе. Я был болен; три недели вылежал и высидел дома. Теперь поправляюсь, и первый мой выход на свет Божий была поездка в Царское Село, где мы простились всем Арзамасом с нашим Ахиллом Батюшковым, который теперь бежит от зимы не оглядываясь, и вероятно недели через три опять в каком нибудь уголку северной Италии увидится с весною: и завидую ему и нет! Благодаря судьбе, мне там хорошо, где я. Но и мне, и нам всем будет здесь лучше, как скоро вы между нами будете; а этой надежде, как добрые духи шепчут нам, мы имеем право верить. Оправдывайте ее и прибавьте к нашему веселому кругу любезного, всегда нам необходимого собеседника. — Позвольте кончить мое письмо оправданием: я не забыл и не могу забыть вашего любезного приказания прислать вам мой портрет, гравированный Вендраминием; раз десять просил я Уварова его ныне доставить, и все Уваров только обещает; купить же его негде: Вендраминий не продает его. Как скоро Уваров усовестится и сдержит обещание, пришлю тотчас; это будет от меня подарок родному. — В заключение еще одно, старое: не забудьте, что вы обещали писать свои Записки. Здесь мы все говорим, что вам их писать надобно и писать так, как вы говорите. Никто не сравнится с вами в искусстве рассказывать, и не знаю, много ли найдется таких, которые бы так умели замечать и умели столько заметить в том, что обыкновенно у всех перед глазами. Вы будете непростительно виноваты, если не дадите ам своих Записок.

Примите и пр. Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 429—430; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 242.

Ноябрь, 22. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнейшую мою благодарность за присылку мне экземпляра нового издания ваших сочинений. Это прекрасная книга с надписью душевно почитаемого и любимого мною автора, будет служить лучшим украшением маленькой моей библиотеки и сохранится навсегда в моей фамилии. Жаль только, что не нашел я при первой части вашего портрета.

Вашему высокопревосходительству угодно было сделать по замечаниям моим поправки в баснях: Орел и Каплун, Ружье и Заяц, Лев и Комар. А как именно за сии самыя замечания, года полтора тому назад, бранили меня здесь многие знатоки словесности, особенно известный автор Забавного Словаря и двух или трех жалких эпиграмм! Досталось мне также и от партизанов И. А. Крылова! Те и другие называли меня невеждою, завистником и т. п. Хорошо еще, что ничего не написали! — Благодаря Бога, я имею столько здравого рассудка, что никогда не стану почитать себя соперником или завидовать тому, у кого учился и кому старался всегда подражать. Я уверен, что ваше высокопревосходительство не сердились за сделанныя мною замечания на ваши басни. Я мог, как и все другие, ошибаться; но если увижу свои ошибки, то готов немедленно загладить оные чистосердечным и торжественным признанием.

С чувством глубочайшего высокопочитания и душевной преданности имею честь пребыть навсегда, милостивый государь вашего превосходительства всепочернейшим слугою Александр Измайлов.

П. П. Письмо ваше и книжки получил я 19-го числа сего месяца и потому так поздно благодарю вас за них. Поручение ваше относительно г. Милонова мною

исполнено. Он определяется здесь к должности под начальство А. И. Тургенева и печатает теперь свои стихотворения, которые отдал в вечное и потомственное владение здешнему книгопродавцу Глазунову за 580 р. ».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 963–964.

Ноябрь, не позже 23-го. Москва.

Получает письмо кн. Вяземского из Варшавы (ответ на письмо Дмитриева от 7-го октября):

«Не знаю, как и с чего начать. Иные любят благотворить, но не любят благодарности и отъемлют руку милости при малейшем изъявлении признательности; но однакоже, раздумавши хорошенько, готов я назвать такое бескорыстие добродетели – спесью добродетели, и вследствие того, на всякой страх, приношу вашему высокопревосходительству тысячу благодарений за ваше милостивое и ласковое письмо от 7 Октября, с тем однакоже, что счесть их недействительными, если первые мои сомнения похожи на дело. Как бы то ни было, а вы, милостивый государь, знайте, что ваши письма – истинные для меня благодеяния. Василий Львович не так радуется счастливой рифме, Каченовский – опечатке в Истории Российского Государства, как я письму от вас. Вы жалуетесь на свое одиночество в Москве, но дома скучать как-то все сноснее, а скучать в гостях как я например, вот истинная роскошь мучения! Следуя вашему совету, я помаленьку знакомлюсь с Польским языком. Это знакомство может быть полезнее знакомства с Польскою словесностью, которая, как мне сдается, еще менее нашей имеет свой природный образ, а слеплена по Французскому образцу. Польская проза предпочитается Польской поэзии, я ничего не знаю скучнее Польского стиха и Польской притали, которая заключается вся в одном правиле: ударение бывает всегда на предпоследнем слоге. И потому стихи их – все женские. Надобно Неелову <Сергею Алексеевичу> присоветывать писать по польски: он очень придерживается женских рифм, из любви своей к женскому полу, как уверял он меня однажды. Одним словом Поляки осуждены век свой сидеть при Кантемировском стихе, который не очень звучен. Теперь здесь много занимаются очищением языка, который испещрен немецкими и французскими словами; но вряд успеют ли совершенно очистить, потому что иностранные, в особенности немецкие сделались престонародными. Пребывание и так сказать владычество Жидов в Польше должно много было способствовать к развращению языка, но между тем сохранились здесь многие слова коренные славянские, которые и нам могли бы пригодиться. Надобно Шишкову приехать сюда поохотиться; травля может быть удачная, но вот беда: у него чутье обманчивое. Дело не в том, чтобы забирать, а выбирать. Излишество слов не есть богатство языка: Шихматов <Сергей Александрович> миллионщик, а во время никогда рубля нет, то есть слова к статье. Кстате о Шихматове: Тургенев прислал вам мои стихи и предупредил мое требование. Они прошли нижний суд; теперь они в суде последней инстанции. С благоговением и трепетом ожидаю приговора; но и с надеждою, что, каков он ни будет, а вы уведомяте меня о нем, хотя через Арзамасского прокурора Василия Львовича. Сделайте милость, обвините меня по всем пунктам, не щадите меня; у меня есть утешение: исправиться! Ваша рука легка: и побьете, так побои пойдут в прок. Имею честь препроводить к вам, милостивый государь, одну из требуемых вами книг, а другой здесь нет. Из новых книг имеем неизданную переписку *Аббата Галиани*; ее можно назвать скукою умного человека. В первом томе преследует он вас несчетным расчетом своим в 100 луидорах с книгопродавцем, коему продал он свои Разговоры и мелкими расчетами своего самолюбия; во втором почти то же. Но здесь и там мелькают иногда резкие черты глубокомыслия и остроумия. Другая любопытная книга есть *Записки Лаз-Каза*, вопиющая против жестоких притеснений, коим подвержен изгнанник Св. Елены и беззаконного насилия, с коим был он сам от него удален и, как преступник таскаем из страны в страну. Если все, что он говорит, правда (и должно признаться, рассказы его носят печать истины) то в самом деле Англичане не великодушные враги, и Наполеон истинный мученик. На содержание его не выдают суммы достаточной, чтобы удовлетворять необходимым потребностям. Губернатор острова писал к Бертрану (и письмо его при Записках приложено с ведомостию о необходимых расходах) что он на годовое содержание Наполеона получает только 8000 фунт. стерл., тогда как со всею возможною бережливостию потребно по край-

ней мере 10.000, и потому вызывает он Наполеона дополнить сумму из своих енег; а между тем все сообщения его с Европою почти прекращены, и он принужден продать на вес свою серебряную посуду. По истине те, которые поживились его политической смертью, могли бы позаботиться о его жизни на том свете. Такие оскорбления и пытки, кроме того что они бесчеловечны, могут быть и неосторожны, раздражая и его и пылкие головы его приверженцев. Как скоро эта книга поступит здесь в продажу, то поспешу ее к вам прислать. Нам обещают еще два новые тома Вольтера, где между прочим находится прекрасное посвящение Генри-ады Лудовику XV и много мелких стихотворений, и неизвестное путешествие Дидерота по Голландии».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1693—1698 (письмо не датировано).

Ноябрь, 23. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Милостивый государь мой князь Петр Андреевич!

Спешу изъявить вашему сиятельству искреннюю благодарность мою за милое ваше письмо и доставление мне книги. Я желал иметь одну реляцию, а получил три; можно ли же не быть довольным старому судье, который уже привык требовать *многих и крепких* доводов? К тому же еще и с одой, и с портретом принца с простреленною рукою!..

Еще большую приношу благодарность за прекрасные ваши стихи, сообщением которых одолжил меня добрый Тургенев. Без лести скажу вам, что я признаю их одним из лучших ваших произведений: они дышат остроумием и всеми прелестями поэзии. Вы увидите на конце письма, которые стихи особенно мне понравились.

С нетерпением буду ожидать жалобницы Лас-Казаса, не забывая и прежде прошенной книги. Между тем, избалованный снисхождением вашим, еще покорнейше прошу вас уведомить меня, можно ли в Варшаве купить Dictionnaire historique, par une Societé des gens des Lettres (помнится в 13 томах) последнего издания; что он стоит, и можно ли надеяться верно получить его?

Вестник Европы превосходен, назидателен и Руской, а все что-то тянет к иностранной словесности! Вероятно, вы уже прочитали и тот № *Вестника*, в котором даже вспомнили и *палевые сливки*: какая глупая злоба! Карамзин имеет свои причины молчать, но нельзя не удивляться, что никто за него ни слова; никто, говорю, из тех, которые смогли бы и должны были острамить буйную дерзость. Где же возмездие человеку с талантом за все то, чем он жертвует для пользы и славы отечества. Наша публика еще ребенок: долго ли Каченовскому свихнуть ее, если все будут пред ним безмолствовать? Как ни скромно вы отзываетесь на счет польской словесности, но виноват, я думаю, что в Варшаве более бы нашлось защитников Красинского или Нарушевича.

Сколько ни писать, а должно кончить старым припевом: Когда же мы вас увидим? Не хочу желать противного вашим пользам и вкусам; но не могу не желать иметь удовольствие скорее обнять вас в Москве.

Между тем, с отличным почтением и искреннею приязнию навсегда пребуду вашего сиятельства покорнейший слуга И. Дмитриев.

P.S. Прошу вас поцеловать за меня ручку княгини Веры Федоровны и уверить ее в благодарности моей за семена, равно как и в отличном моем почтении.

Герой! Ты отразил их неподвижным взглядом,
Готовый пасть на них с отважной крутизны.

И уstraшенный враг зрел многия Полтавы...
Мужей великих прах училище граждан...
Другие вознесли, а он Россию спас...
Их младость превзошла и постыдила древность...
Содвинул и повлек (и следующие за ним) —
Приветствие в Ферней, уставы Самоедам...
Грядущаго еще не пробужденный сон.

Словом: полнота, сила, рассудок и живопись».

СН. 1898. Кн. 2. С. 130—132 (№ 10).

Ноябрь, 26. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 19–20* (1-я, старая, пагинация).

Ноябрь, 28. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! сердечно благодарю тебя и за милое письмо и за милой дар нового издания твоих стихотворений. Радуюсь хорошему вкусу публики: это *пятое* издание доказывает его. К живейшему моему удовольствию, нашел я тут и новое: Историю и проч. Мы читали и новое и старое в кругу добрых приятелей. Академическую твою доверенность храню до случая, а письмо твое и 25 р. отдал Сен-Томасу. Сленин впишет тебя в число желающих иметь новое издание Истории на веленовой бумаге. Как нетерпеливо хочется и мне увидеться с тобою, друг любезнейший! Не вздумаешь ли хотя на короткое время заглянуть сюда зимою? Трудно: знаю – и для того не смею звать тебя; молчу от геройства. Император будет в конце Декабря. Здесь танцуют; но балы не для нас: мы были только на двух балах Вел. Князя. Жуковской не может нахвалиться своею Августейшею ученицею; но между тем пишет одне грамматическия таблицы. Батюшков скрылся. Тургенев реже показывается. Видел ли ты книгу о *налогах* его брата, Николая Ивановича? Он страшной Либералист, но доброй, хотя иногда и косо смотрит на меня, потому что я объявил себя не-либералистом. И Князь Петр в Варшаве пылает *свободомыслием*. А что любезной Василий Львович? поет ли? играет ли? – Если наш Сергей Сергеевич присутствует в 7 Департамент, то сделай одолжение, скажи ему, что я убедительно прошу его о деле малолетних Бабарыкиных: они правы: следственно он может оказать им благодеяние правосудием. Прости, милой друг. Муж, жена, дети, все обнимают тебя. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 252–253 (№ 224).

Декабрь, 2. Варшава.

Кн. Вяземский в письме благодарит А. И. Тургенева «за Сочинения Дмитриева», в которых «есть замечание под новою баснею, которая так и пахнет страхом Божиим и Каченовским».

ОА. Т. I. С. 158.

Вяземский под «новой баснею Дмитриева» разумеет басню «История» («Столица роскоши, искусства и наук...»; впервые: изд. 5. Ч. 3. С. 39), в которой к стиху «В таком-то образе *отечества отец*» помещено подстрочное примеч. Дмитриева: «Может быть, кто-нибудь из моих критиков заметит, что в этом стихе три речения сряду начинаются с одной буквы. Винюсь пред ними, беру этот грех на мою совесть».

Декабрь, 3. Петербург.

Рецензия, весьма прохладная, в «Сыне Отечества» (№ 49. С. 176) на новое издание сочинений Дмитриева: «...Вдвое дороже и вдвое хуже, чем предъидущее, которое вышло за 3 года при сим».

Декабрь, 3. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к Дмитриеву в Москву пишет:

«С живейшею признательностию получил я драгоценный подарок вашего высокопревосходительства <новое изд. соч. Дмитриева> и приношу вам тысячу благодарений. Ревностный распространитель слова Божия, секретарь Библейского общества <А. И. Тургенев>, нашел средство и меня, изгнанника в земле Готтентотов, наделить книгою жизни, прислал мне писание моего закона. Имею честь доставить при сем к вам, милостивый государь, столь долго вами ожидаемый и столь мало отвечающей ожиданию вашему журнал Польского Сейма – одно из последних творений умного Benjamin Constant, и новое, и кажется до сей поры лучшее, издание французского Дмитриева.

Благочестивых слов в душе постигнув цену,
Я каждому его смиренно отдаю:

И Богу Божие, и Царское Царю,
И Лафонтена Лафонтену...».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1698, с ошибочной датой: «1817».

В письме от 3-го декабря 1818 г. к А. И. Тургеневу в Петербург кн. Вяземский сообщал: «Я посылаю Дмитриеву новое издание Лафонтена при следующих стихах:

Благочестивых слов в душе признавши цену,
Я каждому его смиренно отдаю:
И Богу Божие, и Царское Царю,
И Лафонтена Лафонтену».

ОА. Т. I. С. 162.

Декабрь, 5. Москва.

Письмо к Ф. Н. Глинке в Петербург:

«Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Я желал бы еще чаще дарить вас своими произведениями, чтоб только получать ваши отдарки. С большим удовольствием читал в другой раз Гимн ваш богу: прекрасная и сильная поэзия! не с меньшим и ваш подарок русскому солдату, равно как и биографию гр.[афа] Мил.[орадовича]. Желательно, чтоб вы потрудились издать второй томик подарка и поместили бы в нем несколько характеристических портретов старых и новых наших генералов; несколько военных анекдотов; роспись славнейших сражений. Не худо бы также дать им понятие, хотя самое легкое, об русской истории.

Уверяю вас, наконец, что я искренно люблю ваш талант и люблюсь всеми вашими произведениями. А чтоб еще более уверить вас в моей искренности, то не скрою от вас, что я лучше бы назвал *manière de parler* *поговоркою*, а не говоркою. Первое всеми принято и с давних лет употре<би>тельно. Также не хотел бы, чтоб вы, с<ле>дуя другим молодым писателям, часто употребляли *вот* и к слову *всех* прибавляли и *каждого*. Я знаю, отчего вошло это в <обы>чай. Молодые люди начали знать маниф.[есты] с 812 года. Они в первый раз услышали *всем и каждому* в одном из манифестов и по справедливой доверенности к Алексан.[дру] Семеновичу заключили, что уже нельзя ска<зать> *всех* чтобы не прибавить и *каждого*. Но надобно знать, что это издавно было формою указов только и манифестов, а более нигде и, ни в каком случае так не писали. Вы с<о>гласитесь, что весьма бы странно было услы<шать> в комедии женщину, которая говорит любо<внику>: «Ты дороже мне всех и каждого».

Простите мне мою откровенность.

Я ничем лучше не могу вас уверить в том отличном почтении, которое навсегда к вам сохранит, милостивый государь мой, покорнейшей ваш слуга

Иван Дмитриев.

P. S. Мне самому очень чувствительна разлука с Батюшковым. Это бесценный человек и по душе, и по таланту».

Вацуро, 1980. С. 421—422.

Декабрь, 7. Москва.

Торжественное собрание в Обществе любителей российской словесности.

Декабрь, 8. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Извините меня, милостивый государь Александр Иванович, что я почтою поздно благодарю вас за дружеское ваше писание. Откладывал до получения Суворова портрета, однакож и по сие время не получил его. Батюшков второпях позабыл, что обещал мне и портрета Шатобриана.

С нетерпением ожидаю от вас речи Карамзина. Любопытен также видеть и обещаемое в *Сыне Отечества*, хотя и не знаю автора.

Вчера было и у нас торжественное собрание в обществе любословесников; торжественным назвал потому, что чтению предшествовало пение каких-то стихов.

Заседание открыто речью А.[нтон] А.[нтоновича] А.[нтонского], который по обыкновению своему сказал несколько слов о 812 году. Потом заметил, что надо сочинить лучшую грамматику; надобно показать пример эпистолярному и историческому слогу, которых мы еще не имеем; надобно даже поправить и слог новейших проповедей, обратя его к первым источникам, к слогу древних духовных книг. Распространялся о пользе критики, и все сии подвиги возлагал на собрание, состоявшееся из Василия Львовича, князя Петра Ивановича, Шатрова, Болдырева, Дружинина, Мерзлякова, Каченовского и пр. За ним проф.[ессор] Мерзляков читал трактат о пользе словесности и критики; кн.[язь] Шаликов гимн давно минувшей весне; Василий Львович почти пел о подвигах последнего, следственно любимого, своего детища, *Печенега* и читал чужие стихи; Кокошкин вместо отсутствующего Филимонова оплакивал смерть какой-то Нины <«Нина»>, отрывок из поэмы Милонова «Надежда». (Тр. Общ. Люб. рос. слов. 1819 г., ч. XVI.)>; Калайдович разбирал Ломоносова *Вечернее Размышление* и наконец чтение заключено было *кладбищем*, не помню которого члена <«Гробница»>, стихотворение С. Г. Саларева. (Там же)>.

Чтоб дать вам дальнейшее понятие о новостях Московской литературы, выписываю объявление последнего номера наших Ведомостей: *Новости Русской Литературы* или собрание сочинений и переводов в стихах и прозе *лучших авторов*, как-то: *Княжнина, князя Кугушева, Вельяминова-Зернова, Львова, Ключарева, Руссова, Соковнина, Воейкова, Грузинцова, Каменева, Смирнова, Колосова, Крюкова, Политковского, Волкова, Глебова, Ишимова, Чебышева, Воронцова, Сан-ти, Яновского, Первова, Кириченко-Остромова, Перольта, Попова, Трунина, Лужанова, Полякова, Экартсгаузена, де-Сент-Ламберта, Шиллера, Коцебу, Каракчиоли* и проч. 14 томов, в Университетской типографии. Цена 50 руб. <«Московские Ведомости» 1818 г., № 97. С. 2687>. Счастливые провинциалы! Сколько для них новых знакомцев. Мудрено ли Каченовскому с такою дружиною богатырей сделать страшную оппозицию, которою он в последней книжке грозит старомодным авторам, пользовавшимся добрым мнением публики! Простите и пр.»

РА. 1867. №7. Стб. 1099—1101; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 238—239.

Декабрь, 16. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Кн. Вяземский доставил мне прилагаемая у сего книги: 2 части ЛаФонтена, брошюру Констана и Польские акты для препровождения к вашему высокопревосходительству. Он утешает и забавляет меня исправною и оригинальною перепискою. Еженедельно получаем мы друг от друга письма, в которых, как говорит поэт, вся душа слышна. Ни с кем так охотно не предаешься искренности, как с ним. Он возбуждает мысли и угадывает их, или лучше сказать: ловит на лету. Ум его обратился теперь, кажется, к предметам важным. Состязание партий в делах государственных во Франции питает его и заставляет делать наблюдения, от которых, может быть, и Гальяни бы не отсекся. Даже и в стихотворениях его приметно то же направление ума, которое может погасить обыкновенный талант, но образовать человека для государства. Впрочем он, кажется, скучает прозою Варшавской жизни; но где же поэзия в жизни, после первых лет молодости, если она не сохранилась в душе поэта? Я не разумею под поэтом только того, кто пишет стихи. Могут быть поэты в душе и в жизни, но не в книгах. Вы конечно уже знаете из газет о новейшем произведении Стурдзы: *Mémoires sur l'état actuel de l'Allemagne*. Оно напечатано только в числе 50 №№, из коих большая часть розданы министрам иностранным. В П.бурге только три экз., из коих один у меня. Я прочел эту книжку с негодованием и с досадою на автора, которого люблю. Он доказал только, что и с талантом нельзя писать о предметах коих не изследовал. Но Немцы сами за себя стали и уже во всех частях гнев их проявляется. Стурдза и Северин остаются в Германии почти на год, а гр. Каподистриа уезжает в свое теплое отечество и прежде Июня сюда не будет. Сегодня приехал сюда первый курьер от Государя из Вены. Брат Государыни Ел.[исаветы] А.[лексеевны], герцог Баденский скончался.

Чтобы не кончить только тем, чем все на свете кончается, скажу вам, что сей час получил еще письмо от: кн. Вяземского и гостинец: и какой же? ЛаФонтена ЛаФонтену, а мне Стразбургской пирог. Книги вероятно вы получите позже письма сего, ибо я посылаю их с тяжелою почтою. Извините пестроту письма; не хотелось пропустить почты, а мысли собрать не в силах за хлопотами».

РА. 1867. № 4. Стб. 643—644.

Декабрь, 17. Петербург.

А. И. Тургенев получает письмо Дмитриева от 8-го декабря 1818 г.

ОА. Т. I. С. 172.

Декабрь, 18. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву цитирует фрагмент письма к нему Дмитриева от 8-го декабря 1818 г., о торжественном собрании «в обществе любословесников».

ОА. Т. I. С. 172—173.

Декабрь, 20. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от 8 Декабря и спешаю вас уведомить, что я не получал от Батюшкова портрета Шатобриана. Тот, который был у него, подарил ему я; мне подарила его С. П. Свечина, а ей дал сам Шатобриан. Еслиб Батюшков оставил его здесь, то я за него сдержал бы слово. Портрет Суворова вы конечно уже получили. Книги от кн. Вяземского отправил я по тяжелой почте.

Статью о письме Екатерины к Сумарокову и предисловие к оному прислал Вяземской в С.[ын] О[течест]-ва. Речь Н. Мих. <Карамзин> не скоро еще, кажется, выдет в печать. Я предлагал ему списать для вас копию, но он мне не доверяет; попытаюсь еще. Почтенный наставник мой, в первый раз, сказал речь, которую нельзя назвать неважною. Объявляя нам о недостатках в примерах историческому слогу, он вероятно не на Елагина метил. Недостаток в Росийской грамматике давно чувствовал я, читая иногда его письма. Но мы вышлем на него богатыря Соколова. Открытия Московских газетчиков в области Русской литературы были и для меня совершенно новыми; постараюсь познакомиться с сим любопытным незнакомцем, с помощью Украинского Вестника и Трудов Казанского Общества Любителей Отеческой словесности, коих 1-ю часть сей час получаю. Как удивится Шильд соседству соученика моего Кириченки-Остромова!

Вчера и мы были в торжественном собрании Академии Художеств. Президент прочел отчет о занятиях не столько самой Академии, сколько правления оной; сопутствовал оставляющих Академию воспитанников добрыми советами. Профессор Щедрин, на основании статутот, избран другим ректором, ибо Мартос остается. Некоторых произвели в академики; а ученикам розданы золотыя и серебряныя медали; но золотыя только из второго разряда, ибо к первому Академия никого не нашла достойным. В заключение был прекрасный завтрак, после коего мы пошли в натуральный класс, где видели человеество во всей нагоде его. Выставка была не самая блистательная. Живописец Московский Аргунов написал нам сенатора Рунича и выбран за то в академики. Примечательно то, что графа Дмитрия Ив. <Хвостова> не было в сем собрании. Скажите Василью Львовичу, что кн. Вяземской почти еженедельно вспоминает об нем в письмах его ко мне с самою нежною заботливостию. Первою свободною минутою воспользуюсь, чтобы передать ему и свои и его чувства.

РА. 1867. № 4. Стб. 645—646.

«Статью о письме Екатерины...» — статья Вяземского напечатана без его подписи в «Сыне Отечества» (1818. Ч. 51. № 49. С. 166—173).

Декабрь, 22. Царское Село.

Приезд из-за границы имп. Александра I.

Сев. Почта. 1818. № 103. 25 Декабря.

Декабрь, 23. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Иванович!

Тысячу благодарностей за дружеское ваше писание и доставление письма и брошюры от милого остряка Вяземского. Я, хотя и не ровня с ним в летах, но часто и искренно вздыхаю об его отсутствии. Не знаю, что он будет впредь: только не желал бы, чтоб он званию поэта предпочел другое. К этому он, конечно, призван природою и с ним переживет многих и многих.

Жалкая участь почтенного канцлера! Не смотря на его уважение к нашим известным поэтам, один только неизвестный рыцарь взялся было заплатить дань патриотизму и воспеть его подвиги; но и тот на половине дороги сдал эту обузу *Коцебу-отцу*!! Трудно ли было отгадать Франкалё-анонима? Однакож, душевно любя и уважая вельможу-патриота, я искренно благодарен стихотворцу за его добрую волю. По крайней мере он не равнодушен к славе земляков своих.

Недавно познакомился я с молодым поэтом Иванчиным-Писаревым. Вот вам его стихи; желал бы, чтоб они напечатаны были в *Сыне Отечества* <Стихотворение Иванчина-Писарева «Отрывок послания к моим сверстникам в летах и учении» напечатано в «Сыне Отечества» 1819 г., ч. 51, № 1>. Здесь Кач.[еновский] не принял их в журнал, извиняясь тем, что они содержат в себе *личность*. Сказывают, что он очень часто посещает архив и роется в летописях. Видно, крепко вооружается против Историографа.

Нового у нас в литературе только двенадцатая часть Летописей Любителей Словесности. Из числа заметных статей взгляните на письмо гр.[афа] Х.[востова] к председателю, в котором он поздравляет А.[нтон] А.[нтоновича] А.[нтонского] с праздником, и без пощады расточает *при* <Труды Общ. Люб. Росс. Слов. 1818 г., ч. XII. В этом письме почти каждая фраза начинается с предлога – *при*: При наступлении нового года... При поздравлении... и пр.>; да на статью протокола, в котором очистителями и утвердителями языка определено: присланное на имя предс.[едателя] собрание крестьянских (невразумительных для меня) речений *тиснуть* в Летописях <«Записка о наречиях между крестьян рязанской и калужской губ.» (там же)>. И то и другое читано было во услышание посетителей обоего пола.

Простите, любезнейший Александр Иванович. Присылайте скорей ко мне последний академический акт и верьте всегда душевному почтению и пр.

P. S. Желал бы достать из любопытства Стурдзову книжку <«Mémoires sur l'état actuel de l'Allemagne»>. Северин с самого отъезда не писал ко мне ни строчки. Я же два раза писал к нему, но как я подписывал их в канцелярию г.[рафа] Нессельроде, то сомневаюсь, были ли письма мои к нему доставлены, по причине отсутствия графа».

РА. 1867. № 7. Стб. 1101–1103.

Декабрь, 23. Москва.

Письмо к А. С. Шишкову в Петербург:

«Милостивый государь Александр Семенович.

Неисправное издание моих стихотворений удостоверило меня в справедливости нашей пословицы: нет худа без добра. По крайней мере оно доставило мне удовольствие получить благосклонное ваше писание, за которое приношу вашему превосходительству чувствительную мою признательность. Не только повинуюсь лестному для меня вашему приглашению, но и по долгу члена уважаемого мною сословия и по собственному моему честолюбию, охотно бы я сообщал в Академию мои произведения, но совершенная отвычка, в продолжении осмилетней моей гражданской службы, от авторских занятий, а притом и постигшая меня старость – причину,

что я уже не смею приниматься за лиру. Сожалею теперь, что в молодости не довольно навикал к прозе; однакож, по окончании возложенной на меня комиссии, постараюсь испытать силы мои в последнем роде. Ежели удастся написать что-либо, чем я сам буду доволен, тогда не преминую предать мои мысли пронизательному суду вашего превосходительства.

Не преминую между тем сообщить здешним словесникам о благодетельном расположении Академии содействовать к освобождению их от ига полуграмотных книгопродавцев-издателей. Говоря о словесниках, я имею в виду больше сочинителей учебных книг и переводчиков, которые в бездействии своем или в маловажных занятиях обыкновенно извиняются тем, что сами они не в состоянии печатать классических произведений, а книгопродавцы берут от них только переводы одних романов, да и то в *новейшем вкусе*. Это любимое слово в их объявлениях. — Впрочем, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 345—346; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 240—241.

Декабрь, 23. Москва.

Дмитриев делает запись в альбом Н. Д. Иваничина-Писарева.

СН. М., 1905. Кн. 10. С. 478—480.

Декабрь, 26. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! поздравляю тебя с праздником и с наступающим Новым Годом: дай Бог, чтобы ты в течение его был здоров и спокоен, не имея ни огорчений, ни досад. Для человека в наших летах счастье есть отсутствие зол, а мудрость житейская — наслаждаться всякой день, чем Бог пошлет.

Вчера мы видели Государя в блестящем собрании Двора и в церкви. Он возвратился, слава Богу! здоров и весел, по видимому. Не знаю, ожидают ли важных новостей; но вероятно, что Государь займется основанием лучшей Администрации. Я стараюсь ничего не желать, кроме добра Царю и Царству; не умничать, не предсказывать, не предвидеть, а все оставлять на волю Божию. Между тем сижу дома. Жена уже более месяца не выезжает, от кашля и колик: беременность ее очень тяжела и ей и мне. Дочь Катенька лежала дней пять в жару; теперь встала. — Оленины пришлют тебе I т. второго издания Истории; II и III печатаются, но Уткин не кончил портрета. Думаю, что Князь Петр уже в Москве. Обними его за нас; а мы, муж, жена, дети, все тебя обнимаем с нежнейшею любовью. Не зовем, но иногда ждем тебя в Петербург. Будет ли зимний путь в нынешнюю зиму, неизвестно: здесь грязь. Это во всех отношениях не хорошо; но хорошо, если Бог даст нам увидеться в радости, в Петербурге ли, в Москве ли.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 254 (№ 225).

Декабрь, 30. Москва.

Письмо Дмитриева к Жуковскому в Петербург:

«Лучше поздно, нежели никогда, почтенный и любезный Василий Андреевич. Тысячу благодарностей вам за оба письма, из коих старшее растрогало меня подобно писанному из Дерпта. Очень рад, что миновалась ваша болезнь, в которой брал живое участие. Я постоянно люблю вас и за ваш талант, и за ваше непорочное сердце. Оттого и говаривал вам иногда не по вас в бытность вашу в Москве. Зная меру ваших способностей и ревнуя по славе вашей поэзии, я все желаю, чтобы вы не засиживались; чтоб вы, не упуская золотого времени, когда ум и талант ваш в полном созрении, более и более мужались, возвышались и сияли на поприще, предопределенном вам природою. Вы можете подозревать, что я нечувствительно впал в тон панегириста, написав, может быть, несколько писем поздравительных с

новым годом; нет, я, право, хотел говорить от души. Прошу и вас принять от того же источника приветствие с наступающим годом, или лучше сказать, мое желание, чтоб вы в течение оного были счастливы и любили меня по-прежнему.

Охотно бы повиновался вашему совету: старость обленила меня; к тому же, не сделав авторского навыка в прозе, я боюсь ученого шпынства Петра Михайловича Дружинина. Ныне М.[осковские] професс.[ора] стали взыскательны. Вероятно, вы заметили в Вестнике намеки об оппозиции всем тем, которые доселе отделялись от стада Вадиусов и Кондратовичей и пр. и пр. К чему же мне на последних днях обветшалою жизни наклеивать досаду? Спокойствие духа и любовь добрых и благородных душ: вот единственная отрада, которую мне остается желать.

Простите, любезнейший Василий Андреевич; мысленно обнимает вас преданный вам

И. Дмитриев.

Лучше присылайте мне новыя ваши произведения. Имея прекрасное ваше издание, на что мне желать дурного и неисправного? Довольно стражду, глядя и на собственное мое издание; отроду не видал безобразнейшего».

РА. 1871. III. 2. Стб. 425–426.

1818 (?). Москва.

Письмо (без даты) к П. И. Полетике.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 15.

1818. Москва.

Письмо к А. А. Писареву.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 226 (Писарев). К. 3, № 63.

1818. Петербург.

Выходит книга Ф. Н. Глинки «Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг; также о пользе и настоящем положении учрежденного при Гвардейском штабе, для военных читателей, книгохранилища». Цenz. разр. 30 ноября 1817. Цenzор: И. О. Тимковский.

Экземпляр этой книги из б-ки И. И. Дмитриева с дарственной надписью автора, хранится в б-ке МГУ (Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 1962).

1818. Петербург.

В учебной хрестоматии в помощь немцам, изучающим русский язык «Neues russisches Elementar-Lesebuch für Deutsche» (приложение к знаменитой книге А. Таппе «Neue theoretische-praktische Sprachlehre der russischen Sprache für Deutsche» (Riga, 1810, 1812, 1815, 1819 и т. д.)), напечатано стихотворение Дмитриева «Стонет сизой голубчик...».

1818–1820.

А. Ф. Воейков. «Парнасский Адрес-Календарь»: «И. И. Дмитриев, действительный поэт 1-го класса. По прошению уволен от поэзии в царство дружбы и славы, с ношением лаврового венка».

РС. 1874. Т. IX. С. 612.

1819

Январь, 1. Москва.

Кн. Вяземский в альбоме И. И. Дмитриева оставляет короткую запись:

«Москва. 1-го января 1819 года Вяземский.
Мужей великих прах (-) училище граждан».

Дон. 1957. № 6. С. 152.

Январь, 6. Петербург.

Письмо А. С. Шишкова к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 23 декабря 1818 г.):

«Мил.[остивый] гос.[ударь] Ив.[ан] Иван.[ович].

Я имел удовольствие получить приятное ваше письмо и еще приятнейшее обещание присылать сочинения ваши в Академию. Да не охладится никогда мысль ваша к совершению сего обета! Вы изъявляете сожаление свое, что *в молодости не довольно навывкали к прозе*; позвольте мне сказать вам на это два возражения: первое, кто хорошо думает, тот и без навыку хорошо напишет; а потому вы не имеете нужды сожалеть о непривычке. Второе, хотя должность Академии рассуждать о языке, но она и в стихах столько же любит видеть его исправным и цветущим, как и в прозе, Чтож принадлежит до отговорки вашей старостию, то мне кажется, что естли старость с одной стороны (и то сомнительно) теряет живость чувств и пылкость воображения, то с другой приобретает больше опытности, здравых мыслей и рассудка; знает более изгибы сердца человеческого и природу. А я сомневаюсь, чтоб и в стихах пылкость ума, смешанная с высокопарными полетами и погрешностями, могла больше нравиться, нежели умеренность, везде сопровождаемая истиною и здравомынием. Итак, по всем сим рассуждениям, не остается вам никакой отговорки, кроме одной воли, которую не принуждают, но воспаляют. Я желаю и надеюсь, что *сия воля* ваша, к удовольствию не одной Академии, но многих, ежели не всегда, то по крайней мере иногда, по временам, возгараться будет; ибо начто ей к явной потери всех безвременно погасать? я говорю *всех*, не исключая и вас самих; ибо вы конечно любите приносить другим удовольствие. Что касается до словесников, притесняемых, как вы пишете, книгопродавцами-издателями, то я уже давно думал, как бы избавить их от сего притеснения, и недавно предложил Академии некоторыя соразмерныя силам ея к тому средства и пособия. Академия предложение мое утвердила, и вскоре будет оно в Ведомостях обнародовано. На сем основании, кажется мне, всяк может заняться сочинениями и переводами не одних романов и не в *новейшем вкусе*, но всяких книг, не в *старом* и не в *новом* вкусе (ибо и тот и другой может быть худ), но в том единственном и всегдашнем, которой одобряется разумом и здравым рассудком; ибо кто бы как ни рассуждал о *вкусе*, но я не могу признавать его изящным, а особливо в словесности, без участия в нем ума и знания. Мне кажется, когда ум не переменяется, то и вкус тоже; а ежели ум переменяется, то уже он не судия вечноправедный, но модный щоголь, которого достоинство состоит в непостоянстве, рождающемся от ветренности и безмыслия. Однако я могу наскучить вам моими бреднями, и для того прекращаю их. — Поздравляю вас с наступившим новым годом; усердно желаю, чтоб в течение оного здоровье и благополучие ваше, содержа дух ваш в веселом расположении, доставило вам более часов для приятных упражнений. Думаю, что вы видаетесь с Елисаветою Ивановною Ланскою: прошу передать ей мое всегдашнее к ней почтение. Я уверен, что она в побуждениях моих вас к песнопению будет со мною согласна. — С истин.[ным] почит.[анием] и совер.[шенною] преданностию, имею честь быть ваш; мил.[остивого] гос.[ударя], покорнейший слуга

А.[лександр] Ш.[ишков]»

Шишков, 1870. Т. 2. С. 346—347.

Январь, 8. Среда. Петербург.

Пятнадцатилетие совместной жизни Николая Михайловича и Екатерины Андреевны Карамзиных. Вечером в гостях у Карамзиных Н. И. Тургенев.

Дневник Н. Тургенева, 1921. Т. III. С. 184; *СН*. 1897. Кн. 1. С. 69 (№ 54).

Январь, 9. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Сколько я благодарен вам, любезнейший Александр Иванович за все доказательства вашей ко мне дружбы! Наконец, дождался и я давно ожидаемой мною Речи! Целые два дни читал ее моим знакомым и торжествовал, как будто сам был творцем ее. Но радость друга не заглушила чувствительности сердца: оно искренно вздохнуло о судьбе музы поэзии, которая вопреки божественному *чину* стала *от лет преклонна и уныла*. Вероятно, затем и не читаны последние стихи, дабы от прочих песнопевцев удалить жалкий образ старушки и не охладить в них прежнего к музам доверия.

Одолжение Ваше к Грамматину доставлением ему директорского места в К.[остромской] гимназии превратилось для него в большие хлопоты: целых два года провел он в борьбе с тремя педагогами. Богу известно, кто из них прав. Он описывает их мятежным триумвиром, а Грацианский с товарищами, кажется, видят в нем Суллу, который будто хочет стиснуть их в железную лапу. Наконец, он решился добровольно сложить с себя бремя начальства и отправляет с князем Вяземским прошение об отставке. Сделайте ему и мне одолжение, нельзя старанием вашим исходатайствовать ему благовидное увольнение. Он ничего более не желает, как удостоиться получить при отставке орд[ен] с[вятого] В[ладимира] 4-й степени и посвятить себя по прежнему мирной жизни словесника. Сколько я умею отгадывать людей, кажется, он совсем не Сулла. Может быть, хотел только ввести порядок и должную подчиненность. Часто и это принимается за строгость, даже и за жестокость.

Я просил у В. А. Ж.[уковского] его портрета; но он отказывается, что пришлет его не прежде, как по получении от С. С. Уварова. Нельзя ли пособить ему в этом, а меня утешить скорейшим доставлением оного. Не вытерплю, чтоб не напомнить вам и о последних томах *Memoirs de Georget*, 5, 6 и 7.

В.[асилий] Л.[ьвович] Пушкин] опять в подагре. Сегодня обедаю у него с князем Вяземским. Постараемся возбудить в нем испарину прочтением Речи и кой-чего домашняго. Авось, вылечим.

С душевным почтением и приязнию вашего превосходительства покорнейший слуга И. Дмитриев.

Р. S. Братцу <Н. И. Тургеневу> мое почтение».

Литературный Вестник. 1901. № 1. С. 41–42; перепеч. в *РС* (1903. № 12. С. 714–715).

Январь, 9. Москва.

Дмитриев с кн. Вяземским на обеде у В. Л. Пушкина.

ОА. Т. I. С. 186; *Литературный Вестник*. 1901. № 1. С. 42.

Январь, 12. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! мы плачем о нашей милой Королеве Виртемберг.[ской]: она скончалась 29 Дек. 25 сделалась у нее на лице рожа; кровь бросилась в голову – а там удар и смерть! Мы любили ее искренно, и грустим сердечно. Государь, Императрица в жестокой горести. Давно ли я читал ее любезное письмо! Это было прощаньем. Вот жизнь! Сохраню память Незабвенной. Она была одним из благодетельных существ для души моей. Я уверен, что и ты очень, очень пожалеешь об ней.

Записка о будущих областных начальниках и здесь ходила, но весьма неофициальная. Когда все это выдет, неизвестно: знает один Государь, да разве Гр. Аракчеев с своим Секретарем Муравьевым. Я видел Императора только издали раза три. – Все мы с нежностью обнимаем тебя, милой друг: муж, жена и дети. Ждем Князь Петра.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 255 (№ 226).

Январь, 18. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 21 (1-я, старая, пагинация).

Январь, 19. Москва.

Вечером Дмитриев с кн. Вяземским, Шаликовым и Жихаревым у графа Ф. И. Толстого («Американца»).

См.: Январь, 20.

Январь, 20. Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«...Сюда приехал Жихарев и успел уже вчера быть пьяным у Американца <гр. Ф. И. Толстого>, и слезами обливать Дмитриева, и состязаться с Шаликовым, который укорял его в лестии в отношении к Дмитриеву, а Дмитриев тут сидит. Вдруг по м - - , а Дмитриев тут сидит,

Свободный гражданин свободного стола.

Этот Американец собирает у себя весь Парнас, весь сумашедший дом.

Дмитриев с летами милеет, в противность общему порядку, но со всем тем весь в черном с получения известия о смерти <королевы Вюртембергской, бывшей вел. Княгини Екатерины Павловны>».

ОА. Т. I. С. 190.

Январь, 20. Москва.

Цензурное разрешение, выданное на выпуск «Сочинений Князя Шаликова» (М., 1819. Ч. 1-2).

См. «1819. Апрель, 2».

Январь, 27. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! милое письмо твое было сердцу моему и приятно и огорчительно. Как хотелось бы мне удалить от тебя все заботы и беспокойства! Долго ли тебе занимать от трети до трети? Грустно, когда мы только жалеем о беспокойстве друзей, а не можем их успокоить. По крайней мере советую тебе менее тревожиться холодною некоторым людям: Бог с ними! Что касается до тяжбы, то я все еще надеюсь на правосудие Сената. Давно не видали мы Министра: еще неизвестно, останется ли он или устранится от хлопот Юстиции. О новостях и переменах теперь замолчали; но кажется, что оне не останутся только слухом. Государь прилежно работает с Графом Аракчеевым: дай Бог им успеха! – А мы, любезнейший друг, более нежели когданибудь мыслим о возвращении в нашу добрую, хотя и Азиатскую Москву, как говорит Князь Петр. Петербург имеет конечно выгоды, но за то и невыгоды для пятидесятилетних меланхоликов: мы устаем смотря на движение. Читал ли ты Мейстеровы *Consolations de la vieillesse*? Сочинение неглубокомысленное, но хорошо писанное. Правило *жить день за день* есть верх мудрости, до которого желаю достигнуть. Я очень, очень щастлив, когда умом и сердцем нейду вдаль; когда жена, дети и друзья здоровы, а пять блюд на столе готовы. Заглянуть в умную книгу, подумать, иногда поговорить не глупо: вот роскошь! к ней можно прибавить и работу, без всякого отношения к славолению. А на том свете... то ли будет? Вот рецепт, которой пишу для себя ежедневно, но которой не всегда вылечивает меня от меланхолических припадков. Будь веселее меня, друг милой! Обнимаю тебя нежно за себя, за жену и за всех детей.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 255–256 (№ 227).

Январь (втор. пол.). Москва.

Читает в «Вестнике Европы» (Ч. 103. № 2 (январь). С. 117–132) разбор двух переводов (Л. Ф. Жоффре – О. Сен-Тома и Ф. Лене – М. А. Жюльен) предисло-

вия Н. М. Карамзина к франц. изд. «Истории Государства Российского». Статья озаглавлена «От Киевского жителя к его другу: (Письмо II)». Автор: М. Т. Каченовский.

В этом же номере (С. 156–158) помещено «Письмо к редактору из Задонска». Подписано: «А. З.» <А. З. Зиновьев>. Указывается на то, что повесть «Свадебный договор» Ф. Г. Андрие была переведена и опубликована в книге «Разные повести, переведенные Н. Карамзиным».

Январь. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1819. Ч. 51. № 1. С. 3–22) напечатана речь Карамзина, прочитанная в заседании Российской Академии 5 декабря 1818 г.

Февраль, 9. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Беспокоюсь о твоём здоровье: прошла ли твоя простуда? Теперь у нас Наталья Яковлевна: она говорит, что ты ни слова не сказал ей о твоём худом здоровье в последнем письме.

Деньги за Историю от тебя получены, а к тебе экз.[емпляр] на *веленовой* уже давно отправлен с извозчиком: ибо почта требует 20 р. и более за пересылку. Вот благодеяние нашего почтенного Министра!

Вдов.[ствующая] Императрица очень похудела. Я видел ее три раза после этого жестокого удара; а Елисаветы Алекс. не видал. Мне кажется, что я не имею права адресоваться к ее камердинеру, а общего представления не было. Она спрашивала об нас у Натальи Яковлевны, думая, что мы уже давно в Москве! – вижу только издали. Говорят, что Он едет в Москву и далее: ждут Его весною в Харькове, летом в Киеве, осенью в Варшаве: но все это может быть несправедливо. О начальстве областном и проч. замолкли. Я читаю корректуры; иногда заглядываю в общество (на пример вчера у Кочубея) и пишу об Ивашке. Жена все не очень здорова. – Доброй Князь Петр уехал в свою Варшаву: а мы в своей Москве едва ли будем прежде 1820 года.

Прости, милой друг. Будь здоров непременно.

Навеки твой Н. Карамзин.

Уткин все еще не кончил моего портрета».

Карамзин, 1866. С. 256–257 (№ 228).

Февраль, 15. Петербург.

В «Благонамеренном» (Ч. 5. № 3. (15 февраля). С. 194–200) А. Е. Измайлов в рубрике «Известия о новых русских книгах» сообщает о выходе 5-го изд. «Сочинений И. И. Дмитриева» (С. 194–198). В сообщении он высказал мнение, что «Карамзин первый дал образцы, как должно писать прозе, а Дмитриев в стихах. У Дмитриева отличное дарование и самый тонкий, разборчивый вкус».

Февраль, 18. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, м.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович], за дружеское ваше письмо и два Парнаские гостинца. Жаль, что это кипарис, а не лавры или розы. Не только Московская, но вся наша литература, кажется, заключается в одном Каченовском; публика время от времени более узнает цену его, и естли он не устанет в продолжение года издеваться над Историографом, то вероятно принесет журналом своим значительный доход М.[осковскому] Университету. Даже и провинциалы любят слышать кощунство на счет известных людей. Впрочем, все наши здешние литераторы, слава Богу, здоровы. Василий Львович с самого отъезда к.[нязя] Вяземского забавлял общество фарсами, провербами, шарадами, разумеется, чужими и пр. К.[нязь] Долг.[орукий] <И. М.> и А.[лексей] П.[ушкин] тоже. Театр их подвигов у Потемкина и граф.[ини] Бобрин-

ской. Заседания в Обществе Любителей Словесности продолжают по-прежнему однажды в месяц. Но полно об нашей словесности.

Не можете ли вы, любезный А.[лександр] И.[ванович], купить для меня в Петербурге *Mémoires de Las-Casas, avec son Rapport à Lucien B.[onaparte]* и *Les folies du siècle*. Мне очень хочется иметь их. От Северина, к удивлению моему, не получаю ни одного письма. Также и Кривцов замолк, с тех пор, как оставил Париж; верно и к нему не дошли мои письма.

Наконец, благодарю вас за добрыя вести о Феофилакте, которого не оставлю поздравить. Вас же мысленно целую и пребуду навсегда с душевным почтением. Братцу мое почтение».

РА. 1867. № 7. Стб. 1103; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 243.

Лас-Казасом здесь ошибочно назван Le comte de Las-Cases (1766—1842), занимавший разные должности при Наполеоне I и бывший одним из четырех сотоварищей его в изгнании. Его «*Mémoires*» вышли в Париже в 1819 г.

«*Les folies du siècle. Roman philosophique, par M.****» (Lelarge de Lourdouex. Paris, 1817).

Февраль, 20. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 22—22об.* (1-я, старая, пагинация).

Февраль, 22. Петербург.

А. И. Тургенев назначен Камергером.

В письме от 26 февраля 1819 г. к кн. Вяземскому в Варшаву А. И. Тургенев писал: «Я — камергер, любезный друг, а Грамматин — кавалер св. Владимира четвертой степени. Вот тебе неприятная и приятная новость... Я еще не могу опомниться от монаршей милости» (ОА. Т. I. С. 195). По поводу этого назначения Н. М. Карамзин в письме к Вяземскому от 2 марта 1819 г. сообщал: «Вы, верно, посмеетесь его камергерству. Николай Иванович <Тургенев> более рассердился, нежели он сам, и называет это пятном Тургеневской фамилии» (СН. 1897. Кн. I. С. 74).

Февраль, 23. Москва.

Письмо Дмитриева к Жуковскому в Дерпт:

«Благодарю вас очень искренно, любезный Василий Андреевич, за принятую вами заботу о моих сочинениях. Это, может быть, последнее издание, так я желал бы видеть его сколько можно исправнейшим со стороны корректуры. Довольно грехов и самого автора. Соглашаюсь на ваши поправки, и прошу вас сноситься со мною и впредь о тех местах, которые почтете нужным исправить. Простите, молодой счастливцев во всех отношениях. Будьте здоровы и уверены в искренней моей к вам привязанности. Кланяйтесь Антону Антоновичу <Дельвигу>».

Дмитриев, 1893 Т. II. С. 244, с ошибкой места отправления: «Петербург» вместо «Москва».

Февраль, 23. Москва.

Письмо к А. Е. Измайлову в Петербург. При письме отправляет только что вышедшее собрание своих сочинений, с просьбой передать их Милонову.

РА. 1871. Стб. 965.

Февраль, 28. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезной друг! сердечно благодарю за милое письмо. Странно, что твой экз. Истории еще не получен тобою: его отправили Сленины на имя книгопродавца Готье. Уткин или *Черепакин* есть Руской человек: взялся и ничего не делает; говорит однакожь, что сделает к празднику. Все это не хорошо для Слениных. Жуковской уехал на две недели в Дерпт. Я ничего не слышал от него о поединке и не давал ему никаких поручений касательно Г. Каченовского, ни хвастливых, ни скромных. В стихах его нахожу хорошее и очень хорошее; но иное темно, иное холодно. Императрица говорила мне об них с величайшею похвалою. Я думал, но

раздумал писать о незабвенной нашей Королеве: не могу говорить об ней не говоря о себе; а это покажется самохвальством.

Все еще думают, что Государь куданибудь поедет до весны; но при Дворе не говорят о том. Я встретился с Императрицею Елисаветою Алекс. и на другой день был у Нее, и на третий, чтобы вручить Ей Стурдзину тетрадку *Sur l'Allemagne* и книжку Немецкого журнала, где об ней (т. е. Стурджиной книжке) пишут. Императрица была очень милостива. — Как ругают в Германии Стурдзу! Достается и России, намеками. Читаешь ли Инвалида? В последнем нумере издатель пишет, что и Евангелие не совсем хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнеевым: *Philosophie divine*. Многие сердятся и предсказывают беды нашему просвещению; а я даже и не смеюсь. Все идет своим порядком. Не сержусь и на Каченовского. — Мы, жена, муж и дети, обнимаем тебя, милого друга, от всего сердца. Будь здоров.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 257—258 (№ 229).

Февраль. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 103. № 4 (февраль). С. 271) напечатано стихотворение Н. Д. Иванчина-Писарева «*К экземпляру стихотворений И. И. Дмитриева: Полученному от него самого в подарок с своеручною надписью*» («Священный талисман питомцев Аполлона!..»). Подпись: И.

Март, ок. 5 ...7-го. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«От всего сердца поздравляю вас, м.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович], с получением звания действительного камергера и члена, если не ученого, так благонамеренного сословия. При сем искренно благодарю вас за обещание одолжить меня Записками Лас-Казаса и за добрую весть о награждении экс-директора знаком отличия. Добрый Грамматин вне себя от радости и чувствительно тронут вашим к нему доброжелательством или лучше сказать деятельным покровительством.

Я с большим удовольствием читал в М.[осковских] газетах речь Уварова при открытии П.[етер] Б.[ургского] Университета <речь гр. С. С. Уварова была напечатана в 18-м № «Московских Ведомостей»>. Уверен, что под его надзором оный университет года в три или четыре, конечно, перещеголяет своего дедушку Москвитянина. Он верно возродит в профессорах благородное соревнование и будет уметь оценивать талант и заслугу.

Что же вы не пришлете ко мне портрета доброго поэта Жуковского? Мне очень хочется иметь его. Простите, любезнейший А.[лександр] И.[ванович]. Кланяйтесь вашему братцу и будьте уверены в душевном почтении к вам.

Р. S. От Северина я получил, наконец, письмо, которое меня очень растрогало. Он собирается к Пирмонтским водам».

РА. 1867. № 7. Стб. 1104; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 244—245.

Март, 8. Петербург.

М. Т. Каченовский избран в члены Российской Академии.

Март, 12. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что Дмитриев получил письмо от Северина, «которое его очень растрогало, à se qu'il dit. Северин собирается в Пирмонт».

ОА. Т. I. С. 202.

Март, 15. Петербург.

Выходит в свет 5-й номер журнала «Благонамеренный».

Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). Т. 1. (А - В). С. 80.

Март, 20. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству 5-й номер моего журнала <«Благонамеренный»>. Экземпляр ваших сочинений, присланный ко мне при почтеннейшем письме вашим от 23-го числа минувшего Февраля, доставлен мною лично г. Милонову. Он получил исправно и прежний экземпляр.

Для обертки посылаемой при сем книжки употребляю новую мою сказку: Смерть и Стихотворец. Я хотел было напечатать ее в своем журнале; но теперь ничего не буду печатать и писать против гр. Д.[митрия] И.[вановича] <Хвостова>. Вчера получил я от Симбирского баснописца, *крошки-Маздорфа* письмо, которое тронуло меня до слез. Полтора уже года он без места, болен, имеет жену и маленькую дочь, которые едва не умирают с ним от голода. Он просил моего пособия, с тем однако, чтобы я не объявлял о нем в журнале. Сегодня известил о бедственном его положении гр. Д.[митрия] И.[вановича] <Блудова> и сегодня же получил от него для доставления г. Маздорфу сто рублей, которые взял он в счет жалованья своего в Сенате.

Недавно здесь вышло новое и полное издание басен Крылова в шести частях, или лучше сказать, в шести книгах. Жаль только, что оно не очень исправно напечатано. Издатель употребил разную бумагу, так что один лист в книге синий, а другой желтый. Никто столько у нас не портит книг, как книгопродавцы по своему невежеству и корыстолюбию.

С чувством глубочайшего высокопочитания и душевной преданности имею честь пребыть навсегда, милостивый государь вашего превосходительства всепокорнейшим слугою Александр Измайлов».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 965.

Март, 24. Варшава.

Кн. Вяземский в письме сообщает А. И. Тургеневу: «...Я теперь сижу над посланием к Ивану Ивановичу <Дмитриеву> и ничего высидеть не могу...».

ОА. Т. I. С. 206.

Здесь кн. Вяземский понимает свое стихотворное «Послание к И. И. Дмитриеву» («Я получил сей дар, наперник Аполлона...»), впервые опубликованное в «Полярной Звезде на 1823 год».

Март, не позже 27-го Москва.

Получает из Лондона от Кривцова книгу Прадта об Ахеннском конгрессе («L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle»).

Март, 27. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь мой, Александр Иванович!

Чувствительно благодарю вас за дружеское ваше письмо и сообщение тетрадки критического журнала. Могу-ли вас просить сообщать мне и следующие по мере, как оне выходить будут? Если мало найду в них корысти, по крайней мере отдам справедливость бескорыстию издателей. Деньги же я стал бы пересылать к вам по накоплении 60 тетрадок, да вряд, накопится-ли их столько в течение года. Правда-ли, что Николай Иванович <Тургенев> намерен издавать так-же журнал. Прошу вас сказать ему, что я непрменный его подписчик. Я уже устал насыщаться журналом профессора Московского университета <Каченовским>, забавляющего обе столицы не критикою, а глумлением своим на щет почетного члена М.[осковского] У.[ниверситета] и историографа Империи. Не за это-ли он принят в члены Российской Академии? Кривцов прислал ко мне последнее сочинение Прадта. Будучи невеждою в политике, не смею судить о нем, как о публицисте, но скажу, что он, как автор, довольно занимателен, и слог его время от времени получает большую силу.

Простите, любезнейший Александр Иванович, с чувствами душевного почтения пребудет к вам на всегда преданный вам Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 715 (№ 20).

Март, 29. Москва.

Читает в «Моск. Вед.» (1819. № 26. 29 марта. С. 647) объявление книгопродавца М. П. Глазунова о новом и полном издании басен Крылова.

См.: «1819. Апрель, 2».

Март, 31. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Сердечно поздравляю тебя, любезнейший друг, с наступающим Светлым праздником. Все мы, муж, жена, дети, обнимаем тебя мысленно. Будь здоров и весел. Грустно, что мы не вместе с тобою. Как хотелось бы взглянуть на тебя, сказать тебе то и другое, послушать твоих мыслей о всякой всячине! Ныне нельзя жаловаться на излишнюю скромность людей; но никто не заменит истинного друга старинного. Я благодарю Бога за наше здешнее житье-бытье; но как часто смотрю отсюда на Москву! Мы здоровы, кроме того, что Катерина Андр.[еевна] часто стонет от беременности. Думаем переехать в Царское Село около Мая. Четвертого дни я обедал у Государя и был у Него в кабинете с одною бумагою, которую Он присылал ко мне поправить или переделать. Тебе известна Его любезность. Вчера Императрица Елисавета Алексеевна обязала важным благодеянием одно бедное семейство по моей прозбе и приняла у себя в кабинете жену мою с отменною милостию. Завтра поеду благодарить... Мне мешают писать, а время отправить письмо на почту. И так обнимаю тебя, любезнейший друг, от всего сердца.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Пришлю к тебе книгу Генерала Гурго от К.[нзя] Петра Андр.[еевича] <Вяземского>.

Коцебу зарезан в Мангейме Студентом за его немодной образ мыслей. Что-то будет с Стурдзою?».

Карамзин, 1866. С. 259 (№ 230).

Март (втор. пол.). Москва.

Читает в «Вестнике Европы» (Ч. 104. № 6, март. С. 115–124) «Письмо к редактору» <Рецензия на «Историю Государства Российского» в виде воображаемого диалога>. Подписано: «Житель Девичьяго поля» <авт. указан в «Вестнике Европы» (1821. № 10. С. 158): С. Г. Саларев>.

В этом же номере напечатано окончание статьи Каченовского «От Киевскаго жителя к его другу: (Письмо II)» (С. 124–136).

1819. Март – Апрель. Варшава.

Кн. Вяземский: «Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения» («Я получил сей дар, наперсник Аполлона...»).

Апрель, 2. Москва.

Письмо Дмитриева к Д. Н. Блудову:

«Милостивый Государь Дмитрий Николаевич!

Хотя Вы и не хотите ко мне писать, но я, ответствуя на письмо почтенного Н. И. Кривцова, не могу воздержаться чтоб не напомнить Вам о себе, и не принести вам чувствительной благодарности за 4 части Жоржеля. Как бы я желал иметь и последние, которые, судя по выпискам, должны быть еще занимательнее первых. Как ни упала Фр.[анцузская] словесность, в сравнении с веком Луд.[овика] XIV или XV, но все еще согреть нас умом своим. Разумеется, что я не считаю Жоржеля одним из первых ее витязей.

Что сказать вам об нашей? Доходят ли до вас отечественные ведомости и журналы? Консерватер, который в прошлом году открыл нам, что нынешняя наша изящная словесность получила направление свое от покойного Радищева, и почти покойного Нарезного, ныне, уведомляя нас о принятии в члены Русской Академии Моск[овского] профессора Кач[еновского], называет его: *Auteur célèbres par de nombreux ouvrages qui se distinguent éminement par leur utilité et l'élégance du Stile.*

Многочисленные же и превосходные творения сего знаменитого автора состоят из следующих пьес, нам известных: 1: О Российском красноречии. 2: Состязание его с бывшим экспедитором М. Ю. Мартосом о банном строении. 3: Рецензия на третью часть моих Стихотворений. 4: Изъяснение о древнем Русском поединке на Палках, подавшее повод Строеву и Калайдовичу к возражениям, но оные либеральными нашими журналистами отвергнуты. И, наконец 5: Возражение Князю Шаликову на письмо его о попадье, найденной им в Малороссии. Здесь славный автор доказывает сильными доводами диалектики, что отнюдь не предосудительно попадье носить повсюду с собою связку ключей, которые искони признаваемы были *Символом доброго хозяйства.* Все сии многочисленные творения, плоды двадцати лет помещены в двух журналах. Жаль, что которое-нибудь из наших ученых со словий не соберет их, как законное свое достояние, в одном томике.

Между тем Киевский корреспондент Вестника Европы без малейшей жалости и уважения продолжает глумиться над нашим Историографом, как над малолетним школьником, разбирая уже третий месяц введение его в историю. Бедный Карамзин! одни из земляков его говорят: мы и сами давно так об нем думали, другие дивятся, как они так долго не чувствовали его ничтожности! а постоянно приверженные к нему Авторы первого разряда, только грустят и восклицают: как жаль, что нет Блудова и Дашкова! — впрочем есть наша Литтература не изобильна в новостях: по крайней мере, повторяемые издания старых сочинений доказывают, что Авторы их умели угодить публике. Недавно я читал в М.[осковских] Ведомостях объявление о новом и полном издании басен Крылова, *любезнейшего* нашего *Лафонтена.* Так изъясняется об нем Российский книгопродавец, равно возникают и другие старые Авторы, как призраки из сумрака чистиища; Московский Измайлов выдал собрание мелких переводов своих, подражая Каченовскому и Жуковскому; К.[нязь] Шаликов уже печатает два тома отборных своих сочинений, один стихов, а другой прозы. А Пушкин *старый* уже почти дописал полное собрание своих стихотворений, и решительно хочет их тиснуть.

Вот Вам вкратце История нынешней нашей словесности. Может быть, она не слишком займет вас в стране Мильтонов, Томсонов, Греев и Аддисонов, но вспомните Горацийев стих: «отечества и дым приятен» и извините болтовню давно не говорившего с вами, и искренно любящего и уважающего Вас

Покорнейшего слуги

Ивана Дмитриева».

А. Ильин-Томич, 1995–1996. С. 471–473.

«Кн. Шаликов уже печатает два тома... своих сочинений» — среди имен «особ благоволивших подписаться на сию книгу <<Сочинения Князя Шаликова» (1819. Ч. 2)>» названы: «В Москве... Иван Иванович Дмитриев» (С. 273); «В Петербурге... Катер. Андр. Карамзина и Ник. Мих. Карамзин» (С. 276).

Апрель, 2. Москва.

Письмо к Н. И. Кривцову.

Автограф: РНБ ОР. Ф. 52, *Батюшков П. Н.*, № 244, л. 149–149об. Вероятно, об этом письме пишет Дмитриев Блудову (см. выше). Содержание письма осталось недоступно составителю.

Апрель, 6. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 8. Петербург.

Вечером у Карамзиных А. И. Тургенев читает «вылазку на Каченовского» — стихотворение Вяземского «Быль».

ОА. Т. I. С. 213 (письмо к Вяземскому от 9 апреля 1819 г., в котором А. И. Тургенев пишет, что вчера «поздно ввечеру получил письмо <...> с розгами Каченовскому и вчера же прочел одним Карамзиным»); *СН.* 1897. Кн. 1. С. 75.

Апрель, 9. Петербург.

Карамзин в письме к кн. Вяземскому в Варшаву пишет: «...Очень благодарю и за Гурго, и за Прадта, которых я уже давно (то-есть, около месяца) читал и немедленно отправил чрез Тургенева Ивану Ивановичу. Прадт есть умной болтун и красив фразами».

СН. 1897. Кн. 1. С. 74–76 (№ 58).

Апрель, 10. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, м.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович], за дружеское ваше письмо и пересылку от К.[нзя] В.[яземского] книги. Прошу вас при случае уверить его в искренней моей благодарности за гостинец. Сам же не хочу писать к нему par terresailles, ибо он с выезда из Москвы не писал ко мне еще ни строчки. Один только старый Пушкин награждается его письмами.

Участь бедного Коцебу не выйдет у меня из памяти. Блаженни книжники-скоророписцы, нищи талантом и славою: яко тии тучни и долголетни! И так не втуне Каченовской глумил и глумит над Историографом, как над малолетним и бесграмотным школьником. *Conservateur*, о котором здесь говорят будто это официальная газета, издаваемая будто под особенным надзором президента Академии Наук, назвал его *Auteur célèbre par de nombreux ouvrages, qui se distinguent éminement par leur utilité etc.* А Р.[оссийская] Академия усыновила его, и как нарочно, тотчас после оскорбительных и нелепых фраз его на щет Карамзина. Да здравствует наше просвещение! Каждый номер газет, каждое к ним прибавление, многие статьи журналистов, доказывают успехи его в наше время. Какие прекрасные образцы для наших детей на поприще словесности! Карамзин всегда журит меня за мое лепетанье об этом, но я не могу быть хладнокровным, хотя и сам не рад тому. –

Простите, почтенный А.[лександр] И.[ванович], и вы, что я, может быть, утрудил ваше терпение. Поздравляю вас с праздником и с самым искренним почтением пребуду навсегда и пр.»

РА. 1867. № 7. Стб. 1104–1105. Здесь же (Стб. 1105–1106) примечание И. И. Дмитриева: «*Conservateur*: о влиянии Радищева и Нарезного на успехи нашей словесности и славу Жуковского и Батюшкова – *Инвалид*: статья против просвещения, рецензии и полит.[ическое] известие из Конст.[антинополя] о Грузии. – *Труды Казанскаго уч.[енаго] Общества*: разбор красот гр. Х. [востова] и пр. – М.[оск.] У.[нив.] издаваемый журнал: – насмешки над единственным нашим писателем».

«*Conservateur*: о влиянии Радищева и Нарезного на успехи нашей словесности...» – Дмитриев понимает здесь статью «*Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe*» (Article 1-er communiqué), напечатанную «*Conservateur impartial*» (1817. № 77. 25 сентября (7 ноября). С. 380). Автор: В. К. Кюхельбекер (см.: *Кюхельбекер*, 1979. С. 434–435).

Апрель, 10. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 23 (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 10. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к князю Вяземскому в Варшаву сообщает, что «Иван Иванович Дмитриев получил книгу Прадта о Ахенском конгрессе <«L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle»> прямо из Лондона. Ему прислал ее Кривцов. <...> Степнинский сердит чрезвычайно на Ивана Ивановича и на него мне жаловался. Лафонтен наш смеялся над его париком, крашеными бровями и пр. <...> Шаликов печатает все свои сочинения – прозу и стихи. Он также в большой немилости у Степнинского, который почитает его орудием Ивана Ивановича и называет бедного Вздыхалова аспидом и Василиском».

Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 226.

Апрель, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! прекрасное время заставляет нас собираться в Царское Село: думаем ехать туда 28 или 26, с тем, чтобы Катерине Андр.[еевне] и родить там — дай Бог, благополучно.

Ты нас мажешь по губам, говоря о желании своем приехать сюда: как бы хорошо было! Мы же будем к Москве ближе двадцатью верстами. Но, по добродетельному или жестокому для меня правилу, не зову: дружеская ответственность стоит Государственной. Истинный смысл сказанного тобою слова: *тебе хорошо, есть: ты умеешь быть признательным за ласку, за любезное с тобою обхождение, и между тем смотришь в свою нору, т. е. в Москву.* Я стареюсь, милой друг: судьба жизни моей решена: поздно замышлять новости. Благодарю Бога за то, что имею. Il faut quitter le monde avant qu'il ne nous quitte. Москву воображаю для себя уединением, оживляемым иногда беседою малочисленных друзей, старых, снисходительных, бескорыстных. Иное дело, если бы сыновья наши были уже в тех летах, чтобы вступить здесь в какойнибудь институт для ученья и воспитания; но Андрею, старшему, еще 5 лет или менее. Знаешь ли, чтобы могло привязать меня к Петербургу (между нами будь сказано)? Случай делать иногда добро людям; но это очень неверно, и колет иным глаза; я же (видит Бог) не хвастун, и в самом добре не люблю кривой дороги. Allons donc planter nos choux!

Вместе с тобою жалею о временах, когда мирно гуляла Фантазия в стихах и в прозе: законодательное и правительственное умничанье делается несносным для ума недетского. Хотят уронить троны, чтобы на их место завалить кучи журналов, думая, что Журналисты могут править светом. Я не пророк: не знаю, что будет в Европе; но знаю, что может быть; а всего более знаю то, что нынешние умники не далеки от глупцев. Право!

Ведаешь ли, что ты избрал Каченовского в члены Рос. Академии? Я положил белой шар и за себя и за тебя, и за Жуковского, и за Оленина. Это совсем не великодушие. Критика его весьма поучительна и добросовестна. Не имею духа бранить тебя за твое негодование; но сам не хочу сердиться.

Прата я читал, т. е. красивые его фразы. Обнимаю тебя, любезнейший. Жена моя, дети, большие и малыя, все, все тебя обнимают. Будь здоров и спокоен.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 260—261 (№ 231).

Апрель, 25. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Тысячу благодарностей, почтеннейший и любезнейший А.[лександр] И.[ванович], за дружеское ваше писание. Спасибо умному и доброму Вяземскому не столько за книгу, на которую передаю вам мои права от всего сердца, сколько за объявление войны школьному магистру. Пусть он узнает, что не все авторы наши малодушны или бессильны. Нетерпеливо буду ожидать *Сына Отечества*. Желая также, чтоб скорее пришел к нам и новый перевод Нового Завета. Это для меня наилучший подвиг нашего библейского общества.

Напрасно вы не читаете наших журналов. ЕСТЬЛИ образованные люди и авторы с талантом не будут заниматься ими, то кто же будет надзирать за журналами? Они и подавно заврутятся или будут тиранами в словесности. Наша публика не может еще быть их нянюшкою. Она верует слепо в того, кто наглее других, и даже любит читать их насмешки и оскорбления на счет известных авторов.

И так, Стурдза скоро будет к вам и с молодою женою? Очень хорошо делает. И то и другое будет ему во здравие.

Где же милый мой Северин? Уведомьте меня, где он и скоро ли возвратится?

Я позавидовал вашей вечеринке у Натальи Яковлевны. Грустно под старость жить как в чужой земле, далеко от всех, которых любил. Впрочем, может быть, это и в пользу: по маленьку привыкаешь отставать от всех мирских благ, а чем меньше скарбу, тем легче собираться в дорогу. Однакожь хочется еще всех видеть. Меж-

ду тем с чувством непритворной любви и душевного почтения навсегда имею честь быть и пр.

Р. С. Братцу мое почтение. Состоится ли журнал его? Получу ли я Лас-Казаса? Томлюсь ожиданием того и другого».

РА. 1867. № 7. Стб. 1106—1107.

Май, 1. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! мы поспешили переехать в Царское Село для того, чтобы Катерина Андр. могла удобнее ходить пешком: но я не замедлил простудиться и сию с головною болью, не веселясь весною холоднойю и голыми деревьями.

Сделай одолжение, отдай приложенное письмо Вере Сергеевне. По некоторому обстоятельству я сомневаюсь в хорошем действии моей просьбы об Александре Ильиче. Увидим. Верные друзья мои в Москве, а не в Петербурге. Скажу тебе за тайну следующее: одна дворянка просила меня через Нелединского написать ей письмо к Государю с жалобой на 1-й Департамент Сената, которой осудил ее, за недоимку по винному откупу, быть сосланною в каторжную работу, вопреки Дворянской Грамоте, без суда и без доклада Императору. Я написал и доставил письмо по адресу; а Государь отдал эту жалобу в Комитет Министров и приказал спросить у Сената, как он мог поступить таким образом? Министры знают, кажется, кем писана жалоба. Не чудно будет, если некоторые и рассердятся. Вот почему думаю, что прозбы моей об Александре Ильиче не уважат. Но это между нами! Я любопытен видеть конец этого дела. Не уже ли, для соблюдения казенного интереса, Сенат имеет право уничтожить Дворянскую Грамоту, закон Государственный? Говорят, что Министр Финансов усиленно оправдывает это действие 1-го Департамента.

Еще не знаем, здесь ли родит Катерина Андр., или мы к Июлю должны будем возвратиться в Петербург. Здешняя Бабушка, которая принимала нашего малютку Николеньку, очень не здорова; а другой нет. Это меня беспокоит.

Прости, любезнейший. Все мы обнимаем тебя. Будь здоров и спокоен. Навеки твой

Н. Карамзин.

Можешь писать ко мне прямо в *Царское Село*».

Карамзин, 1866. С. 261—262 (№ 232).

Карамзины переехали в Царское Село 26 апреля. О своей простуде и болезни Карамзин писал и кн. Вяземскому (СН. 1897. Кн. 1. С. 76).

Май, 4. Москва.

В гостях у Дмитриева В. Л. Пушкин.

См. письмо к А. И. Тургеневу от 4 мая 1819 г.

Май, 4. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Всем сердцем благодарю вас, любезнейший А.[лександр] И.[ванович], за уведомление о Северине. Оно меня успокоило. Здесь я поражен был слухами, будто его уже нет на свете, а другие сказывали, что он жив еще, но помешан в уме. Вы можете судить легко ли мне было о том и другом слышать.

Я передал и поклон и упрек ваш Пушкину. Он сейчас только меня оставил и поручил вам сказать, что весь груз отправит к вам, даже и на легкой почте. Онный состоять будет в целых двух эпиграммах. Из них одна, самая свежая, на Каченовского. И так, он ускользнул от поражения Вяземского: какой счастливец! Верно покровительствоует ему Палиссотова богиня.

Утишаюсь, по крайней мере, тем, что вы ласкаете меня надеждою увидаться с вами на берегу Патриарших Прудов. Между тем мысленно вас обнимаю и пребуду навсегда с душевным почтением».

РА. 1867. № 7. Стб. 1107—1108.

Май, 5. Петербург.

А. И. Тургенев получает письмо Дмитриева от 25 апреля 1819 г.

Май, 6. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Я имел честь получить вчера письмо вашего высокопревосходительства от 25 апреля и жалею, что Сын Отечества не мог еще порадовать вас прозой Вяземского. Цензура, т. е. грозный Яценко вооружился против Вольтера, которого не бранит Вяземский за терпимость, похваляя Русское правительство за сию коренную добродетель его <речь идет о статье кн. Вяземского «О новых письмах Вольтера»>. Дело пошло на рассмотрение высшего начальства. Не знаю еще, чем кончится, и одержит ли победу здравый рассудок над мнением цензора. Будем надеяться. Но между тем Вяземский скоро, может быть, заслужит другим опытом лестное одобрение ваше. Вы первый об оном узнаете; разумеется, однакоже после меня, литературного лазутчика.

Брат Николай приемлет с чувствительною признательностию участие ваше в намерении его издавать журнал. Вероятно оно состоится в исполнении, ибо много уже материалов заготовлено, и он обыкновенно преследует свои предприятия. Но сотрудники еще весьма зелены, исключая молодого Муравьева <Никиты Михайловича>, который подает прекрасную надежду. Я опасуюсь однакоже, чтобы новое место брата Николая не заняло всей его деятельности. Он сделан управляющим III отделением Министерства Финансов, которое давно желало иметь его, но брат долго не соглашался вступать снова в оное и убежден был только счастливым negotiatorом, графом Нессельроде и благородным характером министра. Он с ним будет в непосредственных сношениях. Часть сия делается теперь весьма важною; ибо к ней относятся все кредитныя установления, банки, сношения по займам и по переводам сумм в чужих краях и долги внутренние. Занимавший сие место д. с. с. Жерве уволен от оного с позволением ехать в чужие края и с сохранением всех окладов. Другой награды не желал бы за службу; жаль, если надобно для получения оной потерять прежде здоровье. Брат остается и в Совете, но оставляет Коммиссию Законов. Вы справедливо укоряете меня в нечитании Русских журналов; но справедливо ли и не жестоко ль самое требование ваше? Принужденный по обстоятельствам читать и слушать так называемыя государственныя прения, я вяну умом и душою и редко, весьма редко, освежаю умственныя силы мои чтением изящного, и то бывает урывками, без плана, без постоянного направления к одному предмету. Что же будет, если вместо того, чтобы в часы безмятежного досуга, в забвении утренних занятий, читать Минерву, я стану возмущать желчь свою азиатским Вестником <здесь: Вестник Европы>. Избегая надзора за журналом, которого вы мне желаете, я лучше пойду в квартальные надзиратели. Там я имею бутюшников и Городовое Положение, а Устав о ценсуре, прекрасный памятник первого пятилетия государственования Александра, давно разрушен, если не законом, то силою и духом времени, к которому сила обыкновенно прибегает для извинения действий своих. Нет, я готов приносить себя на жертву, там, где требует сего польза приятелей или общественная; но желаю оставаться эгоистом по части просвещения и действовать только в таких случаях, когда, без насилия своим правилам, позволяется мне участвовать в общей мере; а разделять мелкия состязания мелких умов не хочу, сберегая малый мой капитал на лучшее, благороднейшее употребление. Если б я одарен был талантом, то звание писателя имело бы для меня прелесть, но и тогда не унизился бы я до журналиста мелкой литературы; а разве участвовал бы только в таком издании, которого цель блгой политическое и высшая нравственность, поспешествованию которой может много содействовать и поэзия, и вся изящная, высшая словесность. Теперь же избираю лучших и умнейших между современниками, и, читая мертвых, стараюсь не прерывать беседы с первыми; заслуживать любовь их любовию всего изящного в них. Я не теряю однако ж надежды обратить на себя и их внимание; но для этого нужно время и исполнение тех надежд, которые теперь уже прельщают мое воображение.

Кстати о воображении: я получил недавно прелестное письмо от нашего Батюшкова из Неаполя. По всему видно, что он в полном наслаждении. Наблюдения и замечания его описаны в прекрасном слого. Он точно имеет ум наблюдательный, который возвышается его воображением. Любовь к отдаленному отечеству заставляет его иногда мечтать о нем, и не без пользы для силы чувства. Он получил письмо от Дашкова, который также вздыхает по отечеству. Батюшков уже встретил давно весну. Она там в полном цвете: миндалевое дерево покрыто цветами, розы уже отцветают, а зрелые апельсины падают на землю. Желая, по возможности, утешить себя, я поеду на биржу. И там лежат уже апельсины, но только не на земле, благоухающей цветами. Батюшков просит произведений Русской словесности, но что мне послать ему? Молодой Пушкин еще в рукописи, а Жуковский весь в грамматике! На одного Вяземского вся моя надежда на сей раз. О Северине я уже писал к вам. Стурдза выехал из Варшавы, где стерегла его полиция от замыслов каких то студентов товарищей Занда. Фанатик сей жив: еще, страдает от раны и операции, и не показывает раскаяния в преступлении.

Я сию минуту получил о нем известие из Германии. Против воли оканчиваю беседу с вами, в которой беспрерывно был прерываем. Примите уверение в душевном почтении и пр.»

РА. 1867. № 4. Стб. 646—650.

Май, 13. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший! С самого переезда нашего в Ц.[арское] С.[ело] я простудился, слег в постелю, и только на другой день встаю. Голова не свежа. Скажу единственно о получении дружеского письма твоего через Е. И. Ланскую. Не считаю за нужное уверять тебя в моем усердии; но я теперь никого не вижу. Больные не надежные советники: и так не очень верь моему теперешнему мнению. Ставя себя на твоём месте, я мог бы ехать в Петербург по делам своим и для свидания с друзьями, а при сем случае и представил бы рапорт Государю об окончании дел твоей Комиссии. Кажется, что это всего пристойнее. Пересуды людей не стоят внимания; но пункт издержек важен без сомнения. Подумай, исчисли. Тебе надобно будет издержать тысяч пять, если не ошибаюсь. Во всяком случае приезжай сюда независимым; а мы зависим, когда чего нибудь от других ожидаем. Можешь помочь и не помочь своему межевому делу; но верно то, что Карамзины тебе обрадуются, и Нат. Яковлев., и другие. Перестая: слаба голова. Всем домом обнимаем тебя нежно.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 262—263 (№ 233).

Май, 15. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу пишет: «...кто просит вас печатать мое послание к Дмитриеву? Возвратите мне его скорее с замечаниями, или без замечаний <...>. Разве вы не знаете Дмитриева? Мне нужно прежде ему от себя послать стихи, а там просить позволения их печатать. Легко статься может, что иное тут его и ошеломит...».

ОА. Т. I. С. 234.

Май, 19. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Это был для меня счастливый час, любезнейший А.[лександр] И.[ванович], в который вы захотели со мною говорить с большею охотою и откровенностью: и за то благодарность вам от всего сердца.

С большим удовольствием читал я пленительную вашу апологию <см. письмо Тургенева от 6 мая>, но, признаюсь, не могу последовать вашему эгоизму, хотя и свойственному только умному и доброму человеку. Тупой или злой журналист столько же мне противны, сколько глупый судья или наглый бутושник, употре-

бляющий во зло алебарду свою. И те и другие могут быть вредны. Следственно авторы с талантами должны, содействуя правительству, каждый по своим силам, одних вразумлять, других обуздывать; должны утешать себя тем, что это скучная обязанность есть жертва патриотизму.

Нетерпеливо желаю узнать последнее произведение оригинального и истинного поэта Вяземского, которого, конечно, не затмит и молодой Пушкин, хотя бы талант его и достиг до полной зрелости. Между тем буду очень сожалеть, если предшествовавшее останется под спудом; сожалеть не об нем конечно и не об Вольтере. Я могу соглашаться с Нонотом, и в тоже время отдавать справедливость Гению в том, что произведено им прекрасного и полезного. Сожалеть также и о том, естли новая должность Николая Ивановича <Тургенева, который был назначен управляющим III-м отделением министерства финансов> заставит его отложить издание журнала. Уверьте его в моем почтении.

Как счастлив Батюшков под голубым небом Авзонии! Однакож не лишайте его сведений о плодах отечественного огорода. Пошлите к нему *Некоторые мысли о сущности басни*.

Отечества и дым приятен!

Недавно был я у вашей матушки; она нетерпеливо хочет вас видеть. Поверьте, что вам будет рад и пребывающий к вам с душевным почтением и пр.»

РА. 1867. № 7. Стб. 1108–1109.

Май, 27. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «Послания твоего к Дмитриеву не напечатает. Все это у великого мужа российской грамматики – Жуковского. <...> Вот слова Дмитриева о тебе в последнем его письме ко мне: (далее Тургенев цитирует фрагмент письма от 19 мая 1819 г: «Нетерпеливо желаю узнать ... ~ ... что произведено им прекрасного и полезного»).

ОА. Т. I. С. 242–243.

Май, 27. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Наконец я почти совсем здоров, любезнейший друг; уже третий день гуляю по саду, а вчера даже припудрился и ходил к Императрице Е.[лизавете] А.[лексеевне]. Император в Петербурге. Он был так милостив, что всякой день присылал спрашивать о моем здоровье. Нынешний день думаю съездить и в Павловское, чтобы поклониться доброй Императрице М.[арии] Ф.[едоровне].

Хотя я и не позволял себе звать тебя в Петербург, однакож мне грустно отказать от надежды дружеского свидания. Судьба странным образом развела нас. Вот уже три года, как мы расстались. Если будем живы, то авось соединимся опять в Москве летом 1820 года, что бы вместе доживать век. Стараюсь не на шутку, и еще более душою, нежели телом. Холодею ко всему, кроме любви семейственной и дружбы – кроме того, чем хвалиться не смею, даже и говоря с тобою. Не упущу случая узнать, получены ли здесь твои бумаги, и проч. В течение месяца я почти никого не видал. Об Александре Ильиче еще не могу ничего сказать. Надеюсь, что он не сомневается в моем усердии или в доброй воле. Если Министр Юстиции будет здесь или в Павловском и не посетит нас, то прозьба моя будет безуспешна: это верно. Вообрази, что и Столыпин сердит на меня за письмо, написанное мною для спасения Дворянки от каторжной работы! Воля их, а я человек, и еще не умер душою. Ты провел несколько приятных часов с любезным Графом Сергеем Петровичем: так и мы беседовали с ним в течение прошедшей зимы! он действительно менее других стареется – увь! и еще тоскует о Государственной деятельности, о Дворе, тайно, про себя! О бедное сердце человеческое! и в старости мы все еще худо себя знаем!

Прости, милой друг. Катерина Андр. вместе со мною дружески обнимает тебя. Она должна родить в половине Июня. Верю твоему усердному доброму желанию.

Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 263–264 (№ 234).

Май, 31. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«...Я так на него <Жуковского> зол за своего *Дмитриева*, что готов бы заживо открыть ему торжественный ход, предназначенный придворным мертвецам. Сделай одолжение, пришли мне скорее мои стихи с своими замечаниям, братниными и другими, какая попадутся. У меня не осталось списка, а пора отослать к Ивану Ивановичу. Хорошо, если бы отобрать какие-нибудь приговоры и Карамзина, да племянника-Пушкина».

ОА. Т. I. С. 245.

1819. Май. Москва.

Накануне отъезда из Москвы А. И. Михайловский-Данилевский посещает Дмитриева. Прощание. Через несколько часов Дмитриев приезжает к Михайловскому-Данилевскому, чтобы еще раз увидеться.

«Редкий день проходил, чтобы мы с ним не видались, или бы я от него не получал записок. По отъезде из Москвы я с ним остался в переписке, и помещаю здесь как образчик его слога одно из писем его, кои все у меня сохраняются... (далее следует текст письма от 2-го июля 1814 г., см.)».

РС. 1901. № 3. С. 719–720; см. также: РС. 1899. Декабрь. С. 552–553.

Июнь, 1. Царское Село.

Карамзиных посещает имп. Александр I, который у них «пил чай и просидел часа два».

СН. 1897. Кн. 1. С. 77.

Июнь, 3. Москва.

Письмо к А. В. Казадаеву в Петербург:

«Милостивый государь Александр Васильевич.

Спешу изъяснить вашему превосходительству чувствительную благодарность мою за обязательное ваше писание и за приятный для меня подарок вторым томом прекрасного вашего перевода <Рецов. Новая историческая записки о семилетней войне. СПб., 1818>. Желательно, милостивый государь, чтобы искусное ваше перо со временем еще обогатило нашу словесность переводом и биографии Фридриха, по истине военного.

Впрочем, препоручая себя в продолжение вашего ко мне благорасположения, с чувствами личного почтения и преданности навсегда имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 249.

Июнь, 4. Москва.

Получает из Лондона письмо от Северина.

РС. 1903. № 12. С. 716.

Июнь, 5. Царское Село.

У Н. М. и Е. А. Карамзиных родился сын Владимир (ум. 7.VIII 1879).

Июнь, 5. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Простите меня, любезнейший Александр Иванович, что я с последнею почтою не успел благодарить вас за приятное ваше письмо и новый подарок новейшим отчетом; признаюсь вам, что я, распечатывая пакет, думал вынуть новое Евангелие на веленовой бумаге. Я непременно куплю его и здесь, но только на простой, а мне хотелось бы на хорошей бумаге и в простой бумажке. Еще не можете ли вы

для меня выписать, ежели нет в С.-Петербурге, «Mémoires de Fouché, duc d'Otrante» второго издания в двух томах, только с тем условием, чтоб непременно поставили цену. Я не хочу разорять никого, еще менее, которые любят меня.

Вчера имел удовольствие получить от Северина письмо из Лондона. Обрадован им и очень растроган. Он был очень болен, и уныние его в прежней силе. Нетерпеливо желаю возвратить его в Петербург.

Как я благодарен вам за все ваши милости к Франку! Не знаю даже в лицо его, но искренно беру в нем участие потому, что очень люблю брата его.

Когда же мы дождемся вас? Теперь лучшая пора жить в Москве. Время прекрасное, все вокруг ее цветет и зеленеет; Василий Львович <Пушкин> ходит уже, как здоровый, следовательно, везде можно его увидеть, скучных, но необходимых визитов меньше: половина москвичей разъехались за город, по деревням и по ярмонкам. Словом, в Москве теперь раздолье.

И так у вас теперь к Шиллеру прибавился и Ифланд? я рад соседству последнего; они привыкли жить вместе и любят друг друга. Может быть, Плещеев успеет обратить Жуковского к поэзии и простудит его к грамматическим таблицам. Как можно поэту заниматься такою работою!! Что же вы ничего не сказали о судьбе пиесы Вяземского? Неужели она предана забвению или сожжению. Это было бы не очень либерально. Приезжайте, приезжайте скорее. С сею надеждою душевно обнимает вашего превосходительства покорнейший слуга И. Дмитриев.

Покорнейше прошу вас поздравить его высокородие Николая Ивановича с новым чином. Готов пожелать ему и еще высшего, но только с тем, чтоб не откладывать издание журнала».

РС. 1903. № 12. С. 716 (№ 21).

Июнь, 13. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! благодаря Бога, Катерина Андр. по немногу оправляется. Я раза два был в безпокойстве. Ныне девятой день: она уже встает с постели, и вчера ездил я в Павловское, изъяснить нашу признательность Императрице, которая любезною запискою поздравляла нас с рождением четвертого сына. Августейший наш Хозяин третьего дни уехал в город. Как скоро он узнал, что Катерина Андр. родила, то приказал устлать две улицы соломою, и всякой день осведомлялся об ее здоровье, присылая сперва Каммердинера, а после своего лакея. За три дни до родин жены он посещал ее, пробыл у нас часа два и пил чай. Также и Императрица Елисавета Алекс. очень милостива. Я откровенно сказал ей о замеченной мною холодности в прошедшее лето: она приняла эту искренность очень любезно. Наталья Яковлевна (у которой все еще болит нога), доказывает нам, что мы непременно должны просить Государя быть крестным отцем новорожденного; но мы остраемся при старой системе. Он крестит обыкновенно у Генерал-Адъютантов, у придворных etc.; а мы не придворные: сердечно благодарим за всякой знак милости, а не просим или не напрашиваемся.

Бумаги твоей Коммиссии должны быть у Статс-Секретаря Муравьева, если не у Графа Аракчеева, которой теперь в деревне. Муравьев лишился жены и в большой горести. Он, думаю, не ездит в Царское Село; а писать к нему не считаю нужным. Надеюсь узнать от других, что будет. После прекрасного времени здесь льются дожди. Считаю это лето для себя последним в Царском Селе. Второе издание моей Истории должно отпечататься в Декабре. Если будем живы, то в следующем Мае отправимся *на долги* в Москву доживать век. Здесь я еще не говорю об этом; но так решительно предполагаю, не смотря на милостивое к нам расположение любезнейшего Государя (Которого имя пишу крупными буквами и в письме к Другу!) Я хочу возвратиться к тебе с старыми двумя тысячами пенсии и с чином Статского Советника; по крайней мере отличусь тем от других, которые мне гадки. Я не имею права на новья благодеяния Государевы. Признаюсь, что мне жаль будет удалиться навсегда от Него и от Императриц. Вдовствующая сказала мне, что уже не будет впредь звать меня; то есть, что могу ездить в Павловское, когда хочу. Однакожь – надобно ехать в Москву, чтобы умереть там, где я провел почти всю жизнь свою!

Катерина Андр. дружески обнимает тебя, а за нею и дочери и сыновья.

Министр Юстиции был в Павловском, а к нам не заехал: худо! Едва ли могу просить его об Александре Ильиче с успехом. Между тем он переезжает в дом Министерской; т. е. остается еще на несколько времени в этой должности.

Прости, милой друг! Будь здоров и спокоен духом.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 265–266 (№ 235).

Июнь, 14. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 24–24об. (1-я, старая, пагинация).*

Июнь, 16. Петербург.

Рескрипт о награждении И. И. Дмитриева орденом св. Владимира 1-й степени за труды по Комиссии о пособии разоренным от неприятеля жителям Москвы (учреждена 30-го августа 1816 г.):

«Высочайший Рескрипт по случаю окончательного отчета Комиссии.

Иван Иванович! Полученный мною ныне окончательный отчет Комиссии, под вашим председательством учрежденной, о пособии разоренным от неприятеля жителям Москвы оправдал вполне ту мою доверенность, с которою я поручал дело сие вашему руководству и попечению, и ожиданиям моим удовлетворяет.

Я вменяю себе в удовольствие изъявить мою признательность к трудам, вами по сему поручению понесенным, ныне же пожаловав вас кавалером ордена св. Владимира 1-й степени, и возлагаю на вас объявить мое благоволение и прочим членам Комиссии, содействовавшим вам в деле человеколюбия.

Пребываю вам благосклонный

АЛЕКСАНДР.

Царское село. 16 Июня 1819».

Дмитриев, 1866. С. 259.

Июнь, 17 ... 19. Царское Село.

А. Л. Нарышкин высылает И. И. Дмитриеву звезду с лентой ордена Св. Владимира 1-ой степени.

Карамзин, 1866. С. 267.

Июнь, 20. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший Кавалер Первой степени Владимира! сердечно радуюсь, и поздравляю тебя. Вчера в Павловском сказывал мне А. Л. Нарышкин, что он уже послал к тебе и звезду с лентой. Вот доказательство, что Государь расположен к тебе весьма милостиво, а Граф Аракчеев благосклонно. Последний был в Царском Селе четвертого дни и докладывал как вероятно, по бумагам твоей Комиссии. Ты получил если не самую прибыльную, то по крайней мере самую блестящую награду. Так все находят. – О награждении других еще ничего не знаю.

Жена моя оправляется; а я вчера в Павловском снова простудился. Там Плещеев читал комедию. Все Павловские уже недели две восхищаются его чтением.

Дело дворянки, приговоренной 1-м Деп. Сената быть сосланною в каторжную работу, после рассмотрения в Комитете Министров решено Государем: определение Сената в Имянном Указе названо *противным коренному Государственному закону* (Дворян. грамоте) и уничтожено. Честь Дворянства сохранена; но некоторые не возлюбили меня, а другие разлюбили. Бог с ними и со всеми! Если буду жив, то уберусь в Москву через несколько месяцев.

Прости, милой друг. Жена моя вместе со мною обнимает тебя, и дети также.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 267 (№ 236).

Июнь, 24. Царское Село.

Крещение в семействе Карамзина сына Владимира.

СН. 1897. Кн. 1. С. 78.

Июнь, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 25* (1-я, старая, пагинация).

Июнь, 25. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «И. И. Дмитриев – первой степени Владимира кавалер».

ОА. Т. I. С. 256.

Июнь, 30. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за добрую весть о Екатерине Андреевне <Карамзиной>. Дай Бог, чтоб новорожденный <Владимир Николаевич Карамзин> был в отца и мать и воспел нам своего патрона, только не гекзамером. Присланную книгу непременно доставлю Василью Львовичу. Признаюсь, что я не без досады узнал об моем обмане: до прочтения вашего письма думал, что это мне подарок. Повторяю еще мою просьбу, об Записках Фуше. Она продается в Петербурге у Сен-Флорана. Сделайте одолжение, пришлите поскорее; только непременно прошу вас объявить цену. В противном случае удержусь обременять вас моими поручениями. Нет, накладно дарить французскими книгами. Не утерплю, чтоб не напомнить вам и об Лас-Казасе.

За тем в нетерпеливом ожидании видеть вас в Москве, с душевным почтением навсегда, имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Р. С. Хотел бы знать об дальнейшей участи пьесы Вяземского».

РА. 1867. № 7. Стб. 1109–1110.

Июль, 1 (13). Буюкдере (деревня в 18 верстах от Константинополя, на европейской стороне).

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Возобновившаяся болезнь и шестинедельное отсутствие для поправления здоровья на Острова Принцезы и в окрестности Исмида (Никомидии) мешали мне до сих пор отвечать на последнее письмо вашего высокопревосходительства. Простите мне сие невольное замедление. Оно было для меня тяжело: в отдалении от отечества и в болезни всего приятнее переноситься мыслию к тем, кои нам дороги.

Здесьшний климат и жизнь решительно мне вредны. Сам почтенный начальник мой, так долго меня при себе удерживавший, уверился наконец в том, что мне нельзя ожидать здесь выздоровления, и согласился подкрепить просьбу о годовом отпуске. Она уже отправлена, и к концу августа получим ответ министерства. Оно будет очень недовольно, но как же быть? Как противиться двухлетнему опыту? Граф Каподистрия как бы нарочно писал ко мне недавно из Корфу, уговаривая остаться при сем poste – только что не говорит: *навсегда*, а я не надеялся бы выдержать и одной еще зимы! Получив отпуск, я поспешу уехать прежде сентябрьских бурь и, если будет можно, заверну хотя дня на три в Москву, крайне желая увидиться с вами после долгого отсутствия. А там – в деревню, к матушке: авось на свободе и в бездействии укрепятся совершенно расстроенные нервы.

Приношу вам, милостивый государь, чувствительную благодарность, за московские новости: оне меня ни мало не удивляют. Знаю давно гг. московских беседчиков. Вяземский из Варшавы горько жалуется на критиков Карамзина и еще, кажется, на его вступление в Академию. Признаюсь – вам одним, что я не совсем

далек от сего мнения. Отложим из академического списка несколько имен истинно почтенных и славных, кто из *истих* членов заслугами и литературным характером? Какая будущая польза могла в глазах Н.[иколая] Мих.[айловича] <Карамзина> привести в забвение его обиду, обиду всей нашей словесности? Принимая позднее его избрание в самом снисходительном смысле, не значит ли оно, что Н.[иколай] М.[ихайлович] до издания Русской Истории, не написал ничего дельного, ничего достойного сравниться с бессмертными трудами Пospелова, Гнедича, Муравьева, Оленина, и Бог знает кого еще? Грешно нам открывать, по библейскому выражению, *наготу* отца но право многим пламенным почитателям Карамзина приятнее было бы думать, что будущие достойные академики скажут: *Rein ne manque à sa gloire, il manquait à la nôtre* <Слава его была полна, но его недоставало для нашей славы> нежели видеть его теперь крестником Шишкова.

По крайней мере, Н.[иколай] М.[ихайлович] <Карамзин> откупился прекрасною речью; а Жуковский? Трудно поверить, чтобы в грамматических его таблицах было много поэзии.

Воспоминание Нат.[альи] Яковл.[евны], право, для меня дорого. Буду прилежно писать к ней из деревни и усердно просить ее о сообщении хотя нескольких страничек (в виде письма) начатого *Voyage autour de ma chambre* <Путешествие вокруг моей комнаты>.

Примите еще раз из Буюкдере искреннейшее уверение в глубочайшем почтении и сердечной преданности, с коими навсегда честь имею пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Д. Дашков».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 591–593.

Июль, 1. Петербург.

А. И. Тургенев в письме просит кн. Вяземского прислать «акты конституции <польской>», которые тот послал к Дмитриеву.

ОА. Т. I. С. 259.

Июль, 1(?). Москва.

«Трикатный Антон» (Прокопович-Антонский А. А.) приезжает к И. И. Дмитриеву пригласить последнего на годичный акт в Московский Университет.

РА. 1867. № 7. Стб. 1110.

Июль, 2. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за добрую весть о Пушкине, чем я очень порадован, равно как и за книгу. Она интересна, однако же я ожидал большего, полагая, что она им самим писана, та самая, о которой никогда предваряли во французских газетах. Пускай Вяземский пишет, что хочет, буду читать все с удовольствием. Нельзя ли, по крайней мере, прислать с попутчиком запрещенную его пиесу? Удивительно, если запрещена только за то, что он хвалит талант Вольтера. Один только безграмотный калмык может не хвалить его.

Через два дня будет годичный акт в университете. Каченовский, как я слышал, будет очередным оратором. Трикатный Антон приезжал сам звать меня. Я обещал, только с условием, что если Каченовский и с кафедры изрыгнет анафему на Карамзина, тогда я возвращу им диплом и навсегда с ними расстанусь.

До свидания, почтенный Александр Иванович, будьте здоровы и продолжайте любить преданного вам навсегда и пр.».

РА. 1867. № 7. Стб. 1110.

Июль, 2. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому:

«Спешу изъявить вам сердечную благодарность мою за обязательное ваше письмо и благосклонное приветствие меня с получением новой награды от великодуш-

ного государя. Чувства, с которыми я принял ее – неизъяснимы. Твержу только про себя старый мой стих: да будет счастье и слава вечно с ним!

Искренно могу вас уверить, что отсутствие ваше из Москвы весьма для меня ощутительно. Сказанное вами о моей беседе, по всей справедливости, приличнее мне обратиться к вашей; она истинно была для меня любопытна: вы были свидетели великих подвигов, необыкновенных переворотов; видели лицом к лицу знаменитых виновников оных; вы беседовали с Виландом, Гете и лучшими умами Франции; после столь громких имен, могу ли я без смущения благодарить вас, что вы обещаете когда-нибудь в записках ваших вспомнить и меня, неприметную точку на поприще словесности; вся моя авторская жизнь упишется на одной строчке.

Закрываю покорнейшею просьбою о продолжении ко мне вашей приязни, весьма для меня лестной, и свидетельством душевного почтения, с которым навсегда имею честь пребыть и проч.»

РС. 1901. Март. С. 719–720. В РС (1899. Декабрь. С. 552–553) письмо это датировано 1814 годом; см. также: «Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // РС. 1899. Декабрь. С. 552–553.

Июль (ок. 5-го). Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой А.[лександр] И.[ванович].

Всем сердцем благодарю вас, любезнейший земляк, за дружеское приветствие меня с получением высокомонаршей милости. *Честолюбие мое удовлетворено* в полной мере: остается только благодарить Бога и государя по конец дней моих.

Я сегодня был у вашей матушки. Она опечалила меня, сказав решительно, что вы уже к нам не будете. Не скрою от вас, что она очень огорчается своим одиночеством; даже и поплакала, хотя и уверяла меня, что сама не приказала вам проситься в отпуск.

Как вы обрадовали меня известием о молодом Пушкине. Я его не знаю, но всем сердцем брал участие в его болезни. Радуюсь и окончанию грам.[матических] Таблиц <Жуковский составил для императрицы Александры Феодоровны «Esquisse de grammaire russe». St. Pétersbourg. 1818>, и возвращению Жуковского в свое отечество <из Дерпта в Москву>. Что же касается до Вяземского, нимало об нем не сожалею: не во гнев своенравной цензуре и ученнейшему совету, он и без печати будет читан и проживет долго, а Карамзин еще и долее.

Простите любезный А.[лександр] И.[ванович]. Поручаю себя в продолжение вашей приязни и с отличным почтением навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашего прев.[осходительства] покорнейший слуга И.[ван] Д.[митриев].

Любезному вашему братцу покорнейше прошу сказать искреннее мое почтение и таковую же благодарность за его и во мне участие. Будет ли и когда обещаемый журнал?»

РА. 1867. № 7. Стб. 1090–1091; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 230.

Июль, 5. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет: «...Я за Дмитриева рад, а за себя бешусь. Мне скорее хотелось бы, чтобы дали ему Владимира за басню, чем за то, что он сидит с Малиновским над Ильиным. Прилично ли ему, с умом и достоинствами его, быть *le grand aumônier de Moscou* и получать за это награждения, коих не удостоился он в звании государственного министра? <...> Дмитриев уже прожил честь своей отставки, как Сперанский в Пензе – славу своего изгнания».

ОА. Т. I. С. 262.

Июль, 8. Царское Село.

Карамзин в письме к Вяземским в Варшаву пишет: «...Вы уже знаете, что Ивану Ивановичу дан Владимир 1-й степени за коммисию благотворений. Он рад, и я за него рад. Кому аренды, а ему почести. В письмах своих ко мне он

молчит, но слышу от других о намерении его переселиться сюда. В таком случае мы опять разведемся, ибо стою в том, чтобы умереть в гостях у бригадирши (вы так называете Москву?)».

СН. 1897. Кн. 1. С. 80-81 (№ 63).

Июль, 8. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! разделяешь с тобою чувство живой признательности к милостивому Государю. Кто Его знает, тот любит. Он доказал, сколь хорошо расположен к тебе.

Но в то же время берем искреннейшее участие и в твоём беспокойстве о племяннике. Авось другие поправят, что одни испортила: говорю о Докторах. Это сын незабвенного Александра Ивановича? в таком случае болезнь не есть ли наследственная, от матери? Я помню, что она страдала ногами. Ты, кажется, уже не поедешь законодательствовать в Сызранскую округу: лето за половину; а осенью не весело странствовать по матушке России. Из Москвы пишут, что ты мыслишь переселиться на берега Невы: не знаю, желать или не желать того. Странно, если судьба опять разведет нас: ибо мы стоим в том, чтобы возвратиться в объятия *Бригадирши*, хотя бы и неблагодарной, хотя и не веселой. Ты представляешь ее в изрядной каррикатуре! Улыбаюсь, даже смеюсь; а все таки собираюсь на Арбат или в Басманную!.. Мой друг! в мои лета, и с моим характером, надобно думать уже не о любезных обществах, а о том, чтобы в тишине доживать век. Если бы я был богат, то разве для дочерей остался бы в Петербурге, где более женихов, нежели в Москве; давал бы вечера, etc. Но половина *исторического* капитала уже рассеялась, не смотря на бережливость мою. Сыновья еще не доросли до Лицейского пансиона. Выезжать ленью; суетности имею мало; пользы не предвижу: и так лучше бригадирствовать, в ожидании звонка, и с надеждою на милость Божию в рассуждении судьбы детей. С милою женою буду и в Москве, а может быть и с тобою, если не уедешь в Петербург. Аминь.

Франц. перевод Истории печатается в Париже; Руск. нового издания посланы к тебе 3-й и 4-й томы; 5-й почти готов, 6-й печатается, 9-й изредка пишется и требую еще месяцев трех прилежной работы, чтобы поступить в типографию, если решусь печатать его: ибо меня берет раздумье: в нем ужасы!

Прости, милой друг! Нежно, нежно обнимаю тебя. Будь здоров и люби твоего
Н. Карамзина.

P.S. О. П. Козодавлев очень болен, как сказывают. От Каподистриас получили мы дружеское письмо из Корфу: он будет к Сентябрю. Пушкин спасен Музами. Плещеев читает. Жуковской пишет стихи к Фрейлинам. У любезной Натальи Яковлевны рожа на руке и на ноге, но без жару».

Карамзин, 1866. С. 268—269 (№ 237).

Июль, 9. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 26 (1-я, старая, пагинация).

Июль, 9. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «Дмитриев очень рад ленте; но и в радости горюет, что твоя пиеса о Вольтере не пропущена, хотя и не жалеет о тебе. Вот его слова: Что же касается до Вяземского, ни мало о нем не сожалею: не во гнев своенравной ценуре и ученийшему совету, он и без печати будет читан и проживет долго, а Карамзин еще и долее».

ОА. Т. I. С. 264.

Июль, 11. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! третьяго дни при встрече с Государем я сказал Ему, как ты был тронут знаком Его милости. Он с видом искренняго удовольствия повторил несколько раз, что тебя любит, зная благородство твоего характера; хвалил твой ум; вспомнил некоторыя слова твои, и между прочим, как ты первым щеголем в городе признавал О. П. Козодавлева, etc. etc. Этот щеголь опасно болен. Искренно жалею. В нем много доброго, не смотря на то, что вошел в пословицу не с хорошей стороны.

Мы, слава Богу! здоровы. Жена еще не показывается при Дворе, но ходит и ездит гулять. Вчера мы были в Славянке, которая напомнила нам Московския окрестности. Прости, милой Друг. Будь здоров и спокоен. Дай Бог, чтобы доброй твой племянник выздоровел.

Навеки твой Н. Карамзин.

Наталье Яковлевне гораздо лучше».

Карамзин, 1866. С. 269—270 (№ 238).

Июль, 16. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 57), в известиях из Санкт-Петербурга от 5-го июля, сообщается о пожаловании И. И. Дмитриеву орд. Владимира 1-ой степени за окончательный отчет «комиссии для пособия разоренным жителям Москвы», председателем которой он был.

Июль, 19. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 27 (1-я, старая, пагинация).*

Июль, 19. Петербург.

Кончина министра внутренних дел О. П. Козодавлева.

Сын Отечества. 1819. № 32. Ч. 55. С. 281 (смесь).

Июль, не позже 22-го. Москва.

Получает два письма от А. И. Тургенева из Петербурга.

РС. 1903. № 12. С. 717.

Июль, 22. Москва.

В письме к А. И. Тургеневу в Петербург Дмитриев пишет:

«Благодарю вас, почтеннейший Александр Иванович, за два ваши письма и за обещание прислать мне что-нибудь из французской словесности. Если вы еще ничего не послали, то предворяю вас, что для меня приятнее было бы получить не стихи, а прозу; например, что-нибудь ораторское, историческое или сатирическое. До трагедий же я и с молодю не был охотником.

Хотя и отрекаюсь от французских стихов, но очень рад выздоровлению Пушкина, с удовольствием читал остроумную его безделку и искренно желаю, чтобы пользуясь свободю в сельском уединении, дописал свою поэму или по крайней мере прибавил хоть одну песню. Надеюсь, что вы сдержите слово и пришлете Вяземского прозу, коль скоро вырвете ее из когтей гасильщиков.

Жаль Осипа Петровича <Козодавлева>, однакож И. А. Рушковский, сообщая мне ваше последнее письмо, уведомляет меня, что опасность уже прошла, и ему стало гораздо лучше. Дай Бог, чтоб это было вернее вашего известия.

Довольно пищи и для нашего клуба: у вас огонь, а у нас вода наделала хлопот полиции, а еще более лесным промышленникам. От великаго напора воды снесло Дорогомилов мост, и смиренная Москва река внутри города запружена прибитым льдом.

Поздравляю заочно П. с получением за выслугу лет чина; я, право, и не знал, что он все это время служил, пока двадцать лет жил в деревне.

Прощайте, любезнейший Александр Иванович, кланяйтесь братцу, напомните ему об журнале, будьте здоровы и продолжайте любить пребывающего к вам с отличными почтениями вашего превосходительства покорнейшего слугу Ивана Дмитриева».

РС. 1903. № 12. С. 717.

Июль, 30. Москва.

Дмитриев обедает в Английском клубе.

См.: «Июль, 30; письмо к А. И. Тургеневу».

Июль, 30. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Сердечно сожалею, милостивый государь и любезнейший Александр Иванович, о кончине Осипа Петровича <Козодавлева>. Я должен с признательностью вспомнить его; он захотел быть знаком со мною еще в моем сержантстве, продолжал приязнь свою ко мне в министерском нашем служении и впоследствии доказал мне, что любит и отставных на равне с служащими. Прошу вас, если будет случай и место, уверить Анну Петровну <Козодавлеву> в искреннем моем участии в ее потери.

Сегодня я обедал в клубе: там уже начинают ворожить, кто будет преемником. Будучи увлечен заразою примеров, и я про себя подал голос в пользу Арш. [еневского] <Ильи Яковлевича> и тогда же подумал, а может быть Кампенаузен или Карнеев?

Я разбогател *Опытами* воспитанников Духовной Академии: сегодня еще получил три экземпляра от ректора. За бездействием наших гениев, искренно рад и опытам. Утешьте меня присылкою, если можно, хотя первой песни поэмы Пушкина; нетерпеливо хочу узнать ее.

Скажите Николаю Михайловичу <Карамзину>, что я в первый раз доволен его портретом <Уткина>. Он очень сходен. Глядя на него, я как будто вижу и слышу самого историкографа.

Затем мысленно вас обнимаю, и с душевным почтением навсегда пребуду вашего превосходительства покорнейшим слугою, Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1109—1110 (с неверной датой: 30 июня 1819); перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 250—251 (с верной датой: 30 июля 1819). Перепечатано: РС. 1903. № 12. С. 717—718.

Июль, 30. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к князю Вяземскому в Варшаву цитирует строку из стихотворения Дмитриева «Смерть князя Потемкина»: «Там одолженных страждет дух». И далее пишет: «Какой душный стих, хотя и великого поэта...».

ОА. Т. I. С. 275.

1819. Июль. Буокдере (деревня в 18 верстах от Константинополя, на европейской стороне).

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Пользуясь отъездом г-на Маршала, который будет иметь честь вручить письмо сие вашему высокопревосходительству и не зная наверно, удастся ли мне завернуть самому в Москву, я просил его доставить вам две здешния безделки. Гостинец очень не важный, но намерение самое искреннее! Оный состоит в турецких сапожках, с туфлями, и в простом, серебряном перстне, какой здесь почти все Мусульмане носят; на нем вырезано по турецки имя ваше.

Г. Маршал родом Лифляндец, но лучшую часть жизни провел в Италии и Греции. От него извольте узнать свежия вести о Коринфе и Афинах, коих мне не суждено было видеть. Он едет в Петербург, где надеется получить при Эрмитаже место, соответственное склонности его к изящным искусствам; оно ему обещано министерством. В Москве, кажется, пробудет он несколько времени, чтобы попытаться, не сбудет ли там с рук небольшого собрания картин, кои везет с собою.

Осмеливаюсь поручить его милостивому благорасположению вашего высокопревосходительства, завидуя, что он прежде меня вас увидит.

Впрочем с чувствами глубочайшего почтения и сердечной преданности имею честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Д. Дашков».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 593–594.

Август, 1. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы теперь живем в тишине, кроме тех часов, которые проводим в Павловском. С Государем расстался я очень хорошо; желаю так расстаться с Ним и перед отъездом нашим в Москву. Видишь, что я в этом не переменяю мыслей! Стою и в том, чтобы умереть Бригадиром. В последнем моем искреннем разговоре с Императором я сказал ему, что не хочу более ни чинов, ни денег казенных: надобно сдержать слово. Суета сует! Козодавлев наш искал, искал – и теперь в могиле! Сердечно жалею о бедной Анне Петровне: она тоскует, и верно не утешится тем, что ей оставляют все жалованье мужа и дают 100 тысяч на заплату долгов, как мне сказывали. Любо умирать! Это шутка, а я не совсем весел: моя Катерина Андр. худо оправляется после родов и меня тревожит. Надеюсь на милость Божию.

В самом деле мне трудно решиться на издание 9-го тома: в нем ужасы, а цензурою моя совесть. Я говорил об этом с Государем: Он не расположен мешать исторической откровенности; но меня что-то останавливает. Дух времени не есть ли ветер? а ветер переменяется. Вопреки твоему мнению, нельзя писать так, чтобы невозможно было прицепиться. Впрочем мне еще надобно много писать, чтобы дописать Царя Ивана.

Пришел гость. Прости, любезнейший. Будь здоров.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 270–271 (№ 239).

Август, 7. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву, в котором цитирует аполог кн. Вяземского «Медведь»:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Я имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от 30 Июля и просил исполнить поручение ваше к А. П. Козодавлевой кн. Александра Николаевича, при удобном случае. Он отправился сего дня к ней на дачу обедать. Здесь ни одного из ваших кандидатов не назначают преемником усопшему <умершему министру внутренних дел О. П. Козодавлеву>; но часто Московския предчувствия вернее. Поручение о вашем портрете скажу завтра Николаю Михайловичу <Карамзину>, хотя и удивляюсь, что вы так довольны грозным изображением историографа. Он и сам и даже Кат. Андр. довольны портретом, но я нахожу в нем черты Ивана Васильевича во второй ужасной эпохе его жизни. Историограф грозит нам, кажется, вторым пришествием любимого своего героя. Но конечно работы Уткина сравнить нельзя с лубочными произведениями других художников. – Пушкина <Александра Сергеевича> здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от Парнасских своих подвигов. Поэма у него почти вся в голове. Есть, вероятно, и на бумаге, но вряд ли для чтения. Я сообщу ему ваше желание. Между тем посылаю последнее произведение Варшавского поэта, писанное на Краковской площади:

Куда бежит народ нетерпеливый?
Стеснились улицы кругом;
Восторга глас красноречивый,
Веселых плесков грянул гром.

Кого земля в сей день венчает торжеством,
 Какой герой на бранной колеснице
 Является в венке признательной столице?
 Какой защитник прав народных пред царем
 Идет, сопровожден усердною молвою?
 Какой мудрец, свой край прославивший собою,
 С сограждан заживо собирает дань труда? —
 Медведь, управленный корыстною рукою,
 Вертится на дыбах, под палкою Жида.
 Народ! Вот почестей твоих образчик славный,
 Народ! всех дел людских и цель и судия,
 То деспот с палицей, то с куклою дитя!
 Все пища для твоей забавы своенравной.
 Великий муж, со злобою в борьбе,
 Позорный блеск счастливаго разврата,
 Медвежья пляска, казнь Сократа,
 Равно есть зрелище, потешное тебе.
 А ты тщеславья раб, за славою гоняйся
 И, после утомясь в мучительной гоньбе,
 Соперничества ты с медведем добивайся!

Завтра в 4 часа утра отправляюсь в Ц. Село и в Павловск к молебствию и пробуду три дни в любезном обществе; в 10 часов будет литургия и молеbstво, всем Св. Синодом совершаемое. Рескрипт государыни императрицы Марии Федоровны о рождении великой княжны Марии к князю А. Н. Голицыну увидите в Северной Почте».

РА. 1867. № 4. Стб. 650–651.

Август, 8–11. Царское Село.

У Карамзиных гостит А. И. Тургенев.

РА. 1867. № 4. 651.

Август, 9. Москва.

Получает письмо Дашкова из Константинополя.

РА. 1867. № 4. Стб. 1111.

Август, 10. Москва.

Отъезд брата Сергея Ивановича («приехавшего в Москву, чтобы почтительнейше поторопить Ивана Ивановича <Дмитриева> разделом имения...») и племянника Михаила Александровича Дмитриевых в Богородское (Симбирская губерния).

РА. 1867. № 7. Стб. 1112; М. Дмитриев пишет, что лето 1819 г. он и С. И. Дмитриев провели в Москве (М. Дмитриев, 1989. С. 156).

Август, 10. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Искренно благодарю вас, милостивый государь Александр Иванович, за два письма и два гостинца. В так называемой поэме я нашел довольно сильных стихов, но сряду читать всю право устанешь. Родимое покороче, однакож и оно, для беседы с цветочком, также длинновато. По крайней мере, я не мог бы иметь столько терпения. Одолжите меня сообщением и обещанных двух донесений. Я ожидаю, что они будут растроены шутиливою веселостию, и следовательно более придут на мой вкус. Просил бы также вас прислать хотя несколько стихов из поэмы молодого Пушкина <«Руслана и Людмилы»>. Батюшков раздражил мое любопытство.

Вчера я порадован был Дашковым, который пишет, что он решился непременно возвратиться в отчину. Воздух Константинополя не благоприятствует его здоровью. Хорошо бы, еслиб и Вяземскому припало венгерское, а Батюшкову приелись устрицы и макароны.

Сегодня брат мой отправился восвояси. Может быть, через неделю и я пушусь в след за ним; может быть, в ветхом доме, моем ровеснике (ибо в нем праздновали новоселье вместе с моим рождением) удастся мне написать первые страницы моих воспоминаний? Не поздно ли? Может быть, там и умру. Чему быть, того не миновать. Между тем мысленно вас обнимаю, и с душевным почтением пребуду навсегда вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Кланяйтесь от меня почтенным Карамзиным и Наталье Яковлевне».

РА. 1867. № 7. Стб. 1111–1112. В «Неизданных письмах И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу» (РС. 1903. № 12. С. 704–705) это письмо ошибочно датировано 10-м августа 1812 г. Об ошибках в датировке писем И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу в этой публикации см.: Чулицкий И. Из писательских отношений десятих годов XIX столетия // Известия Отделения рус. языка и словесности имп. Академии наук. Т. IX. 1904. С. 299–338.

Август, ок. 17. Москва.

Отъезд в Богородское (Симбирская губ.) для раздела недвижимого имения, оставшегося после отца – И. Г. Дмитриева (ум. 2-го мая 1818 г.). Перед самым отъездом получает письмо А. И. Тургенева из Петербурга (ответное письмо: см. «Сентябрь, 4»).

Август, втор. пол. Село Богородское (Сызранский уезд).

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь Александр Иванович.

Приехав вчера в Симбирск, имел удовольствие получить ваше письмо, за которое и спешу принести вам покорнейшую мою благодарность. Что сказать вам отсюда? От самой Москвы до сызранской деревни ехал весьма тряскою дорогою, даже негодною дорогою; ибо старая, в силу последних распоряжений, запахана, а новая еще не выровнена и не утоптана.

По крайней мере полюбились мне новый наш губернатор <Михаил Леонтьевич Магницкий, симбирский губернатор 1819–1822 гг.> и вице-губернатор. Оба, кажется, обещают нашей отчизне мир и благоденствие. Один говорил со мною о многих немецких журналах, которые он получает и об их авторах; а другой Говарда, Бильфельде, Соненфельде, Бенгаме и о своей должности. В первый раз удалось мне слышать от высоких губернских начальников разговор такого содержания, и я, как истый патриот, право был обрадован. С городским нашим поэтом Маздорфом <Александром Карловичем> некогда было увидеться, да вряд ли он и в городе. Слышал только, что он продолжает терпеть бедность, воспевать любовь и поучать глухонемых в изрядных своих баснях. Вот все наши новости; заплатите мне вашими.

Теперь я в деревне, уже в сызранской округе. Долго ли проживу, Богу известно. Желая только, как можно скорей, очутиться в Москве. Между тем мысленно вас обнимаю и пр.»

РА. 1867. № 7. Стб. 1112–1113.

Сентябрь, 4. Село Богородское.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь А.[лександр] И.[ванович]. Всем сердцем благодарю вас за два письма, из коих одно я имел удовольствие получить еще в Москве, но перед самым отъездом. Вяземской в сердитом или веселом духе, всегда умеет прельстить меня. Уверен, что аполг его о медведе ничего ему не стоил, но сколько и тут остроты, здравого рассудка и легкости в стихосложении! Он истинно природный поэт. Жаль, что не надеюсь дожить до полной зрелости его таланта, равно как и молодого Пушкина. На мою долю выпал дядя, а потомству племянник. С нетерпением буду ожидать чтонибудь из его поэмы, равно как и обещанные веселые стихи В. А. Жуковского.

Теперь я в деревне. Некто Быков трудится над расположением участков недвижимого имения для раздела, а я между тем читаю Гуфланда: *О долголетней*

жизни, и невольно вспоминаю басню *Смерть и умирающий*. Не поздно ли и то и другое?

Вместо вашего Карамзина, мог бы и я оделаться городничим. Но я скажу всю правду; из отдаленной глухой деревни право трудно писать и долго и занимательно, естли не имеешь плодovitой остроты и веселости К.[нязя] В.[яземского].

И так заключу душевным почтением, с которым навсегда пребудет в.[ашего] п.[ревосходительства] покорнейший слуга И.[ван] Д.[митриев]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1113–1114.

Сентябрь, 5. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому пишет, что недавно расписался «о французских журналах и литературе к Дмитриеву» и жалеет, что не «оставил у себя копии с письма» для Вяземского.

ОА. Т. I. С. 281. Здесь А. И. Тургенев понимает свое письмо к Дмитриеву от 6-го мая 1819 г.

Сентябрь, 11. Москва.

Ценз. разрешение, выданное И. Снегиревым, на выпуск «Книжечки для прекрасного пола и молодых мужчин» (М., 1819. Пер. с нем.). Содержание:

Глава I. «О Любви».

Глава II. «О Супружестве».

Глава III. «О женщинах».

Глава IV. «Об обществе и обхождении».

Глава V. «О дарах щастия».

Глава VI. «О моде».

Глава VII. «О человеке и человеческой жизни».

Глава VIII. «Характеры».

Авторы не указаны. К каждой главе – эпитафия из Карамзина, Дмитриева, Грамматина, Расина.

К главе II «О Супружестве» (С. 25) эпитафия из стихотворения Дмитриева «К А. Г. С. <евриной>» (отрывок): «Тогда, как все цветет и нежится в природе...».

Сентябрь, 12. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Надеюсь, что ты уже или в Москве или близко к ней, здоров и благополучен. Нетерпеливо желаю скорее узнать о том. Ты видел Волгу, тобою воспетую; а мы не удалялись с 26 Апр. от Царскосельского озера, кроме того, что на сих днях я ездил в город видеть племянника, весьма опасно больного горячкою: это нас очень тревожит. Штофреген еще не дает надежды.

Здесь теперь еще никого нет, ни Двора, ни Придворных. Мы располагались прожить здесь до Окт. Не знаем, исполнится ли наш план. – Публика объявляет тебя преемником Козодавлева. Я не позволяю себе ничего желать, кроме того, чего ты сам желаешь. Государя видел я в саду: Он доволен своим путешествием; будет, вероятно, доволен и Варшавским. – Вечера проводим мы с любезною Натальею Яковлевною в чтении Форбена: имеешь ли его? Даже и Жуковского не видим. Доброй Тургенев всякой день извещает нас о племяннике, которой теперь всего более лежит у меня на сердце. – Прости, любезнейший! Всем домом тебя обнимаем. Будь здоров.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 271–272 (№ 240).

Сентябрь, не позже 30-го. Москва.

Возвращается из поездки в Симбирск и Богородское.

Сентябрь, 30. Москва.

Письмо в Симбирск(?) к Е. А. Пиль.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. 14.

Октябрь, 2. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 29* (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 6. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

К сердечному нашему удовольствию сведения мы от Натальи Яковлевны, что ты благополучно возвратился в Москву, совершив дальний свой осенний путь и раздел имения. Отдыхай и покойся. Между тем надеяться ли нам видеть тебя – если не в Царском Селе, то в Петербурге? По каким-то намекам мы имели эту мысль; но да будет, что угодно Богу и тебе.

Наследственное твое богатство не велико, и еще угрожаемо зевом Межевой Канцелярии. Надеюсь через Николая Ив. Тургенева узнать, что делается с твоим делом в Министерстве Финансов. Твое здесь присутствие было бы не бесполезно для хорошего конца этой тяжбы. Впрочем повелевай нами, присылай записки, экстракты etc. Мы готовы хлопотать.

Думаю, что ты не долго пробудешь в деревне, я писал к тебе в Москву недели за три перед сим: это письмо, как видно, не дошло до тебя.

Думаем переехать в город после 15 Окт. Мы были в Гатчине; собираюсь опять съездить туда завтра на один день, а к 14 надобно опять быть там с поздравлением.

Императрица Елисавета Алексеевна ожидает здесь возвращения Государева. Мы у Нее раза три обедали в маленьком обществе. Государь будет 13 или еще ранее. Он простился со мною очень милостиво; но мне кажется, что человеку свободному за 50 лет не надобно привязываться ко Двору и утомлять Царскую милость. Иногда не без грусти смотрю на своих малюток: их надобно воспитывать, учить – а я уже так близок к бездействию! Утешаюсь единственно мыслию о Провидении.

Нежно, нежно обнимаем тебя: муж, жена, дети.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Любезная Наталья Яковлевна проводит с нами уединение и осень: пьем чай, иногда читаем: путешествуем с Форбенем по Египту etc. Здесь никого нет, кроме нас, да скромного Двора Императрицы: трех немолодых Фрейлин и Нарышкина с женою. Вообрази, что мы уже около шести месяцев в Ц. С.! – Племяннику моему лучше, но голова его еще очень слаба, только для него я ездил в город».

Карамзин, 1866. С. 272–273 (№ 241).

Октябрь, 20. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! не хочу выехать из Царского Села без того, чтобы не сказать тебе двух слов. Вообрази, что мы нашли способ прожить здесь шесть месяцев! Видели здесь весну, лето, осень: теперь видим и зиму. Выпал снег; озеро замерзло – и мы завтра, если Бог даст, отправимся в Петербург, куда уже поехали наши дети с матушкою. Третьяго дни уехал Государь с Имп. Елис.[аветой] Алексе-ев.[ной], а вчера из Гатчины Имп.[ератрица] Мария. Я уже не буду писать к тебе о моих придворных подвигах: они кончились прощальным обедом третьяго дни. Думаю теперь единственно о том, чтобы кончить к Рождеству второе издание и 9-й том к лету. В Париже давно вышел 1-й том; но не знаю, получен ли в Петербурге. Я видел его у Императрицы: пробежал и заметил 30 ошибок. Немецкой перевод еще не вышел, думаю. В печатных листах 1-го тома, мною полученных, также есть грубые ошибки. Бог с ними, Господами переводчиками! – И Наталья Яковлевна нас оставила, проводив с нами все вечера с Июня месяца. На празднике в Гатчине было 148 человек, т. е. за обедом. Доброй Шишков поручил мне убедительно просить тебя, чтобы ты написал речь или чтонибудь к торжественному заседанию Академии в Декабре: и так прошу, убеждаю! Жуковской взялся писать речь.

Здесь, т. е. в Петербурге открылось Тюремное Общество, составленное из мужчин и женщин: будут просвещать мрак темниц. Но ты; вероятно, уже читал о том в газетах. Обнимаю тебя всем сердцем. Будь здоров, милой друг!

Навеки твой

Н. Карамзин.

Катерина Андр. гуляет в саду по снегу; но смело могу уверить тебя за нее в ее нежнейшей к тебе любви. Еще раз обнимаю тебя».

Карамзин, 1866. С. 273–274 (№ 242).

Октябрь, 21. Петербург.

Возвращение Карамзиных из Царского Села.

ОА. Т. I. С. 333 (см. письмо А. И. Тургенева к кн. П. А. Вяземскому от 22 октября 1819 г.: «Вчера ввечеру <...> доставил все в целости к Карамзиным, вчера же из Царского Села по зимнему пути возвратившимся»).

1819. Октябрь, 21 ... 1820. Май, 6. Петербург.

У Карамзиных часто бывает Пушкин.

ОА. Т. II. С. 21.

Октябрь. Москва.

Дмитриев читает статью З. Я. Доленги-Ходаковского «Розыскания касательно русской истории» (*Вестник Европы*. 1819 г., ч. 107). Автор весьма резко отзываясь о Карамзине и его «Истории Госуд. Российского».

Октябрь – Ноябрь. Москва.

Получает из Петербурга от А. И. Тургенева книгу «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (СПб. 1819–1821. 3 ч.; пер. с лат. М. М. Сперанского).

За отсутствием переводчика, А. И. Тургенев принял на себя заботы по изданию перевода.

Октябрь – Ноябрь. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю я вас, мил.[остивый] госуд.[арь] любезный А.[лександр] И.[ванович], за два ваши письма, за все добрыя вести и за присылку книжицы. Фома Кемпейский давний мой знакомец: я читал его еще в цветущих моих летах, во времена Типографической в Москве Компании. Тогда, помнится, было два перевода: один в *Христианской Библиотеке*, а другой напечатан особо. Не помню только, нынешним ли языком переведены или славянским, подобно сей книжице. Признаюсь, что частыя *есьмы* не прибавляют ни назидания, ни красоты слогу.

Искренно прошу вас прислать речь Жуковского; уверен, что она будет с идеями и жажду читать ее. Будет ли напечатана в *Сев.[ерной] Почте* речь Орлова, говоренная в К. Библ. Отделении. Она здесь ходит в рукописи.

Теперь наши литераторы, оцципав все цветы в ф.[ранцузской] и нем.[ецкой] литературах, принялись за доброе дело, заимствовать у своих соседей, и очень хорошо делают Чужое в расходе, а свое пускай в голове зреет. Чем бы Каченовскому наполнить *Вестник*, если бы не крохоборил в *Литовском Курьере*? По крайней мере к.[нязь] Вяземской довольно хорошо, хотя и не везде чисто, перевел замысловатая безделки Польского поэта, верно Красицкого. Почти все его басни в таком тоне.

Видел ли Николай Михайлович критику Варшавского автора на его историю и карту др.[евней] России, которую Кач.[еновский] поспешил сообщить нам в последней книжке *Вестника*. Неужели он <Карамзин> будет все отмалчиваться и от иноплеменных? Я все того мнения, что отвечать должно, особливо в нынешнем состоянии нашей литературы. Иначе она будет раздольем бумагомарателей.

Простите меня, если вам наскучил. Дивлюсь и что так много напестрил в такое время, когда сердце исполнено горести, о которой вы узнаете от Н.[иколая] М.[ихайловича Карамзина].

Впрочем, с отличным почтением имею честь быть и пр.»

РА. 1867. № 7. Стб. 1114—1115; перепеч.: *Дмитриев*, 1895, Т. II. С. 255.

Ноябрь, 1 (13). Буюкдере (деревня в 18 верстах от Константинополя, на европейской стороне).

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Получив уже от министерства позволение возвратиться на год в Россию, мог ли я думать, чтобы судьба еще на несколько месяцев удержала меня в здешнем крае! Но так случилось. Почти в самую минуту моего отъезда начальник убедил меня взять на себя обозрение наших консульств в Леванте. Желание увидеть Египет, Грецию, Сирию (хотя и на скорую руку) слилось с пользой службы. Я решился и еду через две недели. Домовому в прекрасной басне вашей пришлось неожиданно лететь — по приказанию начальства, с юга в Лапландию: мне же на выворот, вместо севера на юг. “Судьбы того хотели!”

Не знаю, скоро ли буду опять иметь случай писать к вашему превосходительству. Но будьте уверены, что воспоминание о вас никогда меня не оставит, что желание вам всех возможных благ в жизни будет всегда одним из первейших чувств моего сердца. Сохраните и вы, милостивый государь, прежний ко мне чувства, кои столь для меня драгоценны и кои заслужить могу разве сердечною моею к вам преданностию.

М. г. Наталье Яковлевне, Николаю Михайловичу и Катерине Андр. покорнейше прошу засвидетельствовать мое почтение и поручить меня их памяти. Простите, милостивый государь — сказал бы до радостного свидания, еслиб не боялся раздражить Рока в древнем его царстве.

Утром грядущим не смей веселиться. За каждое слово,

С дерзких слетавшее уст, Немезида гневная мстит.

Но мысль о свидании с вами, с родными и друзьями будет часто утешать меня.

Впрочем с чувствами глубочайшего почтения и неизменной преданности имею честь пребыть, милостив[ый] государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою *Д. Дашков*».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 594—595.

Ноябрь, 3. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Наконец мы опять в Петербурге, любезнейший друг, где живем почти так же, как в Царском Селе, кроме пустых визитов и кроме Царского лицемерия, т. е. Государева: ибо Цариц я видел. Час от часу делаюсь ленивее на выезды: пора в Москву! Ты в Петербург не едешь: следственно только в Москве можем увидеться, в убежище Русских Инвалидов, свободных душею, хотя и не либералистов. Жаль, что у меня нет хутора на берегу Москвы-реки! по крайней мере есть друг. Если бы я успел кончить 9-й том к весне или весною, то мог бы здесь напечатать его, и в Августе отправиться к тебе; а если увижу, что концу не быть долго, то могу и весною выехать отсюда. Впрочем — как Богу угодно!

Скажу Александру Семен[овичу] <Шипкову>, что велишь. Я еще не видал его, и почти никого не видал, быв с приезде дней шесть не здоров.

Граф Каподистрия провел у нас вечер. Северин должен быть в Италии или в Нисе, для поправления здоровья. Батюшков любитесь Римом и Неаполем; Блудов скучает Лондоном; Дашков официально осматривает Грецию. А здесь — Жуковского не вижу, Тургенева почти не вижу, хотя и люблю их всем сердцем. Я стар для молодых; и самые старики для меня молоды. О чем говорить? Уже все сказано. Я редко скучаю, но всем позволяю скучать со мною. Vive la liberte! Часто люблюсь своими малютками. Если Андрей и Александр будут живы, то не сделают

стыда моей тени и в полях Елисейских. Первой спросил у меня: *Где Бог? на небе?* Он везде, отвечал я: и на небе и на земле. *Стало Бог очень широк*, сказал мой пятилетний Философ. Саша очень мил. – Как! ты из трех томов сочинений своих хочешь сделать один? Что за строгость? и не излишняя ли? Мне приятно слышать, что ты с удовольствием занимаешься извлечением из ежеднев. Записок Храповицкого: нельзя ли сообщить мне страниц пять-шесть? Я хотел бы иметь идею. – Канцлер совсем оглох, так, что с ним нельзя говорить; а все еще зовет обедать! Завтра к нему отправляюсь. Прости, любезнейший. Все, муж, жена и дети, обнимаем тебя нежно. Будь здоров и спокоен.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 274–276 (№ 243).

Ноябрь, 10. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 28* (1-я, старая, пагинация).

Ноябрь, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«С сердечною грустью читал я письмо твое, любезнейший друг. Нежно, нежно обнимаю тебя в мыслях. Это печальное известие хотя и не было для нас нечаянностью, однакожь очень тронуло и меня и жену. Лета приучают нас к потерям и горестям, но приучить не могут. В таких случаях всего более хотелось бы не мысленно, а существенно и на лице делить чувства с другом. Веселиться можно и с приятелями, а горевать лучше с друзьями.

Желаю, чтобы любезной Александр Ильич был доволен своим местом. – Москва без начальника. Еще не известно, кто заступит место умершего. Говорят о Графе Петре Александровиче, Князе Дм. Ив. Лобанове, Князе Дм. Вл. Голицыне etc. – Наш общий друг, Наталья Яковлевна, все еще не выезжает, хотя ей и гораздо лучше. При выезде из Петербурга буду жалеть об ней и об Екатерине Федоровне. Не в шутку, а в самом деле собираемся на Московское пепелище. – Вчера приехал В. К. Конст. Павл.: для того был отказан бал у Императрицы.

А ты, любезнейший, все еще думаешь, что мне надобно отвечать на критику? Нет, я ленив. Хочу доживать век в мире. Умею быть благодарным; умею не сердиться и за брань. Не мое дело доказывать, что я как Папа безгрешен. Все это дрянь и пустота. Так мне часто кажется; желаю, чтобы и всегда казалось. Или – или – следственно etc. etc.

Еще раз обнимаю тебя, милого друга, и за себя, и за жену, и за детей.

Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 276–277 (№ 244).

1819. Ноябрь. Париж.

В журнале «*Journal des Savants*» (Paris, 1819, novembre, p. 665–672) напечатана рецензия Пьера Дону (Daunou) на выход в свет двух первых томов фр. перевода «Истории Государства Российскаго» Карамзина («*Histoire de L'Empire de Russie / Traduit par St. Thomas, Jauffret et Divoff. – Paris, vol. I-XI*»).

R. I. 621, № 257.

Декабрь, 8. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 30* (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 12. Петербург.

Карамзин с женою на бале в Зимнем Дворце. Узнает о присвоении чина и сенаторства А. Ф. Малиновскому.

Декабрь, 14. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Милостивый государь Александр Иванович. Чувствительно благодарю вас за ваше последнее письмо и за брошюру о Попечительном обществе, о Тюрьмах, равно как и за пересылку фр.[анцузского] перевода Русской Истории <Histoire de Russie, par M. Karamsin, traduite par MM, Saint-Thomas et Jauffret>. Издатель *Revue Encyclopédique* обещают выдать анализ отпечатанных томов. Любопытно видеть, одинаким ли тоном будут они писать с профессором М.[осковского] Унив.[ерситета] о нашем историографе?

С нетерпением ожидаю от вас речи В.[асилия] А.[ндреевича] <Жуковского>, читанной в Р.[оссийской] Академии. Надюсь, что вы откажете мне в этом удовольствии. Надеюсь, что вы также не откажете мне и в покорнейшей моей просьбе подарить меня переводом Фомы Кемпийского на лучшей бумаге, ежели у вас, как у издателя, есть лишние экземпляры.

Здесь недавно происходило чтение в Общ.[естве] Люб.[ителей] Словесности. Потчивали басенкой В.[асилия] Л.[ьвовича] Пушкина и двумя – кн.[язя] Шаликова, да еще было читано кое-что стихотворного старого Капниста и птенцов московского Парнасса. Я не был.

Может быть, матушка ваша винит меня, что я так давно не видался с нею, не зная, что домашния мои печальныя обстоятельства и собственная моя болезнь были тому причиною. На днях постараюсь посетить ее.

Простите, любезный А.[лександр] И.[ванович], будьте уверены в отличном чтении, с которыми навсегда к вам пребудет и пр.

Р.С. Николаю Ивановичу мое почтение. Пришлите хоть листочик его журнала».

РА. 1867. № 7. Стб. 1115–1116; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 255.

Попечительное общество о тюрьмах было учреждено в С.-Петербурге в 1819 г., под председательством кн. А. И. Голицына.

Дмитриев пишет о собрании «Общества Любит. Росс. Слов.», состоявшемся 29-го ноября 1819 г. В. Л. Пушкин читал свою басню «Прохожий и Река» и две басни кн. Шаликова: «Дорога» и «Халат и Дети». Из произведений В. В. Капниста были прочитаны – Мерзляковым – стихотворение «К несчастному»; Шелеховым – ода Горация «к Меценату», а В. Л. Пушкиным – «к Пирре» (Труды Общ. Любит. Росс. Слов. 1820. Ч. XX. С. 28–29).

Декабрь, 15. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! наконец, к моему успокоению, я получил дружеское письмо твое. Будь же здоров и не тревожь друзей своих!

Наталье Яковлевне, слава Богу! лучше. Она уже писала к тебе. Штофреген не находил в ней ничего опасного; но мы однакожь беспокоились. Четвертого дни Катерина Андр. одевалась в ея комнатах, чтобы итти на бал: доказательство, что мы уже не очень бережно обходимся с нею!

Благодарю тебя за выписку из журнала Храповицкого: я читал ее с живейшим удовольствием. Екатерина знала людей. Ея суждения любопытны и основательны. Недавно читал я письма ее к Гр. Зах. Гр. Чернышеву – и какая?.. Чернышев был предместником Понятовского. Можно ли было думать тогда, чтобы судьба готовила ее возвеличить Россию?

Мы видим Кашкина: следственно видим Москву. Еще не решено, кому в ней начальствовать: по крайней мере не знаем того. С Графом Петром Александр., мы раза два обнимались во Дворце, но еще не говорили.

Ты уже знаешь, что Алексей Федорович Сенатор? по ходатайству Канцлера, если не ошибаюсь. Мои, слава Богу! здоровы. Я почти никуда не езжу и почти ничего не делаю, а времени праздного не имею. С двух сторон терзают меня переводчики моей Истории; труда много и вздору много. В том и в другом переводе ошибки смешныя.

Всем семейством обнимаем тебя нежно.

Навеки твои Карамзины».

Карамзин, 1866. С. 277–278 (№ 247).

Декабрь (перв. пол.). Петербург.

В «Сыне Отечества» (1819. Ч. 57–58. № 51. С. 224–231) напечатаны две надписи Н. Д. Иванчина-Писарева: «К портрету И. И. Дмитриева» («Се Дмитриев, наперсник Аполлона...») и «К портрету Н. М. Карамзина», а также объявление о втором издании книги Н. И. Тургенева «Теория налогов» (объявление написано Ф. Н. Глинкою).

Декабрь, 24. Петербург.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Очень сожалею, что не могу услужить безделкою, она напечатана была в малом числе в типографии Бекетова и давно уже вся разошлась по приятелям В. Л. <Пушкина>, даже ни одного экземпляра нет и у самого писца, который вел журнал путешественника. Может быть, вы самого его скоро увидите. Я слышал, что он будет препровождать нового сенатора, который не замедлит явиться в резиденцию.

Нетерпеливо жду ответа на прежние мои просьбы к вашему превосходительству, как-то: о подарении меня портретом ленивого Жуковского, переводом Фомы Кемпийского на веленовой бумаге, первыми листами журнала Н. И. <Тургенева> и любопытными брошюрами, которые были, есть и впредь будут.

Закрываю искренним приветствием вас с наступающим праздником и благополучным совершением года; без фраз, но от искреннего сердца желаю вам и впредь всевозможного благополучия. Вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РС. 1903. № 12. С. 718 (№ 24).

Декабрь, 24. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что здесь «скоро будет торжественное чтение в Русской Академии <состоялось 8 января 1820 г.>. Жуковский написал уже стихи – подражание Овидию, а Карамзин будет читать отрывок из IX книги Истории. Шишков корешками своими приворожил талант и к Академии <...> Посылаю Сына <Сын Отечества, 1819. Ч. 57–58. № 51>. В нем две надписи и объявление о новом издании братиной книги».

ОА. Т. I. С. 379.

«Жуковский написал уже стихи...» – Жуковский не присутствовал на этом заседании. Написанный им отрывок из XI-й книги Овидеевых «Превращений», под заглавием «Цейкс и Гальциона», был прочитан Н. И. Гнедичем.

Декабрь, 27. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 31 (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 28. Москва.

К Дмитриеву, во время написания письма А. И. Тургеневу, приходят В. Л. Пушкин и Писарев.

Декабрь, 28. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу.

«Прежде всего, приветствую вас, почтеннейший Александр Иванович, с благополучным совершением года. От всего сердца желаю, чтобы и в течение нового вы также были здоровы, веселы и щастливы.

Очень, очень благодарен вам и за душеспасительную книгу. Надеюсь, что она приятным образом займет меня.

О стихах В.[яземского] ничего не скажу, пока не получу от вас его стихов: *Первый снег*. Хотел бы вам напомнить и об обещанной вами его же прозаической пиесе, которую цензура не пропустила – помнится, о переписке Вольтера.

Нетерпеливо буду ожидать академической тетрадки, чтоб увидеть Кар.[амзина] отрывок 9-го тома. Так речь превратилась уже в стихи? Жаль этого; по крайней мере, что-нибудь услышим.

Простите, любезнейший Александр Иванович, мысленно вас обнимает вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

PS. Прошу вас сказать мое почтение Николаю Ивановичу <Тургеневу>; сейчас сидел у меня Пушкин с Писаревым (позабыл поблагодарить вас за ваш комплимент) и оба отправились ужинать в новооткрытое *отделение* городского собрания».

РС. 1903. № 12. С. 719 (№ 25).

Декабрь, 29. Петербург.

Карамзин пишет записку «Для потомства», о встрече и разговоре с имп. Александром I, и чтении ему записки «Мнение...».

Неизд. соч., 1862. С. 9.

Декабрь, 29. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Поздравляю тебя, любезнейший друг, с наступающим новым годом. Будь здоров и спокоен духом! чего желать более? В отношении к себе благодарю Бога за прошедший год: мы не имели несчастий, ни сильных угрызений совести; верили Провидению и старались любить Его уставы. Дай Бог, чтобы я сказал тоже в последний год моей жизни, в сей наступающий, или в какой Ему угодно! Минут за 10 перед сим я выронил несколько слез, написав несколько строк для Потомства, не в своей Истории, а в другой бумаге, которую оставляю в наследство сыновьям. Я не Святой и не Святоша; но Бог мне отец: не хочу страшиться суда Его. – Теперь я в хорошем расположении, а вчера был возмущен развратом и пьянством людей своих, так, что отослал одного в полицию для наказания и велел отдать в рекруты. Это зло беспрестанно умножается: от рабства ли? но рабы наших отцов не спивались с кругу. Есть, видно, другая причина; но я недогадлив. Что, если бы Академия Наук или Российская задала ученым решить: в каком отношении находится размножение кабаков к успехам просвещения, нравственности и веры христианской? Это показалось бы дерзостно в век либеральной. Не знаю, дойдут ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальний, и дорога весьма не гладкая. – Естественным образом переходя от таких умствований к Рос. [сийской] Академии, скажу, что ее торжественное собрание должно быть 8 Генв. [аря], в день нашего семейственного праздника (моей женитьбы): я вызвался читать о Царе Иване из своего девятого тому. Докладывали Государю: Он позволил: в чем и нельзя было сомневаться: но видишь, как любезной Александр Семенович острожен! – Ты прислал мне проект весьма умного ответа к Жофре, а я посылаю тебе оригинал забавно-глупого письма во вкусе Пирогова: рассмеешься ли? – Перевод Французской не дурен и по большей части верен; но довольно ошибок от небрежения. Один Парижской журналист говорит: *la traduction est facile et agréable*; а другой: *la traduction n'est pas assez française*. В сочинении же находят ясность, хорошее разделение, искусство, быстроту, философския мысли; но один журналист, якобинец *Comte*, упрекает меня робостию, другой (*Le Courier*) недостаточным прониканием в разборе того, что свойственно всем народам, и что одному Русскому. Употребляют выражения такие: *Les bons juges admireront* – то и другое; хотят сообщать выписки, etc. Одним словом, довольно пустословия, а мало дельного. На Франц. уже вышло 4 тома, т. е. вся *сушь*; а на Немецк. еще 1 том, в котором я счел 100 ошибок, отчасти грубых и непонятных; напр. 17-й век вместо *шестаго*; *до Рожд. Христова* вместо *до введения Христ. веры* etc. Прости, милой друг. Я, жена и дети обнимаем тебя нежно.

За Поляка, которой думал бранить меня в Вестнике Европы, я вчера (между нами) ходатайствовал у К. А. Н. Голицына: бедной мой критик не имеет ни гроша. Еще раз обнимаю тебя. – Нат. Яковл. все еще не оправилась».

Карамзин, 1866. С. 278–279 (№ 246).

1820

Январь, 5. Петербург.

А. И. Тургенев «в один час» получает письма от И. И. Дмитриева из Москвы, Батюшкова из Неаполя, Н. И. Тургенева, князя Гагарина и графини Разумовской из Парижа.

РА. 1867. № 4. Стб. 652—654.

Январь, 6. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Приношу искреннюю благодарность мою за письмецо ваше от 28 Декабря. Постараюсь отыскать и запрещенную пиесу Вяземского и вам доставить; но с нетерпением ожидаю вашего мнения о его стихах, особливо о *Первом Снеге* и об *Унынии*. Последнее называет он *бытием своего сердца*; ибо мысли и чувства черпал оттуда; но сам не весьма доволен стихосложением. Вчера я получил от него только одну старую эпитафию, написанную по случаю известия о мнимой смерти Давыдова. Вот она:

Жизнь ночь, а смерть есть день; иль ночь могилы сень,
А жизнь есть день для нас; но к цели безопасной
Равно вести должна последняя ступень.
Прохожий, гость земли! Отвергни страх напрасной,
Иль по бурном дне нас сон настигает ясной,
Иль бурной ночи в след проглянет ясный день.

Отрывок Ник.[олая] Мих.[айловича] <Карамзина>, который он прочитает после завтра в Р.[оссийской] Академии, не напечатается в книжке Академической; а стихи Жуковского я пришлю к вам, если и они не будут напечатаны, чего однакож не думаю. Академия взялась за ум, и вы услышите благую весть о сем заседании. Вчера был для меня счастливый день: вместе с письмом вашим получил я из Неаполя от Батюшкова, из Парижа от брата и кн. Гагарина, из Варшавы от Вяземского и даже из Иркутска от Сперанского, любопытные письма, каждое в своем роде. Первый дал наконец знак жизни и описал мне образ ее, а вместе с тем и свои занятия. Ничто ему не чуждо. Он отвечает мне на некоторые вопросы, по части наук политических и юридических, и в то же время уведомляет что теперь в северной Италии пишут более и подражают Немцам. Меланхолия и романтический вкус начинают нравиться внукам Ариоста. Старики гnevаются, и Академия Круска старается всеми силами выгонять новые слова и выражения, кои вторгаются в святилище языка Тосканского. Но талантов, как уверяет Батюшков, мало. Монти стареется. Итальянцы переводят поэмы Байрона и читают их с жадностию; следовательно то же явление, что и у нас на Неве, где Жуковский дремлет над Байроном, и на Висле, где Вяземский бредит о Байроне. Но Итальянцы имеют более права восхищаться им: Байрон говорит им о их славе языком страсти и поэзии. В самом деле, мечтания его над Римскими развалинами прелестны, и я бы взял только одни стихи его в Рим с собою, и разве еще письмо Шатобриана. Кстати о нем: из Парижа одна дама (граф. Разумовская), шлет мне некоторыя литературныя новости. Письмо ее заставляет меня ожидать их с живым нетерпением. Приезд брата <С. И. Тургенева> (который 3 числа сего месяца определен советником в Царь-град) обогатит меня Французскою словесностию, но вся его библиотека, довольно богатая, придет ко мне не прежде весны, морем. Мы ожидаем сюда нового сенатора, а с ним и старого поэта. Сердца и объятия наши ему отверсты. Он найдет нас неизменными Арзамасцами и по привязанности к нему и по лени нашей. Покровитель А. Ф. Малиновского <канцлер гр. Н. П. Румянцев> очень стареет и хилеет. Я видел его вчера. Угасающая с часу на час жизнь его тетки А. Н. Нарышкиной сильно на него действует, но он сохраняет необыкновенную твердость духа в своем положении, которое отдаляет его от общества».

РА. 1867. № 4. Стб. 652—654.

Январь, 7. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что получил письмо от И. И. Дмитриева, а также, что «... завтра историограф читает в Академии отрывок IX-го тома, и ему подносится благодарная медаль. Он этого не знает и узнает только тогда, когда увидит ее на блюде. Завтра же и день его свадьбы, и мы проводим у него веселый вечер. Плещеев будет играть с домашними актерами. <...> Дмитриеву послал я и *Уныние*, и *Первый снег*. Он просит запрещенной прозы о Вольтере и обещает сообщить мнение свое о первых двух пьесах».

ОА. Т. II. С. 3–5.

Январь, 7. Петербург.

Гр. Д. И. Хвостов читает на годичном собрании Санктпетербургского минералогического общества «Послание М. В. Ломоносову о родословии».

См. «1820. Январь, 12».

Январь, 8. Петербург.

Заседание Российской Академии, на котором с чтением истории Ивана Васильевича (Грозного) выступает Карамзин, приводя «слушателей попеременно то в ужас, то в восхищение». По окончании Собрания Карамзину была вручена «огромная медаль с изображением Екатерины II».

РА. 1867. № 4. Стб. 654; Карамзин, 1866. С. 280; ОА. Т. II. С. 7; Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989. С. 98 и след.

Январь, 9. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

М.[илостивый] г.[осударь] Иван Иванович.

Не смотря на недосуг мой, поспешаю уведомить вас о вчерашнем заседании Академии: оно было точно торжеством истинного таланта и прекрасной деятельности. После речи президента, который старался нам доказать преимущество академических трудов пред частными авторскими занятиями, маленькой секретарь Академии <П. И. Соколов> прочел историю оной прошедшего года; потом Гнедич, хотя и несколько гробовым голосом, но весьма ясно и с чувством читал стихи Жуковского; за ним снова Соколов – перевод из Тита-Ливия о Регуле, и наконец Историограф, в нескольких словах объяснив нам точку, с которой начиналось чтение Истории Ивана Васильевича, приводил слушателей попеременно то в ужас, то в восхищение. Невольным и неизъяснимым образом при некоторых местах слушатели взглядывали друг на друга, и делался какой-то шум одобрения; а повествование об Адашеве, Филиппе и ответ гр. Шереметева тирану тронули многих до слез. Действие чтения было магическое, и над кем же? Даже над теми, коих долговременное отсутствие из России, казалось, охладило ко всему тому, от чего бьется и трепещет Русское сердце: князь Разумовский слушал с Арзамасским вниманием, и у всех было одно чувство. Историограф поцадил овое и остановился на самых ужасных злодействах великого тирана. Первым движением, по окончании чтения, было всеобщее рукоплескание. Затем последовало предложение президента о поднесении от имени Академии большой золотой медали Историографу. Министр Дух. Д. и Народ. просвещения <кн. А. Н. Голицын> яко член Академии, первый написал оное, потом и другие. На эту минуту Н. М. удалился в другую комнату. Духовенство с искренним чувством благодарило его за Филиппа, честь и славу Российских иерархов. Замечательно что весь 1-й департамент Сената, собирающийся обыкновенно в 12 часов в присутствие, собрался на этот раз в 9 часов утра, чтоб в 12 быть в Академии. Собрание было многочисленное, и зала едва вмещала посетителей. Накануне академического торжества был я в минералогическом обществе, где сидел целый час и ничего не слышал о минералогии; ибо президент бар.

Фиттенгоф читал похвальное слово великому Козодавлеву на Французском языке, а секретарь общества изчислял переписку свою с заграничными и здешними членами. Я потерял терпение и вышел из собрания. Провидение явно мне благоприятствовало, ибо вскоре потом прочтено послание гр. Хвостова к Ломоносову о рудо-словии. Вы конечно уже имеете и оригинал и перевод гр. Салтыкова».

РА. 1867. № 4. Стб. 654—655.

Январь, 10. Варшава.

Письмо кн. Вяземского к И. И. Дмитриеву в Москву:

«Я так долго молчал пред вами, что без какойнибудь привязки должен был бы проститься навсегда с надеждою напомнить вам о себе. Бог помог мне! Если я к вашему высокопревосходительству не пишу, то покрайней мере читаю вас и, призвавши воинственное имя

разставщика кавык и строчных препинаний,

прозорливого и стоглазого Аргуса Вестника Европы, докажу вам это на опыте, заметив, что в басне *Искателей Фортуны* (ни в издании басен 1810 г., ни в изд. сочин. 1818 г.) стих:

Пристал к нему и по обряду

не имеет при себе близнеца своего. Вы, может быть, и вовсе забыли о нем; но спешу возбудить в сердце вашем родительское к нему внимание и объявляю, что он не вовсе погиб, а только отстал от брата и, в ожидании быть признанным от вас на законном порядке находится теперь в Аонидах (Ч. II стр. 86).

А вот он и сам на лице:

Не дожидался ни зова, ни наряду.

Что скажете вы, милостивый государь, о безкорыстии моем? Каченовский дорого заплатил бы мне за мою поимку, она раскормила бы несколько страничек художавого издания, вылила б на бумагу из издателя несколько золотников желчи, а мне, как виновнику таких хороших последствий, подкупила-бы в нем судию благосклонного на непредвидимые случаи. Всем этим жертвую охотно, чтобы только загладить молчание мое, буде ласкаться могу, что молчание было замечено вами и вменено мне в проступок. Но, так и быть, скажу всю правду: у меня есть на совести грех стихотворный, послание к вам оконченное, но по некоторым неисправностям еще недостойное быть вам представленным. Мне не хотелось заговорить прозою, когда я давился стихами; принимался чистить, но пятна оставались, а время уходило, там пришло некоторое зрение и без счастливой находки стиха, состоящего в бегах, я, может быть, промолчал бы еще долго. Вот вся исповедь: отпустите прегрешение невольное, но сберегите мне снисходительность свою на вольное, которое надеюсь доставить вам в скором времени.

Позвольте мне поблагодарить вас за лестные отзывы ваши о некоторых из безделок моих. Тургенев знает, чем радовать меня и сообщает ваши суждения; на них опираюсь и горжусь ими. На этот раз не могу вас поподчивать какоюнибудь парижскою новинкою, но при случае не пропущу».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1699—1700.

Январь, 11. Петербург.

Карамзин с женой посещают больную Н. Я. Плюскову.

Карамзин, 1866. С. 280.

Январь, 12. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы оба не хорошо начали Новый Год: ты уехал из Церкви, а я из Дворца и не мог быть в Эрмитаже от нездоровья; едва собрался с силами и для Академического Собрания: однакожь был и читал около 80 минут, не *обозрение Европы*, а о перемене Иоаннова Царствования, о начале тиранства, о верности и геройстве Россиян,

терзаемых Мучителем. Докладывали наперед Государю: Он позволил. Тургенев к тебе писал о действии; можешь заглянуть и в Сына Отечества. С начала Академии, как говорят, не бывало такого многолюдного, блестящего Собрания. Забыли правило, и раздалось всеобщее рукоплескание, когда доброй Президент подал мне огромную медаль с изображением Екатерины. Это меня тронуло, меня холодного Меланхолика! Тут не было ни интриги, ни заговора, ни друзей (кроме Тургенева). Филарет благословил меня усердно. К. А. Н. Голицын сказал, кажется, доброе слово Императору об этом чтении: Государь сию минуту, встретив жену мою на Фонтанке, говорил очень любезно об Академическом торжестве Историографа. Завтра увидим Его на бале. Вот наши вести. Вчера мы были у Натальи Яковлевны: она все еще не оправилась, хотя Доктор и уверяет, что у нее болезнь совсем прошла. Прости, любезнейший друг. Нежно, нежно все, муж, жена, дети, обнимаем тебя.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 280 (№ 247).

Январь, 14. Москва.

Получает письмо А. И. Тургенева из Петербурга от 9 января 1820 г.

Январь, 14. Москва.

Приписывает к письму А. И. Тургеневу от 12 января 1820 г.:

«14-го NB. Распечатываю письмо, чтоб снова прижать вас к сердцу, и почти с слезами радости возблагодарить вас приятную для меня весть о торжестве милого Николая Михайловича. Честь и слава ему! Честь и всей Академии! Вы столь хорошо и живо описали сей случай, что я сам как будто видел, слышал и делил ваши восторги. Признаюсь, что сегодня нарочно приезжал обедать в клуб, чтоб прочитать ваше письмо при Каченовском, с которым там встречаюсь. Однакож, вместо его нашел там Ректора и прочитал ему, заметя, что Академия поступила гораздо справедливее глупого корреспондента из Киева и такого же бригадира из Лужников, получивших одобрение от одной только цензуры М.[осковского] Университета. Надеюсь, что вы пришлете А.[кадемическую] книжку. Как бы я хотел, чтоб вы похожее на ваше письмо ко мне прислали к издателям Моск.[овских] Ведомостей от неизвестного.

Вы отгадали: граф уже прислал и ко мне, свое послание, читанное в тихой сочельник торжества историографа.

Простите, любезный А.[лександр] И.[ванович], будьте здоровы и продолжайте любить преданного вам и сердцем и душою.

NB. Завтра гр.[аф] С.[ергей] П.[етрович] Румянцов отправляется к вам, а спосажденный отец <А. Ф. Малиновский?> уже отправился».

РА. 1867. № 7. Стб. 1117–1118; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 256–257

Дмитриев, вероятно, не успел отправить письмо от 12 января, и поэтому письмо от 14 января начинается с «NB».

Январь, 15. Москва.

Отъезд гр. С. П. Румянцева в Петербург.

Январь, 19. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 32 (1-я, старая, пагинация).

Январь, 24. Варшава.

Кн. Вяземский просит в письме А. И. Тургенева переправить две книги И. И. Дмитриеву в Москву.

ОА. Т. II. С. 10.

Январь, 25. Петербург.

Карамзин «виделся» с приехавшим из Москвы гр. С. П. Румянцевым; разговор о И. И. Дмитриеве.

Карамзин, 1866. С. 280.

Январь, до 26-го. Москва.

Дмитриев читает в «Благонамеренном» (1820. Ч. 9. № 1. С. 64–65. Отдел «Новости»: «Петербургския записки»; подпись: П.) отчет о Собрании Российской Академии 8 января 1820 г.

Январь, до 26-го. Петербург.

Читает в «Сыне Отечества» (1820. Ч. 59. № II. С. 93) «дневную записку» В. Каразина с отчетом о собрании Российской Академии и выступлении Н. М. Карамзина.

Январь, 26. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Чувствительно благодарю вас за поимку моего беглеца, я хотя не богатый помещик, но право и не догадывался об его побеге; если же радуюсь теперь этому случаю, то потому только, что он доставляет мне удовольствие получить от вас письмо, и разрешил невольное мое молчание.

Мне давно хотелось благодарить вас за доставление последнего протеста обер-прокурора двух частей света. Но не мог решиться писать, думая, что, может быть, какие-нибудь политические причины заставили вас вдруг прервать переписку со мною. Шутки в сторону, еслибы совесть моя была хотя немного не чиста: еслибы я был хотя несколько мнителен, то мог бы подумать, что какой-нибудь почт-директор шепнул вам, что я под замечанием.

Благодарю вас от всего сердца и за изготовление ко мне послания; с нетерпением буду ожидать его, а между тем прошу вас менее прихотничать и присылать его скорее. Надеюсь, что вы подарите меня и второю частью Карлсбадского конгресса; по французским газетам я вижу, что она уже вышла.

Вероятно, любезный Тургенев уведомил уже вас о торжестве историографа и вместе о прекрасном подвиге президента Академии.

О Како! где твой яд, и где твоя победа...?

NB. Это относится к обоим какам.

Жаль, что тупые наши журналисты ни о чем не умеют писать. Я чуть не плакал, читая в *Сыне Отечества* кудрявое и надутое описание академического собрания. Греч уступил свою обязанность какому-то украинцу, а сам обещает в этой же книжке говорить в следующей о послании графа Хвостова, которое уже назвал *прекрасным*. Один только неизвестный автор угодил мне в *Благонамеренном*: я выписал для вас эту статью, и при сем прилагаю.

Первоклассные московские словесники очевидно зачали: между тем как настоятель невских поэтов, с новым годом получа новые силы, спускался для нас в мрачное царство ископаемых, и вылез оттуда с посланием, напитанным квасцами, кислотвором и окислением, настоятель московских заключил последний день старого года французскими куплетами, которые он в лице Сатурна разсыпал в маскарade князя Б., а новый встретил сам-друг с подагрой и до сих пор не разлучается с нею. Шаликов хотя и сочинил поэмку на смерть собачки (в 6 стихах), но более ограничивается четверостишиями, а в прозе статьей благотворений; Измайлов перепечатывает одну старую свою всякую всячину, а Мерзляков проветривает только в собрании Общества старую рухлядь Капниста или усыпляет *своим* Тассом. Было время, что я хвастался московскими литераторами, а теперь пускай хвастается ими Антон Антонович.

Я уже совещаюсь, что на старости лет росписался; и так полно. Мысленно целую любезного поэта и с отличным почтением пребуду навсегда вашего сиятельства покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

P.S. Милостивой государыне княгине Вере Федоровне прошу сказать мое почтение.

Р.С. Исписав уже две страницы, узнал я, что пишу не на чистом листе. Сделайте милость, простите мою оплошность».

СН. 1898. Кн. 2. С. 132–134 (№ 11).

Январь, 26. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! умею чувствовать цену твоего милого участия в моей Академической приятности, я благодарю тебя душевно. Вчера виделся я с Графом Сергеем Петровичем. Он заметил в тебе какое-то меланхолическое расположение, и для меня меланхолическое. В самом деле тебе нужно некоторое рассеяние. Ты говоришь о продаже дома: Бог знает, когда найдется купец! Заглянуть в Петербург стоило бы тебе не более трех тысяч рублей. Ты дал бы себя обнять друзьям и по возвращении в Москву нашел бы ее, может быть, приятнее. Вообрази, что эти 3000 р. платишь Докторам. Мы щедры на чужия деньги; однакож по совести могу сказать, что такой расход кажется мне благоразумным. Петербург верно сделает тебе удовольствие: вспомнишь молодость; кроме друзей, увидишь старых приятелей, etc. etc. И мы в след за тобою можем отправиться на берега тихой Москвы-реки. Теперь второе издание кончилось: увижу, могу ли еще писать от души. Еще отнимают у меня время переводчики. Из Венеции прислали ко мне *Манифест* о новом Итал.[ьянском] переводе: *Storia dell'Impero della Russia, scritta dal Consigliere di Karamsin*. Москини и Гамба переводят ее с Франц. Вода к воде, ошибки к ошибкам. Я писал для Русских, для купцов Ростовских, для владельцев Калмыцких, для крестьян Шереметева (см. имена пренумерантов в 8 т.), а не для Западной Европы. – Сенатор был у нас два раза. И с ним о тебе побеседовали. Он обедает и вечеряет у Канцлера: так и должно; никто не просит, как просил об нем этот достойной, хотя и отставной вельможа: убедительно, от души и сердца. Нарышкина гаснет, и между тем Канцлер лишает себя удовольствия, хотя и скудного, видеть за своими обедами человек шесть или семь, говорящих при нем друг с другом. – Я, кажется, давно не писал к тебе о моих придворных отношениях: иногда обедаю в кабинете у вдов. Императрицы, иногда хожу и к Императрице Елисавете; у Императора обедал только однажды. Всех их люблю, и довольно. Вместе с женою бываем у первой в комнатном спектакле, на балах: за то уже не ездим никуда в другия места, где собираются люди. Прости, милой друг! Жена и дети вместе со мною обнимают тебя.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Наталья Яковлевна поправляется в своем здоровье».

Карамзин, 1866. С. 280–281 (№ 248).

Итальянское изд. «Истории», вероятно, плохо продавалось. А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому от 14 ноября 1832 г. писал, что в Венеции «во всех лавках видел Ист. Гос. Рос.» (*Архив бр. Тургеневых*. Вып. 6. С. 119).

Январь, 27. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Чувствительно благодарю вас, м.[илостивый] г.[осударь] и любезнейший А.[лександр] И.[ванович], как за ваше письмо, так и за доставление ко мне письма от кн. Вяземского. Вот вам и мой к нему ответ, который покорнейше прошу вас доставить».

Читая похвалу его Пирогу <«Послание Тургеневу с пирогом», стих. кн. Вяземского, напеч. в «Сыне Отечества». 1820. Ч. 59. С. 175>, я облизывался и завидовал вашей судьбине. По крайней мере, стихи его также вкусны, как и перигордской пирог, следственно и я поживился.

Уведомьте меня, кто писал в *Благонамеренном* описание Академического торжества. Я сказал ему искреннее спасибо. На Греча же искренно сердит, что он по личным причинам уступил свою обязанность Украинцу, между тем как сам обещает говорить только о прекрасных стихах из царства ископаемых. Какие у нас

журналисты! Все благоговеют к издателю *Вестника*. Каков же ответ его Тверскому корреспонденту? Можно ли написать чтонибудь ругательнее и сквернее? И это пишет *пресловутый* профессор!

Бедный Пушкин все еще без ног. За то голова его с помощью Арно или Флориа-на верно пропоет на досуге басенку для первого собрания наших словесных. *Отец спосажденный* <А. Ф. Малиновский> поехал к вам не с пустыми руками: повез описание Москвы, верно для всеподданнейшего поднесения, и еще старой печати Русскую книгу о Франмасонах, вероятно для какогонибудь вельможи.

Будучи избалован вами, я заключаю мое письмо новою к вам покорнейшею просьбою: не можете ли вы мне доставить Новый Завет на лучшей веленовой бумаге, переплетенный в простой бумажке, дабы я мог переплесть его по своему вкусу. Здесь продают на самой толстой, последнего издания. Желал бы также получить скорее и академическую книжку.

За тем мысленно целую вас и пребуду навсегда и пр.».

РА. 1867. № 7. 1118—1119; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 257—258.

Январь, 31. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 33 (1-я, старая, пагинация).

Февраль, 1. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Посылаю вам при сем требованную вами безделку, любезнейший Александр Иванович. Посылаю единственно из признательности за ваши подарки, и в тоже время боюсь, чтоб она не заставила когонибудь назвать меня пустым человеком, или чтоб ктонибудь не подумал, что я писал это в старости лет моих. Князь Вяземский развеселил меня письмом своим. Сделайте милость, попросите его от меня, чтоб он прислал ко мне *Mémoires de Bonaparte*. Я слышал, что Лас-Казас уже выдал их в Париже. Другим путем сюда они придут не скоро, а может быть и никогда.

Видно письма мои не дошли ни до Блудова, ни до Кривцова. Один не отвечал, а другой перестал писать. Ежели вы переписываетесь с последним, то прошу вас уведомить его, что я отвечал ему и уже очень давно. Будучи обязан его ласкою, я не хотел бы оставаться у него в виноватых.

Для масленицы довольно исписать и страницу. И так, примите уверение в отличном почтении, с которым навсегда к вам пребудет и пр.

Пушкин все еще не развязался с подагрой».

РА. 1867. № 7. Стб. 1119—1120; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 258—259.

Февраль, 4. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что две книги для И. И. Дмитриева получил.

ОА. Т. II. С. 4, 5.

Февраль, 9. Петербург.

Карамзин избран почетным членом Вольного общества любителей Российской словесности.

Базанов В. Г. Ученая республика. М.—Л., 1964. С. 447.

Февраль, 12. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] и любезный А.[лександр] И.[ванович].

Я просил вас о доставлении мне Нового Завета последнего библейского издания на славянском и простонародном языках в две колонны и на лучшей веленовой бумаге. На простой я уже имел два экземпляра, а этим экземпляром хочется украсить мою библиотеку.

Кажется, вы еще не получили благодарности моей за программу о новом Педагогическом училище. Подавай Бог больше ума и авторов. Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами? Я не хотел бы, чтоб он для всех журналистов был щедр. Пускай бы один только журнал был хранилищем лучшего.

Жаль канцлера и жалею, что он поехал в Новгород. В Петербурге он бы лучше мог быть развлечен и успокоен, чем на угрюмых берегах Волхова, посреди незнакомых.

За тем мысленно вас обнимаю и с душевным почтением пребуду навсегда и пр.».

РА. 1867. № 7. Стб. 1120—1121; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 259—260.

«Что вздумалось Вяземскому обогащать уже и Измайлова прекрасными стихами...» — в журнале «Благонамеренный» (1820. Ч. 9. № 2), издававшемся А. Е. Измайловым, напечатаны след. стихотворения кн. П. А. Вяземского: «Устав столовой» (С. 120), «К красавице уединенной» (С. 125), «Трудная задача» (С. 126—127), «Княжнин и Фон Визин» (С. 128) и эпиграммы: «Вписавшись в цех Зоилов строгих...» (С. 128), «Чтоб полный смысл разбить в творениях певца...» (С. 128), «Его познаний верен счет...» (С. 129), «Стихов моих давно ты слышать хочешь...» (С. 129).

Февраль, 12. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 34* (1-я, старая, пагинация).

Февраль, 13. Варшава.

Кн. Вяземский спрашивает в письме А. И. Тургенева: «Прислал ли я тебе для Дмитриева вторую часть *Конгр.[есса] Карл.[сбадского]?*».

ОА. Т. II. С. 20.

Февраль (перв. пол.). Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву цитирует часть письма И. И. Дмитриева к нему от 12 февраля: «Что вздумалось Вяземскому обогащать... ~ ...Пускай бы один только журнал был хранилищем лучшего».

ОА. Т. II. С. 21.

Февраль, 20. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Пишу к тебе с болью в голове и в горле. Императрице угодно было пригласить меня на экзамены в Екат.[ерининский] Институт, где в первый день мы пробыли с Нею 7 часов, а на другой 11, и где наконец я очень простудился, так, что уже отказался от нынешняго экзамена. Некоторые из выпускаемых девиц прекрасны. Я видел их успехи в ученье с истинным удовольствием. Пели, танцевали пленительно. — Слава Богу, Наталья Яковлевна почти совсем оправилась. Ее состояние нас душевно огорчало. Теперь уже выезжает гулять и дышать свежим воздухом. — Ты хочешь знать о 9-м томе: пишу, пишу, но все как-то не споро. Может быть летом объявлю о подписке. И так будем ждать, чтобы дом твой проданся и четвероместная карета была отделана: первое не так легко; а как бы хотелось скорее обнять тебя, милой друг! План нашей будущей жизни простирается не далее 9-го, часто упоминаемого тома Истории: лучше издать его здесь, а там будем, где Богу угодно. Но Москва ближе к нашему сердцу. Знаешь ли о новом Парижском злодействе? Фанатик Бонапартист зарезал Герцога Берри при выходе из Оперы и пресек колено Людовика XIV для трона. Каков век! Прости, любезнейший друг. Обнимаем тебя нежно, всем домом.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 282—283 (№ 249).

Февраль, 25. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Я уже в отчаянии, когда и чем заслужу все ваши одолжения, любезнейший А.[лександр] И.[ванович]. Искренно благодарю вас за Евангелие и за прекрасный переплет; равно и за присылку прекраснейшего перевода из Антологии. Это совершенство русской версификации: какая гибкость, мягкость, нежность и чистота! Словом, Батюшков владеет языком по произволу. Искренно уважаю талант его. С тою же искренностью отдаю справедливость и французскому переводчику. Ежели экземпляр мой надписан Уваровым, то прошу вас сказать ему чувствительную благодарность мою за драгоценный подарок.

Поручение ваше передал Алексею Федоровичу Малиновскому. Он сказал, что все будет сделано.

Быв на месте доброго и несчастного Людовика XVIII, я плюнул бы на Францию и скрылся опять в Англию. При всем уме французов, они становятся мне гадки, и камерные лепетуны, и их журналисты-протеи. Однакож присылайте скорее Прадта и переписку Жозефины.

С душевным почтением преданный вам И.[ван] Д.[митриев]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1121; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 260.

С. С. Уваров и К. Н. Батюшков в 1817—1818 гг. приготовили статью о греческой антологии для журнала, который предполагалось издавать от имени «Арзамаса», но так как издание этого журнала не состоялось, то статья, в которой Уварову принадлежит текст и франц. перевод, а Батюшкову — русские стихи, была напечатана отдельной брошюрой, под заглавием «О греческой антологии». (С-Пб. 1820 г.).

Февраль, 25. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что вторую часть «Прадта получил, но, кажется, Карамзин не послал ее еще к Дмитриеву, хотя я уже и уведомлял последнего о получении отчетов».

ОА. Т. II. С. 24.

Февраль, 27. Варшава.

Кн. Вяземский, по получении письма от А. И. Тургенева с цитатой из письма к нему И. И. Дмитриева от 12 февраля, пишет: «...Вот мой ответ на лестный выговор Ив.[ана] Ив.[ановича]. Если успею, перепису *Послание* к нему и отправлю сегодня».

ОА. Т. II. С. 26.

Март, 1. Понедельник. Петербург.

Под председательством Ф. Н. Глинки проходит 9-е заседание Вольного Общества Любителей Российской Словесности, на котором гр. Д. И. Хвостов читает свое послание «И. И. Дмитриеву на случай чтения Н. М. Карамзиным в торжественном Рос. Академии Собрании некоторых мест из IX тома его истории».

Базанов В. Г. Ученая Республика. М., — Л. 1964. С. 374.

Март, 6. Суббота. Москва.

А. Я. Булгаков в письме к брату К. Я. Булгакову в Петербург пишет: «Славный задал обед Чертков новому градоначальнику. <...> После обеда Ив. Ив. Дмитриев, взяв меня за руку, также подвел к Набокову, рекомендуя очень его...».

РА. 1900. № 11. С. 343.

Март, не позже 8-го. Москва.

Читает в «Благонамеренном» (1820. № 4 (февраль). С. 217—238) статью «Разказы Лужницкаго старца и мои воспоминания о нем»; подпись: ий-оы <Яковлев П. Л.>.

4-й номер «Благонамеренного» за 1820 г. вышел в свет 29 февраля.

Март, 8. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву пишет:

«Милостивый государь, князь Петр Андреевич!

Сегодня только я имел удовольствие получить через А. И. Тургенева варшавские ваши гостинцы, которым для меня придает еще большую цену постоянное доказательство вашей ко мне приязни. Вам я обязан многими приятными часами в вечернем моем уединении.

Между тем, признаюсь вам, любезнейший князь, что мне совестно получать так часто от вас гостинцы, хотя и весьма для меня возжеленные, зная, что у вас нет собственной французской типографии. Со всею моею признательностию к вам, я желал бы, чтоб вы позволили мне переводить к вам через А. И. Тургенева от времени до времени до ста рублей на покупку брошюр и других сочинений, не превосходящих двух томов. Мне самому смешно последнее условие: но я должен спешить насыщением себя разнообразным чтением, ибо по многому приметно, что и смерть спешит ко мне с своим приговором. Ежели бы вы приняли снисходительно мое предложение, в таком случае я просил бы вас означать цену на каждой книге, дабы я мог по исходе суммы, опять переслать такую же. Что же касается до выбора: я совершенно доверяю в том вашему вкусу.

Я не успел еще приняться за ваши книги, но уверен заранее, что оне вознаградят меня за скуку и досаду, с которыми слушаю наших скальдов и юристов с вралистами в собрании Любителей Словесности или читаю в *Вестнике Европы*. Советовал бы пресловутому издателю с будущим годом назвать его: *Коробка с иноземным товаром и кой-какими крохами домашнего изделия*. Московские недоброжелатели Карамзина продолжают над ним свои насмешки. Даже начали перечитывать *Московский Журнал* и вытаскивают оттуда фразы и его речения. Таким образом, кто-то из московских угодников Каченовского напечатал в 4 № *Благонамеренного* рассказ Лужницкого старца. Но мне самому скучно и совестно занимать вас нашими литературными плюгавцами.

И так, прекращаю свидетельством душевного к вам моего почтения, с которым был и навсегда пребудет вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

P.S. Когда-то вы порадуете меня вашим посланием?

P.S. Уверен, что вы не подосадуете на мою искренность: мне хотелось бы, чтоб вы поправили этот стих:

За то, что и толпы etc.

Не лучше ли сказать: *затем-то и толпы*, или как-нибудь иначе.

Да еще последнее полустихие: *союзом с славой твердым*. Мне кажется, оно не связывается ни с первым полустихием, ни с последующим стихом.

Еще повторю, не подосаудите на мою искренность: она происходит единственно от того, что я, искренно любя вашу поэзию, хочу ей возможного совершенства».

СН. 1898. Кн. 2. С. 134—135 (№ 12).

Март, 8. Москва

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь, любезнейший Александр Иванович!

Миллион благодарностей за ваши два письма и доставление книг от любезного поэта. Надеюсь, что вы не откажетесь одолжить меня доставлением к нему прилагаемого при сем письма, когда вы сами будете писать к нему.

Вечная память доброму и честному Вейдемейеру. Предчувствую, что ровесник мой не замешкает прислать ко мне стихотворный свой плач по сему случаю. Читали-ли вы IV номер *Благонамеренного* Измайлова? Мне кажется, в первой пиесе, под заглавием: *Разсказов Лужницкого старца*, присланной из М.[осквы?], мечено на Н.[иколая] М.[ихайловича] <Карамзина>; какие скареды! В бессилии своем начали опять перебирать *московский журнал* и вытаскивать оттуда фразы и речи,

примешивая, может быть, и фразы Ш.[аликова] и М.[акарова], Изм.[айлова], – и в се это, конечно, в угодность К.[аченовскому]! До чего дойдет наша литература, если вся молодежь, еще зыбкая в своих понятиях, обольстится внушением Зоила, которого она уже и так признает своим оракулом? Если и вперед ни цензоры не будут пропускать, ни журналисты добровольно печатать никаких возражений про неприкосновенного крохобора? Когда это продолжится, – то легко может кончиться тем, что Ку.[тузов] признан будет Пиндаром, Х.[востов] – Virgiliем, а Чер.[епанов] – Тит-Ливием. Случилось ли вам читать в третьем томе его Древней и новой Всеобщей Истории о войне 812 года? Трудно поверить, чтоб это было писано нынешних времен профессором. Чем нападать на единственного у нас Кар.[амзина], лучше бы исправлять своего собрата.

Простите, любезный Александр Иванович, если я вам наскучил, а может быть и смешным кажусь. Чувствую сам, что лучше бы молчать, подражая великодушному Карамзину. Но это выше сил моих: невольно волнуюсь и кипячусь от всего низкого и несправедливого.

С душевным почтением преданный вам навсегда Иван Дмитриев.

Р. С. Всякую назначенную для пересылки книгу я прошу вас предварительно давать Наталье Яковлевне».

РС. 1903. № 12. С. 719–720 (№ 26).

Март, 11. Москва.

А. Я. Булгаков пишет в письме к брату К. Я. Булгакову в Петербург о разговоре с И. И. Дмитриевым об устройстве частных контор для приема писем.

РА. 1900. № 11. С. 346.

Март, 11. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 35* (1-я, старая, пагинация).

Март, 15. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 36–37.*

Март, 16. Москва.

И. И. Дмитриев спрашивает в письме А. И. Тургенева: «... Не знаете ли вы, кто за него <Ив. Петр. Бекетова, перед этим пожалованного в статские советники и определенного в Московский Архив иностр. коллегии> ходатайствовал, сам ли Алексей Федорович <Малиновский> или другие..., не участвовал ли в том и Николай Михайлович <Карамзин>».

РС. 1899. Июнь. С. 712.

Март, 16. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву:

«От всего сердца спешу принести вам, милостивый государь князь Петр Андреевич, чувствительную благодарность мою за прекрасную вашу эпистолу и за вашу ко мне благосклонность, весьма для меня лестную. По моему патриотизму, по моей еще непогасшей любви к изящной словесности и ненависти ко всему плоскому и подлому, мог ли бы я утерпеть, чтоб так долго щадить господство у нас худого вкуса, покровительствуемого ценсурой, невежество многих читателей, верующих всему, что ни скажут Каченовский и Мерзляков? Давно бы я одурачил наших книгопродавцев и покарал составителей сборников, называемых у нас журналами; но увы! всему есть одна только пора; моя уже прошла, и мне остается одна только надежда на силу истинного таланта, который вопреки ученых кафедр,

возстающих на него журналистов и раболепного стада слушателей и читателей, идет безвредно своим путем и все преодолевает.

В IV книжке *Благонамеренного* напечатаны рассказы Лужницкого старца, в которых выставлены многия фразы из *Московского Журнала*. Не слядя с Историей, начали тормозить Русского путешественника!! – Но мне даже стыдно продолжать о том.

Простите, любезный князь! Верьте искренним чувствам отличного почтения, которыя навсегда к вам сохранит преданный вам И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 136 (№ 13).

Март, 20. Петербург.

Записка Карамзина к отъезжающему в Москву А. И. Тургеневу:

«Вот письмо к Ивану Ивановичу. Действительно, я имею право на вашу любовь, любя вас искренно и всею душой. Муж и жена надеются, что вы их будете помнить.

Простите, любезной друг! Обнимаю вас, как немногие и немногих обнимают. Дай Бог, чтобы мы увиделись в радости».

РС. 1899. Февраль. С. 479 (№ 42). Впервые без даты: «Москвитянин» (1855. № 23 и 24. С. 187).

Март, 20. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Письмо твое меня обрадовало: ты давно не писал ко мне. Мне отдал его один из Пельских, а другой не очень здоров. Они когда-то у меня были в прошедшую зиму, но только однажды. Я искренно любил отца их и рад беседовать с ними. Спешу отвечать тебе на вопрос о П. С. Пазухине.

Он хороший человек, с изрядным умом, с честными правилами, не мот; любит иногда, между нами будь сказано, красное словцо: иных слабостей в нем не знаю. Искренно скажу, что считаю его не худым женихом. Да будет воля Божия!

Завидую любезному А. И. Тургеневу, которой отдаст тебе это письмо. Он скажет чтонибудь другу о друзьях. Впрочем главное то, что мы, слава Богу! здоровы. Живем день за день. Дописываю пятую главу 9-го тома; надобно еще написать и шестую и седьмую, чтобы издать его. – Иногда бывает у нас Граф Сергей Петрович и всегда говорит о тебе с чувством. Граф Николай Петрович опять начал давать маленькие свои обеды, грустные для меня жестокою глухотою хозяина. – Любезная Наталья Яковлевна у нас уже раза два обедала. Прости, любезнейший. Все мы обнимаем тебя нежно: муж, жена и дети.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 283–284 (№ 250).

Март, 20(?). Петербург.

Отъезд А. И. и С. И. Тургеневых в Москву.

РА. 1884. № 4. С. 379.

Март, 21. Москва.

Дмитриев в письме к Н. Ф. Грамматину в Петербург пишет:

«Милостивый государь мой Николай Федорович. Хотя и поздно, но приношу вам искреннейшую благодарность мою за посвящение мне вашего перевода Оссиановой песни. Вам легко поверить, что я принял этот подарок не с равнодушием: мне очень нравились и первые ваши опыты и я не однажды убеждал вас к продолжению оных. Надеюсь, что вы исполните мое желание и, отложив на время еврейскую поэзию, подарите нашу словесность полным переводом шотландского барда.

Желал бы при том, чтоб вы не употребляли другого размера. Теперь досуга для вас много. Чем же лучше занять его, как не упражнением умственных ваших способностей к собственному вашему и других удовольствию?

Впрочем, поздравляю вас с наступающим высоким праздником христианского мира и с совершенным моим почтением имею честь быть вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 262.

«...За посвящение мне вашего перевода Оссиановой песни» — «Картон», к которой присоединено посвящение переводчика Дмитриеву. Переводы Грамматина из Оссиана напечатаны во 2-й ч. его «Стихотворений». (С.-Пб. 1829 г.). Там же напечатаны и «Древне-еврейския песнотворения».

Март, 25 (6 апреля). Лондон.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Какой то дух, вероятно нечистый, ибо он в некотором смысле враждует чистейшему из наших поэтов, и уже безо всякого сомнения злой в отношении ко мне, вооружился на мою переписку с вашим высокопревосходительством. Имею ли нужду уверять вас, милостивый государь, что, выезжая из Москвы, из Петербурга, из России, я помнил не только вас и вашу постоянную ко мне благосклонность, но и поручение, данное вами при прощании: Париж доставил мне удовольствие исполнить его. На другой день моего приезда, идучи по Итальянскому бульвару, я в первой книжной выставке открыл Записки аббата Жоржеля. Зная, что в то самое утро генерал Поццо <Поццо ди Борго, русский посланник> отправлял курьера, я поспешил воспользоваться случаем, и только успел купить, запечатать книги и послать их к вам через Северина.

Письмо, которого тогда не мог написать, отложил до другого Фельдъегеря. Оно последовало за посылкою, кажется, спустя недели три или четыре: дошло ли до вас? Не знаю. Может быть, не давно, если судить по той *необыкновенной* скорости, с которою *ваше* письмо получено мною. Вы его (говоря языком наших дедов) *пустили* из Москвы вначале Апреля прошлого года: оно весновало и провело большую часть лета в Петербурге; остальное время, то есть осень и зиму, путешествовало по Германии, отдыхало в Париже и наконец прибыло в Англию, почти ровно через год после отправления. В прибавок меня на ту пору не было в Лондоне; измученный страшною жолчною болезнию, я должен был, едвали не по неволе, послушаться совета докторов и ездил пить Чельтенгамския воды; по возвращении оттуда нашел любезную грамотку вашего высокопревосходительства, — любезную, не смотря на то, что в ней вы слегка браните меня. Я ее принял, как верный Арамасец: с радостью, которую вы без труда можете вообразить, и — с смирением, ибо, если не совсем, то по крайней мере отчасти заслужил ваши упреки. Доставя к вам первые четыре тома Жоржеля, я конечно должен был послать за ними вслед и пятую часть его Записок, и реляцию его путешествия; но признаться ли? мне эти позднейшия произведения аббата экс-иезуита показались так мало достойны вашего внимания, что я не захотел даже выписать их из Франции. Чувствую, что такое оправдание весьма не удовлетворительно; последниа части сочинения всегда нужны, по крайней мере для порядка, в такой порядочной и прекрасной библиотеке, какова ваша. За то я и не думаю оправдываться: просто винюсь и спешу, сколько могу теперь, загладить свою вину. По счастью нашел аббата Жоржеля в одной Лондонской книжной лавке, и как скоро случится добрый, сговорчивый курьер, то нагрузу на него свою посылку к вам, поруча ее посредничеству графа Каподистрии. Надеюсь, что он будет исправнее других моих коммиссионеров.

Я наполнил объяснениями около трех страниц, и вероятно вы уже утомлены моим огромным посланием. Продолжать-ли? Прибавить-ли, по вашему вызову — несколько слов о литературе Английской и о так называемой, нашей современной? Последняя от меня скрылась за облако отдаления; до нас сюда не может достигнуть ни один печатный листок Русских типографий, ни один звук наших лир, или балалаек. Благодаря вам, я на сих днях вспомнил, что есть в свете некто Каченовский, некто Шаликов и пр. и пр.; что эти люди с жаром и важностью спо-

рят о ключах некоторой пощады, и с тяжелым легкомыслием невежества шутят над нашим историографом. Бог с ними! Ужасная болезнь, от которой я почти два года страдаю, которая лишила меня, правда не жизни, но живости, и безпрестанно умножаясь иссушает остаток сил моих, физических и моральных, сделала однакож мне и пользу: от нея, я уже не чувствую ни малой досады ни на какую глупость. Беседа и Академия, журналы Москвы и Петербурга, уже не могут ни взбесить, ни размешить меня; по крайней мере мне так кажется в Лондоне; не знаю, как будет, когда возвращусь в Россию.

Что сказать о состоянии здешней словесности? Вы, милостивый государь, по старой и благоразумной привычке, еще называете Англию отечеством Аддисонов, Попов, Стилей, полагая сей титул в числе других ее славных титулов. Поверители, что ныне уважение к блистательному веку королевы Анны здесь едва терпимо? И кто, из Англичан или иностранцев, имеет дерзость пленяться красноречивою простою Аддисоновой прозой, или глубокомыслием, всегда ясным, стихов Попа, и сильною краткостью его выражений, тот, благодаря господствующему вкусу, слывет литературным еретиком. Чтоб быть православным, надобно поклоняться поэтам предшествовавших веков, и чем древнее тем лучше, начиная от Мильтона и поднимаясь к Шекспиру, Спенсеру, или что еще почтеннее к Чоусеру и другим песнопевцам или песельникам 14-го столетия. Любовь к средним векам и ко всему готическому, здесь почти общая; от каменных зданий перешла и к творениям воображения. В этом согласны все партии и все нации, составляющая Великобританию; о прочем, как о литературных так и о политических предметах, безпрестанные разногласия и споры, кои, однакож довольно мирным образом, гремят в журналах, в парламенте, иногда на площадях, и в некоторых домах за вечерними обедами. Сей дух разделения, на партии и нации, очень заметен в том как определяются места нынешняго славного триумвирата живых поэтов. Как у нас на Руси, в Московском университете, удивляются одному Мерзлякову, в Беседе только Шихматову, а в доме Оленина Гнедичу; так и здесь Ирландцы с упрямством и запальчивостью ставят выше всех своего земляка Мура, которого мы Арзамасцы могли бы назвать Английским Батюшковым; Шотландцы готовы сражаться за поэмы, а особливо за романы, в самом деле прекрасные, Вальтера Скотта, также как в старину сражались за свою независимость; наконец Англичане, и более прочих принадлежащие к оппозиции, не позволяют никого сравнить с Лордом Байроном. Вот мнения трех королевств о трех стихотворцах. Не спрашивайте о моем собственном. Как осмелиться объявить его? Теперь, сверх того, я не имею ни места, ни времени, — прибавлю ни сил. Вам, может быть, уже давно известно, что я болен, но никто не мог верно пересказать, как мучительна и несносна моя болезнь: я едва могу чувствовать и понимать; а думать, соображать и объяснять мысли, право, совсем, совсем не в состоянии. Это одна из многих причин, которые принуждают меня оставить на время посольство и службу. Я уже выпросил дозволение и надеюсь, на будущее лето,

с первым кораблем в отчизну возвратиться.

Надеюсь тогда побывать и в Москве, следственно иметь честь вас видеть. Ежели сия последняя надежда не исполнится, то по крайней мере я буду иметь удовольствие чаще и вернее получать о вас сведения, и моя переписка уже не будет зависеть от забывчивости курьеров, или безопасности экспедиторов.

Сим заключу мое непристойно-длинное письмо, уверяя еще раз ваше высокопревосходительство в чувствах глубокого почтения и искренней совершенной преданности, с коими имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою Д. Блудов.

P. S. Я уже запечатал это письмо, когда ко мне принесли три старых Русских газеты. Нахожу в одной, что вы, милостивый государь, получили орден св. Владимира. Это случилось в прошедшем году, и следственно мои поздравления дойдут до вас довольно поздно; но пусть они будут, по крайней мере, новым доказательством исправности наших Петербургских корреспондентов. Как весело иметь таких приятелей и получать такая свежая известия о любезном отечестве!»

Март, 26. Страстная Пятница. Петербург.

Пушкин заканчивает работу над поэмой «Руслан и Людмила» (помета в черновике: «26 ночью»).

РС. 1884. Март. С. 659; *Лернер*, 1910. С. 53. В этот же день по прочтении поэмы Жуковский дарит Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высочайший день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 года марта 26 Великая пятница».

Март, 27. Суббота. Москва.

Приезд А. И. и С. И. Тургеневых из Петербурга.

РА. 1900. С. 349 (письмо А. Я. Булгакова к брату с ошибочной датой: «19 марта»).

Март, 27. Варшава.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Москву пишет:

«...Толкнись кое-где с нашим намерением на щет освобождения крестьян. Дмитриев холоден и осторожен; но постарайся узнать, что он о том думает».

ОА. Т. II. С. 32.

Март, 28. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 1. Четверг. Петербург.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Христос воскрес! нежно обнимаем тебя, любезнейший друг, я, жена и дети. Дай Бог, чтобы ты был совершенно здоров и спокоен духом! Лучше всего не иметь нужды в скором возвращении Крубера. Надеюсь, что весна и лето устроят движение крови твоей. Ты не пасынок, а любимой сын Природы по своему крепкому сложению: можешь еще долго не допускать до себя старости. Гуляй в саду и радуйся весною! Пишу к тебе при ярком свете солнца: оно верно и на Москву светит. Чувство к природе еще живо в моем сердце, не смотря на чистый идеализм моей Философии. С обеими дочерьми в 9 часов утра ходил я на Неву: она чернеет, но еще не вскрылась. Праздник для нас как будни: сижу дома, пишу, читаю. В Светлое Воскресенье ходил я к Императору: Он был не очень здоров, но любезно принял меня в Своем кабинете, и мы поговорили с обыкновенною искренностью. Вошла Императрица М.[ария] Ф.[едоровна] и тронула меня Своею милостию, сказав, что обо мне думает. Она в нынешнюю зиму поровняла меня с своими ближними людьми, и маленькие обеды в ее кабинете очень приятны: разговор общий, иногда живой. Не принадлежит ли к странностям нашего времени и то, что другу твоему не худо у Двора, другу ленивому, почти старику, холодеющему к свету? Между тем я не совсем холоден к Европейским происшествиям: думаю, что Гишпанская история не останется без хвоста. Армия дает законы Королю? А у нас главная новость, что объявлены Сенату развод В.[еликого] К.[нязя] Константина Павл.[овича] с Анною Фед.[оровною] и прибавление к наследственному Павлову Акту, по коему Дети Вел.[иких] Князей, женящихся *не* на Принцессах, лишаются права на корону. Догадываются, что В.[еликий] К.[нязь] Константин женится на Польке: имени ее не вспомню. Румянцовым кто-то сказал, будто я писал этот манифест: и знать не знаю; даже и не читал его до сей минуты. Читаю *Записки* Герцога Лирии о Петре II, об Имп. Анне Ивановне: как любопытно! Вижу перед собою и Долгоруких и Голицыных, и Бирона и Остермана. Это манускрипт, почти никому неизвестной. Недавно читал я также допросы Лестоку и Бирону, жалея, что не буду писать истории сего времени. Прелесть! – Наталья Яковлевна собирается с силами. Она обедала у нас в Светлое Воскресенье. Какого портрета, моего хочешь, любезнейший? Если оригинала Варникова, то не могу достать его: Сленины не отдадут. О П. С. Пазухине я писал к тебе: он доброй Руской Дворянин. С Богом! Еще раз обнимаем тебя всем домом.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«И я с Мужем скажу, Христос воскрес! любезный и почтенный Иван Иванович; от всего сердца поздравляю вас с Светлым праздником; на будущий год желаем и думаем вместе с вами праздновать Пасху, и надеемся найти вас веселым и здоровым. А на сей час вместе с Николаем Михайловичем грустим о невеселых вестях, которые вы даете нам о своем здоровье. Надеюсь однакожь, что меланхолических мыслей более чем настоящего зла; весенний воздух и прекрасный ваш сад развеят их. Простите, любезный Иван Иванович, будьте благополучны и не забывайте истинно вас почитающую К.[атерину] К.[арамзину]».

Карамзин, 1866. С. 284–286 (№ 251).

Апрель, 10. Петербург.

В «Сыне Отечества» (№ 15. С. 120–128, анонимно) напечатаны отрывки из III песни «Руслана и Людмилы».

Апрель, 13. Петербург.

В «Невском Зрителе» (№ 3. С. 44–52; подпись: Александр Пушкин) напечатаны отрывки из I песни «Руслана и Людмилы».

Апрель. 15(?) ... 18. Петербург.

Случайно узнав о грозящей Пушкину ссылке в Соловецкий монастырь, Чаадаев едет к Карамзину и просит его заступничества перед имп. Марией Федоровной и гр. Каподистрией. Карамзин исполняет просьбу Чаадаева.

Летопись, 1991. С. 204; *Анненков*, 1855. С. 70: («Говорят, что наказание, ожидавшее Пушкина за грехи его молодости, было смягчено ходатайством и порукой Н. М. Карамзина»).

Апрель, 15(?) ... 18. Петербург.

Пушкин просит у Карамзина его заступничества перед властями и в ответ на предложение Карамзина не писать против правительства в течение двух лет дает в этом слово. (Вероятно, это была последняя встреча Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина).

Летопись, 1991. С. 204.

Апрель, 15(?) ... 18. Петербург.

Карамзин просит имп. Елизавету Алексеевну о смягчении участи Пушкина.

Летопись, 1991. С. 204.

Апрель, 16. Петербург.

Приезд А. И. Тургенева из Москвы.

Апрель, 17. Петербург.

В «Сыне Отечества» (№ 16. С. 160–165) завершено печатание отрывков из III песни «Руслана и Людмилы».

Апрель, 19. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! спешу известить тебя, что дело твое в Общем Собрании слушано и голоса разделились: большая часть пристала к голосу А. Е. <описка Карамзина: должно быть: А. У.> Болотникова (16 человек), а другая (5 или 6) к решению Межевого Департамента; с Министром Финансов никто не согласился, кроме одного, который после отстал. Советую тебе, любезнейший, написать к Министру Юстиции немедленно ласковое письмо, чтобы он вступился за справедливость:

авось удастся ему согласить Сенаторов. Впрочем дело, кажется, должно поступить в Совет. Голос Болотникова делает ему честь.

С Тургеневым мы виделись почти на лету: говорит, что у него пропасть дел. Успел нам сказать несколько приятных слов о тебе. Доволен Москвою и А. М. Пушкиным. А над здешним поэтом Пушкиным если не туча то по крайней мере облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменами Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала Полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту безпутную голову, предал несчастного Року и Немезиде; однакожь, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет. Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть героиство и великодушие. Думаем недели через две ехать в Царское Село на лето. Хорошо, если бы Бог дал мне дописать там Царя Ивана. Еще две главы остается: о Сибири etc. Обнимаем тебя, любезнейший, всем семейством.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 286-287 (№ 252).

Апрель, 21. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «...Иван Иванович все также чопорен и мил, как был. Тебя благодарит, ибо Европу по тебе и по Англинскому клубу знает». Далее в письме А. И. Тургенев пишет: «Пушкин прочитал мне письмо к тебе, и я увидел, что он едва намекнул о беде, в которую попался и из которой спасен моим добрым гением и добрыми приятелями...».

ОА. Т. II. С. 35.

«Пушкин прочитал мне письмо к тебе...» — Тургенев пишет о письме Пушкина к Вяземскому от 21 апреля 1820 г., в котором он упоминает о стихотворном послании кн. Вяземского к И. И. Дмитриеву («Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения»). В черном варианте этого письма читаем: «...Первые твои 4 стиха на Катенина в послании к Дмитриеву, прекрасны, следующие, нужные для пояснения личности, слабы и холодны...». В беловом варианте Пушкин пишет: «...Твои первые четыре стиха на щет его <Катенина> в послании к Дмитриеву — прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны...». Первые четыре стиха из послания Вяземского к И. И. Дмитриеву читаются так:

«Но что несноснее тех умников спесивых,
Нелепых знатоков, судей многогочивых,
Которых все права — надменность, пренья шум,
А глупость тем глупей, что нагло корчит ум?» и т. д.

Вяземский, в письме к Пушкину от 30 апреля 1820 г. признается, что «на его <Катенина> долю выпадает один стих о Людмиле» (*Акад.*, XII. № 14).

Апрель, 24. Варшава.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Сколько раз должен я благодарить ваше высокопревосходительство за обязательное письмо и ласковый прием моего послания. По числу ошибок, в нем вами замеченных, заключаю, что вы прочли его или с малым вниманием, или с большою благосклонностию; но признаюсь, охотно придерживаюсь последнего мнения. Повинуясь вашему приговору, постараюсь переменить выражение: *за то что и толпы* (мне казалось, что если можно сказать: *что и народу*, то позволительно сказать: *что и толпы*; но еще и прежде замечания вашего, получил я и от Жуковского выговор за это полустигшие), а другой стих переменял таким образом:

Блестящая чета союзом с славой твердым,
Ты Музам честь, и стыд сим тунеядцам гордым.

Я все еще в надежде, что молитва моя дойдет до Бога, и Он вложит в вас желание действия. Нам, рядовым ратникам, худо жить без полководца: под крылом его смелее дерешься с неприятелем и охотнее идешь вперед. Если Бог благословит, а

пресловутый Яценков, урожденный Яценко, не заклеит печатью отвержения, то, может быть, в скором времени увидите вы в *Сыне Отечества* послание к почтеннейшему Михаилу Трофимовичу Каченовскому: о зависти <знаменитое послание, начинающееся стихом: «Перед судом ума сколь Каченовский жалок»>. Оно теперь в отделке, но, сделайте одолжение, не разглашайте тайны. Мысль эта довольно удачна; не знаю, каково будет исполнение. Даром, что здесь Русских журналов не читают; но мне право советно получать их под носом у Европы. Дома мы как-то прислушались к домашнему вранью; но в чужом месте невольно горишь от стыда при нелепостях родимого невежества. О Лужницком старце *Благонамеренного* и говорить нечего. Чего он хочет? Над кем смеется? Разве над читателями? Ибо даже и замашки нет остроты во всех его рассказах: тупое пустословие и только.

Хотя и вовсе было для меня не разорительно напоминать вам о себе присылкою книг, но, согласно с требованием вашим, принимаю на себя официальное звание вашего книжного комиссионера. На Европейской сцене представления так теснят друг друга, с такою скоростью одно за другим следуют, что и в самом деле нет времени заниматься пятиактными сочинениями; мы живем в век брошюр и листов публичных. В старое время на просторе писали на пергаменте и о мелочах; в наше – едва успевают на летучих листах писать о происшествиях важнейших. Надеюсь недели через две доставить вам на первый раз новое произведение обер-прокурора двух частей света: *Petit catéchisme à l'usage des Français sur les affaires de leur pays*. Я еще не читал его, но судя по выпискам, встречаемым в журналах, можно увериться, что неутомимое перо Прадта еще не выписалось. Обещают еще и новейшее: о последних происшествиях в Испании (его же). Я смел бы присоветовать вашему высокопревосходительству подписаться и на такая нибудь периодическая издания Французския; например *Минерва*, составляемая знаменитейшими публицистами и литераторами, достойна вашего любопытства, если только притеснительные меры, принятые ныне во Франции для ограничения свободы тиснения, не отобьют у издателей охоты продолжать свои труды. Из газет: *la Repommée*, в коей участвуют известнейшие парижские писатели и которая сообщает ясные и довольно подробные отчеты прений палат, отличается, как духом в ней господствующим, так и слогом, коим она писана. Она отделяет так же место и разбору любопытнейших явлений в словесности, которыхя впрочем весьма теперь бывают редки. Политика все завоевала. На сцене трагической и комической, в романах, в одах, в баснях, куда ни оглянись – везде и всегда политика. Как у нас нет книжного объявления, речи Антонского, комедии Шаховского, без незабвенного 1812 года и нашествия общего врага, так во Франции не печатается двух страниц о чем бы ни было, без призвания хартии упрека министерству и так далее. Конечно, можете вы и не выписывая пользоваться в Москве чтением парижских изданий, но, кроме той неприятности, что вы всегда далеко отстаете от происшествий, предстоит еще и другая опасность: лапы цензуры, которая часто захватывает любопытнейшие листы; а получая чрез мое посредство, будете вы все иметь скорее и вернее. Здесь начинают уже слегка для домашних произведений налагать на мысль печать безмолвия, но по крайней мере не обводят еще Китайскою стеною от набегов Европейского просвещения, и мы свободно пользуемся всеми выходящими книгами; а еще свободнее пользовались бы, когда книжная торговля была бы лучше устроена. На целое царство имеем только две лавочки иностранных книг в Варшаве, и не хуже наших Московских; оне плоских сочинений получают по дюжинам экземпляров, а отличных по два, а иногда и по одному. Часто случалось, что я, который новинки ловлю на лету, ссужал ими потом весь город. Вы изволите видеть, что таким образом я не новичек в звании книжного поставщика, и потому можете мне доверить.

К подтверждению и оправданию требования вашего присылать книги не свыше двух томов, выписываю выражение Прадта: *les longs écrits ne sont plus de saison - - - Vite, à propos et fort, voilà pour les écrits du temps, la nouvelle règle des trois unités imposées par les circonstances* <Большие сочинения теперь не годятся.

Быстро, кстати и сильно – вот новая правило трех единств, которого в силу обстоятельств должны держаться нынешние произведения». Но говоря о краткости, я забываю, что и письма длинны быть не должны и заключаю свое многословие сокращенным, но верным переводом сердечных чувств уважения и преданности».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1700–1704.

Апрель, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 36–36 об.* (1-я, старая, пагинация).

Апрель (около 25?). Москва.

Дмитриев читает отрывки из III песни «Руслана и Людмилы», напечатанные в «Сыне Отечества» (Ч. 61, № 15–16).

Апрель, (не ранее 25?). Москва.

В письме к А. И. Тургеневу в Петербург Дмитриев пишет:

«Всем сердцем благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за доставление *Курьера*. Как бы одолжили присылкою и прочим, когда отыщете. Буду стараться прочитывать этот листок Антону Антоновичу [Антонскому-Прокоповичу] и витязю их Каченовскому. Пусть они увидят, как пишут литераторы. Они учтивы, и критикуя, вместе с тем и хвалят.

Наконец, удалось мне увидеть два отрывка ожидаемой поэмы. Дядя восхищается, но я думаю оттого, что племянник этими отрывками еще не раздавил его.

Я очень рад, что вы полюбили Москву; только прошу вас, для чести моей и собственной вашей, называть квартал наш не Козихою, а Патриаршими Прудами.

За сим обнимаю вас в мыслях и с душевным почтением навсегда пребуду вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. О каком вы говорите зашищении невинности? Нельзя ли прислать копию с этой статьи? Я на обмен прислал бы что-нибудь и из моего архива».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 262–263.

Май, 4. Москва.

А. Я. Булгаков в письме к брату К. Я. Булгакову в Петербург рассказывает:

«...Намедни обедали мы у него <В. Л. Пушкина> и, против обыкновения, довольно плохо; только за то нахохотались: все его мистифицировали. Были тут: Серг. Тургенев, Солнцев, Шаликов, А. Мих. Пушкин, Филимонов, Карнеев и пр. Стали говорить, что племянник его, поэт и повеса (говорят), был призван к Милорадовичу, который ему мыл голову за какие-то стихи. Пушкин весь сконфузился, но еще более, когда я стал его уверять, что Ал.[ександр] П.[ушкин] дал следующий ответ графу Милорадовичу: Я эти стихи знаю, в-[ашем]у с-[иятельству] не солгали; они точно написаны Пушкиным, только не мною, а Вас. Львовичем Пушкиным, дядею моим. Наш Вас. Львов., как громом убитый, стал на всех поглядывать и, наконец, сказал: D'abord je doute très fort que mon neveu ait pu dire une pareille chose et...et, s'il l'a dit, le comte Miloradovitz ne l'aurait pas cru j'espère. Ведь меня все знают, я не *либерален*; меня знает и Ив. Ив. Дмитриев и Карамзин, je n'écrie pas de ces vers... – А Буянов? воскликнул я. – Ну, что Буянов, répond l'accusé c'est une mauvaise plaisanterie...».

РА. 1900. № 11. С. 354–355.

Май, 5. Москва.

Дмитриев посылает «листочки французских газет, печатные и рукописные» к кн. Вяземскому в Варшаву.

СН. 1898. Кн. 2. С. 136.

Май, 5. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву сообщает, что письмо кн. Вяземского к Дмитриеву получил и по прочтении его выслал к Дмитриеву в Москву.

ОА. Т. II. С. 37.

Май, 6. Москва.

Записка к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Спешу доставить при сем к вашему сиятельству и *Вестник Европы*; он не мой, а князя Шаликова, который в записке своей ко мне говорит, что Каченовский пропустил все то, что относится к чести и славе Карамзина. Надеюсь, что посланные от меня вчера листочки французских газет, печатные и рукописные, еще застали в Москве. Будьте здоровы, подвизайтесь с Божью помощью и возвращайтесь к нам с новым произведением.

Вашего сиятельства искренний почитатель и покорнейший слуга Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 136—137 (№ 14).

Май, 12. Царское Село.

Пожар в Царскосельском Дворце. Домик, в котором жили Карамзины не пострадал, но трижды «занималась крыша».

Карамзины переехали в Царское Село 7 мая (*Карамзин Брату*, 27, 59 (№ 158)).

Май, 14. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Пишу к тебе с пепелища: третьягодни сгорело около половины здешняго великолепного Дворца: Церковь, Лицей, комнаты Императрицы Марии Феод. и Государевы. Часу в третьем, перед обедом, я спокойно писал в своем новом кабинете, и вдруг увидел над куполом церкви облако дыма с пламенем: бегу ко дворцу и нахожу Государя уже дающего приказания, даже забрызганного водою почти в самом огне. Ветер был сильной, а Царскосельская Полиция не Петербургская, не Московская для гашения пожаров: не имеет ни тех средств, ни той расторопности. Прибежало множество Солдат, но с голыми руками. Огонь пылал, и через десять минут головни полетели и на Историографской домик: кровля наша загорелась. Я прибежал к своим. Катерина Андр. не теряет головы в таких случаях: она собрала детей и хладнокровно сказала мне, чтобы я спасал свои бумаги. Двое из наших людей заливали огонь, а с другими мы успели, кое-как, все вынести и отправить в поле; а сами ждали, чем решится судьба нашего домика. Три раза кровля загоралась, но мы тушили — и вдруг ветер затих, поворотив в другую сторону. Между тем дворец горел. Делали, что могли, в ожидании Петербургской полиции, которая прискакала к вечеру. Тут Граф Милорадович отличился своею деятельностью. Пожар остановили у самого кабинета Государева. Мы всю ночь не раздевались и не спали до седьмого часа утра. Император был на ногах часов тринадцать или более. Не нужно говорить о Его хладнокровии: Он видал и не такая опасности. Огонь совершенно угас вчера к обеду; но Лицей и ныне поутру еще курился. Как любезнейший Хозяин, Император вчера же приходил к нам спросить о здоровье жены и детей: ныне мы у Него обедаем, на половине Императрицы Е.[лизаветы] А.[лексеевны], где все осталось цело. Сад не поврежден. Миллион все поправит. Церковь и Лицей снова отделают к зиме. Досталось мёблям. И у нас не без убытка: перемяли, передрали etc. Скажи, любезнейший друг, Алексею Федоровичу <Малиновскому>, что я ревностно спасал архивския бумаги; все цело и невредимо. Сам буду писать к нему на той почте. Огонь привел или принес к нам холод: зябнем со вчерашняго дни. — Перед отъездом я был с твоим письмом у К. Лобанова, весьма учтливо: он сказал, что рад сделать все законное в твою пользу; но думает, что нельзя исполнить Сенатского решения без доклада Государю, ибо дело касается до казенного интересу. Другие считают доклад не нужным, ибо у казны ничего не

отнимают. Увидим. Во всяком случае ты кажется, можешь быть спокоен. Я любил А. У. Болотникова за его дельной голос, и с искренним удовольствием у него обедал. Спешу отправить письмо. Обнимаем тебя нежно всем семейством. Будь здоров, милой друг.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 287–289 (№ 253).

Май, 15. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное Тимковским на книгу «Руслан и Людмила. Поэма в шести песнях. Соч. А. Пушкина. СПб., 1820».

Лернер, 1910. С. 55.

Май, 31. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Посылаю к вам, м.[илостивый] г.[осударь] мой и любезнейший А.[лександр] И.[ванович], письма к Северину и князю Вяземскому. Первое покорнейше прошу вас незамедля отправить к Стурдзе. Мне хочется, чтоб Северин застал его на пороге в Россию, т. е. в Белоруссию, куда он, вероятно, уже подвигается. Еще препровождаю к вам при сем сто пятьдесят рублей, в особливом пакете, на покупку для меня книг, означенных в приложенной при сем записке и для пересылки остальных к князю Вяземскому для такого же употребления. Ежели вам не удастся найти в Петербурге некоторых, то покорнейше прошу вас поставить их на вид князю Вяземскому. Может быть, он отыщет их в Варшаве. Нельзя ли прислать и остальные артикулы Кр. Луазона (в Курьере) на историю Н.[иколая] М.[ихайловича] <Карамзина>? Вы раздражили мое любопытство, так от вас и ожидаю у врачевания.

За тем свидетельствует вам душевное почтение и пр. ... Иван Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1123–1124; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 263.

Май, 31. Москва.

Письмо, отправленное через А. И. Тургенева к кн. Вяземскому в Варшаву (ответ на письмо от 24 апреля):

«Всем сердцем благодарю вас, милостивый государь князь Петр Андреевич, за любезное ваше письмо и обещание снабжать меня впредь любопытными произведениями полуденных умов. С сею же почтою отправляю к Тургеневу небольшую сумму денег для перевода к вашему сиятельству на книжные издержки. Вас же покорнейше прошу не оставлять меня уведомлением об исходе суммы, дабы я успел во-время переслать к вам еще на подобное же употребление.

Не думайте, любезнейший поэт, чтобы я читал *ваше* без внимания. Последние стихи читаны мною даже не один раз, и я старался рассматривать их строже прочих, потому что в них ласкаемо и мое честолюбие, и что мне хотелось скорее видеть их в печати и в полном совершенстве. Но моя ли вина, что вы так скудны в неисправностях, если только можно поставить в число оных замеченное мною. Поправка ваша очень хороша, однакож я желал бы лучше вместо *стыда* видеть *укор*. Кажется, это было бы приличнее и значительнее. Вот вам и еще доказательство моей искренности.

С нетерпением желаю видеть в печати и поучительную вашу беседу с гением бригадиров и пугалищем пожилых стихотворчиков и иных пансионеров. Зная ваше участие в Пушкине <Василии Львовиче>, объявляю вам, что у него спереди выпал последний зуб и прибавилась басня (Прохожий и река, из Флориана). По естественной любви к последышкам, он напечатал ее и здесь, и в Петербурге. Впрочем, все тот же.

Я скоро жду Дашкова из Александрии и милого Северина из Триеста. Когда увижуся и с вами? В приятной надежде свидетельствует душевное почтение и с искреннею любовью обнимает вас преданный вам И. Дмитриев.

Умерли Д. И. Козлов; Мальцова в Риме и сгорела, но еще жива, в спиртовой ванне М. И. Высоцкая».

РС. 1902. Декабрь. С. 474.

Июнь, 1. Петербург.

Кончина Д. И. Киселева.

РА. 1900. № 11. С. 364.**Июнь, 6. Москва.**

Дмитриев в письме к В. И. Панаеву в Петербург пишет:

«Милостивый государь мой Владимир Иванович!

Я имел честь получить чрез Александра Ефимовича Измайлова экземпляр вашей Идиллии с надписью вашей руки на мое имя. Спешу изъяснить вам, милостивый государь мой, искреннюю благодарность мою за внимание, которым изволили почтить поэта-инвалида, и в тоже время уверить вас, что я с истинным удовольствием читал ваши Идиллии: вы умели соблюсти в них все красоты, свойственныя буколическому роду.

Продолжайте, милостивый государь мой, украшать вашу молодость и утешать старость других уветами прекрасной поэзии, и верьте между тем совершенному почтению, с которым навсегда имеет честь к вам пребыть,

Милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев».

Панаев, 1867. С. 266–267.**Июнь, 7. Царское Село.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! сердечно благодарю за дружеское твое письмо, в котором сетуешь о здешнем Дворце. Янтарная комната уцелела; кабинет Екатерины также, и все Ее комнаты, где живет Императрица Е.[лисавета] А.[лексеевна] начали вновь строить; издержки составят не менее двух миллионов, как думают. — Мы пожалели о Д. И. Киселеве, нашем старом, добром приятеле. Он принадлежал к числу характерных Москвичей и Русских. Какова бедная Прасковья Петровна? Вдова молодая плачет, да перестает; а в такие лета не остается утешения.

Живем по старому, только с рюматизмом от сырой и холодной погоды. Нынешним летом не лъзя хвалиться: мы еще не видали красных дней. — Свидание с К.[нязем] Петром <Андреевичем Вяземским> было для нас нечаянным сердечным удовольствием. Он проживет у нас еще с неделю или более; а там опять в Варшаву, где однакож не думает остаться надолго. Зреет умом и характером, как сын достойный отца.

В прежних письмах я забыл сказать тебе, что ты, по моему мнению, не отдаешь справедливости таланту или поэжке молодого Пушкина, сравнивая ее с Энеидою Осипова: в ней есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все сметано на живую нитку. Его простили за эпиграммы и за оду на вольность; дозволили ему ехать в Крым и дали на дорогу 1000 р. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее; по крайней мере дал мне слово на два года! Любезная Наталья Яковлевна собирается с силами. Добрая Императрица Е.[лисавета] А.[лексеевна] наняла ей чистенькие комнаты в партикулярном доме. — Прости, милый друг. Нежно обнимаем тебя всем семейством. Государь будет у вас в половине Июля. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 289–290 (№ 254).**Июнь, 12. Царское Село.**

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«В зачет книг, требуемых вашим высокопревосходительством, честь имею доставить две книжки, которые привозил с собою в Петербург, и в Москве, вероятно еще не известные. К крайнему сожалению моему, дорога моя лежит не на Москву, и сегодня вечером отправляюсь прямо в Варшаву. В Августе, то есть к 15 числу, ожидаем Государя, а с Сентябрем откроется Сейм. Буду присылать вам, милости-

вый государь, все достойное внимания. Я желал бы доставлять в Русские журналы выписки из прений палат, но не знаю, удастся ли мне это сделать. Тут недостаточно одной охоты: нужна и воля; а у нас гласность во всем и везде – какое то пугалище; между тем мне известно о том, что делается и говорится на Сейме, наводит страх другого рода на многих, и не только в глуши, но и в столичных Английских клубах порождает ложные и нелепые толки. Жуковский и Воейков, сошедший с профессорской кафедры, поговаривают о журналах; но вероятно на словах дело и кончится. У нас с удивительным успехом осекаются все хорошие предположения; зато все глупости бывают двухствольные, а иногда и трехствольные: посмотрите на стихи Хвостова, которые печатаются в двух журналах и переводятся на Французский в третьем. Хвостов при мне приезжал к г-же Каталани, объявил ей о своем мадригале и, кажется, немного смешался, заметя меня в комнате».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1704–1705.

Июнь, 18. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«М.[илостивый] г.[осударь], любезный А.[лександр] И.[ванович], простите меня, что я, писав вашему стояльцу, отложил писать к вам до другой почты: право, мне помешали. Известием об Северине вы и порадовали меня и огорчили. Поручение делает ему большую честь, но, может быть, я уже не доживу до его возвращения в Россию. Остается ему желать счастья где он бы ни был.

Между тем как вы восхищаетесь пением Каталани, мы довольны и тем, что услышали Самойлова, который очень усовершенствовал себя и в пении и в самой игре, с тех пор как я переселился в Москву. Сандунова же, кажется, только сберегла зубы и прибавилась в туке.

Говоря о талантах, можно ли позабыть неутомимого Хвостова? Наконец, постоянное его терпение, которое, помнится, Бюфон признает гением, отметило его знаком? Наконец, наши журналисты, столько лет отвергавшие добровольные его приношения, наперерыв печатают его мадригал Каталани. В *Соревнователе* уже его сравнивают с Державиным, и сам *Благонамеренный* доказывает свою признательность за подписку на 10 экземпляров. Вероятно, что это счастливое направление частью дал и Казанский университет. Он первый разбирает красоты его. Увидите, что еще до снега он будет у нас гений. Пришлите мне скорее продолжение известной вам рецензии Курьера, артикул второй и пр.

Я с удовольствием вижусь с Румянцевыми. Канцлера обступили наши антиквари и букинисты, сносят к нему кучами все старопечатное и манускрипты.

Простите, любезнейший мой корреспондент. С душевным почтением целует ваше превосходительство преданный вам И.[ван] Д.[митриев].

P. S. Те же самые искренние приветствия свидетельствую и вам, любезный князь Петр Андреевич <Вяземский>. Я забыл вас поблагодарить и за эпиграмму. Она замысловата, только я уверен, что перевод не его».

РА. 1867. № 7. Стб. 1124–1125; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 263–264.

Июнь, 21. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! сердечно благодарю тебя за два письма. Я виделся и много говорил о тебе с Графом Ф. А. Толстым. Дружеское поручение твое исполню и постараюсь узнать, точно ли известный Граф имеет столь ложное понятие о твоём процессе. Мы с ним говаривали иногда весьма искренно. Впрочем дело пойдет еще в долгой ящик: оно у Министра Юстиции, будет опять в Общем Собрании, а после в Совете; худого конца не предвижу: справедливость на твоей стороне.

С некоторого времени я не очень здоров: теряю много крови. Однакожь слушаем Каталани, здесь и в Павловском. Прекрасное, удивительное пение! – Газеты снова делаются любопытны. По милости Императрицы читаю все новости, от Монитора до Гамбургских газет. – Между тем я в Сибири: пишу о твоём Герое Ермаке. Но

жалуюсь на худые материалы: ищю и не нахожу ничего характерного; все бездушно – а выдумывать нельзя. Видим Прусского Принца: он, кажется, любезен, и со мною обошелся так же ласково, как Его отец.

Нежно обнимаем тебя всем семейством. Князь Петр в Петербурге.
Прости, любезнейший. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 290–291 (№ 255).

Июнь, 22. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 37 (1-я, старая, пагинация).*

Июнь, 27 ... 30. Петербург.

Приезд Д. Н. Блудова из Лондона.

С.-Петербургские Ведомости. 1820. № 53. 2 Июля. С. 651.

Июль, 8 («От семи до осьми вечера»). Пятница. Царское Село.

Имп. Александр I перед отъездом в Москву «целый час» проводит у Карамзиных. Во время разговора с Екатериной Андреевной Карамзиной, имп. Александр, вероятно, с похвалой отозвался о И. И. Дмитриеве.

Карамзин, 1866. С. 292.

Июль, 9. Суббота. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! радостно поздравляю тебя с концом твоей тяжбы: дай Бог, чтобы она была первою и последнею! О долгом ящике я писал к тебе по словам М. Ю. К щастию, он передумал, согласно с законом и справедливостию. – Вчера мы простились с любезным Государем: считая минуты перед Своим отъездом, Он провел у нас целый час, от семи до осьми вечера; сказал, чтобы мы к Нему не переменялись; обнял всех наших малюток, мать, отца; пошел работать, не ложился спать, и в 5 1/2 ч. утра выехал. Не только от знаков Его доброго расположения к нам, но и по удостоверению, что Он ревностно занимается будущим жребием России, я стал как-то покойнее. Впрочем знаю, что все зависит от Провидения: наше дело только желать добра. Накануне, в разговоре с Катериною Андр., Государь так отзывался об тебе, что ей нечего было прибавить. Свинын на днях писал ко мне и просил, чтобы я дал ему главу 9-го тома для помещения в его журнале!

Прости, любезнейший. Всем домом обнимаем тебя нежно. Навеки твой

Н. Карамзин.

Я кончил главу о завоевании Сибири: вот еще поэма Ермаку! Теперь остается одна глава до конца тома. – Князь Петр не будет в Москву: едет прямо в Варшаву».

Карамзин, 1866. С. 291–292 (№ 256).

Июль, 12. Москва.

Письмо Дмитриева к Д. Н. Блудову:

«Милостивый Государь Дмитрий Николаевич.

Приветствую вас с благополучным возвращением, желаю от всей души, чтоб природный климат восстановил ваше здоровье, между тем чувствительно благодарю вас за ваше письмо <от 25-го марта> и доставление мне последних двух томов Жоржелевых записок.

Признаюсь, что я ожидал в 5-м томе найти более, нежели увидел: ожидал, что он развернет характер Робеспьера, опишет его силу, его падение. Вместо этого он запер его с Дантоном сотоварищи. Робеспьер его ничем не ужаснее того, который подарил ему перстень. Словом г. Аббат только что грамотен и не глуп, а не Автор.

Сохрани Бог, чтоб и у нас, по привычному нам подражанию, не обратиться к Тредияковскому и Буслаеву. Московские наши поэты, пока длятся каникулы, за-

молкли, впредь до воззвания Антона Антоновича <Прокопович-Антонский>. Один только неутомимый Вестник Европы движет свой жернов без отдыха. Мир им, а я между тем наслаждаюсь воркованием голубей, и гоxtаньем Индеек, визгом Павлина и громогласием домашнего лирика Петуха в моем птичнике, посреди цветущего сада.

Не смею продолжать, сколь б ни хотелось говорить с Вами. И так, препоручаю себя в продолжение вашей приязни, всегда для меня лестной, и с душевным почтением навсегда имею честь быть Милостивый Государь вашим покорнейшим слугою!

Иван Дмитриев.

НВ. Почтеннейшей вашей супруге, покорнейше прошу вас засвидетельствовать также душевное мое почтение».

А. Ильин-Томич, 1995–1996. С. 479–480.

Июль, 23. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Письмо вашего высокопревосходительства получил вчера и послал уже за второй книжкой Академического собрания для доставления оной к вам. Я не знал о ее появлении. Найденную здесь Французскую книгу также пришло. Письмо ваше к Северину доставлено ему в свое время исправно. Он теперь в деревне у Стурдзы, а потом поедет в Варшаву. Еще не известно, здесь ли он останется или получит назначение в чужих краях. К счастью матушка и сама получила от Сергея известие из Царя-Града и успокоилась. Теперь и кн. Долгорукий уже отыскался. На сих днях явится в свет поэма молодого Пушкина. Не смею послать вам ее; ибо вы как слышу, осудили ее, по отрывкам, почти на ничтожество! Но порадуясь вашим отзывом о Бородинской ночи Павловского лунатика; который и сам обрадовался воскресшему в нем Гению. Кстати об отчетах: я, кажется, освободил себя на сей год и вероятно на все будущее от представления ответа в библ. общества, и через неделю будут ораторствовать мои два товарища.

Слышали ли о происшествии в Неаполе? Один баталион решил участь государства, и военная сила, которая доселе была всегда орудием единовластия, делается в другой раз виновницею конституционного правления. Вероятно и в Сардинии пример сей не останется без подражания. В Австрийской Италии Босняки и Сербы, вероятно, не захотят быть Квиругами. Но давно уже новейшая история избрала своим эпиграфом два стиха Шиллера:

И границы всех земель изменяются,
И старья формы разрушаются.

Посылаю вам приветствие государю Тверского архипастыря Филарета».

РА. 1867. № 4. Стб. 655–657.

Июль, 23 ... Август, 10. Петербург.

Выходит в свет первая книга А. С. Пушкина «Руслан и Людмила. Поэма в шести песнях, соч. А. Пушкина. Санкт-Петербург. В типографии Греча. 1820. 142 стр.».

Гессен. С. 56.

Инициатором издания «Руслана и Людмилы» был В. А. Жуковский, который 17 мая выплатил С. Л. Пушкину 1000 рублей для передачи А. С. Пушкину. Издательские функции принял на себя Н. И. Гнедич, возможно, в связи с отъездом Жуковского за границу. (См.: *Оксман Ю. Г. К истории высылки Пушкина в 1820 г. // Пушкинский временник. Т. 1. С. 195).*

Июль, 24. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Хотя и грустно, что я обманулся в надежде увидеть вас в Москве, милостивый государь князь Петр Андреевич, но поздравляю вас от всей души с новорож-

денным сыном. Да будет он утешением и жезлом маститой старости любезнейшего, природного поэта.

Чувствительно благодарю вас за доставление мне двух любопытных брошюр; благодарю тем более, что вы не пожалели для меня и своей собственности. Брошюры Прада и Констана переживут многие книги. Они, конечно, не оракулы, но оба очень умны, и первый обольщает притом острою и какою-то оригинальностью своего слога. Надеюсь, что вы доставите мне и заключение его об испанских делах, равно как и вторую часть Записок Бенжамена Констана. Желал бы я также получить от вас процессы Занда и Лувеля, единственно в отношении к красноречию адвокатов и прокуроров. Я по сию пору не мог еще охладеть к судебному красноречию. Мы в этом роде еще ничего образцового не имеем. Не лишайте меня и парнасских самых свежих букетов, пуще всего из вашего Паргере. Когда же я дождусь послания к Лужницкому Фрерону.

Каталани уже два раза пела и изумляла. Теперь в честь ее перекликаются наши соловьи: староста Пушкин и князь Шаликов, один по французски, другой по русски.

Закключаю свидетельством вам и милостивой государыне княгине Вере Федоровне искреннего почтения, которое навсегда сохранит вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 137–138 (№ 16).

Июль, 27. Петербург.

Д. Н. Блудов, по получении письма И. И. Дмитриева от 12 июля, пишет ответное письмо:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Отвечая на письмо вашего высокопревосходительства, я должен смешать в одном изъявлении благодарность за несколько доказательств вашей благосклонности и внимания. Сначала, за это самое письмо, равно приятное и неожиданное, ибо я полагал, что вы еще не знаете, что я в России; потом за человеколюбивое ваше желание, которое по несчастю очень далеко от исполнения; наконец и за прекрасный во всех отношениях подарок, отправленный вами ко мне в третьем году, но полученный мною только третьего дня. Это последнее обстоятельство не удивит вас, когда вы вспомните, что посредником между нами был Тургенев: оттого экземпляр нового издания ваших сочинений порадовал меня не в Англии, а в Петербурге. Впрочем, не знаю сердиться ли мне на вялого в своей живости вашего комиссионера: он, правда, отнял у меня удовольствие получить в дальней стороне лишний знак вашей лестной обо мне памяти; зато и доставил удовольствие другого рода. Благодаря ему, ваши сочинения были для меня по возвращении первой русской книгой, и следственно первое впечатление родины и литературы родимой было приятное: но... прибавить ли? это приятное впечатление было доньше и последним. Как между остатками древности, пышный перистиль часто ведет к развалинам, так и за вашими первыми томами последовали в моих глазах, увы! *Сын Отечества*, *Русский Инвалид*, *Благонамеренный* и проч. и проч., и еще должен последовать вечный *Вестник Европы*. Согласитесь, что я имел бы право пороптать на судьбу, которая как будто любит шутить надеждами: ея первые встречи почти везде обманчивы, и вероятно нигде более как здесь, в нашем отечестве, славном, сильным, но еще во многих отношениях столь бедном.

По крайней мере в словесности наша бедность несомнительна. Признаюсь, что я даже не ожидал найти ее в таком плачевном состоянии. Ошибаюсь ли я? Желал бы от всего сердца; но мне, может быть от болезни, кажется, что у нас все вянет или завяло; что все в каком-то сне, и право не магнетическом, ежели судить по словам, которые вырываются у спящих. Первый из наших поэтов изменил Музам, для юстиции, а потом бросил все и упорствует в молчании <здесь: И. И. Дмитриев>. Другие, кто доказал или обещал талант, на что употребляют его? Учат грамоте процесс <В. А. Жуковский> или сами учатся, иной придворному, иной подъяческому искусству, а между тем отдают читателей в жертву Бог весть кому! Сам наш историкограф, переселясь на север, заразился болезнию, если не лени, то медлительности: четвертый год корпит над одним девятым томом и видно, что ему также трудно

описывать царствование Ивана Васильевича, как было современникам сносить его. Скажите, милостивый государь, что значит такая всеобщая апатия, и что предвещает. Как любимцу и оракулу бога истинного просвещения, вам может быть это известно. Не приближается ли день страшного Фебова суда? И если так, то ненужно ли объявить о том заранее нашим писателям, особливо тем, кои должны готовиться к длинной исповеди: например некоторому графу <Д. И. Хвостову>, пережившему *родича*. Я с приезда успел уже увериться, что он не перестает грешить во всех журналах, и еще недавно обидел Соломона переводом, а вас новым посланием.

Но говоря о грехах и исповеди, чувствую, что и во мне совесть не совсем покойна: мое собственное послание становится очень пространно и хотя не в стихах, однакож верно не забавнее *выше упомянутого*. Поспешу же его кончить, поручив себя снова в благосклонность вашего высокопревосходительства. С чувством и пр.

Р. С. Я возвращался из Лондона не через Париж, и следственно не мог привезти с собою свежих цветов Французской литературы. Полагая однакож, что может быть вы еще не читали Шатобриана сочинения о герцоге Берри, посылаю его к вам: надеюсь, что оно будет для вас интересно, по крайней мере как новость. Сверх того вы найдете, в нем, особливо в конце, несколько страниц достойных красноречивого автора».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1652—1654.

Август, 1. Москва.

Дмитриев присутствует на последнем концерте Каталани.

Август, 2. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Покорнейше благодарю вас, почтенный и любезный А.[лександр] И.[ванович], за последнее ваше письмо; только позвольте дружески попенять вам, что не прислали ко мне Руслана. Я не уничтожил его, а только отозвался, что в напечатанных отрывках еще ничего не видел чудесного и необыкновенно хорошего. Может быть, в целом он и прекрасный; по крайней мере я искренно того желаю.

Сделайте милость, доставьте прилагаемую при сем записку к князю П. А. Вяз.[емскому], с покорнейшею моею просьбою прислать мне означенные в ней книги.

Вчера простились мы с чудесною Каталани. Не распространяюсь о магическом ее таланте. Все это изъяснено в прозе и стихах князя Шаликова и в катрене Василия Львовича Пушкина. Читайте московские газеты. Соловьи наши, не дождавшись последнего концерта, порхнули в деревню к Сонцову читать еще тепленькие свои катрени.

Душевно почитающий вас Дмитриев».

РА. 1867. № 7. Стб. 1125; перепеч.: Дмитриев, 1893. Т. II. С. 264—265.

Неодобрительные отзывы Дмитриева о «Руслане и Людмиле» стали известны Пушкину, и в предисловии ко 2-му изданию поэмы (1828) он с иронией пишет: «Долг искренности требует также упомянуть о мнении одного из увенчанных, первоклассных отечественных писателей, который прочитав «Руслана и Людмилу», сказал: “Я тут не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность”. Другой (а может быть и тот же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

“Мать дочери велит на эту сказку плюнуть”».

Пушкин пародирует стих из стихотворения И. И. Дмитриева «Надпись к портрету М. Н. Муравьева»: «Мать дочери велит труды его читать».

Князь Шаликов напечатал в «Московск. Ведом.» (1820. № 60) описание концерта, данного Каталани 25-го июля 1820 г. На этом концерте В. Л. Пушкин поднес певице четверостишие на фр. яз. своего сочинения.

Август, 8. Москва.

Письмо к Д. Н. Блудову в Петербург (ответ на письмо от 27 июля 1820 г.):

«Милостивый Государь Дмитрий Николаевич!

Спешу принести Вам чувствительную благодарность за приятное Ваше письмо, равно как и за книгу Шатобриана.

Согласен с Вами, что талант его и в ней блещит на многих страницах. Согласен также и в том, что литература наша подвигается раком. Никогда журналисты наши столько не находили гениев, как ныне. Но, к сожалению, они почивают в мире; ни один из них не пробудился даже и тогда, когда великой Каченовской трактовал нашего Историографа наравне с университетским пансионером. Всякой боялся, чтоб и его не задели. Все только говорили: Как жаль, что нет Блудова или Дашкова.

Теперь вся наша словесность лежит на могучих плечах известного всем трудолюбца <Д. И. Хвостов?>, без которого стихи и проза: все легко, все ничего не стоит; который, как хитрый Протей, возобновляет себя в разных видах: неиствует в одах, глупит в притчах, лепечет в мадригалах, и даже начинает рыться в прахе истории. Сказывают, что журналисты Ваши <здесь: петербургские> уже открыли глаза и отдадут ему справедливость. Честь и слава его долготерпению.

Последуем и мы его примеру. Придет и наше время: будут читать и нас во Франции и в Англии. Я надеюсь много на учебные заведения: теперь свет изливается вместо двух из пяти пунктов, и, конечно, это будет иметь большое значение на наше авторство. Спрошу к слову: читаете ли Вы газеты Вашей Отчизны, т. е. казанские? если нет, так отыщите 54 № и прочтите письмо попечителя К.[азанского] У.[ниверситета] к ректору. Оно замечательно во многих отношениях и стоит Вашего любопытства.

Может быть, я Вам наскучил. Простите избытку моего участия в нашей словесности. В этом случае только я горячусь, может быть, больше, нежели надобно.

Впрочем, с душевным почтением к Вам и почтенной Вашей супруге имею честь быть, милостивый государь

Вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М. 1991. С. 30. Автограф: Государственный Центральный Театральный Музей. Ф. 537. № 67. Лл. 1—2.

Август, 14. Петербург.

В «Сыне Отечества» (№ 33) напечатано сообщение о выходе в свет «Руслана и Людмилы» Пушкина.

Внимание Дмитриева привлекла редакционная статья, в которой сообщалось от имени Н. И. Греча, что «писатель Александр Федорович Воейков разделяет со мною отныне труды в сем издании по части наук и словесности...» и особо отмечалось, что среди сотрудников журнала будут Жуковский, Вяземский, Гнедич, Д. Давыдов, Батюшков. (См. письмо к А. И. Тургеневу от 18 авг. 1820).

Август, 18. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, м.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович], за ваше письмо и доставление приятных стихов В. А. Жуковского и последней строфы Воейкова. Она прекрасна и точь-в-точь, первые же две не стоят и пересылки. Жаль, что он оставил университет, не получа достойного возмездия за перевод *Садов и Века Людовика XIV*. Он уже одними этими двумя переводами гораздо более заслуживал академических кресел или отличия, чем многие.

Пожелайте Василию Андреевичу от меня счастливого пути и скорейшего к нам возврата. Надеюсь, что он, побывав в отчизне Шиллера, Клейста, а может быть и Виланда, воспламенит нас обещанною поэмою во вкусе Оберона.

Ежели Греч будет журнал свой издавать на прежних правилах, то не пособит ему ни Воейков, ни прочие. Одни хорошие стихи, сколько ни напешай их в тетрадку, еще не составят журнала. Журналист не ест дрягиль, чтоб не сказать хуже, который обязан только сваливать с спины своей в типографию чужие тюки. Он должен и сам мыслить, должен быть патриотом, наблюдателем, литератором, умеющим писать легко и приятно, строгим оценщиком в словесности и безпристрастным посредником в авторских тяжбах, а не деспотом, как Каченовский, который сам бранит и глумит сколько хочет, а возражений не принимает. Досадно, что Вяземский пустился по двум дорогам и сам себе мешает. Вот мой герой! Он один только у нас мог бы выдавать журнал похожий на европейский.

Положение Николая Михайловича <Карамзина> и его семейства мешает мне быть свободным. Сделайте одолжение не откажитесь уведомить меня об нем. Я не пишу к нему потому только, что теперь ему не до моих писем. Доселе я уважал только С. С. Уварова, а теперь, узнав ближе полюбил его и уважаю вдвое.

С теми же чувствами к вам прекращаю мое письмо и пребуду навсегда и пр.».
РА. 1867. № 7. Стб. 1126–1127; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 265–266.

Август, 18. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 38–38 об. (1-я, старая, пагинация).

Август, 19. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное ценз. И. И. Ястребцовым на выпуск «Карманной библиотеки Аонид» (изд. Иван Георгиевский).

Август, 21. Варшава.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Начну приношением благодарности за письмо вашего высокопревосходительства от 24 июля, полученное мною по приезде в Варшаву. Лестныя доказательства вашей благосклонности приемлются всегда сердцем признательным. К крайнему сожалению не могу доставить вам на этот раз требуемая книги, но велю их выписать. В замену желаемых посылаю записки о стодневном царствовании Наполеона, любопытные и доставляющие вернейшие и доселе полнейшие сведения о сей занимательной и чудесной эпохе. Б. Констан рассуждает о происшествиях; Шабулон их описывает, и нужно прочесть обоих, чтобы иметь ясное понятие о причинах временного упадка Бурбонов и фантазмогорического бега Наполеона с острова Эльбы на престол, с престола – на скалу Св. Елены. Государь здесь с 15-го числа. Сейм откроется 1 Сентября старого стilia. Прения могут быть любопытныя. Многие злоупотребления администрации ознаменовали последние два года, и стоит только указать на них, чтобы вывести на свежую воду. Но в Европе настали времена крутыя для правительств, и не мудрено, если правители станут держать ухо востро. Вы, может быть, еще не слыхали о открывшемся недавно в Париже военном заговоре против Бурбонов. Намерение заговорщиков, кои все числом 32, захвачены, было провозгласить на трон сына Наполеона, а до надлежащего его возраста правителем Евгения Богарне. Вот цветы нашего века; поэзии и в помине нет, разве в одном *Благонамеренном*, да и то самая крамольная, по крайней мере против законов вкуса и разсудка. Кажется, и Василий Львович остыл к своим стихам: до сей поры не имею еще гимна его царице пения <Каталани>; а в старые годы он не столько писать, как сообщать стихи свои любил. Лужницкий Фрерон еще лежит у меня на станке; разве на досуге придется доточить его, а теперь у нас пора хлопот и сует. Статья, в *Сыне Отечества* о Польской словесности напечатанная, если не хорошо, то по крайней мере довольно верно изложена. Жалею, что мне не удалось опередить ее; впрочем это более отчет, чем картина, и многое еще остается досказать».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1705–1707.

Август, 21 – Сентябрь, 11. Петербург.

В журнале «Сын Отечества» А. Ф. Воейковым печатается «Разбор поэмы Руслан и Людмила, сочин. Александра Пушкина» (№ 34, выход в свет 21 августа; № 35, выход в свет 28 августа; № 36, выход в свет 4 сентября; № 37, выход в свет 11 сентября).

Страницы журналов в 1820 г. были заполнены критическими статьями о «Руслане и Людмиле». А. А. Бестужев писал сестре 27 октября 1820 г.: «За поэму Пушкина *Руслан и Людмила* возстала здесь ужасная чернильная война – глупость на глупости, – но она не дурна» (*Памяти декабристов*. Сборник материалов. Вып. I. Л., 1926. С. 20).

Август, 24. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Сейчас имел честь получить письмо вашего высокопревосходительства от 18 Августа и спешу уведомить вас, что по известиям, которые я имел дни два тому назад, Николаю Михайловичу <Карамзину> и дочери его гораздо лучше, и они почти совершенно выздоровели. Царскосельская почта еще не пришла сего дня. Надежды и желания ваши сообщу Жуковскому и Воейкову. Вчера обедал у новорожденного, которому минуло 90 лет – митрополита Сестренцевича. Накануне был он в Экономическом Обществе и принимает по сю пору живое участие в садах и в Истории, следовательно в природе и человечестве. Из Варшавы мы еще не имеем никакого известия; слышно только, что наши дипломаты выписывают отсюда в Краков двух или трех писцов.

Поэт Пушкин на Кавказе.

По приказанию вашему поспеваю уведомить вас, что Николай Михайлович <Карамзин> почти совсем выздоровел, и вчера получил я от него письмо, первое, писанное большою рукою.

Вот известия о Париже, чрез Варшаву полученные (сюда также приехал курьер Французской). В Париже открыт заговор против королевской Фамилии. Правительство уже с некоторого времени о нем знало и хотело ему дать созреть, чтобы нанести удар решительный и полный! Парижские войска в нем участвовали, даже частью и королевская гвардия. Ночью захватили 32-х заговорщиков, которые пришли в казармы и хотели весть полки овладеть замком, а оттуда Тюльерийским дворцом, все перерезать и провозгласить сына Наполеона, а Евгения Богарне правителем. Впрочем по отъезде курьера, который приехал в Варшаву в 8-й день, все уже было в Париже покойно. Крейтон, по желанию государыни Марии Федоровны приехавшей из Парижа сюда, привез мне две запрещенныя там книги, из коих одна, *Portraits pittoresques des députés*, сего года, забавляет меня чрезвычайно. Есть описания прелестные и анекдоты любопытные. Кологривов, который долго жил в Париже, многие лица вспомнил по портретам. Другая *Les deux cloches*, исполнена политических распрей. Сейчас выгрузил ящик с новыми Парижскими книгами, но к сожалению, кажется, не мне принадлежащими, а кн. Сергею Ив. Гагарину.

Франк ваш, что у меня в департаменте, произведен в столоначальники, и следовательно получил 500 р. прибавки к жалованью».

РА. 1867. № 4. Стб. 657–658.

Август, 27. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! пишу к тебе все еще больною рукою. Я очень страдал: несколько дней не ел, несколько ночей не спал; то крепился, то вскрикивал по человеческой слабости, и между тем еще беспокоился о Сонюшке, которая лежала в простудной горячке. Теперь она, слава Богу! здорова; но мне еще трудно писать: каждое движение пера отзывается в нервах. Могу только бродить по саду и читать. В первой раз узнал я, что такое Рюматизм: простудился в своем кабинете сидя близ растворенного окна, иногда и на сквозном ветре. Около месяца уже ничего не делаю, описав завоевание Сибири и подвиги Ермаковы. Остается одна глава; но Бог знает, когда напишу ее.

Не перестаю беспокоиться о жене: она и беременна и не очень здорова. Будь ты здоров, любезнейший! Всем домом обнимаем тебя нежно; а ты обними за нас любезного Сергея Сергеевича <Кушника> и напхни ему о деле брата Василья Михайловича <Карамзина>.

Навеки твой

Н. Карамзин.

В Париже открыт заговор против Бурбонов: взято 32 человека под стражу, более военных чиновников. Государь поедет в Вену из Варшавы, как сказывают».

Карамзин, 1866. С. 292–293 (№ 257).

Сентябрь, 1. Москва.

В письме к А. И. Тургеневу в Петербург Дмитриев пишет:

«Чувствительно благодарю вас, м.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович], за дружеское ваше письмо и новую милость, оказанную вами Франку. От сердца желаю, чтоб он столько же вам угождал своими качествами, сколько угождал мне брат его. Благодарю вас равно и за сообщение политических и литературных новостей. Судя по одним французским брошюрам и некоторым журналам, можно было думать, что во Франции таятся огонь под пеплом. Нетерпеливо желаю узнать, кто первые заговорщики? Что-то Бенж.[амэн] Констан? Что-то маршалы? Неужели все окажутся чистыми? Невероятно.

Не можно ли выписать и мне *Portraits pittoresques* чрез князя Вяземского. В настоящих хлопотах он ничего ко мне не присылает, а у книгопродавцев наших совершенная скудость. Ежели будете писать к князю, прошу вас сказать ему, чтоб он между прочим прислал мне *Mémoires sur la vie et les écrits de M. Suard 2 vol.*, вторую часть *Sur les cent jours*, и все, что выйдет о новом заговоре во Франции. Новости часто мне досаждают, мешая перечитывать старину, а все-таки хочется новостей. Я опять виноват перед вашей матушкой: давно у нее не был, но очень желаю и надеюсь скоро ее увидеть.

Между тем, свидетельствуя душевное почтение любезным ее чадам, пребуду навсегда вашего превосходительства преданнейшим слугою И.[ван] Д.[митриев].

Р. S. *Руслана* все еще не вижу и не слышу. Какое мщение!»

РА. 1867. № 7. Стб. 1127; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 266–267.

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 60 лет.

Сентябрь, 12. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Разрешаю, разрешаю вам говорить все, что придет вам на ум и сердце, любезнейший А.[лександр] И.[ванович]. Письма ваши всегда для меня занимательны: они освежают меня. Уверен, что заграничным друзьям столько же приятно слышать, чрез вас о родимой стороншке. Порадуйте их, между прочим, успехами нашей словесности и поздней славою Грифона-Графова <гр. Д. И. Хвостова>. Теперь все наши журналы гремят об нем: в одном (*Отеч. Зап.*) <Отечественные Записки. 1820. Ч. II. № 4> печатают описание храма его в Выползовой слободке рядом с описанием храма Исаакия Далматского, в другом (*Нев. Зрит.*) <Невский Зритель. 1820. Ч. II. С. 287> надпись к портрету его вместе с надписью к портр. [ету] Историографа. (Не правда ли, что все наши журналы *Сборники*?). Наконец, в нескольких газетах извещают о новом издании путешествия его к соседственной реке Паше, с переводом немецким. Даже и в отечестве нашем, Симбирске, первый тамошний маляр списывает для всех на холст в большом виде с первого виньета к басням Измайлова... Но удержим невольный восторг и оставим его с вашими журналистами в братском союзе.

Радостная ваша весть о присылке ко мне книги только что раздражила мое любопытство. Я еще не получил ее, да и сомневаюсь получить скоро: милый мой друг Н.[иколай] М.[ихайлович] в таких случаях не слишком бывал исправен.

Порученное вами на счет Анны Григорьевны передал мужу ее; скоро и самой повторю лично. Они на днях только переселились в Москву.

Присылайте же скорее обещанную книгу, не задерживайте и впредь будущие. Они и письма друзей моих только и услаждают унылые дни старика, который сохранит навсегда к вашему превосходительству и любовь, и приязнь, и душевное свое почтение.

Р. S. Любопытен видеть письмо Блудова к Воейкову. Оно еще не дошло до меня».

РА. 1867. № 7. Стб. 1128–1129; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 267–268.

Сентябрь, 15. Москва.

В письме к А. И. Тургеневу в Петербург Дмитриев пишет:

«Вести ваши и хороши и худы, любезный А.[лександр] И.[ванович]. Одних поздравляю, о другом сожалею. Лучше бы он, нахлобуча колпак, посидел в теплом кабинете, да приготавливал материалы для французских журналистов, и не в коляске, а в креслах подвигал себя к безсмертию. Но наши авторы столько же, как и авторчики, непоседы. Северин по приезде в Петербург из Триеста не почтил меня ни строчкою, хотя и нашел досуг писать к молодому К.[нзю] Трубетскому. Теперь и пуще заспесивит.

Варшавских книг по сю пору еще не получил. Я отгадал, что они увязнут у любезного друга. Убедительно прошу вас скорее выручить и доставить. За тем мысленно обнимает ваше превосходительство преданный вам навсегда И.[ван] Д.[митриев]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1129; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 268—269.

Сентябрь, 19. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Благодарю вас, любезнейший А.[лександр] И.[ванович], за доставление прекрасной речи. В то же время получил и от Северина другой экземпляр. Буду теперь ждать перевода и вздыхать о той книге, которою вы меня подразнили. Она засела у милого Н.[иколая] М.[ихайловича] и, увы, может быть уже дойдет когда-нибудь до меня, хотя и в той же легкой одежде, но довольно поношенной.

Кто поссорил меня с *Воейковым*, будто я сердит на него, что он расхвалил *молодого Пушкина*? Не только не думал о том, но еще хвалил его, что он умел выставить удачнее самого автора лучшие стихи из его поэмы. Я не критиковал и прежних образчиков, а только давал вам чувствовать, что по предварительной молве ожидал чего-то большого. Напротив того, в разборе Воейкова с удовольствием увидел два-три места истинно-поэтические и в большом роде. Пушкин был поэт еще и до поэмы. Я хотя и инвалид, но еще не лишился чутья к изящному. Как же мне хотеть унижать талант его? Нетерпеливо хочу знать об Н.[иколае] М.[ихайловиче]. Всякий раз болезнь его не на шутку меня пугает. Преданный вам И.[ван] Д.[митриев]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1129—1130; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 269.

Сентябрь, 19. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Чувствительно благодарю вас, милостивый государь князь Петр Андреевич, за доставление речи и какой-то книги, о которой предварил меня Тургенев. Но увы! она засела у Николая Михайловича, и я каждую почту жду, и не дождуся! Сделайте милость присылайте вперед прямо ко мне. Я думаю, вернее всего на имя Константина Яковлевича Булгакова.

Здесь пусто и скучно. Солнцев грустит в утомительном ожидании камерюнкерства. Пушкин все еще развозит по уезду катрен свой к Каталани, а Шаликов объелся у Солнцева в деревне и возвратился с лихорадкою. Не знаю, дошли ли до вас их катрени. Вот третий:

Что Шаликов сказал в газетах Каталани?

Что у него язык присох к гортани.

Безмолствовать: вот дань тебе!

А Пушкин что промолвил ей?

Что у него глаза и пара есть ушей.

До свиданья, любезнейший поэт. Не оставляйте вашим воспоминанием сирого старика Дмитриева.

Не оставьте прислать к нему и акта Польского сейма».

СН. 1898. Кн. 2. С. 138—139 (№ 17).

Сентябрь, 20. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

После жестокого Рюматизма у меня была еще легкая лихорадка: прошла скоро, но в правой руке все еще остается боль, если не мучительная, то безпокойная. Кое-как начинаю опять мараить бумагу, и всякой день, иногда раза два или три, брожу по саду, где летят на меня желтые листья. Павловское уже опустело. Императрица Мария Ф.[едоровна] в Гатчине; но Елисавета Алексеевна еще здесь. Мы получили в одно время речь Государеву к Варшав.[скому] Сейму и Указ о рекрутском наборе: с тысячи восемь человек. Век Конституций напоминает Тамерланов: везде Солдаты в ружье. Может быть, после нас будет хорошо в Европе. Между тем советую тебе достать и прочитатъ Инструкцию, наказ или что-то, Директору и Ректору Казанского Университета, пиесу весьма любопытную.

Знаешь ли, что Кривцов женится на Ватковской; что он ездил в Варшаву к Государю и выпросил у Него: 1) аренду в 12 тысяч рублей; 2) сто тысяч в заем без залога, 3) вензель Фрейлинской для своей невесты; 4) место Губернаторское на выбор; 5) дом для житья в Царском Селе; 6) не помню, что? Кривцов уже вышел из полку Либералистов. Вчера он был у нас, и щастлив как влюбленной жених.

Жуковский едет в Берлин. Увы! он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при Дворе не легко найти невесту для Стихотворца, хотя и любимого. Думаем пробыть в Царском Селе до половины Октября, если холод не выгонит. Императора не дождемся: Он едва ли будет и в Ноябре.

Нежно обнимаем тебя всем семейством, милой друг. Будь здоров и спокоен.
Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 293–294 (№ 258).

Сентябрь, 21. Москва.

Дмитриев вместе с В. Л. Пушкиным читает рецензию Воейкова.

См. «Сентябрь, 23».

Сентябрь, 23. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к князю Вяземскому в Варшаву пишет:

«Третьего дня я был у И. И. Дмитриева, и читали вместе рецензию Воейкова, который чрезвычайно нападает на племянника моего. Я знаю новую поэму только по отрывкам, но кажется мне, что в них гораздо больше вкуса, нежели во всех стихотворениях господина Воейкова».

Летопись, 1991. С. 223.

**Сентябрь, 26. (Преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова).
Москва.**

Именины И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 26. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Петербургские мои друзья и приятели мешают мне пользоваться вполне вашим благодеянием, любезнейший князь Петр Андреевич: из числа посланных от вас книг я только получил *первую* часть Бенжамена Констана о стодневном правлении; катихизис Прадта; *Annuaire de Peinture* 1819 года, который теперь у меня вдвойне, ибо я давно уже его имею, и dit l'affaire de la loi des élections; а две книги хотя и возвещены мне Тургеневым, но одна (*Mémoires pour servir à l'histoire etc.*) осталась, по его словам, у Карамзина, а другая, по его же словам, какой-то Флери (верно, не старый знакомец кардинал) оставлен у него или Карамзина до будущих почт; о новых же *Mémoires sur les Cent jours par Corbulon* даже и не упоминает. И

так вы видите, что любопытнейшие сочинения они придерживают у себя для прочтения, а спешат только пересылать ко мне брошюры. Нельзя ли придумать лучшие средства для вернейшего доставления.

Если еще не переслана была ко мне (ибо я получил только первую часть) *Mémoires sur les Cent jours* par V. Constant, то сделайте одолжение снабдите меня и последнюю, то-есть, второю частию. Между тем, приношу вам чувствительную благодарность не только за полученные, но и не дошедшие, книги и прошу вас вперед присылать ко мне такие только книги, которые, по мнению вашему, не могут быть у московских книгопродавцев, или о которых я сам буду просить вас. Это для того, чтоб вам не покупать тех книг, которыя куплены уже самим мною, в числе коих *Notice sur M-me de Staël-Holstein* par M. de Staël-Saussure и *Histoire de la chute de l'Empire de Napoléon* par Labaume.

Добрый староста <В. Л. Пушкин> наконец возвратился из уезда бодр духом и телом: прочитал у меня все статьи из 6 французских газет об Истории Карамзина, прослезился от умиления и унес их с собою, дав мне слово приосаняся, что он, одушевясь ими, непременно что-то напишет на счет наших литераторов и пошлет в *Сын Отечества* – чтобы получить верный отказ. Пусть он пишет, а я все таки желаю, чтоб станок наш был не празден, и начатое было доточено.

Давно бы пора нам ознакомиться с польскою словесностью, и я очень желаю видеть ваши нотисы. Поляки были первые наши учителя, ибо от них начались в Малороссии школы; да и теперь могут служить нам поощрительным примером в учености, вообще в просвещении. Кстати об них: надеюсь, что вы не лишите меня удовольствия видеть в свое время Журнал и нынешняго сейма.

Прощайте, любезнейший поэт, продолжайте ваше доброе ко мне расположение и верьте искренним чувствам отличного почтения, с которыми навсегда имеет честь к вам пребыть вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 139–140 (№ 18).

Сентябрь, 27. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 39–39 об. (1-я, старая, пагинация).

Сентябрь, 28. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! сердечно поздравляю тебя с прошедшими именинами, желая тебе всякого добра до будущих, которыя можем вместе праздновать, если будем живы. Здоровье мое не худо. Выпал снег и заставляет думать о переезде в город; но все еще не так скоро: недели через две, думаю. Книги Варшавские к тебе посланы: Флёри любопытен. Теперь я читаю *Gara Mém. sur Suard*: писано как-то не гладко, сбивчиво, но занимательно. Видишь 18 век перед собою со всеми Гениями Франц. литературы. – Поздравляю с новою Революциею (Португальскою). Скоро ли пройдет эта мода? Или мы пройдем скорее, т. е. уйдем от всех революций в долину Иосафатову? Часто повторяю слова незабвенного Батонди: Il y aura quelque chose! – Пишу все еще мало и плохо; но если буду здоров, то в Октябре публикую в газетах о подписке на 9-й том, чтобы знать, сколько экземпляров печатать.

Прости, милой друг. Нежно, нежно обнимаю тебя.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка Е. А. Карамзиной:

«От души поздравляю любезного и любимого Ивана Ивановича с его именинами, которые мы праздновали в кругу нашего семейства вместе с любезною Натальею Яковлевною; он конечно уверен, что наши желания для его блага были чистосердечны, внушенные самым живым чувством привязанности к почтенному имениннику. — Не уже ли вы и в нынешнюю зиму не заглянете к нам в Петербург? по крайней мере мы не престанем сего желать до нашего нерешительного отъезда восвосяи, то есть в Москву. Простите, почтеннейший Иван Иванович; любите нас как мы вас любим, а всего более будьте здоровы!»

Приписка С. Н. Карамзиной:

«Примите и мое поздравленье, почтеннейший и любезнейший Иван Иванович; не имею нужды сказывать, какие желания к нему присоединяю: вы их угадываете, не сомневаясь, как надеюсь, в искреннем, душевном чувстве к вам с которым выросли дети вашего друга. Очень благодарю вас за то что вы меня не забываете; впрочем, вы не могли бы, без неблагодарности, отказать мне в своем воспоминании, когда я так часто думаю о вас и вместе со всем нашим семейством так нетерпеливо ожидаю минуты, когда уже не буду прибегать к перу, чтобы изъявлять вам сердечное, глубокое почтение с которым остаюсь вам преданная

София Карамзина».

Приписка кн. П. А. Вяземского:

«Осмеливаюсь поблагодарить Вас в письме Николая Михайловича за приятнейшее письмо Вашего Высокопревосходительства, от 31-го Мая, полученное мною в Петербурге, куда был я завлечен на короткое время нечаянными обстоятельствами. Через неделю надеюсь возвратиться к должности Вашего Европейского Коммиссионера, к должности, занимающей не последнее место в числе прочих, ибо дает мне приятный случай напоминать Вам о себе. Постараюсь исправить здесь свое послание и сделать его, хотя не вовсе недостойным надписи и тогда с Вашего позволения отдам его в объятия Сыну Отечества. Отсюда присылать Вам нечего: здешние изящности без сомнения до Вас доходят и Г. Хвостов не замедлил доставить Вам свое разсуждение о прекрасном. Вот что по случаю и по поводу сего выскочило с пера моего, или правильнее с языка:

Ты о прекрасном речь сказал;
Дивиться должно всем такому безкорыстью:
Избравши сей предмет, ты явно доказал,
Что самолюбие твоей не водит кистью.

Возвратившись во свояси, разумеется Сарматские, примусь доканчивать *оную Эпистолу*, о коей прошу покорно не говорить, а в особенности тому, за коего на брань подвизаюсь: без сомнения он обезоружил бы меня.

С истинным почтением и душевною привязанностью остаюсь, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства преданный слуга

К. Вяземский».

Карамзин, 1866. С. 294–296 (№ 259).

Сентябрь. Петербург.

Дарственная надпись Дмитриеву от имени Пушкина на книге «Руслан и Людмила». Надпись сделана не рукою Пушкина, но, вероятно, по его поручению.

Летопись, 1991. С. 240.

Октябрь, 6. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к князю П. А. Вяземскому в Варшаву сообщает, что «Дмитриев хотя и хвалит Воейкова, но Пушкина уже не хулит».

ОА Т. II. С. 82.

Октябрь, 7. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Письмо вашего высокопревосходительства от 1 Сент. получил и спешу уведомить вас, что на днях вы должны получить или уже теперь, может быть, и получили письмо и книгу в двух частях от кн. Вяземского, чрез Н. М. Карамзина, которому, кажется, она доставлена была для прочтения. – В конце прошедшей недели я наведал историографа и в доказательство его выздоровления скажу только, что он обедал в Павловском; возвращаться сюда еще нескоро намерен. Назначенные вами книги выпишу чрез кн. Вяз.[емского]; но та, которую он к вам посылает, любопытнее всех других в сем роде, по мнению Ник.[олая] Мих.[айловича] <Карамзина> – Если он не прислал еще к вам; Mémoires pour servir à l'histoire de

France en 1815–1820, то я напишу к нему о доставлении; ибо по словам брата, который читал ее, вероятно, что сам Наполеон составлял ее. В предисловии сказано, что ее хотели назвать продолжением: du Manuscrit de S-te Hélène.

Здесь вышла примечательная новость. Это *Урывки времени*, соч. *Козлянинова*, усердного члена Английского нашего клуба. Он уверяет, что он писал стихами и что в критико-философическом словаре его много глубокомыслия. Вот некоторые примеры:

Восторг, прыжок лжи и лести.

Желания, коклюшки, коими плетут кружева жизни.

Красноречие – опухоль здравого смысла.

Но некоторые есть и не без смысла, напр.

Бал: подрыв свахам.

Автор пишет для того, чтобы обедать в клубе, и члены оною самые усердные его читатели. Я посылаю сегодня книгу его к Батюшкову и даю ему краткий отчет в приятелях его и в словесности; ибо вижу, что другие, которые лучше моего могли бы это сделать, единного мя оставили служить отсутствующим! И под Неапольским небом может быть грустно по отечестве; а вдали и смрад отечества приятен. Вот почему я и решился послать Козлянинова и послал бы даже Графово новое произведение. – Читали ли вы письмо Блудова к Гречу в последнем № С.-Отч. об эпитафии Батюшкова. Виноват Воейков. Виноват он и пред Пушкиным. Что за разбор поэмы! Доказывает, что она шуточная, а не библейская: Да кто же в этом сомневался? – Брат Сергей из Царьграда просил Батюшкова сочинить другую эпитафию матери того младенца, Малышевой, милой женщине, о которой знавшие ее вспоминают со слезами. Я бы напечатал письмо брата о ее характере, если бы братство не принуждало меня к скромности. Из Варшавы нет еще ничего нового примечательного.

Простите, что заболтался. Если прикажете, то впредь не буду, а если промолчите, то приму за разрешение в празднословии. При свидании поблагодарите милую Елену Григорьевну Пушкину за письмо ко мне и к брату в Царьград. Последнее опоздало часом; но пошлетса, в утешение слез его, с следующим курьером».

РА. 1867. № 4. Стб. 658–660.

Октябрь, 7. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к А. И. Тургеневу в Петербург сообщает:

«Эпилог племянника моего прелесть. Поэму его вседневно ожидаю. И. И. Дмитриев ее уже имеет, и он многое в ней очень хвалит и многое критикует. Мы вместе с ним ее читали. Журналисты петербургские взбесились. В рецензии, напечатанной в Сыне отечества я заметил, что критик говорит о мрачных картинах Корреджия. Какое невежество! Грации водили кистью Корреджия, и все картины его прелестны. Le gracieux n'est pas le lugubre («Прелестное не есть мрачное»). Критик сочетал Орловского с славным питомцем Италии. Какое сочетание! Что он нашел сходного между ними? В одном месте, говоря о стихах моего племянника, рецензент восклицает: мужицкие рифмы! Сохрани боже, судить так криво и изъясняться так грубо!..»

Летопись, 1991. С. 241.

Октябрь, 8. Варшава.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Спешу принести вашему высокопревосходительству мою благодарность за приятнейшее письмо от 19 Сентября. Жалею, что книги так в дороге замешкались: я боялся любопытства Тургенева и не подумал о безопасности Николая Михайловича <Карамзина>. Вперед равно избегать буду Карибды и Сцилы. С вчерашняго дня мы возвратились к обыкновенной тишине нашего житья. Государь отправился в Тропаву, где вероятно пробудет с месяц, а там, через Варшаву, проедет в Петербург. Вы видели из речи, вам чрез Тургенева доставленной и коей перевод при сем прилагаю, что дела Сейма не совсем пошли по желанию нашему.

Там, где из 120 голосов, составляющих полный итог, 119 отвергают проект закона, там нет шайки и духа исключительного. Государь назначил комиссию из членов обеих палат, которые отвергли проекты, для преобразования (совокупно с Государственным Советом) тех самых проектов, и сия мера, столь же великодушная, сколь и благоразумная, подействовала на всех самым желанным образом. Не знаю, будут ли акты на французском языке напечатаны, но в таком случае поспешу их вам доставить. Книг вами требуемых здесь нет; постараюсь их выписать. Северин имел честь получить ваше письмо при самом отъезде своем; он тотчас с отправляющимся курьером написал в Лондон о печати: здешние художники весьма не искусны. У нас гостил славный ваятель Торвальдсен и сделал бюст Государя, сходства чрезвычайного. Ему заказали для Варшавы два памятника: один князю Понятовскому, другой — Копернику. Василий Львович так мало обо мне помнит, что забыл даже прислать мне стихи свои Каталани, о коих узнал только из ваших. Не знаю, к чему приписывать такое забвение: холодности ли ко мне, или охлаждению к стихам? Безкорыстно предпочитаю первое предположение. Поручаю благосклонности вашей жену мою, которая на днях отправляется в Москву для свидания с родными. В течении зимы приеду за нею. Радуюсь заранее мысли отдохнуть умом и сердцем от скуки здешняго одиночества».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1707—1708.

Октябрь, 13. Париж.

В «Constitutionnel» напечатана рецензия на «Историю» Карамзина; в ней, в частности, отмечается, что «Г-н Карамзин принадлежит к числу самых известных историков. Его “История” нравится европейцам; она будет нравиться и их потомкам...».

Корбе Ш. Из истории русско-французских литературных связей // Международные связи русской литературы. Сборник статей под ред. акад. М. П. Алексеева. М., 1963. С. 198.

Октябрь, 18. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Милостивый государь и любезнейший князь Петр Андреевич.

Наконец я получил записки Флери де Корбюлона, и от всего сердца благодарю вас за эту книгу. Она заставила меня провести несколько уединенных вечеров с большим удовольствием. Разнакомься по вашей дружбе чужеземным добром, я прошу вас постараться о доставлении ко мне 1) Manuscrit de S-te Hélène. 2) Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Bonap. 3) Jugement impartial sur Napoléon par Asais. 4) Histoire sur le sac de Rome par Giardini. 5) Mémoires sur la vie etc. de Suard par Garat и еще двух старинных книг, если вам удастся их отыскать: 1) La relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle vers Leur Majesté Alexey Michailovits etc. Amsterdam. 1669. 2) Etat présent de l'Empire de Russie, par le capitaine Margeret. Paris. 1669. Как бы я был доволен, если бы вы доставили мне все эти книги, особливо последние!

Я не пишу к Северину, полагая, что уже нет его в Варшаве: ибо в одних из французских газет (*La Quotidienne*) пишут, что он проехал чрез Дрезден в Мадрид в качестве поверенного в делах. Уведомьте, правда ли это. Если же он в Варшаве, то прошу за меня поцеловать его. Татищев мне сказал, что он ничего об нем не слышит. — Чуть не позабыл поблагодарить вас и за две последние речи, которые вчера получил, но еще не успел прочитать.

Что скажете вы о нашем *Руслане*, о котором так много кричали? Мне кажется, это недоносок пригожого отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе: но жаль, что часто впадает в *бурлеск*, и еще больше жаль, что не поставил в эпиграф известный стих с легкой переменою: *La mère en défendra la lecture à sa fille* <«Мать запретит читать ее своей дочери»>. Без этой предосторожности поэма его с четвертой страницы выпадет из рук добрая матери.

Равно сожалею и о том, что наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво. Воейкова замечания почти все справедливы; но в этом случае и он

сравнялся с прочими. Для них все равны: и Пушкин, и Катенин, и Карамзин, и звенигородской городничий Микешин.

А вы пожалейте о наших московских поэтах и приятелях. Князь Шаликов возвратился из уезда больной, и не на шутку. Вскоре потом и Пушкин столкнулся опять с подагрой. Вы можете представить хлопоты Антона Антоновича: на них только и была надежда к первому заседанию словесников.

Придется и кончить сожалением, что не могу сообщить вам лучших вестей. Между тем искренно желаю скорейшего с вами свидания и пребуду навсегда с отличным к вам почтением вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Р. С. Получили ли вы и Д. П. Северин последние мои письма, в которых я просил, не помню вас или его, о печати. Взгляните на мою и сжальтесь надо мною и здешними рециками».

СН. 1898. Кн. 2. С. 140–142 (№ 19).

Октябрь, 19. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! видишь, что мы еще наслаждаемся сельскими красотою! в особенности уединением: ибо третьягдни простились и с Императрицею Елисаветою Алекс., которая переехала в город. Чтобы в мундире и в башмаках не ходить по безконечным коридорам Гатчинским, я ездил к Императрице Марии за два дни до праздника, т. е. до 14 Окт., и заранее поздравив Ее со днем рождения, даже четырьмя стихами, возвратился к жене, не весьма здоровой, и к сыну Александру, также не здоровому. Думаем отправиться к Аничкову мосту 22 Окт. Наталья Яковлевна уже давно в Зимнем Дворце. Вывезу отсюда Ермака с Сибирью и смерть Иванову, но без хвоста, который еще требует добрых недель шести работы. Между тем объявлю подписку на 9-й том, и месяца через три отдам его в типографию, если Бог даст.

Жуковской совсем не суетен и еще менее корыстолюбив; но *летний* Двор приводит его в рассеяние, не весьма для Муз благоприятное, и в любовную меланхолию, хотя пиитическую, однакож не стихотворную. Он еще молод: авось и *встанет* и *возрастет!* Какой безсмертный откажется от таких лакомств, чтобы вместо *рыбаков*, посылать в *Сына Отечества Рыболовов*? Обстоятельства решат судьбу и талантов.

Жена и дети мои обнимают тебя нежно, а я за ними, веселясь надеждою обнять тебя нынешнею зимою в Петербурге. Будь здоров, любезнейший друг!

Навеки твой

Н. Карамзин.

Каков Русской перевод Государевых Варшавских речей?? надобно выдрать уши милому Князю Петру».

Карамзин, 1866. С. 297 (№ 260).

Октябрь, 28. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 40.* (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 21. Москва.

Дмитриев в письме к С. П. Жихареву в Петербург пишет:

«Милостивый государь мой, любезнейший Степан Петрович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за приятное уведомление меня о рождении сына, с которым имею честь вас поздравить. От всего сердца желаю, чтоб он был некогда утехою и жезлом маститыя вашей старости и во всем походил на почтенных своих родителей.

Еще до получения вашего письма я уже с прискорбием слышал о вашей потере и брал искреннее в ней участие, понимая очень живо всю меру вашей печали и забот в отношении к тогдашнему состоянию Федосьи Дмитриевны.

Можно ли надеяться по крайней мере в середине зимы дожждаться вас в Москву? Могу вас уверить, что пребывание ваше здесь было бы дополнением тех немногих отрядных минут, которые суждено мне иметь в столице, хотя и многолюдной, но для меня скучной в сердечных друзьях и приятелях: все старые рассеяны, а новые в мои лета уже не наживаются.

Впрочем, где бы вы ни были, всегда будете близки к моему сердцу, исполненному к вам душевным почтением. Будьте благополучны. До свидания имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Р. С. Покорнейше прошу вас изъявить такое же мое почтение милостивой государыне Федосье Дмитриевне и поздравить ее от меня с новорожденным, а любезную мою крестницу поцеловать».

Вацуро, 1980. С. 422.

Ноябрь, 1. Париж.

В «*Le Moniteur Universel*» (№ 306) напечатана «маленькая» рецензия о выходе на французском языке «Истории Государства Российского», особенно понравившаяся Карамзину:

«Nous avons annoncé la publication des quatre premiers volumes de *l'Histoire de Russie*, par M. Karamsin, traduite par MM. Saint-Thomas et Jauffret. Les cinq derniers volumes viennent de paraître.

A l'époque où la Russie est parvenue à exercer sur les affaires de l'Europe une influence relative à l'étendue de sa puissance, on recherche avec curiosité tous les détails, toutes les notions positives qui peuvent développer les causes de la grandeur toujours croissante de cet empire. Quelques ouvrages historiques les avaient rapidement représentées, mais se hâtant d'arriver aux époques contemporaines, ils négligeaient une foule de renseignements précieux sur un peuple à peine connu de nous au commencement du 18-me siècle, et placé aujourd'hui à la hauteur de la civilisation européenne. Ces motifs expliquent le succès mérité de l'ouvrage de M. Karamsin. En effet, dans un plan méthodique, dont les parties dissimilaires arrivent successivement sous les yeux du lecteur sans confusion, sans obscurité, l'auteur offre un vaste tableau de sa patrie, depuis la plus haute antiquité jusqu'à nous. Ses réflexions toujours judicieuses sont dictées par une saine philosophie et l'impartialité, son style est grave, soutenu et respire je ne sais quel air de bonne foi, de *nationalité* (si on peut s'exprimer ainsi), qui montre dans l'historien l'honnête homme avant le savant: tout est appuyé sur des documens authentiques, et cette histoire, fruit de quatorze années de travail, basée sur les recherches les plus exactes dans les annales et les archives nationales, doit être placée au rang des ouvrages classiques qui font le plus d'honneur à la littérature moderne. La traduction de cet important ouvrage mérite également des éloges; partout les princes, les vaiévodes, les chefs de l'Eglise y parlent avec dignité; et le style égal, la couleur uniforme des huit volumes qui viennent de paraître prouvent que les traducteurs se sont divisés; c'est-à-dire que l'un a traduit le texte et que l'autre a fait le travail en français. Celui-ci a parfaitement réussi, et l'on ne reconnaît dans cette traduction aucune trace d'une langue transpositive et asiatique; l'exactitude du travail littéral est garantie par la coopération de l'auteur. Nous rendrons plus tard un compte analytique de cet intéressant ouvrage».

Карамзин, 1866. С. 0138—0139; *Корбе Ш.* Из истории русско-французских литературных связей // Международные связи русской литературы. Сборник статей под ред. акад. М. П. Алексеева. М., 1963, с. 198. Ш. Корбе высказывает предположение, что статья эта была написана или Сен-Тома, или издателем(?).

И. И. Дмитриев, несомненно, читал эту статью (см.: *Дмитриев*, 1866. С. 102: выделенное полужирным шрифтом процитировано И. И. Дмитриевым).

Ноябрь, 11. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг! всего более радуюсь твоему обещанию заглянуть нынешнею зимою в Петербург и в сердце к твоим истинным друзьям. Переписка не

заменяет свидания: всего не скажешь пером, хотя и не боимся любопытных чиновников почты. Сдержи же слово. Мы уверены, что тебе не будет здесь скучно. От времени до времени не худо разнообразить жизнь: это свежит кровь. Скажи, когда велишь себя ждать? К Рождеству ли, к Новому ли Году? Друзей и ждать приятно, лишь бы не понапрасну. У нас все, как было. Изредка делаем визиты; но по вечерам дома, и не редко одни, кроме тех вечеров, в которые бывает Спектакль у Императрицы: она зовет и Сонюшку. Вообще самые приятнейшие для меня выезды к двум Императрицам, любимым мною душевно: нельзя обходиться милостивее и проще, как Оне обходятся. Вместо Гатчинских стихов (из которых на сей раз я забыл один) вот тебе Царскосельские, к Портрету Елисаветы Алексеевны:

Корона на главе, а в сердце добродетель;
 Душей пленяет ум, умом душе мила!
 В благотворениях Ей только Бог свидетель;
 Хвалима... но пред Ней безмолвствует хвала.

Но вот и Гатчинские: я вспомнил. Это поздравление со днем рождения, 14 Окт.

Живи, Монархиня, ко щастию людей!
 Для суетных забав жизнь наша скоротечна:
 Для добродетели всегда есть время в ней.
 Добром *безсмертна* Ты: так будь же *долговечна!*

Знаешь ли, что я, читав равнодушно десять или двадцать благоприятных отзывов, Французских, Немецких, Итальянских, был тронут статьею Монитера о моей Истории? Этот Академик посмотрел ко мне в душу: я услышал какой-то глухой голос потомства. Но... *chut!* *Либеральной Constitutionel* в № 13 Окт. осыпал меня похвалами; сказал: *Mr. K. s'est placé au premier rang des Historiens les plus célèbres: son Histoire plaint à l'Europe: elle plaira à la posterité etc. etc.* Хвалит даже мою *либеральность*, вопреки нашим либералистам! Странно, что они (Французы) в *тени* находят более, нежели иные мои братья Русские в *вещи!* (тенью называю перевод). Я мысленно и словами часто бранил Франц. переводчиков, а *первые Парижские Журналисты* хвалят их, даже ревностно! Знаешь ли, что Сонюшка не менее моего способствовала красоте и верности этого перевода? Я еще не видал 8-го т., где вся осада Казанская ею переведена... Мешают писать. Едем в Спектакль, а завтра я отец посаженной у Кривцова! Обнимаю тебя нежно, от имени жены и детей. О Государе еще нет слуха: возвратится, как думают, не прежде Дек.

Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 298—299 (№ 261).

Ноябрь, не позже 26. Москва.

Получает через А. В. Сушкова перевод Н. В. Сушкова комедии Пирона «Метромания, или страсть к стихотворству» (С.Пб. 1820 г.).

Ноябрь, 26. Москва.

Дмитриев в письме к Н. В. Сушкову в Петербург пишет:

«Имеv удовольствие получить чрез Андрея Васильевича <Сушкова> переведенную вами комедию, спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за внимание, которым угодно было почтить меня, и, в качестве любителя всеобщей словесности, за подарок, сделанный вами нашей. Надеюсь, что успех первого шага поощрит вас к дальнейшим и отважит испытать собственные силы в искусстве, столь блестящем, не менее полезном и которое более прочих может привлекать автора-патриота.

С сим желанием, свидетельствую вам совершенное мое почтение, с которым и проч. Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 269—270.

Ноябрь, 28. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

В последнем письме ты жаловался на худое здоровье: и я также в простуде, а сын Николай в горячке, хотя до сего времени и не опасной. Следственно мы не в веселом расположении.

Вот тебе новость: вчера сказывали мне, что В. Н. Каразин задержан, и бумаги его взяты Полицею; а причина неизвестна. Жалкой человек! не мог жить спокойно и все чего-то добивался. У него жена и много детей: это грустно. Думаю, что вина его состоит в какой нибудь новой дерзости: не написал ли опять письма безразсудного, и проч.?

С. Томас выдал в Париже 7-й и 8-й том Фр. перевода моей Истории, не показав мне в манускрипте, и не дождавшись того перевода, которой был послан к нему отсюда и мною просмотрен. Будет много нелепицы: жаль!

Посылаю нумер *Конституционного*; а Граф Лаваль обещал достать для тебя и нумер Монитёра.

Государя еще не ждут. Австрия хочет войны. К лучшему ли?

Наталья Яковлевна на новоселье, в Шепелевском Дворце. Лучше тем, что не высоко и более комнат, хотя и низких. Об этом я просил Государя, а она еще сама писала к Нему в Варшаву: в следствие чего ей отделали комнаты очень изрядно. Пишу к тебе в темноте. Прости, любезнейший! Будь здоров.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 299-300 (№ 262).

Ноябрь, 29. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Варшаву: «Возвращая вам при сем, любезнейший князь, журнал и газеты, приношу благодарность вам мою и покорнейше вас прошу выслать для меня из *Варшавы*: 1) *Annuaire Nécrologique à commencer de 1820* и 2) *Mémoires sur le 18 siècle – mémoires de l'abbé Morillet, deux vol. in-8*. Чувствительно сим одолжите преданного вам Дмитриева».

СН. 1898. Кн. 2. С. 150 (№ 33).

Декабрь, 1. Петербург.

День рождения Н. М. Карамзина. Ему минуло 54 года.

Декабрь, 5. Париж.

В «*Journal des Débats politiques et littéraires*» (le 5 decembre) напечатан разбор франц. перевода «Истории». Автор разбора неизвестен.

Быкова, 1969. С. 338.

Декабрь, 6. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Тысячу благодарностей, любезнейший князь и поэт, за три книжки. Я уже имел удовольствие получить их от княгини. С большим удовольствием читал процесс Прадта. Я всегда любил читать сочинения такого рода – в отношении к диалектике и красноречию. Ради Аполлона, постарайтесь скорее утешить меня присылкою *Mémoires de Garat sur la vie et les écrits de Suard*. Карамзин раздражил мое любопытство. А здешний дурак книгопродавец Рисс, хотя и недавно приехал из Парижа, но ничего не привез из новостей (даже ни одного *almanach*) кроме *Corbeilles des fleurs, Le langage de fleurs* романов и Якова Бема с товарищи.

Относительно нашей словесности я утешаюсь только уверением французских журналов, что и у нас есть *автор*, и ожиданием девятого тома, а наши журналисты всеми силами стараются открыть нам глаза на счет Хвостова. В *Невском Зрителе*, говорят, что отныне должно разделять оды на Горацианские, Ломоносовские, Петровские, Капнистовские, Хвостовские. Словом он их гений. Да здрав-

ствует терпение! Дождался и он цветущего времени нашей словесности. Защитники его журналисты, какие-то Кругликов, Сниткин, Георгиевской, утверждают, что он отличается пред прочими силою в мыслях и точности в выражении оных. Жаль, что не привели в пример чувства, *превращенныя в прах*, голубка с *зубами*, козла с *свиною тушею* и пр. Какое ободрение для талантов!

Пишу в день именин историографа: утешимся и поздравим друг друга с ними. Вашего сиятельства покорнейший слуга Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 142–143 (№ 20).

Декабрь, 10. Париж.

В «Journal des Débats politiques et littéraires» (le 10 decembre) напечатано продолжение разбора франц. перевода «Истории». (Начало – 5 декабря).

Быкова, 1969. С. 338.

Декабрь, 12. Париж.

В «Journal des Débats politiques et littéraires» (le 12 decembre) завершен разбор франц. перевода «Истории». (5-го (начало), 10-го (продолжение) декабря).

Быкова, 1969. С. 338.

Декабрь, 20. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Филимонов рассказывал мне о Москве, а всего интереснее о тебе; также и Александр Дм. Балашев, который говорил нам о твоём намерении переселиться в Петербург, к нашей радости, если мы здесь останемся доживать век свой. Между тем ожидаем тебя в Феврале, хотя на время, если не навсегда. Ты все увидишь и сообразишь. По крайней мере к Февралю Государь возвратится; может быть и прежде. Вчера я обедал у Императрицы М.[арии] Ф.[едоровны], но не мог спросить о последних вестях из Троппау. – О *карикатуре* известно то, что он скрылся от глаз людей: не сидит ли в Шлиссельбурге? Говорят, за дерзкое письмо. Ему (или ей) запрещено было писать: не послушался! Жалки жена и дети. Надеюсь, что добрый Государь умилосердится над безразсудным.

На той почте отправят к тебе пять томов Франц. перевода моей Истории. В VII и в VIII есть жалкие ошибки: их получили только Императрицы.

Жена моя стонет от своего бремени и худо проводит ночи. Очень об ней беспокоюсь. Прости, любезнейший. Всем домом обнимаем тебя с нежностью.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Не могу достать Монит□ра».

Карамзин, 1866. С. 300–301 (№ 263).

Декабрь, 21. Варшава.

Письмо кн. П. А. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Честь имею доставить вашему высокопревосходительству записки о Сюаре и сочинение Азаиса. Не дождавшись медлительной присылки книгопродавца, посылаю вам последнюю книгу из своей библиотеки; а по приезде моем в Москву можем поменяться. Вчера через статс-секретаря Соболевского, из Троппавы возвратившегося, узнали, что Государь отправился в Лайбах через Вену для свидания с Неаполитанским королем, об отъезде коего имели уже в Троппаве решительное известие. Австрийский император также туда отправится, и надеяться можно, что все кончится по любовному. Северин в письме своем от ¹⁶/₂₄ Декабря жалуется немного на свое здоровье, но, не смотря на то, едет за царями в след. Впрочем из его писем ничего не узнаешь о делах, и вообще сие совещание Троппавское обложено непроницаемою таинственностью. Но нам только дотерпеться до преподобного Малиновского (l'archevêque de Malines): он весь сор вынесет из избы. Прислал ли вам Тургенев мой сор – послание к Михайле Трофимовичу <Каченовскому>?»

Я его отправил для напечатания в *Сыне Отечества*. Не знаю, посмеют-ли? Этот Каченовский походит на устастую старушку, которую в Петербурге все уважают и боятся, неизвестно из чего.

Смею просить вас, милостивый государь, сказать мне свой суд искренний и строгий о стихах и дать советы для исправления, буде они исправления стоят».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1708–1709.

Декабрь, 28. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 41 (1-я, старая, пагинация). Впервые: *Вацуро*, 1980 (С. 442, фрагмент: «Я очень рад, что вы ходите к Карамзину, и желаю, чтоб он узнал вас еще короче...»).

1820-е. Москва.

Письмо к В. Н. Карамзину.

Автограф: *РГБ ОР*. Ф. 32 (Бецкий), К. 16, № 4.

1820. «Руской Вестник» (№ 2. С. 61–62). Стихи Дмитриеву (стихи С. Н. Глинки).

1820. Рига.

Выходит в свет немецкий перевод «Истории»: «*Karamsins Geschichte des Russischen Reiches. Nach der 2. Original-Ausgabe übersetzt. Bd. I. Riga, 1820*».

Быкова, 1969. С. 339. Первые три тома перевел Ф. Гаценшильд, с 4-го по 7-й перевел А. Ольдекоп, а с 7-го — Эртель совместно с Карамзиным.

1820—1824. Венеция.

Итальянский перевод «Истории Государства Российскаго»: «*Istoria dell'impero di Russia. Traduzione di Giannantonio Moschini. Venezia. Vol. 1—8*».

R. I., 621, № 263.

1820. Париж.

Вскоре после выхода 4-го тома франц. перевода «Истории» в «*Revue encyclopédique*» (т. 6, pp. 317–320) напечатана весьма негативная как к Карамзину, так и к его «Истории» статья Г.-Б. Дешпинга.

Корбе Ш. Из истории русско-французских литературных связей // *Международные связи русской литературы*. Сборник статей под ред. акад. М. П. Алексеева. М., 1963. С. 199, 200.

1820. В «*Annales de la littérature et des arts*» напечатан франц. перевод стихотворения Карамзина — «Осень». Переводчик — Шарль Эген.

Корбе Ш. Из истории русско-французских литературных связей // *Международные связи русской литературы*. Сборник статей под ред. акад. М. П. Алексеева. М., 1963. С. 201.

1820—1823. Дерпт — Рига. В «*Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch von Karl Fridrich von der Borg*» (Th. I. Derpt, 1820; Th. II. Riga, Derpt, 1823) напечатаны 9 переводов из Карамзина.

А. Измайлов. «Сленина Лавка». Стих:

«У Сленина в лавке на креслах сижу,
На книги, портреты уныло гляжу.
Вот бард наш Державин, вот Дмитриев, Крылов!
А вот Каталани — под нею Хвостов».

Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // РА. 1864. Изд. 2-е. Стб. 1003.

1821

Январь, 1. Москва.

Получает из Лондона от Северина, вероятно, при письме, заказанную ранее печатку.

СН. 1898. Кн. 2. С. 143.

Январь, 2. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Чувствительно благодарю вас за табакерку с хартией и за две книги, которых я так давно добивался. Первый раз в жизнь мою получил я подарки для нового года, которые для меня тем милее, что получил их от двух отсутствующих и любимых мною более всех наличных в Москве. Ваши на кануне, а от Северина лондон-скую печатку – в самый день нового года.

С старым годом мы распрощались с подобающею честью в маскарade княгини А. А. Голицыной, а новый – после первого приветствия от ветхого князя Шаликова, которое конечно раздастся во всех концах России, будем праздновать сегодня у П. Е. Татищевой или у Марии Степановны <Татищевой, урожд. Ржевской>; но я отпраздную его искренно в тот день, когда увижусь с вами. Между тем всею душею желаю вам в продолжении оногo всевозможного благополучия. Мысленно вас обнимаю и с отличным почтением и привязанностью пребуду навсегда вашего сительства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Р. С. Сколько я рад, что вы сдержали слово, столько жалею, что не прислали прежде ко мне, нетерпеливо желаю увидеть послание ваше в *Сын Отечества* – вы меня рассмешили новым прозвищем Прадту».

СН. 1898. Кн. 2. С. 143 (№ 22).

Январь, 3. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

От всего сердца поздравляю тебя с новым годом, желая тебе, как самому себе, всего, что есть на свете доброгo: здоровья, спокойствия, etc. etc.

Мы тебя ожидаем, любезнейший, в Феврале. Дай Бог, чтобы ты не переменил своего намерения, столь щастливого для твоих друзей! Наталья Яковлевна то верит, то сомневается; я верю. Думают, что и Государь в Феврале будет. Едва ли Лейбах отвратит войну. Переговоры, кажется, не могут быть продолжительны. Я читал критику Гофмана в *Journal des débats*: умной враль; не дал себе труда вразумиться и заставляет меня говорить то, чему я сказал противное. В Франц. переводе VII-го и VIII-го тома есть грубые ошибки: впрочем не стоит труда писать об этом для Франц. Публики. Самолюбие мое не излишне щекотливо, а другим вредить не люблю. Будет с меня и того, что имею. Непрестанно беспокоюсь об жене. Она должна родить или в конце Генваря или в начале Феврала. Всем домом обнимаем тебя нежно, друг любезнейший.

Будь же здоров. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 301–302 (№ 264).

Январь, 8. Москва.

Дмитриев «по утру» в гостях у Е. С. Тургеневой.

Январь, 9. Москва.

Письмо к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за приятное ваше письмо и доставление мне билета на ваше периодическое издание. Могу вас уверить, что я считаю его единственным нашим национальным журналом, прочие же

есть не что другое, как сборники. Желательно бы только было, чтоб вы украсили его еще статьею о литературных новостях, по примеру французских и немецких журналов, а не *Сына Отечества*, который часто занимает нас только извещением о тетрадках. Мореходцы наши и ученые уже совершают третье путешествие вокруг света, а ни один еще журнал не говорил об них. Вероятно, уже вышел и последний том перевода *Tableau des révolutions politiques en Europe, par Ancillon*, а ни слова еще и о первых томах. Можно бы в этой статье давать направление и авторам, и переводчикам и просвещать или, по крайней мере, вразумлять, а иногда и журить наших (большею частью) невежд книгопродавцев и отучить их от высокопарных похвал своему товару и от восхищений о эпиграфах, иногда даже вздорных.

Позвольте, наконец, пожелать вам от всего сердца в продолжение наставшего года и последующих возможного благополучия и уверить вас в отличном почтении, с которым навсегда имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 270.

Январь, 9. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Всем сердцем благодарю вас, любезный А.[лександр] И.[ванович], за приятное ваше письмо и взаимно желаю вам в продолжение наставшего и последующих годов возможного благополучия. Вчера я имел удовольствие два раза видеть вашу матушку – поутру в ее доме, а вечером у П. А. Толстого, и видеть любезного петербургского гостя, которого надеюсь и сегодня вечером видеть у себя за чаем.

Как нетерпеливо желаю взглянуть на 2-й № *Сына Отечества*. Но, увы, мы еще первого не дождался! Спасибо моему любимому поэту! Не тщетно было на него мое упование! *Таковской* недавно чрезвычайно хвалил мне в клобе перевод Графова Буаловой сатиры, думая тем досадит мне. Теперь я буду в свою очередь хвалить ему и заставлю слушать Послание.

В.[асилий] Л.[ьвович] теперь на ногах впредь до подагры. Все собирается к вам, мимоходом. Между тем некоторым шепчет *par confidence*, что он едет в чужие края, и другим, что он переводит одну из Байроновых поэм, из которой, действительно, давно уже читает 8 начальных стихов. Но я думаю, и то и другое будет питать только его мечтания.

С душевным почтением обнимает вашего превосходительства покорнейший слуга И.[ван] Д.[митриев]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1130–1131; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 271.

Во 2-м № «Сына Отечества» (1821. 8 января) напечатано знаменитое «Послание к М. Т. Каченовскому» кн. Вяземского.

Январь, 12. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Милостивый государь любезнейший А.[лександр] И.[ванович].

Чувствительно благодарю вас за два последние ваши письма, оба равно для меня приятные, и за сообщение мне литературных новостей. Весело мне слышать, что Батюшков здоров и живет под Авзонским небом не верхоглядом. Уверен, что он произведет что нибудь достойное его таланта.

И так, ни речи, ни стихов, и все кончится переводом. Спасибо Карамзину, что успел что нибудь приготовить *свое*. Право, он богатырь наш. Это говорит не дружба, а сердце патриота.

Добрый Пушкин уже отложил свою поездку. Накануне нового года он было разбодрился в маскарade князя Бяратинского: одет был Сатурном и всюду метал французские стихи, а теперь опять в подагре и лежит... Известны ли вам следующие стихи:

Кремнистый, глинистый, цикорный и глицинный...
Итрийский, тальковый, торинный, стронциновый...
Одна лишь кислота род оный растворяет...
Другой сморкаяся текучей мокротою...
При окислениях являет запах, пламень...

Всю эту ученую кислоту вы можете найти, как в губке, в послании к Ломоносову графа Хвостова. Мне сдается, что он представит его в Академию для прочтения в торжественном собрании.

Нельзя ли потешить молодого поэта и передать его стихи, при сем препровождаемые, *Сыну Отечества*; буду за то благодарен.

Между тем, мысленно вас обнимая, с душевным моим почтением навсегда имею честь быть и пр.».

РА. 1867. № 7. Стб. 1131–1132; перепечатано: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 256.

Последние два стиха приведены с небольшим изменением. В подлиннике они читаются так:

«...Другой, смокаяся текучей мокротою...

При окислениях рождает запах, пламень...».

Январь, 13. Петербург.

День рождения имп. Елизаветы Алексеевны.

Январь, 14. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 42* (1-я, старая, пагинация).

Январь(?), до 16. Москва.

Получает из Петербурга от Ивана Георгиевского книгу «Моя беседа с друзьями или взгляд на стихотворения певца Кубры» (СПб., 1820).

РА. 1867. № 7. Стб. 1133.

Январь, 16. Москва.

Получает и читает второй № «Сына Отечества» (Ч. 67), в котором напечатано «Послание к М. Т. Каченовскому» кн. Вяземского.

РА. 1867. № 7. Стб. 1132.

Январь, 16. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, почтенный и любезный А.[лександр] И.[ванович], за письмо и приложения. Сейчас только получил и прочитал второй номер. Вяземский оправдал мою надежду. Он показал талант и душевную энергию. Люблю Жук.[овского] и Батюш.[кова] попрежнему. Но, да не прогневаются они: Вяземскому в сердце моем первое место.

К.[нязь] Шаликов уже начал было оправливаться после долговременной болезни, от которой он с каждым днем исчезал. Но обозрение журналов погрузило его в уныние, и я боюсь, чтоб он опять не зачахнул. Отдайте А. Ф. Воейкову прилагаемые при сем стихи и скажите ему, что он утешит меня, если напечатает их в С.[ыне] О.[течества]. Они право не дурны. Пускай обсахарит тем огорченного им поэта. До свидания, любезнейший корреспондент.

Р. S. Какой-то Георгиевский прислал ко мне Взгляд на певца Кубры, и уведомляет меня, что намерен выдавать какой-то Ковчег для певца Кубры, а с ним хочет засадить между прочими и меня нижайшего. Нельзя ли постараться, чтоб он оставил меня в счастливой неизвестности? Он сам говорит, что ему 18 лет, а мне уже за 60. Каково же мне видеть себя в его клетке, на показ публики? Это я говорю между нами, а вы только постарайтесь».

РА. 1867. № 7. Стб. 1132–1133; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 271–272.

«Какой-то Ковчег» был издан Георгиевским под названием «Карманная библиотека Аонид, собранная из некоторых лучших писателей нашего времени...» (СПб. 1821 г.).

Январь, 16. Москва.

Вместе с письмом к А. И. Тургеневу пересылает стихотворение кн. Шаликова «На день рождения Императрицы Елисаветы Алексеевны» (напечатано в «Сыне Отечества». 1821. Ч. 67. № 5, 29 января. С. 224).

Январь, 18. Варшава.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Вот еще неумолкаемый Малиновский. Что ни говорит он, но он уже откупил внимание, и по неволе надобно его слушать. Вследствие того и посылаю вашему высокопревосходительству новое сочинение его, хотя и не знаю еще его достоинства. Рассказы его о Троппавском совещании уже изданы; но, как сказывают, захвачены в Париже, и в таком случае должно ждать, чтобы они были перепечатаны в Лондоне, или Нидерландах. Из Лайбаха знаем только о приезде царей, но ничего еще о начале переговоров. Прусский король должен теперь быть там. Исполнив обязанность свою Европейского Вестника, позвольте мне обратиться к Вест-нику Европы и просить от вас приговора моему посланию. К вам приступаю *со страхом и доверием*, со страхом за неисправности в слоге; с верою в чувство, с коим будете судить о побуждении, водившем рукою моею; но признаюсь, не смею поднять мысленно глаза на Николая Михайловича <Карамзина>. Лоб К[аченов]-ского не так сморщится от стихов моих, как его, и заранее прячусь за вами от стрел его гнева. Помилуйте и спасите меня!»

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1709–1710.

Январь, 25. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Жена моя должна родить скоро: самый дальний срок в начале Феврале или прежде половины. Такое ожидание есть беспокойство, особенно по тому, что она, сверх ее тяжести, имеет какую-то слабость в нервах. – Скажу тебе хотя несколько слов.

Мы уже начинаем сомневаться в твоём сюда приезде: Февраль на дворе, а ты все еще не назначаешь времени. Жду нового письма от тебя, чтобы утвердиться в надежде или расстаться с нею.

9-й том печатается, но разве около Мая выйдет. – Тургенев нездоров, Наталья Яковлевна также, и я также: не выезжал целую неделю; вчера только был у обеих Императриц; видел приезжего, В.[еликого] К.[нязя] Николая Павловича, и едва ли опять не засяду дома; а между тем готовятся экзамены в Смольном Монастыре и торжеств. Собрание в Академии.

Здесь нового то, что в Университетском Пансионе ученики побили одного из учителей за невежество в Русской Литтературе!

Нежно тебя обнимаю, любезнейший друг. Помолись за нас.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Обними за нас любезнейшего Сергея Сергеевича <Кушника>».

Карамзин, 1866. С. 302–303 (№ 265).

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Варшаву от 26 января рассказывает о беспорядках в Университетском пансионе и о том, что директор пансиона Кавелин напал на Льва Пушкина, только за то, что тот брат поэта. Льва Пушкина «выгнали из пансиона, но товарищи вступились за него» (ОА. Т. II. С. 146; *Летопись*, 1991. С. 256). Л. С. Пушкин учился сначала в Царскосельском Лицейском пансионе, а затем, с 29 сентября 1817 г. в Благородном Пансионе С.-Петербургского университета, откуда был исключен из третьего класса 26 февраля 1821 г. за организацию слишком шумного протеста против учителя словесности И. С. Пеннинского, назначенного на место уволенного В. К. Кюхельбекера. (*Пушкин. Письма*. Т. 1. С. 207).

Январь, 30. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Искренно сожалею, любезный А.[лександр] И.[ванович], услышав сегодня от Пашкова, что вы нездоровы. Дай Бог скорее услышать от вас лучшие вести.

Достанется Вяземскому с Воейковым! Каченовский печатает Эпистолу первого в первой книжке своего сборника, вместе с своим ответом, а Волков <Алексей Абрамович> тут же помещает грозный протест против Обозрения журналов. Он уверяет, что стихи Вяз.[емского] никуда не годятся, да и сам Карамзин не заслуживает своей славы. Утешно ли мне жить в такой семье и слушать так часто подобные враки здешних наших словесников? Ежели у нас не будет беспристрастного и умного журналиста, ежели будут позволять пачкунам явно глумиться над талантом, без малейшего к нему уважения, поверьте, что это будет иметь весьма вредное влияние на образование нашего юношества.

Р. С. Еще не вытерплю. Видели ли вы последнюю книжку В.[естника] Е.[вропы]? Каченовский так обрадован, что старик Гофман не слишком приласкал Карамзина, что тотчас перевел его статью и напечатал с исключением некоторых речей из текста и с прибавкою своей иронии. Вот патриотизм наших русских профессоров».

РА. 1867. № 7. Стб. 1133–1134; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 272–273.

Январь(?). Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву (ответ на письмо кн. Вяземского от 21 декабря 1820 г. и по получении книги Азаиса):

«Не могу изъяснить вам, любезный князь, сколько вы одолжили меня присылкою книги, так давно ожидаемой мною. От всего сердца благодарю вас за нее, равно и за приятную надежду остаться в неотъемлемом обладании *Азаисом*. Всегда хочу вас видеть, теперь еще нетерпеливее, чтоб еще поблагодарить вас лично и насладиться вашей беседою. Между тем с совершенным моим почтением есмь и буду преданнейшим вам Дмитриев.

Р. С. Прошу вас при случае сказать о цене книги».

СН. 1898. Кн. 2. С. 143 (№ 21).

1821. Январь. Москва.

Дети и мыльные пузыри («Откуда визг и крик далече раздается...»).

Впервые: СН. 1898. Кн. 2. С. 216 (в примеч. Н. Барсукова).

Январь. Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 116. № 1, январь. С. 35–44) под заглавием «О безпристрастии историка и о том, в чем именно состоит занимательность русской истории для иноземных читателей» напечатан перевод рецензии из «*Journal des Débats*» (5, 10, 12, декабря 1820 г.) на франц. перевод «Истории» Карамзина: «*Histoire de l'Empire de Russie par m. Karamsin, traduite par m. M. Saint-Thomas et Jauffret*».

Февраль, 2. Москва.

Пишет письмо к Карамзину в Петербург (не обнаружено).

СН. 1898. Кн. 2. С. 145.

Февраль, 3. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Чувствительнейше благодарю вас, любезнейший мой поэт, за письмо ваше, от 17-го минувшего месяца, и винюсь перед вами, что не упредил вас моим письмом. Давно горел желанием писать: но все ожидал, какое будет последствие ва-

шей эпистолы... Наконец могу вас уведомить, что эпистолу вашу один Пушкин <В. Л.> *всем и каждому* в клубе читает, брызжет и всхлипывает от умиления; другой Пушкин <А. И.> не апробует, вероятно, потому только, что встречает в ней имя, давно ему противное; московский поэт В... того же мнения; а Каченовский напечатал ее в третьей книжке своего Сборника и прибавил к ней свои замечания, с которых препровождаю к вам при сем копию.

Что же касается до меня, то вы отгадываете, что я читал ее еще с большим чувством и удовольствием, нежели с каким обыкновенно читаю ваши произведения; отгадаете также и причину тому. От начала до конца ведена прекрасно; полна рассудком и острою (а не *остротами*, как говорят петербургские авторы) и поэзией. Сожалую только, что не удалось увидеть ее прежде печати: тогда бы я попросил вас сделать самые легкие поправки в трех и четырех стихах, не более. А именно: под *острие тупого жала. Щепетильный – насмешки острые*, etc. Я заметил, что многие, читая сия два стиха, останавливаются и не скоро схватывают мысль вашу. Также убедительно прошу вас, как старый и присяжный рифмач, не пренебрегать исправными (по технически) богатыми рифмами. Кончу тем, что цель вашей эпистолы делает честь вашему благородному сердцу, а исполнение – вашему дарованию. Вчера я писал к Карамзину и шутил на счет сделанного ему сюрприза. Верно, вам не миновать журбы его. Но да постыдятся Батюшков и Жуковский! Они не имели вашей энергии подать *по авторски* явно свой голос в пользу первого нашего автора; они оробели восстать на его оскорбителя, а не критика, – оробели потому только, чтобы самим не попасть под его критику. А им надлежало поступить иначе: публика наша еще сама на себя не полагается. Смелость в печати всегда покоряет ее. Прибавьте к тому, какое направление дает это малодушное молчание, с одной стороны, и наглое оскорбление талантов, с другой, незрелым умам юношества. Какое разращение будет для вкуса, сколько еще прибавится у нас пачкунов в литературе!

Очень, очень благодарю вас и за книгу; начал только читать ее. Попросил бы я вас доставить мне еще два Прадтова сочинения: 1) *Mémoires historique sur la Révolution d'Espagne* u 2-e) *De Révolution d'Espagne*, также и *Biographie pittoresque de députés*.

Но пуще всего желаю, как можно скорее, обнять вас и лично уверить в признательности и в душевном почтении, которое навсегда к вам сохранит вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Р. С. Ради Феба постарайтесь вернее и скорее доставить прилагаемое при сем письмецо к Северину».

СН. 1898. Кн. 2. С. 144–145 (№ 24).

Февраль, 4. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] г.[осударь] Иван Иванович.

Приношу чувствительнейшую благодарность за участие, приемлемое в моей болезни. Вот уже 3-й месяц, как я затворником и смотрю на Божий свет только в окно. Начиная выезжать; но хирагра в левой руке в первый раз напомнила мне, что я уже не прежний я, цветущей жизни полный. – Роман, сам страждущий, борется с моими тремя недугами, и кажется, начинает преодолевать их. Скоро надеюсь справиться и снова войду в круг моих приятелей, которые не оставляли меня одного с мрачными мыслями, с которыми вряд ли не в первый раз познакомился. Прошу вас не говорить о сем матушке. Она ничего не знает о моей болезни. Впрочем все к лучшему, я имел время надумать, прочесть со вниманием многое, что прежде читал в рассеянии света. Если глумления Московских пачкунов выживает вас наконец из Москвы, то я опять скажу: все к лучшему, ибо конечно увидим вас тогда в Петербурге. Ожидаю с нетерпением В.[естника] Европы, а между тем ватра собираюсь, если Роман позволит, в Рос. Академию, где почтенный историограф огласит нас словом истины о тиране, лучшее и самое красноречивое опровержение всех Вестников – Вы говорите о воспитании: прочтите Казанские инструкции. Я так полон негодованием к тому что происходит, и мыслями о том, что могло бы быть, что в одном только оптимизме должен искать утешения.

Вместе с отрывком из Рос.[сийской] Ист.[ории] в Академии будут читать только переводы. Утешаться ли тем, что и во Французской Академии двух переводчиков за одне переводы, Делиля и Сегюра, предлагали в члены? Но по первому предложению и переводчику Георгик там отказали в стуле, а Истории Карла V и подавно. — При свидании прочту я вам новое произведение Варшавского поэта, которое, по моему мнению, в силе мысли, чувств и выражений превосходит все его прежнее в сем роде.

Ежедневно ожидают разрешения от бремени Екат.[ерины] Андреевны. О возвращении Государя ничего не слышно. Прежде апреля я не полагаю сего возможным. — Желая слышать о блистательных подвигах Вас.[илия] Льв.[овича] на сцену мира и домашних театров. Между тем племянник его <Л. С. Пушкин> невинно исключен из Пансиона, а другой написал другую поэму, но приятелей своих забыл.

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers:
Nous pleurons son sort, en rapelant ses vers

можно сказать и о Батюшкове: он тоже по последним известиям, не выздоравливает и в Неаполе».

РА. 1867. № 4. Стб. 660—662.

Февраль, 5. Петербург.

Выступление Карамзина в Российской Академии.

Февраль, 9. Петербург.

У Н. М. и Е. А. Карамзиных родилась дочь Елизавета. Крестный отец — Андрей Петрович Оболенский.

Февраль, 14. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] и любезнейший А.[лександр] И.[ванович].

Чувствительно благодарю вас за два письма и приложения, равно и за все новости, особенно за последнюю. Дай Бог новорожденной и пригожество, и здоровье, и ум, и сердце, скажу даже и щастие тятеньки и маменьки. Пусть довольна будет домашним добром. Пожелаем только ей со стороны доброго и не бедного мужа.

Оба гостинцы очень хороши: жаль только, что Вяз.[емский] шевельнул прах двух старых поэтов. Первого мы уже привыкли уважать, и справедливо; а последнего грузные темы почуют, наравне с ним, сном непробудным, следственно и вреда не приносят. Лучше б нападать на тех, которые еще дышат и могут развращать вкус юных учеников уловлением разными ухищренными приманками неопытных писачек и составителей сборников для распространения об них молвы по всем уездам.

Кажется по всему, что скоро вспыхнет война и между двумя журналами. Авось Воейков разгорячиться за себя и ошибет крылья досточтимому каплану нашей словесности! Видели ли вы замечания к Посланию Вяземского? И его-то боятся наши Гении! И он-то надеется затмить труды Карамзина! И этого мало, что я сам занимаюсь, но еще и вам скучаю такими пустяками, когда бы мне прежде всего должно было изъявить участие в вашей болезни и пожелать вам скорейшего выздоровления!

Поверьте, любезный, что искреннее беру участие и всем сердцем желаю скорее видеться с вами, пока здесь, а там и в Петербурге. С сим искренним желанием заключает вас в объятия свои и пр.

P. S. Любопытен бы видеть Биньона. Нельзя ли дать знать о том В.[яземскому]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1134—1135; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 273—274.

В «Вест. Евр.» 1821 г. (ч. 115) Каченовский напечатал перевод статьи Гофмана, в которой разбиралась история Карамзина по переводу С. Тома и Жоффре (Статья Гофмана напечатана в «Journal des Débats» 1820 г. Дек.). Карамзин назвал эту статью «каррикатурою».

Февраль, 17. Москва.

Письмо к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

С чувствительною благодарностью возвращаю вам проэкт предисловия. Я только осмелился подчеркнуть в нем два слова и то, чтоб доказать только мою послушность. Постараюсь по прошествии суматошной недели сообщить вам несколько строк о любезном Храповицком, не для печати, а единственно в добавок к тем сведениям, которые вы об нем соберете. Очень благодарю вас и за то, что вы почтили вниманием вашим мои советы и решаетесь прибавить статью в вашем журнале.

Между тем с душевным почтением имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

*Дмитриев, 1895. Т. II. С. 274.***Февраль, 19. Москва.**

Письмо к кн. Вяземскому в Варшаву:

«Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Вручитель сего сын сенатора князя Алексея Алексеевича Долгорукова. Он делает еще первый шаг в свете, и при том на чужой стороне, почему покорнейше прошу вас принять его под свое покровительство и дозволить ему начать свою светскую службу в вашем сообществе. Кажется, что он имеет добрые качества и умел воспользоваться отцовским старанием о его воспитании. Желал бы, чтобы он, пользуясь вашею благосклонностью, сберег то, что имеет, и еще более усовершеншил себя. Между тем, с душевным почтением и привязанностью имею честь быть навсегда, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

*СН. 1898. Кн. 2. С. 145—146 (№ 25).***Февраль, 27. Петербург.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Скажу тебе хотя слова два. Жена моя, слава Богу! оправляется; новорожденная Елисавета, также здорова. Следственно могу спокойно заниматься корректурою. Эта работа продолжится, думаю, еще месяца два. Я стал кажется, ленивее, и менее жалею о времени, которое уходит.

И так не будешь к нам зимою? Будешь ли весною? В таком случае можем скорее увидиться в Москве, которой все еще не изменяю в мыслях. Лето (если до него доживу) решит, где мне кончить дни. Здоров ли любезной Василий Львович? Читал ли ты *La France telle qu'elle est*? Довольно любопытная книга. Неизвестно, когда Государь возвратится: может быть, и скоро.

Выезды мои здесь ограничиваются почти одним Дворцом, где бываю раза два в неделю: у Императрицы М.[арии] Ф.[едоровны] обедаю за маленьким столом, у Елисаветы Алекс.[еевны] бываю по вечерам; обе ко мне милостивы. Нежно обнимаем тебя всем семейством.

Навеки твой Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 303—304 (№ 266).***Март, 10. Петербург.**

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Велишь ждать себя весною: ждать будем; но просим не обмануть нас вторично. Хорошо, если бы ты приехал к нам хотя в Царское Село, где желаем быть в Мае, если Государь позволит: иначе мы готовы и в Москву. Жена и новорожденная, слава Богу! здоровы. Время началось неприятное: сырое и мрачное. Я уже неделю не видал Императриц; обе не очень здоровы от легкой простуды. 9-й том надеюсь доставить тебе в начале Мая: печатают не скоро. Думают, что Государь будет в конце Марта или по крайней мере к Празднику. Вчера был я у Канцлера: его слышал, а

он меня почти не слышал; сетует о Черниговском голоде и Белорусском, издержав тысяч сто на покупку хлеба. Приехал сюда до Мая по экономическим делам. Я на его месте не стал бы хлопотать. Смотрю теперь на Италию: дай Бог скорее конца, чтобы нашим не пришлось идти на помощь к Австрийцам! Батюшков пишет из Рима, что Революция глупая наделала ему до крайности. Хорошо, что он убрался из Неаполя бурного, где уже было, как сказывают, резанье. Жуковской видит и хвалит Шатобриана; собирается путешествовать, искать мыслей и чувств: Батюшков едва ли нашел их в Италии. Прости, любезнейший. Все мы, муж, жена, дети, обнимаем тебя нежно. Твой
Н. Карамзин.

О Каразине ничего не слышно: даже и не говорить об нем!»

Карамзин, 1866. С. 304–305 (№ 267).

Март, 12. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 43–43 об. (1-я, старая, пагинация).*

Март, 21. Петербург.

Около 7-и часов вечера Карамзин навещает больную имп. Елизавету Алексеевну.

Неизд. соч., 1862. С. 47.

Март, 31. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Дай Бог, чтобы весна имела благоприятное действие на твое здоровье, и чтобы мы увидели тебя здесь в Мае! Вот живейшее наше желание! Ожидаем праздника не очень веселого. О скором возвращении Государя нельзя и думать, а Императрица М.[ария] Ф.[едоровна] все еще не здорова, к нашему искреннему огорчению и общему. Я душевно люблю Ее, как за добродетель, так и за милость ко мне.

С новоприезжим я еще не видался; а слышу, что он хочет быть у меня. Завтра обед у Канцлера: могу там увидеть его.

Неаполитанцы везде бегут. Пишут, что Австрийцы уже в Неаполе: следственно одна история кончилась. Остается Пьемонт. Как бы хотелось знать, что будет с Греками! Мало надежды на хороший конец.

Текста отпечатано 21 лист, примечаний более половины. А ось к Маю весь том будет готов! Здесь кто-то разгласил, что он уже запрещен. Блюдов предпочитает его всем осьми томам: это Петербургская работа, кроме двадцати или 30 страниц в начале. Хотелось бы дойти до Романовых и тогда проститься с Историею.

Всем семейством обнимаем тебя нежно. Будь здоров, друг любезнейший.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 305–306 (№ 268).

Апрель, 7. Четверг. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву.

Текст письма см. «1822. Апрель, 7».

Апрель, 10. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 10. Петербург.

Карамзин навещает больного А. И. Тургенева.

См. «1821. Апрель, 11».

Апрель, 11. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Христос воскрес! Нежно обнимаем тебя, любезнейший друг, поздравляя с Светлым праздником. Будь здоров и спокоен духом. Мы, слава Богу! здоровы.

Я встретил праздник не во дворце, а в домово́й Церкви Графа Шереметева вместе с женою и с детьми. Императрица М. Ф. не выходила, а приняла нас в кабинете: Ей лучше; похудела, слаба и еще кашляет. Гвардия готовится выступить, не смотря на то, что Неаполь покорился и Турин готов покориться. Верховых Государевых лошадей ведут в Витебск. Кажется, что и Грекам не будет удачи, ни Лафаету с братиею. Нельзя читать без отвращения, что происходит в Парижской Каммере. Либералисты усмиряются или усмирятся. Дай Бог только, чтобы наши Финансы поправились, и не было сильных рекрутских наборов. Сперанского я не видал. Тургенев все не здоров: страдает от гемороеидов. Вчера я был у него. Наталья Яковлевна обедала с нами у нашей хозяйки. Мы уже помышляем о Царском Селе, хотя еще и не знаем, пустит ли нас туда Генерал Захаржевский без Государя. — Еще раз обнимаю тебя, любезнейший.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 306 (№ 269).

Апрель, 11. Петербург.

А. И. Тургенев встречается с Е. А. Карамзиной.

РА. 1867. № 4. С. 663.

Апрель, 12. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович.

Сию минуту получил письмо вашего высокопревосходительства и надеюсь, что кн. Вяземский, по одолжению своему, скоро доставит вам брошюру под заглавием: *Histoire de la fille d'un Roi*. Прекрасная аллегория о Французской конституции. В ней можно угадать разные лица, о которых намекает автор, и сочинения или действия коих имели влияние на участь конституционного порядка во Франции. Я получил еще и другие новости из Франции, но не слишком замечательные.

Мне самому, по старой памяти, стало жаль старика Хераскова, но не надеюсь убаюкать авторское самолюбие, ибо это лучший стих во всей пиесе. Новых писачек скорее старых забудут. Вреда большого они принести не могут. Менее ли экземпляров разоидется истории Карамзина в империи от сборника Каченовского? Воейков, кажется, готовит ответ: пусть воют крохоборы за свои крохи. По замечаниям кн. Вяземского, К.[аченовский] точно капнул в словесности. Как силится он уязвить и автора и издателя! И только был в силах выставить тупое жало, а водяной яд вылился на него самого. Вяземской сердится на меня, что я не послал к вам его предпоследней пьесы: *Негодование*, но я сделал сие из осторожности. При удобном случае доставлю. Поблагодарите доброго Пушкина за письмо; отвечать теперь не имею времени. Болезнь моя проходит, но следы ее могут продолжиться. К счастью, я могу уже выезжать, и в понедельник в первый раз буду в Совете. Вот доказательства, что Московские слухи, и до вас дошедшие, несправедливы; впрочем: *Fais ce que dois, advienne se qui pourra*. Вчера видел Екатерину Андреевну <Карамзину>. На сих днях крестил новорожденную кн. А. П. Оболенский и Е. Ф. Муравьева. Государя ожидают прежде св. недели. — С совершенным почтением и пр.».

РА. 1867. № 4. Стб. 662—663.

«...Это лучший стих во всей пиесе...» — кажется, речь идет о стихе кн. П. А. Вяземского «Державин рвется в стих, а втащится Херасков».

Апрель, 16. Пера Константиноп.[ольская].

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Смею ласкать себя надеждою, что невольное молчание мое во время скучных разъездов по востоку не причтено мне вашим высокопревосходительством в забвение, коего бы я сам никогда не простил себе. Смею надеяться, что вы всегда равно уверены в искреннейших и неизменных чувствах моих, в сердечной привязанности и благодарности за оказанные мне милости.

Выражение мое: *скучные развезды* не относится ни к Пирамидам, ни к Олимпии, Аргосу, Иерусалиму, Ефесу, и пр. словом, ни к одному из тех мест, куда завлекло меня одно любопытство. Но за то почти везде, где был я по делам службы, встретили меня несносные заботы, труды и неприятности. Мало бывало разумеется по моим летам и чину поручений почетнее моего, но за то мало и сопряженных с равными досадами, по Арабской пословице; *посей ветры и сожнешь бури*. Я право не сеял ветров, но точно достались мне в удел бури.

Может быть – не говорю наверно – в Петербурге не отдадут мне той справедливости, какую отдал здесь почтенный, благородный начальник, по убеждению коего решился я ехать. С его совершенным одобрением согласно свидетельство собственной моей совести, и я доволен. Ваш пример руководствовал меня, придавал новые силы, успокаивал и утешал меня.

Ужасные явления, коих мы здесь к несчастию всякой день бываем свидетелями, верно уже вам отчасти известны. К пострадавшим прежде присоединился и патриарх Константинопольский с тремя митрополитами; они все четверо были повешены в самый день Пасхи. На третий день тело патриарха, 75 летнего старца, предано на поругание Жидам и брошено в море! Сердце обливается здесь кровию, и я бы давно уехал в Одессу, если б меня не удержало вторичное, убедительное настояние бар. Строгонова, который полагает, что я ему нужен при нынешних важных обстоятельствах. Мы сами были в опасности от чрезвычайного своевольтства черни. Дома Европейцев остались неприкосновенными, но многие умерщвлены на улицах. Дни четыре тому как стало тише. Правительство приняло некоторые меры.

От Северина очень, очень давно не получал я писем, равно и от других приятелей, кроме Батюшкова. Он поручил мне *быть при вас его Провидением* – полагая, что я давно уже как должен быть в Москве.

Впрочем с чувствами глубочайшего почтения и неизменной преданности имею честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

Д. Дашков».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 595–596.

Апрель, 21. Остров Св. Елены.

Кончина имп. Наполеона I.

Апрель, 30. Москва.

Письмо к А. Х. Востокову в Петербург:

«Милостивый государь мой Александр Христофорович.

Поспешаю изъявить вам чувствительную благодарность за прекрасный подарок, который будет украшением библиотеки <«Стихотворения» Востокова. С.-Пб. 1821 г. 3 кн.>. Я всегда уважал и филологические ваши занятия, но невольно вздыхал, что так давно не слышу вашей лиры. Благодарение Аполлону! она отозвалась; и да продолжатся на долго ее сладкогласные звуки.

С сим искренним желанием свидетельствую вам, милостивый государь мой, отличное мое почтение, с которым был и навсегда пребуду, милостивого государя моего, вашим покорным слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 274.

Апрель. Петербург.

Карамзин получает первые три тома «Истории Государства Российского» на итальянском языке.

Сербинович, 1874. С. 59.

Май, 2. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Собираемся ехать в Царское Село, хотя время и не очень весело. Будем ждать тебя. Мы знаем, что деньги на путь лежат в Ломбарде, как ты писал к нам. Доро-

га уже суха. А к тому времени может возвратиться и Государь. Мы, слава Богу! здоровы. Последние листы 9-го тома в корректуре; желаю писать десятой, пока еще могу писать. Вчера я видел сестру Ланской, которая едет в Москву. Видел на сих днях раза три и *приезжего*, как ты назвал его. Он был у меня: не довок, не свободен духом и слишком осторожен; еще не знает, что с ним будет, но без сомнения не поедет, откуда приехал. Я, жена, дети все обнимаем тебя нежно. Будь здоров, спокоен и явись к нам в Царском Селе. Пора, пора нам увидеться. Жизнь клонится к западу.

Твой навеки

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 307 (№ 270).

Май. 2. Петербург.

В гостях у Карамзиных А. И. Тургенев.

СН. 1897. Кн. 1. С. 112.

Май, 13. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Препровождаю к вашему высокопревосходительству перевод из Лалла-Рук Жуковского. Вы увидите тоже и в первом № Сына Отечества; Вяземскому не посылаю, чтобы заманить его скорее сюда. Дашкова оставил барон Строгонов в Цареграде на время смутных обстоятельств. Я скрываю страх свой за брата от матушки; но сам не имею минуты покойной. Мы ожидаем Государя к 7-му, хотя, по уведомлению его, время приезда не верно; но Государыня начинает ждать с 16-го. Бар.[он] Штапельберг посылается с великолепной свитой послем в Лондон с поздравлением <по случаю восшествия на престол Георга IV>; при нем будут Флигель-адъютанты и иные дипломаты. Пушкин написал другую поэму: Кавказский Пленник; но в поведении не исправился: хочет непременно не одним талантом походить на Байрона. С совершенным почтением и пр. и пр.

Девятый том Истории посылается в продажу».

РА. 1867. № 4. Стб. 663–664.

Май, 17. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное И. Тимковским на выпуск 21-го № «Сына Отечества». В этом номере (с. 35–36) напечатано сообщение о выходе в свет IX тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина.

Май, 17. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Как я доволен, любезный А.[лександр] И.[ванович], что наконец вы меня вспомнили! Доволен и тем, что вы уведомили меня о Дашкове, о котором я уже начинал думать, что он, или погиб от Аравитян, или постригся в Палестине. Да сохранит его Бог и от булата Янычарского! Очень живо представляю себе и ваше беспокойство на счет Сергея Ивановича. Буду сколько можно осторожнее при Катерине Семеновне.

Благодарю вас и за новый перевод с Английского “досточтимого Василия Андреевича Жуковского”, как отозвался об нем в последней книжке *Благонамеренного* замысловатый Александр Ефимович <Измайлов>. Завтра начну читать *Пери* и непременно в саду, под открытым небом, может быть, и под алою радугою: ибо сию минуту после самого жаркого дня начинает сверкать молния и скопляются тучи.

Поздравляю вас с приездом кн.[язя] Вяземского, который повез к вам и Василья Львовича <Пушкина> в своем портфеле. Я очень рад, что дядя сдержал свое слово, и выдал свои творения прежде племянника.

С душевным почтением пребуду навсегда и пр.».

РА. 1867. № 7. Стб. 1136; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 275.

Май, 18. Москва.

Дмитриев читает «Пери» Жуковского.

РА. 1867. № 7. Стб. 1136.

Май, 20. Москва.

Цензурное разрешение, выданное цензором В. И. Соцом на издание книги: «Заира, Трагедия в пяти действиях, в стихах. Сочинение Вольтера. Перевел Илья Полугарский».

Экземпляр из 6-ки Дмитриева хранится в 6-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801—1825.* № 1329.

Май, 22. Москва.

Письмо к А. С. Шишкову в Петербург:

«Милостивый государь Александр Семенович.

Я не позабыл поручения, которым ваше превосходительство изволили почтить меня чрез письмо ваше в минувшем годе; молчал же до сего времени потому только, что дожидался окончания перевода Virgiliевых Георгик. Мне хотелось, чтоб первое мое предстательство было за труд не весьма обыкновенный в нашей словесности и достойный, даже по одним усилиям, внимания любословов. Наконец, перевод сей совершен, напечатан, посвящен Императорской Российской Академии, и я, по желанию переводчика, имею честь при сем препроводить к вам, милостивый государь, одного два экземпляра: один на имя Императорской Академии, другой же для собственной библиотеки вашего превосходительства.

Может быть, угодно будет вам, милостивый государь, получить некоторое сведение о состоянии переводившего: Семен Егорович Раич служит кандидатом при Императорском Московском Университете, и скоро надеется поступить на степень магистра. Он прежде обучался в орловской семинарии, под руководством родного своего брата преосвященного Филарета, бывшего в оной ректором, а ныне управляющего калужскою епархией. Приятно мне присовокупить к тому, что сей молодой человек соединяет в себе все качества, которые способны питать и усиливать дарования прямого автора, и не суетен в образе жизни; при основательном просвещении своем, отлично скромнен, доволен малым; — и главные занятия его досугов состоят в постоянном изучении классических поэтов римских и италиянских, которых язык знает он совершенно, и в преподавании детям благородных семейств уроков в русской словесности. Что же касается до самого перевода, я не позволяю себе сказать об нем ни слова. Он будет сам говорить за себя и с почтительным покорством ожидать от просвещенного судилища своего приговора.

Между тем, с совершенным моим почитанием и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 347—348; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 275—276.

Май, 24. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Князь-Поэт с нами, и мы всякой день говорим о тебе. Мало надежды видеть тебя также у нас: ты только поманил своих друзей, хотя и не очень легковверных. По твоему рассуждению, лето и зима имеют свои неудобности; а по нашему, лето и зима имеют свои удобства: летом ты погулял бы и на бирже и в здешнем и в Павловском саду, а зимою мы могли бы еще более быть вместе; зима еще далеко, а лето начинается, хотя и холодное: мы всякой день топим печи. Разве Государь привезет с собою тепло: Его ждут ныне ввечеру; и я жду, с 9-м томом, который будет отправлен к тебе на сих днях. Здоровье жены опять тревожит меня: т. е. у нее снова делается одышка. Часто грусть меня давит и жизнь тяжела; все кажет-

ся сном и мечтою, а сердцу больно как наяву. Смотрю на малюток иногда сквозь слезы. Прости, милой друг. Нежно обнимаем тебя всем семейством.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 307—308 (№ 271).

Имп. Александр I приехал из Гатчины в Царское Село поздно вечером (см. *РА*. 1867. Стб. 664).

Май. 25. Петербург.

А. И. Тургенев по просьбе Карамзина высылает Дмитриеву в Москву IX том «Истории Государства Российского».

1821. Май (не ранее 25). Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Чувствительно благодарю ваше высокопревосходительство за письмо от 17 Мая писанное. Поспешаю, по поручению Николая Михайловича <Карамзина>, препроводить IX том его истории. К достопримечательностям века нашего принадлежит и то, что цензура не позволила журналисту перепечатать статью об опричных. Я получил письмо от Сережи от 1 Мая. Дашков еще там, но собирается к себе в деревню; следовательно вы прежде нас его увидите. Вот выписка из письма брата моего, которую прошу не показывать матушке. Вяземских еще не видел, а завтра увижу их здесь. В Ц. Село урваться еще не мог, следовательно и Василий Львович еще в портфеле. Отвечать буду ему после. Примите на себя труд доставить ему Пери. Вчера Государь обедал в Гатчине, а ночевал в Ц. Селе. Вот и итальянская игрушка».

Выписка из писем С. И. Тургенева из Константинополя от 16 апреля и 1-го мая 1821:

«Вы знаете уже конечно о происшествии, возмутивших некоторые Христианские владения Порты. Они подали повод к гонениям ее против Греков; и как бунтовщики в прокламациях своих говорили о низвержении могометанства, то Турки кроважадное свое мщение обращают особенно на духовных. Отрубив прежде головы дрогману Порты, князю Мурузи и другим знатым фанарским Грекам, Турки избрали день Светлого Христова Воскресенья, чтобы казнить патриарха Константинопольского и трех важнейших митрополитов. Но чтоб еще усилить жестокость ругательством, они выбрали для них род казни самой постыдной, предоставленной самым низким преступникам, и который никогда не был употребляем против патриархов. Григорий, патриарх Константинопольский, больной, семидесятилетний старик, вообще всеми почитаемой, был повешен вместе с тремя митрополитами, между обеднею, которую он сам служил, и вечернею, в Христово Воскресенье, 10 Апреля. Во время казни и после оной, курил возле тел их свою трубку верховный визирь в продолжении целого часа. Тела их были выставлены до вторника Святой Недели, когда наконец приказало правительство снять их Жидам, которые несколько часов таскали по улицам, сопровождая эту варварскую церемонию криками, прыганьем, песнями; после чего они тела несчастных бросили в море. Жидов тут было около двух тысяч.

Идучи на казнь, патриарх встретил несколько Греков, просящих его благословения. Не будучи в состоянии поднять рук своих связанных, он словесно благословлял их, укреплял их в терпении и увещевал не покидать святой веры, за которую он шел на смерть мученика.

На его место тотчас же приказала Порта синоду выбрать Евгения, архиепископа Писидийского, который принял свое назначение и вступил в должность.

Кроме патриарха и митрополитов, казнено множество других духовных, столь же невинных, как и они, между прочими один Греческий священник 112-ти лет, и которого старость была уже детство, казнен был за то, что забыл отдать два пистолета, которые нашлись между его вещами, после приказания обезоружить всех Христиан, подданных Порты.

О таких происшествиях слышим мы беспрестанно. Они тем боле раздирают сердце, что мы ни помочь им, ни удалиться от них не можем, ни даже получить какое либо развлечение от личной нам опасности, ибо для нас ее нет. Нас не тревожат, и материально мы спокойны. Не знаю, чем все это кончится.

В Константинополе казни правительства и беспорядки народные продолжаются. Но вы можете быть на щет мой совершенно спокойны. У вас разнесшиеся слухи вовсе несправедливы. В Морее Греки дерутся с Турками, но это от сюда далеко, и до нас не дойдет.

На этих лишь Турецкие студенты, Жидаы и прочие каналы разграбили патриархию Константинопольскую. Некоторые Христианские церкви также были разорены, но не ограблены.

Мы скоро опять переезжаем в Буюк-Дере».

РА. 1867. № 4. Стб. 664—666.

Май, 29. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«Повторяю мою благодарность за доставление ко мне Жуковского перевода Англо-Индийской поэмы; прошу вас, м.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович], принять и от меня в гостинец Московский перевод Virgiliевых Георгик. Он лишь только отпечатан и еще не объявлен публике. Ник.[олай] Михайлович порадовал меня обещанием прислать 9-ый том его Истории. Сделайте одолжение, постарайтесь, чтоб я скорее получил его. Всем сердцем желаю, чтоб вы были спокойны насчет Сергея Ивановича <Тургенева>, и по-прежнему любили искренно почитающего вас и покорнейшего слугу вашего превосходительства Ивана Дмитриева».

Впервые без даты: *РА*. 1867. № 7. Стб. 1135; перепеч., без даты: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 276–277. С точной датой: *РС*. 1899. № 5. Май. С. [416].

Июнь, 7. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 44 (1-я, старая, пагинация).

Июнь, 10. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы, слава Богу! здоровы и великодушно сносим летнее ненастье, т. е. в июне осень, холодную и дождливую. Не редко видим Государя, к нам милостивого и ласкового. На другой день Его прибытия мы гуляли с Ним в саду не менее часа и говорили о политических делах Европы. Между тем душевно огорчились, я и жена, неприятностью Петра Андр. Новосильцев пишет к нему официально, что за нескромные разговоры его о Политике не велено ему возвращаться в Варшаву. Для объяснения Государь позволил мне притти к Нему в кабинет и милостиво сказал, что Князь Петр может иметь место в Петербурге, если хочет; но Князь не хочет...

NB. Все это между нами. <В подлинном письме последние слова приписаны с боку, против всего предыдущего места>.

Северин верно писал к тебе: он здоров и весел. С Графом Каподистр. мы провели несколько часов приятных.

Пишу 10-й том, если не для славы и не для денег, то по крайней мере для своего тихого удовольствия.

Всем домом, я, жена и дети, обнимаем тебя нежно. Будь здоров и спокоен духом, любезнейший. Навеки твой

Н. Карамзин.

Государь был целую неделю в городе. Ныне поутру мы виделись и по обыкновению беседовали в Зеленом Кабинете, то есть в саду. И здесь и в Павловском теперь уединеннее: почти все Генералы в походе. – Часто думаю о Греках: начался процесс страшный; решение впереди. Легче желать, нежели надеяться. Отчаяние есть сила для потомков древнего племени героев».

Карамзин, 1866. С. 308–309 (№ 272).

Июнь, 15. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное И. Тимковским на выпуск «Собрания Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности» (1821. СПб. Ч. 1).

Из сочинений И. И. Дмитриева здесь напечатаны: «*Освобождение Москвы*» – С. 9–14; «*Размышление по случаю грома*» – С. 67; «*Вольный перевод Горациевой Оды (Книга III. Ода I)*» – С. 69–70; «*Стансы к Н. М. Карамзину*» – С. 113–114; «*К Волге*» – С. 176–178; «*Глас Патриота на взятие Варшавы*» – С. 237–239. Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

Июнь, 16. Петербург.

Письмо А. С. Шишкова к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 22 мая 1821 г.):

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Я имел удовольствие получить приятное ваше письмо и присланную при нем книгу, под названием: *Виргилиевы Георгики*, перевод С. Р. Покорнейше вас благодарю, как за напамывание обо мне, так и за доставление сведения о молодом человеке, оказавшем толь великий успех в переводе стихами красноречивейшего из стихотворцев, и еще писавшего о таком предмете, о котором у нас и в прозе мало писано. Не зная латинского языка, я не могу судить о верности сего перевода, но по слогу и красоте выражений отдаю полную справедливость господину Раичу, толь достойному вашего предстательства. Отзыв ваш о нем уверяет Академию о его похвальной нравственности, а перевод его *Виргилиевых Георгик* показывает в нем соединенный со многими знаниями дар стихотворства. Я скажу не обинуясь, что нахожу переводы его не токмо, по скромному выражению вашему, *не весьма обыкновенными в нашей словесности*, но отличными и превосходными. Между тем однакож, при отдавании совершенной справедливости, не могу умолчать о погрешностях, по нещастию общих, но не меньше того важных и прекрасный наш язык сильно искажающих, от которых по видимому господин Раич при всех своих достоинствах не мог избегнуть. Жаль, что подражание худым примерам, похваляемым только несмысленными журналистами, нечувствительно увлекло его иногда желанием блистать новыми выражениями, придавать несвойственные вещам прилагательные имена, таковые как *безбрежная тень* и тому подобныя, гоняться более за набором слов, нежели за ясностию и чистотою мыслей, особливо же искажать величавый наш язык простонародною, не бывалою никогда в книгах наших буквою *id* или *ё*, которою ныне стихотворцы наши, хвастающие вкусом, пылки воображением, но худо знающие язык свой, вводят в употребление. Может быть, когда удосужусь перевод его еще раз прочитать со вниманием, я пришлю к вам выписку сим погрешностям. Да прости молодой человек сие чисто-сердечие старику, не умеющему так писать, как он, но и не зараженному нововведениями, не только языку но и здравому рассудку противными. Еще повторяю: жаль, что сии погрешности находятся в толь прекрасном творении, которое, за исключением их, достойно всякого уважения и делает честь нашей словесности. Я не успел еще книги господина Раича представить Академии. Надеюсь, что она примет ее с удовольствием, и хотя не одобрит некоторых стихов, однакож вообще отдаст ей должную справедливость. С моей же стороны я особенно благодарю вас, милостивый государь, за присылку и уведомление меня, как о сем переводе, так и о господине переводчике, с которым бы я весьма желал лично быть знаком. Прошу продолжить ваше ко мне благорасположение, и принять уверение, что я с истинным и совершенным почитанием и преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

А.[лександр] Ш.[ишков]».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 348–350.

Июнь, 17. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное И. Тимковским на выпуск «Собрания Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности» (1821. СПб. Ч. 2).

Из сочинений И. И. Дмитриева здесь напечатаны: «*Преложение 49 псалма*» – С. 51–53; «*Ермак*» – С. 97–103; «*Ах, когдаб я прежде знала...*» – С. 108–109; «*Наслаждение*» – С. 118–119; «*Стонет сизою голубочек...*» – С. 122–123; «*Видел славный я дворец...*» – С. 128–129; «*К Хлое*» – С. 181–182; «*Я щастлив был...*» – С. 191–192; «*Что с тобою ангел стало?..*» – С. 194; «*Голубок*» – С. 205–207; «*Куда мне, сердце страстно...*» – С. 207–208; «*Карриатура*» – С. 212–215; «*К Младенцу*» – С. 225–227. Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

Июнь (сер). Константинополь.

С. И. Тургенев, прочитавший 9-й том «Истории» Карамзина, присланный, вероятно, А. И. Тургеневым, отдает его для чтения Дашкову.

РА. 1867. № 4. 666.

Июнь, 21. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 45* (1-я, старая, пагинация).

Июнь, 28. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю за дружеское письмо, полученное мною при Северине, которой хотел писать к тебе немедленно, извиняя молчание свое хлопотами. Их Департаменту теперь много дела. Вероятно, что Греческая История будет с длинным хвостом, и что Европа не останется равнодушною к ужасам Турецкого варварства. А хотелось бы мира! – Граф Каподистриа любит вспоминать о тебе; вместо имени Немого, он дает тебе имя Красноречивого. Люблю его искренно, еще более за душу, нежели за ум. На сих днях мы обедали у Государя с Сперанским, которой будет жить в Царском Селе и останется здесь (в Петербурге). После обеда он был у нас, и мы познакомились короче. – Государь ездил дни на четыре осматривать военные Поселения, возвратился вчера, ныне встретился со мною в саду и долго говорил о том, что видел, и что было для меня любопытно: я узнал некоторые интересные подробности. – Князь Петр Андр. выедет отсюда в Москву 14 Июля в Дилижансе; а Княгиня поехала в Варшаву за детьми. Он живет в Петербурге, а к нам заглядывает не редко. Тургенев в большом беспокойстве о брате, Сергее Ивановиче, а мы о Дашкове: спаси их Бог! – Всем семейством обнимаем тебя нежно, любезнейший друг. Будь здоров и спокоен духом. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 309–310 (№ 273).

1821. Июнь(?) – Июль(?). Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Вот выписка из письма брата из Царь-Града от 15 Июня, старого стиля.

“Здесь время стоит прелестное и еще не жарко. Босфор и берега его во всей красоте природной; но опустели от гонения и душегубства Турецкого. Сады в полном цвете, но не кому пользоваться их прохладою и ароматом цветов. Дома заперты, окна выбиты. В домах еще скрываются жертвы варварства, бедные христиане, но набережные и улицы пусты как в Геркулануме или Помпее. По каналу еще ходят корабли, но они уже не товарами, а спасающимися семействами наполнены; и вместо гуляющих по каналу шлюбок видны только развезжающие Турецкие караулы. Тишина царствует, как на кладбище”.

Курьер поехал 16-го оттуда. Брат, прочитав уже IX том Рос. Истории и Пери, дал их читать Дашкову. Таким образом повторяются пред глазами их ужасы нашего тирана. Я скрываю от матушки мое беспокойство; но положение брата не завидное. Он думает не о себе, а об общем деле и пишет ко мне: «Царства рушатся – до нас ли?». Третьяго дни видел в Ц. Селе Карамзиных и Н. Я. Плюскову. Извините меня перед Вас. Львов. <Пушкиным>, не отвечаю ему: хлопотно».

РА. 1867. № 4. Стб. 666.

1821. Июнь. Москва.

Дмитриев через Молчанова получает портрет Карамзина.

РА. 1867. № 7. Стб. 1135.

1821. Июнь. Москва.

В письме к А. И. Тургеневу в Петербург Дмитриев пишет:

«Чувствительно благодарю вас, почтенный и любезный А.[лександр] И.[ванович], за сообщение мне выписки из письма С.[ергея] И.[вановича]. Уверю вас, что я столько же беру в нем участия, как и в Дашкове. Слава Богу, что Екатерина Семеновна <Тургенева> сколько-нибудь утешена получением письма его. Чем-то все это кончится?

Возобновляю благодарность мою и за портрет Н.[иколая] М.[ихайловича]. Третьяго дня только получил его от г. Молчанова. Вы час от часу более лакедемонитесь: пишете кратко и о домашних новостях ни слова; так докажу вам, что я и сам не из Абдеры.

В.[ашего] превосх.[одительства] искренний почитатель и покорнейший слуга Ив.[ан] Дм.[итриев]».

РА. 1867. № 7. Стб. 1135; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 277.

Июль, 4. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 47* (1-я, старая, пагинация).

Июль, 14. Петербург.

Князь П. А. Вяземский «в дилижансе» выезжает в Москву. Карамзин передает с ним письмо к И. И. Дмитриеву.

Карамзин, 1866. С. 310.

Июль, 14. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Хотя Князь Петр Андр. и живая грамота, однакож в прибавок к ней скажу, что у нас старое по старому: Государь к нам очень милостив, а я, любя Его душевно, не перестаю быть меланхоликом, хотя теперь здоровье жены и менее беспокоит меня. Дни три не могу работать от простуды; а лето красное наконец появилось и в Царском Селе. Любезный вручитель может рассказать тебе некоторые подробности нашего житья-бытья, впрочем единообразного, тихого и следовательно не любопытного. С головою болью читаю *Les soirées de St. Petersbourg* Графа Местра, глубокомысленного до бессмыслицы. Никого не вижу, кроме тех, которые у нас бывают; Графа Каподистрия, Северина etc. Без притворства и жеманства могу сказать, что свет для меня уже не прелестен в светском смысле. Обнимаем тебя нежно всем семейством. Будь здоров, милой друг. Ты знаешь о нашей общей потере. Катерина Андр. не знала покойной сестры, но искренно оплакала ее кончину. Я еще не писал к Никите Никитичу <Философов>: где теперь его большой сын? Прости, любезнейший. Навеки твой

Н. Карамзин.

Жив или умер Ошанин? он взял у меня 700 р. и как в воду канул».

Карамзин, 1866. С. 310—311 (№ 274).

О кончине сестры Марфы Михайловны Философовой Карамзин узнал из письма старшего брата В. М. Карамзина. В ответном письме от 26 июля 1821 из Царского Села Н. М. Карамзин писал брату в Симбирск: «Письмо ваше огорчило нас до глубины сердца известием о кончине милой сестры Марфы Михайловны. Хотя мы жили розно, но больно думать, что уже нам не видаться с нею в здешнем свете. Она была столь добра и нежна к родным своим. Уведомьте, любезнейший братец, как Никита Никитич сносит свое горе, и здоров ли он? Где их большой сын? Я давно ничего не слышал об их семействе...» (*Карамзин Брату*, 61 (№ 163)).

Июль, 26. Москва.

Письмо Дмитриева к А. С. Шишкову в Петербург (ответ на письмо от 16 июня):

«Милостивый государь Александр Семенович.

Я не обманулся в моей надежде. Ваше превосходительство отдали всю справедливость таланту г. Раича и не упустили заметить его погрешности. Весьма спра-

ведливо ваше негодование на новизны, вводимые новейшими нашими поэтами. Я и сам не могу спокойно встречать в их (исключая одного Батюшкова) даже высокой поэзии такие слова, которые мы в детстве слышали от старух или сказывальщиков. *Вот, чу, уют, теплится, юркнул*, и проч., стали любимыми словами наших словесников. Поэты-гении заразили даже смиренных прозаистов, даже и самый Вестник Европы без предлога *вот* не может дать ни живости, ни силы, ни приятности своему слогу.

С нетерпением буду ожидать от вашего превосходительства дальнейших замечаний на перевод Георгик и не преминую сообщить их переводчику, дабы он, при втором издании, мог ими воспользоваться к усовершенствованию своего перевода.

Между тем с искренним почтением и преданностью имею честь быть, и проч. Иван Дмитриев».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 350; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 277–278.

1821. Июль(?). Москва.

Эпитафия Наполеону.

Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (*Рукопись*. С. 4).

Август, 2. Царское Село.

Карамзин закончил работу над 1-й главой X тома «Истории».

СН. 1897. Кн. 1. С. 114.

Август, 2. Царское Село.

Карамзина посещает приехавший из Москвы Н. И. Кривцов. Разговор о И. И. Дмитриеве.

Карамзин, 1866. С. 311.

Август, 2. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сей час я видел Кривцова и поговорил с ним о тебе: вести его хороши; говорит, что ты не жалуешься на здоровье, ни на скуку, и думаешь исполнить свое обещание, т. е. посетить нас в Петербурге, если будем живы, зимою. Дай Бог! Все еще верю твоим обещаниям. Уже шестой год мы не видимся: надобно взглянуть друг на друга и посмотреть, что с нами сделалось в это время; сколько прибыло морщин и седины! Кривцов почти пленил меня описанием новых красот Москвы, так, что я передал это впечатление и Государю, которого встретил через несколько минут. Государь сказал об нем: «Хотя он и *Кривцов*, однакожь не *криводушен*». Привел меня Бог истинно любить Венценосца как человека, без всех иных отношений. Даже и дети наши, особенно Андрей любит Его с нежностью, и прощаясь говорить: *adieu, cher Empereur!* За это прощанье Он нынешний день привез ему барабан из Павловского: первый дар Царский, который должен быть сохранен до возраста Андреева! Часто говорим с женою, что мы нажили здесь только одну связь сердечную: если она разорвется, то не от нас, как надеюсь. — Мы поплакали о любезной сестре Марфе Михайловне. Катерина Андр.[еевна] всегда желала узнать ее лично. Каков ее сын меньшей? Бывает ли у тебя Борис Александр.[ович] <Карамзин>? и доволен ли им А. А. Антонский? Мне доселе не было особенного счастья в племянниках. — Здесь, как и везде, много занимаются Греками. Сердце обливается кровью; но Политика должна быть осторожна: Европа, думаю, не осталась бы равнодушною к нашим успехам, если бы мы кинулись на Турцию. Несколько сот молодых Греков пали славно в кровавой сече. Я говорил об этом при Андрюше и Сашке: оба просят теперь воевать с Турками! Кажется, будет путь в таких младенцах. — Скажи, любезнейший, Василью Львовичу, что Императрица Елисавета подписывается на его стихотворения; верно подпишется и Мария Феод.[оров-

на] – Экземпл.[яры] 9-го тома для Ивана Семеновича <Набокова?> и К.[нзя] Шаликова ошибкою не были доселе к ним посланы: я писал о том к Оленину. – Прости, милой друг. Всем семейством обнимаем тебя нежно. Мы, слава Богу! здоровы: будь и ты здоров совершенно. Здесь все сено сгнило от беспрестанных дождей: это худо для нас, по неволе бережливых людей. Не видал такого лета.

Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 311–312 (№ 275).

О своей встрече с Кривцовым Карамзин писал в этот же день в письме к Вяземским в Варшаву (*СН*. 1897. Кн. 1. С. 114).

Август, 3. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 48–48 об. (1-я, старая, пагинация).

Август, 15. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Получив твое письмо, на другой же день я имел случай сказать Государю о твоём желании: на первой пункт Он отвечал: сделано; на второй: сделано! Итак все сделано; поздравляю тебя с Камер-Юнкером и с Пажем. Еще не довольно: Государь сказал, что Он делает это для тебя с искренним удовольствием; что любит твой ум и характер, etc. etc. Одним словом, говорил о тебе так, что мне было любо слушать Его. Надобно признаться, что не легко быть любезнее нашего любезнейшего Монарха. В тот же день мы имели щастие у Него обедать, т. е. вчера: Он подтвердил, что дело сделано: разумею, что велено написать Указ или Указы. Об этом ныне справлюсь. Догадаешься, что я вчера был веселее обыкновенного, не смотря на печальное время: у нас опять дождь, и все небо покрыто мраком. Хуже всего то, что сено и хлеб пропадают. – Прости, милой друг: иду к обедне. Нежно обнимаем тебя всем семейством. Навеки твой

Н. Карамзин.

Я показывал Государю твое письмо; а ты, любезнейший, никому не показывай моего. – Сперанской холоден со мною как лед: едва говорит, и то уже в случае необходимости; к нам не ходит, и я к нему не хожу. От чего такая немилость, не знаю. Впрочем и никто не балует меня здесь ласкою, кроме одного Графа Каподистрия, с которым иногда Философствуем».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«С большим удовольствием поздравляю вас, любезнейший Иван Иванович, с Камер-Юнкером и Пажем. Желаю, чтобы все ваши желания также скоро исполнялись, как сии два. Потрудитесь от меня поздравить перьвого, нашего старинного знакомца, в случае, если он нас не забыл. Примите уверение в искреннем чувстве привязанности и уважения преданной вам

К. Карамзиной».

Карамзин, 1866. С. 313–314 (№ 276); *Дмитриев*, 1866. С. 244–245: «...В 1821 году я поручил Карамзину передать на словах Его Императорскому Величеству всеподданнейшую мою просьбу о пожаловании одного из моих родных племянников <М. А. Дмитриева> в звание Камер-Юнкера и об определении другого <Валентина Николаевича Дмитриева> в Пажеский Корпус; тогда же все исполнено, и чрез две недели Генерал-Адъютант Князь Петр Михайлович Волконский по высочайшему повелению известил меня о исполнении моего желания, а потом, в следствие благодарительного моего письма к Императору, он же почтил меня уведомлением, что Государь, на принесенную мною в письмо благодарность, приказал ко мне отписать, что Его Величеству весьма приятно «сделать мне то удовольствие, которое он усматривает из письма моего». См. также: *М. Дмитриев*, 1998. С. 172–173.

Август, 16. Петербург.

Ценз. разр., выданное И. Тимковским на выпуск 39-го № «Сына Отечества». В этом номере (с. 282) напечатана заметка Н. Греча о выходе в свет

«избранных стихотворений русских поэтов, переведенных на английский язык Боурингом»: «Переводы Боуринга напечатаны в Лондоне под русским заглавием (Российская Антология) и с русским эпиграфом. В одной из следующих книжек «Сына Отечества» сообщим сведения о сем любопытном и приятном для нас явлении».

См.: «1821. Октябрь, 11».

Август, 19. Петербург.

Именной указ о произведении М. А. Дмитриева в камер-юнкеры.

Август, 21. Москва.

Цензурное разрешение, выданное А. В. Болдыревым, на выпуск книги И. Войцеховича «Происшествия из скандинавской истории VIII века». На с. 4. помещен отрывок из стихотворения Дмитриева «Песнь на день коронавания ... Государя Императора Александра Первого».

Сводный каталог русской книги. 1801—1825. № 1273.

Август, 24. Остафьево.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Возвращаю вашему высокопревосходительству данные мне стихи и прилагаю к ним свою новинку, *плод шутки и дороги*, по выражению доброго старосты Арзамасского <В. Л. Пушкина>.

Надписи к портретам.

1-я.

NN, вертлявый по природе,
Модницкий, глядя по погоде,
То ходит в красном колпаке,
То в рясах, в черном клобуке.
Когда безбожье было в моде,
Он был безбожья хвастуном;
Теперь в прихожей и в приходе
Он щеголяет ханжеством.

2-я.

Кутейкин, в рясах и с скуфьею,
Храм знаний обратил в приход,
И в нем копеечной свечою
Он просвещает наш народ».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1710—1711.

Август, 31. Павловск.

Карамзин посещает имп. Марию Федоровну; в разговоре узнает, что его старшая дочь Софья Николаевна пожалована в фрейлины.

Неизд. соч. С. 49.

Август, 30 — Сентябрь, 1. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Указ о Каммер-Юнкере уже в газетах; о Паже сообщено, куда следует. Сверх того мне сказывали за верное, что Князь П. М. Волконской по Государеву приказанию известил тебя о первой и второй милости официально. В следствие чего я отправил к Государю прекрасное письмо твое: Он в Петербурге, дней на восемь.

Отсюда все уехали; я, как волонтер, не тронулся с места: к тому же не совсем здоров, от простуды.

По записке твоей о выдаче денег разоренным не знаю, говорить ли? теперь время экономное; не отпускают ни копейки даже и на строения в Царском Селе. Как думаешь? Не лучше ли написать тебе к Министру Финансов, чтобы узнать, назначена ли сумма?

Винюсь в неясности жалобы моей на племянников: я разумел только здешних, и братаничей, а не сестриничей. Ты знаешь мои чувства к Сергею Сергеевичу.

Не упрекай меня обманом, любезнейший: я не перестал думать о Москве, хотя мне, ленивому от пятидесяти четырех лет, и не легко будет перевозиться. Иногда думаю, что можем отправиться даже и в Арзамас, если два обстоятельства не отвратят этого низового путешествия, от которого не улыбнись в воображении: 1) третье издание Истории или 2) смерть Историографа: между тем будем ждать тебя в Петербург, осенью, зимою.

Нежно, нежно обнимаем милого друга: Катерина Андр., я и дети. Навеки твой
Н. Карамзин.

П. П. 1 Сент. Это письмо возвратили мне с почты, с извинением, что пакеты уже все запечатаны. Вчера же Императрица М.[ария] Ф.[едоровна] объявила нам милость Царскую: наша Софья Фрейлина. И так мысль твоя (которая никогда не была моею) совершилась. Граф Кочубей и Траверсе Андреевские Кавалеры, etc. etc. Давно не было такого жалованья. Еще раз обнимаем тебя. После 15 Сент. Государь поедет осматривать Гвардию и возвратится через 10 дней».

Карамзин, 1866. С. 314—315 (№ 277).

(1821?). Сентябрь, не ранее 4-го. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Остафьево пишет:

«Любезнейший князь Петр Андреевич, хотя ворота и были на запоре, по примеру соседки моей Гурьевой, но правила гостеприимства ни мало не были нарушены: мне тот час дали знать о вашем прибытии, и я велел просить; надел снова парик и кафтан и несколько минут оставался в приятном ожидании, как пришли мне сказать, что вы будто, не смотря на густой туман, поглядели на часы и приказали вашему экипажу отступить далее. Перед тем я лишь только расстался с графом Румянцовым, с сенатором Малиновским, адмиралом Саблиным <А. И.>, с комендантом Вережкиным, поэтом Волковым и прозаиком Пименовым. Очень жаль, что напала раздумчивость на любезнейшего поэта, с которым мне приятно беседовать везде и во всякое время. Преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 146—147 (№ 27). Датировка условная: генерал-лейтенант Вережкин состоял московским комендантом с 4-го сентября 1821 г.

Сентябрь, 7. Москва.

Письмо к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович].

Слава Богу, все добрые вести! Остается нам поздравлять друг друга, а мне при том искренно поблагодарить вас за возобновление вашей переписки. Признаюсь, я не знал, чему приписать скоропостижную вашу во мне остуду, не чувствуя себя ни делом, ни словом виновным перед вами. Я недавно писал к Дашкову и поручил ему сказать мой искренний поклон Сергею Ивановичу. Хочется побывать скоро у Катерины Семеновны и взять участие в ее радости. Как она бедная терпела! Уверен, что и вам не легко было. Забудем прошлое будем ждать милых гостей наших.

Между тем прошу вас любить земляка вашего по прежнему и быть уверенным в искреннем почтении и преданности, с которыми навсегда к вам пребудет и пр.».

РА. 1867. № 7. Стб. 1136—1137; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 278.

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнился 61 год.

Сентябрь, 13. Петербург.

Письмо А. С. Шишкова к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 26-го июня 1821 г.)

«Милостивый государь Иван Иванович.

Я имел удовольствие получить письмо вашего превосходительства от 26-го июня, в котором вы желаете, чтоб я сообщил вам дальнейшие замечания мои на перевод г. Раича. Я не смею вам отказать и посылаю их не в виде критики, но как чистосердечное мнение мое о переводе, которой сам весьма уважаю, и есть ли бы не уважал, то и не стал бы делать никаких замечаний. Я отнюдь суд свой не выдаю за *непогрешительный*, однакож может быть он не везде и не совсем не прав. Сожалею, что время не позволяет мне говорить, как только о тех местах, которые я нахожу нехорошими; иначе, рассуждая о прочих, я бы несравненно больше сказал хорошего о хороших, нежели худого о худых. По сей причине прошу изъявленные мною хулы считать за совершенную малость пред теми похвалами, о коих умалчиваю. Я бы счел сии малые погрешности за ничто в сравнении с добротой перевода; но оне потому должны привлекать внимание, что становятся общими, даже почитаются за красоты, и к порче языка и вкуса вводятся в употребление. Оне тем опаснее и вреднее, что смешены бывают с истинно-изящным, и потому увлекают им последовать и подражать. Вот мои замечания:

Стр. 6. – Алтарь твой окропит слезою умиленья.

Зачем слезою? для чего не слезами? Здесь единственное число больше новомодная привычка, нежели красота.

Стр. 11. – В дни зрелости её к земле не преклонила.

Зачем её? для чего не ее, как везде в других местах?

Стр. 12. – Но счастье оцвело с младенчеством природы.

Глагол *оцветь* или *цветать* почти никогда, или очень мало употребительный, по свойству предлога *о* должен значить *окружение чего-нибудь цветом*, например: *этот куст весь оцвел*, т. е. кругом расцвел, покрылся вокруг цветами. Чтож значит здесь: *счастье оцвело с младенчеством природы*? Если и употребить сей глагол, то разве по вопросу *чем*, а не *с чем*. Может быть это опечатка вместо *отцветь*:

Сам Див с печальных древ янтарный мёд отряс.

Зачем мёд? для чего не мед? сверх сего *отрясть мед с дерева* есть какое-то неестественное выражение. Обыкновенно пчелы собирают мед с цветов, а не с дерев, и хотя некоторые деревья цветут, однакож по густоте и липкости меда несвойственно его отрясать с них, как бы росу, или что иное, удобно от трясения падающее.

Стр. 13. – Исчислит сонмы звезд, измерим эмпирей.

Расставлены силки для жителей эфирных.

Вводить и приучать к таким словам, как *эмпирей*, *эфирных*, разве для того только нужно, чтоб удобнее находить рифму к словам *морей* и *мирных*, а больше я не вижу надобности.

На *чутких* воротах затворы зазвенели.

Не знаю почему ворота можно назвать *чуткими*. Скорее затворы их *чутки*, потому что звенят. Тогда и все то *чутко* что стучит.

Там чужду влагу *пьёт* завистливый овес.

Для чего *пьёт*, а не *пьет*? Хорошо, что выше стоит *лес*, так сказано *овес*; а ежелиб выше стояло *нос*, так бы в рифму пришлось сказать: *пьют, овидс*. Прекрасен будет язык наш с такими нововведениями!

Стр. 14. – То с граблями знакомь родительски удел.

Родительски удел знакомить с граблями! Так прежде у нас не писывали. Ломоносов никого не знакомил ни с граблями, ни с капустою, ни с грибами.

К орудиям селян, – к *доспехам* полевым.

Слово *доспех* произведено от слова *доспешник*, означавшего воина. Следовательно доспех значит особенно воинскую одежду и орудие; а потому, кажется мне, и не можно полевые орудия, как то соху, борону, грабли, и проч. называть *доспехами*, разве токмо в некотором ироническом смысле, как например: Вот их доспехи! т. е. воинские орудия.

Грохочущий лоток из липы изсеки.
Из дуба изведи скрыпучие возки,
Щебецущи цепи и грабли говорливы.

Стихи сии, конечно, весьма звучны для уха; но разум захочет знать, почему липовой лоток назван *грохочущим*? Он не больше *грохочущ*, как и дубовой, или иной какой; и притом не иначе *грохочет*, как разве от катающихся по нем подобных сухому гороху вещей. *Щебечут* говорится о птицах мелких и слабый голос имеющих, а цепи напротив стучат. *Скрыпучие возки*, – хорошо. *Говорливыя грабли* – по моему хорошо, потому что оне во время действия дрожат и действительно как бы *говорят*. Впрочем я, может быть, слишком строго замечаю; но как я уже наперед сказал, что сии погрешности не отъемяют достоинства у перевода, то и хочу лучше быть излишен, нежели недостаточен в моем чистосердечии.

Стр. 16 – Но естли тучный лист кругом ее *облѣк*.

Как? и такие важные слова, как *облекаю*, *облек*, можно для рифмы превращать в простонародные *обліок*, подобно низким словам, таковым как *кліок*, *куліок*, и проч.? Нет! этого в русском языке не было, покуда новые писатели не стали облачать его в немецкой или французской слог, не рассуждая даже и о том, что ежели немец ставит две точки и пишет *Händchen, Gürtel*, то уже никогда тех же слов не напишет *Handchen, Gurtel*; а у нас коли рифма *ток*, так *облѣк*; а коли *рек*, так *облек*; и везде всякой, как кому хочется, пишет и *ее*, и *еѣ*, и *мед* и *мѣд*, и *гнезда* и *гнѣзда*. Как можно такому безобразию языка подражать и вводить это в употребление!

Ст. 17. – Еще надежда с ним, и берег недалѣк.

Можно ли не сожалеть, встречая так часто сие *іѡ*, толь несовместное с важною и чистотою нашего языка?

И чада вокруг нее младых снегов *белея*.

Грамматика не позволяет вместо уравнительного *белее*, писать деепричастие *белея*. Сумароков писал некогда *белея*, но и то нехорошо и неправильно.

Оратай! подстрекай *недремлющей* рукой.

Можно сказать *недремлющее* око, *недремлющий* ум (поелику уму придают очи); но кажется прилагательное сие ни к руке, ни к ноге идти не может.

Стр. 18 и 19. – Разсыпь по ней дождем ячмень и лён янтарный.

Тогда без трепета браздам её вверяй.

Горе искривленной вращается стезѣй.

Везде *іѡ*! Одно что нибудь: или по книжному писать, или по разговорному. В первом случае, давно известное *іѡ*, но всегда изгоняемое из чистоты языка, нигде не писалось; во втором, как бы вновь выдуманное и премудрым изобретением превращенное в *ѣ*, вводится в употребление. Но зачем же оставляется старое произношение? для чего одно и то же слово пишется двояко *лен* и *лѣн*, *слезы* и *слѣзы*? или одно *лѣн*, а другое *дождем*, а не *дождѣм*? Коли употреблять *іѡ*, так уже везде употреблять, и вместо *спасен*, *превознесен*, *имен*, *надмен*, писать *спасіѡн*, *превознесіѡн*, *иміѡн*, *надміѡн*, и проч. Судя по множеству сих *ѣ*, везде встречающихся в конце и середине стихов, мне право кажется, что это уже не сочинитель, а наборщики ставят, где как попало; но за наборщиками сочинитель должен смотреть: иначе мы и грамматики станем писать по произволу наборщиков. В последнем стихе с важными словами *горе*, *вращается*, простонародное произношение стезѣй, так мне кажется не хорошо, как бы кто в бархатном кафтане был в лаптях.

Стр. 20. – Там – глас твердит молвы – на юге – *бездыханна*

И безразсветна ночь, над ней *безбрежна* тень;

Иль Феб от нас туда *цветиший* сводит день.

Черточки (тире) есть также новое изобретение, показующее больше упадок, нежели возвышение ума. Оне, сколько их не наставь, не прибавляют ничего к

ясности смысла и силе выражения. Никто из великих писателей не употреблял их: ни Гомеры, ни Virгилии, ни Ариосты, ни Расины, ни Мильтоны, ни Ломоносовы, словом никто. Итак повидимому они изобретены не теми великими умами, которые мысли текут на подобие величавой реки, но теми, которых сила воображения или связь мыслей ежеминутно прерывается, подобно ручейку, часто изсякающему, или от малейшей препоны совращающемуся в сторону. Кому из них должно подражать? В самом деле, я бы желал знать, почему следующим образом прочитать стихи:

Там – (остановись) глас твердит молвы – (остановись) на юге – (остановись) бездыханна и безразсветна ночь; почему, говорю, сии остановки нужны? для чего не прочитать:

Там, глас твердит молвы, на юге бездыханна
И безразсветна ночь?

Первое, прочитать таким образом гораздо лучше, и второе, здесь ясно, что *бездыханна ночь* относится к слову на юге; а ежели станем читать по прежнему:

Там – глас твердит молвы – на юге, то выдет двусмыслие; ибо с сими черточками можно и так понять: *там, на юге, глас твердит молвы*, и тогда в остальном не будет смысла. На что из ясности делать неясность и затруднять читателя? Я думаю, с сими черточками надлежит поступать весьма осторожно, и не иначе их ставить, как редко, и где необходимо нужно. Впрочем я не могу одобрить выражения: *глас твердит молвы*, также и прилагательного: *бездыханна ночь*. О слове *оцветиши* сказано было выше. Кажется, г. Раич берет глагол *оцветать* за одно и тоже с глаголом *отцветать*; но сила предлогов *о* и *от* весьма различна, и потому глаголы сии не могут одно и тоже значить. Сверх сего *день* есть не иное что, как солнечный свет, которому свойственно *сиять*, а не *цвести*.

Стр. 21. – Не трать ясных дней на сельские *доспехи*.

Мы уже выше сего сказали, что слово *доспех* не может в сем смысле быть употребляемо. Можно сказать сельские орудия, снаряды, но не доспехи и не утварь.

То кошки *ёмкия* плетет из гибких ив.

Хотя слово *ёмкия* есть простонародное и потому произносится больше *ёмкя*, однакожь лучше пусть читатель произнесет сам как хочет, нежели принуждать или приучать его так произносить, вводя оное в книги, и подавая чрез то повод от низких слов распространять сие и на самыя важныя.

Стр. 25. – Вращают сонмы бурь, чреватых ливнем *чёрным*.

Заметим здесь первое, что ливень (т. е. дождь) не бывает черный, но прозрачный. И второе: можно ли, позволяет ли благородство и чистота языка, не только написать, даже произнестъ *чёрным*? Обыкновенно в высоком слоге говорится *чёрный*, а в простом *чорный*, но *чёрный* ни в том, ни в другом случае, невозможно ни написать, ни произнести. Не уж ли же мы когда-нибудь достигнем до того, что, перенимая у Французов, станем вместо *сенатор* писать *сенатёр*, а перенимая у простолюдинов, вместо *он* писать *ён*? Откуда к совершенной порче языка такое правило, ни на каком рассудке неоснованное, взято?

Стр. 26. – Он молнию на вись Родопа и Атоса

Послет – их гордость – в прах – и дождь густой с небес,
И воют берега, и стонет дальний лес.

Заметим первое, что вместо *высоты* сказать *вьсь*, сомневаюсь хорошо ли; но положим, что сие сокращение терпимо, поелику смысл ясен. Станем говорить о втором: наука красноречия и стихотворства, конечно, толкует нам о образах речений, называемых *опущениями*; но в них также надлежит знать меру и употреблять их с рассуждением, не делая из них загадок, и не нарушая для них всех грамматических связей. Стихотворство, ссорясь с языком и грамматикою, теряет свое достоинство. Ясен ли сей стих:

Послет – их гордость – в прах и дождь густой с небес?

Это также одно из нововведений, неизвестно откуда почерпнутое. Нигде в знаменитых стихотворцах мы не найдем одного. Я уже сказал, что *черточки* не дадут ни силы, ни смысла. Стих сей совершенная загадка: как бы я его ни толковал, везде будет чего-то неоставать. Например скажу: *послет молнию*, тогда последующая речь: *их гордость в прах* не будет иметь глагола, равно как и вторая за нею: *и дождь густой с небес*, тож не будет иметь глагола; таким образом читатель принуждается угадывать сии глаголы, но как бы ни ворочал, не угадает. *Их гордость – в прах*; но что же в прах? падет, падает, пала, легла, низринулась, или что такое? Возьмем глагол *падет*; но тогда во втором стихе уже не будет и *воют берега*, а надобно сказать и *взвоят берега*. Возьмем глагол *пала*; но тогда во втором стихе надобно сказать и *взвыли берега*. И так, чтоб согласить глагол *воют* с выражением *их гордость – в прах*, надлежит принять глагол *падает*; но опять не хорошо: *послет – их гордость – в прах* (падает). Здесь глагол *падает* не согласишь с глаголом *послет*. Везде не клеится. Во втором полустушии: *и дождь густой с небес*, читатель также должен приложить глагол, какой хочет, например льется, шумит, пошел, полился, хлынул, и проч. Прочитаем сии стихи у Virгилия, найдем ли в них что-нибудь запутанное или загадку:

ille flagranti
Aut Athon, aut Rhodopen, aut alta Ceraunia telo
Dejicit, ingeminant austri et densissimus imber;
Nunc nemora ingenti vento, nunc litora, plangunt.

Без черточек, а ясно, и читателю нечего угадывать.

Стр. 28. – И вздрогнувши листы в дубравах шепчут *чёрных*.
На быстром корабле пловца погибель ждёт.

Я не хотел больше выписывать сих *id*, но следующие стихи нельзя не выписать:

Стр. 30. – Далеко от подруг – мрачна – *уединённа*,
Расхаживает вдоль по берегу ворона.

Вот как увлекают нас худые примеры! Мы так привыкаем к ним, что не чувствуем величайших худостей. Как? изломать прилагательное *уединенна* в *уединённа*, чтоб сказать в рифму: *расхаживает по берегу ворона*! Где найдем мы это до премудрых нынешних нововведений?

Стр. 32. – Оттоле тигра рев и вой волка,
И врана черного *торжественные* крики.

Вот чистые стихи, которые так и читать должно, а не произносить *рибв*, вместо *рев*, или *чёрного* вместо черного. Ежели здесь стихи сии не обезображены буквою *id*, то за чем же подобные им в других местах обезображены?

Стр. 54. – Горит ли чистый свет с *денницей* молодой,
Иль в час, как блеск его *мерцает* за горой,
И утру ясному уступят мраки ночи,
И светлый Аквилон жемчуги свет с рощи.

Мне кажется, когда мы переводим Virгилия (или ему подобного), то первое наше старание должно быть учиться у него, а не его учить, то есть стараться, так переложить его на свой язык, как бы он сам то самое сказал на нем, что на латинском говорит, не прибавляя ничего от себя, или по крайней мере очень редко, и отнюдь не украшая его там, где он говорит просто без украшений. Иначе мы Virгилия испортим, и сами научимся говорить и думать не так, как он. Да позволено мне будет заметить здесь нечто в подтверждение моим словам. Вышесказанные стихи у Virгилия суть следующие:

At si, quum referetque diem, condetque relatum,
Lucidus orbis erit; frustra terreberе nimbis,
Et claro silvas cernes Aquilone moveri.

Всяк видит, что они весьма различны с переводом; в них просто сказано (выключая оборотов свойственных языку), что когда солнце *при захождении и восхождении бывает ясно*, то облака (или тучи) *не страшны, свежий северный ветер разгонит их*. В переводе напротив простые мысли сии переиначены и прибавлены

к ним многие украшения, как то: *горит чистый свет с десницей молодой, блеск его мерцает за горой*, ветер *жемчуги свевает с рощи*. В подлиннике ничего подобного нет. Все это прибавки, украшения.

Теперь рассмотрим, Virgiliy ли чрез то выиграл, или переводчик проиграл. Возьмем первый стих:

Горит ли чистый свет с денницей молодой,

(В переводе сказано с *десницей*, но я почитаю это опечаткою; ибо тогда не будет в нем никакого смысла). Стих сей, кудряво сказанный, должен означать утро. За ним следуют два стиха:

Иль в час, как блеск его мерцает за горой,
И утру ясному уступят мраки ночи.

В сих двух стихах, не смотря на слово *иль* (возвещающее какую либо другую пору времени) опять описывается утро. Следовательно в них без нужды повторяется то, что сказано уже в первом стихе; При том заметим здесь, что когда *при уступающих утру мраках блеск мерцает за горой*, то глагол *мерцает* должен значить *сияет, светится*; но откуда вопреки языку дано ему сие значение? меркну, мерцаю, померкаю, померцаю, смеркаюсь, суть слова происходящая от *мрак*, и значащие *помрачение, потухание* света, а не *сияние*. Каким же образом по утру блеск *молодой денницы*, т. е. восходящего солнца, *мерцает*, когда изглагол сей по разуму языка значит *меркнет, потухает* становится мраком? Для избежания от подобных погрешностей надлежит крепко не доверять нынешним писателям, а особливо так называемым гениям-стихотворцам, которые, кажется, приняли за правило писать стихи не учась языку, и рисовать картины не соображаясь с природою. Наконец последний стих:

И светлый Аквилон жемчуги свет с рощи —

есть украшение простых Virgiliевых мыслей, *развеет облака, разгонит висящая над лесами тучи*. Украшения бывают хороши, но надобно, чтоб они были у места и соответствовали тому, о чем идет дело. Virgiliю показалось нужнее, чтоб ветер *разогнал тучи*, нежели бы *свеял жемчуги с рощи*, и он прав. В русском стихе нахожу я следующее подходящим под справедливые возражения: 1-е, хотя в латинском и сказано *claro Aquilone*, но мы о ветре не говорим *светлый ветр*. 2-е, *жемчуги* не могут иначе значить, как росу; но здесь дело идет не о том, чтоб свеять росу, а о том, чтоб прогнать тучи, разчистить воздух. 3-е, *роща* есть имя особенной, отделенной части леса, итак *свеять жемчуги с рощи* естественно побуждает спросить: с какой рощи? ибо выражение сие далеко не значит: очистить лес (а не какую-нибудь рощу) от покрывающих его туч, мрака. Трудно украшать Virgiliю и прибавлять к мыслям его свои!

Примечаний сих за недосугами не мог я продолжить, и начатое письмо оставлю без окончания. А потому и хотел я его изодрать; но вручитель сего, Степан Ефимович Лошаков, выпросил его у меня, сказав, что он знаком и приятель с г. Раичем. Вы ему покровительствуете, а он его приятель: вот почему и решился я отдать ему с тем, чтоб он доставил вам на прочтение и раздранье. Последнее приписываю спеша, потому что он зашел ко мне на минуточку.

Прошу принять уверение в истинном и совершенном почитании и преданности, с которыми навсегда имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Александр Шишков».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 350—358.

Сентябрь, 15. Петербург.

Н. И. Гнедич, по поручению Вольного общества любителей российской словесности, которому Дмитриев подарил право переиздания своих сочинений, обращается к князю П. А. Вяземскому с предложением «написать жизнь И. И. Дмитриева к новому изданию стихотворений его и с нею вместе взгляд на его поэзию» и в письме к нему пишет: «Вы, милостивый государь, как близко знакомый с почтеннейшим автором <И. И. Дмитриевым>, более, нежели

кто-либо, знаете главнейшие черты жизни его, а как литератор, отличающийся тонкостью вкуса, более другого чувствуете красоты его произведений и характер, их отличающий. Комитет питается приятною надеждою, что талант ваш, в сем роде испытанный, составит лучшее украшение издания».

Вяземский, 1982. С. 315 (примечание М. И. Гиллельсона, с указанием места хранения: ЦГАЛИ. Ф. 195, оп. I, № 5084, л. 100).

Сентябрь, 15. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиньину в Петербург:

«Милостивый государь мой Павел Петрович.

Не только вы не наскучили мне описанием выставки наших артистов, но еще весьма одолжили, доставя мне любопытное сведение и заставляя меня вспомнить, с каким, бывало, и я удовольствием рассматривал произведения художеств! Такие отчеты приятны для публики и полезны для самих художников. Жаль, что наши недовольно хорошо образованы и, кажется, мало читают, оттого и недовольно страстны к избранному ими художеству и недовольно богаты воображением. Смеею сказать, что и самые те, которые задают программу, не более изобильны опытом. Большею частию они задают им сюжеты, уже несколько раз трактованные знаменитыми живописцами протекших столетий. Какие же они, вы сами вспомните. Можно искренно пожелать, чтоб и те и другие более были знакомы с Омиром, Виргилием и Овидием. Эта троица могла бы на несколько лет обогатить их вымыслами разнообразными и прекрасными. В них найдешь все, и чудесное, и возвышенное, и остроумное иносказание (например, Омировы молитвы), и все это в картинах. Замечание ваше о костюме в сельских картинах и о выставке плохих работ весьма справедливо.

Наконец, всем сердцем благодарю вас за толь скорое исполнение покорнейшей моей просьбы, равно и за высылку ко мне портрета И. С нетерпением буду ждать его.

Между тем, с чувством отличного почтения к вам и милостивому государю моему Петру Сергеевичу, имею честь пребыть, милостивый государь, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 278–279.

Сентябрь, не позже 22. Остафьево.

Кн. Вяземский высылает Н. Гнедичу в Петербург рукопись биографии Дмитриева.

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1711.

Сентябрь, 22. Остафьево.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Как возблагодарить мне вас за лестные стихи, коими ваше высокопревосходительство меня удостоили? Отныне, в самом деле, приял я печать Аполлона и могу сказать, что посвящен рукою верховного его жреца. Посылаю вам три портрета свои для выбора; оттиски не очень удачны, но если вы позволите, то дам Вивьену списать портрет мой, нарисованный Соколовым и поднесу его вам. Биография давно послана мною к Гнедичу; но не имею еще известия о получении. Я любопытен знать – что скажет о ней ценсура? Но во всяком случае я решился отстаивать до конца авторские права, дарованные нам ценсурным уставом 1804 г., сею дворянскою грамотою благородного нашего сословия. Вы говорили мне однажды о намерении г-на Бекетова издать творения Фон-Визина и предложить мне заняться известием о жизни и сочинениях его. Состоится ли это дело или нет? Я здесь на досуге рад иметь определенную работу и во всяком случае с удовольствием соглашусь быть угодным г-ну Бекетову. Дурная погода, непроходимая дорога, задерживают меня пленником в деревне; но при первой возможности съезжу в Москву, где приятнейшею обязанностью моею будет – засвидетельствовать лично

вашему высокопревосходительству то истинное почтение и душевную преданность, которые питаю к вам и заочно, и везде, и всегда».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1711–1712.

Сентябрь, 29. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Простите меня, любезный князь, что я задержал ваши брошюры и даже забыл благодарить за них в моей записке. От всего сердца исполняю теперь и то, и другое. Вместе с брошюрами препровождаю при сем из Петербурга Измайлова. Получа так скоро Вестник, мне уже и совестно, что я напоминал вам о возвращении оного. Бедный Пушкин в хлопотах: третьяго дня очень рано застал его в слезах, хотя и в красной рубахе: он лишился старшего своего брата, умершего скоропостижно. И плачет, и сердится на Солнцева, что он отлучкою своей взваливает на него всю обузу погребального обряда. Право пора в Москву.

Преданнейший вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 147 (№ 29).

Сентябрь, 30. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно радуюсь твоему доброму расположению к нашему доброму Государю. Чувства наши к Нему согласны. Кроме Его любезного обхождения со мною, Он имеет в себе что-то особенно привлекательное: вижу в Нем более человека, нежели Царя; а как вспомню, что это Царь, то нахожу Его еще любезнее. Дай Бог, чтобы вся Россия и потомство отдали Ему со временем полную справедливость!

Желаю того еще более из любви к России, нежели из любви к Александру. Судьба странным образом приблизила меня в летах преклонных ко Двору необыкновенному и дала мне искреннюю привязанность к тем, чьей милости все ищут, но кого редко любят. Ты не менее моего знаешь двух, но третью я узнал короче: Императрицу Елисавету, женщину редкую. С прошедшей осени я имел щастие беседовать с нею еженедельно, иногда часа по два и более, с глазу на глаз; иногда мы читали вместе; иногда даже спорили, и всегда я выходил из Ее кабинета с приятным чувством. Государь сказал мне, что и Она не скучала в Его отсутствие беседами Историографа. К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

Здесь все мечта и сон; но будет побужденье!

Тебя узнал я здесь в прелестном сновиденьи:

Узнаю наяву!..

В самом деле, чем более приближаюсь к концу жизни, тем более она кажется мне сновидением. Я готов проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не иметь мучительных снов до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугает меня. Прости, милой друг! Будь здоров. Всем семейством нежно обнимаем тебя. Твой

Н. Карамзин.

Жалею о холодности между тобою и К.[нязем Дмитрием Владимировичем?] Г.[олицыным]. Я мало его знаю; а слышу, что он доброй человек. Пересказы и насказы часто разводят людей. Недавно я и С...<не с Сперанский ли?> довольно ласково разговаривали о – гемороидах!

Франк прислал ко мне твое письмо, ночью проехав Царское Село.

Государь уехал вчера в Петербург, дни на три. – Здесь время прекрасное».

Приписка рукою С. Н. Карамзиной:

«От всего сердца благодарю вас, почтеннейший Иван Иванович, за любезное поздравление ваше. Я была уверена, что мой вензель сделает вам удовольствие, и признаюсь, что сама была им очень довольна, по одной причине с вами, как знаком доброго расположения Августейшего и любезного нашего Хозяина к Папеньке.

Когда будем мы обрадованы вашим приездом в Петербург? начинаю в том отчаиваться; не возобновите ли этой приятной надежды на будущую зиму? Папенька очень утешительно говорит, что вы зимою не хотите приехать от того, что зима не лето, а летом потому, что лето не зима; правда, что в одном из писем ваших вы говорите почти тоже, находя во всяком времени года причины предпочитать другое, и между тем не предпочитаете никоторого. Это очень грустно и досадно для ваших друзей. Если не в числе их, то по крайней мере в числе сердечно любящих и почитающих вас прошу воспоминать вам преданную

Софию Карамзину».

Карамзин, 1866. С. 315–317 (№ 278).

1821. Сентябрь. Москва.

Дмитриев в письме к П. П. Свиньину в Петербург пишет:

«Милостивый государь Павел Петрович. Спешу изъявить искреннюю благодарность мою за портрет И. <сториографа?>, который недавно ко мне доставлен, также и за адресование ваше ко мне описания выставки академии художеств. Любя успехи художеств, я радуюсь, что начали и у нас отдавать в них отчет и говорить свободно. Повторяю вам, что журнал ваш для меня очень интересен: он имеет характер. Не скрою, однакож, что в биографии Храповицкого нашел легкую ошибку. Он был правителем канцелярии генерал-прокурора, а вы назвали его обер-секретарем, которого при генерал-прокуроре не было.

Примите искреннее уверение в чувствах отличного почтения и преданности, с которыми навсегда к вам пребудет покорнейший ваш слуга И. Дмитриев.

P. S. Прошу вас в том же уверить и любезного вашего брата».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 279.

Октябрь, 7. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Извините, милостивый государь князь Петр Андреевич, что я не могу возвратить к вам книги *Jugement impartial sur Napoléon*, а прошу вас прямо сказать цензурному комитету, что эту книгу купили вы по моему поручению для меня и тогда же ко мне переслали. Я не отопрусь от того, если комитет меня спросит. Очень сожалею, что в нынешний приезд ваш не удалось мне с вами видеться. Между тем с совершенным моим почтением имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою. Иван Дмитриев».

СН. Кн. 2. С. 148 (№ 30).

Октябрь, 11. Петербург.

Ценз. разр., выданное И. Тимковским на выпуск 42-го № «Сына Отечества». В этом номере (С. 49–52) напечатана рецензия на выход 1-го тома «новой Английской книги»: «Русская Антология Г. Боуринга (*John Bowring*)» (вышла в свет в начале 1821 г.). Автор рецензии – К. Кокрель (напечатана была в «*Revue encyclopédique*» под заглавием «О новой книге Русская Антология»). В рецензии речь идет о первом томе книги Джона Боуринга (*John Bowring*) «*Russian Poets: With preliminary Remarks and biographical Notices. Translated by John Bowring... London 1821*». Книгу открывает эпитафия из Батюшкова: «Вам, вам плещут Хариты ...-... О Музы! Я Пиит!...».

Во «Введении» (С. XXIX) в качестве образца «трохеических семисложных и восьмисложных стихов», после русского текста (транскрибированного латинскими буквами), приведено начало (первые четыре стиха) песни «Стонет сизой голубочик...» («*Deeply sings the little wood-dove / Deeply sings he day and night...*»), ошибочно приписанное Державину.

В собрании помещены английские стихотворные переводы избранных произведений русских поэтов, в том числе И. И. Дмитриева: «*На случай Грома*», «*Царь и два пастуха*», «*Разбитая Скрыпка*», «*Горлица и Прохожий*», эпитафия Богдановичу, «*Любовь и Дружество*».

В этом же, 1821-м, году вышло второе издание «Антологии» («с дополнениями»). Существуют текстовые различия между двумя изданиями этого тома «Антологии». Так из этого издания было исключено стихотворение Дмитриева «Горлица и Прохожий» («The Dove and the Stranger») (С. 126).

Алексеев, 1982. С. 206, 238.

Октябрь, 18. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 49 (1-я, старая, пагинация).*

Октябрь, 19. Остафьево.

Кн. Вяземский в письме в Петербург А. Ф. Воейкову сообщает, что передал Дмитриеву «о твоем намерении и смеялся с ним твоим забавным стихам. <...> Сделай одолжение, выпроси у Н. И. Греча формуляр жизни и службы Ив.[ана] Ив.[ановича] <Дмитриева>, самым автором ему доставленный. То-то зальются на меня своры, когда издастся мое известие <«Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»>; помещено при шестом изд. соч. Дмитриева, вышедшем в свет в 1823 г.».

РС. 1904. Кн. 1 (январь). С. 115–116.

Октябрь, 19. Москва.

Письмо к Н. И. Гречу в Петербург.

Автограф: *РНБ ОР. Ф. 777. Тиханов П. Н. Ед. хр. № 1593, л. 1 об.*

Октябрь, 21. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Известие о кончине милой дочери нашего Сергея Сергеевича поразило нас. Какой удар для нежных родителей! Не могу вообразить их состояния. Сделай милость, любезнейший, скажи, как они переносят это несчастие. Не смею писать к Сергею Сергеевичу. Я не очень здоров, от простуды, и грустен. Думаем через три дни переехать в город. Здесь осень была хороша, однакожь не заменила красного лета... – Стихи пришлю, если найду их между своими бумагами в городе; а наизусть не знаю. Я никому не читал их, кроме жены и дочери. Прости, милой друг. Обнимаем тебя нежно всем нашим семейством. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 318 (№ 279).

Октябрь, 21. Царское Село.

Карамзин в письме к кн. Вяземскому в Остафьево пишет:

«Вы требуете материалов для биографии Ивана Ивановича <Дмитриева>: это не легко на письме. Предложите мне вопросы: буду отвечать на них; или пришлите, что напишете: могу сделать некоторые замечания...».

СН. 1897. Кн. 1. С. 119.

Октябрь, 23. Воскресенье. Царское Село.

Карамзины переезжают в Петербург.

СН. 1897. Кн. 1. С. 119.

Октябрь, 23. Воскресенье. Москва.

М. А. Дмитриев возвращается из поездки в Симбирск (выехал 9-го октября).

Боленко, 2004. С. 354.

Октябрь, 27. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное А. Бируковым на выпуск двух частей 6-го издания сочинений И. И. Дмитриева.

Ноябрь, 10. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Извините меня, что я рукопись вашу оставил у себя до свидания с вами, чтоб еще прочитать вместе. Ни слова не скажу о моей к вам признательности: она трепетала в груди моей и обнаружилась в глазах, когда я читал ваш отрывок, а на словах не изъяснима. Но в то же время, признаюсь вам, совестился, что вы умели искусить меня. Строгость характера требовала бы от меня, не зная ничего прежде публики.

Препровождаю к вам при сем *И мои безделки*. От меня было одно только издание, а другое было, как уверяют меня, без моего ведома, и вероятно: ибо ечатали здесь, а я жил в Петербурге.

Сообщаю также и отрывок из письма Жуковского. Как я доволен, что к его слову присоединится и ваше о моем друге, еще боле благодетеле! Он не мог передать мне прекрасной души своей: по крайней мере, примером своим отвращал меня от всего низкого.

Присовокупляю к сему и объяснения на ваши вопросы: Ф. И. Козлятев служил со мною гвардии в Семеновском полку до полковничества, а при пожаловании в генерал-майоры переведен был в Преображенский полк, из которого, дослужась до генерал-лейтенантов, пошел в отставку и поселился в Москве. Я был еще сержантом, а он подпоручиком, когда началось наше знакомство. Несколько лет я только слушал суд его о русской словесности, всегда основанный на строгом вкусе; пользовался его французскою библиотекою и читал старые и новейшие произведения французской литературы, особенно им одобряемые, чаще же всего учебные, но собственных моих стихов не смел ему показывать, равно как и брату моему о котором упомянул Карамзин в *Московском Журнале*. Козлятев стал знать их вместе с публикою со времени *Московского Журнала*, хотя и в нем, равно как и в последующих, я не ставил моего имени, а означал только буквой И, или тремя звездочками; но тогда я от него уже не таился, из живейшей благодарности за его искреннее участие в посильных моих успехах. Могу сказать, что в продолжении нашего знакомства мы были почти всякой день неразлучны. Даже и тогда, когда он при императоре Павле всегда озабочен был военною службою, а я по званию обер-прокурора сенатскими делами, редкой проходил вечер, чтоб он после вечерней зари, не смотря на дальнейшее расстояние наших жилищ, не приехал ко мне и не пробыл у меня до поздней ночи. Знаю сам, что несколько строк написал лишних, но говоря об милом сердцу, невольно скажешь больше, нежели надобно.

В молодости и он писал стихи, но мне их не показывал. Вероятно, были и переводы, может быть, и напечатанные, без его имени. Необыкновенная скромность его, однажды только в счастливую для меня минуту, позволила ему показать мне прекрасный перевод его Тибулловой элегии на смерть Галла, если не ошибаюсь, или последнего на смерть первого, право не помню.

Между тем, и последняя страница дописана. Все причины имеет кончить и пожелать скорейшего с вами свидания любящий вас всею душою Иван Дмитриев».

СН. Кн. 2. С. 148–149 (№ 31).

Ноябрь, 10. Село Тонино.

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Благодаря медленности наших *путей сообщения*, первое письмо ваше недавно только возвращено мне из Одессы. За несколько дней перед тем имел я честь получить и второе Ваше, адресованное прямо сюда. Оба доставили мне сердечное удовольствие, как новый знак вашей ко мне благосклонности. Я всегда смею быть в ней уверенным, но радуюсь всякому доказательству оной, как новому и драгоценнейшему приобретению. Приношу вам чувствительную благодарность мою за извещение о людях, коих я привык уважать и любить, и коих память храню, не смотря ни на время, ни на отдаление. Покорнейше прошу принять на себя труд уверить в том Н. Я. Плюскову и Карамзиных, поздравя последних от меня с новою

Фрейлиною. Сие *историческое* производство приносит более чести правительству, нежели несколько сотен других, наполняющих густые колонны Инвалида. Любезного Михаила Александровича <Дмитриева> так же сердечно поздравляю с камерюнкерством, желая ему дальних и скорых успехов по службе. Пример дяди перед ним на поприще истинной чести.

Не знаю, с чего вы изволите укорить меня в холодности к кн. Шаликову. Маленькая разность во мнениях не охлаждает во мне почтения, коим я (*simple amateur*) одолжен виртуозу. Я готов повторить ему в честь похвалу, приписанную Селисом герцогу Ниверне:

Nivernais au Parnasse est toujours *Duc*

et Pair.

Радуюсь, что морозы и козье молоко избавили его от гнева *матери-природы*, и надеюсь, что он воспоеет их из благодарности на звучной своей гитаре. Пусть другие почерпают вдохновение из покала шампанского, а кн. Шаликов будет петь, держа в руках стакан свежего козьего молока. Картина новая, а притом доставит случай поговорить и покойной козе Амалфее, доилице Юпитера. Какое богатое и лестное для поэта сравнение!

А я вместо помощи от морозов ожидаю сильного потрясения своему здоровью. Всякой день больше, примечаю, что ясное небо Греции, Сирии и Египта несколько изнежило мои нервы и отучило их от русской зимы. Стараюсь со всею возможною осторожностью постепенно укреплять их и привести в прежнее состояние. Но с другой стороны наступающей холод приятно напоминает мне о приближении отъезда моего в Москву и о скором свидании с вами. Зло с добром смешаны в Мире, и все к лучшему – по словам Панглоса.

Матушка поручила мне засвидетельствовать вам искреннейшее ее почитание. Воспоминание ваше столь же для нее утешительно, сколь и драгоценно».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 596–598.

Ноябрь, 10. Остафьево.

Князь Вяземский в письме к М. Ф. Орлову в Кишинев пишет:

«...Занимаюсь по просьбе одного петербургского общества известием о жизни и стихотворениях Дмитриева. Если ты был доволен моим Озеровым, то надеюсь, что еще будешь довольнее моим Дмитриевым. Я на просторе и на досуге развернулся, многое не договорил, на иное намекнул. Недели через две, кажется, должен отделаться. <...> Ты прав, пора словесности нашей приниматься за дело и бросить игрушки. Вот что говорю в своем Известии: “Желательно, чтобы данный им пример (в Ермаке и Освобождении Москвы) – почерпать вдохновение поэтическое в источнике истории народной, – увлек за собою боле подражателей. Источник сей ныне расчищен рукою искусною и в недрах содержит все то, что может вдохнуть жизнь истинную и возвышенную в поэзию; пора вывести ее из тесного круга общежительных удовольствий и вознести на степень высокую, которую она занимала в древности, когда поучала народы и воспламеняла их к мужеству и добродетелям государственным”. М-me Staël говорит dans ses Dix années d’exil, que les auteurs russes ont composé jusqu’à ce temps du bout des lèvres <Мадам Сталь говорит в книге “Десять лет изгнания”, что русские писатели до сих пор сочиняли все по принуждению>. Далее продолжаю, приведя это замечание: “постараемся избежать сего справедливого упрека и пусть поэзия, мужая вместе с веком, отстает от ребяческих игр, украшающих цветами ее продолжительное отрочество”».

ЛН. Т. 60. Кн. I. С. 35.

Это письмо есть ответ М. Ф. Орлову на его письмо от 9 сентября 1821 г. из Одессы, в котором он пишет: «...Вооружись пером и сядь за работу. Судя по тому, как ты написал Озерова, я уверен, что ты можешь сделать оборот в прозе нашей и дать ей более точности и остроты. Займись прозою, вот чего не достает у нас. Стихов уже довольно, особливо что называется у французов *Poésies légères* <легкой поэзии>. Пора предпринимать образование словесности нашей в большом виде, в философском смысле строгими сочинениями и полезными переводами. Вот поприще, открытое пред тобою» (ЛН. Т. 60. Кн. I. С. 33).

Ноябрь. 14. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Для ленивого и небольшие хлопоты велики; а я становлюсь ленив, и от переезда в город, сопряженного действительно с некоторыми хлопотами, не находил времени и побеседовать с Дружбою. Но и ты уже давно не писал ко мне. Хитров <Ал. Зах.>, Уваров etc. сказывали мне, что они не нашли в тебе заметной перемены: это хорошо в наших летах. Торгуют ли твой дом? А ты, кажется, не выедешь из Москвы, пока не продашь его. Наталья Яковлевна сказывала, что ты уже издержал деньги, назначенные тобою для путешествия в Невскую столицу: это худо для нас, ожидающих тебя с 1819 года. Упомянув о нашей любезной приятельнице, прибавлю, что ее лихорадка прошла. Я уже дней пять не видал ее: ныне обедаю у Императрицы, и к ней заеду. Третьяго дни члены Опекунского Совета праздновали двадцати-пятилетие Мариина управления Смольным Монастырем. Посторонних не было: Государыня дозволила мне быть на этом любезном празднике, сказав, что я принадлежу к Монастырю. Все плакали: Она более всех. Иллюминация, музыка, пение, балет – все было прекрасно. Среди великолепной залы сияла, надпись: “2000 воспитанниц в четверть века были здесь образованы под надзором Марии”. Члены Опек. Совета представляли в сей вечер Россию: ибо Россия долженствовала праздновать это двадцати-пятилетие человеческой и государственной добродетели.

Мы, слава Богу! здоровы. Всем семейством обнимаем тебя, милого друга. Будь здоров и спокоен духом. Сию минуту слышу, что наша добрая хозяйка в лихорадке: иду к ней. Еще раз обнимаю тебя.

Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 318–319 (№ 280).

Ноябрь, 20. Москва.

М. А. Дмитриев записывает в «Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1821...» (Л. 11 об.): «Ноября 20-го получено от дядюшки Ивана Ивановича Феденькиных денег – 111-ть рублей».

Боленко, 2004. С. 355 (с указан. места хранения месяцеслова: б-ка МГУ № 9530).

Ноябрь, 21. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 50–51 (1-я, старая, пагинация).*

Ноябрь, 24. Москва.

Письмо к А. С. Шишкову в Петербург:

«Милостивый государь Александр Семенович.

Долговременное отсутствие Семена Егоровича Раича и прекращение моих с ним сношений были единственною причиною, что я толь поздно отвечаю на благосклонное вашего превосходительства ко мне писание. На днях он возвратился, и я спешу изъяснить вам, милостивый государь, чувствительную благодарность за доставленную вами книжку: Известия Академические, и в особе вашей всю Академию за лестную честь, которою благоволила почтить меня, избранием в члены попечительного комитета. Счастливым себя почту, если случай допустит меня оправдать ваше избрание.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству письмо от г. Раича. Могу вас уверить, что он с великою признательностью принял весьма справедливые замечания ваши и обещает, воспользуясь ими, всеми силами стараться довести перевод свой до возможного совершенства.

Неисправности его важны в отношении к чистоте языка, но, судя по его силам, кажется, исправление оных не затруднит его, а потому я осмеливаюсь думать, что перевод его, даже и при настоящих недостатках, не заслуживает со стороны Академии какого-либо гласного поощрения.

Впрочем, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 358–359; *Дмитриев*, 1893. Т. II. С. 280.

Декабрь, 10. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 52 (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 11. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Остафьево:

«С удовольствием готов обедать с вами, любезный князь Петр Андреевич обедать во вторник с вами у Василья Львовича. Живописанный портрет у П. П. еще менее похож, нежели этот, а гравированный им столько же пакостен, как и выданный, при образцовой неопрятице обоих изданий. И так, не лучше ли дожидаться конца Гереновой работы? Ежели не сходен, то можно заказать другому. По крайней мере этот расположен и отработан с довольным вкусом.

С почтением и преданностию имею честь быть вашего Сиятельства покорнейший слуга И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 150 (№ 32).

Декабрь (серед. месяца). Петербург.

Карамзин получает из Москвы от кн. П. А. Вяземского черновик статьи о И. И. Дмитриеве.

СН. 1897. Кн. 1. С. 121.

Декабрь, 19. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 53 (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Всем семейством благодарим тебя за дружеское поздравление. Я уже недели три не писал к тебе, не от лени, и не от хлопот, которых не имею слава Богу, а от разных, минутных причин, которых исчислять не буду. За то мы много говорили о тебе в это время с людьми, тебя любящими; а их здесь довольно.

Наша любезная Наталья Яковлевна все еще нездорова и грустна; к сожалению, не можем видеть ее часто, редко выезжая из дому. Дети растут, не имея ни учителей, ни дядьки; утром пишу: надобно заниматься ими хотя после обеда; надобно и заглядывать в книги, читать газеты; а там заедет доброй приятель: Тургенев, Блудов, Северин, Кривцов; а там к Императрице, обедать или в спектакль; а там отдохнуть: где же время на выезды? Между тем стареюсь; сердце уже холодеет к свету, чувства тупеют, ждуть нечего: и так не мудрено, что я почти не выхожу из своего синего, табаком засыпанного сертука. — Теперь читаю о тебе: догадаешься, что? Сделаю несколько замечаний для милого Князя Петра, которой при всем своем уме худо ладит с языком. Не затруднится ли в иных местах Ценсура? Советую тебе заглянуть в 11-й № *Благонамеренного*, где, в стихах Ф. Н. Глинки, напечатано, что в здешнем свете несносно жить, ибо в нем Смерть и... Цари!! Это поправка Ценсуры. У него было: Смерть и Зло цари; т. е. смерть и зло царствуют: Ценсор вымарал Зло. Каково это?

Клянусь тебе, если клятва нужна, что я искал и не сыскал стихов к Императрице Елисавете Алекс. Авось после найду. Отец, мать, дети — все обнимаем тебя нежно, милого друга.

Будь здоров. Навеки твой Н. Карамзин.

Великая Княгиня М. П. любезна по старому: вчера я беседовал с нею. Она пробудет здесь до Марта».

Карамзин, 1866. С. 319–320 (№ 281).

Цензурная правка находится в стихотворении Ф. Н. Глинки «Земная грусть», посвященном «В. К. К.» (Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру), Карамзин ошибся: оно напечатано не в № 11 «Благонамеренного» за 1821 год, а в «Соревнователе Просвещения и Благотворения» (1821. Ч. XVI. Кн. 12. С. 348–353). Поправка на с. 352, в стихе 14. Она наделала в то время много шума и принадлежит цензору Бирукову. Ошибка Карамзина произошла, по-видимому, от того, что в № 11 «Благонамеренного» (с. 186) напечатано тоже послание П. А. Теряева «К Кюхельбекеру» («Напрасно мне сулит, чувствительный певец!..»).

Декабрь, 23. Петербург.

Письмо А. С. Шишкова к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 24-го ноября 1821 г.):

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Я имел удовольствие получить письмо ваше, ноября от 24-го, в котором вы упоминаете о г. Раиче, что перевод его *не заслуживает со стороны Академии какого либо гласного поощрения*. Я совершенно с вами согласен, но порядок требовал, чтоб перевод сей (как и все другие) отдан был в комитет, которой бы, по рассмотрении оного, сказал об нем свое мнение. Что я и сделал. Между тем признаться должно, что комитет сей мало к общему делу усердствует. Вот уже более года, как он учрежден, но еще ни одной строки от него в Академию не поступило. Даже и на сей отданный ему на рассмотрение перевод не было ни какого ответа. Многие из членов, составляющих оный, никогда не ездят в Академию. А как я положил себе за правило одним моим лицом без общего согласия ничего не делать, то и идет у нас медленно. Ныне, видя беспечность сего комитета, я поручил прочесть перевод сей другому рассматривательному комитету, и надеюсь, что сей скорее отзовется. Тогда я предложу Академии о награде за оный.

Прошу покорнейше приложить при сем письмо вручить г. Раичу. Я не знаю лично сего молодого человека, но, по видимым в переводе *Виргилия дарованиям* его и по вашим о нем отзывам (не смотря на мои критические замечания), много его уважаю, и готов всюю силою голоса моего одобрять его во всяком случае. – Сей час получил я из Вены несколько книжек, в числе коих нашел две и на ваше имя надписанные; почему и прилагаю здесь оные. – Я не имею нужды вас, милостивого государя, уверять, что переписка с вами весьма мне приятна, а потому и желал бы чаще ею пользоваться. Между тем прошу уверенным в совершенной моей преданности и почитании, с которыми навсегда имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

А.[лександр] Ш.[ишков].

Его превосх.[одительству] Ив.[ану] Ив.[ановичу] Дмитриеву».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 359–360.

Декабрь, 26. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«От всей искренности моего сердца желаю, чтобы вы, милостивый государь, препровели сей наступающий и многие, многие годы в совершенном здоровье и благополучии.

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству первую книжку *Благонамеренного* на будущий 1822 год. XXI и XXII № моего журнала, надеюсь, выдут к 1-му числу Января, а остальные XXIII и XXIV в исходе того месяца. Сии два нумера (в одной книжке) посвящены будут памяти несчастного Милонова. Несколько общих наших с ним друзей и приятелей положили торжествовать сороковой день после его кончины. Итак, собравшись все вместе в этот день, отслужили по нем панихиду, а из церкви пришли ко мне и открыли заседание. Из читанных пиес лучшие по моему мнению суть: Сравнение (младшего Княжевича) двух переводов Шиллеровой оды (Жуковского к *Мечте* и Милонова к *Юности*) и стихи Панаева. Мне ничего не удалось написать кроме надгробия, которое надобно еще переделать. Как жаль бедного Милонова! Вашему высокопре-

восходительству известна настоящая причина преждевременной его смерти. Он умер от невоздержания. За два только часа перед смертию как пришел священник исповедовать его и приобщать, перестал он пить. Эту несчастную страсть получил он, кажется, еще в училище; я познакомился с ним прежде еще, нежели он вступил к вам в департамент, а он уже и тогда был самый ревностный поклонник Бахуса. В прошедшем году, перед поездкою в деревню, месяца два находился в ужасном сумашествии, и даже по возвращении его сюда из деревни, особливо в последнее время, весьма приметно в нем было помешательство ума. Он сделался чрезвычайно набожен и только-что молился да пил. Ни друзья, ни самые ближние родственники никак не могли воздержатъ его от этой пагубной страсти. Не могу без смеха, вспомнить, как покойник при мне ввел в краску знаменитого певца Кубры. Прошедшею зимою был здесь Вологодской стихотворец П. А. Межаков, который каждое воскресенье делал у себя вечеринки для литераторов. Граф Д. И. <Хвостов> не пропускал ни одного воскресенья и приезжал обыкновенно с двумя или тремя своими адъютантами и с пуком стихов. Однажды, в самое то время, как шли уже мы ужинать, является вдруг Михайло Васильевич в полном своем гардеробе, в мундирном сюртуке, едва стоит на ногах, требует воды, но выпивает большую рюмку водки и садится с нами за стол. Хозяин, самый деликатный человек, повестился удалить его; впрочем, кроме мужчин, никого тут не было, да и те все стихотворцы. За ужином вздумалось Милонову хвалить графа, и грозить за него всем нам. Это было очень приятно его сиятельству; но как Милонов, выхвалив всю доброту его сердца, отозвался не слишком выгодно о его стихотворениях, то граф немного поморщился. Милонов, заметя это, излил на него всю сатирическую желчь свою и притом в таких выражениях, какие не имеют места в языке богов. Едва могли мы удержаться от смеха. Хозяин не знал что делать; граф принужден был скрыть свою досаду, обратив все это в шутку и первый начал смеяться. Как он добр! Только что скончался бедный Михайло Васильевич <Милонов>, граф сочинил ему эпитафею, которая напечатана уже в 21 и 22 №№ *Благонамеренного* вместе с другою же его эпитафеею Дмитревскому. При сем случае нельзя не вспомнить эпиграммы Лебрэня:

Tu fais l'épitaphe d'Etienne;
Que ne fait-il la tienne?

Я виноват еще перед вашим высокопревосходительством, не исполнив до сего времени приказания вашего уведомить вас о имени председательницы или попечительницы небольшого нашего дружеского литературного общества. Это г-жа Пономарева, дочь служившего некогда в сенате ст. сов. Позняка. Она действительно имеет необыкновенные таланты и получила отличное воспитание; знает прекрасно немецкий, французский и италиянский языки, даже отчасти латинский; переводит на русский прозою лучше многих записных литераторов; пишет весьма не дурно стихи; рисует, танцует, поет и играет на фортепиано превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведет слишком рассеянную жизнь. — Но я уже наскучил, думаю, вам длинным моим посланием, которое не складнее посланий гр. Д.[митрия] И.[вановича] <Хвостова>».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 966–969.

Эпитафии гр. Д. И. Хвостова «*И. А. Дмитриевскому*» («Под камнем сим лежит Дмитревский, наш Лекен...») и «*М. В. Милонову*» («Милонов здесь лежит: сей юноша любезный...») опубликованы в сводном номере «*Благонамеренного*» (Ч. 16. № 21/22. С. 114). №№ 21/22 «*Благонамеренного*» за 1821 г. вышли в свет 31 декабря. Объединенный номер 23/24, посвященный памяти М. В. Милонова, вышел в свет 9 марта 1822 г.

Декабрь 26. Петербург.

Карамзин в письме к кн. П. А. Вяземскому в Москву пишет:

«Любезнейший князь! Винюсь перед вами: держу ваш манускрипт об Иване Ивановиче с неделю и еще не прочитал его, то-есть, до конца; еще могу продержатъ дней пять от того, что занимаюсь им в вечеру, когда и скучные, и нескучные люди являются в нашей гостиной. Читаю с искренним удовольствием и кое-что переменяю в словах: вы будете судьбою.

Теперь возвращаюсь к третьей главе X-го тома. Мы слава Богу, здоровы. Надемся, что мой тезка уже совершенно оправился. Будьте все здоровы. Целую ручку

у милой княгини, нежно обнимаю вас, крестницу и всех детей. Новый год на дворе: будьте по возможности счастливы в его течение! Еще раз обнимаю все ваше любезнейшее семейство. На веки ваш Н. Карамзин.

Вчера ездил я в первый раз на санях».

СН. 1897. Кн. 1. С. 121 (№ 93).

Декабрь, 29. Петербург.

По прочтении «биографии» Дмитриева Карамзин в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет:

«С удовольствием искренним читал и возвращаю. Я дозволил себе сделать *поправки*, а вам даю *право поправить* их; но не оставляйте как было: ручаюсь, что было *неисправно*. Охота вам вольтерствовать и щелкать в каменную стену: цензура не пропустит за то и хорошего, и весьма хорошего; и мне будет жаль, и всем, кто любит хорошее. Я дерзнул вымарать и *деспота*, опять что за охота? Это все сказано и пересказано. Будьте великодушны и притупите жало, оставайтесь при одном остроумии. Последней части я еще не видал; она у Д. Н. Блудова...».

СН. 1897. Кн. 1. С. 121 (№ 94).

Рукопись биографии «испещрена пометами Карамзина, Блудова и А. И. Тургенева. На одной из страниц, по-видимому рукою Блудова, написано: «Ваш слог (разумеется, в статье, которую мы рассматриваем) имеет только *внутреннее достоинство*: надобно подумать и о *наружном*, о правильности, опрятности, гармонии и проч. и проч. В этом довольно важном отношении ваши отрывки, небрежно и, без сомнения, наскоро писанные, должны быть не только поправлены, но, и так сказать, переправлены» (*Вяземский*, 1982. Т. II. С. 316; примечание М. И. Гиллельсона, с указанием места хранения: *РГАЛИ*. Ф.195. Оп. I, № 1025, л. 86).

Декабрь, 29. Москва.

Кн. Вяземский: «Из Москвы», с подзаголовком: «29-го декабря 1821 года» («Благодарю вас за письмо...»).

Вяземский, 1886. Т. 3. С. 253–254.

В ИРЛИ хранится рукописная копия этого стихотворения, переписанная И. И. Дмитриевым (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 17–18). Стихотворение написано в два столбца и выглядит как некое поэтическое послание: в правом верхнем углу выставлена дата: «Москва. 29-го декабря 1821». Первоначально оно было озаглавлено: «К... от...». Затем другими, более светлыми, чернилами вписаны имена: «К... Е. Н. Кар.[амзиной] от...К. П. А. Вяз.[емского]», т. е. стихотворение-письмо адресовано Екатерине Николаевне Карамзиной. Разночтения с печатным текстом незначительные. Так, стих. 52–55 в печатном тексте читается:

«...Пусть прыткой жизни одноколка
По свежим бархатным лугам
Везет вас к пристани покойной...»

В списке Дмитриева (Л. 18):

«Пусть жребий с счастьем заодно,
Прядет в нем ваши дни из шелка.
И краткой жизни одноколка
По свежим бархатным лугам
Везет вас к пристани покойной...».

1821. Москва.

Записка к кн. Вяземскому: «С благодарностью возвращаю вам, любезнейший князь, французский журнал с газетами и убедительно прошу вас выписать на мой счет из *Варшавы*: 1) *Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte Hélène etc.* 2) *Nécrologie ou Biographie de 1821*. Чувствительно сим одолжите преданнейшего вам Дмитриева».

СН. 1898. Кн. 2. С. 150.

1821. Москва.

Письмо к А. Я. Булгакову.

Автограф: *РГБ ОР*. Ф. 41 (Булгаковы). К. 77, № 60.

<1821?>. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 46* (1-я, старая, пагинация).

1821. Петербург.

«Невский Зритель» (Ч. 6. С. 246–261). Разбор послания И. И. Дмитриева к Н. М. Карамзину: «Не скоро ты мой друг дождешься песней новых...». Автор: Богданов.

1821. Петербург.

«Стихотворения Александра Востокова» (СПб., 1821. Кн. 1–3). Цензор: И. И. Ястребцов; цензурное разрешение: 17 сентября 1820.

Экземпляр из б-ки И. И. Дмитриева с дарственной надписью ему от автора хранится в б-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 1365*).

1821. Москва.

«Суворов, лирическая поэма Александра Степанова. М., 1821». Дарственная запись на внутренней стороне обложки: «Милостивейшему государю Ивану Ивановичу Дмитриеву постоянному другу правды и знаменитому питомцу Муз. Творец Суворова». Книга хранится в б-ке МГУ.

Анохина, 1973. С. 103.

1821. Петербург.

«Карманная Библиотека Аонид, собранная из некоторых лучших писателей нашего времени и расположенная по новому методу, с присовокуплением надписей к их портретам, характеристики и биографии каждого, Иваном Георгиевским» (1821. СПб., тип. Имп. Воспитат. Дома).

В предисловии «От издателя» И. В. Георгиевский сообщает, что изобрел новый способ расположения материала: по отдельным писателям и стихам каждого писателя предшествует стихотворная надпись.

Подборку стихотворений И. И. Дмитриева открывает «Надпись к портрету Ивана Ивановича Дмитриева» («Он сказочками сладость...»). – С. 1; подпись: И. Георгиевский.

И. В. Георгиевский выбрал и напечатал следующие сочинения И. И. Дмитриева:

Лирическая поэзия

Ода. Поединок Магмета-Кула с Ермаком («Я зрел (старец) с ним бой Магмета-Кула...») – С. 2–3; *Песни: 1. Наслаждение* («Всяк в своих желаньях волен...») – С. 3–4; 2. «Юность! юность! веселись...» – С. 4–5; 3. «Стонет сизой голубочик...» – С. 5–6; 4. «Всех цветочков боле...» – С. 7.

Драматическая поэзия

Сказка. Модная жена («Ах! сколько я в мой век бумаги исписал!...») – С. 8–16; *Басни: 1. Разбитая Скрипка* («Скрипица дюжина упала и разбилась...») – С. 17; 2. *Полевой Цветок и Гвоздика* («Простой цветочик, дикой...») – С. 17; 3. *Муха* («Бык с плугом иа(!) покой шацился(!) по шрудах(!)...») – С. 18; *Магнит и Железо* («Природу одолеть превыше наших сил...») – С. 18–19.

Смешанная поэзия

Идиллия. Людмила («Кого мне Бог послал среди уединенья?...») – С. 19 – 20; *Рондо* («Я šťastлив был во дни невинности безпечной...») – С. 20–21; *Загадка* («Нет голоса во мне, а все я говорю...») – С. 21–22; *Эпиграмма* («Я разорился от воров...») – С. 22; *Надпись: К портрету Амура* («Стреляй наш милый враг...») – С. 22; *Надгробие: Ф... М... Д... <Дубянскому>* («Любезного и прах останется безвестным?...») – С. 22–23.

Мнимая поэзия

Амур и Дружба («Сестрица душенька! Здорово братец мой») – С. 23; Апофегматы: 1. «Ах! щастлив тот, кто лишь по слухам знал...» – С. 23 [из стихотворения «Искатели Фортуны»]; 2. «Увы! кто свой предел читает на руке?...» – С. 24 [из басни «Лев и Комар»]; 3. «Чувствительна душа и в чуже веселится...» – С. 24 [из стихотворения «Старик и трое молодых»]; 4. «Всяк только своему разсудку в след идет...» – С. 24 [из стихотворения «Ласточка и Птички»]; 5. «Что знатность? сердцу все равны...» – С. 24 [из стихотворения «Старинная любовь»]; 6. «Краса и добродетель...» – С. 24 [из стихотворения «К Г. Р. Державину (по случаю кончины первой супруги его»]; 7. «Но милую хвалить, как нихвали – все мало...» – С. 24; 8. «Страшись, страшись привесть...» – С. 24; 9. «Ах! всяк своей бедой ума себе прикупит...» – С. 25 [из басни «Чижик и Зяблица»]; 10. «Душой прекрасныя – не вянут...» – С. 25; 11. «Узы сердца не игрушки...» – С. 25 [из стихотворения «Все ли милая пастушка»]; 12. «Сердце с сердцем подружится...» – С. 25 [из стихотворения «Что с тобою ангел стало?»].
Под всеми публикациями подпись: Дмитриев.

1821. Петербург.

«Новое Собрание образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год. Изданное Обществом любителей Отечества словесности. Ч. 1–2. Спб., 1821». (Ц. р. 30 ноября 1820 г. Ценз. Ив. Ястребцов).

Из сочинений И. И. Дмитриева здесь напечатаны:

Ч. 1.

5. *Гимн Богу* («Парю душой к Тебе, Всечтимый...») – С. 34–35; 10. Ода VII из Книги XIII. *Подражание Горацию* («Пловец, под тучею нависшей...») – С. 43–45.

В этой части напечатано стихотворение Саларева «Гробница» («В уединении над мрачною рекой...») (С. 129–132), стихотворение открывает эпиграф из И. И. Дмитриева: «Розыль дышат над могилой, / Иль полынь на ней растет / Все равно, о друг мой милой! / В прахе чувства уж нет».

1822

Январь, 2. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

От всего сердца и всем семейством поздравляем тебя с новым годом: будь здоров и спокоен; люби друзей и добрых приятелей; не скучай, занимайся с удовольствием – а там, что Бог даст!

Мы встретили новый год у нашей любезной хозяйки. Двое из наших сыновей уже пили Шампанское с нами. Ты мог бы полюбоваться ими. Андрей меланхолик и хорошо учится; Саша весел, ласков и славится красотой в некоторых кварталах Петербурга: оба умны. Третий сын еще плох; четвертый красив не менее второго, и драчун! – Вчера мы ужинали в Эрмитаже. Маскарадных билетов роздано было 24 тысячи. Хорошо взглянуть; но теснота и жар несносны. В этой давке Государь был около двух часов, не выходя из Польского. В Истории приближаюсь к концу Феодорова Царствования: пишу еще с удовольствием и буду доволен, если Бог даст мне кончить этот том к следующему Генварю.

Вот тебе Дистих на тень счастья:

Мы видим счастья тень в мечтах земнаго света.
Есть счастье где нибудь: нет тени без предмета.

Нежно обнимаем тебя всем семейством, милый друг наш.
Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 321 (№ 282).

Дистих выражает то же, что следующая мысль, записанная Карамзиным по французски вместе с некоторыми другими, помеченными 28 июня 1825 года: «On dit que le bonheur sur la terre n'est qu'une ombre: il faut donc que le bonheur réel existe quelquepart, car il n'y a point d'ombre sans objet» (Неизд. соч., 1862. С. 196). Карамзин вписал это двустишие в альбом М. Шимановской и сам проставил дату: «Октябрь 9, 1823». При жизни Дмитриева дистих был напечатан дважды: впервые в «Моск. Тел.» (1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. 2. С. 119), затем в 1829 г. в «Листках Грации» (М., 1829. С. 17).

Январь, 2. Москва.

Кн. Вяземский спрашивает в письме А. И. Тургенева: «Что за неправильность находишь ты в моем *Известии*? Его читал и перечитывал Иван Иванович <Дмитриев>. Грубых ошибок быть не может».

ОА. Т. II. С. 236.

Январь, 5. Четверг. Петербург.

Карамзин в письме сообщает кн. Вяземскому, что дочитывает «последние тетради о Иване Ивановиче <Дмитриеве>...».

СН. 1897. Кн. 1. С. 122 (№ 95).

Январь, 6. Пятница. Петербург.

А. И. Тургенев пишет в письме к кн. Вяземскому в Москву: «Посылаю тебе письмо Карамзина и газеты. Он начал вчера читать и вторую половину биографии Д.[митриева], которую прочел и доставил ему Бл.[удов]».

ОА. Т. II. С. 237. В письме, вероятно, речь идет о биографической статье кн. Вяземского.

Январь, 9. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Спешу отвечать тебе на запрос твой о Ст. Тома: он хочет, чтобы ты рекомендовал его в Москве как человека способного быть хорошим Гувернером для воспита-

ния детей, и своею рекомендацією доставил ему выгодное место, или Гуверне-ра, или Секретаря, или библиотекаря у знатного, богатого человека. Можешь смело хвалить его как многого, знающего, приятного, честного Француза. Так я понимаю его письмо, и так он мне сам говорил. Я желал, чтобы ему поручили издание здешнего Консерватера; но это не исполнилось. Милой Князь Петр <Вяземский> пишет умно, но Фразами не легкими и не ясными; умнее всех наших Писателей. Дай Бог, чтобы он нашел истинное наслаждение в сильном действии мысли и слова, перестав излишне рыцарствовать за либерализм! Теперь читаю твою биографию. Обнимаем тебя нежно всем семейством. Наталье Яковлевне лучше, но все грустит. Императрица Е.[лизавета] А.[лексеевна] приказала сделать все нужное для того, чтобы ей было тепло и покойно в ее комнатах. Будь здоров и спокоен духом. Навеки твой

Н. Карамзин.

Пишу ноты Феодорова Царствования».

Карамзин, 1866. С. 322 (№ 283).

Январь, 18. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 54 (1-я, старая, пагинация).

Январь, 20. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает в письме кн. Вяземскому, что посылает часть рукописи биографии Дмитриева, а другую пришлет на следующей почте.

ОА. Т. II. С. 240.

Январь, 24. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев высылает кн. Вяземскому «другую» часть рукописи с замечаниями.

ОА. Т. II. С. 241.

Январь, 25. Среда. Москва.

Дмитриев в письме к С.-Тома в Петербург пишет:

«Monsieur. Je dois, avant tout, vous faire mes sincères excuses de répondre aussi tard que je le fais à votre aimable lettre; soyez bien persuadé que le mauvais état de ma santé a été l'unique cause de mon silence. Maintenant, je vous supplie de recevoir mes remerciements pour l'envoi des 4 derniers volumes de l'histoire de Russie accompagnée de votre charmant roman. Comme amateur de tout ce qui est beau en fait de littérature, je l'ai lu avec un sensible plaisir, et je suis tout-à-fait de votre avis, que les disciples de l'ancienne école, les imitateurs de Lesage, de Prevost, de Richardson et de Fielding peuvent même aujourd'hui aspirer à cette gloire constante, qu'ont obtenue leurs maîtres, ces peintres fidèles de nos moeurs et de nos usages et ces véritables scrutateurs du coeur humain. Pour le vrai talent, la nature est toujours inépuisable: il n'a pas besoin d'émouvoir le lecteur par des scènes dégoûtantes de brigands, des apparitions de spectres et de démons et d'avoir recours à toutes ces absurdités d'une imagination déréglée.

Quant aux conseils qu'il vous plait de me demander sur le désir que vous avez de vous transporter à Moscou, je vous avoue à mon grand regret que je ne crois pas, que cela vous soit de quelque utilité, car présume que vous ne voudrez pas entrer en concurrence avec le grand nombre de maîtres de langue, qui donnent ici des leçons par cachets. Je ne crois pas non plus, qu'en vous mettant à la tête d'un institut, vous puissiez avoir ici des avantages considérables. La plupart de nos jeunes gens sont élevés dans la maison de leurs parents, ou bien, ils reçoivent leur éducation dans le pensionnat attaché à l'université. D'après mon opinion, votre séjour à Pétersbourg doit répondre beaucoup mieux à vos intentions. M-r de Karamsin qui rend toute la justice qui est due à votre mérite et qui est à même de connaître les classes et les

personnes les plus distingués de la société, se fera, je n'en doute point, un véritable plaisir de vous procurer une place soit de bibliothécaire, soit de secrétaire privé. Je suis sûr du moins, que dans toutes les occasions favorables, qui pourraient se présenter, vous trouverez toujours en lui un zélé à vous rendre tous les services imaginables.

Je ne finirais pas. Ma lettre sans vous réitérer, Monsieur, les assurances de ma parfaite considération et des sentiments distingués avec les quels j'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Jean de Dmitriew».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 280–282.

«Милостивый государь. Прежде всего считаю долгом принести вам искреннее извинение, что так поздно отвечаю на ваше любезное письмо; будьте уверены, что единственною причиною молчания было плохое состояние моего здоровья. Теперь прошу вас принять мою благодарность за присылку четырех последних томов Истории России и за ваш прекрасный роман. Как почитатель всего изящного в литературе, я прочитал его с величайшим удовольствием, и вполне разделяю ваше мнение, что последователи старой школы, подражатели Лесажа, Прево, Ричардсона и Фильдинга могут даже и в наши дни снискать ту же незыблемую славу, какую приобрели их учителя, эти правдивые изобразители наших нравов и обычаев и глубокие знатоки человеческого сердца. Для истинного таланта природа всегда не исчерпаема, ему нет нужды растрогивать читателя отвратительными разбойничьими сценами, явлением привидений и духов и прибегать ко всем пошлым вымыслам разнузданного воображения.

Что касается до совета, за которым вам угодно было ко мне обратиться, относительно желанья вашего переселиться в Москву, то с величайшим сожалением должен ответить, что не нахожу, чтоб это послужило вам в пользу, так как предполагаю, что вы не пожелаете вступать в соперничество с превеликим числом учителей иностранных языков, дающих здесь уроки par sachets. Также не думаю, что и место начальника какого либо учебного заведения представило бы вам значительные выгоды. Большая часть здешних юношей воспитывается дома у своих родителей или же проходят курс в благородном пансионе при университете. По моему мнению, пребывание ваше в Петербурге соответствует вашим целям. Карамзин, который воздает вам вполне заслуженную похвалу и который в то же время имеет знакомства в высшем круге общества, с величайшим удовольствием, как я не сомневаюсь, постарается доставить вам место или библиотекаря или домашнего секретаря. По крайней мере я убежден, что при удобном случае, какой только мог бы представиться, вы всегда найдете в нем человека, готового оказать вам всевозможные услуги, и проч.».

Январь, 27. Петербург.

А. И. Тургенев пишет кн. Вяземскому:

«...Рукопись всю возвратил к тебе. Я списал копию с того, что послал к тебе на двух последних почтах, но в доставленном тебе прежде начале было более, и для того спиши для меня остальное или пришли, чего у меня не достает. Я спишу и все возвращу в целости. Всего ценсура не пропустит, а я хочу иметь все».

ОА. Т. II. С. 241–242.

Январь, 30. Москва.

Кн. Вяземский благодарит в письме А. И. Тургенева за присланную рукопись биографии Дмитриева и замечания к ней. Сообщает также, что возится с Тончи, которого уговаривает писать портрет с И. И. Дмитриева, а не с его бюста.

ОА. Т. II. С. 241–243.

Февраль, 6. Петербург.

Возвращение В. А. Жуковского из поездки за границу.

ОА. Т. II. С. 244.

Февраль, 7. Вторник. Петербург.

Карамзина посещает В. А. Жуковский.

Дневник В. А. Жуковского // РС. 1901. Декабрь. С. 178 (Приложения): «7, вторник. У императрицы. У Карамзина. У Козлова».

Февраль, 9. Четверг. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Пишу к тебе в полночь, после Спектакля у Императрицы, в усталости от необыкновенных для меня выездов, и собираюсь еще завтра на свадьбу к одному Русскому Италиянцу, а после завтра опять на бал во Дворце: так плачу долг Маслянице! Однакожь утра мои не праздничные: мараю, как обыкновенно, бумагу, в ожидании новой присылки из Архива Московского. Наконец явился Жуковской, с любовью к Берлину и с приятными воспоминаниями о своем путешествии, но без жены, вопреки сказкам. Он просил меня напомнить тебе об нем. Говорит, будто в Берлине сердца теплее и умы деятельнее: чего доброго! Здесь тепла только зима, а наши Литтераторы жалуются на лень и на Ценсуру. Ты слышал о суде Профессоров: говорят, что дело кончилось в Комитете Министров отрешением Германа, Раупаха и Арсеньева, но без дальнейшей казни. Ожидают конфирмации. Еще неизвестно, получит ли Рунич награждение блестящее, которого требует для него Министр Просвещения, как сказывают. Это дело здесь многих интересовало, и без сомнения важно для будущего. Наш почтенный Шишков говорит: поздно хватились: я давно обнаруживал нечестие! Другие думали, что надлежит закрыть классы, где преподавалось Якобинство и Атеизм, то есть, класс Истории и Статистики; но люди благоразумные не согласились с ними. Оставим все решить Провидению и Государю, которого люблю душевно. Я стараюсь быть самым спокойным зрителем; а как осторожный человек прибавлю: *все это между нами!* Conservateur хочет описывать маскарад, картины и разные представления 4-го Февраля: ты увидишь эту статью. Праздник был прекрасный. Ст. Тома принялся в Секретари к Графу Лаваль, но едва ли надолго. Я даже отступил от своего правила, когда выпросил ему 10,000 р.; более не могу ничего сделать.

Прости, любезнейший. Иду спать. Всем семейством обнимаем тебя нежно.
Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 323–324 (№ 284).

Февраль, 10. Пятница. Петербург.

В. А. Жуковский посещает Карамзина(ых).

Дневник В. А. Жуковского // РС. 1901. Декабрь. С. 178 (Приложения.): «10, пятница. У в[еликой] к[нягини]. Визиты с Блудовым. О[бедал] у Блудова. Северин. У Карамзина, у Кривцова».

Февраль, 20. Москва.

Кн. Вяземский просит в письме А. И. Тургенева передать Гнедичу, что Тончи вчера (т. е. 19 февраля) «начал портрет Дмитриева».

ОА. Т. II. С. 246.

Февраль, 21. Петербург.

Карамзин в письме спрашивает князя Вяземского: «...Разделались ли вы с поправками сочинения о стихотворениях etc. Ивана Ивановича?».

СН. 1897. Кн. 1. С. 123 (№ 97).

Февраль, 27. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Отдохнул ли ты от сильных движений Масленицы. Я уже опять ленюсь дома и читаю Немецких Метафизиков, за которых не поспешил заплатить Грефу двадцати

рублей. Снова завожу библиотеку для себя и для детей; а если выдам 10-й том, то употреблю вдруг тысячи две на книги. Стыдно не оставить библиотеки в наследство сыновьям, когда главным делом жизни моей было марать бумагу для типографий.

Купец Московской, Котельников (если не ошибаюсь) сделал мне удовольствие своим посещением, сказав, что иногда видит тебя в своем магазине на Лубянке. Бутенев еще не был у нас: он познакомился с тобою, как мне сказывали. Увидим ли любезного Дашкова?

Наталье Яковлевне лучше. Она проезжается в карете, но еще не была у нас. Состояние ее приводило нас в большую грусть.

Все по старому. Видим Тургенева, Жуковского, Кривцова, которой к вам собирается: вот наш свет, за исключением регулярных понедельничных обедов у Императрицы М.[арии] Ф.[едоровны] etc.

Плещев в горячке, также и молодая Левашова-Мятлева; последняя опаснее: очень жаль ее. Здесь, кажется, не мало болезней.

Ст. Тома не останется у Лавала, к несчастью. Желая ему добра; но лучше, если бы он не переводил моей Истории или остался во Франции: я не могу ничего сделать для него, выпросив ему прошлого года, однажды навсегда, 10,000 р. Не только я не советовал, но даже и отсоветывал ему братья за это дело.

Скажи любезнейшему Сергею Сергеевичу, что я очень хлопотал о Лазареве и писал наконец к Вел. Князю в Варшаву. Прием в Корпусы подвержен затруднениям несказанным.

Прости, любезнейший друг. Будь здоров и спокоен. Всем семейством нежно тебя обнимаем. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 324–325 (№ 285).

Март, 2. Петербург.

Выходит книга Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы». Об И. И. Дмитриеве: С. 281–282.

Могиланский, 1956. С. 393 (дата выхода).

Март, 4. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 55 (1-я, старая, пагинация).*

Март, 17. Петербург.

А. И. Тургенев в письме сообщает кн. Вяземскому о приезде «четвертого дня» Батюшкова, который только третьего дня явился к Е. Ф. Муравьевой, но отказался идти к Карамзину.

ОА. Т. II. С. 248.

Март, 22. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 56 (1-я, старая, пагинация).*

Март, 31. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

От всего сердца поздравляем тебя с наступающим Светлым праздником, но еще не говорю: *Христос Воскресе!*

Нынешний день есть первой весенний: светло и тепло. Начинаем помышлять о Царском Селе, если Царь пустит нас в свою маетность: я уже давно не видал Его; получаю от Него только поклон или приветствия через Вел. Княгиню Марию, с которою обедаю по Понедельникам у Императрицы, и которая уедет от нас 1 Мая. Нынешнее лето не будет весело: глупые Турки искушают терпение Государя, и

едва ли обойдемся без войны; а как начнется, то и не скоро кончится. Нам бы не худо было пожить в мире и поэкономить людьми и деньгами: по крайней мере Государь все сделал, чтобы удалить войну.

К любезнейшему Сергею Сергеевичу буду писать на той почте, как надеюсь. Вел. Князь К. П. отвечал мне из Варшавы очень любезно и велел Лазарева принять в Кадеты второго Корпуса.

Лицей отошел от Министра Просвещения. Дело о Профессорах еще лежит в Кабинете. Любезная Наталья Яковлевна выезжает прогуливаться: авось весна даст ей силы. Я кончил 4-ю главу 10-го тома, и примусь за Годунова, описав судьбу России под скипетром Варяжского Дому.

Прости, любезнейший друг. Дай Бог, чтобы ты встретил и провел праздники весело. Всем семейством обнимаем тебя нежно.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 325–326 (№ 286).

Апрель, 2. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 5. Среда. Петербург.

Карамзина посещает выпущенный из Пажеского корпуса в Екатеринославский полк племянник Николай Федорович Карамзин, с которым передает в Москву письма к И. И. Дмитриеву и Вяземским.

Апрель, 5. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Христос воскрес! от всего сердца поздравляем тебя с Светлым праздником и с весною, которая даже слишком тепла и наводит страх чрезвычайностию.

Рекомендую тебе вручителя, моего племянника, Николая Фед. Карамзина: будь к нему милостив.

Узнав, что Государь в первый день Праздника, после заутрени, уехал в Царское Село святить церковь, я написал к Нему поздравительное письмо и на другой день удостоился получить от Него собственноручный Ответ, в котором Он велит мне быть уверенным в *Его искренней приязни*. Это стоит красного яйца. – Надеемся, если будем живы, провести лето в Царском Селе. А ты все еще манишь нас обещаниями заглянуть в Петербург?

Жена и дети вместе со мною обнимают тебя нежно. Будь здоров, милый друг!

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 326–327 (№ 287).

Апрель, 6. Четверг. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Простите меня, ваше высокопревосходительство, что я столь поздно поздравляю вас с праздником и что не отправил к вам XIV № на прошедшей почте. Всю прошедшую неделю я был чрезвычайно занят и притом гоним; в первый день праздника простудился и, прочитав присланное ко мне от графа Д.[митрия] И.[вановича] <Хвостова>, не в виде красного яичка, нарядное издание стихов его, на праздник 4 Февраля, занемог было не на шутку. Какому-то проказнику вздумалось в прошедшую субботу, т. е. 1-го числа Апреля, послать к его сиятельству от имени жены моей похоронный билет. Это чрезвычайно огорчило добродушного графа; тотчас отправил он ко мне на дом инкогнито нарочного и, удостоверясь чрез него, что слух сей лжив и что я жив, прислал мне вместе с сим пасквильным билетом дружеское послание, которое беру смелость препроводить при сем к вашему высокопревосходительству в надежде, что проза гр. Д.[митрия] И.[вановича] рассмешит вас.

Стих, поставленный в начале послания: *Я шуток не люблю ни в прозе, ни в стихах*, принадлежит, как рассказывают, Государю. Граф Ч***, желая получить Александровскую ленту, прислал к Императору не так давно стихи на французском языке, в которых между прочим упомянул, что Александр у него в сердце и что он желал бы иметь его *на сердце*. Но Государь, вместо ордена, как уверяют, наградил его одним только этим шестистопным стишком.

Недавно возвратился сюда из чужих краев К. Н. Батюшков. С ним случилось величайшее несчастье. Он, как говорят, почти помешался и даже не узнает коротко знакомых. Это следствие полученных им, по последнему месту, неприятностей от начальства. Его упрекали тем, что он писал стихи, и потому считали неспособным к дипломатической службе. Так по крайней мере я слышал. Что если это действительно справедливо? К несчастью, есть вельможи, которые вменяют в величайшее преступление своим подчиненным занятия в словесности, особенно в поэзии. Это я знаю по собственному опыту».

РА. 1871. № 7—8. Стб. 970—971.

Апрель, 7. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Поздравляя ваше превосходительство с наступающим великопраздничным праздником Святыя Пасхи, желаю вам от всей искренности моего сердца препроводить оный и впредь препровождать многия лета в совершенном здравьи и благополучии.

Препровождаю при сем 6-ю книжку *Благонамереннаго*. В ней изволите найти между прочим замечания на новую книжку: Карманная (ридикюльная) библиотека Аонид, над изданием которой трудился неутомимый граф Д. И. Хвостов со студентом 3-го разряда медико-хирургической академии Ив. Георгиевским, обучающимся там не медицине, но ветеринарному искусству. Не унимается наш граф Дмитрий Иванович: все еще пишет и хвастает. Доказательство сему увидите в прилагаемом при сем его письме к Архангельскому архиерею, моему приятелю (письмо сие всепокорнейше прошу, по прочтении, переслать ко мне или предать в жертву всеочистительной стихии). Его сиятельство чрезвычайно на меня гневается за то, что в последнем торжественном собрании нашего общества не прочтена была его сатира к Разуму, очень неразумно написанная».

РА. 1871. № 7—8. Стб. 966, с ошибочной датой: «7 апреля 1832 г.». Здесь помещено ошибочно. Письмо датируется 7 апреля 1821 г. (См.)

Апрель, 28. Москва.

Записка к кн. Вяземскому:

«Наконец препровождаю к вам, почтенный и любезный князь Петр Андреевич, работу г. Тончи. Оба просим вас отписать Н. И. Гнедичу, что звезды должны остаться и по отпечатании на той же стороне, на которой теперь написаны. И так, осталось мне ожидать, еще с большим нетерпением и удовольствием чтоб и другой талант окончил мой портрет, пока я еще шатаюсь в мире.

Преданный вам всем сердцем Дмитриев.

СН. 1898. Кн. 2. С. 153 (№ 41), с неверной датой «28 апреля 1823».

Май, 4. Четверг. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Здоров ли ты? Давно не имею от тебя писем. У нас не очень здорова Сонюшка: страдает от железы, и по сие время лекарства не помогают. Собираемся ехать в Царское Село, в Китайские домики, куда уже отправили обоз. Время не совсем хорошо; но хорошего, может быть, и долго не дождемся. Судьба не разлучает нас с Двором: переезжаем в один день, послезавтра, хотя мы и не думали о том. Государь, как слышно, едет 15 Мая, а Великая Княгиня 16: простимся с нею в Павловском. Я очень полюбил Ее: она многим напоминает Екат. Павловну, хотя и не так жива. Нынешнею зимою читал я Записки Екатерины Великой, доведенные Ею только до 1760 года: очень, очень любопытно. Двор Елисаветы как в зеркале. Времена удивительно переменились.

Если приедешь к нам в Петербург, то угостим тебя и Записками Екатерины. Недавно достал я Брюса, которой описывает смерть Царевича Алексея Петровича: он сам был послан *за лекаrstвом*, которое отравило Царевича на тот свет. Эти книги на Англ. языке. Вообще я так много читал здесь о происшествиях Петербургских, что этот город сделался для меня уже историческим: Нева, крепость, дворец напоминают мне столько людей и случаев! Отживая век для настоящего, с каким нежным чувством обращаемся к прошедшему. Одни дети связывают меня с будущим; но мысль о Провидении дает спокойствие душе моей: будет, что угодно Богу – и я не протираю себе глаз, чтобы далее видеть вперед. За тем обнимаем тебя нежно, любезнейший друг: муж, жена и дети.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Благодарю тебя сердечно за племянника: уехал ли он в полк? – Брат Вас. [илий] Мих. [алович Карамзин] пишет ко мне, что Опшанин умер, взяв с собою на тот свет мои 700 р. Тем лучше, может быть».

Карамзин, 1866. С. 327–328 (№ 288).

Май, 10. Среда. Село Авдотьино (Бронницкий уезд, Московской губернии).
Кончина Семена Ивановича Гамалеи (род. 31 июля 1743).

Май, 14. Воскресенье. Петербург.

Отъезд имп. Александра I в Витебскую, Виленскую и другие соседние губернии для осмотра расположенных там полков, гвардии и армии.

Русский Инвалид. 1822. № 117.

Май, 19. Пятница. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно разделяю печаль твою о кончине Н. В. Смирнова. Воображаю, как письмо от мертвого должно было тронуть тебя, и письмо такого содержания! Свидание с тобою могло бы служить некоторым утешением для горестной вдовы. Не смею ничего прибавить. Мы ждали, ждали тебя, и перестали ждать. Кроме нас, как обрадовалась бы тебе и любезная Наталья Яковлевна! Она еще не в Царском Селе: ее здешние комнаты разрушены падением свода, не старого, а вновь сделанного искусным архитектором Стасовым. Хорошо, что в комнатах не было Натальи Яковлевны, а на упавшей Колоннаде не было Авг. Хозяина с гостями!

Мы уже 10 дней в Китае: чисто и красиво. Боюсь только наших людей неопрятных. Здесь первым нашим гостем был Хозяин, который просидел у нас часа два. На другой день мы у Него обедали без гостей, и 15 Мая простились с Ним на 18 дней. Надеемся, что Он проведет здесь все лето; осенью же, вероятно, поедет для свидания с Австр. Имп. и с Королем Прусским. Татищев опять поехал в Вену: следственно есть надежда, что дело обойдется без меча. Записки Екатерины у нашего любезного Тургенева; но прошу об этом не говорить: он хранит их как зеницу ока, и таит, списав с экземпляра Куракинского. Я читал и Станиславовы, весьма любопытные, хотя и соблазнительные.

Рукописание свое доставлю тебе после, а теперь спешу отправить письмо на почту. Может быть, Кат. Фед. Муравьева достанет нам чтонибудь руки Державина. Каков Орлов? умник в Европе.

Граф Сергей Петрович часто видался с нами; ездил и ко Двору: обедал, был в спектакле у Императрицы; однакожь не доволен. Любезен и оригинален. – Жуковской от Иоанны Шиллеровой перешел к Виргилиеву Енею. Странной и жалкой меланхолик Батюшков едет на Кавказ... Объявление Университетское достойно нового Куратора. – Франц. перевод 9-го тома моей Истории еще и не печатается: следственно неизвестен журналистам.

Обнимаю тебя нежно, любезнейший друг: муж, жена и дети

Карамзины.

Если ты стареешься, то и я не отстаю от тебя. Будь однакожь здоров: можно быть здоровым и в старости.

Навеки твой

Карамзин, 1866. С. 329—330 (№ 289).

Старик».

Май, не позже 20. Москва.

Дмитриев знакомится с Марией Шимановской.

Май, 20. Суббота. Москва.

Дмитриев и Шимановская на вечере у кн. Вяземского.

ОА. Т. II. С. 255, письмо к А. И. Тургеневу от 21 мая 1822 г., в котором кн. Вяземский называет этот вечер «московско-бригадирско-помещичьим: пляски и песни цыганские».

Май (втор. пол.). Москва.

Кн. Вяземский сообщает в письме А. И. Тургеневу, что отдал Булгакову для пересылки к нему портрет Дмитриева, написанный Тончи.

ОА. Т. II. С. 254.

Май, 28. Воскресенье. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает кн. Вяземскому, что доставил Гнедичу портрет Дмитриева. В этом же письме, в приписке, датированной «Понедельник. Утро», он пишет, что «сию минуту получил твою записку с Шимановской» и что постарается с ней познакомиться.

ОА. Т. II. С. 256.

Июнь, 12. Петербург.

Карамзин приезжает из Царского Села навестить больного канцлера С. П. Румянцева.

СН. 1897. Кн. 1. С. 131.

Июнь, 13. Царское Село.

Карамзин в письме к Вяземскому в Москву сообщает, что «А. И. Тургенева почти не видит, хотя он через день бывает в Царском Селе у А. А. Воейковой; но мы друзья невзыскательные. Жуковский сидит за Энеидою и бормочет экзаметрами. Пушкин написал Узника: слог жив, черты резкие, а сочинение плохо; как в его душе, так и в стихотворении нет порядка».

СН. 1897. Кн. 1. С. 131—132 (№ 106). Вероятно, В. А. Жуковский познакомил Н. М. Карамзина и его супругу Е. А. Карамзину с поэмой Пушкина. См.: «1822. Июнь, 1(?) - 9. Павловск».

Июнь, 16. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Пишут из Москвы, что ты будто бы собираешься в Петербург; однакожь я все еще не верю. Жары нынешнего лета не страшны: мы только дней пять не зябнем, глотая пыль. Посмотрев на друзей, ты взглянул бы с удовольствием и на прелестную Неву, которую я видел третьягодни, ездив в город для свидания с Канцлером. Он едва ходит и стоит от слабости в ногах: это болезнь наследственная: славный отец его также несколько лет не двигался. Не смотря на то, хочет ехать в Москву недель через пять, и еще с живостию говорит о древностях России, о политике и будущей судьбе Европы. Грустно, что нельзя говорить с ним. Как все люди должны казаться ему скучны и сухи!

Ты, любезнейший друг, жалуешься на действие старости: очень, очень понижаю тебя, вместе с тобою двигаясь к цели. Перемены в душе еще чувствительнее для меня, нежели перемены в теле: я уже не тот, которой переехал из Москвы в Петербург; иначе вижу и чувствую: смотрю на все, как на бегущую тень, сохраняя однакожь в сердце любовь, о которой говаривал покойной Козодавлев. Истории еще не изменяю: сижу в кабинете часов по пяти, хотя иногда и бесплодно или почти бесплодно. Лучший мой день, которой провожу дома, и лучший час, когда всею душою предаюсь в волю Провидения.

Посылаю несколько строк моей руки для Лондонского корреспондента или, лучше сказать, для тебя. Это, может быть, мои последние стихи в этой жизни; а в вечности, думаю, стихов писать не будем. Бедной Вольтер! и еще беднейший Гр. Хвостов!

Мы беспокоимся о Князе Петре Андреевиче: слышим, что он не спит ночи, и что нервы его очень расстроены... Намекни мне об нем, любезнейший друг. Я люблю его как брата, хотя и непослушного.

Всем семейством обнимаем тебя нежно, милой друг наш. У Сонюшки все еще не проходит железа, хотя, кажется, и уменьшилась. Будь здоров и благополучен. Надеюсь, что твой дуб и после мороза и после града здравствует.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 330–331 (№ 290).

Июнь, 20. Вторник. Москва.

И. И. Дмитриев перед отъездом в Петербург посещает кн. Вяземского. Последний, в приписке (датированной 20-м июня) к письму от 18 июня к А. И. Тургеневу в Петербург, сообщает о приезде И. И. Дмитриева и далее пишет:

«Чтоб задобрить твой гнев, вот портрет В.[асилия] Л.[ьвовича Пушкина] Мало ли? Вот тебе еще стихи Сверчка <А. С. Пушкина>; только не говори Дмитриеву, что он их привез: он умрет со страха après soup».

ОА. Т. II. С. 265.

Июнь, ок. 22. Москва.

Отъезд Дмитриева в Петербург.

Июнь, 25. Воскресенье. Остафьево.

Кн. Вяземский пишет А. И. Тургеневу:

«У меня давно было приготовлено письмо к тебе для отправки с Иваном Ивановичем, но он мне возвратил его, верно от чутья. Я в нем отвечал на твой ответ на мой ответ на твою критику. <...> Что делает Иван Иванович? Как нашли вы его: омосквичившегося или нет?».

ОА. Т. II. С. 276.

Июнь, 27. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает в письме к кн. Вяземскому в Остафьево:

«...Иван Иванович приехал, но я еще не видал его. Он переехал из трактира в пятую линию, к Смирновой».

ОА. Т. II. С. 267.

Июнь, 29. Четверг. Царское Село.

Вечером к Карамзиным приезжает И. И. Дмитриев и остается у них ночевать.

СН. Кн. 1. С. 122.

Июнь, 30. Пятница. Царское Село.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Советую тебе завтра, то есть, в Субботу ехать в Павловское, чтобы перед обедом представиться Императрице и у Нее обедать. Она удивляется, что ты не едешь к Ней. Пожалуй приезжай. Обнимаю тебя нежно.

Твой

Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 331–332 (№ 291).***Июнь, 30. Царское Село.**

Карамзин в письме к Вяземским сообщает:

«...Приезд Ивана Ивановича радостно удивил нас. Мы не нашли в нем большой перемены. Он приехал к нам в вечеру, ночевал у нас, обедал и скрылся; обещает однакожь быть после завтра; обедал у Государя на Каменном острове, как мне сказывали, и поедет в Павловское».

*СН. 1897. Кн. 1. С. 132 (№ 107).***Июль, 1. Суббота. Павловск.**

Дмитриев обедает у имп. Елизаветы Алексеевны.

Июль, 3. Понедельник. Остафьево.

Кн. Вяземский просит в письме А. И. Тургенева передать поклон И. И. Дмитриеву.

*ОА. Т. II. С. 270.***Июль, 7. Петербург.**

А. И. Тургенев сообщает в письме кн. Вяземскому, что «Дмитриев все прежний».

*ОА. Т. II. С. 270.***Июль, 9. Воскресенье. Царское Село.**

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Шпага и перчатки твои уже отправлены, вероятно уже и получены тобою. Катерина Андр. не очень здорова: кажется, простудила желудок, и во всю эту ночь не спала.

Сделай милость, уведоь, когда обрадуешь нас своим приездом: если не скоро, то будь к тебе в город, как скоро перестану беспокоиться о жене.

Вообрази, что Ценсура не пропускает стихотворений В. Л. Пушкина!

Нежно тебя обнимаю. Навеки твой

Н. Карамзин.

Ты без сомнения с удовольствием читаешь Записки Е.[катерины II] – Видел ли ты нашу хозяйку? – Государь у вас на Каменном острове».

*Карамзин, 1866. С. 332 (№ 292).***Июль, 9. Петербург.**

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет:

«Милостивый государь мой и любезнейший князь Петр Андреевич!

По приезде сюда, одна из главных забот моих была скоро извиниться и оправдать себя перед вами: я ждал от вас писем с раннего утра до самых вечерень. Наконец, получил их тогда, когда уже все было натискано в мой дормез, и я уже начинал последнего себя втискивать. Признаюсь вам, любезный князь, что сколь-

ко я не люблю вас, но уже не в силах был возвыситься до такого эроизма, чтоб снова начинать мою работу, которая могла бы протянуться до самой ночи по не ловкости моих сопутников, еще неопытных в дорожном деле. Я уже винулся в том перед К. А. и Н. М. <Карамзинными>, которые довольно меня журили, а теперь прошу христианского прощения от моего биографа. Пускай он внесет эту черту когда-нибудь во второе издание, если захотят оным почтить мою память, лишь бы не перестал любить меня и считать добрым человеком.

Я живу здесь на мой манер очень приятно. Наслаждаюсь свиданием с друзьями и доволен ласкою старых знакомцев. Видел почти всех наших поэтов и отыскал мои ноги. Наконец, свидетельствую вам и милостивой государыне княгине Вере Федоровне искреннее мое почтение, с которым навсегда имею честь быть вашего Сиятельства покорнейший слуга. Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 150–151 (№ 35).

Июль, 11. Царское Село.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Если от нашего распоряжения зависит твой приезд в Царское Село, то ради Бога приезжай скорее, ныне, завтра, а в последний срок послезавтра! Тот же Китайский домик ожидает тебя, но ты должен быть дома в нашем. И для того спешу в Село, чтобы не разориться в городе. – Катерина Андр., слава Богу! почти совсем здорова; остается еще слабость. – И любезная Наталья Яковлевна ждет тебя с нетерпением. – На приписание Анонима, будем отвечать особенным письмом. Скорее же в Китай! Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 332–333 (№ 293).

Июль, 17. Царское Село.

Карамзин в письме к А. Д. Балашову пишет:

«...У нас теперь гостит Иван Иванович <Дмитриев> и живет в одном из здешних Китайских домиков, но уже думает о возвращении в Москву после Петергофского праздника, вопреки пустым, ложным слухам о новом вступлении его в службу: ни ему не предлагали, ни он не мыслит о том, желая доживать век свой на свободе...».

Карамзин, 1848. С. 707–708.

Июль, 20. Царское Село.

Карамзин сообщает в письме Н. И. Кривцову, что имеет «сердечное удовольствие видеть Ивана Ивановича <Дмитриева>, который теперь в Царском Селе и живет подле нас, китайском домике, но уже собирается ехать назад в Москву. Он вам дружески кланяется».

Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Кривцову // Отчет имп. Публичной б-ки за 1892 год. СПб., 1895. Приложение. С. 34. Впервые с неверной датой «Июль, 1819»: *Погодин, 1866. Т. II. С. 334.*

Июль, 26. Среда. Царское Село.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

Хочу непременно побывать у тебя в гостях, и в Субботу, если время будет сносно, явлюсь у тебя на Васильевском острове часу в третьем перед обедом. Уведомь, найду ли тебя дома? и можешь ли в этот день обедать со мною где нибудь вместе? например, в Английском Клобе? Если можешь, то сделай одолжение, напиши ныне же к Николаю Ив. Тургеневу, чтобы он записал нас, тебя и меня, на этот обед в Клобе. Не то можем обедать в Ресторации. Жду твоего ответа. Всем семейством обнимаем тебя, милого друга.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 333 (№ 294).

Июль, 28. Пятница. Царское Село.

В письме к Е. Ф. Муравьевой в Петербург Карамзин сообщает:

«Думаю завтра, если не будет дождя, съездить часа на три в город для свидания с Иван. Иван. Дмитриевым...».

РА. 1867. № 3. Стб. 461–462.

Июль, 28. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает кн. Вяземскому в письме, что «Дмитриев на днях возвращается к вам».

ОА. Т. II. С. 273.

Июль, 29. Суббота. Петербург.

Карамзин приезжает из Царского Села «часа на три» для встречи с И. И. Дмитриевым.

РА. 1867. № 3. 461–462.

Август, 1. Петербург.

Дмитриев встречается(?) с имп. Александром I.

Карамзин, 1866. С. 333–334.

Август, 2. Царское Село.

Записка Карамзина к Дмитриеву в Петербург:

«Любезнейший друг!

В следствие нашего Сейма положено, что ты, исполнив обряд, можешь еще, в знак особенного усердия, написать к Государю две или три благодарственные строки за милостивый прием и проч. Но не видал ли ты Его вчера? Ныне ждут Хозяина в Царское Село. А тебя когда же увидим? Только не на час, а дни по крайней мере на два, непременно. Уведомь, когда думаешь оставить Петербург? Обнимаем тебя нежно. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 333–334 (№ 295).

Август, 9. Петербург.

Отъезд И. И. Дмитриева в Москву.

Дмитриев, 1866. С. 248 («Я <...> августа 9-го числа отправился в Москву, простясь с любезным Карамзиным и со всеми любимцами и докучателями фортуны»).

Август, 14. Петербург.

Выходит в свет поэма А. С. Пушкина «Кавказский Пленник».

Могиланский, 1956. С. 393.

Август, 18. Пятница. Царское Село.

Карамзин, по получении письма от И. И. Дмитриева, пишет ответное письмо:

«Любезнейший друг!

С нетерпением ожидали мы твоего письма. Слава Богу! желание наше исполнилось: дом твой на месте, Экономка здорова, Либералы в узах и конь на четырех ногах! Мы от доброго сердца смеялись, читая твое любезное письмо. Лучше всего то, что ты благополучно совершил свое путешествие, прибавив новый опыт ко всем старым опытам твоей к нам дружбы. Между тем не без грусти чувствуем, что ты здесь только мелькнул. Когда-то опять увидимся! Наталья Яковлевна говорит о свидании зимою: не смею надеяться. Мы по милости Божией здоровы и живем, как ты видел, если для других не завидно, то для нас хорошо. Новый твой друг, теска Равноапостольного, еще не забыл тебя и называет *Митрополитовым*. Наталья Яковлевна стала точно поздравнее: велела мне сказать тебе, что будет писать

на следующей почте, etc. etc. Можно ли иметь сердце человеческое и не принимать живого участия в ее судьбе одинокой? – После твоего отъезда мы жили недели две уединенно, т. е. не слыхали о Дворе, а скоро останемся совершенно одни в Цар. Селе: все уедут. Лишь бы только мои были здоровы: скуки не боюсь. Сей час собираемся на Каменной Остров к К. Фед. Муравьевой, обедать и ночевать. Здешние новости, вероятно, тебе известны: предписание о тайных Обществах, Кураторство Рунича, *Мануфактурство* Уварова etc. Министр Англ. Кассельре или Лорд Лондондерри зарезался в припадке Сплина, готовясь ехать в Вену на Конгресс. – Прости, любезнейший друг. Жена и дети с нежностью уверяют тебя в своей дружбе и любят тебя, если можно, еще более прежнего.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866, 334–335 (№ 296).

Август, 22. Гёттинген.

В «*Göttingische gelehrte Anzeigen. Unter der Aufsicht der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Der zweite Band auf das Jahr 1822*» (133, 134 Stück. Den 22. August 1822, ss. 1321–1329) сообщается о выходе в Париже французского перевода «Истории Гос. Рос.», и напечатана рецензия на немецкий перевод, вышедший в Риге. Авт. рецензии: А. Геерен (Arnold Heeren).

Август, 28. Царское Село.

Карамзин в письме к Вяземским в Москву пишет:

«...Желаем дожить здесь до октября. *Летопроводец* Симеон уже на дворе, а погода еще теплая и сухая. Жуковский хочет также быть царскосельским жителем до глубокой осени. Я с удовольствием слушал его перевод Энеиды. Воображаю вас уже в беседе с Иваном Ивановичем, который для нас мелькнул и скрылся. Это похоже на сновидение, как и вся наша жизнь; чем долее живем, тем более уверяемся в сходстве...».

СН. 1897. Кн. 1. С. 132–133 (№ 108).

Август. Москва.

В «Вестнике Европы» (1822. Июль и август. № 15) напечатано объявление о подписке на 9-й том «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, в переводе на французский язык. О. Сен-Тома под ред. О. М. Сомова.

Сентябрь, 7. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мне кажется, что ты не получил первого письма моего: беда не велика; но жаль, если ты несправедливо обвинил меня в *преступном* молчании.

Вот тебе копии с обоих писем Государевых. Прошу их не показывать другим. О путешественнике еще ничего не слышно из Вены. Мы живем теперь в совершенном уединении: обе Императрицы в городе; но Е.[лисавета] А.[лексеевна] еще возвратится сюда, а М.[ария] Ф.[едоровна] поедет недели на три в Гатчину, когда Вел. Княгиня несколько оправится после родин. Смотрим на Китайской домик, где ты жил, и вспоминаем о тебе почти с умилением. Будем ли опять в соседстве? Торгуют ли твой дом? Впрочем, нынешняя зима, то есть, Сленин и X том Рос. Истории могут решить, здесь ли мне умереть или в Москве, или в Арзамасе. Недавно Дашков (à propos d'Arzamas) ночевал у нас, и мы довольно поговорили о Востоке – а с Блудовым о Западе! Последний занимается теперь делами Бесарабии под начальством Гр. Кочубея, но все плох здоровьем. На сих днях я с удовольствием слушал перевод Жуковского из Энеиды. Он теперь в состязании с Ценсурюю за свою последнюю балладу. Я говорил Министру, т. е. К. Голицыну, о сочинениях нашего любезного В. Л. Пушкина, и сказал ему, чего в них Ценсура не пропускает:

он хотел *справиться!* Сию минуту принесли мне письмо от Гр. С. П. Румянцева, по обыкновению в *цифрах*, и я еще не разобрал его. Уехал ли от вас Канцлер? Он действительно, как ты говоришь, прекрасно сражается с смертью, или с авангардом ее, под командою неодолимой глухоты. Не смотря на некоторые странности обоих братьев, люблю их душевно: это остатки старого, лучшего мира! Нынешние вельможи, буде их можно так назвать, не имеют в себе ничего пиитического, ни исторического. Кто из них мог бы запеть: O Richard, o mon Roi? Нет ни чувства, ни голоса. Странные изменения в свете и в душах! Но все хорошо, как думаю, в почтовой скачке нашего бытия земного. Между тем прошу тебя скакать по земле как можно долее и мысленно обнимаю со всею нежностью дружбы.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Жена моя, дочери, сыновья, в особенности твой друг Владимир, тебе усердно кланяются. — От Государя приехал Фельдъегерь из Вены: Конгресс будет непременно в Вероне».

Карамзин, 1866. С. 335–336 (№ 297).

Сентябрь, 9. Гёттинген.

В «Göttingische gelehrte Anzeigen. Unter der Aufsicht der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Der dritte Band auf das Jahr 1822» (144. Stück. Den 9. September 1822, s. 1433–1438) напечатана рецензия на вышедшую в Лондоне и Эдинбурге «Rossiskaja Antologija. Specimens of the Russian Poets, translated by John Bowring. With preliminary remarks and biographical notices. Second edition with additions» (1821, pp. 239); в ней в частности отмечается, что после выхода в свет «Истории Гос. Рос.» Карамзина, интерес к русской литературе возрос.

Быкова, 1969. С. 332.

Сентябрь, 10. Воскресенье. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 62 года.

Сентябрь, 11. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 54 (1-я, старая, пагинация).

Сентябрь, 16(?) ...17(?). Москва.

Читает «Кавказского Пленника» Пушкина.

Сентябрь, 18. Понедельник. Петербург.

А. И. Тургенев пишет кн. Вяземскому:

«Вчера пили у Карамзина за здоровье твоей именинницы в Царском Селе, куда ездил я с Дашковым, Блудовым, братом и с твоею статьей о Дмитриеве. Прочсть не успели. Возвращу Гнедичу».

ОА. Т. II. С. 273–274.

Сентябрь, не позже 19. Москва.

Письмо Дмитриева к Карамзину в Царское Село.

Сентябрь, 19. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к Вяземскому в Остафьево пишет:

«Вот что пишет наш Лафонтен <И. И. Дмитриев> к нашему Ливию <Н. М. Карамзину>: «Вчера я прочитал одним духом *Кавказского пленника* и от всего сердца пожелал молодому поэту долгие лета! Какая надежда! при самом начале уже две

собственные поэмы, и какая сладость стихов! Все живопись, чувство и остроумие!" Признаюсь, что прочитав это письмо, я прослезился от радости».

Летопись, 1991. С. 323.

Сентябрь, 19. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиньину в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович. Я и не вправе был ожидать от вас письма, пока сам не принесу вам чувствительной благодарности за все доказательства вашего гостеприимства, благодарности не только за хлеб и соль, но и за смех и горе, которые со мною делили, если вспомните наши беседы и случившееся падение кареты. Благодарю вас равномерно и за сообщение стихов Ф. Н. Глинки, равно как и за позволение ваше прибегать к вам в моих затейливых надобностях. Не преминую воспользоваться снисхождением вашим, коль скоро буду иметь к тому повод. Уверен всегда сколько в изящном вашем вкусе, столько и в вашей ко мне приязни. Николай Лукьянович сам вручил мне ваше письмо и сказывал о положении дела. Я удивился, что оно приняло другой оборот, думая давно, что оно уже кончено и в его пользу. Остается ожидать заключения общего собрания.

Между тем, с совершенным почтением моим и привязанностью, имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Милостивому государю моему Петру Петровичу покорнейше прошу сказать равномерно искреннее мое почтение».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 282–283.

Сентябрь, 21. Четверг. Москва.

Письмо к А. Е. Измайлову в Петербург.

РА. 1871. № 7–8. Стб. 971.

Сентябрь, 25. Понедельник. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Всем семейством, сердечно к тебе привязанным, поздравляем тебя с завтрашними именинами: будем пить твоё здоровье и желать тебе добра как самим себе.

Здесь бывают ещё прекрасные дни осенние, и мы желали бы жить в Царском Селе до 20 Окт. Собираемся уже дней десять в Гатчину, но все не едем: не люблю оставлять детей одних с людьми не весьма надёжными.

Я жаловался на излишнюю строгость Ценсоров Князю А. Н. Голицыну, и сказывал ему о немилости их к невинным творениям нашего любезного Василья Львовича. Между тем слышу, что манускрипт уже в типографии: авось напечатают, к удовольствию автора и читателей. – В поэме Либерала Пушкина слог живописен: я недоволен только *любовным походом*. Талант действительно прекрасной: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия.

Как хочется, чтобы ожили Греки! Последние известия были не худы; но нас так часто обманывали, что стыжусь верить.

Вот анекдот: в Академии Художеств предлагали Графа Кочубея в почетные Члены, как любителя Искусств и человека *близкого* к Государю; а Лабзин сказал Академикам: Если надобно выбирать в Члены людей близких к Государю, то предлагаю вам Илью Кучера! Эта глупая шутка дошла до Полиции, как слышно. Обнимаю тебя нежно, любезнейший друг. Будь здоров душою и телом.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Сердечно вас благодарю, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, за ласковые ваши строки и поздравление; долг платежом красен: так и вас от души поздравляю со днем вашего ангела, желая вам сей день и все грядущие провести во всевозможном счастье. Будем пить здоровье милого Имянинника за семейным столом, где и маленькой друг *Пират* будет отличаться, ибо он любит и вас и вино».

Приписка рукою С. Н. Карамзиной:

«Примите, почтеннейший Иван Иванович, и мою благодарность и поздравления, сопровождаемые также общими желаниями всего семейства, соединенного в чувстве своем к вам. Дай Бог праздновать на будущий год этот день вместе с вами! То, что вы писали Наталье Яковлевне о надежде продать ваш дом, весьма нас обрадовало; сбудется ли оно? Между тем примите уверение в сердечном почтении и преданности, с которыми *имею честь быть вашего Высокочревателства покорная слуга*

Софья Карамзина.

И я скажу: долг платежем красен».

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«Позвольте и мне, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, поздравить вас и пожелать, от искреннего сердца, вам всех возможных благ, а себе скорого свиданья с вами.

К сожалению моему я не могла до сих пор исполнить приятной обязанности, которую вы возложили на меня, но как только мы возвратимся в город, я займусь рисунком, мною вам обещанным, и постараюсь сделать его не совсем недостойным занимать место в вашей галлерее.

Примите, почтеннейший Иван Иванович, уверение в чувствах искренней привязанности преданной вам навсегда К. Карамзиной».

Карамзин, 1866. С. 337–339 (№ 298).

Сентябрь, 26. Вторник. Москва.

Именины И. И. Дмитриева.

Сентябрь, не позже 27. Москва.

«*К портрету князя П. А. Вяземского*» («Кого не увлечет талант сего поэта?..»).

Каллаш В. Библиографические заметки. Об И. И. Дмитриеве. 1. Надпись к портрету князя Вяземского // *РА*. 1901. Кн. 1. Вып. 2. С. 339.

Сентябрь, 27. Среда. Остафьево.

Кн. Вяземский письмо к А. И. Тургеневу открывает четверостишием И. И. Дмитриева:

«Кого не увлечет талант сего поэта?
Ему никто не образец;
Он сыплет острогой, играет, но мудрец
Еще в младыя лета!»

с шутливой припиской: «Что это?» – Так-с, ничего-с: стихи к моему портрету. «Чьи?» – Так-с, ничьи-с: Ивана Ивановича Дмитриева».

ОА. Т. II. С. 274.

Сентябрь, 29. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 58–58об. (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 2. Понедельник. Петербург.

Под председательством Ф. Н. Глинки проходит XXIII-е заседание Вольного Общества Любителей Российской Словесности, на котором Н. И. Гнедич читает статью князя Вяземского «О жизни и творениях И. И. Дмитриева». Принимается решение: статью «поместить в издаваемые стихотворения Дмитриева».

На этом же заседании была прочитана «Надпись к портрету И. И. Дмитриева. Соч. князя П. И. Шаликова».

Базанов В. Г. Ученая Республика. М., Л. 1964. С. 421; Вяземский, 1982. Т. II. С. 316 (Примеч. М. И. Гиллельсона со ссылкой на письмо гр. Д. И. Хвостова к В. М. Перовошикову (*ИРЛИ*. Ф. 322,

№ 15, л. 120): «...Собрание состояло из 20 литераторов, большею частию известных, но все замолчали. Я попросил шаров, чтобы одобрить сочинение к напечатанию. Все, будучи приверженцы модного вкуса, не согласились и положили доставить сию тетрадь историографу, чтобы он посоветовал шурина оную исправить».

В этом же письме далее гр. Д. И. Хвостов писал: «Говоря о биографии присовокуплю, что прилагаю к вам по секрету листочек, где мною говорится о *Жизни* Ивана Ивановича Дмитриева. Надобно знать, что сей знаменитый и подлинно хороший автор подарил обществу соревнователей все свои сочинения, которые уже напечатаны. А медлятся за жизнеописанием от князя Вяземского. Он уже писал о Державине и Озерове, а теперь, чтобы похвалить скромного и достойного Дмитриева, разругал всех писателей и даже вас. Вот как ныне жизни и о живых пишут».

Далее приводится текст «секретного листочка»: «1822-го года октября 2-го в понедельник Николай Ив.<анович> Гнедич читал в собрании общества соревнователей, присланное от к.<князя> Петра Андреевича Вяземского (остроумнейшего писателя, смотри сего года «Сын отечества» № 36) сочинение, называемое “О жизни и сочинениях Ивана Ивановича Дмитриева”; чтение продолжалось два часа беспрерывно и не только слушатели, но и сам тец утомился отборными словами и колкостями сочинителя не у места. 1-е Жизнь! — живого. Кроме того, вы найдете очень мало о свойствах, упражнениях, изречениях Ив.<ана> Ив.<ановича>, и также о суждениях, которые большею частию справедливы. Я кажется бы на месте автора скромнейшего осердился бы за такую повесть. Действительная Дмитриева жизнь по всем отношениям и достоинства его сочинений могут снабдить обильно запасами перо искусное и рассудительное. Словом, прочитав пиесу князя Вяземского, можно спросить, хотел ли он хвалить Дмитриева или хулить других. Не похож ли сам автор на жреца, им в басне изображенного, который до-того кадил своего кумира, что

в пылу *слепой руки*
разбил его в куски.

Автора достойного, прославившегося еще при жизни, можно по справедливости похвалить без примеси фразов и колкостей; например, на что туча стрел в посмеяние невежества, думающего, что поэт не может быть деловой или государственный человек. Сам сочинитель говорит, что Кантемир, Державин, Дмитриев, Нелединский и несколько других это доказали; на что эпиграмма на счет сената, на что толкование, что цари должны покровительствовать поэзию, на что неуважительное презрение и даже грубости на счет всех русских знаменитых писателей, не исключая Ломоносова, Хераскова, Державина, творца “Душеньки” и фон-Визина. Бесспорно, что Иван Иванович не мог почерпнуть у Сумарокова духа басен, то есть простоты, естественности и пристойной живости лиц; впрочем, расположение его басен то же самое, какое у Сумарокова. За то все выше показанные качества находятся у Хемницера. Князь Вяземский рассуждает, что Дмитриев сотворил сам себе слог: так относительно к самому себе, но не относительно к языку и роду, ибо Херасков, также Хемницер, гораздо прежде его начали писать именно в роде легком, и “Душенька” Богдановича появилась на Парнассе русском, когда еще на оном не было Ивана Ивановича. Зачем унижать Державина против Дмитриева в лирическом роде? Зачем унижать Крылова в басенном, ибо авторы живы и оба имеют свои достоинства; зачем нападки на *посредственность* и прочее и проч. Ясно, что мой биограф будет рассказывать об истинных анекдотах, и может их выбросить, если они лишние. Он огласит, что некоторые современники мои портили вкус и язык. И легко станется, что многие с ним согласятся, но верно не упомянет, что Херасков, фон-Визин, Богданович, Хемницер, Крылов, Державин, Сумароковы дядя и племянник были вралю. Я не потерплю, чтобы при жизни мой биограф давал мне преимущество над почтенными собратиями и преимущество для других обидное; на Ив.<ана> Ив.<ановича> пиитическую славу никто не нападал. Все журналы его огласили Лафонтеном, все превозносили и басни и песни и эпиграммы. Делали шесть изданий, которые разошлись. Еще — на что, говоря о нынешней красавице Москвы, упоминать, что нет в ней той свободы духа и веселости, коя были в молодость творца *Модной жены*, на что злоба и гонение на славянофилов.

Представляя выпискою на тетради в 20 листов дерзостную нелепость, присланную в общество для напечатания при жизни живого сочинителя не в недельных изданиях общества, а при сочинениях известного и, как выше сказано, живого автора; повторю кстати, что мой биограф совсем не в таком будет затруднении.

В моей биографии не говорится, чтобы я писал басни не только лучше Хемницера, или Дмитриева, или Крылова, но даже и Сумарокова; нигде и никому не осмелюсь назвать *карикатурным* баснописцем. То же самое и о первом томе нигде не мышло сказать, чтоб я был лучше Петрова, Державина и других. Это будет дело судей моих и потомства.

«За труд не требую и не чуждаюсь славы». Что же касается до анекдотов со мною, то они оставляются на волю издателей биографии. Однако безмолвие обо мне современников, не включение моих образцовых сочинений, утаение моего имеют, когда дело идет о лириках, или о баснописцах, или о переводчиках, может показаться потомству, что я от современных людей моих ничего более

не заслуживал, кроме невнимания как дюжинный стихотворец. А причина вполне ясная. Вражда за то, что я ополчался, любя всех, что и биография говорит, на испорченный вкус и неправильный язык. Любопытно Вам будет узнать, чем окончилась эта потеха к. <князя> Вяземского. Собрание состояло из 20 литераторов, большею частию известных, но все замолчали. Я попросил шаров, чтобы одобрить сочинение к напечатанию. Все, будучи приверженцы модного вкуса, не согласились и положили доставить сию тетрадь историографу, чтобы он посоветовал шурина оную исправить. Итак, собрание осталось 2 октября без журнала, т. е. что этого творения в оный включать нельзя, а privato положили показать Карамзину. Сие самое Вам засвидетельствует Василий Григорьевич Анастасевич».

«Секретный» листочек о заседании общества соревнователей 2 октября 1822 года гр. Д. И. Хвостов посылал не только В. М. Перевощикову. В письме к митрополиту Киевскому встречается упоминание об этом «особливом» листочке: «2 октября в самый день отправления моего письма к Вашему Высокопреосвященству, в котором я приносил Вам благодарность за принятие моей биографии, был я вечером в обществе Соревнователей, где я напал на чтение биографии моего искреннего приятеля Ив. Ив. Дмитриева. Прослушав оную, не могу утерпеть, чтобы не сообщить Вашему Высокопреосвященству того, что думаю, и прилагаю особый листочек собственно для Вас, который прошу никому не показывать, и более потому, что, как усмотрите, сие сочинение еще в обществе по обряду никакой жизни не прияло и читано было как будто privato».

Октябрь, 6. Пятница. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Остафьево пишет:

«С благодарностью возвращаю вам, любезнейший князь, *Монитор* и два экземпляра вашего портрета. Простите великодушно вину мою: полагая, что вы все четыре прислали мне в подарок, один из портретов подарил брату П. П. Бекетову, большому любителю ваших произведений; на другом, который хотел поставить в рамы, и теперь к вам посылаю, начав писать надпись, сделал ошибку, и потому назначил было его в мою коллекцию портретов, и заменил его третьим. Надеюсь, можно отрезать и наклеить его на белую бумагу. Если завтра состоится обед Василия Львовича <Пушкина>, то прошу вас уведомить меня сегодня, дабы я не дал слова другому. Между тем свидетельствует вам искреннее свое почтение преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 151–152 (№ 36).

Октябрь, 7. Суббота. Москва.

Дмитриев на обеде у В. Л. Пушкина.

СН. 1898. Кн. 2. С. 151.

Октябрь, 8. Воскресенье. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Я имел честь получить почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 21-го ч. минувшего Сентября. Получив позволение ваше доставлять к вам новые произведения наших стихотворцев, обреченные вечно оставаться в рукописях, препровождаю при сем две безделки: 1) Nonny soit qui mal у pense и 2) пародию одной старинной Русской песни. При сем прилагаю послание к знаменитому нашему драматургу Ганину, ответ его, несколько писем о ученых предметах графа Д. И. Хвостова и еще письмо одного графа, который столько же почти славится своим театром, сколько первый своими стихотворениями.

Если не скучно будет вашему высокопревосходительству читать пиесы сего рода, то я могу доставить вам много еще таких рукописей, которые напрасно только занимают у меня место.

Обязанностию почитаю сообщить вашему высокопревосходительству некоторые здешние литературные и ученые новости.

Два брата покойного Озерова продали вновь его творения двум нашим книгопродавцам: Глазунову и Заикину, и каждый из них хочет сделать особое великолепное издание с виньетами и гравированными картинками. Для Глазунова сочинил виньеты величайший артист наш малютка А. Н. Оленин.

Он же А. Н. Оленин, в последнем заседании Академии Художеств, предложил в почетные члены графа Д. А. Гурьева и графа В. Н. Кочубея. Вице-президент, бывшей издатель Сионскаго Вестника, А. Ф. Лабзин, спросил его, по какой именно причине предлагает он их в почетные члены. – Потому отвечал Оленин, что они любят художества и очень близки к Государю. – Позвольте же ваше пре[восходительст]во и мне предложить в почетные члены человека, который также любит художества и весьма близок к Государю? – Извольте, мы вам будем благодарны. – Имею честь предложить лейб-кучера Е. И. В. Илью Ивановича, сказал Лабзин. Хотели было, говорят записать это в журнал.

Первейшая наша актриса Семенова терпеть не может актера Каратыгина за то, что он учится у поэта Катенина, который, не умея, подобно прочим нашим учителям декламации, читать, обучает также и молодую Колосову. Стоило великого труда Толченову испросить у нашей гордой Мельпомены позволения играть в бенифис его (в трагедии Поликсене) Каратыгину роль Пирра. По окончании пиэсы, публика вызвала Семенову и Каратыгина. Семенова вышла, но не с Каратыгиным, а с Азаревичевою, игравшею роль Поликсены, которую публика и не требовала. Катенин осмелился сказать, что Азаревичевою *не надобно!* Графу М. А. Милорадовичу перетолковали, будто он сказал это о Семеновой, и граф запретил ему ездить в театр. – Граф теперь главный начальник здешнего театра; но он слушает во всем Майкова, Майков князя Шаховского, а Шаховской, актрису Ежову.

В последней книжке Журнала Департамента Министерства Народного Просвещения напечатана статья о *Вкусе*, написанная М. М. Сперанским. Я не читал этой статьи, а многие чрезвычайно ее хвалят. Однакоже редактору сделано от попечителя здешнего университета замечание, что сия пиэса не *согласна с духом министерства*. Редактор осмелился представить г. попечителю, что он не знает; в чем именно состоит дух М. Н. П. и просил по сему случаю инструкции, однакоже не получил еще никакого разрешения.

В прошедшую среду 4-го ч. сего Октября, издатель *Сына Отечества* давал у себя праздник в память *десятилетия* своего журнала. Гостей было слишком сто человек, и в том числе почти половина литераторов. Меня заставили описать сей интересный праздник. Я исписал уже целый лист стихами и прозою. Если выдет из этого что-нибудь сносное, то напечатаю в *Благонамеренном*.

Вот все наши литературные новости. Ах, виноват! Забыл самую интересную. Нынешним летом Крылов и еще несколько литераторов (не знаю уже кто именно) нанимали на общий счет дачу где-то близко Руки. Иногда бывали у них и чтения. Главою этого общества был Крылов, прозванный от членов Соловьем. Граф Д. И. <Хвостов>, *пронюхав* (с позволения сказать) это, написал стихи *Певцу-Соловью* и поехал с ними на дачу в то самое время, когда было там чтение. Не прежде пустили его в залу собрания, как он объявил желание быть членом и внес в качества, оного на общественные издержки 25 руб. Граф просил позволения прочесть оду свою *Певцу-Соловью*. Сколько строф или куплетов? спросили его – Двенадцать, отвечал он и начал читать. Только что окончил он первую строфу, как раздались рукоплескания. Он хотел начать вторую, но ему не дают читать и все аплодируют. Граф сконфузился: Один из членов объяснил ему, что когда при чтении аплодируют, то читающий должен, по уставу, купить бутылку шампанского и подчивать слушающих. Итак 20 строф стали его сия-[тельст]ву 200 или 300 р. – Я недавно о сем услышал, и при первом свидании с Крыловым спрошу его, так ли было дело?

Но я уже верно наскучил вашему высокопревосходительству своими новостями. Не мог удержаться, чтоб не написать несколько лишних строк о графе Д. И. <Хвостове>.

Извините, ваше высокопревосходительство, дурной почерк и дурной склад моего письма. В надежде на вашу снисходительность писал торопясь, прямо набело.

А. П. Бунина перед отъездом в Ревель написала мне для альбома пиесу под заглавием: *Темпераментология Анны Буниной* и требует напечатать ее в *Благонамеренном*. Исполню повеление... Совсем разучилась писать!».

Октябрь, 13. Остафьево.

Кн. Вяземский пишет в письме к А. И. Тургеневу в Петербург:

«...Я говорил Дмитриеву о напечатании надписи <«К портрету князя П. В. В-го»>; он согласен, но только без имени его. Что слышно о биографии Дмитриева? Во всяком случае попроси Гнедича не печатать ее, не снесясь со мною. Тут есть одно место, которое непременно нужно мне переделать».

ОА. Т. II. С. 276.

«К портрету князя П. А. В-го» («Кого не увлечет талант сего поэта...») было напечатано без подписи в «Новостях Литературы» (№ 14. С. 47).

Октябрь, 30–31 (Понедельник – Вторник). Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Наконец оставляем Царское Село, завтра, часу в первом, чтобы обедать у нашей любезной хозяйки в городе. Благодарим Бога за шесть месяцев, нами здесь проведенных, тихо и счастливо; благодарим и за сердечное удовольствие, которое мы имели здесь в свидании с тобою, хотя и кратковременном. Дочери наши нетерпеливо хотели переехать в город; но мы, я и Катерина Андр., жалеем по крайней мере о чистом Царкосельском воздухе: он, право, и зимою лучше Петербургского. Императрицы уже в Зимнем Дворце. На прошедшей неделе я ночевал в Гатчине и читал Императрице Марии Ф. главу об избрании Годунова в Цари, вместо главы из романа Вальтер-Скотова, и Гатчинское общество не дремало. Хорошо, если бы удалось еще с некоторою живостию дойти до конца, мною предполагаемого, чтобы высокоблагородное потомство, дочитав, могло сказать: *жаль!* Нарочно для тебя я велел перевести статью славного Немецкого Историка Герена о моей Истории и пришло тебе. – Являются ли охотники торговать дом твой? И мысль переехать сюда оставлена или не оставлена тобою? Признаюсь, мне не легко будет тронуться из Петербурга; но Сленин меня страшит: не платит денег; а доходом жить здесь не можем. Я хотел выдать 10-й том нынешнею зимою, но теперь раздумываю: лучше; кажется, дописать Историю Самозванца, и тогда выдать: следственно не прежде лета или осени. – Наталья Яковл. уже давно в городе. Прости, любезнейший друг!

31 Окт. Часа через два отправимся к нашим Петербургским Пенатам.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 339–340 (№ 299).

Ноябрь, 6. Понедельник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Спешу возратить вам, любезнейший князь Петр Андреевич, ваши бумаги с живейшею благодарностью за вашу ко мне доверенность. Я сделал, что только мог, а может быть, еще более, нежели сколько позволяла скромность светского человека. Относительно же существенности вашей пиесы, я безмолвен: ума и души вам не занимаю у другого...

И так, во имя Минервы, ступайте смело, молодой рыцарь, на поприще чести и славы. Пусть знают, что в наше время не все наши словесники были завистливы, расчетливы или малодушны, а более тупы.

Почитающий вас всею душою И. Дмитриев.

P.S. Карамзин предупредил мое желание: пишет, что он поручил перевести Герена, и обещает прислать перевод, не замешкав».

СН. 1898. Кн. 2. С. 152 (№ 37).

Ноябрь, 11. Суббота. Остафьево.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Я все доезжаю Дмитриева и, кажется, скоро доеду».

ОА. Т. II. С. 279.

Ноябрь, 11. Петербург.

Н. И. Тургенев записывает в дневник, что переводит «теперь рецензию Геерена на Ист.[орию] Карамзина».

Дневник Н. Тургенева. 1921. Т. III. С. 331.

Ноябрь, 18. Остафьево.

Кн. Вяземский спрашивает в письме А. И. Тургенева: «Получил ли мои стихи к Дмитриеву?».

ОА. Т. II. С. 280.

Ноябрь, до 19-го. Петербург.

Карамзин читает «новые стихи» Дмитриева («Апологи») и особо отмечает «Чужеземное растение», заканчивающееся стихом: «Я на чужбине».

Карамзин, 1866. С. 340 (№ 300).

Ноябрь, 19. Воскресенье. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Наконец мы в городе, и хотя почти удалены от большого света, однакожь делаем скучное дело: ездим с визитами. С каким живым удовольствием читал я новые стихи твои, хотя и не ко мне присланные! не много, да любезно. Предпочитаю версию с концом: *я на чужбине. Приятная* юдоль была бы еще для тебя приятнее, если бы ты не отвыкал от стихов, к удовольствию собственному и многих. Это выражение твоего письма, меня обрадовало: дай Бог тебе долго, долго любить жизнь, и в самой мастистой старости! Земной удел твой действительно щастлив: будь только здоров телом, здравствуя душею! и за тем нежно обнимаю тебя. — Ты советуешь мне издать скорее 10-й том: я сам не хотел бы откладывать; но лучше, кажется, выдать Историю Лжедмитрия уже полную: в царствование Годунова он только начинает действовать. Впрочем увижу, как пойдет.

Не могу решиться, любезнейший друг, писать в Верону о нашем почтенном Сергее Сергеевиче: в разговоре легко сказать, а писать не ловко, по моим отношениям к нашему *Благодетелю*. Россия может гордиться таким Сенатором, а человечество таким человеком: просьба моя не унижить ли его? Ты имел право представить достойного: я же могу только просить, и заставляю думать, что он сам ищет этого места. Серг. Сергеевич никогда и ничего не искал: скажет ли он мне спасибо, если дам об нем мысль ложную? Отдаюсь тебе на суд.

Лабзин отправился на житье в город нашей Губернии, в Сенгилей, а Катенин к себе в деревню. Читаю любопытную Англ. книгу о Наполеоне, издан. доктором Омирою: ежедневные разговоры его о главных актерах большой сцены, о революции, о будущей судьбе Европы, и проч. Много и вздору и лжи.

Любим и обнимаем тебя всем семейством. Володя помнит своего Царскосельского друга. Бог с тобою и с нами!

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 340–341 (№ 300).

Ноябрь, 18. Остафьево.

Кн. Вяземский спрашивает в письме А. И. Тургенева, получил ли он его стихи к Дмитриеву.

ОА. Т. II. С. 280.

Ноябрь, 24. Петербург.

А. И. Тургенев получает от кн. Вяземского стихотворение «К Дмитриеву».

ОА. Т. II. С. 282.

Ноябрь, 28. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев пишет к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Стихи твои: *К Дмитриеву* и *Без.[образовой]*, прелестны; также и *Первый снег*. Я послал его и *К Дмитриеву в Сын Отечества*».

ОА. Т. II. С. 282.

А. И. Тургенев под стихами «*К Дмитриеву*» разумеет стихотворение кн. Вяземского «Ивану Ивановичу Дмитриеву (В день его рождения)» («Иваны в списках Аполлона...»), напечатанное в «Сыне Отечества» (1822. Ч. 82. № 48. С. 82–83).

Ноябрь, 30. Четверг. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное А. Бируковым на выпуск «Полярной Звезды. Карманной книжки для любительниц и любителей русской словесности на 1823 год, изданной А. Бестужевым и К. Рылевым».

Декабрь, 1. Пятница. Петербург.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 1. Москва.

Дмитриев у И. П. Бекетова на дружеском обеде в честь дня рождения Н. М. Карамзина.

Карамзин, 1866. С. 341.

Декабрь, 7. Четверг. Остафьево.

Кн. Вяземский пишет в письме А. И. Тургеневу в Петербург:

«Что слышно о биографии Дмитриева? От Гнедича ни слова не слышу. Во всяком случае не отдавать в печать без согласия моего. Нужно кое-что исправить и пополнить».

ОА. Т. II. С. 286.

Декабрь, 9. Суббота. Москва.

В альбом Шимановской («Таланты все в родстве; источник их один...»).

Впервые: *Московский Телеграф*. 1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. Смесь. С. 120.

Декабрь, 10. Воскресенье. Остафьево.

Кн. Вяземский просит в письме А. И. Тургенева переписать и доставить ему биографию Дмитриева. В том же письме кн. Вяземский пишет:

«...Сейчас написал я к Жихареву выходку, достойную разглашения. Я говорю ему, жалуясь, что мне здесь пить в деревне не с кем; что ни к чему так верно, как к вину, не применяется Дмитриева стих:

Желаешь для себя, а ищешь разделить».

ОА. Т. II. С. 287–288.

Декабрь, 13. Среда. Остафьево.

Кн. Вяземский пишет А. И. Тургеневу в Петербург:

«...У меня альбом Шимановской для братии – русских поэтов. Вот что написал в нем Дмитриев:

Таланты все в родстве: источник их один;
Для них повсюду мир; нет ни войны, ни грани;
От Вислы до Невы, чрез гордый Аппенин,
Они взаимно шлют приязни братской дани».

ОА. Т. II. С. 289.

Декабрь, 14. Четверг. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за поздравление и за дружеский обед 1 Дек. у почтенного Ивана Петровича <Бекетова>: сделай одолжение, скажи ему, с какою чувствительностью принимаю этот знак его доброго воспоминания. Я распечатал письмо твое к Наталье Яковлевне, ошибкою надписанное на мое имя, и отдал ей. Не пропало ли одно из твоих писем ко мне? Один ли раз или два раза писал ты о нашем друге Сергее Сергеевиче <Кушникове>? Ты говоришь: Я предупредил ответ твой; но этого предупреждения не знаю. По крайней мере вижу, что наши мнения согласны. Сергей Сергеевич есть для меня Герой благородства душевного, и выше всех отличий, которые иметь может; не всем дано чувствовать его высокую цену. Говорю от души и сердца, искренно веря Богу и добродетели. О таких людях скажешь слово; а другого не хочется говорить, если первое осталось без действия.

Как я рад, что ты снова приветствуешь Муз, хотя и лаконически! Видишь, что рифмы по старому тебя слушаются и плавно текут в след за прекрасными мыслями. День не потерян, в которой напишется чтонибудь хорошее. Доброй Шишков убеждает меня завести вечера для чтения и бесед о Литтературе; но что читать, с кем и о чем беседовать? Могу представить ему только Блудова и Дашкова в надежде на его голубиное незлобие. Между тем положено быть торжественному Заседанию в Академии 27 или 28 Дек. Я намерен читать о Годунове, а К. Шаховской две сцены из своей новой Комедии, Аристофана; Жуковской некоторые места из Энеиды; Воейков что-то о Ломоносове в стихах. Между тем выступил на сцену, в Северном Архиве, мой новой неблагоприятель, какой-то ученый Поляк, начинающий свою глубокомысленную критику объявлением, что он ни в чем несогласен со мною, и что все мои мысли об искусстве Историческом ложны. Бог с ним и со всеми! Всего забавнее, что и Фадей Булгарин, издатель Северн. Архива, считает за должность бранить меня и перестал ко мне ездить. По крайней мере я делом Либералист: пусть говорят и пишут что хотят! – Государь написал из Вероны к жене моей очень любезное письмо в ответ на ее строки в моем письме к Нему, и говорит, что Он записал свои примечания на 10-й том моей Истории. Ожидают Его около половины Генваря.

Прости, любезнейший друг. Всем семейством обнимаем тебя нежно.

Навеки твой

Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 341–343 (№ 301).***Декабрь, 15. Петербург.**

А. И. Тургенев сообщает в письме кн. Вяземскому, что писал к Гречу о биографии Дмитриева.

*ОА. Т. II. С. 290.***Декабрь, 22. Петербург.**

Выходит в свет «Полярная Звезда. Карманная книжка для любителей и любителей русской словесности на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым».

Могиланский, 1956. С. 393.

Здесь напечатаны:

А. Бестужев. «Взгляд на старую и новую словесность в России» – С. 11–29.

Об И. И. Дмитриеве: «Рядом с ним <Г. Р. Державиным> возник Дмитриев и обратил на себя внимание всех. Игривым слогом, острою ума и чистотою отделки он снискал себе имя образцового поэта и заохотил русских к отечественному стихотворству. Милая разборчивая муза его, изъясняясь языком лучших обществ, нашла друзей даже в кругу светских женщин и своим влиянием на все сословия

принесла важную пользу словесности. Летучий рассказ его повестей пленителен, утонченность насмешек в сатирах примерна; равно как поэт и баснописец Дмитриев украсился венком Лафонтена и первый у нас создал легкий разговорный басенный. Оригинальный Переводчик с французского, он передал нашему плавкому языку всю заманчивость, всю игру, все виды первого...»

Кн. П. А. Вяземский. *«Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения»* («Я получил сей дар, наперсник Аполлона...» – С. 64–67).

А. Бестужев. *«Роман и Ольга. Старинная повесть»*. Гл. III (С. 115); эпиграф из Дмитриева:

«Они в ручной вступили бой,
Грудь с грудью и рука с рукой:
От вопля из дубравы воют –
Они стопами землю роют».

Декабрь, 24. Петербург.

«Русский Инвалид» (№ 304, 24 декабря) и «Сын Отечества» (1822. Ч. 82. № 48. С. 84–86; № 52. С. 286–287) сообщают о выходе в свет «Полярной Звезды... на 1823 год».

Декабрь, 26. Вторник. Остафьево.

Кн. Вяземский пишет А. И. Тургеневу в Петербург:

«Скажи Жуковскому, чтобы он уговорил издателей. Вот прекрасно! Я им уже три месяца, как послал биографию, а они мне и спасибо не сказали и не уведомили о получении; теперь хотят, чтобы я ее перековеркал, пустил бы кровь ей изо всех жил, и еще торопят меня. Я и не знаю, дам ли ее в том виде, в каком они иметь хотят, то-есть, в виде какого-то силуэта белым карандашом по белому листу. Во всяком случае мне нужно время для прочтения и прочее, а не то чорт с ними, – пускай меня и не дожидаются: я биографию здесь напечатаю особенно».

ОА. Т. II. С. 291–292.

Декабрь, 26. Вторник. Москва.

Вечером С. И. Тургенев приносит И. И. Дмитриеву напечатанную в «Северном Архиве» рецензию Геерена на «Историю» Карамзина, переведенную Н. И. Тургеневым.

ОА. Т. II. С. 291, письмо С. И. Тургенева к кн. Вяземскому в Остафьево: «...Перевод Гереновой статьи уже напечатан в Архиве. Я читал его сегодня в экземпляре, данном мне Чаадаевым. Вечеру понесу ее Ивану Ивановичу, а потом попрошу у Чаадаева позволения послать книжку к вам для прочтения». Письмо датировано: среда 26-е декабря. В 1822 г. 26 декабря приходилось на вторник.

Декабрь, 31. Воскресенье. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Остафьево пишет:

«Покорнейше благодарю вас, милостивый государь князь Петр Андреевич, за приятное уведомление. Между тем прошу вас пожаловать ко мне откушать четвертого числа. Не забуду пригласить и Платона Петровича <Бекетова>, Тургенева и Жихарева. Этот обед будет не из хвастовства, а для переговоров по части словесности, то и не намерен увеличивать нашей беседы. Северин получил аренду и ордена Лазаря и св. Маврикия, а Дашков оплакивает участь нашей литературы и предаёт проклятию Красовского. Наконец, приветствую вас с благополучным совершением года, поручаю себя старой приязни вашей в продолжении нового и сердечно желаю вам на всю жизнь вашу возможного благополучия».

СН. Кн. 2. С. 152–153 (№ 39).

<1822>. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Покорнейше прошу вас, любезный князь Петр Андреевич, одолжить меня дни на два второю частью писем Бенжамен-Констана *О стодневном правлении*. Уверяю в сохранности и скором возврате.

Между тем свидетельствуем вам свое почтение преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 152 (№ 38).

1822. Москва.

Два письма к К. Я. Булгакову.

Автограф: *РГБ ОР*. Ф. 41 (Булгаковы), К. 77, № 61.

1822. Петербург.

О. Е. Франк высылает первые тома «*Biographie des contemporains...*».

Вацуро, 1980. С. 450, со ссылкой на место хранения: *ИРЛИ*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 58 об.

1822. Москва.

Подражание 136-му Псалму («На чуждых берегах, где властвует тиран...»).

Впервые: *Северные Цветы на 1826 год*. С. 10.

1822.

«Новости Литературы» (Ч. 2. № 16. С. 48). Стихи Дмитриеву (кн. Шаликова на день рождения).

1822. Петербург.

В 24-м № «Северного Архива» напечатан перевод рецензии Геерена на нем. перевод «Истории» Карамзина. Авт. перевода: Н. И. Тургенев.

1822. Париж.

«*Revue encyclopédique*» (t. 13, pp. 323–350) напечатана рецензия (статья) Сегюра об «Истории» Карамзина, носящая скорее политический характер, чем критический: «...С помощью силы, может быть, слишком опасной, начала Россия перетягивать европейские весы на свою сторону».

Корбе Ш. Из истории ...344.

1822. Петербург.

Н. И. Тургенев в письме к Ф. В. Булгарину протестует против его намерения «сделать некоторые замечания» на рецензию Геерена на нем. перевод «Истории Государства Российскаго» Карамзина (переведенную Н. И. Тургеневым):

«Всякий может думать о Карамзине как хочет; но я ни в коем случае не хочу быть поводом какой-либо против него критики...».

Арх. братьев Тургеневых. 1821. Вып. III. С. 398.

1822. Петербург.

«Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Изд. 2-е, исправленное, умноженное...» (1822. СПб. Ч. 3–6). В этой части помещен портрет И. И. Дмитриева (Л. 1; рис. Е. Эстеррейха, грав. И. Ческий).

Здесь напечатаны сочинения И. И. Дмитриева (по частям в разделах):

Ч. 3. (Ценз. разр. 30 июля 1821 г.; цензор: И. Тимковский).

Баллады:

«*Старинная любовь*» (С. 20–22).

Сказки:

«*Воздушныя Башни*» (С. 126–131); «*Причудница*» (С. 150–162);

Басни:

«*Дуб и Трость*» (С. 171–172); «*Воспитание Льва*» (С. 178–182); «*Старик и Трое Молодых*» (С. 186–187); «*Ласточка и Птицы*» (С. 188–189); «*Молчание Соловья*» (С. 192); «*Мышь, удалившаяся от света*» (С. 196–198); «*Жаворонок с детьми и Земледелец*» (С. 200–202); «*Пустынник и Фортуна*» (С. 208–209); «*Прохожий*» (С. 211); «*Лиса-Провидица*» (С. 221); «*Разбитая Скрыпка*» (С. 223); «*Амур, Гимен и Смерть*» (С. 227); «*Царь и два Пастуха*» (С. 230–232); «*Рысь и Крот*» (С. 233–234); «*Чижик и Зяблица*» (С. 234–236); «*Слепец и Разслабленный*» (С. 241–242); «*Сверчки*» (С. 247–248); «*Искатели Фортуны*» (С. 255–258); «*Дон-Кихот*» (С. 273–275); «*Орел и Змия*» (С. 279); «*Кот, Ласточка и Кролик*» (С. 284–286); «*Смерть и Умиравший*» (С. 289–290); «*Два Голубя*» (С. 293–296).

Ч. 4. (Ценз. разр. 30 июля 1821 г.; цензор: И. Тимковский).

Оды, Послания, Сатиры...

«*Чужой Толк*» (С. 33–38); «*К Н. М. Карамзину*» (С. 44–46); «*Людмила*» (С. 75–77); «*К ****» (С. 206–208).

Ч. 5. (Ценз. разр. 30 сентября 1821 г.; цензор И. Тимковский).

Послания, Сатиры, Элегии, Идиллии, Дидактические и Описательныя Стихотворения.

«*К друзьям моим...*» («*В Москве ль я наконец?..*») (С. 9–11); «*Тибуллова элегия*» («*Пускай кто многими землями обладает...*») (С. 24–27); «*К Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его...*» (С. 97–99).

Смесь

«*Горлица и Прохожий*» (С. 145); «*Покой и Слава*» (С. 153); «*Загадка*» (С. 173–174); Эпиграммы. 1. «*Завидна, я сказал, Терситова судьбина...*» (С. 174); 2. «*Я разорился от воров!..*» (174); 3. «*О Бардус...*» (С. 175); 4. «*Поэт Оргон...*» (С. 175); 5. «*Что легче перышка...*» – С. 175; «*Мадригал*. «*Задумчива ли ты...*» (С. 189–190); «*Эпитафии*. «*Бригадиру*» (С. 191); «*Воину*» (С. 192); «*Надгробия*. 1. И. Ф. Богдановичу, автору Душеньки (С. 209); 2. Ф. – М. – Д. (С. 209); 3. «*В. – А. – В.*» (С. 209).

Ч. 6. (Ценз. разр. 30 сентября 1821 г.; цензор И. Тимковский).

Смесь

«*Амур и Дружба*» (С. 54); «*История Любви*» (С. 108–109); «*Эпитафия Младенцу*» (С. 109); «*К портрету Б.*» (С. 111); 13. «*Мне лекарь говорил...*» (С. 114); 14. «*Подзобок на груди...*» (С. 114–115); «*Отъезд*» (С. 128–130); «*Надписи к Портретам*. 1. «*Глядите, вот Ефрем...*»; 2. «*И это человек?..*» (С. 134); «*Супружняя молитва*» (С. 154); «*Триссотин и Вадюс...*» (С. 183–187).

Все публикации подписаны: Дмитриев.

В «Дмитриев, 1967» (С. 401–402) в рубрике «Приписываемое» напечатано пять эпиграмм: 1. «Вредняк злословит всех...»; 2. «На Клита, верно б, я сатиру сочинил...»; 3. «Какое сходство Клит с календарем имеет...»; 4. «Однажды Скрягин видел сон...»; 5. «Вельможа Ротозей во дни свои счастливы...», датированные условно 1822 годом. В комментарии к этим эпиграммам автор подготовки текста и примечаний Г. П. Макогоненко (С. 470) со ссылкой на «Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Изд. 2-е, исправленное, умноженное...» (1822. СПб. Ч. 6. С. 112, под № 3, 4, 5, 6, 11) пишет: «... Напечатаны без подписи и приписываются Дмитриеву М. Н. Лонгиновым (РА. 1863, № 8–9, с. 711)». Это утверждение ошибочно.

Из пяти опубликованных Г. П. Макогоненко эпиграмм четыре (1, 2, 3, 4) принадлежат Панкратию Сумарокову (см.: Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб., 1832. С. 126: «Вредняк злословит всех...»; «На Клита, верно б, я сатиру сочинил...»; «Какое сходство Клит с календарем имеет...»; С. 132: «Однажды Скрягин видел сон...»). Эпиграмма «Вельможа Ротозей во дни свои счастливы...» была напечатана еще в 1811 г. в «Собрании русских Стихотворений...» за подписью «Аржевитинов» (М., 1811. Ч. 5. С. 219).

В «Собрании Образцовых русских Сочинений...» (Ч. 6. С. 111–114) напечатано четырнадцать эпиграмм (№ 1–14). Под № 1–8 напечатаны эпиграммы П. Сумарокова. Вслед за сумароковскими

эпиграммами напечатаны пять эпиграмм (№ 9–14): 9. «Один приятель мне сказал...» – С. 113; 10. «За Евридикою и в Ад Орфей сходил...» – С. 113–114; 11. «Вельможа Ротозей во дни свои счастливы...»; 12. «Не правду говорят, что будто злой жены...»; 13. «Мне лекарь говорил...» – С. 114; 14. «Подзобок на груди...» – С. 114–115. Под всеми пятью эпиграммами общая подпись: Дмитриев. Но И. И. Дмитриеву принадлежат только две эпиграммы: «Мне лекарь говорил...» и «Подзобок на груди...».

Указанная Г. П. Макогоненко датировка этих эпиграмм также ошибочна. Весь блок эпиграмм (№ 1–14) был напечатан еще в 1817 г. в первом издании «Собрания Образцовых русских Сочинений...» (1817. Ч. 6. С. 123–127).

Ссылка на свидетельство М. Лонгинова (РА. 1863. № 8–9. Стб. 711) вводит читателя в заблуждение. Лонгинов пишет о трех эпиграммах Дмитриева, напечатанных без подписи в 1783 г. в «Собеседнике Любителей Российского Слова» (Ч. 4. С. 110).

1822 – 1824. Петербург.

И. И. Дмитриев читает в «Северном Архиве» пространную статью Иоахима Лелевеля «Разсмотрение “Истории Государства Российского” г. Карамзина».

1822. № 4. С. 408–434.

1823. № 4. С. 52–80; С. 147–160; С. 287–297.

1824. № 9. С. 41–57; С. 91–103; С. 163–172; № 11. С. 132–143; С. 187–195; № 12. С. 47–53.

1822 – Апрель, 1824. Петербург.

Выходят 6 тетрадей литографических портретов под названием: «Современники, Собрание литографических портретов, государственных чиновников, писателей и художников, ныне в России живущих...». В тетради 4-й помещены портреты: А. Н. Голицына, И. И. Дмитриева, А. С. Шишкова, Р. И. Ребиндера, Ф. И. Круга.

Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 1661.

1823

Январь, 1. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Сердечно поздравляем тебя всем семейством с Новым годом: дай Бог тебе всего, что может назваться истинным счастьем в здешнем свете: здоровья, спокойствия и довольствия, если не богатства. В прибавок желаю, чтобы ты написал нам еще несколько сот прекрасных стихов, а между тем прислал написанные: сделай одолжение, пришли, или я в состоянии рассердиться. Не считай меня уже мертвым для стихов: если не пишу, то еще читаю с удовольствием хорошие, особенно дружеские. Прошу, требую неотступно. – Один К.[нязь] Оболенской приехал; ждем другого, чтобы еще более поговорить с ним о тебе. – Мы встретили Новый год у нашей любезной хозяйки. Я съездил поздравить Императриц и до обеда успел еще написать строк десять о Самозванце. У нас не очень здорова Катюша: простудилась. – При Дворе ничего не было. Ждут Государя к 18. – Что случилось с нашим А. Д. Балашевым? Разумею историю его с Граф. Разумовским, у которого он занял 300 т. и не хочет платить, с досады, что Ланская ему самому не платит. Публика страшно вооружена против него. Жаль! – С Д. В. Дашковым вижусь редко: он занят делами и воображает себя нездоровым. Доселе наши верные Тургенев, Блудов, Жуковской. – Я стареюсь не на шутку, и еще более душею, нежели телом: то есть, в чувстве к свету. – На днях решили в Общ. Собрании Сената дело одного бедного Дворянина с Казною, и Баранов говорил в его пользу: это переменяет мои об нем мысли. Слава Правосудию Сената! Прости, любезнейший, как ты говоришь, до свидания! Все мы, муж, жена, дети, обнимаем тебя с нежностью!

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 343–344 (№ 302).

Январь, 1. Петербург.

А. Е. Измайлов отправляет Дмитриеву в Москву 1-й номер (Ч. 21) «Благонамеренного» и письмо:

«Имею честь поздравить ваше высокопревосходительство с наступившим новым годом. Молю Аполлона, да ниспошлет достойному любимцу своему, до которого не чувствовали еще мы всей сладости нашей поэзии, столько же благ, сколько написал он прелестных стихов.

Препровождаю, при сем к вашему высокопревосходительству первую книжку *Благонамеренного* на нынешний 1823 год. В ней все статьи оригинальны: нет ни одного перевода, но нет также ни разбора басен, ни известий о новых книгах, даже о Полярной Звезде, о которой так много здесь говорят и в которой так много хорошего и дурного. Но всего хуже, по моему мнению, тут *Взгляд на Русскую Словесность*. Какое пристрастие и неосновательность в суждениях о новейших наших писателях! И каким шутовским языком все это написано под руководством временных заседателей нашего Парнасса!

Мне хочется хорошенько разобрать эту пиесу, хочется заняться разбором всех вообще басен лучших наших фабулистов, которых, так как и Лафонтена, читал прежде почти ежедневно, но – *on fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut*.

Приношу вашему высокопревосходительству мою благодарность за совет относительно анекдотов о наших писателях. Давно уже собираю я все вообще русские анекдоты; но анекдотов о русских литераторах к сожалению, у меня очень еще мало, по крайней мере таких, которые позволяют напечатать».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 975–976.

Январь, 1. Москва.

Письмо к Д. В. Дашкову в Петербург (не обнаружено).

РА. 1868. № 4–5. Стб. 598.

Январь, 2. Петербург.

А. И. Тургенев в письме кн. Вяземскому сообщает о затруднениях в цензуре статьи кн. Вяземского о Дмитриеве:

«Я могу прислать исчерканную Кр.[асовским] твою рукопись. Впрочем, вымано все от: “И вот что в моем мнении дает мне право” – до: “После сего длинного... предисловия приступлю к делу” – включительно; потом – еще несколько слов и выражений <...> О Дм.[итриеве] сказал Жуковскому и Гречу скажу».

ОА. Т. II. С. 293–294.

Январь, 3. Среда. Москва.

По прочтении письма А. Е. Измайлова от 1-го января Дмитриев просит в письме О. Е. Франка прислать ему «вновь вышедший русский альманах под именем Полярной звезды <на 1823 г.>...».

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 59–59 об.* (1-я, старая, пагинация). Впервые: *Вацуро, 1980* (С. 450 (фрагмент), со ссылкой на новую пагинацию: Л. 65).

Январь, 4. Четверг. Москва.

Кн. Вяземский в письме к Жуковскому пишет: «...Дмитриева моего переписывают. Доставлю вам список и соглашаюсь на большую часть требований издателей».

Батюшков, 1885–1887. Т. I. С. 320 (первой пагинации).

Январь, 9. Москва.

Ценз. разр., выданное И. Снегиревым на выход в свет альманаха «Новые Аониды. На 1823 год» (М., тип. А. Семена. 1823).

В б-ке МГУ хранится экз. из библиотеки И. И. Дмитриева с дарственной надписью: «От Общества любителей изящной словесности» (см.: *Боленко, 2004. С. 359*).

Январь, 10. Среда. Москва.

Дмитриев в письме к А. Ф. Воейкову в Петербург пишет:

Милостивый государь мой Александр Федорович.

На сих днях имел я удовольствие получить за весь минувший год прибавления к Инвалиду без письма, в пакете за печатью департамента Министерства народного просвещения. Вспомня, что я таким же скромным образом получал от вас последнего издания образцовые сочинения, не сомневаюсь, что и теперь вам же подарком сим обязан, почему, и спешу принести вам чувствительную благодарность мою за столь милые доказательства вашей ко мне приязни. Искренно желал бы, чтоб Феб хотя на минуту осиял меня в старости лет моих, дабы я мог отплатить вам посильным моим добром: но закон природы велит мне оставаться при одном только желании. По край<ней> мере могу вас уверить в отличном почтении, с которым навсегда к вам пребуду, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 422–423.

Январь, 11. Москва.

Письмо к А. Е. Измайлову.

РА. 1871. № 7–8. Стб. 976. См. «1823. Январь, 15».

Январь, 13. Москва.

Пожар во время бала у кн. Д. В. Голицына в генерал-губернаторском доме (на Тверской площади).

Карамзин. 1866. С. 344.

Январь, 14. Петербург.

Выступление Карамзина в заседании Российской Академии. Ему и И. А. Крылову поднесены золотые медали.

На этом же торжественном собрании Академии И. И. Дмитриеву присуждена большая золотая медаль.

Присутствовавший на торжественном собрании Н. И. Тургенев записывает в дневник: «14 января. Сегодня было заседание в Академии. В чтении Карамзина мне не понравился *der dominirende Geist* <доминирующий дух>; эти слезы, эта тоска народа при смерти Федора Ивановича и при просьбах к Годунову о принятии престола. *Cela fait pitié* — или *quelle pitié que tout cela!* как сказал некогда Шатобриан, очень к стати» (*Дневник Н. Тургенева*. С. 339).

О собрании Российской Академии 14 января сообщал в письме от 23 января кн. А. И. Одоевский двоюродному брату кн. В. Ф. Одоевскому: «...В Петербурге было торжественное собрание в Российской Академии. Карамзин читал отрывки из 10-го тома своей Истории и мастерски описал характер Годунова — его происки, его властолюбие: изображение, может быть, красноречивейшее во всей нашей словесности. Потом Гнедич *прокричал* экзаметры Жуковского и свинцовые александрийские стихи Воейкова; Шаховской *пропел* две сцены из своей комедии — Аристофан, а мой наставник, секретарь Академии, Соколов прочел перевод из Ливия...» (*РС*. 1904. Февраль. С. 375). См. также письмо Л. А. Крылова к брату И. А. Крылову от 3 февраля 1823 г.: «...Я вчера начал в Инвалиде, что истекшего января 14-го было в Академии большое собрание и с неизреченною радостью увидел, что тебе и г. Карамзину за отличные ваши сочинения все единодушно согласились поднести золотые медали...» (*РА*. 1868. С. 259).

Январь, 15. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Сию минуту имел я честь получить почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 11-го ч. сего Генваря и спешу отвечать на оное. Приношу вам чувствительнейшую мою благодарность за все ваши советы и наставления относительно *Благонамереннаго*; постараясь воспользоваться ими и надеюсь, если только более буду иметь досуга, сделать журнал мой занимательнее прежнего. У меня отнимает много времени *стирка чужого белья*, или поправка прозаических переводов, а иногда и сочинений; но последние все как-то легче поправлять. Слава Богу на первый случай имею довольно материалов, и добрые люди обещались помочь мне.

Препровождаю при сем последние нумера за прошедший год. В этих книжках, или, лучше сказать, в этой книжке, составленной и печатанной во время святок, — самые сухие пиэсы. Есть за что читателям побранить издателя.

Вчера был я в торжественном собрании Российской Академии. Заседание открылось чтением записки о занятиях Академии в последние два года. Потом почтеннейший историограф нам прочитал два весьма любопытные отрывка из X тома своей истории: 1) О убиении царевича Димитрия и 2) О избрании на царство Бориса Годунова. После него читал Гнедич перевод Жуковского из Энеиды российскими гекзаметрами (Взятие и сожжение Трои). До сих пор шло все очень хорошо; но как начал *Петрушка Соколов* (так называют его все старинные, сугубые сочлены) читать перевод свой из Тита Ливия о спасении Капитолия гусями и Камиллом, то невозможно почти было слушать — так он несносно переводит и читает! дочитав до гусей, взглянул он и показал рукою на Крылова. Крылов улыбнулся, улыбнулся А. Н. Оленин и сам важный Гнедич. Наконец князь Шаховской прочел две сцены из какой-то Аристофановой комедии. Сколько можно было расслышать, то стихи его очень хороши, по крайней мере плавны. В заключение вышереченный секретарь Петрушка Соколов объявил громогласно, что Академия единогласно определила наградить его высокопревосходительство Ивана Ивановича Дмитриева и его высокоблагородие Ивана Андреевича Крылова большими золотыми медалями. Раздались в зал рукоплескания.

— Миленькой, — сказал мне при выходе П. П. Свинын — нам с вами работа! — Весьма приятная, — отвечал я.

Сегодня будет тоже торжественное собрание в Минералогическом Обществе. Граф Д. И. Хвостов будет читать свою поэму или послание к вице-адмиралу Сарычеву, не упомяну заглавия пиэсы, хотя имею уже печатный экземпляр. Г-жа Сарычева сказывала мне, что когда граф читал у них в доме свое послание, то как нарочно у всех разболелась голова.

Я думал, что он рассердится на меня за сказку: *Встреча двух подруг*. Ничего не бывало – так же ласков, как и прежде.

Начинается брань у *Рускаго Инвалида* с *Сыном Отечества*, и кажется будет продолжительная.

Вследствие Сатиристической Газеты № 1, приезжал ко мне какой-то семинарист предлагать услуги свои и знания в грамматике и риторике. Жаль только, что приезжал без меня.

Вот все наши литературные новости! Извините, ваше высокопревосходительство, что на сей раз не могу служить оными боле.

Р. С. В Российской Академии были и дамы. Я видел супругу г. председателя в дверях залы, и если не ошибаюсь, то и семейство почтеннейшего нашего историографа, у которого, к стыду моему, ни однажды еще не был».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 976–978.

Январь, не позже 19. Петербург.

Карамзин получает от Дмитриева текст стихотворения *Подражание 136-му псалму* («На чуждых берегах, где властвует тиран...»).

См.: «1826. Апрель, не позже 17-го».

Январь, 19. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Вчера у Императрицы узнали мы о Московском пожаре, и беспокоимся о Московских друзьях: не был ли ты на этом бале несчастном? и не простудился ли? С нетерпением ждем известия. Жаль и казенного убытка: надобно будет издержать по крайней мере миллион; а казна не жирна от худых годов.

Сердечно благодарю за стихи, право милые, не только для меня, но и для всех знатоков. Тургенев отнимал и даже крал их у меня, чтобы читать своим многочисленным друзьям: я обещал дать ему список. Предлагаю тебе перемены: вместо *мерлоги* поставь *берлогу*; вместо *среди грозных вод пучины* не лучше ли *среди грозных пучины?* и не льзя ли переменить *пламень* вместо *гроба* в песни Иудеев? Остальное все не подвержено критике и достойно классического Поэта. Сделай милость, продолжай: кто так пишет, тому грех не писать, и для языка и для чувства. Пиши только не хворой, а здоровой. Хорошо будет тебе и нам – и потомству, которое на первой случай будет жить нашими крохами.

Обозрение Русской Литературы написано как бы на смех, хотя Автор и не без таланта, кажется. На сих днях было блестящее собрание в Рос. Академии: читали кое-что, а я о Димитрии и Годунове. 2 Сцены Шаховского очень изрядны; а перевод Жуковского из Виргилия мне полюбился своею живостию. За то доброй Соколов душил публику своим Ливием и гусьями Капитолия за новость! Говорят, что Граф Аракчеев плакал; по крайней мере многие плакали, но не от гусей. – Обнимаем тебя нежно, муж, жена и дети. Будь здоров совершенно.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 344–345 (№ 303).

Январь, 19. Петербург.

Карамзин в письме к Вяземским в Москву пишет:

«...Пишу Ивану Ивановичу о собрании академическом. Дашков не пускал туда Блудова, как в чумное место: он уже и меня считает в моровой язве. Но более всего жаль, что мы не видим его: он стал государственный муж и занят делами. И здесь коммерция плоха: нет денег, старайтесь же копить их. Любезные стихи Ивана Ивановича всем полюбились, кому я читал их. Докучайте ему, чтобы он не переставал писать.

Государя ожидают завтра; а мы ожидаем всякий день князя А. П. Оболенского».

СН. 1897. Кн. 1. С. 138 (№ 114).

Январь, 22. Петербург.

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

До сих пор я не успел еще принести вашему высокопревосходительству почтеннейшей моей благодарности за письмо ваше от 1 сего января, да и теперь через силу исполняю долг сей. Вместо обыкновенных моих желчных болезней необыкновенный нынешний холод навязал мне новую – зубную. Боль нестерпимая и не уступающая доселе никаким выдумкам моего Эскулапа. С большою радостью принес бы я петуха в жертву тому, кто бы меня избавил от сей не опасной, но мучительной болезни.

Хотя сыны Аполлона и пророки, но я не смею принять за пророчество слова ваши в последнем письме: да облобызаются и Турок с Греком и Ценсор с Автором. Не знаем, удалось ли Веронскому конгрессу уладить дела Левантские, а Ценсоры с бедными Авторами суровее, нежели когданибудь. Одна от них бывает поживка, а именно, когда Бируков поссорится с товарищем своим Красовским, тогда он пропускает на зло между дозволенным иногда и сомнительное. Но у Красовского всякая вина виновата: самому Агамемнону в Илиаде запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него за муж девою; и если какойнибудь рифмач заговорит в восторге *о чуждой земле и чуждом небе*, рассудительный Ценсор тотчас остановит его, напомнив, что небо одно и земля одна. Таких анекдотов много. Право, и в новый год не лъзя не сердиться; счастливы те, кои могут смеяться.

Вяземской спрашивает меня: есть ли надежда нам с ним скоро увидаться? Позвольте отвечать ему в вашем письме, что тут нет ничего невозможного, если только моя миссия останется еще на долго на инвалидном положении. Изобильное жалованье и совершенная независимость моей настоящей должности не заменяют в глазах моих ее ничтожества. Мне бы хотелось служить, а не тунеядствовать; когда же уверюсь, что мне пока суждено наслаждаться блаженною праздностию, то конечно решусь лучше наслаждаться ею в деревне с матушкою, или в Москве с сестрою и с вами. Тогда буду лично иметь честь благодарить вас за милости к моему племяннику и покорнейше просить о продолжении оных. Благоразумные советы ему необходимы; настоящая эпоха жизни его самая критическая для молодого человека».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 598–599.

Январь, до 25. Москва.

Получает из Петербурга от издателей «Полярную звезду на 1823 год»

Январь, 25. Четверг. Москва.

Дмитриев в письме к О. Е. Франку в Петербург сообщает, что присланную им «русскую книгу <Полярную звезду>» он уже получил от издателей.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 60* (1-я, старая, пагинация). Впервые: *Вацуро*. 1980 (С. 450 (фрагмент)).

Январь, 30. Вторник. Москва.

Письмо к А. С. Шишкову в Петербург:

«Милостивый государь Александр Семенович.

Спешу изъявить вашему превосходительству чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и участие, приемлемое вами, по случаю присужденной мне медали от Императорской Российской Академии. Сколько вы не скромны, но от меня не скрылось, что вы изволили брать еще большее в том участие: еще в минувшем году доходили, к удовольствию моему, слухи о ваших лестных для меня отзывах, по поводу ходатайства некоторых о награде большою медалью одного из сочленов. Подвиг сей тем более оказывает ваше беспристрастие, что с моей стороны не было ни малейшего искания, и тем более обязывает меня чувствовать всю его цену.

Примите, милостивый государь, равномерно покорнейшую мою просьбу о продолжении вашего ко мне благорасположения, во многих отношениях весьма для меня лестного, и искреннее уверение в душевном почтении и преданности, с которыми имею честь к вам пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев».

Шишков, 1870. Т. 2. С. 360–351; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 283.

Февраль, 2. Пятница. Остафьево.

Кн. Вяземский сообщает в письме А. И. Тургеневу:

«Дмитриевскую рукопись начнут списывать с первой недели. Я и так переправленную пришлю опять к вам для доставления Обществу. Или цензура все пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу ее с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства...».

ОА. Т. II. С. 298.

Февраль, 5. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Тебе могло показаться странно, что не я известил тебя о большой медали. Это было следствием нашего *заговора*: Академия хотела *первая* уведомить чтимого о почести; но едва ли Тургенев не предупредил Секретаря. Плеск публики одобрил дело нашей смиренной Академии. Я жалел, что тебя тут не было. Не ранее, но еще усерднее других поздравляю милого друга – *sans phrase*.

На другой день Государева прибытия я имел счастье видеть Его в кабинете, а потом еще раза два мельком. Он милостлив, как и прежде, и, слава Богу! здоров; немножко похудел; но свеж и бодр. Блестящая Публика видела Его уже на двух балах у Императрицы; но вчера был последний.

Любезная Наталья Яковлевна почти совсем здорова, а не хочет до весны выезжать и к друзьям: только прогуливается в карете. Следственно вижусь с нею не часто. С летами усиливается во мне неподвижность, за которую плачу дорого: и хорошие люди холодеют к домоседу. Даже и с любезным К.[нязем] А. П. Оболенским редко вижусь: он скачет из дому в дом, а мы на месте. Мы провели с ним только три вечера: два во дворце на бале, а третий у нас. На вчерашнем бале видел я и А. Д. Балашева: признаюсь, что дело его с Разумовским взволновало мою душу: он конечно заплатит; но для чего же сказал и написал, что не хочет платить? Вчера он представлялся. Буде есть общее мнение в Петербурге, то оно весьма не благоприятствует Генерал-Губернатору пяти Губерний. Жаль и досадно!.

Нежно обнимаем тебя: муж, жена, дети. Будь здоров и спокоен, любезнейший друг наш. Берем искреннейшее участие в горестной судьбе твоего любезного племянника-поэта.

Навеки твой

Н. Карамзин.

В. Фитингоф без языка от удара».

Карамзин, 1866. С. 345–346 (№ 304).

Февраль, 6. Кишинев.

Пушкин в письме к кн. Вяземскому пишет:

«... Читал я твои стихи в П.[олярной] Звезде; все прелесть – да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею. <...> Дядя прислал мне свои стихотворения – я было хотел написать об них, кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту...».

Акад., XIII, № 49.

Февраль, 11. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Портрет Гёте, обещанный мною вашему превосходительству, давно лежал в моем портфеле, но я боялся вверять его почте, дабы не прислать вам великого Германского поэта в *измятом состоянии*. Теперь нашелся случай отправить его в дорогу, не подвергая опасности. Принося вашему высокопревосходительству этот подарок, я некоторым образом плачу долг благодарности: ваши стихи *Размышление по случаю грома*, переведенные из Гёте, были первые выученные мною наизусть в русском классе, и первые же мною написанные стихи (без соблюдения стоп) были их подражанием. И так мне прилично подарить вас портретом Гёте. Вы мой учитель в поэзии. Не назову себя вашим достойным учеником, но имею право благодарить вас за то, что вы способствовали мне познакомиться с живыми наслаждениями поэзии, в которых и высокая цель и главная награда поэта. — Я видел Гёте и могу поручиться вам за совершенное сходство портрета с оригиналом <Жуковский встречался с Гёте в 1821 г.>. Пользуюсь сим случаем, чтоб принести вам благодарность за удовольствие, с каким я читал последние ваши стихи. Все четверостишные басни прекрасны, некоторые из них совершенны; это новый род и прелестный! Вам бы легко сказать себе: *что день, то четверостишная басня!* Легко бы и исполнить сказанное, и наконец неприметно составилось бы собрание, единственное в своем роде. — Еще повторю свой старый припев: *Записки! Записки!* Для них очинено перо ваше, острое и живописное! Возьмитесь за него, и вы подарите нас драгоценностью, сами же будете только наслаждаться воспоминанием.

Скажу вашему высокопревосходительству несколько слов о себе: я принялся за новое издание старого; надеюсь, что будет хорошее. Между тем грожусь на Энеиду: вторая песнь кончена; мало по малу переведу всю. Трудиться над переводом классика наслаждение необыкновенное. Остальное все одни планы: вы знаете, что я богат планами! Помолите Феба, чтобы послал мне и исполнение. — О здешних новостях литературных, политических и всяких не пишу ничего: все новое доходит до меня старым. Надеюсь, что Тургенев <Александр Иванович> не перестает снабжать вас известиями о здешнем. Самая последняя новость есть приезд нашего канцлера: я был у него и нахожу, что с виду он кажется здоровее, но глухота его усилилась. И граф Сергей Петрович здесь. —

Я должен кончить; спешу отправлять письмо. Прося ваше высокопревосходительство сохранить мне мое старинное место в вашей памяти и повторяя уверение в искренней моей к вам привязанности, честь имею быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Жуковский».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1633—1634; перепеч.: Жуковский, 1878. Т. 6. С. 430—431.

Февраль, 15. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству III-ю книжку *Благонамеренного*, в которой есть статья и о амплификации <Ч. 21. № 3. «О амплификации». С. 220—227; подпись: И [Измайлов]>. Эту статью цензор обрезал так, что ничего кроме выписок не осталось. У меня между прочем сказано было в заключении: “Непростительно записному литератору не знать значения известного риторического термина; непростительнее спорить о сем с людьми, которые несравненно сведущее его в теории словесности; а торжественно обвинять их в заблуждении и показывать свое невежество — во сто раз еще непростительнее”. Все это и еще некоторые, подобные сему истины, *закрещены* смелую рукою осторожного цензора, потому что *изъяяснитель пустословия a posteriori* находится под высоким покровительством попечителя М.[осковского] У.[ниверситета].

Еще могу служить вашему высокопревосходительству новым анекдотом о графе Д.[митрии] И.[вановиче] Х.[востове]. *Польский литератор, становящийся в ряд русских светских писателей*, издатель *Северного Архива*, Фаддей Булгарин просил его Сиятельство замолвить слово о его деле какому-то сенатору. Граф исполнил это и сказал Булгарину, что он рад все для него сделать. Сделайте милость,

прибавил он, не церемоньтесь со мною. Если пришлют к вам какие-нибудь на меня критики, – печатайте; я не буду в претензии. Булгарин приезжает домой, и ему подают панигирик гр. Хвостову с собственноручными его поправками».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 978–979.

Февраль, 18. Воскресенье. Петербург.

Карамзин «в шесть часов после обеда» посещает имп. Александра I.

Февраль, 18. Москва.

Дмитриев в письме к Жуковскому в Петербург пишет:

«Не знаю, чему я более обрадовался, любезнейший Василий Андреевич, портрету ли Гёте, или вашему письму, так давно не получая от вас ни строчки; но искренно уверяю вас, что и портрет и письмо подарили меня прекрасным днем, и я спешу принести вам за них благодарность мою от всего сердца: – теперь кстати повторить Вам то же чувство и за ваши гравюры видов Павловска. Они, право, для меня драгоценны, и как приятный отдых таланта, и как залог давней нашей дружбы. Желательно, чтоб вы не поленились выгравировать и виды вашего альбома.

Напрасно, милый поэт, хотите оживить самолюбие в старике, который, право, и в лучшую пору жизни не много думал о своей поэзии. Может быть, я имел некоторый успех в механизме стиха, в живости рассказа; может быть, пользовался в свое время некоторым преимуществом пред водяными стихотворцами, но истинно и тогда был недоволен собою, чувствуя сам скудость в глубоких идеях, чувствах и воображении.

Не искушайте же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и легко наслаждаться. Пускай неугомонный Х.[востов] гуляет на своем пароходе по ледовитому океану и коптит Аполлона.

Что же касается до Записок, я часто и сам помышляю о них, и в то же время робею. Карамзин давно отчаял меня сочинять в прозе; однакож, не во гнев его таланту, может быть и примусь за прозу, если удастся мне пожить на просторе в деревне. – Увы! я вспомнил, что Шаховской дописал свои Записки в подмосковной, а мне уже за 60 лет, и нет еще начала.

Наконец всею душою обнимает вас искренний ваш почитатель и преданный вам И. Дмитриев.

Р. С. Долго ли мне желать и не иметь вашего портрета, который, как сказывал мне А. И. Тургенев, не знаю почему заарестован Уваровым? Убедительно прошу вас, подарите мне».

РА. 1871. III. 2. Стб. 427–428; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 283–284. В «Отчете имп. Публ. б-ки за 1908 год» (Пг., 1915. С. 219) это письмо датировано 28 февраля 1823 г. Не опечатка ли здесь в дате?

Втор. изд. «Записок Князя Якова Петровича Шаховскаго, писанных им самим» издано в двух частях в 1821 г. (объявление о выходе: *СО*. 1821. № 26. С. 276). Вероятно, это второе издание «Записок» и разумеет Дмитриев.

Февраль, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Пишу к тебе с почтенным Князем Андреем Петровичем Оболенским, который нас обоих искренно любит. Он здесь мелькнул и скрывается; едет назад к своему доброму семейству. В последнее Воскресенье я пил чай у нашего милого Императора и пробыл у Него более трех часов. Он сообщил мне свои примечания на 10-й том. Вот некоторые из них (между нами!). У меня сказано, что слабый Феодор должен был зависеть от Вельмож или *Монахов*: “последнее не оскорбит ли нашего Черного Духовенства?” В другом месте: *Феатр спасения, Иерусалим*: “хорошо ли

употребить слово Феатр в отношении к спасению?» и проч. и проч. Но все милостиво и деликатно. В двух местах я взялся поправить.

Сделай одолжение, изъяви мою благодарность Г. Грамматину за обязательное доставление мне его любопытного сочинения: с искренним удовольствием я прочитал уже страниц 60, но не имел времени кончить от экзаменов в Институте Екатерин., где и ныне пробыл с Императрицею от 9 до 4 часов: устал до крайности. Скажу, как и ты: прости до свидания! Нежно обнимаем тебя всем семейством.

Навеки твой

Н. Карамзин.

П. П. А. Д. Балашев весьма доволен Государем и везет многия награждения в свои Губернии».

Карамзин, 1866. С. 347 (№ 305).

Февраль, 28. Вторник. Москва.

Письмо И. И. Дмитриева к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 61–61 об. (1-я, старая, пагинация).*

Февраль (в 20-х числах) ... Март, 13. Москва.

Пребывание А. А. Бестужева в Москве. Знакомство с Дмитриевым и кн. Вяземским.

Памяти декабристов. Л., 1926. С. 56–57; ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 200.

Март, 9. Пятница. Утро. Москва.

Записка к В. В. Измайлову:

«Как кстате пришел ваш человек, почтенный Владимир Васильевич! я лишь только отправлял моего гонца с покорнейшею моею просьбою пожаловать сегодня ко мне откушать; вся беседа будет из одних поэтов; ества трезвая, но питательная, обед ранний, в 2 часа с половиною.

Примите благосклонно усердное мое желание и утешьте сим искренно почитающего вас покорнейшего слугу

Ив. Дмитриева».

Вацуро, 1980. С. 423.

Март, 9. Пятница. Два часа с половиною пополудни. Москва.

Обед у Дмитриева. Среди приглашенных поэтов – В. В. Измайлов.

Март, 19. Понедельник. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Так давно не имею от тебя ни строки. Получил ли ты мое письмо через Князя А. П. Оболенского? Здоров ли ты? Я беспокоюсь. Мне кажется, что никогда молчание твое не продолжалось столько времени. У нас все по старому. Мне сказывали, что ты имеешь надежду продать свой дом: правда ли? А я продаю деревню Орловскую, да нет охотников купить. Скоро увидишь А. Д. Балашова: Император был с ним, кажется, очень хорош; следовательно мнению Публики не имело своего действия. Гр. С. П. Румянцов с балу на бал, и всякой раз во Дворце, и у нас часто: говорим о тебе. Обнимаю тебя. Час за полночь.

Твой навеки

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 348 (№ 306).

Март, 20. Вторник. Москва.

Письмо И. И. Дмитриева к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 62 (1-я, старая, пагинация).*

Март, 21. Среда. Петербург.

А. А. Бестужев просит в письме кн. Вяземского:

«Сделайте одолжение, князь, засвидетельствуйте мое искреннее уважение Ивану Ивановичу Дмитриеву, которого доброту и благосклонность, столь сродную талантам великим, я чувствую вполне, хотя и не умею выражать ее...»

ЛН. Т. 60. Кн. I. С. 200.

Март, не позже 27. Москва.

Басня «Гебры и школьный учитель» («Светило дня на небе голубом...»).

Впервые анонимно: «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым» (с. 258–260; подпись: ***). См.: «1826. Декабрь, 21».

Март, 27. Петербург.

А. И. Тургенев в письме сообщает кн. Вяземскому о кончине родами Мойер (18 марта) и о срочном отъезде В. А. Жуковского в Дерпт. Далее он пишет:

«Гебры – прекрасны, но зачем и ты, и Дмитриев даете *ученых глаза* магистру <Каченовскому>? Он не нашел ни одного пятна. Истинный ученый – Круг, и еще не знаю кто, найдут их, вероятно; но безграмотный грамотей Каченовский их не отыщет и отыскать не может. Для этого нужны другие глаза, вооруженные византийскою и северною ученостью, а он в каких источниках черпал материалы для своей желчи? Она без всякой примеси истинной учености, и его глаз – *не ученый*, но кривой и отемненный даже не школьною пылью фолиантов, а брошюр. Он не нашел и *пятнышка*: и это верно. Не лучше ли вместо *неложной – прекрасной славы*?»

ОА. Т. II. С. 306.

Здесь под «Гебрами» А. И. Тургенев понимает направленную против Каченовского басню И. И. Дмитриева «Гебры и школьный учитель» («Светило дня на небе голубом...»).

«Не лучше ли вместо *неложной – прекрасной славы*?» – А. И. Тургенев предлагает внести изменения в последний стих басни: «Теряется в лучах – его неложной славы». Дмитриев не последовал совету Тургенева.

Март, 28. Среда. Москва.

И. И. Дмитриев и В. Л. Пушкин в Английском клубе пьют шампанское по случаю рождения у кн. П. А. и В. Ф. Вяземских сына Петра.

Март, 29. Четверг. Москва.

Записка к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Сердечно поздравляю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, с новорожденным сыном. Вчера мы с титулярным дедушкой его отпраздновали в кlobe сие благополучное событие тремя бокалами шампанского. Преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 153 (№ 40).

1823. Март(?). Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Остафьево пишет:

«Я больше доволен им <портретом работы Тончи>, любезнейший князь, нежели надеялся. Мне кажется, он сходнее Геренева и не уступает ему в искусстве, но кажется, что морщин у меня меньше (простите моему самолюбию), или они для меня не так приметны. Тысячу раз обнимаю вас и благодарю за все ваши заботы меня увековечить. Попросите Гнедича, чтоб прислал ко мне 6 оттисков на лучшей бумаге».

СН. 1898. Кн. 2. С. 154 (№ 43).

Апрель, 2. Понедельник. Остафьево.

Кн. Вяземский отводит упреки А. И. Тургенева, высказанные им в письме от 27 марта:

«Отчего ты взваливаешь на меня ответственность за *Гебры* вместе с Дмитриевым? Он басно мне свою один раз читал, но я ее не имею и потому не могу исследовать твои критические замечания, хотя с первого взгляда и нахожу их справедливыми».

ОА. Т. II. С. 308.

Апрель, 3. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает в письме кн. Вяземскому, что у него «четвертого дня зарезался чиновник Матвеев, рекомендованный ему И. И. Дмитриевым».

ОА. Т. II. С. 309.

Апрель, 6. Пятница. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Ты спрашиваешь о Наталье Яковлевне: она не совсем здорова, но не хуже прежнего; жалуется на слабость и говорит, что не может писать, а любит своих друзей по прежнему. Авось весна поставит ее на ноги. Желаю, чтобы она переехала в Царское Село, где и нам хотелось бы быть в начале Мая. Здесь были зимняя мятели: теперь опять похоже на весну.

И так мало надежды, чтобы дом твой продан! Никогда не жаловались столько на недостаток в деньгах, и Дворяне и Купцы; а между тем сколько еще роскоши! А. Л. Нарышкин отдает имение сыновьям, выбрал Попечителей, К. Якова Ив. Лобанова и Столыпина, для уплаты долгов, более пяти миллионов, и хотел, чтобы на первой случай казна купила у него дачу за 700 тысяч рублей: об этом трактовали в Комитете Министров, и все согласились на покупку, не исключая и Министра Финансов: заспорил один Кампенгаузен, и Государь с ним согласился, к удовольствию друзей Государственной бережливости. — У вас новые Сенаторы, Кавалеры, Губернатор, и проч. Благодарность ожидает Князя Д. В. Голицына по его возвращении в Москву. Наконец и Кривцов Губернатор в Туле, хотя еще и не вышел Указ. Не знаю, радоваться ли за него добрым приятелям. Хуже всего, что он еще не привел собственных дел своих в порядок. — Завтра Граф Сергей Петрович <Румянцев> дает нам дружеской обед: Блудову, Тургеневу, Кривцову etc. Видишь, как он молодеет для жизни, хотя и часто говорит о смерти! Бывает у нас дни через четыре, и право любезен. А Канцлер на меня сердился, что не бываю у него без зова (!); но больно видеть его в таком состоянии. Скоро будет у вас, с своею постоянною ревностью к Российским Древностям.

Нежно обнимаем тебя всем семейством. Ты решился, кажется, съездить на родину, куда мы некогда вместе с тобою езжали! Дай Бог, чтобы это путешествие было полезно для твоего здоровья. Когда же думаешь возвратиться? Будь везде и всегда здоров, любезнейший друг наш!

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 348–349 (№ 307).

Апрель, 11. Петербург.

Карамзин посещает больного («покривился рот от удара») И. А. Крылова.

Карамзин, 1860. С. 69.

Апрель, 17. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев сообщает в письме кн. Вяземскому, что Н. И. Гнедич послал к Дмитриеву его портреты и что среди них и экземпляр для него (для Вяземского).

ОА. Т. II. С. 313.

Апрель, 17. Симбирск.

М. А. Дмитриев отмечает в своем месяцеслове об отправке письма к И. И. Дмитриеву в Москву.

Боленко, 2004. С. 359.

Апрель, 22. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 23. Понедельник. Москва.**

Дмитриев в письме приглашает К. Ф. Калайдовича посетить его вечером.
Автограф: *ГИМ ОПИ*. Ф. 56. Ед. 652. Л. 7.

Апрель, 24. Вторник. Москва.

Письмо И. И. Дмитриева к О. Е. Франку в Петербург.
Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 63 (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 26. Четверг. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Христос воскрес! нежно тебя обнимаю и поздравляю с светлым праздником: дай Бог, чтобы ты провел его как можно приятнее. Слава твоей памяти и доброму сердцу: ты помнишь С. Симона, но прощаешь! И я говел: следственно обещался быть великодушным Христианином, в ожидании случая.

Если верить всему городу и самому Графу Гурьеву, то у нас другой Министр Финансов, Канкрин; но Указа еще нет. Говорят, что и Министр Правосудия просит увольнения; а Граф Кочубей думает ехать к водам. Вероятно, что Сперанский заступит чьенибудь место, или, по мнению других, Куракин; а Граф Хвостов сказывает, что тебя опять назначают в Министры, но уже не просвещения, а на старое место. Вот тебе сказки или вести вместо красного яйца. Жена и дети мои тебя также усердно поздравляют с праздником. Помышляем о Царском Селе; но погода еще не весенняя. В Воскресенье я христосовался с Государем в Его кабинете, по старому, а в блестящих собраниях Двора не был.

Нежно тебя обнимаю. Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 350 (№ 308).

Апрель, 26. Петербург.

С. И. Тургенев сообщает в письме к кн. Вяземскому:

«Пиеса ваша <о И. И. Дмитриеве> где-то засела. Недавно Греч просил меня отвечать, если меня спросят, что рукопись, на коей цензор сделал свои замечания, у вас. Не понимаю, для чего. Подозреваю, что Греч хочет беречь Красовского, всегда ему нужного...»

ОА. Т. II. С. 315.

Апрель, 29. Москва.

Письмо к Н. И. Гнедичу в Петербург:

«Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъяснить вам чувствительную благодарность мою за благосклонное ваше приветствие меня с протекшим праздником. Хотя я за светскими суетами и не успел предупредить вас моим поздравлением, но тем не менее и в мыслях, и в сердце желал вам, как и всем моим добрым приятелям, провести его спокойно и приятно.

Равномерно благодарю вас и за доставление ко мне десяти портретов. Я любовался совершенством вашей литографии. Желал бы скорее увидеть и самое издание. Давно не слыша об нем ничего, я иногда думал, не подвергнулось ли оно той же строгости, какую недавно испытал Олин. Кажется, уже после пятикратного очищения в горниле двух цензур можно бы пощадить его, не приводя в краску шестидесятилетнего автора.

Что же касается до произведений моей старости, — они очень не важны, и мне, право, было бы совестно помещать их в новом издании, после того, как я уже

покаялся пред Аполлоном и сам осудил на забвение многие из прежних моих стихотворений. Я скропал 50 четверостишных апологов, разделенных на две книги, о которых я объяснюсь с вами через Норова. Между тем будем ожидать, как пойдет новое издание.

Впрочем препоручая себя вашей приязни, всегда для меня лестной, с совершенным почтением и уважением имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 423–424.

Апрель, 30. Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет, что «на днях должен сойтись у Дмит.[риева] или Жих.[арева] с горою Шутовскою. Он поет здесь похвалы Карам.[зину] и Жук.[овскому]...».

Арх. братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 16.

Май, 21. Москва.

Кн. Вяземский рассказывает А. И. Тургеневу в письме о словесной пикировке между И. И. Дмитриевым и В. Л. Пушкиным:

«На днях встречаются в Английском клубе Василий Львович, Дмитриев и Шаховской. – “Кажется, Василий Львович приятель с князем”, – говорит Дмитриев, – “а не он ли сказал:

Я злого Гашпара убил одним стихом”.

– “Да, я за вас же и за Николая Михайловича вступался”, – отвечает Пушкин. – *Дмитриев*: “Как за меня?” – *Василий Львович*: “Шаховской, скажи правду: помнишь ли, как я от тебя ушел с головною болью и поклялся, что нога моя уже не будет у тебя? Мы спорили об Иване Ивановиче. Ты говорил, что Дмитриев не умел в баснях разнообразить язык, и что заяц не говорит у него по зайчьему, а галка по галчьему”.

По несчастию, я не был свидетелем этой сцены, но дорого заплатил бы за место».

ОА. Т. II. С. 323.

Май, 22. Вторник. Петербург.

В доме Г. Р. Державина состоялось публичное собрание Вольного Общества Любителей Российской Словесности, на котором присутствовало свыше 50 человек.

О судьбе рукописи биографии Дмитриева во время предварительного отбора статей для чтения в публичном собрании Вольного Общества Любителей Российской Словесности и об его открытии А. Бестужев сообщил кн. Вяземскому в пространном письме от 23 мая: «Собрание исполнилось 22-го мая, т. е. вчера, в зале Державиной. Народу было, мелькали и звезды, и перья, и султаны, – чтение началось в 7¹/₂ часов. Греч изложил во введении занятия и цель Общества и кончил благодарностию Общества председателю <Ф. Глинке>, который по болезни не мог теперь присутствовать. <...> Никитин читал Вашу статью – она всем полюбилась и потому, что просто высказана, и потому, что любят героя оной. Рукоплескали...».

СН. Кн. 8. Пб., 1914. С. 31.

Май, 22. Петербург.

А. И. Тургенев в письме сообщает кн. Вяземскому:

«...Сейчас прочел твой булгаризм в *Прибавлениях* и посылаю в Царское Село, где у Карамзина болит губа».

ОА. Т. II. С. 324.

В «Северном Архиве» (1823. № 5) была напечатана статья Ф. Булгарина «Краткое обозрение Русской литературы 1822 года». А. И. Тургенев под «булгаризмом в *Прибавлениях*» разумеет опубликованную в «Новостях Литературы» (1823. № XIX. С. 81–92. Прибавление к «Русскому Инвалиду») статью кн. Вяземского «Замечания на краткое обозрение Русской литературы 1822-го года, напечатанное в № 5 Северного Архива 1823 года». Статья кн. Вяземского заканчивалась «прибавлением» (С. 92–94), которое сопровождается любопытным примечанием кн. Вяземского: «Написанные мною замечания давал я на рассмотрение известному литератору, коего хвалить не стану, боясь против воли выдать тайну его имени. По благосклонности ко мне, добавил он сказанное мною несколькими своими замечаниями, с тем, чтобы я воспользовался ими. Уважая более пользу читателей, нежели свою, не могу сделать лучшего из них употребления, как напечатать их в настоящем виде, в отдельном прибавлении...». Вот оно:

«В библиографии наших журналов мы находим только извещения, в трех словах, о Карманном коновале, о Совершенной стряпухе, о Всеобщем секретаре, Винокуре, об Оракуле и проч., изредка о вновь напечатанном поучении и еще реже о каком-нибудь собрании стихотворений, с неминуемою похвалою автору, по коммиссии от того же автора. Напротив того, о переводах значительных сочинений ни слова, или, по крайней мере, ни о сочинении, ни о достоинстве перевода не бывало настоящей рецензии. Любитель чтения узнает о них только по книжным каталогам, и бедный переводчик, за годовой труд свой, награждается только безгласным одобрением читателя. Из числа таковых переводов пришли мне теперь на память: 1) *Картины политических перемен в Европе, соч. Ансильона*; 2) *Всеобщая история гр. Сегюра*; 3) *О крестовых походах г. Мишо*, о которой ныне упомянуто только г. Булгариным в Северном Архиве. Мне кажется, здесь кстати было бы поставить на вид *Новикова Ученья Ведомости* 1777 года или *Санктпетербургский Вестник* 78 и 79 годов, издания г. Брайки. Оба издателя держались более условий Европейских журналов, нежели нынешние; оба трудолюбивее и щекотливее к своему званию. Кстати бы также намекнуть, хоть слегка, как последние исполнили свою обязанность в отношении к *Истории Карамзина* и противополжить им Французских журналистов, выставя, напр., *le Courier*, который не поленился пройти все 8 томов *Истории* (Г. Р.), сделать из них прекрасный перечень, и на таком быстром ходу еще указывал на замечательные мысли по событиям или по красоте слога. Что же касается до причин худых успехов в нашей словесности, то можно к изложенному вами <т. е. кн. Вяземским> прибавить и то, что наши авторы большею частию не имели классического руководства к учению: пишут самоучкою и мимоходом, быв развлекаемы светом, обязанностями по службе или лекциями, считаясь в оной; что они пишут не по страсти, не по необходимой потребности изливать свои чувства, сообщать свои наблюдения, играть своим воображением, но из одного только тщеславия, добываясь только того, чтобы некогда сестрица, дядюшка или приезжий из деревни сосед увидел их, наравне с другими, сидящих чопорно за долгим столом в наших публичных литературных собраниях. Господствующая же страсть их — к многочисленным знакомствам, к чинам и отличиям без больших усилий».

В. Каллаш утвердительно высказывается в пользу авторства этого прибавления И. И. Дмитриева (см.: *Каллаш В. Библиографические заметки. Об И. И. Дмитриеве. 2. Дмитриев о современной ему журналистике // РА. 1901. Кн. 1. Вып. 2. С. 340–341*).

«*Господствующая же страсть их — к многочисленным знакомствам, к чинам и отличиям без больших усилий*» — прозаический комментарий к строкам из «Чужого толка» о «наших Пиндарах»:

Большая часть из них — лейб-гвардии капрал,
 Ассессор, офицер, какой-нибудь подьячий
 Иль из кунсткамеры антик, в пыли ходячий,
 Уродок страж — народ все нужный, должностной;
 Так часто я видал, что истинно иной
 В два, в три дни рифму лишь прибрать едва успеет.
 Затем что в хлопотах досуга не имеет...

Май, 23. Среда. Петербург.

А. А. Бестужев пишет кн. Вяземскому в Остафьево по поводу публичного собрания Общества Любителей Российской Словесности, состоявшегося 22 мая:

«...Я предложил между прочими и Ваш отрывок из биографии почтенного нашего поэта И. И. Дмитриева, но как рукопись была в цензуре, он до последнего заседания не читан».

СН. Кн. 8. Пб., 1914. С. 31.

Май, 24. Четверг. Москва.

Дмитриев в письме к В. В. Измайлову пишет:

«Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Приношу вам чувствительную благодарность мою за любезное ваше письмо. Хотя и сожалею, что не простясь с вами расстался, но уважаю ваши причины и уверен столько же в заочной вашей ко мне приязни.

Вы порадовали меня вашим поручением. Но сей раз могу рекомендовать вам из известных мне книг только 1. *Mélanges de littérature et de philosophie*, par Ancillon и 2) также *Mélanges de philosophie, de morale et de littérature*, par Meister (который помнится, выдал письма о воображении). Обе книги содержат в себе очень интересные статьи. В первой мне особенно нравятся *Sur les grands caractères* и *Sur la nature... de la poésie*. С первого привоза книг буду постоянно уведомлять вас о всякой вновь привезенной книге, которую почту достойною вашего <внимания>.

Поздравляю вас с прекрасным временем. Надеюсь, что оно сделает много добра вашему здоровью; по крайней мере искренне того желаю.

Между тем поручаю себя вашей приязни и прибуду навсегда с отличным к вам почтением, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 424.

Май, 25. Пятница. Петербург.

А. И. Тургенев, присутствовавший 22 мая в публичном собрании Общества Любителей Российской Словесности, сообщает кн. Вяземскому, что «отрывок из биографии Дмитриева нехорошо выбран и читан неудачно. Можно и должно было избрать другие места».

ОА. Т. II. С. 325.

Май, 26. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1823. № 21. 26 мая (ценз. разр. 22 мая). С. 37) в рубрике «Новости Не-Политическия» напечатано сообщение о заседании Вольного Общества Любителей Российской словесности 22 мая и приводится роспись статьям, читанным на этом заседании. 11-й значится: «Отрывок из биографии И. И. Дмитриева, написанной по поручению Общества Кн. П. А. Вяземским».

В этом же номере (С. 35) напечатано послание гр. Д. И. Хвостова «Федору Петровичу Львову, на случай чтения Высочайше утвержденного Общества Любителей Словесности, в зале Дарьи Алексеевны Державиной, 1823 года Мая 22 дня» («Хвала Державиной! она, являя вновь / Супругу своему достойную любовь...»).

Май, 31. Четверг. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Уже две недели живем здесь и хвалимся красным летом. Сад цветет и благоухает. Мы здоровы и благодарим Бога. Только худо работаю, более сижу, нежели пишу в кабинете. Но и на это не хочу жаловаться, чтобы как можно менее быть малодушным.

Последнее твое дружеское письмо, приятно меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег Волги, Симбирский *Венец*, где мы с тобою, героически отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца. Да, мы были тогда молоды, а теперь стары; но беды нет: все хорошо в свое время. И мы старики имеем свое будущее, настоящее и прошедшее: тем лучше, что молодые люди нам не завидуют. Я не люблю быть предметом зависти: это значит портить людей. Всего безгрешнее, надежнее и спокойнее наслаждаться внутренне, и там, где другие жалеют об нас почти с презрением. Вот моя Мистика! Вопрос: *на долго ли?* не редко и мне представляется. Иногда, платя долг слабому человечеству, вздохнешь; иногда что-то блеснет в сердце, и скажешь себе твердым голосом: *навек!* Quand on s'endort dans les bras de son père, on n'est pas en souci du réveil. – Поезжай с Богом на родину и возвратися в Москву благополучно.

Наши полумолодые приятели уже обедали и пили чай с нами в Царском Селе: Блудов, Дашков, Северин. Последний всех спокойнее, довольнее и едва ли не рассудительнее, уступая им в другом.

Наталя Яковлевна все еще не едет к нам жить за болезнию своего единственного человека: здесь ей было бы и менее скучно и здоровее. Состояние души ея вижу насквозь: следственно не могу не принимать искреннейшего в ней участия.

Читаю теперь *Mémoires du règne de Napoléon*, изданные Гурго и Монтолоном: занимательно, но не очень. Есть ли в Москве Раstopчина любопытная тетрадка: *Vérité sur l'incendie de Moscou?*

Всем семейством обнимаем тебя нежно, любезнейший друг. Будь здоров.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Здесь все старое по старому: видимся с Августейшим Хозяином, ездим в Павловское etc. Гр. Кочубей уволен, но будет еще несколько времени управлять Министерством, до назначения преемника».

Карамзин, 1866. С. 351–352 (№ 309).

Май. Москва.

В «Дамском Журнале» (Ч. 1. № 6. С. 235) напечатано стихотворное послание «И. И. Дмитриеву. По случаю получения им золотой первой степени медали от Императорской Российской Академии» («Ты путь, назначенный судьбами...»). Подпись: В. Предполагаемый автор: А. Абр. Волков.

Июнь, 1. Пятница. Царское Село.

Карамзин в письме к Вяземским в Остафьево пишет:

«...Написав вчера письмо к Ивану Ивановичу здоровый, я вдруг в сильный жар почувствовал дрожь, провел ночь дурно, и не могу заниматься обыкновенным своим делом. По крайней мере скажу вам несколько слов.

Из петербургского нашего жилища, вероятно, и нас самих скоро выгонят. Когда мы сюда уехали, то Катерина Федоровна перевела в наши комнаты Батюшкова. С сердечным удовольствием ожидаем любезных Огаревых: уведоьте, выздоровел ли Николай Иванович?

Друзья все делают для Батюшкова, что могут. Он беспрестанно говорит о самоубийстве: надеюсь, что и впредь будет только говорить; но мало надежды видеть его опять, как он был. У него полусумасшествие, и тем опаснее. Всего хуже бывает он наедине с людьми короткими.

Слух московский о моем кураторстве не мог иметь никакого основания, как вы сами догадались. Вероятно, что почтенный князь Андрей Петрович смеется нашему совместничеству! Пора уже не говорить обо мне старике».

СН. 1897. Кн. 1. С. 141–142 (№ 118).

Июнь, 3. Москва(?).

Кн. Вяземский высылает А. И. Тургеневу в Петербург «альбом Шимановской» с просьбой уговорить от его имени «написать в нем что-нибудь, хотя и старое, Гнедича, Крылова, Плетнева, Рылеева, Ф. Глинку», а после отдать альбом Н. М. Карамзину.

ОА. Т. II. С. 328.

Июнь, 12. Царское Село. 11 часов утра.

С. Н. Карамзина во время болезни отца пишет к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, Наталья Яковлевна вам сказала все. Имею только время прибавить, что мы покойны и, если не разделили с вами ужасного беспокойства, по крайней мере спешим разделить радость.

Софья Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 352.

Июнь, 15. Царское Село.

С. Н. Карамзина пишет к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, мы не хотим оставить вас в беспокойстве на счет Папеньки и спешим дать о нем добрая вести. Здоровье его день ото дня поправляется, жар совсем прошел, силы оживляются, и он сам кланяется своему другу, который между тем позволит нам упрекнуть его. Н. И. Огарев сказал нам, что *вы замечаете холодность к себе в женском поле Карамзиных*. Можно ли быть столь неблагоприятным и несправедливым? Не говоря уже о Маменьке, которая думала, что вы знаете ее чувство к вам, неужели вы не верите, что Катенька и я любим вас нежно, от всего сердца, не менее вашей Натальи Яковлевны, которой единственно вы отдаете справедливость. Ей весело вас любить, по крайней мере не даром. Правда, что она заслуживает это удовольствие. Как она добра, какое любезное участие показала нам в этом случае! Прощайте, несправедливый Иван Иванович, у меня сердце так весело, что почти хочется вас поцеловать. Можно?

Софья Карамзина.

Маменька, прочитавши это письмо, поручает мне прибавить, что упрек в *холодности* известен ей за старинную шутку и что, если вы еще не уверились в ее неосновательности, то мало надежды впредь».

Карамзин, 1866. С. 352–353.

Июнь. Москва.

В «Дамском Журнале» (Ч. 2. № 9. С. 93) напечатано стихотворение Иванчина-Писарева «К моим цветам» с подзаголовком: «Перед отъездом из деревни по приглашению И. И. Дмитриева» («Краса весны, питомцы Флоры...»). Подпись: Н. И.-П.

Июнь, 19. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович].

Некогда вашим старанием один из племянников моих помещен был в Пажеский корпус на его содержание. Будьте также покровителем и другому. Покорнейше прошу вас вручить прилагаемое при сем письмо князь Александру Николаевичу <Голицыну> и присоединить к моей просьбе и собственную вашу. Я нарочно посылаю пакет за открытою печатью, дабы вам узнать о содержании моей просьбы, а мне не обременять вас повторением оных.

Не излишним также считаю приложить при сем на всякий случай и другие бумаги, относительно моего племянника.

Я решился отправить его в П.[етер]б.[ург], потому что в московских пансионах вообще науками по губам только мажут, особенно же в партикулярных, да и обучают не всем наукам, какие требуются при экзамене и в корпусе. Учить же на дому, ни по моему малому достатку, ни по его собственному, который еще меньше, ибо у него есть две сестры, никак не в состоянии. Как бы я желал, чтоб приняли его, сколько можно, скорее; ибо, в случае отказа, до первой вакансии не знаю где ему жить: на особой квартире, по возрасту его не безопасно, а у сестры моей Смир-

новой нет лишнего угла. Она приняла в дом свой зятя (барона Шлипенбаха), и сама теперь теснится.

Прошу вас дать знать о хлопотах моих и любезному Николаю Михайловичу <Карамзину>, когда пройдет болезнь его. Может быть и он употребит свое содействие.

Как тяжела была для меня и Вяземского прошедшая неделя! Теперь Плутарх мой с вами. Кланяйтесь ему и любезным вашим братцам; напомните Сергею Ивановичу <Тургеневу> о Маржерете и примите искреннее уверение в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть и пр. И.[ван] Д.[митриев].

Р. С. Прошу вас также поклониться Жуковскому, Блудову и Норову, и сообщить последнему, что я еще не получил посланных от него книг, почему и медлю моим ответом».

РА. 1867. № 7. Стб. 1137—1138; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 285—286.

Июнь, 19. Петербург.

А. И. Тургенев просит в письме кн. Вяземского:

«Скажи Ивану Ивановичу <Дмитриеву>, что Кушников <С. С.> сделан первенствующим членом Комиссии храма Спасителя, в помощь князю Голицыну, и что с сею или со следующею почтою получит он рескрипт. Я еще не сказывал об этом и Николаю Михайловичу <Карамзину>...».

ОА. Т. II. С. 334.

Июнь, 23. Суббота. Москва.

Дмитриев в письме к А. С. Норову пишет:

«Милостивый государь Абрам Сергеевич!

Спешу изъяснить вам чувствительную благодарность мою за приятное ваше письмо и подарок двумя книгами; еще более за прекрасный ваш перевод Ермака. Нельзя ближе быть к подлиннику, и я уверен, что один только земляк, и притом сам поэт может перевести с такою верностью и силою.

Вероятно вы уже не однажды виделись с к. Вяземским. Прошу вас сказать ему мое почтение. Теперь нет у нас в Москве ни одного поэта из линейного войска; осталась одна внутренняя стража.

Примите искреннее уверение в чувствах совершенного почтения и преданности, с коими навсегда имею честь пребыть ваш милостивого государя покорнейший слуга. Иван Дмитриев».

РА. 1902. № 8. С. 639.

Июнь, 26. Вторник. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву в Москву.

Карамзин, 1866. С. 354.

Июнь, 26. Царское Село.

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Почтеннейший и любезнейший Иван Иванович, мы читали с тронутым и благодарным сердцем ваши истинно дружеския письма. Папенька нежно обнимает вас. Выздоровленье его продолжает нас радовать. Приезд неожиданный милого Вяземского послужил также ему приятным лекарством. Простите, не имею времени писать более; я хотела непременно дать вам хорошее известие по этой почте.

С.[офья] К.[арамзина]».

Приписка рукою князя П. А. Вяземского:

«Свидетельствую Вам мое душевное почтение. Н.[иколай] М.[ихайлович Карамзин] сегодня в первый раз выезжает в карете прогуляться. Слава Богу! он,

кажется, совершенно выздоравливает. Завтра буду в городе и надеюсь разведать об издании Вашем».

Приписка рукою А. И. Тургенева:

«Издание издается. Издатели – соседи мои на Черной речке, – и я напомию им дело наше. Я писал к вам сегодня из П. бурга, 26 Июня. Ц. Село».

Карамзин, 1866. С. 353–354.

Июль, 1. Москва.

Письмо И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу в Петербург:

«М.[илостивый] г.[осударь] А.[лександр] И.[ванович].

Спешу принести вам чувствительную благодарность мою за приятное ваше письмо и новый опыт вашей ко мне приязни. Как вы добры и милы! Даже предупредили мою к вам просьбу! Достойная отрасль Ивана Петровича <Тургенева>! Я, право, лучше не могу похвалить вас, ни изъяснить мою признательность. Надеюсь, что вы одолжите меня и уведомлением о последствии. Сердечно жаль Батюшкова. Слава Крылову, и хвала сердобольной покровительнице! Какая польза для талантов! Сказывают, и Графов занемог было. Виноват, я подумал, не пытался ли он получить уголок хотя на ферме.

Прошу вас кланяться любезным вашим братцам и принять уверение в искреннем моем почтении и приязни, с коими навсегда имею честь пребыть и пр.»

РА. 1867. № 7. Стб. 1138; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 286.

Июль, 5. Царское Село.

В гостях у Карамзиных кн. П. А. Вяземский, с которым Карамзин передает письмо к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Быв при дверях гроба, я остался еще в живых и теперь оправляюсь, хотя медленно, как пятидесятипятилетний. Не жалею о том, что был болен: жалею единственно о милых для меня людях, которые обо мне беспокоились и тревожились, как ты, любезнейший друг. Твои письма меня до слез трогали. И здешние наши благоприятели оказали много доброжелательства и любви. Любовь моя к Государю и к Императрицам еще умножилась. Мне еще писать не легко: перерву эту материю, чтобы сказать тебе о Паже. Я имел о том переговоры и переписку с А. И. Тургеневым, которому Князь А. Н. Голицын обещал все сделать: ныне жду его к себе; и если еще ничего не сделано, то скажу Государю в первое с Ним свидание: Государь возвратится через шесть дней из военных Поселений. Он был у меня, но тогда я был еще очень слаб. Даже и Императрица Мария была у меня и вошла в комнату совсем нечаянно.

Еще не надеюсь скоро выехать, чтобы поблагодарить моих Августейших доброжелателей, похожих на друзей; но уже выезжаю гулять и брожу пешком в садике. Пока прости, милой друг. Всем семейством обнимаем тебя нежно. Можешь вообразить, как страдала жена моя! Усердно и дружески кланяюсь Сергею Сергеевичу <Кушникову>, Князю Андрею Петр. Оболенскому, А. Ф. Малиновскому, Бекетовым и всем нашим общим приятелям, которые у тебя обо мне спросят. Сто раз еще тебя обнимаю.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Это письмо отдаю Князю Петру Андреевичу, которого приезд, как доказательство его к нам истинной любви, был для нас живейшим, сердечным удовольствием».

Карамзин, 1866. С. 354–355 (№ 310).

Июль, не позже 8-го. Москва.

Получает от Н. В. Сушкова книгу:

«Сафо: Лирическая трагедия в трех действиях / Сочинение Н. Сушкова. – М.: В тип. Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии. 1823».

На чистом листе перед шмуцтит.: «Его превосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу Дмитриеву в знак глубочайшего почитания от сочинителя».

Книга хранится в Государственной публичной исторической библиотеке России (см.: *Каталог коллекции авторских надписей XVIII–XIX вв.*) / Сост. Л. Б. Шицкова. М., 1994. № 215).

Июль, 8. Воскресенье. Москва.

Письмо Дмитриева к Н. В. Сушкову в Петербург:

«Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за сделанную мне честь, доставлением; чрез братца вашего экземпляра вашей трагедии <«Сафо»>. Не смея назвать себя даже и посредственным знатоком в драматическом искусстве, я не могу судить, во всей ли строгости соблюдены правила оного; но искренно скажу, что разные меры стихов с наблюдением постоянной гармонии, сильное выражение страсти, пиитические виды декораций, производили во мне приятные впечатления при чтении вашей *Сафы*. Уверен, что она произведет большое действие на сцене. Примите вместе с сим и уверения и проч. Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 286.

Июль, 19. Царское Село.

Встреча Карамзина с имп. Александром I. Просьба Карамзина об принятии племянника И. И. Дмитриева в Пажеский Корпус. Согласие императора.

См. «Июль, 23».

Июль, 20. Пятница. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Тревога твоего сердца, произведенная письмом Ланской, заставила меня плакать. Не хочу говорить об этой странной женщине; но хочу чувствовать всю любовь твою к старому другу, за которую благодарю тебя и Бога. Пока обнимемся мысленно: авось Бог даст обняться и существенно, здесь или там, но все еще на земле.

Вчера Государь изволил мне сказать, что Он уже дал повеление о твоём любезном племяннике, т. е. принять его в Пажеский Корпус.

Жаль, что мы были только мысленно присутствующими на Остафьевском празднике, дружеском и веселом, как надеемся. Верно, уже не катались на плоту и гости не боролись с стихиями! Надеюсь, что милый хозяин даст нам идею о всех забавах и сюрпризах, приготовленных для него и для гостей милою хозяйкою. Этот праздник был бы для нас интереснее Петергофского, куда теперь все едут, кроме нас Инвалидов. Я собираюсь с силами, но все еще слаб, хотя уже на сих днях и был с изъявлением благодарности у добрых, милостивых Императриц. Еще не могу работать: только читаю. Государыня М.[ария] Ф.[едоровна] наслала мне множество новых книг, отчасти любопытных: журнал Лас-Казаса, новейший роман неистощимого Валт. Скота, *Séjour au Temple* Герцогини д'Ангулем, *Mémoires sur l'Angleterre*, etc. etc. Много времени пропало для Самозванца; но, может быть, это даст живость будущей работе. Мы теперь в хлопотах: ищем квартиры, сидя на месте. Предвидим умножение расходов, а доходы убавляются. Впрочем благодарим Бога – и довольно.

Жена, дети, муж и отец, все обнимаем тебя нежно. Будь здоров.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 355–356 (№ 311).

Июль, 24. Харьков.

Ценз. разрешение на выпуск сборника «Избранные места из Русских сочинений и Переводов в Стихах и Прозе, изданные Андреем Вербицким» (Харьков. 1823. Ч. 2). В сборнике помещены следующие сочинения И. И. Дмитриева:

В разделе «Оды»: 3. *Гимн Богу* («Парю душой к Тебе, всечтимый...») – С. 10–11; 5. *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молний нисходит?») – С. 12–13; 19. *Освобождение Москвы* («Примите, древние дубравы...») – С. 51–56.

В разделе «Послания»: 1. *К Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его* («Державин! ты ль сосуд печальной, но драгой...») – С. 107–108; 2. *К Н. М. Карамзину* («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 108–111.

В разделе «Басни»: 1. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию вступил однажды в разговор...») – С. 115–116; 2. *Чиж и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 119–120; 3. *Царь и два пастуха* («Какой то государь, прогуливаясь в поле...») – С. 120–122; 17. *Рысь и Крот* («Когда то Рысь, найдя лежащего Крота...») – С. 141; 19. *Петух, Кот и Мышонок* («О дети, дети! как опасны ваши лета...») – С. 142–144; 28. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 154; 33. *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 158–159; 34. *Нищий и Собака* («Большой боярский двор собака стерегла...») – С. 159; 35. *Три Льва* («Его величество, Лев сильный, царь зверей...») – С. 160.

В разделе «Мелкия лирические стихотворения» (III. Эпитафии): 1. *И. Ф. Богдановичу* – С. 206–207.

Июль, 30. Москва.

Кн. Вяземский сообщает в письме А. И. Тургеневу, что И. И. Дмитриев начал писать свои воспоминания.

ОА. Т. II. С. 336.

Август, 10. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Я выздоравливаю, а у детей начинается коклюш, которой в 1811 году отправил на тот свет Наташу; мы беспокоимся и просим Бога о сохранении малюток.

Наталья Яковлевна говеет и, по ея состоянию, довольно здорова. Здесь время прекрасное: дай Бог, чтобы продолжалось; это могло бы облегчить болезнь наших детей.

Недели через две будет у вас Государь: ты конечно ему обрадуешься. Люблю Его всею душою. Он опять берет с собою на дорогу Историографский пирог: несколько тетрадей моей Рос. Истории.

Жаль, если ты не достанешь Мémorial Лас-Каза. Тут Наполеон как в зеркале. Е. С. Огарева ищет для тебя этой любопытной книги.

Всем семейством нежно, нежно обнимаем тебя, милого друга.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 356–357 (№ 312).

Август, 16. Петербург.

Отъезд имп. Александра I в Москву.

Карамзин, 1858. № 170.

Август, 21. Вторник. Москва.

Дмитриев в записке к кн. Вяземскому пишет:

«С чувствительною благодарностью за вашу ко мне доверенность, любезнейший князь Петр Андреевич, возвращаю ваши бумаги. В письме я подчеркнул одно только слово, а в прекрасном вашем истинно поэтическом отрывке взял смелость заменить только один стих, одно полустихие и одно слово, что все увидите на особом листочке. Не знаю, скоро ли увижу Бекетова; но я за него отвечаю: смело включите оглавление. Все статуи Летнего сада – резца иноземных художников. Разве вы упомянете о Козлове, ваятеле статуи Суворова, но едва ли он стоит за нее стихов, даже и графа Хвостова. Что бы сегодня вам приехать? Сейчас получаю от Кокошкина маленькую весточку о представлении сегодня *Трех Султанов* в школе Московского театра. Прощайте, до свиданья. Обнимает вас преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 154–155 (№ 44).

Август, 30. Москва.

Присутствует на бале в Собрании в честь имп. Александра.

Сентябрь, 4. Симбирск (или Богородское?).

М. А. Дмитриев пишет письмо к И. И. Дмитриеву в Москву.

Боленко, 2004. С. 362.

Сентябрь, 5. Петербург.

А. А. Бестужев в письме просит князя Вяземского передать «почтеннейшему Ивану Ивановичу сердечный поклон мой...».

ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 206.

Сентябрь, 10. Понедельник. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 63 года.

Сентябрь, 11. Вторник. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Долго я не писал к тебе от большого беспокойства, в котором мы были об детях, слушая их ужасный кашель с утра до вечера и ночью. Эта же болезнь некогда отняла у нас милую Наташу, и также после моей горячки. Теперь, слава Богу! мы менее беспокоимся: кашель уже не так силен, хотя еще и продолжится конечно до зимы. Все от нас бегает как от чумных, и без сомнения благоволение Императрицы М.[арии] Ф.[едоровны] к нам есть искреннее чувство, потому что Она еще от времени до времени зовет нас в Павловское, где дети Великой Княгини.

Сердечно благодарю тебя за уведомление о любезнейшем нашем Государе; чувство мое к Нему есть истинное: я вижу в Нем только человека, будучи сам уже почти вне светских отношений, и дворских и государственных, от моих лет, религии и *метафизики*, если так сказать можно. Однакожь еще пишу Историю! Государь опять взял с собою на дорогу вместо пирога несколько моих тетрадей: царствование Годунова и сына его. Ты жалуешься на слабость в ногах: дай Бог, чтобы эта слабость еще долго, долго не мешала тебе ходить и гулять в хорошую погоду, какая теперь и у нас и у вас, как надеюсь. Читать приятно, но еще приятнее после гулянья, освежающего и тело и душу.

Хотел бы я знать, как Царь обошелся с нашим любезным Сергеем Сергеевичем; Императрица М.[ария] Ф.[едоровна] очень им довольна.

Прости, любезнейший. Всем семейством нежно обнимаем тебя. Будь здоров и спокоен.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 357–358 (№ 313).

Сентябрь, 20. Четверг. Москва.

На обеде у И. И. Дмитриева – кн. Вяземский. После обеда слушают новую комедию Кокошкина.

ОА. Т. II. С. 348.

Сентябрь, 24. Понедельник. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Усердно поздравляю тебя с наступающим днем твоего рождения. Живи, живи многия лета с душою здоровою и здоровым телом! Сто раз обнимаю тебя нежно.

Сердечно сожалею о А. Д. Балашове и не менее о почтенной нашей Ирине Ивановне <Бекетовой>. Какой удар для осмидесятилетней матери! Горесть сестры и братьев также очень трогает меня и Катерину Андр.[еевну]. Сделай одолжение, скажи, как они все переносят эту печаль. Особенно желаем знать о здоровье Ирины Ивановны и Катерины Петровны <Кушниковой>.

Вчера был у меня Свинын и сказывал, что ты пишешь исторические Записки: я душевно обрадовался; это будет приятно для других, приятно и для тебя самого. Как бы хотелось мне стоять у тебя за плечами и следовать глазами за твоим пером! Сколько случаев и людей были нам обоим равно известны! Верно, никто не будет читать твоих Записок с таким любопытством, как я. Пришли хотя образчик, хотя страниц десять, чтобы я имел понятие о тоне сочинения. Очень одолжишь меня или порадуешь.

Болезнь детей наших все еще не совсем прошла, хотя и проходит; но благодарим Бога.

Имеем огорчение иного рода: главная наша деревня сгорела, и мы по крайней мере на сей год лишаемся знатной части нашего умеренного дохода.

Ждут невесты в Гатчину: думаю съездить туда сегодня. Прости, любезнейший — до свидания, как ты говоришь!

Твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«И я вместе с мужем поздравляю вас, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, с наступающим днем вашего рождения. Пожелав вам всех благ, а более всего здоровья, прибавляю и на свой счет одно желание: видеть вас переселившегося в Петербург, чтобы наслаждаться вашей любезной беседою и не иметь нужды прибегать к перу, чтобы уверить вас в нашей истинной и непременной любви и почтении».

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«Примите, почтеннейший Иван Иванович, сердечное мое поздравление со днем вашего рождения, со днем столь *любезным* для тех, которые умеют вас *любить*. Надеюсь, что Л. С. Огарева вручила уже вам несчастные остатки обещанного мною вам портрета: они не могут напомнить вам оригинала, но докажут по крайней мере, что я старалась исполнить ваше желание: портрет был совершенно окончен и некоторым даже казался очень схожим, но Папенька, увидев его, изъявил свое негодование такими энергическими выражениями, что я не имела духу послать его вам в целости; но желая однакожь уверить вас в точном исполнении моего обещания, я просила Л. С. Огареву представить вам некоторые частицы моих бесполезных трудов: не теряя совершенно надежды быть счастливее в другом предприятии и дать вам лучшее мнение о моих способностях, прошу вас, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, принять уверение в чувствах моего к вам сердечного почтения и искренней привязанности.

Катерина Карамзина.

Сестры моей нет теперь дома; но зная, как она будет огорчена, возвратившись и не найдя уже письма нашего, я беру на себя ее поздравления и желания о вашем благе, внушаемая ей сердцем, совершенно к вам *Карамзинским*. — Сказав это, я все сказала».

Карамзин, 1866. С. 358—360 (№ 314).

Сентябрь, Среда. 26.

День ангела И. И. Дмитриева.

Октябрь, ок. 5-го (но не позже 7-го). Москва.

И. И. Дмитриев у кн. Вяземского, невольно оторвав последнего от написания письма к А. И. Тургеневу.

ОА. Т. II. С. 356, письмо от начала октября: «...Говорят, на меня гnevаются за то, что в биографии Дмитриева не отдаю Крылову первенство. Впрочем, я говорил о нем с уважением. По совести поэтической признаю Дмитриева изящнее. Тот, может быть, прелестнее в ином смысле, но в деле искусства нет прихоти. Не продолжаю, потому что Дмитриев входит в дверь».

Октябрь, 8. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 527. № 124.*

Октябрь, 13. Петербург.

А. А. Бестужев в письме просит кн. Вяземского передать «почтенному Ивану Ивановичу <Дмитриеву> сердечное уважение...».

ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 208.

Октябрь, 14. Москва.

Приезд М. А. Дмитриева из Симбирска.

Боленко, 2004. С. 363.

Октябрь, 18. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

За шутку твою я почти рассердился; а шуткою называю мысли, которые ты мне приписываешь о твоём историческом сочинении. Я уже сказал тебе истинные мои мысли: то есть, что Записки твои будут для меня самым любопытнейшим чтением. Не уже ли ты в самом деле не захочешь утешить меня присланием хотя двух или трех листков в знак твоей дружеской ко мне доверенности? Когда увидимся, еще Бог знает. Ты ждешь меня к Масленице в Москву на блины: если приеду, то уже с тем, чтобы не выезжать оттуда; но как еще не думаю оставить Петербурга, то не совестно ли будет тебе, если умру, не читав твоих Записок? И так положи руку на сердце и реши.

Дописываю теперь Самозванца и думаю в начале зимы приступить к печатанию двух томов или томиков: в одном будет Царствование Феодора Иоан. и взгляд на тогдашнее состояние России, в другом Годунов, сын его и Лжедмитрий. После болезни имею к себе менее доверенности: не ослабела ли голова с памятью и воображением?

Сделай милость, скажи Графине К. П. Растопчиной, что я не заслуживаю упрека ее, хотя и ласкового; что я в течение пяти месяцев был только однажды в Петербурге на два часа, и еще не успел выздороветь, как опасно занемогли дети наши: между тем Графиня уехала. Все мы, я, жена и Сонюшка, имели сердечное желание видеться с нею, будучи к ней душевно привязаны. Напомни обо мне и Графу; то есть, скажи, как я уважаю и люблю его.

Мне хотелось бы дожидаться здесь Государя: для того еще не переезжаем в город. Дети все еще кашляют, хотя опасная болезнь и миновалась. Увидим. Может быть и скорее передем. — Всем семейством обнимаем тебя нежно.

Твой навеки

Н. Карамзин.

Знаешь ли, что читаю? Ужасы Тайной Канцелярии (между нами!), именно, дело о Волынском: две кипы и сундук. Гнусно и любопытно. Вел. Княгиня выкинула, и праздника 14 Окт. в Гатчине не было. Принцесса Шарлотта кажется любезною; уже говорит по-русски и читает нашу Историю».

Карамзин, 1866. С. 360–362 (№ 315).

Октябрь. Москва.

Получает из Петербурга от Франка 10-й том «Biographie des contemporains...».

Вацуро, 1980. С. 450, со ссылкой на место хранения: ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 65.

Ноябрь, 4. Одесса.

Пушкин отправляет П. А. Вяземскому в Москву письмо и рукопись поэмы «Бахчисарайский фонтан» с просьбой провести ее через цензуру и написать к ней предисловие.

В черновике этого письма Пушкин высказывает свое весьма негативное отношение к поэзии И. И. Дмитриева:

«О Дмитриеве спорить с тобо[ю] не стану, хоть все его басни не стоят одной хоро[шей] басни Крыловой, все его сатиры – одного из твоих посланий – [все его

песни, мадригалы, оды, элегии] а все прочее [одной] [одного] первого стихотворения Жуковского. *Ерм.[ак]* такая дрянь [что] мочи нет, <...> по мне, Дмитриев ниже Нелединского – и стократ ниже стихотворца Карамзина – любопытно видеть его жизнь не для него а для тебя - - Хорош [русский поэт] [на<ш> <?>] poète de notre civilisation. Хороша и наша civilisation!..».

Акад., XIII, № 63, 63а (черновик). В беловом варианте письма этого абзаца нет. Но Пушкин включил его в беловой вариант своего письма к Вяземскому от 8 марта 1824 г.

Ноябрь, 27. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Хлопоты сборов, переезда и новой квартиры лишали меня сердечного удовольствия писать к тебе. Мы уже около двух недель в городе, а еще не нашли времени развезти карточки визитные. Теперь начинаются новые хлопоты: печатание X-го и XI-го тома Истории; всякой день хожу на поклон к журналисту и содержателю типографии Гречу: вот мой Двор!

Государь по своем возвращении изъявлял к нам прежнее доброе расположение: два раза в Царском Селе пил у нас чай; я также пил чай у Него в кабинете. Он сделал самые любезные замечания на Царствование Годунова и сына его. Моя привязанность к Нему есть сердечная и не имеет нужды в новых доказательствах Его к нам милости. Чувство мое делится между Им и Императрицею Елисаветою, которая от горести похудела и не перестает плакать о Сестре. За то Императрица Мария, которую также люблю искренно, в полном удовольствии, нашедши милую дочь в Принцессе Шарлотте, умной, приветливой, желающей нравиться Русским. С нетерпением ожидаю листочков из твоих Записок и буду радоваться ими более, нежели своим сочинением: это истина, а не лесть. Присылай же скорее. Надеюсь, что ты уже кончил 1-ю часть. Я читаю теперь Дела времен Императрицы Анны. Передо мною большой сундук. Ужасы!

Ждем любезнейшего Сергея Сергеевича <Кужникова>. Мы беспокоимся о здоровье Катерины Петровны. Два удара вдруг, когда она еще не осушила слез о милой дочери! Всем семейством обнимаем тебя нежно. Будь здоров и спокоен. А. И. Огарев уверял нас, что ты молодеешь: да будет так!

Навеки твой

Н. Карамзин.

Живем на *Моховой*, в доме *Межуева* или *Мижужева*, и порядочно. Все не велико, но уютно. Платим те же 5000 р., но издержали 1000 на мѣбли и проч. – Новые томы Истории печатаю уже на свой счет: Слѣнин худо платит».

Карамзин, 1866. С. 362–363 (№ 316). Карамзины возвратились в Петербург 10 ноября (РА. 1867. Стб. 465).

Ноябрь. Москва.

Дмитриев читает в «Северном Архиве» (1823. № 4. С. 52–80; С. 147–160; С. 287–297) вторую критическую статью И. Лелевеля об «Истории» Карамзина.

Декабрь, 1. <1823. Одесса>.

А. С. Пушкин в письме к А. И. Тургеневу цитирует строки из послания И. И. Дмитриева «К Друзьям моим по случаю перваго свидания с ними и после моей отставки из Обер-Прокуроров Прав. Сената:

Исчезла прежняя живость,
Проститель иногда мою мне молчаливость,
Мое уныние?.. терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что к вам привязан я».

Декабрь (не позже 15-го). Петербург.

Выходит книга «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Санктпетербург. В типографии Н. Гре-

ча. 1823. Ч. 1–2». В первой части помещен исполненный Н. И. Тончи и литографированный В. Погонкиным портрет И. И. Дмитриева (воспроизведен: Морозов А. В. Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. М., 1912. Т. II. Табл. 154).

Эпиграф: *Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris.*

Гравированный портрет: «Рис. с нат. Тончи. На камне Погонкин». Подпись под портретом: «И. И. Дмитриев».

Часть Первая.

<Кн. П. А. Вяземский> Известие о Жизни и Стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева – С. I–LII.

<От Санктпетербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности> «Попечитель Высочайше утвержденного Санктпетербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности, Иван Иванович Дмитриев, предложил оному напечатать новое издание сочинений своих, для обращения вырученной тем суммы на благотворение...»

Содержание Первой части.

От Автора – С. 1.

Лирические Стихотворения

Глас Патриота на взятие Варшавы («Где буйны, гордые Титаны...») – С. 3–5; *Стихи на Высокомонаршую милость, оказанную Императором Павлом Первым потомству Ломоносова* («О радости! дайте, дайте лиру...») – С. 6–7; *Песнь на день коронования Его Императорского Величества Государя Императора Александра Перваго* («И я питомец Аполлонов...») – С. 8–11; *Ермак* («Какое зрелище пред очи...») – С. 12–20; *Освобождение Москвы* («Примите, древния дубравы...») – С. 21–28; *К Волге* («Конец благополучну бегу!..») – С. 29–33; *Размышление по случаю грома* («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») – С. 34–35; *Подражание одам Горация: Книга III, Ода I* («Служитель Муз, хочу я истины воспеть...») – С. 36–38; *Книга I, Ода III* («Лети, корабль, в свой путь с Виригилием моим!..») – С. 39–40; *Преложение 49 Псалма* («Кто в блесках молнии нисходит?..») – С. 41–42; *Гимн Богу* («Парю душей к Тебе, Всечтимый...») – С. 43–44.

Сатирические Стихотворения

Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о благородстве («Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...») – С. 47–58; *Послание от Английского Стихотворца Попа к Доктору Арбутноту* («Иван! запри ты дверь...») – С. 59–79; *Чужой толк* («Что за диковина?..») – С. 80–86.

Смесь

К Г. Р. Державину («Бард безъимянный! тебя ль не узнаю?..») – С. 89–90; *К нему же, по случаю кончины первой супруги его* («Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой...») – С. 91–93; *К Графу Н. П. Румянцову* («Что может более порадовать певца...») – С. 94–95; *Послание К Н. М. Карамзину* («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – С. 96–99; *Стансы. К Н. М. Карамзину* («Прочь от нас, Катон, Сенека...») – С. 100–103; *К А. Г. С...ый* («Какое зрелище для нежных души...») – С. 104 – 105; *К ****, *на вызов ее написать стихи* («Ах, когда бы в древни веки...») – С. 106–107; *К Ф. М. Дубянского, сочинившему музыку на песню: Голубок* («Нежный ученик Орфея...») – С. 108–109; *Песни. 1.* «Стонет сизый голубочик...» – С. 110–111; *2.* «Видел славный я дворец...» – С. 112–113; *3.* «Что с тобою, ангел, стало?..» – С. 114; *4.* «Пой, скачи, кружись, Параша!..» – С. 115; *5.* «Все ли, милая пастушка...» – С. 116; *6.* «Ах! когда б я прежде знала...» – С. 117–118; *7.* «Всех цветочков боле...» – С. 119; *Путешествие* («Начать до света путь и ощупью идти...») – С. 120; *Старинная любовь. Баллада* («Как мило жили в старину!..») – С. 121–123; *Горлица и Прохожий* («Что так печально ты воркуешь на кусточке?..») – С. 124; *Людмила. Идиллия* («Кого мне Бог послал среди уеди-

венья?...») – С. 125; *Элегия. Подражание Тибуллу* («Пускай кто многими землями обладает...») – С. 126–130; *Мадригалы. I.* «По чести от тебя не можно глаз отвести...» – С. 131; II. «Задумчива ли ты, смеешься, иль поешь...» – С. 131; *Стихи в Альбум Е. С. О...* («Поэту ль своего таланта не любить?...») – С. 132; *На случай подарка от неизвестной* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством...») – С. 133; А. Г. С. *В день ее рождения* («Вступая в новый год, любезная Климена!..») – С. 134; *Надписи. I. К Амуру* («Кто б ни был ты...») – С. 135; II. *К портрету М. М. Хераскова* («Пускай от зависти сердца в Зоилах ноют...») – С. 135; III. *Г. Р. Державина* («Державин в сих чертах блистает...») – С. 135; IV. *М. Н. Муравьева* («Я лучшей не могу хвалы ему сказать...») – С. 135; V. *Графа Витгенштейна* («Целуйте вы сей лик...») – С. 136; VI. «Вот милый всем творец!..» – С. 136; VII. «Янтарная заря, румяный неба цвет...» – С. 136; VIII. «Вот мой тебе портрет...» – С. 136; IX. «И это человек...» – С. 136; *Эпитафии. I. И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки* («На урну преклоняюсь...») – С. 137; II. *В – И – С* («Быть может мудреца сей памятник не тронет...») – С. 137; III. *Ф. М. – Д... у* («Любезного и прах останется ль безвестным?...») – С. 137; IV. *В. – А. – В...у* («Здесь тихая могила...») – С. 138; V. «Здесь Бригадир лежит...» – С. 138; VI. «Прохожий, стой!..» – С. 138; *Амур и Дружба* («Сестрица душенька!..») – С. 139; *Трисотин и Вадиус* («Вы истинный поэт!..») – С. 140–145; *Филемон и Бавкида*. Вольный перевод из Лафонтена («Ни злато, ни чины, ко щастью не ведут...») – С. 146–152; *К друзьям моим. По случаю перваго свидания с ним после моей отставки из Обер-Прокуроров Пр. Сената* («В Москве ль я наконец! со мною ли друзья...») – С. 153–155.

Часть Вторая.

Содержание Второй Части.

Сказки.

I. *Воспитание Льва* («У Льва родился сын...») – С. 7–11; II. *Искатели Фортуны* («Кто на своем веку Фортуны не искал?...») – С. 12–16; III. *Калиф* («Против Калифова огромного дворца...») – С. 17–18; IV. *Картина* («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – С. 19–23; V. *Воздушныя Башни* («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – С. 24–31; VI. *Модная жена* («Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!..») – С. 32–39; VII. *Причудница* («В Москве, которая и в древни времена...») – С. 40–56.

Басни.

Книга первая.

I. *Дуб и Трость* («Дуб с Тростию вступил...») – С. 59–60; II. *Петух, Кот и Мышонок* («О дети, дети! как опасны ваши лета!..») – С. 61–62; III. *Мышь, удалившаяся от света* («Восточны жители, в преданиях своих...») – С. 63–64; IV. *Чижик и Зяблица* («Чиж свил себе гнездо...») – С. 65–66; V. *Лиса Проповедница* («Разбитая параличом...») – С. 67–69; VI. *Ласточка и Птички* («Летунья Ласточка и там и сям бывала...») – С. 70–72; VII. *Часовая Стрелка* («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – С. 73; VIII. *Человек и Конь* («Читатели! хотите ль знать...») – С. 74–75; IX. *Лебедь и Гагары* («За то, что Лебедь так и бел и величав...») – С. 76; X. *Ружье и Заяц* («Трусливых наберешь не мало...») – С. 77–78; XI. *Орел, Кит, Уж и Устрица* («Орел парил под облаками...») – С. 79–80; XII. *Каретныя Лошади* («Две Лошади везли карету...») – С. 81; XIII. *Два Голубя* («Два Голубя друзьями были...») – С. 82–86; XIV. *Орел и Змея* («Орел из области громов...») – С. 87; XV. *Змея и Пиявица* («Как я несчастна!..») – С. 88.

Книга вторая.

I. *Мудрец и Поселянин* («Как я люблю моих героев воспевать!..») – С. 91–93; II. *Воробей и Зяблица* («Умолк Соловушка! конечно бедный болен...») – С. 94; III. *История* («Столица роскоши, искусства и наук...») – С. 95–96; IV. *Прохожий* («Прохожий, в монастырь зашедши на пути...») – С. 97; V. *Муха* («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – С. 98; VI. *Два Друга* («Давно уже, давно два

друга где-то жили...») – С. 99–100; VII. *Дон-Кишот* («Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...») – С. 101–103; VIII. *Совесть* («Не тигр, а человек – и сын убил ... отца!..») – С. 104–105; IX. *Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто Царедворцы...») – С. 106–107; X. *Слепец и Разслабленный* («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 108–109; XI. *Отец с Сыном* («Скажите, батюшка, как щастия добиться?..») – С. 110; XII. *Суп из костей* («О времена! о времена!..») – С. 111; XIII. *Пчела и Муха* («Здорово, душенька! влетя в окно Пчела...») – С. 112; XIV. *Слон и Мышь* («Как ни велик и силен Слон...») – С. 113; XV. *Бык и Корова* («Как жалок ты! Быку Корова говорила...») – С. 114; XVI. *Бобр, Кабан и Горностай* («Кабан, да Бобр и Горностай...») – С. 115.

Книга третья.

I. *Кот, Ласточка и Кролик* («Случилось Кролику от дому отлучиться...») – С. 119–121; II. *Жаворонок с Детьми и Земледелец* («Пословица у нас: на ближних уповай...») – С. 122–124; III. *Верблюд и Носорог* («Верблуду говорил однажды Носорог...») – С. 125; IV. *Рысь и Крот* («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») – С. 126–127; V. *Истукан и Лиса* («Осел, как скот простой...») – С. 128; VI. *Желания* («Сердися Лафонтен, иль нет...») – С. 129–132; VII. *Нищий и Собака* («Большой боярский двор Собака стерегла...») – С. 133; VIII. *Сверчки* («Два обывателя столицы безъимянной...») – С. 134–135; IX. *Осел и Кабан* («Не знаю от чего зазнавшийся Осел...») – С. 136; X. *Летучая Рыба* («Есть рыбы, говорят, которые летают...») – С. 137; XI. *Три Путешественника* («С восходом солнечным переходя лужок...») – С. 138–139; XII. *Орел и Каплун* («Юпитеров Орел за облака взвивался...») – С. 140; XIII. *Магнит и Железо* («Природу одолеть превыше наших сил...») – С. 141; XIV. *Старик и трое Молодых* («Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел...») – С. 142–143; XV. *Лев и Комар* («Прочь ты, подлеший гад, навоза порождение!..») – С. 144–145; XVI. *Царь и два Пастуха* («Какой-то Государь прогуливаясь в поле...») – С. 146–148; XVII. *Смерть и Умирающий* («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 149–151.

Сочинения, исключенные Дмитриевым для изд. 1823 г. (в сравнении с изд. 1818 г.).

Песни:

«О любезный! о мой милой!..»;
«Други! Время скоротечно...»;
«Юность! юность веселися...»;
«Без друга и без милой...»;
«Тише, ласточка болтлива...»;
«Бедно сердце...»;
«Куда мне, сердце страстно...».

Эпиграммы:

«Мне Лекарь говорил...»;
«За что Ликаста осуждают...»;
«Завидна, я сказал, Терситова судьбина...»;
«Я разорился от воров...»;
«Увы! – Дамон кричит – мне Нина неверна!..»;
«О Бардус!..»;
«Хорош бы Фока был...»;
«Он врал...»;
«Подзобок на груди...»;
«На дурные оды по случаю рождения...»;
«Кто как не говори...»;
«Поэт Оргон...»;
«Что легче перышка...»;
«Как! Рифмин жив...».

Надписи:

К бюсту Императора Александра I («Потомство! Россиян завидуй торжеству...»);
 К портрету Ивана Ивановича Шувалова («С цветущей младости...»);
 К портрету Князя Итальяйского («Суворова здесь лик до серебряных волос...»);
 К его же портрету («Се Росс, Авгарян бич...»);
 К бронзовой статуе Фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского, поставленный
 Графом Завадовским в его деревне («Почтенный лик! когдаб ты был изображен...»);
 К памятнику мореходца Шелехова («Как царства падали к стопам Екатерины...»);
 К портретам Древняго Рускаго Историка Нестора («Постигнув с юных лет тщету
 и скоротечность...»);
 Н** А** Бекетова («Воспитанник любви щастия богини...»).

Надгробия:

Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему Московскому Градоначальнику («Здесь
 добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...»);
 Матери и сыну («Здесь мать двух близнецов почила в свете лет...»);
 И. Ф. Богдановичу, Автору Душеньки («Привесьте...»);
 Ему же («На урну...»);
 Стихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова, к Прасковье Ивановне
 Мятлевой («Стени, дочь нежная, над урною отца!..»).

Смесь:

Счет поцелуев («Прелестна Лизонька! на этом самом поле...»);
 Признание («Темира! виноват; ты точно отгадала...»);
 Сила Любви («Кто в страсти не ревнив?...»);
 Элегия («Коль надежду истребила...»);
 Спор на Олимпе («Прочь, слабое дитя!..»);
 Наслаждение («Всяк в своих желаньях волен...»);
 Стансы («Я щастлив был во дни невинности безпечной...»);
 Быль («Даруй мне Муза...»);
 Меланхолик. Романс, подражание Французскому («Как сын проклятия, скитаюсь...»);
 Мадекасская пленница («Младая пленница! не проклинай войну...»);
 Отъезд («Простите, Лары и Пенаты!..»);
 Карриатура («Сними с себя завесу...»);
 Эпитафия Эпитафиям («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...»);
 Кенотафия («Покорствуя судеб уставу...»);
 Экспромт на игру Дица («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...»);
 К Венереной статуе. Из Антологии («Парис и Марс, о том ни слова...»);
 Эпиграмма. Оттудаж («Леандр, в последний раз...»);
 Надписи к Амуру («Открыт...»; «Стреляй...»);
 К Альбому К* Н* И* К... («Что пред соперницей Эраты наше пенье!..»);
 К*** которая хотела испортить часы... («Ах, Лиза! Мне ль на то сердится...»);
 Слабость («Мне Хлоя сделала решительный отказ...»);
 Загадка («Нет голоса во мне, а все я говорю...»);
 К приятелю, который, по сходству различных фамилий, часто принимал одну
 вместо другой («Два разные, мой друг, прозванья ты меняешь...»);
 Близнецы («Кого вам надобно?» – “Я дом ищу Разврата”);
 История Любви («Любовник в первый день признаньем забавляет...»);
 Люблю и любил («Люблю – есть жизнью наслажденье...»);
 Супружняя молитва («Один предобрый муж имел обыкновенье...»);
 К **, О выгодах быть любовницею Стихотворца («Прелеста, веселись! Мой рок
 уже решился...»);
 К ***, при сообщении ей других стихов («Дельфира! вот стихи, которых ты желала!..»)
 К младенцу («Дай собой налюбоваться...»);

К Маше («Я не Архангел Гавриил...»);
Грусть («Влеком унынием сердечным...»);
Примечания к Ювеналовой сатире;
План Трагедии с хорами.

Басни:

Дряхлая Старость («Возможно ли, как в тридцать лет...»);
Кокетка и Пчела («Прелестная Лизета...»);
Горесть и Скука («Бедняк, не евши день, от глада...»);
Полевой Цветок и Гвоздика («Простой цветочек, дикой...»);
Молитвы («Благочестивый муж стоял в предверьи храма...»);
Башмак, мерка равенства («Да что ты, долгой, возмечтатель?...»);
Человек и Эхо («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...»);
Три Льва («Его величество, Лев сильный, царь зверей...»);
Две Лисы («Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...»);
Мальчик на столе («“Как я велик” – с стола мальчишка всем кричал...»);
Пустынник и Фортуна («Какой-то добрый человек...»);
Шарлатан («Однажды шарлатан во весь горланил рот...»);
Книга «Разум» («В начале мирозданья...»);
Разбитая Скрыпка;
Осел, Обезьяна и Крот («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал...»);
Амур, Гимен и Смерть («Амур, Гимен со Смертью строгой...»).

Декабрь, 15. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1823. № 50 (цен. разр. 11 декабря). С. 180–183) в разделе «Современная русская библиография», в рубрике «Новые книги 1823», напечатано сообщение о выходе в свет в двух частях шестого исправленного и уменьшенного издания «Стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева», а также перепечатана рецензия на выход этого издания из 11-й книжки «Соревнователя Просвещения и Благотворения».

Декабрь, 20. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное А. Бируковым на выпуск альманаха «Полярная Звезда. Карманная книжка на 1824-й год. Для любителей и любителей русской словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым».

Декабрь, 22. Петербург.

В «Сыне Отечества» (1823. № 51. 22 декабря (ценз. разр. 18 декабря)) в рубрике «Современная Русская Библиография» напечатано сообщение о выходе в свет альманаха «Полярная Звезда. Карманная книжка на 1824-й год. Для любителей и любителей русской Словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым».

Могилянский называет дату выхода в свет «Полярной Звезды на 1824 год» – 20 декабря 1823 г. (Могилянский, 1956. С. 393).

В этом выпуске альманаха о Дмитриеве и его сочинениях напечатаны:

С. 1–14. А. Бестужев. «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». В статье называются среди «достойных пьес в прозе отрывки из жизни Дмитриева кн. Вяземского, читанные в Обществе соревнователей благотворения и просвещения».

<И. И. Дмитриев>:

Богач и Поэт («Поэт и горд еще!..»). Подпись: ***.

Орел и Филин («Орел стремил полет свой к Фебову престолу...»). Подпись: ***.

Подснежник («“Что мне зима? – сказал Подснежник...”»). Подпись: ***.

Апологи:

1. Репейник и Фиалка («Между Репейником и розовым кустом...»);
2. Светляк и Змея («Полз светлый червячок...»). Подпись под обоими апологами: ***.

3. Собака и Перепел («За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом...»). Подпись: ***.

Изъяснение Картинок:

III. Из *Ермака* Дмитриева. Стихотворец, нарисовав великолепную картину Иртыша, внимает речам двух изгнанных сибирских шаманов. (Рисовал И. Иванов, гравировал Галактионов).

«Старый

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула

.....

.....

И все отныне мне подвластно».

<1823>. Москва.

Дмитриев в письме к кн. П. А. Вяземскому пишет:

«Любезнейший князь Петр Андреевич.

Проект вашего письма во всех отношениях выдержан; но, прочитав Давыдова письмо, признаюсь вам, что я желал бы, чтоб вы смягчились к Обществу: из письма Давыдова <И. И.> я вижу, что Общество отдало таланту вашему полную справедливость и не *сложило* на вас, а поручило секретарю своему *просить* вас принять на себя описание гражданских подвигов Бецкого. Виноват только редактор газетной статьи, не умевший приличным образом изложить сего. И так, я советовал бы вам отвечать Давыдову по первому вашему предположению, а в особой к нему записочке дать ему почувствовать неприличность употребленного в газетной статье выражения, равно и о том, что вам не дали предварительно знать о чрезвычайном собрании. За тем всем сердцем вас обнимает вашего сиятельства искренний почитатель покорный слуга И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 153–154.

1823. Петербург.

«Известия Российской Академии» (Книжка 11). В разделе «О некоторых постановлениях и происшествиях в Российской академии помещен отчет «О торжественном собрании Академии Российской, бывшем в 14 день генваря 1823 года» (С. 10–16), в котором сообщается о награждении И. И. Дмитриева и И. А. Крылова золотыми медалями.

1823. Москва.

Выходит в свет книга С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе...» (Ч. 1–2). Цензурное разрешение: 4 декабря 1822; цензор: Т. А. Каменецкий.

Экземпляр из 6-ки И. И. Дмитриева с дарственной надписью ему от автора хранится в 6-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 807*).

1823. Москва.

Выходит книга И. Войцеховича «Опыт начертания общей теории изящных искусств».

Экземпляр из 6-ки И. И. Дмитриева хранится в 6-ке МГУ (см.: *Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 1271*).

1823. Лондон.

Выходит в свет второй том книги Джона Боуринга (John Bowring) «Российская Антология: Specimens of the Russian Poets: with the introductory Remarks. Part the second... London 1823». Второй том «Антологии» пополнен новыми переводами стихотворений И. И. Дмитриева: «Ермак», «Освобождение Москвы», «К Волге», «Наслаждение», «Ах, когда б я прежде знала», «К Хлое», «Стонет сизой голубочик...»

Стихотворение «Стонет сизой голубочик...» (С. 53–54) приводится в другом переводе (см. «1821. Октябрь, 11»), с заглавием в русской транскрипции латинским буквами: «Stonet sisii golubochik», и уже с именем И. И. Дмитриева (а не Державина, как в первом томе): «Once a gentle turtle-dove / Night and day dishearten'd mourn'd...».

Алексеев, 1982. С. 238.

1823. Лондон.

Выходит в свет книга Роберта Лайела «The Character of the Russians and a detailed history of Moscow... By Robert Lyall. London, 1823». В своей книге об образе жизни русских и подробной истории Москвы Р. Лайел посвятил несколько страниц русской литературе и при этом упоминает имена Державина, Дмитриева, Жуковского, Карамзина.

Алексеев, 1982, С. 323.

1824

Январь, 1. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

От всего сердца поздравляю тебя с новым годом: дай Бог тебе совершенного благоденствия, здоровья и спокойствия душевного!

Я давно не писал к тебе. Со времени нашего переезда в город почти непрестанно беспокоимся о детях: один за другим болен: то умножается кашель, то приходит лихорадка. Говорить, что причину необыкновенная зима, теплая и сырая. Между тем, не без частых досад. Занимаюсь печатанием; не жалею денег, а идет плохо. О народ Русской, которого Историю писал я с таким чувством! Лучше писать, нежели печатать ее в Русской типографии. Любезнейший Сергей Сергеевич <Кушников> был доволен Петербургом, а Петербург им.

Сделай же дружескую милость, пришли мне хотя отрывки твоих Записок. Ты уже кончил первую часть: не правда ли?

Всем семейством обнимаем тебя нежно, и с одним желанием: будь благополучен и люби нас!

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«Позвольте мне, любезнейший Иван Иванович, прибавить к общим мои особенные поздравления и добрые желания. К. Карамзина».

Приписка рукою С. Н. Карамзиной:

«И мне также, любезнейший Иван Иванович, и позвольте еще прибавить желанье, хотя почти безнадежное, повторить вам лично в течении нынешнего года, сколь сердечно мы любим и почитаем вас. София Карамзина».

*Карамзин, 1866. С. 363–364 (№ 317).***Январь, 1 ... 18. Петербург.**

А. Бестужев в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет:

«Поблагодарите почтеннейшего Ивана Ивановича за его басенки, они всем очень нравятся и вообще они так хороши, что многим безымянность автора прозрачна, и мой башмак тебе не в пору служит лозунгом соединения».

ЛН. Т. 59. С. 210. Выделенная курсивом — строка из басни И. И. Дмитриева «Башмак, мерка равенства» («Да что ты, долгой, возмечатель?..»).

Январь, 4. Петербург.

Письмо Д. В. Дашкова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

В последнем письме я с сердечным удовольствием изведал ваше высокопревосходительство о здоровье Натальи Яковлевны <Плюсковой>, и в тот самый день узнал, что она опять занемогла. Карамзины, кои обыкновенно не верят болезням, нашли ее хотя и не в опасности, но с отменною слабостию. Теперь ей легче, но она не силах еще писать и поручила мне принести вам искреннейшую ее благодарность за поздравление с новым годом и взаимное пожелание всех возможных благ. Болезнь еще умножает обычайное ее уединение. В Шепелевском дворце, назначенном в. к. Михаилу Павловичу, до отстройки его собственного, оставлены на житье только Дибичь и она: очень натурально, что весь шум и приезд на стороне первого.

С живым удовольствием читали мы *Бакчисарайский Фонтан*, отрывок, показывающий какую-то зрелость таланта, по крайней мере в описаниях. Теперь Пушкину надобно учиться впору останавливаться. Говорят, что Вяземский печатает в Москве это стихотворение. В таком случае сделайте милость, заметьте ему

одно место, требующее исправления. Зарема умирает от рук *немых кизляров* – а *кизляр* по турецки значит просто *девушки*. Название *Кызляр-Агасси*, вероятно обманувшее Пушкина, значит начальника над девушками Харема. Не говорю уже о всеобщем европейском предрассудке (не менее того ложном) о немых, употребляемых на тайные казни в Харемах, но я бы и это выкинул из поэмы Пушкина, где так хорошо сохранены все местные краски.

Простите мне сию комментаторскую выходку; на праздниках я как-то опять принялся за свои греческие надписи и должен был прочесть полтома комментариев для того, чтобы хорошо понять дюжины две стихов. Педантизма заразителен».

РА. 1868. IV. 2. Стб. 599–600.

И. И. Дмитриев передал кн. Вяземскому замечания Дашкова, которые отчасти были приняты Пушкиным:

Стареют жены. Между ними
Давно Грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.

«Москва. 1824. Января 10 дня» – дата в белой рукописи первой части «Взгляда на мою жизнь».

Январь, 10. Москва.

Письмо И. И. Дмитриева к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 66* (1-я, старая, пагинация).

Январь (перв. пол.). Петербург.

В «Благонамеренном» (1824. Ч. 25. № 1. С. 72–79) в рубрике «Известия о новых русских книгах» А. Е. Измайлов печатает сообщение о выходе в свет 6-го изд. «Стихотворений И. И. Дмитриева» (С. 72–76).

Январь, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы, слава Богу! здоровы, но все еще не совершенно спокойны в рассуждении Государева здоровья: жар прошел; осталась слабость и три раны на ноге, который не могут закрыться скоро. Он еще более лежит, нежели сидит; хочет заниматься делами и не может. Никогда не чувствовал я так сильно моей любви к Нему, как в это время. Я предчувствовал, что 6 Генв.[аря] будет иметь худое следствие: в 13 градусов мороза и при сильном ветре Государь стоял на Неве с открытою головою; поехал в Царское Село, и там, вероятно, еще снова простудился. Не говорю о наших чувствах; скажу только, что здесь купцы и народ приходили к Обер-Полицеймейстеру спрашивать о здоровье Императора: это меня тронуло. Я уже с неделю не видал Императрицы Е.[лизаветы] А.[лексеевны]. М.[ария] Ф.[едоровна] спокойна, находя, что лицо Больного уже гораздо лучше: мы у Нее снова обедаем запросто; но мысль, что мы еще, может быть, долго не увидим Его на ногах, приводит меня в грусть. Между тем занимаюсь печатанием. Десятой Том отпечатан, кроме осьмушки. Белые тетради Царствования Разстригина остались у Государя. Я велел снова списать эту главу. – С нетерпением ожидаю твоих отрывков: сделай милость, пришли скорее; не откладывай. Прошу тебя усильно. – Я виделся и плакал с А. Д. Балашовым. Теперь слезы в семействе Белосельских. Прости, любезнейший. Всем семейством обнимаем тебя нежно. Будь здоров и бодр духом.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Еду взять у Сленина новое издание твоих сочинений».

Карамзин, 1866. С. 365–366 (№ 318).

Январь, 22. Москва.

Дмитриев высылает в Петербург А. А. Бестужеву и К. Рылееву два экз. только что вышедшего собрания своих сочинений. Одна из книг подписана: «Почтенным издателям Полярной звезды в знак признательности и уважения от безымянного. Москва. 1824. Января 22 дня».

Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева // ЛН. Т. 59. С. 320–321.

Январь, 28. Петербург.

А. Бестужев в письме к кн. Вяземскому в Москву сообщает, что «...издание И.[вана] Ивановича <Дмитриева> (я бью ему челом) пошло в расход и Вашим предисл.[овием] все восхищаются».

ЛН. Т. 59. С. 214.

Январь, 29. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. П. А. Вяземскому в Москву сообщает о выходе X тома «Истории Государства Российского»: «...Десятая часть Истории вышла».

ОА. Т. III. С. 6.

Январь, 29. Петербург.

Запись в дневнике А. А. Бестужева: «Письма к И. И. Дмитриеву, А. Пушкину и Туманскому».

Измайлов Н. В. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. Т. I. С. 145–150.

Январь, 30. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР.* Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 67–67об. (1-я, старая, пагинация).

Январь. Петербург.

В «Отечественных Записках» (№ 45) напечатана статья «Плавание по Волге в Казань на развалины Болгар в 1823 году» (подзаголовок: «Из Журнала издателя Отечественных Записках <Свиньина>»). Статья открывается эпиграфом из стихотворения Дмитриева «К Волге»: «Конец благополучну бегу... ~ ...Прости! Но прежде удостой».

Январь. Петербург.

В «Литературных Листках» (Ч. 1. № 2 (январь). С. 59–64; подпись: Ф.Б. <Ф. Булгарин>) в разделе «Волшебный Фонарь или Разные известия» в рубрике «Литература» напечатана рецензия на книгу «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. 6-е изд. СПб., 1823». Ф. Булгарин выступил с критикой на предисловие кн. Вяземского «Известия о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева» и в защиту И. А. Крылова против статьи кн. Вяземского.

Январь ... Февраль. Москва.

Дмитриев пишет и отправляет письмо («по легкой почте») в Петербург к А. А. Бестужеву.

РС. 1888. Т. 60. № 12 (декабрь). С. 585.

Февраль, 1. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Приношу, вашему высокопревосходительству чувствительнейшую мою благодарность за драгоценный для меня дар – новое издание ваших стихотворений.

Сегодня получил я с почты ваши книжки; отдам их завтра же переплести и поставлю на первое место в Русской моей библиотеке.

Чувствительнейшее также благодарю ваше высокопревосходительство за все ваши советы и наставления относительно моего журнала. Кипу бумаг Дегеннина охотно передам моему *чугунному лбу, русскому Жуи, польскому литератору* Фаддею Булгарину; готов поделиться ими даже и с *медным лбом*. Я дал себе клятву не принимать никаких статей от безграмотных наших переводчиков. Ах! сколько мытье чужого грязного белья отняло у меня времени! Еслиб не это, давно бы готов был у меня трактат о басне и комментарии на трех первых наших баснописцев, которых настоящего достоинства и теперь еще многие записные словесники не понимают. В случае недостатка материалов, лучше буду наполнять книжки выписками из книг. Но теперь, слава Богу, есть у меня материал. Немножко поотделался; хочется кой с кем поразделаться. За обедом у издателей *Полярной Звезды* торжественно дал я честное слово Булгарину сделать его бессмертным, но прежде совершенной казни вытерпит он у меня с братиею несколько мучительных пыток. Скажут ли-то они тогда, что *Благонамеренный забавен для своего круга!* На Святках в доме одних искренних моих приятелей давали маскарад. Мне присоветовали одеться Полярною Звездою. Я надел на себя арлекинское платье. Спереди и сзади прицепил две большие из серебряной бумаги звезды, по крайней мере по аршину. На шапке торчала еще маленькая серебряная звездочка. К поясу прицеплен был *фонарь критики* – детский барабан с надписью:

Ах лучше барабан поэта,

Чем грязный критика свисток.

Это стихи Туманского из *Полярной Звезды*. Вошедши в залу, забил я в барабан и потом сказал экспромтом краткую речь, в которой все выражения заимствованы были из обозрения Бестужева Русской Словесности. Ко мне пристал какой-то гений с букетом цветов, и давай говорить со мной языком модных наших романтиков. Все думали, что мы сговорились наперед, – так разговор наш шел удачно; но я через неделю уже узнал, кто действительно был этот гений. Вот почему Булгарин напечатал во 2-м № Литтературных Листов, будто я представил себя с *фонарем критики*, хотя всякой легко догадается, кого разумел я под именем *г. Безграмотного*.

После маскарада в том же самом доме представляли комедию Шаховского: *Своя семья*. Меня просили написать к ней пролог; я написал, но по некоторым обстоятельствам не захотели играть его; сделали другой, в котором приделал я только окончание и прибавил несколько стихов. – Препровождаю при сем к вашему высокопревосходительству этот пролог. Сочинитель оного есть молодой литератор г. Чеславский, которого чуть не проклиjali здесь за то, что осмелился после Лобанова переводить Федру. Прилагаю также свою безделку – песню; в прошедший раз забыл я послать ее к вам.

Крылов написал несколько новых басен. Я слышал только четыре, читанные им при мне у А. Н. Оленина. Очень хороши. – Три из них напечатаны будут во 2-м № Соревнователя.

Боюсь продолжать, чтобы не наскучить вашему высокопревосходительству. Других литтературных новостей у нас нет, кроме того, что запрещено писать о игре актеров. Недавно утверждено о сем положение комитета министров...».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 979–981.

Февраль, 4. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя и за дружеское письмо и за 2 экз. твоих любезных Стихотворений. У меня был уже купленной экземпляр, но эти красивее. Я перечитывал твои стихи с новым удовольствием, вспоминая время, когда что было писано и где в первый раз напечатано. Жаль, что ты много хорошего отбросил: это, право, излишняя строгость. Жаль также, что ты уважил критику Графа Сергея

Петровича и вместо: Смиранный кур любитель, поставил: Миротлюбивый житель. Если таких Критиков слушать, то мало останется целого и в Расине и в Лафонтене.

Слава Богу! мы спокойнее в рассуждении Государева здоровья и детей наших. Вильи уверяет, что мы скоро увидим любезнейшего Царя на ногах. Я дней шесть сижу дома от простуды; но Катерина Андр. была вчера на бале у Великой Княгини и слышала, что свадьба Михайла Павловича будет в Пятницу.

С нетерпением ожидаю твоих Записок, не для критики, а для удовольствия читать их: кто другой имеет более права на это? Мы и современники и земляки и друзья около сорока лет.

И в простуде хлопочу с типографию. Каждый день для меня дорог, а печатают медленно от беспорядка Руского и тошного...

И людям, со многих сторон щастливым, бывает грустно жить на свете, за себя и за других! Удовольствий так мало, а забот, горестей, досад и тоски такая пропасть! Мы виделись два раза с добрым Огаревым. Ты, верно, жалеешь, что он выехал из Москвы, и не знаю, к лучшему ли для него.

Обнимаем тебя нежно всем семейством. Здравствуй душею и телом! Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 366–367 (319).

Февраль, 4. Петербург.

В «Русском Инвалиде» (№ 29, 4 февраля) напечатано сообщение о продаже в Москве «Полярной звезды на 1824-й год» по повышенной цене.

Февраль, 6. Петербург.

В «Новостях Литературы» (Кн. VII. № 3. С. 33–45) напечатана статья «О новом издании стихотворений И. И. Дмитриева» (подпись: В <А. Ф. Воейков>). Автор приветствует выход очередного (6-го) издания сочинений Дмитриева стихами:

«Хвала, наш Дмитриев! Ты в Оде, Песне, Сказке
По плану, ходу пьес, завязке и развязке,
По строгой верности и слога чистоте,
Игривости ума, огню и остроте –
Классический поэт! Ты смел без напряжений;
Блистателен, но прост; изящный вкус – твой гений!»

Февраль, 12. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 527. № 127. Л. 1.*

Февраль, 14. Москва.

Кн. Вяземский пишет А. И. Тургеневу по поводу статьи Ф. Булгарина, напечатанной в «Литературных Листках» (№ 2): «...А между тем Булгарин лжет на меня, как на мертвого. Докажу ему, что лев, хотя и убит во многом, но еще не окошел».

ОА. Т. III. С. 10.

Ответ кн. Вяземского Ф. Булгарину «Несколько вынужденных слов» был напечатан в «Сыне Отечества» (1824. Ч. 92. № 14).

Февраль, не ранее 18-го. Петербург.

Карамзин получает при письме от Дмитриева первую часть его Записок.

Февраль, 18. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

От всей души благодарю тебя за искреннейшее, живое удовольствие, с которым я читал и перечитывал твои милые выписки, не довольный единственно их

краткостью, — от первой строки до последней, от Манженя, мне знакомого, до мыслей о назначении Поэзии. Все для меня интересно: и места и люди — не только Симбирск, но и Сызрань; не только Державин и Козлятев, но и Белоусов и Окоемов (так ли?), которых узнал или вспомнил я в числе Симбирских приятелей воего Батюшки. Даже и стихи Сумарокова к домику Петра Великого, не смотря на излишнюю глубину их смысла, показались мне отменно гармоническими и приятными в воспоминаниях юности. Тем более желаю читать целое, и вижу, что ты искусно связал две части, из которых оно составлено. Пишешь ли вторую часть? Но хочется вздохнуть при мысли, что такие сочинения выходят в свет уже во времена потомства, для нас метафизического: впрочем желаю ему доброго здоровья, и не завидую, в надежде читать твои Записки, от Альфы до Омеги, еще смотря на Автора, в твоём или моем кабинете, в Петербурге или в Москве, если сновидение моей жизни продлится до той минуты, как ты поставишь пункт для настоящего и будущего. Ты шутишь, ожидая от меня критики: мы братья-соученики; оставим критику Докторам и Профессорам. Совершенство таких книг есть приятность: все найдут ее в твоих Записках, если у всех мой вкус, которого (между нами будь сказано) не променяю и на вкус знаменитого Лелевеля, критикующего на Польском языке мою Историю. А как я, ненасытный, все еще не доволен, то не пришлешь ли еще листов пять-шесть; пока мы розно? уже не отрывками, а сряду. К лицам, означенным тобою для доверенности, позволь мне прибавить А. Тургенева и Блудова. Тетрадка лежит в святилище моего кабинета. В заключение обнимаю тебя нежно и с повторением сердечной благодарности.

Царь наш, слава Богу! уже выезжал в санях; но я еще не видал Его: Он приказывает ко мне только поклоны через Императрицу.

Надеюсь, что к третьей неделе Поста 11-й том моей Истории отпечатается, а на четвертой вступит в продажу (следственно будет у тебя).

Все мое семейство, как обыкновенно, уверяет тебя в нежнейшей любви. Будь здоров и весел.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Я почти все сижу дома, то от простуд, то от лени; но из любви к России и к Императрице М. Ф. раз пять был на экзаменах в Монастыре. На балы раза три ездили только Катерина. Андр. и Сонюшка».

Карамзин, 1866. С. 367—369 (№ 320).

И. И. Дмитриев не хотел прижизненной и широкой огласки содержания своих записок: в недшедшем до нас письме, которое он отправил вместе с рукописью к Карамзину, он составил, вероятно, очень небольшой список лиц, которым Карамзин мог дать эти записки для прочтения. Интересно, что в этом списке не было А. И. Тургенева и Д. Н. Блудова. Поэтому-то, вероятно, Карамзин в этом письме и просит Дмитриева к «лицам, означенным тобою для доверенности., прибавить А. Тургенева и Блудова». По завершении работы над записками Дмитриев составил три списка своих записок, которые передал на хранение Д. Н. Блудову, Д. В. Дашкову и кн. П. А. Вяземскому (*Карамзин, 1866. С. 0160*).

О совместном с Карамзиным ведении «корректур последних листов XI тома» пишет К. Сербинович в своем дневнике 18 февраля 1824 г. (*Сербинович, 1874. С. 66*).

Февраль, 18 ... Март, 5. Петербург.

Карамзина дает читать «Записки» Дмитриева Жуковскому.

Март, 2. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 527. № 127. Л. 2—3.*

Март, 5. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

X-й и XI-й томы моей Истории к тебе посланы на веленовой бумаге: желаю, чтобы ты мог читать их с удовольствием. Экземпляры для Московских Субскрибентов также отправлены мною вчера чрез Транспортную Контору; но боюсь медленности в доставлении от худой дороги.

У нас непрестанно больные: теперь беспокоит нас Катенька своим нездоровьем. Какой для нас год! Печален и вообще с разных сторон. Грустим за Ростопчиных. Уведомь, любезнейший, видел ли ты их после этой ужасной потери, и как они сносят ее. Смерть доброй Герцогини Виртембергской чрезмерно огорчила Императрицу Елисавету Алексеевну, которая была с нею дружна: Судьба отнимает у нее всех, ей милых, как бы для того, чтобы Она уже не имела никакой земной привязанности. Государь, слава Богу! здоров, хотя и не очень берег себя, то есть Свою ногу, по несколько раз в день бывав у Герцогини в ее тяжкую болезнь.

Дай Бог, чтобы ты долго, долго любовался порядком, в которой приведены тобою все твои бумаги! Я также собираюсь кое-что сделать на случай своей смерти, всего более страшась пережить милых, и ежедневно моля Бога пощадить мою слабость.

Теперь чтение твоих Записок услаждает Жуковского. Все жалеют, что оне коротки, и с нетерпением хотят читать остальное. Нельзя ли, милой друг, прислать еще несколько страниц? Будь милостив ко мне и другим Петербургским, достойным твоей доверенности.

Обнимаем тебя нежно всем семейством. Будь здоров и весел духом. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 369–370 (№ 321).

Под «грустью за Ростопчиных» Карамзин понимает кончину дочери гр. Ф. А. Ростопчина — графини Елизаветы Федоровны, последовавшей 1-го марта 1824 г.

Март, 7. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«При отправлении к вашему высокопревосходительству 3-ей книжки *Благонамеренного* я так был занят, что ничего не успел написать, а вложил только в пакет Астронома Кулика и один куплет из пародии: Извините, что случилось!

Вот и четвертая книжка *Благонамеренного*, вышедшая 5-ю днями после срока. В ней есть прекраснейшие стихи *последнейшего из певцев* и ученика его, студента ветеринарных наук Ивана Георгиевского, которого сравнивает он... как бы вы изволили думать, с кем? С М. М. Сперанским!!! – У нас из семинаристов выходят прекрасные люди, говорил граф? вот например; Сперанский, Георгиевский!» Стихи последнего напечатал я по просьбе почти всей Медикохирургической Академии, где он нетерпим; а кстати уже после них и стихи графа. Достанется мне за это в V-м №; несколько раз обманывал я публику, что не буду печатать у себя дурных стихов. Если же еще что нибудь Георгиевский, или граф Хвостов пришлют, то право напечатаю на обертке.

Граф не ездит ни в наше общество, ни в Российскую Академию. Сердится на президента ее что по сие время не дает ему большой золотой медали. Вчера получил я от его сиятельства поклон из бумажной лавки, где взял он полстопы бумаги на какие-то новые куплеты.

Пусть ученейший профессор г. Давыдов пишет трактат о ничтожности басенного рода в литературе; посмотрим, что он напишет: может быть, даст кому-нибудь сюжет к новой забавной басне. А у нас здесь проявился новый баснописец из самых старых словесников, именно Александр Семенович Шишков. Недавно пошла по рукам новая его басня: Эзоп и Скоты. Эта басня написана на Итальянском языке, а я давно уже читал ее на Французском. Как досадно, что позабыл имя Итальянского автора и Французского переводчика, хотя и есть у меня полное собрание басен последнего. – Басня предлинная и прекрасная. О Русском переводе нельзя сказать этого; впрочем найдется десятка с полтора хороших и, может-быть, до полудюжины и удачных стихов. За то сколько Славянских и площадных слов! Юпитер, Эзоп, Лев и Осел не говорят, а рекут, точно так как Душенька в забытой опере Потемкина. Лисица обвиняет Чечотку, что много летало к ней *хахалей*. Вместе с этой басней написаны два или три мадригала для альбомов; последние стишки очень хвалят фрейлины и штатс-дамы. Один из здешних государственных людей, имеющий в Германии славу ученого мужа и писателя, спрашивал знакомого мне литератора, в чем наиболее успели ваши словесники и особенно поэты. Тот

отвечал ему, что в баснях. – О, батюшка! сказал его пре-[восходительст]во помор-
цась. Это еще младенчество литературы – *Les baux esprits se rencontrent*: одина-
ково думают как в Москве, так и в Петербурге.

Отважные наши словесники не только бранятся, но и дерутся. Недавно выхо-
дил на дуэль издатель Полярной Звезды Рылеев, только не за стихи, а за прозу, и
ни с литератором, а с подпоручиком Финляндской гвардии, князем Шаховским,
мальчиком лет 18 или 19-ти, который написал более двух сот писем к побочной
его сестре, зрелой деве и наскучившей своим девством. Бог знает, кто кого из них
сооблазил; Кн. Шаховский не хотел было выходить на поединок; но Рылеев, с
разрешения сказать, плюнул ему в рыло, по правой, по другой, пинками... Друзья-
свидетели розняли и убедили того и другого драться по форме. Три раза стреляли
друг в друга: кн. Шаховской остался невредим, а Рылеев, как Ахилл, ранен в
пятю. Бедный лежит теперь в постеле; жена его, мать, побочная сестра и мать ее
также в постеле, все больны.

Приношу вашему высокопревосходительству чувствительнейшую, мою благо-
дарность за советы относительно *Благонамеренного*. Праха Дегеннина тревожить
не стану; а с 7-го №, которым начнется новая часть, если позволит возможность,
т. е. наличие материалов, стану отделять не только стихи от прозы, но и со-
чинения от переводов, и т. д.».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 982–984.

В 4-м № «Благонамеренного» за 1824 г. было напечатано (С. 281–282) стихотворение И. В.
Георгиевского «Безпристрастие мое при чтении: Благонамеренного» («Измайлов остр и колок ино-
гда...»).

Март, 8. Одесса.

Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет о Дмитриеве:

«...Жизни Дмитриева еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего
Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непро-
сительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь
чорт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей
басни Крылова; все его сатиры одного из твоих посланий, а все прочее первого
стихотворения Жуковского. Ты его когда-то назвал *Le poète de notre civilization*
<«поэт нашей образованности»>. Быть так, хороша наша *civilization!*..».

Акад., XIII. № 78, 78а.

Март, 10. Москва.

Выходит в свет «Бахчисарайский Фонтан. Сочинение Александра Пуш-
кина. Москва. 1824». Перед текстом: «Вместо предисловия. Разговор между
издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова»
(без подписи; <автор кн. П. А. Вяземский>).

Летопись, 1991. С. 399.

Март, 23. Москва.

Кн. Вяземский получает письмо А. С. Пушкина из Одессы от 8-го марта.
ОА. Т. III. С. 23 (письмо к А. И. Тургеневу от 24 марта 1824 г.).

Март, 27. Москва.

Дмитриев читает в «Вестнике Европы» (1824. № 5 (Март). С. 19–29) статью
М. П. Погодина «Нечто против опровержений г. Лелевеля <Н. М. Карамзина
по поводу местопребываний первых русских государей>»: (Отрывок 3).

В этом же номере «Вестника Европы» (С. 47–62) напечатана статья «Вто-
рой разговор между классиком и издателем Бахчисарайского фонтана» (под-
пись: N <М. А. Дмитриев>).

Март, 27. Москва.

Кн. Вяземский пишет ответ на анонимную статью <М. А. Дмитриева> в «Вестнике Европы»: «О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке *Вестника Европы* второго и подложного разговора между Классиком и Издателем *Бахчисарайскаго Фонтана*».

И. И. Дмитриев был, несомненно, знаком с содержанием этой статьи.

Апрель, 1 ... 3. Одесса.

Пушкин в пространном письме к Вяземскому в Москву не разделяет высокой оценки Вяземским творчества Дмитриева: «...Повторяю тебе перед евангелием и святым причастием – что Дмитриев, не смотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя В.[асилий] Львович». И сообщает о намерении «на днях написать кое-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского...».

Акад., XIII, № 81.

Апрель, 4. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь поздравить ваше высокопревосходительство с наступающим великопраздничным праздником Святыя Пасхи. От всей души, от всего сердца желаю, чтобы вы, милостивый государь, не только свой праздник, но и много много еще таковых праздников проводили в совершенном здравии и благополучии.

Вместо красного яичка препровождаю при сем к вашему высокопревосходительству мадригал Д. И. Хвостова, который хотя и не стоит простого яйца, но заслуживает внимания по своей ручной надписи одного из здешних благочестивых цензоров. Ах! и этот цензор, избегая неприятностей, намерен вскоре оставить свою несносную по нынешним обстоятельствам должность. Пожалеешь о чурбане, когда займет его место журавль! А верно определять кого-нибудь из ханжей и дураков, гораздо хуже, нежели Бируков. Надобно отдать ему справедливость, что он весьма благородно поступал с нашею братьею журналистами и не только не делал никому притеснения, но даже многих остерегал и берег.

Препровождаю также новую мою басню: *Слон и Собаки*. Согрешил, окрестил в полные третьяго дни после исповеди басурмана Поляка, Гречева ученика и клеветы, самозванца, критика и поэта. Месяца два, или три назад, за обедом у издателей *Полярной Звезды*, торжественно обещал я ему бессмертие. Сдержу слово, напишу сказку: *Фаддей чугунный лоб*.

С наступлением весны начнется, кажется, у журналистов прежаркая война. Позабавим на свой счет публику».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 984–985.

Апрель, 6. Светлое Христово Воскресение. Пасха. Петербург.

В «С.-Петербургских Ведомостях» (1824. № 31. 6 апреля) напечатано сообщение о произведении Карамзина в Действительные Статские Советники («...В воздаяние за ревностные труды»).

Апрель, 7. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Христос воскрес, любезнейший друг! Дай Бог тебе совершенного здоровья и спокойствия. Ожидаю весны с надеждою, что ея влиянием можем быть здоровее. Всего более тревожит меня одышка Катерины Андр.[еевны]. Другим лучше; а я как-то особенно мрачен душою, не смотря на данный мне чин. Вот сюрприз: стою на одном ряду с Куликом, но еще не дошел до нашего любезного Кашкина и ученого Графа Фед.[ора] Андр.[еевича] Толстого. Я пробыл у Государя в первый

день Праздника минут с 40, но Он не сказал мне ни слова об этом повышении за Годунова и Самозванца. Он, слава Богу! ходит пешком и ездит верхом, но долго стоять не может без боли в ноге: для того не выходил в большую Церковь, а слушал заутреню и обедню у себя в походной.

Любезной Наталье Яковлевне лучше; у нее была опять лихорадка. Жена моя поехала к ней: для того и не приписывает к тебе; ея именем поздравляю и обнимаю тебя вместе со всем нашим семейством.

Полюбился ли тебе Фонтан Пушкина? Слог жив, черты прекрасные, но в целом не довольно силы и связи. О Евнухе слишком много; речь Заремы слаба, кроме пяти или шести стихов; окончание хорошо. С нежностью целую тебя, милый друг.

Навеки твой

Н. Карамзин.

С некоторого времени Москва часто бродит у меня в мыслях: не в ней ли умереть тому, кто в ней жил? хотя и лень думать о переезде».

Карамзин, 1866. С. 370–371 (№ 322).

Апрель, 7. Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Скажи Жуковскому, что я получил его три экземпляра. Дал Дмитриеву и Антонскому... Писать больно, а руки между тем чешутся на Каченовского. <...> Меня Василий Львович мучит именем Сергея Львовича, будто не получившего экземпляра Фонтана. Что за вздор! Отблагодарит ли чем-нибудь императрица? Надоумь Карамзина. Чем же Полярная звезда лучше?».

ОА. Т. III. С. 30.

Имп. Елизавета Алексеевна ничем не отблагодарила Пушкина за поднесенный экземпляр «Бахчисарайского фонтана», а «Полярная Звезда на 1824 год», поднесенная обеим императрицам, «удостоилась высочайшего внимания»: К. Ф. Рылеев получил два бриллиантовых перстня, а А. А. Бестужев — золотую прекрасной работы табакерку и бриллиантовый перстень. «Полярная Звезда на 1824-й год», продававшаяся по 10 рублей, была раскуплена в три недели в количестве 1500 экземпляров. Ни одна русская книга не пользовалась таким успехом, за исключением «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина» (ОА. Т. III. С. 403. Примеч. В. И. Саитова).

Апрель, 8. Москва.

Письмо Дмитриева к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 68–68об. (1-я, старая, пагинация).*

Апрель, 10. Москва.

Кн. Вяземский в письме в Петербург к А. И. Тургеневу пишет:

«За Каченовского ополчился на меня Дмитриев-племянник. По крайней мере, таков общий голос». Здесь же эпиграмма кн. Вяземского на М. А. Дмитриева: «Клеврет журнальный, Аноним / Помощник презренный ничтожного бессилья» (всего восемь стихов).

ОА. Т. III. С. 31.

М. Т. Каченовский в письме от 12 апреля 1824 г. в Петербург к Ф. Булгарину сообщал, что «война с знаменитыми друзьями идет своим чередом» и что Вяземский, ошибочно почитая его <Каченовского> автором статьи о «Бахчисарайском Фонтане», напечатанной в 5-м № «Вестника Европы», «извергнул в Дамском Журнале кипящую лаву ругательств, сарказмов и даже угроз» (РС. 1903. Декабрь. С. 608–609).

Апрель, 14. Москва.

В «Дамском Журнале» (№ 7. С. 33–39) напечатана статья «О литературных мистификациях, по случаю напечатанного в 5-й книжке *Вестника Европы* второго и подложного разговора между Классиком и Издателем *Бахчисарайскаго Фонтана*» (подпись: Князь Вяземский). Под текстом помета: «Москва 27-го Марта 1824 года».

Апрель, 20. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 69* (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 22. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Теплые дни заставили было мыслить нас о Царском Селе; но вдруг занемог третий сын наш, и по видимому корью: вероятно, что она пристанет и к другим детям; тогда, Бог знает, можем ли выехать из города и в Июне. Жар у больного не силен; но грустно ждать болезни и всех других, еще веселых. Впрочем жаловаться не смеем. Дай Бог только, чтобы все остались живы, пока я жив!

Государь любезно писал ко мне из Царского Села, что Он дал чин Историографу, а не Карамзину. Впрочем Историограф старается вместе с Карамзиным и следственно уже не может очень радоваться чинами, ни лентами. За Государя же молюсь усердно, любя Его искренно и считая весьма нужным для России. Да, лучше наслаждаться, нежели смотреть Сентярем, как я смотрю часто, хотя и благодарю Бога за жену, за детей, за друга, добрых приятелей, не забывая и милости Царской, трогательной для моего сердца.

Сделай одолжение, доставь приложенное письмо Вас.[илию] Льв.[овичу] Пушкину.

Все мои, жена и дети, уверяют тебя в нежнейшей привязанности. Будь здоров и спокоен духом, милый друг!

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 371–372 (323).

Апрель, 24. Москва.

В «Вестнике Европы» (№ 7. С. 196–211) опубликован «Ответ на статью: О литературных мистификациях» (подпись: Михаил Дмитриев). Помета: «15 апреля».

Май, 1. Москва.

Кн. Вяземский в письме к Воейкову в Петербург излагает историю продажи им рукописи Пушкина «Бахчисарайского фонтана» Пономареву и просит, если нужно, напечатать ее в издаваемых им «Новостях литературы». Переходя к вознижней между ним и М. А. Дмитриевым полемике по поводу «Бахчисарайского фонтана», Вяземский негодует на Дмитриева, «вышедшего в бой полемический под знаменами Каченовского, который воюет против одних изящных писателей наших – Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Пушкина».

Летопись, 1991. С. 414.

Май, 8. Москва.

В «Вестнике Европы» (№ 8. С. 271–301) напечатана статья «Возражения на разбор Второго разговора» (подпись: Михаил Дмитриев). Помета: «25 апреля».

Май, 13. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург:

«Любезный Осип Егорович!

Сделайте одолжение потрудитесь справиться у Г. Гиппиуса живущего на Н.[евском] п.[роспекте] в доме Глазунова над косметическим магазином, не может ли он мне уступить по выбору из его тетрадей несколько портретов по записке, которую при сем прилагаю.

Знаю, что он не согласится разбивать свои тетради; но у него, верно, есть много лишних против числа сускрибентов; и в том предположении я и решился обратиться к вам и к нему с прихотливою моею просьбою.

Если будет удача, то прошу о том уведомить, тогда я пришлю к вам за них и деньги, коих прич.[итае]тся 25 р.

В случае же неудачи нельзя ли постараться уговорить его к уступке хотя двух портретов: 1) Карамзина и 2) Шишкова.

За тем с почтением и привязанностью к вам навсегда пребуду вашим покорным слугою

Иван Дмитриев.

Р. С. Еще прошу вас доставить отправленную при сем к вам посылку издателю *Полярной Звезды* гвардии драгунского полка поручику или штабс-капитану Александру Александровичу Бестужеву. Она уже давно послана была в Петербург, но на сих днях возвращена ко мне из тамошнего почтамта, будто за неотысканием его квартиры. Вы можете узнать об ней от Александра Ивановича Тургенева. Если же он не находится в Петербурге то прошу вас отдать посылку товарищу его (по *Полярной Звезде*) Рылееву, ибо в посылке находится и на его долю книга. При чем прошу вас объяснить им и причину, почему она так поздно до них доходит».

Памятная записка при письме:

«Портреты работы Г. Гиппиуса, коих желал бы иметь:

1. И. А. Крылов
2. М. М. Сперанский
3. Граф Каподистрия
4. Шишков А. С.
5. Карамзин Н. М.».

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 70* (1-я, старая, пагинация). Впервые: Вацуро, 1980. С. 424–425.

Май, 13 ...14. Москва.

Дмитриев получает из Петербурга посылку с книгами, адресованную А. А. Бестужеву и отправленную еще 22 января с. г.

См. «1824. Январь, 22».

Май, 15. Москва.

Дмитриев отправляет при письме к А. А. Бестужеву в Петербург посылку с книгами на его имя, возвращенную накануне:

«М.[илостивый] г.[осударь] мой Александр Александрович!

Вслед за последним письмом, которое имел удовольствие от вас получить, я отправил на ваше имя два экземпляра моих стихотворений: один для вас, а другой для г.[осподина] Рылеева. Тогда же и писал к вам по легкой почте. Это было еще в январе или феврале; ныне же, к удивлению моему, я получил из П.[етербургского] П.[очтамта] посылку мою обратно, будто за неотысканием вашей квартиры. Препровождая к вам ее в другой раз уже с большею осторожностью, я покорнейше прошу вас и почтенного вашего сотрудника принять мои экземпляры знаком искреннего моего к обоим уважения и не вменить мне в неучтивость, что я не сделал на них своеручного надписания. Одна только скромность удержала руку мою; к сочинениям моим приложена и моя биография, в которой любезный автор, увлеченный приятию, возносит меня не по мере заслуг моих.

Примите равно и свидетельство искреннего моего почтения и преданности, с какою навсегда имею честь быть вашим покорнейшим слугою. Иван Дмитриев.

Р. С. Если вы расположите когда почтить меня вашим письмом, то я прошу вас на всякий случай ваш адрес: имя улицы и хозяина квартиры; также уведомьте меня и о том, получен ли вами ответ мой на последнее ваше письмо».

РС. 1888. Т. 60. № 12 (декабрь). С. 585.

Май (перв. пол.). Москва.

Дмитриев хлопочет через Карамзина о пенсии В. В. Измайлову.

Карамзин, 1866. С. 372.

Май, 17. Петербург.

Увольнение А. И. Тургенева с поста Директора Департамента Духовных Дел, последовавшее вслед за отставкой кн. А. Н. Голицына (15 мая 1824 г.).

Май, 20. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Я знаю и люблю Измайлова, умного и доброго: следственно не можешь сомневаться в моем усердии к его благу. Но лучше это сделать с наблюдением строгого приличия. Я человек посторонний, не в делах: какое право имею выпрашивать пенсии? Мы с Тургеневым придумали исходатайствовать ее через Министра (бывшего): он взялся, не успел доложить, однакожь и теперь хочет, как бы в заключение своей Министерской деятельности; желает только, чтобы ты написал к нему о состоянии и достоинствах Владимира Васильевича. Успех кажется ему несомнительным. Сделай милость, напиши к Князю. Если же решительно не захочешь... но я надеюсь, что захочешь.

Ты уже верно знаешь о перемене в Министерстве Духовном и Просвещения: А. С. Шишков на месте Князя, за исключением Дел нашей Церкви, которые будут зависеть единственно от Синода. Это важно для меня только в отношении к любезнейшему нашему Тургеневу.

Я не писал к тебе о ссоре братьев для того, что и ты не говорил мне об этом ни слова; а здесь ничего не слышал, кроме сказанного мне А. Д. Балашевым. Жаль и грустно что умной и добродетельной человек имеет такого брата.

Слава Богу, наш большой Николай почти совсем здоров. Мы еще не обжились здесь. Спешу кончить. У нас гости. Будь здоров и спокоен. Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 372–373 (№ 324).

Май, 23. Петербург.

В «Русском Инвалиде» (1824. № 122) напечатано сообщение о кончине Байрона 19-го апреля 1824 г. в Миссолунгах (Греция).

Май, 26. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург:

«Любезный Осип Егорович.

Искренно благодарю за сообщение новостей, но еще больше за ваше ко мне усердие в исполнении даже и прихотных моих желаний и за обещанный портрет Н.[иколая] М.[ихаиловича Карамзина], но с тем условием, чтоб вы позволили мне прислать за него деньги если он вами куплен. Признаюсь однако ж, что мне лучше бы хотелось иметь Шишкова; и по сходству, и по расположению он лучший из Гиппиусовых портретов. Предпочитаю его и потому, что не имею ни одного, а портретов Карамзина, у меня много. Дождусь ли я, наконец, первых томов, начав с 1-го *Varreau français*. Я уже дал слово впредь не тешить хитрых и неучтивых парижских книгопродавцев и не покупать боле в разбивку, о чем уже и объявлено от меня здешним. Но *Varreau* и *Biographie etc.* на нынешний год из того исключаяю.

Впрочем с совершенным моим почтением пребуду вашим покорным слугою

И. Дмитриев».

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 71* (1-я, старая, пагинация). Впервые: *Вацуро, 1980. С. 425–426.*

В письме речь идет о приобретении «*Varreau français...*» (Paris, 1821–1827. Vol. 1–18.) и «*Biographie des contemporains etc...*», которое Франк посылал Дмитриеву еще в 1822 и 1823 гг.

Май, 30. Остафьево.

Кн. Вяземский в письме к Д. В. Дашкову сообщает, что на днях обедал в городе у И. И. Дмитриева.

Гиллелсон М. И. Материалы по истории Арзамасского братства // Пушкин. Исслед. и мат. Т. IV. С. 299.

Июнь, 13. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Ты дал словам моим не тот смысл, в котором я написал их: я не отказывался ходатайствовать за пенсию Измайлова, а думал только, что приличнее выпросить ее через Министерство; так думаю и теперь, надеясь, что Князь Александр Николаевич по данному обещанию доложит Государю о нашем собрате по Литературе. Увидим.

С живым участием и почти с удивлением читал я записку о раздоре братьев. Жалею, находя, что с обеих сторон не без вины, то есть не без упрямства. Как бы, кажется, не согласиться в обоюдном добром расположении! Завещание напоминает старину. Холсты, пряжа и 5 рублей на человека!

Мне грустно воображать тебя не веселым и хворым, как ты пишешь, любезнейший друг. Ради Бога, не отвыкай от ходьбы, которая поддерживает не только тело, но и бодрость нравственную: говорю по опыту. Сам начинаю лениться, однакожь шпорю себя и брожу. С прекрасным сложением, с полною деятельностью ума еще можешь долго, долго наслаждаться жизнью, даром Божиим, следственно хорошим. Ты читаешь – а пишешь ли вторую часть своих Записок? Вспомни, что ты обещал еще кое-что выписать из них для меня; а после уже молчишь. Именем дружбы убеждаю тебя исполнить обещанное.

Благодарю тебя, любезнейший, за предостережение от сквозных ветров: следую твоему совету, но парика еще не заказал; моя плешивая голова не терпит крышки. Доброй и любезной Тургенев спокоен в чувстве своей правости; а я, любя его как брата родного, любя искренно и доброго Царя, был грустен, и все еще жалею, очень жалею. – И Шатобриан в ретрете; но он виноват: будучи Министром, шел против закона, предложенного Королем.

Мы, слава Богу! почти совсем здоровы. Сонюшка зашибла себе ногу, Саша ранил себя в бороду; обоим лучше. Я горюю только о засухе и пишу Шуйского, кое-как. История моя худо продается; говорят, что все худо продается. Так и быть. Кончить надобно, пока живу и могу писать.

Нежно обнимаем тебя, милый друг, всем семейством. Будь как можно здоровее и веселее.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 373–374 (№ 325).

Июнь, 17. Петербург.

А. А. Бестужев в письме к кн. Вяземскому пишет:

«...Россию нельзя сравнивать с Францией; у нас не позволяют и читать энциклопедии, не только писать что-нибудь подобное. Но главное неудобство есть недостаток доброй воли, назовите мне, кроме И. И. Дмитриева, хоть одного значущего человека, который бы захотел там участвовать».

«Переписана в Москве Июня 24 1824 года» – дата в белой рукописи второй части «Взгляда на мою жизнь».

Июнь, 26. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 72–72 об. (1-я, старая, пагинация).*

Июль, 17. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

У нас все больные: после Андрея Сонюшка. Ей приставили к опухоли на шее шесть пиявиц и не могли унять крови в течение десяти часов, так, что у нее было три или четыре обморока. Теперь она собирается с силами, но страдает от нарыва

в том месте, где была опухоль. И я не совсем здоров, от излишней раздражительности нерв; в мыслях черно, а чувствую, что мне должно благодарить Бога. Развели меня продолжением твоих Записок и новым сообщением мне столь интересных для меня отрывков. Ты остановился на важном пункте; но не стой же долго: вперед и вперед; не увидишь, как допишешь. Впрочем желаю, чтобы ты писал как можно долее: то есть, приятно занимался воспоминаниями. Меланхолия моя питается и печальными слухами о саранче, о непрестанных дождях внутри России, о худой надежде на жатву: ибо я, уже мало занимаясь политикою, все еще принимаю живейшее участие в Физическом благосостоянии России. К тому же имение наше в расстройстве: крестьяне худо платят оброки и худо слушаются. Мысль, что мне для восстановления порядка придется, может быть, ехать и в Орел и в Нижний, весьма для меня тяжела. Пишу мало, однакожь пишу, во всяком случае последний 12-й том: им завещаю для двух тысяч современников (НВ. по числу купленных экземпляров) и для потомства, о котором мечтают орлы и лягушки авторства с равным жаром. Наше просвещение лезет в гору: то ли будет со временем! Князя А. П. Оболенского удержали в кураторстве; так угодно было Государю. Говорят о других новых Кураторах, но едва ли справедливо. Министра я уже не видал с месяц. Люблю его за доброе сердце.

Обнимаю тебя нежно, любезнейший друг, за себя и за все мое семейство. Будь здоров и спокоен.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 374–375 (№ 326).

Август, 6. Москва.

Обед у московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. На обеде присутствуют И. И. и М. А. Дмитриевы. Последний читает написанный им пролог к открытию Большого Театра «Торжество муз». Примирение М. А. Дмитриева с дядей – И. И. Дмитриевым.

Боленко, 2004. С. 370.

О конфликте с И. И. Дмитриевым М. А. Дмитриев вспоминал: «Под второю статью <«Ответ на статью: О литературных мистификациях»> я выставил свое имя, и на меня обрушилась не только вся злоба моего противника <кн. Вяземского>, но и полное негодование моего дяди! <...> Он перестал принимать меня <...> Я просил о посредничестве другого, двоюродного дядю, Платона Петровича Бекетова. Он сказал мне, с обыкновенным своим добродушием, что усевещивал Ивана Ивановича, который отвечал, что я забыл, что Вяземский сын его друга <Карамзина>! (Это не правда: князь Андрей Иванович <Вяземский, отец кн. П. А. Вяземского> был только коротким его знакомым.) – Бекетов возразил ему, что я еще к нему ближе: сын его брата. Ничто не помогло: мы с дядей расстались...» (*М. Дмитриев, 1998. С. 219–222*).

Август, 15. Царское Село.

Гр. Аракчеев в письме к А. С. Шишкову пишет:

«Действительный Тайный Советник Дмитриев ходатайствует, через посредство Статского Советника Карамзина о пожаловании пенсионера 1200 руб. отставному майору Измайлову...». Далее Аракчеев спрашивает А. С. Шишкова от имени имп. Александра I: «...Известен ли вам оный г. Измайлов и с какой стороны; равно заслуживает ли он испрашиваемого ему пенсионера».

Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Berlin. 1870. С. 180.

Август, 17. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Спешу известить тебя, что я перед отъездом Государя вручил Ему записку о пожаловании пенсии 1200 р. В. В. Измайлову: Он по Своей милости обещал. Когда узнаю об Указе, дам тебе знать немедленно. До того времени лучше еще не сказывать Владим. Васильевичу. Я не сомневался в успехе: мне хотелось только строго соблюсти формы, но не удалось. Это сделано более для тебя, нежели для

меня: Государь знает о твоём участии или ходатайстве и любит при всяком случае доказывать Свое к тебе благоволение.

Сердечно благодарю тебя, любезнейший друг, за сообщение нового отрывка из твоих Записок: какое для меня воспоминание! Любопытно и для потомства. Я желал бы еще более подробностей. – Вероятно, ты на меня не рассердишься, что я давал читать твои любезные отрывки Императрице, Елисавете А.[лексеевне]: Она читала их с живейшим удовольствием и хвалила твою живопись. Это дало нам материю на приятной разговор о тебе и минувшем времени. – Я ненасытин: хотел бы еще чегонибудь. Не лъзя ли?

Царь поехал от нас, Слава Богу, здоров: дай Бог, чтобы и возвратился здоров! Этого желаю еще более, нежели продолжения Его милости к нам. Накануне Своего отъезда, когда со всех сторон к Нему приступали с делами, Он провел у нас более полутора часа. Должны ли мы быть признательны? Но любовь моя к Нему существует сама собою и без признательности. Вопрос: на пути ли в Казань или из Казани Екатерина II была в Симбирске?

Всем семейством обнимаю тебя нежно.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 376 (№ 327).

Август, 17. Царское Село.

Карамзин в письме к кн. Вяземскому в Москву сообщает, что «скоро отправится к вам Тургенев на 28 дней... И Северин к вам едет».

СН. 1897. Кн. 1. С. 155–156 (№ 133).

Август, 20. Петербург.

А. С. Шишков на письмо гр. Аракчеева от 15 августа отвечает:

«По ходатайству Ив. Ив. Дмитриева, через Карамзина, 1200 руб. пенсиона отставному майору Владимиру Васильеву сыну Измайлову (живет в Москве), который сочинениями и переводами хороших книг приобрел известность в нашей словесности: человек добрый, умный и бедный до крайности...».

Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Berlin. 1870. С. 180.

Август, 24. Москва.

Выходит в свет книга К. Ф. Колайдовича «Иоанн, ексарх болгарский.: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий... – Москва: В тип. Семена Селивановского, 1824».

Книга издана на счет гр. Н. П. Румянцева. Ценз. разр. выдано М. Гавриловым 10 дек. 1823 г. Печаталась с 13 декабря по 24 августа 1824 гг. Экземпляр с дарственной надписью гр. Н. П. Румянцева И. И. Дмитриеву хранится в б-ке МГУ (см.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 2. № 3281 (в печати)). За сообщенные сведения о содержании второго тома «Сводного каталога» благодарю И. Л. Карпову, ст. науч. сотр. НИО редких книг (Музей книги) РГБ.

Август, 29. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 73–73 об. (1-я, старая, пагинация).*

Август ... Сентябрь (перв. числа). Царское Село.

Имп. Елизавета Алексеевна читает «Записки Дмитриева».

Карамзин, 1866. С. 377.

Сентябрь, 4. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Указа о пенсии В. В. Измайлову еще нет ни у Министра Финансов, ни в Кабинете. Государь или не успел или забыл. Я буду справляться, и если до возвраще-

ния Императора ничего не узнаю, то осмелюсь Ему напомнить. Между тем желаю, чтобы Владимир Вас. не знал прежде времени о наших хлопотах.

Ты укоряешь меня нескромностию, а я даю тебе еще оружие в руки: и другой отрывок Записок у Императрицы; Она держит его: угадай, для чего? Списывает собственною рукою для Государя, желавшего знать, как ты описываешь случай, Ему известный <против этих слов на полях приписано: “между нами”>. Прошу иметь ко мне доверенность дружескую. Знаю, что тут нет ничего, кроме приятного для автора; знаю Ее, знаю Его, и доброе Их к тебе расположение. Здесь осторожность была бы излишнею.

Жаль, что ты, любезнейший, не мог встретить Государя на берегах нашей родимой Волги, тобою воспетой: это было бы приятно и Ему и тебе. Но осень конечно не благоприятна для дальнего путешествия в наши лета. Я, кажется, сказал тебе, что Государь принял от меня краткую историческую Записку о городах, которые Он теперь видит: в десяти строках о Симбирске не забыл я нашего славного Белого Ключа, ни столетнего Елисея Кашинцова, звонившего в колокола, когда Симбирск праздновал Полтавскую победу, и бывшего гребцом на лодке Петра Великого, когда он плыл в Астрахань, начиная войну Персидскую. Я обрадовался, нашедши здесь у живописца Орловского старинные часы с вырезанным на них именем этого Елисея, который угощал меня в ребячестве банею и зеленым чаем. Мир его праху!

Начало осени прекрасное. Как-то у вас в Москве? Читал ли ты пышную хвалу Графу Хвостову в *Revue Encyclopédique*. Я недавно благодарил его за присылку стихов: он хотел напечатать мое письмо в журнале; но, вероятно, не пропустила Ценсура.

К слову о Ценсуре прибавлю, что новый Министр Просвещения думает учредить новую, и посадить в этот трибунал человек шесть или семь: на всякую часть Литтературы будет особенный Ценсор. Тото раздолье! Словесность наша с Ценсорами процветет и без Авторов.

Всем семейством обнимаем тебя нежно, любезнейший друг. Будь здоров.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 377–378 (№ 328).

Сентябрь, 6. Утро. Петербург.

А. И. Тургенев выезжает в Москву; по дороге заезжает в Царское Село проститься с Карамзинными.

Сербинович, 1874. С. 73: записка Карамзина к Сербиновичу «...В нынешнее утро простились мы Александром Ивановичем <Тургеневым>; поехал в Москву...».

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 64 года.

Сентябрь, 10(?) ... 12(?). Москва.

Приезд А. И. Тургенева из Петербурга.

Сентябрь, 15. Остафьево.

Кн. Вяземский пишет Тургеневу:

«Сообщи Ивану Ивановичу <Дмитриеву> одесский гостинец – *На трагедию Графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой* <далее приводится весь текст эпиграммы Пушкина «Подобный жребий для поэта»>».

ОА. Т. III. С. 82–83.

Сентябрь, 20. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Что за поклеп? От роду и не слыхивал от А. И. Тургенева о твоём экземпляре Маржерета: он мое, а не я его добро пересылал в Москву. У меня только мой

экземпляр, с надписью Издателя К. Гагарина на мое имя: он может быть месяца через два или три к твоим услугам, измаранный чернилами и карандашом. Заочно мою голову любезному Тургеневу, хотя и без сердца: он сгоряча не поберег меня в твоём мнении; но истина рано или поздно торжествует, как говорят старожилы здешнего света: я стою перед тобою с светлым взором невинности, а Тургенев с унынием грешника и с раскаянием, как надеюсь, для спасения его души; ему не учиться покаянию: он долго возился с Духовниками белого и черного цвета. Это старая шутка: новые нейдут в голову от зубной боли, которая тревожит меня и днем и ночью, хотя и не без отдыха.

Мне и самому больно, что не дано Указа о пенсии Владим. Васильевича. При первом случае напомним. Государь писал из нашего Симбирска к Императрицам: хвалит местоположение, но говорит, что песчаные острова Волги неприятны для глаз. Как мне жаль, что брат Вас. Мих. по своему слабому здоровью не мог Ему представиться! Государь хотел его видеть.

Я смотрю с умилением на Графа Хвостова и на Княгиню Прозоровскую: на первого за его постоянную любовь к Стихотворству, на другую за такую же любовь ко Двору, ни мало не охлаждаемую преклонными годами. Это редко, и потому драгоценно в моих глазах. Смейся, если угодно: я уважаю Хвостова, и более многих юных Стихотворцев, которых имена вижу в Журналах, и которых также не читаю; он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу услышу, что Граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет. В этом смысле написал я некогда в Album своей ближней: «желаю тебе быть достойною счастья еще более, нежели быть счастливою». Столько строк в письме к другу посвятить размышлению о Графе Хвостове не есть ли доказательство моего особенного к нему уважения – к поэту, а не к человеку: ибо он сам ставит в себе поэта гораздо выше человека?

Все Павловское теперь в Гатчине, и мы живем уединеннее. Самый приятнейший день есть для меня тот, в который бываю дома с утра до вечера; тогда я на своем месте. Способность моя к работе верно умалывается; но все еще люблю сидеть в кабинете около пяти часов, с пером в руке занимая свой ум и воображение. А там чтение, жена, дети; а там грусть, которая не оставляет меня, но от которой я не бегаяю.

Нежно обнимаем тебя всем семейством. Навеки твой Н. Карамзин.

От всего сердца поздравляем будущего милого Имянинника: дай Бог тебе всего, что входит в состав земного счастья человеческого. Еще раз обнимаю тебя нежно».

Карамзин, 1866. С. 378–380 (№ 329).

О конфликте вокруг Маржарета см. в письме Карамзина к А. И. Тургеневу от 20 сентября 1824 г.: «А теперь начну бранить вас нещадно: как можно было взвести на меня небылицу? Сказать Ивану Ивановичу, будто бы вы, уже месяца за три перед сим, отдали мне *Маржарета* для пересылки к нему. Не я ваше, а вы мое обыкновенно пересылали в Москву. Ваш *Маржарет* из моих рук был в руках у Лаваль и к вам возвратился. Более ничего не знаю и прошу примирить двух старых друзей искреннею повинною в шалости вашего воображения...» (РС. 1899. Март. С. 226). В настоящее время карамзинский экземпляр Маржарета хранится в библиотеке МГУ (см.: «1826. Февраль, 18»).

Сентябрь, 20. Петербург.

А. А. Бестужев просит в письме кн. Вяземского уговорить И. И. Дмитриева к участию в «Полярной Звезде».

ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 223.

Сентябрь, 23. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 74 (1-я, старая, пагинация).*

<1824 г. Сентябрь – Октябрь (не позже 4-го)>. Москва.

Дмитриев в письме к В. А. Жуковскому в Петербург пишет:

Милостивый государь. Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за обязательное ваше писание. Я не хочу повторять того, что говорено было с Н.[иколаем] М.[ихайловичем Карамзиным], но могу вас уверить, что люблю и по крайней мере желаю быть всегда искренним и беспристрастным в моих суждениях.

Ваша актриса Колосова утешила всю Москву прекрасною своею игрою. Она играла в Мизантропе, в Танкреде; завтра будет играть в одной из комедий Мариво, а 4 Октября декламировать одну сцену из Андромахи в какой-то интермедии, под названием *Маскерад или вечеринка артистов*. Лучше бы услышать ее в целой трагедии».

РА. 1871. III. 2. Стб. 410 (не датировано); перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 287.

Октябрь, 14. Москва.

Кончина Анны Львовны Пушкиной (род. 20-го марта 1769).

Октябрь, не ранее 14-го. Москва.

На кончину А. Л. П...[ушкиной] («И так уж нет тебя, страдалица земная...»).

Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. Л. 9: текст стихотворения).

Октябрь, 20. Царское Село.

А. И. Тургенев, возвращаясь из поездки в Москву, заезжает к Карамзиным. Разговор с Н. М. Карамзиным о И. И. Дмитриеве.

Карамзин, 1866. С. 380.

Октябрь, 21. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

С сердечным удовольствием исполняя твою волю, посылаю тебе свой измаранный экз. Маржерета: пусть остается в твоей библиотеке памятником того, как я читал и марал в своей исторической деятельности! Она уже близка к концу. Списываю вторую главу Шуйского; еще главы три с обозрением до нашего времени, и поклон всему миру, не холодный, с движением руки на встречу Потомству, ласковому или спесивому, как ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще с некоторою полнотою духа, живостью сердца и воображения. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь с пером в руке, до пункта, или перо выпадет из руки от какогонибудь паралича. Но да будет воля Божия! В сердце моем есть желание еще сильнейшее: не пережить жены, сохранить детей и друзей. Вот мысли, которые представились мне при отправлении Маржерета!

Я много расспрашивал о тебе у любезного Тургенева: он был у нас и проездом и нарочно вчера. Приехал и Северин, но мы еще не видались; мне совестно звать его в такое время, когда лучше сидеть перед камином, нежели в коляске. Мы еще сидим, стоим и лежим в Царском Селе, хотя и не на сквозных ветрах, как ты воображаешь, а в комнатах теплых. Бодро гуляем, занимаемся кое-чем в день, а ввечеру приятным семейственным чтением романов: я плачу как ребенок, и доволен. Наталья Яковлевна еще здесь, но уже собирается ехать в город. Ждем Царя после завтра: при первом случае напомяну ему об Измайлове. В Гатчине спектакли, картины etc. Я был там только два раза. Не легко ездить и за 20 верст в глубокою осень. Не знаю, что делается в городе; слышу только, что Магницкой в большом кредите у Министра Просвещения. Вот тебе здешние вести. Муж, жена и дети, все обнимаем тебя нежно. Будь здоров, любезнейший друг! Навеки твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 380–381 (№ 330).

Октябрь, 21. Царское Село.

Н. М. Карамзин высылает И. И. Дмитриеву «свой измаранный экз. Маржерета».

Карамзин, 1866. С. 380.

Октябрь, 23. Царское Село.

Приезд имп. Александра I из поездки в поволжские губернии.

См. записку Карамзина к Сербиновичу от 24 октября: «Царь наш вчера, в 9-ть часов вечера благополучно прибыл; но мы его еще не имели счастья видеть» (*Сербинович, 1874. С. 73–74*).

Октябрь, 27. Москва.

Кн. Вяземский в письме спрашивает А. И. Тургенева:

«Где этот номер «*Courrier de Londres*», из которого выписаны статьи о Дмитриеве и Жуковском?». Далее кн. Вяземский сообщает А. И. Тургеневу, что И. И. Дмитриев сообщил ему «два твои письма к нему».

ОА. Т. III. С. 85. См.: «1814. Май, 25».

Октябрь, 30. Москва.

Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«Спешу изъяснить вам, любезный и почтенный земляк, чувствительную благодарность и за второе письмо, и за доставление мне хрустальных хлопушек. Они довольно забавляли меня, особенно же под № 1 и последним (свисток и ех nihil, nihil). Со всем тем, признаюсь, *Литтературные Листки* я почитаю лучшим из наших журналов. В них, по крайней мере, журналист сам действует непрестанно в виду, часто импровизирует, и всегда готов к отражению партизанских набегов. Я люблю эту живость. Последние стихи молодого Пушкина очень милы. В них легко узнать черты милого и доброго Жуковского. Они далеко лучше прежних отрывков из Онегина. Когда увидите Ивана Матвеевича <Муравьева-Апостола>, прошу вас ему от меня поклониться, но вместе и попенять, за что вздумалось ему смутить спокойствие дряхлого инвалида и заставить его опять ломать голову? Но инвалид не изменил своему характеру. Сообщаемая при сем копия да послужит вам тому доказательством. Прошу только не пускать ее в огласку. Не только прошу, но и *чур*.

Карниолин-Пинский растрогался вашим к нему благорасположением и поручил уверить вас в благодарности его беспредельной.

Затем мысленно вас обнимаю и с душевным почтением навсегда имею честь быть Вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

P. S. На днях я получил без письма несколько номеров Инвалида, прибавления к нему и две книжки *Лит.[ературных] Новостей*. Уверенный, что это дар Александра Федоровича <Воейкова>, творящего по христиански: да неуведает шуйца и проч., прошу вас уверить его в искренней моей признательности, равно и почтении».

РА. 1871. III. 2. Стб. 428–429; перепеч.: *Дмитриев, 1895. Т. II. С. 287–288*.

Октябрь, 31. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Надеюсь, что ты уже получил Маржерета: готовясь отправить его, я замедлил писать к тебе.

Государь возвратился к нам благополучно, и с прежнею милостию, пил у нас чай и рассказывал много любопытного о своем путешествии, о Пензе, Симбирске, Оренбурге и проч. Один только из моих братьев, Федор Мих., имел счастье видеть Его, вылечился от подагры, и пишет что до конца дней своих не забудет милостивых слов, ему сказанных Государем.

Я напомнил о пенсии В. В. Измайлова: добрый наш Царь отвечал, что Он подписал Указ еще за два или за три дни до отъезда. Следственно Дружинин ошибся, написав к Тургеневу, что нет Указа, ни у Министра Финансов, ни в Кабинете. Снова справлюсь. Даже и сам Государь обещал справиться и дать мне знать, откуда назначено получать эту пенсию, 1200 р. 3 Окт. Царь, а 4 Окт. Царица

переедут в город. Думаем остаться здесь до конца той недели, в совершенном уединении. Городские комнаты наши еще не топлены.

Вчера известил меня племянник Николай Философов, что он за свое худое поведение должен быть исключен из Артил. училища и послан на Кавказ: это поразило меня. Какой удар для отца! Я писал к начальнику, и с нетерпением жду ответа.

Всем семейством обнимаем тебя нежно, любезнейший друг. Будь здоров и благополучен.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 382 (№ 331).

Октябрь (втор. пол.). Москва.

В «Дамском журнале» (Ч. 8. № 20 (октябрь). С. 53) напечатано стихотворение Иванчина-Писарева: *При получении в подарок от Ивана Ивановича Дмитриева собственноручного манускрипта всех его сочинений* («Черты, бесценныя гражданам и певцам!..»). Подпись: Н. И.-П.

1824. Октябрь. Петербург.

В «Литературных Листках» (1824. № XIX–XX. С. 32–45) напечатана рецензия на вышедший в свет второй том «Российской Антологии» Джона Боуринга: «Русская антология, или Образчики русских поэтов Дж. Бауринга, ч. II». Автор: А. А. Бестужев. Среди неточностей переводов, А. А. Бестужев отметил, что «переводчик иногда прибавляет от себя кое-что (например, при переводе И. И. Дмитриева «Освобожденная Москва»).

В 1843 г., живший в России Томас Б. Шоу, преподаватель английского языка в Царскосельском лицее, хорошо изучивший русский язык, весьма прохладно отзывался о Д. Бауринге, как о переводчике русских поэтов («Blackwood's Magazine», 1843, v. LIII. March p. 282–283, вступительная статья к переводу «Аммалат-Бека» А. А. Бестужева-Марлинского). Поводом для этого отзыва явился малоудачный перевод небольшого, простого по языку и структуре стихотворения И. И. Дмитриева «К Хлою» (в антологии Бауринга оно озаглавлено «Madrigal») (см.: *Алексеев, 1982. С. 211*).

Ноябрь, 3. Петербург.

А. А. Бестужев в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет: «...В обозрении не премину сказать моего мнения о лице Лжедмитриева <М. А. Дмитриева>. Не даст ли настоящий <И. И. Дмитриев> своего Каплуна? – что смотреть на качан изъеденный червями латыни».

ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 226.

Здесь под «Каплуном» разумеется басня И. И. Дмитриева «Орел и Каплун», а под «Качаном» – М. Т. Каченовский. В обзоре «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и в начале 1825 годов» (С. 20–21) А. А. Бестужев отзывался отрицательно о выступлениях в «Вестнике Европы» М. А. Дмитриева против кн. Вяземского, не называя М. А. Дмитриева по имени.

Ноябрь, 6. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Спешу сказать тебе, что Указ о пенсии по какому-то недоразумению действительно оставался под спудом: Но Государь дозволил теперь известить В. В. Измайлова, что ему пожаловано 1200 р. пенсии из Кабинета: следственно, можешь сказать ему. Это твое дело: для тебя сделано.

Получил ли ты моего Маржерета? Я давно отправил его к тебе на тяжелой почте. Почта отходит. Обнимаю тебя нежно. Думаем переехать в город через 8 дней. Здесь мы уже одни. Государь заезжал к нам проститься; однакожь сказал, что может еще пить у нас чай до нашего отъезда из Царск. Села. Из Гатчины также все уехали. Дочери Марьи Павловны очень милы. Еще раз обнимаем тебя, милый друг, всем семейством.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 383 (№ 332).

Ноябрь, 7. Петербург.

Наводнение.

Весьма подробно описывает это наводнение А. И. Тургенев в письме к В. Ф. Вяземской от 7 ноября 1824 г. См.: *ОА. Т. III. С. 91–94.*

Ноябрь, 10. Москва.

У Дмитриева сильная простуда («потерял даже голос»).

*Вацуро, 1980. С. 426.***Ноябрь, не позже 12-го. Петербург.**

А. И. Тургенев, получив известие о смертельной болезни матери – Екатерины Семеновны Тургеневой (рожд. Качаловой), срочно выезжает в Москву. По дороге заезжает в Царское Село к Карамзину, который передает с ним записку к И. И. Дмитриеву:

«Любезнейший друг!

Вот тебе живая грамота, А. И. Тургенев, и копия с Указа о В. В. Измайлове с запискою ко мне Графа Аракчеева!

Об ужасах Петербургских скажут тебе очевидцы. Мы еще в Царском Селе, и я с флюсом. Беспokoюсь о здоровье Императриц; боюсь и за Царя, который был свидетелем бедствий, это могло подействовать и на Его ногу. Нежно обнимаю тебя.

Навеки твой

Н. Карамзин».

*Карамзин, 1866. С. 383 (№ 333).***Ноябрь, 12. Москва.**

Дмитриев, по получении письма от Карамзина от 6 ноября 1824 г., пишет В. В. Измайлову:

«Почтенный Владимир Васильевич.

Наконец желание мое и Карамзина исполнилось. Сию минуту получаю от него письмо, в котором он пишет, что государь дозволил известить вас о пожаловании вам 1200 руб. ежегодного пансиона из Кабинета. От сердца радуюсь и спешу вас поздравить. Вероятно, скоро получу и копию с указа, а вы между тем готовьте благодарительное письмо к доброму императору и с первым путем дозвоьте друзьям вашим обнять себя в Москве. Тогда я покажу вам всю мою переписку о пансионе. С душевным почтением преданный вам

Дмитриев».

*Вацуро, 1980. С. 426.***Ноябрь, 13. Москва.**

Дмитриев на свое письмо (записку) от 12 ноября получает от В. В. Измайлова ответное письмо (или записку) и пишет ответную записку:

«Почтенный Владимир Васильевич.

Ответ ваш смутил все мое удовольствие; в минуту был бы у вас, но я сам четвертый день сижу дома: от простуды потерял голос. Не берите труд писать ко мне, а прикажите только сказать моему посланному, каково теперь ваше здоровье и кто вас пользуется. Я сейчас только писал об вас к Н.[иколаю] М.[ихайловичу] К[арамзину]. Дай бог скорее увидеть вас совершенно здоровым!

Преданный вам

Дмитриев».

*Вацуро, 1980. С. 426.***Ноябрь, 13. Москва.**

Письмо И. И. Дмитриева к Карамзину (не сохранилось).

Вацуро, 1980. С. 426.

<1824> Ноябрь, 23. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 75–76* (1-я, старая, пагинация).

Ноябрь, 23. Петербург.

Карамзин, по получении письма И. И. Дмитриева от 13 ноября, пишет ответное письмо:

«Любезнейший друг!

Мы здесь уже около недели и в беспокойстве о здоровье Императрицы Е. А., которая от поездки имела сильный кашель и жар. Ей, слава Богу! получше, но мы все еще не можем успокоиться совершенно. Она к нам так милостива и так любезна! И Государыня М. Ф. в кашле, однакожь без жара. Благодарственный Царь наш думает только об утешении несчастных, разоренных наводнением, и не хотел даже говорить мне о своей ноге: я встретился с Ним в комнатах у Императрицы: Он сердечно также огорчен смертью доброго Ф. П. Уварова. Здесь все печально или уныло; впрочем вижу немногих. Все мы были у Натальи Яковлевны: она не очень здорова, но более слаба и в дурном нраве от своих нерв раздраженных: досадует, когда мы долго у нее не бываем, и досадует, когда к ней приедем; но грех роптать на ее досаду, производимую единственно нездоровьем. Все это между нами: ее надобно беречь как младенца.

Сердечно жалею о тяжелой болезни доброго Влад. Вас. Измайлова. Ты получил копию Указа о пенсии? Сделай одолжение, уведомя, собирается ли он с силами.

Всем семейством обнимаем тебя нежно. Катер. Андр. особенно благодарит тебя за милое поздравление. Не досчитываюсь только одного из твоих дружеских писем. Уведомление о пребывании Государя в Симбирске читала с удовольствием и Императрица Е. А.

Дай Бог, чтобы ты, любезнейший друг, был совершенно здоров и спокоен духом.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 384 (№ 334).

Декабрь, 5. Петербург.

Скоропостижная кончина Михаила Ивановича Полетики, секретаря имп. Марии Федоровны.

Декабрь, 6. Суббота. Зимний Никола (именины Н. М. Карамзина). Петербург.

Карамзин получает записку от имп. Александра I: «Хотя есть некоторое улучшение в здоровьи жены моей, но далеко еще от того, чтобы успокоить меня. Кашель не унялся, и много ее беспокоит, но что еще важнее, мешают начать надлежащее врачевание, дабы уменьшить биение сердца и артерии. Желание именинника с удовольствием исполнил, и послал тот же час повеление о принятии пажа. Екатерине Андреевне и всей милой семье мой искренний поклон. Суббота, 6-го Декабря».

Неизд. Соч. С. 32.

Декабрь, 8. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за дружеское поздравление и за присутствие на дружеском обеде 1 Дек. Меня помнят в Москве, а я помню Москву. Как нам не любить тех, которые нас любят! Надеюсь, что ты здоров, любезнейший: и мне лучше, но все грустно. Горизонт не светел. Я сидел дома дней десять или более, и почти никого не видал, кроме 6 Дек. Вечеру набралось у нас довольно людей, и между прочим был Граф Сергей Петрович <Румянцев>, с которым и с Графиней Лаваль проговорили мы часа три о привидениях! В этот же вечер узнал я о внезапной смерти умного и доброго Мих. Ив. Полетики: в час он был у Натальи Яковлевны, весел, любезен, совершенно здоров; сел с своими обедать, почувствовал дурноту,

лег, захрапел и заснул вечным сном. Грустно оставшимся, но такая смерть хороша и достойна Метафизика: ты знаешь, что Мих. Ив. написал метафизическую книгу. Ныне я выехал, обедал у Императрицы, много слышал и говорил о покойнике, который столько лет служил при Ней: человек достоинств необыкновенных и с редким у нас просвещением: для того хотелось мне видеть его Министром Просвещения; но Бог делает по своему, и Его воля, без сомнения, лучшая. Il faut de l'ombre à la lumière. – Любезнейшей нашей Императрице Елис. Алексеевне лучше, но кашель все еще не миновался. Я видел Государя в великом беспокойстве и в скорби трогательной: Он любит Ее нежно. Дай Бог, чтобы они еще долго пожили вместе, в такой любви сердечной! – Вот тебе копия с письма ко мне Государева, полученного мною в Царском Селе через два дни после наводнения (надобно знать, что Он хотел там видиться с нами 12 Ноября):

“Вы знаете уже о печальных происшествиях 7-го Ноября! Погибших много, несчастных и страдающих еще более! Мой долг быть на месте: всякое удаление притчу себе в вину. Вам не трудно представить себе грусть мою. Воля Божия: нам остается преклонить главу пред Нею.

А.

Петербург, Ноября 10, 1824”.

Это любезное письмо есть исторический памятник. Петербург никогда не славил так отеческой попечительности Государя, как в нынешнем бедствии. Народ, слушая Панихиду в Казан. Соборе, плакал и смотрел на Царя. – Читаю теперь две любопытные книги: *Mémoires de Fouché* и *Conversations de Byron*; первые кажутся не вымышленными, ни последние, где Байрон в зеркале: какое лицо странное! – Прости, любезнейший. Будь здоров и спокоен.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«От всего сердца благодарю вас, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, за милое воспоминание и поздравление; давно уже к вам не писала по разным причинам, из которых главная (к стыду моему), как вы может быть догадываетесь, моя несносная лень. Теперь имею нечто вам сказать о нашей общей приятельнице бедной Наталье Яковлевне. Она поручила мне вас очень благодарить за ваше дружеское письмо, но между тем вы привели ее в недоуменье, упомянув о воображении (слово для нее антипатичное). “Почему, говорит она, знает И. И., что я воображала наводнение, когда никто более моего не был очевидцем оногo? находясь во Дворце, я была окружена водою и не могла не видеть ее”. – И на нас также падает часть гнева ее от мысли, что мы вам натолковали о ее воображении. Пожалуйста, впредь в письмах своих никогда не упоминайте этого несчастного слова, а изъясняйте ей то нежное сожаленье, в котором в самом деле ей отказать нельзя в ее грустном положении Физическом и душевном. – Она говорит, что сама писать к вам не имеет довольно сил. Прощайте, будьте всегда добры и любите вам преданную

К. Карамзину.

Никому из знакомых Н. Я. не говорите о моих замечаниях, чтобы не было каких сплетней».

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«Письмо так исписано, почтеннейший Иван Иванович, что я едва могу найти место изъяснить вам благодарность мою за ваше воспоминание, столь мне драгоценное, и уверить вас в чувствах любви и почтения преданной вам Катерины Карамзиной».

Карамзин, 1866. С. 385–387 (№ 335).

Под «любопытными книгами» Карамзин разумеет «*Mémoires de Fouché*» (Vol. 1–2 Paris 1824) и французский перевод книги Т. Медвина: «*Conversations de Lord Byron*» (Paris, 1824).

Декабрь, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 77–77 об. (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 30. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Всем семейством и от всего сердца поздравляем тебя с наступающим Новым годом. Дай Бог тебе всех истинных благ здешнего света, начиная с здоровья и спокойствия души! Желаю даже, чтобы и злая моль оставила в покое твои мундиры – и при первом случае изъяснюсь о мундире Министра Юстиции. Не попросить ли и мне Историографского, синего с синим бархатным воротником? Шитых не люблю, а нынешние Дворянские как-то пестры и нескладны.

Мы, слава Богу! почти все здоровы. Любезнейшая наша Императрица Е. А. оправляется. Я видел Ее 26 Дек., не видав долго: очень похудела и еще не скоро может выехать.

Вода дней пять была смирна, а в прошедшую ночь опять зашевелилась. Морозы с нами разнакомились; а Русскому худо без них.

Читал ли ты речи Министра Просвещения? Восставать против грамоты есть умножать к ней охоту: следственно действие хорошо и достойно цели Министерства; которому вверено народное просвещение. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль наш стучится об ту и другую, а все плывет. Я уверен, что Россия не погрязнет в невежестве: то есть, уверен в милости Божией.

Любезнейший наш Царь, после всех Его тревог сердечных, теперь отдыхает и работает в Царском Селе; завтра или ныне возвратится, и надеемся видеть Его в Новый год. Все мы обнимаем тебя нежно, любезнейший друг! Бог с тобою и с нами!

Навеки твой

Н. Карамзин.

Граф Сергей Петрович <Румянцев> тебя нежно любит, как и всегда любил, и хочет к тебе писать».

*Карамзин, 1866. С. 388–389 (№ 336).***1824. Декабрь (в посл. числах). Москва.**

Дмитриев в письме к С. Н. Глинке в Петербург пишет:

«Я не нахожу слов к изъяснению вам моей благодарности, почтенный и любезный Сергей Николаевич, за ваш портрет. Будьте уверены, что подлинник у меня всегда в виду и близок к сердцу; но приятно, очень приятно иметь и портрет, как залог и новый опыт вашей ко мне приязни, которую я умею ценить в полной мере. Кто знает вас коротко, тот верно любит и почитает. Остается желать вам только здоровья и домашнего благоденствия, от всей души и желает того преданный ваш Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 288. Здесь же приводится содержание недатированной записки: «Благословен грядый во имя Господне!».

1824. Москва.

Вероятно, в конце года Свинын представляет Дмитриеву Михаила Андреевича Коркунова, приехавшего поступать в Университет. «Он пешком, как Ломоносов, пришел в Москву и пишет стихи». Дмитриев, в ответ на рекомендацию Свинына, советовал Коркунову заниматься историей, особенно Русскою, а не стихами.

*Барсуков Н. Жизнь и Труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 318.***1824–1826. Москва.**

«Систематическое начертание существующих российских узаконений о общих денежных заемных актах между частными людьми употребляемых. Доктора прав Павла Дегаля» (Ч. 1–2.).

Экз. из 6-ки И. И. Дмитриева с автографом автора хранится в 6-ке МГУ (см.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 2166).

1825

Январь, 3. Суббота. Москва.

Дмитриев в письме к О. Ф. Франку в Петербург пишет:

«Благодарю вас, любезный Осип Егорович, за приветствие меня с Новым годом и взаимно желаю вам всем сердцем в продолжение одного и впредь возможного благополучия.

Благодарю вас равно и за усердие ваше по моим докукам. Сделайте одолжение, постарайтесь не пропустить случая к покупке мне *Mémoires de Fouché*, когда их получат, а об настоящем титуле Байроновой книги наведаетесь от Н. М. К.[арамзина]. Если Дон Жуан – та самая, которой я отыскивал, то прошу и ее ко мне доставить. Да прошу вас еще поручить кому-либо из ваших книгопродавцев выписать для меня *Histoire critique du Vieux Testament, par Richard Smidt* и подписаться для меня на новый журнал Библиографические листы, издаваемые Кеппенем. Подписка у издателя или у книгопр.[одавца] Свешникова, с пересылкою за 15 р. в год, которую сумму при сем к вам и препровождаю, при чем предупреждаю вас, что я желаю получать листы непременно с почтою, а не с обозом.

Измайлов столько же, как и я, чувствителен к вашему старанию и об его пансионе. С нетерпением буду ожидать от вас копии с предписания М. К. П. Между тем обнимаю вас с чувством искреннего к вам взимания и привязанности и пребуду навсегда вашим покорным слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 427.

Дмитриев просит Франка о присылке книг: «*Mémoires de Fouché*» (Vol. 1–2 Paris 1824) и французский перевод Т. Медвина: «*Conversations de Lord Byron*» (Paris, 1824). Эти книги пользовались большой популярностью, так например, в этом же году их разыскивал Пушкин (см.: *Пушкин. Письма*. Т. I. С. 399–400, примеч. Б. Л. Модзалевского).

Январь, не позже 14-го. Москва.

Получает от Н. И. Гнедича в дар книгу «Простонародные песни нынешних греков, с подлинником изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний, Н. Гнедичем» (СПб., 1825).

Январь, 14. Среда. Москва.

Письмо Дмитриева к Н. И. Гнедичу в Петербург:

«Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и приложенный при нем подарок, многоценный для меня как залог вашей приязни и как любопытная новость в нашей словесности. Итак, посвящая с давних лет бдения ваши на изучение отца песнопевцев древней Эллады, вы уделите несколько минут и для славы возрождающегося его потомства!

Сей случай подает мне повод объяснить с вами о том, что давно лежит у меня на сердце: по издании моих сочинений я послал к вам экземпляр оных, – но без письма и надписания. Может быть, вы приписали это моему неучтивству: но я искренно могу вас уверить, что одна только совестливость моя была тому причиною: мне казалось неприличным рассылать, хотя и собственное сочинение, но соединенное с моею биографией, похожей даже на панегирик. Таким же образом и по той же причине доставил я экземпляры и к прочим моим приятелям и братьям о Аполлоне.

Закрываю мое письмо поручением себя в продолжение вашего ко мне благорасположения и приветствием с благополучным достижением новолетия. Без дальнейших фраз скажу: будьте в том и вперед счастливы, сколько можно.

Между тем с чувствами душевного к вам почтения имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 427–428.

Январь, 14. Москва.

Читает в № 4 «Моск. Вед.» известие о выходе альманаха Ф. Ф. Булгарина «Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год», которое находилось рядом с особенно многочисленными на этот раз объявлениями о продающихся жеребцах (см. «Январь, 21. Петербург»).

Январь, после 14. Москва.

После чтения 4-го № «Моск. Вед.» пишет письмо к Карамзину в Петербург. Получено Карамзиним не позже 21 января (не сохранилось).

Январь, 17. Суббота. Москва.

Письмо Дмитриева к С.-Тома в Петербург:

«Милостивый государь мой. Спешу изъяснить вам чувствительную благодарность мою за честь, оказанную мне доставлением новейшего произведения вашего таланта <«L'inondation (de St-Petersbourg)». St-Petersb. 1824>. Верность в живописи и выражении глубоких чувств; справедливая дань поэта венценосному гению нашей столицы, – придаю сугубую цену прекрасной вашей поэзии. Я говорю это с тою же искренностью, с какою свидетельствует вам свое почтение, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 288–289.

Январь, 21. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Последнее дружеское письмо твое заставило меня от доброго сердца смеяться выпискою из Талии и Московских газет, о мраке освещающем и знаменитых жеребцах. Мне кто-то сказывал, что Автор мрака по каким-то связям имеет ныне влияние на просвещение, и следственно может быть ославлен знаменитым вместе с жеребцами.

Третий месяц недомогаю и хUDEЮ, хотя от времени до времени и выезжаю обедать к Императрице с добрыми Великими Княгинями, но уклоняюсь от собраний. Всего лучше для меня сидеть дома и читать, пока служат глаза. Думаю еще более посвятить себя уединенно, если Бог даст мне совершить исторический труд свой, т. е. дописать 12-й том и напечатать.

Мы теперь грустны от горести наших Вяземских, которые погребли своего Николеньку. Вместо нас плакал с ними любезной Тургенев.

Катерина Андр.[еевна] пригласила одного умного Священника наставлять Андриюшу и Сашу в религии: не можешь вообразить, какие вопросы они ему делают о том, что делал Бог прежде Творения – о Христе, и проч. Надобно удерживать их любопытство ответами: *это непостижимо*. Они молчат, думая, может быть: *что же вы нам изъясняете?* – к сожалению, мы должны были сослать своего Немца, который безпрестанно злился на детей и вздумал было драться с ними. Воспитание хлопотно.

Я получил любезное письмо от Графа Каподистрии. Он все в Женеве, читает, гуляет и нас не забывает.

Жена и дети вместе со мною обнимают тебя нежно, любезнейший друг. Будь здоров и спокоен.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Милая Императрица Е.[лизавета] А.[лексеевна] все еще кашляет и не выходит из своих комнат. Государь ездит в Царское Село; возвратился ныне поутру. Вечеру Спектакль в Эрмитаже».

Карамзин, 1866. С. 389–390 (№ 337).

Альманах «Русская Талия», о котором речь идет в письме, вышел под заглавием: «Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. издал Фаддей Булгарин», открывается статьей Н. И. Греча: «Исторический взгляд на русский театр, до начала XIX-го

столетия». В приложениях к этой статье, в биографии актера Нарыкова (т. е. Дмитриевского), есть следующая выписка из статьи П. И. Сумарокова о русском театре, помещенной в №№ 32 и 35 «Отечественных Записок»: «...в Дмитриии Самозванце он являлся глазам зрителей облокотившимся на трон и закрытым мантией: сим *мрачным положением освещал он*, так сказать, *темные мысли первого монолога*» (*Русск. Талия*. С. 43).

Вероятно, внимание Дмитриева при чтении № 4 «Моск. Вед.» привлекло самое курьезное из объявлений о продаже жеребцов, тем более, что оно упоминало о Мценске, в уезде которого было имение Н. М. Карамзина, село Бортное, принадлежавшее первой его жене Е. И. Карамзиной (урожд. Протасовой). Это объявление имело такую редакцию: «Тульской губернии, Новосильского уезда в селе Черемошах, от Мценска в 20-ти верстах, назначаются к приплоду два английские выписанные жеребца: 1-й, вновь приведенный, Септ-Патрик, гнедой, без примеси, ростом 2 аршина 4¹/₂ вершка, отличной красоты, 8 лет; 2-й, Гареспекс, рыжий, без примет, 9-ти лет... и проч.».

1825. Январь (втор. пол.). Москва.

Дмитриев читает 2-й номер «Московского Телеграфа».

1825. Январь. Москва.

Дмитриев в письме к П. П. Свиныну в Петербург пишет:

«Милостивый государь мой Павел Петрович.

Искренно сожалею, что не могу служить вам ни одним манускриптом из назначенных вами. Первую часть *Путешествия Резанова* имею, а вторую только читал, и, не оставя списка, возвратил ее г. Булдакову, директору американской компании. Он, конечно, позволит вам списать с своего манускрипта. Вторая книжка *Телеграфа* слабее первой. Я выкинул бы из нее мистификацию на счет Ганина. Пусть он будет игрушкой одного А. Е. Измайлова. К тому же *Телеграф* хочет мистифицировать и всех чтецов своих: могут ли они отгадать, что Ганин называется знаменитым писателем в шутку, а не в самом деле; что в шутку же сказано, будто пиеса его играна была в окрестностях Парижа, дети же наши и по-давно будут журналистом обмануты. Равно и на счет матери с дочерью (в 1 № прибавления) болтовни много, а вкуса и остроты ни крошки. Высказанное же (слово несносное для моего слуха, столько же, как и остроты, не в сонах, а в сочинениях; любимое выражение наших новейших писателей) о характеристике Дмитриевского не достаточно и не складно <В разборе «Русской Талии» Булгарина. «Моск. Телеграф» 1821 г., ч. II>. Для чего не указано на мрак, *освещающий* тьму; на Синава не отвигающегося, а *подвигающегося* назад и приподнимающегося потом на *ципочках* а не на пальцах <Эти выражения приведены из «Русской Талии»>? Слово *ципочки* употребительно было доселе не между авторами, а деревенскими только старухами. Но план журнала, еще повторяю, прекрасный. Ту же справедливость отдам и *Северной Пчеле*. Жаль только, что она, залетая в архив, превращается в осу или шмеля и только жалит невинных, не питая нас медом. В летописях нашей литературы замечательно будет последнее десятилетие; почти все журналисты примирились с парнасскими, давно отъявленными уродами; по крайней мере боятся их, а щеголяют возмущением против Карамзина, единственного нашего писателя между живыми. Счастливы они, что он отвечает презрением. Одна его страничка могла бы их осрамить и уничтожить. Не слишком ли я на маслянице разговорился? Полно!

С искренним почтением обнимает вас, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга И. Дмитриев.

P. S. Я не буду спокоен, пока гостиная моя не будет украшаться мраморным бюстом любезного государя. Сделайте одолжение похлопочите вместе с Н. А. Всеволожским доставить мне прежде рисунок по моему предположению. Я хотел бы иметь его похожим на Мартосов (разумеется не в сходстве, а в расположении), без лавров, с открытою шею и в мантии; чтоб на застежки ее, лежащей на плече, изображен (был) двуглавый орел с андреевскою на груди цепью, и только. Сумму определяю на то две тысячи, с тем только, чтоб выплатить в три срока и чтобы не было синих жил и пятен».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 289—290.

Февраль, 4. Среда. Москва.

Письмо Дмитриева к Г. И. Спасскому в Петербург:

«Милостивый государь мой Григорий Иванович.

С чувством искренней благодарности я имел удовольствие получить последнюю книжку *Сибирскаго* и первую *Азиатскаго Вестника*. Нет сомнения, чтобы последний не имел успеха, равного успехам его предшественника, даже, можно обещать, еще и большего: с некоторых лет Азия обращает на себя внимание всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать из актов Азиатического общества, существующего в Париже, и из записок об Азии г. Клапрота, в коих находятся две довольно любопытные статьи, о границах русской и китайской и 2, описание России; переводы с китайского. Относительно сего государства желательнее было бы, чтоб вы могли воспользоваться выписками из записок и переводов бывшего архимандрита нашего Иакинфа. Простите меня, если я вмешался не в свое дело. Одно только живейшее участие во всем служить к пользе и чести отечества заставило меня сказать, может быть, больше, нежели сколько требовало приличие.

Между тем прошу вас принять искреннее уверение в совершенном почтении и уважении, с коими навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 290–291.

Февраль, 9. Понедельник («Чистый»). Москва.

Дмитриев пишет письмо к Н. М. Карамзину в Петербург (не обнаружено).

Февраль, 12. Москва.

Отъезд А. И. Тургенева в Петербург.

Моск. Вед. 1825. № 14 (список отъезжающих за 12–16 февраля); *ОА*. Т. III. С. 95 (№ 663).

Февраль, 15. Воскресенье. Петербург.

В седьмом часу вечера А. И. Тургенев возвращается из Москвы с похорон матери. «Ввечеру» этого же дня он посещает Жуковского и Карамзиных, у которых пьет чай.

ОА. Т. III. 95 (№ 663). Тургенев был у Карамзиных утром и вечером следующего дня (вместе с Севериным).

1825. Февраль, 15 ... Апрель, 24. Михайловское.

Пушкин. «Ода его сият.[ельству] гр.[афу] Дм.[итрию] Ив.[ановичу] Хвостову» («Султан ярится. Кровь Эллады...»).

Летопись, 1991. С. 503. При жизни Пушкина напечатано не было. Впервые опубликовано П. В. Анненковым в его издании собр. соч. Пушкина (Т. VII. С. 103–104).

В примечании к стиху «Да Бейрона он узрит кущу...» Пушкин пишет: «Подражание е.[го] высокопр.[евосходительству] действ.[ительному] тайн.[ому] сов.[етнику] Ив.[ану] Ив.[ановичу] Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руку простирал
Уже из отеческия кущи,
Взирая на суда бегущи...».

Здесь Пушкин цитирует (не точно) строки из стихотворения И. И. Дмитриеву «К Волге»: «Когда я руки простирал / К тебе из отческия кущи...».

Февраль, 18. Среда. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно благодарю тебя за милое письмо, писанное в Чистый Понедельник. Если ты не гулял на Масленице, то я еще менее, будучи не совсем здоров и домосед, от лет и характера. Жена и дочь ездили во Дворец и в другия места, а я читал

дома. Мы искренно огорчились смертью доброй Анны Гавриловны, любив ее сердечно. Что муж и дети? Им не до нас; иначе я написал бы к Николаю Евген. <Кашкину> о нашем живейшем участии. Власов, говорят, наслаждался жизнью, но прожил имение жены.

Кончи свои Записки, сделай опись своему имению, сочини и духовную, но живи еще долго, к моему утешению, пока я жив, и к удовольствию всех, которые тебя уважают и любят. Слава Богу, душа твоя еще цела и свежа; можешь не только жить, но и благоденствовать с умеренностию Философа. И я говорю с глубоким чувством: *дай Бог еще нам увидеться!* и нежно тебя обнимаю.

Уже беседуем по старому с А. И. Тургеневым за чайным столиком. Убеждаю его пока остаться в службе. Ничто не гонит и не теснит. Свобода может обратиться в скуку. Будучи и моложе, я не хотел сражаться с нашими Литтературными забияками. Пусть их единоборствуют! Ты говоришь о нападках Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывали: Магницкий etc. etc. вступаются будто бы за Иоанна Грозного. И тут ничего не предпринимаю: есть Бог и Царь! Безпокойство мое было бы виною перед Государем: Он должен меня знать; а я знаю то, что люблю Его душевно. В Четверг на первой неделе поста я имел щастие с Ним беседовать и пить чай. – Если моя так называемая слава есть мыльный пузырь, то Бог с нею. Желая не сердиться и, кажется, едва ли сержусь. – Всем семейством обнимаем друга.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Не лзя ли, милый друг, сообщить мне еще чего нибудь из твоих Записок».

Карамзин, 1866. С. 390–391 (№ 338).

Февраль, 18. Петербург.

Выходит в свет первая глава «Евгения Онегина» Пушкина (ценз. разрешение – 29 декабря 1824 г.).

Февраль, 18. Москва.

И. И. Пущин в письме к Пушкину в Михайловское сообщает об интересе Дмитриева к Пушкину: «Между прочим И. И. Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского».

Акад., XIII, № 136.

Февраль, 19. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву (не обнаружено).

Карамзин, 1866. С. 392.

Февраль, 20. Петербург.

С. Н. Глинка посещает Карамзиных накануне своего отъезда в Москву. Карамзин передает с ним письмо к И. И. Дмитриеву: «Вчера я писал к тебе через почту; тепер пишу с добродушным С. Н. Глинкою. Министр сделал для него все, чего он желал; а я сверх того письменно просил его исходатайствовать ему хотя небольшую пенсию: М.[инистр] обещал доложить о моем ходатайстве. Успех зависит не от меня.

Обнимаю тебя нежно. Дай Бог тебе здоровья и спокойствия! Повторяю убедительную просьбу доставить мне еще несколько листочков из твоих любезных Записок.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 392 (№339).

Февраль, 20. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. П. А. Вяземскому пишет:

«...Я на днях подаю в отставку от службы, то-есть, от всех мест, и верно не удержат. Здесь никому, кроме Карамзина, о сем не говорю. Карамзин старается

отговорить, но Екатерина Андреевна напротив. Довольно: я исполнил раз долг дружбы и дождался неприятности. Je demande le congé sans phrases, то-есть, без предварительного письма. Не говори об этом никому».

ОА. III. С. 98 (№ 664).

Февраль, 20. Пятница. Петербург.

К. Рылеев в письме к кн. Вяземскому в Москву пишет:

«Пред Иваном Ивановичем Дмитриевым я очень виноват, не быв у него в проезд свой чрез Москву для изъяснения нелицемерного уважения. Нельзя ли, почтеннейший и добрейший из князей, выхлопатать у него отпущение столь тяжкого греха: теперь же великой пост...».

ЛН. Т. 59. Кн. 1. М., 1954. С. 145.

Февраль, 24. Вторник. Москва.

Пишет письмо к А. И. Тургеневу в Петербург.

РА. 1867. № 4. Стб. 666.

Февраль, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 79* (1-я, старая, пагинация).

Февраль, 28. Москва.

Дмитриев в письме к П. П. Свиныну в Петербург пишет:

«Чувствительно благодарю вас за приятное ваше письмо и великодушный прием частных дозук моих. Сожалею об Ляндии и от всего сердца желаю долголетия молодому Крылову.

Как бы я был вам благодарен естли бы жилище мое украсилось подобием моего благоворителя <имп. Александра I>, и точно в том виде, как я желаю! Без венка, отнимающего сходство и противоречащего высокому его смиренню, с набросанною епанчею или мантией на правом плече, вместо аграфа, императорской герб с Андреевскою на груди цепью. С передней стороны и боков без малейшей жилки и пятнышка на мраморе. При первом вашем уведомлении о цене, естли она не превысит прежней, я прислал бы вам третью часть суммы в задаток.

Я и сам пожурил Полевого за неправильныя его замечания на цет вашего журнала, но впрочем, он, кажется, любит вас и уважает. Он умен и одарен умом авторским, только еще не обтерся и не ознакомился с приличиями света. Прочих же предадим судьбе их, и об них ни слова. Всякий безпристрастный отдаст журналу вашему должную справедливость.

С покорнейшим моим почтением имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорным слугою, Иван Дмитриев».

РС. 1897. № 12 (Декабрь). С. [538].

Февраль, 28. Суббота. Москва.

Письмо гр. М. А. Дмитриева-Мамонова к Дмитриеву:

«Милостивый Государь Иван Иванович!

Причиняемые мне издавна беспокойства и обиды принудили меня жаловаться здешнему военному генерал-губернатору. Он имел дерзость написать ко мне, что возьмет меня под опеку. Его письмо, содержащее эту глупую угрозу, и мой ответ при сем в списках вашему высокопревосходительству посылаю.

В том и другом письме идет дело о политическом правиле, особливо касающемся до выгод и до прав Российских дворян, и скажу более, и до личной их безопасности в домах их и деревнях; правда, что эта переписка касается и до личной моей чести, которую силился оскорбить князь Дмитрий Володимирович <Голицын, моск. Генерал-Губернатор>, по неведомым мне причинам и в такое

время, когда я требовал его защиты и защиты вверенной ему полиции по законам. Ответ мой его сиятельству, в копии при сем к вашему высокопревосходительству посылаемый, может служить новым свидетельством любви моей к Отечеству, готовности моей говорить правду и не менее большую готовность наказывать дерзость и необузданность по мере малых моих сил.

С отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорный слуга граф Дмитриев-Мамонов».

РА. 1868. Стб. 963—964.

Февраль, 28. Петербург.

В «Северной Пчеле» (№ 26, 28 февраля) напечатано сообщение о том, что «Полярная Звезда на 1825-й год уже печатается».

Март, 3. Вторник. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Приношу искреннейшую благодарность за письмо от 24 Февраля. Покажу его сего дня и Карамзиным, ибо вчерашнее ваше письмо к ним не упоминает о болезни Вяземского, о которой вчера узнали они и вместе о его выздоровлении. Мы были в мучительной неизвестности, с которой можно сравнить только слабость вчерашней минуты, в которую получил я два письма вдруг о выздоровлении друга. По представлению кн. Ю. нового ничего еще нет, о г. Сонцове просил и напоминаю при каждом свидании. — Пожалейте обо мне, но не гневайтесь: сего дня первую мыслью было желание послать вам, в память выздоровления Вяземского, портрет Вольтера. Бросился искать его в портфеле и не нашел его; ибо у меня его и не было; а в числе шести: Лабрюйер, Корнель, Даламбер, Мольер, Расин и Буало. Поеду всюду искать Вольтера, того же издания, и авось успех увенчает мои поиски. Новопрежний в первый раз видел государя третьего дня и беседовал долго; но я не был у него и без особенного приглашения не пойду. М.[агницкий] удерживается оставлением кроткого Московского куратора <кн. Андрея Петровича Оболенского> на прежнем месте. Давыдов [Иван Иванович] имел уже после сего аудиенцию, продолжавшуюся 2 часа с $\frac{1}{2}$, у министра, и Логика его т. е. Дав.[ыдова] уже не столь опасна ни для него, ни для вверенного ему юношества. В главном управл. сильный перевес на стороне здравого разсудка, и даже Лаваль встрепенулся и почти либеральничает. К.[нязь] А. Б. Кур.[акин] сделан вице-президентом Совета на место гр. Кочубея, уволенного по его желанию от министерства и вице-президенства, и получившего 16 т. пенсии, *яко первый учредитель мин. внутренних дел.*

Предо мной прелестная литография, с головы до ног, кн. Козловского, сделанная в Берлине; но не моя, а принадлежащая одной возвратившейся оттуда Фрейлине, и Жуковского album, присланный ему с дружескою надписью от Прусского крон-принца.

Желал бы передать вам разговор мой с великой княгиней Марьей Павловной, который оборочил меня. От России перешли мы к Германии и ее ученым, от Геттингена к Ене, от Гете к Карамзину и с ним опять возвратились в Россию. И я желал бы вечно слушать эту порфиросную Музу. В. К. Анна Павловна говорила с чувством о Москве и о певце в стане Русских воинов».

РА. 1867. № 4. Стб. 666—668.

Март, 3. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Москву сообщает, что «Ивану Ивановичу <Дмитриеву> послал портрет Вольтера в честь твоего здоровья».

ОА. Т. III. С. 103.

Март, 3. Петербург.

В. А. Жуковский и А. И. Тургенев у Карамзиных. А. И. Тургенев показывает полученное им письмо И. И. Дмитриева от 24 февраля, в котором сообщается о болезни и выздоровлении кн. П. А. Вяземского.

РА. 1867. № 4. Стб. 666—667 (письмо к И. И. Дмитриеву от 3 марта 1825 г.).

Март, 5. Четверг. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Извольте ожидать, ваше высокопревосходительство, новой поэмы от нашего Байрона: перевезенный из Ораниенбаума и перестроенный в течении трех месяцев у Чернышева моста деревянный театр сгорел в три часа 2-го ч. сего месяца. Театр сгорел, но Бард наш остался невредим.

И хоть от старости чуть дышет,

А новую поэму пишет.

Напишет, напечатает, велит перевести на Немецкий язык и разошлет всем друзьям и врагам своим по несколько экземпляров.

Напрасно изволите, ваше высокопревосходительство, подозревать Очкина с товарищами в поправке стихов нашего Барда. Очкин не стихотворец и не бывает у графа, а ходят к нему, поправляют его стихи и издают их все кутейники: магистры и профессора. Покойный Г. Р. Державин сказал однажды: граф Д.[митрий] И.[ванович] <Хвостов>, право, добрый человек, но пускает к себе мерзавцев; приеду к нему с палкою и всех разгоню. Жаль, что это благое намерение осталось без исполнения.

Недавно слышал я презабавный анекдот о графе. Как-то по наряду был он в крестном ходу на стенах Петропавловской крепости в день Преполовения. Народу собралось множество, давка сделалась нестерпимою. Какой-то забавник при этом случае сказал: Жаль, что граф прислан сюда в качестве сенатора, а не в качестве стихотворца, — прочти он только теперь дюжину стихов, и толпа рассеется. Граф пожертвовал несколько десятков последних своей поэмы на потоп в Пользу Российско-Американской компании. И уже все экземпляры отправлены на остров Ситху для делания из оных патриотов.

В прошедшее воскресенье было торжественное собрание в здешнем Минералогическом Обществе. Между прочим профессор Соколов читал какую-то статью о горах. М. Л. Магницкий не мог дослушать всей пиэсы: найдя в ней что-то противное Библии, перекрестился и удалился. Теперь эту статью рассматривает наш министр.

Вчера получил я из Москвы эпиграмму на издателя *Дамскаго Журнала*:

Петрушку-грубияна,

Феклист *Лукиянович* за что-то потузил.

Ну, ладно! про себя Петрушка говорил;

Чтобы меня Феклист не бил,

Я нападую и сам на дряхлаго Лукьяна.

~~~~~

Вот резкая черта бессильных подлецов;

Но надобно учить Петрушек наглецов.

Как благородно кн. Шаликов поступил с моим племянником! Разругал дряхлого старика его отца за слезы и вздохи. Достанется же и ему самому! Попрошу графа, моего крестника, известного словестника, чтобы написал на князя притчу; а если граф напишет неудачно, то напишу сам и прославлю Петрушку не менее чем Павлушку. Теперь же кстати есть у меня книжучки на четыре, или на пять, пиэс, и все оригинальных; так можно уделить вечере-другой на панигирик Дамскому писателю.

Но думаю, что я уже наскучил вашему высокопревосходительству и графом и князем, не менее чем они своим читателям и читательницам. — Простите мою нескромность».

РА. 1871. № 7—8. Стб. 985—987.

Март, 9. Москва.

Присутствует на 75-м заседании Общества любителей российской словесности. Здесь читались стихотворения: И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова, В. В. Капниста, И. И. Полугарского, Н. Д. Иванчина-Писарева, С. П. Шевырева, Д. П. Ознобишина, А. С. Норова, А. А. Волкова, С. Д. Нечаева, а также статьи И. М. Снегирева и П. Ф. Калайдовича.

Труды Общества. Ч. VI. М., 1826. С. 277–281. Об этом заседании И. И. Дмитриев писал в письме (в печати не появлялось) к А. И. Тургеневу, полученному последним 15-го марта 1825 г. (см.).

Март, 11. Петербург.

А. И. Тургенев в письме просит кн. Вяземского сказать «Ивану Ивановичу <Дмитриеву>, что сегодня везет к нему Вольтера от меня московский профессор Давыдов <И. И.>».

ОА. Т. III. С. 104.

Март, 15. Михайловское.

Пушкин в письме к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу цитирует строки из стихотворения Дмитриева «Модная жена»: «Нет! Слишком дорога! / А ужесть, как мила...».

Акад., XIII, № 147.

Март, 15 (Пятое Воскресенье Великого поста, от 9-го до 12-го часа вечера). Петербург.

Император Александр I посещает Карамзиных: «кушал чай и провел довольно времени в их семейном кругу».

Карамзин, 1866. С. 393.

Март, 15. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому сообщает:

«...Мы читали твою пиесу в 4-м *Телеграфе*. И Карамзину очень понравилась». Далее в письме он спрашивает: «...Получил ли Иван Иванович <Дмитриев> Вольтера с Давыдовым. <...> Сию минуту получил письмо от Ивана Ивановича <Дмитриева> с прелестно-карикатурным описанием заседания Общества любителей словесности».

ОА. Т. III. С. 105, 106 (№ 669).

В 4 № «Моск. Тел.» была напечатана статья кн. П. А. Вяземского «Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен». Статья, несомненно, была известна И. И. Дмитриеву.

Март, 19. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы много беседовали и все еще беседуем о тебе с А. И. Тургеневым, с которым видимся по старому, но долго ли будем видеться? Ему хочется ехать к брату в Германию, в Карлсбад или в другое место, где он будет пить воды. У нас не много добрых сердечных приятелей: тем более жаль их. Северин женится на баронессе Мольтке: следственно и с ним почти расстаемся. Дашков редок; Блудова нет. Если будем живы, то можем остаться в совершенном уединении, когда Двор уедет к вам в Москву осенью; это еще не решено, но вероятно. Переезжать с семейством невозможно; если поедем в Москву, то уже навсегда. Мне хотелось бы здесь кончить свой труд; а после да будет воля Божия! — Жалею о Лавале. Отец и мать грустят. — Я не был у Евгения; вероятно и не буду, от лени. Высоко ценю дружбу и сердечную приязнь, а знакомства уже не прельщают меня.

От глубины сердца поблагодарили мы Бога за выздоровление милого Князя Петра Андреевича. Будем ждать его здесь или в Царском Селе, чтобы потолковать

о службе: итти ли ему в нее, где и как? Хотелось бы мне, любезнейший друг, знать твое об этом мнение.

Не забудь же прислать мне еще что нибудь из твоих Записок; для меня все в них интересно.

В прошедшее Воскресенье, от 9-го до 12-го часа вечера, был у нас Августейшей Гость, беседовал любезно и пил чай, с хозяйкою и хозяином. В чистой любви нашей к Нему есть что-то и меланхолическое: может быть от того, что я во всем меланхолик.

Я кончил третью главу Шуйского, а его еще не скоро кончу. Хотелось бы спешить: для того не пишу и примечаний, чтобы скорее управиться с текстом. Нежно обнимаем тебя всем семейством.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 392–393 (№ 340).

Март, 20. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное А. Бируковым, на выпуск «Полярной Звезды, Карманной книжки на 1825-й год. Для любительниц и любителей русской словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылевым».

Могиланский, 1956. С. 394.

Март, 21. Суббота. Петербург.

Выходит в свет альманах «Полярная Звезда, Карманная книжка на 1825-й год. Для любительниц и любителей русской словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылевым». Дмитриевым здесь напечатаны:

Слепец, Собака его и Школьник (Баснь) («Бедняк, живой пример в злочести смиренья...»). – С. 183; подпись: ***.

Надгробие от супруга супруге («И ангелы в плоти не дольше роз живут...»). – С. 277; подпись: ***.

Март, 24. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к А. Д. Балашову в Петербург:

«Милостивый государь, братец Александр Дмитриевич.

От всей души приветствую вас с благополучным достижением праздника и свиданием с милым вашим семейством. Между тем беру смелость повторить вам еще покорнейшую мою просьбу о покровительстве вручителю сего письма. Оставляя близкое его с нами родство, одно положение бедной матери его, у которой на руках 12 детей, а доход часто бывает и для одного себя недостаточно, уже заслуживает милостивое ваше внимание. О нем же, не обинуясь, скажу, что он, право, может употреблен быть и по канцелярии, ибо при природной остроте ума, он не пренебрегал записать (sic!) себя и познанием отечественных законов и русского языка. Впрочем, поручая себя в продолжение родственной нашей любви и целуя милых ваших деток, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства (вашим) покорнейшим слугой и братом Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 291.

Март, 24. Вторник. Москва.

Кн. Вяземский в присутствии И. И. Дмитриева переделывает надпись к портрету гр. Д. И. Хвостова, напечатанную в «Дамском Журнале» (Ч. X. № 7. С. 28; подпись: Е. Лялин): «Хвостов на Пинде – соловей / Но только соловей-разбойник...».

ОА. Т. III. С. 109: письмо к А. И. Тургеневу от 25 марта 1825 г.

Март, 28. Петербург.

Письмо В. А. Жуковского И. И. Дмитриеву в Москву:

«Я получил от Екатерины Андреевны <Карамзиной> экземпляр ваших Апологов. Приношу вам душевную благодарность за этот прелестный подарок. Это свежие цветы вашей поэтической молодости. Жду и надеюсь новых. Моя муза /молчит: она выбрала теперь для себя совсем другую дорогу и не смеет ее покинуть, или лучше сказать не может. Худо только то, что я все болен. Не знаю, не придется ли мне вместо Москвы ехать за границу за здоровьем. И Николай Михайлович собирается искать теплого климата: это для него необходимо. В благословенном петербургском климате он не воротит своих утраченных сил. Примите и пр. Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 431–432.

Март, 29. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Карамзин с семьей присутствует на торжественной службе в церкви Зимнего Дворца. В этот же день он получает от имп. Марии Федоровны бриллиантовый перстень (*Карамзин, 1866. С. 393; Сербинович, 1874. С. 238; РА. 1867. № 4. 669.*)

Март, 30. Понедельник. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева к Дмитриеву в Москву:

«Христос воскрес! М.[илостивый] Г.[осударь] Иван Иванович, спешу принести вашему высокопревосходительству усердное поздравление с наступившим праздником и с исполнением желания вашего: вчера подписан указ о каммергере Сонцове <Матвее Михайловиче>. Может быть, и до вас дошел слух о затруднениях, кои возникли с начала по представлению князя Н. Б. Юсупова о Матвее Михайловиче. Государь остановился на нем одном, полагая, что чин его не соответствует званию, которое для него испрашивают. Князь А. Н. <Голицын> на другой же день сказал мне о сем, прибавив, что Государь готов пожаловать его в звание камерюнкера и велел взять справку. Я умолял князя отвести сей удар от г. Сонцова, представляя, что ни лета его, ни семейственные отношения, как отца семейства, с дочерьми-невестами, ни даже наружность его, не позволяют ему желать сего звания. На другой день я опять был у князя и просил его, а перед докладом писал к нему и решительно объявил, что Матвей Михайлович лучше не желает никакой награды, нежели камерюнкерства. Князь повез, кажется, два проекта указов и вывез ключ; а вчера я поехал к нему, не смотря на мое нездоровье, и он обрадовал меня тотчас, показав указ о Сонцове. К сожалению и все другие указы подписаны, и NN с первой Анною – Примите на себя труд поздравить от меня моего нового соключника. Желая ему более успехов на скользком паркете двора, нежели имел хворый его товарищ. – Г. Франк уведомил меня, что представлении о Пинском <о М. М. Карниолине-Пинском> пойдет в Сенат в первые дни Фоминой недели. Николай Мих.[айлович Карамзин] получил вчера от Государыни Марии Федоровны перстень с ее портретом. Петр Иванович Полетика пожалован в тайные советники и сенаторы, с оставлением и колледжских складов. Граф Воровцов – генерал от инфантерии. Я встретил Светлый праздник мрачным лицом, ибо хворая уже другую неделю и брат также. Читал Звезду и, благодаря издателей за подарок, уверял их, что за успех издания ручается нам немерцающая слава трех звездочек. Совестно было похвалить обозрение. И в наших журналах редко встречаешь такую нелепицу, Бестужев перещеголял Мольеровых барынь! И какое наглое, безстыдное самохвальство патриотизма! Мы превзошли Немцев и Французов журналами! Немцы отнимают суму у Ольдекопа! У Французов один журнал *сносный!* И, которой же? Самый несносный своею мелочною литературою!

Дашков, вероятно, уже с вами. Примите на себя труд сказать ему о повышении Полетики и что *другое неправда*. Он угадает смысл сих слов. Брат мой свидетельствует вам также свое истинное почтение, с коим, равно как и, с совершенною преданностью, честь имеет быть и проч.

Государь послезавтра уезжает в Ц. Село, а в субботу в Варшаву. Алексей Перовский сделан исправляющим должность Харьковского попечителя».

РА. 1867. № 4. Стб. 668–670.

Март (втор. пол.). Москва.

В «Вестнике Европы» (Ч. 140. № 6. С. 160) напечатано объявление о продаже «Полярной Звезды на 1825-й год».

Апрель, 2. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к А. Д. Балашову в Петербург:

«Милостивый государь, любезный братец Александр Дмитриевич. Чувствительно благодарю вас за почтенное ваше письмо и благосклонное принятие усерднейшей моей просьбы. Одно ваше слово я уже считаю совершением милости к общему нашему родственнику и его матери. Адъютантом вашим быть для него еще лестнее. Донесу о себе, что я старею и хилею, но духом еще не изнемогаю. Помню пословицу, что надобно и честь знать. Вследствие сего правила каждый день считаю за новый дар и благодарю Провидение.

Закрываю повторением усерднейшего поздравления моего с наступившим праздником и с чувствами душевного почтения, преданности и родственной любви до конца дней моих имею честь пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугой и братом. Иван Дмитриев.

Милых деток целую и поздравляю».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 291–292.

Апрель, 3. Пятница. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Христос воскрес! Нежно обнимаем тебя всем семейством, поздравляя с Светлым праздником. Я не весел от нездоровья моей жены: сверх обыкновенной одышки, она сильно простудилась, кашляет и безпокойно проводит ночи. Ее здоровье мне во сто раз дороже моего. — Царю пожелал я щастливого пути в первый день праздника: нога Его все еще тревожит нас, и путешествие в такое время! Он в Царском Селе и завтра выедет оттуда в Варшаву. Императрица М. Ф. вместо красного яйца пожаловала мне перстень с своим *портретом*. — За тайну скажу тебе, что здесь жених Е... ов имеет худую славу: не уже ли наш друг Сергей Сергеевич без дальних справок согласился выдать за него дочь? Кажется, что он (Е... ов) и не орел умом; его тон и разговор не пленительны. Изъясни мне, любезнейший, что это за свадьба? может ли быть щастлива? Но если дело решено, то ради Бога *ни слова* ни Сергею Сергеевичу, ни родным. Еще раз обнимаю тебя за себя и за нездоровую жену.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Натаалья Яковл., слава Богу! почти весела. Да сохранит Бог твое зрение! Надеюсь, что оно никогда не ослабеет совершенно; и мое слабеет: но авось станет его по мой век».

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«С каким живым удовольствием, почтеннейший Иван Иванович, я прочла поздравительныя строки ваши, приписанныя к нам в Папенькином письме, как знак любезного воспоминания: примите и мои поздравления, изъявление моей благодарности и верьте чувствам моей искренней к вам преданности и почтения.

Катерина Карамзина».

Приписка рукою С. Н. Карамзиной:

«Примите и мое поздравление, почтеннейший Иван Иванович, и мою благодарность за особенный поклон, который несколько из приезжих Московских привозили мне от вас. Я всегда принимаю его, не только как очень приятное отличие, но и как справедливое награждение за особенное (а в нашем семействе это слово имеет большую силу в отношении к вам), нежное чувство почтения и любви, с которыми всегда пребуду вам преданная

Софья Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 393–395 (№ 341).

Апрель, 6. Понедельник. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Я имел честь получить почтеннейшее письмо вашего высокопревосходительства от 29 ч. минувшего месяца. Приношу вам чувствительнейшую мою благодарность и за желание ваше, чтобы я провел весело праздники, и за отеческое наставление заниматься на Святой неделе каждый день часа по три для журнала. Но, увы! нынешний праздник провел я, кроме двух или трех дней, не так-то весело: не гулял и не писал ничего путного, за то довольно читал; с нынешняго вечера хочу серьезно приняться за литературную работу. Всего более отымала и отымает еще теперь у меня времени поправка плохих переводов, а иногда, переписка чужого маранья на-бело. Слава однако Богу: есть у меня теперь в запасе несколько чужих оригинальных и довольно хороших пиэс.

Изволили, ваше высокопревосходительство, читать пародию Жуковского баллады *Дунканов вечер*, написанную, баловнем бароном Дельвигом? Не знаю наверно, окончил ли он ее, потому что я читал одно только начало. На прошедшей неделе получил я от Остолопова окончание, которое в совокупности имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству.

Предсказание мое сбылось: граф Д. И. написал на последний пожар стихи, только не напечатал, а раздает письменные экземпляры и уверяет, будто эти стихи написаны мною. Придется нам опять поссориться.

Не угодно ли прочесть это новое его четверостишие? Вот оно:

На пожар.

Строителя забав не любят, видно, Музы;

Его несчастливы с Харитами союзы:

Что он не затевал,

То все вода снесла, или огонь, пожрал.

Написал он еще басню на наводнение, как плавал *кот с баулой*, а на спине его *сутулой* сидели крысы и мыши. Не известно еще, где эта басенка будет напечатана. Вероятно в Невском Альманахе на 1826-ой год, если не выдет к тому времени новое, исправленное и умноженное издание творений Екатеринбургского Барда, или по крайней мере его Притчей.

Нового у нас мало. Вчера разошлась Нева, и вчера же слышал я достоверно, что в Российской Академии собирают подписку на намалевание портрета почтеннейшего президента оной, исходатайствовавшего у монаршего престола знатныя на содержание ея суммы и обогатившего отечественную словесность своими творениями и особенно переводом Тассова Иерусалима.

РА. 1871. № 7—8. Стб. 989—999.

Апрель, 10. Пятница («на Фоминой»). «Москва. 1825. Апреля 10-го дня» — дата в белой рукописи последней (третьей) части «Взгляда на мою жизнь».

Апрель, 10. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому пишет:

«...Хочется мне послать вместо красного яичка Ивану Ивановичу красного Тальма в одном слепке с Наполеоном. Оба похожи. Но еще жаль расстаться...».

ОА. Т. III. С. 112—113.

Апрель, 17. Пятница. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Спешу сказать тебе, что ты доставил мне письмо Мих.[аила] Петр.[овича] Погодина, но без *Диссертации*: следственно не могу еще благодарить его, не видав, что им написано.

Заключение твоих Записок меня тронуло. Как бы хотелось все читать! Нежно обнимаем тебя всем семейством. Буду писать после.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 395 (№ 342).

Карамзин написал ответное письмо к М. П. Погодину в Москву 25 апреля. Текст письма см.: *Москвитянин*, 1845. № 9. С. 17.

Апрель, 27. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Прилагаю письмо к М. П. Погодину <от 25 апреля>, желая ему всех возможных успехов в дальнейших исторических розысканиях.

Разрыв свадьбы имеет и печальную сторону, доказывая излишнюю поспешность милых нам родителей в случае столь важном: прежде, прежде надлежало бы узнать человека. Но так было угодно Богу. Уведомь, любезнейший друг, как принял это бывший жених. Здешные родные очень довольны, как слышу: Пашкова, Лаваль etc. Доволен и Н. И. Огарев, зная молодого человека. Суждение других до меня не доходило.

Надеюсь, что глазам твоим лучше, но желаю узнать это от тебя. Мои нервы в сильном трепетании, и часто немеет или слабеет правая рука. Собираемся в Царское Село: авось там хотя не много поправлюсь! К нещастью, очень тревожусь беспорядком в нашем имении: крестьяне не платят оброка, и сосед, которому я поручил надзор, еще умножает зло, если не с худым намерением, то от глупости. Страшусь мысли ехать туда! Между тем капитал наш исчезает: мы уже прожили из него 150 тысяч; остается третья доля с небольшим. Думаю просить здесь человека военного, чтобы послать его туда и образумить крестьян, если можно; но это быть может не прежде возвращения Государева; в конце жизни такая забота тяжела. Полно говорить о неприятностях.

Греки опять стоят на карте: скоро узнаем, быть им или не быть. Видишь, что я все еще занимаюсь Политикою! Но всего более занимаюсь любовью и дружбою. Тем нежнее обнимаю тебя именем всего нашего семейства. Будь здоров, любезнейший.

Навеки твой

Н. Карамзин.

НВ. Извини, что от недосмотрения писано на четвертке».

Карамзин, 1866. С. 395–396 (№ 343).

Май, 4. Москва.

Дмитриев читает в «Моск. Тел.» (1825. № 8. С. 320–336) статью «Полярная Звезда на 1825 г.». Подпись: А <П. А. Вяземский>. В статье говорится о нападках критиков на Карамзина, Жуковского, Пушкина; о влиянии Пушкина на поэмы Рылеева, Языкова и Баратынского.

Летопись, 1991. С. 530.

Май, 4. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому сообщает, что «сию минуту получаю письма от И. И. Дмитриева и Алексея Михайловича Пушкина. Отвечать сегодня не успею».

ОА. Т. III. С. 122. Письмо И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу в печати не появлялось.

Май, 11. Москва.

Кн. Вяземский благодарит в письме А. И. Тургенева «за Хвостовщину» и сообщает, что «все передал Ивану Ивановичу, яко великому канцлеру подобных грамот».

ОА. Т. III. С. 124.

Май, 22. Пятница. Петербург.

А. И. Тургенев, которому стала известна эпиграмма на В. А. Жуковского «Из савана облекся он в ливрею...» и, вероятно, слухи о причастности к рас-

пространению этой эпиграммы И. И. Дмитриева в Москве, пишет с раздражением к кн. Вяземскому:

«...Но как Иван Иванович Дмитриев может тешиться, как слышу, мерзкою эпиграммою на чистого и чувствительного Жуковского! Зачем доставляет он торжество врагам всего прекрасного, изящного и высокого! Чему довела его страсть ко всему мелкому! Желая, чтобы слышанное мною здесь было неправда. Иначе, хоть с горем пополам, но расстанусь с насмешником над Жуковским...».

ОА. Т. III. С. 127–128.

Эпиграмма «Из савана облекся он в ливрею / На пудру променял лавровый свой веноч...» приписывалась и Булгарину, и Воейкову, и даже Пушкину (*Н. И. Греч. Записки о моей жизни.* СПб., 1886. С. 493; *Стихотворения А. С. Пушкина.* Берлин, 1861. С. 105, 232). См.: «1794».

Май, 25. Москва.

Кончина Алексея Михайловича Пушкина – знаконца И. И. Дмитриева и дальнего родственника А. С. Пушкина, известного остроумца, писателя и переводчика, весельчака и «вольтерьянца».

О его смерти Вяземский сообщил А. И. Тургеневу в письме от 27 мая 1825 г.: «Добрый и любезный наш Пушкин скончался третьяго дня вечером тихо и без страдания... Сердечно его жаль и за него лично, и за окружающих» (ОА. Т. III. С. 129).

Конец мая ... начало июня. Михайловское.

Пушкин в письме к А. А. Бестужеву пишет:

«Ободрения у нас нет – и славу Богу! от чего же нет? Державин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами. Век Екатерины – век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин кажется ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также... Из неободренных вижу только себя да Баратынского – и не говорю: Слава богу! Ободрение может оперить только обыкновенные дарования».

Акад., XIII, № 175.

1825. Май ... Июнь. Москва.

Дмитриев читает в «Вестнике Европы» (№ 11. С. 187–217) статью Д. Е. Зубарева: «Исторические справки» <Коммент. к отд. сведениям из «Истории Государства Российскаго» Н. М. Карамзина>. Статья вызвала полемический ответ Н. А. Полевого в «Моск. Тел.» (1825. № 15).

Июнь, 1 ... 8. Михайловское.

Пушкин в письме спрашивает Дельвига:

«Видел ли ты Н.[иколая] М.[ихайловича] <Карамзина> идет ли вперед История? где он остановится? Не на избрании ли Ром.[ановых]? Неблагодарные! 6 Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я...».

В этом же письме Пушкин цитирует слова («...грамоты не знал за недосугом») из известной «Эпитафии» И. И. Дмитриева:

«Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай:
Я воин, грамоты не знал за недосугом.
Направо кругом!
Ступай!»

Акад., XIII, № 177.

Июнь, 3. Среда. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Давно не имею от тебя писем; кажется, ты не отвечал на мое последнее. Я уже недели три плох здоровьем, не смотря на прекрасное летнее время и на благоуха-

ние везде цветущей синели; теряю много крови и хую. Однакожь брожу как здоровый; только не езу в Павловское, от частых схваток в животе, с которыми лучше сидеть дома или, по крайней мере, не удаляться от дому. Одышка Катерины Андр. тревожит меня еще более, нежели мое худое здоровье. Переменим разговор.

Граф Воронцов давал мне читать письма Безбородки к Гр. Александру Романовичу о временах Екатерины и Павла: он был хорошей Министр; если и не великой; такого теперь не имеем. Вижу в нем ум Государственный, ревность, знание России – то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было в Безбородке ни высокого духа, ни чистой нравственности. Заключим обыкновенною поговоркою: *нет совершенного!* – Тут есть кое-что о Маркове, Мятлеве, Державине. Вообще любопытно.

В истории нашего времени принадлежит то, что Министр Финансов предписал Нижегородскому Губернатору взыскать с нашего имения с чем-то 8000 р. за какой-то долг Князя Андрея Ивановича Банкиру Сутерланду, не признанный покойным Князем в 1796 г., и с того времени оставленный без взыскания. Ревностный Губернатор, мой благоприятель, тотчас взыскивает и волнует крестьян, повторяя сказанное Министром, что наше имение находится под запрещением по сему мнимому долгу – а запрещеня не бывало! Спрашиваю у Министра: он ничего не знает и велит мне спросить у Бронченка. Спрашиваю у Бронченка: он дает мне слово справиться, также не зная. Между тем угрожаюсь немилостию Канкрин: ибо ему сказали, что я говорю с неудовольствием о такой *восточной* расправе! Сколько нажил я здесь друзей! Искал я здесь дружества России, и найду, может быть в сырой земле. – Нежно, нежно обнимаем тебя всем семейством, друг любезнейший, старый и не Петербургский!

Твой навеки Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 397–398 (№ 344).

Июнь, 4... 8. Москва.

Отъезд Дмитриева в Симбирск.

Моск. Вед. 1825. № 46. 10 июня (Среда). С. 1647.

Июнь, 9 ... 13. Симбирск.

Приезд И. И. Дмитриева из Москвы.

В «Месяцослове на лето от Рождества Христова 1825...» (л. 6 об.) М. А. Дмитриев указывает даты своего отъезда из Москвы и приезда в Симбирск: «3-го июня по утру выехал из Москвы. 7-го июня вечером приехал в Симбирск» (цит. по: Боленко, рукопись); т. е. дорога от Москвы до Симбирска занимала пять-шесть дней.

Июнь, 9. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Молчание твое тревожит меня. Слышу, что ты уехал в наш родимый край; но как же мог не сказать мне о том ни слова? На последнее мое письмо не было ответа: может быть, оно уже не застало тебя. Дай Бог, чтобы ты благополучно возвратился, и с приятными чувствами. Места все те же, но мы смотрим на все уже другими глазами. Любезный Симбирск, Волга, Свяга! мне уже, вероятно, не видать вас: признаюсь, и не желаю видеть! *Voyage qui voudral* – Я все хилею, езу верхом, обливаюсь холодною водою, ем мало, но все не к лучшему; не могу и работать с успехом, высиживая в кабинете не страницы написанныя, а головную боль. Вот расплата за Авторское ремесло! Немошь телесная есть и душевная. Думаю все кинуть на время, вместо лекарства, по крайней мере в угодность милой жене, которая сама не здорова, а беспокоится только обо мне. Не смотря на мою душевную привязанность к Императрице М.[арии] Ф.[едоровне], я в два месяца был у Нее только три раза в Павловском. Здесь через два дни будут пышные крестины; но я, вероятно, не решусь надеть мундира широкого, хотя еще и нового. А читаю все еще с удовольствием – и романы! Ценсура, думаю, не запретит нового

Вальтер-Скотова романа, которого ожидаем. Будь здоров, любезнейший. Всем семейством обнимаем тебя нежно. Навеки твой

Н. Карамзин.

Мне сказывали, что Министр Просвещения написал грозное письмо к Магницкому за все его доносы неосновательные».

Карамзин, 1866. С. 398–399 (№ 345).

Июнь, 18. Четверг. Царское Село.

К. С. Сербинович записывает рассказ Карамзина о некоторых подробностях жизни своей:

«... Во время учреждения государственного совета, Государь, назначив Дмитриева министром юстиции, имел мысль поручить Николаю Михайловичу министерство народного просвещения, с званием директора по малому его чину. Сперанский отклонил это, советуя сделать его прежде куратором Московского университета, но тут был предпочтен ему граф Разумовский».

Сербинович, 1874. С. 244–245.

Июнь (вероятно, во втор. пол.). Симбирск.

Письмо к Н. М. Карамзину в Петербург (не обнаружено).

Карамзин, 1866. С. 401.

Июль, начало. Михайловское.

Пушкин в письме к Вяземскому пишет:

«...как жаль что умер А.[лексей] М.[ихайлович Пушкин]! и что не видал я дядиной травли! Но Дмитриев жив, все еще не потеряно...».

Акад. XIII. № 181.

«не видал я дядиной травли» — «Милый и незабвенный наш Василий Львович Пушкин был в своем роде наш Поансине <Poinsinet — парижский литератор, над которым потешались его приятели>: А. М. Пушкин, Дмитриев, Дашков, Блудов и другие приятели его не щадили доверчивости поэта. Однажды, не смотря на долготерпение свое, он решился, если смеем сказать, огрызнуться прекрасным, полным горечи стихом *Их дружество почти на ненависть похоже...*» (*Вяземский, 1883. Т. VIII. С. 413*).

Июль, 2 ... 6. Москва.

Возвращение из поездки в Симбирскую губернию.

Моск. Вед. 1825. № 54. 8 июля (Среда). С. 1905.

Во время этой поездки на родину И. И. Дмитриев посетил Симбирскую гимназию. Вскоре по приезде в Москву, он написал письмо к директору этой гимназии А. И. Гапонову (см. «1825. Август»).

Июль, 10. Пятница. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Сердечно радуюсь твоему благополучному возвращению. В самом деле ты еще молодец: не едешь, а летаешь. Подробности твоего путешествия прелестны, от нового домика до стерляди под благоуханием роз и ясминов. Надеюсь, что Бог даст тебе еще погулять в саду, тобою расположенном, вместе с твоими внуками. Ты исполнил долг хозяина и господина. Наслаждайся теперь приятным воспоминанием.

Северин блаженствует: дай Бог, чтобы и всегда блаженствовал! Он всегда был нашим добрым приятелем. Князь Петр отправился в Ревель купаться. Я нашел в нем новую любезность и старую нерешительность, хочет и не хочет службы. И я не знаю, какую избрать ему лучше. Жаль, что не могу посоветоваться с тобою: на письме трудно. Однакожь сделай одолжение, скажи свою мысль. Быть ли за Обер-Прокурорским Столом в надежде на Обер-Прокурорство или ехать в Германию или в Италию к какому нибудь Посольству с жалованьем пяти тысяч руб. бумажками,

или что другое? Это решится между нами по его возвращении из Ревеля; а после как будет угодно Государю, расположенному к нему не весьма хорошо, как тебе известно. — С Тургеневым мы простились в слезах, и может быть навсегда. Он был здесь нашим нежнейшим другом, истинным родным. Без него сиротствуем. Когда возвратится, неизвестно. Приятно ли ему оставаться товарищем Свинына и Львова? Ныне я уже не говорил об нем ни слова. — Пока прости, любезнейший друг. Я писал к тебе вчера. Всем семейством обнимаем тебя нежно, два дни сряду.

Твой навеки

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 399—400 (№ 346).

А. И. Тургенев вместе с братом Сергеем выехали за границу (сухим путем через Ригу до Мемеля, из Мемеля в Кенигсберг — по морю) в среду, 8-го июня (ОА. Т. III. С. 132 (№№ 694, 695)).

Июль, 31. Пятница. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

И я, домосед, путешествовал; даже и плавал! ездил смотреть военные поселения для себя, а в Петергоф для дочерей — но все плох здоровьем. Зная милостивое расположение ко мне Государя, Граф Аракчеев угостил меня с ласкою необыкновенною. Поселения удивительны во многих отношениях. Там, где за восемь лет были непроходимыя болота, видишь сады и города. Но *Руской Путешественник* уже стар и ленив на описания. Петергофский праздник был великолепен, и на нем 150 тыс. людей. Знаешь ли ты Англ.[ийский] сад в Петергофе? Я видел его в первый раз: это прелестный Парк. Деревья редкие для здешняго климата.

В.[еликая] К.[нягиня] Анна Павловна уехала. Марья Павл. едет завтра. О путешествии в Москву не говорят ни слова; но думаю, что заговорят скоро. Медики советуют Императрице Ел.[изавете] Алекс.[еевне] провести зиму в юго-западных провинциях России.

Твое таинственное беспокойство беспокоит меня. Не могу угадать. Вероятно, домашнее? По крайней мере, скажи, миновалось ли? чего сердечно желаю. Следственно, и свободная, независимая жизнь имеет свои тревоги! Ты мастер жить; но сердца человеческого или высшего устава не переменишь.

Любезное твое *Симбирское* письмо дошло до меня: я посидел с тобою мысленно на балконе и посмотрел на отрывок Уральских гор, хотя и не знаю, как ты притянул их к Сызрану; но верю твоим географическим сведениям более, нежели своим. Как я смеялся действию стихов Жуковского! И он смеялся, слагая с себя вину на Гете.

Министерство Финансов, уличенное в ошибке, кинется теперь с своим иском на Князя Петра Андреевича; но думаю хлопотать и за него. Через 25 лет молчания, и без суда, нет законного иска. Министр Финансов сказал мне в Петергофе, что я бранил его. Жалоба не брань, отвечал я, и мы еще не дошли до Христианского терпения. — Мысли твои о службе для Князя П.[етра] А.[ндреевича] весьма основательны.... Куда ни кинь, так клин. Он умен, любезен, но не знает, что делать в свете, и скучает; горд и не ропителен: а я не имею духа за него решиться. Ждем его возвращения из Ревеля.

Всем семейством обнимаем тебя нежно. Делаю, что мне советуешь: кое-как пишу. Будь здоров и спокоен, любезнейший друг!

Твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 400—402 (№ 347).

Август, 7. Пятница. Москва.

Письмо Дмитриева к В. В. Измайлову:

«Милостивый государь мой Владимир Васильевич.

Чувствительно благодарю вас за милое и обязательное ваше писание. Оно доставило мне удовольствие на минуту будто с вами беседовать.

Карамзин хотя и не хвалится своим здоровьем, жалуясь, что оно мешает ему работать с прежнею деятельностью, однако ж в минувшем месяце посещал Новгородские поселения (вероятно, в угодность государю) и был весьма обласкан их

начальником, а потом пировал на Петергофском празднике. Я не премину порадовать его дружеским вашим воспоминанием.

Насчет первых двух томов записок г-жи Жанли я совершенно с вами согласен. Вчера получил я из П[етер]б[урга] еще две части; кажется, и в них та же болтовня о мелочах; но я надеюсь, что последние четыре будут занимательны.

Здесьние фр.[анцузские] книгопродавцы в большом унынии. П[етер]б[ургская] ценсура стала еще строже. Не пропускает ни Вольтера, ни Прада, ни Байрона, ни Аннуара политического, ниже известного вам романа Дон Алонзо, — но между тем, к удивлению моему, пропущено новое издание Белева словаря, в 8-ю долю, в 14 томах.

О нашей словесности и говорить нечего. Так много скопилось у нас гениев, что они от тесноты почти задохлись и чуть шевелятся, а прочие фолликулеры друг друга бранят или хвалят. На сих днях М.[осковский] унив.[ерситет] получил нового попечителя в особе А. А. Писарева.

Наконец скажу вам о себе, что я в июне побывал в отчизне. Три части записок моих кончены. Первая уже и переписана набело. Теперь занимаюсь примечаниями ко всем частям.

Надеюсь, что и вы, почтенный В. В., оплатите мне вашу откровенностью: я нетерпеливо желал бы видеть плоды и ваших занятий. Если вы между прочим написали или напишете стихами или прозою в роде мелких произв.[едений], то прошу вас сообщить ко мне и позволить отдавать их в *Телеграф*. Издатель этого журнала хотя еще и не натерел в слоге, но умнее других и приближается более к европейскому журналисту.

Бодрствуйте и любите искреннего и преданного вам почитателя Ивана Дмитриева».

Вацуро, 1980. С. 428–429.

Август. Казань.

В «Казанском Вестнике» (1825. Ч. 14. Кн. 8 (Август). С. 312) напечатана «Выписка из письма Его Высокопревосходительства г. Действительного Тайного Советника, Сенатора и разных Орденов Кавалера Ивана Ивановича Дмитриева к директору Симбирской гимназии <А. И. Гапонову>»: «...Лестное внимание, которым я почтен был от вас и ваших Господ сотрудников, в бытность мою в Симбирске, обязывает меня принести вам, Милостивый Государь мой, чувствительную мою признательность.

Здесь же <в Симбирске> началось и совершилось и мое воспитание: почему могу вас уверить, что для меня всегда памятен будет тот день, в который Провидение привело меня в преклонности лет быть посетителем вашей Гимназии, и с умилением видеть, что лучи просвещения разливаются и в моей отчизне на отроков и юношей всех состояний; видеть притом и успехи учащихся, неминуемое последствие попечений Начальства и наставников.

Примите Милостивый Государь мой, свидетельство совершенного к вам почтения, с коим на всегда имею честь пребыть Иван Дмитриев».

Сентябрь, 1. Царское Село.

Отъезд имп. Александра I в Таганрог.

Сентябрь, 1. Симбирск.

М. А. Дмитриев отмечает в своем месяцеслове, что отправил письмо к И. И. Дмитриеву в Москву.

«Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1825...», л. 9 (цит. по: *Боленко*, рукопись).

Сентябрь, 2. Среда. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Я давно не писал к тебе от своего худого здоровья, которое сильно действует и на душу: грустно, мрачно, холодно в сердце, и не хочется взять пера. Тем не менее

я всякой день о тебе думал и думаю, говорил и говорю. Князь Петр Андреевич с нами, и пробудет еще дней 10, как надеюсь. Государь вчера уехал, а завтра едет Имп. Елис. Алекс. в Таганрок, чтобы провести там зиму, менее здешней холодной. Ее здоровье слабо. Любезный Царь на прощанье дал вензель Катеньке. Думает возвратиться к Генварю. Мы расстались не без чувства. Привязанность моя к Нему сердечная и вечная. С грустью иду к Императрице, чтобы проститься с Нею: может быть, навеки! Она не здорова и я также; а в 8 месяцев много утечет воды! Гасну или таю, а люблю. Часто глаза наполняются слезами, когда смотрю на милых, думая единственно об них, не о себе. Вопреки Гельвецию, любовь бескорыстна.

Здесь останемся одни; но желаю не выезжать из Царского Села до Ноября. Не знаешь ли, любезнейший, чего нибудь о брате Александре Михайловиче <Карамзине>? По доверенности, я занял для него 25 т. руб. и всякой день жду его приезда; он не едет, а деньги лежат здесь праздно с немалым для него убытком.

Нежно, нежно обнимаем тебя всем семейством.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Выходит ли моя внучка, вторая дочь Сергея Сергеевича, за Бибикова? Мне сказывали, что она также Фрейлина».

Приписка рукою князя П. А. Вяземского:

«Поздравляю Ваше Высокопревосходительство с нашею и Вашею Фрейлиною. Слава Богу, я уже на обратном пути и сердце бьется по Москве, которую надеюсь увидеть к 17-му числу. Желая доказать, что я путешествовал не без пользы и возвращусь не с пустыми руками, имею честь препроводить к Вам надпись, найденную мною под портретом Г. Хвостова, в Хотиловском трактире; портрет подарен трактирщице Его Сиятельством:

Желал-бы Граф я Ваш портрет иметь,
Исполните мое преискренне желанье,
Клянусь Вам всем, как умереть,
Сочту большим я его воздаянье.

Я набожно следовал правописанию подлинника. Стихи написаны чернилами по стеклу. Подпись означена буквою П. или И., но в точности я разобрать не мог. Я снял портрет со стены для списания стихов и оставил его на столе; хозяйка, принужденная повесить его опять на место, сказала при сем: ох! какой же неугомонный этот граф! Все проезжающие снимают его!

Примите, Милостивый Государь, сию бедную дань и приобщите ее к богатым материалам, собираемым Вами в *Музее Хвостовском*. О здешнем литературном или литераторском мире сказать ничего не могу, да и нечего. Я почти никого не вижу из пишущей братии. Пушкин в своей Псковской ссылке готовит трагедию Борис Годунов, а здесь печатаются, или готовятся печатать его мелкие стихотворения. Вот наши надежды в засеве; а о бедности насущной жатвы свидетельствуют Вам наши журналы, жертвы засухи и саранчи Булгаринской.

Я был у нашего Северина, который блаженствует на розах Любви и Гименея; жена его очень мила, дом у них красивый, и домашний быт очень хорошо устроен. Они еще не знают, будут ли в Москве, потому что ожидают молодого Мольтке. Примите Ваше Высокопревосходительство уверение в искреннем моем почтении и сердечной преданности.

Вяземский.

Педагога Жуковского, доброго, милого по прежнему, вижу часто; но поэт Жуковский, кажется, спит до поры и до времени».

Карамзин, 1866. С. 402–404 (№ 348).

Сентябрь, 3. Четверг. Царское Село.

Отъезд императрицы Елизаветы Алексеевны в Таганрог.

Карамзин, 1866. С. 402. См. также письмо Карамзина к Н. И. Кривцову: «... Государь вчера отправился в Таганрог и думает возвратиться к Январю; завтра едет туда и Императрица Елисавета Алекс., чтобы провести там зиму, менее здешней холодную и сноснейшую для ея, к несчастью, слабого здоровья. Мы остаемся в Царском селе одни, до Ноября, как бы хотелось...» (*Погодин*, 1866. Т. II. С. 337).

Сентябрь, 3. Царское Село.

Карамзин в письме к графу С. П. Румянцеву в Петербург сообщает, что «Иван Иванович Дм.[итриев] не может надивиться вашей неизменной любезности и живости: следственно, вопреки *мостовой*, Вы еще не стары...»

РА. 1869. № 3. Стб. 597–599.

Сентябрь, 8. Симбирск.

Запись М. А. Дмитриева в месяцеслове об отправке письма к И. И. Дмитриеву в Москву.

«Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1825...», л. 9 (цит. по: Боленко, рукопись).

Сентябрь, 10. Четверг. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 65 лет.

Сентябрь, 11. Пятница. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Царское Село (ответ на письмо от 2-го сентября):

«Любезнейший князь Петр Андреевич.

Чувствительно благодарю вас за ваше только приписание <к письму Карамзина Дмитриеву от 2-го сентября>, а не за стихи к портрету известного... Лучше бы вы прислали вместо его собственные ваши стихи, написанные, как мне сказывали, на Ревельской рейд. Нетерпеливо жду вашего приезда, сколько для вас, столько и для того, чтобы распросить вас о любезнейшем друге. Хотя я и кокетствовал в ответе моем на последнее письмо его, но при чтении оно сердце мое сжималось.

Желаю А. П. (sic) Пушкину счастливых успехов и на новом поприще; доставит ли искусства в сердцеведении, сомнительно: а за прелесть стихов его можно ручаться. Дядя его еще не возвратился из новых наследственных своих владений, а потому и в *Дамском Журнале* раздастся только свирель Кокошкина, камердинера Кобозева; прочее же все идет своим чередом.

До свиданья. Мысленно обнимает вас душевный ваш почитатель, вашего сиятельства покорнейший слуга И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 155 (№ 45).

1825. Сентябрь, 12 ... 1836. Декабрь, 15. Москва.

Сборник стихотворений И. И. Дмитриева, озаглавленный «Мои стихотворения с 1822 года». Помета Дмитриева: «начал переписывать тетрадь сентября 12 1825 года». Последнее стихотворение «К Николаю Дмитриевичу И. Писареву. Вписанные в альбом молодой супруге его Натальи Сергеевны. Декабря 15» датируется 15 декабря 1836 г.

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Оп. 1. Ед. хр. 206. Впервые: *Алексей Балакин, Михаил Велижев*. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. Л. 3–4). Сердечно благодарю авторов за возможность познакомиться с содержанием статьи и составом сборника. Благодарю Е. Э. Лямину, без помощи которой, это знакомство могло бы и не состояться.

Состав стихотворного сборника «Мои стихотворения» (примеч. составит. – набраны петитом):

1. Л. 5–6 (рукописная пагинация). Подражание 136 псалму

1822 (23). «На чуждых берегах, где властвует тиран...» – впервые упоминается в письме Карамзина к Дмитриеву от 19 января 1823 г. (См.). Напечатано впервые в «Северных Цветах на 1826 год» (С. 10; подпись: ***).

2. Л. 6–7. Гебры и школьный учитель

1823. «Гебры и школьный учитель» («Светило дня на небе голубом...») – впервые упоминается в письме А. И. Тургенева к кн. Вяземскому от 13 марта 1823 г. (см.) и в письме от 2-го апреля 1823 г.

(см.). Напечатано впервые анонимно: «Памятник отечественных муз. Изданный на 1827 год Борисом Федоровым» (С. 258–260; подпись: ***).

3. Л. 7. *Отрок и одр*

4. Л. 7об. *Индеекка и Стихотворец*

5. Л. 8–9. *Ворон и Фазан*

6. Л. 9 об.–10об. *Слепец, собака его и школьник*

1825. *Слепец, Собака его и Школьник* (Баснь) («Бедняк, живой пример в злочасти смиренья...») — впервые: альманах «Полярная Звезда, Карманная книжка на 1825-й год. Для любительниц и любителей русской словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым» (выход в свет: в субботу, 21-го марта 1825) — С. 183; подпись: ***.

7. Л. 10об.–11. *Карга и певчие птицы*

8. Л. 11об. *Дети и мыльные пузыри*

1821. Январь. Москва. *Дети и Мыльные пузыри* («Откуда визг и крик далеке раздается...»).
Впервые: СН. 1898. Кн. 2. С. 216 (в примеч. Н. Барсуковым).

9. Л. 21об. *Надпись к портрету или бюсту В. П. Петрову*

1826. «*Надпись к портрету лирика*» («Потомство! вот Петров...») — впервые: «Северные Цветы на 1826 год» (С. 62; подпись: ***).

10. Л. 22. *К портрету кн. П. А. Вяземского*

1822. «*Кого не увлечет талант сего поэта?..*» — Москва, не позже 27-го сентября 1822 года. См. письмо кн. Вяземского из Остафьева к А. И. Тургеневу от 27 сентября 1822 г., открывающееся этим четверостишием (ОА. Т. II. С. 274). О датировке этого стихотворения см.: Каллаш В. Библиографические заметки. Об И. И. Дмитриеве. 1. Надпись к портрету князя Вяземского // РА. 1901. Кн. 1. Вып. 2. С. 339.

11. Л. 22. *В Альбум Госпожи Шимановской, польской виртуозы*

9 декабря 1822. Москва. Впервые: 1827. «Моск. Тел.» (Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 120), под загл.: «*В альбом Шимановской*» («Таланты все в родстве; источник их один...»). Здесь же (С. 119) напечатано двустишие Карамзина, обращенное к Шимановской: «*Тень и Предмет*» («Мы видим щастья тень...»).

12. Л. 22. *Отдание вралю. I.* «Как жаль, что наш Вралев с печатнею сроднился...»

13. Л. 22об. *Отдание вралю. II.* «Открылись, наконец, твои Козлины ноги!..»

14. Л. 22об. *Эпиграмма* («Ланцетина души разрушилась обитель...»)

15. Л. 22об. *Запасные надгробия. Одному* («Здесь – догнул наш Зоил...»)

16. Л. 23. *Запасные надгробия. Другому* («Здесь тухнет Аристарх...»)

17. Л. 23. *Листик* («На что бросать, друзья, и вестника Европы?..»)

18. Л. 23. *Эпитафии. I. От супруга* («И ангелы в плоти...»)

1825. Впервые: альманах «Полярная Звезда, Карманная книжка на 1825-й год. Для любительниц и любителей русской словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым» (выход в свет: в субботу, 21-го марта 1825) под заглавием «*Надгробие от супруга супруге*» («И ангелы в плоти не дольше роз живут...»). — С. 277; подпись: ***.

19. Л. 23об. *Эпитафии. II. Наполеону* («Сокрытый здесь еще лет мужественных»).

Не ранее 23 апреля 1821 г. (дата кончины Наполеона). В Петербурге о его кончине стало известно в июле 1821 г.

20. Л. 23об.–24. *На кончину А. Л. П... 1824, ноября дня*

1824. Не ранее 14-го ноября. Москва. Впервые: Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. Л. 9: текст стихотворения).

21. Л. 24. *На кончину Веневитинова*

1827. «*На кончину ****» <Д. В. Веневитинова> («Природа вновь цветет и роза негой дышит...») — впервые: «Московский Телеграф» (1827. Ч. XIV. № 8. Апрель. Отд. второй. С. 157; без подписи).

[21а]. К. III. Рыцарь нашего времени (напечатан в Дамском журнале 1827 года, издаваемом К. Шаликовым)

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 16, под № 4): не ранее 8 апреля 1827 г. Под заголовком: «Рыцарь нашего времени. Эпиграмма К. Шаликова на Ив. Писарева» («Презревший и Лицей и Портик...»). «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

22. Л. 25. Ответ («Несчастливый отец беззубой Эпиграммы!..»)

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 16, под № 5): не ранее 8 апреля 1827 г. «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

23. Л. 25об. Владимиру Васильевичу Измайлову

24. Л. 25об. «Нет, Венечкин, журнал набитый только бранью...»

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 15, под № 1): не ранее 8 апреля 1827 г. «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

25. Л. 25–26. Надпись к портрету N.N. («Вот Балдус! Руского изделия торжество...»)

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 15об., под № 2): не ранее 8 апреля 1827 г. С первой строкой: «вот балдус! русакого изделия торжество*...». Подстрочное примеч. к «руссакого изделия торжество»: «смотри: Литературный Музеум». «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

26. Л. 26. Встреча у желтого дома

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 15об., под № 3): не ранее 8 апреля 1827 г. С первой строкой: «каков Фиалкин? плох, и всем уж это гласно...». «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

27. Л. 26. Наборщику стихов моих

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 15об., под №4): не ранее 8 апреля 1827 г. С первой строкой: «Спасибо твоему ремесленник, набору...». «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

28. Л. 26об. Чепуха

Дата по автографу ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 115, Л. 16–16об.): не ранее 8 апреля 1827 г. С первой строкой: «Дай в шутку напишу Парнас в аррикатуре...». «См.: «1827? Апрель (вскоре после Пасхи). Москва».

29. Л. 27. «Уймися Яровой! во век тебе не быть...»

30. Л. 28. Октября 2-го 1831. К Василью Андреевичу Жуковскому

*Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на «Взятие Варшавы» («Была пора: питомец русской славы...») – впервые в альманахе «Северные Цветы на 1832 год» (выход в свет ок. 24 декабря 1834 г.) – С. 10; подпись: И. Дмитриев. Здесь же напечатан ответ В. А. Жуковского: *Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву* («Нет, не прошла, певец наш вечно юный...») – С. 11–13; подпись: В. Жуковский.*

31. Л. 28об. 1834. В альбом Александрина. Февраля 22 дня

<Не Шевичевой-ли?>

32. Л. 29. Подражание в языке, метре и вкусе новейшим поэтам новейшей Русской, Романтической и народной школы. Марта 1-го

33. Л. 29об. К Николаю Дмитриевичу И. Писареву. Вписанные в альбом молодой супруге его Натальи Сергеевны. Декабря 15

1836. Декабрь, 15. Москва. *В альбом Г-жи Иванчиной-Писаревой («Счастливый Писарев!..») – впервые: «Москвитянин» (1841. Ч. 1. № 2. С. 356) в разделе «Последние стихи Ивана Ивановича Дмитриева», при след. примечании Н. Д. Иванчина-Писарева: «Это написано в самый год моего супружества, когда певцу «Ветхого деньми», «Волги», «Ермака» было 76 лет».*

Сентябрь, 15. Симбирск.

М. А. Дмитриев отправляет письмо к И. И. Дмитриеву в Москву.

«Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1825...», л. 9 (цит. по: Боленко, рукопись).

Сентябрь, 22. Симбирск.

М. А. Дмитриев отмечает в своем месяцеслове, что отправил письмо к И. И. Дмитриеву в Москву.

«Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1825...», л. 9 (цит. по: Боленко, рукопись).

Сентябрь, 24. Четверг. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

От всего сердца поздравляю тебя с наступающим днем именин твоих: 26 Сент. все Карамзины, старые и малые, будут пить здоровье их отсутствующего друга и многолетствовать его громогласно.

Становлюсь, кажется, здоровее; пью или глотаю уголь вместо лекарства и снова езжу верхом перед обедом. Живем в глубоком уединении. Императрица в Гатчине, куда думаем съездить, если мне не будет хуже. Сопутствуем Другой душою и сердцем. Вести об Ней с дороги были и так и сяк. Теперь Она должна быть уже в Таганроке. Здесь некоторые думают, что наш Царь возвратится прежде Декабря. Важный Государственный человек, огорченный ужасным домашним происшествием, отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим не легко. Дельных людей на большой сцене у нас не много. Министры стары и дряхлы, кроме Финансов и Морского. Больше лиц, нежели голов; а душ еще менее. Впрочем это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замечаю, а не дивлюсь. На сей раз едва ли не всего хуже то, что крестьяне худо платят оброк господам, которые переводят дух займом в Опекунском Совете, но что же после? Бог милостив, и действительно милостив: эту мысль успокоиваю себя во всякой беспокойной мысли.

Брат Александр Михайлович явился, посевев и потолстев в деревне, и нашел меня также посевевшего, но похудевшего. Он не может нахвалиться своим Оренбургским Генерал-Губернатором. Каков-то будет наш Бахметев!

Вместе с тобою жалею, что *будущий* наш жених не с двумя руками: по крайней мере все его хвалят. Дай Бог счастья той и другой невесте!

Надеюсь, что ты часто видишь нашего милого, умного князя Петра Андреевича. Он здесь мелькнул. – Прости, любезнейший друг – до свидания, как ты говоришь обыкновенно, или до нового письма, как справедливее.

Нежно обнимаю тебя... А твоя загадка остается неразгаданною?

Навеки твой

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«От всего сердца поздравляю вас, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович; мы будем пить ваше здоровье за семейным обедом; когда придет то счастливое время, в которое нам можно будет постучаться рюмками с любезным именинником? – Но в разлуке, как и вместе, мне не нужно уверять вас, что вы всегда найдете нежнейшее, сердечное чувство любви в семействе нашем, и в этом чувстве конечно никому не уступает душевно вам преданная

К. Карамзина».

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«Примите и мое сердечное поздравление, почтеннейший Иван Иванович, вместе с искренними желаниями о вашем здоровье и благоденствии: всегда хочется прибавить о скором свидании, но как тщетное желание, не всегда изъявляю его. Позвольте, почтеннейший Иван Иванович, сказать еще слово о моей благодарности за вашу любезную поздравительную приписку, и о моем сожалении быть в невозможности исполнить вашу волю на счет Папенькиного портрета: я давно уже не занимаюсь этим родом рисования; могла бы только намарать уroda под его именем, а ваше дружеское кокетство конечно бы не позволило вам сохранить такой монумент клеветы на Папенькины черты и неспособности его дочери. Надеюсь, что моя логика убедит вас в том, что не от недостатка доброй воли, а от совершенной невозможности я лишаю себя удовольствия сделать вам приятное: надеюсь также, что вы примете, почтеннейший Иван Иванович, уверение в чувствах моей к вам любви и преданности.

К. Карамзина».

Приписка рукою С. Н. Карамзиной:

«Я также хочу непременно сама поздравить вас, хотя мне еще и запрещено писать после несчастного *отравления*. Примите же и мои сердечныя желания и мое уверенье в чувствах нежной, душевной, почтительной преданности.

Софья Карамзина».

Сентябрь, 26. Суббота. Москва.

Преставление св. апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. День именин И. И. Дмитриева.

Октябрь, 19. Москва.

Погодин записывает в дневник: «Там <у И. И. Дмитриева> был Баратынский и Пинский <Карниолин-Пинский> <...> Гов.[орили] о Пушкине».

Погодин. Дневник. С. 71.

Октябрь, 19. Москва.

Ценз. разрешение, выданное П. Победоносцевым, на выпуск «Московского Альманаха для Прекраснаго Пола, изданный на 1826 год Сергеем Глинкою» (1825. М., Университетская тип.). Здесь напечатано *Послание к нежной матери* (Из стихотворений И. И. Дмитриева) («Какое зрелище для нежных души!..») (С. 183–185). Здесь же грав. рисунок с подписью: «Счастье нежной матери, из стихотворений И. И. Дмитриева: “И так Климена! Ты теперь уже спокойна / Ты счастлива, ты, мать и ею быть достойна”».

Октябрь, 20. Москва.

Послеобеденная беседа И. И. Дмитриева и англичанки Клер Клермонт в доме Постниковых. К. Клермонт вспоминала, что еще «однажды» видела в доме Постниковых престарелого И. И. Дмитриева.

«The Journals of Claire Clairmont. Edit by Marion Kingston Stocking with the assistance of David Mackenzie Stocking» (Harvard University Press, Cambridge Mass. 1968, p. 367) (цит. по: Алексеев, 1982. С. 512, 562).

Октябрь, 22. Царское Село.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

В ответ на милое письмо твое скажу, что о вкусах, по старому Латинскому изречению, не спорят: я точно наслаждаюсь здешнею тихою, уединенною жизнью, когда здоров и не имею сердечной тревоги. Все часы дня заняты приятным образом: в девять утра гуляю по сухим и в ненастье дорогам, вокруг прекрасного, не туманного озера, славимого и в Conversations d'Emilie; в 11-м завтракаю с семейством и работаю с удовольствием до двух, еще находя в себе и душу и воображение; в два часа на коне, не смотря ни на дождь, ни на снег: трясусь, качаюсь – и весел; возвращаюсь с аппетитом, обедаю с моими любезными, дремлю в креслах, и в темноте вечерней еще хожу час по саду, смотрю вдаль на огни домов, слушаю колокольчик скачущих по большой дороге и не редко крик совы; возвратясь свежим, читаю газеты, журналы не-русские, книгу не-русскую; в 9 часов пьем чай за круглым столом, и с десяти до половины двенадцатого читаем с женою и с двумя девицами Вальтер-Скота, романы, но с невинною пищею для воображения и сердца, всегда жалея, что вечера коротки. Не знаю скуки с зевотою, и благодарю Бога. Рад жить так до конца жизни. Вот следствие, вероятно, лучшего здоровья; не знаю, продолжится ли, но так теперь. Что мне город? Однакожь думаем недели через три перебраться туда: наши девицы не моего вкуса, и Сонюшка в флюсе, обвиняя в том наши Китайские домики, хотя и не сырые, не холодные. Я так неподвижен, что был только однажды в Гатчине, не смотря на мою сердечную любовь к Императрице. Работа, сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я с слезами чувствую признательность к Небу за свое Историческое дело? Знаю, что и как пишу; в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомстве: я независим, и наслаждаюсь только своим трудом, любовно к отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей Истории: она есть, и довольно для меня. Одним словом, я совершенный Граф Хвостов по жару к Музам или Музе! За неимением читателей могу читать себя и бормотать сердцу, где и что хорошо.

Мне остается просить Бога единственно о здоровье милых и насущном хлебе до той минуты,

Как лебедь на водах Меандра,
Пропев, умолкнет навсегда...

Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, как сладкое успокоение в объятиях Отца. В мои веселые, светлые часы я всегда бываю ласков к мысли о смерти, мало заботясь о бессмертии авторском, хотя и посвятив здесь способности ума авторству. – Так пишут к друзьям из уединения.

Теперь обратимся к Парижу, где наш Тургенев, одетый лучшим портным, питаемый лучшим Ресторатёром, наслаждается жизнью, не забывая Русских друзей; в доказательство чего прислал жене и дочерям моим цветы, эшарпы etc. Без него Петербург для нас опустел: разве Блудов от времени до времени будет к нам заглядывать, Жуковский, Граф Сергей Петрович – или Хвостов!

Радуюсь вашим свадьбам. Новобрачный Бекетов не сын ли Аполлона Ник.? – Видишь ли иногда А. Ф. Малиновского? Давно ничего об нем не слышу. – Брат Александр Мих. хлопочет здесь о займе денег и сыновьях: к искреннему сожалению, с ним почти не вижусь; и ему и мне ездить не легко по грязи 25 верст.

Прости, любезнейший друг, до первого письма или мысленного свидания. Будь здоров. Все мое семейство обнимает тебя нежно. Жена и девицы благодарят за милые строки.

Ты уже совершенно кончил Записки? Прочитываешь ли, добавляешь ли? Сколько в них листов? Я привык исчислять листы. – Навеки твой

Н. Карамзин.

Кто был ваш Доктор Т., углелюбивый? Уголь точно не даром чернит мне рот».

Карамзин, 1866. С. 407–410 (№ 350).

См. ссылку на это письмо в дневнике Сербиновича после его встречи и разговора с Карамзиным и Жуковским в Гатчине 31 октября 1825 г.: «...Опять с особенным удовольствием можно было слышать из уст Николая Михайловича, что он чувствует себя в лучшем состоянии здоровья и ясное к тому доказательство – приятность, которую он находит в работе, как бывало и прежде; чувствуя сладость жизни, благодарит Бога за этот дар; сам любит перечитывать разные места своей Истории, оценивая, что и где хорошо; радуется, что совершил такой труд, и, исполнив по совести свой долг, ни мало не заботится даже о суде потомства; что недавно писал к Ив. Ив. Дмитриеву и выразил в письме чувства своей благодарности к Богу de lui avoir imposé cette tâche si agréable» (*Сербинович, 1874. С. 253*).

Октябрь, 27. Москва.

Дмитриев в письме к В. В. Измайлову пишет:

«Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Как мне тяжело было так долго казаться пред вами виноватым! Вот что тому было причиною: я до сего времени еще не вижусь с Полевым, который сам напросился на знакомство; два раза только был, и не знаю за что, перестал ходить ко мне. Наконец я передал предложение ваше товарищу его кн. Одоевскому. Он отвечал мне решительно за себя и Полевого, что для них было бы невыгодно и даже накладно согласиться на требуемую сумму; что для их журнала уже приискан, ими переводчик за 300 р. в год, и к тому же для них достаточно будет и одного, по елику они желают наполнять журнал свой более оригинальными сочинениями.

Очень жалею, что не мог сказать вам, лучших вестей. Между тем нетерпеливо желаю скорее с вами увидеться и с душевным почтением навсегда пребуду, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 429.

Ноябрь, 3. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Письмо вашего высокопревосходительства и обрадовало, и пристыдило меня. Оно мне напомнило, что, препровождая к вам чрез Д. В. Дашкова мою Франк-фуртскую покупку, я исполнил не все обязанности исправного комиссионера, не

уведомив вас о том с своей стороны; но, слава Богу, оно же есть новое доказательство вашей любезной снисходительности, и в сем случае прощение так скоро последовало за виною, что предупредило, по крайней мере, изъявление раскаяния. К этому осмелюсь прибавить, что я, хотя не совсем достоин вашего великодушия, однакож и не очень виноват. Не лень, а обстоятельства были причиною моего молчанья. Вам, может быть, уже известно, что мы (я и жена моя), ездив вдаль за здоровьем, воротились домой больные; сверх того нас дорогой опрокинули, разбили, а здесь мы нашли множество дел и неприятностей, то есть недобора в доходах и долгов. С тех пор, как мы в Петербурге, я беспрестанно ищу средства выбиться из этого хаоса и, если не сбросить бремя, которое лежит на мне, то хотя уменьшить его тяжесть, как нибудь, продажей, отречением от всего что можно назвать прихотью; и в таком занятии, равно грустном и скучном, право не имел и времени, и сил, признаюсь даже, и смелости, писать к вашему высокопревосходительству, боясь, что в письме к законодателю хорошего вкуса и слога я в друг заговорю *безвкусным* слогом купчей крепости или объявления в Опекунском Совете.

Так проходил день за днем, я ждал роздыха сердцу и прояснения мыслей, почти так же как добрые суевыры-квакеры ждут наития духа, чтоб быть красноречивыми, а между тем первыя тетради микроскопического издания Вольтера дошли до вас, и кучер привез к нам еще шесть новых. Кажется, я могу поручиться вашему высокопревосходительству и за следующие: оне будут приезжать сюда с депешами барона Анстетта, и на сей раз, по крайней мере, в его пакете будет истинное остроумие, а отसेле уже найдут дорогу в Москву, даже и без меня, ежели что нибудь принудит нас опять разстаться с Петербургом.

Настоящей, то есть русской, цены Вольтера и политического Песельника, который был его спутником от цветущих берегов Майна до гранитного берега Невы, я сам наверное не знаю. Рейнскими деньгами за все заплачено 73 гульдена, и я не могу добиться от своего банкира, чтобы он расчел, сколько в том наших бумажных рублей: эти господа так избалованы Ротшильдовой фантазмагорией, что презирают всякую сумму ниже миллиона. По нынешнему состоянию курса, вероятно, что теперь я в долгу у вас – семью или осмью рублями. Как же вы мне велите заплатить их? Не книгами, думаю, потому что здесь книги сделались почти запрещенным товаром, и между прочим те, которые я купил в Германии, больше месяца странствуют по мытарствам таможни и цензуры.

Кстати о книгах, мне хотелось бы сказать несколько слов, о том что я *видел*, *слышал* о литературе за *морями*, но мое письмо и так уж очень длинно: начав его извинениями в молчании, не должен-ли я при конце смиренно повиниться в болтливости, и так ли вам будет легко простить мне сей новый *грех*?

Закрываю этим *модным* словом, прося вас, не по моде, а искренно, не переставать верить чувствам высокопочитания и преданности, с коими я имею честь быть, вашего высокопревосходительства, покорнейшим слугою. Д. Блудов.

Р. S. Нашего почтенно-любезного историографа я с приезда видел только однажды: он и Жуковский живут в придворном уединении <т. е. в Царском Селе>. Бедный экс-балладник <Жуковский> очень нездоров».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1655–1657.

Ноябрь, 19. Четверг. 10 час. 50 мин. по полуночи. Таганрог.

Кончина императора Александра I.

Ноябрь, 24. Петербург.

День тезоименитства Екатерины Андреевны Карамзиной. Вечером у Карамзиных были Жуковский, Сербинович, Оленин, Аксаков и др.

Сербинович, 1874. С. 254.

Ноябрь, 26. Петербург.

В городе «пронесся слух, что Государь болен тяжко и приобщался св. таин».

Сербинович, 1874. С. 254.

Ноябрь, 27. Петербург.

Получено известие о кончине императора Александра I. Вечером Сербинич у Карамзиных. «Он <Карамзин> и его семейство оплакивают доброго государя и своего друга».

Ноябрь, 28. Петербург.

Всеобщая присяга на верность новому императору Константину Павловичу.

Ноябрь, 29. Воскресенье. Москва.

И. И. Дмитриев узнает о кончине имп. Александра I.

М. А. Дмитриев вспоминал: «...Московские профессора и литераторы, какие были, в том числе и я, обедали у него <А. А. Писарева, попечителя Московского университетского округа> по воскресеньям, где было довольно весело, особенно нам, молодым людям. В одно воскресенье, приехав к нему обежать, я нашел хозяина, против обыкновенного, чрезвычайно скупным и неразговорчивым; посмотрел на гостей: тоже все молчали и серьезные. Наконец, князь Шаликов подзывает меня к окошку и говорит: "Разве вы не знаете печальной новости? Император скончался!" — Это известие поразило меня. После обеда я тотчас поехал к моему дяде: я нашел его в ужасном состоянии: старик рыдал неутешно! <...> Александр любил моего дядю; мой дядя боготворил Александра! — Увидев меня, он зарыдал пуще и не мог промолвить ни одного слова; долго, долго был он в неутешном положении!..» (М. Дмитриев, 1998. С. 234–235).

Ноябрь. Москва.

В «Вестнике Европы» (1825. Ноябрь и декабрь, № 21 (ноябрь). С. 17–29) напечатана статья Д. Е. Зубарева «В защиту новейших критических замечаний: (Ответ на статью <Н. А. Полевого>, помещенную в № 15 «Московского Телеграфа» под названием «О новейших критических замечаниях на И.[сторию] Г.[осударства] Р.[оссийскаго], сочин. Н. М. Карамзиным».

Декабрь, 1. Вторник. Петербург.

День рождения Н. М. Карамзина.

Декабрь, 1. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы не имели времени приготовиться к удару: изумились, и хотели бы плакать еще более, нежели плачем, если бы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности к незабвенному для нас Александру. Он еще действует на мою судьбу земную: Его Мать добродетельная, Брат, Великия Княгини верят моей искренней, чистой к Нему любви, и видят меня, чтобы плакать вместе. Союз печали имеет свою сладость. Об Императрице Елисавете едва смею думать: она кажется мне каким-то лучезарным Ангелом в состоянии неизъяснимом. Сердце рвется к Ней. Я муж, отец и не надежен здоровьем: не могу решиться. Впрочем кому быть утешителем Ея, кроме Бога? Что для Нее теперь жизнь и приязнь, самая искреннейшая? Пищу к тебе единственно для того, чтобы прижать тебя к сердцу в горести глубокой. Я неравнодушен к судьбе России; но теперь сердце занимается только жалостью, что не стало того, кого мы любили! — Будь здоров, милый друг.

Навеки твой

Н. Карамзин.

Петербург удивительно тих. — Все мои обнимают тебя нежно».

Карамзин, 1866. С. 410 (№ 351).

Декабрь, 8. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к Карамзину в Петербург (не обнаружено).

СН. 1898. Кн. II. С. 156.

Декабрь, 8. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Любезнейший князь! Я сам долго был в беспокойстве на щет Николая Михайловича и не смел ожидать от него скоро письма. Наконец получил его и вам

списал. Это не может еще нас обеспечить; по крайней мере утешительно судить по письму, что он еще владеет собою. Долго ли ждать вашего переселения? Право пора. Когда же получим от вас Антемархия? Преданный нам слуга И. Дмитриев.

Приветствую и вас с бывшим именованием <Н. М. Карамзиным>. Я и сам не имел духа поздравить его, хотя и писал к нему сегодня».

СН. 1898. Кн. II. С. 156 (№ 47).

Декабрь, 12. Суббота. Остафьево.

Дмитриев в гостях у кн. Вяземского вместе с Д. И. Давыдовым, графом Ф. И. Толстым и С. П. Жихаревым.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 22.

Декабрь, 13. Воскресенье. Остафьево.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Париж пишет:

«...Твоих писем к Карамзиным не вижу и жалею о том. Напиши им, чтобы они мне передавали твои письма. Оне у меня и лучше сохраняются, да я иногда и пользовался-бы ими, как материалами для составления Парижских писем в журнал. Дмитриев также мог-бы поживиться своим маленьким Гримом». В этом же письме Вяземский сообщает, что Пушкин закончил «Бориса Годунова».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 21–22.

Декабрь, 14. Москва.

Дмитриев в письме к А. А. Дельвигу в Петербург пишет:

«Если я так долго мешкал благодарить вас за почтенное ваше письмо, одна была тому причина: остаток авторского самолюбия мешал мне склониться на ваше требование и бросить в вашу кошницу с яркими и свежими цветами зимний листок, сухой и бледный. С другой же стороны признательность совестилаась заплатить вам вторичным отказом за честь, которою вы хотели почтить меня. Наконец, последняя преодолела первое: из малого числа бесжизненных стихов сообщаю вам две пиесы. Пусть оне будут добычею критики наших классиков и романтиков. Старость уже не так щепетильна, как молодость.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 292.

Декабрь, 14. Петербург.

Военный мятеж.

Декабрь, 16. Петербург.

Карамзин пишет записку «Для сведения моих сыновей».

Неизд. Соч., 1862. С. 17.

Декабрь, 18. Москва.

Кончина гр. Федора Васильевича Ростопчина (род. 1763).

Декабрь, 19. Суббота. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Мы здоровы после здешней тревоги 14 Дек. Я был во Дворце с дочерьми, выходил и на Исакиевскую площадь, видел ужасныя лица, слышал ужасныя слова, и камней пять-шесть упало к моим ногам. Новый Император оказал неустра-

шимость и твердость. Первые два выстрела разсеяли безумцев с Полярною Звездю, Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами. Милая жена моя нездоровая прискакала к нам во дворец около семи часов вечера. Я, мирный Историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крест, ни Митрополит не действовали. Как скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Федоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: “для чего я женщина в эту минуту!” Добродетельная Имп. Мария повторяла: “что скажет Европа!” Я случился подле них: чувствовал живо, сильно, но сам дивился спокойствию моей души странной; опасность под носом уже для меня не опасность, а рок, и не смущает сердца: смотришь ей прямо в глаза с какою-то тишиною. В большой зале дворца толпа знати час от часу редела; однакожь все было тихо и пристойно.

Молодые женщины не изъявляли трусости. В общем движении, к стороне, неподвижно сидели три Магната: Князь Лопухин, Граф Аракчеев и Князь А. Б. Куракин, как три монумента! В седьмом часу пели молебен; в осьмом стали все разъезжаться. Войско ночевало, среди огней, вокруг Дворца. В полночь я с тремя сыновьями ходил уже по тихим улицам, но в 11 часов утра, 15 Дек., видел еще толпы черни на Невск. Проспекте. Скоро все успокоилось, и войско отпустили в казармы. Теперь ждем вестей от вас: надеюсь, хороших. Напиши слова два. Жалею о Н. Е. Кашкине: преступник К. Оболенский ему родной племянник, если не ошибаюсь. Лавали в отчаянии за их зятя, Трубецкого. Катерина Фед. Муравьева раздирает сердце своею тоскою. Вот нелепая трагедия наших безумных Либералистов! Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ими не так много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурей: да будет так и в новом Царствовании! Константин прославился навеки великодушным отречением: да будет славен Николай I между Венценосцами, благотворителями России! В моих глазах Он перекрестился и подписал Манифест ввечеру 13 Дек., не без предчувствия, чему надлежало случиться. Этот Манифест сочинен Им Самим, а написан для печати Сперанским (равно как и второй о кове злодейском). Я только зритель, но устал душею: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываем на Него благословение Божие. Мать, Супруга, Брат умиляют меня своими чувствами. — Мои писали к любезному Князю Петру Андреевичу. Скажи ему (если увидишь его), что я целую его нежно и буду писать после. Будь здоров, милый друг! Авось скоро возвращусь к своей музе-старухе! Твой Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 411—412 (№ 352).

Днем ранее Карамзин в письме к А. И. Тургеневу писал: «...Вы уже все знаете — и нашу сердечную, глубокую горечь. Мы здоровы, не забываем вас и в печали. Даю вам совет возвратиться в Россию и тем доказать усердие к новому императору Николаю Павловичу. Не имею духа писать много; прибавлю только, что здоровье императрицы Елисаветы выдержало удар. Это — чудо! Но продолжится ли? В тревогу 14-го декабря я был во дворце с дочерьми; выходил и на Исаковскую площадь; видел императора на коне, среди войска; он был совершенно спокоен и хладнокровен. Жена моя, нездоровая, прискакала к нам во дворец в седьмом часу вечера; я только за нее боялся. Еще скажу вам искренно, что новый царь очень умен и тверд; следствие зависит от Бога. Жуковский, по его словам, пишет к вам обстоятельно, как историк. <...> Жаль, что в такое важное время вы не в отечестве. Какая лица я видел. И мы, русские, не лучше других! Какие слова слышал! Умрем, однакож, за святую Русь!..» (РС. 1899. Март. С. 233). См. также записи в дневнике Сербиновича: от 16 декабря: «... Обедал у Карамзина. <...> Николай Михайлович сказывал о себе, что он третьяго дня подвергся опасности от неблагонамеренных людей, когда старался вразумлять простодушных невежд; сказывал также, что он видел Государя распорядившегося с бодростию и спокойствием»; от 14—24 декабря: «В эти дни Николай Михайлович ежедневно бывал у императрицы и так часто у Государя, что даже прошел слух, будто Государь желает поручить ему собственную канцелярию с званием статс-секретаря. В сущности, как я гораздо после узнал, Государь желал употребить его для бумаг государственных, но Николай Михайлович почел долгом отклонить от себя это предложение, как несогласное с настоящим его занятием историографа, и указал Государю, вместо себя на двух особенно известных ему лиц, владеющих отечественным языком в совершенстве и достойных того, чтобы быть пред народом изъяснителями монаршей мысли» (Сербинович, 1874. С. 258—259).

Декабрь, 20 ... 31. Михайловское.

Пушкин: строфы XXXI—XLII четвертой главы «Евгения Онегина». В строфе XXXIII поэт упоминает о Дмитриеве:

Припомни, что сказал сатирик!
 Чужого толка хитрый лирик.
 Ужели для тебя сносней
 Унылых наших рифмачей? –
 “Но все в элегии ничтожно;
 Пустая цель ее жалка;
 Меж тем цель оды высока
 И благородна...” Тут бы можно
 Пospорить нам, но я молчу;
 Два века ссорить не хочу.

Летопись, 1991. С. 580; *Акад.* VI. С. 87.

Декабрь, 25. Пятница. Симбирск.

Собрание симбирских дворян постановило установить в зале заседаний Общего Собрания два портрета – Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. «Двое знаменитых наших Литтераторов, Историк и Поэт, оба родившиеся в одной Губернии, оба утвердившие язык наш, и послужившие образцом для всей новейшей русской Словесности...».

См.: «1826. Марта, 20, 31».

Декабрь, 31. Четверг. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«...Можно ли читать без умиления, что пишут об Александре умнейшие Французы и Англичане? Нам лучше бесмолствовать красноречиво. От Руской фабрики тошнит. Я не напишу ни слова; разве скажу что нибудь в конце XII тома, или в обозрении нашей новейшей Истории, чрез год или два, если буду жив. Иначе, поговорю с самим Александром в полях Елисейских. Мы много с ним недоговорили в здешнем свете».

Погодин, 1866. Т. II. С. 458.

Декабрь, 31. Петербург.

Карамзин в письме к Вяземским в Москву выражает беспокойство по поводу долгого молчания Дмитриева: «Беспокоюсь об Иване Ивановиче, давно не имея об нем известия».

СН. Кн. 1. 1897. С. 169–170.

1825. Декабрь (в конце месяца?). Москва.

Встреча в гостинице Яр И. И. Дмитриева и его племянника М. А. Дмитриева. В разговоре И. И. Дмитриев высказал неудовольствие «всеми стихами», написанными по случаю кончины имп. Александра Павловича. «Я уже заказывал, – сообщил И. И. Дмитриев, – написать на этот же случай Иванчину-Писареву < «Печальная песнь на кончину покойнаго императора Александра I-го»>, но и он написал вяло!..».

М. Дмитриев, 1989. С. 239. См. «1826. Январь».

1825. Москва.

Письмо к А. А. Писареву.

Автограф: *РГБ ОР.* Ф. 226 (Писарев), К. 3, № 63.

1825. Москва.

«Апологи в четверостишиях. – М., в тип. Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1825».

Экземпляр с авторской корректурой хранится в Государственной публичной исторической библиотеке России (Москва) (см.: Каталог коллекции авторских надписей (издания XVIII–XIX вв.) / Сост. Л. Б. Шицкова. М., 1994, № 69).

1825. Москва.

«Освобожденная Москва, Поэма Александра Волкова». (Цензор: А. Ф. Мерзляков; ценз. разр.: 21 августа 1824).

Экземпляр из б-ки И. И. Дмитриева хранится в б-ке МГУ (см.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 1278).

1825. Лондон.

В «The Universal Review» («Всемирном обозрении») (1825. Т. II, № 6, р. 692) в кратком отзыве о немецких переводах русских поэтов рецензент упоминает в качестве «более или менее достойных» поэтов Ломоносова, Сумарокова (ошибочно назван: «Сумаров»), Державина, Дмитриева (ошибочно назван: «Диницев») и Пушкина.

Алексеев, 1982. С. 223.

1825(?) – Июнь (не позже). 1826. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому:

«Все, чего я мог добиться, любезный князь, от графа Орлова <Г. В.> на счет «Велизера», состоит только в том, что перевод одного начат на Волге вследствие предложения императрицы Екатерины, и что каждый переводчик отдавал работу свою на рассмотрение статс-секретаря Козицкого, который соглашал разнообразие в слоге и исправлял грамматические ошибки.

Водяной путь предпринят был из Твери и простирался чрез Нижний Новгород и Казань до Симбирска, отсюда императрица отправилась в Москву уже сухим путем. С благодарностью возвращаю вам последнюю книгу: Вильмен скучен изрядно, или мне так показалось от того, что я сам скучен и другой день в легкой простуде. Преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. 155–156 (№ 46).

1825(?) – 1832(?). Сызрань(?). «Платону Петровичу Бекетову» («Твой тятя с маминькой моей...»).

В ОПИ ГИМ в Чертковском собрании (Ф. 445. Ед. 207. Л. 1–26) хранится тетрадь в твердом картонном переплете, на корешке которого золотом написано: «Бергам. Близнецы. Комедия». На титульном листе рукою Дмитриева вписано название: «Бергамския Близнецы. Комедия Господина Флориана. Вольной перевод». (Л. 1). На обороте этого листа находится текст (автограф) стихотворного послания И. И. Дмитриева к П. П. Бекетову:

Платону Петровичу Бекетову
 Твой тятя с маминькой моей
 От одного родились тяти
 И жизни на заре своей
 Как были мы еще дитяти
 Одной кормилицей питались <строка зачеркнута>
 Одни сосцы питали нас;
 В одной потом учились школе
 И на одном служили поле
 И вместе даже на Парнас
 Карабкались и спотыкались.
 Ныне мы чрез столько лет
 Еще в Сызране постречались <sic>
 И тянем вместе же дуэт
 Ты хнычешь лежа на постеле
 А я как должно пустомеле
 Стихами с горя вздор пишу
 И братца милова, двух братьев
 Хоть не таких как мы с ним хватов
 Принять и полюбить прошу.

Датировать послание Дмитриева весьма сложно (на бумаге сохранились фрагменты водяных знаков). А. К. Афанасьев (ОПИ ГИМ), которому я обязан сообщением описания этой тетради, высказывает осторожное предположение о датировке этого послания: «1830-е, не раньше». Это не противоречит фактам биографии Дмитриева: он был в Сызране (и Богородском) в 1825, 1829 (только в Симбирске) и 1832 гг. (последний проезд в Симбирск и Сызрань). Маловероятно, чтобы послание это было написано в 1829 г., когда Дмитриев был в Симбирске при разделе недвижимого имущества, после смерти брата Сергея Ивановича. Остаются 1825 или 1832 годы (это предположение!).

Не меньшую, если не большую, сложность представляет датировка перевода из Флориана (скорее всего, это беловой вариант с поздними? правками) и установление авторства Дмитриева. Без полного изучения истории текста перевода датировать и приписывать авторство этого перевода Дмитриеву, с нашей точки зрения, преждевременно.

Первые переводы Дмитриева из Флориана появились в печати в 1797 г. в «Аонидах» (Кн. 2): «Кокетка и Пчела» («La coquette et l'abeille») и «Шарлатан» («Le Charlatan»); основной массив переводов (12 басен) появился в печати в 1803–1805 гг. (в «Вестнике Европы» и собр. соч. 1803–1805 гг.).

1826

Январь, 3. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Нежно обнимаю тебя и поздравляю с наступившим Новым Годом. Дай Бог тебе здоровья и спокойствия! – Письмо твое меня успокоило. Я тревожился, узнав от Графа Комаровского, что он не видал тебя в Москве. Желая, чтобы ты впредь не имел нужды и в пивацах.

В самый Новый Год сказали мне о кончине Графа Растопчина: горюю искренно о почтенной Графине; а его жаль, как старого, доброго приятеля. Мне хотелось было еще видиться с ним в здешнем свете. Скажи слово о Графине. Она тверда верою; однакожь без сомнения в глубокой горести.

Ты спрашиваешь, кто писал Манифест в Авг.[усте] 1823 года? ваш Архипастыр, а конец написан князем А. Н. Голицыным, как слышал я уже давно. Сам покойный Государь еще осенью 1823 года сказывал мне и Катерине Андр.[еевне] об этом распоряжении наследства. Мы не изменили тайне.

Оба рыцаря Полярной Звезды сидят в крепости; скрывается доселе один безумец Кюхельбеккер, или погиб. К нашему сокрушению, оба сына Катерины Фед.[оровны] Муравьевой взяты как члены этого законопреступного Общества: Никита, то есть старший, был даже одним из начальников. Меньший осужден только на шестимесячное заключение в крепости. Все это между нами.

Добротельная Императрица М.[ария] Ф.[едоровна] очень похудела и слаба Физическими силами, хотя и не духом. Как-то снесет удар Императрица Елисавета!

Жена и все дети мои обнимают тебя с живейшею любовно.

Не думаю об Эрате: одна у меня Клио, и то уже ненадолго. Если на шестидесятом году еще дозволено мыслить о будущем земном, то можем, или могу, избрать другое место для заключения жизни, когда разделаюсь с Историей. Я стар для Двора, а в Петербурге, как в городе, связи наши час от часу слабеют. Никуда не езжу.

Прости, милый друг.

Навеки твой

Н. Карамзин.

4 Гenv.[аря]. Канцлер наш скончался, вчера, в осьмом часу вечера».

Карамзин, 1866. С. 413–414 (№ 353).

Канцлер гр. Н. П. Румянцев скончался 3-го января в 7¼ пополудни на 75 году жизни. В Москве официальное сообщение о кончине гр. Н. П. Румянцева было напечатано 16 января в «Моск. Вед.» (№ 5. Среда. С. 120).

Январь, 9. Суббота. Москва.

Дмитриев узнает из «Моск. Вед.» (№ 3. Суббота. Января 9-го. С. 76) о выходе в свет и продаже в Петербурге в книжной лавке П. Глазунова книги «Стихотворения Александра Пушкина».

Примерно в эти дни (между 1-м и 15-м января) Плетнев, вероятно, по просьбе Пушкина, дарит Карамзину (или Карамзиным) только что вышедшую книгу «Стихотворения Александра Пушкина». Карамзин, прочитав в принесенном Плетневым сборнике стихотворений Пушкина эпиграф: «Aetas prima sanat veneres, extrema tumultus» («Первая молодость воспевает любовь, более поздняя – смятение»), – усмотрел в слове «tumultus» намек на современное политическое состояние России. «Что вы сделали? Зачем губит себя молодой человек?» – воскликнул Карамзин, обращаясь к Плетневу, который начал успокаивать Карамзина, объясняя, что Пушкин под словом «tumultus» разумел душевное смятение (РА. 1870. № 7. Стб. 1366; *Летопись*, 1991. С. 588).

Январь, 10. Воскресенье. Москва.

«1826. Января 10 дня» – дата в белой рукописи *Примечаний к третьей части «Взгляда на мою жизнь»*.

Январь, 11. Понедельник. Москва.

Ценз. разрешение, выданное Д. Перевощиковым на выпуск 7-й части «Моск. Тел.»

См. «1826. Апрель. Москва»

Январь, 13. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 4. Среда. С. 100–101) напечатано объявление о продаже «отпечатанного на сих днях» «Московского Альманаха для Прекрасного Пола на 1826 год, изданного Сергеем Глинкою». Здесь же помещено сообщение о содержании альманаха. В разд. «Стихотворения» упомянуты: «Послание к нежной матери» И. И. Дмитриева и выписки из «Послания к женщинам» Н. М. Карамзина (С. 101).

Январь(?) . Москва.

М. А. Дмитриев пишет «На кончину Государя Императора Александра Перваго».

«Помню, что, писавши их <стихи «На кончину Государя Императора Александра Перваго»>, я был в необыкновенном и сладком волнении духа: слезы невольно текли из глаз моих; стихи писались как будто сами <...> На другое утро я вставил в средину еще четыре куплета о Европе; переписал и послал к дяде, думая: что он скажет? Ибо он был строгой судья литературы.

Через полчаса сказывают мне, что приехал Иван Иванович. В ту же минуту он сам появляется в дверях: в шубе, в шапке, в галошах; держит в руках мои стихи и рыдает! — Потом, не говоря ни слова, бросился обнимать меня! — Признаюсь, от такого строгого судьи — это было мне неожиданная и сладкая награда!..» (М. Дмитриев, 1989. С. 239).

Февраль, 3. Среда. Москва.

Прибытие траурного поезда с телом имп. Александра I.

Февраль, 3. Москва.

Дмитриев следует за катафалком с телом императора Александра I до Архангельского собора в Кремле.

«Церемониал на время прибытия в первопрестольный град Москву тела в Бозе почившаго блаженнаго и вечнодостойной памяти Государя императора Александра I» (Моск. Вед. 1826. № 11. Февраля 6-го. Суббота. С. 352).

Февраль, 3. Москва.

В «Моск. Вед.» (1826. № 10. Февраля 3-го. Среда. С. 319) напечатано объявление о продаже у комиссионера Имп. Моск. Университета А. С. Ширяева книги «На кончину Государя Императора Александра I. Стихотворение Михайлы Дмитриева».

Февраль, 6. Суббота. Петербург.

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Почтеннейший Иван Иванович!

Вы конечно уже знаете о болезни Папенькиной; мы просили Вяземских сообщить вам последнее наше письмо, а к вам писать ждали *решительно* лучшего; теперь, слава Богу, Доктора совершенно спокойны, лихорадки более нет, воспаление в груди прошло; но остались слабость чрезмерная и тоска, которая с его нервами очень для него мучительна; между тем он спит спокойно и крепко, но к пище имеет отвращение. Дай Бог, чтобы эти остатки болезни продолжали, хотя медленно, рассеиваться. Теперь я буду часто давать вам о нем вести, надеюсь утешительные. — Мы все здоровы; Маменька, по обыкновению, не бережет себя в неусыпном попечении о нашем милом больном и, по обыкновению, сносит все с удивительною силою. — Простите, любезнейший Иван Иванович, не надолго.

Софья Карамзина.

Папенька узнал, что я к вам пишу, и велел вам от него поклониться, прибавив, что когда болезнь в самом деле будет проходить (в чем он теперь не соглашается), то поклон его будет гораздо выразительнее».

Карамзин, 1866. С. 414–415.

Февраль, 11. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«За все ваши одолжения меня по части литературной, не имея чем отплатить *своим*, препровождаю к вам при сем стихотворение по крайней мере моего племянника. Прошу вас принять его благосклонно.

6-е число было для нас днем печального прощания с незабвенным Александром. По всей Тверской до самой заставы царствовало благоговейной безмолвие, прерываемое только местами глухим всхлипыванием. От заставы до П.[етровского] дворца, колесница довлечена была народом, там я отдал последний поклон моему благодетелю.

С нетерпением жду от вас известия об успехах работы бюста, а к слову позвольте мне напомнить вам и об обещанной вами копии с письма из Таганрога. Еще прошу вас доставить от меня другой экземпляр стихотворения Александру Семеновичу Шишкову. Мог бы я препроводить его при письме моем, но совестился вызывать его на ответ, из уважения старости и занятий его.

Между тем свидетельствую вам самое искреннее мое почтение, с коим навсегда имею честь пребыть, м.[илостивый] г.[осударь] мой, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

РС. 1898. № 6. С. 604.

Февраль, 18. Москва.

Дарит племяннику М. А. Дмитриеву книгу «Margeret, Jacque. Etat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie. Avec Ce qui s'y est passé de plus mémorable et Tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à savoir depuis l'an 1590, jusques en l'an 1606, en Septembre, Par le Capitaine Margeret, A Paris. Chez Jacques Langlois, fils, au Mont S. Hilaire, rue d'Ecosse aux trois Cramillieres. 1669». На л. 2 форзаца М. А. Дмитриев делает надпись: «Сия книга подарена мне дядею моим Иваном Ивановичем Дмитриевым, от Карамзина, которому она принадлежала. 1826 года, февраля 18 дня. Москва. Мих. Дмитриев».

Это издание Маржерета было отпечатано в количестве 100 экземпляров не для продажи кн. Г. И. Гагариным в Париже в 1821 г. В настоящее время карамзинский экземпляр Маржерета хранится в библиотеке МГУ (шифр. Дмитр. 547). Этими сведениями я обязан Г. А. Космолинской, приношу ей сердечную благодарность.

Февраль, 18. Петербург.

Письмо Е. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Сегодня моя очередь, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, известить вас о нашем милом больном: он очень медленно подвигается к выздоровлению, однакожь каждый день можем замечать легкое улучшение в его состоянии: силы его начинают, кажется, прибавляться; он может уже слушать с некоторым удовольствием чтение иностранных газет, и даже сам читает последние томы *Mémoires de M-me Genlis*, заботится о деревенских делах, и нам диктует письма к мужикам, которые много его тревожат своею неисправностию.

Письмо ваше к сестре моей успокоило нас на счет вашего здоровья: мы все, начиная с Папеньки, боялись, чтобы печальное шествие не имело на него худого влияния. Мы видели вчерась в первый раз со времени Папенькиной болезни Н. Я. Плюскову: она уже недель с пять простудилась и много страдает; дала нам комиссию нежно вам кланяться и благодарить за любезное к ней письмо и за присылку стихов, которых она еще не читала, потому что они грелись на печке.

Прощайте, любезнейший Иван Иванович, будьте здоровы и верьте чувствам искренней привязанности и почтения преданной вам

Катерины Карамзиной.

В начале Папенькиной болезни его лечил Рюль, Императрицы М.[арии] Ф.[едоровны] Доктор, и не весьма удачно: тогда Маменька имела счастливую мысль

позвать Мюллера, который тотчас понял болезнь и с большим успехом действовал против нее.

Папенька нежно вас обнимает, Маменька также нежно уверяет вас в своей дружбе».

Карамзин, 1866. С. 415—416.

Февраль, 22. Москва.

Читает в «Моск. Тел.» (№ 2. Отд. II. С. 111—116) статью С. Д. Полторацкого «Литературные надежды», в которой автор, опровергает мнение, что в большом свете не читают русских книг и утверждает, что «Карамзин, Пушкин, Жуковский, Грибоедов и еще кое-кто читаются и в большом свете».

Февраль, 22. Москва.

Письмо к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь мой Павел Петрович. Не имея от вас ответа на послед-нее мое письмо и уверен будучи в вашей точности по моим просьбам, я уже начинаю думать, что письмо мое не дошло до вас или вы нездоровы. Последнее было бы для меня крайне прискорбно. В этом письме я просил вас уведомить меня о успехах работы Трискорни над заказанным для меня бюстом покойного Императора. Между тем изъявлял и мое желание, чтобы он отделал бюст во всей точности с бюста Торвальдсена, с тем только изменением, чтобы на плечной, круглой бляхе вырезан был двуглавый орел с андреевским крестом. Еще (помнится мне) просил вас уведомить меня, не знаете ли вы, от кого я имел удовольствие получить чрез почту в скрытности гипсовое изображение Александра, в малом овальном виде, но превосходной работы? Нетерпеливо хочу знать имя скромного моего благодетеля, чтоб от сердца возблагодарить его. Надеюсь, почтенный Павел Петрович, что вы по всем моим просьбам не откажитесь почтить меня вашим ответом. Я с удовольствием читал стихотворения Слепушкина и мысленно благодарил вас за то, что вы первый одобрили его и даже дали таланту его лучшее направление. Хвалю его, что он не пополз по нашим следам и начал воспевать домашний быт. Это придает ему оригинальность. Теперь остается желать ему, чтобы он, продолжая стихотворствовать, ознакомился с учебными книгами и к описательной поэзии присоединял иногда и нравственные поучения поселянам, соразмерив с их состоянием. Недавно у нас явился поселянин же стихотворец. Одним утром нахожу я в моей прихожей белокурого мальчика около 16 лет, в нагольной овчинной шубе. На вопрос мой, что ему надобно? *Я желаю учиться словесности*, отвечал он, *и пришел просить вашу милость, чтобы вы доставили мне к тому случай*. — Учиться грамоте? — *Нет! Я уже знаком с нею, а словесности*. — Почему же ты попал на меня? Ведь я не управляю училищами. — *По вашим сочинениям*. — А знаешь ли ты Ломоносова? — *Как же не знать*. — И Сумарокова, и Хераскова, и Державина, и Жуковского? — *Да я уже перечитал книг до тысячи*. — Кто же ты таков? — *Я сын экономического крестьянина Борисова, из села Лопаем, в 35 верстах от Москвы. Вчера привез сюда сестру мою. Она здесь в замужестве, и у нас гостила*. — У кого ты учился грамоте? — *У нашего дьякона, обучавшегося на Перерви*. — А где имел случай доставать книги? — *У нашего крестьянина. Он большой охотник до чтения и по достатку своему накопил множество книг всякого рода*. — Не пытался ли ты сам сочинять? — *Кое-как пишу*. — Прозою? — *И стихами, зная только две меры: хорей и ямб*. — Что же писал? — *Всячину. А вот недавно я написал стишки «Эхо», а прозою «О любви к отчизне»*.

Вот моя с ним первая встреча. О последствиях же вы уже, конечно, известны чрез *Телеграф*. Примите уверения в искреннем почтении и преданности, с коими навсегда к вам пребудет, милостивый государь, ваш покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 292—294.

Февраль, 28. Царское Село.

Тело покойного имп. Александра I привезено в Царское Село.

Сербинович, 1874. С. 261—262.

Март, 8. Петербург.

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Почтеннейший Иван Иванович!

Согласно с желанием вашим, спешу вас известить о Папенькином здравьи тотчас после горестной церемонии, которой вы и мы для него опасались. Слава Богу, он чувствует себя не дурно, хотя и часто грустен и расстроен морально. С неделю тому назад он очень испугал нас: припадок геморроидальной присоединился к остаткам его болезни, и конечно удалил выздоровление, ослабив еще силы его, которые и без того очень медленно возвращались. Теперь он опять спит довольно хорошо, обедает с аппетитом и может читать.

Катенька и я были третьяго дня в Казанской церкви при вносе гроба; этот вид раздирает сердце, полное еще столь живыми воспоминаниями.

Простите, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович; с чувством сердечной любви и уважения остаюсь вам преданная

Софья Карамзина».

Приписка рукою Н. М. Карамзина:

«Сердечно, нежно обнимаю тебя, милый друг. Кажется, я решительно начинаю выздоравливать; но силы, выйдя из меня пудами, возвращаются золотниками: слабею как младенец от всего. Будь здоров, любезнейший».

Карамзин, 1866. С. 416–417 (№ 354). Тело покойного императора Александра I было перевезено из Царского Села в Казанский Собор 6 марта 1826 г.

Март, 11. Москва.

М. П. Погодин после проведенного вечера у И. И. Дмитриева записывает в дневник его размышления и воспоминания:

«Не стыдно ли, что у нас до сих пор так мало переводов, – из Робертсона, например, мы имеем одно предисловие, и то каким-то попом переведенное. Наши поэты пишут только послания к Алинам, томов боятся, а если и удастся написать страничку прозы, так они сами себе удивляются, как будто на аршине выросли, и радуются подобно Мольерову мещанину во дворянстве, узнавшему, что он говорит прозою. Прежде было в этом отношении лучше: сколько переведено из древних при Екатерине. Был какой-то вкус. Редкую книгу, бывало, не переведут, например о заговоре Испании против Венецианской республики, и пр. и пр. У нас отговариваются теперь иные тем, что читать некому. Да кто же тогда читал?

Прадедущка мой, дедушка, батюшка все были охотники до чтения и от всех остались собрания книг... Любопытно сравнивать их.

Я брал читать книги у одного купца Мясникова, тестя моего дяди. Этот купец, разбогатеv от заводов, заказал здесь купить себе дом, официантов, дворецких, и явился в столице. Он почел нужным завести у себя библиотеку, и ему доставлялись все вновь выходившие книги в Москве и Петербурге. Еще брал я читать книги у купца Седова.

Я знал многих купцов, – и где же? в Симбирске, Сызрани, – у коих были библиотеки. Правду сказать, что это звание было тогда, мне кажется, образованнее. Дворяне были ближе к ним, живя много по деревням, и они перенимали у первых. Многих также видал я и в Сызрани во французских кафтанах с кошельками.

Бывало приедут к батюшке, переоденутся у управителя и явятся... Дети их уже стали хуже, щеголяя чаем и проч., а внуки совсем пропились и ходили уже с козлиными бородками. Правду сказать, дворяне подают им дурной пример своими бакенбардами, – у Глинки, например, из бакенбардов совсем сделалась борода.

Всего смешнее ныне купцы в бородах и сюртуках с панталонами. Можно сказать, что они просветились до головы. Мне кажется, что и усы у нас вредны, и 14-го декабря произошло от этих усачей. Как похож я на разбойника, говорит иной, смотря на себя в зеркало, и закручивая себе усы, дай и на самом деле буду тем же.

Даже служители уважались гораздо более. Я помню нашего управителя Данилыча. Бывало, в какой либо праздник, пришед поздравлять, наши дядьки при нас закусывали у барина. Приходили, бывало, к нам поутрам с приветствиями, принесли иногда и книги – о разорении Иерусалима и проч.».

Русский. 1868. № 8. 9 июля. С. 2.

Март, 13. Петербург. Сильная метель. 2 часа пополудни. Петропавловская крепость. Тело императора Александра I предано земле.

Март, 15. Петербург. Приезд А. И. Тургенева из-за границы.

Сербинович, 1874. С. 263.

Март, 20. Суббота. Петербург.

В «Северной Пчеле» (1826. № 34) напечатано сообщение из Симбирска о постановлении собрания симбирских дворян установить в зале заседаний Общего Собрания два портрета – И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина.

Март, 22. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Твои нежные строки читал я с умилением. Собираюсь, думаю, с силами, но незаметно. Слабею даже от пищи, хотя раз в день ем с истинным удовольствием. Говорят мне, и сам чувствую, что хорошо было бы мне удалиться отсюда летом, даже необходимо для совершенного выздоровления; но куда, и как? наши способы? мой характер? Александра нет. Все мои отношения переменялись. Но остался Бог тот же, и моя вера к Нему та же: если надобно мне зачехнуть в здешних болотах, то смиряюсь в духе и не ропщу. Не могу говорить с живостию: задыхаюсь. Брожу по комнате; читаю много; имею часто сладкие минуты в душе: в ней бывает какаят тишина неизъяснимая и несказанно приятная. А. Тургенев здесь явился. Брату его Сергею дозволено остаться в Италии; но Александр Ив. тоскует о Николае. Кончу. Хотел писать к милому Князю Петру Андр.; но дочери говорят, что оне третьягоди писали к нему. Откладываю. Ты пока скажешь ему обо мне. Со всею горячностью дружбы обнимает тебя томный

Н. Карамзин».

Приписка рукою Е. А. Карамзиной:

«Вот строки дрожащей руки бедного больного, к которым присоединяю несколько своих, чтобы вас поблагодарить, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, за ваше приписание и милые книжечки; всем приятелям вашим и нашим (с одним исключением) мы раздадим. — Теперь мужу моему лучше, хотя он еще очень слаб и доктора едвали обещают совершенное выздоровление иначе, как с переменою климата. Простите, любезнейший Иван Иванович, примите уверение в моей сердечной к вам привязанности.

К. Карамзина».

Карамзин, 1866. С. 417–418 (№ 355).

Март, 26. Петербург.

Письмо Е. Н. Карамзиной и приписка к нему Н. М. Карамзина в Москву к Дмитриеву:

«Я получила и прочла с живейшим чувством признательности и удовольствия, почтеннейший Иван Иванович, милые ваши Апологи: в некоторых я нашла любезных старых приятелей, а с другими с радостью познакомилась.

Друг ваш снова начинает нас беспокоить; вот уже дни с три, как слабое здоровье его опять немного расстроилось, а следственно и силы упали; род болезни его самый утомительный для него, и нас приводит иногда в уныние. Все наши желания ограничиваются теперь хорошим временем, а надежды – другим, лучшим

климатом; Доктора почитают необходимым перемену воздуха для совершенного выздоровления.

Мне очень грустно, почтеннейший Иван Иванович, что не могу дать вам приятнейших вестей о друге вашем; надеюсь однакожь, что это новое расстройство не продолжится и что мы скоро будем в возможности совершенно вас успокоить.

Примите еще раз изъявление моей благодарности и уверение в чувствах моей искренней к вам привязанности и почтения.

Катерина Карамзина.

Сестра моя препоручает мне изъяснить вам признательность свою за прекрасный ваш подарок: чрез несколько дней будет ее очередь писать к вам и самой уверить вас в своей благодарности и почтении.

Только третьяго дни мы получили с почты стихи племянника вашего, и потому не могли до сих пор благодарить вас за удовольствие, которое нам доставило чтение их».

Приписка рукою Н. М. Карамзина к предыдущему письму:

«Я опять не много свихнулся в здоровье; но хочу непременно сказать тебе, милый друг, что я прочитал все твои прелестные Апологи без остановки, не смотря на свою слабость. Обнимаю тебя нежно».

Карамзин, 1866. С. 418—419 (№ 356).

Март, 27. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь мой Павел Петрович. Покорнейше прошу вас из приложенных при сем экземпляров один отослать к Николаю Ивановичу Гнедичу, а другой вручить Александру Семеновичу [Шишкову]. Он не однажды приглашал меня участвовать в Академическом периодическом издании, но, давно уже спавшему с голоса для стихов в высоком роде, мне совестно было сообщать ему четверостишия. Ныне же даря ими благоприяствовавшему моему посильному таланту, равно совестно было бы обойти и его высокопревосходительство, сколь ни скуден, впрочем, мой гостинец. Для отражения же подозрения, какие могут быть от других на счет авторского самолюбия, я расскажу вам историю моей безделки. Лишен дара и склонности к карточной игре, я осужден был в числе немногих из ровесников занимать праздность уединенных часов стильною меледою. Третьяго года вышедшие 100 басен Мольво подали мне мысль заменять иногда меледу, переводом некоторых из его четверостиший. Глядя на него, написал и Ламолиньер 50 четверостишных басен и приписал их мне. Я начал брать и оттуда, потом из Арно и других французских стихотворцев и таким образом составилась целая книжка, в которой нет ни одного собственного четверостишия. Это я прибавил для того, чтобы избежать и от других улики, какою удостоен от князя Шаликова. В прошлом году рукопись моя подарена от меня Кудрявцеву, бумажному фабриканту и моему кредитору, который в том же году и начал ее печатать.

Благодарю вас за извещение о бронзовых бюстах. Вероятно, те же самые продаются и здесь у Розенштрауха; все равной величины, но одна à l'antique, а другие с плечами и в обыкновенном costume. Последние вызолочены en matte, а первые с позолотою и без позолоты, и мне более нравятся. С нетерпением буду ждать мраморного. Искренни ваш почитатель и преданный вам Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 294—295.

Март, 27. Суббота. Москва.

Отправляет с письмом к П. П. Свиныну в Петербург два экз. «Апологов в четверостишиях» Н. И. Гнедичу и А. С. Шишкову.

Март, 31. Среда. Москва.

В «Моск. Вед.» (1826. № 36, 31-го марта. С. 1014—1015) напечатано сообщение из Симбирска от 22 декабря 1825 г. о постановлении Собрания симбирских дворян установить в зале заседаний Общего Собрания два портрета — Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева.

Март. Москва.

Автографическая надпись на экз. «Апологов в четверостишиях. – М., 1826», принадлежавшем П. П. Бекетову: «Шестидесятипятилетний экс-поэт посвящает любезному брату Платону Петровичу последние свои крохи. 1826. Марта».

Хранится в Государственной публичной исторической библиотеке России (Москва) (см. *Каталог коллекции авторских надписей* (издания XVIII–XIX вв.) / Сост. Л. Б. Шицкова. М., 1994, № 70).

Апрель, 3. Суббота. Москва.

Письмо к В. А. Жуковскому в Петербург:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич.

Невинная игрушка <«Апологи в четверостишиях»>моей старости доставила мне по крайней мере истинное удовольствие получить от вас несколько строк, равно для меня драгоценных — и в письмах и сочинениях ваших. Примите за то искреннюю благодарность мою. Грустно мне слышать о сборах ваших и Николая Михайловича в дальнюю сторону. Провожать вас для меня есть то же, что навсегда с вами прощаться; мне уже 65 лет, и теперь я живу со дня на день. Но чему быть, того не миновать. Где бы вы ни были, пока я жив, буду питать к вам душевное мое почтение и желать друзьям моим возможного благополучия.

С сими чувствами заочно целует вас преданный вам навсегда Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 295.

Дмитриев, вероятно, узнал о предстоящем отъезде Карамзина с семьей за границу от кн. Вяземского, который, в свою очередь, узнал об этом от А. И. Тургенева, писавшего князю в письме от 29 марта: «... Карамзины едут в чужие края, но как — еще неизвестно» (*ОА*. Т. III. 138 (№ 698)). Об опасной болезни Карамзина писал А. И. Тургенев и брату Н. И. Тургеневу в письме от 9 апреля: «... Я нашел здесь Карамзина в опасной болезни, но которая может продлиться. Все семейство доказывает мне истинную дружбу; но, глядя на него, я часто и о своем горе забываю. У него *fièvre lente*, и он кашляет, и материя идет из него. Ему советовали климат Флоренции, и Государь показал себя в сем случае достойным Александра, который как друга любил его. Думают, что он даст ему средства жить в чужих краях и корабль для путешествия. Семейство не знает всей опасности; я ежедневно и весь день с ними. Он исчезает для здешнего мира, но еще думает кончить в чужих краях 12-й том. Здесь умер бы он скорее. Там жизнь его может продлиться...» (*РА*. 1895. № 9. С. 33).

Апрель, 9. Пятница. Москва.

М. П. Погодин вечером у И. И. Дмитриева. По возвращении домой Погодин записывает в дневник рассказы, воспоминания и суждения Дмитриева:

«*О Сенате*». «Сколько есть у нас граждан размышляющих? Из размышляющих сколько говорящих? И наконец много ли пишущих из говорящих? (У нас надобно быть литератором, чтоб написать письмо, сказал Шаховской, а сам Шаховской не мог двух строк написать правильно, несмотря на то, что оставил томов 20 сочинений, между которыми есть прекрасные). Я сам бывал свидетелем, что иные начинали говорить словом следовательно. Нам недостает учения. Потому-то я всегда с удовольствием слушал Сперанского. Видно было тотчас, что человек учился. Он всегда говорил ясно, внятно (и в стихаре прочем он привык говорить народу). Нынешнему Государю остается только сеять, а плодов дожидаться еще долго. Слава Богу, что видим по крайней мере людей, готовых принять просвещение, и в последнее время они начали образовываться».

«Александринские стихи для трагедии нашей почитал Дмитриев приличнее ямбов пятистопных без рифм, — «хоть я и читал без скуки Иоанну д'Арк».

«Для Тасса размер Раича лучше александрийский и пр. — Мне хочется, чтоб он исправил свои Георгики.

Карамзин начал писать до путешествия белыми стихами; воротясь, войдя в общество, заведя интриги, он начал писать с рифмами, потому что дамы не хотели слушать белых стихов. И вообще — кроме ямба и хорая, публика у нас не знает толку в других размерах, — не умеют читать — не знают, где остановиться».

«Жаль, что наши поэты стали слишком стесняться, ограничивать себя, – не хотят употреблять усеченных слов.

А прозаики вводят слова провинциальные и пр. – *нисколько, нынче*».

«Баратынский пишет стихи хорошо, а читает их дурно, без всякой претензии, не так как Василий Львович, который хочет выразить всякое слово.

Державин также читал очень дурно стихи».

«Сумарокова басни собственные лучше переводных. Я с большим удовольствием перечитывал его, написав свои басни. Хорошо, что я не помнил их пишучи».

«Трагедию у нас нынче напишут одну, да и только – Делавинь, Ренуар».

Заговорили о покойном Государе. – «Я только что писал в Петербург, чтоб поскорее изваяли его бюст. (Крылов остановился было, дожидаясь его прибытия в Петербург, и желая выпросить сеансе). Мне надо торопиться, писал я: я живу не с году на год, но со дня на день, и потому не имею времени откладывать наслаждение. – Вдруг получаю известие, что Государь скончался...».

Говорили о старости. – «Горестное чувство испытал я в последний раз – сказал князь А. А. Шаховской пред отъездом моим из Петербурга. Мне захотелось побывать на Невском кладбище – там только что поставили памятник над Столыпиным, – приезжаю, иду между камнями, читаю надписи, и что же? – Нахожу все своих знакомых: с тем я то-то делал, с тем тогда-то жил вместе, и проч. и проч. Отправляюсь домой на другую сторону Петербурга, и что же? Я не встретил ни одного знакомого лица – а между тем мне еще нет 50 лет! – Мне кажется, что к старости люди начинают любить уединение, и я собираюсь ехать в Крым. – Нет, отвечал Дмитриев, – для меня дороги и места, напоминающие мне о прежней моей жизни, о прежних моих знакомых. Теперь нам нельзя заводить их вновь. С старыми знакомыми я молод, как прежде был, и смеюсь когда хочу, и совру, когда хочется соврать, – с новыми я соблюдаю важность, чинюсь. Поэтому я никак не могу оставить Москвы, – в Петербурге мне всегда скучно. – Карамзин едет теперь в Италию; – на другой день отъезда он для меня уже как бы умрет и проч.».

«О покойном Государе. – Он называл меня московским сибаритом. – Иван Иванович был 1823 года в Петербурге, обедал у Марии Федоровны. После обеда она подвела к нему своего внука, – он одет был в гусарское платье. – Как рано надел он оружие, сказал Ив. Ив. стоявшему подле него Николаю Павловичу. – Что делать! Мы живем не в золотом веке; надобно рано приниматься за это, – жаль, что мы опоздали».

«Карамзин был влюблен в императора Александра.

Заговорили о болезни Карамзина – Я думаю, сказал кн. Шах.[овской], что последнее происшествие имело влияние на его здоровье. Простые люди не понимают этого влияния; их нервы грубы».

«Жив или умер N. N.? спросил И.[ван] И.[ванович] – Не знаю, (он получил в ответ) одни говорят, что жив, другие, что умер. – Но это все равно: он и жил покойником, заметил И.[ван] И.[ванович]».

«Попавшись как-то в колоду человеческого рода, привел кто-то выражение Якубовича...».

«Кто то из собеседников употреблял выражение: надо заниматься делом.

Каким делом? Заметил Иван Иванович; это слово у разных людей имеет разное значение. Вот, например, Вяземский рассказывал мне на днях, что под делом разумеют официанты Английского клуба. Он объехал по обыкновению все балы и все вечерние собрания, в Москве, и завернул наконец в клуб читать газеты. Сидит он в газетной комнате и читает. Было уже поздно – час второй или третий. Официант начал около него похаживать и покашливать. Он сначала не обратил внимания, но наконец, как тот начал приметно выражать свое нетерпение, спросил «Что с тобою?». Очень поздно, Ваше Сиятельство? «Ну так чтож». Пора спать. «Да ведь ты видишь, что я не один, и вон там играют еще в карты». Да те ведь, Ваше Сиятельство, *дело делают!*».

Русский. 1868. № 8. 10 июля. С. 1–2.

Следующий рассказ употреблен в биографии Карамзина.

<подзаголовок М. П. Погодина>

«Карамзин до 14 или до 15 лет своего возраста жил дома, в деревне у своих родителей, и в Симбирске. Некоторые воспоминания об его жизни того времени сохранены в его статье «Рыцарь нашего времени». В Симбирске он воспитывался у одного доктора немца, где и выучился особенно по немецки. Добросердечие доктора могло иметь влияние и на его характер. Из Симбирска приехал он в Москву и учился в пансионе университетского проф. Шадена. Из Москвы поехал в Петербург для определения в службу; прослужив не долго в гвардии в ... полку и вышел в отставку поручиком. В Петербурге для книгопродавца Миллера перевел он несколько книг: первая – разговор имп. Екатерины, кажется, с Мариею Терезиею в полях Елисейских. Перевод этот однакож остался не напечатанным, может быть потому, что для него не дошла очередь. За ним последовала Деревянная нога, швейцарская идиллия. Первая книга, полученная им в вознаграждение за свой перевод, была «Томас Джонсон», с картинками, перев., кажется, Харламова, принесенная им в торжестве ко мне. – В Петербурге получил он известие о смерти своего отца. Из Симбирска приехал в Москву с Тургеневым и занимался переводами. Ив. Петр. Тургенев, адъютант гр. Чернышева, симбирский дворянин, свел его с масонами, и он начал трудиться для Новикова. Тогда перевел он Штурмовы, кажется, размышления о Божьем величестве, в трех частях; еще какую то книгу, которой он стыдился и не хотел сказывать заглавие даже мне. Жил он тогда вместе с Петровым, у Меньшиковой башни. Череп украшал его маленькую комнатку. Он стал несравненно тише. Петров был его товарищем и другом. К тому же времени принадлежат Галлерова поэма о происхождении зла, Юлий Цезарь Шекспиров, Эмилия Галотти Лессингова, по просьбе Померанцева. Какая-то из последних частей Детского чтения издана им, по причине отлучки его друга Петрова в Вологду. В ней есть повесть его сочинения. Из Москвы поехал он путешествовать, не на счет масонов, как у нас обыкновенно думают, а на свой собственный: он занял тысячи 2 или 3 у брата, которому поручил управление наследством, состоявшим из 80 душ. По французски знал он тогда еще плохо, и нарочно остался в Женеве месяца на 4, чтоб приготовить к Парижу. По возвращении его, Державин предлагал ему место своего секретаря два раза. Он отказывался учтиво и наконец представил Петрова. Начал издавать Московский журнал, Аглаю, Аониды, Мои Безделки и, наконец, Вестник Европы».

«Утро после работы посвящал он обыкновенно прогулке, а вечер обществу, любезничал с дамами, рассказывая им страшные и трогательные повести, или играл в карты, наприм. у Дм. Ив. Киселева. Вообще он был очень щастлив, и выигрыш составлял довольно значительную часть его доходу. Для него неприятно было пользоваться этим средством, как он говорил мне, и только одна необходимость заставляла его прибегать ко оному. Он был тогда в большой моде. Он не скучал обществом, и умел со всяким приятно проводить время ставя его на свое место. Имение свое продал братьям тысяч за 15, а деньги отдал Плещееву, которому никогда и не напоминал об них, так что уже сын его, взявши за женою придан-

ное 2000 душ, расплатился за отца. Жил он литературными трудами, женился на Протасовой, сестре жены Плещеева, которая имела 100 душ. Она вскоре занемогла чахоткой; он ходил за нею – нежно, живя в Свирлове, а между тем продолжал заниматься литературными трудами. Тогда, между прочим, написал он о книжной торговле, и как я показал свое неудовольствие некоторыми местами, он отвечал: “как тебе, братец, нестыдно требовать от меня этого в такое время. Я сам не помню, что пишу, чтоб только исполнить долг свой пред публикою” – За гробом жены своей он шел до Донского монастыря и просил всех его оставить. На другой день я застал его в Свирлове в ужасном положении – Я только теперь начинаю чувствовать свою потерю, сказал он. И между тем ум и воля его имели такую силу, что он тогда же оканчивал Марфу Посадницу.

О ссуде Плещееву. О книге Шишкова от Чеботарева. О попечительстве. О поездке в Тверь и свидании с Государем. О должности государственного секретаря от Балашева».

Этими словами окончилось мое записыванье рассказов И. И. Дмитриева. М. [и х л.] П. [о год и н]».

Русский. 1868. № 11. 13 июля. С. 1–2.

Апрель, 11. Воскресенье. Петербург.

Д. В. Дашков получает через Карамзиных присланный от И. И. Дмитриева экз. «Апологов».

См. «Апрель, 13».

Апрель, 13. Вторник (на страстной). Петербург.

Д. В. Дашков отправляет с гр. С. П. Румянцевым в Москву И. И. Дмитриеву письмо и две свои статьи из альманаха «Северные Цветы на 1826 год»:

«Милостивый государь, Иван Иванович!

Только третьяго дня получил и от Карамзиных прекрасный подарок вашего высокопревосходительства и спешу принести за оный покорнейшую мою благодарность. Пусть *насмешливые* или лучше сказать смешные критики разбирают ваши Апологи и судят важно, баснями ль их назвать, или *нравоучительными четверостишиями*, а мы с истинным удовольствием вкушаем сей плод прекрасной осени, по всему достойный прежнего лета.

Пословица говорит: возмешь лычко, а отдашь ремешек. А я напротив, взяв нарядную ленту, отдаю лычко – за превосходные стихи посредственную прозу. Но скромность справедливая уступает место желанию доставить вам *поильное* приношение. Обе статьи, у сего прилагаемые порознь, напечатаны вместе в вышедшем на днях альманахе: Северные Цветы на 1826 г. Я никак не хотел бороться с Шатобрианом, описывая Иерусалим; бывши там, я смотрел на все с другой точки и ныне имел единственную цель сообщить нашей публике сведения довольно новые и подробные. В полемике за Серальскую библиотеку также есть кое-что новое. Желаю от всего сердца, чтобы сии отрывки скольконибудь вам понравились; ваше внимание я привык из давна почитать лучшею для себя наградю.

Граф С. П. Румянцов взялся доставить вам сие письмо. Он скажет вам, в каком печальном положении оставил бедного Николая Михайловича. Мы надеемся, что опасности большой нет, но боимся, чтобы он не ослабел еще более и тем не лишился возможности предпринять путешествие, которое для него необходимо и для которого все приготовления Государь обещал принять на себя.

Наталию Яковлевну я видел в воскресенье; она только что возвратилась с прогулки пешком, и показалась мне лучше обыкновенного. Она поручила мне принести вам ее искреннюю благодарность за присылку Апологов.

Если не случится чегонибудь чрезвычайного, то ласкаюсь надеждою увидеть вас нынешним летом, в проезд через Москву, в деревню. Между тем приношу

усерднейшее мое поздравление с наступающим праздником, и прошу принять искреннейшее уверение в чувствах душевного почитания и неизменяемой преданности, с коими навсегда имею честь быть и пр.».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 600—601.

В «Северных Цветах на 1826 год» (С. 214—296) помещены две статьи Д. В. Дашкова: 1) «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году»; 2) «Еще несколько слов о Серальской библиотеке (возражение Москов. Телеграфу)».

Апрель, 15. Страстной Четверток. Письмо.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь поздравить ваше высокопревосходительство с наступающим великаторжественным праздником Светлого Христова Воскресения; желая притом, так как и все искренние почитатели ваши, чтобы вы, милостивый государь, препроводили многие еще таковые праздники в совершенном здравьи и благополучии.

Приношу вам чувствительнейшую мою благодарность за прекраснейший ваш подарок — Апологи. По крайней мере раз пять прочел я их и многие знаю наизусть. Граф Григорий Владимирович Орлов, с неделю тому назад, будучи у меня и увидя эту книжку, сказал: *а что Иван Иванович не прислал ко мне? Я посылал ему свои издания.* — Граф Григорий Владимирович давно уже мне благодетель: на его иждивении воспитывалась в Екатерининском Институте вторая моя дочь, которая ныне выпущена оттуда; а на счет родственницы его, ее превосходительства Прасковьи Ивановны Мятлевой, воспитывается в Смольном монастыре третья моя дочь. Самым странным и неожиданным образом познакомился я, лет семь тому назад, с Петром Васильевичем Мятлевым: нечаянно попал я к нему в кабинет, когда нужно было мне видется со старшим его сыном, которого однажды только до того видел у графа Григория Владимировича. При втором свидании с Петром Васильевичем, вызвался он сам отдать пенсионеркою в Смольный монастырь младшую дочь мою; да хотел туда же поместить и старшую, которая уже тогда назначена была к приему в здешнее Патриотическое Училище. Стоило мне, большого труда упросить его и Прасковью Ивановну, чтобы они отказались от старшей моей дочери. Не могу изъяснить вашему высокопревосходительству, как обласкан я, и все мы, этим почтенным семейством. Я очень часто теперь у них бываю; нынешнею зимою короче мы познакомились. Старший сын их Иван Петрович, прекраснейший молодой человек, страстно любит словесность и начинает сам упражняться в ней с большим успехом. Недавно напечатано первое его сочинение: *Пустынный на празднике* (брошюра листа в три), где описывает он великолепный праздник, данный прошлого года в селе их Знаменском, близ Петергофа, в день именин их отца. Праздник этот дан был с большим великолепием и вкусом и описан, истинно сказать, мастерски, кроме некоторых маловажных небрежностей в слоге, кои впоследствии исправлены. Если нет у вашего высокопревосходительства этой книжки, то я доставлю вам собственный мой экземпляр.

Теперь мне гораздо веселее прежнего: семейство мое умножилось двумя старшими дочерьми, которые через семь лет возвратились к отеческим своим Пенатам. Благодарение Богу! Обе учились очень хорошо, особливо старшая в училище женского Патриотического Общества, которое, без всякого пристрастия, несравненно лучше и Екатерининского Института и Смольного Монастыря. Девушки в среднем классе этого училища, гораздо лучше переводят и пишут, нежели самые первые в большем классе прочих институтов, а один и тот же учитель в Патриотическом Училище и Екатерининском Инст. Причина та, что в одном училище читают книги, а в прочих или вовсе не читают, или читают очень мало. Надеюсь, что старшая моя дочь со временем будет надежною помощницею в литературных трудах моих.

Вместо красного яичка посылаю к вашему высокопревосходительству безделку, которая не стоит и простого яйца, но которая может-быть разместит вас, — *Дружеское послание издателю Телеграфа.* Я защищал его против *Брылана* и *сухощавого пуделя*: а он, неблагодарный обругал наш *Календарь Муз* и особенно послание мое к *сердечному другу доктору Яше*, описателю Гиперборейских стран

и сопернику, по мнению некоторых ученых епископов и кутейников, Бюффона и Гуффланда! Догадываюсь, за что осердился на нас г. Полевой; в *Календаре Муз* напечатана статья: Вблизи и издали, где между прочим говорится о издателе Статистического и Археологического Журнала. Сочинитель метил на известного Флюгарина, или Булгарина, а Полевой, вероятно, принял на свой счет. Некогда мне, а то разделался бы с ним прозою.

Но письмо мое становится уже слишком длинно. Боюсь утомить терпение вашего высокопревосходительства.

P. S. Письмо сие отдано было мною для отправления на почту еще в четверг на Страстной неделе, но за говеньем и гуляньем на праздниках наших чиновников, к крайней моей досаде, осталось до сих пор неотправленным, и я принужден был распечатать пакет, чтобы просить извинения у вашего высокопревосходительства в неумышленной вине моей. Между тем могу сообщить вам некоторые стихотворные новости; например.

Эпиграммы

1.

Господь послал на Питер воду,
А граф сейчас скропал и оду.
Пословица не даром говорит:
Беда беду родит.

2.

В Хвостова Притчах мы читаем, что петух,
В навозе роясь, нашел большой жемчуг.
Но клада не найдешь такова,
Все Притчи перерыв Хвостова.

3.

Поистинне, Магницкий чудо;
Лишь жаль, что поздно он родился для чудес.
За Тайной Вечерью он верно б был Иуда,
А в Директории Сиэс.

Казань. Кн. Гундоров.

4.

Надпись к портрету некоей духовной особы.

Се лицемер, исчадь злое ада,
Магницкаго первейший друг,
Безбрачных старых дев супруг
И словом: Русский Торквемада.

(Par une societ  des gens de lettres).

РА. 1871. № 7—8. Стб. 990—994. P.S. приписан А. Е. Измайловым после пасхальных праздников, т. е. после 18 апреля 1826 г.

Апрель 16. Страстная Пятница. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Любезнейший друг!

Ты предлагаешь мне план путешествия для здоровья, который в своем роде хорош; но Медики предписывают мне небо Италии, а не Москвы и не Киева. Болезнь сделала меня другим человеком: душа моя хочет нового или необычайного как лекарства. Я ничем бы, кажется, не мог заниматься старым: старое должно обновиться новым местом и положением, чтобы сделаться опять для меня привлекательным. — Между нами будь сказано, не имея способа ехать в Италию и жить там своими доходами, особенно с того времени как крестьяне худо платят оброк, я просил у Государя резидентского места во Флоренции; но место занято, и Государь, написав ко мне милостивое письмо, прислал мне на годовое путешествие

деньги: суди о моих чувствах! Теперь устраиваем в мыслях, как и куда ехать: думаем в Июне плыть в Бордо, оттуда сухим путем до Марсели, из Марсели в Ливорну на корабле; основаться во Флоренции, а на жаркие месяцы укрываться в тених Луккских и прожить так года два. Говорят, что первым моим лекарством должно быть море: увидим, если Бог даст. Но я слишком расписался, имея еще слабую голову. И самых ближних приятелей впускают ко мне только на минуту; задыхаюсь от разговоров. Куда девалась моя железная грудь? Недели через две или три можем переехать в Таврический Дворец: милостивый Государь приказал там отвести для нас прекрасные комнаты, чтобы перед отъездом за море подышали мы и здесь хорошим воздухом.

Вместе с женою и семейством обнимаем тебя нежно, друг любезнейший.

Устал.

Навеки твой

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 419—420 (№ 357).

Вероятно, Карамзин с этим письмом выслал копию письма имп. Николая I от 6-го апреля 1826 г.: «Ежели не ранее вам отвечал, любезный Николай Михайлович, то не полагайте чтобы то было из забывчивости, но напротив из желания вам дать ответ удовлетворительный. Я искал приладить желание ваше с возможностью, и полагая что может успел в том, предлагаю вам следующее; но наперед благодарю вас сердечно и за доверенность и за содержание письма вашего; жалею сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня в возможность вам оказать, клонится к тому, чтоб вас удалить от всех нас! — Вы поверите, надеюсь, без труда, что с сердечным прискорбием убеждаюсь, что сие временное удаление необходимо. Но так видно Богу угодно и должно сему покориться без ропота. Однако покуда я, быв здесь, привел в порядок ваше летнее квартирование в надежде, что пригодится.

Но обратимся к делу. Вам надо ехать в Италию — вот что хотят медики; надо их послушать и избрать лучший способ, т. е. покойнейший как туда доехать: морем ли до Италии или только до Любека, или сухим путем? Пребывание в Италии не должно вас тревожить, ибо хотя место в Флоренции еще не вакантно, но Российскому Историографу не нужно подобного предлога, дабы иметь способ там жить свободно и заниматься своим делом, которое, без лести кажется, стоит дипломатической корреспонденции, особо Флорентийской. Словом я прошу вас, не беспокойтесь об этом и хотя мне в угоджение дайте мне озаботиться способом устроить вашу поездку.

Про Стутгардт я вам и не говорю; хотят чтобы вы были в Италии; стало туда и ехать должно. Прошу вас только уведомить меня, как и куда решитесь ехать, а прочее я все устрою.

Повторяю что мне больно слышать и верить, что вам надо ехать; дай Бог чтобы здоровье ваше скоро восстановилось и возвратило бы вас к тем, кои вас искренно любят и уважают; причтите меня к этим.

Вас искренно любящий

Николай.

Царское Село,

6-го Апреля 1826 г.»

Неизд. соч., 1862. С. 127—128.

Апрель, ок. 17-го. Москва.

Получает из Петербурга при письме от бар. А. А. Дельвига альманах «Северные Цветы на 1826 год», в котором были напечатаны:

«Подражание 136-му псалму» («На чуждых берегах, где властвует тиран...») — С. 10; подпись: ***;

«Надпись к портрету лирика» («Потомство! Вот Петров...») — С. 62; подпись: ***.

В сборнике «Мои стихотворения с 1822 года» помещено под заглавием: «Надпись к портрету или бюсту В. П. Петрову» (Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. Л. 4)).

Апрель, 17. Великая Суббота. Москва.

Письмо к бар. А. А. Дельвигу в Петербург:

«Милостивый государь мой, барон Антон Антонович. Спешу изъяснить вам чувствительную благодарность мою за приятное ваше письмо и за букет вешних цветов нашего севера. При всех оттенках и разнородности, выбор оных делает честь вашей разборчивости. Разумеется, что я не включаю тут моего бедного и вялого цветочка, который был от меня данью признательности и повиновения. Движимый тем же побуждением, прошу вас с благосклонностью принять от меня

мои четверостишия. Я переводил их урывками, от нечего делать, не умея пользоваться бостоном, обыкновенною игрушкою моих сверстников. Радуюсь всем сердцем доброй вести о скором свидании моем с почтенным Михаилом Александровичем <Салтыковым, тестем А. А. Дельвига>. Между тем покорнейше прошу вас засвидетельствовать от меня его превосходительству душевное мое почтение, с коим равномерно имею честь пребыть и к вам, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Позвольте при сем поздравить вас и милостивого государя Михаила Александровича с завтрашним праздником всего христианского мира. Желаю вам со всем любезным вашим семейством проводить его весело и приятно».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 296.

Апрель, 18. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 18 ... 19. Петербург.

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Москву:

«Христос воскрес! Любезнейший друг!

Радостно поздравляю тебя с светлым праздником и нежно, нежно обнимаю. Чувствую себя недурно, но слаб до крайности сегодня. Вчера нечаянно приезжала и вдруг вошла ко мне в комнату, где сижу в своих халатах Бухар.[ских], Императрица М.[ария] Ф.[едоровна]. Вообрази движения моих нерв: Она Ангел в дружбе. – Пока прости, милый друг!»

Приписка рукою Е. Н. Карамзиной:

«С нежностью и почтением поздравляю вас, любезнейший Иван Иванович, с праздником, который был для нас не совершенно светлый на сей раз: Папенька чувствует себя слабее, а потому и на нас наводит грусть: дай Бог, чтобы он же и рассеял ее скоро своим состоянием. Еще раз повторяю вам, почтеннейший Иван Иванович, мои искренния желания о вашем здоровьи, спокойствии и о продолжении вашей ко мне благосклонности, которую я заслуживаю моею совершенною к вам преданностию и нежным почтением.

Катерина Карамзина».

Приписка рукою С. Н. Карамзиной:

«Примите и от меня, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, те же поздравления, те же сердечные желания и то же уверение в душевном почтении и любви. У нас в семействе одно сердце для вас.

Софья Карамзина.

Маменька у обедни, а потому и не может иметь удовольствия поздравить вас».

Карамзин, 1866. С. 421 (№ 358).

Апрель, 22. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к Н. И. Гнедичу в Петербург:

«Милостивый государь мой Николай Иванович!

Снисхождение претолкователя Омира к переводчику тощих четверостиший и притом французской работы не ослепят его самолюбия: я сам чувствую всю мало-важность этой игрушки; но по крайней мере доволен тем, что она доставила мне удовольствие получить обязательные ваши строки, за которые я спешу принести вам искреннюю благодарность мою и вместе поздравить вас с наступившим торжеством христианского мира.

Между тем от глубины души беру я участие в болезненном положении вашем. Даруй боже скорейшее вам облегчение к отраде Пиерид и искренних ваших друзей и почитателей.

Благодарю еще вас и за то, что вы вспомнили невинную прихоть старика, который покоряется, так же, как и другие, народному приговору: старый что малый; равно и за приятную для меня надежду – повидаться еще с давним приятелем, почтенным Алексеем Николаевичем.

Впрочем с душевным почтением моим имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугой

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 429–430.

Апрель, 28. Среда. Москва.

Дмитриев в письме к Н. Д. Иванчину-Писареву в Петербург пишет:

«...Судьба Карамзина решилась: в Июне отправится он на приготовленном по воле Государя фрегате в Бордо, оттуда сухим путем в Марсель, оттуда опять морем в Ливурну и расположится житьем во Флоренции. В жаркую же пору будет прохладить себя в Лукке. Достойный приемник Александра пожаловал ему на дорогу 50 тысяч. Что касается до болезни Николая Михайловича, то она едва ли излечима: на легком чирей, который непременно будет возобновляться. Видно уж нам не видаться! Я и сам очень слабею грудью...».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 296–297 (отрывок).

Апрель, 29. Четверг. Москва.

Высылает в Петербург В. И. Панаеву «Апологи в четверостишиях». При посылке записка:

«Милостивый государь мой, Владимир Иванович!

Помня вашу приязнь, препровождаю при сем к вам переведенные мною четверостишия. Эта безделка не может быть достаточною оплатою за ваши Идиллии: но да позволится 65-летнему старцу в извинении своем напомнить вам старинную пословицу: чем богат, тем и рад.

С сим извинением прошу вас принять и свидетельство искреннего почтения, с которым имею честь быть всегда,

Милостивый государь мой, Вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Панаев, 1867. С. 269–270.

Апрель. Москва.

В «Моск. Тел.» (Ч. VII. № 4. Отд. III. Библиография. С. 368) напечатана пространная рецензия на «Апологи в четверостишиях» И. И. Дмитриева.

Май, 1. Суббота. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к Жихареву в Москву пишет:

«...Карамзин ежедневно более слабеет. Катерина Андреевна не видит всего, но предчувствует, и иногда со слезами говорит о сем. Дети еще в совершенном невежестве. Я все знаю от Миллера: прожить две, три недели и более он может, но ехать не может, а между тем мы собираемся на море. – Вчера Карамзин был очень слаб, проводил с час в саду, но едва дотащился до комнаты. В карете выехать уже не был в силах. Ежеминутно хилеет и дети начинают страшиться. Катерина Андреевна почти потеряла надежду, но тверда. – Он все засыпал и едва говорил, почти ничего не ел, кроме саго. Вечеру однакож, когда мы укладывали его в постель, и приподняли с канапе, перешел он в комнату до постели сам, без нашей помощи. Сегодня еще не знаю ничего о нем; ибо идти рано к нему, а письмо пойдет на почту. Сообщи сии известия И. И. Дмитриеву, если желаешь; но с тем, чтоб сюда не писал о наших опасениях».

Погодин, 1866. Т. II. С. 498.

Май, 3. Понедельник. Петербург.

Два письма А. И. Тургенева к кн. П. А. Вяземскому в Москву.

В первом он пишет: «...Я писал уже к тебе чрез Жихарева, что Николай Михайлович едет на фрегате Елена, который готов будет к 15 мая или немного позже.

Назначить времени отъезда нельзя; но им бы хотелось в конце мая или в начале июня, если тепло установится, и силы его несколько утвердятся. Но по сию пору он не подает большой надежды, чтобы так скоро силы его возвратились: какой-то род лихорадочки продолжает, и с кашлем выходит материя. Ему лучше с тех пор, как начал выезжать в карете, но в сем положении он не может еще пуститься в путь дальний, и Мюллер не говорит еще решительно, когда можно будет выехать из Петербурга. Май должен решить срок отъезда и самый отъезд, хотя Карамзины и не сомневаются в выезде и все продают, и все готовят. Не пиши к ним о моих сомнениях. Дети обрадовались твоему намерению провожать их, но Катерина Андреевна не сказала почти ни слова, когда я намекал ей об этом от себя, и думает, кажется, что тебе не надобно оставлять своих. <...> Сегодня переезжают они в Тавриду <Таврический Дворец>».

ОА. Т. III. С. 139–140 (№ 699).

Во втором письме, уже после посещения Карамзиных, А. И. Тургенев пишет: «Воспользовавшись светлым утром и телесною крепостию Николая Михайловича, я говорил с ним о твоём желании провожать его. Он с удовольствием принял его. Мы рассуждали о средствах приступить к исполнению. Он думает, что ему надобно переговорить с капитаном корабля Епанчиным, который должен снести с Моллером, а сей с государем. Опасается затруднений в последней инстанции; но я сказал Николаю Михайловичу, что надобно тебя предложить к поездке, как о необходимом провожатом для него и его семейства. Эта мысль ему понравилась, и он исполнит ее. Катерина Андреевна также не противоречит».

ОА. Т. III. С. 140–141 (№ 700).

Дмитриев, несомненно, знал содержание этих писем.

Май, 4. Белев.

Кончина императрицы Елизаветы Алексеевны.

Апрель–Май. Петербург.

Записка к гр. Е. Ф. Комаровскому.

Пушкин и его совр. СПб., 1909. Вып. 11. С. 87–88.

Май, 8. Суббота. Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Петербург пишет:

«...Читаешь-ли Газеты? Перечти в Journal de St. Pétersbourg забавную рецензию на Крылова в 52 №, в статье из Лондона la séance du 20 à la chambre des communes. Кто пишет эти рецензии? Как Северин допустил хвалить Крылова так безусловно и исключительно? Все-же между Лафонтеном и Крыловым есть еще третий <И. И. Дмитриев>, который также не испортит».

Арх. бр. Тургенев. Вып. 6. С. 26.

Вяземский неточен, в 52 № «Journal de St. Pétersbourg» в статье из Лондона нет ни слова о Крылове. Но помещенный в этом же номере фельетон под заглавием «Littérature» весь посвящен Крылову. Автор фельетона, указывая на европейскую славу Крылова, по традиции сравнивает его с Лафонтеном, что так раздражило Вяземского, а также и то, что в ней не упомянут Дмитриев (См.: *Арх. бр. Тургеневых.* Вып. 6. С. 427–428).

Май, 9. Воскресенье. Петербург.

В. А. Жуковский передает имп. Николаю I письмо о Карамзине.

Дневник В. А. Жуковского. РС. 1901. Приложения. Декабрь. С. 178: «9 <мая>. Отдал гос. [ударю] письмо о Карамзине».

Май, 10. Понедельник. Петербург.

Запись в дневнике В. А. Жуковского: «...Поутру у Карамзина. Вечер дома с Тургеневым и Блудовым».

Дневник В. А. Жуковского. РС. 1901. Приложения. Декабрь. С. 178.

Май, 11. Вторник. Петербург.

Утром к Карамзину (Карамзиным) приходит прощаться В. А. Жуковский. В 5 часов вечера до парохода в Кронштадт его провожает А. И. Тургенев.

Дневник В. А. Жуковского. РС. 1901. Приложения. Декабрь. С. 178.

Май, 12. Среда. Кронштадт.

В 12 часов В. А. Жуковский отплывает за границу.

Дневник В. А. Жуковского. РС. 1901. Приложения. Декабрь. С. 178.

Май, 13. Четверг. Царское Село.

Рескрипт имп. Николая I:

«Николай Михайлович!

Расстроенное здоровье ваше принуждает вас покинуть на время Отечество и искать благоприятнейшего для вас климата. Почитаю за удовольствие изъянить вам мое искреннее желание, чтобы вы скоро к нам возвратились с обновленными силами и могли снова действовать для пользы и чести Отечества, как действовали доныне. В то же время, и за покойного Государя, знавшего на опыте вашу благородную, бескорыстную к нему привязанность, и за себя самого, и за Россию, изъявляю вам признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнью как гражданин и своими трудами как писатель. Император Александр сказал вам: *Русской народ достоин знать свою Историю*. История, вами написанная, достойна Русского народа. Исполняю то, что желал, чего не успел исполнить Брат мой.

В приложенной бумаге найдете вы изъявление воли моей, которая, будучи с моей стороны одною только справедливости, есть для меня и священное завещание Императора Александра. Желая, чтобы путешествие было вам полезно, и чтобы оно возвратило вам силы, для довершения главного дела вашей жизни.

Пребываю вам всегда благосклонный

Николай.

В Царском Селе,

Мая 13 дня, 1826 года».

«Указ Г. Министру Финансов.

Историографу Российской Империи, Действительному Статскому Советнику Карамзину, отъезжающему для излечения своего за границу, повелеваем производить отныне по пятидесяти тысяч рублей в год, с тем, чтобы сумма сия, обращаемая ему в пенсион, была после него производима сполна жене его, а по смерти ея также сполна их детям, — сыновьям до вступления *всех* их в службу, а дочерям до замужества последней из них.

13 мая 1826».

Неизд. соч., 1862. С. 129; Погодин, 1866. Т. II. С. 495.

Май, 13. Четверг. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к кн. П. А. Вяземскому сообщает:

«...Сейчас возвратился от Карамзина и был у него в спальней в минуту его вставания с постели и одевания с помощью твердой, но беспокойной Екатерины Андреевны. Потом виделся с Мюллером. Что сказать тебе? Приезжай! О средствах ехать с ними подумаем здесь: тут поспешность не нужна. В настоящем положении он выехать не может. От Бога зависит будущее... Кончина императрицы <Елизаветы Алексеевны> более тронула, нежели поразила его. Он говорил о ней с чувством умиления, но слабость спасла его от сильного потрясения...».

ОА. Т. III. С. 141—142 (№ 701).

Май, 13. Четверг. Петербург. 10 часов вечера.

Карамзины получают из Царского Села Рескрипт и Указ Министру Финансов, подписанные имп. Николаем I.

Май, 14. Пятница. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к Жихареву в Москву сообщает:

«14 мая, 8 часов утра.

Бумаги сии получены вчера в 10 часов вечера. Николай Михайлович был уже в постели; мы за чаем. Я был свидетелем трогательной сцены: Катерина Андреевна, распечатывая все пакеты на его имя из предосторожности, долго не думала распечатывать сего пакета, ибо душа ея была встревожена мыслью о болезни и о худом положении его во весь день. Через полчаса входит к нам из спальни вся в слезах; показывает мне бумаги и говорит то, что она не задолго перед тем мне говорила, что с переменою ее благосостояния материального постигнет ее какое нибудь бедствие, и что она теперь страшится того, о чем думать не смеет. Мы все плакали. Мало по малу она и дети несколько успокоились. Сегодня покажут бумаги Николаю Михайловичу. Дай Бог, чтобы спокойствие за будущее жены и детей продлило угасающую жизнь его! Спешу к ним быть свидетелем другой сцены.

Полдень.

Сию минуту возвратился от Карамзиных. Он спал спокойно; ожидал лихорадки, и для того не хотел встать с постели. Меня впустили к нему в 10 часов, и лихорадки еще не было, но он был в беспокойном ожидании. Подали саго; он позавтракал, и тогда уже Катерина Андреевна решила дать ему рескрипт сперва, а потом и указ. Тут были две дочери и я. Между тем Катерина Андреевна говорила ему, что это успокоит его старость; в ответ первое его слово было: это значит, что я должен умереть... или что-то подобное, слова, не припомню, но вот смысл. Потом начал, как мы и ожидали, сердиться за количество суммы; мы защищали Императора слезами и словами, как умели, говоря, что он делает не для него, а для России; что Николай Михайлович не может упрекнуть себя ни в малейшем домогательстве, что после сей награды достойному, Государь имеет право отказывать другим, не заслуживающим наград; он беспрестанно повторял, что это слишком много и проч.; наконец несколько успокоился, или лучше хотел успокоить себя чтением и мы вышли в слезах и в неизъяснимом чувстве умиления к человеку, который не от мира сего».

Погодин, 1866. Т. II. С. 495—496.

Дмитриев, конечно же, знал содержание этого письма.

Май, 15. Суббота. Петербург.

Письмо Н. М. Карамзина к имп. Николаю I в Царское Село:

«Всемиловейший Государь!

Рескрипт, коим Вы меня ошастливили третьяго дни, написанный столь прекрасно, с таким благоволением, воспоминание в нем о незабвенном Александре, хвала смиренному Историографу сверх его достоинства — омочил слезами бледное мое лицо. Прочитав указ к Министру Финансов, я не верил своим глазам: благодеяние чрезмерно; никогда скромныя мои желания так далеко не простирались. Изумление скоро обратилось однакожь в умиление живейшей благодарности: если сам уже не буду пользоваться плодами такой Царской, безпримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом. Дай Бог, чтобы Фамилия Карамзиных, осыпанная милостями двух Монархов, заслужила имя верной и ревностной к Царскому Дому. О! как желаю выздороветь, чтобы скорее возвратиться в Петербург и посвятить последние дни мои Вам, безценный Государь, и любезному Отечеству. Вчера не мог я писать. И ныне голова моя слаба. Видом, говорят, я поправляюсь, но слабость не выпускает меня из полулюдей. Заключу тем: милости, благодеяния Ваши ко мне так чрезвычайны, что я и здоровый не умел бы выразить вполне моей признательности.

Повергаю себя к стопам Вашим со всем моим семейством,

душею и сердцем верноподанный
Николай Карамзин.

С. Петербург
15 мая, 1826 г.».

Неизд. соч., 1862. С. 130.

Май, 18. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к Жихареву в Москву сообщает, что «Карамзин вчера не так слаб был в день; но к вечеру истощился. Сегодня не успел еще видеть его».

Погодин, 1866. Т. II. С. 498.

Май, 19. Среда. Петербург.

А. И. Тургенев пишет Жихареву в Москву:

«...Карамзин ежедневно слабеет; семейство начинает замечать, что положение его опасно. Он может покинуть нас очень скоро. Скажите это Вяземскому. Еду к Кушникову посоветоваться, как быть в случае несчастья».

Погодин, 1866. Т. II. С. 499.

Май, с 20 на 21. Полночь. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к С. П. Жихареву пишет:

«Приехал сейчас от Карамзина, где пробыл весь день в душевном страдании за семейство и за себя. Скоро возвратится душа сия к своему источнику, в объятия Отца Небеснаго. Мы страшились потерять его сегодня. В ночи слабость не увеличилась, и я решился возвратиться домой ночевать. Может быть и день и два еще будем и видеть и слышать его дыхание; но он уже беспрестанно в забытьи, узнает нас, но не во всякое время; духовника своего не мог узнать; в 11 часов вечера сегодня узнал однакож старших дочерей, и с нежностью взглянул на них. Пред тем заметил, что спало с пальца его обручальное кольцо. Он спросил о нем. Катерина Андреевна тверда и редко плачет, и говорит о том, что ее ожидает с покорностью Провидения. Ввечеру, глядя на меня, сказала мне: жаль вас. — От чего? Спросил я. — Вы много в нем теряете. — Потом говорила о качестве души его с чувством счастливой, достойной его спутницы в жизни».

Погодин, 1866. Т. II. С. 499.

Для А. И. Тургенева день 20 мая был чрезвычайно трудным: в этот день он передал имп. Николаю I, т. н. «первую оправдательную записку», написанную братом Н. И. Тургеневым 20—23 апреля 1826 г. На ход следствия и на приговор эта записка не повлияла (см.: *Тарасов Е. И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923. С. 399—405*).

Май, 21. Пятница. 5¹/₂ часов после обеда. Петербург.

А. И. Тургенев у Карамзиных. Последняя встреча А. И. Тургенева с Н. М. Карамзиным. Об этой встрече Тургенев пишет к С. П. Жихареву в Москву:

«...Накануне кончины, т. е. в 5¹/₂ часов после обеда, 21 Мая, когда мы его переворачивали, он долго смотрел на меня и вдруг высоко преподнял руку, и спустил ее на меня, желая обнять меня. Это было последнее движение, в коем заметна была воля сердца. Софья Николаевна это заметила. Я утешаюсь сим знаком любви того, которого любил так нежно, и с каждым днем, с каждою мыслию о нем сильнее».

Погодин, 1866. Т. II. С. 509.

Май, 22. Суббота. Полдень. Петербург.

Запись А. И. Тургенева:

«Карамзин при последнем издыхании. Он едва, но тяжело дышит, и иногда стонет. Глаза редко закрывает, но в них уже мало жизни. Все признаки близкой смерти, которую ежеминутно ожидаем. Катерина Андреевна и дети плачут. Пульс еще изрядный... Иногда уводим детей, но как оторвать от умирающего отца!»

Погодин, 1866. Т. II. С. 498.

Май, 22. Суббота. Час и шесть минут пополудни. Петербург.

Кончина Н. М. Карамзина.

Май, 22. Суббота. Петербург.

А. И. Тургенев пишет Жихареву в Москву:

«...Николай Михайлович страдал, или, лучше сказать, тосковал долго, но последние минуты его были спокойны. Я был их свидетелем; Катерина Андреевна закрыла ему глаза, после вошли дети. — Он не мог благословить их и проститься с ними, но вся жизнь его была для них благословением. Казалось мне, однакожь, что один раз открыв глаза, в коих не было уже почти жизни, он пожимал руки, как бы желая благословить плакавших около него детей».

Погодин, 1866. Т. II. С. 498.

Одни из последних слов, сказанные Карамзиным, по свидетельству кн. П. А. Вяземского, были следующие: «Екатерине Андреевне показалось, что он чего-то ищет в постели, и она спросила, что ему надобно: лежать и любить тебя отвечал он» (*Погодин*, 1866. Т. II. С. 500).

Май, 24. Петербург.

Приезд из Москвы кн. П. А. Вяземского.

Май, 27. Псков.

Пушкин, *еще не знающий о кончине Н. М. Карамзина*, в письме к Вяземскому в Москву сожалеет: «Грустно мне, что не прощусь с Карамзиными — бог знает, свидимся ли когда-нибудь».

Акад., XIII. № 266.

В этом же письме Пушкин пишет: «В 4-й песне *Онегина* я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? В нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ...». Выделенное курсивом — пародийная переработка окончания стихотворения И. И. Дмитриева «К Маше» («Я не архангел Гавриил...»):

Когда ты, Маша, расцветешь,
Вступая в юношески лета,
Быть может, что стихи найдешь,
Конечно, спрятанны ошибкой,
Прочтешь их с милою улыбкой
И спросишь: «где же мой поэт?
В нем дарования приметны»...
Услышишь, милая, в ответ:
«Несчастные недолголетны,
Его уж нет!».

Июнь, 3. Четверг. Москва.

Дмитриев в письме к Н. Д. Иванчину-Писареву в Петербург пишет:

«...Я уже давно чувствую слабость в груди, а нынешнюю всю ночь не смыкал глаз от головной боли. Из Петербурга никто ко мне не пишет. Знаю только некоторые подробности о последних днях моего друга по выпискам из некоторых писем. Прочитайте их и возвратите. Я полюбил Греча за некрологию; хорошо и справедливо. Милый мой друг погребен против Ломоносова».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 297. Некролог Карамзина, написанный Гречем, напечатан в «Северной Пчеле» (1826. № 64).

Июнь, 5. Суббота. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 45. Суббота. Июня 5-го. С. 1774–1775) напечатано сообщение из Петербурга о погребении Н. М. Карамзина 25 мая в Александроневской Лавре. Здесь же опубликован текст рескрипта имп. Николая I от 13 мая 1826 г.

Июнь, 14. Петербург.

Отъезд в четыре часа пополудни Е. А. Карамзиной с детьми и кн. Вяземским в Ревель. Перед отъездом Е. А. Карамзина получает письмо из Москвы от И. И. Дмитриева.

ОА. Т. III. С. 143 (письмо А. И. Тургенева в Москву к княгине В. Ф. Вяземской от 14 июня 1826 г.); *Карамзин*, 1866. С. 425.

Июнь, 19. Суббота. Москва.

Письмо Дмитриева к В. В. Измайлову в Петербург:

«Препровождаю к вам при сем, почтенный Владимир Васильевич, письмо от Дашкова, содержание его мне почти известно, и я поручусь за него, что он за удовольствие сочтет исполнить вашу волю, коль скоро с отпуском получит больше досуга.

Что мне сказать вам о самом себе? Вы должны знать всю меру моей скорби. Катерина Андреевна уже отправилась в Ревель с детьми и Вяземским, который в июле возвратится в Москву.

Ежели вам неизвестно, то сообщаю, что уже вышло из печати и продается донесение следственной комиссии. В одно время получено два издания: одно в лист, и продавалось Ширяевым по 25 р. экземпляр, а другое в осьмушку, и раздавалось даром подписавшимся на *Инвалид*. Книг еще нет в привозе. Видно, нам и в этом году сидеть за *Вестником Европы*.

Искренний ваш почитатель и преданный слуга

И. Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 430.

Июнь, 22. Вторник. Ревель.

Письмо Е. А. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Ревель, 22 Июня 1826 (роковое число).

Почтеннейший и любезнейший Иван Иванович, я получила ваши дружеские строки, садясь в карету, чтобы ехать сюда: зная вашу постоянную и искреннюю связь с единственным моим другом, я знала, как кончина его поразит ваше сердце. Мне так жалко всех тех, которые его любили и которых он столько любил: вы можете вообразить, какое чувство я имею к себе несчастной, более всех любимой и столь нежно любившей 22 года; любовь эта была моя жизнь, все мое существование.

Что более вам сказать о себе? я здорова с тех пор, как здесь, чувствую себя крепче физически; стараюсь сколько могу заниматься детьми, прошу Бога, чтобы Он дал мне силы и умение как можно лучше исполнить долг их воспитания, не разделяемый более уже с тем, который одним своим присутствием мог более быть полезен, чем я всем моим старанием; прошу и милого незабвенного своего друга, чтобы и он благословлял меня и наставлял меня как ангел мой хранитель: он мне здесь был ангелом счастья, он меня и там не забудет.

Дети все, слава Богу, здоровы и свидетельствуют вам свое нежное почтение; будьте уверены, милый Иван Иванович, что друг Николая Михайловича есть для меня святыня здешнего мира.

Уверена также, что не имею нужды сказать: не забывайте несчастную К. Карамзину».

Приписка кн. П. А. Вяземского:

«Должен ли я оправдываться перед Вами, почтеннейший Иван Иванович, что не писал Вам по приезде моем в Петербург? Вы без сомнения поняли и уважили мое молчание. Что могу сказать я Вам? Есть горести, которые не передаются в словах: безмолвное лобзание, слезы, вот их единственный язык! Есть и радости умиленные, которые подобным образом себя выражают. Помните ли, как за два года тому читали мы вместе письма, изведаввшие нас о миновавшей опасности в болезни Николая Михайловича? Не суждено было нам насладиться отрадою вновь проливать такие слезы. Каким ужасным и преждевременным ударом поражены мы! Ни ум, ни сердце не могут приучиться к горестной мысли, что нет Карамзина в кругу семейном и в кругу друзей, что нет его в России, нет в мире. Утрата равно чувствительная во всех отношениях. Как живо представляю себе Вашу горесть, тем более тяжкую, что почти не с кем Вам делить ее. Сердечная обязанность заставила меня не покидать Карамзиных в первое время их лютого одиночества и проводить их в Ревель; но как было бы мне усладительно быть и Вам товарищем в слезах Ваших! Карамзин был точно душа круга друзей своих: душа не умирает; оставив нас, он не разорвал связи, коей был средоточием; напротив, скрепил ее каким-то новым, священно-таинственным знаменем, и любившие Карамзина

должны отныне, в память его, еще живее, еще совершеннее любить друг друга, одним словом так, как он умел любить нас. Те из нас, кои имели горестную отраду отдать ему последний долг, в невольном движении кинулись друг другу в объятия и над могилою его запечатлели новыми клятвами союз дружбы неизменной и священной, как память того, которого мы оплакивали. Хотя Судьба и не дозволила Вам, почтеннейший Иван Иванович, быть вместе с нами в эту печальную минуту, но мысленно был посреди нас старший, постояннейший и любезнейший из друзей Николая Михайловича, и чувства наши обращены были к Вам.

Не обещаю вам никаких подробностей ни о смерти его, ни о последствиях ее, зная, что Тургенев все в точности описывал в письмах к Жихареву для вашего сведения. Скажу только, что горесть семейства его, т. е. жены и старших дочерей, равняется величине их несчастья. Надеюсь, что пребывание в Ревеле, или лучше сказать, в приморской даче около Ревеля, спасет их здоровье от расстройства. Здесь оне в совершенном уединении; но уединение живое, разнообразное и богатое развлечениями, доступными к сердцу и убитому горестью, ибо развлечения сии даются не людьми, а природою, для них новою и по истине прелестною. Впрочем и развлечения возвращаются все к одному, живоносному чувству горести об утрате незабвенного. Мысль, что он более всех радовался бы сими живописными картинами, что, может быть, лето, проведенное здесь в прошлом году, как они и помышляли о том, продлило бы жизнь его, не покидает их ни на минуту, и он участник всех их чувств, впечатлений, ощущений, ясных и мрачных.

Думаю пробить здесь с ними, по крайней мере, до Августа, а оне полагают прожить и Сентябрь. Стану извещать Вас по временам о их здоровьи и нашем житье-бытье.

Простите, почтеннейший Иван Иванович. Примите уверение в сердечном моем почтении и в преданности, питаемой всем лучшим и в том, что есть, и в том, чего нет.

Бедный наш Тургенев! К жестокому беспокойствию его об участии брата Николая, прибавилось не менее жестокое беспокойство о брате Сергее. Ему пишут из Дрездена, что он болен и болезнь его по всем признакам есть род помешательства в уме, которое без сомнения есть следствие сильного потрясения при известии о судьбе, угрожающей брату. По последним известиям слышно, что ему немного лучше и, странное дело! смерть Карамзина произвела сие действие. Поражение его, при получении сей горестной вести, дало новое направление его мыслям и новым потрясением ослабило прежнее волнение. Жихарев может доставить вам более подробностей о его болезни, ибо без сомнения А. И. Тургенев писал ему обо всем обстоятельно.

Прости мне труд, который Вам даю разбором своей тарабарской грамоты. При неискусной руке имею и худое перо, да право и буквы образовать отвык».

Карамзин, 1866. С. 425—428.

Июль, 5. Понедельник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Ревель:

«Не укоряю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за слезы, пролитые мною при чтении вашей приписки: я чувствовал в них какую-то отраду. Вы не ошиблись. Здесь, конечно, нет ни одного, кого бы я мог назвать своим сочувственником в отношении к моей потере. Узнав о ней, я и не ожидал получить от вас скоро письма. До того ли вам было? Поцелуйте за меня ручку Катерины Андреевны и уверьте, что я всем сердцем благодарю ее за обязательный ответ, вторичным же письмом, и так скоро, совещусь растревлять ее горести. Поклонитесь и милым двум дочерям ее. По чувству моему к покойнику, право, и я им всем родной. В другое время опечалил бы меня назначенный вами срок возвращения, а теперь, напротив, сам желаю, чтобы вы сколько можно долее пробывли с ними.

Кончина примиряет со всеми: даже и Каченовский напечатал в своем *Вестнике* переведенную им статью из *Journal de St.-Petersbourg*. Писарев же (попечитель) везде отыскивает бюст, в намерении поставить его в зале Исторического Общества, а Иванчину-Писареву заказал сочинить похвальное слово. Оно уже у меня, но я не совсем доволен. Он же написал и эпитафию:

Сограждан слава, мудрых честь,
 Бессмертный в подвигах писателя, витии,
 Успел отчизне ты великий дар принести.
 Покойся, окроплен слезами всей России!

Один только вы, любезнейший князь, можете принести достойную дань милому и незабвенному Карамзину. Не смотря на ваше предварение в письме к Жихареву, Полевой не удостоил меня своей доверенности.

Скажу, наконец, о себе, что я очень хилею: нервические припадки усиливаются. К прежним печалям наступили еще новые: Экономка моя, служившая мне слишком 25 лет с редким бескорыстием и усердием, при смерти. Не стыжусь признаться, что разлука и с нею не легка для меня будет. Сколько испытаний в толь короткое время, и в каком положении? Когда только и отрады надежда, что друг или испытанный приверженец смежит глаза и похоронит. Каково же, когда нет ни того, ни другого! Полно.

Заочно обнимает вас любящий всею душою И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 157—158 (№ 49).

Июль, 13. Петербург.

День казни декабристов. В пять часов утра А. И. Тургенев выезжает из Петербурга за границу, в Дрезден, где его ждали брат С. И. Тургенев и П. Я. Чаадаев.

Июль, 15. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Ревель:

«Любезнейший князь Петр Андреевич. Я все в том же положении, в каком был при последнем письме моем. Прошу вас вручить приложенное при сем письмецо Софье Николаевне и Катерине Николаевне. Она очень, очень утешили меня в моем небеспричинном унынии. Здесь все цветет и улучшается: дома новеют; даже и развалины Бекетова выбелены, даже непроходимый конец Козихи высушен и вымощен. Английский клуб наслаждается по прежнему постоянным, всегда однообразным своим занятием: все то же и то же. По причине только жаров чаще сидят против сквозного ветра и едят простоквашу. Прощайте, любезнейший поэт, вспоминайте иногда преданного вам всею душою Дмитриева».

СН. 1898. Кн. II. С. 158 (№ 50).

Июль, 18. Воскресенье. Москва.

Кончина домоправительницы Елизаветы Петровны, прослужившей у И. И. Дмитриева 26 лет.

Июль, 23. Пятница. Москва.

Дмитриев в письме к О. Е. Франку в Петербург пишет:

«Чувствительно благодарю вас, любезный Осип Егорович, за доставление мне известных актов, и тем более, что я вероятно получил их прежде многих, есть ли не всех. Очень сожалею, что надежда иметь удовольствие увидеться с вами в Москве обманула меня. По крайней мере я доволен тем, что познакомился с вашим братцем, имеющим с вами большое сходство.

На днях я посещен был новою печалью: потерял Елизавету Петровну, после трехмесячного жестокого страдания, в продолжении которого ежедневно исчезала в силах и в теле. В минувшее воскресенье она скончалась, но за три дня только перестала заботиться о моих пользах и распоряжаться для моего спокойствия. Сделайте мне одолжение, не отыщите ли в С.-Петербурге Рота и не уговорите ли вы его быть у меня по прежнему дворецким. В противном же случае нельзя ли сыскать мне лет сорока умную и испытанной нравственности женщину из немок, которая бы согласилась взять на себя хранить мое белье, содержать чай, кофе, сахар, и словом быть экономкою. Мне жаль Е.[лизаветы] П.[етровны]

как самой близкой родной; 26 лет она служила мне с примерным усердием и бескорытием.

Я уже получил известие от П.[авла] П.[етровича] С.[виньина] об отправлении ко мне бюста <имп. Александра I>; нетерпеливо жду его.

Заочно обнимает вас искренно любящий и почитающий вас покорный слуга Иван И. Дмитриев».

РС. 1897. № 4. С. 120.

Июль, 25. Воскресенье. Москва.

Въезд имп. Николая I в сопровождении всей императорской семьи.

Июль, 31. Ревель.

Три письма – С. Н. Карамзиной, Ек. Н. Карамзиной и кн. Вяземского – к Дмитриеву в Москву:

Письмо С. Н. Карамзиной (отрывок):

«...Благодарим вас сердечно, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, за дружеское письмо ваше и за удовольствие, которое сделала вам наша работа; вы конечно посмотрите на нее с умилением, когда узнаете, что Паленька видел и хвалил ее, одобряя наше намерение оставить вам эти рисунки на память при отъезде нашем в Италию! – Всегда, всегда с чувством живым и глубоким будем мы думать об его милом друге: неужели вы имели нужду в доказательстве сердечной нашей памяти?».

Письмо Екатерины Ник. Карамзиной (отрывок):

«Как мне приятно было видеть из письма вашего, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, что вы благосклонно приняли рисунки наши: мы начали их в то счастливое время, когда, еще исполненные сладких упований, мы думали оставить на время отечество и друзей, и с намерением ими напоминать вам о себе. Теперь назначаем им другое предопределение, любезнейший Иван Иванович! Когда сердце ваше исполнится горестными воспоминаниями, взгляните на них и позвольте им служить вам уверением, что вы не совсем лишились нежного друга, пока осиротелое его семейство еще живо, а вы, верный сорокалетний друг милого Паленьки, любите в нас и детей его, и нежно привязанные к вам сердца».

Письмо кн. П. А. Вяземского:

«Не хочу при общем засвидетельствовании чувств сердец, Вам истинно преданных, оставить это письмо не запечатав в нем выражений и моего душевного почтения, и моей ненарушимой преданности. Сердечно соболезную Вам в Ваших новых беспокойствах: дай Бог, чтобы здоровье экономки Вашей поправилось, и предстоящие Вам празднества и торжественные повинности застали Вас в полной силе, для перенесения всех трудов.

В конце Августа надеюсь быть дома и найти Москву наслаждающуюся прежним спокойствием и отдыхающую в Английском клубе на лаврах и на картах. Мы получили вчера письмо от Жуковского из Эмса: здоровье его поправляется, и он едет в Эгру для приобретения прежних сил. – За недостатком места, должен я поспешить откланяться, пожелав Вам, почтеннейший Иван Иванович, совершенного здоровья и в душевном спокойствии отрады и услаждения от горести. – Радуюсь за Вас, что Блудов в Москве. Скажите ему наш сердечный поклон и поздравление».

Карамзин, 1866. С. 428–429.

Август, 9. Москва.

Письмо Дмитриева к В. В. Измайлову в Петербург:

«Почтеннейший Владимир Васильевич!

Здесь открывается цензурный комитет на новом положении: независимый от Университета, состоящий в председателе и трех членах. Сейчас был у меня

А. А. Писарев и спрашивал меня, можно ли надеяться, что вы примете звание первого, которому жалованье назначается едва ли не семь тысяч. Не зная, что сказать ему, я испросил у него позволение довести о том до вашего сведения. Не худо бы вам поспешить приездом своим к нам хоть дня на два. Тогда могли бы переговорить с ним лично и между тем познакомиться и с министром.

О себе же ничего не могу сказать доброго. Хилею душевно и телесно; но приязанность моя и душевное почтение к вам бодрствуют в прежней силе.

Преданный вам

Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 430–431.

Август, 9. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 527. № 129.*

Август, 22. Москва.

Дмитриев присутствует на коронации имп. Николая I.

Август, 22. Москва.

Присутствует на торжественном обеде в Грановитой палате.

М. Дмитриев, 1989. С. 249.

Август, 22(?) ... 27(?) . Москва.

Представление имп. Николаю I Синода, Совета, Сената, чинов первых четырех классов. Вероятно, во время представления имп. Николаю I И. И. Дмитриева и произошел эпизод, описанный им в недатированном письме к кн. Вяземскому (см. ниже).

Август, 22(?) ... 27(?) . Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Ревель:

«Благодарю вас искренно, любезный князь, за ваше приношение. Скажу о себе, что я очень расстроен и духом, и телом: к продолжению моих горестей я был ежедневным свидетелем два месяца мучительной болезни моей усердной экономки и наконец проводил ее до кладбища. Теперь никто не приветствует меня ни с добрым утром, ни с добрым вечером. Часто по целому дню сижу дома, молча, как схимник. Из приезжих принес мне отраду один только любезный Блудов, с которым вижусь довольно часто. Северин хотя и живет наискосок меня в одной улице, но был у меня только однажды, и то на минуту, и то на третий день приезда. Вспомните, любезный князь, ваше недоумение на счет одного выражения Катерины Андреевны (*кроме одного*) в ее письме, по поводу доставленных к ней Апологов. Желал бы, чтоб вы вспомнили и объяснили мне, что это значило.

При публичном представлении моем государю его величество после первого приветствия изволил мне сказать: “Мы оба с вами сделали чувствительную потерю кончиною Николая Михайловича” и кончил свидетельством нежного внимания своего к покойному. Государыня также изъявила свое участие.

Скоро ли вы к нам возвратитесь? Искренно желаю вас видеть, а между тем заочно вас обнимаю и свидетельствую вам искреннее мое почтение.

Преданный вам

И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 158–159 (№ 51).

Август, 27. Москва.

Вечером Дмитриев присутствует на бале в Грановитой палате.

Сентябрь, 8. Москва.

Приезд Пушкина из Михайловского и представление его имп. Николаю I.

Лернер, 1910. С. 140.

Сентябрь, 10. Москва. День рождения Дмитриева.

Сентябрь, 15. Петербург.

А. А. Дельвиг в письме к Пушкину в Москву просит «вербовать хорошенькие пьески» для его альманаха «Северные Цветы» и упрекает А. И. Тургенева, что он «за канцелярские услуги» наградил Федорова статьями Карамзина и Батюшкова. Просит Пушкина обратиться к И. И. Дмитриеву, который «тебе не откажет, хотя бы страничку из его журнала».

Акад., XIII, № 279.

Под «журналом» Дмитриева Дельвиг разумеет рукопись воспоминаний Ивана Ивановича «Взгляд на мою жизнь».

Сентябрь, 29. Москва.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу и Жуковскому в Дрезден пишет: «Пушкин здесь и на свободе. В следствии-ли письма его к Государю, или доноса на него, или в следствии и того и другого Государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею. Отрывки из его Элегии *Шенье*, не пропущенные Цензурою, кем то были подогреты и пущены по свету под именем *14 Декабря*. Несколько молодых офицеров сделались жертвою этого подлога. <...> Пушкин читал мне своего *Бориса Годунова*. Зрелое и возвышенное произведение. Трагедия ли это, или более историческая картина, об этом пока не скажу ни слова: надобно вслушаться в нее, вникнуть, чтобы дать удовлетворительное определение; но дело в том, что историческая верность нравов, языка, поэтических красот сохранена в совершенстве; что ум Пушкина развернулся не на шутку, что мысли его созрели, душа прояснилась, и что он в этом творении вознесся до высоты, которой он еще не достигал. Сегодня читает он <Пушкин> ее у меня Блудову, Дмитриеву: забавно будет видеть классическую чопорность его под стрельбою романтической цепи. Пушкин скачет из года в год, из России в Польшу, из Польши в Россию, из стихов в прозу; монахи говорят по м.[атерному]. Маржерет говорит по-французски *et lache de gros mots*. Впрочем, тут Пушкин только что тешился, и этих потех и проказ всего навсего страничка: выключить ее легко. Следующие песни *Онегина* также далеко ушли от первой...».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 42.

Сентябрь, 29. Москва.

Присутствует у кн. Вяземского на чтении Пушкиным «Бориса Годунова».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 42.

Октябрь, 5. Петербург.

Кн. Вяземский приписывает к письму Татариновых к А. И. Тургеневу: «Пушкин напечатал 2-ую часть *Онегина* стихов на 500 не с большим, и книгопродавцы уже предлагают ему 5000, а он просит семь».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 45.

Ноябрь, 9. Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь препроводить при сем к вашему высокопревосходительству экземпляр нового издания моих сказок. Оне давно уже отпечатаны, но недавно выпущены из цензуры, и переплетены.

Я уже не живу более на Песках в доме Моденовых, но в Садовой, в доме Департамента Государственного Казначейства, хотя и не служу уже там: 5 ч. сего месяца подписан Высочайший указ, по которому назначен я вице-губернатором в Тверь. Теперь буду поближе к вашему высокопревосходительству. Не знаю еще сам, долго ли останусь в Петербурге. И прежде имел мало времени на служение

Музам; теперь велют совсем их оставить и посвятить все время на дела Вакха... Утешаюсь единственно тем, что скоро восстановятся откупа и что не долго буду исправлять должность главного целовальника в губернии.

Извините, ваше высокопревосходительство, что так дурно пишу, — спешу на похороны; притом же болит у меня правая рука, хотя и не писал я в это время ни басни, ни эпиграммы на графа Д. И. Хвостова».

РА. 1871. № 7—8. Стб. 994—995.

Ноябрь, 19. Москва.

Письмо к Д. В. Давыдову.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 479 (Давыдовы). К. 1. № 2.

Ноябрь, 20. Москва.

Кн. Вяземский в письме к Жуковскому и А. И. Тургеневу в Дрезден пишет:

«От нечего делать, от безденежья обязался я участвовать в *Телеграфе* и за участие брать с издателя половину барышей его. Пушкин пошел в часть в другой Журнал за десять тысяч рублей: Погодин и вся Университетская молодежь, воспитанная на Немецком пиве Шеллинга, будет на будущий год издавать Московский Вестник <...> Ваше Гримское Величество, Александр Иванович! помогите. Шутки в сторону, Тургенев, ты писать любишь, ты мастерски пишешь письма и умеешь журнальничать: твои все письма из чужих краев годятся в печать. Не даром Дмитриев прозвал тебя маленьким Гримом; как ни будь малы твои сообщения, а все будешь ты для меня велик по благоденью. <...> Вы просите стихов из *Бориса Годунова*. Пушкина здесь нет, он поехал в деревню дописывать и увез с собою Трагедию, да к тому же Трагедия его не годится на крошку. Она важная, сочная штука мяса, как говорят поляки, на английский вкус: ее надобно подать на стол целиком. Тут нет французских стихов, выскочек, которые лезут из толпы грудью вперед. Она картина, где все на месте, где краски сливаются в стройных оттенках, и ничего нет отделяющегося. Разве цитовать Вам речи из роли Маржерета, который говорит *que ses bougres ont du poil au cul*. Он же говорит: *quoi?* а русские отвечают ему: *ква, ква, хорошо тебе басурману квакать на нашего законного царя*. Представьте себе Дмитриева при чтении этой Трагедии, Действительного Тайного Советника и Генерал-прокурора Классицизма. Впрочем, надобно ему отдать справедливость: он явил большую терпимость и уступчивость...».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 46—48.

Ноябрь, 23. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Вы мне позволили, почтеннейший Иван Иванович, иногда напоминать вам о себе, и даже отбросить все формы официальных и полуофициальных писем к высокопревосходительствам. Но я доселе не пользовался этим любезным дозволением, по давнишней, закоренелой моей стыдливости в переписке; ждал случая, то есть новых тетрадок Вольтера в микроскопическом издании, наконец дождался трех номеров и отправляю их, говоря себе с какою-то гордостью, которая впрочем не смешнее и не неосновательнее многих других, что теперь в вашей памяти мое имя соединено с именем славного автора.

Велите ли вы мне здесь кончить, или сказать в прибавок несколько слов об моем житье-бытье, об нас, то есть о тех обывателях Петербурга, в которых вы принимаете благосклонное участие? Слава Богу, мы хоть не совсем здоровы, но живы и живем по старому. Северин еще не за морем и не за горами; Полетика сенаторствует и трудится, даже более прежнего, ему поручено ревизовать здешнюю губернию; Дашков, как и прежде, неутомим в работе и ленив на выезды, любит нежно друзей своих и почти никогда с ними не видится; а я спускаю день за днем, исполняя мои неважные и не тяжкие обязанности и думая об другой меланхолическо-приятной, об издании двенадцатого тома истории <«Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина>; часто страдаю, особливо от дурной погоды,

и брожу до усталости, несмотря на погоду; иногда зеваю посреди так называемых веселостей света, иногда сладостно грущу с мыслию о том, которого *мы* никогда не забудем. Между тем, как я уже сказал, время проходит, и если в своих различных движениях душа моя зреет, то оно проходит не даром.

Но пора кончить этот ответ, может быть слишком полный; кажется, однако ж, что он не успел вам наскучить, потому что уместился на одной страничке. Хорошо бы, еслиб было возможно писать все ответы в таком размере.

В заключение дозвольте, по обычаю и по чувству, уверить ваше высокопревосходительство в моем глубоком почтении и преданности. Д. Блудов.

Р. С. Жена моя поручила мне, разумеется по французски, напомнить вам и об ней: сверх того говорит, чего я не смею сказать: как мы все желаем, чтобы вы решились заглянуть в Петербург».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1657–1658.

Ноябрь, 27. Москва.

У Дмитриева кн. Вяземский. Чтение письма Д. И. Блудова от 23 ноября.

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 52 (письмо из Москвы от 28 ноября кн. Вяземского к Жуковскому и А. И. Тургеневу в Дрезден с сообщением о том, что «вчера видел у Дмитриева письмо от Блудова»).

Декабрь, 7. Москва.

Цензурное разрешение, выданное Снегиревым на выпуск журнала «Московский Вестник».

Декабрь, 21. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное К. Сербиновичем на выпуск «Памятника Отечественных Муз. Изданный на 1827 год Борисом Федоровым». Здесь напечатаны в разделе «Стихотворения»:

Карамзин, Николай Михайлович: *Стихи к портрету И. И. Дмитриева* 1. «Министр, Поэт, и друг: я все тремя словами...»; 2. «Он с честью был Министр, со славою Поэт...» (С. 3);

Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич: «*Для сельского памятника. На случай посещения села Рудинок Иваном Ивановичем Дмитриевым, 1826 Сентября 26*» («Страна, внимавшая моей смиренной лире...») (С. 153–154). С подстрочным примеч. сочинителя: «Почтенный гость рассматривал Рудинскую коллекцию картин, статуй и эстампов, обходил сады и сельские заведения, и проведя три дни, столь памятные для хозяина, перед отъездом слушал с лестным для него вниманием сочиненное им похвальное Слово Историографу Российской Империи».

*** [И. И. Дмитриев]: «*Гебры и школьный учитель*». Басня («Светило дня на небе голубом...») – С. 258–260; подпись: ***.

ОА. Т. II. С. 306, 308; *Краснобродько Т. И.* Неизвестная басня И. И. Дмитриева // Новые Безделки. Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 147–150.

1826. Декабрь, 21–23 ... 1827. Январь, 2–4. Париж.

Вышла книга «Русские Предтечи»(?) Эжена де Герля («*Les Veillées Russes, par M. Huguin de Guerle. Paris, 1827*»), представляющая собой сборник переводов в стихах и прозе произведений Жуковского, Батюшкова, Державина, Ломоносова, Дмитриева, Хомякова, Карамзина, Хемницера и Нелединского.

Летопись, 1999. Т. 2. С. 217.

Декабрь, 28. Петербург.

Ценз. разрешение, выданное П. Победоносцевым на выпуск «Литературного Музеума на 1827 год, Владимира Измайлова».

Декабрь, 31. Москва.

На сцене Петровского театра в бенефис актрисы А. И. Лисицыной играется комедия В. И. Головина «Писатели между собой».

Текст комедии издан отдельной книжкой в 1827 г. В б-ке МГУ хранится экземпляр печатного издания комедии с дарственной надписью автора И. И. Дмитриеву (*М. Дмитриев*, 1989. С. 628).

1826.

Веневитинов Д. В. <На И. И. Дмитриева> («Я слышал Камены тебя воспитали...»).

Барсуков Н. П. Погодин. Т. 2. С. 77.

1826. Лондон.

Выходит в свет книга «Poetical Translations from the Russian Language/ By William Henri Saunders... London, 1826». В ней напечатан перевод «Ермака»: «Ermak, by Demetrief» (р. 7–16).

Алексеев, 1982. С. 246.

1826(?). Москва.

Письмо к кн. Вяземскому: «Весьма охотно посылаю вам 6 том Записок и согласен на продержание 5-го, в этом собственная корысть моя. Но я лучше бы хотел, чтобы в Телеграфе пожурили Воейкова: выдает собрание сочинений и переводов в прозе 822 и 23 года, и с ними вместе включает обветшалую прозу Козицкого, и о ней же говорит, что она *обворожает слух, пленяет воображение и убеждает разум*. Эту же честь делает и Гамалее. Зачем же бедный Карамзин потел над ее перековерканьем? Стало, его проза никуда не годится. Преданный вам Дмитриев. Я не очень здоров и весь день дома».

СН. 1898. Кн. 2. С. 156 (№ 48).

Апологи в четверостишиях

<1826> *Равновесие* («Сын Севера! Суров и хладен твой климат...»)

<1826> *Львиное право* («Медведя Лев спросил...»)

<1805> *Полевой Цветок* («Простой Цветочек, дикой...»)

<1805> *Дитя на столе* («Как я велик! – дитя со столика вскричал...»)

<1805> *Разбитая Скрипка* («Скрипица пошлая упала...»)

<1826> *Чужеземное растение* («Что сделалось с тобою ныне?...»)

<1826> *Плоды мудрого правления* («При пятом Льве Медведь за правду лез из кожи...»)

<1826> *Преступления* («Тигр, ужас всех зверей...»)

<1826> *Роза и Шмель* («Прочь, наглый, прочь ты, Шмель!..»)

<1826> *Песнь Лебедя* («Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владетель...»)

<1826> *Порок и Добродетель* («Я царь земной!..»)

<1826> *Скорбь и Фортуна* («Отрады луч блеснул у Скорби на челе...»)

<1826> *Ошибка Чиж* («Чиж, в птичник залетя...»)

<1826> *Жертвенник и Правосудие* («Во храме Жертвенник преступника скрывал...»)

<1826> *Плод* («Садовник сетовал, что долго плод не зреет...»)

<1826> *Еж и Мышь* («Еж говорил, что он из одного презренья...»)

- <1826> *Дерево* («Березка выросла пред домом кривобока...»)
<1826> *Чадолюбивая мать* («Мартышка, с нежностью дитя свое любя...»)
<1824> *Репейник и Фиалка* («Между Репейником и розовым кустом...»)
<1826> *Курица и Утята* («Ты все с утятами...»)
<1826> *Клевета* («Честон был поражен кинжалом...»)
<1826> *Светляк и Змея* («Со светлым червячком встречается Змея...»)
<1826> *Своенравная Лиса* («Свет полон чудачков...»)
<1826> *Змея и Птицелов* («У сетки сторожа добычу...»)
<1826> *Павлин* («Индеек не на вкус пришел павлиний рост...»)
<1826> *Человек, Обезьяна, Червь и Яблоко* («Садовник, яблоко отняв...»)
<1826> *Мартышка и Лиса* («Скажи мне, есть ли зверь...»)
<1826> *Невинность и Живописец* («В Амуре на холсте все жизнью дышало...»)
<1826> *Дух смирения* («Сыны Османовы вопили...»)
<1824> *Орел и Филин* («Орел стремил полет свой к Фебову престолу...»)
<1826> *Магнит и Железо* («Зачем ты льнешь?..»)
<1826> *Утопший убийца* («Убийца, чтоб спастись от строгости судей...»)
<1826> *Мщение Пчелы* («Обиду мстя, Пчела...»)
<1826> *Хлеб и Свечка* («Прочь далеко! близ тебя лежать я не хочу...»)
<1826> *Лев и Волк* («Волк, полуночный тать...»)
<1826> *Мячик* («Несносный жребий мой!..»)
<1826> *Ком земли* («Не амбра ль ты?..»)
<1826> *Черепаша* («Над Черепашою нельзя не прослезиться...»)
<1826> *Две Молитвы* («Средь Храма, ниц челом...»)
<1826> *Каменная Гора и Водяная Капля* («С умом ли, Капля, ты?..»)
<1826> *Богач и Поэт* («Поэт и горд еще!..»)
<1826> *Желание и Страх* («Неугомонное и вздорное Желанье...»)
<1826> *Мыльный Пузырек* («Блестящий тысячью Ирисиных цветов...»)
<1826> *Беспечность Поэта* («Поэт случайно в честь и круг бояр попал...»)
<1826> *Собака и Перепел* («За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом...»)
<1826> *Подснежник* («Что мне зима?..»)
<1826> *Узда и Конь* («С чего Конь пышет, ржет?..»)
<1826> *Прохожий и Пчела* («О Пчелка! меж цветов, прекраснейших для взора...»)
<1826> *Орел и Коршун* («Юпитер Коршуну сказал...»)
<1826> *Два Врача* («Один угрюмый Врач...»)
<1826> *Цвет и Плод* («Цветной горох под суд хозяина попал...»)
<1826> *Садовая Мышь и Кабинетская Крыса* («Ты книги все грызешь...»)
<1826> *Осел и Выжлица* («Скот глупый взял перед!..»)
<1826> *Ниспроверженный Истукан* («Что вижу? Истукан мой в прахе!..»)
<1826> *Челнок без весла* («По ветру, без весла...»)
<1826> *Эпilog. Автор и Критика* («Что вздумалось тебе сухие аполлоги...»)

1827

Январь, 1. Суббота. Москва.

Выходит из печати 1-й № «Московского Вестника», задуманный и осуществленный кружком молодых «москвичей-шеллингианцев»; главными сотрудниками в него вошли: М. П. Погодин (редактор), Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, С. А. Соболевский, И. С. Мальцов.

1-й № «Моск. Вест.» открывается сценой из трагедии «Борис Годунов» (С. 3–10): «1603 год. Ночь. Келья в Чудовом монастыре»; подпись: «Александр Пушкин».

Январь, 2. Воскресенье. Москва.

Записка Дмитриева к М. П. Погодину:

«Покорно благодарю вас, милостивый государь Михаил Петрович, за доставление рукописи с запискою. К дополнению оные прошу вас почтить меня вашим уведомлением о звании по службе, имени и отчестве г. Андросова. Вы, как вторая совесть летописателей, можете сами чувствовать, как эти подробности важны в летописях, а я прибавлю, что для современного товарища министра они даже необходимы.

С искренним моим почтением имею честь быть вашим покорным слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 297.

Январь, 7. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 111–111об. (1-я, старая, пагинация).*

Январь, 10. Понедельник. Ревель.

Е. А. Карамзина пишет в письме к Дмитриеву:

«...Друзья наши одного могут желать мне – успеха в единственном деле моем сего мира, в воспитании детей; да будут они достойны носить то имя, которое отец их украсил своими добродетелями, и потом, совершив свой одинокой путь, да соединюсь в вечности с тем и с теми, которые были и будут столь милы и дороги сердцу моему.

Вот все мои ожидания и надежды в здешней и будущей жизни».

Карамзин, 1866. С. 430 (отрывок).

Январь, 10. Дрезден.

А. И. Тургенев в письме в Москву к кн. Вяземскому просит кланяться И. И. Дмитриеву.

ОА. Т. III. С. 146.

Январь, 14. Пятница. Москва.

Письмо Дмитриева к князю В. Ф. Одоевскому в Петербург:

«Милостивый государь мой Владимир Федорович.

На днях я имел удовольствие получить при рапорте вашего бурмистра села Никольского Абросима Шорина ящик с костромским табаком. Этот знак вашей приязни и памяти обо мне обрадовал меня не меньше альманаков, которыми я по благосклонности ко мне некоторых издателей забавляю скудный остаток вялой жизни.

Примите от меня искреннюю благодарность, а за нею вместе и усердное приветствие с благополучным достижением нового года. Желая вам от всего сердца в продолжении оногo и впредь возможных благ, условных и настоящих, пуще же всего домашнего постоянного счастья.

Прошу вас, наконец, засвидетельствовать милостивой государыне Ольге Степановне душевное мое почтение, с коим навсегда и к вам имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою И. Дмитриев».

Автограф: РНБ ОР. Ф. 539. Ед. хр. № 484, л. 1. Впервые: РС. 1904. Февраль. С. 384.

Январь, 17. Понедельник. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное П. Гаевским. на выпуск «Северных Цветов на 1827 год».

Январь, 21. Петербург.

Д. В. Веневитинов в письме к С. П. Шевыреву замечает: «...Не пугайтесь гонений ни Дм.[итриева], ни Дав.[ыдова] <...> Дм.[итриев] завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть скольконибудь Пушкина. Молодых же людей он никогда не похвалит, всегда видя в них соперников».

ЛН. М., 1934. Т. 16–18. С. 689.

Январь, 31. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 113–113 об. (1-я, старая, пагинация).

1827(?). Январь(?). Москва.

Запись кн. Вяземского на 1-м № «Моск. Тел.» за 1827 год: «Письмо А. И. Тургенева. Дмитриев прозвал Тургенева, Литтературного сводчика, собирателя *маленьким Гриммом*».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 438 (примеч. Н. К. Кульмана).

Экз. номера хранится в РНБ. В этом номере «Моск. Тел.» кн. Вяземским было напечатано «Письмо из Дрездена»; подпись: Э. А. («Золова Арфа» — арзамасское прозвище А. И. Тургенева). Вяземский написал к нему и примечание (1827. Ч. XIII. С. 90–98). О публикации этого «Письма» кн. Вяземский пишет А. И. Тургеневу и Жуковскому в письме от 6 января 1827 г., в котором благодарит А. И. Тургенева за «Письмо, которое уже пошло в дело и с твоего позволения, или без твоего позволения, будет напечатано, разумеется, извлечение и без твоего имени, в 1-м № Телеграфа» (Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 53).

Февраль, 4. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 114 (1-я, старая, пагинация).

Февраль, 19. Суббота. Москва.

На вечере у Н. А. Полевого: И. И. Дмитриев, А. С. Пушкин, кн. Вяземский, А. И. Соболевский, Е. А. Баратынский, С. Д. Полторацкий, А. Мицкевич, Ф. Малевский. Слушали занимательные рассказы И. И. Дмитриева о Державине, Суворове, Потемкине.

Во время беседы, речь зашла о «сне, в котором два солнца», Дмитриев язвительно замечает по этому поводу: «Если бы кончил на бутылке шампанского, ничего не было бы удивительного, что у него бы в глазах двоилось».

Цявловская Т. Г. Пушкин в дневнике Франтишка Малевского // ЛН. Т. 58. 1952. С. 226.

Замечание Дмитриева вызвано прочтением стихотворения «Сон» (Моск. Тел. 1827. Ч. I. № IV. С. 249–250; без подписи <авт.: С. П. Шевырев>):

Гляжу — с заката и с восхода,
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных...

«Если бы кончил на бутылке шампанского, ничего не было бы удивительного, что у него бы в глазах двоилось...» — возможно, Дмитриеву припомнились два последних стиха из четверостишия

«Мысли пьяного астронома»: «...Эй!.. в небе два солнца — не одно! / Вот это мудроно» (Муза. 1796. Ч. 2. Апрель. С. 14). См. также: Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени // Пушкин. Исслед. и матер. Т. I. С. 40, со ссылкой на исследование D Šyžěvskij (Zeitschrift für slavische Philologie. 1955. Bd. XXIII. Heft 2. S. 390).

Февраль, 21. Понедельник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. В. Ф. Одоевскому в Петербург:

«Как я порадован был вашим письмом, почтенный князь Владимир Федорович! Удовольствие мое смущено было только известием о бывшей растройке вашего здоровья; но, слава Богу, что оно пришло в прежний порядок. Наслаждайтесь, любезной князь, домашним щастием, вашей молодостию; посвящайте все минуты ее любви и дружбе, добру и умственным способностям, коими наделила вся благодетельная природа.

Варвара Ивановна не с полною точностию передала вам слова мои: я только желал, чтоб вы поддерживали журнал Полевого вашими сочинениями. Ревнуя искренно по славе нашей литературы, и при том уже на пороге жизни, я не могу быть никакой партии. Напротив того, всем нашим издателям и авторам, поэтам и прозаикам, классикам и романтикам, желаю от всей души наравне: ума, таланта, возможного просвещения, верного вкуса, патриотизма, и, наконец, при доброй совести христианского духа кротости и смирения.

Погодина журнал преимуществует перед Телеграфом в правильности и чистоте языка, но за то Телеграф разнообразнее, свежее, занимательнее и боле похож на европейские журналы. Впрочем я люблю и уважаю обоих издателей.

Вот моя исповедь. Заключаю уверением вас, любезный князь, в сердечном почтении и привязанности, с коими навсегда к вам пребудет, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Позвольте, милостивая государыня княгиня Ольга Степановна, принести вашему сиятельству живейшую благодарность за обязательное ваше приписание. Чувствую в полной мере всю цену этой чести, препоручаю себя в ваше милостивое ко мне благорасположение и покорнейше прошу принять уверение в чувствах совершенного почтения и преданности, которые навсегда к вам сохранит, милостивая государыня, вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

РС. 1904. Февраль. С. 384—385.

Февраль, 25. Москва.

Письмо к Ф. П. Опочинину.

Автограф: РНБ ОР. Ф. 545. Ед. хр. № 11, л. 2.

Март, 3. Четверг. Вильно.

Ценз. разр. на выпуск «Собрания Российских Стихотворений. В пользу юнства, воспитываемого в учебном округе Виленского университета» (Вильно, 1827. Ижд. Фр. Моритца. В тип. Б. Неймана). Среди авторов — И. И. Дмитриев.

Март, 5. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 99 (1-я, старая, пагинация).

Март, 10. Дрезден.

А. И. Тургенев в письме просит кн. Вяземского кланяться И. И. Дмитриеву. ОА. Т. III. С. 150.

Март, 15. Вторник. Петербург.

Кончина Д. В. Веневитинова (род. 14. IX. 1805).

Март, 21. Понедельник. Москва.

В гостях у Дмитриева В. В. Измайлов и А. А. Волков. По отъезде Измайлова и Волкова, к Дмитриеву приехал кн. Вяземский.

Март, 21. Понедельник. Вечером. Москва.

Дмитриев в письме к В. В. Измайлову пишет:

«Почтеннейший Владимир Васильевич!

Скоро по вашем отъезде приехал ко мне Вяземской. Я не вытерпел и показал ему ваши стихи – разумеется, когда уже Волкова не было. Слушая их, он разделял мое удовольствие, но между тем заметил, что лучше бы сказать вместо *новом, прежнем*. Еще остановился на предпоследнем стихе: *Сам прах... парит из гроба*. Он думает, что лучше бы сказать *дух*. Я и сам согласился бы с ним, но, перечитывая после его ваши стихи, одумался, что дух уже не может быть в гробе. Любя и ваш талант, я вменил себе в долг скорее сообщить вам о том: может быть, вы рассудите этот стих переделать, хотя бы то было с ущербом нашего бессмертия.

Всею душою почитающий вас и преданнейший вам

И. Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 431.

Март, 22. Вторник. Москва.

Записка к В. В. Измайлову:

«Благодарю вас, почтеннейший Владимир Васильевич, что вы снисходительно приняли нескромность двух ваших почитателей. Я очень доволен вашей поправкою, и остается мне только желать скорее увидеть их в печати. Обнимает вас преданный вам

И. Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 431.

Март, 25 ... 28. Петербург.

Вышел из печати альманах бар. А. Дельвига «Северные Цветы на 1827 год».

Март, 28. Понедельник. Москва.

Дмитриев в письме к Н. Д. Иванчину-Писареву в Петербург пишет:

«Не знаю, дошла ли до вас печальная весть о кончине, так преждевременной, поэта Вневитинова? Жаль и его и бедной матери. Кн. Зинаида <Волконская> всякий день у ней. Думая об увядшем цветке, невольно вспомним нашу братью, дотлевающих стариков, и стих, кажется, Княжнина на смерть Сумарокова:

Они еще живут, а дарованье в гробе!».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 297.

Март, 28. Понедельник. Москва.

Дмитриев вместе с Пушкиным и кн. Вяземским в Английском клубе. Кн. Вяземский «громко» читает напечатанную в «Северной Пчеле» статью Ф. Булгарина о концерте пианистки М. Шимановской.

РА. 1901. III. С. 27: письмо А. Я. Булгакова к брату в Петербург от 29 марта: «Громко читал статью Булгарина о концерте Вяземский, а Ив. Ив. Дмитриев и Пушкин Александр смеялись, делая критические замечания».

Март, 28. Москва.

Получает из Петербурга часть «ливрезонов» Вольтера.

Вацуро, 1980. С. 431.

Март, до 30. Петербург.

Вышел альманах «Литературный Музеум на 1827 год». Изд.: Владимир Измайлов.

Здесь напечатаны:

Н. Иван.[чин]-Писарев. *При чтении книг под названием: Апологи в четверостишиях* («И годы протекли: но гений вечно – юн!..»);

Н. М. Карамзин. *О Дружбе* <Запись в альбом, в прозе>;

Н. М. Карамзин. Выписка из письма [б. г.] <к И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 г.>;

В. В. И. <змайлову> («Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?..») – С. 317. Без подписи (авт.: И. И. Дмитриев);

И. И. Д. <митриеву>. В ответ на его стихи («О! Как обрадован я был твоим подарком...») – С. 318–319. Авт.: В. Измайлов. В печатном тексте исправлены: ст. 4 – в соответствии с поправкой Вяземского; стих. 9 читается: «Сам кажется, твой друг парит к тебе из гроба»).

Апрель, 3. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

1827(?). Апрель (вскоре после Пасхи). Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Бекетову:

«...Воистинну Воскрес, любезнейший братец, поздравляю и тебя с достижением Великого Праздника. Я давно был бы у тебя, да и сам был нездоров, а одна из лошадей моих с неделю была на руках коновала. К тому же и распутица останавливала.

Сего дня был у меня Иван Петрович <Бекетов> и поехал к Кушникову. Вместо Красного Яичка посылаю тебе, братец, яко любителю художеств и всяких редкостей изделие отпущенника графа Салтыкова да собственного моего изделия штуки <далее следуют тексты семи эпиграмм>:

1

«Нет, Венчикин, журнал набитый только бранью
И вялой всячиной, грех Дамским признавать
Приличнее б его назвать
Кухаркиной Лаханью».

2

Надпись к Портрету NN
«Вот Балдус! рускаго изделия торжество*
О ранге, титулах ни слова;
Довольно знать: он пел Хвостова
А Шаликов ево.»

* «Смотри Литературный Музеум» – примеч. Дмитриева.

3

Встреча у Желтаго дома
«Каков Фиялкин? плох, и всем уж это гласно:
Давно ли прижимал он веник к сердцу страстно?
А ныне всех глушит потоком бранных слов,
И рвется укусить, хотя и нет зубов».

4

Наборщику стихов моих
«Спасибо твоему ремесленник, набору,
И будь же ты воспет Поэтом-стариком:
Мой вялый стих, как я, тащился бы ползком –
Ты бодрость дал ему, и разом поднял в гору.»

<без номера>

Рыцарь нашего Времени
Эпиграмма К. Шаликова на И. Писарева

«Презревший и Лицей и Портик
 Наш Томас – в рыцарях!.. «Поэзия мечты»
 Ах, нет! он дедовской уж подвязал и кортик
 И рыцаря девиз: поклонник суеты».

5

Ответ

«Нещастливый отец беззубой Эпиграммы!
 Тебель язвить Талант? соперник Мотылька!
 Кто сам ты? на словах весь нежность, весь для Дамы
 На деле ж весь в грязи, и весь для кошелька».

6

Чепуха

«Дай в шутку напишу Парнас в Карикатуре
 Смотритеже: вот Хлыстов
 В венке из маковых цветов
 Играет на бандуре.
 А вокруг его сцепясь руками, на дыбках
 С пришитым флюгером в бумажных колпаках
 Варакушкин, Размазов, Скольков
 И Пискарев без дальних толков
 Поют в разлад: Хвала тебе и много лет
 Учитель наш и вожды! для мертвых срама нет *».

* «Ляжем костыми: Мертвы бо срама не имут. Нестор» – примеч. И. И. Дмитриева.

Автограф: *ИРЛИ*. 357. Оп. 2. № 115. Л. 15–16 об.

Апрель, 7. Четверг. Москва.

Дмитриев в «письмеце» к гр. Д. И. Хвостову сообщает, что спешит изъявить «вашему сиятельству чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и подарок шести томов ваших новых и старых стихотворений, которого цену чувствую в полной мере».

РА. 1892. Т. 75. № 7 (июль). С. 100.

Апрель, 7. Москва.

Письмо к Ф. П. Опочинину.

Автограф: *РНБ ОР*. Ф. 545. Ед. хр. № 11, л. 3.

Апрель, не позже 14-го. Москва.

Получает из Петербурга от бар. А. Дельвига альманах «Северные Цветы на 1827 год».

Апрель, 14. Четверг. Москва.

Дмитриев в письме к А. А. Дельвигу в Петербург пишет:

«Милостивый государь барон Антон Антонович. От всего сердца приношу вам чувствительную благодарность мою за подарок ваш *Северными Цветами*. Они столько же свежи и благовонны, как прошлогодние. Остается мне благодарить и природу; допустившую меня еще насладиться цветами сельными и Парнасскими, а вас покорнейше просить о продолжении ко мне вашей приязни и быть уверенным в искреннем к вам почтении, с коим навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Милостивому государю Михаилу Александровичу покорнейше прошу вас за-свидетельствовать мое почтение».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 298.

Май, 7. Лейпциг.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому сообщает:

«В Париже вышли “Les veillées russes”, новый сбор и переводы отрывками из вас всех». Далее в письме он просит кн. Вяземского кланяться И. И. Дмитриеву и передать ему, что он «вспомнил его в жилище Геллерта и гуляя по цветущим садам Лейпцига и его окрестностей».

ОА. Т. III. С. 158, 159

А. И. Тургенев пишет о книге «Les veillées russes» (издатель Hégulin de Guerle). Книга открывается кратким хвалебным очерком истории русской литературы. Среди многочисленных имен русских писателей XVIII — перв. четв. XIX вв. упомянут и И. И. Дмитриев. В разделе переводов и подражаний напечатана басня (в стихах) Дмитриева «Le tzar et les deux bergers, conte qui n'en est pas un, imité de Dnitrieff» (ОА. Т. III. С. 505, примеч. В. И. Саитова). Дмитриев мог узнать об этой книге из отзыва, напечатанного в «Моск. Тел.» (1827. Ч. XIV. № 7. С. 147–149).

Май, в ночь с 19 на 20. Москва.

Отъезд Пушкина в Петербург.

Май, 21. Суббота. Москва.

В 8-й книжке «Моск. Тел.» (1827. Ч. XIV. № 8. Апрель. Отд. второй. С. 157) напечатано без подписи стихотворение «*На кончину ****» <Д. В. Веневитинова> («Природа вновь цветет и роза негой дышит...»). Автор: И. И. Дмитриев.

На с. 317–321 напечатана без подписи (авт. А. Мицкевич) статья о польских переводах «Апологов» И. И. Дмитриева и «Бахчисарайского Фонтана» Пушкина (переводчик: А. Рогальский). Редактор журнала Н. Полевой предварил напечатанную рецензию следующим замечанием: «Не доверяя себе, мы просили людей, более нас сведущих в польском языке, сказать нам: успешно ли исполнено это предприятие? Мнение их как о переводе поэм Пушкина, так и о переводе «Апологов» Дмитриева читатели и увидят помещенными ниже» (С. 311).

Ланда С. С. А. С. Пушкин в печати Польши в 1949–1954 гг. // Пушкин. Исслед. и мат. Т. I. С. 426–427, со ссылкой на исследование S. Fiszman'a «Mickiewicz w Rosji» (Warsawa. 1949. S. 115). Здесь же указание на монографию Ю. Кляйнара «Mickiewicz», в которой приводится вновь найденный автограф этой статьи, написанной «в более доброжелательных тонах» (Т. II. Dzieje Kongrada, część 1. Lublin, 1948. S. 10–11).

В этом же номере журнала по инициативе кн. Вяземского напечатан анонимно отрывок из письма А. И. Тургенева под заглавием: «О Карамзине и молчании о нем литературы нашей». Это был запоздалый отклик кн. Вяземского на смерть Карамзина, та «дань памяти», которой требовал от Вяземского Пушкин (см.: Вацуро, Гиллельсон (1986). С. 85).

Май, 27. Пятница. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное К. Сербиновичем на выпуск «Опыта Руской Анфологии, или Избранных эпиграмм, мадригалов, эпитафий, надписей, апологов и некоторых других мелких стихотворений. Собрано Михаилом Яковлевым. Издано Иваном Слениным» (СПб., 1828). Здесь напечатана эпиграмма-эпиграф «За Эвридикою и в ад Орфей сходил...», ошибочно написанная И. И. Дмитриеву.

См. «1836. Март, 25. Петербург».

Июнь, 6. Понедельник. Остафьево.

Кн. Вяземский сообщает А. И. Тургеневу в письме, что публикация его писем вызвала всеобщее одобрение «Моск.Вест.» И. И. Дмитриева, Пушкина, Плетнева, «которые назвали их истинно европейскими».

ОА. Т. III. С. 161–163.

Июнь, 21. Вторник. Москва.

Письмо к О. Е. Франку:

«Любезный Осип Егорович.

Я не помню с кем я получил *последнюю* посылку ливрезонов Вольтера, а не Руссо, как сказано мною в письме ошибкою; но знаю, что *она* ко мне доставлена марта 28, а после того уже не получал ни одного ливрезола. Всех же теперь у меня 40. Самый последний лист *сорокового* ливрезола начинается: *par les derniers remarques sur les pensées de Pascal*, а оканчивается *par professions de foi* и 1612 страницю. Полная же книга должна состоять из 70 или 75 ливрезонов, почему я и встревожился, получа извещение от Измайлова, что по словам Д. Н. Б.[лудова] посланы ко мне последние ливрезоны, которых я не получил еще и до сего времени. Все эти подробности сообщаю вам на тот конец, чтоб лучше могли справиться, есть ли мне надежда получить последние ливрезоны, или они уже были посланы, да пропали.

Что же касается до худого успеха представления Московского ген.[ерал] губ.[ернатора] о моем племяннике, то остается только пожалеть, что ищут не судью, а коллежского только советника.

Затем свидетельствую вам искреннее мое почтение, с коим навсегда пребуду покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев».

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 115–115 об. (1-я, старая, пагинация). Впервые: Вацуро, 1980. С. 431–432.*

Июль, 6. Среда. Тверь.

А. Е. Измайлов при письме высылает Дмитриеву в Москву «Календарь Муз на 1827 год» (ценз. разр. 21 декабря 1826; ц-р: П. Гаевский):

«Не знаю как оправдаться перед вашим высокопревосходительством в долговременном моем и непростительном молчании. Донесу только вам *по чистой совести*, что пред отъездом моим из Петербурга в Тверь был чрезвычайно расстроен, болен и приехал сюда полубольной. В Твери с приезда хворал два раза и в первые месяцы моего здесь пребывания, не столько волею, сколько неволею, так занялся питейными и другими новыми для меня делами, что едва имел время вести переписку с женою, которая приехала сюда в начале Мая. Накануне ее приезда принял я губернаторскую должность и во все продолжение времени моего губернаторства целые семь недель, — клянусь богами моими: Аполлоном и Бахусом, — не спал покойно ни одной ночи, виделся с семейством моим только во время обеда и сидел почти безвыездно в кабинете, как в тюрьме. И кабинет мой очень походил на тюрьму: маленькая, низенькая; темная со сводами и с голыми стенами комната, оберегаемая при дверях суровым жандармом и угрюмым унтер-офицер. Теперь я поубрал немного свой кабинет и украсил его изображениями известнейших наших литераторов, в числе которых есть и два портрета вашего высокопревосходительства. Наконец, благодарение Небесам, губернатор возвратился в Тверь, и мне полегче теперь. На сих днях думаю отправиться в некоторые уездные города для обозрения питейных домов, винных подвалов и магазинов. Месяца два пройдет в приготовлениях к сдаче откупщика и в заготовлении контрактов с поставщиками вина; в Сентябре месяце опять вступаю в губернаторство, потому что губернатор осмотрел не все еще уезды. Надеюсь, что после всех этих испытаний буду несравненно свободнее прежнего, а может быть — для сюрприза подписчикам на *Благонамеренного* — выдам остальные книжки этого несчастного журнала. Я не имел времени не только дополнить, но даже и переправить *Опыта о разказе Басни*, и потому вышел он точно в том виде, в каком за десять лет пред сим был напечатан. Книжка эта, так сказать и Календарь Муз на 1827 год, отпечатались уже после отъезда моего из Петербурга. Виноват не я, а комиссионер мой и двоюродный брат дворянин Зарайский, Каменев-Любавской, что не доставил вашему высокопревосходительству последней книжки *Календаря Муз*, которая при сем к вам препровождается. Получили ли вы первую часть Сочинений моих в прозе? Если нет, то по получении о сем уведомления, доставлю непременно с первой почтою.

Третьяго дня уехал отсюда И. П. Мятлев, который просил меня засвидетельствовать вашему высокопревосходительству его почтение. Он побранил меня за то, что я так долго не писал к вам, а совесть моя делала мне еще большие упреки. Жалею, что не имею времени описать вашему высокопревосходительству здешнего моего житья-бытья в пиитическом отношении. В заговенье на маслянице, когда я сделался так болен, что не в состоянии был ни писать, ни читать, сочинил я сказку: *Бабушка, и Внучка*, которую напечатал в *Северной Пчеле*. Одна из здешних бабушек, о которой вовсе не думал я, приняла эту сказку на свой счет и наняла какого-то рифмача-семинариста написать на меня пасквиль. Я отвечал и написал, по просьбе всех почти здешних граждан для соблюдения благочиния в церквах, другую сказку: *Дворянка-буянка*. Эти две сказки наделали такого шума в Твери, что многие уездные дворянки-буянки не смеют теперь приехать в Тверь. Сколько подражателей мне нашлось! Семинаристы, подьячие, купцы, мещане начали писать стихами. Точно как бы я привез сюда какую заразу, которая от меня распространилась. При первом удобном случае пришлю к вашему высокопревосходительству новейшие мои Петербургские и Тверские стихотворения, писанные не для печати».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 995–997.

Июль, 21. Четверг. Москва.

Письмо к А. Е. Измайлову в Тверь (не обнаружено).

РА. 1871. № 7–8. Стб. 997.

Июль, 26. Вторник. Москва.

Письмо к кн. В. Ф. Одоевскому.

Автограф: РНБ ОР. Ф. 539. Одоевский В. Ф. II. Ед. хр. № 484, л. 4. Письмо без указания места и года написания. Письмо может быть датировано 1827 г., т. к. вторник 26 июля приходился на 1827 г.

Июль, 31. Михайловское.

Пушкин выставляет эпиграф к первой главе «Арапа Петра Великого»: первые строки шуточного, адресованного В. Л. Пушкину, стихотворения И. И. Дмитриева «Путешествие Н. Н. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия»:

«... Я в Париже
Я начал жить, а не дышать».

Лернер, 1910. С. 159; *Акад.*, VIII (1). С. 501.

Август, 11. Четверг. Тверь.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Не знаю, как благодарить ваше высокопревосходительство за обязательное письмо ваше от 21 ч. минувшего Июля. А я все виноват перед вами, не доставив до сих пор печатных моих *Сочинений в прозе*. Вот причина: мне хотелось доставить к вашему высокопревосходительству экземпляр этой книги на веленовой бумаге; искал, искал веленовых экземпляров в своей библиотеке, или кладовой, и не нашел. Итак решился послать к вам экземпляр на обыкновенной, впрочем довольно хорошей, бумаге, а к брату в Петербург пишу, чтобы он поискал у себя веленовых экземпляров и прислал бы ко мне хоть один для доставления вашему высокопревосходительству. Вторая часть сочинений моих, в которой будут одни только стихи, еще не составлена. Авось с восстановлением откупов удосужусь, пересмотрю и по возможности выправлю свои стишонки, из которых многие еще не были напечатаны и многие писаны не для печати, а для того, чтобы рассмешить приятелей.

Препровождаю при сем к вашему высокопревосходительству несколько таких моих стихотворений. Если не скучно будет вам читать сии безделки, то могу доставить их целую кучу. Извините только, что некоторые из них не хорошо переписаны: переписывала дочь моя, а писцы мои по Казенной Палате заняты теперь перепискою контрактов для винных поставщиков и разных бумаг для откупщиков.

Часто разговариваем мы об вас с почтеннейшею моею соседкою княгинею Ели-с. [аветою] Семен.[овной] Хилковою. Я видел у нее старинный альбом, в котором между прочим нашел ваши стихотворения и Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого. По приказанию ее, осмелился вписать туда и мои стихи, которые пода-ли случай Ю. А. превосходно объяснить свое мнение: он ne juge pas ce qu'on admire. Граф Д. И. Хвостов также прислал для альбома княгини стишки на палевой бумажке. Нынешнее лето не ездил он на Кубру (верно не к добру), а мы было ожидали его в Тверь, — не приехал зверь.

Только и отрады у нас в Твери, что *княгиня-богиня* (так все у нас теперь ее называют), да преосвященный Амвросий, умнейший, ученейший, благороднейший и любезнейший человек.

Ничего печального почти не читаю, кроме сенатских указов и изредка Северной Пчелы. Не читал даже критики на свои басни, напечатанной в *Телеграфе*, хотя этот журнал и получается у нас в клубе. Какой то г. Зефиров прислал мне две книжки *Дамского Журнала*, в которых помещена его антикритика. Виноват, не благодарил еще его за то, что заступился за меня».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 997–999.

Август, 20. Дрезден.

По получении книги Н. Д. Иванчина-Писарева «Дух Карамзина, или избранные мысли и чувствования сего писателя. С прибавлением некоторых обозрений и исторических характеров» (М., 1827. В 2-х частях) А. И. Тургенев пишет кн. Вяземскому:

«Пробежал сегодня акафист Иванчина-Писарева нашему историографу: и за намерение отдать должное спасибо. Но долго ли нам умничать и в словах, и полумыслями? Жаль, что не могу сообщить несколько строк сравнений Карамзина с историей Вальтер Скотта и изъяснение преимуществ пред последним. Они перевесили бы многословие оратора. Но спасибо издателю за золотые строки Карамзина о дружбе, а Ивану Ивановичу <Дмитриеву> — за выдачу письма его. Я как будто слышу его <Карамзина>, вижу его говорящего: “Чтобы чувствовать всю сладость жизни” и прочее...».

ОА. Т. III. С. 164.

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему минуло 67 лет.

Сентябрь, 26. Вторник. Москва.

Именины И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 26. Москва.

Кончина Екатерины Петровны Кушниковой (урожд. Бекетовой), двоюродной сестры И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 27. Среда. Москва.

Дмитриев в письме к В. В. Измайлову в Верею пишет:

«Чувствительно благодарю Вас, любезный и почтеннейший Владимир Васильевич, за дружеское ваше письмо. Я читал его с большим участием, и мысленно радовался, что у меня уже в готовности средства к обеспечению вас на щот Ширяева <А. С.>. Старинный добротой мой, бумажный фабрикант Кузнецов охотно берет-ся быть издателем вашего альманаха, только с тем, чтобы вы дали ему способ заранее отпечатать и выдать его в первый день нового года, впрочем же вероятно он согласится на те же условия, какие были с Ширяевым. И так не худо бы вам хотя на время, но только поскорее побывать сюда, и лично с ним увидеться. Можете взъехать прямо ко мне. Весь мой дом к вашим услугам. Хотел бы поговорить с вами подолее, но истинно недосуг: вчера, в день именин моих, я лишился двою-

родной сестры моей Кушниковой, которая пять дней только возвратилась из Вены. Теперь тороплюсь увидеть несчастного ее мужа.

Обнимает вас преданный вам душой и сердцем И. Дмитриев».

Белаяев. М. Дмитриев. Письмо к В. В. Измайлову // Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пг., 1922. С. 68–69.

Ноябрь, пер. пол. Москва.

В «Дамском Журнале» (Ч. 19. № 21 (ноябрь). С. 103) напечатано четверостишие А. А. Волкова «К Симбирским жителям. По случаю постановления портрета Ивана Ивановича Дмитриева в зале Симбирскаго Благороднаго Соборания» («Нет! он не вам одним, но всем равно безценен...»).

Ноябрь, 27. Воскресенье. Петербург.

Жуковский, по получении из Москвы от В. В. Измайлова альманаха «Литературный Музеум на 1827 год», пишет в ответном письме:

«...Благодарю за помещение в вашем альманахе моей песни о Наполеоне. Если Иван Иванович <Дмитриев> мог найти ее стоящую напечатания, то против этого приговора я не имею апелляции. Он всегда был и будет нашим законом, нашею верхнею инстанцією на Парнассе. Когда увидите его, прошу вас, сказать ему мое душевное почтение. Моя привязанность к нему все такая же, какая была и в поэтическое время жизни, и ничто ни переменить, ни ослабить ее не может. Стихи его о нашем улетевшем ангеле Карамзине прочитал я с чувством благоговения; а отрывок письма Карамзина, был для меня не чтение, а слышимый голос с того света: столь жива в этих строках вся небесная душа его, чистая и здесь, как теперешняя, святая жизнь его в другом мире...».

Жуковский. Соч. Изд. 7-е. Т. 6. СПб. 1878. С. 516.

Декабрь, 11. Понедельник. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Я дожидался новых ливрезонов микроскопического Вольтера, чтобы, отправляя их к вашему высокопревосходительству, иметь случай напомнить вам об себе, *об умирающем*, и оправдаться перед вами в вине долгого молчания. Эта вина, если только вы заметили ее, была совершенно невольная. Я молчал, я может быть и теперь еще должен бы молчать, потому единственно, что не в состоянии говорить порядочно, потому что несколько месяцев сряду не могу ни умереть, ни ожить. До вашего высокопревосходительства вероятно дошел слух, что, при начале нынешней весны, я был у ворот того света, и едва ли возвратился. С тех пор я только перехожу от одной болезни к другой: ужасную жолчную горячку сменила столь-же ужасная и еще более мучительная хирагра в обеих руках; потом ее острые соки бросились в затылок, и доселе я не перестаю страдать; несносные боли в боку, в груди, в хрестце, тошнота почти ежечасная и не редко с рвотою, не дают мне покоя ни на минуту; а что всего хуже, всего нестерпимее, последствием сих страданий есть слабость или лучше сказать изнеможение в такой степени, что я сделался почти вовсе не способен к труду. Часто бываю не в состоянии исполнять самых необходимых обязанностей службы, а от так называемых светских давно и совсем отказался. Одним словом, я разрушаюсь и чувствую, свое разрушение: вяну не только телом, а и умом и духом, всем... кроме сердца, как смею думать...

Этот остаток теплоты сердечной еще иногда пробуждает и поддерживает меня. Благодаря ему, я, хотя медленно, однакож готовлюсь к изданию двенадцатого тома Русской истории; примечания к трем первым главам написаны, пересмотрены, к генварю, как кажется, будут готовы и четвертая глава, и начало пятой, и мы приступим к типографическому делу. Я считаю долгом сообщить о сем вашему высокопревосходительству, как о единственном приятном известии, которое теперь могу сообщить вам о себе. И, говоря с вами, как не думать и не говорить о Карамзине! Драгоценное произведение его последних дней будет лучшим из всех

монументов; однакож я не теряю из вида и мысли, предложенной г-м Писаревым, воздвигнуть ему памятник более материальный. Главное затруднение, вероятно, будет не в деньгах: подписка и другие средства легко доставят нам всю нужную сумму; можно найти и художника с дарованием и чувством, у меня уж и есть один на примете, но где взять место для такого памятника? Если поставить его там, где лежит тело нашего незабвенного друга, то монумент его смешается с другими обыкновенными мавзолеями людей обыкновенных?.. Невское кладбище не Вестминстер, в нем нет особого отделения для памятников славы; и может быть вообще место слишком открытое, публичное, не совсем прилично для статуи человека, коего жизнь была посвящена великим, но уединенным трудам кабинета, и репутация есть, хотя отечественная, но не народная. Памятник Карамзина мне хотелось бы видеть не на могиле его и не на площади, а внутри храма наук, только истинного, достойного сего имени. Я сказал бы в одной из Академий, но боюсь, чтобы, не смотря на грустные воспоминания, вы при этом слове не рассмеялись. Впрочем, о своей последней мысли я еще не сообщал никому; мне прежде всего нужно ваше одобрение.

Здесь слабость и обязанность возвратиться к моим ежедневным занятиям при- нуждают меня кончить; заключаю свое письмо обыкновенными, но тем не менее искренними уверениями в чувствах высокопочитания и живейшей привязанности, с коими я имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства преданнейшим слугою. Д. Блудов».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1659–1661.

Декабрь, 10. Суббота. Москва.

Выходит в свет 23-й номер «Моск. Тел.», в котором напечатана статья «Об альбоме госпожи Шимановской» (1827. Ч. XVIII. № 23. Отд. II. С. 110–121). В статье напечатаны:

Н. М. Карамзин: «Тень и Предмет» («Мы видим щастья тень...») – С. 119;

И. И. Дмитриев: «В альбом Шимановской» («Таланты все в родстве; источник их один...») – С. 120.

Декабрь, 13. Вторник. Петербург.

Е. А. Карамзина в письме к Дмитриеву в Москву пишет:

«...Скажу вам несколько слов об нас. Мы, по обыкновению, мало выезжаем; дома видим несколько приятелей, оставшихся верными воспоминаниям прошедшего, Жуковского, Дашкова, Пушкина и пр.; последний ежедневно у нас: итак не повесничает. Блудова видела я раза три с приезда моего сюда, и то на несколько минут; он очень занят и пользуется особенным вниманием Государя...».

Карамзин, 1866. С. 430 (отрывок), с ошибочной датой «1828». В подлиннике (ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 44, л. 95) дата выставлена: «С. Петербург. 13 декабря 1827» (см.: Измайлов Н. В. Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М., Л., 1960. С. 19).

Декабрь, 20. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 116 (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 24. Пятница. Село Мещерское (Саратовская губ.).

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Вы позволили мне писать к вам, и спешу воспользоваться вашим благосклонным позволением. Начну поздравлением с наступающим годом, а если поздравить не с чем, то по крайней мере искренним желанием, чтобы он был к вам благосклонен, также как и младшие братья его, которых вы дождетесь. Тогда поздравлю вас, а его и их поблагодарю. Как Шаликов, встречаю новый год стихами и повергаю их на ваше рассмотрение; только изготовил я их не для Московских ведомостей, а для будущего журнала Калайдовича, которому обещался и дать чтонибудь на зубок.

Сделайте одолжение, отоплите их ему, а я жительства его не знаю. Когда увидите В. В. Измайлова, потрудитесь сказать ему, что и у него не останусь в долгу и скоро пришло мой оброк. Я думаю здесь на досуге много писать, но едва ли много напишется. Между тем пребывание мое здесь не совершенно бездейственно для журнального мира: хозяин мой читал мне свою антикритику, которую изготовил он для земледельческого журнала, в опровержении замечаний, на его сельское хозяйство написанных. О его ответе можно сказать, что он хорошо удобрен, потому что главным содержанием оно: навоз. Вероятно, когда он будет напечатан, князь Г...<ундоров> чутьем отыщет его и укажет вам в газетной комнате на перлы в нем сокрытые.

Дорогою сделал я еще журнальное открытие: вообразите, что я был в двадцати верстах от *Рузаевки*, деревни поэта Струйского, о которой писал я в Телеграфе. Вдова его и два сына еще живы. Попалась-ли им моя статья? Постараюсь проведать о том; жалею, что не успел по обещанию своему, напечатанному в Телеграфе, поклониться памяти поэта и живописца его; но летом, когда буду опять в здешней стороне, с набожною точностию исполню свой сердечный и журналистический обет.

В моих стихах одно слово кажется мне контрабандным, по изобретательной глупости нашей цензуры. Если *могущество* напугает ее, то нельзя ли будет поставить *торжество*, или другое слово, более невинное и смиренное. Впрочем, убедительно прошу вас переменить что и как угодно в стихах моих, если что в них покажется вам требующим перемены. Здесь хотя и есть домашняя, степная и парная литература; но все немного надеюсь на ее вкус и потому посоветоваться мне не с кем».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1712—1713.

Под журналом Калайдовича Вяземский разумеет «Русский Зритель». В первой книжке этого журнала за 1828 г. было напечатано стихотворение Вяземского «Новый год».

Декабрь, 31. Москва.

У Дмитриева В. Л. Пушкин.

Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 231.

1827 (не ранее). Москва.

Письмо к С. Д. Киселеву.

Автограф: *РГБ ОР. Ф. 129 (Киселевы), К. 16, № 64.*

1827. Москва.

М. А. Коркунов по окончании университетского курса получил медаль за историческое сочинение из рук И. И. Дмитриева, который при этом случае опять повторил Коркунову свой совет: не писать стихов.

Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 318.

1827. Москва.

Дарственная запись на листе форзаца «Стихотворений Евгения Баратынского» (М., 1827): «Его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя».

Книга хранится в б-ке МГУ (см.: Анохина, 1973. С. 95).

1828

Январь, 2. Москва.

Дмитриев «по утру» у В. Л. Пушкина.

*Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 232.***Январь, 2. Москва.**

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в с. Мещерское сообщает:

«Иван Иванович Дмитриев, не желая более быть старшиною в Аглинском клубе, подал письмо об увольнении. Старшины приступили к баллотированию, утверждая, что по уставу знаменитого клуба старшина должен целый год исполнять сию должность или выписаться из числа членов. Иван Иванович прислал свой билет. Восемьдесят человек сделали подписку, в том числе и я, что для Аглинского клуба лестно иметь такого члена, каков Иван Иванович, и что, уволив его от должности старшины, должно ему отослать клубный билет обратно. Сию подписку не уважили. Много было шуму и споров. Старшины решились написать к Дмитриеву и уговорить его остаться старшиною до конца года. Иван Иванович на их предложение не согласился и от клуба Аглинского отказался совершенно...».

*Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 232.***Февраль, 12. Петербург.**В черновом варианте *Предисловия* ко второму изданию «Руслана и Людмилы» Пушкин пишет:

«Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из *увенчанных, первоклассных отечественных писателей*, который, прочитав Руслана и Людмилу сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувств вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот-же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть».

*Акад., IV. С. 248.***Февраль, 15. Среда. Москва.**

Дмитриев высылает больному В. В. Измайлову 4-й номер «Вестника Европы»: «Сообщая вам, почтенный Владимир Васильевич, 4 ном.[ер] Вестовщика <«Вестника Европы»>, нетерпеливо желаю знать о вашем здоровье: прошла ли ваша простуда? Пришлю и книги, как скоро получу от переплетчика.

Преданный вам Дмитриев».

*Вацуро, 1980. С. 432.***Февраль, 17. Пятница. Москва.**

Записка к В. В. Измайлову:

«Не беру на свой счет, почтенный Владимир Васильевич, благотворного действия на ваше здоровье. Скорее уступлю моему сердцу, которое искренно желало вам совершенного выздоровления.

Книги при сем посылаю; надеюсь скоро сообщить и барона. Очень, очень рад вашим добрым вестям. Дай бог вам и еще лучшего, а мне скорейшего с вами свидания.

Преданный вам Дмитриев».

*Вацуро, 1980. С. 432.***Февраль, ок. (не позднее) 18. Харьков.**

Бар. А. Дельвиг в письме сообщает Пушкину, что виделся в Москве с кн. Вяземским и И. И. Дмитриевым, которые представили его «всей низшей братии московской».

Акад., XIV. № 363.

Февраль, 26. Воскресенье. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Я медлил ответом на предпоследнее письмо вашего высокопревосходительства, потому единственно, что мне хотелось прежде исполнить изъявленное в сем письме желание ваше. Оно исполнено, по крайней мере отчасти. Г. Измайлов <Владимир Васильевич> сделан членом Московского цензурного комитета и вероятно, как старший в чине, после переименования г-а Аксакова <Сергея Тимофеевича> в титулярные советники, будет представлен в председатели, ежели только до тех пор этот комитет не изменится в своем образовании и составе. Другого диллетанта цензуры, Курбатова, нельзя было определить: цензорских мест в Москве уже нет, ибо Аксакову, как мне кажется, не быть директором типографии, а сверх того и попечитель, с которым я говорил о г. Курбатове, не соглашается представить его, как мало чиновного, мало служившего, и проч. и проч. Он однако же думает поместить его в тот же цензурный комитет, но не членом, а секретарем.

Страдая ужасно от нового прилива крови к печени, готовясь брать ванну и ставить пиявицы к своему несчастному правому боку, я не в состоянии продолжать и заключаю письмо обыкновенными, но тем не менее искренними, от сердца, уверениями в чувствах высокопочитания и преданности, с коим я имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства, покорнейшим слугою. Д. Блудов».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1661–1662.

Март, 24. Суббота. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Мне все хотелось вместо частного письма составить для вашего высокопревосходительства дипломатическое и подробное донесение о состоянии литературы в Петербурге, о сношениях и отношениях авторов, о новых и замечательных происшествиях по полицейской части грамотного сословия; но за недостатком официальных материалов должен я отказаться от предназначенного предприятия. В таком случае прибегаю просто к поздравлениям с наступающим праздником. За несколько дней мог бы я прибавить – и с наступающею весною; но сегодня весна от нас ретируется по снегу, который валит как будто перед Крещенским праздником и морозами. И так предлог письма моего прямо христианский, а побуждение мое – напомнить вам о себе и о моей постоянной к вам преданности. Жалею, что не могу обогатить письмо свое содержанием более разнообразным и подстрекающим живейшее внимание. Но что же делать? К тому же я здесь не далеко втерся в литературный мир, который впрочем, кажется, сосредоточился в лице Булгарина. Как Людовик XIV-й говаривал: *l'état c'est moi*; так и он может сказать: *la littérature Russe, c'est moi*, или по крайней мере – литература Петербургская. В числе литературно-полицейских происшествий (и по многим отношениям *полицейских*) была у меня с этим Людовиком XIV-м забавная встреча в публичном концерте. Вообразите себе, что он осыпал меня учтивыми приветствиями, клятвами в уважении, в глубочайшем почтении и проч. и проч.; а я должен был выдерживать весь этот залп с христианским долготерпением, чтобы не дать публике сцены Триссотина и Вадиуса <в Мольеровой комедии *Ученые женщины* (*Les femmes savantes*)>. Переходя от приятеля Булгарина к приятелям другого рода, и тут много не наговорись; только с Жуковским и Пушкиным вижусь довольно часто.

Другие так обременены делами, что они вовсе люди, пропадшие для друзей. Дай Бог, по крайней мере, отыскать их нам в современной истории отечества. Здесь говорят о новом уставе ценсурном, который уже подан на рассмотрение в Совет. Кто занят миром с Персией, кто – войною с Турцией, а я все занят ценсурю: в ней мой мир и моя война. Законное право излагать свои мысли есть насущный хлеб образованного поколения. Оно не прихоть, а необходимость, и следовательно в числе коренных условий народного существования. Беда в том, что многие из желудков высшего звания не признают потребности того хлеба насущного и могут голодать в богатырском умерщвлении духовной плоти; а мы люди аппетитные

должны за них изнуряться на тощак. Однакоже настоящая цензура в Петербурге гораздо против прежнего и Московской благонамереннее и благоразумнее. Бог знает – желать ли перемены ее?

Дома, в семействе Карамзиных, провожу лучшие часы своего пребывания. Все еще тут держится старым духом, хотя, увы! и отсутствующим, но не менее того прис-ным сердцу и памяти: часто бывает речь о вас и сожаление, что нет вас с нами. Петербург во многом изменился, но все, кажется, он более по вас, чем наша матушка Москва, хотя я и не променял бы ее на батюшку. С приезда своего знаю о Москве только по *Атенею*, *Дамскому журналу*, *Телеграфу*, *Московскому Вестнику*, *Вестнику Европы* и вижу, судя по этим языкам, что и там все держится старым духом или старою вонью. Эти обвинения журналов на журналистов похожи на пересуды лавочников, которые порочат товар, друг у друга, чтобы отбивать покупателей от соперников. Журналы могут между собою спорить за мнения и принести тяжбу свою на суд публики; но спор в преимуществе одного журнала перед другим решится самою публикою и без ябедничества журналистов. Критика *Атенея* на Пушкина во многом ребячески-забавна. Критик не позволяет сказать: *бокал кипит, безумное страданье, сиянье розовых снегов*. После того должно отказаться от всякой поэтической вольности в слоге и держаться одной голословной и буквальной положительности. Да и можно ли Пушкина школить, как ученика из гимназии? Встречаются и должны встречаться недостатки в каждом произведении; но талант, каков талант Пушкина, и особливо же у нас, должен быть всегда предметом уважения: не раболопного и слепого идолопоклонничества, но еще более, и не насмешливой привязчивости и педантического исправления. Вот еще пища Атенеиной моли! Вчера вышла шестая глава Онегина. Пушкин читал нам несколько глав романа своего в прозе: герой, дед его Аннибал; между действующими лицами рисуется богатырское лице Петра Великого, кажется, верно и живо схваченное, судя, по крайней мере, по первым очеркам. Описание Петербургского бала и обеда в царствование Петра ярко и натурально. Видели ли вы *Дурацкий Колпак* Филимонова? Совсем ему не к лицу. Тут есть стихи живые и поэтические, а как попали они ему в голову и на голову — Бог весть. Получили ли вы новый альманах, кажется, *Северная Муза*, который послан вам издателем, кажется, чрез Плавильщикова?

Ничего порядочного и значительного не мог узнать я о Хвостове, кроме того, что он был болен не на шутку и очнулся, тоже не на шутку, следовательно, и писать будет не на шутку.

25-го. *Газетное дополнение*: Дашков получил Анненскую ленту; Нессельроде – вице-канцлер; Кочубею и Волконскому – брильянтовые знаки св. Андрея; Тутолмину – 1-го Владимира; Долгорукому (придворному) и Нарышкину – табакерки с портретом; Меньщиков – начальник штаба морского; Моллер – морской министр; Мятлева и еще три девицы – Фрейлины; Витгенштейну сто тыс. рублей».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1713–1717.

Под «Северными Музами» кн. Вяземский понимает «Альбом Северных Муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И. <А. И. Ивановским>». Ценз. разр. 31 декабря 1827. Цензор К. С. Сербинович. Фронтиспис: гравированный портрет Н. М. Карамзина.

Март, 25. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 17. Москва.

Дмитриев в письме к В. С. Филимонову в Петербург пишет:

«...Я с большим удовольствием прочитал щастливое произведение Вашей музы <поэму «Дурацкий Колпак»>: оно дышит игривостью, тонкой иронией и прелестью поэзии. Оставьте Горация и пользуйтесь впредь Вашим капиталом. Искренне желаю, чтобы Вы сдержали свое слово и впели еще несколько цветков в Ваш венок, который по скромности Вашей, угодно было Вам назвать Колпаком».

Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1958. Т. LXVI. Вып. 4. С. 68.

Апрель, 18. Среда. Петербург.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу пишет:

«...Я получил на днях забавное письмо от Дмитриева; сообщаю несколько выписок: “Василий Львович уже написал первую книгу поэмы: Капитан Храбров. Мы с Измайловым сделали доброе дело: уговорили его воскресить мать Храброва, которую он уморил было без всякой нужды. Он по доброте своей охотно согласился. Скажу наконец слова и о себе: на днях был у Кокошкина на экзамене Театральных воспитанников; на днях и сам дебютировал в *муху* (игра карточная в моде); Английский Клоб, верно, этому не поверит, или будет тужить, что не узнал меня”.

Я почти согласен с тобою во всем, что в письме к Жихареву говоришь ты о Дмитриеве и о его Клобном падении: но приговор Клоба слишком ареографен, *c'est presque un coup d'état populaire*, и хуже всего, что, кроме глупости и подлости с одной стороны и упрямства с другой, ничего тут не было. Дмитриев пропал без Клоба: тут проводил он три, четыре вечера в неделю, наблюдал карикатуры и искал материалов для своих рассказов...».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 67.

Май, 8. Петербург.

Е. А. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву в Москву сообщает, что собирается «с семейством на прежнее *пепелище* в Китайский домик Царского Села, данный мне по милости любезного, всегда одинако нас любящего Жуковского. Любезный и рассеянный Вяземский тоже скоро нас оставит к большому моему сокрушению...».

Карамзин, 1866. С. 430 (отрывок).

Май, в первых числах. Москва.

Дмитриева посещает А. Е. Измайлов, направляющийся из Твери, через Москву, к новому месту службы вице-губернатором в Архангельск.

РС. 1890. Июль. С. 64.

Май, 21. Понедельник. Вологда.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву в Москву:

«Не в силах изъяснить, душевной благодарности моей вашему высокопревосходительству за оказанное вами мне в Москве гостеприимство, не только в стихах, но и в прозе. Молю Бога, чтобы дал мне случай хотя еще однажды увидеться с вашим высокопревосходительством.

Протившись с вами, поехал я прямо, по совету вашему, к обедне к Троице на Арbate; но тамошний священник не говорил проповеди. Впрочем, по чтению его молитв видно было, что он имеет дар декламации, — дар, к сожалению весьма редкий у нас, пренебрегаемый и необрабатываемый. Обедал я в этот день у известной вам Московской красавицы. Сестра ее принудила меня кой-что прочесть; но, увы, красавица не столько слушала меня, сколько смотрела на своего *адорутёра*. Кстати, знаете ли, ваше высокопревосходительство, как удачно перевел это слово один чистый Русак, покойный купец Кусов? “Барышни! что же вы одне? Где же наши... как называете вы... дыротёры, что ли?”

Заезжал я в Святотроицкую Сергиевскую обитель. Бог знает, что наврали мне тамошние монахи. Например: один уверял меня, будто церковь, где покоятся мощи угодника Сергия, выстроена патриархом Никоном. Видно, что св. отцы не читали ни жизнеописания преп. Сергия, сочиненного Платоном, ни описаний Сергиевской Лавры, которые раздаются всем молещикам.

Квартира в Сергиевском посаде, которую занимал я, украшена портретами царской фамилии, генералов, патриархов и каких-то цариц; также картиною, изображающею нагую Сусанну и двух сластолюбивых судей, да двумя эстампами, представляющими Венеру и Аполлона с Музами. Под последним эстампом на стене написал я:

Ах! ради Феба и Камен,
 Молю прохожих и приезжих
 Не пакостить стихами стен.
 За глупые стихи сечь должно бы на съезжих.

14 Мая 1828. Друг графа Хвостова.

Все стены и двери исписаны глупейшими стихами, разумеется Русскими.

На дороге к Переславлю-Залесскому обратили на себя внимание мое великолепнейшая церковь и красивый дом. — Чей это дом? спрашиваю ямщика. — Да графа Хвостова. (надобно доложить вашему высокопревосходительству, что граф Хвостов убедительно просил меня заехать в его владения, если поеду на прославленный им Переславль-Залесской). — *А где же Кубра?* — *Да уже проехали.* — Ступай к графу Хвостову. — Приехали. Пред домом его большой зеркальный пруд, а на пруде Китайская беседка. Призываю управителя и вхожу в беседку, украшенную эстампами и портретами Русских литераторов. На одной части стены, которую нельзя было закрыть картинами, вижу надпись карандашом: “Здесь был рифмо-плет Воейков, поклонился праху великого поэта и праху его родителей и пил воду из Кубры”. И я вынул карандаш и написал:

Здесь также был
 Хозяина усердный почитатель,
 Забытый Музами издатель;
 Но струй Кубры, увы! не пил.
 Не пил же потому, что очень тороплюсь,
 А праху же родных
 Поэта поклонюсь
 И помолюсь,
 Чтоб жил он доле их.

Послал и за водой сейчас ваш управитель
 Да здравствует почтенный сочинитель,
 Воспета кем Кубра.
 Ура!

По Сеньке шапка, по поэту стихи. Доброе дело, говорят, не остается без награды. За стихи управитель гр. Хвостова напоил меня и сына чаем, человека моего водкой, а лошадей подчивал сеном. Ах! какие сладкогласные лягушки в пруде его сиятельства! Заквакали анапестом, когда вышел я из беседки.

Версты за две от Грязовца сломалась у меня коляска. Еслибы не это несчастье, то не написать бы мне в Грязовце басни: *Кулачные Бойцы*. Вместе с другою прежнею моею баснею: *Собаки на сене* и с *Инструкциею жене моей, Тверской вице-губернаторше*, имею честь препроводить при сем к вашему, высокопревосходительству.

Простите, ваше высокопревосходительство, неуместную, может-быть, мою болтливость: я привык говорить все, что ни придет мне на мысль, с теми людьми, которых искренно люблю и почитаю».

РА. 1871. № 7—8. Стб. 999—1002. О пребывании А. Е. Измайлова в имении гр. Д. И. Хвостова см: *Кубасов И. Александр Ефимович Измайлов. 1779—1831 // РС. 1990. Июль. С. 64—65.*

Июнь, 5. Вторник. Москва.

Письмо к Н. Полевому.

Автограф: *ЛОИИ*. Ф. 238, оп. 2, ед. хр. 272/306. См. «1836. Март, 25».

Июль, 4. Царское Село.

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«...У нас здесь все идет тихо и спокойно; мы ведем жизнь очень уединенную, иногда ездим обедать в Павловское, много гуляем, а я часто езжу верхом, что меня очень забавляет. Братья растут и очень много учатся: теперь они в большом горе, что они еще дети и не могут итти драться с Турками. У них сердца очень горячие

ко славе России, и вы бы улыбнулись, видя с какою патриотическою ревностью и радостью они читают газеты, все от большого до малого, да и приятель ваш, разбойник Владимир...».

Карамзин, 1866. С. 431 (отрывок).

Август, 8. Среда. Москва.

В. Л. Пушкин в письме к кн. Вяземскому в Пензу сообщает, что «Молодые Мещерские <кн. Екатерина Николаевна (урожд. Карамзина) и Мещерский, свадьба которых была 27 апреля 1828 г. в Петербурге> были в Москве. Я с ними виделся у Дмитриева».

Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 233.

Сентябрь, 10. Понедельник. Москва.

День рождения Дмитриева. Ему исполнилось 68 лет.

Сентябрь, 25. Царское Село.

Е. А. Карамзина в письме к Дмитриеву пишет:

«...Скажу вам слово о деле, которое вас всегда интересовать будет: я заказала уже бумагу для печатания 12-го тома Истории для вас так милого и незабвенного Историографа. Я должна ее сама издавать, с помощью приятелей; наши книгопродавцы неохотно брались за это дело. Каково наше просвещение! Каковы чувства!..».

Карамзин, 1866. С. 431 (отрывок).

Сентябрь. Москва.

В «Вестнике Естественных Наук и Медицины, издаваемым Доктором Медицины Александром Иовским» (1828. № 5. Сентябрь. С. 417–428) помещен перевод статьи из сочинений французского писателя Мёрсье (L. Seb. Mercier) «Анатомический Амфитеатр» («Войдем без содрогания в сие святилище ... ~ ... и тогда перестанут течь слезы») (поэтизированное изображение вскрытия человеческого тела). Перевод не подписан, но указан автор соч.: «Из сочинений Мерсье». Переводчик, по свидетельству А. А. Иовского, И. И. Дмитриев.

Письмо А. А. Иовского к кн. П. А. Вяземскому от 26 октября 1837 // Грот, 1902. С. 37.

Октябрь, 12. Пятница. Москва.

Записка к В. В. Измайлову: «Чувствительно благодарю вас, любезнейший Владимир Васильевич, за ваше одолжение; позвольте мне и впредь прибегать к вам в подобном случае. Книги тотчас пришлю, как скоро получу оба тома от двух чтецов. Между тем прошу вас принять от меня, в залог дружеского радушия, астраханский гостинец, теперь лишь только полученный.

С душевным почтением преданнейший вам

И. Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 433.

Октябрь, 15. Москва.

Письмо к С. С. Уварову с благодарностью за присланную книгу.

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. 87 а. Л. 52.

Ноябрь, 4. Воскресенье. Село Малинники, Тверская губерния.

Пушкиным закончена седьмая глава «Евгения Онегина».

Лернер, 1910. С. 180.

Седьмая глава «Евгения Онегина» открывается тройным эпитафием:
«Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?»

Дмитриев.

Как не любить родной Москвы?

Баратынский.

Гоненье на Москву! что значит видеть свет!

Где ж лучше?

Где нас нет.

Грибоедов».

Пушкин процитировал два стиха из стихотворения И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы» («Аонида»). 1797. Кн. 2. С. 25).

Ноябрь, 17. Воскресенье. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Наконец я могу писать к вашему высокопревосходительству, потому что наконец мне удалось, не скажу исполнить, но видеть исполнение желания, которое вы изъявили мне и через Нечаева и в последнем письме вашем. Сегодня окончательно решено, что в Московском цензурном комитете по его новому образованию будет сверх профессоров, не один, а два сторонние цензора, и сими цензорами, с высочайшего утверждения, сделаны г-н Измайлов и Глинка. Слава Богу! теперь их существование, хотя и скудным образом, но кажется обеспечено, и я радуюсь этому от всего сердца может быть не *во первых*, а *во вторых*, потому что вы принимаете участие в судьбе сих бедных и если не хороших, то по крайней мере добрых литераторов. Вам же, имени вашему, они одолжены сим гораздо более, нежели моему содействию.

Сообщив вашему высокопревосходительству сие полуофициальное известие, я останавливаюсь и спрашиваю самого себя, продолжать-ли, сказать-ли чтонибудь о себе? Кажется, должно, ибо я знаю ваше благосклонное внимание ко всему что касается до меня; но с другой стороны, мне как-то совестно, среди общей печали <кончины имп. Марии Феодоровны>, говорить об моем положении, то есть об моем печальном здоровье. Оно по прежнему ни мало не поправляется: напротив, становится час от часу хуже, хилее, особливо с тех пор, как убийственная осенняя погода явилась на нашем горизонте во всех своих видах, стужи, сырости и переменных буйных ветров. Я почти отказался от надежды выздороветь и только стараюсь не упасть духом под бременем телесных страданий и расслабления. Чувство долга, и едва-ли не это одно, иногда еще оживляет меня, и вы без сомнения отгадаете, что, в числе моих обязанностей я считаю дело, порученное мне нашим незабвенным историографом. Оно приходит к концу. Я теперь занимаюсь механической и однакож приятной работой: читаю корректуру XII-го тома его истории и скоро надеюсь, с позволения Катерины Андреевны, доставить вам листы текста, а может быть и примечаний. С каким чувством или с каким смешением разных чувств вы услышите сию настоящую песнь лебедя! Она не обманет ожиданий ваших и всех истинных судей литературы. Талант Карамзина блистает и на последней написанной им странице, и последние черты его кисти так-же верны и живы, как в лучших и счастливейших местах его лучшего, бессмертного сочинения. Ах, как бы мне хотелось вручить вам лично, читать и перечитывать с вами эти завещанные им мне страницы. Не знаю, удастся-ли!

Между тем надобно кончить письмо, повторив еще раз уверения в чувствах высокопочитания и преданности, с коими я имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Д. Блудов».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1663—1665.

Ноябрь(?). Петербург.

Е. А. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву пишет:

«...Вы конечно чувствовали за меня и разделяли со всеми Россиянами горесть ужасной потери, которую мы сделали в И. Марии. Вчерась был день милостей во множестве, которые вы узнаете по газетам. Впрочем здесь тихо и довольно уныло.

Том Истории начал печататься; не нужно вас уверять, что один из первых экземпляров будет вам доставлен».

Карамзин, 1866. С. 431 (отрывок).

Декабрь, 10. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 101* (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 10. Понедельник. Москва.

Подает просьбу о представлении своего племянника М. А. Дмитриева (советника Московской уголовной палаты) на вакансию ее председателя.

Вацуро, 1980. С. 455 (со ссылкой на письмо Дмитриева к О. Е. Франку от 10 декабря 1828 г.: *ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 112* (новая пагинация)).

Декабрь, 18. Вторник. Петербург.

О. М. Сомов в письме (записке) просит К. С. Сербиновича:

«...Оградите знаменем “Бесенка” Баратынского, который, право, добрый малый, несмотря на чертовское свое имя... Да вот еще, статья за Карамзина, В. В. Измайлова, и московский далай-лама <И. И. Дмитриев> действительно требует, чтобы поместить ее в Сев.[ерных] Цв.[етах]».

Вацуро В. Э. К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин. Исслед. и мат. Т. VI. С. 291.

Стих-е «Бесенок» («Слышал я, добрые друзья...») было напечатано в «Северных Цветах на 1829 год» (С. 187–189).

Статья В. В. Измайлова «О новой журнальной критике» в защиту Карамзина в связи с резкой критикой «Истории Гос. Рос.» в «Московском Вестнике» (1828. №№ 19–21) была напечатана в «Северных Цветах на 1829 год» (С. 249–256).

Декабрь, не позже 19-го. Москва.

Получает от А. В. Казадаева из Петербурга при письме (не обнаружено) книгу «Историческое похвальное слово Димитрию Донскому» (С.-Пб. 1827 г.).

Декабрь, 19. Среда. Москва.

Письмо к А. В. Казадаеву в Петербург:

«Милостивый государь Александр Васильевич. Почтенное и обязательное письмо вашего превосходительства с препровождением *Похвального слова Димитрию Донскому* я имел удовольствие получить и спешу изъяснить вам, милостивый государь, чувствительную благодарность за внимание, которым благоволили почтить меня. Сочинение ваше во всех отношениях заслужило бы почетное место во всех отечественных библиотеках, почему и сожалительно, что за малым числом напечатанных экземпляров, не все любители русской словесности будут им пользоваться. По крайней мере я утешаюсь тем, что оно и по достоинству своему, и, как драгоценный памятник вашего ко мне благорасположения, уже поставлено у меня подле вашего перевода творения Фридриха Великого к украшению книжного моего шкафа.

Впрочем, покорнейше прошу вас принять уверения в совершенном почтении и преданности, с коими навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 298.

Декабрь, 25. Вторник. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Спешу изъяснить вашему высокопревосходительству мою искреннюю, сердечную признательность за новый знак вашего благосклонного внимания. Участие, которое вы принимаете во всем что до меня касается, есть одна из немногих и весьма немногих приятностей, моей увядающей жизни, и ваше, осмелюсь ли та сказать, милое поздравление с переменою моего *наименования* в службе, порадо-

вало меня почти столько-же, как самая милость государя <чин тайного советника>. Чувствую вместе с вами, что для оправдания сей милости, для того, чтобы не быть совершенно недостойным, мне было бы нужно по крайней мере возвращение прежних моих сил и здоровья, но кажется, что и здоровье, и с ним все то что могло меня сделать к чему нибудь годным, изменили мне, едвали не на всегда, и я должен, благодаря вас за доброе христианское ваше желание, прибавить, что оно не исполняется. Напротив, я с каждым днем больше страдаю, больше хилею и с некоторого времени смотрю на каждый день, как на последний моего грустного бытия. To be, or not to be, – жить или не жить, спрашивал Гамлет; а я в свою очередь готов иногда спросить: что это? жизнь или не жизнь, когда сердце в состоянии только ныть, способность мыслить как будто цепенеет, а кровь стынет в жилах; когда надобно усилить, чтобы отделить голову от подушки, или протянуть руку к перу или к книге.

Но полно: я без сомнения уже надоел вашему высокопревосходительству своим однообразным, однотонным оханьем. Заклучо мое письмо приятнейшим, то есть желанием, чтобы вы счастливо встретили и проводили приближающийся для нас, а для других уже начавшийся новый год.

Вместе с сим усердным желанием, примите и уверение в известных высокопочитании и преданности, с коими я имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Д. Блудов.

Р. С. Дашков был еще в Яссах 10-го сего месяца, но собирался ехать, и мы ждем его с часу на час».

РА 1866. № 11–12. Стб. 1663–1686; ошибка в нумерации столбцов, должно быть: Стб. 1663–1666.

Декабрь, 27. Четверг. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное К. С. Сербиновичем на выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1829 год».

1828. Петербург.

«Опыт Руской Анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпиграфии, надписи, апологи и некоторые другие мелкие стихотворения. Собрано Михаилом Яковлевым. Издано Иваном Слениным» (СПб., 1828).

Здесь напечатана эпиграмма-эпиграф «За Эвридикою и в ад Орфей сходил...», ошибочно приписанная И. И. Дмитриеву. В «Моск. Тел.» (1828. № 20. Прибавление. С. 537–538) напечатано опровержение И. И. Дмитриева: «Его высокопревосходительство И. И. Дмитриев препоручил нам заметить, что в числе стихотворений, означенных его именем, помещено шесть пьес, совсем ему не принадлежавших. Сии пьесы суть: «Эпиграмма» (стр. 60), «Старшинство» (стр. 69), «Эпиграмма» (стр. 76), «К слезливому стихотворцу» (стр. 109), «Трусость» (стр. 110), «Странность» (стр. 130)».

См. «1836. Март, 25. Петербург».

1829

Январь, 2. Среда. Петербург.

Выходит в свет первый номер журнала «Бабочка», в котором напечатано (С. 4) стихотворение «Русские писатели в 1816 году» (Отрывок из нового стихотворения; подпись: NN), где упоминается И. И. Дмитриев:

«На лаврах Дмитриев отдыхал;
Умолк Державин, бард державный;
Свершал историк подвиг славный,
А юный Пушкин начинал...
Еще нас *Пленник* не пленял
Картиной дикого Кавказа,
Любовью чистой девы гор
И новой прелестью рассказа;
Длиннобородый *Черномор*
Не забавлял волшебной властью,
Восторгам брачным не мешал;
Цыган неистовую страстью
Неверных женщин не пугал...».

Каллаш. С. 37.

Январь, 30. Тегеран.

Убийство А. С. Грибоедова.

Январь, 31. Четверг. Петербург.

Письмо Д. И. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Получив из Франкфурта новый транспорт Вольтеровых сочинений, спешу препроводить его вашему высокопревосходительству. С тех пор, как я отправил к вам предпоследний, кажется в декабре минувшего года, я не переставал страдать и страдать всячески. Изнуряющая меня болезнь не уменьшается, а напротив усиливается с каждым днем, и все ее печальные феномены, физические и моральные, также с каждым днем умножаются, становятся печальнее и тягостнее. Сверх того весь дом мой с некоторого времени обратился в лазарет; жена моя больна, дети также; двое недавно были в величайшей опасности. Все это истощило остаток сил моих, и право я иногда сам удивляюсь, как еще могу жить, то есть волочить жизнь без живости, как мог написать даже и сии немногие и нескладные строки.

Надеюсь, что, по своей обыкновенной снисходительности, вы мне простите эту нескладицу и не перестанете верить чувствам высокопочитания и преданности, с коими я имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Д. Блудов».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1662–1663.

Февраль, 13. Петербург.

Кончина Ю. А. Нелединского-Мелецкого (рожд. 6. IX. 1752).

Февраль, 14. Симбирск.

Кончина брата Сергея Ивановича Дмитриева.

М. Дмитриев, 1998. С. 310.

Февраль, 22. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 103 (1-я, старая, пагинация).*

Март, 14. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 101 (1-я, старая, пагинация).*

Март, 15. Москва.

М. А. Дмитриев по случаю кончины дяди С. И. Дмитриева получает отпуск сроком на три месяца (возвращение – не позже 13 июня; отпуск позже был продлен до 8 июля) и выезжает в Симбирск.

М. Дмитриев, 1998. С. 315.

Март, 26. Петербург.

Разрешение на выпуск из типографии поэмы Пушкина «Полтава» и второго издания первой главы «Евгения Онегина».

Лернер, 1910. С. 185.

Март, 27–28. Петербург.

Выходит в свет поэма «Полтава» и второе издание первой главы «Евгения Онегина». Плетнев высылает Пушкину в Москву десять экземпляров «Полтавы».

Гессен. С. 58; Акад., XIV, № 407.

<1829>. Апрель, 3. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 100–100 об. (1-я, старая, пагинация).*

Апрель, 7. Село Мещерское (Саратовская губ., Сердобский уезд).

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«С самого приезда моего сюда, собирался я воспользоваться благосклонным позволением вашего высокопревосходительства и напомнить вам о себе письмом; но с самого приезда был я отвлекаем от сей приятной обязанности неприятными препятствиями. Как олицетворенная зараза, появлением своим в здешние степи, я обратил наш дом в лазарет. Сперва сам подал пример и занемог; там поочередно почти все домашние мои более или менее пугали меня припадками болезни, и теперь еще нет общего выздоровления. Удаление от скорой помощи, отсутствие доктора, неизвестность, к какому средству прибегнуть, боязнь усилить болезнь вредными пособиями или упустить удобное время для облегчения – тяжко мучат сердце, когда однообразие уединения заменяется беспокойствами и опасениями уединения. При таких неблагоприятных обстоятельствах, я не имел духа писать к вам, хотя и всегда уверен в постоянном и живом сочувствии вашем во всех заботах и радостях моих. Пользуюсь первым роздыхом для исполнения желания сердечного. Я приехал сюда с большими планами для предбудущих занятий, но тоже беспокойствие духа было мне и тут помехою. Вы, может быть, подумаете, что я и в этом случае сваливаю с больной головы на здоровую и что не одне тревоги сердечные, но частью и *малодушие* свойственное нашему поколению Русских литераторов, держит меня на ребяческих помочах и не дает далеко уходить, а кружит около себя, в очерке, обведенном ленью и боязнь труда постоянного и упорного. Может быть, я и не заспорю с вами: ибо по примеру Карамзина уверен, что привычка труда не только не уступает при стечении неприятных обстоятельств, но напротив служит подкрепительную союзницею для сохранения бодрости и спасительного терпения. Но не каждому готова служить эта союзница: надобно уметь ее заслужить, а в этом-то и затруднение. Надобно быть сложения плотного, а мы свойства тщедушного и нервического, как наша эпоха. Мы всегда и везде под влиянием минуты: нет на жизни нашей отражения единства, действия полного и непрерывного. Одним словом, мы – натуры романтической, а не классической: в нас нет запаса на Илиаду, сотканную целым куском; мы вытыкаем поэмы полот-

нищами, в строфах, и то еще с точками, с умолчаниями и белыми промежутками в основе. Я однако же избрал себе если не труд, то по крайней мере работу постоянную: перевожу роман В. Constant, Адольф. Не пугайтесь, этот выбор – не романтическая прихоть. Не знаю, читали ли вы эту книгу, изданную еще в 1814 году, но у нас, кажется, мало известную. Этот роман весь истина. Это исторический курс сердца человеческого, или исследование некоторых его таин. Сделайте одолжение, дайте себе труд поискать в собрании рецензий Дюссо которое у вас есть, упоминается ли о нем. Этого романа вышло, кажется, три издания от 14 до 24 года. Если найдете критику дельную, т. е. обстоятельную, не откажите в одолжении доставить мне ее, или присылкою по почте тома, содержащего оную (который возвращу по следующей же почте), или списком с нее, буде найдется у вас досужий переписчик. Мне совестно набиваться к вам с такими мелочными и скучными просьбами, но я на опыте знаю ваше долготерпение и вашу благотворительность, когда идет дело о книжном и литературном вспомоществовании. Благодарность дает мне смелость. Сюда, только по Северной Пчеле, Московским Ведомостям и Галатее, доходит до меня невнятный гул действий русского литературного мира. Других журналов не вижу, но довольно и этих, чтобы знать, что все еще дерутся. Не понимаю, как Раич мог унизиться до такой степени. Галатея его напоминает мне московских баб, торгующих на перекрестках гнилыми яблоками: тот же товар и те же ругательства. Мне все не верится, что сам Раич – хозяин своего журнала: я ожидал бы от него более благопристойности и по характеру его и по прежним мнениям об общей невежливости наших журналистов. Теперь скорее можно, согласно с ошибкою вашею, принять его за *Раича*, чем за *Раича*. Критики его более отзываются героем поэмы Василия Львовича, чем воспитанником Виргилия и Тасса, образовавшегося в школе Георгик и Освобожденного Иерусалима. Ради Бога, вымойте ему голову порядком и отмойте от N. N. Раич некоторым образом ваш крестник; вы восприяли его из чернильной купели, осенили знаменем академической медали: на вашей душе лежит обязанность ограждать его от Нечистого, а что может быть нечище статей N. N. и Шаховского? Дуньте и плюньте еще раз за Раича! А что делает мой крестник, Телеграф, от которого также я отрекся? Кажется, его что-то крепко жмут; но у Полевого *тройным булатом грудь вооружена*: оттерпитс...

Если я отстал от русской *литературности* (грешно называть ее литературою), и если впрочем можно отстать от того, что не идет, то взамен продовольствую себя французскими пособиями. По милости Ланского читаю Journal des Débats, по счастливой находке получаю от соседа Le Globe и нашел у себя несколько новостей прошлогодних, присланных мне Белизаром из Петербурга. При этом камин, трубка во рту, халат на плечах, разнородные съестные припасы за утренним чаем – и, не будь болезней на свете, я благословлял бы от чистого сердца мое житье-бытье на гостеприимной почве, которою, Божиею милостию, владеет П. А. Кологривов, еще не возвратившейся из своей тяжёлой поездки, угрожающей мне и вам на возвратном пути чтением новых записок à la Beaumarchais.

Я был очень опечален смертью Нелединского и его дочери и сильно поражен ужасным жребием несчастного Грибоедова. Давно ли видел я его в Петербурге блестящим счастливецом, на возвышении государственных удач; давно ли завидовал ему, что он едет посланником в Персию, в край, который для моего воображения имел всегда приманку чудесности восточных сказок, обещал ему навестить его в Тегеране и еще на днях, до получения рокового известия, говорил жене, что, не будь войны на востоке, я нынешним летом съездил бы к нему? Как судьба играет нами и как люто иногда! Я так себе живо представляю пылкого Грибоедова, защищающегося от иступленных убийц, изнемогающего под их ударами. И тут есть что-то похожее на сказочный бред, но бред ужасный и тяготительный. – Со временем хотел бы я написать биографическое известие о Нелединском и с согласия его наследников собрать и издать его стихотворения. Прибегну тогда к содействию вашей памяти: вам, верно, известны некоторые подробности из его жизни. Как мне желается, чтобы вы в дополнение к вашим Запискам написали воспоминания свои о Карамзине, хотя не в полном виде, а в виде материалов биографических. Никто лучше вашего не следовал за всею его жизнью: она вся в вашей памяти и в вашем сердце, и если вы не сохраните ее, то она пропадет без следов; разумеет-

ся, говорю здесь, так сказать, о драматической, действующей части жизни его. У меня лежит на сердце потребность и обязанность принести дань памяти его, но без вашего пособия жизнеописание, начертанное мною или кем бы то ни было, будет без души, без движения. Окажите мне благодеяние и значительную услугу русской словесности. — Отыскали-ли вы кабака, ученую дочь и пьяного отца, о которых нам говорили? Желал бы я знать подробности этого романического похода и жалею, что не мог быть вам товарищем.

Жена моя и все мое семейство свидетельствуют вам душевное почтение. Меньшая дочь наша верна в страсти, которую вы ей внушили: предпочтительно пред другими читает и выучивает наизусть ваши стихи. На днях отыскала она в бумагах моих вашу визитную карточку, вскричала; “ах, душечка мой Дмитриев!” и бросилась ее целовать. Отцу и не годилось бы так обнаруживать слабости дочери своей, но я надеюсь на вашу скромность и не боюсь огласки.

Примите на себя труд передать мой усердный поклон В. В. Измайлову. Не знаете-ли чего о Дашкове? — Если вам угодно будет удостоить и порадовать меня письмом, то напишите его прямо в *Пензу*, с которою ведем почтовые сношения, хотя и находимся в Саратовской губернии».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 602—607.

Апрель, 9. Вторник. Москва.

Дмитриев, получивший, вероятно, одним из первых в Москве в дар от Пушкина только что вышедшую в Петербурге поэму «Полтава», пишет ему благодарственную записку:

«Всем сердцем благодарю вас, милостивый государь Александр Сергеевич, за бесценный для меня ваш подарок. Сей же час начинаю читать, уверенный, что при личном свидании буду благодарить вас еще больше. Обнимает вас преданный Вам Дмитриев».

Акад., XIV, № 409.

1829. <Накануне Пасхи(?)>. Петербург.

Е. А. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву пишет:

«...Мы все, слава Богу, здоровы, собираемся проводить лето в Ревеле, в прекрасном загородном доме на высоком утесе, на берегу моря; с Ц. Селом, кажется, я рассталась, к моему *сердечному* сожалению; там более, нежели где нибудь, есть столько живых воспоминаний, хотя и меланхолических, но для меня драгоценных, как самая сладкая пища души и сердца!».

Карамзин, 1866. С. 432 (отрывок).

Апрель, 14. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 15. Понедельник. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за ваше приятное письмо и новый подарок. Мне уже право и совестно, что вы так ко мне щедры, не по мере заслуг моих. Между тем приветствую вас с наступившим праздником; желаю, чтоб вы встретили и провели его благополучно. Я же при встрече его надел опять лисью шубу; вчера целые сутки кропил дождь, а сегодня по временам перепадал мокрый снег, и мы не видали солнца.

Выжигина еще не успел достать, но, конечно, прочту его. Всякое оригинальное сочинение возбуждает во мне любопытство. Автор его всегда мне нравился легкостью слога и остроумием. Я досадовал иногда на него за Карамзина, а после я примирился с ним за Карамзина же: его первая встреча с ним описана верно и прекрасно. Стан Димитрия Самозванца носит также печать авторского таланта. Читав этот прекрасный отрывок, я как-бы видел перед собою и боярина и боярчинна и усастьев поляков.

Можно поздравить счастливого автора с успехом, у нас необыкновенным, первого издания, а бедный Иван Нарезный умер в неизвестности, и никто, еще и при жизни его, не сказал путного слова о его двух романах — *Бурсаке* и *Двух Иванах*, не менее оригинальных и писанных с талантом, не смотря на черствость слога и отсутствие вкуса.

Впрочем, свидетельствуя вам и милостивой государыне Надежде Аполлоновне искреннее мое почтение, навсегда имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 299.

Апрель, 15. Петербург.

Кн. Е. Н. Мещерская в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«Вы, конечно, порадовались уже новым цветком нашей литературы, достойным цвести и благоухать в передних, в трактирах и в подъячевских библиотеках — Иваном Выжигиным <«Иван Выжигин», роман Ф. Булгарина. С.-Пб. 1829 г.>? ... Куда не приедешь, везде говорят об Иване Выжигине — но редко с похвалой; куда не взглянешь — в гостиных, в дамских кабинетах, везде увидишь Ивана Выжигина даже с разрезанными страницами, занимающего почетное место на столах. Какой патриотизм, но жаль, что невпопад. А в то же время о Полтаве едва упоминают, — и то, чтоб сказать, что она не стоит первых произведений Пушкина».

Бем А. Мелочи о Пушкине // Пушкин и его совр. Вып. XIX—XXX. С. 30.

В приписке к этому письму С. Н. Карамзина добавляет: «...Вы, конечно, видели Александра Пушкина в проезд его через Москву: здесь он был для нас почти невидим. Жуковский, который ныне у нас обедает, свидетельствует вам свое душевное почтение и просит об нем помнить. Он едет завтра в Дерпт, а оттуда в Варшаву с Вел. Князем. Вы уже знаете, может быть, что Дашков сделан Тайным Советником и, говорят, доволен. Жаль, что Молдавская лихорадка не хочет его оставить».

Карамзин, 1866. С. 432.

Апрель, 16. Вторник. Москва.

Первый бал на Святой неделе в Российском Благородном собрании. Среди присутствующих в «Визитерной книге» отмечены: «И. Дмитриев» (№ 81) и «г. Пушкин» (№ 82).

Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 62.

Апрель, 16. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР.* Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 105 (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 22. Москва.

Получает письмо кн. П. А. Вяземского от 7 апреля 1829 г. из с. Мещерского.

Апрель, 22. Понедельник. Москва.

Записка к В. В. Измайлову:

«Хотя и выезжаю, но очень не по себе, почтенный Владимир Васильевич. В четверг располагаюсь весь день быть дома. Очень рад буду, если не откажитесь разделить со мною вечер.

О Кузнецове я не позабыл, но он уже давно болен и не выходит из дома. Однакож пошлю об нем проведать. Сейчас получил письмо от Вяземского, а на днях от Карамзиных. Хочется вам прочитать их. Между тем мысленно обнимает вас преданный вам

Дмитриев.

Р. С. Фельца 4 тома при сем к вам посылаю».

Вацуро, 1980. С. 433.

Апрель, 25. Москва.

В гостях у Дмитриева В. В. Измайлов.

Вацуро, 1980. С. 433.

1829. Апрель(?). Петербург.

С. Н. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«Почтенный Иван Иванович!

Вот 12-й том, который вчера вышел из печати. Маменька спешит отправить к вам 1-й экземпляр после Царских. Вы конечно прочтете его с сердечным умилени-ем. Мне все кажется, пробегая эту книгу, что слышу голос Папеньки, который сам читал нам некоторые места из нее, и это воспоминание несказанно трогательно!

Будьте уверены, что первым попечением моим, по приезде в Ревель, будет отъискивание трех фаворитов ваших, Петра, Карла и Лютера. Я так рада, что вы дали мне комиссию. Прощайте, любезный и почтенный друг наш, спешу кончить, чтобы не опоздать на нынешнюю почту».

Карамзин, 1866. С. 432.

Май, 1. Москва.

Письмо Дмитриева к князю П. А. Вяземскому (ответ на письмо от 7 апреля):

«Любезнейший Князь Петр Андреевич!

Как я обрадован был вашим письмом! После долгого жданья, признаюсь вам, уже начал было досадовать на простоволосых головок <«Простоволосая головка», стих. кн. Вяземского, напеч. в «Северных Цветах на 1829 г.»>. Узнав же теперь причину, обращаюсь к прежней приязни и живейшему в вас участию.

Держась последнего слова, скажу вам, что возвратившийся из П. б. при первом свидании со мною, начал сам говорить мне об вас. После ласковых на щет ваш от-зывов, сказано было, что вы напрасно писали записку вашу слишком откровенно; что и Жуковский того же мнения. Говорил ли он об вас сверху, не знаю; но за-писка дошла, и по всему кажется, что К. вам доброхот и знает вашу цену.

На конец я получил от Кар.[амзиных] первое письмо с прошлого года. Уве-домляют меня о скором отъезде опять в Ревель. С.[офья] Н.[иколаевна Карамзина] прибавляет к тому, что туда же едит какая-то фрейлина Розетти, и будет жить с ними. А я к половине мая собираюсь в отчизну, но не гулять, а горевать вместе с сестрами о скоропостижной кончине младшего и последнего моего брата. Как собственные мои обстоятельства ни привязывали меня к Москве, но долг родства требует от меня, чтоб я переселия их, отдал себя и прочее на произвол милосердного провидения.

Участь Грибоедова действительно может поразить того, кто мыслит и чув-ствует. Как он восхищался ясностью Персидского неба, роскошью Персидской Поэзии! и вот какое нашел там гостеприимство! и какое даже в земляках своих оставил впечатление? Может быть, два, три почтут память его искренним вздо-хом, а десяток скажет, что ему горе не от ума, а от умничанья, а толпа породы Русского Ираклея, сложения, как вы говорите, крепкого, и в первый день печаль-ного известия, и до сих пор гуляла и гуляет в Эриванских шапках и по Кузнецкому мосту и бульварам!

От этой шайки не далеко перескочить и к дурацкому колпаку: хозяин его <Филимонов > уже отправляется в Архангельск губернатором. Вероятно встретит-ся на дороге с *благонамеренным* <А. Е. Измайловым>, и сделает его опекуном своей чадушной *бабочки*. Последнему теперь досужно: он причислен только к Министерству Финансов.

Угождая по привычке постепенности презренного классицизма нечувствительно доползет и до новой Литературности. Кажется она тощает уже и в Альманахах и в Журналах. *Северный Цветы* вялее прежних, и *подснежник* не слишком арома-тен. Я не мог равнодушно читать Шевырева стихов в Альбум какой-то его дамочке, которую уподобляя ее комнате, говорит, что как горнишная метет пол:

Так выметааете и вы
Из кабинета чувств душевных
Пыль впечатлений ежедневных,
И мусор ветреной молвы.

Далее:

...в уборной вашей *мудреноль*...
Дерзнув вступить в нее легколь и пр.

И этот же вдохновенный пискун, вдруг вытараща глаза, говорит другой даме, защитнице классицизма:

да не полюбишь никогда
моих стихов, *облитых кровью*.

Какой? разве из носу, от долгого сиденья за бумагой.

Там же я начитал еще лучше: отрывок из какой-то Драматической Поэмы *Ижорской*:

Вот сказал мне какой-то демон, что бы
Я испытал могущество *кольца*;
В прошедший век, век моего отца
Такое дерзновение *навлекло бы* и пр.

Что это? Проза или поэзия? и после таких гадостей, Карамзина школу называют в одном <не разобр. слово>, напечатанном в Сыне Отечества, временем упадка нашей словесности, а эпоху Полевого, Погодина возрождением Народности, Гениальных умов, и наше юношество обоего пола начинает учиться языку торговки и сапожников.

Но бросим это, и займемся лучше домашним бытом.

Я очень рад, что вы занялись хотя переводом. Ничего не скажу об оригинале. Теперь только начал читать его за один прием с *Иваном Выжигиным*.

При первом слухе о кончине Ю.[рий] А.[лександрович] Н.[елединский-Мелецкий] я сам подумал, согласно с Филип.: что никто лучше вас не написал его биографии. Вы в глазах его росли; много слышались об нем от вашего батюшки, который и в последние часы свои имел отраду видеть от него все доказательство искренней дружбы. Я помню, что Нелединский по целому дню сидел в его алькове, и сам подавал ему приемы лекарства. Телеграф возвестил нам, что лучшие превосходнейшие Нелединского песни: 1. Волга, реченька глубока. 2. На толь, что бы печали. 3. Полно сизонькой кружиться. Напротив того все эти песни едва ли были ему известны; они очень посредственны, и написаны какимнибудь учеником Николева. Настоящие же его, и лучшие песни, сколько я могу вспомнить: 1. Ах тошно мне, на чужой стороне. 2. У кого душевны силы, истопилися тоской. 3. Естлиб ты была на свете, не милее мне всего. 4. Места, тобою украшенны. Вперед скажу вам, что мне известно по его службе, и что я заметил в его характеристике, а теперь даю вам отдых, и заключу тем, о чем всегда мне говорить с вами и грустно и отрадно.

Признаюсь вам, что я и сам желал бы написать, естли не полную биографию незабвенного моего друга, по крайней мере о моих с ним сношениях; по две сряду потери, всегда для меня свежие, и другие потом случаи постепенно разстроивали спокойствие моего духа, а без того мне трудно приняться и за простое письмо. Прибавлю к тому еще и старость лет моих: я сам чувствую, что память моя очевидно слабеет, и с нею на равне и ум теряет живость свою, и выражения его становятся час от часу вялее. И так вам только, любезный мой биограф, принадлежит по всем отношениям оказать Отечеству эту услугу, изобразить в истинном виде того, которого мы оба равно умели знать, оценивать, уважать и любить с нежностью сердечною. Я берусь помогать вам сообщением только того, что вам не известно. Присылайте ко мне ваши запросные пункты, я буду очищать их, присоединяя к ним по временам кой-что и от себя, что может служить дополнением к вашему изложению его характеристики.

Между тем прекращаю беседу мою с вами, может быть слишком длинную, но для меня приятную, свидетельством искреннего к вам почтения и привязанности, с коими до конца дней моих пребуду Вашего Сиятельства, Покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Из Остафьевского архива князей Вяземских // Сп. Кн. 12. М., 1907. С. 330–333.

Май, 1. Москва.

Отъезд Пушкина в Грузию.

Май, не позже 10. Москва.

Получает в дар от барона А. Дельвига только что вышедшие из печати его «Стихотворения» (С.-Пб. 1829 г.).

Май, 10. Москва.

Дмитриев в письме к барону А. А. Дельвигу в Петербург пишет:

«Милостивый государь барон Антон Антонович. Поспеваю изъявить вам чувствительную благодарность мою за ваш милый подарок. Я прочитал с большим удовольствием все ваши стихотворения и порадовался, что вы не принадлежите к упрямым рабам той или другой школы, а заимствуете из обеих все приличное и хорошее. Эклектика и в поэзии столь же мне по сердцу, как и в философии. Бывши никогда издателем *Карманнаго Песенника*, я пожалел только, для чего тогда еще не было ваших прекрасных песен.

Примите вместе с признательностью моей и уверения в отличном почтении, с коим навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 299–300.

Май, после 10. Москва.

Выезжает в Симбирск для раздела наследства, оставшегося после скончавшегося брата С. И. Дмитриева.

Июнь (вероятно, в самом конце месяца). Москва.

Возвращается из поездки в Симбирск.

И. И. Дмитриев выехал из Симбирска в Москву ранее М. А. Дмитриева, который после его отъезда переехал с женой в с. Богородское, где пробыл несколько недель и возвратился в Москву до 15 июля (*М. Дмитриев, 1998. С. 316.*)

Июль, 27. Село Мещерское (Саратовская губ.).

Письмо князя П. А. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Поздравляю вас, ваше высокопревосходительство, с возвращением, надеюсь, благополучным. Хотя причина поездки и была для вас прискорбна, но не менее того вы, вероятно, с некоторой отрадою погостили на родине. Жаль мне, что я не знал в точности, когда вы туда поехали; а то, в кочующем духе своем, легко мог я выехать к вам куда нибудь на дорогу; тем более, что в самое то время рыскал я по степям; был в Сарепте, обедал в *Отраде*, видел следы древнего великолепия прежних помещиков ее, комнату с Фонтаном, птичницу и проч.; искал там следов ваших, но вдохновение иссякло и улетело вместе с Фонтаном и птицами. Там живет теперь Попов, козак с женою, довольно пригожею и тестем-немцем, довольно забавным и радушным для немца.

Узнав от вас, что князь <Д. В. Голицын, московский Генерал-Губернатор> говорил с вами обо мне, я писал к нему; но письмо мое не застало его в Москве. Он тогда был в Петербурге, и не знаю дошло ли оно до него. Сделайте одолжение, при случае постарайтесь о том разведать. До сей поры не имею ни от куда и ни от кого ни приветов, ни ответов. Не понимаю равнодушия такого. Оскорбить человека сто голосов готовы; защитить его нет ни единого. Вот почти год, что удар мне нанесен. Куда не кидаясь, что не делаю – не могу допроситься исследования, не могу узнать, в чем состоит обвинение, постигшее меня. Эта неизвестность отяготительна, тем более, что нет никакого обеспечения от вторичного и сильнейшего удара. С легкой руки графа Т***, пожалуй жди еще новых неприятностей. Удостоверенный многими опытами в лестной приязни вашей ко мне, я смело позволяю себе избирать ваше высокопревосходительство в поверенные и, по возможности, в посредники по моим неприятным обстоятельствам. В вас надеюсь найти всегда внимание, участие и добротство.

Наконец прочел я Выжигина. Что за плоскость! И Полевой имеет дух ставить этот роман наряду с Полтавою и 12-м томом истории Г.[осударства] Р.[оссийского]. Хороши наши литературные судии! Издали в уединении нелепость журналов наших еще поразительнее. В городах, в Москве как-то обживаешься с глупостью, с духотою физической и нравственной; чувства притушают, почерствеют; в атмосфере... <дефект письма> может ли какая ни есть глупость быть в особенности чувствительна? При заголенном лице NN какая неблагопристойность покажется неуместною и дикою? Но здесь, на вольном воздухе, в уединении кабинета, право зажмешь себе нос и закрываешь глаза при чтении журнальных пакостей; а ум от них и сам сжимается. Может ли что быть неприличнее печатной переписки издателей *Телеграфа* и *Галатеи*? Эти господа признают за остроумие отвержение формул вежливости и общежития, узаконенных даже и между простолюдинами. Написав статью *господину такому-то*, они думают, что рассмешили публику, Покойный Львов <Сергей Лаврентьевич, известный краснобай и остряк> рассказывал, что, зашедши однажды в лубочную комедию на маслянице, занял он одно из первых мест в ожидании представления. Подходит к нему полицейский офицер и говорит: “не извольте, ваше превосходительство садиться так близко, может случиться беда”.

– А почему так? – спросил Львов.

“Да, когда паяс очень разшутится, так начнет он плевать в народ”.

Право, можно теперь остерегать порядочных читателей от чтения журналов наших: беда, журналисты через чур расшутились; а *Вестник Европы* в критиках своих настоящий отец Дюшен революции французской: говорит о *романтических сенкюлотах*, о *Робеспьере*; намекает на симпатию с палачем и проч.

Видели ли вы у В. В. Измайлова мою жалобу на Раича? Он совершенный Равич. Читая *Галатею* его, мне все сдается, что он спился. Трезвому невозможно таким образом и так скоро опохлеться.

Не верю я тому, а кажется он пьет.

Позвольте мне, следуя вашему примеру, задать вопрос: не у вас ли Записки кн. Дашковой? Если оне у вас, то прошу оставить их у себя до моего приезда. Не находя их в своих книгах, я что-то стосковался о них. Боюсь, не пропали-ли».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1717–1721.

Август, 26. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 106 (1-я, старая, пагинация).

Сентябрь, 10. Москва.

День рождения Дмитриева. Ему исполнилось 69 лет.

Сентябрь, 12. Москва.

Записка к В. В. Измайлову:

«Я провел праздник мой спокойно, с полною доверенностию к радушному хозяину, следственно и приятно; но мне очень грустно, любезный и почтенный Владимир Васильевич, видеть вас недовольным положением. Ради дружбы, будьте мужественнее и не предавайтесь отчаянию. Природа довольно дала вам сил в душе и рассудке, чтобы противустать фортуне. Всем сердцем обнимает вас преданный вам Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 433.

Сентябрь, 15. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 109 (1-я, старая, пагинация).

Сентябрь, 26. Петербург.

С. Н. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«...Прилагаю здесь *три* портрета, единственные, которые я могла найти в Ревеле: весьма жаль, что они не старинные; мне почти стыдно вам посылать их, но не смейтесь надо мною: других право найти там не возможно; я знала, что вы не таких хотели, но, по крайней мере, они вам покажут, что я помнила ваше приказание.

Для вас я радуюсь и приезду в Москву милого Вяземского, который жестоко обманул наше ожидание видеть его в Ревеле; но судя по своему сердцу, я уверена, что вы будете довольны его возвращением во свояси. Вчерась обедали у нас Жуковский и Полетика: оба поручили мне сказать вам сердечное почтение (я им сказала, что буду писать к вам ныне же); первый все очень занят, умом и душою, своим важным делом, а второй, кажется, не очень доволен тем, что важных дел ему не поручают. Вы, может быть, уже знаете, что Д. В. Дашков получил аренду в четыре тысячи серебром на двенадцать лет. Мы также видели его, но не более получаса; он проводит, как сказывают, дни и часть ночи в работе, и на днях переезжает в дом Министерства Юстиции: не правда ли, что ему очень пристанет быть Министром?..».

Карамзин, 1866. С. 435.

Сентябрь, 28. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург. Просит напомнить книгопродавцу Беллизару о записках Фуше.

ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 108–108 об. (1-я, старая, пагинация). Ссылка на это письмо: Вацура, 1980. С. 451.

Октябрь, 23. Москва.

В «Моск. Вест.» (1829. Ч. IV. С. 169) напечатано уведомление о продолжении издания журнала в 1830 г. и об участии в нем И. И. Дмитриева, Пушкина, Баратынского и др.

Октябрь, 31. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 107 (1-я, старая, пагинация).*

Ноябрь, 2. Москва.

Письмо к П. В. Мятлеву.

Автограф: *РГАДА. Ф. 1271. «Мятлевы». Оп. 1. Ед. хр. 123. Лл. 1–1 об.*

Декабрь, 9. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 110 (1-я, старая, пагинация).*

<1829. Декабрь?>. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 104 (1-я, старая, пагинация).*

<1829?>. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 102 (1-я, старая, пагинация).*

1829. Москва.

В «Моск. Тел.» (1829. Ч. 26. С. 128–129) напечатано стихотворение А. А. Волкова «К И. И. Дмитриеву».

1829. Москва.

Выходит «Новое собрание русских анекдотов или прибавлений к 5-й части русских анекдотов, изданных Серг. Глинкою. М., 1829». Здесь напечатано об отроческих летах И. И. Дмитриева (С. 93–97).

1829. В черновом варианте «*Сапожника*» Пушкин поставил эпиграфом вымышленную цитату, якобы позаимствованную им у И. И. Дмитриева: «Но видно по всему, что он семинарист».

Акад., III (2). С. 750.

1829. Москва.

«Листки Граций, или Собрание стихотворений для альбомов» (М., 1829. Тип. А. Семена): «*В альбом Шимановской*» («Таланты все в родстве...»); «*Стихи в альбом Е. С. О. <гаревой>*» («Поэту ль своего таланта не любить...»).

Недатированные письма и записки к В. В. Измайлову (1820-е гг., Москва).

1. «Почтеннейший Владимир Васильевич. Вы не можете представить, как мне больно было лишиться себя удовольствия с вами видеться, когда вы ко мне приезжали. Соседка моя звала меня на чай, и уже мы сидели за чайным столом; она никак не хотела меня отпустить, и тем более, что думала под сим предлогом иметь честь познакомиться с вами, чего давно желает. Простите меня великодушно и уверьте меня в том на самом деле: я весь день дома и сердечно желал бы провести его с вами, если не будет дождя или какой-нибудь другой роскоши русского неба. Очень, очень одолжили бы тем преданнейшего вам неизменно

И. Дмитриева.

Апреля 30-го».

Вацуро, 1980. С. 434 (№ 36).

2. «Ах! любезнейший и почтенный Владимир Васильевич! Как вы могли подумать, чтобы я когда-нибудь мог измениться в моем к вам расположении. Я давно знаю вас и всегда в вас уверен. Напротив, уважение мое к вам растет день от дня, чем чаще бываю с вами. Сегодня я наверное дома и очень рад, если вы доставите мне удовольствие провести вечер с вами. Преданный вам

Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 434 (№ 37).

3. «С позволения вашего, почтенный Владимир Васильевич, уведомляю вас, что *завтре* с пятого часа пополудни я дома и буду очень рад, если пожалуете ко мне и привезете ваши бумаги. О том возвещено от меня и Николаю Дмитриевичу <Иванчицу-Писареву>.

С нежною приязнью обнимает вас преданный вам
Четверг».

И. Дмитриев.

Вацуро, 1980. С. 434 (№ 38).

4. «Благодарю вас, любезный Владимир Васильевич, за книгу Р. И. Все новые мои книги отданы в переплет. Коль скоро получу их, то не преминую доставить к вам по-прежнему. Между тем от всей души желаю возвращения <?> вашего здоровья и с искренним почтением имею честь быть преданный вам

Дмитриев.

Вторник».

Вацуро, 1980. С. 435 (№ 39).

5. «Завтре с 8 или девятого часа готов принять вас, почтенный Владимир Васильевич, но в половине 10-го уже буду вне дома, а обедать буду за Симоновым монастырем. Дай бог, чтобы предлог вашего посещения не смутил моего спокойствия по участию, которое я в вас принимаю.

Преданный вам

Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 435 (№ 40).

6. «Почтеннейший Владимир Васильевич. Видеть добрых приятелей чем скорее, тем приятнее. Итак, спешу вас уведомить и прошу вас передать Василию Львовичу <Пушкину>, что я рад принять вас обоих и сегодня, если пожелаете в половине седьмого часа или в шесть часов. Будем ловить настоящее, а вперед неизвестно еще, что будет.

Преданнейший вам
Понедельник».

Дмитриев.

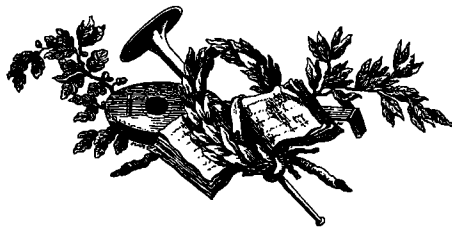
Вацуро, 1980. С. 435 (№ 41).

7. «Почтеннейший Владимир Васильевич. Я сам очень согласен с образом ваших мыслей, изъясненных в вашей записочке. И желал бы о том же поговорить с вами лично, если бы ваш добрый гений внушил в вас сегодня обрадовать беседой вашей, и приятной, и дельной преданнейшего вам от всего сердца

И. Дмитриева.

PS. Вечер прекрасный, и я до самой ночи верный страж моих кресел».

Вацуро, 1980. С. 435 (№ 42).

1830

Январь, 4. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 112–112об.* (1-я, старая, пагинация).

Январь, 18. Суббота. Москва.

Письмо к Н. И. Гнедичу в Петербург:

«Милостивый, государь Николай Иванович!

С живейшим удовольствием принял я от Михаила Николаевича Загоскина драгоценный ваш подарок, истинно для меня драгоценный: и по внутреннему его достоинству, и по уважаемой мною вашей приязни, и по моему патриотизму, гордящемуся всем тем, что служит к славе любезной нашей отчизны.

Итак, почийте отныне на ваших лаврах, почтеннейший классик! наслаждайтесь собственным чувством заслуг своих и благодарностью от тех, которые умеют отдавать им полную справедливость.

Вместе с ними покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять от меня уверения и в совершенном почтении, равно как и преданности, с коими навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 436.

Январь, 22. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 118–118 об.* (1-я, старая, пагинация).

Январь, 25. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 119–119об.* (1-я, старая, пагинация).

Январь ... Февраль. Москва.

Арест и препровождение С. Н. Глинки на Ивановскую гауптвахту, что в Кремле. Москва встретила с негодованием известие об аресте Глинки. В три-четыре дня перебивало у него с визитом человек 300. Одним из первых С. Н. Глинку навестил И. И. Дмитриев.

Киевская Старина. 1888. Т. I. С. 162; М. Дмитриев, 1869. С. 109; М. Дмитриев, 1998. С. 362.

Арест С. Н. Глинки последовал после напечатания в «Деннице» стихотворения С. С. Тепловоy «К ***» («Слезамй горькими, тоскою...») на смерть утопившегося студента, которое было признано «неблагодарным» и было истолковано как стихи, посвященные памяти К. Рылеева (*Щукинский сборник. Вып. 1. М. 1902. С. 297*).

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 25 июня 1830 г. писал: «В *Деннице*, на странице 121-й, найдешь ты стихи девицы, за которые московский Глинка, цензор, просидел неделю на гауптвахте с ценсурным уставом. В самом деле, он говорил: “Не я взят под стражу, а устав” и нес его через улицу в сопровождении полицейского офицера» (*ОА. Т. III. С. 209*).

Февраль, 19. Среда. Москва.

М. П. Погодин пишет С. П. Шевыреву в Рим: «...Телеграф ругает без памяти Пушкина, Баратынского, Дельвига, и И. И. Дмитриева...».

Барсуков, 1882. С. 135.

Март, 4. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 125–125об.* (1-я, старая, пагинация).

Март, 13. Четверг. Москва.

У И. И. Дмитриева в его доме на Спиридоновке обедают Пушкин и С. П. Жихарев. Разговор о Полевом, на которого Дмитриев очень сердит. Желание Пушкина «затащить» Дмитриева в полемику с Полевым.

Акад., XIV. № 450 (письмо Пушкина к Вяземскому от 14 марта 1830 года; в конце этого письма Пушкин просит Вяземского помянуть его «на вечере у Катерины Андреевны <Карамзиной>»); *РЛ*. 1964. № 1. С. 126.

Март, не ранее 18. Москва.

Пушкин в письме к кн. Вяземскому пишет:

«Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив.[ана] Ив.[ановича] Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, надорванный вероятно в присутствии и вероятно сохранный Миллером, как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в Лит.[ературную] Газ.[ету]. <...> Дядя жив, Дмитриев очень мил. <...> Строев написал tables des matieres Истории Карамзина, книгу нам необходимую».

Акад., XIV, № 459.

«Донос Сумарокова...» — «Доношение от Бригадира Александра Сумарокова в Государственную Штатс-Контору», в котором Сумароков протестовал против взыскания с него денег за напечатание в типографии Академии Наук его трагедий. Во взыскании денег Сумароков обвинял Ломоносова: «Он Ломоносов, может быть, принял дерзновение делать таковые на меня нападения от того, что он часто от пьянства сходит с ума, что всему городу известно...». Вяземский воспользовался советом Пушкина и написал статью «О Сумарокове», в которую включил ряд документов о Сумарокове, в том числе и злополучный донос его на Ломоносова. Статья была напечатана в «Литературной газете» (1830. № 28. 16 мая. С. 222—225).

«Tables des matieres» — «Ключ или Алфавитный указатель к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина». П. М. Строев несколько лет к ряду составлял этот, весьма объемный, указатель к «Истории» Карамзина. Труд Строева увидел свет только в 1836 году. Пушкин незамедлительно откликнулся на выход труда Строева: «Издав сии два тома г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые...» («*Современник*»). 1836. Т. IV. С. 306).

Март, 29. Москва.

М. П. Погодин пишет С. П. Шевыреву в Рим:

«...Телеграф, остервенелый и застрахованный, кажется пишет пародии на него <Пушкина>, Баратынского, И. И. Дмитриева, Дельвига, Языкова, Вяземского, — почти напрямки».

РА. 1882. Кн. III. С. 135, 162.

Апрель, 3. Четверг. Москва.

Кончина Владимира Васильевича Измайлова (род. 5 мая 1773).

Апрель, 6. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 7. Понедельник. Москва.**

Дмитриев присутствует на погребении В. В. Измайлова.

См. ниже письмо к Н. Д. Иванчину-Писареву от 20 апреля 1830.

Апрель, 11. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 120—120об. (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 14. Петербург.

С. Н. Карамзина в письме к Дмитриеву пишет:

«...Мы часто видим Жуковского, который имеет привычку у меня спрашивать: “Давно ли вы писали к Ивану Ивановичу? не забудьте, что всегда должны от меня кланяться сердечно!” Я повинуюсь, кажется, всегда, и ручаюсь за его частое воспоминание...».

Карамзин, 1866. С. 434 (отрывок).

Апрель, 20. Воскресенье. Москва.

Письмо к Н. Д. Иванчину-Писареву в Петербург:

«...Благодарю вас за приветствие меня с светлым праздником. Он для меня не светел: на другой день оно я был на погребении умного, доброго, но несчастного Владимира Васильевича Измайлова. Мне очень жаль его. Теперь остается умереть мне и еще немногим остальным крохам поколения, уже отпетого новыми журналами...».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 300 (отрывок).

Апрель, 26. Суббота. Москва.

Дмитриев на именинах у Жихарева.

Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 238.

В этот-же день на именинах у В. Л. Пушкина были все его родные; утром приезжал его поздравить А. С. Пушкин (*Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 238: письмо В. Л. Пушкина к кн. Вяземскому в Петербург от 27 апреля 1830 г.*).

Май, 3. Суббота. Москва.

В «Моск. Вест.» (Ч. II. № 8. С. 383–399) напечатана статья М. П. Погодина «Взгляд на кабинеты журналов и политические отношения между собой», в которой он упрекает «Моск. Тел.», «кидающийся... на достойных писателей, которыми гордится словесность наша», – на И. И. Дмитриева, Пушкина, Баратынского и других, – но «не печатает указатель Строева к «Истории Государства Российского» Карамзина».

Май, 22. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 121–121об.* (1-я, старая, пагинация). При письме – прошения гр. Потемкина от 19 мая 1830 г. о назначении попечителем по его делам и имению надворного советника Ивана Булгакова (Л. 122–123).

Июнь, 2. Париж.

А. И. Тургенев, по прочтении «красноречивой и полной мыслей» статьи И. В. Киреевского «Обзорение русской словесности за 1829 год», в которой Н. И. Новиков изображен человеком, создавшим в России «любовь к наукам и охоту к чтению», в письме к кн. Вяземскому пишет:

«...Переспросите у Дмитриева, как хаживали поэты и литераторы-переводчики к Новикову и получали не одно одобрение. Впоследствии дарил несчастных он чем только мог – слезою. Я видел его в нищете, видел его прежде, при выпуске из крепости Павлом, в бороде. Россия или ее словесные представители не должны забывать этой бороды...».

ОА. Т. III. С. 202.

Июнь, 17. Вторник. Петербург.

Кн. Вяземский передает с отъезжающим в Москву М. Д. Деларю письмо к И. И. Дмитриеву:

«Нас было порадовали надеждою увидеть здесь ваше высокопревосходительство. Кто-то писал из Москвы, что вы готовите дорожную карету и собираетесь

прогуляться в Ригу и Ревель; но ваш петербургский корреспондент Франк сказывал мне, что в последнем письме своем вы ни слова не упоминаете об отъезде. И так надежде нашей, кажется, не сбыться.

Как надежды, так и заключения часто обманчивы. Зная ваше благосклонно-сатирическое мнение обо мне, я уверен, что если и прихожу вам иногда на память, то не иначе как в вихре вечного движения, увлеченный волною бала, спектакля или обеда – теперь в Малой Морской, через час на Петергофской дороге, а через два – на Черной речке. Ах! Вашими устами бы мед пить, или вашими догадками бы веселиться! Но дело совсем не так, как вы полагаете. Я – домосед; вот уже две недели, как не выхожу из комнаты: правда, для пояснения вам загадки, слишком для вас мудреной, прибавить должен я: и едва хожу по комнате. Меня вывалили из дрожек или правильнее – повалили с дрожками на Каменноостровском мосту и зашибли больно левую ногу. Опасности не было и нет, но была, есть и будет еще, – не знаю на долго ли, – скука одиночества и заточения: довольно и того для моих кочующих обычаев. – Я виноват перед вами, писал к вам только однажды, в письме Карамзиных; но в письмах к жене моей часто были обращения к вам, и я поручал ей сообщать в. в. п-ву все то, что до меня касалось и делалось со мною любопытного. Все, что могу прибавить к тому, есть то, что числюсь в службе, но не скажу еще, что служу, хотя исправляю некоторую должность, а именно производителя дел в Коммерческом Совете. Но тут и занятий мало, и средств выказаться еще менее... Эта служба в роде службы П-ва в Обществе Любителей Русской Словесности, с тою разницею, что мои члены умнее его членов... Надеюсь со временем выкарабкаться из тины и выплыть на свежую воду. Бенкендорф мне именно сказывал, что государево желание есть занять меня службою деятельною и видною. Мне обещано, что Государь, по возвращении своем, призовет меня к себе. Таким образом я жду и не лезу вперед, чтобы не показаться слишком нетерпеливым и неумеренным. Кажется, министр расположен ко мне хорошо, внимателен; не смотря на свою холодную сухость; но сблизиться с ним трудно, а в особенности мне. При всем истинно-государственном уме своем, просвещенном и открытом, он имеет и слабости тесного самолюбия: одна из них – уверенность, что никто лучше его, никто кроме его не умеет писать по русски; что язык и слог Карамзина не свойственны духу Русского народа. В этом отношении, назначение мое, по воле Государя, в министерство его было ему несколько не приятно: он видел во мне русского литератора, которого налагают ему для русской редакции, как будто вследствие неодобрения бумаг, у него писанных. Мне сказывали о том люди ему приближенные, и сам он повторял мне, что пишет все обыкновенно сам, говоря, что никогда другому нельзя передавать верно чужие мысли, а поправлять чужую редакцию труднее, чем составить ее самому. Поэтому я определен именно в такое министерство, в котором у меня руки связаны и буду действовать вопреки способностям своим. Впрочем, творю волю не мою, а волю посланного мя. – Между тем, дела не делай, а от дела не бегай. Служба меня не занимает действительно, а отрицательно, т. е. мешает заниматься литературою. Несколько часов утра, проведенных ежедневно в департаменте, наводит на весь день какую-то тупость в понятиях и охлаждение к умственной деятельности. Со временем, может быть, и тут будет благоприятный перелом, и ум приучится действовать на обе руки.

Податель письма сего – Михаил Данилович Деларю, наш молодой поэт и едва ли не родственник, или не свойственник ваш, по крайней мере ваш соволожанин. Он вам будет живая грамота о действиях и бездействии нашего литературного мира. Спросите у него собрание эпитафий ко всем русским журналам, приисканных из комедии *Gore от ума*. Есть между ними довольно забавные, и этот документ годится в вашу литературную кунсткамеру. Вообразите, что на днях объявляют мне о приезде графа Хвостова, у которого я от роду не бывал. Я был один и испугался tête à tête: велел извиниться, ссылаясь на доктора, который перевязывал мне ногу. При третьем я принял бы его непременно. Он приезжал осведомляться о моем здоровье. Делать нечего: как выздоровлю, надобно будет съездить к нему. Старик Тесье написал в Москве книгу: *Les délices de la convalescence*, а мне предстоят *les tribulations de la convalescence*. – Пожалев о смерти доброго Измайлова, подумал я и о вашей грусти. Вы любили его и имели в нем собеседника, с

которым можно было вам меняться не одними словами, а и мыслями. Закажите, по данному вами плану, некрологическую статью о нем Иванчину-Писареву и подарите ею Литературную Газету. Измайлов оставил по себе честную память, которую надобно сберечь. Нет ли у вас писем его, удобных быть напечатанными и приложенными к некрологии его? При нынешнем упадке нравственном нашего литтералитета, должно выставлять в пример и в пристыжение имена литераторов честных, добросовестных и чистых. Покойник принадлежал к сему числу; из тво-рений его, может быть, и немногому научишься, но из жизни его научишься уважать занятия литературные и облагораживать свои способности.

Карамзины – в Ревеле; они здоровы, но жалуются на лето, которое и здесь достойно жалобы и жалости. В воздухе просто осенняя свежесть и суровость. Как московское лето обходится с вашим садом, мягче и вежливее ли петербургского с дачами, в которых зябнут и мкнут? – Дашкова, возмужавшего или омужавшего, я еще не видал, Любовь и юстиция отбили его от старых приятелей: если он и сохранил к ним дружбу, то совершенно платоническую. С тех пор что я болен, я его вовсе не видал, а и прежде виделся с ним только, когда зайду к нему попросить его о какомнибудь деле. Предположение в дружбе с министром навязывает всегда на шею искателей и просителей, требующих вашего посредничества. Я отказывать не умею и не люблю; берусь быть проводником, а не пружиною, и следовательно за действие не отвечаю. Дашков говорил мне прежде о желании отпроситься в отпуск недель на шесть, чтобы повезти молодую свою к матушке его. Вероятно, вы увидите его в Москве нынешним летом. – Я и сам надеюсь побывать у вас в гостях в конце июля. – Жуковский теперь в Царском Селе с Наследником. Он все тот же, добр, чист, благодушен, как истинный ученик Карамзина; но для дружбы также потерял, т. е. для друзей. Решительно весь день его посвящен учению внутреннему или внешнему: он или учится, или учит. Дай Бог трудам его иметь успех и дать ему России если не поэму, то Героя поэмы для будущих поэтов Русских. – Государя ожидают сюда к 24-му, а вслед за ним Петергофский праздник и обнародование, столь давно обещанное, новых постановлений и преобразований государственных и гражданских. –

Примите и пр.

Р. С. Дашков легок на помине и совесть у него чуткая: он как нарочно был у меня сегодня и опровергнул мои обвинения».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 608–612.

Об отпуске Дашкова см. «Записки А. М. Грибовского»: «17 <июня 1830>. От А. Вас. Казадаева узнал, что правящий должность министра юстиции Дашков до 1-го Октября в отпуск уволен, а на его место будет Д. Н. Блудов...» (РА. 1899. Кн. 1. С. 102).

Июнь, 26. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 126–126 об. (1-я, старая, пагинация).

Июнь, 30. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 127 (1-я, старая, пагинация).

Июль, 22. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Искренно благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, что вы, наконец, порадовали меня письмом вашим. Слава Богу, что падение ваше не имело худших последствий. Теперь остается желать, чтоб вы скорее совершенно поправились в вашем здоровье и о случившемся забыли.

Новый дормез мой или второй ковчег, в котором, кроме животных, найдется все нужное от паришного болвана и аптечки до маленькой библиотеки, уже стоит в моем сарае, и я уже стал-было задумывать о моем путешествии чрез Петербург в Ревель и Ригу, как дошел до [меня сл]ух о сборах Катерины Андреевны за грани-

цу, ...х к нам в Москву, и этот слух привел [меня] в недоумение. Теперь от вас буду ждать разрешения.

Иванчин-Писарев в деревне: я послал к нему выписку из вашего письма; но для чего бы вам самим не заняться некрологией Измайлова и не почтить этим прах истинно благородного писателя. Тут бы вам был случай поговорить и об нынешнем ходе нашей словесности и ее представителях Полевом и Ушакове, и об их стремяном Сергее Глинке. Эта борзая тройка, действительно, по словам первого, далеко ушла от Ломоносова с Карамзиным и мчится прямо в даль безумных. Тут вы мимоходом могли бы сказать, что большая часть нынешних авторов, за устарением языка и слога Карамзина, начали *прислушиваться* к языку застольной и лабазов etc. etc. Полюбопытствуйте прочитать или заглянуть в 22 книжку *Телеграфа*. Это совершенно произведение каникул. Но полно об этом. Скажите мне, виделись ли вы с Д. Н. Блудовым, ежели так, то напомните ему о ливрезонах Вольтера. Прошу вас также сказать мой поклон Д. В. Дашкову и В. А. Жуковскому.

Наконец, прошу вас пуце всего, пр[одолжить] ко мне ваше благоприятство и быть [уверен]ным в совершенном моем почтении и привязанности, с коими навсегда к вам пребудет вашего сиятельства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 159–160 (№ 52).

Июль, 23. Москва.

Письмо к кн. В. Ф. Вяземской.

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3297.

Июль, 26. Москва.

Кончина А. Ф. Мерзлякова (род. 17. III. 1778).

Июль, 29. Москва (Сокольники).

Присутствует на погребении А. Ф. Мерзлякова.

Август, 8. Пятница. Москва.

Письмо к Н. Д. Иванчину-Писареву в Петербург:

«Мы лишились Мерзлякова. Я был у него на погребении в Сокольниках. Прекрасное утро; сельские виды; повсюду зелень; скромный домик, откуда несли его в церковь; присутствие двух архиереев, трех кавалеров с звездами (из коих два были – Кудрявцев и Бантыш-Каменский, один товарищ покойника в студентах, другой ученик его) и подле гроба на подушке один только крестик, – все как-то сказывало, что погребают поэта!..».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 300.

Август, 14. Четверг. Москва.

Приезд Пушкина и кн. Вяземского из Петербурга.

Август, 18. Москва.

Свидание Пушкина с тяжело больным дядей Василием Львовичем Пушкиным.

Лернер, 1910. С. 218.

Август, 20. Среда. Москва.

Кончина Василия Львовича Пушкина (род. 27.IV.1767).

Лернер, 1910. С. 218.

О переписке И. И. Дмитриева и В. Л. Пушкина: в РГАЛИ (Ф. 1142. Оп. 2. Ед. хр. 5) хранится недатированное письмо И. И. Дмитриева к В. Л. Пушкину.

Август, 22. Москва.

Дмитриев получает приглашительный билет на похороны В. Л. Пушкина: «Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием

извещают о кончине дяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего августа 20-го дня в 2 часа по-полудни, и покорнейше просят пожаловать на вынос и отпевание тела сего августа 23-го дня, в приходе св. великомученика Никиты, что в Старой Басманной, в 9 часов утра, а погребение будет в Донском монастыре».

Майков Л. Пушкин. С. 80–81 (текст приглашительного билета).

В своих воспоминаниях о Пушкине М. Н. Макаров, говоря о смерти и похоронах В. Л. Пушкина, рассказывает, что «И. И. Дмитриев, подозревая причиной кончины Василия Львовича холеру, не входил в те комнаты, где отпевали покойника» (*Современник*. 1843. Т. XXIX. С. 384).

Август, 23. Москва.

На погребении В. Л. Пушкина «были депутации всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев, Лже-Дмитриев <М. А. Дмитриев>, Снегирев. Никиты мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно».

Вяземский, 1878–1896. Т. XI. С. 138. См. также письмо Н. М. Языков к брату А. М. Языкову от 28 августа 1830 г.: «...Все литераторы, находящиеся в Москве, провожали тело его в Донской монастырь, и на сих то проводах Погодин, растроганный и умиленный очень приличною мыслью о бренности земных человеков, простер Полевому руку примирения — последствия еще не известны» (*ИВ*. 1883. Декабрь. № XIV. С. 530).

Август, 31. Москва.

Отъезд Пушкина в нижегородское имение — село Болдино.

Лернер, 1910. С. 219. См. письмо Пушкин к Плетневу в Петербург от 31 августа 1830 г.: «...Сей час еду в Нижний, т. е. в Лукиянов, в село Болдино. <...> Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает — а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда...» (*Акад.*, XIV, № 519).

Сентябрь, 10. Среда. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 70 лет.

Сентябрь, 14. Болдино.

Пушкин. «*Станционный смотритель*»: «Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева».

Акад., VIII (1). С. 105.

Под «прекрасной балладой Дмитриева» Пушкин разумеет стихотворение И. И. Дмитриева «Карикатура» и пересказывает строки из нее:

«...Терентьич! где хозяйка» Помещик спросил.
 «Охти, охти, боярин!»
 Ответствовал старик:
 «Охти!» — и, скорчась, слезы
 Утер своей полкой».

В черновиках Пушкина сохранилось три редакции текста:

- а) «...которые живописно отирал он своею полкою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева»;
- б) «...которые отирал он полкою подобно Терентьичу в прекрасной балладе Дмитриева»;
- в) «...которые отирал он живописно своею полкою подобно усердному Терентьичу в прекрасной балладе И. И. Дмитриева».

Акад., VIII (2). С. 657.

Сентябрь, 17–18. Москва.

Появление в городе холеры.

Сентябрь, 18. Болдино.

Пушкин заканчивает восьмую главу «Евгения Онегина», принятую называть «Путешествие Онегина».

Лернер, 1910. С. 220.

В X-й строфе «Путешествия Онегина» Пушкин цитирует строки из стихотворения Дмитриева «К Волге» (1794):

«Тоска! Евг.<ений> ждет погоды
Уж Волга рек озер краса
Его зовет на пышны воды...»

Сентябрь, 18. Москва.

Ценз. разр., выданное С. Аксаковым, на выпуск альманаха «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов» ([Ч. 1–4]. М., тип. Н. Степанова. 1831). В первой части напечатано стихотворение Дмитриева «Амур и Дружба» («Сестрица, душенька! – Здорово, братец мой...»).

Сентябрь, 25. Болдино. 3 часа с четвертью по полудни.

Пушкин завершил работу над девятой главой «Евгения Онегина» (в белой рукописи – «глава осьмая»), над которой он начал работать еще 24 декабря 1829 г.

Лернер, 1910. С. 221.

В V строфе «осьмой главы» Пушкин обозначил круг своих литературных учителей «и крестных отцов своей музыки»: Державин, Дмитриев, Карамзин («быта русского хранитель»), Жуковский («идол девственных сердец»):

«И свет ее с улыбкой встретил
Успех нас первый окрылил
Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя благословил
И Дмитрев не был наш хулитель
И быта русского хранитель
Скрижаль оставя, нам внимал
И Музу робкую ласкал –
И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастьем увлеченный
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал».

Сентябрь, 28. Петербург.

Отъезд имп. Николая I в Москву «для распоряжений о пресечении холеры».

РА. 1899. Кн. 1. С. 106.

Сентябрь, не ранее 28-го. Петербург.

Е. А. Карамзина пишет в письме к И. И. Дмитриеву в Москву:

«Существенностью самую приятною для нас было бы ваше прибытие в С. Петербург хотя на несколько времени; оно бы доставило мне одно из живейших удовольствий для моего сердца. Но, увы! Теперь не время делать планы, пока Бог не умилостивится и не истребит сию губительную болезнь, которая, кажется, преследует всю Россию. Моля Всевышнего о всех, сердце более трепещет о некоторых; да сохранит Бог вас и нас от сего зла: к вам поехал великодушный утешитель, наш бесстрашный Государь; его присутствие верно ободрит и утешит бедную Москву. – Мы все, слава Богу, запаслись здоровьем в Ревеле, старые, молодые и дети. Жаль было бы принести это цветущее здоровье на жертву Холере-Морбус...».

Карамзин, 1866. С. 435.

Октябрь, 8. Москва.

Отъезд имп. Николая I в Петербург.

РА. 1899. Кн. 1. С. 106.

Октябрь, 18. Петербург.

А. Е. Измайлов получает письмо Дмитриева из Москвы (не обнаружено).

РА. 1871. Стб. 1002.

Октябрь, 21. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 124* (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 30. Четверг. Остафьево.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Несколько раз просил я из Москвы вестей о в. в. п-ве и знал, что вы здоровы. Теперь лично напоминаю вам о себе, чтобы узнать от вас самих, как выносите и проводите эту горестную годину <холеру в Москве>. Вот и жаль, что не совершили предполагаемых поездок в Ревель и Петербург. Вы избежали бы печального зрелища и тяжких впечатлений. Разумеется, и заочно сердце страждет, зная ближних и знакомых в виду подобной гибели, но все в отдалении имеешь минуты невольного отдыха. Легче идти на приступ, чем жить в осажденном городе, а Москва теперь точно в осаде у лютого врага. Слава Богу, кажется, ревность его утихает и опасность уменьшается. И мы тоже живем в осаде, окопались рвами, заперли ворота и по счастью, донные враг не приступал к границам нашим. Долго не знал я, на что решиться: оставаться ль в деревне или переехать в город; но по разным обстоятельствам вынужден был избрать предпочтительно первое последнему и, слава Богу, пока не имею причины раскаяться. Сначала было очень тяжело; тяжело и ныне, особливо же при получении московской почты, когда она приносит страшные итоги Погодина <М. П. Погодин издавал московские бюллетени, во время холеры>; но человеческая природа не выдерживает долго сильного напряжения, нервы в горести и в радости растягиваются мало по малу, и за исключением новых потрясений, привыкаешь к своему положению. Так было и со мною. Фон Визин будет обязан за свою биографию холере; по крайней мере, ревностно занимаюсь ею и, по поводу двух комедий его, написал большую главу о нашем театре или феатре. Боюсь, не слишком ли расписался и разгулялся на просторе по пустому месту, ибо театр наш не что иное. Чтобы напитаться стариною нашею, перечитал я множество русских книг прошлого столетия: дошло дело даже и до Тредьяковского. Эти чтения дают мне большую охоту написать обозрение русской словесности и выдать Русскую Библиотеку, т. е. выбор из наших стариков, которые право были лучше нас, по крайней мере сочнее. В одном Сумарокове более мыслей и остроумия, чем во всех журналистах наших. Из него можно бы составить два или три тома весьма любопытных. Не знаете ли вы, есть ли у него комедия, написанная на Эмина? В комедии его *Ядовитый* есть лицо Герострат, которое должно быть на когонибудь нацелено, и мне сдается, не на Эмина-ли. Он говорит в одной сцене:

О Юпитер, о Магомет, о безмолвный пустынный Балтийскаго порта!

Что значит этот пустынный?.. Извините меня, что я в такое время приступаю к вам с подобными пустяками. Охота пуце неволи. — От Карамзиных получаю добрые вести: они беспокоятся только о нас и страдают Москве. Должно надеяться, что беда минует их. — Что делает литература наша в эту холерическую годину? В числе новостей ограничиваюсь убийственною литературою Маркуса и Погодина, а прочего не читаю. Грешно злословить в нынешние дни; но, Господи прости мое прегрешение, а Полевому холера с руки: он верно сохнет на заразу в запоздалости следующих томов Истории. — Знаете ли вы что нибудь о Дашкове? Возвратится ли он в Петербург, или сидит где нибудь в засаде карантиннов?

Если в. в. п-во захотите утешить меня уведомлением о себе, то прошу надписать письмо свое в *Подольск в село Остафьево*. Почта отходит из Москвы по понедельникам и пятницам».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 612—614.

Ноябрь, 6. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Письмо ваше, любезнейший князь, я имел удовольствие получить на другой день после того, как посылал в ваш дом навеститься об вас и вашем местопребывании. И так, мы вспомнили друг друга в одно время! Стало, есть в нас сочувствие, и потому письмо ваше утешило меня вдвое противу всех прежних.

Искренно рад, что у вас благополучно; и у меня в доме, благодарение Промыслу, доселе также. Первые дни или лучше недели посещения холеры были тяжки и для морали, и физики. Я пытался развлекать себя выездами, куда можно; но везде только и слышал о холере: по улицам встречаешь пасмурные лица с закутанными ртами, иногда же и четверместную карету с двумя сади или на козлах полицейскими: тощая тройка тащит ее тихим шагом. В клобе отказ обедать и ужинать; комнаты опустели; даже и Айгустова ни однажды не видел; находишь только пять, шесть старожилков в средней комнате, по старому, за картами.

Это решило меня заточить себя в пределах нашей улицы: дни проводишь дома, где после утреннего отчета Погодина и Маркуса <М. П. Погодин издавал московские бюллетени о московской холере «Ведомости о состоянии города Москвы»> могу несколько часов забывать о холере, слушаю рассказы милой К. о Бонапарте и умных головах обоего пола, а вечером у ближайшей соседки <Гурьевой>, с которой взял слово больше одного раза не упоминать о холере. Впрочем, все по старому. На прошедшей недели я от одного отца приглашаем был в крестные отцы, а от другого – быть посаженным.

Но перейдем лучше к вашим кабинетским занятиям. Да поможет вам добрый и пытливый ваш ум скорее дописать биографию Фон-Визина и приняться за историю нашей словесности. Это, скажу без лести, ваше дело; это был бы не послужной список Новикова и Греча, но полная и обдуманная критическая история. Боюсь только, виноват, романтической ереси. Я сам часто желал, чтобы кто из наших образованных и беспристрастных авторов сделал выбор из старых наших прозаиков и поэтов в хронологическом порядке, начиная от Кантемира до Карамзина. В этой работе не отказался бы и я быть вашим помощником.

Как живой покойник боюсь взять вашу сторону в пользу моих учителей: однакож, вспомня тогдашние способы к просвещению и вместе постоянство и разнообразие в важных занятиях Ломоносова, трудолюбие Тредьяковского, игривое изображение Сумарокова, Майкова и Богдановича, благородные и постоянные усилия Хераскова, – по неволе почтешь их великанами в сравнении с нынешними поэтами и прозаиками, для которых и один томик всякой всячины – Атлантово бремя.

Я разделяю словесность нашу на 4 периода: 1-й начинается от Кантемира; характер его: усилия приблизить книжный язык старинный к новому светскому, 2-й – от Ломоносова: то же стремление в начале, а с половины периода колебание в выборе слога, ложное понятие о высоком слоге, но вообще постоянное трудолюбие; старание следовать правилам изящного вкуса, изобилие в оригинальных сочинениях и любовь к переводам иностранных отличных сочинений; 3-й – от Карамзина: счастливое усовершенствование языка, лучшие формы, строгая точность в словах и мыслях, ясность в изложении и благозвучие в слоге; 4-му, настоящему, нет имени: это анархия, рабское обезьянствовоизмам иностранным, холопской язык, мечтание о мечтательности или бессильное стремление производить в читателях судороги, отрицание принятых правил и вкуса и наглое презрение к предшествовавшему авторам, исключая графа Хвостова, которого *Петербургский Меркурий* <ошибка Дмитриева: «Северный Меркурий»> недавно назвал северным соловьем, сравнил его с германскою певичею. Этот период я очень живо представляю в лице Полевого или Ушакова, или Х.: которой достоверное изображение увидите в прилагаемой при сем книжке.

От Дашкова нет никаких слухов; вероятно, он задержан в Рязани или сидит в карантине. От Карамзиных получил только два письма из Петербурга. Жаль, что не удалось мне увидиться с ними. Когда-то увижусь даже и с вами? Неизвестность еще более страшна для семидесятилетнего. В надежде на *авось* прошу вас сказать мое почтение княгине и быть уверенным в сердечном к вам почтении и привязанности. Сии чувства сохранит до последнего вздоха преданный вам И. Дмитриев.

Р. С. Чуть не позабыл: Пустынником Балтийского порта не подразумевал ли С.[умароков] Ваньку Каина, который сослан был в Рогервик».

СН. 1898. Кн. II. С. 160–162 (№ 53).

Ноябрь, 15. Петербург.

Е. А. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву пишет:

«...Пишу к вам накануне дня, в который минет мне полвека, с глубоким чувством благодарности к Провидению за то щастие, которое оно дало мне вполне вкусить в сем мире; никто не любил и не был любим более меня и какими сердцами! За это щастие прошедшее платят дни следующие; но никогда, никогда жалоба не вырвется из души моей; всему покоряюсь с умилением...».

Карамзин, 1866. С. 436 (отрывок).

Ноябрь, 24. Петербург.

Ценз. разрешение, выданное Н. Бутырским, на выпуск «Невского Альманаха на 1831 год...».

Н. П. Смирнов-Сокольский пишет, что в его библиотеке имеется экземпляр отличный от других по оформлению. В нем добавлены две гравюры: 1. «Все движется» и стих Державина; 2. «Итак, Климена! Ты теперь уже спокойна» к стихотворению И. И. Дмитриева (*Смирнов-Сокольский, Ник. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII XIX вв. М., 1965. С. 167*).

Декабрь, 5. Пятница. Москва.

Возвращение Пушкина из Болдина.

РА. 1876. Кн. II. С. 236; Лернер, 1910. С. 229.

Декабрь, 14. Воскресенье. Остафьево.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Поздравляю в.[аше] в.[ысоко] п-[ревосходительст]во с выздоровлением Москвы. Слышу, что и английский клуб уже ожил. Холера прошла или проходит; теперь начнет свирепствовать другая зараза, зараза разговоров холерических. Легко понимаю, что с мнительным воображением можно будет схватить эту болезнь за столом в газетной комнате, в которой весь воздух сопрется от прений и анекдотов князя Г.[агарина], Яковлева и пр. Ко мне прилетел уже в ковчеге ворон после потопа, — Телеграф, которого я давно не видал. Он все в своем допотопном положении. А каково кажется вам запрещение Литературной Газеты? По журнальному достоинству она подлежала выговору, но в политическом отношении была совершенно невинна. И какая несообразность! Иметь цензуру и вместе с нею налагать ответственность на авторов! То вдруг отрешить цензора, то отрешить газету! Есть ли после того возможность писать, не имея духа быть Б...[улгариним], который решительно казнит и милует кого угодно? И какая польза от того, что цензурный устав писан не Шихматовым, а Дашковым, что товарищ министра просвещения — Блудов, а не какойнибудь Фотий, когда ни тот ни другой не могут отстаивать существующего закона, или писателей, лишаемых законных прав своих! Нет сомнения, что Государь уважил бы истину, если бы кто раскрыл ее пред ним. Но все молчат. Не даром сказал мой Ф. Визин: *Тут нет верности к Государю, где нет ея к истине*. Грустно тем более, что не предвидишь никакого исцеления. Впрочем, что и говорить о падении Литературной Газеты, когда общее землетрясение ставит вверх дном всю Европу <июльская революция во Франции>. Какой будет этому конец? А пока не хорошо! Между тем я под шумом взрывов волканов политических и падений газет и царств, дописываю в тишине своего Ф. Визина. Завтра при помощи Божией допишу последнюю главу. Тут стану исправлять, переписывать на бело и в скорости надеюсь представить вам на суд».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 614—615.

Декабрь, 17. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 128 (1-я, старая, пагинация).*

Декабрь, 22. Петербург.

Выходит в свет трагедия Пушкина «Борис Годунов» с посвящением памяти Н. М. Карамзина.

Северная Пчела. 1830. 23 декабря. № 153; *Н. Снявский и М. Цявловский*. Пушкин в печати. М., 1914. С. 95–96; Гессен. С. 59.

Декабрь, 26–27. Москва.

Вероятно, в эти дни в Москве получили отпечатанную в Петербурге трагедию Пушкина «Борис Годунов».

Пушкин в самом конце декабря (не ранее 27–28) 1830 г. в письме к Вяземскому в Остафьево писал, что «Борис Г.[одунов] здесь <в Москве>, но у меня его еще нет» (*Акад.*, XIV, № 552).

Декабрь, 30. Вторник. Петербург.

А. Е. Измайлов в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«Простите, ваше высокопревосходительство, неумышленную мою невежливость, что я, получив почтеннейшее письмо ваше еще 18 ч. минувшего Октября, не благодарил вас своеручно за оное. Одному Богу известно, что перенес я в это время. Зрение мое, вместо того, чтобы укрепляться, слабело только более и более, и я едва вовсе не лишился оногo и не потерял ума от стечения в одно почти время не только многих неприятностей, но можно сказать несчастий. Благодаря Бога, большая часть оных миновала. Наконец, после разных страданий, описанием коих не смею беспокоить ваше высокопревосходительство, получил я полный пенсион, 2,000 рублей в год. Благодарю Бога и Государя: есть теперь хотя небольшой, но верный кусок хлеба. Сколько враги мои ни старались замарать меня, но не могли в этом успеть. Надеюсь, что Бог, чудесно сохранивши меня, возвратит мне со временем зрение и прежние умственные способности, которые приметно ослабли.

Чувствую, что не в силах писать, не столько по слабому моему зрению, сколько по расстройству всей нервной системы; но я не хотел отказать себе в удовольствии поздравить ваше высокопревосходительство с наступившими великаторжественными праздниками и наступающим новым годом. Надеюсь, что вы, милостивый государь, великодушно извините и дурной мой почерк, и дурной слог, и невольные описки, которых до нынешнего времени никогда почти не делал. Однажды, не так давно, доведен я был до такого унижения, что подписал написанную вместо меня полицейским писарем бумагу: Пьянюшкин достойно отомщен.

Примите, ваше высокопревосходительство, нескладные, но усердные и чисто сердечные мои поздравления. Молю Всевышнего (а я в болезни привык и научился молиться), чтобы вы сей новый год и еще многия, многия лета встретили и провели в совершенном здравьи и благополучии. Повторяю всепокорнейшую мою просьбу – извинить дурной мой почерк и неумышленные описки. Пишу только при дневном свете и радуюсь, что дни начинают прибавляться. Недавно, вопреки запрещению медиков, начал при свечах читать, с большею впрочем умеренностью и осторожностью. Когда же можно будет писать, увы, – не знаю и почти отчаяваюсь».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 1002–1003.

1830 – 1831 (не позже 16 января). Петербург.

Письмо А. Е. Измайлова к Дмитриеву.

«Простите, простите великодушно меня ваше высокопревосходительство, что я так давно не писал к вам: истинно не ленность, а несчастные обстоятельства тому причиною. Богу одному известно, что перенес я в это время, и перенес, скажу, с примерным терпением и мужеством. Когда Бог испытует нас несчастиями, то посылает и силы переносить оные. Вот уже год как я в Петербурге, считаюсь чиновником особых поручений при министре финансов, но не получаю жалованья, которого лишил меня за правду бывший Архангельский генерал-губернатор, отрешенный недавно за предосудительные по службе поступки. Просил, как милости, чтобы отдали меня под суд: по крайней мере получал бы я тогда хотя половинное

жалованье, — не предали и суду. В крайности я принужден был давать уроки в отечественной словесности и едва получал из Пажеского корпуса за обучение камер-пажей и еще из одного партикулярного места рублей полтора в месяц. Вдруг в Марте месяце слег в постелю от жесточайшей горячки. Тогда и последний скудный источник моих финансов иссяк совершенно. Но Бог милостив: в самое то время, когда искуснейшие врачи, большею частью родственники мои и друзья, сомневались еще в моем исцелении, болезнь моя и дела приняли самый счастливейший оборот. Государь воздвиг меня, можно сказать со смертного одра, всемилоостивейше пожаловав мне по ходатайству благотворительного и справедливого министра 2000 руб. Миницкого отставили, а любимцы его, ненавидевшие нас с Бухариным за то, что мы знать их не хотели и не умели *подгибать колени*, и теперь, чай, сидят в Петропавловской крепости. Надеюсь, что вскоре разрешено будет мне жалованье, на производство которого Государь, при переводе еще меня из Архангельска, по докладу министра, изъявил предварительно, свое согласие; но Миницкий, бывшей тогда здесь, успел клеветою своею этому помешать. Я давно уже, почти перед Пасхою, выздоровел; но от жестокой горячки таково у меня зрение, что я даже теперь не могу почти сам не только писать, но и читать. Тоска ужасная! Вот почему не могу до сих пор приступить к изданию моих стихотворений и новых басен, которых накопилось у меня до 30. Надобно написать три разбора образцовых басен, которые в голове давно сделаны, но писать я еще не в силах, а диктовать невозможно. Благодарение однако Богу, что зрение мое начинает укрепляться. Помня благосклонность, какую ваше высокопревосходительство изволили оказывать к моим произведениям, приемлю смелость преобщить при сем несколько новейших моих безделок, приложив к оным одну басню ученика моего, поэта и баснописца Линдфорса. Каммер-пажи очень много меня утешают: в кратко-временное преподавание мною им отечественной словесности, они очень много полюбили ее и оказали, могу сказать без хвастовства, неожиданные и блистательные успехи. Первый, самый лучший приз на экзамене, состоящий из маленькой библиотеки, получил баснописец Линдфорс, который, по желанию своих родственников и по собственному своему, остается еще на год в Корпусе. Кроме его и достаточного товарища его, переводчика Массильона, барона Корфа написавшего без приготовления лучше всех на экзамене из данной новым нашим директором генералом Кавелиным темы, с Августа месяца будут у меня новые ученики. Новый директор человек весьма благонаправленный и со сведениями. Помощник его по учебной части, инспектор наш, известный писатель Броневской, сделавший для Корпуса очень много добра, занемог в одно время со мною и теперь еще не встает с постели. Вскоре после болезни моей имел я утешение выдать замуж последнюю дочь мою за поручика гвардии при Артиллерийском Училище Майкова, человека также небогатого, как и невеста, но очень хорошаго, и чрез сие новое родство попал в сваты с крестниками моими П. П. Свиныным и... угадайте? — с графом Д. И. Хвостовым, которого новый перевод Буало превознесен до небес в подлом журнале *Северный Меркурий*, издаваемом под покровительством графа и под руководством умирающего Воейкова и сидевшего с ним, на гауптвахте Польского пса Фаддея Булгарина, попавшего без Русской грамоты в лучший, т. е. самый богатый, приход.

Извините, ваше высокопревосходительство, дурный почерк и склад моего послания. С зрением вместе ослабела у меня и память, а может быть и самый ум. Истинно пожертвовал бы правою рукою, чтобы сохранить прежнее зрение тогда мог бы я по крайней мере сам читать, а что за жизнь без чтения?

Простите меня, повторяю, за невольное мое молчание. Не извольте думать обо мне худо и не считайте меня ни ленивым ни, что ужаснее для меня, неблагодарным к вам. Поверьте, что умею чувствовать в полной мере цену благосклонности вашей, которую, изволили меня почтить в проезд чрез Москву и прежде еще того. Я всегда искренно любил и почитал вас как отличнейшего поэта, научившего нас как должно писать стихи, смею сказать как моего наставника, ибо именно у вас, а не у кого другого, учился я хорошей версификации и настоящему слогу басни. Сострадалец мой в несчастиях по службе, Иван Яковлевич Бухарин, бывший единственно моею отрадою в Архангельске, может засвидетельствовать вашему

высокопревосходительству чувствования мои к вам, которые сохраню до последней минуты моей жизни.

С глубочайшим высокопочитанием и вечною, сердечною преданностью имею честь быть всегда.

Р. С. Я живу на прежней квартире на Песках против прудов, в доме наследников Моденовых, под № 306. Утешьте, ваше высокопревосходительство хотя строчкою бедного слепца, отставного баснописца».

РА. 1871. № 7–8. Стб. 1003–1008.

1830–1831. Петербург.

Выходит в свет третье издание «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Пушкин приобретает 12 томов этого издания.

Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина / Приложение к репринтному изданию. М., 1988. С. 21.

1831

Январь, 2–3. Москва.

Пушкин дарит И. И. Дмитриеву экземпляр «Бориса Годунова» с надписью на обороте обложки: «Его Высокопревосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Автора».

Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. / Сост. О. С. Соловьева М.; Л., 1964. С. 81, № 1681.

Январь, 3. Суббота. Москва.

Дмитриев, по получении «Бориса Годунова», пишет записку Пушкину:

«С душевною благодарностию принимаю ваш драгоценный подарок, милостивый государь Александр Сергеевич, и между тем нетерпеливо буду ждать минуты, в которую могу повторить вам лично мою благодарность и пожелать вам возможного благополучия на всю жизнь вашу.

Обнимает вас преданный вам *Дмитриев старый*».

Акад., XIV, № 559.

Январь, 10-го(?). Москва.

Дмитриев на обеде у П. П. Бекетова.

О последствиях обеда см.: «Январь, 13».

Январь, 12. Понедельник. Москва.

Дмитриева посещает дочь А. Е. Измайлова и передает ему все рукописи отца.

Январь, 13(?). Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Остафьево:

«Очень охотно посылаю вам при сем, любезнейший князь Петр Андреевич, *Телескоп*, *Молву*, и 2 № *Дамскаго журнала*. *Литературной Газеты* не послал, в уверенности, что вы ее прежде меня получили. Я уже четвертый день в жестокой простуде: вчера весь день икал; не знаю, что сегодня будет со мною. Молодым людям можно временить и отсрочивать, а мне не вредно и очень сродно желать скорее увидаться с теми, кои по сердцу. День мой – век мой. Недавно получил от милой княгини Мещерской <Е. Н.> письмо, а от Катерины Андреевны <Карамзиной> с ноября ни строчки: боюсь, не досадует ли на меня за отказ писать стихи на день ее рождения! Куда мне гоняться за романтиками и собирать *сор душевных впечатлений и мусор ветряной молвы*, как собирал некогда великой Шевырев в альбом его богини <княгини З. А. Волконской?».

Признаюсь, что из всех наших романтиков уважаю и люблю и ум, и талант, и сердце Пушкина и князя Вяземского. Это говорит, право, сердце, еще не протывшее к изящному, не смотря на 70 лет и вчерашнюю икоту.

Вчера была у меня дочь покойного Измайлова и вверила мне все рукописи отцовские. Надеюсь найти в них много достойного для помещения в журналах. Пора кончить.

И так, до свиданья. Заочно вас обнимает преданный вам и умом, и сердцем И. Дмитриев.

Р. С. Хорошо было бы, любезнейший князь, еслибы в *Литературной Газете* поразговорились об наших просвещенных печатальщиках или издателях и в укор им дали знать, что ни один из московских ни за что не хотел взять оставшиеся сочинения Измайлова, отзываясь, что на него нет моды. Хвала петербургским: там и Хвостов попал в моду, и издатель его уже в 4-й раз говорит об нем в предисловии».

СН. 1898. Кн. II. С. 162–163 (№ 54). Вероятно, Дмитриев ошибся в дате.

Не об этой ли икоте писал А. Я. Булгаков к брату в Петербург в письме из Москвы от 26 января 1831 г.: «Я слышал вчера, что боятся за Ив. Ив. Дмитриева: он обедал у Бекетова, объелся икры, попалась хорошая, так ложками большими уписывал, сделалось дурно и вот 9 дней, что не может унять икоту. И этот не молод, также впал в расслабление» (*РА*. 1901. Кн. 1. С. 49).

Январь, 14. Среда. Петербург.

Кончина барона А. А. Дельвига (род. 6 VIII 1798).

Январь, 16. Пятница. Петербург.

Кончина А. Еф. Измайлова (род. 14 IV. 1779).

1831. Январь – Февраль (перв. пол.). Москва.

Дмитриев посещает Пушкина, но не застав его дома, оставляет записку:

«Старик Дмитриев свидетельствует свое искреннее почтение Александру Сергеевичу, и не имея удовольствия застать его дома, отходит в приятной надежде увидиться с ним завтра! Не лучше ли пожаловать к нему откушать в два часа с половиною. В таком случае Дмитриев просит сегодня почтить его уведомлением. Четверг».

Акад., XIV. № 576.

Февраль, 7. Суббота. Петербург.

Письмо Е. А. Карамзиной к И. И. Дмитриеву:

«Мне хотелось вам послать новой эдичии Российской Истории побольше томов вместе, а не по мелочам, как они выходили из печати, и тогда собиралась я к вам написать; так и сделала. В след за этим письмом получите 6 или 8 томов Истории, которые вам доставит любезный молодой человек, Кошелев. Скажите мне, почтенный Иван Иванович, понравится ли вам издание; мне кажется, что по такой малой цене, 30 р. экземпляр, нельзя иметь лучшего; в продаже вся эдичия на простой бумаге; книги же, которые я вам посылаю на веленовой, из числа нескольких экземпляров, для меня напечатанных...».

Карамзин, 1866. С. 436 (отрывок).

Февраль, 14. Москва.

Письмо к М. Д. Деларю, с благодарностью за присланное стихотворение.

Автограф: *ГИМ ОПИ*. Ф. 445. Ед. 228. Л. 73–74.

Февраль, 18. Среда. Москва.

Свадьба Александра Сергеевича Пушкина и Наталии Николаевны Гончаровой в московской церкви Старого (Большого) Вознесения.

Лернер, 1910. С. 236.

А. Я. Булгаков в письме к брату К. Я. Булгакову в Петербург писал: «Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посаженными Вяземский и гр. [Елизавета Петровна] Потемкина, а со стороны невесты — Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская. Хотели венчать их в домово́й церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрасивать; видно в домовых нельзя» (*РА*. 1902. Кн. I. С. 53).

Во время венчания (Пушкин венчался во фраке Нащокина, чтобы не тратить денег на заказ нового) по свидетельству кн. Е. А. Долгорукой — нечаянно упали с налоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом, Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка — «*Tous les mauvais augures*» — сказал Пушкин» (*Девятнадцатый Век*. Кн. I. С. 386, примеч.; *РА*. 1870. Стб. 1388).

Февраль, 18. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 129 (1-я, старая, пагинация).

Март, 1. Москва.

Письмо к А. И. Новиковой.

Автограф: *РГАЛИ*. Ф. 1060. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Март, 31. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 133–133 об. (1-я, старая, пагинация).

Апрель, 23. Петербург.

Письмо Е. А. Карамзиной к И. И. Дмитриеву, в котором она пишет:

«...Посылаю вам, почтенный Иван Иванович, еще два тома Истории, IX и X, а XI и XII будут отпечатаны в Мае и вам также доставлены (может быть в Петербурге)...».

Карамзин, 1866. С. 436 (отрывок).

<Апрель?>. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 130 (1-я, старая, пагинация).*

Июнь, 1 ... 2. Петербург.

Приезд из-за границы А. И. Тургенева.

К. Я. Булгаков писал 2 июня к брату А. Я. Булгакову в Москву: «Александр Тургенев приехал с пароходом и был сейчас у меня». На следующий день Тургенев много разговаривает с К. Я. Булгаковым, который «накормил его яряшкой и завез в Демутов трактир, где он остановился» (*РА. 1903. Кн. III. С. 558*).

Вероятно, ко времени кратковременного пребывания А. И. Тургенева в Петербурге (1831) относится произошедший в доме Карамзиных инцидент, о котором писала в своих записках А. О. Смирнова-Россет: «Александр Тургенев встречал графа Блудова у *madame* Карамзиной. Блудов — воплощенная доброта и совсем не злопамятный. Он протянул руку Тургеневу, который ему сказал: «Я никогда не подам руки тому, кто подписал смертный приговор моему брату». Представь себе всеобщее замешательство, и я там присутствовала. М-те Карамзина покраснела от негодования и сказала Тургеневу: «*Monsieur* Тургенев, граф Блудов был близким другом моего мужа, и я не позволю оскорблять его в моем доме. Больше не будет неприятных встреч, слуги будут предупреждены, и когда присутствует граф, то *monsieur* Тургенев не войдет, и наоборот». Бедный Блудов вышел со слезами на глазах. Тургенев сказал: «Перемените ему фамилию, а то просто гадко: от блуда происходит». Екатерина Андреевна <Карамзина> ему сказала: Ваши шутки совершенно неуместны в эту минуту» (*А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931. С. 174–175*). Дмитриев мог знать со слов Тургенева об этом инциденте.

Июнь, 1. Царское Село.

Пушкин в письме к кн. Вяземскому просит «сердечно кланяться Ивану Ивановичу Дмитриеву» и спрашивает: «Что его здоровье?».

Акад., XIV, № 603. Вопрос Пушкина о здоровье престарелого Дмитриева объясняется тем, что незадолго до этого он был опасно болен.

Июнь, 19. Петербург.

Отъезд А. И. Тургенева в Москву.

С.-Петербургские Ведомости. 1831. № 145.

Июнь, 22. Москва.

Приезд А. И. Тургенева из Петербурга.

ЖМНП. 1913. Март. Ч. XLIV. С. 19.

Июль, 29. Москва.

Приезд кн. Вяземского с семьей и Карамзиными из Остафьево.

РА. 1902. Кн. 1. С. 78.

Июль, 31. Москва.

В городе получают известие о рождении Вел. Кн. Николая Николаевича; «молились в соборе, Филарет служил. Комендант славно прочитал нам рескрипт Государя к кн. Дм. Вл. <Голицыну> о рождении великого князя. Палили из пушек, а вечером иллюминировали город».

РА. 1902. Кн. 1. С. 79–80: письмо А. Я. Булгакова к брату от 1 августа 1831. И. И. Дмитриев, несомненно, был на богослужении в Кремле.

1831. Июль ... Август (в первых числах). Царское Село.

Жуковский в письме к кн. П. А. Вяземскому и А. И. Тургеневу в Москву просит последнего передать слова почтения И. И. Дмитриеву.

Жуковский, 1895. С. 256.

Август, 23. Царское Село.

Жуковский просит в письме А. И. Тургенева передать «душевное почтение Ивану Ивановичу Дмитриеву».

Жуковский, 1895. С. 259.

Август, 23. Москва.

Дмитриев на обеде у Вяземских.

Август, 24. Москва.

Кн. Вяземский в письме благодарит Пушкина за присланное стихотворное послание («Любезный Вяземский, поэт и камергер...») и сообщает, что «здесь твое послание было прочтено в полном присутствии: вчера обедал у нас Дмитриев. Он что-то вянет духом (не прочти *воняет*), и я начинаю бояться за него <...> Тургенева видали мы довольно часто, теперь он к нам ни ногой, потому что трусит холеры, которая шатается по нашему околотку, и притом же он волочится в Москве и дремлет за Бухариною, за дочерьми Султанши, Солдатши, или просто Сольдан, и за многими другими. Карамзины пробудут здесь, я думаю, еще с месяц...».

Акад., XIV. № 662.

1831. Август. Москва.

В журнале «Телескоп» (1831. Т. IV. № 13. С. 135–144) напечатана статья Пушкина «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов», подписанная псевдонимом «Феофилакт Косичкин».

Сентябрь, 4. Петербург.

«В 7 часов вечера 201 выстрелом из пушек дано знать о покорении Варшавы».

Записки А. М. Грибовского // РА. Кн. 1. 1899. С. 131. Варшава была взята 27 августа 1812 г.

Сентябрь, 4. Москва.

А. Я. Булгаков в письме к брату пересказывает разговор с А. И. Тургеневым о финансовых махинациях С. П. Жихарева (присвоении доходов с имений Тургеневых) (*РА.* 1902. Кн. 1. С. 84–85). И. И. Дмитриеву, несомненно, со слов Тургенева, было известно о махинациях Жихарева.

Сентябрь, 5. Петербург.

В. А. Жуковский пишет стихотворение «Русская песнь на взятие Варшавы».

Сентябрь, 6. Петербург.

«Русская песнь на взятие Варшавы» напечатана отдельным изданием в типографии Греча.

Стихотворение Жуковского «Русская песнь на взятие Варшавы» (с измененным названием «Старая песня на новый лад»), было напечатано Жуковским три раза: в «Северной Пчеле» (1831. № 201. 8-го сентября), затем вышло отдельным изданием в тип. Греча (ценз. разрешение 6-го сентября) и почти одновременно вместе с двумя стихотворениями Пушкина <«На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». Выход в свет: 11–13 сентября, Петербург (*Гессен.* С. 59)>. Историю своих стихотворений Жуковский подробно изложил в письме к А. И. Тургеневу (*Жуковский*, 1895. С. 259–261). Экземпляры изданий этих двух стихотворений Жуковского, посланные им

И. И. Дмитриеву вызвали с его стороны благодарность в виде стихотворения «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы» (напечатано впервые Пушкиным в «Северных Цветах на 1832 год»). От Пушкина и Жуковского Дмитриев получил также экземпляр «На взятие Варшавы» с надписью Жуковского «Его Высокопревосходительству Ивану Ивановичу Дмитриеву от обоих учеников его» (*Пушкин. Письма*. Т. III. С. 410–411. Примеч. Л. Б. Модзалевского).

Сентябрь (перв. треть, после 7-го). Петербург.

Жуковский в письме к А. И. Тургеневу в Москву пишет:

«...Наша армия чудо! Вот мои стихи <«На взятие Варшавы»>: один экземпляр для тебя, другой для Ивана Ивановича <Дмитриева>, третий Карамзиным вместе с Вяземским».

Жуковский, 1895. С. 259.

Сентябрь, 10. Четверг. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Кн. Вяземский, гостивший в этот день у И. И. Дмитриева, читает статью Феофилакта Косичкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов».

РА. 1879. Кн. II. С. 487.

Сентябрь, 11. Пятница. Москва.

Кн. Вяземский в письме к Пушкину в Петербург сообщает:

«...Вчера у новорожденного Дмитриева читали мы Косичкина <статью Пушкина «Торжество дружбы»> и очень смеялись. Я ничего не знал о нем, *потому что живу в деревне и не велел присылать себе никакого вздора*, следовательно и *Телескоп*. Дмитриеву минуло вчера 71. Славная старость. Он тебя очень любит и очень тебе кланяется».

Акад., XIV, № 676.

Сентябрь, 22. Москва (?).

Кн. Вяземский записывает в зап. книжку:

«...Скотина Полевой имел наглость написать в альбом жене Карлгофа стихи под заглавием: *Поэтический анахронизм, или Стихи в роде Василия Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитриева, писанные XIX веке*. Как везде видишь целовальника и лакея, не знающего ни приличия, ни скоромности. Посади свинью за стол, она и ноги на стол».

Вяземский П. А. Записные книжки... М., 1963. С. 215.

Октябрь, 2. Москва.

Дата, выставленная Дмитриевым под стихотворением «*К Василью Андреевичу Жуковскому*» («Была пора: питомец русской славы...»).

Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. Л. 4: дата стихотворения).

Октябрь, 5. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 132–132 об. (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 9. Петербург.

Ценз. разрешение, выданное В. Семеновым, на выпуск альманаха «Северные Цветы на 1832 год». Это восьмая и последняя книжка альманаха, изданного Пушкиным в пользу семьи умершего бар. А. Дельвига.

Октябрь, 11. Поздний вечер (ок. 11-и). Москва.

Приезд имп. Николая I из Петербурга.

РА. 1902. Кн. 1. С. 95.

Октябрь, 12. Москва.

Солнечно, сухо, ок. 4-х градусов мороза. Торжественный молебен в Кремле. Вероятно, И. И. Дмитриев присутствовал на этом молебне.

РА. 1902. Кн. 1. С. 95 (без упоминания имени Дмитриева).

Октябрь, 15. Москва.

Приезд императрицы Александры Федоровны.

Воспоминания графини А. Д. Блудовой // РА. 1875. Кн. 1. С. 150.

Октябрь, 16. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Ваши стихи распевелили всю мою душу: примите мою искреннюю благодарность за то чувство, которое вы во мне пробудили. *Жуковский, дай мне руку*: в этих словах, сказанных мне Дмитриевым, так много магического; они мне кажутся подписью всей прошедшей моей жизни, в лучших годах которой Дмитриев и Карамзин играют такую светлую роль. Как весело подать вам руку в такую минуту, когда слава отечества опять вспыхнула ярким светом. В стихах моих, написанных на взятие Варшавы, нет ничего замечательного, и они бледны стоя рядом со стихами Пушкина; но я ни одних стихов не писал с таким живым чувством, ибо написал их в первую минуту по получении известия, воскресившего душу, так долго бывшую под гнетом грустных ощущений всякого рода: в славе отечества есть что-то жизнедеятельное. И в эту первую минуту всякое слово, и самое обыкновенное, казалось поэтическим; и я с необыкновенным чувством написал первый стих, взятый у Державина: *раздавайся гром победы*. Я слышал эти слова, глядя на Екатерину, и они, можно сказать, были выражением всего ее века; сладостно было повторить их в обстоятельствах достойных времен Екатерины. Ваши стихи, коими вы так меня обрадовали свежи, как все ваши прежние. Что мне отвечать на них?

Нет, не прошла, певец наш вечно юный,
Твоя пора! Твой гений бодр и свеж;
Ты пробудил давно молчавши струны,
И звуки нас пленили теж.

Нет! никогда ничтожный прах забвенья
К твоим струнам коснуться не дерзнет:
Невидимо их гений вдохновенья,
Всегда крылатый, стережет.

Державина струнам родныя, пели
Оне дела тех чудных прошлых лет,
Когда везде мы битвами гремели,
И битвам тем дивился свет;

В досужный час, венком из роз обвитый,
Касался им Эрот своей стрелой,
И резвыя внимали им Хариты,
Склоняся на руку главой;

Игривую шутливость пробуждала
Камена в них, согласная с певцом,
И баснями гостей его пленяла
Перед домашним камельком.

Я помню дни: магически мечтою
Был для меня тогда расписан свет;
Тогда сорвал, явясь передо мною,
Покров с поэзии поэт.

С задумчивым, безмолвным вдохновеньем
Твой голос я подслушивал тогда;
И вопрошал судьбу мою с волненьем:
“И мне наступит ли чреда?”

О! в эти дни, как райское виденье,
 Был с нами он, теперь уж неземной
 Он, для меня живое Провиденье,
 Он, с юности сопутник твой!

О как при нем все сердце разгоралось!
 Как он для нас всю землю украшал!
 В младенческой душе его, казалось,
 Небесный ангел обитал.

Лежит венец на мраморе могилы;
 Ей молится России верный сын;
 И будит в нем к делам прекрасным силы
 Святое имя: Карамзин.

А ты цветы, певец, наш вдохновитель!
 Младый душой под снегом старых дней,
 Нам долго будь и в старости учитель,
 Как был во младости своей.

Остальное надеюсь договорить на словах, ибо надеюсь скоро сам увидеть вас в Москве.

С душевным почтением и неизменною привязанностью имею честь быть вашего высокопревосходительства, покорнейшим слугою.

Жуковский».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1634–1637; Жуковский, 1878. Т. 6. С. 432 (без текста стихотворения).

Октябрь, 17. Москва.

Вероятно, И. И. Дмитриев присутствовал на балу в Кремлевском дворце.

РА. 1902. Кн. 1. С. 100.

Октябрь, 21. Среда. Москва.

Бал в Собрании. Вероятно, И. И. Дмитриев был среди приглашенных.

РА. 1902. Кн. 1. С. 100.

Октябрь, 21. Москва.

Дмитриев получает письмо Жуковского от 16 октября. Делает пометку на послании «К И. И. Дмитриеву»:

«Полученное Октября 21. 1831», а под последним стихом приписывает: «от Василия Андреевича Жуковского, писанное им своеручно».

Дон. 1957. № 6. С. 154.

Октябрь, 21. Москва.

Письмо Дмитриева к Жуковскому в Петербург:

«Всею душою благодарю превосходного и вместе милого и добродушного поэта за лестные для меня звуки лиры его. Я не однажды читал милый ответ и, проходя 12 строк, право, два раза плакал. Согласен на ваше предложение, но в таком случае прошу вас, любезнейший Василий Андреевич, переменить и в моих два стиха: вместо *глас побед* поставить *звук побед*, а вместо *прозябает* – *цветь* будете.

Впрочем, да будет воля ваша. Закрываю сердечным желанием как можно скорее с вами увидаться и лично уверить вас в искренней к вам привязанности и дружеском почтении».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 301.

Октябрь, 28. Среда. Москва.

Вечером у кн. Вяземского в гостях: И. И. Дмитриев, А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, В. А. Жуковский.

См.: «Октябрь, 29».

Октябрь, 29. Москва.

А. И. Тургенев в письме к Пушкину в Петербург пишет:

«Вчера провели мы вечер у Вяземского и Дмитриева с Жуковским. Мы вспомнили и о тебе, милый Сверчок-поэт, а Жуковский и о твоём издании в пользу семейства незабвенного Дельвига. Поэты поручили мне доставить тебе для него стихи на обороте, кои могут быть напечатаны вместе с предшествовавшими, но с поправкою двух слов, которую я послал к Жук.[овскому] уже после его выезда из П.[етер]бурга. Гробу христианина лучше быть *олтарем*, чем *кумиром*.

Прости, помни нас и меня особенно. Вчера и Чадаев был с нами. Что его рукопись? –

А.[лександр] Т[ургене]-в.

Вот и ответ Ив.[анчина]–Пис.[арева] Дмитриеву на стихи Хвостова, где он называет себя *соземцем* Паскевича.

Кланяйся Карамзиным.

<На третьей странице рукою Н. Д. Иванчина–Писарева написано стихотворное послание Жуковскому>:

«К Василью Андреевичу Жуковскому, на присланные им к Ивану Ивановичу Дмитриеву стихи»:

Уделом гения всегда высота, чувства.
 Сам дивен, властелин природы и искусства, –
 Но памяти святой душа его полна:
 И гроб ему кумир – в нем прах Карамзина!
 Кто тень Пожарского и первый плен Варшавы,
 Кто деньми ветхого, кто Волгу, Ермака
 Воспел божественно во дни минувшей славы,
 Того и поздняя песнь душе его близка.
 Жуковский! я бывал души твоей свидетель:
 Се новый твой порыв за временный предел;
 Высокий, ты еще возвыситься умел;
 Твоя поэзия есть прямо добродетель!

Н. Иванчин – Писарев».

Акад., XIV, № 697.

Ноябрь, 1. Воскресенье. Москва.

Становится известно об убийстве гр. И. Каподистрии.

РА. 1902. Кн. Первая. С 124.

Ноябрь, 1. Москва.

Приезд Д. В. Дашкова.

Ноябрь, 7. Понедельник. Москва.

Дмитриев присутствует на торжественном акте в Московском благородном пансионе.

РА. 1902. Кн. Первая. С 127.

Ноябрь, 21. Суббота. Петербург.

«Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» (№ 93. С. 731, 736) предрекают удачу альманаху «Северные Цветы на 1832 год», где будут напечатаны несколько новых произведений А. С. Пушкина, два стихотворения В. А. Жуковского и одно И. И. Дмитриева.

Декабрь, 1. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 134 (1-я, старая, пагинация).

Декабрь, 6. Воскресенье. Москва.

Приезд Пушкина в 28-дневный отпуск, по денежным делам.

Лернер, 1910. С. 257.

Декабрь, 7. Москва.

А. И. Тургенев записывает в дневник:

«...Обедал у И. И. Дмитриева, приехал и поэт Пушкин, с ним к Вяз.[емскому] и к к.[нягине] Мещерской: о Вортсворте с матерью».

РЛ. 1964. № 1. С. 126.

Об английском поэте Вортсворте Тургенев разговаривал с княгиней С. С. Мещерской, матерью князя П. И. Мещерского, женатого на Е. Н. Карамзиной.

Декабрь, 8. Вторник. Москва.

Пушкин в письме к жене в Петербург сообщает, что видел «...Вяземских, Мещерских, Дмитриева, Тургенева, Чаадаева, Горчакова, Д.[ениса] Давыдова...».

Акад., XIV, № 710.

Декабрь, 9. Москва.

Дмитриев и Пушкин обедают в Английском клубе.

Летопись, 1999. Т. 3 (1829–1832). С. 420. См. «1832. Февраль, 18».

Декабрь, 9. Среда. Петербург.

С. Н. Карамзина в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«...И Жуковский много, много говорил нам об вас, и так поэтически изобразил приятную картину, которою и мы уже любовались, видя, слушая вас в вашем красивом греческом храме. Мы исполнили комиссию, вами нам данную, для Блудова и Полетики: оба приняли с чувствительностью воспоминание ваше, и Блудов очень заботится о каком-то заглавном листе для вас. – Вы конечно с удовольствием увидели у себя Пушкина, который, без сомнения, не исполнил поручения моего к вам, любезнейший Иван Иванович.

Вы знаете, очень знаете, как искренно, как душевно я вас люблю, но *мне* хочется вам это повторить и сказать с какою благодарностью я принимаю всякое изъявление вашей благосклонности, а Жуковский меня в ней уверил: это меня очень порадовало. – Он читал вам свои сказки? Какие прелестные! и его ответ на ваши стихи? Он тронул вас, я в этом уверена по себе самой; – и вы не судили его так строго, как Военную песню...».

Карамзин, 1866. С. 437 (отрывок).

Декабрь, 14. Понедельник. Москва.

А. И. Тургенев делает запись в альбом И. И. Дмитриева:

«Счастье в добродетели, которая любит,
и в науке, которая просвещает.

Александр Тургенев.

1831.

14 декабря. Москва»

Дон. 1957. № 6. С. 153.

Декабрь, 24. Четверг. Москва.

Отъезд Пушкина в Петербург. А. И. Тургенев записывает в этот день в дневник:

«Проводил П.[ушкина], слышал из 9-й песни *Онегина* и заключение: прелестно...».

Рл. 1964. № 1. С. 127. Вероятно, Тургенев мог рассказать Дмитриеву о встрече с Пушкиным и о содержании 9-й главы. Чтением «Евгения Онегина» закончились московские 1831-го года встречи А. И. Тургенева и Пушкина. Весною следующего года, когда проездом за границу А. И. Тургенев на три месяца остановится в Петербурге — их встречи и беседы возобновятся.

Декабрь, ок. 24-го. Петербург.

Выходит в свет альманах «Северные цветы на 1832 год». Здесь напечатаны:

Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на «взятие Варшавы» («Была пора: питомец русской славы...»). — С. 10. Подпись: И. Дмитриев;

Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву («Нет, не прошла, певец наш вечно юный...»). — С. 11–13. Подпись: В. Жуковский.

Декабрь, 26. Суббота. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь препроводить вам мои два тома Баллад и Повестей. Прошу вас принять их с тою благосклонностью, какую вы оказали мне самому при нашем последнем свидании и память которой навсегда сохраняется в душе моей. С экземпляром для вас получите вы другой на имя Варвары Ивановны Новиковой. Осмеливаюсь просить вас передать его ей от меня — тем вы возвысите в глазах ее мой бедный подарок.

Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. VI. С. 433.

Декабрь, не позже 29-го. Москва.

Получает письмо и два экз. «Баллад и Повестей» Жуковского. Вероятно, сразу по получении отправляет один экз. «Баллад и Повестей» А. И. Новиковой.

Декабрь, 29. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к Жуковскому в Петербург (ответ на письмо от 26 декабря):

«Милостивый государь Василий Андреевич.

Спешу принести вам чувствительную благодарность мою за ваше дружеское письмо и бесценный подарок. С каким удовольствием я занимался им целые два утра! Я вас штудировал. Нельзя быть разнообразнее в поэтических вымыслах; нельзя лучше сдружить важности содержания с простотою рассказа и живописи с музыкою. Властелин всех метров, вы играете легко всяким напевом, и каждый для нас равно сладкозвучен.

Закрываю строки мои искренним приветствием вас с благополучным совершением года и пожеланием встретить и новый спокойно и весело; я же, на пороге нашей юдоли, как говорят, слег. Благодарю между прочим Промысл и за то, что еще с вами увиделся, и пока дышу, буду за многое, многое, — довольно и за одного Карамзина — любить и уважать вас всею душою.

С сими чувствами обнимаю вас

Преданный вам

Дмитриев.

Р. S. Посылку вашу отослал к Антонине Ивановне <Новиковой> тотчас по получении, вас же прошу сказать мои поклон Н. Я. <Плюсковой> и князю П. А. Вяземскому».

РА. 1871. III. 2. Стб. 430; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 301–302.

Декабрь, 31. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 135–135 об.* (1-я, старая, пагинация).

<1831?>. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 131–131 об.* (1-я, старая, пагинация).

<1831>. Москва.

Записка С. Л. Пушкина к А. С. Пушкину:

«Господин Дмитриев поручил мне напомнить тебе о нем – он мне много раз говорил, что он узнал и полюбил тебя и что он тебя очень уважает. Я обедал вчера у него с Чаадаевым, который со своей стороны также просил меня передать тебе горячий привет. Он мне сказал, что всегда с удовольствием встречается со мною, потому что я – отец человека, которого он любил всем сердцем».

ЛН. Т. 16–18. С. 613–614.

1832

Январь, 1. Пятница. Москва.

Выходит первый номер журнала «Европеец», издаваемый И. В. Киреевским.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 99, оп. 11, д. 8 (черновой вариант текста объявления о выходе 1-го номера «Европейца»: «Первый номер журнала “Европеец” выйдет 1 января 1832 года»).

Январь, 7. Москва.

Письмо к М. Д. Деларю с одобрительными отзывами о стихах Жуковского и альманахе Пушкина «Северные Цветы на 1832 год».

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 445. Ед. 228. Л. 75.

Январь, 13. Среда. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«Любезнейший князь Петр Андреевич!

Чувствительно благодарю вас за письмо и взаимно приветствую вас с благополучным достижением нового года. От всего сердца желаю вам счастья, и мирского и душевного, не только в продолжении одного, но и до маститые старости. Благодарю и за доставление мне знакомства с г. Телешевым <состоял учителем при детях Н. М. Карамзина>. Мы не замешкали вспомнить моего друга <Н. М. Карамзина>; пока он говорил об нем, на глазах его навертывались слезы. Довольно и того, чтобы мне полюбить его.

Буду с нетерпением ждать вступления вашего на поприще большого и литературного света: мне же о своем поприще рассказывать вам нечего: оно день от дня становится теснее. Любопытных событий у нас мало; маскарад в собрании, бал Мосолова <Ф. С.>; французские святки у Пашковых <А. И.>, и только; и о том знаю по одним слухам. *Альциону* вашу не забуду вручить княгине, а *Северных Цветов* еще не читал, потому что привык получать альманахи в гостинцы. *Европеец* представился по европейски; надеюсь, что он не переименуется. Но для шутки хотел бы видеть и *Русскую Минерву* <ошибка Дмитриева: Северная Минерва>, издаваемую, как сказывают, под покровительством г.<рафа> Х.<востова>. Это его вторичный *Улей*.

Поцелуйте за меня ручку Катерины Андреевны и Софьи Николаевны <Карамзиных>. Прошу сказать мой поклон и всему семейству и вспоминать иногда искренно любящего и почитающего вас отшельника Патриарших прудов».

СН. 1898. Кн. II. С. 163–164 (№ 55).

Январь, 18. Понедельник. Петербург.

Кн. П. А. Вяземский просит в письме А. И. Тургенева передать Дмитриеву слова почтения.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 85.

Январь, ок. 20. Петербург.

Выходит из печати «последняя», т. е. восьмая глава «Евгения Онегина».

Летопись, 1999. Т. 3 (1829–1832) С. 438.

Январь, 20. Среда. Петербург.

Цензурное разрешение, выданное цензором В. Семеновым на выпуск в свет третьей части «Стихотворений Александра Пушкина».

Летопись, 1999. Т. 3 (1829–1832). С. 438.

Январь, после 20. Петербург.

Кн. Вяземский в письме к жене пишет, что собирается прислать И. И. Дмитриеву «последнюю песню Онегина».

Звенья. IX. С. 262.

Январь, после 20. Петербург.

Пушкин дарит экземпляр только что вышедшей восьмой главы «Евгения Онегина» Е. М. Хитрово, причем подписывает ей книжку, предназначавшуюся И. И. Дмитриеву.

Акад., XV, № 728.

Январь, 25. Понедельник. Москва.

А. И. Тургенев уведомляет в письме князя Вяземского, что «Ив.[ану] Ив.[ановичу] <Дмитриеву> твой поклон передал».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 86.

Февраль, 1. Понедельник. Москва.

Письмо к Пушкину по получении от него альманаха «Северные Цветы на 1832 год» и восьмой главы «Евгения Онегина»:

«Милостивый государь Александр Сергеевич!

Всем сердцем благодарю вас за альманах, и за все прекрасные цветы собственной вашей оранжереи; равно и за песнь *Онегина*, хотя я и вздохнул, что она последняя, и герой ваш отложил путешествие свое по любезной отчизне.

Не скажу с *Пчелою*, что вы ожили: в постоянном нашем здоровье всегда был уверен; изменение только в том, что вы, благодарение Фебу, год от года мужаете и здоровеете. Ваши *Годунов*, *Моцарт* и *Салиери* доказывают нам, что Вы не только Поэт-Протей, но и сердцеведец, и живописец, и музыкант. До сих пор после Карамзина (в старинных его мелких стихах) один только Пушкин заставляет меня читать *белые* свои стихи и забывать о рифмах.

Но старческая искренность и говорливость заставили меня позабыть и приговор Полевого о нашей братье ветеранах. По крайней мере я еще жив для чутья к изящному. Оно увлекло меня.

Закрываю столь же искренним уверением в совершенном почтении, которое навсегда сохранит, милостивый Государь, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

P. S. Дозвольте попросить вас сказать мое почтение вашим родителям и любезному Василию Андреевичу <Жуковскому>. Я еще прочитал прекрасные стихи его уже в печати, с прежним чувством умиления и благодарности за себя и моего друга. Благодарю его также и за новейшую поэзию его в альманахе и *Европейце*».

Акад., XV, № 731.

Февраль, 2. Москва.

А. И. Тургенев в письме к Вяземскому в Петербург пишет: «Спасибо за 8-ю часть <Евгения Онегина>: я прочел ее с Бухариной. Прелесть! <...> Обедаю у Ив.[ана] Ив.[ановича] Дмит.[риева] с Мещерским».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 91.

Февраль, после 13. Петербург.

Выходит в свет книга «Стихотворения А. С. Пушкина: Из Северных цветов 1832 года».

Гессен. С. 60.

Февраль, 13. Петербург.

Запрещен журнал «Европеец».

Февраль, 14. Воскресенье. Петербург.

Письмо Пушкина к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 1-го февраля):

«Милостивый государь Иван Иванович,

Приношу Вашему Высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, – драгоценный памятник вашего ко мне благорасположения. Ваше внимание утешает меня в равнодушии непосвященных. Радуюсь, что успел вам угодить стихами, хотя и белыми. Вы должны любить рифму, как верного слугу, который никогда с вами не спорил и всегда повиновался малейшим вашим прихотям. Утешительно для всякого Русского видеть живость вашей деятельности и внимательности: по физиологическим примечаниям, это порука в долголетию и здравии. Живите-ж долго, Милостивый Государь! Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи ваши переживут щедушные нынешние произведения.

Вероятно, вы изволите уже знать, что журнал *Европеец* запрещен в следствие доноса. Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцем и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники – или по крайней мере клевета – устыдятся и будет изобличена.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга
Александр Пушкин».

Акад., XV, № 737.

Письмо хранилось у М. А. Дмитриева и впервые им же было опубликовано в «Русском Архиве» в 1866 году (стб. 1721–1722). Подлинник этого письма ныне считается утраченным.

Февраль, 18. Четверг. Москва.

Н. М. Языков в письме к брату А. М. Языкову в Симбирск передает почти анекдотический разговор между И. И. Дмитриевым и Пушкиным:

«И. И. Дмитриев в одно из своих посещений английского клуба (клуба), на Тверской, заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: Московский Английский клуб. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные. – “Какие же?” – спросил Дмитриев. – “А императорское человеколюбивое общество?” – ответил поэт».

ИВ. 1883. № 12. С. 536.

Анекдот этот относится к концу 1831 г. (Примеч. Д. Н. Садовникова).

Февраль, 22. Понедельник. Москва.

П. П. Свинын делает запись в альбом И. И. Дмитриева:

«Пусть эта хоть строка о том напоминает,
Кто с юных лет любил читать вас,
Уважает – всею душою и сердцем.

Пав. Свинын.

22-е февраля 1832.

Москва».

Дон. 1957. № 6. С. 152.

Февраль, 22. Петербург.

«Русский Инвалид» (№ 46) сообщает, что «февраля, 19, в пятницу А. Ф. Смирдин давал Русским литераторам новоселье в прекрасном доме на Невском проспекте... На сей праздник приглашено было до 120 русских писателей... Первый гост Николай Павловичу... Второй: памяти Ломоносова, Державина, Кантемира, Капниста, Богдановича, Фонвизина, Аблесимова, Хемницера, Княжнина, Озерова, Кострова, Грибоедова. Потом пито за здоровье заслуженного поэта И. И. Дмитриева...».

Февраль. Москва.

Дмитриев знакомится с книгами, привезенными А. И. Тургеневым из Тургеневской библиотеки имени Тургеневых в Симбирской губернии.

Арх. бр. Тургеневых, Вып. 6. С. 94.

Март, 1. Вторник. Петербург.

Кн. Вяземский просит жену передать И. И. Дмитриеву, что «на Смирдинском обеде, когда Пушкин обнимал Хвостова, кто-то сказал: вот в действии пословица: седина в бороде, а бес в ребро...».

Звенья. IX. С. 302.

Март, не позднее 29. Петербург.

Выходит в свет третья часть «Стихотворений Александра Пушкина».

Летопись, 1999. Т. 3 (1829–1832). С. 463.

Апрель, 8. Москва.

Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 527. № 71. Л. 1.*

Апрель, 9. Суббота. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Любезнейший князь Петр Андреевич!

И я мешкал моею перепискою, чтобы не начать ее пустословием: ибо нечего другого и ждать с Патриарших прудов от старика, уклонившегося даже и от Англинского клуба, вскоре по принятии оным билля реформы.

Теперь же с простертыми руками прижимаю вас к сердцу и приветствую с достижением светлого праздника; искренно желаю вам встретить и проводить его так же весело, как и сырную неделю, но не падать с качели, ниже скользить по паркету.

Благодарю вас за сообщение новостей, хотя не совсем новых, и прошу поблагодарить любезного Александра Сергеевича <Пушкина> за третий том его стихотворений. Как нарочно случилось, что я за несколько часов до получения оною был очень обрадован прикупкою шести книжек Онегина, которого сберегли у меня только две книжки: 1 и 8. Теперь придется прикупить 1-ю и 2-ю стихотворений, ибо я довольствовался первым изданием в одной книжке, не зная о *новом*. Я не вытерпел прочитать еще раз *Моцарта и Сальери*. По этому, говоря модным языком, *созданию* признаю я и мыслящий ум, и поэтический талант Пушкина в мужественном полном созрени.

Пока не успел писать к ним, усерднейший поклон почтенной Катерине Андреевне, милой Софье Николаевне <Карамзиным> и всему семейству; также и милому, во всем неизменному, кроме здоровья, и искренно мною любимому Василию Андреевичу <Жуковскому>; скажите ему, что я всем сердцем желаю, чтобы он был и здоров по прежнему, и продолжал утешать нас, даже позволяю и пугать своею лирою, на всех тонах целомудренной и благозвучною.

Прошу вас также сообщить мой усердный поклон, приветствия с праздником двум новым министрам <Д. В. Дашкову – министру юстиции и Д. Н. Блудову – министру внутренних дел> и сказать, что я вспрыгнул от радости, узнав о их наименовании, и по влечению сердца хотел бы поздравить их на письме, но посоветился утрудить их ответом.

Окончиваю душевным почтением и нежною приязнию, которую навсегда сохранит преданный вам Дмитриев.

Создание Карла XI дошло уже до своего назначения. В первый день праздника и я буду в обновке».

СН. 1898. Кн. II. С. 164–165 (№ 56).

Апрель, 10. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Апрель, 13. Среда. Петербург.**

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Я все выжидал случая, как бы письму моему явиться к в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву не с пустыми руками. Вот оно и передает вам подарок от Пушкина. Хотя я во все это время и не имел чести писать лично к вам, но надеюсь, что из писем моих к жене и к Тургеневу вы видели, как память и преданность мои неизменно верны вам. Отпускаем к вам своих дорогих Москвичей, которые порасскажут о нашем петербургском житье-бытье. Хорошо, если заслушались бы вы и приехали смотреть сами на то, что у нас делается, если что и делается. На первый случай рекомендую вам новую книжную лавку – Смирдина, первую европейскую лавку с русскими книгами. В ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно: говорю не в литературном отношении. Везде – красное дерево, бронза, все так нарядно, так блестит, что русским книгам должно быть совестно тут. По неволе вспомнишь стих Крылова...

Об обеде для новоселья, на котором журналисты перепились пьяные и за который потом в журналах передрались, говорить не стану. Увидим, какова будет *дижесяття* этого обеда, т. е. альманах, который обязались мы поставить в благодарность за хлеб соль. Здесь есть довольно много движения в литературе, но движения без деятельности и действия. Смирдин, сказывают, снимает Северную Пчелу и Сын Отечества и дает за право прежним откупщикам по 60 или 50 тысяч ежегодно. – Известно, что в числе коренных государственных узаконений наших есть и то, хотя не объявленное Правительствующим Сенатом, что никто не может в России издавать политическую газету, кроме Греча и Булгарина. Они одни – люди надежные и достойные доверенности правительства; все прочие, кроме единого Полевого, злоумышленники. – Вы, верно, пожалели о прекращении Европейца, последовавшем, вероятно, также в силу вышеупомянутого узаконения. Все усилия благонамеренных и здравомыслящих людей, желавших доказать, что в книжке Европейца нет ничего революционного, остались безуспешны. В напечатанном конечно, нет ничего возмутительного, говорили в ответ, но тут надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увидите злые умыслы и революции как на ладони – Против такой логики спорить нечего. Здесь, говорят, что Уваров будет товарищем министра просвещения, а другие – и министром. Не знают: радоваться ли тому... Чего бы лучше Блудова на это министерство? – Хомяков читал нам свою трагедию *Дмитрий Самозванец*, продолжение и в роде трагедии Пушкина, но в ней есть более лирического. Вообще произведение очень замечательное и показывающее зреющий талант автора. Он отдаст ее в печать, и кажется она уже вышла из когтей цензуры с немногими царапинами. Советую вам выписать новое сочинение Сальванди *la Révolution et les Révolutionnaires*, второе издание: в первом дается отчет в 16 месяцах, в другом добавленном издании уже в 20. Здесь его нет в продаже: а то поспешил бы я доставить к вам. В нем живо и горячо описывается состояние нынешней Франции. – Политических новостей здесь нет: все глаза выпучены на Бельгию и на Анкону и ожидают, чем они разрешатся. Я думаю, мышью. – *Aurons nous la paix ou la guerre?* спрашивали у Талейрана. *Ni l'une ni l'autre* – отвечал он. И сей ответ удивительно верно характеризует нашу эпоху. Главное политическое событие в Петербурге есть запрещение азартных игр: этою мерою усилилась оппозиция. И старик Румянцов того и смотри займет у нас место старика Лафайета. Вижу довольно часто Блудова и редко Дашкова, который сам никуда не ездит и принимает к себе только в означенные дни. Жуковский, разумеется, все тот же. Жаль, что здоровье его опять портится, судя по желтому лицу его. – Все ваши знакомые ожидают вас весною сюда. Право, прогуляйтесь к нам. Угостим вас, как только умеем и можем. В ожидании приятного события надежд наших, имею честь и пр.»

РА. 1868. IV. 2. Стб. 615–618.

Апрель, 13. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 137 (1-я, старая, пагинация).*

Апрель, 18. Понедельник. Москва.

Дмитриев в письме к П. П. Свиньину в Петербург пишет:

«Милостивый государь Павел Петрович. Если я не успел отплатить вам взаимным приветствием вас с достижением великого праздника, так ничто не помешает мне от всего сердца поздравить вас и милостивую государыню Надежду Аполлоновну с новорожденною. Дай Бог ей доброе и прочное здоровье. Да будут чада чад ваших утешением вашей глубокой старости. Между тем, пока вы еще в мужестве лет ваших, прошу вас не робеть и не ослабевать в начатом деле. При достаточном запасе матерьялов, нужно только иметь тонкую разборчивость в выборе, пронизательность в критическом рассмотрении оных, верное и в надлежащем порядке изложение событий, на языке правильном, простом, но благородном, каков Карамзинский, (не в осуду будь сказано Полевому и его обезьянам), тогда без риторских усилий автора, слог его получит благозвучие, силу и красоту, а умный читатель, не подозревая и сам того, и философический взгляд, и политические соображения, и энтузиазм к описываемому лицу, если оно того стоит. Вы, может быть, рассмеетесь тому, что бывший дееспособный мухи, ворона, крота и кошки, осмеливается говорить о прагматической биографии человека. Мне самому это смешно, но не краснею: между авторами и приятелями, взаимно доброхотствующими, первую обязанностью должна быть искренность. С тою же искренностью и тем же доброхотством завидую вашему счастливому положению, и авторскому и домашнему: вы умели и умеете во всех возрастах пользоваться и наслаждаться жизнью.

Закрываю свидетельством искреннего моего почтения и преданности вам и любезной вашей супруге, кои навсегда сохранит, милостивый государь, ваш покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

Р. С. Иноземного ума еще нет в присыле; наш мелькает в журналах ... получил от Уварова, читанную в Академии наук, речь безыменного митрополита, произнесенную им при коронавании Шуйского, где-то найденную Строевым, а от Хвостова — прощание его с землею. Говорит, что он скоро полетит весь в лучах. Это любопытно было бы видеть. Но вы, верно, уже получили его афишу. Пожелаем ему погостить еще в подлунном мире и потужим о Готье и Калайдовиче (Константине). Первый скончался перед праздником, а о последнем сейчас принесли ко мне известительный билет от бедной жены его».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 303—304.

О Колайдовиче см. у А. Я. Булгакова: «Умер бедный Калайдович, патриот и автор хороший. 14 декабря его так поразило, что он от негодования занемог, а там и с ума сошел. Добрый князь Дм. Вл. <Голицын> выпросил ему пансион. Хотя он служил в Архиве, я полагаю ... Малиновский за это прогнал его и теперь не хотел представить о пенсии жене, оставшейся с 4 ребятами в такой нищете, что мы делали складчину, чтобы его похоронить. Спасибо Бекетову: дал 1000 р.» (РА. 1902. Кн. 2. С. 283; письмо от 4 мая 1832 г.).

Июнь, 3. Пятница. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Позвольте мне поднести в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву в подарок картинку, которая вероятно вам полюбится. По крайней мере купил я ее в надежде, что и она займет местечко на одной из *разнообразных* ваших стен. Не проглядите только приведения и отыщите его между деревьями. Вот и лето на дворе, или по крайней мере в календаре, а у нас такой холод, что сушая осень; но не менее того настала обыкновенная пора ваших путевых предположений и, судя по письму вашему к Екатерине Андреевне <Карамзиной>, есть некоторые вероятности и в пользу Петербурга. Милости просим! Карамзины уже отправились в Ревель и приказали сказать вам, что будут сидеть у моря и ждать вас. В августе отправятся они в Дерпт. Вообще наш круг редеет. Жуковского здоровье так плохо, что решением медиков, присланных к нему на совещание от Императора, положено ему ехать в Эмс, а на зиму в Италию, или в южную Германию. Не смотря, что жаль расстаться с ним на год, но я перекрестился от радости, и расцеловал доктора Арендта, когда узнал, что дело решено. Все это время Жуковский истинно сокрушал нас болез-

ненным лицом своим. Постоянное кровотечение совершенно изнурило его и угрожает водяною. Он бел, желт и прозрачен как воск. Дух его был также в разительном упадке. Дай Бог, чтобы время не ушло и воды могли бы помочь. Тургенев также пускается странствовать по белому свету, не зная, где бросить якорь свой за разными холерными и политическими карантинами, расставленными вдоль и поперек Европы. На подставу возвратился к нам Михаил Вьельгорский, нимало не изменившийся в трехлетнее отсутствие, хотя и выучился языкам греческому и еврейскому и окурился германскою философией. Но все эти приобретения не подавили собственности его, и он попрежнему мил, любезен и добрый приятель. Здесь есть еще замечательный гость: Поццо ди Борго, но я еще не встречал его и даже не слышал о нем ничего особенного и животрепещущего. – Городские гостинные уже закрыты, а сельские за холодом еще не растворены, и таким образом люди не сходятся, и движение общезжития пока в оцепенении. Впрочем, Петербург такой глухой город, что не скоро дождешься в нем эха. Здесь на деле сбывается известная шутка иностранца, что в России речи мерзнут в воздухе; по крайней мере умные. В литературном мире, за исключением обещанного позволения, данного Пушкину – издавать газету и с политическими известиями, нет ничего нового. Но и это – важное событие, ибо подрывает журнальный откуп, снятый Гречем и Булгариным. Желая воскресить для вас А. Е. Измайлова, сообщу вам один анекдот о графе Хвостове. Он публично упал и растянулся на земле, на Елагинском гулянье, садясь в коляску свою. Жена завизжала, и весь народ бросился смотреть его и слушать ее: но все обошлось без беды, и графа подняли, как ни в чем не бывало. Приключение это, вероятно, будет воспето самим Хвостовым. Был и другой случай под деревом в Летнем саду. За неимением Измайлова неужто ли будет в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительств]ву предложить этот сюжет соседу вашему Неелову. Впрочем, бедный Хвостов жалок; он так дряхл и расслаб, что недолго осталось ему публично падать, писать и ...

Молодое министерство наше хворает, т. е. не нравственно и не политически, а просто – телесно. Блудов и Дашков – не здоровы. Первого я видел, он простудился; другого мало видишь и здорового, а о больном и говорить нечего. Он, я думаю, хотел бы заочно показывать и язык свой доктору, если можно. Все общие друзья наши свидетельствуют вам свое почтение, а здесь остающиеся приглашают вас в гости. Получили-ли вы от Беллизара несколько из новопривезенных книг? Есть между прочим и довольно замечательные, хотя ультра-романтическая литература, т. е. уголовная, тюремная, лобная и циническая, овладела почти всеми типографическими станками. Есть книга: *La pile de Volta, recueil d'anecdotes violentes, publiées par un partisan de la littérature galvanique*. Книга пустая, но заглавие очень хорошо, а эпиграф еще лучше: *Vous voulez des secousses nerveuses, vous en aurez*. И в самом деле, книга, которую не нужно запивать гофманскими каплями, теперь не произведет никакого действия».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 618–620.

Июнь, 10. Пятница. Москва.

Дмитриев на похоронах И. А. Рушковского.

РА. 1902. Кн. 2. С. 289.

Июнь, 21. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«От всего сердца благодарю вас, милостивый государь князь Петр Андреевич, за долгожданное, но не меньше приятное, ваше письмо и за гостинец. Он будет эпилогом моей Наполеониды, то-есть, коллекции его портретов в разных периодах жизни его.

Известие ваше о любезном В. А. <Жуковском> истинно меня тронуло. Скажите ему мой усердный поклон. Дай Бог, чтоб отсутствие его было и ему, и нам в пользу, а возвращение в радость друзьям и почитателям всего доброго и изящного.

Моя же поездка остановилась за необходимою перекладкою печей и перестилкою полов в моем доме. Чем начну путешествие: Ревелем или селом Богородским, еще

сам не решил. Хотел бы побывать на обоих концах нынешним годом, если не будет наряда к дальнейшему и невозвратному походу в страну отцов наших. Приятно доживать и до 70 лет, и далее, но скучно одно, что будь на каждом шагу с оглядкою, при всяком предприятии, и при каждом желании невольно сказывай сам себе: на долго ли?

Жаль и графа, но ему падать в привычку, и по мне лучше спотыкаться, чем, по словам его *Прощения с землею*, отваживать себя на полет в Ампирей, не в пухе гораціанского лебеда, но *лучезарным*. Вероятно, это аллюзия к старому его глазову кафтану, которой он сберег по выходе из камер-юнкеров.

Прощайте, пока он собирается лететь, я поползу осматривать вчерашнюю садку вокруг новой моей беседки, хотя и помню: *passé encoré de batir, mais planter à cet âge!* А потом примусь Gilbert в Hôtel-dieu: теперь лишь принесли с Кузнецкого.

Вспоминайте иногда постоянно вас любящего и почитающего И. Дмитриева.

Р. С. Прошу сказать тоже и Д. Н. Блудову».

СН. 1898. Кн. II. С. 165–166 (№ 57).

Июнь, 28. Вторник. Москва.

Дмитриев делает пометку в белой рукописи примечаний к первой части «*Взгляда на мою жизнь*»: «Примечания дополнены и переписаны в 1832 году, Июня двадцать осьмого».

Июнь, ок. 30. Москва.

Приезд Н. В. Гоголя из Петербурга.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма / Сост. В. А. Воропаев, И. А. Воропаева. М., 1999. С. 625 (Письмо Гоголя к Н. О. Прокоповичу от 8-го июля из Подольска).

Июль, 6... 7. Москва.

Гоголь посещает Дмитриева.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма / Сост. В. А. Воропаев, И. А. Воропаева. М., 1999. С. 625.

Июль, 19. Вторник. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Я был тронут живейшим чувством благодарности, получив обязательное письмо в. [ашего] в. [ысоко] п. [ревосходительств] ва – лестное и драгоценное свидетельство вашего внимания и заочного дружеского благорасположения к Остафьевскому имениннику, ибо, когда меня и нет, я все таки именинник в одном Остафьеве. В другом месте, где бы то ни было, я – просто безымянный. Там сердце, память и все чувства души дают какой-то особенный смысл Петрову дню и смысл *непереводимый*, во всех отношениях этого слова. Ни на какой язык и никак с места его не переведешь. Сколько уж не, которые праздновали с нами этот день; из живых – как многих судьба разбросала и растасовала; кого вверх, кого вниз, а все разрознила. – От Жуковского и маленького Гримма-пилигрима имели мы известия из Любека. Они доплыли благополучно, хотя плыли с трудом и опасностью. Погода была довольно крутая. Теперь и они разъехались, каждый в свою сторону. Жуковский на море чувствовал себе бодрее и здоровей, по крайней мере кровь остановилась. Хорошо, что успел он во время убраться. Холера сильно свирепствует в Любеке, и вероятно пароходное сообщение с Петербургом на время прекратится. Холера разнеслась и по водам, между прочим в Теплице, а как слышно – и в Карлсбаде. Видно, никому не миновать ее. Беллизар сказывал мне, что он вам постоянно пересылает замечательные новости. Авось, не доставил он еще следующей, и мой гостинец не опоздает. Это – письма молодого кн. Мещерского, сына Синодального и письма несколько синодские, а с другой стороны много ребяческого жара и болтовни, много самохвальства, не только патриотического, которое извинительно и даже увлекательно, когда оно подержано дарованьем, но много самохвальства личного и вовсе не приличного. Признаюсь, излишний патриотизм и в самом эпитафе. Выходя на бой с Европою, смешно взять Шаховского герольдом своим, смешно иметь союзником себе и Mr. Masclet. С ними не далеко уйдешь и никого не испугаешь. Впрочем, книгу

все прочесть можно с любопытством и с желанием автору более зрелости в мыслях, ибо благонамеренность одна в подобных случаях недостаточна. Испанская пословица говорит, что *ад выможен благими намерениями*. Что в них, когда они разряжаются промахами!

Нам обещают новую оду Хвостова на сооружение колонны, которое последует 30 августа. Вот, в.[аше] в.[ысоко] п-[ревосходительств]во, приезжайте на этот праздник, т. е. не на оду, а на колонну.

В Ревель уже вам ехать не за чем, по крайней мере не застанете более там Карамзиных. 20 нынешнего месяца выезжают они в Дерпт. Молодой или будущий газетчик занят своею беременностью. Тяжелый подвиг, особенно при недостатке сотрудников. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубок. — Смирдин замышляет новое издание Истории Российской. А что делает кривой романист и слепой историк? Здесь говорили, что он будет в числе депутации, которая отправляется из Москвы благодарить государя от лица купечества».

РА. 1868. № 1. Стб. 620—622; *Пушкин и его совр.* Вып. V. С. 51.

Июль, ок. 20. Васильевка.

Приезд Н. В. Гоголя из Москвы.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма / Сост. В. А. Воропаев, И. А. Воропаева. М., 1999. С. 626.

Июль, не ранее 20-го. Васильевка.

Письмо Н. В. Гоголя к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Приехавши на место, я почел долгом писать к вам. Ваш ласковый прием и ваша доброта напечатались неизгладимо в моей памяти. Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и недоверяющему себе автору. С того времени мне показалось, что я подрост по крайней мере на вершок. Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть. Мысль, что все прекрасное и радостное мгновенно, не оставляла меня до тех пор, пока не присоединилась к ней другая, что, через три или четыре месяца, я снова увижусь с вами. В дороге занимало меня одно только небо, которое по мере приближения к югу, становилось синее и синее. Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы. Теперь я живу в деревне совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены, и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним и винокурением не лъзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, частливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; еслибы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость.

Но я думаю, уже наскучил вам статистикой здешнего края.

Так как вы были столько снисходительно добры, что изъявили желание знать об обстоятельствах того, который, еще не выдавши вас лично, питал к вам благоговейное уважение и привязался к вам всею душою, то скажу, что здоровье мое поправляется и, кажется, в лучшем состоянии, нежели в Москве. Совершенного же здоровья не надеюсь скоро дожидаться.

Позвольте по крайней мере пожелать вам, чтобы еще в продолжении нескольких лет вы не знали совершенно никаких болезней, чтобы горе не смело переступить через порог ваш. А я, упрашивая вас не переменять вашего расположения ко мне, остаюсь с совершенным почтением и вечною признательностию вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Николай Гоголь».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1726—1728.

Июль, 31. Воскресенье. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Милостивый государь князь Петр Андреевич.

Еще прежде вашего ответа я собирался к вам с просьбою, но мешкал; теперь же вместе с искреннею благодарностью за ваше письмо и гостинец обращаюсь и с нею к вашему доброму сердцу.

С давнего времени живет в Петербурге белорусский помещик Витебской губернии Станислав Богуславич Реут. Заочное знакомство наше началось переводом его моих четверостиший, Ермака, и собственно его одою на взятие Варшавы, довольно остроумною в горазианском роде или тоне, напечатанной в Петербурге. Но я, к сожалению, должен прибавить, что вдохновение посетило его в темнице, где он несколько месяцев находился на содержании одного доброхота, из его заимодавцев, коим он задолжал до трех тысяч...

Чтоб не наскучить вам многословием, сообщаю вам при сем, последнее его письмо, которое лучше меня ознакомит вас с его печальным жребием. Между тем, убедительно прошу доставить ему по приложенному при сем адресу 50 р. асс., отправленные ныне же в особом пакете чрез почту, и позволить Реуту прибегать к вашему покровительству, когда по долговым его делам придется ему хлопотать и карабкаться по высоким крыльцам. Вас любят и в большом, и в ученом свете: не худо было бы для бедняка сделать по подписке посильную складчину. Подписка на избавление от вторичного заточения разбитого параличем старца едва ли не более усладит сердце доброхотного дателя, чем на поднесение золотой табакерки за описание блохи, или на получение язвительных выходов против Карамзина, под именем *Истории Русскаго Народа*.

Отчасти соглашаюсь с вами на счет присланной вами брошюрки, однакож я не без удовольствия читал ее: люблю, когда наш вступает за наших. Сыны новой Франции столько же не доброхотны, и еще более невежды, как и их деды, когда им доводится говорить о России, не смотря на то, что и прежде, и ныне они копышутся в ней как домашние <речь идет о *Письмах* князя Мещерскаго, сына Обер-Прокурора Св. Синода>. Напишет ли наш Александр Анфимович <Орлов> подобные две глупости: “М*** жалую тебя князем, не только князем, но еще и *долгоруским*”. Засим следует замечание: “*Это титло равняется с испанским грандом*”, или: “*В этот день (светлаго воскресенья) все состояния делаются равными: бородатый мужик, встретясь на улице или в церкви с вельможею, бросается к нему на шею и приветствует: Крестовски остров, а тот отвечает ему: Васили остров*”. Первая глупость – в трагедии *Петр Великий*, недавно игранной на одном из парижских театров, другая – в новейшем путешествии по России.

Если увидите с Белизаром, прошу вас сказать ему, что я непременно пришлю к нему должную сумму, коль скоро получу от него остальные книги по приложенной при сем записке.

Но пора кончить. Вот последняя новость в московском ученом свете. Недавно два оратора говорили с кафедры: Полевой – в Коммерческом училище или Академии *О достоинстве и преимуществах купца*, а Смирнов <С. А.>, на университетском акте, о чем же говорил – неизвестно. Университет, не смотря на то, что Карамзин и я были первые избранные в члены, не удостоил меня ни приглашением, ниже присылкою напечатанного акта. Вероятно, о том и не знает племянник Льва Алексеевича <упрек Дмитриева относится Д. П. Голохвостову>. Засим: конец благополучну бреду. Прощайте, любезнейший князь, будьте здоровы, спокойны, словом счастливы, и уверены в постоянной к вам любви и искреннем моем почтении.

Р. S. При случае прошу вас сказать мой поклон В. А. Жуковскому, Д. Н. Блудову, С. С. Уварову и А. С. Пушкину, и подписаться за меня на его газету. С нетерпением жду ее...».

СН. 1898. Кн. II. С. 166–168 (№ 58).

Август, 28. Воскресенье. Москва.

Отъезд Дмитриева в Сызран(ь) (с. Богородское?).

РС. 1899. № 3. С. 690.

Август, 28. Воскресенье. Москва.

Дмитриев в письме к П. П. Свиныну в Петербург пишет:

«Я пишу к вас на-скоро, в самую минуту моего отъезда в отчизну; хотя и поздно, но необходимость не смотрит на слякоть. Как мне жаль вашего костромского поэта-самоучку. Вот как наш первенствующий университет ободряет! К удивлению моему узнал, что и лопатинский крестьянин, уже читавший в оригинале Шиллера и Гёте, ныне уже исключен из университета. И так, мы теперь оба под домашней кровлей: но какая разнища. Буду коротать долгие и темные вечера оди-нокий, говорить не с кем; для чтения глаза уже и днем плохи. Но что делать, должен покоряться судьбе и благодарить Промысл за 70 лет и еще молодую душу.

До свидания, любезный биограф, бодрствуйте и подвизайтесь с успехом, чего от всего сердца желает всегда преданный Дмитриев».

РС. 1899. № 3. С. 690.

Об отъезде Дмитриева на родину пишет в письме от 15 сентября (в четверг) А. Я. Булгаков к брату: «Каков же, брат, Ив. Ив. Дмитриев! Поехал в Симбирск, подорожная на 6 лошадей, и везде брал в особенной повозке еще тройку, за которую нигде не платил. Не срам ли это? А еще был министром, блюстителем юстиции! Все бы еще простительно в карету или в коляску вместо 4-х брать 6 лошадей; но поехать из Москвы и взять другую повозку с тремя лошадьми, а платить за 6, это довольно мерзко. Я ему хочу написать, что до меня это дошло, но что я верить не хочу; что это, верно, злоупотребление его людей...» (РА. 1902. Кн. 2. С. 307).

Сентябрь, 10. Суббота. Сызран(ь) (Богородское?).

День рождения И. И. Дмитриева. Ему минуло 72 года.

Сентябрь, 17. Суббота. Петербург.

Кн. Вяземский передает с отъезжающим в Москву Пушкиным письмо к жене и к И. И. Дмитриеву.

Сентябрь, 17. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Благодетельное пособие в.[ашего] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ва, бедному Реуту <поляку, переводчику на польский язык некоторых стихотворений Дмитриева> пришло в самую пору и послужило ему добрыми проводами в дальний путь. Он вскоре после того и скончался. Извините меня, что извещаю вас поздно о немедленном исполнении поручения вашего. Я и сам был болен и озабочен разными хлопотами; теперь при мертвой букве посылаю вам и живую грамматику – поэта Пушкина и будущего газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось с легкой руки вашей одержит он победу над врагами ада, т. е. Телеграфа, зажмет рот Пчеле и прочистит стекла Телескопу. Новостей политических и литературных сообщать вам нечего, если и есть оне: Rome n'est plus dans Rome, elle est toute à Moscou. Царь и Пушкин у вас, политика и литература воцаренные. Теперь Петербург – упрямый город, и за неимением новостей вчера распустили было слух, что умер Хвостов, но, благодарение Фебу, он еще здравствует. Из Дерпта получаю довольно частые известия. Андрей и Александр <Карамзины> уже студенты. По части учения, Екатерина Андреевна <Карамзина>, кажется, довольна своим пребыванием в Дерпте; но впрочем ей все еще не по себе и дико в этой новой и привычкам ее совершенно чуждой атмосфере. На сыновей своих смотрела она доньше, как на детей, а теперь видит в них юношей на поприще, известном нам легендами преподобного Языкова. Крутой переход, нечего сказать, особенно же для матери, какова она. Ce til que je tenais jadis dans mes mains, пишет она мне, et au bout duquel je croyais que mes fils se trouvaient, ici m'échappe continuellement, ou se rompt souvent; si j'étais sûre, que ce n'est pas mal pour eux, je serais tout de

suite tranquille et calme, mais c'est cette incertitude qui est si pénible pour moi... Опасения и волнения материнские понятны, но должно надеяться, что все обойдется хорошо и кончится к лучшему. Во всяком случае она исполняет обязанность и волю отцовскую. Карамзин всегда желал, чтобы сыновья его окончили свое образование в германском или в дерптском университете. Сыновьям Карамзина мало иметь обыкновенное воспитание, им нужно явиться в свет и с Карамзинским образованием. — Мы в это последнее время часто говорили с Пушкиным о необходимости жизнеописания Карамзина. Это совершенно дело ваше, по сердцу, по уму, по обстоятельствам; это необходимое пополнение собственных ваших Записок, вторая половина жизни вашей. Вся жизнь Карамзина слилась с вашей, и память ваша — одно ее живое хранилище. Как вы знаете его, так никто не знает. Если вы уже не хотите приступить к труду полному и цельному, то передайте по крайней мере мне из памяти своей биографические материалы, т. е. сокровища, которые имеете вы одни, и я под руководством вашим буду приводить их в единство. Вы когда-то позволили мне предложить вам вопросы о жизни Николая Михайловича; если уже никак не согласитесь написать от себя биографические записки о нем, то повторяю просьбу мою о дозволении представить вам некоторые пункты для пояснения. Время уходит, и мы уходим. Много из того, что видели мы сами, перешло уже в баснословные предания, или и вовсе поглощено забвением. Надобно сдавать свои драгоценности в сохранное место.

О Жуковском последние вести были довольно утешительны. Он поправляется в здоровье своем. Теперь должен он уже быть в Италии. От Гримма-пилигрима имели мы также известия из Германии, а на зиму собирается и он в Италию. На днях Д. Н. Блудов имел легкой припадок холеры, которая хотя и не сильно, а все колышется здесь в народе. До нынешнего времени перевалила она человек 700, из коих более половины умерло. Д. В. Дашков одержим все тем же припадком невидимости. По крайней мере он и тут, как Юстиция, нелицеприятен, потому что равно все жалуются на недоступность его — и приятели, и недоброжелатели.

Посылаю в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительств]ву в гостинец историческую щепку из подмостка, разодранного колонною, когда тащили ее и ставили. Я сам взял эту добычу по горячим следам колонны. Вьельгорский свидетельствует вам свое почтение. Он скоро ожидает жену свою».

РА. 1886. № 1. Стб. 623—624; СН. 1898. Кн. II. С. 234.

1832. Сентябрь, 21 ... Октябрь, 10. Москва.

Пушкин находится в Москве.

Вероятно, Пушкин в Москве занимался поиском сотрудников для своей газеты. В письме к жене около (не позднее) 30 сентября 1832 г. он пишет: «Голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с нею?» (Акад., XV, № 772).

1832. Сентябрь, 22 ... 26. Москва.

Встреча Дмитриева и Пушкина. Запись Пушкиным рассказа Дмитриева о Пугачеве:

«Дмитриев. Предания.

Дмитриев услышал о Пугачеве от слуги, ездившего в Симб.[ирскую] воеводскую канцелярию с его отцом. Возвратясь, слуга рассказывал о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань в оковах с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнаженными тесаками.

Пугачев брал милостыню, скованный с другим колодником. На улице Замошней Решетки стояла кибитка etc.

Полковник Чернышев был тот самый, о котором говорит Екатерина в своих записках. Он и брат его были любимцы Петра III, который сделал одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала п.[етер]б.[ургски]м комендантом. Брата его полковником и комендантом симбирским. П.[етер]б.[ургский] комендант в старости своей был в связи с Травиной — он целый день проводил в ее доме, сидя под окном, и к зоре отправлялся в крепость.

Белобородов был казнен в Москве прежде поимки Пугачева. Ген.[ерал] Потемкин имел связь с Устиньей, второй женою Пугачева. Панин вырвал клоч из бороды Пугачева – рассердясь на его смелость. Кар был человек светский и слыл умником. Дурнов лежал между трупами».

Акад. IX (2). С. 497—498.

В примечании к главе пятой (в текст «Истории Пугачева» не вошедшей) Пушкин поместил рассказ И. И. Дмитриева, записанный поэтом, вероятно, во время этой встречи, как Г. Р. Державин велел повесить двух человек, примкнувших к Пугачеву: «И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости».

Сентябрь, 22. Венеция.

А. И. Тургенев просит в письме кн. Вяземского:

«...Забыл главное: еще в Москве, по твоём отъезде, получил я от С.[офьи] П.[етровны] Свечиной поручение собрать рукописи знаменитых Русских писателей, или других особ, и в том числе именно требовались твоя, Пушкина, Жуковского, Дмитриева, Карамзина и других». Далее Тургенев просит прислать для альбома С. П. Свечиной «записки Дмитриева», которые находились у Вяземского.

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 113—114.

Сентябрь, не ранее 23-го. Васильевка (Полтавская губ.).

Н. В. Гоголь получает письмо Дмитриева из Москвы.

Сентябрь, 23. Пятница. Васильевка (Полтавская губ.).

Письмо Н. В. Гоголя к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Необыкновенно приятно изумило меня письмо ваше. Несколько раз я перечитывал драгоценные для меня строки. Я не ожидал его; я думал, что мой адрес вам неизвестен; но ваше заботливое внимание и участие тронули меня до слез. Благодарю вас за них; они оживили меня и подвинули на все благое. Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки; и если со временем произведу что нибудь достойное вашего внимания, то виновником этого будете вы. Ваше поздравление меня с небом Украины и яркими лучами солнца пришлось очень кстати: весь август здесь был прелестен, начало сентября похоже на лето. Я в полном удовольствии. Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей. Еще месяц я проживу здесь, потом еду в Москву и лично принесу вам мою благодарность за ваше снисходительное внимание.

А до того с совершенным почтением и вечною признательностию остаюсь вашего высокопревосходительства, милостивого государя, покорнейшим слугою. Н. Гоголь».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1728—1729.

Сентябрь, 29. Четверг. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 136 (1-я, старая, пагинация).*

Октябрь, 10. Понедельник. Москва.

Отъезд Пушкина в Петербург.

ИВ. 1883. Декабрь. С. 535—536.

Октябрь, 11. Вторник. Москва.

Дмитриев на обеде у московского градоначальника князя Д. В. Голицына вместе с С. С. Уваровым, М. Н. Загоскиным, Самариным, Н. И. Надеждиным, С. П. Шевыревым и И. И. Давыдовым.

СН. 1898. Кн. II. С. 169.

Октябрь, 12. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Торопясь писать последнее мое письмо, я позабыл отвечать вам, любезнейший князь, на главную статью его. Теперь же на досуге чувствительно благодарю вас за ваш вызов, истинно для меня лестный; но в настоящем положении моем, когда старость ослабила мой ум и сделала меня недоверчивым к собственным силам; когда она не охладила во мне одно только чувство благоговения к незабвенному моему другу, чего можно ожидать от пера моего? И в какое же время? Когда зоил и кавалер судит живых и мертвых и невозбранно глумит не только над нашей братьей, давно уже им уничтоженной, но и над самим Карамзиным? Когда он почти при каждой книжке *Телеграфа* шевелит прах его. Нет, любезнейший князь! Дух кротости и смиренномудрия не есть моя добродетель. Не смотря на мою старость, мне захотелось бы отвечать ему, а ответом моим, может быть, подал бы ему повод к новому оскорблению памяти моего друга, и тогда я от моей совестливости нигде бы ни нашел места.

И так, от всей души уступаю вам честь быть биографом того, кто для обоих нас был чем-то священным. Предлагайте мне смело вопросы: на каждый охотно буду отвечать, а не ответить, сколько знаю и как умею.

Не скрою от вас, что хочется и мне заплатить посильную дань моему другу, но это будет состоять в двух-трех страницах, в числе примечаний в последней части моих записок, о последнем годе жизни Николая Михайловича <Карамзина>.

На днях удалось мне с Уваровым выслушать сряду две лекции, не сходя с места: Давыдова и Каченовского. Слушая первого, сидел плотно, а последнего, — уже начал пошевеливаться и даже привставать со стула.

Вчера же у князя Дмитрия Владимировича <Голицына> обедали Уваров, Загоскин, Самарин, Надеждин, Шевырев, Давыдов и ваш покорный слуга. Спасибо князю. Он первый из главнокомандующих в Москве показывает внимание к отечественной словесности и не чуждается наших писателей. От чего же? От того, что сам образован.

Заключаю поздравлением вас с прибытием княгини. Мне очень совестно, что не успел отблагодарить ее за прощальный визит, полагая, что на другой по утрам уже не застаю ее, по собственным словам ее; но после узнал от Ч., что она еще пробыла сутки. Прошу сказать княгине душевное мое почтение, с которым равно к вам пребудет неизменно преданный вам И. Дмитриев.

Кланяйтесь Блудову и Пушкину, нетерпеливо жду проспектуса об его журнале».

СН. 1898. Кн. II. С. 168—169 (№ 59).

Октябрь, 18. Вторник. Москва.

Приезд Н. В. Гоголя из Васильевки.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма / Сост. В. А. Воропаев, И. А. Воропаева. М., 1999. С. 626.

Октябрь, 21. Пятница. Петербург.

Кн. П. А. Вяземский назначен исправляющим должность Вице-Директора Департамента внешней торговли.

РА. 1900. Кн. I. С. 364.

Октябрь, 30. Воскресенье. Петербург.

Приезд Н. В. Гоголя из Москвы.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма / Сост. В. А. Воропаев, И. А. Воропаева. М., 1999. С. 626.

Ноябрь, 8. Вторник. Москва.

М. П. Погодин делает запись в дневник: «К Дмитриеву за рукописью Пушкину, которая меня очень тревожит».

Пушкин и его совр. Вып. XXIII—XXIV. С. 119.

«К Дмитриеву за рукописью» — Погодин пишет, несомненно, о рукописи воспоминаний И. И. Дмитриева, которые очень интересовали Пушкина в связи с его работой над пугачевской темой. Судя по записи, Погодин, выполняя просьбу Пушкина, ходил к Дмитриеву просить эту рукопись и очень опасался получить отказ. Дмитриев, вероятно, не без колебаний, предоставил поэту возможность ознакомиться с рукописью воспоминаний. Но не со всей рукописью, а только с той ее частью, где описывается казнь Пугачева.

Ноябрь, 30. Среда. Петербург.

Письмо Н. В. Гоголя к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый Государь Иван Иванович.

Я очень виноват перед вашим высокопревосходительством. Никаким образом не удалось мне быть у вас перед выездом моим в Петербург. Одна только уверенность, что вы, зная мою неличемерную признательность и то глубокое уважение к вам, которое должно находиться в сердце каждого Русского, меня извините, эта одна уверенность совершенно меня успокаивает. Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь и хотя еще не успел побывать у кого бы следовало (чему причиною лень, вывезенная мною из Малороссии) однакож виделся с Пушкиным. Газеты он не будет издавать, и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком. Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена помещенного в Север. Цветах на 1831. Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума — куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием *Дом Сумасшедших*. Вот все почти наши новости! Желая заглянуть перед вами невольный проступок мой, я спешу скорее отправить письмо и потому не распространяюсь. Но в следующий раз (если только это не нанесет вам скуки) постараюсь уведомить и об моих занятиях, которые впрочем не значительны. С чувством всегдашней признательности и глубочайшего почтения остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга Гоголь».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1729—1730.

Декабрь, 23. Пятница. Дерпт.

Письмо Е. А. Карамзиной к И. И. Дмитриеву в Москву; в письме она пишет:

«...А я совершаю свой подвиг, как я вам то писала в последнем моем письме: вот уже пять месяцев, что мы в Дерпте, т. е. целый семестр студентский, и теперь сыновья старшие делают свои экзамены; когда кончат, тогда соображу пользу нашего пребывания со всеми невыгодами и жертвами, мною принесенными, и если польза детей окажется хоть немного существительною, то останемся еще на несколько семестров, и тогда я забуду все неприятности, которых тьму тьмущую на каждом шагу встречаю...».

Карамзин, 1866. С. 437 (отрывок).

Декабрь, 27. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к Н. И. Гнедичу в Петербург:

«Милостивый государь Николай Иванович!

Приятно начинать год благодарностию: примите же оную от глубины души моей за драгоценный для меня ваш подарок. Стихотворения ваши подарили меня самым теплым и ясным утром. Я нарочно для них отложил мою обыкновенную прогулку и не отстал от книги, пока не дочитал ее. К сугубому моему удовольствию нашел в ней много стихов, которые по скромности вашей до меня не доходили.

Но я, увлекаясь моим чувством, чуть не позабыл, что начал Новым годом. Итак, позвольте мне заключить мои строки искренним приветствием вас с благополучным достижением оного и сердечным желанием вам лучшего здоровья и душевного спокойствия на многие, многие годы.

Между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 436.

В ОР РНБ (Ф. 197, Гнедич Н. И., № 44, л. 1–2 об.) хранится недатированное письмо И. И. Дмитриева из Москвы к Н. И. Гнедичу, оставшееся недоступным составителю.

Декабрь, 31. Суббота. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Приношу в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву с истекающим годом и с поздравлениями на будущий повинную голову мою, или правильное сказать, повинную руку (но невинное сердце) за долгое и невольное молчание. Вы требуете собственноручного свидетельства от меня в моем настоящем звании: согласно требованию вашему, клянусь вам в полном уме и в совершенном здоровье тела и духа, что точно я нижеподписавшийся – *исправляющий должность вице-директора департамента внешней торговли*, и тем более могу вас в том удостоверить, что по милости Божией приходилось мне в иное утро подписываться в том до 400 раз и более. После того нельзя не верить тому и не затвердить этой истины, от которой иногда зарябит у меня в глазах и так надоеет мне имя мое, что для роздыха и развлечения рад бы вместо князя Петра Вяземского написать: *граф Димитрий Хвостов*. Для полной очистки старых дел, лежащих на совести моей, спешу также довести до сведения вашего поручение, давно на меня возложенное. Вот что маленький Гримм писал ко мне из Венеции: “Я давно собирался попросить тебя дать знать И. И. Дмитриеву, что я очень огорчен его холодностью в последние дни моего пребывания в Москве и что если и виноват, то невинно, и потому ему легко простить мне и любить меня по старому”.

Прошу покорнейше сообщить мне заключение ваше по этой апелляции для передачи по принадлежности. – Жуковский остался на зиму в Швейцарии, не столько по необходимости, сколько из предосторожности. Ему более всего нужен покой, нужна неподвижность, а он боялся, что в Италии не усидит на месте, захочет видеть то, другое, и десятое, и следовательно утомится. Скуку охранительную предпочел он деятельному удовольствию и, как ваша Мышь зарылся в сыр, но только не голландский, а швейцарский. Теперь более прежнего должно ему заботиться о здоровье своем, и должно нам всем желать ему здоровья, ибо вероятно генералу Мердеру нельзя будет продолжать служение свое при Цесаревиче. Он очень расстроен в здравии своем, и полагают в нем аневризм в сердце, или другую болезнь в сердце, мучительную и опасную, так что при каждом припадке ее сомневаются в жизни его. На время, место его заступил генерал Кавелин, бывший адъютант Государя еще тогда, когда был он великим князем, а ныне директор пажеского корпуса. Все очень жалеют о Мердере, заслужившим общее уважение и общую уверенность. –

Новостей никаких нет, кроме газетных. Урны крестов, лент, чинов, наград еще покрыты тьмою. Что скажет завтра, а пока лихорадка желаний, страхов и надежд колотит православный народ. Урна европейской политики, не смотря на многие признаки, содержит вероятно более белых шаров мира, нежели черных шаров войны. Франция, кажется, успокоивается, и нынешнее министерство овладело обстоятельствами, по крайней мере на эту сессию. Это все таки залог спокойствия, потому что Франция настоящий ящик Пандоры. Урна же русской литературы – полупустой штоф с какою-то настоящей альманахов, романов и тому подобных спедий. Ожидать хорошего нечего. Имею честь рекомендовать на будущий год презренную много питомицу, Коммерческую Газету, в которой последуют некоторые преобразования и, если Бог и добрые люди помогут, некоторые улучшения.

Дашков по старому: друзья видят его разве тогда, когда он приснится им. Блюдов по старому же многообразен и на все поспеваает: министерствовать, ездить, говорить. Все им очень довольны. Карамзины довольно благополучно проживают в Дерпте».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 625–626.

Декабрь, 31. Москва.

Дмитриев в письме к Н. А. Маркевичу пишет:

«Как утешительно в преклонности лет своих приобрести доверенность от незнакомого молодого поэта; получать от него первые опыты в поэзии и дожить до его же произведений, уже в полном созрении. Так, милостивый государь, мелодии ваши блистают всеми достоинствами поэзии: обилием в вымыслах, силою чувств и выражения, яркостью живописи и благородною любовью к отчизне. Примите же чувствительную благодарность мою за честь, которою угодно было вам почтить меня, уже отжившего для многих из современных писателей и журналистов. Ваш новогодний подарок не на один день, а навсегда мне будет мил и заставит меня желать, чтоб наше отечество долго, долго услаждалось благозвучием вашей лиры.

К сему желанию позвольте присовокупить искреннее приветствие с благополучным совершением года и свидетельство отличного, и проч. Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 304.

1832. «Литературное прибавление к Русскому Инвалиду» (Ч. 71. С. 567). Стихи Дмитриеву (Н. М. Карамзина).

1833

Январь, 3. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 138* (1-я, старая, пагинация).

Январь, 5. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому в Петербург:

«От всего сердца благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за милое ваше письмо и взаимно приветствую вас с достижением не только нового года, но и нового звания. Оно для царедворца гораздо существеннее и благозвучнее, чем *по разным поручениям*. При первой вести о том я уже мысленно поздравил высокопочтенного виц-президента, но замешкал исполнением того письменно или письмом, все в ожидании от вас вопросов на счет задуманной биографии.

И так, благое Провидение судило и мне дожить до нового года. И я, не отставая от Фамусовых и прочих, сподобился встретить его подобающим образом: на кануне пошевелился на блистательном бале, и в двух маскарадах, дворянском и немецком, а в первый день выехал из дома в смиренном фраке, с благодарным чувством выслушал обедню и умную проповедь в приходской церкви и возвратился во свояси; отправив куда следует, карточки; заглянул в первый номер *Московских Ведомостей*, послушал в них адажио и фугу двух провозвестников новолетия – известных чиновников парнаской внутренней стражи; порадовался за степного помещика дородности нового календаря и полюбовался выпавшими в дар и на мою долю из урны нашей словесности билетом на *Телескоп*, вторым томом *Орланда* <«Неистовый Орланд Л. Ариоста. Перевод Раича» (часть 1-я. М., 1832; часть 2-я. М., 1833)>, системою преподавания словесности <«Система Российской Словесности, составленная Императорского Московского Университета профессором Иваном Давыдовым М., 1832»>. Обедал же и провел весь день до ночи в трех шагах от меня, у соседки.

Вот вам верный отчет в моем суточном существовании. Остается просить вас засвидетельствовать глубочайшее мое почтение княгине Вере Федоровне и желания мои ей со всем семейством возможного благополучия на многие годы.

Когда вы будете писать к В. А. Жуковскому, то не забудьте уверить его, что я искренно люблю его и уважаю и всем сердцем желаю ему совершенного выздоровления; маленькому же Гримму <А. И. Тургеневу> можете при случае сказать, что я был и есть все тот же; но он сам хотел казаться не тем же. Заглядывал к нам только из благопристойности. Мы конечно не Балланши, не Шатобрианы, но все-таки были бы ему паристее, нежели красные девушки, в беседе которых он только и находил удовольствие. Прибавлю еще, что я и теперь люблю его по прежнему, и не перестану желать, чтоб он скорее возвратился и способности свои посвятил на полезную службу отечеству. На силу досказал – и так до свиданья с любезным виц-директором.

Р. С. *Телеграф* год от году распространяет свое влияние: и всем ценсорам, как они сами отзываются, запрещено пропускать на него критики, а ему разрешается и ныне глупить над Карамзиным и его почитателями, с презрением говорить о дворянском сословии и классицизме. Чего же ожидать вперед от нашей словесности? Молодость удобопреклонна. И так уже половина словесников по милости Полевого и семинаристов заговорила языком лабазов.

Прилагаю; при сем к сведению статью, не пропущенную цензором Лазаревым (взятым из экзекуторов опекунского совета). Нельзя ли попытаться поместить ее в одном из здешних журналов? Разрешаю вам даже показать ее Сергею Семеновичу <Уварову>».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 627; СН. 1898. Кн. 2. С. 169–171 (№ 60).

Январь, 5. Москва.

Письмо к Д. Н. Блудову в Петербург (не обнаружено).

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1686.

Январь, 29. Воскресенье. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович.

Пользуюсь отъездом г. Муханова в Москву, чтобы в нескольких строчках изъяснить вашему высокопревосходительству мою искреннюю, живейшую благодарность за новый знак вашего внимания и участие в письме от 5-го генваря. Я почти готов благодарить и судьбу за то, что она происшествием довольно обыкновенным в начале года напомнила обо мне вашему высокопревосходительству. Может быть, вы спросите, для чего я как-будто ожидал этого, не напоминая сам о себе; но надеюсь, что вы отгадаете ответ. Мой характер, мои привычки, или странности, давно известны вашему высокопревосходительству. С самого малолетства до нынешних лет моих, увы! весьма уже далеких от молодости, меня мучит, томит особая нравственная болезнь, – болезнь страха быть в тягость. От нее, не говоря уже ни о чем другом, я между прочим часто отказывался и отказываюсь от самых приятных обществ, от самых приятных сношений. Она же в течении почти года мешала мне сказать вам даже и два слова о моем житье-бытье, о моих неизменяющихся к вам чувствах, в которых все соединяется: и глубокое уважение к нравственному характеру вашему и достоинствам, и душевная привязанность, и благодарность человека, умеющего ценить благосклонность людей необыкновенных. Мне всякой раз, когда я думаю приняться за перо, приходит на мысль, что эти два слова для вас не имеют никакого интереса и что письмо мое, не смотря на свой формат и краткость, падет к вам в руки со всею тяжестью официального и пустого отношения. Самые случаи к переписке судьба как будто нарочно отнимала у меня. Бесконечное микроскопическое издание Вольтера окончено; известий политических, хотя и много, но все оне доходят до вас не позднее, иногда и прежде, нежели к нам; с литературой разрушились мои последние связи с тех пор, как я уже не присутствую в главном управлении цензуры и не имею времени читать даже журналов, с тех пор как я люблю ее, как любят потерянного мертвого друга, без надежды свидеться с ним и снова насладиться его милой беседой!.. О чем-же, так думал я, буду писать, какая идея, достойная вас, может выйти из моей бедной головы, обремененной так называемыми текущими делами! Увы, наш ум почти также как сабля, которая скорее тупеет, когда ею рубить землю, дерево, камень, нежели от настоящего действия в сражении!

Вот мои оправдания, или сетования, как угодно вашему высокопревосходительству назвать их. Оне право от полноты сердца; но и им, может быть кстати, я должен положить конец. Муханов спешит ехать, и я с своей стороны обязан также спешить к другому, не столь приятному занятию. Закрываю письмо мое новым уверением в чувствах высокопочтения и преданности, с коими я имею честь быть, милостивый государь вашего высокопревосходительства, всепокорнейшим слугою. Д. Блудов».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1686–1688.

Январь. Москва.

В «Дамском Журнале» (1833. Ч. 41. № 5. С. 73–74) П. И. Шаликов напечатал стихотворение «К Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Когда вы схожи на Бальзака...»), в котором, в частности, он напоминает читателям о заступничестве Дмитриева за Карамзина, доказывая, что никто более Карамзина, не остерегался галлицизмов:

«...Твоей собаки помню стоны...
 Когда я слышу толк чужой,
 Что Карамзин – француз душой;
 Что он-то в наш язык родной,
 Он галлицизмы внес толпою!..».

Январь(?)...Февраль, перв. пол. Петербург.

Пушкин получает письмо от отца, содержащее приветы от И. И. Дмитриева и П. Я. Чаадаева.

Акад., XV, № 815.

1833. Москва.

«Дамский Журнал» (Ч. 44. № 44. С. 68–69). Стихи Дмитриеву (гр. Д. И. Хвостова).

Февраль, 2. Петербург.

Кончина Н. И. Гнедича (род. 2. II. 1784).

Февраль, 2. Петербург.

Кн. Вяземский высылает И. И. Дмитриеву в Москву вместе с письмом альманах «Альциона на 1833 год» (СПб., тип. Воен. Министерства, 1833):

«Барон Розен, издатель Альционы, просил меня представить альманах его патриарху нашей словесности, и я поспешаю исполнить поручение его. Вы тут найдете мою стихотворную карикатуру ультраромантическую, написанную для шутки и с умыслом подделаться под некоторых Французских поэтов новейшей школы. Полевой не понял всего этого и критикует меня вправду. Я еще не имел чести принести в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву благодарение мое за письмо ваше от 5 января. Я получил его больной, в постели и в расправе у гриппы, которая продержала меня довольно долго. А вы избежали-ли инфлуенции ее? Здесь перебрала она всех, поголовно. Смертных случаев было очень немного, но были однакоже и жертвы. Вы без сомнения уже знаете о знаменитом законодательном заседании государственного совета. Государь говорил, сказывают, много и хорошо и председательствовал или предводительствова[л] заседанием с большим искусством, т. е. если не именно председательством (потому что все таки князь Кочубей сидел на председательском месте), то по крайней мере делом. Вчера Государь был опять в совете; читали манифест, который будет обнародован пред выпуском в свет приготовленного свода Законов. Не имею еще никакого сведения о вчерашнем заседании. Рескрипт, на имя Сперанского последовавший, написан Блудовым. А между тем Блудов был в числе и в весьма малом числе тех, которые, при рассуждении о приведении в законное действие свода, явили некоторую оппозицию и настояли, чтобы свод сей не был без предварительного испытания облечен закононою силою. Впрочем рескрипт сей как ни лестен, но все самый образ пожалования Сперанского андреевским кавалером еще был для него лестнее, ибо он посвящен в рыцари на месте сражения и из рук Государя, который в самое заседание отколол с себя звезду и надел на него. — В самое то время, как я собирался составить, с позволения вашего, биографические вопросы о Карамзине, явился ко мне Перевощиков, бывший Казанский, а после Дерптский профессор, и сказал мне о намерении своем написать жизнь Николая Михайловича и обозрение сочинений его. Вот вопросы, мне им представленные. Некоторые из них замечательны своею *простосердечностью*. Не угодно ли будет вам просмотреть их и отвечать на те, которые покажутся вам достойными внимания и ответа? Во всяком случае благосклонный труд ваш пригодится и мне. Перевощиков ума не очень острого и глубокомысленного, но литературные труды его не без достоинства. Биографические материалы его к жизнеописанию Ломоносова, помещенные когда-то в Вестнике Европы Каченовского, сколько помнится мне, собраны с благоразумием и знанием. Но вообще он заслуживает ободрения вашего в труде, который ныне предпринимает, по уважению и глубокой преданности к памяти Карамзина. Я осмелился поручиться за вас, что вы по возможности не откажете ему в пособиях и будете содействовать его благонамеренному предприятю. Он готов предаться совершенно руководству вашему и повергнуть труд свой суждению людей, бывших в коротких сношениях с Карамзиным. Во всяком случае труд его не будет помехою моему, и я охотно даю ему шаг предо мною. Неизвестно еще, когда приступлю я к делу, а он уже готов

приступить. По крайней мере будет нечто полное о Карамзине, и долг народной благодарности будет отчасти уплачен. К тому же при добрых советах и внимательном надзоре за сочинением, можно надеяться, что оно будет иметь некоторое литературное достоинство. — Я имел случай передать на днях поручения ваши Жуковскому и маленькому Гримму. Семейство мое свидетельствует вам свое почтение, в котором и я, как глава семейства, главный участник».

РА. 1868. № 1. Стб. 627—629.

Февраль, 8. Среда. Свеаборг.

В. К. Кюхельбекер в дневнике защищает «Горе от ума» от упреков Дмитриева, Белугина и др.

Кюхельбекер, 1979. С. 228.

Февраль, 19. Воскресенье. Петербург.

Выходит в свет литературный сборник в честь А. Ф. Смирдина «Новоселье» (Ч. 1).

Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1938. С. 103.

1833. Февраль (после 19) — Март (в перв. пол.(?)). Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

Все, что я узнал о покойном А. В. Храповицком, уже было вам сообщено, и, помнится напечатано перечнем в Отечественных Записках. Прибавить только могу, что он принят был в статс-секретари, вероятно, по рекомендации графа Безбородки или П. А. Соймонова, бывших тогда статс-секретарями или по молве об способностях и деятельности в письмоводстве, чем он отличался в звании правителя канцелярии бывшего генерал-прокурора князя Вяземского. Анекдот о импровизации проекта указа я считаю чисто вымышленным, ибо Храповицкий, по природной застенчивости своей и крайней осторожности царедворца, не отважил бы себя на такой поступок. Из сочинений же его еще не напечатанных сохранились у меня только несколько стихов на мое имя, писанных не с тем, чтоб они были выданы, да и не стоющих печати. В истории Сандуновой не для чего быть его адвокатом. Будучи членом тогда дирекции театральной, он действовал наравне с прочими членами. Дирекция же неотъемлемое имело право смотреть на приличие браков между актерами. Может быть, отказано было Сандунову и потому, что невеста была еще слишком молода, и боялись, чтоб она, вступив так рано в замужество, не спала с голоса, которым так дорожили. Не думаю, чтоб затейливая щедрость Ар. расшевелила нынешнюю генияльность писать для своих праправнуков. Она пишет для собственного обихода. Вперед же кто-нибудь напишет и без этой приманки для одного потомства. Я не отчаиваюсь. Вы порадовали меня, напомня о Смирдине. Вяземский прислал мне от его имени экземпляр Новоселья. Мне хотелось тотчас отблагодарить его письмом, но не знаю имя его и отчества. Сделайте милость, уведомьте меня при случае об его адресе, а между тем скажите ему искреннюю благодарность мою за его гостинец, еще более за его услугу нашей словесности.

Между тем с желанием скорейшего (с вами) свидания и свидетельствуя вам и милостивой государыне Надежде Аполлоновне совершенного моего почтения и преданности, имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 304—305.

Март, 12. Воскресенье. Москва.

Письмо к А. П. Глинке:

«Милостивая государыня Авдотья Павловна.

С чувствительною благодарностию к вам и Федору Николаевичу возвращаю при сем *Новоселье*, которое по некоторым пиесам обмолвкою называют и Пустоме-

лье. Однакож я с большим удовольствием прочитал *Незнакомку*, *Большой выход* и *Воспоминания* Греча. Первые две игривы и замысловаты, а последняя полюбилась мне рассказом и опрятным, благородным, по-нынешнему чопорным, аристократическим слогом. То же скажу и о бригадире. Проза вообще на сей раз перешибла генияльную поэзию. Хотел бы знать, кто этот барон Брамбеус.

Простите меня, что я вчера взял смелость отвечать вам не письменно, а словесно. Письмо ваше застало меня за обедом, и я не смел задержать вашего посланца. Очень благодарен Александру Николаевичу за приглашение, а вам за передачу оногo. Мне жаль было, что не мог воспользоваться удовольствием быть на его концерте: уже дано было слово г. Сонцеву.

Надеюсь, что завтра почтенная и милая чета Поэтов не позабудет моего чая, в ожидании чего с душевным почтением пребуду к ней преданнейшим слугою

И. Дмитриев».

Вацуро, 1980. С. 437.

Март, 13. Понедельник. Москва.

У Дмитриева в гостях Ф. Н. и А. П. Глинки.

Вацуро, 1980. С. 437.

Март (в перв. пол.(?)). Москва.

И. И. и М. А. Дмитриевых посещает симбирский помещик П. Е. Матюнин.

М. Дмитриев, 1989. С. 357. М. А. Дмитриев в своих мемуарах крайне негативно отзывался о П. Е. Матюнине (там же, по указ.). См.: «Апрель, 2».

Март, 26. Петербург.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу за границу:

«...Ай да симбиряки ваши: они просят позволения воздвигнуть памятник земляку своему Карамзину! Не даром еще в биографии Дмитриева отметил я Симбирскую губернию светлою краскою...».

ОА. Т. III. С. 229.

Кн. П. А. Вяземский писал: «Симбирск отличался всегда пред прочими губернскими городами успехами в общежитии и светской образованности...» (*Вяземский*, 1878–1896. Т. III. С. 115).

Март (накануне Пасхи). Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«Милостивый государь князь Петр Андреевич!

Прежде всего приветствую вас и ее сиятельство, княгиню Веру Федоровну с наступающим праздником Воскресения Христа Спасителя. Искренно желаю вам ровести его и вне, и вседомовно, как говаривали наши деды, благополучно и весело.

А потом приношу мою благодарность за доставление книги. Прошу вас уверить г. издателя оные, равно и г. барона Розена, в чувствительной моей признательности за честь, оказанную от них инвалиду 18 столетия. К последнему я давно собирался писать, но удержан был тем, что не знаю и теперь ни имени, его, ни адреса.

В *Новоселье*, которую давно уже я видел на стороне, но не успел прочитать всего, полюбились мне *Незнакомка* замысловатая и с рассудком веселая, *Бригадир*, воспоминание и нечто. С первого взгляда кажется, что удача в отделке и *мышление* на стороне прозы.

Не перестаю помышлять и ныне о задуманном уже давно походе: желал бы полюбоваться вашею выставкою, а еще более быть благоговеиным и благодарным зрителем открытия памятника в Бозе почивающему Александру <Александровской колонны>. Но 70 лет, с коими никак не могу свыкнуться, при каждом житейском помысле приводят меня в робость, чему быть, то и будет. Предаюсь Про-

видению, а между тем обнимаю вас, любезнейший князь, и пребуду навсегда с чувством искреннего почтения и приязни вашего сиятельства покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. О сообщенных уже давно запросах скажу вам после праздников. Не хочется соединять светлого с мрачным. Но не вытерплю и теперь сказать, что воспоминание о незабвенном Карамзине ныне стало для меня соединено с *сугубою* горестию, по милости журналиста и его цензора. Кончим другим – взгляните на вильетку: как весело быть Лазаревым! Возмостился под самого Ивана Великого. Если бы случилось писать к его начальнику Гол. <князю С. М. Голицыну>, то он выше бы и его был».

СН. 1898. Кн. 2. С. 171–172 (№ 61).

Из напечатанных в первой части «Новоселья» статей Дмитриев обратил внимание на «Незнакомку» барона Брамбеуса <Сенковского О. И.> и «Бригадира» князя В. Ф. Одоевского, с посвящением И. С. Мальцеву и эпиграфом из И. И. Дмитриева:

Жил, жил, и только что в газетах
Остался: «выехал в Ростов».

Апрель, 2. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 2. Симбирск.

Тайное венчание («в Светлое Воскресение») в одной из церквей близ Симбирска, племянниц И. И. Дмитриева, дочерей его покойного брата Федора – Софьи и Катерины с симбирскими помещиками – П. Е. Матюниным и Н. А. Нефедьевым.

М. Дмитриев, 1989. С. 357.

Апрель, 4. Дерпт.

Письмо Е. А. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Христос Воскресе!

Почтеннейший Иван Иванович, благодарю вас за письмо, за приветствие с праздником и за все хорошие желания, но более всего благодарю за любезное обещание видеть вас в Дерпте: *надежда*, и то хорошо для бедных изгнанников!»

Карамзин, 1866. С. 438 (отрывок).

Апрель, 6 (18). Рим.

А. И. Тургенев отправляет с курьером кн. Ливеном посылку к кн. Вяземскому в Петербург, а в прилагаемой записке просит передать:

«1. Крест из камня, взятого мною в древних христианских катакомбах, в мраморе – отослать повернее Ал.[ександре] Ильиничне Нефедьевой;

<...>

3. Маленькая головка, найденная мною в Пестуме (Помпеях), на мраморе, найденном в Тускулуме. Отослать к Ив.[ану] Ив.[ановичу] Дмитриеву на память от Гримушке;

4. Маленькая ваза из белого мрамора, найденная мною в Тускулуме. Поэту – Пушкину».

Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 198–199.

Апрель, 21. Пятница. Дерпт.

«Тихо и не догадываясь о своей скорой кончине» умер от чахотки Николай Николаевич Карамзин – младший сын Н. М. и Е. А. Карамзиных. О смерти племянника Вяземский сообщает в Рим А. И. Тургеневу в письме от 9–10 мая 1833 г. В этом же письме Вяземский уведомляет Тургенева, что посылает ему новое издание «Евгения Онегина».

ОА. Т. III. С. 231–232.

Апрель (вероятно, во втор. пол.). Москва.

Дмитриеву становится известно о скандальном венчании его племянниц.

М. Дмитриев, 1989. С. 358: «...вдруг мне сказывают что приехал Иван Иванович. Я был все еще без ног и принимал, сидя в больших креслах. При самом входе его в комнату я увидел, что он знает уже об этом происшествии: на нем — лица не было! — Но я ошибся в одном: он знал только об одной племяннице, а об другой не знал. Когда я ему сказал, что и другая тоже, он изумился, сказал только: “Как! И другая?” — и замолчал. Я думал, что ему сделается удар, так поражена была его честная гордость, так было оскорблено его сердце, его благородное понятие о чести нашей фамилии».

Май, 9. Неаполь.

А. И. Тургенев в письме к князю Вяземскому в Петербург пишет «Благодарю Ив.[ана] Ив.[ановича] Дмитр.[иева] за ответ на мой щет; но он несколько и тронул и огорчил меня. Я говорил с ним о Баланшах и Шатобриянах для того, что *иногда* казалось мне, что ему приятно слушать мои о них рассказы, а не хвастаясь их знакомством; мне всегда приятно было проводить с ним Московские мои досуги; ибо ни Шатобрияны, ни Рекамье — и даже те, в беседе коих находил я еще более, нежели в Парижских салонах, не отучили меня ни от Москвы, ни от старых, закоренелых во мне навыков к Русской старине, к Русской Поэзии, словом, к России, коей Ив.[ан] Ив.[анович] этакой классической представитель; напротив, я часто опасался наскучить ему тем, что для него не имеет исторического или индивидуального интереса, и я полагал хранение устам моим, сколько мог; естли же иногда предпочитал или только находил столько же удовольствия и в беседах “красных девушек”, то это по старой же привычке, тебе, мой милый Асмодей, столь понятной. С ними иногда удавалось мне забывать, хоть на секунду, что скоро полвека стукнет и отзовется не только на сердце, но и на уме; я *ловил день*, а иногда и минуту, ибо обманывал себя, сколько мог, мыслию, что я еще не чужд радостям молодой жизни. В серьезные минуты, в тишине уединения или одиночества, я себя этим не обманываю, и нет нужды меня разочаровывать. Поблагодари его и за желание мне возвратиться на службу России. Что принесу я службе? Энциклопедический запас сведений, впечатлений, может быть, и идей; но все таки, в итоге, *in toto — nihil!* а между тем лишу себя права на единственное утешение, что не служа служу...»

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 220—221.

Май, 10. Среда. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Любезнейший князь Петр Андреевич!

Простите старости, которая не всегда повинуется моей воле, что я замешкался ответом; но и теперь пришлось не им начинать мои строки: я поражен был несчастьем Катерины Андреевны. Дай Бог, чтоб она перенесла его! Более не скажу ни слова: мне столько же тяжело продолжать о том, как и вам слушать.

Между многими пустыми вопросами профессора есть и дельные; но я знаю мастерство вопросителя, хотя и благонамеренного; отгадываю, как тяжело будет написано, сколько будет ошибок в суждениях, и потому право не хочется отвечать ему. Если ваши настоящие занятия мешают вам самому заняться биографиею моего друга, и столь близкого и к вашему сердцу, так я лучше поберегу запас мой для будущего историка нашей словесности, или для Андрея Николаевича <Карамзина>. Пусть он будет биографом отца своего, докажет его заслуги отечественной словесности и устыдит холодных молчальников или наглых зоилов.

Приступаю опять к сборам, авось скоро увидимся и поговорим лично поболее.

Между тем с искренними чувствами почтения и любви обнимаю вас преданнейший вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 172 (№ 62).

Май, 10. Петербург.

Кн. Вяземский с отъезжающим в Москву К. С. Сербиновичем передает письмо к И. И. Дмитриеву:

«К. С. Сербинович будет иметь честь вручить в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительств]у сии строки. Он без сомнения давно известен вам по имени, по преданности его к семейству Карамзиных и по доверенности и уважению к нему покойного Николая Михайловича, при котором находился он чиновником, так сказать, по особым поручениям историческим. Довольно и этого, чтобы расположить вас в пользу нового знакомого, потому и не стану более ходатайствовать о милостивом приеме. — Приношу живейшую благодарность мою за письмо ваше, вчера полученное. Я совершенно согласен с мнением вашим о предъявленном вам вопросителе. Главное достоинство его в том, что он честный литератор. Грустно признаться, а мы доживем или дожили до того, что про литератора, как про лакея, можно сказать в похвалу что такой-то не пьяница и проч. — Впрочем, дело не в вопросах, а в ответах. Напишите их, а этот клад уже не пропадет. Что вы знаете о Николае Михайловиче, того никто не знает. Никогда не прощу себе, что я не был в Москве вашим тайным письменным шпионом для потомства, вашим Ласкарисом. Сколько бы сокровищ было теперь в моем мемориале! Да то и беда, что Русский человек задним умом крепок. Спохватился да поздно. Теперь я рад бы записывать разговорные достопамятности, но записывать нечего. — Радуюсь вашим сборам, но, признаюсь, не очень им доверяю. Поспешите приехать полюбоваться выставкою. Есть на что посмотреть. На днях Царь и Царица угощали во дворце обедом всех наших православных бородачей, Фабрикантов и промышленников. Было человек 400, поболее. Государь сегодня в ночь выезжает осмотреть войска в Риге, Динабургскую крепость и возвратится в конце месяца чрез Ревель морем. Жена моя в Дерпте, куда отправилась на другой день по получении известия о смерти бедного Николиньки <младшего сына Н. М. и Е. А. Карамзиных>. Она нашла Екат. Андреевну здоровую, твердую, трогательно покорную, как и должно было ожидать, зная ее, но глубоко уязвленную несчастием своим. Тяжело ей будет пребывание в Дерпте, я не знаю, на что решится она. На лето переехали они в загородный дом, в версте с чем-то от города. Мещерская так и выехала из Петербурга, не зная о несчастии своем. Муж хотел сказать о том ей дорогою, подъезжая к Дерпту. Она была в таком ослеплении, в такой недогадливости о несчастии своем, что точно было больно пробудить ее и открыть ей глаза. К сожалению моему, до сентября и думать не могу ехать повидаться с ними. — Я на днях получил очень милое письмо от Северина, к которому пересылал я несколько писем для Жуковского. Он, кажется, довольно скучает своим швейцарским пастушеством и буколично-дипломатическим местом. Вот что он между прочим, говорит в письме о вас и Карамзиных: “Уверь их и Ивана Ивановича, что в чувствах любви моей к ним, почтения, признательности никогда не было и не будет перемены”. — Я в искренности слов его уверен, но он раздражен обстоятельствами, сперва слишком благоприятными, теперь через чур противоположными, по крайней мере по сравнению с другими. И он никак не может управиться с судьбою своею, которая его то пучила (хотя и не физически), то теперь сушит. Жуковскому лучше. Он, в ожидании *поры питейной*, прокатался по Италии, т. е. должен был взглянуть на Неаполь и на Рим. В реестр гостинцев, высылаемых Тургеневым в России, значится между прочим: “маленькая головка, найденная мною в Пестуме на мраморе, найденном в Тускулуме, — отослать к И. И. Дмитриеву на память о Гримушке”. — Ни гостинцев, ни головки еще нет. Едва осталось мне место, чтобы на скоро и не очень шаркая проститься с в.[ашим] в.[ысоко] п-[ревосходительств]вом и засвидетельствовать вам чувство душевного почтения и неизменной преданности».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 629—631.

Май, 22. Понедельник. Петербург.

Пушкин пишет черновик эпилога (глава VIII) «Истории Пугачева»:

«...Казнь его совершилась 10 января 1775 года — Очевидец — в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, покрытый многими славами, в неизданных своих записках таким образом описывает сие происшествие:

22 мая 1833».

Акад., IX (1). С. 410. Здесь же на вклейке (между с. 408—409) снимок пушкинского автографа начала эпилога.

В печатном тексте «Истории Пугачева» этот отрывок эпилога выглядит несколько иначе: «Очевидец, (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище...» и далее Пушкин слово в слово цитирует фрагмент из воспоминаний Дмитриева о казни Пугачева («Сани остановились против крыльца лобного места... ~ ...и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе» (*Дмитриев*, 1866. С. 29)). Это был единственный, при жизни Дмитриева, случай печатного цитирования его Записок. Доверив Пушкину право публикации этого фрагмента своих воспоминаний — Дмитриев, несомненно, хотел показать свою поддержку исторического труда Пушкина.

Май, 27. Суббота. Петербург.

Кончина О. М. Сомова (рожд. 11. XII. 1793).

Июнь (в первых числах). Москва.

Отъезд Дмитриева в Петербург, и далее в Дерпт, Ригу и Ревель.

Июнь, 2. Петербург.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу сообщает, что «здесь и в Москве уверяют, что Иван Иванович Дмитриев тайно женился на вдове Севериной, но я этому не верю».

ОА. Т. III. С. 236.

Июнь, до 8-го. Петербург.

Черновое письмо Пушкина к Дмитриеву:

«М.[илостивый] Г.[осударь] Ив.[ан] Ив.[анович].

Имев всегда щастие пользоваться благосклонностию В.[ашего] П.[ревосходительства], осмеливаюсь ныне обратиться к В.[ам] со всепокорнейшею просьбою... Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги касающиеся Пу-[гачева] (собственные письма Екат.[ерины] Биб.[икова] Рум.[янцева] Пан.[ина] Держав.[ина] и других —). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В историч.[еских] Записках (которые дай Бог нам прочесть как можно позже) вы говорите о П-[угачеве] — и как очевидец, описали его смерть. — Могу ли надеяться что Вы, М.[илостивый] Г.[осударь] не откажетесь занять место между знаменитыми людьми коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Велик.[ания] Велик.[ой] Ек.[атерины]?»

С глубочай[шим] почтением и совершенной преданн[ости] честь имею быть, М.[илостивый] Г.[осударь], В.[ашего] В.[ысокопревосходительства] покорн.[ейший] слуга».

Акад., XV, № 816. Новая датировка: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина*. 1999. Т. 4 (1833—1837). С. 55.

Лернер датирует это, написанное карандашом, черновое письмо второй половиной ноября 1833 г. (*Лернер*, 1910. С. 294). Этой же даты придерживается и Л. Б. Модзалевский (Пушкин. Письма. Т. III. С. 113—114).

«...позволите поместить собственные Ваши строки...» — просьба поэта может означать только одно: Пушкин был не только уже знаком с воспоминаниями Дмитриева, но, скорее всего, уже располагал копией воспоминаний (не при содействии ли Вяземского, у которого хранился один из трех списков воспоминаний, подготовленных самим Дмитриевым?). Вместе с тем Пушкин знал, что И. И. Дмитриев не хотел публиковать свои записки при жизни. Зная это, Пушкин в этом письме в деликатной форме высказывает надежду поместить отрывки (или отрывок) из воспоминаний Дмитриева. Вероятно, не без колебаний, Дмитриев дал согласие на публикацию только той части записок, где говорилось о казни Пугачева. Именно об этом эпизоде воспоминаний Дмитриева, как нам кажется, и пишет Пушкин: «...позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины?».

Интересные воспоминания, относящиеся к этому периоду взаимоотношений Пушкина и И. И. Дмитриева, оставил Н. Полевой: «Пугачевщина заставила родителей Дмитриева бежать и спастись в Москву. Вскоре туда привезли дерзкого бунтовщика, и казнь Пугачева, которой любопытным зрителем был 14-ти летний Дмитриев, произвела столь сильное впечатление на юное воображение его, что даже в глубокой старости, он рассказывал об ней со всеми подробностями. Пушкину передал он свой рассказ письменно, и мы читали его в Истории Пугачевского бунта, изданной Пушкиным» (*Очерки русской литературы*. Соч. Н. Полевого. Ч. II. СПб., 1839. С. 455).

Июнь, 8. Петербург.

Приезд Дмитриева из Москвы.

СПб. Ведомости. 1833. № 136. С. 531.

Составители «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина» (Т. 4. С. 55) в библиографической сводке к главке «1833. Петербург. Июнь, после 8-го... Июль, сер.», в которой речь идет о «неоднократных встречах» Пушкина с Дмитриевым и беседах с ним о своих «исторических занятиях», отсылают читателя к письму(ам) Дмитриева, напечатанным в книге «Дмитриев, 1895. Т. II. С. 319—320». Это досадная, вводящая читателя в заблуждение, ошибка. На этих страницах помещено письмо Дмитриева к П. П. Свиныну от 26 ноября 1835 года, в котором он весьма подробно описывает свое трехнедельное пребывание в Петербурге летом 1835 г.(!) и действительно пишет, что «виделся не однажды с Пушкиным».

Июнь, 25. Петербург.

Приписка кн. Вяземского к неотправленному письму к А. И. Тургеневу от 15-го июня:

«...Здесь Дмитриев проездом в чужие края, то-есть, в Дерпт, Ригу и Ревель; может быть, будет и на Балдонских водах, но это еще неверно. Он очень мил, бодр и деятелен. Я спрашивал его, что делает в Москве М. А. Салтыков? — “Все вздыхает об изменении французского языка”. Знаешь ли, что Дмитриева здесь и в Москве женили на вдове Севериной; а здесь того и смотри, что женят на Плюсковой, у которой просиживает он целые вечера за полночь <...> Я на днях спас Дмитриева и публику от фишашкового цвета панталон, которые он готов был заказать. Удивительно, как он цветист в своем убранстве: начиная от парика до панталон, все краски радуги сливаются в нем. Ты ведь хотел что-то прислать ему из Италии...».

ОА. Т. III. С. 240—241, 242.**Июнь, 28. Среда. Робкой (Дерпт).**

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Уголок в городе, уголок в *Робкой*, приготовлены для любезного и почтенного нашего посетителя, нетерпеливо ожидаемого Дерптскими жителями. Синее небо, зелень роскошная и живая, и очень теплый воздух, надеюсь, ему не изменят и здесь, где время чудесное, но жаль, что пользоваться им нельзя; нет совсем прогулок, кроме больших дорог. Жаль тоже, что город пуст, и что вы не увидите здесь интереснейших людей в кругу ученых, но надеюсь, что чувство нашей живой радости и благодарности за эту радость заменит несколько недостатков других удовольствий.

С какою радостью, почтеннейший Иван Иванович, ожидаем мы вас в наше уединенье и готовим вам два апартаменты, один с нами за городом, а другой в городе, когда вам деревня наскучит: следственно об гостинице просим не задумываться! До свидания *без шуток?*».

Карамзин, 1866. С. 438 (отрывок). Датировка письма вызывает сомнение: Карамзины не могли не знать о дате отъезда Дмитриева из Москвы.

Июнь ... Июль. Москва.

Дмитриева посещает Греч. Во время обеда Греч «рассказывал анекдоты о Булгарине и не весьма выгодно для чести его, и после каждого: *да не подумайте*, что он подлец, совсем нет, а урод, сумасброд, да не подумайте, что он злой человек, напротив предобрая душа, а урод...»

Вяземский, 1884. Т. IX. С. 163.**Июль, 9. Женева.**

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет: «...я отдал Жук.[овскому], который отправляется дней через 6 в П.[етер]бург, надеюсь не иметь нужды в водах и быть в половине вашего Августа с вами; портрет мой Брюллова, литографированный в Париже. Есть экз.[емпляры] и для тебя, для [И. И.]Козлова, [К. С.]Сербиновича, [Б. М.]Федорова, Бравурши <Варвары Ивановны Дубенской>, для Путятинных три, для [К. Я.]Булгакова, для родных

моих в Москве и в Симбирске; Жук.[овский] уговорил меня надписать один для Карамз.[иных]: я хотел послать без надписи и предоставить тебе сделать ее, если Кар.[амзины] пожелали бы иметь его. Поступи, как ты заблагорассудишь. Мне не хотелось бы набиваться с моею рожею. Дмитриеву посылаю портрет на обмен прежняго, *двуличнаго*».

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 232–233.

Июль, 14. Пятница. Петербург.

По случаю отъезда Дмитриева в Дерпт Пушкин, Вяземский, братья Виельгорские и другие петербургские литераторы устроили обед в честь патриарха русской литературы, закончившийся подпиской на сооружение памятника Н. М. Карамзину в Симбирске.

Подписной лист хранится: *ИРЛИ* (Пушкинский Дом) *РАН*, № 1696 (см.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. / Сост. О. С. Соловьева. М.: Л., 1964. С. 82, № 1696); *ОА*. Т. III. С. 243; *ЛН*. Т. 58. С. 247 (снимок подписного листа с подписями: И. И. Дмитриева, С. С. Кушникова, А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземского, Н. В. Гоголя, И. А. Крылова, П. А. Плетнева, Аржевитинова и др. участников обеда).

Июль, 16. Воскресенье. Петербург.

Отъезд Дмитриева в Дерпт.

Северная Пчела. 1833. № 162. 21 июля. Отд. «Внутренние Известия»: «...отставной действительный тайный советник Дмитриев выехал из Петербурга в Дерпт 16 июля».

Июль, 19. Среда. Петербург.

Кн. Вяземский пишет А. И. Тургеневу в Рим:

«Знаешь ли, что вы, симбиряки, просили дозволения соорудить памятник Карамзину в Симбирске, и что государь очень одобрил сей проект? Знаешь ли ты, что и ты в числе зачинщиков этого дела, и что Аржевитинов по доверенности подписал за тебя. На днях Вьельгорские братья, Пушкин и я давали обед Дмитриеву, и после заздравного и прощального тоста ему (потому что он уехал в Дерпт и оттуда прямо проедет в Москву) Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного симбирскими дворянами и, заметив, что никто не имеет столь права начать открывающуюся по сему предмету подписку, как Дмитриев, который начал вместе с бессмертным другом своим великое дело преобразования нашего языка, подал лист бумаги Дмитриеву, который подписал 500 рублей; Кушников 1000, Уваров, Блудов по 500, так что от двадцати человек, бывших на обеде сем, собрано 4525 рублей. <...> Ай да симбиряки! Спасибо!».

ОА. Т. III. С. 243.

Июль, 21. Пятница. Петербург.

В «Северной Пчеле» (№ 162) в отделе «Смесь» напечатан с датой «15 июля 1833 г.» отрывок из письма П. А. Плетнева, озаглавленный «Обед И. И. Дмитриеву и памятник Карамзину»:

«Вчера, на дружеском обеде, куда собралось несколько почитателей знаменитого поэта нашего И. И. Дмитриева, по случаю отъезда его из Петербурга, после заздравного и прощального тоста почетному гостю, Д. Н. Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного благодарными земляками Карамзина, замечая при том, что никто не имеет столько прав начать открывающуюся по сему предмету подписку, как И. И. Дмитриев, который начал, вместе с бессмертным другом своим, великое дело преобразования нашего языка. <...> Общество состояло из двадцати особ, денег собрано при сем случае 4,525 рублей. Зачинщики сего доброго дела, симбирские дворяне, надеемся, простят нам, что мы поспешили преждевременно отозваться на поданный им голос, и примут с радушием усердное приношение».

Июль (после 20-го(?)) ... Август (не позже 3-го). Москва.
Возвращение Дмитриева из поездки в Дерпт и Петербург.

Июль, 28. Женева.

А. И. Тургенев в письме просит князя Вяземского поклониться «путешественнику Дмитриеву». И далее: «Я что-то послал ему из Италии, но не помню; а отсюда хотел послать портреты Вольтера в 40 или 50 видах и в разных костюмах: это собрание гравюр со временем будет очень редко, да и теперь его только здесь иметь можно...»

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 276.

Август, 3. Четверг. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«Наконец я опять очутился в Москве, любезнейший князь Петр Андреевич. Горд, весел и признателен к Провидению, за совершение на семидесятих годах двух тысяч верст, если не более.

Теперь остается воздать сердечную благодарность мою, во первых, вам за вашу постоянную ко мне приязнь и просить вас быть органом столь же искренней моей признательности, особенно графам Вельегорским, А. С. Пушкину и П. А. Плетневу. Не забудьте выставить меня учтивым и пред прочими, кому заблагорассудите, из участвовавших на прощальном пиру. Этот день, право, один из счастливых дней в моей жизни, и тем более для меня заметный и приятный, что задумали подарить меня им не ровесники мои, а бодрые сыны нового поколения.

Чтобы не пропустить почты, тороплюсь на сей раз кончить свидетельством душевного почтения и приязни, кои навсегда сохранит к вам искренно любящий вас покорнейший слуга Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 173 (№ 64).

Август, 9. Среда. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Посылаю к вам при сем, любезнейший князь Петр Андреевич, 75 рублей ассигнациями, которые покорнейше прошу вас доставить Дмитрию Николаевичу Блудову, для приобщения к сумме пожертвований на сооружение памятника историографу. Это не дань *благодарличию*, а самая искренняя – и от кого же? Подивитесь и порадитесь: от дочери Павла Ивановича Голенищева-Кутузова и ее супруга <А. П. и Ф. Н. Глинок>. Я умилен был ее поступком и удвоил к ней мое почтение. Я хотел бы, чтоб они оба в списке были поименованы. А Полевой, пользуясь невидимо, от кого и для чего, привилегией, продолжает поминать недобрым словом чествуемого нами праведника; не забыл его и в последней книжке *Телеграфа*, если не ошибаюсь в описании какого-то здания, приписанного – подивитесь и этому – бывому и ныне выдающему себя приверженцем Николая Михайловича. Приписание его заключается в сих словах: *Глубоко уважаемому мною археологу* <здесь Дмитриев разумеет статью Н. А. Полевой «Древнейшая великокняжеская гробница в Кремле Московском», которая посвящена *Его Превосходительству Алексею Федоровичу Малиновскому, глубокоуважаемому сочинителем Археографу Русскому* (Московский Телеграф. 1833. № 9. С. 3–33)>. По приезде моем сюда сказывали мне, будто Греч и услужливый или оборотливый Кузен вошли в залу искусственных вод: первый с надежною осанкой, а последний прищурясь, бросили взгляд на собрание, и будто один сказал другому: *Душно! Вся зала сперлась аристократией* и вышли.

Еще за новость сообщаю, что возвратившийся князь Сергей Михайлович <Голицын> вступил уже в управление Московским университетом.

До свидания, любезный князь Петр Андреевич; хотя робею, а хочется заключить этим словом – обнимает вас всею душою преданный вам Дмитриев.

Р. С. Прилагаю при сем для вашего любопытства и копию с письма Авдотьи Павловны Глилки».

СН. 1898. Кн. 2. С. 173–174 (№ 65).

При этом письме сохранился пакет, на котором рукою И. И. Дмитриева написано: «Статская советница Авдотья Павловна Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова, препровождает при сем ассигнациями семьдесят пять рублей в состав суммы добровольно приносимой для сооружения монумента историографу Карамзину».

Август, 9. Москва.

Бал у Булгаковых. В пол. 10-го вечера приехал Вел. Кн. Михаил Павлович, который при обходе приглашенных долго разговаривал с И. И. Дмитриевым.

РА. 1902. Кн. 4. С. 596, 597 (список приглашенных).

Август, 14. Понедельник. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Сердечно обрадовался я доброй вести о вашем благополучном возвращении к московским пенатам и приношу живейшую благодарность в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву за обязательное письмо, коим вы меня о том извещаете. Надеюсь, что сей счастливый поход даст вам охоту совершить и другой на будущий год. Надобно вам пользоваться бодрою старостью вашею – в добрый час молвить, а в худой промолчать – и дать друзьям вашим вкушать от цвета и плодов ума вашего вечно-юного. Могу уверить вас, что вы оставили в нас живейшее и приятнейшее впечатление. Наши отношения все так под №, разговоры наши такие протоколы, мы все такие официальные лица, что право обдаёт душу и ум свежестью и благоуханием, как побеседуешь с человеком из другой и высшей сферы. – Я отдал Д. Н. Блудову записочку вашу, и он, кажется, готов исполнить по возможности желание ваше. Я даже слышал, что П. П. Свиньин был уже после отъезда вашего несколько раз у него. Впрочем, слышно, что Свиньин – один из главных редакторов журнала Смирдина и, может быть, теперь уже не будет нужно ему и времени не будет заниматься службою. Хороша программа нового журнала! Самое заглавие – нелепость. *Библиотека для Чтения!* Да для чего же и может служить библиотека? Московский Нащокин говорит: после того можно сказать: карета для езды. – Что за глупость *резкость суждений*, к коим прибегали журналисты, как к самому крайнему средству. Не в резкости суждений беда, а в неприличности, в пристрастии, в наглости, в невежестве, в плоскости, в подлости оных. Резкое суждение, но добросовестное и на благонамеренном понятии основанное, не пятно журналу, а напротив заманка и подстрекание для читателя. Тупые, пошлые, бесцветные суждения – вот что морит читателя и журнал. *По важности содержания и благородному тону* не будет уступать лучшим иностранным журналам сего рода! Точно харчевник, который, открывая харчевню свою, уверяет почтеннейшую публику, что она не уступит лучшим ресторациям. Что значит журнал, который заранее объявляет, что не будет входить в споры ни с какими журналами и не отвечает ни на какие критики! Да стало быть он не журнал! Журнал – действующее лицо; он должен быть на площади, в толпе, в тесноте народной, отвечать на право и на лево, заирать разговоры, прения, быть всегда на ногах, в движении, до поту лица своего. А что за журнал, т. е. трибун литературный, который объявляет: не говорите со мною, потому что я никому отвечать не буду. – Так спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся. – Дело не связываться с негодяями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвечаешь ни на какие критики, – глупо и неловко, потому что солжешь: будешь отвечать, покрепишься-покрепишься, да и сорвешься. Если судить по вывеске, так немного добра ожидать от нового журнала. – Я видел, но не читал еще журнала Московского университета. Хвалят его. – С будущего года будет выходить журнал от Министерства Народного Просвещения, под ведением Сербиновича. – Сегодня имел я честь получить второе письмо ваше и приношение Глинка с супругою, которое с письмом ее к вам передам Д. Н. Блудову. Пушкин собирается на днях отплатить вам визит в Москве. Жалею, что не могу сравниться в учтивости с ним. – Дерптские вести теперь хороши, а были очень печальны. Карамзиним дом уже нанят, или квартира в доме графа Кутузова, на площади у Михайловского дворца.

Новостей нет, новости готовятся. Прадт уже чинит перо свое и готовится описать новый конгресс, или новое свидание, потому что слово конгресс уже устарело

и не в чести. Дай Бог всего хорошего, и я люблю свидания, потому в ответ вам говорю также *до свиданья*, но без робости, а с полною надеждою, что вы еще раз погостите у нас на здоровье и на многие лета.

С истинным и глубочайшим почтением и проч.

Сказывают, что Уваров просил Шишкова дать от лица Академии по 10,000 рублей на памятники Державина и Карамзина: но старик никак не дает более 1000 рублей, чтобы не обидеть старого слога в лице Ломоносова, на памятник коего Академия дала столько же.

РА. 1868. № 4—5. Стб. 631—633.

Август, 16. Москва.

Письмо П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович. По возвращении моем сюда первая забота была узнать в соседнем доме молодого Майкова о вашей квартире, но там отозвались незнанием; другие из моих знакомых также. Наконец, решительно уверясь в вашем отсутствии, спешу принести вам сердечную благодарность мою за все убедительные знаки вашей ко мне приязни, оказанные в бытность мою в Петербурге. Будьте здоровы и продолжайте наслаждаться домашним, истинным счастьем, безмятежною дружбою и ее залогом. Забудьте авторскую зависть и пристрастие, ступайте своим путем на поприще истории и надейтесь на должную, хотя и позднюю справедливость. Я продолжал и совершил путешествие мое благополучно и еще застал кончик лета в саду моем. Дерпт мне очень полюбился. Провел три дня в семействе моего друга весело, в самом близком соседстве с Карловкою, помещьем г. Булгарина, которого только видел однажды, шествующего с трубкой во рту вдоль своей нивы; хотя и с трубкою, но он напомнил мне библейского Вооза. Может быть, это излишек в моем письме, но мне хотелось поболе с вами поговорить.

Прошу вас и милостивую государыню Надежду Аполлоновну принять искреннее уверение в чувствах душевного почтения, кои навсегда к вам сохранит, милостивый государь, покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 305—306.

Август, 23. Дерпт (Робкой).

Письмо Е. А. Карамзиной к Дмитриеву:

«Мы получили дружеское письмо ваше из Москвы, любезнейший и почтеннейший Иван Иванович, и поблагодарили Бога за благополучное путешествие ваше. Вам ли нас благодарить за наше угощение, милый Иван Иванович? Мы чувствуем вполне и ценим доказательство вашей дружбы и никогда не забудем тех дней, которые вы нам посвятили в Дерпте. Ваше пребывание с нами соединило прошедшее с настоящим: и дружба ваша, столь драгоценная, есть дар незабвенного моего мужа».

Карамзин, 1866. С. 439 (отрывок).

Сентябрь, 6. Женева.

А. И. Тургенев в письме к князю Вяземскому в Петербург описывая впечатления от чтения книги Бульвера «L'Angleterre et les Anglois», цитирует слова из басни Дмитриева «Отец с Сыном» («...эдак многим удастся»).

Арх. бр. Тургеневых. Вып. 6. С. 327.

Сентябрь, 13. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«Нам не должно, милостивый государь Павел Петрович, извиняться друг пред другом. Я и сам опоздал сообщить вам выписку из письма князя Вяземского еще от 14-го августа. Вы напрасно его обвиняли в недоброхотстве. Вот, что он, между

прочим, пишет об вас: “Я отдал Дмитрию Николаевичу Блудову записку вашу и он, кажется, готов исполнить по возможности желания ваши. Я даже слышал, что П. П. Свинын был уже после отъезда вашего несколько раз у него. Впрочем, слышно, что Свинын один из главных редакторов журнала Смирдина и, может быть, уже не будет заниматься службою” – и здесь ни слова не выключено и не прибавлено.

Смирдин же, на днях быв у меня, говорил, что действующими редакторами будут Греч и Сеньковский, и что сам Полевой обещал служить ему своим изданием. И так по всему кажется, что журнал будет блестящий по своей силе и знаменитости ума русского XIX столетия. Добро пожаловать! Мы готовы читать. Из числа новых французских книг по сю пору я только и нашел любопытного: “Souvenirs du Sckagenaire” par Arnault (три тома).

Закрываю свидетельством вам и милостивой государыне Надежде Аполлоновне искреннего моего почтения, с коим навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев».

РС. 1900. Февраль. Т. 101. С. 306; перепеч.: Дмитриев, 1895. Т. II. С. 306–307.

Сентябрь, до 17-го. Москва.

У Дмитриева обедает саксонский посланник Люцероде.

Сентябрь, 17. Воскресенье. Москва.

Дмитриева посещает саксонский посланник барон Люцероде.

СН. 1898. Кн. 2. С. 175.

Сентябрь, 17. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Очень рад, любезнейший князь Петр Андреевич, что вчерашний день подает мне случай писать к вам и прежде всего поздравить вас и княгиню со днем именин ее. Искренно желаю, чтоб вы провели этот день весело.

Со времени последнего письма из Дерпта я ничего не знаю о последствии болезни бедного младенца. Недавно писал к Екатерине Андреевне, и, смущенный письмом ее, даже позабыл поздравить Софью Николаевну с ее именинами. Поправьте за меня упущенное мною и скажите мне два слова на счет больного.

Не меньше любопытствуую знать от самих вас, правда ли, будто вы собираетесь в чужие края, но куда и зачем, добровольно или по службе, о том не слышно. В том и другом случае желаю веселиться и возвратиться здоровым. Мы только вздохнем, что уже реже будем слышать вас, и долго, может быть, не увидим.

Остается поблагодарить вас за доставление мне знакомства с почтенным бароном Люцероде. Он у меня обедал и еще сегодня посетил меня. А вчера или третьего дня его в Братцов хором цыганок (sic). На вопрос некоторых дам, какое впечатление произвели в нем их пляска и песни, он отвечал: то же, что сочинения Бальзака.

От всего сердца с искренними почтением и приятною обнимает вас преданный вам Дмитриев.

Р. С. Что слышно о монументе. Отдано ли собственное мое приношение Д. Н. Блудову?».

СН. 1898. Кн. 2. С. 174–175 (№ 66).

Октябрь, 1. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Поздно отвечаю на обязательное письмо в.[ашего] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ва, потому что я ездил, если не совсем в чужие края, как возвестила о том московская молва, но по вашим следам ездил в русские чужие края, т. е. в Дерпт, где около 2 недель погостил у Карамзиных. Нашел я их в новом горе от смерти маленького Мещерского. Теперь же оба наши, или три наши семейства возвратились в Петербург; Карамзины со вчерашнего дня. Бедственна была для них эта поездка в Дерпт. Авось эту попытку расплатились они с судьбою, и отныне

настанут для них лучшие времена. — Не знаю, с чего взяли, что я еду за границу. В мечтаниях и надеждах моих я иногда заношусь в безграничную даль, но на яву я пока весьма ограничен и остаюсь в границах умеренности и строгой сущности. Жуковский здесь: здоровье его очень поправилось. Я съехался с ним в Дерпте и провел двое суток, а здесь еще не видал его, потому что он в Ц. Селе и прежде половины октября не возвратится в город, вместе с царскою Фамилиею. Д. Н. Блудова я теперь с приезда не видал еще и не знаю, как идет подписка и проэкт памятника: но о вашем приношении, вместе с прочими, последовавшими на нашем обеде, кажется, было объявлено в журнале М. В. Д.

Собеседник наш барон Люцероде не нахвалится Москвою и благосклонным приемом вашим. Вообще он очень доволен путешествием своим по России и смотрел на нее глазами доброжелательного и образованного иностранца, что встречается весьма редко в отношении к нам. К сожалению нашему, он нас оставляет на время и едет на зиму к себе в Дрезден. Хорошо по крайней мере то, что благоприятные впечатления, почерпнутые им в России, не успеют остыть в нем, и передаст он их с горяча неприязненным к нам соевропейцам своим».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 633—635.

Октябрь, 1. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 139 — 139 об. (1-я, старая, пагинация).*

Ноябрь, 2. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Благодарю вас, любезный князь Петр Андреевич, за доставление мне портрета с г. С.; но мне бы еще приятнее было по обещанию вашему получить от вас копию с собственного вашего портрета, снятого прусским художником, и с портрета В. А. Жуковского, присланного к вам из Швейцарии. Передайте ему самое искреннее мое желание, чтобы он берег свое здоровье и порадовал любящих его москвичей своим свиданием. Не худо бы и вам вместе с ним повидаться с Москвою.

По сердечному моему участию во всем, что касается до Карамзиных, я хотел бы писать к Катерине Андреевне, но боюсь напомнить ей о новой потери. По крайней мере прошу вас сказать ей, что я часто вспоминаю об ней и семействе ее с чувством доброго родственника.

Не спрашивайте меня о здешних новостях: вечерние визиты мои еще реже прежнего. Стоя на пороге жизни, стараюсь наживаться чаще в домашнем быту: всю осень хлопотал преобразованием моего сада по плану Финтельмана, хотя и очень помню Лафонтена: *Passe encore de battre à cet âge!*

Не хочется переменить формулы, и так опять: до свиданья, обнимает искренно и уважающий вас И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 175—176 (№ 67).

1833 (?). Ноябрь, 8. Москва.

Запись в дневнике М. П. Погодина: «К Дмитриеву за рукописью Пушкину, которая меня очень тревожит».

Пушкин и его совр. Вып. XXIII—XXIV. С. 119.

Ноябрь, 28. Москва.

А. Я. Булгаков в письме просит брата:

«...Покуда не забыл, Ив. Ив. Дмитриев очень желает выписывать журнал *La France littéraire*; я сказал ему, что получаютя те токмо журналы, кои означены в наших объявлениях, но что я из уважения к его лицу спишусь о сем с тобою; ежели можно, ты это устроишь и, буде можно, князю доложишь, во всяком случае сообщу ему твой ответ».

РА. 1902. Кн. 4. 617.

Декабрь, 23. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Позвольте мне, таможенному чиновнику принести в.[ашему] в.[ысоко] п[ре-восходительст]ву, с поздравлениями при наступающем новом годе, контрабандную добычу, приобретенную мною на таможенном аукционе. Желая, чтобы следующий год и многие за ним лета улыбались вам миловидно, на подобие изображенной здесь красавицы. А для себя желаю, чтобы наступающий год принес мне свидание с вами здесь или в Москве. Я говорил Жуковскому о желании вашем иметь список с портрета его, который вы у нас видели, и он поручил мне сказать вам, что приемлет с благодарностью ваше обязательное требование и уже заказал копию: И я не менее его благодарен за себя и также буду иметь честь явиться к вам на гостеприимную стену. Здоровье Жуковского, слава Богу, поддерживается. Видимся с ним часто у меня и у Карамзиных, и следовательно часто вспоминаем и говорим об вас. На днях будет у него чтение. – Пушкин привез с собою несколько тысяч новых стихов, в двух или трех маленьких поэмах, и поделится с нами своею странническою котомкою. В числе литературных явлений нам обещают и привидение: покойная Беседа вызвана из гроба Шишковым и Федоровым и уже вербует народ под свой саван. Между тем все ожидают с волнением пришествия нового журнала Смирдина. Готовится также журнал народного просвещения от министерства. Издатель его – знакомый ваш Сербинович, и я надеюсь на хороший успех. Путешествие Барона Брамбеуса раскупается и перевозится на расхват. На перспективе, в окнах книжной лавки Смирдина, объявление о нем колет глаза всем прохожим полуаршинными буквами. Не смотря на всю эту славу, я, признаюсь, мог с трудом дочитать десятков страниц его. Шутки натянуты, холодны, тяжеловесны. Сатира не в цель, одни холостые заряды, и никуда не попадают, а рассыпаются по воздуху, даже и не горохом в стену. Читали ли вы великодушный отзыв Булгарина о сей книге? Презабавное смирение наглости! – Государь был очень доволен трагедиею барона Розена: Россия и Баторий. Желая видеть ее на сцене, требовал он некоторых перемен, и Розен уже перекроил трагедию свою на новый лад. Вот что значит немецкое трудолюбие! Впрочем в Розене точно замечательное дарование. Жуковский очень хвалит новые повести Сумарокова, не сенатора, а сына Панкратия Сумарокова. Таким образом наша литературочка или *литерадурочка* по маленьку шевелится. Я не прочел еще ваш московский гостинец, Аскольдову Могилу. – О других новостях сказать нечего, кроме того, что по старому все благополучно, разве то, что Петербург давно не был так богат и разнообразен послами, как ныне. Французский представляется, кажется, завтра».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 635–636.

1833. Петербург.

Г. Г. Чернецов. Этюдная зарисовка профиля И. И. Дмитриева к картине «Парад на Царицыном лугу».

Гончарова Н. Н. Из ближайшего пушкинского окружения. Новые атрибуции рисунков Кипренского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 347.

1833–1834. Москва.

Письма к А. Я. Булгакову.

Автограф: РГБ ОР. Ф. 41 (Булгаковы), К. 77, № 60.

1834

Январь, 1 ... 2. Москва.

Дмитриев знакомится с братом В. Г. Теплякова.

ИВ. 1887. № 7. С. 10.

Январь, 5. Пятница. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«От всего сердца благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за ваше письмо и гостинец, который обличил меня в моей недогадливости. Я несколько минут был в недоумении, за какую вещь принять его. Сомневаюсь, чтоб новый год так улыбался мне, как вы желаете. Разве вы не читали предварительного извещения *Телеграфа*? Он грозит судить меня и конечно судом неумытным. Каково же умереть заживо?

Но я надеюсь, что приятели мои еще будут признавать меня хотя живым покойником и не прекратят со мною своих сношений. Ваши строки имеют магическую силу молодить меня.

Примите же и от меня взаимное приветствие с благополучным достижением не только нового года, но и 5-го класса по гражданскому служению <6 декабря 1833 г. кн. Вяземский произведен в статские советники и утвержден вице-директором департамента внешней торговли>. Всею душою желаю вам и вашим всего приятного и полезного в мире, словом, возможного благоденствия прочного и беспрерывного.

Я писал к Катерине Андреевне <Карамзиной> пред ее именинами: она не отвечала, потом обращался к вам на щет ее, и вы ни слова. Признаюсь, это молчание беспокоит меня: здорова ли она? И что ее дети, вступили ли в службу?

Пушкин два раза был в Москве и не удостоил свиданием с собою; но я не злопамятен, и подписался на *Библиотеку для чтения*, а не для зеванья, чтобы слушать хотя в ней моих любимцев. Новая *Беседа*, вероятно, не уступит старой. Покойница и при Державине похожа была на кабинет восковых кукол в рост человеческий. На щет же нового остроумца <барон Брамбеус?> совершенно согласен с вами: драгоценность его уже другой месяц украшает гениальную полку моего шкафа. И я еще не ознакомился с нею. По языку *народно*, это правда, а все что-то отзывается Бальзаком или Жаненом. Прекрасно, ... а зеваю. Такова сила привычки к 18 столетию. То же испытываю и при гениальном стихе: *Душе, проквашенная злой*. Выражение сильное, новое, а признаюсь, и оно не по мне.

Чтоб наговориться с вами досыта, скажу еще вам, что я по части журналистики подписался на *Ученые Записки Московскаго университета, Библиотеку для Чтения*, на *Журнал Министерства Народнаго Просвещения, Северную Пчелу, Прибавление к Инвалиду* (о чем прошу сообщить Воейкову), на *Journal de Francfort, Revue de Paris, Le premier Littéraire (?)* и *Journal Bibliographique*. Довольно запаса для семидесятилетнего сидня. Есть пробавиться и без Английского клуба.

Наконец, в ожидании дорогих гостей на гостеприимную стену нижнего кабинета, заочно целую обоих подлинников от всего сердца и пребуду навсегда вашего сиятельства покорнейшим слугою. И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 176–177 (№ 68); Пушкин. Письма. Т. 3. С. 655.

Январь, 9. Вторник. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь представить в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву личность Жуковского, а моя личность впереди, но и ее надеюсь доставить в скором времени. Как показалась вам Б-[иблиоте]ка для Чтения? Нельзя сказать, что издатели обмерили публику, а скажешь скорее: заставь дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибет. Вообще наружность не благоразумная. О внутреннем достоинстве судить вполне еще не могу, потому что не успел прочесть и десятой части всего.

Заметил я только, что с непомерностью толщины книжки соглашается и непомерность похвал Сенковского драматической фантазии Тассо. Нет сомнения, в произведении сем есть признак отличного дарования, но чего уже не находит в нем рецензент? Целый мир глубокомысля, творчества, поэзии, так что подумаешь: не на смех ли он его так расхваливает?

Нового с новым годом у нас ничего нет, кроме сильных морозов и необыкновенной оттепели, которые друг друга сменяют в течение одних суток. Андрей и Александр Карамзины уже обмундированы, и Андрей сегодня дежурный в казармах. Да, я и забыл поздравить в.[аше] в.[ысоко] п-[ревосходительств]во, как оберкамергера наших поэтов при лучезарнейшем дворе Феба, с новым камер-юнкером — поэтом Александром Пушкиным. Что скажет о том Полевой?».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 636—637.

Январь, 16. Вторник. Москва.

Письмо к В. Г. Теплякову:

«Вместе с Новым годом, я имел удовольствие познакомиться с вашим братцем и чрез него получить от вас новый подарок. Чувствительно благодарю вас, милостивый государь, что вы и в дальнем расстоянии и посреди полезных трудов ваших, удостоиваете своим воспоминанием отживающего старика, но которого сердце еще не охладело ко всякому добру и ко всему изящному. Завидное преимущество творческого ума! С его благодатною книгою, я, не сходя с домашних кресел, забываю 15 градусов мороза, люблюсь радужным востоком на голубом небе, яркою зеленью бархатных долин, прохладою искрометных фонтанов и заслушиваюсь моего путевода, глубокомысленного поэта-живописца и ученого наблюдателя! Еще благодарю вас от всего сердца за доставление мне приятнейших минут в течение двух дней Нового года, и прошу вас, милостивый государь, принять от меня искреннее приветствие с достижением оною, сопровождаемое столь же искренним желанием вам в продолжение многих и многих лет постоянного благополучия».

ИВ. 1887. № 7 (Т. XXIX). С. 10.

Январь. Москва.

В «Моск. Вед.» (1834. № 5) напечатано «Библиографическое известие» с хвалебным отзывом о вновь вышедшем журнале «Библиотека для чтения», в частности о статьях Сенковского, Полевого и Погодина. «Известие» подписано «Ив. Дм.».

Об авторстве И. И. Дмитриева см. ниже: «Январь, 19. Пятница...», «Апрель, 18. Среда».

Январь, 19. Пятница. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«Чувствительно благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за копию с портрета В. А. Жуковского. Теперь с нетерпением буду ожидать и вашего. Пусть оба жилья моего дома, в разных местах, напоминают мне хотя в очерке тех, которые так мне по уму и по сердцу.

Применения ваше известной пословицы к библиотеке Смирдина очень кстати: право, я и сам ее же вспомнил при первом взгляде на книгу, но потом вспомнил и другую: *Не красна изба углами*, и тотчас придвинул эту отечественную корчагу, это хранилище русского умственного капитала текущего столетия, и одним духом прочитал статью об *сагах* <в 1-м № «Библиотеки» была напечатана статья Сенковского «Скандинавские саги в отношении к русской истории»>. Будучи совершенным профаном в историческом деле, я ни слова не скажу ни за, ни против *сагов*, разумея доселе их преданиями былей с примесью также и небылиц. Может быть, и в самом деле скандинавские саги озарят новым светом будущую нашу историю; может быть, какой-нибудь обритый под париком или усастый иноземец вразумит моего внука, малютку в крестьянской красной рубашке, и вдолбит ему в голову прямое понятие о нашем происхождении и об истинных на Руси событиях. Все это хорошо, и я благоговею пред сагами; но со всем тем как-то грустно замечать в нашей словестности какое-то умышленное стремление к помрачению достоинств и

заслуг Карамзина, хотя и должно сознаться, что никто лучше и умнее Брамбеуса не оправдывал моего друга. Как-то грустно даже и стыдно – уже пред готовой могилой – узнать, что у нас еще нет истории, и поколебаться в вековой вере даже и о бытии самого Нестора.

К слову о *Библиотеке*: посылаю к вам отрывок из 5-го номера *Московских Ведомостей*. Он заставил здесь многих думать, будто я писал его. Сегодня только узнал, что Ширяев, из угождения Смирдину, напечатал эту статью под начальными буквами моего Созия, какого-то мальчика-корректора Ивана же Дмитриева. Зачем бы не выставить хотя его звания, чтобы защитить меня от напраслины. Это ясно показывает тупость, если не глупость, редактора или явные виды низкого корыстолюбия. Право, и грустно, и даже стыдно говорить о том, а не вытерпишь. Нельзя ли, любезнейший князь, довести о том до сведения С. С. Уварова и сказать к очистке моей слова два о том в *Литературных Прибавлениях к Инвалиду*?

Поздравьте от меня удалого поэта камер-юнкером. Надеюсь, что он и в области прозы не перестанет иногда проблескивать своей поэзией.

Каково же вам, когда я и сам уже устал писавши?

И так, извините и оставайтесь в покое. Обнимает всем сердцем искренно любящий и почитающий вас И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 177–178 (№ 69).

Январь, 20. Суббота. Петербург.

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«... Жуковский, Полетика и Пушкин поручили мне также напомнить вам об них. Жуковский добр, здоров, весел и занят. Пушкин крепко боялся дурных шуток над его неожиданным камер-юнкерством, но теперь успокоился, ездит по балам и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящие успехи в свете, часто и преискренно страдает мучением ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа. Полетика хотя и продолжает иногда зевать с нами, оказался таким *добрым приятелем*, каких мало найдешь в Петербурге».

Карамзин, 1866. С. 439 (отрывок).

Февраль, 11. Воскресенье. Москва.

Письмо П. П. Свиньину в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович. Всем сердцем благодарю вас, что вы вспомнили отсутствующего и посреди столичной возни, суматохи и тысячи сует житейских. Не ожидал бы я столь кратковременного сияния воздушного метеора. Услыша о том, конечно, вздохнет ученый редактор ученых записок Московского университета. Вот как он отозвался в седьмой книжке ученого журнала о появлении первой огромной книжки, или первого тома Библиотеки для чтения: “Вот, по истине, библиотека для чтения поучительного, полезного и занимательного! Библиотека для чтения может служить образцом правильного, чистого, прекрасного родного языка, а потому она не только заменяет многие иностранные журналы, но и доставляет особенную, важнейшую пользу со стороны отечественного слова”. Какую же пользу, увидим из следующего. Вместо благозвучной, сильной и отчетливой прозы Карамзина, за исключением статей господ. Греча, Булгарина и еще немногих, большая часть прозаических сочинений и переводов, помещенных в Библиотеке для чтения, писана вялым, неровным слогом и наполнена пошлыми, неправильными речениями, подслушанными на биваках, на рынках и в лабазах; в доказательство чего приведу здесь несколько слов, которых еще не позабыл. Вместо *пока* – покамест; *надобно* – надо; *дребезжать* – дребезжется; *мелочи* – мелочности; *дурацкий* – дураческий (хотя *contes drolatiques* – детские и не дурацкие, а вздорные, балагурные), вместо *отрывки* или *обрывки* – обломки, чего же? большой, почти истлевшей, эпической поэмы скандинавов, как будто эта поэма писана была на стеклянных или мраморных досках! Даже и сочный бифштекс превращен ныне в *сочистый* и на новом нашем языке. Прибавим еще к тому частое употребление исковерканного французского слова – серьезно и даже, пресерьезно. И

все это ученый редактор журнала, издаваемого первенствующим у нас университетом, стражем и охранителем чистоты русского слова, предлагает ученикам своим в образец изящного! Удивление наше уменьшится, если вспомним, что ныне и у нас много завелось нового, и многое не постарому; если вспомним, что и петербургский профессор Плаксин в курсе своей русской словесности называет исторический слог Карамзина идиллическим, а корреспондент Академии наук – Полевой уже давно огласил чопорным и пользуется привилегией торжественно карать и милловать ветеранов словесности; что отцы и матери говорят с детьми своими всегда на чужом языке; что даже и кормилицы, русские крестьянки, переняли говорить вместо *режутся зубы – делаютя зубы*; что русские, напротив того, учителя, студенты и семинаристы приучают малюток, будущих камер-юнкеров и фрейлин, говорить по площадному, *вместо он или она – они*, а вместо *их – ихний*. Мудрено ли же и поляку, пользуясь настоящим ходом нашего воспитания, захотеть лишить нас доверенности к коренным нашим летописям, уверить нашу молодежь, от младенчества поработанную умом иноземцев, что язык наш происходит от чухонского, что история наша бестолковая сказка, что мы доселе не можем признавать себя иначе, как не помнящими родства. Что же мы? Откуда мы? Это откроется впредь гениальному поколению XIX столетия. Да возрадуются отцы и чады! Поздравляю их с этим счастьем, а я бездетен и уже на шаг от могилы. Хотел бы знать, что думает почтенный Александр Семенович о всех новизнах в нашей словесности? Жаль, что он шевелил некогда Карамзина, вдвое же, что уже отдыхает перо его; теперь то бы ему и подвизаться. Рад бы служить вам сообщением каких-нибудь подробностей касательно библиотек Вольтера и Дидрота, но, право, никаких не знаю. По мне, гораздо бы полезнее было разобрать и описать рукописи Ломоносова, купленные Ф. Е. Орловым и хранящиеся вероятно, в Академии или Эрмитаже. Они могли бы пригодиться для его биографии, которой, к стыду нашему, еще не имеем. Что же касается до вашего Музеума, искренно поздравляю с добрым купцом и советую не упускать его. Столько же благодарю вас и за куплеты. За исключением седьмого, они мне полюбились. Пора кончить. Может быть я уже вам наскучил; по крайней мере уверьтесь из того, что мне всегда весело и охотно говорить с вами. С искренним почтением к вам и м. г. Надежде Аполлоновне имею честь быть покорнейшим слугою И. Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 307–309.

Февраль, 19. Понедельник. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Давно, давно собираюсь написать к вашему высокопревосходительству и все откладываю – это один из самых закоренелых грехов моих, в котором каюсь перед вами, но виноват единственно перед самим собою, ибо лишаю себя истинного наслаждения – беседы с людьми, которые живут в моем сердце и с которыми делюсь жизнью, весьма скучною в своей ежедневности, можно бы было давать жизни боле веса, но что же делать? Ленъ писать письма сделалась каким-то нравственным параличем, от которого уже никак не надеюсь исцелиться. Но в любви моей к вам нет паралича: вы все таки останетесь для меня на всю мою жизнь второю ипостасью нашего незабвенного Николая Михайловича <Карамзина>. Я знаю, что вы этому верите. – У меня давно лежит для вас гостинец, привезенный мною вам из Италии и из Берлина. Из Италии на память о Риме МикельАнджеловы Пророки и Сивиллы, гравированные Вольпатою; из Берлина простая табакерка с Рафаэлевою поэзиею – каждому свое. Еще же есть у меня в запасе для вас подарок другого рода; но прежде должен испросить у вас позволения его вам доставить: это мой бюст, сделанный в проезд мой через Берлин скульптором Вихманом; если вам захочется иметь его, то прикажите – отправлю его с транспортом. Иные находят, что он похож, другие нет; я держу нейтралитет. На счет этой посылки буду ожидать вашего отзыва. О себе скажу, что мое здоровье весьма поправилось после моего путешествия: главным лекарем моим была тихая, пустынная жизнь на берегу восхитительного Женевского озера; такого эпизода уже не будет другого в жизни. И муза посещала меня в этом уединении: все грехи ее сданы мною Смирдину; он выставляет их на показ в своей Библиотеке Чтения. Здесь же я опять с нею расстался, и мой золотой покой кончился. Дай Бог только, чтобы не нажить опять того же, что меня принудило уже дважды скитаться по Европе; путешествие для

искания здоровья весьма скучно и обременительно. – Простите, может быть, в нынешнем году буду иметь счастье вас увидеть в Москве. Что-то поговаривают о пребывании будущей зимою государя императора в первопрестольном граде? Это для меня весьма приятная перспектива. Будет любо сердцу, когда увижу себя опять пред вашим камином; может быть, с нами будет и Тургенев.

С душевным почтением честь имею быть и пр. Жуковский».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1637–1639; перепеч.: Жуковский, 1878. Т. 6. С. 433–434.

Февраль, 22. Москва.

1834. В альбом Александрины. Февраля 22.

Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. С. 4).

Февраль, 27. Вторник. Москва.

Письмо В. А. Жуковскому в Петербург:

«Милостивый государь Василий Андреевич. От всей души благодарю вас, что вы вспомнили меня в Берлине и даже под голубым небом Авзонии, посреди памятников и сокровищ талантов древнего и нового, вечного Рима, – меня московскую муху, и порадовали в первый день масляницы прямо дружескими гостинцами. Но для чего бы с ними же не прислать и вашего бюста? При всем моем благочестии, уверяю вас, что я стал бы им любоваться еще более, чем пророками, которые под час бывали угрюмы и бранчивы. Но все к лучшему; вторичная посылка будет вторичным для меня праздником, и я заранее благодарю вас за обещанный еще подарок и заочно прижимаю к моему сердцу. Радуюсь искренно, что отчизны любимого вами Бонстетена, Виргилия и Рафаеля благоприятствовали вашему здоровью и поэтическому гению, хотя и грустно так далеко искать здоровья, на счет разлуки с теми, с коими уже свыкнешься вместе жить, заодно мыслить и чувствовать. Я люблю Москву, но право бы переехал на житье в Петербург, если бы не связала меня здешняя оседлость. Там бы я стал жить с теми, кои знали меня в молодости и доныне не разнакомились; там и позднейшие мои связи, с которыми я больше симпатизирую; там для моего благоденствия, для услаждения немногих дней моих, достаточно было бы вас, кн. Вяземского, несмотря на его факела монеты, Катерины Андреевны, Натальи Яковлевны, а вдобавок к тому полной свободы и раздолжь в ежедневных прогулках по миловидной столице и ее окрестностям. Но пришлось покориться необходимости и доживать на берегу Патриарших Прудов, беседовать с внутренней стражей отечественного Парнаса и гулять сам-друг с домашним журавлем в уединенном саду своем. И так, до скорейшего и радостного свидания, любезный, милый Василий Андреевич, обнимает вас в полном значении любитель и почитатель ваш И. Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 309–310.

Март, 24. Среда. Москва.

Письмо к Д. Н. Бантыш-Каменскому:

«Милостивый государь, Дмитрий Николаевич!

Встреча и беседа с Вашим превосходительством везде, где бы то ни было, особенно же в моем уединенном приюте, для ума и сердца моего всегда приятна и полезна. И так прошу вас впредь не делать со мною никаких этикетных расчетов.

Между тем чувствительно благодарю вас, милостивый государь, за вашу доверенность и доставление обещанной бумаги. Надеюсь завтра отплатить вам и moi-ми, чтение коих, конечно, не смутит, а умилиит и согреет доброе сердце. С чувством дружеского почтения и преданности имею честь быть,

Милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев».

Осват А. Л. Источниковедческая заметка к «Медному всаднику» // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига, Москва. 1995–1996. С. 127–128, с указанием места хранения автографа: РО ИРЛИ. Ф. 339. №1. Л. 14. Благодарю Е. Э. Лямину за сообщение этой статьи и возможность познакомиться с ее текстом.

Март, 25. Четверг. Москва.

Встреча И. И. Дмитриева с Д. Н. Бантыш-Каменским.

Март, 28. Среда. Москва.

Дмитриев отправляет Д. Н. Бантыш-Каменскому при записке копию письма Н. М. Карамзина от 1-го декабря 1825 г.:

«Препровождаю при сем к вашему превосходительству копию, которую вы желали иметь, с письма Н. М. Карамзина, по случаю кончины незабвенного нашего благодетеля <имп. Александра I>. Мне очень будет приятно и впредь оказывать вам такого рода услуги. Между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть и проч.».

К письму приложена копия письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 1-го декабря 1825 г.

РС. 1904. № 9 (Сентябрь). С. 651.

А. Л. Ословат называет копии трех писем, отправленных И. И. Дмитриевым к Д. Н. Бантыш-Каменскому при письме от 28 марта 1834 г. и не учтенных в публикации в «Русской Старине»: письмо Карамзина к вел. кн. Екатерине Павловне от 1/13 ноября 1818 г. и два письма имп. Александра I к Карамзину от 2 апреля и 10 августа 1822 г.; а также копию записки Александра I к Карамзину при письме от 8 декабря 1824 г. (*Ословат А. Л. Источниковедческая заметка к «Медному всаднику» // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига, Москва. 1995–1996. С. 128).*

Апрель, 18. Среда. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Готовясь к исповеди, почитаю непременно обязанностью испросить прощения и у в.[ашего] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ва за долгое молчание. Приношу вам повинную голову, или правильное указать, повинную руку, ибо никогда не могу провиниться пред вами головою, а тем менее еще сердцем. Молчание мое вынуждено было разными причинами. Я довольно занят был письменным делом в это последнее время, несколько хворал, а там, и то правду сказать, писать было нечего, т. е. хорошего. Изустно можно передавать хандру свою, а письменно не годится. Прискорбна есть душа моя даже до смерти. Зная, однакоже, ваше благосклонное расположение ко мне, спешу прибавить, что в этой хандре нет никакой личной причины, ничего особенно до меня относительного, а так, какое-то наитие, действие атмосферы. Мне должно вам теперь дать отчет в неисполнении одного поручения вашего по поводу статейки, напечатанной в Моск. Ведомостях о первой книжке Библиотеки. По совещании с Жуковским, признали мы благоразумнее – не давать дальнейшего хода этому делу, за неимением благонадежного места, куда послать апелляцию. Добросовестность редакции Инвалида также несколько на инвалидном положении, крива и хрома. На нее опереться нельзя: как раз выдаст. С нею никакого дела иметь нельзя, ни важного, ни бездельного. Сев. Пчела из одного пчельника с Библиотекою. Ее устами мед пить, того и смотри что поперхнешься. Между тем я, по приказанию вашему, говорил С. С. Уварову о лжеподписи красноречивого панегириста. Точно грустно, что нет у нас ни одного добросовестного журнала, куда можно было бы передать беспристрастное и честное слово. Библиотека хотя повидимому и есть столпотворение вавилонское, но и есть тут свой зодчий, который все заправляет по своему. Что скажете вы о приписках Сенковского? Сколько тут лживости, безвкусица, гаерства! А что говорят в Москве о падении Телеграфа? То-то рассуждений, толков, шума. Признаюсь, существование Телеграфа в том виде, в каком он был, могло быть сочтено за неприличность не только литературную, но и политическую; а все жаль, что должны были прибегнуть к усиленной мере запрещения, когда давно должны были действовать законные меры воздержания. Телеграф, удержанный в границах цензуры, а не пользующийся, не в пример другим, нравом какой-то лицензии, упал бы сам собою, особливо же, при появлении Библиотеки, которая вообще удовлетворяет потребностям нашей провинциальной и журналолюбивой публики. Все достоинство Телеграфа в глазах многих было его franc parler, в хвост и в голову. Цензура, действуя на него, как на прочих, показала бы ничтожество его, ибо он брал, не талантом,

а грудью. Запрещением он в глазах многих делается жертвою, и во всяком случае заплачившие подписчики его становятся жертвами. Теперь, я полагаю, он молит Бога, чтобы запретили Историю его: это было бы лучшее средство для него покатиться с публикою. – Что за новое издание стихотворений покойного Василия Львовича <Пушкина>, предпринимаемое в Москве и на которое граф Хвостов – собирает подписку в английском клубе? Кто издатель? Кажется, кроме законных наследников его, никто не имеет на то права».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 637–639.

Апрель, 22. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 26. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 141–141 об. (1-я, старая, пагинация).*

Апрель, 28. Петербург.

Письмо В. А. Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Со словом Христос Воскресе имею честь поднести вам, вместо красного яйца, гипсовый экземпляр себя самого. В этом случае пользуюсь вашим благосклонным на то соизволением. Благоволите дать ему местечко гостеприимное в каком-нибудь углу вашего дома: он будет там на месте, ибо живой оригинал его привык считать ваш дом своею родною стороною. Не знаю, найдете ли этот бюст сходным. Он сделан был в Берлине тамошним скульптором Вихманом, который захватил меня на проезде и сам захотел предать бессмертию. От него я и получил несколько экземпляров. – У нас теперь все торжествует. Завтра будет блестящий дворянский бал, которым все пиры кончатся, и через несколько дней мы переезжаем в Царское Село. Сожалею, что вы не были свидетелем *присяги Наследника*: это была возвышенная, трогательная минута. Им все радуются, и глубоко меня радует, Дай Бог, чтобы его жизнь вся была похожа на этот первый важный день его действительной жизни. Мое дело при нем еще не кончено; еще три года продолжится его учение; пожелайте нам успеха. Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 434–435.

Май, 5. Суббота. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«Милостивый государь, князь Петр Андреевич.

Мы не успели поздравить друг друга с минувшим праздником. По крайней мере могу вас уверить, что и мысленно, и на деле мне приятно всегда поздравлять вас с праздником и с чином, и с крестом, и с арендою, и с спокойствием духа, и с счастливыми стихами.

Я не в претензии за редкие ваши письма: для старика, уже отжившего свой век, почитается и то за истинное благодеяние, когда помнят его заочно добрые люди в полное своей жизни, посреди кабинетских своих занятий, прельщения и сует большого света, и освещают иногда вялый остаток бытия его своим писанием.

На вопрос ваш о новом издании творений В. Л. Пушкина, могу только сказать, что недавно князь Шаликов уже издал цидулки в стихах, писанные к нему Васильем Львовичем, по словам его, одним присестом. Содержание каждой одно и то же – постоянное приглашение к обеду. Не знаю, что было побудительною причиною сего издания: дань ли чувствительного сердца, или пример Лафонтенова медведя. Не на них ли ваш патриарх собирал в вашем клубе подписку? Кроме этой брошюрки и романа: *Василий Косый А. Орлова* <«Васильи Косые или оптическое путешествие по столам приказных. Сочинение Александра Орлова. М., 1834»>, я ни о каком новом издании вашей московской литературы не знаю. За то вы богаты своими – откуда хлынуло такое изобилие, такие... создания? У меня и теперь еще не отдохнули руки от пудовых ежемесячных тетрадок вашей *Библиотеки*.

Закрываю домашним событием: по переменявшимся обстоятельствам, говоря приказным языком, я опять поступил членом в Английской клуб, со внесением трехсотной пени. И отныне паки лицом к лицу с нашими старожилками, и вспоминаю Батюшкова и Геркуланум.

Пора кончить. С искренней любовью и почтением обнимает вас преданный вам И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 179 (№ 70).

Май, 17. Москва.

Письмо Дмитриева к Жуковскому в Петербург:

«Милостивый государь Василий Андреевич. Наконец так давно ожидаемый бюст уже украшает вершину моего книжного шкафа, и я, ставя его на место, мысленно прижал к сердцу и возблагодарил милого подлинника. Он вспомнил меня на чужбине, не забывает и в отчизне, посреди обольстительных развлечений, торжеств и ликований столицы! Никогда и я не забуду этой черты родного по сердцу или симпатии. Считайте, любезный Василий Андреевич, и впредь домашний мой уют родным уголком своим. Он будет для меня красен и светел всякий раз, когда я буду в нем видеться с вами. Но так еще далеко до зимнего пути, а нашему брату старику и настоящий день не надежен! Впрочем, чему быть, — не миновать. Буду надеяться. Между тем поздравляю вас от всего сердца с получением достойной награды за вашу истинно-патриотическую службу и с чувствами нежной приязни и душевного почтения имею честь быть вашим навсегда, вашего превосходительства покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Надеюсь, что вы не откажитесь поклониться от меня Катерине Андреевне с ее любезным семейством. Наталье Яковлевне Плюсковой, графине и графам Вельгорским и уверить их в искреннем моем к ним почтении».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 310—311.

Май, 20. Москва.

Дмитриев в письме к П. П. Свиныну пишет:

«Искренно благодарю вас за ваше письмо и приветствую вас с возвращением к мирным своим пенатам или, прямее сказать, к полной независимости в собственном приюте. Я уверен, что вы удвоите в нем жизнь свою и проведете ее гораздо приятнее, чем в шумной и заботливой столице. По крайней мере воспользуетесь большим досугом для кабинетных ваших занятий и большею свободою ума и духа, удаляясь от гениального сословия новейших наших литераторов, от коих, правду сказать, скорее собьетесь с толку, чем научитесь и ободритесь.

Я с удовольствием читал статью вашу об Ломоносове. Она была бы хорошою поживкою для новой биографии, равно как и доношение Л. <омоносова> в Сенат, доставленное вами в *Горный журнал*. Брамбеус, кажется, продолжает еще быть представителем или козырем петербургской словесности; но здесь уже возникают антагонисты: меньшей Строев выдал брошюрку на счет Скандинавской саги, а профессор Надеждин возражает ему в своем *Телескопе*, вступаясь за романтическую школу. Можно обоим подивиться: первый сам подражает, хотя и неудачно, Жюль-Жаненю и говорит пакистым языком, площадным русским, смешанным с полонизмом, а восстал против новой школы; а другой дебютировал латинскою диссертацией против ее же для получения кандидатского, а потом и профессорского достоинства: получа же оное, г. Профессор явно стал защищать романтизм и издеваться над классицизмом. Какой соблазн для слушающих его лекции!

Скажите мне, видели ли вы в Петербурге Полевого, и что причиною остановки его журнала. Кажется (виноват, что не по новому: *кажись*), доселе журнал его пользовался отличным покровительством против прочих. Хотел бы так же знать и об участи вашего *Музеума*. Судя по *Северной Пчеле*, начинаю подозревать, что у вас опять расстраивается с ее издателями.

С искренним почтением к вам и Надежде Аполлоновне имею честь быть и пр.

Еще вопрос: когда положено быть открытию монумента Александру Благословенному.»

РС. 1902. № 10. С. 86.

Май, 25. Петербург.

Письмо С. Н. Карамзиной к Дмитриеву в Москву:

«Я еду *завтра* с Мещерскими на пароходе в чужие края *на целый год!* Хочу, чтобы последние строки мои были к вам. Мне грустно неизъяснимо, и все желанье мое путешествовать, и вся радостная физиономия Швейцарии, Италии, все исчезло в моем воображении и заменилось одной тоскою. Пожелайте намчастливого возвращения в милую Россию: теперь это мое единственное желанье! Я буду непременно писать к вам несколько раз из чужих краев: беру с собою папенькино путешествие, стану там его перелистывать и сравнивать. Первые строки я уже живо и горько чувствую».

Карамзин, 1866. С. 439–440.

Июль – Август, не позже 2-го. Москва.

Получает от П. П. Свиньина его исторический роман «Ермак или покорение Сибири», вышедший в С.-Петербурге в 1834 г. (в 4 частях).

Август, 2. Москва.

Письмо П. П. Свиньину в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович. Не могу довольно выразить, сколько я благодарен вам за ваш литературный гостинец. Первый том еще не дочитал, а я уже уверен, что Ермак ваш с каждым томом будет занимательнее. Кроме немногих речей неправильных (*угореешь* – угоришь; *словно* – будто, как бы; *покаместь* – пока и еще некоторые) или коих не употребляли ни отцы, ни учителя наши, слог ваш с каждым новым сочинением более и более усвершеняется. Это, конечно, плод навыка, внимания в хорошая образцы и врожденной разборчивости. Не меньше благодарю вас и за честь, оказанную мне, выбором стихов моих в эпиграф, последние два, правду сказать, довольно пошлые. Стихи мои не нынешнего покроя и, по словам Полевого, конечно, устарели. Но я доволен и тем, что первый напомнил о Ермаке новому поколению и подал случай двум почтенным авторам, поэту и прозаику, заплатить достойную дань завоевателю Сибири. Я только издали показал тень его, а вы и Хомяков воскресили его духом и плотию. Наслаждайтесь же, любезный Павел Петрович, приятностью авторской и поселянской жизни; забудьте зоилы и с бодрым духом стремитесь к вашей цели. Я же от искреннего сердца обнимаю вас и с совершенным почтением и преданностью к вам и милостивой государыни Надежде Аполлоновне, имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Р. С. Поздравляю вас с удачною продажею, а все жаль Музеума; по крайней мере рукописи нашли свое место».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 311–312.

Сентябрь, 1. Москва.

В «Моск. Вед.» (№ 70) напечатано объявление о продаже в лавке А. В. Глазунова книги «Повести, изданные Александром Пушкиным» (СПб., 1834), а также о скором выходе «Истории Пугачевского бунта», сочинения Александра Пушкина.

Сентябрь, не позже 21. Москва.

А. П. Елагина передает Дмитриеву «подарок» Жуковского: статью «Воспоминание о торжестве 30-го Августа 1834 г.» <об открытии памятника имп. Александру I в Петербурге>.

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 312.

Сентябрь, 21. Москва.

Дмитриев в письме к В. А. Жуковскому в Петербург пишет:

«От искреннего сердца благодарю вас, Милостивый Государь, любезнейший Василий Андреевич, за ваш подарок, переданный мне госп.[ожой] Елагиной. Сочинение ваше <«Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года»> от начала до конца производило во мне и восторг и умиление. Особенно же испытал я последнее на десятой странице: при слове “а Его самого тут не было”. Грудь моя замлела и глаза оросились слезою. Хвала и честь вашему таланту и доброму сердцу, что заплатили достойную дань истинно незабвенному. Сбудется ли по вашему слову наше свидание в текущем месяце? Сомнительно: по крайней мере, ныне или когда-нибудь оно будет для меня всегда большим праздником. Между тем заочно обнимает вас с чувством постоянной приязни и совершенного почтения, скажу лучше душевного, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Шляпкин И. А. Берлинские материалы для истории русской литературы // РС. 1893. Апрель. Т. 78. С. 56; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 312.

Автограф письма хранился в Берлинской Королевской библиотеке в собр. Radowitz № 8065. Статья Жуковского «Воспоминание о торжестве 30-го Августа 1834 г.» напечатана в 1849 г. в собр. соч. Жуковского (Т. VII. С. 348).

Сентябрь, 27. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 143* (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 6. Суббота. Москва.

Дмитриева навещает Пушкин и слушает его рассказы. После встречи с Дмитриевым делает запись в т. н. «Table-Talk»: «Дм.<итриев> предлагал имп.<ератору> А<лександр> Муравьева <—Апостола Ивана Матвеевича> в сенаторы. Ц.<арь> отказал на чисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил М.<уравьева> писать конституцию — а между тем произошло дело 11-го марта...».

Акад., XII. С. 161.

Здесь же помещен анекдот о Пугачеве и симбирском дворянине (не со слов ли И. И. Дмитриева?): «В другой раз некто**, симбирский дворянин, бежавший от него <Пугачева>, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. ** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: “Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь не видывал» (*Акад., XII. С. 161*).

Декабрь, 11. Петербург.

Отъезд А. И. Тургенева в Москву.

С.-Петербургские Ведомости. № 294.

1834. Москва.

В «Молве» (1834. Ч. VIII. № 34. С. 108–114) напечатана статья В. Г. Белинского «Литературные мечтания». В ней он пишет: «Два писателя встретили век Александра и справедливо почитались лучшим украшением начала оного: Карамзин и Дмитриев <...> Почти в одно время с Карамзиным выступил на литературное поприще и Дмитриев (И. И.). Он был в некотором отношении преобразователь стихотворного языка, и его сочинения, до Жуковского и Батюшкова, справедливо почитались образцовыми. Впрочем, его поэтическое дарование не подвержено ни малейшему сомнению. Главный элемент его таланта есть остроумие, посему «Чужой толк» есть лучшее его произведение. *Басни* его прекрасны; им недостает только народности, чтоб быть совершенными. В *сказках* же Дмитриев не имел себе соперника. Кроме сего, его талант возвышался иногда до лиризма, что доказывается прекрасным его произведением «Ермак» и особенно переводом, подражанием или переделкою (назовите как угодно) пьесы Гёте, которая известна под именем «Размышления по случаю грома...».

1835

Январь, 6. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 144* (1-я, старая, пагинация).**Февраль, 14. Четверг. Петербург.**

Письмо Пушкина к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь Иван Иванович, молодой Карамзин показывал мне письмо вашего высокопревосходительства, в котором укоряете вы меня в невежливости непростительной. Спешу оправдаться: я до сих пор не доставил вам своей дани, потому что поминутно поджидал портрет Емельяна Ивановича <Пугачева>, который гравировается в Париже; я хотел поднести вам книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы с моей стороны не только скупостью, но и неблагодарностью: хроника моя обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями.

Вы смеетесь над нашим поколением и, конечно, имеете на то полное право. Не стану заступаться за историков и стихотворцев моего времени; те и другие имели в старину, первые менее шарлатанства и более учености и трудолюбия, вторые более искренности и душевной теплоты. Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной.

Не знаю, занимает ли вас участь нашей академии, которая недавно лишилась своего секретаря <П. И. Соколова, скончавшегося в ночь с 9 на 10-е января 1835 г.>, умершего на щите, то есть на последнем корректурном листе своего словаря. Не известно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но место непременно секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современник ваш, о котором изволите упоминать в письме к А.[ндрею] Н.[иколаевичу] К.[арамзину], слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, все еще не распроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорытием. С глубочайшим почтением и преданностью честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою Александр Пушкин».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1722–1724; Акад., XVI, № 1037.

Составители «Летописи, 1999» полагают, что Пушкин узнал об обиде Дмитриева на него от кого-то из «молодых Карамзиных» (от Андрея Николаевича?). Упомянутое письмо к нему Дмитриева неизвестно (*Летопись*, 1999. Т. 4. С. 629, примеч. 300).

Февраль, 20. Среда. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиньину в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович. Из Галича или из Петербурга, равно рад вашему письму; равно вам благодарен и взаимно приветствую вас с благополучным достижением нового года. Благодарю вас также и за весточки о ходе нашей литературы. Двух новых трагедий еще я не читал потому, что они к нам еще не дошли, а Истории Пушкина не читал потому, что я уже избалован авторскими подарками, а он забыл меня. Смирдинская школа так охладила меня к ее подрядному издателью, что я уже отказался от всех петербургских журналов: читая их, вместо удовольствия только что сердиться и убиваешь время, которое приятным образом мог бы занять чтением французских авторов старой школы. Там еще не все неологи и не позабыли слога Боссюэтов и Бюфонов. Недавно здешняя цензура не смела пропустить нотиса о Карамзине, потому только, что приложено было к нему весьма благовольтельное письмо к Карамзину от покойного императора Александра с дороги и представила рукопись на рассмотрение М. П. Он не только письма, но и всего манускрипта не

пропустил. Бедный Карамзин! Цензура только не запрещала бранить его! Избрание Языкова в секретари, или кого другого, все будет равно: академия ныне, при полном искажении языка, нарушении грамматики и разращении вкуса нашими авторами молодой школы, молчит, и только. Но мне грустно и не хочется далее продолжать о своевольной разнобоярщине в нынешней нашей пестрой литературе. И так, до свидания любезный Павел Петрович. Скажите мое глубочайшее почтение Надежде Аполлоновне. Наслаждайтесь в недрах своего семейства и в тихом уголке кабинета, вспоминайте иногда обо мне и будьте спокойны духом, веселы сердцем и постоянно здоровы. От всей души желает вам того искренний ваш почитатель и покорнейший слуга Иван Дмитриев.

Р. S. Ретрактую все, что писано о Пушкине. При изготовлении к запечатыванию письма, сию минуту получаю от него извинение, что мешкал присылкою в ожидании гравированного в Париже портрета к его «Истории».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 312–313.

Февраль, 20. Среда. Москва.

Получает письмо Пушкина из Петербурга от 14 февраля.

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 313.

Март, 4. Понедельник. Москва.

Письмо к Пушкину в Петербург (ответ на письмо от 14 февраля 1835 г.):

«Милостивый государь Александр Сергеевич.

Не хочу верить, чтоб невинная моя шутка в письме к А.[ндрею] Н.[иколаевичу] К.[арамзину] принята была вами за действительную вам укоризну. Это было бы для меня крайне прискорбно. Но хорошо, что я с молодых лет держусь философии Панглоса: все к лучшему. Книги вашей еще и теперь не получил, но твердо надеюсь получить ее, а вдобавок к тому еще утешаюсь и тем, что мнимый упрек мой доставил мне удовольствие пробежать несколько строк любезнейшего из наших поэтов, за что от всего сердца благодарю его.

Благодарю также и за добрую весть о моем сверстнике <гр. Д. И. Хвостове>: приятно мне слышать о двойной благостыне его (charite – извините). Что же касается до свежей нашей потери: она важна, конечно всем нам чувствительна, но я соглашаюсь с вами и с старинной пословицей: Святое место не будет пусто.

Почует Соколов, но бдит еще Языков (прозаик).

И на что лучше его в приемники? работающ и любознателен, к тому же и к новизнам не падок.

Впрочем, с искренним моим почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

Р. S. Естли любезные ваши родители в П.[етер]Б.[урге], то прошу Вас сказать им искреннее мое почтение; то же и Катерине Андреевне <Карамзиной> с ее семьею и В. А. Жуковскому».

Акад., XVI, № 1039.

Март, 12. Москва.

Письмо к А. П. Глинке.

Автограф: *РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 565.*

Март, 13. Среда. Москва.

Письмо к Жуковскому в Петербург:

«Милостивый государь Василий Андреевич.

Сколько я благодарен вам за вашу тетрадку и как она дошла до меня кстати, – в то самое время, когда я очень огорчен был, что редакции Ученых Записок воспрещено принимать биографии покойного историографа, будто за приложения к

ней письма, служащего к вечной славе писавшего и того, кто был им удостоен. Но теперь я вами утешен. Читая и перечитывая письмо к Каподистрии и собственные ваши строки, я будто еще смотрел на моего друга, будто с умилением слушал, — минутное обольщение, последующее грустью и вместе какою-то отрадою! Добрейшая душа! Не мудрено Вам так верно постигать и изображать нашего незабвенного <Н. М. Карамзина>: Вы сами во многом на него похожи. Заплатите достойную дань своему веку, окажите же вместе с Пушкиным услугу нашей словесности, как истинные ее представители; не дайте восторжествовать школам Смирдина и Полевого над языком Карамзина. Он, очевидно, теряет свое господство. Большая часть наших писателей, забыв его слог, благозвучный, отчетливый в каждой фразе и каждом слове, украшают вялые и запутанные периоды свои площадными словами: давным давно, аль, словно, коли, пехотинец, заскорузлый, кажись (вместо кажется), так-так, ответит, виднеется, — с примесью французских: серьезно и наивно. Такие и подобные слова нахожу я не только в легких, но и в тяжеловесных сочинениях новейшего времени. Радуюсь, что у нас для усовершенствования языка есть Академия и что прибавляются университеты, но значительного влияния их к сожалению не примечаю. Скажу еще и более: я даже начитал в одной учебной книге и ученом журнале, что один профессор называет Карамзина слог идиллическим, а другой признает слог Сенковского образцовым в силе, красоте и правильности русского слова. К кому же остается прибегнуть, как не к вам, представителям (еще повторю) нашей словесности! Остановите порчу отечественного языка, если не хотите получить упрека в неумышленном союзе с Францией. Не испугайтесь! Так Франция убила благороднейший наш язык в домашнем быту высшего сословия. У кого теперь перенимать его нашим детям? Научатся ли ему у семинаристов, или в лакейской и девичьей? Я право иногда боюсь, чтобы мужики наши не заговорили по-французски, а мы по *ихному* (это выражение употребляется не только в большом свете, но уже найдено мною в двух книгах: в Иориковом коране и в путешествии академика Зуева). Да мне уже и удалось подслушать на улице пьяного каменьщика, приветствовавшего своего товарища: бонжур, мусье; а гостинной крестьянку-кормилицу; она, поднося к ея сиятельству двухлетнюю Додо или Коко (не помню), толкала ее в затылочек и повторяла: скажи, матушка, мерси, мерси. Даже и детская благодарность к матери должна быть выражаема на чужом языке! Но пора избавить вас от моего многословия.

И так, прощайте, почтенный и любезный Василий Андреевич. Напомните обо мне Катерине Андреевне с ее семейством и Наталье Яковлевне. Искренно желаю и вас и их еще увидеть. Может быть и увижусь?

С сею надеждою и душевным к вам почтением и приязнию пребуду навсегда, милостивый государь, и пр.

И. Дмитриев».

РА. 1870. Стб. 1696.

Март, 14. Четверг. Петербург.

Письмо В. А. Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Не знаю, получили ли вы мой перевод письма к Каподистрии, напечатанный в Журнале Министерства Просвещения и посланный мною с Эртелем, который, явившись ко мне в самый час отъезда своего, не дал мне времени написать к вашему высокопревосходительству письмо. Посылаю теперь эту брошюрку.

Она написана не так, как бы я хотел, написана наскоро, и я сотой доли не выразил того, что было в сердце и голове. Примите ее от меня такую, какова она есть. Я уверен однако, что и немного, сказанное мною о нашем незабвенном друге (если смею употребить это имя и за себя) найдет отголосок в вашем сердце: оно пробудит в нем воспоминание о лучшем времени жизни вашей и моей. Для нас в ней теперь уже нет Карамзина: драгоценнейший перл ее потерян; но память об нем святынею хранится в душе и всегда будет живить и возвышать душу. Знаю, что это чувство, мне общее с вами, всегда сохранит мне право на вашу ко мне благосклонность; в моей же личной привязанности к вам уверять вас не имею нужды: вы для меня, также как и он, представитель светлых дней прошедшего.

Я вам многим обязан; люблю вас и за вас и за себя. — Желая душевно, чтобы вы были здоровы. Поговаривают здесь, что вы нас навестите. Это было бы для меня великим щастием. Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 435.

Март, 26. Вторник. Москва.

Дмитриев в письме к Жуковскому в Петербург пишет:

«Милостивый государь Василий Андреевич. Примите сердечную благодарность мою за все, сказанное вами в милом вашем письме, и за вторичную присылку вашей брошюрки. Я до сих пор не знал, через кого получил первые: принесены были без меня мальчиком из каких-то казарм, и переданы, как водится, с перековерканьем имени приславшего. Простудный мой насморк еще продолжается, и потому пишу к вам и поздно, и наскоро. Как бы мне хотелось хотя с недельку пожить с вами и наговориться об Ангеле-хранителе! Так, не боюсь признать таким его. Одна мысль об нем удаляет от меня все низкое и порочное. Мне кажется, одни только мы могли бы составить совестливую и полную его биографию; разумеется я мог бы служить вам только анекдотами и присоединить мои наблюдения к вашим, а писать было бы ваше дело. До свиданья; что будет вперед — не знаю, но это верно, что всем сердцем уважает и любит вас преданный вам И. Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 316.

Март, 28. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович. Завидую вашей деятельности и поздравляю вас с благополучным возвращением к мирным пенатам. В дополнение к тому, что писано было к вам о настоящем положении нашей словесности, на днях я выпустил еще несколько строк к Жуковскому и Пушкину, но это — глас, вопиющий в пустыне: отныне положил уже не смущать остатка дней моих бесплодными иеремиадами. Последних двух трагедий Кукольника я еще не читал, но уверен, что новые куклы не уступят первым в живой подражательности натуры. Он зорче и глубокомысленнее всех наших трагиков, старых и новых. О нынешних же формах трагедии ни слова: я привык к старым. Теперь остается мне сказать о себе, что я с самой масляницы, хоть и ел блинов, что то не по себе и духом и телом. Старость не радость. Собираюсь говеть, а между тем от всего сердца желаю вам и милостивой государыне Надежде Аполлоновне в полном удовольствии встретить и проводить наступающий праздник. С совершенным почтением и преданностью к обоим имею честь быть покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Письмо к сестрице Надежды Аполлоновны по близкому соседству тот же час было доставлено».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 316—317; РС. 1898. Т. 94. № 5. С. 312.

П. П. Свинын проездом из Костромы прибыл в Москву между 18 и 21 марта 1835 г. См.: «Моск. Вед.» (1835. № 24. 23-го марта, суббота. С. 1201).

Апрель, 7. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, ок. 10. Москва.

И. И. Дмитриев получает от Пушкина «Историю Пугачевского бунта» с дарственной надписью:

«Его превосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Автора в знак глубочайшего почтения, преданности и благодарности».

Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. / Сост. О. С. Соловьева М.; Л., 1964. С. 81, № 1685.

Апрель, 10. Среда. Москва.

По получении «Истории Пугачевского бунта» Дмитриев пишет письмо к Пушкину в Петербург:

«Милостивый государь Александр Сергеевич.

Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего автора! Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание.

Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным: одни дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению. – Нужды нет, что осталась бы прореха в Р.[усской] истории; другие, и к сожалению большая часть лживых романтиков, желали бы, чтоб История ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами Смирдинской школы, и чтобы была гораздо погрузнее. – Но полно ныне настает время не желчи, а ликования.

Приветствую вас с продолжающимся праздником. Искренно желаю по следам наших предков все семейно провести его благополучно, и между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Р. S. Кто же Секретарь Академии?».

Акад., XVI, № 1045.

Апрель, 21. Воскресенье. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Душевно благодарю ваше высокопревосходительство за благосклонное во мне участие, которое так любезно выразили вы в последнем письме вашем. Награда, недавно мною полученная, тем приятнее для меня, что она была следствием экзамена, выдержанного великим князем в присутствии государя императора и получившего одобрение его величества. Дай Бог, чтобы наш наследник оправдал на деле те надежды, которые он подает теперь, как расцветающий юноша; чрез несколько дней вы увидите государя и государыню в Москве; но великий князь к вам не будет: ему надобно теперь еще строже заниматься своим учением; предметы важные, их много, а время летит. – Простите. Душевно желаю, чтоб слухи, обещающие нам ваше прибытие в Петербург, не были обманчивы: свидание с вами было бы для меня великою радостью сердечною. – Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 436.

Апрель, 26. Пятница. Петербург.

Письмо Пушкина к Дмитриеву (ответ на письма от 4 марта и от 10 апреля):

«Милостивый государь Иван Иванович, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его побранивают, и по делом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лице по самому последнему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Уллис Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора). Вы пророк в отечестве своем.

На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом <Дондуков-Корсаков. Уваров> фокус-

ник, а <Дондуков-Корсаков> его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой; один кувыркается на канате, а другой, под ним на полу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью, честь имею быть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою.

Александр Пушкин».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1724–1725; *Акад*, XVI, № 1051.

Май, 29. Понедельник. Петербург.

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«А. С. Стурдза прислал мне экземпляр своей брошюры для доставления вашему высокопревосходительству. Спешу исполнить его желание. В этой пиесе много правды, но есть и излишество: вы прочтете ее с удовольствием. – Слухи о вашем прибытии в Петербург не умолкают; я им верю, потому что мне всем сердцем хочется им верить. Для меня было бы истинным счастьем вас увидеть после такого долгого *розно*. Если вы будете, то прошу вас немедленно меня уведомить о вашем прибытии: вероятно я буду в Петергофе. – Наш бедный Вяземский возвратился; он совершенно убит своею потерей и стал не похож на прежнего Вяземского: дик и мрачен. Трудно выдумать для него какую-нибудь отраду. И от времени ждать нечего: время не утешает, а только парализирует. Екатерина Андреевна <Карамзина> здорова, скоро едет на дачу, в Тайны, и радуется приближающемуся скорому возвращению своих путешественниц, которые теперь уже находятся в Пирмонте. – Жуковский».

Жуковский, 1878. Т. 6. С. 436.

Июнь, 9. Воскресенье. Москва.

Письмо к Жуковскому (ответ на письмо от 29 мая):

«Милостивый государь Василий Андреевич.

Примите искреннюю благодарность мою за ваше любезное письмо и доставление брошюры А. Ф. Стурдзы; прошу вас при случае передать и ему мою признательность за его добрую обо мне память. В брошюрке его много, очень много правды, и я был бы ею совершенно доволен, если бы не встретил в ней вельможи в шелковом халате и грез греховной ночи. Последнее уподобление как будто неумышленно захвачено у тех, коих автор осмеивал. Всем сердцем сожалею об милом князе Петре Андреевиче. Обнимаю его заочно с чувством живейшего участия и благодарю за сохранение святой ветки, доставленной ко мне с Норовым от Софьи Николаевны.

Я не переменяю моего намерения побывать еще в Петербурге, только попозднее прежнего срока, чтоб иметь двойное удовольствие увидаться и с путешественницами. Между тем прошу вас сказать мое почтение Катерине Андреевне и Наталье Яковлевне и быть уверенным в искренней любви и дружбе преданного вам навсегда И. Дмитриева».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 318.

Июль, 28. Воскресенье. Москва.

Свадьба М. А. Дмитриева и Е. М. Анитовой.

М. Дмитриев, 1989. С. 370: «...Дядя мой, единственный мой родственник, живший в Москве, недовольный, что я беру жену не из знатной фамилии, не захотел быть у меня на свадьбе. Я принужден был просить чужих людей заступить место посаженных отца и матери. <...> После свадьбы, однако, мы были у дяди и были приняты им довольно родственно, хотя, конечно, не очень горячо, а сообразно его холодному характеру и светскому приличию: от него было и то хорошо!».

Август, 10 ... 15. Петербург.

Приезд Дмитриева из Москвы. Записка к В. А. Жуковскому:

«Здравствуйте, любезнейший Василий Андреевич. Я сдержал мое слово и нетерпеливо желаю как можно скорее с вами увидаться. Между тем заочно вас обнимаю.

Р. С. Я пишу к вам из высоких чертогов Наталии Яковлевны. Она поручила мне сказать вам, что свидание наше будет у нее и что мы будем ждать вас до 12 часу ночи. А я еще прибавлю, что и Дашков намеревается пригласить вас к нему обедать в пятницу».

Вацуро, 1980. С. 437.

Август, 22. Петербург.

Запись в дневнике В. А. Жуковского:

«...К Дмитриеву, с которым снова ко мне, потом к Чернецову и в Академию художеств. Сцена с гравером Ухтомским и с лонлакеем».

Вацуро, 1980. С. 458, с указанием места хранения автографа: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 37. Л. 6.

Август, 31. Петербург.

Запись в дневнике В. А. Жуковского: «...я ездил в город и провел вечер у Дмитриева с Вяземским».

Вацуро, 1980. С. 458, с указанием места хранения автографа: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 37. Л. 6.

Август, после 15-го ... Сентябрь, до 4-го. Петербург.

Дмитриев посещает тяжело больного гр. Д. И. Хвостова.

Август, после 15-го ... Сентябрь, до 7-го. Петербург.

Записка к кн. Вяземскому:

«Мне очень жаль, любезнейший князь Петр Андреевич, что я (не) мог воспользоваться посещением вашим. Опоздал возвратиться только несколькими минутами. Благодарю вас за него и за *Пчелу*, которую при сем возвращаю. Надеюсь, что вам не неприятно будет получить при ней два экземпляра и новейшего произведения графа Хвостова. Один для вас, а другой для А. С. Пушкина. Третьяго дня вечером, по словам слуги его, он пришел в память; сказали ему, что поутру я посещал его, и первое слово его было: Завтра послать ко мне 6 экземпляров! Икота еще продолжается. Право, жаль его».

СН. 1898. Кн. II. С. 180 (№ 71).

Сентябрь, 7. Суббота. Петербург.

Отъезд Дмитриева в Москву.

Северная Пчела. 1835. 12 сентября. № 204. С. 814.

Сентябрь, 7. Петербург.

Отъезд Пушкина в деревню на три месяца.

ОА. Т. III. С. 268.

Сентябрь, 8. Москва.

Кончина Ивана Петровича Бекетова, двоюродного брата И. И. Дмитриева.

Сентябрь, 8. Понедельник. Петербург.

Кн. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу в Париж сообщает:

«...У нас гостил здесь недели с три Дмитриев: бодр, любезен и оригинален по прежнему. Часто говорит о тебе. Он тебя очень любит. Николашка его, *парика и книг его рачитель*, напился пьян, пропал целые сутки и возвращен был к нему со съезжей с разбитым лицом. *А еще литератор*, говорит о нем Дмитриев с горестью и негодованием, *знает всю русскую литературу, все литературские и журнальные сплетни, даже и имя Шатобриана вылетает из его поганых уст!* Передай это Шатобриану для его записок. О Шаликове говорит он, что он так выщипал все седые волоса свои, что у него на голове желтеют проталины. Жуковский все

в Царском и только на несколько часов приезжал сюда для свидания с Дмитриевым».

ОА. Т. III. С. 268.

Составители «Летопись, 1999» (Т. 4. 1833–1837. С. 337) ошибочно указали источник: ОА. Т. 2. С. 268 вместо: ОА. Т. 3. С. 268.

Сентябрь, ок. 12. Москва.

Возвращение И. И. Дмитриева из Петербурга.

Сентябрь, 14. Суббота. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Любезнейший князь Петр Андреевич!

Конечно, вам уже известно, чем я был встречен в первый день приезда моего в Москву: этот горестный случай причиною, что я не писал к вам с первою почтою. Но я тем не менее из глубины сердца благодарю вас за все доказательства вашей доброй, можно сказать, родственной ко мне приязни, которой всю цену я умею и понимать, и чувствовать.

Здесь я почти ни с кем еще не виделся и об здешних новостях ничего не знаю. И так остается просить вас засвидетельствовать глубочайшее мое почтение милой стивой государыне княгине Вере Федоровне и продолжать ко мне вашу приязнь, во всех отношениях для меня лестную. Я же с дружеским почтением и привязанностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою. Иван Дмитриев.

Р. С. Покорнейше прошу вас при случае сказать мое почтение Д. Н. Блудову, В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину и графам Вельгорским и вместе уверить их в благодарности моей за оказанное старику на чужбине снисходительное участие, а последним и за их гостеприимство. Также поклониться и Дмитрию Гавриловичу с Софьей Сергеевною. Это прибавляю на случай, если позабыл в расстройстве духа сказать о том в письме к Сергею Сергеевичу. Еще просьба: Из прилагаемой при сем копии с письма нашего университета профессора Рейса к Д. Н. Блудову увидите, что генеральная консистория положила сделать ему выговор и чуть не написать ли об отрешении его от должности члена в здешней лютеранской консистории, вопреки его жалобы на секретаря, который, по словам его, оказал ему грубость. Это консисторское определение поступит на рассмотрение Дмитрия Николаевича. Нельзя ли сделать мне одолжение попросить его превосходительство от меня, чтоб не выдавать старика к торжеству молодого секретаря и освободить его от выговора с сохранением места по консистории».

СН. 1898. Кн. 2. С. 180–181 (№ 72).

Сентябрь, 14 ... 15(?). Петербург.

Выходит книга «Стихотворения Александра Пушкина» (Ч. IV).

Летопись, 1999. Т. 4. С. 342.

Сентябрь, втор. пол.(?) – Октябрь, 22 (не позже). Москва.

Получает из Петербурга два письма гр. Д. И. Хвостова (не найдены) и сочиненную им его <Дмитриева> биографию.

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 319.

Сентябрь, 21. Москва.

Письмо Дмитриева к Н. А. Маркевичу:

«Одному питомцу Муз свойственно так мило делиться своим добром, своими удовольствиями, даже и с теми, коих он знает только по слуху. Тем с большею сердечною благодарностию ценю я, любезный поэт, домашний ваш гостинец и вашу, если смею так думать, заочную симпатию к одинокому старику, который,

вероятно, скоро угаснет. По крайней мере воображение мое, еще не совсем охладившее, представляет мне вас в мужестве лет, добрым супругом, нежным отцом, довольным наследственным своим участком и умеющим посреди независимости и душевного спокойствия наслаждаться умственной жизнью и душевным спокойствием. Приятно мне думать, что я не ошибаюсь; пользуйтесь же, милостивый государь, сим, хотя не для всех казистым, но неподдельным и настоящим счастьем. Продолжайте ваше ко мне благорасположение и примите взаимно уверения, и проч. Иван Дмитриев.

Р. С. Не обвиняйте меня в позднем ответе. Письмо ваше пришло в Москву, когда я был в Петербурге, откуда на сих днях только возвратился».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 318—319.

Сентябрь, 26. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«С живейшею благодарностию прочитал обязательное и лестное письмо, каким в.[аше] в.[ысоко] п[р]евосходительст[во] благосклонно предупредили меня, ибо я и сам только что готов был писать к вам и передать чувства и впечатления, оставленные вами в преданных вам сердцах во время последнего пребывания вашего в Петербурге. Истинно, впечатления эти самые приятные и незабвенные. Друзьям вашим было так отрадно, после разлуки с вами, найти в вас в неизменной полноте все, чем они всегда так в вас дорожили, ту же самую живую любезность ума, ту же благосклонность, теплоту чувств, все сии свойства, кои. от времени, от обстоятельств так часто изменяются, особенно же в нашем быту, преданном на жертву текущим делам всепоглощающей действительности. Мы истинно отдохнули и помолодели с вами. Я же наиболее душевно вам благодарен. В тяжелой скорби моей, охолодевши совершенно ко всем внешним впечатлениям, я снова находил уже забытую сердцем отраду в тихом и приятном развлечении живительной и занимательной беседы. Отъезд ваш оставил незаместимое место в семейном кругу нашем, несмотря на то, что он пополнился возвращением и прочих заграничных гостей. Напротив, и они завидовали нам, что мы имели сердечное удовольствие провести с вами несколько времени; и мы жалели за них, что не разделяли с ними этого удовольствия. Нам очень прискорбно было узнать, что Москва готовила вам такую печальную встречу. Ваше московское одиночество еще стало теснее. Это грустно. Право, назначьте Москву подмосковною своею и живите там лето, а остальное время года с нами, или по крайней мере выберите Петербург своим увеселительным домом и приезжайте к нам ежегодно месяца на два или на три. Я уверен, что и для здоровья вашего эта деятельность будет очень полезна. Я передал Д. Н. Блудову и поклон ваш, и поручение, присоединив к оному и мою покорнейшею просьбу, из благодарности к бывшему попечителю моей юности, у которого провел я некоторое время в доме при Московском университете. Д. Н. сказал мне, что он готов сделать все возможное, сколько из желания исполнить волю вашу, столько же из уважения к профессору Рейсу, которого он лично знает. Жуковского я с отъезда вашего почти не видал: он приезжал в город только на несколько часов.

Новостей, кажется, никаких нет, кроме — *медовых*, т. е. собираемых нам *Сев. Пчелою*. Впрочем я нигде не бываю и почти никого не вижу. Город еще довольно пуст. Д. Г. Бибиков начинает оправляться. Он поручил мне благодарить вас за обязательное воспоминание. Виельгорские ожидают на днях графиню и свидетельствуют вам свое почтение.

За неимением возможности изустно поздравить в. в. п-во с нынешним днем, я хотел по крайней мере начать его письменно с вами и заочно быть у вас сердцем и помышлением. Примите мое приветствие и мои задушевные желания. А чего желать вам? Уж верно не *нового* счастья, а продолжения *старого*, которое вам не изменит, потому что оно в вас. Пушкин поехал в Псковскую деревню месяца на три, вероятно разрешаться от бремени, потому что осень есть обыкновенная пора его беременности и родов».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 639—641.

Сентябрь, 29. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 145* (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 4. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Примите, почтенный и любезнейший князь Петр Андреевич, сердечную мою признательность и за милое ваше письмо, и за приветствие меня со днем именин моих, и за все ласковые на счет мой отзвывы, хотя и не заслуженные, но всегда лестные для меня из уст ваших.

Из письма моего к Катерине Андреевне можете узнать о настоящем моем положении. Чувствую сам, что для меня отраднее было бы доживать у вас, там, где я в двух поколениях еще сохранил людей, с коими по уму и по сердцу приятно мне симпатизировать. Одни любили меня еще в молодости лет моих; другие не отвращаются еще от моей старости, или находят ее довольно сносною.

Здесь же я только и гожусь бывать иногда у новых Транжириных, и то у близоруких или без тонкого чутья, на званых обедах, для круглого счета в звездах и двуклассных, а ровестникам моим не под пару, потому что суший профан в карточном деле. И так, приходит зевать в Английском клубе; но и тот, очевидно, наполняется новым и громогласным народом. Старожилы редкуют, и Д. В. Чертков выбыл из рядов их.

Я ожидаю, что вы напомните мне о молодых литераторах. Но где же старые? Разве вы не читали осьмой книжки *Наблюдателя*. Профессор Шевырев и экс-студент Белинский давно уже похоронили не только нашу братью стариков, но, не прогнавайтесь, и вас, и Батюшкова, и даже Пушкина. Г. профессор объявил, что наш *чопорный* (это модное слово) метр и наш *чопорный* язык поэзии никуда не годятся, *монотонны* (также любимое слово), для образца же выдал в *Наблюдателе* перевод в своих октавах седьмой песни *Освобожденного Иерусалима*. Желал бы, чтоб вы сличили его с переводом Раича и сказали мне, находите ли вы в метрах и поэтическом языке Шевырева музыкальность, силу и выразительность, которой, по словам его, не достает в русской поэзии нашего времени? У нас недоставало только *поминок* и *слезинок*, которыми г. профессор украсил *свои* октавы. Как бы то ни было, но мы отныне, по словам его, уже не существуем для воспитанников Московского университета. Отныне уже начнется в нем новый язык и новая метода для развода гениального племени. Да поможет Феб Шевыреву! Однакож... тяжело пережить отцовский язык и приниматься опять за азбуку!

Простите меня за стариковскую болтливость и любите по прежнему. Всем сердцем обнимает вас до свиданья преданный вам И. Дмитриев.

Милостивой государыне княгине Вере Федоровне и любезному вашему семейству свидетельствую искреннее мое почтение».

СН. 1898. Кн. 2. С. 181–182 (№ 73).

Под «Наблюдателем» И. И. Дмитриев разумеет «Московский Наблюдатель». После падения, в 1834 году, «Московского Телеграфа» и возникновения и процветания, в союзе с «Северною Пчелою», «Библиотеки для чтения» возбудили в Погодине и его друзья мысль основать в Москве новый журнал. Главными двигателями этого предприятия были Мельгунов и Андросов. 9-го декабря 1834 г. последовало высочайшее разрешение на издание журнала. Кроме Андросова в издании «Московского Наблюдателя» активное участие принимали: Е. А. Баратынский, Н. В. Гоголь, М. Дмитриев, И. В. Киреевский, кн. Одоевский, Павлов, Погодин, Хомяков, Шевырев, Языков. Критические статьи Шевырева, опубликованные в «Московском Наблюдателе», вызывали сочувствие Пушкина, Вяземского и ненависть начинавшего уже входить в силу Белинского (*СН. 1898. Кн. II. С. 246–247. Примеч. Н. П. Барсукова*).

Кажется странным, что Дмитриев «не заметил» стихотворений Н. М. Языкова. В «осьмой» книжке «Московского Наблюдателя» (1835. Кн. III) было впервые напечатано его стихотворение «Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый»).

Октябрь, 22. Петербург.

Кончина графа Д. И. Хвостова (род. 19. VII 1757).

Ноябрь, 26. Вторник. Москва.

Письмо П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

Примите чувствительную благодарность мою за любезное ваше письмо и добрую обо мне память. Я и сам часто вспоминаю об вас и пожалел, что не нашел вас в Петербурге. Осенняя поездка моя довольно была удачна и оставила мне приятные воспоминания, хотя и не без примеси меланхолических. Дорогою и на месте я дышал летним воздухом под осенним небом; в три недели находился без усталости; наговорился с кем хотел, из ровесников и юного поколения; налюбовался новыми зданиями и Невою, украшенною двумя огромными сфинксами; нагляделся на Последний день Помпеи, но, увы, не предчувствовал тогда последних дней графа Д. И. Хвостова. По приезде моем, он после тяжкой болезни, уже в состоянии был сидеть в креслах и долго беседовать со мною. Возвратясь же в Москву, я получил от него два письма: в обоих писал ко мне, что ему день ото дня лучше, и с последним прислал сочиненную им мою биографию, которую намерен был поместить в словаре русских авторов, издаваемом каким-то обществом, где вероятно он был главою. Подобная же внезапная потеря встретила меня и здесь. Я привез к брату И. П. Бекетову письмо, а он накануне моего приезда скончался, и первый мой выезд был на его похороны. Но полно об этом. Не пугайтесь соперничества: я виделся не однажды с Пушкиным, и он стоит в том, что не пишет истории. Наконец, сообщаю вам и об моих поживках по части литературной: я получил от русской академии Разговор дедушки со внучкой, очень милой последышек почтенного старца, и две книжки современного издания кратких записок, содержащих в себе разные замечания и суждения о языке и словесности; а по части художеств – купил у Трискорни два мраморные бюста – Петра Великого и Бонапарта. Первый его работы, бывший на московской выставке, а последний привезен из Италии. Пора опомниться: рабочий кабинет не английский клуб, и в нем дорожат каждой минутой.

И так, от всего сердца желаю вам и милостивой государыне Надежде Аполлоновне совершенного здоровья, и с душевным почтением к обоим имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 319–320.

Комментируя фразу Дмитриева о Пушкине, составители «Летописи, 1999», высказывают осторожное предположение, что Дмитриев был убежден в том, «что работа Пушкина над историей Петра рано или поздно выльется в произведение художественное, а не в научный труд» (*Летопись*, 1999. Т. 4. С. 637, примеч. 389).

Декабрь, 13. Пятница. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Не знаю, удастся ли мне предупредить московских книгопродавцев, но во всяком случае не хочу отпустить жену в Москву без гостинца к в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву и посылаю вам сочинения Баранта, Французского посла, издаваемого на днях в Петербург. Знаю ваш вкус к сочинениям подобного рода и уверен заранее, что вы прочтете их с удовольствием. Во дни нашей пьяной литературы, любезная трезвость Баранта очень замечательна и вдохновительна. Жена моя расскажет вам, какая была у нас на днях тревога по причине болезни Андрея Карамзина. Он был в большой опасности, и вы поймете наш страх, а особенно страдания бедной матери. Теперь ему стало легче, но совсем тем здоровье его вовсе ненадежное. О себе сказать вам почти нечего, а что и есть, то может рассказать живая грамота, хотя любопытного и занимательного и тут не много; но зная постоянное и обязательное участие, принимаемое вами во всем, что до меня касается, я уверен, что вы захотите знать и маловажное. О литературе, то же что и обо мне, немного разговориться. Читали ли вы Бенедиктова? Хотя он поэт не совершенно по вашему чувству и некоторые романтические замашки его должны подвергаться критике вашей; но я уверен, что вы оцените в нем то, что носит отпечаток истинного дарования: оригинальность, сильное и часто верное и полное поэтическое выражение. К тому же это первый шаг его; писал он точно про себя, ни с кем не

знался и не мог советовать, скромнее как молодая девица и следовательно подает еще богатые надежды. — Может быть, в начале будущего года приеду я в Москву недели на три, и ваш кабинет одна из приятнейших целей моих ожиданий. Я совершенно согласен с вами в отношении к переводу Шевырева: в языке и стихах его часто встречаются неверности, отзываются Мерзляковым, который по словам Жуковского, *побирался у соседей*, когда настоящее слово, слово собственное, не ложилось под перо, или не могло уломаться в стих. Жаль мне, что Шевырев пустился на подобную проказу, потому что в нем есть ум, знания, способность, и держась дороги своей, мог бы он идти хорошо и далеко. Он — не поэт, а литератор в роде Баранта. Критические статьи его всегда заслуживают внимания. Но журналист он тоже неудачный. Ради Бога, скажите, что это за птица *Авенир Народный*, который врет о старине? Виноват, а мне сдается, что это Макаров, *друг любимый*. Все и все лица перепутаны. Мерзляков не был никогда коротким человеком в доме Нелединского. Батюшков едва ли бывал у кн. И. М. Долгорукого. Такая суматоха во всех лицах и отношениях их, что толку и правды не доберешься. Подозреваю Макарова, потому что помню письма его о Петербурге, в которых он рассказывал, вероятно Бланку, о доме и обществе графини Лаваль, которой никогда не знал. Охота Шевыреву печатать такую дрянь и еще за подписью, которая может быть причиною запрещения журнала.

Может быть, вы полюбозытствуете прочесть академические тетрадки, присланные Тургеневыми из Парижа? По прочтении потрудитесь передать их Чадаеву, для доставления Шевыреву».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 641–642.

Декабрь, 14. Суббота. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Милостивый государь, любезнейший князь Петр Андреевич!

Хотя издалека, но тем не меньше от всего сердца приветствую вас и милостивую государыню княгиню Веру Федоровну с двойною высокомонаршею милостию.

Я еще не видался с князем Петром Ивановичем: разменялись только визитами, но друг друга не заставляли.

Впрочем, пожелав вам и любезному вашему семейству возможного благоденствия, с чувствами душевного почтения и искренней приязни постоянно пребуду, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою. Иван Дмитриев.

Р. S. Прошу вас сказать мое искреннее почтение милостивой государыне Катерине Андреевне и ея любезному семейству, В. А. Жуковскому и Петру Ивановичу Полетике».

СН. 1898. Кн. 2. С. 182–183 (№ 74).

Декабрь, 25. Среда. Москва.

М. Н. Муханов в письме к М. Е. Лобанову в Петербург замечает, что язык философии в России беднее языка поэзии:

«Правда, у нас нет ни Бэкона, ни Мильтона, ни Шекспира; но язык наш в поэзии и прозе почти установился; мы верим Карамзину, Дмитриеву, Жуковскому, Батюшкову, Крылову, Пушкину, Филарету. И тем более верим нашим учителям, что их у нас мало».

Н. Натанов [Эйдельман Н. Я.] Законами, но не кровью // Прометей. Т. 10. С. 201–205.

Декабрь, 25. Москва.

В «Московских Ведомостях» (№ 103) помещено сообщение о книгах, продающихся в книжном магазине И. Т. Лисенкова в Петербурге. Под № 41 значится «История Пугачевского бунта», соч. А. Пушкина, в 2-х частях, с портретом Пугачева. Цена 20 р.».

Декабрь, 31. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Милостивый государь, любезнейший князь Петр Андреевич!

В последний день дряхлого года приветствую вас с достижением нового и всем сердцем желаю вам и всему вашему любезному семейству встретить и проводить его, сколько возможно, лучше и приятнее.

С тою же искренностью благодарю вас за милое письмо ваше и литературный гостинец. Не вините меня, что так поздно хватился благодарить: мне хотелось писать к вам не прежде, как по свидании моем с княгиней; но первый мой визит был так неудачен, что не успел сказать ей и пяти слов: она окружена была посетительницами. В другой же приезд мой получаю внезапную весть у крыльца, что со вчерашнего дня княгиня уже катит в дилижансе по гладкой Петербургской дороге. Затем, наступила суматошная неделя, и я при всей моей любви к независимости, жалкий и незваный труженик света, только что теперь улучил спокойный досуг удовлетворить моему сердцу, которому так приятно всегда сказать вам, хотя на письме, несколько слов и от вас услышать столько же.

Теперь же доволен буду и *одним*, если вы *им* порадуете меня на счет Андрея Николаевича. Я до сих пор остаюсь в тяжелой неизвестности о дальнейшем ходе его болезни. Как мне жаль Катерины Андреевны!

Но да утешить ее и вас всемогущее Провидение! С сим сердечным молением и с чувствами искреннего почтения к вам и милостивой государыне княгине Вере Федоровне обнимает вас преданный вам навсегда И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 183—184 (№ 75).

1835. Москва.

«Весенние Цветы, или Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и пр.» (М., 1835. Тип. Пономарева). Ценз. разр. 26 марта 1830(?), цензор — И. Снегирев. Здесь напечатано: *Плач матери* («Нежной страсти плод любезный...»).

Дата ценз. разрешения по: Н. Смирнов-Сокольский, 1965. С. 188.

1835.

В. А. Тропинин. Портрет И. И. Дмитриева.

Гос. Музей Пушкина. X., м.

1835.

В. А. Тропинин. Портрет И. И. Дмитриева.

Портрет был подарен Дмитриевым Российской Академии и ныне хранится в ИРЛИ. Литография воспроизведена: 47 литографированных портретов членов Российской Академии (СПб., 1911).

1835(?) или 1837(не позже 3 октября).

Письмо к кн. Вяземскому:

«Старческая совесть, любезнейший князь, расшевелилась, и я решился отложить отъезд мой до пятницы, чтоб иметь удовольствие провести с вами у дорогой именинницы. И так, кроме вас и ваших, все прочие здесь уже задержаны от меня завесою. Сообщите о том почтенной Катерине Андреевне. Вместо середины приду обедать к ней завтра, а сегодня буду весь день зевакой в приятной надежде проводить вечер с вами.

Между тем препровождаю к вашему сиятельству мою вещицу, которую покорнейше прошу вас приказать положить в ящик вместе с подаренными от вас портретами. До свидания».

СН. 1898. Кн. 2. С. 172—173.

Датировка этой записки июлем 1833 года, предложенная Н. Барсуковым, ошибочна (см.: СН. 1898. Кн. 2. С. 236). Е. А. Карамзина была в это время в Ревеле, а Вяземский в Петербурге. Поэтому Дмитриев не мог посетить Карамзиных.

1836

Январь, 6. Понедельник. Москва.

Кончина Платона Петровича Бекетова, двоюродного брата И. И. Дмитриева.

Объявление о кончине П. П. Бекетова и о наследовании его недвижимого имущества (дачи близ Симонова монастыря) его племянником А. А. Бекетовым напечатано в «Московских Ведомостях» (1836. № 11. 15 февраля. С. 2931).

Январь, 29. Среда. Москва.

Письмо Дмитриева к М. Н. Загоскину:

«Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за ваш литературный подарок. Уверяю вас искренно, что при представлении *Недовольных* я был в числе их противоположников, а по прочтении этой пиесы еще более в том утвердился. Не смею состязаться с двумя журналами <имеются ввиду отзывы о «Недовольных» в «Московском Наблюдателе» и в «Телескопе» (1836. № 28. С. 81–103)>, как невежда XVIII века: но я видел и слышал на сцене что-то похожее на правду; я улыбался иногда, глядя на сцену – и чего же для меня более! В простоте сердца моего, право, доволен.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, покорнейшим вашим слугою И. Дмитриев».

РС. 1902. № 9. С. 626.

Февраль, 16. Воскресенье. Москва.

Письмо к Н. А. Маркевичу:

«Примите искреннюю благодарность мою за обязательное ваше письмо и сообщение мне отрывка из составляемого вами Словаря Российского Государства; предприятие ваше есть истинно патриотическое, и совершение оно, конечно, заслужить вам похвалу и признательность не только от современных соотечественников, но и от будущего их поколения. Остается только желать, чтоб столь важный ваш труд обработан был во всех отношениях с возможным тщанием, свойственным просвещению нашего времени, относительно выбора статей и самого слога; чтоб каждая статья была обдумана, удовлетворительна ли она для любопытства образованного читателя? точно ли русская! соблюдены ли в ней правильное изложение, ясность и чистота слога, и не послужит ли она только с усугублению толщины книги?

Вот моя мысль об условиях, каковыми следует руководствоваться при составлении вашего словаря. В прежнюю пору мог бы я дать им большее развитие. Но я еще помню, что старикам свойственно заговариваться. И потому заключаю мое письмо повторением вам, милостивый государь, сердечной моей благодарности и свидетельством душевного, и проч. Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 320–321.

Под «Словарем Российского Государства» Дмитриев понимает «Большой исторический, мифолог., статистич., географ., и литературной словарь российского государства» (М. 1836); издание не окончено.

Февраль, 25. Вторник. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к И. И. Дмитриеву в Москву:

«Позвольте мне обратиться к всеведению в. в. п-ва с покорнейшею просьбою о доставлении мне сведений из богатого архива памяти вашей о каком-то *Веселовском*, который в шестидесятих годах прошлого столетия жил в чужих краях; в 1766 г. был уже в Петербурге и назначаем был в кураторы Московского университета (что вижу из писем его к И. И. Шувалову), но не знаю, был ли он после утвержден в сем звании. Вероятно, это тот самый, про которого рассказывают, что он не хотел возвращаться в Россию, пока пословицы подобные: *без вины виноват, все Божие да государево* и прочтя, сохраняют в ней законную силу. Не припомните ли чего

нибудь о нем? Не был ли он писателем? Что делал в России по возвращении своем? Когда умер? Оставил ли по себе детей?.. Кстати также осмелюсь понаведаться у вас о *Борисе Солтыкове*, жившем в Женеве в дружеских сношениях с Вольтером и служившем посредником между ним и Шуваловым, особенно в то время, когда тот писал Историю Петра Великого. Эти лица встречаются у меня в записках о Ф. Визине и, мне желалось бы по возможности дополнить их приметы. Мой Ф. Визин вышел здрав и невредим из цензуры! Готовлю его к печати и занимаюсь теперь приведением в порядок примечаний и исторических приложений. Вот что оправдывает нескромность моих вопросов и дает мне надежду, что вы благосклонно разрешите их из милости ко мне и из любви к русской грамоте. Не умею припомнить, нет ли чего в Записках ваших о Ф. Визине? Если есть, то подарите меня эту драгоценностью и позволите воспользоваться ею. Нет ли также в бумагах ваших известного послания А. С. Хвостова к Ф. Визину, где он называет его *людских умов безмен* и пр.? Да кстати! Что сделалось с бумагами Плат. Петр. Бекетова? В них должно быть много неизданных редкостей по части нашей литературы. Кому достались оне? Нельзя ли пересмотреть или приобрести их? Еще раз кстати, и этот раз надеюсь вознаградить утомленное терпение ваше приятным для вас известием: на днях отыскана здесь (вероятно, известная вам по слуху и которая почиталась доньше пропадшею) *политическая записка о России*, писанная Никол.[аем] Мих.[айловичем Карамзиным] для Екатерины Павловны.

Давно уже ничего не знаем о в. в. п-ве, хотя знаем от приезжих о главном, т. е. что вы здоровы. Живем здесь все по старому, как семейство Карамзиных, так и семейство Вяземских и прочие общие благоприятели и знакомцы. Пушкин подвизается на журнальное поприще, и вероятно уже вам известно о скором появлении его *Современника*.

РА. 1868. № 4—5. Стб. 643—644.

На обороте этого письма, на образовавшихся от сложения его квадратах, набросаны рукою И. И. Дмитриева карандашом следующие строки, видимо служащие ответом на предыдущее письмо (точки... означают неразобранные слова):

«<Веселовский> Был в одно время с Мелиссино и Херасковым определен ..... уезжал было на время в чужие края. Сочинениями не занимался, а памятен только университету тем, что был кропотлив в занятиях, в делах конференции».

«Шувалов предлагал Д. И. Фон Визину место директора <два эти слова зачеркнуты> ..... должность директора университета ..... определил брата его Павла ..... который и заступил на его место».

Март, 3. Вторник. Москва.

Дмитриев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«На силу вы вспомнили меня с прошлого года, любезнейший князь Петр Андреевич! Но я с прежнею искренностью благодарю вас за письмо, а попеню только за то, что не сказали в нем ни слова об Андрее Николаевиче, совершенно ли он выздоровел, начал ли выходить, и на чем решилось по случаю предполагаемой поездки за границу.

Препровождаю при сем очистку ваших вопросов. Может быть, доставлю вместе с нею послание к Фон-Визину и выписку об нем из моих записок, если первую не замешкают по обещанию прислать, а вторую соберусь с силами выписать. С потери брата я что-то расстроился и упал духом. Жаль, что покойник не отказал, как водится, бумагу своему или по крайней мере хотя мне для передачи другим по моему выбору. Теперь они в руках сына, Ипполита Бекетова, не того, которого вы знаете, а другого. Петр Петрович Бекетов передал ему право своего наследства, состоящего в ветхом доме, в русской библиотеке, в уцелевшем портфеле с любимыми эстампами, в десятке или побольше заимодавцев и в куче рукописей. Хочу похлопотать на счет последних. Если удастся, охотно поделюсь с вами.

Как я жажду получить от вас, если можно, копию с отысканной бумаги! У кого она в руках, и будет ли издана в свет? Не меньше желал бы иметь и с другой, посвященной покойному и незабвенному Александру. Знаю, что она и здесь многим известна посредством Эоловой арфы.

Если можно, по словам покойницы вашей риторики, перейти от высокого к низкому, то рекомендую вам прочитать 1 и 2 книжку на текущей год Телескопа,

выданного Надеждиным уже по возвращении его из Парижа. В них замечателен взгляд его на Париж с катедральной колокольни; его же европеизм и народность в нашей словесности; и еще нечто *об ничем*, то-есть: отчет о теперешнем ходе нашей словесности, представленный ему по возвращении от сотрудника его по журналам экс-студента Белинского, который, кажется, в большом союзе с Брамбеусом и ревнует перещеголять Полевого, громит новых литераторов с исключением двух, о старых же и говорить нечего; они уже давно раздавлены. Надеждин вывез из Парижа немного нового. По старой привычке своей, с первого шага бросился на колокольню, и только зорким глазом своим усмотрел, что парижане фланеры не шатаются, а шныряют по улицам.

Рекомендую вам также заглянуть и в две последние книжки *Ученых Записок* Московского университета. В них напечатана речь, произнесенная в торжественном собрании Дворянского института старшим его учителем Межевичем. Он торжественно попирает классицизм; глумит над риторикой; представляет музу 18 столетия в карикатуре разфарбленную, разрумяненную и распудренную. Каковы-то будут ученики его? По крайней мере пропуск этой речи доказывает, что отныне Московский университет будет состоять под двойным влиянием – классическим и романтическим.

Наконец, с нетерпением буду ждать подписки на *Современник*. Прошу вас обнять за меня милого его издателя, также и В. А. Жуковского, а Катерине Андреевне и любезному ее семейству сказать душевное мое почтение, с коим равно и к вам, и милостивой государыне княгине Вере Федоровне навсегда имею честь быть преданным. И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 184–185 (№ 76).

Март, 15. Воскресенье. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Приношу в. в. п-ву повинную и благодарную голову; но виноват я без умысла, а разве по легкомыслию, благодарен же обдуманно и основательно. Мне точно капалось, что я не так давно писал к вам и уведомлял вас о совершенном выздоровлении и офицерстве Андрея Николаевича <Карамзина>. Это убеждение (не смею сказать *сие*, неравно Барон Брамбеус подсмотрит письмо мое) есть уже доказательство постоянного и глубокого желания моего писать. Часто бывает так! От скучной обязанности отделаемся скорее, потому что она тяготит. Там же, где исполнение обязанности есть и приятное чувство, так свыкнешься с нею, что не различишь мысли от действительности. На память тогда сослаться нечего: она также может обмануть. Но сердце не обманывает, а сердце сердцу весть дает, и, обращаясь к вашему, я уверен, что оно меня оправдает и убедит вас, что если вы и не получали письма от меня, то разве потому, что я забыл положить письмо на бумагу, но письмо было внутренне написано и отправлено вам. Стоило только застраховать его обыкновенным порядком, а я это и упустил из виду. Теперь перейду к выражению благодарности за обязательный ответ на письмо мое. Извлечение из *Записок* ваших – подарок для меня драгоценный и прошу позволения поделиться им с моими читателями, напечатав его целиком в биографии Фон-Визина. Ожидаю по благосклонному обещанию вашему известного послания А. С. Хвостова. Мне говорили также о каком-то теологическом памфлете Ф. Визина под названием *Аввакум Скитник*. Известен ли он вам?

Очень жалею, что рукописи Плат. Петр. Бекетова не попались в хорошие руки. В них должно быть много любопытного. Постарайтесь спасти их. Я охотно пойду в долю на выкуп их из рук неверных и уверен, что много найдется здесь охотников. Рукопись Ник. Михаил., о которой я извещал вас, не может быть напечатана, разве одно начало *Взгляд на древнюю Россию*, который, может быть, будет помещен в *Современнике* Пушкина. Другая рукопись, т. е. письмо о Польше, кажется, вам известна. Если нет, то непременно доставлю вам список. *Современник* подготавливается и явится в свет в первых днях апреля. Теперь бедный Пушкин печально озабочен тяжкою и едва ли не смертельною болезнью матушки своей. В первой книжке будет Парижская хроника учено-литературно-политически-гостинная нашей Эоловой Арфы. Она благонадежнее хроники Надеждина, хотя и не пи-

сана с такой высоты <Дмитриев говорил, что Надеждин, помня свое церковное происхождение, не упустил из виду слазить на колокольню собора Notre Dame, чтобы описать Париж>. Читали ли вы толки Булгарина о себе в Сыне Отечества? Любопытно! И вот наша литература! Поездка в чужие края Карамзиных остается не решеною до весны. Хотя здоровье Андрея Николаевича и поправилось, но все, по мне, надлежало бы ему ехать. Не вынести ему тягостей службы, и малейшая простуда, при опасном расположении его, может иметь пагубнейшие следствия. О здоровье надобно думать до болезни, а после уже поздно. Александр назначен адъютантом по гвардейской артиллерии и пишет уже не стихи, а рапортички.

Позвольте поделиться с вами парижскими гостинцами. Ответ Французскому журналисту писан Базеном, нашим инженерным генералом, который теперь в Париже, а портрет может найти место в вашей всемирной и разнородной галлерее. *И это человек!* А все человеческое нам не чуждо.

Карамзины, Жуковский, Вьельгорский, Пушкин, жена моя свидетельствуют вам свое почтение. Жуковский обещается доставить вам список с известной рукописи. Пушкин просит вас не подписываться на журнал его, а принять его принесете».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 644—646.

Март, 25. Среда. Петербург.

В «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1836. № 25. С. 193) напечатана за подписью «И. Дмитриев» эпиграмма-эпиграф «За Эвридикою и в ад Орфей сходил...». А. Ф. Воейков, издатель «Литературных Прибавлений», очевидно, заимствовал эту эпиграмму из «Опыта русской анфологии» М. Яковлева (СПб., 1828), где она ошибочно была приписана И. И. Дмитриеву.

Март, 26. Четверг. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Христос воскрес!

Любезнейший князь Петр Андреевич!

Вместе с христианским приветствием и братолюбивым объятием, благодарю вас искренно за последнее ваше письмо и гостинцы. Вы так добры, что всегда умеете чем-нибудь занять и потешить детскую мою старость.

Нетерпеливо буду ждать от вас или Василия Андреевича обещанной копии с записки или с письма Николая Михайловича, но желал бы я получить эту бумагу вполне, в каком виде читали мы с вами ее у Катерины Андреевны, то-есть, с постскриптом от автора. С не меньшим нетерпением желаю получить и биографию Фон-Визина, и *Современник*, в твердой уверенности, что он будет не похож на своих товарищей. Жаль только, что велик положен срок на прочтение каждой книжки, как будто мы еще по складам читаем. Лучше бы хотя по тоненькой тетрадке, но каждый месяц. Пускай шеголяет дородностию своей *Библиотека для чтения*. Я очень благодарен Василию Андреевичу и Александру Сергеевичу за их обещание, равно как и прочим, поименованным в вашем письме за обязательное их обо мне воспоминание. Свидетельствую всем им мое почтение и приветствие с праздником.

К дополнению посланных справок сообщаю вам еще новую из здешнего архива Иностранной Коллегии. Может быть, и она к чему-нибудь пригодится. По крайней мере выигрываем то, что вместо одного веселого, нашли четырех и всех умных, что не так часто случается в семействах. Но в праздники недосуг писать и читать письма.

И так, до будней. Преданный вам всею душою Дмитриев.

Прошу вас засвидетельствовать искреннее мое почтение милостивой государыне княгине Вере Федоровне и поздравить ее сиятельство с наступившим праздником, равно как и любезных детей ваших.

Р. С. Послания по сю пору еще не отыскал: авось достану от его сына, если найду его в Москве».

СН. 1898. Кн. II. С. 185—186 (№ 77).

Март, 29. Светлое Христово Воскресение. Пасха.**Март. Москва.**

В «Моск. Наблюдателе» (Кн. 2. С. 372–373) напечатано «объяснение» по поводу публикации в «Литературных Прибавлениях» эпиграммы «За Эвридикою и в ад...», не удовлетворившее Дмитриева как «по высокопарным отзывам» о нем самом, так и «по неограниченной грубости» против его «Созия».

Апрель, 7. Вторник. Москва.

Письмо Дмитриева к П. П. Свиныну в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

В первый день минувшего праздника я мысленно приветствовал всех, которые услаждают мое одиночество постоянной приязнью, следовательно я расквитался и с вами, а должен просить у вас извинения только в том, что по непроворству преклонных лет моих не успел повторить то же и на бумаге. По крайней мере, на сей раз столь же искренно приветствую вас и с благополучным отпразднованием светлой седмицы, и с возвращением к кабинетским вашим занятиям. Примите равно чувствительную благодарность мою и за обязательное ваше писание.

Праздник у нас был и в физическом смысле светел, только холоден. В Петербурге же, сказывают, три дня лежал новый снег. Не передаю вам слухов о новых наградах, на это есть будущий номер московских газет, а скажу только, что Брюлов собирался на днях отправиться в Петербург. Он написал здесь портрет жены, бывшего своего соученика, живописца Дурнова и для Перовского не большую картину, представляющую пригожую девушку в простонародной русской одежде. К сожалению, я не видал здешней его работы.

По части же словесности пишут из Петербурга к одному из здешних журналистов, что Пушкин, еще не выдав первой книжки, уже надселился в жарких состязаниях с цензорами, и думают, что не достанет его терпения на годичное издание Современника. По последней книжице Библиотеки для чтения заметно, что редактор ее уже заранее начинает трусить и притворно храбрится. Вот все, о чем хотелось мне вам написать. Заключаю свидетельством душевного моего почтения, с коим к вам и милостивой государыни Надежде Аполлоновне имею честь навсегда пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев.

Р. С. Из мраморных бюстов я не прочь бы пожелать еще бюста Екатерины, а больше не надобно – и по тесноте комнат, и по недолгому пребыванию моему в нашей гостинице».

РС. 1899. Т. 100. № 11. С. 318; перепеч.: *Дмитриев*, 1895. Т. II. С. 321–322.

Апрель, 9. Петербург.

Выдан билет на выпуск первого тома «Современника».

Пушкин. Исслед. и мат. Т. I. С. 301–302.

Апрель, 11. Суббота. Петербург.

Выходит в свет первый том журнала «Современника».

К биографии А. С. Пушкина. Вып. II. М., 1895. С. 63.

Апрель, 13. Понедельник. Петербург.

Кн. Вяземский при письме высылает в Москву Дмитриеву 1-й том «Современника»:

«Спешу, по поручению Пушкина, препроводить к в.[ашему] в.[ысоко] п.[ре-восходительст]ву первую книжку Современника, только что вышедшую, и билет на получение следующих книжек. Самого же Пушкина здесь нет. Вы без сомнения уже знаете, что скончалась недавно его матушка и он отправился в Псковскую деревню, где она желала быть погребена. Печальные заботы его в продолжение

болезни и при самой кончине ея, может быть, повредили лучшей отделке и полноте первой книжки. Не смотря на сухое заглавие и даже главное содержание статьи кн. Козловского (которого, верно, знаете вы по слухам и по европейской молве, если не знали лет за 25 тому лично), советую вам прочесть, ее. Язык и слог его, за исключением некоторых пятен, очень замечательны в человеке, который всю жизнь свою провел за границею. Он собирается в Москву, и вы найдете в нем любезного, просвещенного и добродушного чудака.

Р. С. Позвольте докучливо напомнить о послании А. С. Хвостовой и о рукописях Плат. Петр. Бекетова».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 647.

Надежда Осиповна Пушкина скончалась 29 марта (на Пасху) и была погребена в Святых Горах 13 апреля 1836.

Апрель, 16. Четверг. Москва.

Письмо к Д. И. Языкову в Петербург:

«Милостивый государь Дмитрий Иванович. Не дожидаясь вторичного от вас письма, спешу изъявить вашему превосходительству покорнейшую благодарность мою за извещение ваше о получении отправленной к вам от меня посылки. Пользуясь же сим случаем, обращаюсь к вам и с покорнейшею моею просьбою. Из последней книжки Журнала Министерства Просвещения узнал я о бывшем в Императорской Российской Академии чрезвычайном собрании, в котором Александр Семенович читал нечто о заслугах Н. М. Карамзина. Признаюсь вам, что мне, как члену Академии, как другу покойного Карамзина и как искреннему почитателю достопочтенного президента, нетерпеливо захотелось прочитать и новейшее его произведение и речь Михаила Евстафьевича Лобанова, равно и отчет непременно секретаря, столь же искренно мною уважаемого. Не можете ли доставить мне это удовольствие, к услаждению нескольких минут вялого моего существования? Чувствительно буду вам благодарен. Между тем, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства, покорнейший слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 322.

Апрель, 18...29. Петербург.

Кн. Вяземский в записке сообщает Пушкину, что взял у Гоголя для И. И. Дмитриева, А. А. Бобринского и А. О. Смирновой три экземпляра «Современника».

Акад. XVI, № 1183.

Апрель, 21. Вторник. Москва.

Дата под текстом замечаний И. И. Дмитриева на публикацию в «Литературных Прибавлениях». Замечания И. И. Дмитриева напечатаны во втором томе «Современника» (С. 310) под названием «Уведомление».

Май, 2. Суббота. Москва.

Письмо к А. Д. Балашову в Петербург:

«Милостивый государь, братец Александр Дмитриевич.

Ни одно из ваших писем не принесло мне столько удовольствия, как ваше последнее. Так мне весело было узнать ваш почерк, попрежнему твердый и красивый! Сердечно приветствую вас с возвращением, хотя и медленным, сил ваших. Даруй Боже скорее услышать и о совершенном вашем выздоровлении. О себе же донесу вам, — я, благодарение Промыслу, довольно еще здоров, но потеря в короткое время двух братьев, с коими я, особенно же с Платоном Петровичем, был искреннее и более симпатизировал чем с родными, делает меня совершенным сиротою в Москве. Теперь-то я начинаю чувствовать всю невыгодность одиночества в преклонных летах. Родные сестрицы далеко, ближайšie по сердцу также, и мне пришлось только бродить по безмолвному моему саду или видаться с кем по

холодному только приличию. Скажу вам еще, что покойный брат Платон Петрович оставил сына своего в самом критическом положении; он остался только с ломбардным билетом в шесть тысяч, да с пятьютысячным заемным письмом. Остальное же все имущество, состоящее в загородном доме, эстампах, книгах и мелочных пожитках, перешло, сверх чаяния нашего, к Александру Б., второму сыну Прасковьи Петровны, по передаче ему Петром Петровичем наследственного его права. И так, бедный сирота получил только 11,000 руб. на всю жизнь и то еще не совсем верные. Теперь он живет на хлебах у знакомого доктора, с платою ему по 600 руб. на год за пищу и квартиру, — суммы, превышающей казенные проценты со всего капитала. Но я с радости, получа от вас своеручное письмо, слишком заговорился и, может быть, утомил ваше терпение. И так, повторяю мое желание о скорейшем и совершенном вашем выздоровлении, и душевным моим почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга и брат Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 322—323.

Май, в ночь на 2-е. Москва.

Приезд Пушкина из Петербурга.

Акад., XVI, № 1188.

Май, 4. Понедельник. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Может быть, любезнейший князь Петр Андреевич, вы уже считаете меня в стране отцев наших, так давно не получая ответа на ваше письмо: не вините меня. Это произошло от усердия моего вместе с ответом послать к вам и *послание* к Фон-Визину. Многие из современников Николева и любителей старины, начиная с Малиновского до Макарова, обещали мне отыскать эту редкость, но и до сих пор не сдержали своего слова. Наконец, я, узнав о пребывании здесь сына самого автора, обратился к нему с моей просьбою, и вот вам своеручный ответ его к моему оправданию.

Примите же теперь, хотя и поздно, но искреннюю признательность мою за ваше письмо и доставление *Современника*. Я им очень доволен, особенно же записками об Арзуме, Султаном Гиреем, который и порадовал, и удивил меня. Не правда ли, что он пишет по русски несравненно исправнее, и с большим вкусом, чем некоторые из рецензентов *Телескопа*, *Молвы* и фельетона *Северных Пчелы*? Всего же более полюбился мне обзор новой нашей словесности, изложенный с искусством или по нынешнему художественно и с беспристрастием. Чей это, Пушкина или Плетнева? С удовольствием также пробежал я и князя Козловского. Он вместе со мною начал стихотворствовать и подавал большую надежду, но вдруг умолк. Тогда я не знал его лично, а сошелся с ним во время моего министерства. Он, мне кажется, имеет что-то сходного с князем Белосельским по своей любезности ума и простодушию; но в искусстве русского слова последний далеко уступает первому.

Прошу вас доставить прилагаемое при сем письмо к А. С. Пушкину. Уговорите его издавать *Современник* по месячно, а не по третям года. Впрочем, не заботясь о форме, можно надеяться, что *Современник* перещеголяет *Наблюдателя*. К слову об нем. Укажу вам на неуклюжее объяснение, в котором и я замешан в последней книжке, и вот по какому случаю: Недовольный Воейковым, поместившим в 25 № *Литературных Прибавлений* стихотворение-эпиграф с полным именем и прозвищем какого-то моего тезки и однофамильца, без оговорки, что стихи не мои, а моего Созия, я говорил издателю *Наблюдателя*, нельзя ли приличным образом объяснить публике о появлении под моим именем и прозвищем нового сподвижника на словесном нашем иподроме. Он охотно взялся, и чрез два дня прислал мне на просмотр уже отпечатанный листочик. Но *объяснение* его мне очень не полюбилось и по высокопарным отзывам обо мне, и по неограниченной грубости против моего Созия. Возвращая ему листочик, я прошу его смягчить свое объяснение, и для образца посылаю ему несколько строк, набросанных мною наскоро. Он отвечает

мне, что этого сделать уже нельзя, потому что листок уже пропущен ценсурой, и о выходе книжки уже объявлено в московских газетах.

Сообщаю вам и мою программу и поверяю вам, любезный князь, мою защиту: разумеется, в таком случае, когда неуклюжее объяснение возбудит врагов *Наблюдателя* к насмешкам, и бледная тень моя, ибо я уже не существую в литературном мире, вызвана будет пред грозный трибунал Белинского или Брамбеуса.

Наконец, еще прошу вас, и прошу вас с чувством дружбы, сдержать свое обещание, сообщить мне копии с двух манускриптов Николая Михайловича, после его имени. Полно писать. С сердечным почтением и привязанностью к вам обнимает вас преданный И. Дмитриев.

Р. S. Милостивым государыням княгине Вере Федоровне и Катерине Андреевне с ее семейством свидетельствую душевное мое почтение.

Прошу вас также сказать мой нижайший поклон В. А. Жуковскому, графам Вельгорским, Полетике, Сербиновичу и Н. Я. Плюсковой, если встретитесь с нею».

СН. 1898. Кн. II. С. 186—188 (№ 78).

В первом томе «Современника» были напечатаны помимо произведений Пушкина: «Долина Ажигутай» закубанского черкеса Султана Казы-Гирея и статья Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы».

О каких двух манускриптах Карамзина пишет Дмитриев — не ясно. Может быть, Дмитриеву стало известно о хранившихся в семье историографа нескольких рукописях, которые он озаглавил — «Бумаги Н. М. Карамзина для моих сыновей, когда они вырастут»: 1) «Мнение Русского Гражданина»; 2) «НВ. Для Потомства»; 3) «Новое прибавление»; 4) «О манифесте 12 декабря 1825 года»; 5) «Для сведения моих сыновей и потомства» (*Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина*. Ч. I. С.-Пб, 1862. С. 3—17).

Май, 5. Вторник. Москва.

Дмитриев, не зная еще о приезде Пушкина в Москву, пишет ему письмо в Петербург:

«Милостивый государь Александр Сергеевич.

Знаю по себе всю важность вашей потери, и на сей раз могу только сказать: всем сердцем сожалею об вас и об Сергее Львовиче.

Между тем чувствительно благодарю вас за билет на Современник и за первую книжку — не смею сказать оного. Но ваше щедролюбие усовершенствует мое корыстолюбие и возбудило во мне бесплодное желание и помолодеть и поумнеть наравне с вами или хотя с князем Вяземским и Языковым, чтоб самому быть достойным вкладчиком в Современника и не даром получать его.

Я люблю хвалить авторов в третьем лице, а потому и ограничиваюсь теперь не многими словами: журнал ваш расшевелил и освежил меня на целую неделю и заставил позабыть сводных братьев своих.

Знает ли Василий Андреевич <Жуковский>, что он на Ночном смотре получил одинакое вдохновение с каким-то Зейдлицом? Он уже давно сделан, но до сих пор лежит в портфеле у переводчика.

Процайте, любезный Поэт, бодрствуйте духом, украшайте нашу словесность и уговорите Сергея Львовича побывать с вами на вашей и его родине.

В этой надежде с искренним почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь вашим покорнейшим слугою,

И. Дмитриев».

Акад., XVI, № 1189.

«Знает ли Василий Андреевич...» — в первом томе «Современника» было напечатано стихотворение В. А. Жуковского «Ночной смотр» («В двенадцать часов по ночам...») без указания на то, что это перевод стихотворения австрийского поэта И.-Х. Цедлица «Die nachtlliche Heerschau». О каком переводе этого стихотворения пишет Пушкину Дмитриев — неизвестно.

Май, 5. Москва.

Пушкин у И. И. Дмитриева.

Акад., XVI, № 1190 (письмо к жене от 6 мая 1836 года). В этом же письме Пушкин сообщает жене, что поэт «Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста» (свадьба состоялась 5 июня 1836 г.).

Май, 11. Понедельник. Москва.

Письмо к Д. И. Блудову в Петербург (не обнаружено).

РА. 1866. Стб. 1688.

Май, 20. Москва.

Отъезд Пушкина в Петербург.

Май, 28. Четверг. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Не хочу по здешним слухам откладывать до скорого с вами свиданья, а теперь же поздравляю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, и ее сиятельство почтенную вашу супругу с новым семьянином, который с первых шагов в общество уже обратил на себя общее внимание. Искренно желаю, как самый ближний ваш родственник молодым во всех отношениях щастия, не разлучного с вашим.

Между тем, прошу вас по прежнему питать и подкреплять старость мою литературной пищею, разумеется, удобоваримую: на первый же случай доставить мне *пристройку* услужливого и бескорыстного *Зодчия*. Но я еще с большим нетерпением желал бы получить от вас обещанную рукопись и биографию Фон-Визина в печати. Поклонитесь от меня Василию Андреевичу и передайте благодарность мою за обещание. Пушкин, хотя и не простясь со мною, оставил Москву, но я очень благодарен ему и за то, что дал мне видеть себя два раза.

Да благословит Всевышний нашего путешественника и возвратит его совершенно здоровым. Скажите мое почтение Екатерине Андреевне и милому ее семейству. Наконец, прошу вас поверить, что я очень рад вашему выздоровлению, и останусь навсегда с прежнею к вам привязанностью и уважением постоянно преданный вам И. Дмитриев.

СН. 1898. Кн. 2. С. 188—189 (№ 79).

Май, 30. Суббота. Петербург.

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Письмом от 11-го сего мая ваше высокопревосходительство изволите ходатайствовать на счет назначения пенсии президенту московской Евангелическо-лютеранской консистории, г. статскому советнику Рейнгольму, желающему получить от сей должности увольнение, по причине преклонных его лет и болезненного положения.

На сие считаю долгом ответствовать, что, почитая всегда честью и удовольствием делать угодное вашему высокопревосходительству, я поставлю себе в приятнейшую обязанность употребить на пользу г. Рейнгольма, все, зависящее от меня посредство, тем более, что сей, поистине достойный почтенный старец, во все время служения по ведомству министерства, мне вверенного, отличался особенным усердием, честностью и неохладевшею даже при старости деятельностью.

Душевно радуюсь, что настоящее дело доставляет мне случай напомнить о себе вашему высокопревосходительству; пользуясь ими для того, чтоб уверить вас, милостивый государь, в совершенном моем почтении и преданности, с коими имею честь быть вашего высокопревосходительства, покорнейшим слугою Д. Блудов.

Его Высокопревосходительству И. И. Дмитриеву».

РА. 1866. № 11—12. Стб. 1688—1689.

Июнь, 2. Москва.

Приезд А. И. Тургенева из Парижа.

ОА. Т. III. С. 318.

Июнь, 3. Москва.

На обеде у И. И. Дмитриева А. И. Тургенев.

ОА. Т. III. С. 319.

Июнь, 14. Воскресенье. Петербург.

Письмо Пушкина к Дмитриеву в Москву (ответ на письмо от 5 мая):

«Милостивый государь Иван Иванович, возвратясь в П.[етер] Б.[ург], имел я щастие найти у себя письмо от вашего высокопревосходительства.

Батюшка поручил мне засвидетельствовать глубочайшую свою благодарность за участие, принимаемое вами в несчастии, которое нас постигло.

Благосклонный ваш отзыв о *Современнике* ободряет меня на поприще, для меня новом. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнение.

Замечание о вашем омониме украсит второй № *Современника* и будет напечатано слово в слово. Ваш Созий не сын Юпитера, и его встреча с вами для него невыгодна во всех отношениях. Дай бог вам здоровья и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут молодую нашу словесность.

С глубочайшим почтением и совершенной преданности честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Александр Пушкин».

РА. 1866. Стб. 1725–1725; Акад., XVI, № 1212.

Пушкин вернулся в Петербург из поездки в Москву 23 мая (Акад., XVI, № 1201). «Благосклонный ваш отзыв...» — Пушкину, вероятно, разумеет ставшее ему известным письмо И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому от 4 мая 1836 г. (см.) с хвалебными словами о статьях в «Современнике» (СН. 1898. Кн. II. С. 187). Под «вашим омонимом» Пушкин разумеет текст замечаний на публикацию в «Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду» (1836. № 25. С. 193).

Июнь, 26. Пятница. Москва.

У Дмитриева в гостях «молодая и милая чета»: Петр Александрович и Мария Петровна Валуева (дочь кн. П. А. Вяземского).

СН. Кн. 2. С. 189. Княжна М. П. Вяземская вышла замуж за П. А. Валуева 22-го мая 1836 г.

Июнь, 27. Суббота. Москва.

Рождение у М. А. и Е. М. Дмитриевых дочери Софьи. Восприемниками ее от купели были: И. И. Дмитриев и А. А. Анитова (мать Елизаветы Михайловны Дмитриевой).

М. Дмитриев, 1989. С. 371.

Июнь, 28. Воскресенье. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Третьяго дня я имел удовольствие видеть у себя молодую и милую чету, любезнейший князь Петр Андреевич, и спешу за эту честь принести вам чувствительную мою признательность.

Я все надеялся, что порадован буду свиданием с вами ко дню именин ваших и отпраздную его по старине вместе с вами в Остафьеве, но не так случилось. Примите по крайней мере заочное мое приветствие с искренним желанием вам прочного здоровья и благоденствия, где бы вы ни были.

По всему кажется, что мы сделали скачок из зимы прямо в осень, однакож все идет своим чередом — и Петровское наполнено любителями природы. Скажу и о себе, что я хотя и не так деятелен, как П. И. или Л. А., но настоящим положением моим еще доволен. С нетерпением жду обещанных рукописей, биографии Фон-Визина и, хотя совестно смешивать с ними, пристройки А. Ф. В<оейкова>.

Между тем, прошу вас верить неизменным чувствам привязанности и уважения преданного вам навсегда Ивана Дмитриева».

СН. Кн. 2. С. 189–190 (№ 80).

Июль, 3. Петербург.

Выдан билет на выпуск второго тома «Современника».

Пушкин. Исслед. и мат. Т. I. С. 297.

Во втором томе «Современника» (С. 310) под заглавием «Уведомление» напечатаны замечания Дмитриева на публикацию эпиграммы в «Литературных Прибавлениях».

Июль, 3. Петербург.

Выдан билет на выпуск третьего тома «Современника».

Пушкин. Исслед. и мат. Т. I. С. 296 (примеч. № 41).

Июль, 27. Понедельник. Москва.

Письмо к Ф. В. Булгарину в Петербург:

«Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

Обрадованный третьим объявлением вашим о скором выходе сочинения вашего, под названием Россия, спешу препроводить к вам, милостивый государь, назначенную вами сумму за книгу и доставление оные в Москву на мое имя.

Пользуясь же сим случаем, покорнейше прошу вас принять уверения в признательности моей к вам за лестное упоминание иногда о моих старомодных безделках, равно как в искреннем уважении литературных ваших занятий.

Между тем с совершенным почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, покорнейшим вашим слугою Иван Дмитриев».

РС. 1905. Апрель. С. 214.

Июль, 27 ... 30. Москва.

Отъезд А. И. Тургенева в Симбирск.

Моск. Вед. № 62. Суббота. Августа 1-го. С. 1265.

1836. Июль – Август.

Пушкин пишет небольшую рецензию на шуточное стихотворение И. И. Дмитриева «Путешествие Н. Н. В Париж и Лондон, за три дни до путешествия» (издано тиражом в 50 экземпляров в Москве в 1808 году П. П. Бекетовым):

«...*Пут.<ешествие>* есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора покойный В. Л. П.<ушкин> отправлялся в Париж и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В.<асилий> Л.<ьвович>. <...> Я бы отдал всё, что было писано у нас в подражание л.<орду> Бай<рону>, за следующие не – задумчивые и не – восторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!»

Акад., XII. С. 93.

«*Я бы отдал всё..*» – в черновой рукописи один из вариантов: «...я бы отдал всех подражателей <?> пр<оизведениям> <?> Бар<атынского> и Яз<ыкова>...» (*Акад.*, XII. С. 377).

Август, 2. Воскресенье. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«От всей души радуюсь близкому с вами свиданию, любезнейший князь Петр Андреевич, и благодарю вас за петербургские гостинцы, хотя и не в прок, а в ссуду.

Я виноват перед Марьей Петровной и Петром Александровичем <Валуевыми>, что еще не отплатил им за их приятное посещение. Но прежде мешало тому их отсутствие, а потом мое нездоровье, от которого и теперь еще не совсем освобожден. Постараюсь однакож, во что ни станет, еще побывать в Остафьеве, которое по многим отношениям возбуждает во мне приятные и отчасти меланхолические воспоминания.

Между тем, с чувствами душевного почтения обнимает искренно любящий вас И. Дмитриев.

Р. S. Прошу вас тотчас дать мне знать о вашем прибытии в Москву. Я брошусь к вам на встречу еще прежде нашего коменданта. Ежели вы скоро будете писать в Петербург, то прошу вас передать и от меня благодарный поклон Екатерине Андреевне с ее семейством, Жуковскому, Блудову и Пушкину и сообщить последним

двум, что я рад получить от них и отчета, и вторую книжку. Шириев мне отказал потому, что билет получен мною от самого издателя.

Воскресенье».

СН. 1898. Кн. 2. С. 190 (№ 81).

Август, 7. Пятница. Москва.

Приезд кн. Вяземского из Петербурга.

Моск. Вед. № 64. Суббота. Августа 8-го. С. 1313.

О своем предполагаемом приезде 7-го августа писал кн. Вяземский А. И. Тургеневу в письме от 27 июля 1836 г.: «Я непременно буду в Москве к 7-ому августа на месяц, а может быть и более...» (ОА. Т. III. С. 329).

Август, 8. Суббота. Остафьево.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Вчера успел я только что проехать, чрез Москву и пересечь из дилижанса в коляску, уже меня ожидавшую и отправился в Остафьево к своим молодым <дочь кн. П. А. Вяземского, княжна Марья Петровна в этом (1836) году, 22 мая, вышла за муж за Петра Александровича Валугева> и к своей новорожденной, потому что вчера был день рождения Машеньки, и я спешил из Петербурга попасть к ней на обед. Пробуду здесь вероятно до середины. Нетерпеливо желаю лично засвидетельствовать вам мое почтение. Пока препровождаю к в. в. п-ву одну из рукописей Николая Михайловича. Я взял ее нарочно для вас у Екатерины Андреевны, чтобы скорее удовлетворить вашему любопытству, а копию от Жуковского еще не получал за поездкою его в Дерпт, из коего возвратился он накануне моего отъезда, так что я его видел только одну минуту. Прилагаю к рукописи еще другую редкую и *тайную* новинку, которую прошу покорнейше и держать в *тайне*. Можете оставить ее у себя до моего отъезда. Вы верно слышали или читали в иностранных журналах про сей любопытный сборник, составленный, как известно, большею частию из бумаг, найденных в канцелярии цесаревича в Варшаве и расхищенных во время возмущения. Дешпи Поццо ди Борго и других наших министров несомненно достоверны. Сей сборник поднял ужасный гвалт в европейской дипломатике. — Карамзины, Жуковский, Пушкин и Блудов поручили мне передать вам чувства их почтения и преданности, а последние — спросить у вас, один: получили ли вы вторую книжку Современника, а другой: желаете ли вы иметь собрание отчетов министерства В. Д.?

Теперь настанут для вас трудные дни веселий, празднеств и торжества. Желаю вам намаяться ими, а я приду посмотреть на Москву, отдыхающую на лаврах. С истинным почтением и проч.».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 647—648.

В письме вероятно речь идет о «Бумагах для моих сыновей, когда они вырастут» Н. М. Карамзина (см.: Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Ч. Первая. С.-Пб, 1862. С. 3—17).

Август, 8 ... 23. Москва.

Дмитриев читает «Записку о древней и новой России» Н. М. Карамзина.

Август, 10 (в ночь на 11-е). Москва.

Приезд имп. Николая I из Петербурга.

Моск. Вед. № 65. Среда. 12 августа.

Август, 11. Остафьево.

Кн. Вяземский в письме просит Пушкина скорее отправить второй том «Современника» И. И. Дмитриеву, а также сообщает, что в московских книжных лавках «Современника» нет.

Акад., XVI, № 1242.

Август, 12. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 146* (1-я, старая, пагинация).**Август, 23. Воскресенье. Петербург.**

Письмо Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству список с записки Николая Михайловича Карамзина о России составленной им для в. к. Екатерины Павловны. Вы уже знаете о том, что счастливый случай доставил ее мне в руки; может быть, вы уже и читали ее, ибо Вяземский ее переписал для себя. Я не мог прежде доставить вам копии от того, что манускрипт ходил по рукам и должно не мог к мне возвратиться. Прочитав это творение, которое к несчастию должно остаться в неизвестности, вы с новым чувством благословите память нашего незабвенного друга: лучшей души земля не видала! — Я читал письмо ваше к Д. И. Языкову и был им сердечно тронут и внутренне поблагодарил вас за то, что вы меня признаете способным писать о Карамзине. Может быть, я исполню это назначение, но только не для академии: она требует краткой биографии для портрета. Посмотрю, буду ли уметь написать ее. Но описанием жизни и оценкою гения Карамзина должно заняться с благоговением, приличным предмету; оно не может быть делом посторонним. Когда поселюсь в уединении [коего жажду всею душою], тогда примусь, может быть, за это святое дело, которое будет, если не собственно исповедью, то по крайней мере исповедью того, что было в моей жизни лучшего. Дай Бог, чтобы мне удалось исполнить это намерение и чтоб вы, достойный представитель Карамзина, были судьей этого исполнения и его одобрили, в чем конечно будет главная награда труда моего. С душевным почтением честь имею и пр. Жуковский».

*РА. 1866. № 11—12. Стб. 1639—1640.***Сентябрь, 6. Москва.**

Письмо к Жуковскому в Петербург:

«Милостивый государь любезнейший Василий Андреевич.

Всем сердцем благодарю вас за обязательное ваше письмо и сообщение мне манускрипта; надеюсь, что не откажетесь одолжить меня доставлением копии и с другого, с позволения Катерины Андреевны. Я не польстил вам в письме к Языкову, и теперь стою в том, что никто из наших авторов не мог бы вернее и достойнее вас и князя Вяземского представить Карамзина на литературном поприще и в домашнем быту его. Но о Вяземском не упомянул в письме потому только, что Академия еще не соблаговолила его усвоить. Согласен с вами, что писать о Карамзине на двух или трех страницах, в кратких надписях к портретам, не удовлетворительно ни для ума, ни для сердца. К тому же не легко было бы угаить, что около 15-ти лет авторства Карамзина, обратившего на него внимание земляков обоого пола, разных возрастов и состояний, Академия не хотела причислить его к своему словию; что первый восстал на него нынешний президент Академии, обвиняя его в искажении отечественного слога и увлекая слабые или неопытные умы на свою сторону; что Карамзин, при всех способах превосходного авторского таланта, отмалчивался против толстой книги, не сказал ни слова и шел своей дорогой; что, наконец, тот же самый президент в торжественном академическом собрании, чрез несколько лет, подносит ему большую медаль с надписью: Российскому языку пользу принесшему? Завидное торжество истинного таланта и высокого смирения! Как же умолчать о том правдивому биографу? Как не упомянуть и о том, что некто Плаксин на публичных лекциях в Петербурге называет исторический слог Карамзина идиллическим, и дети наши должны этому верить; а старший учитель дворянского пансиона в Москве, Межевич, недавно в речи своей, произнесенной в торжественном собрании, объявил, что донныне университетские питомцы дремали под грозною ферулою классицизма, и что период Карамзина ознаменован совершенным отсутствием народности, хотя Карамзин первый начал знакомить нас с

народностию в *Путешествии к Троице*, в описании мятежа при Морозове, в поестях – *Натальи, Боярской дочери, Марфе Посаднице*, и в недоконченной поэме – *Илье Муромце*. Что же такое народность, по мнению наших молодых учителей? Писать так, как говорят наши мужики на Сенной и в харчевнях! Кроме других причин, признаюсь вам, любезный Василий Андреевич, не последняя была и эта, почему я отказался на вызов доброго Языкова. Но я утомил вас моим письмом. Начав говорить о Карамзине, или о самохвальстве антиподов его, я всегда разболтаюсь. Это болезнь моя. Оканчиваю просьбою снисхождения к моей старости, поклониться нашей соседке и поблагодарить Александра Сергеевича за вторую присылку *Современника*».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 324–326.

Сентябрь, 9. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 147* (1-я, старая, пагинация).

Сентябрь, 10. Четверг. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему минуло 76 лет.

Сентябрь, 14. Понедельник. Москва.

Приезд имп. Николая I в 3 часа пополудни из поездки в поволжские (низовые) губернии, в том числе и Симбирскую. О пребывании императора в Симбирске Дмитриев мог узнать из «Московских Ведомостей» (№ 73. Середа. 9-го сентября. С. 1477).

Сентябрь, 17. Четверг. Царское Село.

Именины С. Н. Карамзиной. В письме к Дмитриеву в Москву она пишет: «Ваше желание мне провести домашний праздник весело сбылось совершенно: у нас было много приятелей из Петербурга, и между прочим Пушкин, которого я так люблю; милый, добрый наш Жуковский и Вельгорский, который ввечеру танцевал с нами до упаду».

Пушкин и его совр. Вып. XXIX–XXX. С. 33. В этот день вечером Пушкин с женой и сестрами Гончаровыми был у Карамзиных в Царском Селе.

Сентябрь, 17 ... 23. Москва.

Отъезд кн. Вяземского в Петербург.

Моск. Вед. № 77. Середа. Сентября 23-го. С.

Сентябрь, 25. Пятница. Москва.

Письмо к А. Д. Балашову в Петербург:

«Милостивый государь, братец Александр Дмитриевич.

Благодарю вас за обязательное ваше письмо и приветствие с домашним моим праздником. От всей души приветствую я вас с благополучным возвращением в отчизну и радуюсь, что она приняла вас в теплые объятия, ибо мы в половине только осени начали чувствовать теплоту лета. Завидую вам, почтенный братец, что в такое короткое время успели еще бросить взгляд почти на всю Европу, возобновить в памяти виденное прежде, ознакомиться с новизнами и возвратиться с свежим запасом приятных воспоминаний. Если бы я был одних лет с вами, то, право бы, напросился в ваши спутники, но, увы, сколь ни ободрителен героический подвиг любезного графа Сергея Петровича Румянцева, не имею духа ему последовать. В отраду себе буду нетерпеливо желать скорейшего и приятного с вами свидания, а между тем заочно вас обнимаю и с чувствами душевного почтения и преданности имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою и братом Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 326.

Сентябрь, 30. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 148* (1-я, старая, пагинация).**Октябрь, 5. Понедельник. Москва.**

Приезд А. И. Тургенева из Симбирска.

*ОА. Т. III. С. 331.***Октябрь, 11. Воскресенье. Петербург.**

Письмо Д. Н. Блудова к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый государь, Иван Иванович.

Вновь определенный в г. Сызрань городничим родственник ваш г. Богданов едет к своей новой должности через Москву и будет конечно иметь честь явиться к вашему высокопревосходительству. Я пользуюсь сим случаем, чтоб представить вам – не знаю как сказать – труд, хотя вполне официальный, но которому я желал бы и старался дать, если не достоинство, то по крайней мере интерес до некоторой степени литературный: именно всеподданнейшие отчеты министерства мне вверенного за 1833, 1834 и 1835 года.

Не смею думать, чтобы сии отчеты, или как я называл их, при напечатании, извлечения из моих отчетов, могли очень приятным образом занять вас, и потому не смел доселе непосредственно сообщать их вам, предоставляя это обыкновенному движению книг и журналов. Теперь изменяю правилам авторской скромности, и меня ободряет к тому слышанное от Дмитрия Васильевича Дашкова. Он мне сказывал, что вы обратили особенное внимание на его последний отчет министерству юстиции. Его министерство имеет без сомненья и особенные на то права, будучи в некотором смысле продолжением вашего, но с другой стороны означаемые в отчетах, о действиях судебных мест, факты сами по себе едва ли не столько же, или и еще более сухи, как и те, об которых я мог объявить публике в извлечении из моих. Как бы то ни было, я решился последовать примеру товарища и представить свою работу, на суд, смею думать, благосклонный вашего высокопревосходительства. Утешаю себя мыслию, что она в глазах ваших будет иметь по крайней мере цену истины... Любовь к ней водила пером моим, и я сказал Государю, без прикрас без лести, без всякой *aggrège pensèe*, все что делал и видел в течении четырех лет управления моего министерством внутренних дел. С такою же откровенностию говорил я и о предположениях моих для усовершенствования некоторых частей вверенного мне управления, и о средствах и трудностях приведения их в действо; но эта статья моих отчетов, вместе с двумя или тремя другими, должна была остаться в рукописи.

Примите, милостивый государь, уверение в чувствах высокопочитания и преданности, с коими я имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою Д. Блудов».

*РА. 1866. № 11–12. Стб. 1689–1690.***Октябрь, 12. Понедельник. Москва.**

Письмо П. П. Свиньину в Петербург:

«Милостивый государь Павел Петрович.

Чувствительно благодарю вас за последнее ваше письмо и скажу о себе, что я, благодарение Вышнему, довольно здоров по моим летам. Жалко только, что по долгу не вижу с теми, которых желал бы видеть чаще. Пора бы и вам заглянуть в Москву, любезный историк. Кратковременное развлечение послужило бы в пользу и здоровья и самых полезных ваших занятий. Я и сам желал бы Современнику более журнальных свойств, более живости и разнообразия, боле участия в движении нашей и всеобщей литературы. По крайней мере доволен тем, что читаю его не на площадном языке и не встречаю в нем, как в Библиотеке для чтения, гениальных несообразностей, подобных следующим:

Чу! грянули трубы!
Ружье на молитву! душа к Божеству!
 В глазах просияла, *протеплилась вера,*
 Небесною влагой *намокли* глаза;
По длинным, по миштым усам гренадера
 Украдкой *сбежала красotka* – слеза.

Или:

Чи, чи, чи! кричит сорока,
 Прилетела издалека.

Не правда ли, что эта гениальность самая варварская? Здесь ничего не слышно о предприятии Полевого писать историю Петра Великого. Знаю только по слухам, что журнал о пребывании здесь Императора и помещенный в Московских Ведомостях, писан им, и будто по поручению графа Блудова. Не говоря о причинах; по которым я не могу быть к нему привязан, ни об его нахальстве и об способе изложения, совестливо скажу, что он один только у нас имел дар привлекать к своему журналу всеобщим участием и занимательностью в выборе статей журнальных. Вы, конечно, уже пользуетесь Журналом для художеств. Я очень благодарен за него Кукольнику во всех отношениях и охотно на него подписался. Обзор выставки возбудил во мне желание получить гравюры Уткина и еще в копиях портреты Петра I и Екатерины II, но не знаю, к кому бы там адресоваться?

Наконец нетерпеливо желаю знать, зачем А. П. М. отправился в Сибирь? Губернаторствовать или для одного любопытства, во всяком случае, здоровья и благоденствия. Между тем, свидетельствуя вам и милостивой государыне Надежде Аполлоновне душевное мое почтение, с коим навсегда имею честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Р. С. Очень сожалею, что лишен был удовольствия видеться с вашим братцем, которому свидетельствую также мое почтение».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 326–327.

Дмитриев цитирует стихи из стихотворения И. Пожарского «Червонный колпак» (1836. «Библиотека для чтения». Т. 16).

Октябрь, 18. Воскресенье. Москва.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Петербург сообщает, что И. И. Дмитриев еще не читал письма Вяземского к Тургеневу, но, вероятно, «не откажет выписками из записок». Далее Тургенев спрашивает Вяземского: «...Но как же мне из слов его составлять повесть о Карамзине? Не лучше ли прямо списать из его записок его рассказ о Карамзине».

ОА. Т. III. С. 333.

Октябрь, 22. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Милостивый государь, любезный князь Петр Андреевич! Вы обещали взять на себя ходатайство за бедного юношу-книгопродавца Кузнецова: вот вам его записка, излагающая вполне историю календаря, которым добрый отец его думал обессмертить себя и доставить услаждение благочестивым читателям, не предчувствуя того, что доставит им своему сыну хлопоты и, может быть, совершенное разорение.

Сделайте милость обратите ваше внимание на его записку и Христианский Календарь, который при сем препровождаю, и попытайтесь исходатайствовать на выпуск его христианского разрешения, без чего бедный юноша, обремененный отцовскими долгами, имеющий на руках еще сестру и двух братьев, легко может погибнуть! Покажите и записку, и календарь предварительно почтенному Сербиновичу. Я уверен, что и он не найдет достаточной причины к отказу в даче билета.

Вот и еще просьба: при первом свидании с Дмитрием Николаевичем прошу вас уверить его в искренней благодарности за экземпляр отчета Внутреннего Министерства. Я любовался европейским отчетом и желал бы, чтобы он был более известен публике. Благодарен ему и за то, что не забыто в отчете и об монументе близкого моему сердцу. Слышу, что уже вышел и третий номер *Современника*, но я боюсь, чтоб не прождать мне его до нового года.

С душевным почтением обнимает вас преданный вам навсегда Дмитриев».

СН. 1898. Кн. II. С. 190–191 (№ 82).

Октябрь, 22. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР*. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 149–149 об. (1-я, старая, пагинация).

Октябрь, 23. Пятница. Москва.

Дмитриев все утро провел у больного А. И. Тургенева. Уходя, Дмитриев получает от Тургенева некую литературную мистификацию «времен Екатерины I или Анны над Хвостовым того времени».

ОА. Т. III. С. 333, 336.

Октябрь, 25. Воскресенье. Москва.

А. И. Тургенев знакомит Дмитриева с содержанием двух писем Вяземского из Петербурга (от 12-го и 19-го октября).

ОА. III. С. 337.

Октябрь, 26. Понедельник. Москва.

Дмитриев, по прочтении двух писем Вяземского к А. И. Тургеневу от 12-го и 19-го октября, пишет записку Тургеневу, которую последний цитирует в письме к Вяземскому в Петербург:

«...Я еще не очень здоров и не буду повторять все, что слышу, но вот ответ репрезентанта XVIII столетия в России – И. И. Дмитриева, коему вчера сообщил я твои письма (от 12-го и 19-го октября): “С большою благодарностию возвращаю вашему превосходительству две грамотки нашего умницы. Жаль только, что по связному почерку его – бегло, вопреки моему нетерпению, и даже не все мог разобрать. Но очень разобрал и понял, что зрелость духовная, то-есть, ум и душа есть терпимость или равнодушие. Эта мысль заставила меня улыбнуться от удовольствия. Я очень люблю Вяземского, а прочтя его это, как будто с ним сроднился и полюбил еще более”. Вот как отозвалось в душе доброго эгоиста твое падение с терпимости на равнодушие!..

Посылая к Ивану Ивановичу записки твои, я напомнил ему о просьбе твоей для твоего альманаха, но он ни слова в ответ на это. Вероятно, придется сказать на словах то, что намерен сделать для тебя или отказать.

Вчера, перебирая бумаги, я нашел книгу с 386-ю письмами и записками Н. М. Карамзина ко мне, которую я везде вожу с собой. Мне пришло на мысль напечатать сии письма и записки особенно: в них из эпохи 1803–1809 годов много любопытного и в отношении к российской истории, а для меня и в последних все важно и *свято*; во мне разгорелась в чистое пламя любви к нему непотухавшая никогда искра в сердце. Испроси заранее позволения у Екатерины Андреевны, а я сам ей говорить о сем буду. Нужны будут от издателя или от меня комментарии, но и в сих комментариях может быть интересен для публики. Есть строки прекрасные, как душа его...».

ОА. Т. III. С. 337–338.

Можно предположить с большой долей вероятности, что Тургенев не только сообщил Дмитриеву о найденной своей переписке с Карамзиным, но и давал ему ее читать.

Октябрь, 28. Среда. Москва.

А. И. Тургенев заезжает к Дмитриеву и знакомит его с последним письмом к нему Вяземского и спрашивает о возможности Вяземскому получить отрывок из его Записок. Улыбнувшись Дмитриев ответил: «Да что такое? Сам он не пишет об этом, как же?». Тургенев возразил, что ему поручен «только предварительный вопрос» и что Вяземский сам намерен писать и просить.

ОА. Т. III. С. 342.

Октябрь. Москва.

В «Моск. Наблюдателе» (Ч. 9. Кн. 2 (октябрь). С. 457–458) напечатано стихотворное послание С. Стромилова «И. И. Дмитриеву» («Наперсник муз, увенчанный цветами!..»).

Ноябрь, 2. Понедельник. Петербург.

Письмо кн. П. А. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Немедленно по получении письма в. в. п-ва приступил я к исполнению возложенного вами на меня поручения. Имею честь донести.

По совету Сербиновича, прибегнул я именем вашим к посредничеству Д. Н. Блудова, который сообщил мне следующее: что по мнению г. Буткова члена цензурного комитета, просьба Кузнецова не может быть не удовлетворена, что ему сия просьба надобно подать попечителю Московского Учебного Округа, и если уже там не получит он удовлетворения, то должен просить в главном цензурном комитете. Следовательно, если в Москве и был бы отказ, то есть полная надежда, что здесь дело примет благоприятный оборот в пользу Кузнецовых. Не мешало бы вам, если вы желаете добра просителям, замолвить о них слово графу Строганову при встрече с ним и передать ему здешний отзыв о сем деле, дабы предупредить возможные затруднения и ускорить конец его.

Пушкин сказал мне, что 3 книжка Современника отправлена в Москву на имя ваше.

Теперь с скромностью и совестливостию, свойственными альманашнику, прибегаю с покорнейшею просьбою к в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву и высокопревосходительству, не по одному адрес-календарю, но и по календарю Муз. Я намерен издать исторический и литературный сборник и желал бы упрочить достоинство его вашим милостивым участием. Не соблаговолите-ли (пишу в мундирном фраке и за вице-директорским столом, казенным пером, под которое некоторые слова ложатся сами собою) наградить меня отрывками из ваших Записок, напр., относительными до Державина, Карамзина, ваших первоначальных литературных трудов и пр. или тем, что угодно будет вам. Все исходящее от вас будет принято мною и просвещенными читателями с живейшею благодарностию. Пушкин сказывал мне, что у его есть поэтическая шутка ваша о путешествии Василия Львовича. Он мне уступает ее, если только вы на это согласитесь. Я вложил бы ее в биографическую рамочку на память милому покойнику, коего добродушная тень, верно, не оскорбится моею нескромностию, а напротив порадуетя ей. При жизни своей он охотно читал эти стихи наизусть, — по смерти своей рад он будет, что другие их читают. А стихи хоть и шуточные, но принадлежат к лучшим сокровищам нашей поэзии, и жаль держать их под спудом.

В другой раз обращусь к вам с вопросами о Петрове-лирике. Мне хочется издать его не полного, а в выборе и приложить к стихам его замечания и биографическое известие. У нас его совсем не знают. Я его теперь перечитывал и объедался его сочными выражениями и особенно жирными рифмами. Много в стихотворениях его темного: надобно и к ним ключ как к Державинским, а этот ключ и все ключи к литературным преданиям нашим в руках у вас одного. Кажется, я слышал от вас, что вы знавали сына Петрова, также поэта и переводчика Илиады. Где отыскать его?

На этот раз довольно нескромных просьб. Видно, что я пишу в мундирном фраке: так рука и протягивается просить. Но теперь сниму мундир и с голым

сердцем на руке прощусь с вами, выражая искренно чувства глубочайшего почтения и проч.

Пушкин читал нам вчера повесть свою в прозе из Пугачевской эпохи <Пушкин читал у Вяземского свой новый роман «Капитанская дочка»>. Есть главы превосходные, и вообще много живости и верности исторической и нравонаблюдательной. Она будет напечатана в следующем № «Современника».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 648—650.

Ноябрь, 7. Суббота. Москва.

Дмитриев вместе с А. И. Тургеневым на отпевании генерала Л. Н. Энгельгардта (тестя Е. А. Баратынского). Вечером этого дня А. И. Тургенев в гостях у Дмитриева.

ОА. Т. III. С. 353.

Ноябрь, 9. Понедельник. Москва.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому сообщает:

«...Иван Иванович также получил *соблаговолительное* письмо твое, казенным языком написанное. Вероятно, он не откажет в содействии».

ОА. Т. III. С. 354.

Ноябрь, 13. Пятница. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Не знаю, милостивый государь князь Петр Андреевич, успею ли переслать к вам впору кое-что об Державине, потому что статья об нем на нескольких страницах: я же, не имевший никогда в домашнем быту моем переписчика, не могу ныне писать долго; рука моя часто дрожит и отказывается от службы. Но я не отказываю вам в посильных моих услугах, только не торопите.

На этот же раз сообщаю вам две выписки о В. П. Петрове, о котором в моих Записках приходится мне говорить, проходя два мои возраста: юношеский и зрелый. Я очень рад, что мы одинаково понимаем поэта, едва ли знакомого вашим смирдистам и полевицам.

Когда вы станете писать об нем, не забудьте сказать, что в 70-х годах, находясь в Лондоне, переводил с оригинала Мильтонов *Потерянный рай*, по тогдашнему полуславянским наречием. В 777 году напечатано было только три песни для одних его друзей, а в продаже их не было. Однакож у меня есть один экземпляр из собственной его библиотеки, даже с его на крышке рукописанием. Это мне дар вдовы его. Перевод посвящен князю Петру Ивановичу Репнину. Вот вам и копия с его дедикации.

О сыне его могу только сказать, что он записан был мною в департамент министерства юстиции и остался после меня в 14 классе; потом добровольно пожертвовал своим офицерством и записался в учебное заведение Н. Н. Муравьева, чтобы усовершенствовать себя в математических науках; дослужился опять до офицерства, и уже был, как сказывали мне, при каком-то генерале адъютантом, а теперь в отставке и живет здесь. Совершил ли он, или еще продолжает перевод Иллиады, не знаю. Из стихотворений же его известна мне только его напечатанная трагедия; стихи в ней, конечно, глаже отцовских и сосем не вялы, но сама трагедия, как и все наши — допотопно-романтическая.

Пока еще тянется углый мой челночок к пристани, постараюсь кое-что выбрать из моих Записок и для биографии Николая Михайловича приобщить крохи мои в виде смиренной лепты к вашему капиталу.

Что же касается до путешествия Василия Львовича, то хотя, и позволил перепечатать, но теперь пришел в раздумье: не лучше ли подождать возвращения Сергея Львовича? Если он разрешит от себя и сестрицы, то да будет как вам угодно, только с тем, чтобы эту случайную безделку облечь, как вы сами хотели, в биографическую форму и поправить в ней ошибку: вместо Фокса с Шериданом надлежит поставить Питта.

Конец вашему долготерпению.

С уважением и признательностью обнимает вас Иван Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 191—193 (№ 83).

Ноябрь, 14. Суббота. Москва.

Дмитриев в Английском клубе на обеде по случаю возвращения из Петербурга Московского Военного Генерал-Губернатора, кн. Д. В. Голицына.

ОА. Т. III. С. 361.

Ноябрь, 16. Понедельник. Москва.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Петербург пишет:

«Письмецо твое, ничего не удовлетворяющее, получил; другое сам отдал Свербеевой, которая и теперь еще помирает от него со смеха. Первое сообщил Ивану Ивановичу, и вот ответ его: “В мыслях поцеловал князя Вяземского. Он говорит свято (о Карамзине и его критиках), только что в том прибыли? Все, кои от православных наших читателей внесены в лик святых, только сокрушаются сердцем, бормочут между собою и безмолвствуют, будто кроткости ради и подражая будто покойному Карамзину. Для чего бы не говорить велегласно и не услаждать наших ученых молокососов посредством типографского типа. Перед Вяземским вчера очистил себя и послал ему кое-что старины” <...> Третьего дня Английский клуб праздновал возвращение князя Д.[митрия] В.[ладимировича Голицына]. Иван Иванович пишет о себе, что он “вел себя и возвратился домой, кажется, благопристойно, но почти всю ночь не спал”...».

ОА. Т. III. С. 360–361.

Кн. Д. В. Голицын возвратился в Москву из поездки в Петербург 6 ноября (Моск. Вед. 1836. № 91. 11-го ноября. Среда. Сообщение о приезжих за 5–9 ноября). В этот день его случайно встретил А. И. Тургенев (ОА. Т. III. С. 353).

Ноябрь, 16. Москва.

Дмитриев и А. И. Тургенев на обеде у графини А. П. Брольо.

ОА. Т. III. С. 362.

Ноябрь, 17. Вторник. Москва.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Петербург сообщает:

«...Иван Иванович <Дмитриев>, с коим вчера обедал у графа Броглио, и сегодня обедаю у него, сказал мне, что всего даст тебе три выписки из своей биографии: о Петрове уже послал; еще будет о Новикове и Карамзине; о втором у меня есть записка Карамзина, собственноручная, и пойдет в мою котомку, если она состоится...».

ОА. Т. III. С. 363. Тургенев ошибся, он обедал у графини А. П. Брольо, а не у графа Броглио.

Ноябрь, 17. Москва.

У Дмитриева на обеде А. И. Тургенев.

ОА. Т. III. С. 362.

Ноябрь, 18. Среда. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Сейчас имел я честь получить письмо в.[ашего] в.[ысоко] п-[ревосходительств]ва от 13 числа и спешу выразить вам мою чувствительнейшую благодарность и за обязательное письмо и за любопытные выписки, к нему приложенные. Не довершите ли вы благодения своего присылкою мне, разумеется, заимообразно и на короткое время, редкого вашего экземпляра перевода трех песней *Потерянного Рая* <Песни эти переведены Петровым в прозе. Упомянутый экземпляр храниться в Национальной Публичной Библиотеке>. Подлинной статьи о творениях Петрова я теперь написать не успею, да и готовлюсь после издать их особенно, а по поводу у нас неизвестного перевода его, мог бы я накинуть о нем несколько слов и приложить к ним ваши выписки. Ныне же перевод Шатобриана подновил в общей памяти и самого Мильтона: оно будет кстати. Мне право совестно, что я утруждаю вас моими просьбами, а особенно собственноручною перепискою извлечений из

вашей рукописи. Вы отметили бы только места, которые назначаете для меня и дали бы их переписывать нашему Гримму. Он славный борзописец и весь свой век по всем углам Европы промышлял этим делом. Относительно Путешествия Василия Львовича позвольте мне здесь взять этот грех на свою совесть пред Сергеем Львовичем <Пушкиным> и сестрицею его, буде случится грех. Ответственность ваша будет в стороне и ограждена моею оговоркою: только вы молча разрешите меня. Если вы не откажетесь дать мне три песни Мильтона, то для избежания почтовых хлопот потрудитесь отослать книжку к А. Я. Булгакову для доставления ко мне, а я его предварю о том.

Еще раз преклоняя пред вами повинную голову за обременительную мою навязчивость, впрочем побуждаемую любовью к *Полезе Российской Словесности*, имею честь быть и пр.

Кстати, позвольте мне напомнить вам о прежней моей просьбе, относящейся до рукописей, оставшихся после П. П. Бекетова. Научите меня, по крайней мере, к кому именно могу отнестись с предложением о приобретении покупкою некоторых из бумаг его».

РА. 1868. IV. 2. Стб. 650—651.

Ноябрь, 21. Суббота. Москва.

Отъезд А. И. Тургенева в Петербург.

СН. Кн. 2. С. 193. А. И. Тургенев приехал в Петербург во вторник 24 ноября в 6 часов утра (Северная Пчела. 1836. 30 ноября. № 274. С. 1094).

Ноябрь, 21. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Не дожидаясь вашего ответа, посылаю к вам при сем и другую выписку из моих Записок, не для вашего сборника, но только к вашему сведению. Может быть, что-нибудь из нее пригодится для вашей или В. М. <Перевощикова> биографии Николая Михайловича.

Сегодня отправился к вам в дилижансе А. И. Тургенев. Я хотя и не отправил с ним моей посылки, боясь, чтоб она не изпепелилась у него за пазухой, в постоянном его архиве; но прошу вас сказать ему, что я очень, очень благодарен ему за известие его о графе Сергее Петровиче Румянцове. Дай Бог ему здравствовать, и спасибо иноплеменным, что отдали ему полную справедливость. Дожидай же чего доброго от наших журналистов. Мы любим только хвалить своих ровесников и бежать далеко, по словам *Телеграфа*.

Теперь я принимаюсь за выписку о Державине. Между тем поздравляю вас с нашей любезной имянинницею. Любящий и уважающий вас всею душою И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 193 (№ 84).

Ноябрь, 25. Среда. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«Одна уже благодарность за вашу деятельность и доброхотство к нашей словесности делает меня на все стоворчивым перед вами, любезный князь Петр Андреевич. Очень охотно пошлю к вам в будущую пятницу (27 ч.) по тяжелой почте и заветный перевод Мильтона. Мне уже недолго владеть им: пускай же он еще при мне перейдет в руки того, кто мне по сердцу, чем лежать ему неприкосновенным, почти в забытом шкафе, в ежедневном ожидании участи Бекетовской библиотеки, завалиться в никольских книжных лавках, или, что и того хуже, попасть в мешок разнощика книгопродавца. Пускай он расшевелит умственную вашу энергию и заставит вас произвести что-нибудь дельное и небесполезное для современных и будущих наших словесников. Настоящий или нынешний владелец рукописей и книг П. П. Бекетов в деревне. Он хотя и знал, что я интересовался первыми, но ни на что не вызвался, и, Бог ведает, что с ними будет. Мне очень жаль, что в числе их погибнут или, может быть, попадут в недостойные руки, подаренные от меня

покойнику: сатира Тредьяковского на Кулябку, нигде не напечатанная; проект слова Императрице Екатерине II, писанный *рукой* Ломоносова, и уже напечатанный в журнале *Друг Просвещения*, изданном Бекетовым, и еще стихи, читанные в присутствии Петра Великого при спуске нового корабля; они начинаются так:

Петр рыбак зделал лодку,
Ловить на ней крупную рыбу плотку.
Плотку и печь
Испечь,
Щуку в колодку.
Не уйдет от него и сом,
Крупный болван с большим усом... etc.

Замысловатый поэт Ширияев хотел характеризовать под именами рыб все того времени кабинеты. Не знаю, одного ли с ним поколения ныне здравствующий и конечно памятный вам по каждому номеру Московских газет коммерции советник и почетный гражданин Ширияев.

До свидания. Прошу кланяться от меня всем, кто меня по добру вспомнит и сказать мою благодарность борзому скорописцу за письмоцо его из дилижанса.

Обнимает вас преданный вам

И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 193–194 (№ 85).

Декабрь, 9. Среда. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Паки и паки приношу в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву мою нижайшую благодарность за новые милости. Только, воля ваша, позвольте мне украсить мой сборник (который Пушкин советует мне назвать Старина и *Новина*, а не *Новизна*) и отрывком вашим о Карамзине. А то сбудется со мною пословица: по усам текло, а в рот не попало. Этот отрывок так занимателен и так живописен и *портретен!* А в нашей литературе именно ничего портретного и нет. Благодаря новым критикам, *личностей* довольно, а *лица* нигде не найдешь. Видели ль вы, как в декабрьской Библиотеке отделан наш знакомец, ярославский поэт Д. Е. Кашкин? Конечно, стихи его нелепы, но все нелепость их не дает права трунить над лицом, рекомендовать Кашкина публике и т. под. Лакейский тон нашей критики усиливается с каждым днем более и более. И вся эта лакейщина сосредоточивается теперь в лакейской Смирдина, за уничтожением прочих лакейских *Телеграфа* и *Телескопа*. – Гримму Гриммовичу Пилигримову <А. И. Тургеневу> передал я ваш поклон и вашу благодарность.

Теперь ожидаю от ваших богатых и великих милостей, для окончательного пополнения щедро наделенного вами сборника моего, отрывка о Державине и решения на напечатание Путешествия. Примите и проч.»

РА. 1868. № 4–5. Стб. 651–652.

Декабрь, 15. Москва.

«К Николаю Дмитриевичу И. Писареву. Вписанные в альбом молодой супруге его Натальи Сергеевны. Декабря 15» («Счастливым Писарев!..»).

Текст впервые: «Москвитянин» (1841. Ч. 1. № 2. С. 356) в разделе «Последние стихи Ивана Ивановича Дмитриева» под загл. «В альбом Г-жи Иванчиной-Писаревой», при след. примечании Н. Д. Иванчина-Писарева: «Это написано в самый год моего супружества, когда певцу «Ветхого денями», «Волги», «Ермака» было 76 лет».

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 445 (Чертковы). Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 26 оп. Впервые название и дата по автографу: Алексей Балакин, Михаил Велижев. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» (Рукопись. Л. 3–4).

Декабрь, 18. Пятница. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому:

«Посылаю к вам, любезный князь Петр Андреевич, и последнюю выписку. Предоставляю и ее в полное ваше распоряжение, но только с тем, чтоб не выдавать меня на старости лет моих, в случае нападков на меня от смирдистов, если вы заблаго-

рассудите поместить посылку мою в вашем сборнике. По крайней мере в извинение неисправности моего слога можете сказать им, что я не классик, не романтик, ни даже вдохновенный, а просто смиренный самоучка, прогулявший всю молодость свою зевакою в цветниках поэзии. Но поможет ли это мне в оправдание, когда, по словам *Телеграфа* и *Живописного Обозрения*, и Карамзина язык устарел, и проза Жуковско-го, бесспорно, должна быть поставлена выше Карамзина прозы, как истинное, безыскусственное выражение глубокого чувства, до чего не достигал Карамзин.

К слову о *Телеграфе*, сообщу вам литературную заметку о *Молве* в последних, помнится мне, книжках *Телескопа*, издатель ее, некто Белинский, объявляет, что попался ему случайно старинный перевод Шекспировой трагедии *Юлий Цезарь*, и что он не мог надивиться исправности перевода и уму *неизвестного* переводчика в книге, напечатанной за 30 лет до нашего гениального времени. В радости же от этой находки сообщает читателям и предисловие переводчика, ни мало не подозревая, что этот *Юлий Цезарь* переведен и выдан Карамзиным – с коим *Телескоп*, как и *Телеграф*, не очень симпатизировал! – почти в одно время с *Эмилией Галоти*, Лессинговой трагедией, еще до его путешествия. Но еще более подивимся тому, что и А. Ф. Воейков, давний почитатель Карамзина и неутомимый преследователь двух рыцарей нашего времени, также не знал имени переводчика, и его предисловие перепечатал как диковинку, в своих *Литературных Прибавлениях*. Передайте ему эту заметку: авось он объявит имя переводчика *Юлия Цезаря* новому анти-карамзинскому поколению.

Я держусь *новизны*, как слова, освященного уже давностями, и вероятно академическим словарем, а *новизною*, сколько помню я, наши низовья только старухи называли новые холсты, льняные и посконные.

Но мне совестно занимать вас такими пустяками, между тем, как давно хочется спросить вас о здоровье Катерины Андреевны и ее семейства. Еще в ноябре поздравил их с двумя именинниками, но с тех пор ничего об них не слышу. Я право не привязчив к условиям этикета, а хочу только успокоить себя на счет здоровья Катерины Андреевны и ее семейства.

До свиданья, обнимает вас от всего сердца преданный и любящий вас И. Дмитриев.

Р. С. Почтенному Гримму Балланшъичу или Балланшевичу <А. И. Тургеневу> прошу вас передать мой нижайший поклон и сказать ему, что у нас на святках ожидают бал за балом».

СН. Кн. 2. С. 195–196 (№ 86).

<1836>. Декабрь, 19. Суббота. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому:

«Вчера в письме моем к вашему сиятельству позабыл я напомнить вам о двух братьях Кузнецовых, здешних книгопродавцах, теперь уведомляю вас, что уже послано от здешней цензуры представление в главную цензуру, в котором, вероятно, изложены причины, почему она не выдала билета книгопродавцам на получение из типографии всего завода *Христианскаго Календаря*. Причины могут быть важными по одному только убытку и разорению, которые понесут бедные молодые книгопродавцы, получившие в наследие от отца кучу долгов, если конфисковано будет их издание, стоящее им около 20 т., если не более. Обращаюсь к доброму вашему сердцу: будьте новым Орфеем, или лучше будьте добрым христианином и употребите все ваши умственные и душевные силы на смягчение строгих форм к освобождению *Христианскаго Календаря* и к спасению двух несчастных его издателей, их матери и сестер от совершенного разорения.

Р. С. Скажите почтенному Сербиновичу душевное почтение, которое навсегда и к вам сохранит преданный вам И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 196 (№ 87).

<1836? – 1837?> Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 150 (1-я, старая, пагинация).

1837

Январь, 21. Четверг. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Поставляю себе приятною обязанностию уведомить в.[ашего]в.[ысоко] п-[превосходительст]во, что дело Кузнецовых решено, кажется, в их пользу и по вашему желанию. Нужно только будет перепечатать заглавный лист и исполнить некоторые цензурные обряды. Но книга от погибели спасена. О сем счастливым успехе известил меня Сербинович и просил меня пересказать вам, сколь ему приятно было иметь в сем случае возможность содействовать исполнению воли вашей. Давно собирался я писать к вам, поблагодарить вас за все одолжения, поздравить вас с наступившим годом и пожелать вам всех благ и столько же лет, сколько отпраздновали мы на днях у княгини Натальи Петровны Голицыной на ее столетнем (или без малого) юбилее. Но досадная гриппа мне во всем помешала. Худо кончил я старый год и худо начал новый. И теперь я еще не совершенно оправился: не могу избавиться от кашля и остались какая-то слабость физическая и умственная дурь. От них страждут мои Старина и Новизна. Более месяца не принимался я за перо и за мысль. Начинаю понемногу оживать силами и духом и постараюсь, вознаградить потерянное время. Нужно спешить: говорят, что книга, которая явится после великого поста, книга пропадая. Ни покупателей ни читателей на нее нет. Понравилась ли вам Капитанская дочка? Видели ли вы преобразование и уже сугубое преобразование Литературных Прибавлений живого покойника Воейкова? Я еще не успел принять деятельное участие в этой газете за нездоровьем своим, да и нужно прежде поставить на ноги свое родное детище, а после уже думать про общину. Покрайней мере желаем мы поддержать это предприятие. Теперь, когда запрещено издавать новые журналы, должно смотреть на существующее как на маиораты. Кажется, у Плюшара уже тысячи две подписчиков. Должно надеяться, что и Современник поднимется. Впрочем, нового ничего нет в литературном мире нашем.

Екатерина Андреевна <Карамзина> оправилась и даже помолодела. От Андрея получает интересные письма, и здоровье его в хорошем положении. Тургенев к ним собирается по приведении в порядок своей архивной котомки. Ожидаем Северина, который, сказывают, будет и в Москве. Сегодня обедал я у вашей московской Сафо – графини Ростопчиной, которую здесь приняли очень хорошо, что довольно редко бывает с новоприезжими, особенно из Белокаменной.

Вам обязан я переломом моего письменного бездействия и надеюсь, что, начавши с вас, свыкнушь опять с пером, которое я было разучился держать в пальцах. Я исполнил обязанность сердца и совести и прошу вас принять и проч.»

РА. 1868. № 4–5. Стб. 652–654.

Январь, 27. Среда. Петербург. Черная Речка. Около 5-ти часов вечера.

Дуэль Пушкина и Дантеса. Смертельное ранение Пушкина.

Летопись, 1999. Т. 4. С. 2021.**Январь, 27. Петербург. 9-й час вечера.**

К Пушкину одни за другим съезжаются друзья его: Жуковский, кн. Вяземский, кн. П. И. Мещерский, А. И. Тургенев и др.

Летопись, 1999. Т. 4. С. 2023.**Январь, 28. Четверг. Петербург.****9 часов утра.**

Пространное письмо А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой в Москву о дуэли Пушкина. Просит дать прочесть это письмо только И. И. Дмитриеву и Свербееву.

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 47–51.

11 часов утра. Квартира Пушкина.

А. И. Тургенев начинает писать к А. И. Нефедьевой в Москву второе пространное письмо о Пушкине, которое торопится отправить на почту в половине третьего по полудни.

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 53—55. Вероятно, и это письмо было А. И. Нефедьевой дано И. И. Дмитриеву для прочтения.

Январь, 29. Пятница. Петербург. Квартира Пушкина.**10 часов утра.**

Третье письмо о Пушкине А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой в Москву. Просит сохранить это письмо и дать прочитать И. И. Дмитриеву и Свербееву. Торопится отправить его на почту и обрывает письмо в два часа пополудни словами умирающего Пушкина: «Опустите сторы, я спать хочу...».

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 51—53.

3-й час по полудни.

А. И. Тургенев пишет письмо к А. Я. Булгакову в Москву и просит отослать письмо «к сестрице» (А. И. Нефедьевой).

2 часа 45 минут. Кончина А. С. Пушкина.**3 часа по полудни.**

А. И. Тургенев продолжает писать письмо к А. Я. Булгакову. Описывает последние минуты земной жизни Пушкина.

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 55—56. Содержание этого письма, несомненно, было известно И. И. Дмитриеву.

Январь, 30. Суббота. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева в Москву к А. И. Нефедьевой, которую просит показать это письмо И. И. Дмитриеву:

«Вчера отслужили мы первую панегида по Пушкине в 8 час.[ов] вечера. Жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком то испуге горести. Когда обмывали его, я рассмотрел рану его, повидимому ничтожную. Государь назначает пенсию жене его, берет двух сыновей в пажеский корпус; современем сделает, вероятно, что нибудь и для двух малолетних же дочерей. Я спешу на панегида. Сегодня день Ангела Жуковского: он и для Пушкина был тем же, чем для всех друзей своих. Вчера в день его рождения, обедали мы в горестных воспоминаниях о Поэте, у Гр.[афа] Велгурского; сегодня я выпью за его здоровье у Гр.[афа] Велгурского. В Академии Русской, кажется сегодня же, дают ему <Жуковскому> золотую медаль первой степени, но он еще не знает о сем.

Пушкина будут отпевать в понедельник; но еще не знают здесь ли, или в Псковской деревне его предадут его земле. Лучше бы здесь, в виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня может быть продана и кто позаботится о памятнике незабвенного поэта!

Дайте прочесть и это Дмитр.[иеву Ивану Ивановичу] и Свербееву.

Государь поручил Жуковскому разобрать бумаги П.[ушкина] и он запечатал кабинет его.

Полдень. Мы отслужили еще панегида. Лицо П.[ушкина] изменилось сильно. Последовало Высочайшее повеление судить его, Пушкина, и антогониста Гекерна военным судом; но он уже пред судом Божиим; прочие не поимянованы, но о них сказано, что — судить «и прикосновенных к делу лиц» — впрочем Гр. Бенкендорф сказал Князю Сергию Мих.[айловичу Голицыну] что Данзасу ничего не будет. Предомно и копия, рукою самого Пушкина, письма его к отцу; но — об этом письме после.

2 часа. Кажется, решено, что его повезут хоронить в деревню, а отпевать будут в церкви Адмиралтейства...».

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 57—58 (орфография подлинника).

1837. Январь. Москва.

Из воспоминаний Е. И. Капустиной (сестры Д. И. Менделеева):

«В самый год смерти поэта Пушкина, в 1837 году, я была с отцом в Москве, где отцу делали глазную операцию. Мы жили у дяди Василия Дмитриевича Корнильева, брата моей матери. Он жил на Покровке, в доме князя Трубецкого. Дядя жил хорошо, в прекрасной обстановке, у него было большое знакомство, и я встречала там некоторых литераторов, начиная с старца Дмитриева, Погодина, Фед. Ник. Глинку, Баратынского, Бороздну...».

Памяти Дмитрия Ивановича Менделеева. Семейная хроника. СПб., 1908.

Февраль. 1. Понедельник. Петербург.

Письмо А. И. Тургенева в Москву к А. И. Нефедьевой, которую просит прочесть это письмо И. И. Дмитриеву:

«Вчера провели мы воскресенье в молитвах за покойного у гроба его. Государь прислал вдове указ о пожаловании ей 5/т. рублей пенсии и по 1500 руб. на воспитание двум пажам и до замужества двум дочерям, следов.[ательно] всего 11/т. р. в год, и 10/т. р. одновременно на погребение; сверх того будет выкуплено имение и заплачены все частные долги, и сочинения Пушкина, как уже изданные, так и неизвестные доселе, будут напечатаны на казенный счет великолепно и в пользу сирот. Друзья покойного – (езде где польза других) – Жуковский, Кн. Вяземский, Кн. Адуевский, Краевский и Плетнев, издадут 4 части *Современника*, также в пользу семейства. Народ во все дни до поздней ночи толпился и приходил ко гробу его; везде толки и злоба на Гекерна. Полиция, кажется, опасается, чтобы в доме Гекерна отца, где живет и сын его, не выбиты были окна или что бы чего не произошло, при выносе и отпевании; ибо вместо Исакиевского Собора, назначенного, как увидите в билете, для отпевания, велено отпевать его в Конюшенной церкви и вчера ввечеру перестали уже пускать народ ко гробу и мы в полночь, только родные, друзья и ближние перевезли тело его из дома в эту церковь. В 11 часов будет отпевание и потом перевезут его в монастырь, за 4 версты от его деревни, где он желал покоемся – до радостного утра! Я расскажу вам слово, которое не смотря на мою привязанность к Пушкину и на мое искреннее уважение к его Гению, очень понравилось мне. – Когда Жуковский представлял Государю записку о семействе Пушкина, то сказав все что у него было на сердце, он прибавил à peu près так: «Для себя же, Государь, я прошу той же милости, какую я уже воспользовался при кончине Карамзина: позвольте мне также, как и тогда написать указы о том, что Вы повелеть изволите для Пушкина (Жуковский писал докладную записку и указы о пенсии Карамзину и семейству его). На это Государь отвечал Жуковскому: «Ты видишь, что я делаю все что можно для Пушкина, и для семейства его и на все согласен, но в одном только не могу согласиться с тобою: это в том, чтобы ты написал указы как о Карамзине. Есть разница: ты видишь, что мы на силу довели его до смерти христианской (разумея вероятно совет Государя исповедаться и причаститься), а Карамзин умирал как Ангел». – Конечно так: Государь не мог выхвалять жизнь Пушкина, умершего на поединке и отданного им под военный суд, но он отдал должное славе русской, олицетворившейся в Пушкине.

Студенты желали в мундирах [итти за гробом] быть на отпевании; их не допустят вероятно. Также и многие Департаменты: напр.[имер] Духовных дел иностр.[анных] исповеданий.

Одна так называемая *знать* наша или высшая Аристократия не отдала последней почести Гению Русскому: она толкует, следуя моде, о народности и пр., а почти никто из вышних чинов двора, из Генерал-Адъют.[антов] и пр. не пришел ко гробу П.[ушкина]. Но она, болтая пофранцузски, по своей Русской безграмотности, и не в праве печалиться о такой потере, которой оценить не могут.

Великая Княгиня Анна Павловна беспрестанно присылала и письменно спрашивалась о страдальце-Поэте и о его семействе.

Опишу то, что через час увижу в церкви, куда теперь спешу. Пожалуста сберегите эти письма до моего приезда. Много подробностей перескажу вам на словах, ибо описывать их и нет времени и не ловко.

Жена в ужасном положении; но иногда плачет. С каким нежным попечением он о ней, в последние два дни, заботился, скрывая от нее свои страдания. Вскрытие нижней части показало, что у него раздроблено было ребро.

Сегодня, еще прежде дуэля назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина, пьеса из Пушкина: *Скупой Рыцарь*, сцены из Ченстовой трагикомедии. Каратыгин, по случаю отпевания Пушкина, отложил бенефис до завтра, но пьесы этой – играть не будут! вероятно опасаются излишнего энтузиазма...

Вчера, входя в комнату где стоял гроб, первые слова, кои поразили меня при слушании псалтыря, который читали над усопшим, были следующие: «Правду твою не скрыв в сердце твоём». – Эти слова заключают в себе всю загадку и причину его смерти: то есть то, что он почитал правдою, что для него, для сердца его казалось обидою, он не скрыл в себе, не укротил в себе, – а высказал, в ужасных и грозных выражениях своему противнику – и погиб!

Верный словам Поэта, который некогда воспевал меня:

«О ты который с похорон
На свадьбу часто поспеваешь» –

я еду сегодня же и на свадебный обед к Щербинину, который празднует замужество К. Дадьян., – а с кем не помню.

Смирдин сказывал, что он продал, после Дуэля П.[ушкина] на 40 т. его сочинений, особливо Онегина.

1-й час пополудни. Возвратился из церкви Конюшенной и из подвала, в здании Конюш.[енной], куда поставлен гроб до отправления. Я приехал, как возвещено было, в 11 час., но обедню начали уже в 10¹/₂. Стечение было многочисленное по улицам, ведущим к церкви, и на Конюшенной площади; но народ в церковь не пускали. Едва достало места и для блестящей публики. Толпа Генерал – Адъютантов, Гр.[аф] Орлов, Кн.[язь] Труб.[ецкой], Гр.[аф] Струг.[анов], Перовский, Сухозанет, Адлерберг, Шипов и пр. Послы французский с растроганным выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о П.[ушкине] жалели, сказал: Барант и Геррера sont les seuls Russes dans tout cela! «единственные русские здесь»». Австрий.[ский] посол, Неапол.[етанский], Сакс.[онский], Баварский, и все с женами и со свитами. Чины двора, Министры некоторые: между ними и – Уваров: смерть – примиритель. Дамы – красавицы и модниц множество; Хитрова – с дочерьми, Гр.[аф] Бобринский, актеры: Каратыгин пр. Журналисты, авторы, – Крылов последний из простившихся с хладным телом. К.[нязь] Шаховской. Молодежи множество. Служил Архим.[андрит] и 6 Священников. Рвались – к последнему целованию. Друзья вынесли гроб; но желавших так много, что теснотою разорвали фрак на двое у К.[нязя] Мещерского. Тут и Энгельгард – воспитатель его, в Царско-Сельском Лицее; он сказал мне: 18-ый из моих умирает, т. е. из первого выпуска Лицея. Все товарищи Поэта по Лицею явились. Мы на руках вынесли гроб в подвал на другой двор; едва нас не раздавили. Площадь вся покрыта народом, в домах и на набережных Мойки тоже. Жуковский везде, где может быть благодетелем другу или таланту, или нещастию. – Вероятно вдова будет, благодаря Государя за милость, просить об опеке из Гр.[афа] Гр.[игория] Ал.[ександровича] Строгонова, Гр.[афа] Мих.[аила] Велгурского и Жуковского. Всею церемониею распоряжал Гр.[аф] Струг.[анов] он сродни вдове, около коей жена его, Кн.[язин]я Вяземская и тетка фрейлина Загряжская. Я зашел в дом: она т. е. вдова в глубокой горести; ничего не расспрашивала.

Опять прошу прочесть письмо Дмитриеву и Свербееву и сохранить для меня».

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 64–68 (орфография подлинника).

Февраль, 5. Москва.

Е. А. Баратынский в письме, писанном «под громовым впечатлением, произведенным ужасною вестью о гибели Пушкина», пишет кн. Вяземскому в Петербург, что И. И. Дмитриев «навестил отца <С. Л. Пушкина> в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии...».

СН. Кн. III.

Февраль, 9. Утро. Вторник. Петербург.

А. И. Тургенев пишет письмо А. И. Нефедьевой в Москву, которую просит дать прочитывать это письмо И. И. Дмитриеву и Свербееву:

«Я писал к вам в день моего отъезда. 3 Февр.[аля] в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почталионом в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди одного. Дядька покойного желал также проводить остатки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом и не-покидал его до самой могилы. Ночью проехали мы Софию, Гатчину, к утру 4-го февраля были уже в Луге, за 140 верст от П.[етер]бурга, а к 9-ти часам вечера того же дня уже во Пскове; (куда приехали ровно в 19 часов. Псков по новому исчислению в 285 верст от С.-П. Бурга). Это было в четверг, когда у Губернатора Ал. Никит. Пешурова бывають вечеринки. Я немедленно к нему явился, а жандарм предъявил ему бумаги от своего начальства и в ту же ночь послано было к Архиепископу, живущему в пяти верстах от Пскова, отношение Гр. Протасова о принятии и о погребении тела в Святогорском Успенском монастыре, а исправнику опочковскому (в уезде сем находится монастырь) дано предписание снабдить нас, в случае нужды, обывательскими лошадьми. Возобновив знакомство с Пешуровым, напившись чаю, я отправился в ночь, опять с гробом и с жандармом, сперва в городок *Остров*, где исправник и городничий нас встретили (за 54 верст от Пскова) и послали с нами чиновника далее; за 55 верст от Острова мы заехали, оставив гроб на последней станции с почталионом и с Дядькой, к Госпоже Осиповой, в три часа пополудни; она соседка Пушкина, коего деревенька в версте от ея села, и любила П.[ушкина] как мать; у ней-то проводил он большую частью время ссылки своей и все семейство ея оплакивает искренно поэта и доброго соседа. Она уже накануне узнала от дочерей, в П. Бурге живущих, о кончине П.[ушкина] и встретила меня как хорошего знакомя и друга П.[ушкина]. Мы у ней отобедали, а между тем она послала своих крестьян рыть могилу для П.[ушкина] в монастырь за 4 версты, в горах, от нея отлежачий, там-же где положена недавно мать П.[ушкина]. После обеда мы туда поехали, скоро прибыло и тело, которое внесли в верхнюю церковь и поставили до утра там; могилу рыть было трудно в мерзлой земле и надлежало остаться до утра. Мы возвратились в *Тригорское* (так называется село Г-жи Осиповой, воспетое Пушкиным и Языковым); напился чаю, отужинали. Товарищ мой, ехавший на перекладных, ушел спать, а я остался с хозяйкой и с двумя милыми дочерьми ее и пробеседовал с ними до полуночи о делах Пушкина, о его жизни деревенской и узнал многое что бесполезно будет для соображений по делам для оставшихся; нашел несколько стихов его в Альбуме, публице неизвестных и сдружился с теми, кои так радушно меня приняли и так хорошо умеют ценить доброго Поэта. На другой день, 5 февраля <Тургенев ошибается – следовало написать «6 февраля»>, на рассвете, поехали мы опять в Святогорский монастырь; могилу еще рыли; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; между тем как мы пели последнюю панегииду в церкви, могила была готова для принятия ящика с гробом – и часу в 7 утра мы опустили его в землю. Я взял несколько горстей сырой земли и несколько сухих ветвей растущего близ могилы дерева для друзей и для себя, а для вдовы – прозвиру, которую и отдал ей вчера лично. Простившись с Архимандритом, коему поручил я отправляясь все надлежащие службы (к нему заходил я накануне) и осмотрев древнюю церковь и окрестности живописные монастыря, на горах или пригорках стоящего, я отправился обратно в Тригорское; оттуда с дочерью хозяйки, милою, умною и пригожею, я съездил в деревню Пушкина, за $\frac{1}{4}$ часа по дороге от них, а прямо и ближе, осмотрел домик, сад, гульбище и две любимые сосны Поэта, кои для Русских будут тоже, что дерево Тасса над Ватиканом для Италии и для всей Европы; поговорил с дворником, с людьми дворовыми, кои желают достаться с деревнею на часть детям покойного, полюбовался окрестностями; они прелестны, как сказывают, летом, и два озера близ самого сада, украшают их. Здесь-то Поэт принимал впечатления природы и предавался своей богатой фантазии; здесь-то видел и описывал он сельские нравы соседей и находил краски и

материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозою и с Поэзиею сельской жизни в России. Возвратившись в Тригорское – мы позавтракали, поблагодарили хозяйку за ее радушное гостеприимство и в 12-м часу отправились в обратный путь. – 6-го февраля в воскресенье в 4-м часу утра были уже мы во Пскове; – в ночной темноте раздавался уже гул колоколов древнего Пскова, богатого ими как Московский Кремль; товарищ мой собрался прямо в П.бург, а я остался на день во Пскове; побрел в 5-м часу к заутрени в новый собор; там сказали мне, что обедню будет служить Архиерей; я отправился, все еще до рассвета, в другую старинную Церковь Николая Чудотворца, при коей, в часовне, ярко освещенная чудотворная икона, нашел и там молящихся, дослушал заутреню; обошел на рассвете часть города, зашел на свою почтовую квартиру, переоделся и отправился к Губернатору дать знать о своем возвращении в Псков: в 10-м часу утра он приехал уже ко мне и взял меня с собою в старинный Троицкий Собор, где мы осмотрели старинные образа, высылаемые из всей Епархии для снабжения оными новой церкви в Дерпте, где учреждено Викариатство Псковской Епархии и Викарием – Епископом назначен мой Флорентинский знакомец [Игумен] монах, кажется, Иринарх; видели серебром окованную гробницу Князя Гавриила, в 1137-м году преставившегося и знаменитый меч его, с коего следующая на латинском надпись: «Чести моея никому не дам» («Honorem meum nemini dabo») дана в герб защитнику Пскова Графу, ныне Князю Витгенштейну; – тут и мощи Гавриила, при Митрополите Псковском и Изборском Иосифе положенные в 1705-м году. – Из старого Собора прошли мы в новый, где уже Архиерей отправлял Св. литургию: он служит прос-то, но хорошо; певчие не умничают, а поют также очень просто и очень хорошо. Губернатор представил меня Преосвященному и мы хотели отправиться к нему на подворье; но он предпочел заехать к Губернатору и там познакомиться со мною: он ученик Филарета и к нему привержен. Губернатор очень хвалит его. Мы побеседовали с час с Архиереем о многом и о многих и распространились. Губернатор, узнав, что я желаю видеть остроги и больницы и древности Псковские, дал мне свои сани и в проводники одного поляка *Гуровского*, присланного сюда на службу и известного в Европе по брошюре своей в пользу и в честь России; мы объехали с ним тюрьмы, военную и гражданские и я многое заметил, что оправдало мое мнение о ручных цепях, кои тяжеле ножных; и тем еще хуже, что от них мерзнет закованная рука. На дороге видел я колодников с голыми руками там, где на них цепи, подумал об этом жестоком неудобстве, а в тюрьме видел уже солдата, с отмороженною от цепи рукою. Передам это здесь кому следует, а в Москве добром Доктору. Христианину Гассу, для предосторожности. – Взглянул и на дом, где останавливался Петр везде Великий, любовался развалинами башни, которой приступ прославил Псков и нашу древнюю храбрость и обратил вспять Стефана Батория. Здесьние древности и окрестности Пскова напоминают много славных и примечательных событий. Немногие из развалин Русских могут, подобно Псковским, сказать о себе Римское: *fuitus*, т: е: «мы были», мы означили бытие свое в мире историческими происшествиями. Развалины сии не весьма живописны; однакож Брюлову поручено увековечить их на холсте в изображении знаменитой Псковской осады. Он уже был здесь и снимал виды; но я все видел под снегом, и следовательно без жизни в Природе и в развалинах, кои живописнее тогда, когда свежая зелень оживляет их и образует противоположность разрушения с вечно расцветающею жизнью. – Я возвратился к обеду у Губернатора, позднему в 5 часов, но хоть бы в Париже или в П.бурге такой вкусный! Семейство его многочисленно, особенно в дочерях, коих хвалят за образованность. Оне очень милы и приветливы. Жена была больна и пролежала в постели; но сестра губернатора также очень умная дама. Я осматривал Псков с историческим описанием онога Митр. Евгения, в коем покажу вам многое, чего не имел времени здесь описывать. В 8 часов вечера я выехал из Пскова третьего дня, и вчера в 7 часов вечера я был уже здесь, на своей квартире; нашел письмо от брата: Клара и Сашка здоровы и получили мои Синбирские и Московские гостинцы. Вечеру же был вчера у вдовы, дал ей просвиру монастырскую и нашел ее ослабевшею от горя и от бессонницы; но покорною Провидению. Я переделовал сирот-малюток и кончил вечер у Карамзиной, а Вяземский, Жуковский и Велгурский ожидали меня у Вяземского и я по сию пору не видел их, еще и с почты не получал московских писем.

Посылаю за ними: авось не будет ли и от вас! – Вяземский нездоров. Сердце его истрадалось от болезни и кончины Пушкина. Посылаю вам прекрасные стихи на кончину Пушкина. Дайте их и это письмо прочесть – Ив. Ив. Дмитриеву и Свербеевemu и попеняйте последним, что они только одною строчкою и то давным давно меня порадовали. – После *воскресенья* узнаю, когда мне можно будет отсюда выехать; но вряд ли прежде 10-ти дней.

Я ехал из Пскова до Монастыря почти все по реке *Великой* и обратно верст 30; ибо за Псковом и несколько верст до Пскова нет снега и я иногда запрягал по 5-ти лошадей в кибитку. Хотелось взглянуть на Печорский монастырь, на древний Изборск, но спешил сюда и только в просонье и в тумане видел Феофилову путь, где Император Александр неожиданно и с неудовольствием встретил М-те Krudener.

<Приписка на полях>:

Взад и вперед проехал я более 800 верст.

<Другая приписка на полях же>:

Нет ни строки ни от вас ни от Булг.[аковых] – Нет ли у Вязем[ско]-го?».

Пушкин и его совр. Вып. VI. С. 71–77 (орфография подлинника).

Февраль, 25. Четверг. Москва.

Письмо Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Не вините меня, любезнейший князь Петр Андреевич, что я так долго не благодарил вас за последнее ваше письмо и за добрую весть об обещанном освобождении *Христианского Календаря*, хотя эта весть не сбылась еще и поныне.

Благодарительное мое письмо уже начато было в свое время, но остановилось в ходу своем по случаю поразившего меня известия о судьбе незабвенного Пушкина. С той минуты до сего времени не хотелось мне брать в руки пера, да и вам, конечно, было не до моих писем.

Теперь же возобновляю мое ходатайство, единственно из жалости, об Кузнецовых. Здешняя цензура еще не получила на счет их никакого решения, или по крайней мере до них ничего не доходит, а между тем положение их день от дня хуже. Я уже сегодня писал к самому Сербиновичу, а потому еще прошу и вас поспешить мне в моем ходатайстве.

Между тем свидетельствую вам и милостивой государыне княгине Вере Федоровне душевное мое почтение, заочно вас обнимаю и пребуду навсегда преданнейший ваш И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 197 (№ 88).

Февраль, 27. Суббота. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к А. Я. Булгакову, вспоминая о своем последнем пребывании в Москве, благодарит его за «участие, и Ивана Иван.[овича] <Дмитриева> за шампанское!».

А. Тургенев, 1939. С. 213.

Февраль, 28. Петербург.

А. И. Тургенев в письме к брату Н. И. Тургеневу сообщает:

«...Я бы желал провести в Москве только светлую неделю или Фомину, и по-том пуститься в Германию и к вам, но вряд ли успею отделаться и дорога позволит! Последник едет путешествовать по России и в Апреле будет в Москве, оттуда в Нижн. [ий] Нов.[город], Казань, Симбирск, Пермь и пр. – с ним Кн.[язь] Ливен, Жуковский, статистик Арсенев, и два товарища: Паткуль и гр.[аф] Велгурский...».

Пушкин и его совр. Вып. IV С. 87.

Март, 5. Москва.

А. И. Тургенев в письме к кн. Вяземскому в Петербург сообщает:

«...Иван Иванович просил меня написать к тебе, что в статье о Державине сделана ошибка, которую нужно исправить. Вместо: П. А. Волков нужно сказать: Вельяминов. Исправь ее...».

ОА. Т. IV. С. 2.

Ошибка в дате (вероятно, Саитова): 5 марта 1837 года А. И. Тургенев был в Петербурге на дне рождения С. Н. Карамзиной (Щеголев. Дуэль. Кн. 1. С. 340), 6-го писал из Петербурга в Москву к А. Я. Булгакову письмо с вопросом об отправлении в Симбирск письма с описанием своей поездки в Святые Горы (Тургенев. Письма к Булгаковым. С. 214). Письмо это не могло быть написано ранее приезда А. И. Тургенева в Москву, т. е. 11–15 апреля (на страстной неделе).

Март, 12. Пятница. Петербург.

Письмо В. А. Жуковского к Дмитриеву в Москву:

«Милостивый Государь Иван Иванович.

Я поручил г. Бартеневу <Юрию Никитичу> доставить вам экземпляр нового издания моих сочинений и особенный экземпляр Ундины. Прошу учителя принять благосклонно приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гексаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно. Это вы знаете лучше меня, что именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда. Это я теперь вижу из доставленных мне манускриптов Пушкина, которые к несчастью должен разбирать: это навыворот! ему бы следовало то делать для меня, что мне довелось делать для него. Судьба, как и поэты, охотница до инверзии. С каким трудом писал он свои легкие, летучие стихи! Нет строки, которая бы не была несколько раз перемарана. Но в этом-то и заключается тайная прелесть творения. Что было бы с наслаждением поэта, когда бы он мог производить без труда? – все бы очарование его пропало. О самом Пушкине я не говорю вам ничего; вы вероятно читали мое подробное письмо к С.[ергею] Львовичу о последних его минутах. В этом письме заключается все как было. Что же прибавили к истине и городские сплетни, и сплетни другого рода, о том хотелось бы забыть, и нет никакой охоты говорить. Разбор бумаг Пушкина мною кончен. Найдены две полные, прекрасные пьесы в стихах: *Медный Всадник* и *Каменный Гость* <Д. Жуан>. Оне будут напечатаны в Современнике [который друзьями Пушкина будет издан на 1837 год в пользу его семейства]; нашлось несколько начатых стихотворений и мелких отрывков; также много начато в прозе и собраны материалы для истории Петра Великого: все это будет издано. Теперь приступаем к напечатанию полного собрания изданных в свет сочинений. Неизданное же будет напечатано особо. Издание будет хорошее, но простое, чтоб иметь возможность напечатать боле экземпляров, продавать дешевле и собрать большую сумму. Надеюсь, что в подписчиках недостатка не будет. Память Пушкина должна быть и всегда будет дорога отечеству. Как бы много он сделал, если бы судьба ему вынула не такой тяжелый жребий, и если бы она не вздумала, после мучительной жизни [тем более мучительной, что причины страданий были все мелкие и внутренние, для всех тайные] вдруг ее разрушить. Наши врали журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел как художник, и все шел в гору как человек, и поэзия мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: оне его убили. – Надеюсь нынешним летом иметь счастье вас увидеть. Тогда поговорим подробно и о Пушкине. Теперь только прошу вашего снисхождения моим устарелым уже поэтическим детям, которых имею честь представить вам в новом платье. Может быть, это последний их выход на сцену. –

С душевным почтением и с неизменною привязанностью честь имею быть вашего высокопревосходительства покорным слугою

В. Жуковский.

Бартенева отказался везти это письмо и мою посылку. Посылаю их по почте».

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1640–1642.

Март, 16. Вторник. Петербург.

Жуковский, при письме от 12 марта, отправляет И. И. Дмитриеву в Москву 8-томное собрание своих сочинений и «особенный» экземпляр Ундины («Ундина, из Ламот Фуке». СПб., 1837. С рисунками Флаксмана).

РА. 1866. № 11–12. Стб. 1641.

Март, 22. Москва.

Получает из Петербурга от Жуковского посылку с 8-томным собранием его сочинений и отдельным изданием «Ундины».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 328.

Март, 23. Вторник. Москва.

Письмо П. П. Свиныну в Петербург:

«Уверен, почтенный Павел Петрович, что посещение мое вас было бы вам не в тягость; уверен равно и в том, что и знакомая мне костромская дорога, и пребывание в домашнем быту образованного и любезного хозяина, давно уже испытанного в постоянной приязни, доставило бы мне удовольствие и умственное и сердечное, — а нашему брату-старика только в отраду и имеется доживать этим запасом, — но справка с календарем, расстояние от Москвы едва ли не 400 верст, признаюсь вам, несколько меня пугнула. Однакож, не хочу отчаиваться в исполнении моего желания, только еще не смею назначить срока, ибо, прежде того, хотелось бы побывать в Петербурге. Вы не ошиблись, любезный Павел Петрович. Катастроф с Пушкиным отдался в моем сердце, и я же обязан был объявлять о том бедному отцу его! Вчера В. А. Жуковский прислал мне в подарок новое издание в 8-ми томах его творений и перевод его гексаметром прелестной повести, хотя и в прозе, поистине, поэтической Ундины, Ламота-Фуке, известного вам немецкого писателя. Добрый Жуковский пишет ко мне, что, при разборе им бумаг Пушкина, найдены им, уже в отделке, две прекрасные пиесы в стихах: Медный конь и Каменный гость (Дон-Жуан), которые и будут напечатаны в Современнике; множество отрывков в стихах и прозе, и собранные материалы для истории Петра Великого. Все это будет издано. Вот вам последняя новость из Петербурга, а по Москве накапливаются только помолвки женихов с невестами, но это для обоих нас постороннее дело. И так, остается желать мне продолжения ко мне вашей приязни, и просить вас и милостивую государыню Надежду Аполлоновну принять искреннее уверение в душевном почтении и преданности, с коими к обоим имею честь пребыть навсегда, милостивый государь, покорнейший ваш слуга Иван Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 328.

Март, 26. Пятница. Москва.

Письмо к Жуковскому в Петербург:

«Чувствительно благодарю вас, милостивый государь Василий Андреевич, за обязательное ваше письмо и милый подарок, для меня истинно драгоценный. Это новый залог вашей постоянной ко мне приязни. Миловидной Ундине вашей в праздничном платье, тотчас по свидании с нею отведено место на круглом столе против старческих кресел, пока совершенно не ознакомлюсь с нею; а восемь томов будут бесшумно лежать подле меня на других креслах, с тем, чтобы каждое утро за кофейным прибором прочитывать мне из них что-нибудь случайно или по выбору. *Читать, что нравится, а видеть — кто мне милы...* Чего более и чего лучше для 75-ти летнего тунеядца? Это было бы роскошью и для красных дней моей юности; но тогда, в поэтическую весеннюю пору, я только учился маршировать по влажному полю Волжской деревушки. К чему же это пригодились? Да к чему и это отступление? И так, прошу извинить мою старость. Уже лет 10 тому, как я прельщался игривостию ума и воображения даже во французском, прозаическом переводе Ундины, и очень желал, чтобы кто из наших богатырей подарил нас и русским, но только в стихах, переводом — и вот, наконец, сбылось мое желание и я (благодарение Фебу и его любимцу) уже читаю в звучных и живописных стихах: *робко Ундина прижалась к Гульбранду* и остальных до конца пятой главы, или:

город лежал перед ними в лучах восходящего солнца – слышу, вижу и осязаю, так сказать, поэта вдохновенного. Не доказывает ли это, что я совсем не враг и вашему гексаметру? В руках мастера всякий метр и легок, и гибок, и благозвучен. Но виноват, и теперь стою в том, что александрийский стих для меня превосходнее: он столько же удобен к помещению полного смысла, как и гексаметр; но сверх того преимуществует тем, что как-то свойственнее нашему языку, музыкальнее, и скорее будет затвержен читателями обоего пола. – Похож ли на наковальню, по словам Северной Пчелы, столь быстрый и сильный Петрова стих:

Речет: да гибнет враг – и сходит быстра месть!
Да грянет гром: – гремит! да будет мир, – и есть...

Менее ли гексаметра полон и силен весь монолог отца Пимена? Читая Годунова, вспомню ли о рифмах, и нужны ли оне Жуковскому и Пушкину?.. Тяжело, а часто будем вспоминать его, любезный Василий Андреевич. Думал ли я дожидаться такого с ним катастрофа? Думал ли я пережить его? Поденные Тургенева записки, два письма Вяземского и ваше так врезались и в памяти и в сердце моем, как будто и я был всему самовидец, и на меня же еще было возложено приготовить отца к разразившемуся над ним удару! Но грустно и ныне продолжать о том. Попеняю только вам, что вы позабыли в числе опекунов оставить первое место деду, как ближайшему к сиротам; да, вероятно, не знали и того, что покойник не был отделен, а пользовался только годовым доходом, по отцовскому призыву, с одной из собственных деревень его. Не худо бы это поправить, иначе же и самого старика сочтут под опекой. Он ничего не говорит о том, но другие уже толкуют о том, для чего он отчужден от опекунства. До свидания, почтенный и любезный Василий Андреевич».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 329–330.

Апрель, 11 ... 15. Москва.

Приезд А. И. Тургенева из Петербурга.

Апрель, 16. Пятница. Москва.

А. И. Тургенев в письме просит кн. Вяземского: «Пожалуйста, не задерживай дела печатания писем: на нем основано другое, не для меня одного интересное. Потом издам Шлёцера, Дмитриева, Жуковского, Батюшкова, тебя, и мало по малу все покойники оживут в письмах ко мне...».

ОА. Т. IV. С. 6. А. И. Тургенев приехал в Москву, вероятно, в начале страстной недели.

Апрель, 18. Светлое Христово Воскресение. Пасха.

Апрель, 19. Понедельник. Москва.

А. И. Тургенев в письме в Петербург сообщает кн. Вяземскому:

«...Комитет <комитет по устройству памятника Карамзину в Симбирске> желал бы, чтобы ему позволено было публиковать в газетах отчет. Об этом представлялся бывший губернатор Жиркевич, но разрешения не получил, и неизвестно почему. Это бы полезно было и потому, что тогда открылось бы, кто не заплатил по сбору, бывшему на вашем петербургском обеде, где пожертвовано 4500 рублей; а внесли деньги только Дмитриев, князь Вяземский, Жуковский, Пушкин и еще кто-то...».

ОА. Т. IV. С. 7–8.

Апрель, 25. Воскресенье. Москва.

А. И. Тургенев в письме сообщает кн. Вяземскому, что показывал «Ивану Ивановичу собрание, но он видел и те записки, кои я выкинул. Обещал выписку о Новикове, но по сию пору не прислал...».

ОА. Т. IV. С. 12.

Апрель, 30. Пятница. Москва.

А. И. Тургенев сообщает кн. Вяземскому, что «Иван Иванович вместо обещанной выписки о Новикове, доставил мне смесь строк из своих записок...».

ОА. Т. IV. С. 13.

Май, 2. Воскресенье. Петербург.

Кн. Е. Н. Мещерская в письме к И. И. Дмитриеву в Москву пишет:

«Брат Андрей несколько раз просил в письмах своих напомнить вам о нем, и нежно благодарить за ваше, нами ему переданное, воспоминание. Как живо наслаждается он своим путешествием и как письма его поражают нас сходством мыслей и чувств с папенькиными. Он конечно всех более похож на него душою и умом, и к тому же имеет очень счастливый, веселый характер».

Карамзин, 1866. С. 440.

Июнь, 17. Четверг. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Спешу доставить в.[ашему] в.[ысоко] п-[ревосходительст]ву только что вышедший 1-й № Современника. Надеюсь этою поспешностию закупить ваше великодушие и заслужить полное прощение за долгое, но не совсем виновное молчание. Впрочем, нынешнее приношение может отчасти служить извинением и оправданием моим, и Современник содержит в себе историю моего молчания. Тут и скорбь моя, и заботы, и болезнь, все, что тягчило и развлекало меня и заставляло откладывать до удобнейшего времени отраду и исполнение сердечной обязанности. Всего бумаге не передать, но истинно, во все это время я ни к чему не был способен, и болезнь моя, а особенно какое-то расслабление в глазах, которое меня сначала очень напугало, да и теперь еще беспокоит и лишает возможности постоянно заниматься чтением и письмом, довершила мои огорчения и совершенно расстроили меня физически и морально. Нужно было бы мне рассеять скорби и недуги свои заграничного поездкою, но обстоятельства не позволили мне воспользоваться сим целительным средством, и пока пью здесь воды и выхоаживаю свои урочные часы по пыльным улицам, отчего в ожидании благоприятных последствий для ипохондрии моей – а дождусь ли их, иль нет, Бог ведает – я пока еще более порчу глаза.

Тургенев порадовал нас приятною надеждою на свидание с вами нынешним летом. Милости просим! Ожидаем и зовем вас всем сердцем и всеми помышлениями нашими, хотя ваш тесный круг ужасно осиротел, и осталось в нем пустое место, которое нам уже не заместить. Незадолго до кончины Пушкин перечитывал ваши сочинения и говорил о них с живейшим участием и уважением. Особенно удивлялся он мастерской отделке вашего шестистопного стиха в переводах Попе и Ювенала. Козловский убеждал его перевести Ювеналову сатиру *Желания*, и Пушкин изучал прилежно данные вами образцы. Сколько драгоценных начинаний найдено в его бумагах! Большая часть из них, особенно стихотворных, будет напечатана в книжках Современника.

Кончено ли дело книгопродавца Кузнецова и кончено ли в пользу его? Я крайней мере употребил все средства к тому, и меня обнадежили в успехе. Если же нет еще решительного конца, то я готов опять хлопотать. – Если увидите С. Л. Пушкина, потрудитесь передать ему мое почтение и сказать, что на днях буду писать к нему. Из моей тарабарской грамоты, которая еще более прежнего неуклюжа и уродлива, вы должны видеть, что я пишу с трудом, потому что и вы верно с трудом меня читаете. – Если вы уже изволили подписаться на Современник, то прошу уведомить меня – где, дабы редакция могла отметить экземпляр, ныне к вам присылаемый. Вы без сомнения уже знаете, что мы издаем его в пользу семейства Пушкина и не откажетесь быть подписчиком. Хорошо бы, если бы в память Пушкина, обогатили вы нас хотя и малою вкладчиною пера вашего, хоть для того, чтобы Карамзину не быть одному».

РА. 1868. № 4–5. Стб. 654–655.

Июнь, 24. Четверг. Москва.

Письмо И. И. Дмитриева к кн. Вяземскому в Петербург:

«Я не злопамятен и от чистого сердца благодарю, любезнейший князь, за *Современник*, на который билет получен здесь от почетного гражданина Ширяева, и за *вожделенное* ваше писание.

Современник, сколько ни желал его видеть, с первых страниц возобновил грусть мою, но это не помешало мне одним духом прочитать все стихи покойного (и в настоящем смысле) Пушкина, и все они дышат очаровательной его поэзией!

С таким же чувством повторил и остатки незабвенного друга. Наконец, облегчил грусть мою вашими прекрасными стихами и хроникой А. И. Тургенева. Прочее же дочитаю в дороге: после завтра (в субботу) с Божьего благословения задумываю выехать в Псков, в Ригу, в Ревель, а оттуда побывать еще в Петербурге.

Вы меня тронули, милый князь, памятью вашей об участи бедного сироты Кузнецова. Увы! предписание начальства (из Петербурга) удвоило только ожесточение цензора-астронома и братии; придравшись к слову, помнится, по рассмотрении, они из печатного уже календаря (истинно христианского) вымарали несколько статей, а по прочим статьям, назидательным, несколько раз уже рассмотренным в прежних изданиях, положили отправить экземпляр календаря еще на рассмотрение духовной цензуры. И чем же опорочивается эта книга, которую верно бы с большим удовольствием и пользой занимался добрый простолудин, чем жизнью Ваньки Каина и шута Балакирева? Опорочивается тем, что названа *календарем*, хотя уже после напечатания ее выпущены в свет не только *Экономический*, но даже и *Скаковой* календарь. Зачем помещены в ней статьи, заимствованные из Академического календаря? Но они были пропущены и напечатаны еще до объявленного повеления о непечатавании никаких статей из Академического календаря. Кончу тем, что весь завод, напечатание коего стоило нескольких тысяч рублей, придется перепечатывать с прибавкою еще нескольких тысяч, а бедный издатель вышедший только из юношеского возраста, с двумя меньшими братьями и сестрою, совершенно разорется, и будут, может быть, доживать век свой христовым подаянием.

Простите, что я или сердце мое заговорилось, позабыл о слабости вашего зрения. Простите и в другом смысле – до скорого свиданья, если будет на то Всевышнего соизволение.

Всем сердцем обнимает вас искренно любящий и почитающий вас И. Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 197–198 (№ 89).

Июнь, 26. Суббота. Москва.

Отъезд Дмитриева в Псков, Ригу, Ревель, Петербург.

СН. 1898. Кн. 2. С. 198.

Июль, ок. 18-го. Петербург.

Приезд Дмитриева из Ревеля.

<1837?. Июль, ок. 20-го>. Петербург.

Записка к кн. Вяземскому в Царское Село:

«Старческая совесть, любезнейший князь, расшевелилась, и я решился отложить отъезд мой до пятницы, чтоб иметь удовольствие провести с вами у дорогой именинницы. И так, кроме вас и ваших, все прочие здесь уже задернуты от меня завесою. Сообщите о том почтенной Катерине Андреевне. Вместо середины приду обедать к ней завтра, а сегодня буду весь день зевакой в приятной надежде проводить вечер с вами.

Между тем препровождаю к вашему сиятельству мою вещицу, которую покорнейше прошу вас приказать положить в ящик вместе с подаренными от вас портретами. До свидания».

СН. 1898. Кн. 2. С. 172–173.

Июль, 20. Вторник. Петербург.

У Дмитриева в гостях Н. П. Новосильцев.

СН. 1898. Кн. 2. С. 199.

Июль, 20. Вторник. Петербург.

Записка к кн. Вяземскому в Царское Село:

«Любезнейший князь Петр Андреевич!

Еще не выдавшись с В. П. Давыдовым, я дал слово Николаю Петровичу Новосильцову обедать у него в пятницу. Ныне он был еще у меня, и никак не хочет переменить своего дня, почему и прибегаю к вам с покорнейшею моею просьбою: нельзя ли одолжить меня, испрося у Владимира Петровича другого дня для нашего обеда – *середы* или *четверга*, а в субботу Царское Село увидит меня уже в костюме рыцаря плачевного образа, но только не с лансом в руках, а с мирною дорожною, может быть, уже и последнею в здешней юдоли. Несносный возраст! Не дает забыться ни на минуту. Преданный вам Дмитриев».

СН. 1898. Кн. 2. С. 199 (№ 90).

Июль, 22. Четверг. Царское Село.

Дмитриев у Вяземских на именинах их дочери княжны Марии Петровны Валуевой.

Июль, 23. Пятница. Петербург.

Обедает у Н. П. Новосильцева.

СН. 1898. Кн. 2. С. 199.

Июль, 24. Суббота. Петербург.

Отъезд Дмитриева в Царское Село. Вероятно, в этот день или на следующий день (25 июля, воскресенье) он выехал в Москву.

СН. 1898. Кн. 2. С. 199.

Июль, 27(?). Петербург.

Дмитриев записывает в альбом Л. А. Якубовичу:

«Ныне трудно уверить, что я не домогался покровительства журналистов; не употреблял никаких уловок к распространению моей известности, не старался из зависти унижать самобытный талант, в ком-бы то ни было, и никогда много не думал о стихах моих. Поверить или нет, совесть моя спокойна. Часто приходило мне даже на мысль, что я и совсем не поэт, а пишу только по какому-то случайному направлению, по одному навыку к механизму, даже и тогда, когда писал уже не *про себя*. Я думал, и в том убежден был, что кощунство, изображение картин, возмущающих непорочность, приветствие к *олням* без дара Катулла или Анакреона, даже дружеские послания, растворенные многословием, не принадлежат к достоянию истинного поэта.

Так! я и теперь не переменяю моего мнения. Поэзия, порождение Неба, хотя и склоняет взор свой к земле, но – здесь она проникает в глубину сердец, наблюдает сокровенные их изгибы, и живописует страсти, держась всегда нравственной цели, воспламеняет к добродетели, ко всему изящному и высокому, а там – изливается в удивлении к Мирозданию и трепетном благоговении к Непостижимому. Вот назначение истинной поэзии! Вот почему она и называется органом богов, а вдохновенный ею – поэтом!

В знак искреннего уважения и на память о себе, вверяет эту исповедь одному из любимых его поэтов

Старик Дмитриев».

«Альманах на 1838 год, составленный из литературных трудов...» (СПб., 1838. С. 1–2). С подстрочным примечанием: «Эти строки написаны покойным Иваном Ивановичем Дмитриевым, за два месяца до его кончины, в альбом Л. А. Якубовичу». Датировка публикатора.

Июль, 30(?). Москва.

Отъезд М. А. Дмитриева с женой и сыновьями Федором и Александром в Симбирск. Сын Михаил был оставлен в Москве у М. П. Погодина.

М. Дмитриев, 1989. С. 373.

Июль. В ночь с 30-го на 31-е (суббота). Москва.

Возвращение из поездки в Псков, Ригу, Ревель, Петербург.

Июль, 31. Суббота. Москва.

Чтение писем от сестер из Симбирска. Вечером его посещают гр. М. Ю. Виельгорский и В. А. Жуковский.

Грот, 1902. С. 11. См. «1837. Август, 7».

Август, 1. Воскресенье. Москва.

Утром Дмитриев посещает гр. Вельегорскую, но не застаёт ее дома.

Август, 1. Москва.

Вечером у императрицы. Встреча с цесаревичем Александром Николаевичем, который пересказал рассказ Жуковского о посещении села Богородского и Симбирска.

Грот, 1902. С. 11–13.

Август, 7. Суббота. Москва.

Письмо к Н. Я. Плюсковой в Петербург:

«Милая Наталья Яковлевна.

Благодарение Всевышнему, я возвратился в мое гнездо благополучно, в пятницу, в 12-м часу по полуночи, и порадован был ожидавшими меня письмами от сестер моих. Они хотя и не цветут здоровьем, по крайней мере живы.

Вечером того же дня посетили меня граф М. Ю. Вельегорский и В. А. Жуковский. Последний привел меня в восторг и утешение, сказав, что его Высочество осчастливил мою сельскую хижину своим присутствием, изволив оглядеть все комнаты, и смотреть с балкона противлеж. мое и племянника моего поместья с двумя каменными церквями, и спрашивать, где же тот дом, в котором он родился? но увь! его уже нет. Неблагодарный хозяин разрушил своего ровесника. На другой же день после обеда Государыня Императрица благоволила пригласить меня вместо утреннего представления – на вечер. Там Его Высочество изволил подтвердить мне сказанное Жуковским. Там же я отдал ваш поклон графине Вельегорской, у которой уже был и по утру, но не застал ее. Не забыл спросить о вашем письме, и получил в ответ, что оно уже вам возвращено. Она была убрана прекрасно бриллиантами, хотя это ей не нужно.

Вот вам обстоятельная реляция о моем существовании до сего дня. Прошу вас передать из нее что следует Софье Николаевне <Карамзиной>. Надеюсь, что все сказанное в ней не назовете, как это бывало, пустословием, а примете, как искреннее свидетельство доверенности дружбы и душевного почтения, которые до конца дней своих сохранит к вам

Преданный И. Дмитриев.

Р. С. Ныне же с тяжелою почтою отправил к вам ящик с двумя Фунтами цветочного чая Лянсин из Фузы Лозана Оссоска. Покорнейше прошу вас, милая Наталья Яковлевна, принять этот маловажный гостинец с тем же благоволением, с каким некогда, не помню, как-то был принят стакан воды, подносимый от искреннего и усердного сердца. Прошу вас также засвидетельствовать Петру Семеновичу самое искреннее мое почтение».

Грот, 1902. С. 11–13. Ошибка в дате: 7-е августа 1837 г. приходилось на субботу; среда – на 4-е августа.

Август, 13. Пятница. Петербург.

Письмо кн. Вяземского к Дмитриеву в Москву:

«Имею честь поздравить в. в. п-во с благополучным возвращением во свояси, ибо я знаю, что вы благополучно, бодро и в добрый час приехали, застали еще московские веселья, августейших гостей, Жуковского, и поспели на высочайшую вечеринку, где были вы очень милостиво обласканы. Вы изволите видеть, что тайная моя полиция бдительна и внимательна. — Препровождаю к вам при сем вторую книжку Современника. А между тем, для нашей редакторской отчетности, осмеливаюсь просить вас взять по билету, который вы имеете от Ширяева, две вышедшие книжки Современника на нынешний год и отдать их Сергею Львовичу Пушкину, чтобы не пересылать в Москву лишнего экземпляра и очистить счет тех, которые пересылаются к Ширяеву. А я буду уже доставлять вам прямо отсюда и скорее книжки вам принадлежащие по мере выхода их в свет (не решился я сказать *оных*, потому что всевидящее око Сенковского могло бы проникнуть тайну и частного письма и сделать мне по случаю *оному* строжайший выговор в съездем доме своей Библиотеки).

Мы живем по старому, тихо и однообразно. Петербург опустел и присмирел по отъезде своих хозяев:

Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у нас в сердцах,

как во времена, воспетые Державиным. Прибавлю:

Пустота и в голове.

Одиночество несколько оживлено пребыванием здесь Дениса Давыдова, в котором сохранились по прежнему веселость и живость неистощимая».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 655—656.

Август, 14. Суббота. Москва.

Письмо к Н. Иванчину-Писареву (не обнаружено).

Грот, 1902. С. 23.

Август (перв. пол.). Москва.

Получает от Ширяева и читает 6-й том «Современника», в котором напечатано стихотворное послание кн. П. И. Шаликова «К Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Вот слава чистая как солнце в ясный день...») (1837. № 2. Т. VI. С. 203).

Это были последние прижизненные стихи, ему посвященные, и которые ему еще пришлось увидеть и прочесть незадолго до своей кончины.

Август, 18. Среда. Москва.

Письмо кн. Вяземскому в Петербург:

«Благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за милое ваше письмо и за 6-й том *Современника*, которого экземпляр уже давно я получил от Ширяева, в одно время с здешнею, как говорят, читающею публикою, а поэтому и не хочется мне расстаться с билетом; к тому же и С. Л. Пушкина должно отыскивать в его деревни близ города Опочки в Псковской губернии и неизвестно, когда и где оснует он постоянное свое пребывание. И так, не лучше ли присланный вами экземпляр оставить мне у себя до вашего разрешения: отдать ли его Ширяеву в замен полученного иного от него экземпляра или отослать его к Сергею Львовичу, а меня оставить полным владельцем уже взятого мною экземпляра. Впрочем, скажу о себе, что я благодарение Вышнему здоров и вежетацію мою продолжаю по прежнему. Будьте и вы здоровы и освежайте иногда вашим воспоминанием старика, любящего и уважающего вас всею душою. Преданный вам Дмитриев».

Дмитриев, 1895. Т. II. С. 330—331.

Август, 24. Вторник. Москва.

Письмо к Н. Я. Плюсковой в Петербург:

«От всего сердца, исполненного к вам и дружбы и почтения, приветствую вас, милая Наталья Яковлевна, со днем именин ваших. Петр Семенович пишет ко

мне, что вы удивляетесь столь краткому пребыванию моему в Сарском Селе. Вы сами знаете тому причину. Я же сам не удивляюсь, но истинно огорчен был, что эта причина лишила меня удовольствия выполнить на деле мой стих: читать, что нравится, а видеть, *кто мне милы*. К тому же я и совестился долее обременять моим постоем К.[нязя] Петра Ивановича <Мещерского(?)>. Для чего бы вам, бывши предуведомленною о скором моем приезде, не переехать в столицу? успели бы еще накататься по Павловской дороге.

Но Всемогущий ко мне милосерд: авось сподобит меня еще пожить с милыми мне по уму и по сердцу, к вознаграждению нынешней неудачи. Вперед буду догадливее.

Милая графиня <Виельгорская> утешила меня, как нельзя больше, посещением с детьми своими смиренной моей обители у Патриарших Прудов. Уверьте ее в душевной к ней благодарности, равно как и в глубочайшем моем почтении. Уверьте и себя в том же, а меня в том, что я не прогневил вас, осмелясь отправить к вам с графинею московский гостинец. Аминь.

Целует Вашу ручку преданный вам и сердцем и душою

Ив. Дмитриев».

Грот, 1902. С. 13–14.

Август, 31. Вторник. Москва.

Письмо к Н. Я. Плюсковой в Петербург:

«От всего сердца благодарю вас, милая Наталья Яковлевна, за ваше письмо, которое сделало меня на целый день веселым, несмотря на ваш отзыв насчёт доставления от меня посылки. Для чего бы не оставить меня в приятном заблуждении, что вы приняли два фунта чая не иначе как за дружеский, простой гостинец? Неужели я думал пощеголять здешним чаем перед вашим? Со всем смирением уступаю преимущество вашему, и еще повторю, милая Наталья Яковлевна, что я право взял смелость послать его по самому чистому побуждению доброго сердца.

Но полно об этом. Займу лучше вас делом: я имел случай говорить приезжему о Петре Семеновиче, и сказать ему все, что должно было сказать об нем, вруча ему и записку, полученную мною от последнего. Он не дал мне никакого обещания, а поручил только мне сказать Петру Семеновичу, чтобы он сам повидался с ним, когда узнает об его возвращении, но только не прежде, как через неделю, дав отдохнуть ему. О чем и прошу вас, милая, передать Петру Семеновичу.

Наконец скажу и о себе, что я довольно здоров и спокоен, но редко весел. Один только по сердцу моему милый старик умеет оживлять или одушевлять меня к невинному лепетанью и непритворной веселости. Эта потребность еще нужнее для меня в настоящем моем возрасте; и я, пока не ударит час к большому, невозвратному походу, желал бы и еще побыть в Петербурге, чтобы вознаградить нынешнюю мою неудачу, погостить у вас столько, сколько хотелось.

Итак до свидания, целует вашу ручку преданный Вам неизменно всею душою

Ив. Дмитриев».

Грот, 1902. С. 14–15.

Сентябрь, 10. Пятница. Москва.

День рождения И. И. Дмитриева. Ему исполнилось 77 лет.

Сентябрь, 17. Пятница. Москва.

Письмо к Н. Иванчину-Писареву в с. Рудинки (не обнаружено).

Грот, 1902. С. 23.

Сентябрь, 22. Среда. Петербург.

Письмо (последнее) кн. П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву:

«Имею честь поздравить в. в. п-во со днем ваших именин, душевно жалея, что не могу за столом у дорогого именинника осушить заздравный бокал в честь ему на многие и многие лета. Но поздравления и желания мои, хотя и заочные, не-

менее чистосердечны и согреты живейшим чувством любви и преданности. Сердце сердцу весть дает, и я не сомневаюсь, что вы с доверенностью откликнетесь на мой отдаленный голос. Позвольте поднести вам на этот день смиренный подарок и просить вас отвести ему уголок, на одной из стен вашего кабинета, населенного портретами. Эти портреты взяты из большой картины <вероятно, Чернецова>, изображающей парад. Вы, вероятно, видели эту картину в Эрмитаже. — Я давно собирался писать к вам и поблагодарить за письмо ваше, но за переездом из Царского Села, за совершением тяжелого первого переселения из одной городской квартиры в другую, что для меня сопряжено всегда с заботами и скорбью, потому что я как камень прирастаю к месту своего жительства, и наконец за возвращением моего директора из отпуска и сдачею ему департамента, вверенного мне на время отсутствия его, за всеми этими недосугами и житейскими повинностями, я не мог доньше на свободе исполнить приятнейшую для меня обязанность. Но я надеюсь, что вы великодушно простите мне мое невольное молчание и не припишете его непростительному забвению, или что еще хуже, — неблагодарности за лестное и драгоценное благорасположение ко мне, коим я всегда дорожу и за которое вам и словом и молчанием я неизменно благодарен. — Нового здесь ничего нет; впрочем сфера новостей теперь к вам приближается, и скоро скоро Москва будет столица, а Петербург — провинция: следовательно нам ждать от вас вестей, пищи и богатых и великих милостей. Карамзины еще в Царском Селе и не будут сюда ранее первых чисел октября. И китайская Фрейлина Наталья Яковлевна наслаждается там еще холодом и благоуханием воздуха на сквозных ветрах. Я наконец там прозяб и переехал отогреваться в город. Между заграничными литературными новинками отличаются занимательностию *Les mémoires du chevalier d'Eon*, и Воспоминания о Коленкуре. В том и другом сочинении много сведений о России, в особенности в последнем. Читали-ли вы в книжке 1 августа журнала *Revue de deux mondes* биографическую статью о Пушкине? Она вырезана цензурою, но, может быть, найдете ее у Булгакова. В ней есть кое-кто справедливого, и вообще писана она с умом и хорошо, по много заключает в себе неблагонамеренных и ложных обвинений. Русская же литература спит себе богатырским сном. На днях пронесся было слух, что на Булгарина напали в Нарве разбойники, но слух не оправдывается. О всемирном нашем путешественнике, т. е. о Тургенева, нет еще вести из Парижа. Третья книжка *Современника* печатается и явится в свет в непродолжительном времени. Собирает ее Одоевский. Не угодно ли вам будет передать ваш лишний экземпляр Булгакову для пересылки ко мне».

РА. 1868. № 4—5. Стб. 656—658.

Сентябрь, 26. Воскресенье. Москва.

День ангела (именинный день) И. И. Дмитриева. Получает письмо из Петербурга от Н. Я. Плюсковой (не сохранилось).

Утром его навещает с поздравлениями доктор И. И. Иовский. «Он меня удержал у себя целое утро, показывал новые книги, показывал полученный им эстамп русских поэтов, много говорил о литературе, жалел о литературе, вспоминал о Петербурге и об Александре и Карамзине; наконец собрал полученные им литературные новости, приказал увязать и отправить ко мне. Расстался я с ним почти в 2 часа, и он, провожая меня, напомнил, что в пятницу училища от учения свободны и он целое утро будет дома».

Письмо И. И. Иовского к князю П. А. Вяземскому от 17 октября 1837 г. // Грот, 1902. С. 34.

Сентябрь, 26. Москва.

Письмо к Н. Я. Плюсковой в Петербург:

«Милая Наталья Яковлевна,

Вы первая порадовали меня ранним приветствием со днем именин моих, и я спешу принести вам сердечную благодарность мою, и в то же время искреннюю повинность мою в том, что неумышленно огорчил вас некоторыми выражениями в письме моем. Право не хотел того; в извинение же себя могу только сказать

одно: кого искренно уважаешь, чьей дорожишь дружбою, с кем хочется сохранить симпатию – этого слова, кажется, нельзя испугаться от 76 летнего старца – того каждое слово более вешишь. Согласен с тем, что можешь иногда и обвеситься, и ошибиться... и за то прибегаю к вашему милосердию, и прошу у вас, милая умница, христианского и дружеского прощения. Об этом просит вас имянинник в самый день имянин своих.

Я очень желаю чтоб ходатайство мое обратилось в пользу Петра Семеновича, которому свидетельствую искреннее мое почтение, равно как доброй и милой графине.

Что же сказать вам о себе? Благодарение Богу, здоров. Но право житье мое здесь день от дня скучнее, и я часто досажду на себя, что после отставки поторопился заводиться оседлостью в Москве. Пришлось доживать сиротою, но не теряя желания и надежды еще авось увидеться с милыми по уму и по сердцу. С этой отрадною мыслию целует вашу ручку с душевным почтением преданный вам навсегда

И. Дмитриев.

P. S. Рекомендую вам *Mémoires sur la Reine Hortense*, естли вы их не читали. Очень интересны».

Грот, 1902. С. 15–16.

Сентябрь, 29. Среда. Москва.

Письмо к О. Е. Франку в Петербург.

Автограф: *ИРЛИ ОР. Ф. 265. Оп. 2. № 900. Л. 151*. Письмо писано не Дмитриевым; заключ. слова и подпись – Дмитриева. На письме помета О. Е. Франка: «3-го октября 1837 И. И. скончался».

Сентябрь, 29. Москва.

Обедает вместе с М. П. Погодиным в Английском клубе. Разговор с Погодиным до обеда: «...о Вивлиофике Новикова, о многих любопытных статьях, в ней помещенных; о выборке из нее, которую он когда-то делал касательно древней нашей дипломатики; что было бы полезно перепечатать ее теперь, по крайней мере, в извлечении. Потом рассказал мне, и с большим участием и чувством, историю бедного книгопродавца Кузнецова, у которого остановлено издание Христианского Календаря и который теперь совсем разоряется; бранил привязчивых цензоров: “не стыдно ли двум ученым сословиям, гражданскому и духовному, Университету и Академии, напасть так на бедняка, и из чего? из каких то пустяков! Я пришлю его к вам, и вы увидите, в чем дело. А незаконное пропускают!”».

После обеда Дмитриев и Погодин переходят в кофейную комнату, где встречаются Шевырева и Жихарева. Рассказ Дмитриева («с обыкновенною живостию и шуткой») о похождениях Кострова, «о представлении Кострова Потемкину, вопросы Потемкина о Гомере; как провожали его издали на обед к Потемкину, потому что стыдно было идти с ним рядом; и как встречные бабы одне сожалели о больном а другие бранили пьяницу...».

Письмо М. П. Погодина к М. А. Дмитриеву в Симбирск от 13 октября 1837 г. // Дмитриев, 1866. С. 301.

Сентябрь, 29 ... 30. Москва. Дмитриев в гостях у кн. Шаликова.

Грот, 1902. С. 19.

Сентябрь, 30. Четверг. Москва.

Письмо к кн. Вяземскому в Петербург:

«От искреннего сердца благодарю вас, любезнейший князь Петр Андреевич, за милое ваше письмо и имянинный гостинец. Он укомплектует мою коллекцию в верхнем кабинете. Хотел бы сказать в моем рабочем, но увы! там библиотекарь мой Николай жарит только для меня кофий.

Присланный от вас экземпляр Современника возвращаю вам с этой же почтою. Не зная об месте вашей новой квартиры, я выставил одно только ваше имя,

по примеру Персидского шаха: бургиверу в Европе; и уверен, что посылка дойдет до вас. С нетерпением буду ждать вашей книжки. От Одоевского надеюсь лучшего выбора. Чего бы я не мог ожидать и от двух только редакторов, да жаль, что Та-лиони и Командиры много мешают.

Долго я ничего не слыхал об Тургеневе. Вчера же догадка моя оправдалась: юбилей отпразднован и мы теперь можем чаще получать об нем известия из Франции.

Что же сказать от и об себе? Слава Богу, здоров и только.

Прошу вас поклониться всем вашим и нашим. Прошу вас освежать меня хотя изредка вашими строками, и быть уверенным в постоянной моей к вам привязанности и душевном почтении. До свидания.

Преданный вам на всегда

Ив. Дмитриев».

Грот, 1902. С. 10–11.

Сентябрь, 30. Четверг. Москва.

До обеда.

«Иван Иванович Дмитриев в четверг 30 сентября до обеда был здоров, писал письма к вам, своим сестрам, племянникам и племянницам, диктовал человеку письмо к какому-то Франку, в котором на поздравления со днем ангела отвечал, что он сделал еще шаг к гробу; за столом кушал жаренного поросенка со соленными огурцами, и вскоре почувствовал сильную жажду, выпил стакан холодной воды; потом спросил шоколаду, но выпил не более пол-чашки, надел шубу и выпив еще стакан воды, пошел в сад (в котором сажали тополи), посадил сам одну только тополь, и почувствовав холод, возвратился, сильно дрожа всем телом. В тот же час послал за доктором Гасом (Гаазом), почувствовал ужасную боль в левом боку, пришел в безпамятство и в бреду заботился о разсадке тополей...».

Показания камердинера Николая // Грот, 1902. С. 39–40.

«В четверг поутру он делал визиты, приехал довольно поздно домой обедать. За столом ел мало, но кушанье было тяжелое: щи, поросенок. После он напился шоколада вместо обычного кофия, выпил стакан холодной воды, и тотчас надел бекешу и кенги, пошел садить акацию около кухни... Тут он почувствовал дрожь, и насилиу привели его в комнату...».

Письмо М. П. Погодина к М. А. Дмитриеву в Симбирск от 13 октября 1837 г. // Дмитриев, 1866. С. 302.

5 часов пополудни.

Приехал доктор Гааз и «нашел в нем <у Дмитриева> сильный озноб, перемежающийся с сильным жаром и заметил в нем следы безпамятства... Доктор согласился, когда к вечеру не будет лучше, то поставить пиявки...».

Письмо И. И. Иовского к князю П. А. Вяземскому от 17 октября 1837 г. // Грот, 1902. С. 35.

«Гааз прописал лекарство, не нашел ничего дурного. Иван Иванович разговаривал с ним, заплатил за визит, послал в аптеку, но лишь только тот уехал, как он впал в безпамятство, и целую ночь бредил».

Письмо М. П. Погодина к М. А. Дмитриеву в Симбирск от 13 октября 1837 г. // Дмитриев, 1866. С. 302.

Октябрь, 1. Пятница. Москва.

В половине второго часа пополудни: «Болезнь начала возрастать в жестокости своей».

Три часа пополудни: «Бред усилился; больной вскрикивал, вскакивал беспрестанно в постели».

Четыре часа пополудни: «Начали приставлять ему пиявки, но в бреду он часть их оторвал и побросал».

10 часов утра: Приезжает доктор Иовский и застаёт Дмитриева «распростертым на софе, в кабинете окнами во двор». Дмитриев не узнает Иовского. «Жестокий жар, сонливость безчувственная, тихий бред и даже произвольные очищения – сильная степень горячки».

12 часов пополудни: Приезжает доктор Гааз и рассказывает Иовскому о начале и течении болезни Дмитриева.

Около полуночи: Доктор Иовский находит некоторое улучшение в состоянии Дмитриева: «беспокойство и бред приметно уменьшились – пульс сделался покойнее и местами поверхность тела была влажною».

Письмо И. И. Иовского к князю П. А. Вяземскому от 17 октября 1837 г. // Грот, 1902. С. 35.

«Пятница вся прошла в безпамятстве. Доктора были Гааз, Высоцкий, Шнауберт, по несколько раз».

Письмо М. П. Погодина к М. А. Дмитриеву в Симбирск от 13 октября 1837 г. // Дмитриев, 1866. С. 302.

Октябрь, 2. Суббота. Москва.

Утро, около 8 часов. «В субботу поутру я узнал об его отчаянной болезни. Мне надо было ехать на лекцию и читать о Карамзине. С тяжким чувством поехал я к больному, опасаясь, что нет его в живых, и взял с собою Мишу <сына М. А. Дмитриева>. Иван Иванович только что опаматовался перед моим приездом, услышал стук дрожек, спросил, кто приехал, и позвал меня к себе, встретил по всем своим правилам. При нем был Боголюбов. Он рассказал мне тотчас историю своей болезни, как я вам выше описал ее, и тотчас обратился к любимому своему предмету – литературе, но говорил уже гораздо медленнее, расстановистее, искал слов часто, ошибался в их изменениях, и даже мешался, но везде было видно заботливость о своей речи, и старание скрыть болезнь. “Что это пишет Макаров о Виноградове, будто Виноградов познакомил Карамзина с сочинением... этого... швейцарского философа...” – “Боннета?” – “Да, Боннета. Виноградов жил сначала в Москве, и отличался, разумеется, между своими сверстниками, но был такого дурного поведения, что его наконец отправили служить в полк, в Петербург. Там Козодавлев заставил его присесть за Боннета, которого Карамзин гораздо прежде переводил с Петровым, а после познакомился с ним лично. Как можно писать так наобум! Надо справляться, спрашивать”.

Потом рассказал, мешаясь, о вашей <М. А. Дмитриева> болезни, спросил о занятиях Миши. Я отвечал ему, что Миша ветренен и рассеян, и что теперь он лучше, и я надеюсь, что вперед он справится совсем, зная, какое имя должно ему поддерживать. Иван Иванович вспомнил, что покой. Павлов <профессор, у которого было учебное заведение в Москве> говорил ему тоже и советовал ему приняться за ученье. Потом спросил у меня, скоро ли я кончу свою расправу с новым толковником о русской истории. Я отвечал, что к Новому году. “А похвальное слово Карамзину?” – “Начал” – “Пожалуйте, привезите мне”. В таком положении я простился с ним. Он силился встать и поднял руку. Я думал, что он подавал ее мне, и поцеловал ее...».

Письмо М. П. Погодина к М. А. Дмитриеву в Симбирск от 13 октября 1837 г. // Дмитриев, 1866. С. 302–303.

10 часов утра. К Дмитриеву приезжает доктор Иовский. Находит его «совсем одетым в креслах». Увидев Иовского, Дмитриев встал, обнял его со слезами на глазах, «обратил внимание на седины» Иовского, дивясь, что он «скоро» так поседел. Дмитриев рассказывает, что он с «осьми часов одет, уже принимал у себя гостей <М. П. Погодина?>». Далее он рассказывает, что «ничего не помнит из случившегося с ним; что он помнит только то, что, смотря на посадку деревьев, он вдруг почувствовал сильную дрожь, но что он теперь чувствует себя хорошо, исключая боли в животе и сильной жажды».

Вслед за доктором Иовским Дмитриева посещает соседка его со своим семейством, он всех приветствовал, со всеми говорил и даже вздумал просить с собою пить чай; но он не мог выпить чашки; чай ему казался невкусным. Вместо чаю ему подают чай из мяты.

Час пополудни. Не дождавшись доктора Ф. П. Гааза, Иовский покидает Дмитриева.

Письмо И. И. Иовского к князю П. А. Вяземскому от 17 октября 1837 г. // Грот, 1902. С. 35.

Два часа пополудни. Приезжает М. П. Погодин, «но не зашел в кабинет, потому что там было много дам». На крыльце встречает доктора Иовского, который «говорил, что если к вечеру не будет хуже, и если он будет слушаться, то болезнь пройдет».

Письмо М. П. Погодина к М. А. Дмитриеву в Симбирск от 13 октября 1837 г. // Дмитриев, 1866. С. 304.

Без четверти три. Иовский приезжает к Дмитриеву и находит его «в том же положении». В отсутствии Иовского к Дмитриеву приезжал Гааз, «переменил лекарство и разослал приглашение на консультации в 5 часов вечера».

Пять часов пополудни. По приезде Иовского на вечернюю консультацию он находит Дмитриева «с той же болью, обнаруживающейся по временам колющим в левой стороне желудка». Собранным врачам Дмитриев рассказывает предысторию своего заболевания. Говорил он много и с жаром. Разговор его продолжался с полчаса. Через час он начал жаловаться на усталость. Потом пожелал лечь.

Восемь часов вечера. Иовский находит лежащего Дмитриева «покойным и распростершимся, и этот покой предвещал уже близкую с ним разлуку».

Девять часов вечера. Дмитриев в забывчивости. Появился тихий бред. Состояние пульса предвещает к полуночи перелом болезни: он и был.

Полночь. Со слов слуги: «У Ивана Ивановича уже не было бреда».

Письмо И. И. Иовского к князю П. А. Вяземскому от 17 октября 1837 г. // Грот, 1902. С. 36–37.

Октябрь, 3. Воскресенье. Москва.

Восемь часов утра. Приехавший доктор Иовский «ужаснулся», увидев полужизненного Дмитриева: «все предвещало скорую разлуку с ним. Он дышал уже с хрипением, взор его был полузакрит, сон бесчувственен, жилобиение предсмертное, но теплота еще сохранялась во всем теле».

Десять часов утра. Снова собрался консилиум, «но рассуждение было кратким. Призван был священник».

«Тихи были последние часы жизни И. Ивановича. Тиха была кончина его...».

Октябрь, 3. Москва. Воскресенье. 35 минут пятого пополудни.

Кончина

Ивана Ивановича Дмитриева.

ДОПОЛНЕНИЯ

1793

Июнь, 22 (не позже). Петербург. «Жаворонок с детьми и земледелец» («Пословица у нас: на ближних уповай, / А сам ты не плошай!..»). Упоминается впервые в письме Карамзина от 22-го июня 1793 г.

Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 22. Л. 365 (ранняя редакция басни).

Впервые: «И Мои Безделки» (1 795. С. 113–118, с подз. «Притча»).

1794

Июнь, 7. Село Знаменское (Орловское наместничество).

Письмо Карамзина к Дмитриеву в Сызрань (или Богородское):

«От пределов Малороссии к пределам Волги.

Здравствуй, мой любезной друг! Сердечно благодарю тебя за твое письмо, хотя на скорую руку писанное. Где ты теперь? В Царицыне или в Сызране? путешествуешь или живешь на одном месте? Дай Бог только, чтобы ты был здоров, благополучен и весел. Верь, что я очень люблю тебя.

Одному Богу известно, когда – и где буду. Зная только, что мне грустно. Ты отчасти знаешь причину. Все худо! Видно нам не бывать счастливым! – Иногда забываюсь и отдыхаю; берусь за книгу, за перо, или иду гулять – вот лучшие мои минуты. Жаль, что их не много! По большей части думаю о настоящих и будущих неприятностях. Состояние друзей моих очень горестно. Алексей Александрович <Плещеев> страдает в Москве, а мы здесь страдаем. Благополучен тот, кто живет хотя в хижине, но живет спокойно и никому не должен! – Я беру участие в твоём горе, а ты в моем; лучше естли бы мы делили друг с другом радости и удовольствия.

Непреренно пришли мне свои пиесы. Назови их посылкою, положи с ними какую нибудь книгу, или что нибудь, напиши цену, и в таком случае; заплатишь только 19 копеек за Фунт. Пакет адресуй на имя служителя Петра Агеева, в Москве, на Тверской, в приходе Василия Кесарийского, в доме Плещеева. Я издам и напишу маленькое предисловие, естли ты не захочешь никому дедиковать своей книжки (стихами или прозой). В последнем случае ты уже сам будешь издателем, а я твоим поверенным или комиссионером. Будь уверен, что мы напечатаем не худо.

Прости, мой любезнейший друг! Письма ко мне надписывай по прежнему. – Клянюсь любезному моему Александру Ивановичу. Здоров ли он? – Клянюсь также любезной сестре Марфе Михайловне, естли она возвратилась в Сызран. Adieu!

Твой друг до смерти.

Н. Карамзин».

Карамзин, 1866. С. 48–49 (№ 41).

Дмитриев, 1866. С. 71–72: «В продолжении того же года я отлучался в Царицын для свидания в последний раз с родным моим дядею Никитой Афанасьевичем Бекетовым. Он жил в селе своем Отраде в тридцати верстах от города, а в пятнадцати от Сарепты, известного поселения евангелического братства. Всю дорогу совершил я по величавой Волга. Не могу и теперь вспомнить без удовольствия тех дней, которые провел я в пływучем доме, – особенно же каждого утра! Время было прекрасное: начало лета. В каюте моей помещались только столик, один стул, кровать, а над нею полка с моими книгами. По восходе солнца выходил я из тесной моей спальни на палубу с Ариостом в руках (с французским переводом Неистового Роланда); за мною выносили стул, столик и ставили на нем серебряный прибор для кофия. – Я сам варил его. Судно наше тянулось плавню, или неслось быстро на парусах, в полной безопасности от мелей и бури. Между тем на обоих берегах непрестанно переменялись для глаз моих предметы; с каждою минутою новые сцены: то мелькали мимо нас города, то приосеняли навислые горы; инде дремучий лес или миловидные кустарники; здесь татарская мечеть, там церковь или кирка среди больших селений. С наступлением вечера, я спускался в каюту, и ожидал вдохновения музы. В этом-то уголке написаны: ода К Волге и сказка Искатели фортуны».

«К Волге» («Конец благополучно бегу!..»).

Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 27–29.

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 9–13, с первой строкой. «Река священнойшая в мире...»). Включено Дмитриевым во все собрания сочинений.

«Искатели Фортуны» («Кто на своем веку Фортуны не искал?..»).

Впервые: «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (1797. Кн. 2. С. 82–90, с подз. «Сказка»). Включено Дмитриевым во все собрания сочинений.

1794. Июль – Август.

Совершает путешествие от Сызрани до Астрахани сухим путем.

Дмитриев, 1866. С. 72–75: «Другая отлучка моя из Сызрана была в том же году в Астрахань, уже сухим путем, но не меньше приятным. Проехав несколько русских и татарских деревень и сел, вступаешь в поселения выходцев европейских, большею частью из Германии. Они простираются на расстоянии трех сот верст от Саратова до Камышина. Чем ближе к Астрахани, тем чаще встречаются кочевья Калмыков. Дорога местами лежит на несколько верст подле самой Волги, так что колеса почти захватывают воду, потом всбираешься на крутой берег. Красного леса там нет: изредка мелкий или кустарники, за то поля усеяны тюльпанами. Иногда думаешь быть вне России: ибо видишь других людей, другие обычаи, даже других животных. Часто я внезапно бывал поражен протяжным и продолжительным скрыпом татарских арб или тележек на двух немазанных колесах, на них отправляется виноград в Москву и другие губернии. Порою встречался мне вооруженный Калмык, скачущий во всю прыть на борзом коне, держа на руке сокола или ястреба. Там, в туманный вечер, в виде зыблющихся холмов, покоился на траве табун вельблюдов; за ним открывался ряд кибиток, при коих против пылающего хвороста резвились нагие Калмычата.

Город Астрахань представляет также картину достойную любопытства. Можно прожить в нем недели две не скучно. С противоположного берега он виден в значительном протяжении на высоких холмах, как бы увенчанных садами виноградными. Доехав до Волги, находишь лагерь кибиток, и около их Калмыков и прибывших по торговым делам Бухарцев и Хивинцев. Все они по привычке живут вне города. Промышленные Татары тотчас предлагают свои лодки для переправы чрез Волгу в город, входяшь в них вместе с Калмыком, Армянином, Индийцем и оглушаешься шумным говором на разных незнаемых языках. Каждый попутчик имеет особый облик, отличную одежду. В одном городе видишь разные обычаи, гостиние дворы трех народов, свободное отправление службы трех вероисповеданий: христианского, могометанского и идолопоклоннического. Монах сталкивается с факиром; лама приятельски разговаривает с муллою, лютеранин с католиком.

Поэту не бесполезно путешествовать – одна неделя в пути может обогатить его запасом идей и картин по крайней мере на полгода. Всегда под открытыми небом, свидетель великолепного восхождения солнца, вечерних сцен, озлащаемых последними его лучами; безмолвной величественной ночи, усеянной звездами, или освещаемой полною и кроткою луною: он вдыхает в себя большее благоговение к Непостижимому. Будучи одинок, никем не развлечен, наблюдатель и нравственный и физического мира, он входит сам в себя, с большею живостию принимает всякое впечатление, и запасается, не думая о том, материалами для будущих, как и прежде сказал, своих произведений. Самое над ним пространство, недосыгаемое и беспредельное, возвышает в нем душу и расширяет сферу его воображения.

Всякой раз, когда я ни бывал в дороге, в весеннюю или летнюю пору, прихаживало мне на мысль, что я родился живописцем, а не поэтом, – по крайней мере поэтом в живописи: каждое замечательное местоположение, все живописные сцены утра, вечера или ночи заставляли меня вздохнуть, для чего я не живописец, и не могу тотчас остановиться и перенести все виденное на холст или бумагу.

Никогда не забуду меланхолического, но как-то приятного впечатления, испытанного мною однажды в положении путника. С наступлением вечера въезжаю я в околицу большого селения, и ногоняю толпу поселян обоего пола, возвращающихся

с полевой работы. Через всю деревню я велел ехать шагом, чтоб не разлучиться мне с ними. Долго следовали они за мною и оглушали меня своими песнями, потом рассыпались в разные стороны; между тем я продолжаю путь мой, и веселые песни еще отзываются в ушах моих. Достигаю до конца селения, и вижу поселянина, в глубокой старости, сидящего на завалинке последней хижины и держащего на коленях своих младенца. Вероятно это был внук его. Старик глядел спокойно; последние лучи солнца падали на обнаженное темя его.

Путешествие, младенец в противоположности с старцем, поющая молодость, закат солнца – все это представило мне яркую картину жизни во всех возрастах и конец ее.

Я не однажды рассказывал об этой сцене знакомым мне рисовальщикам и живописцам: мне хотелось возбудить в них желание составить из моего описания иносказательную картину, но рассказ мой не подействовал на их сердце.

Пиитический мой год уже приближался к концу, и я по возвращении моем в Сызран прожил в нем только до зимнего пути. В продолжении моего там пребывания, написаны были: Глас Патриота, Чужой толк, Ермак: из сказок: Воздушные башни, Причудница, и Послание к Державину, по случаю кончины незабвенной его супруги, оставившей преждевременно мир наш в Апреле того же года....».

«Глас патриота на взятие Варшавы» (*«Где буйны, гордя Титаны...»*)

См.: «1794. Октябрь, не позже 17-го».

«Чужой толк» (*«Что за диковинка? Лет двадцать уж прошло...»*).

Автограф первых 16 строк: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Л. 4–7об. В автографе стр. 7-я первоначально читалась: «Быть Ломоносову, Рамлеру, Флакку равным...», затем исправлена: «Быть Флакку, Рамлеру <слово густо замазано более светлыми чернилами> равным». Текст «Чужого толка» находится на Л. 7об. на котором помещено окончание пространного стихотворения «Наследники» («Не доведи бог быть богатым и бездетным...») (Л. 4–7об.) (см. ниже).

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 177–191).

С. П. Шевырев вспоминал, что Державин сердился на Дмитриева за эту сатиру, которая написана им по дороге в Симбирск и направлена против Копьева, автора предлинных од (Шевырев С. П. Некрология И. И. Дмитриева // Моск. Вед. 1837. № 83. 16 окт. С. 610–612).

«Ермак» (*«Какое зрелище пред очи...»*).

Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 29–32об.

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 32–41).

«Воздушные башни» (*«Утешно вспомнить под старость детски леты...»*).

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 18–31).

«Причудница» (*«В Москве, которая и в древни времена...»*).

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 55–85).

«Причудница – венец Дмитриева; он победил Вольтера (у которого сказка и замимствована), превзошел сам себя: веселость ума, совершенство слога, богатый блеска описательной поэзии, игривость воображения, истинно стихотворного, остроумие шутки, не выходящей за границы благопристойности...мера в подробностях, все в обреш» (Новости Литературы. 1824. Кн. VII. № III. С. 43–44; авт.: А. Воейков).

«К Гавриилу Романовичу Державину по случаю кончины первой супруги его» (*«Державин! ты ль сосуд печальный, но драгой...»*).

Впервые: 1803. Изд. 2. Ч. 2. С. 125, под загл. «К Г-Р-Д*** по случаю кончины первой супруги его».

1794. Декабрь. Москва.

«Гимн Богу» («*Парю душой к тебе, всесчитимый...*»).

Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 33.

Впервые: «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. Ч. 4. № 95. С. 277–278; подпись: — ъ).

«Глас патриота на покорение Варшавы» («*Где буйны, гордые Титаны...*»).

Впервые: «Приятное и полезное препровождение времени» (1794. Ч. 4. № 95. С. 279–281; подпись: — ъ).

Подстр. примеч. «“Я слышал в уединении моем (пишет любезной Автор) о взятии Варшавы. Естли сие справедливо, то прошу вас поместить прилагаемую при сем пиесу, произведение первых восторгов сына отечества” — она и помещается с искреннею к сыну отечества благодарностию» (С. 279). В. В. Измайлов утверждал, что это «лучшая ода, написанная г-ном Дмитриевым» (1815. Российский Музеум. Ч. 2. С. 182).

1794. «Стихи на победу графа Суворова-Рымникскаго, одержанную над польскими войсками, когда он в три дни перешел семь сот верст» («*Не твоего ль, Израиль, сына...*»).

Автограф. ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 32об.–33.

Дата и место написания. Сызрань. Не ранее 17-го октября 1794. См. письмо Г. Р. Державина к Дмитриеву в Сызрань от 17-го октября 1794 г.: «Суворов чудеса сделал: в то время как прусския войска оставили Варшаву и соединение с нами, пошли во свояси, то он в три дни сделал более семисот верст, увидел, напал и победил».

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 50–51).

1794. «Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы» («*Кто росс — и ныне не восплещеть...*»).

Автограф. ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 25–26.

Дата и место написания. Сызрань. Не ранее 28 октября 1794 г. (день падения Варшавы; см.: Дмитриев, 1866. С. 71–72.).

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 86–88).

1794. «На новый 1795 год» («*Будь щастливей в твоём теченьи...*»).

Автограф. ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 26–27.

Впервые: «И Мои Безделки» (1795. С. 52–54).

1794. «Наследники» («*Не доведи бог быть богатым и безчадным...*»).

Автограф: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 115. Л. 4–7об.

Впервые: «Дмитриев, 1967» (С. 396–399, в рубрике: «Приписываемое»). Г. П. Макогоненко уверенно датирует написание этого стихотворения 1794 годом (см.: Дмитриев, 1967. С. 469).

1794. «Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...» (Эпиграмма).

Впервые: Вчера и Сегодня, литературный сборник, сост. В. А. Соллогубом, изд. А. Смирдиным. СПб., 1845. Кн. 1. С. 52.

М. А. Дмитриевым опубликован иной вариант эпиграммы: «А я, хоть и не ум, а тож скажу два слова...» (М. Дмитриев, 1869. С. 227). В 1897 г. в «Русской Старине» (Декабрь. С. [496]) опубликован вариант этой эпиграммы с первой строкой: «Хоть я не ум, но тож скажу три слова...».

1795

<1795>. «Стихи на всерадостный день рождения Ея Императорскаго Величества» («В сей день, как Росс, простерши руки...»).

Автограф: ОР РНБ. Ф. 247. Державин Г. Р. Т. 23. Л. 53–54.

1797

1797. Петербург. Отношение Императорской Российской Академии Непременного Секретаря Ивана Ивановича Лепехина.

«Милостивый Государь мой
Иван Иванович!

Императорская Российская Академия, отдавая должную справедливость трудам вашим и знанию отечественного языка нашего, по предложению управляющего оною Павла Петровича Бакунина, г. Действительного Статского Советника, и по общему согласию всех присутствовавших господ Академии членов, в собрание, бывшее сего 18 дня, избрала вас своим сочленом и возложила на меня, известя вас о сем избрании, пригласить к будущему Академии собранию, яко Действительного члена, о чем особливо запискою буду иметь честь вас уведомить. Принеся усердное мое с сим избранием поздравление, с должным почтением имею честь быть

Вашего Высокоблагородия,
Милостивого Государя моего,
покорнейший слуга

Иван Лепехин,

Императорской Российской Академии Член и Непременный Секретарь».

Дмитриев, 1866. С. 107.

1805

Москва. Выходят в свет «Сочинения и Переводы И. Д. Часть Третья. М., в Типографии Платона Бекетова. 1805».

Эпиграф: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéris» <«Он хочет сохранить память о тех, кого он любил»>.

Содержание третьей части.

Продолжение Басен.

Мудрец и Поселянин («Как я люблю моих героев воспевать...») – С. 7; Муха («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») С. 10; Лиса проповедница («Разбитая параличом...») – С. 11; Осел и Кабан («В навозе вскормленный и вызревший осел...») – С. 13; Слепец и Разслабленный («И ты несчастлив!.. дай же руку!..») – С. 14; Отец с Сыном («Скажите, батюшка, как счастья добиться?...») – С. 16; Полевой цветок и Гвоздика («Простой цветочик, дикой...») – С. 17; Дон Кишот («Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...») – С. 17; Мальчик на столе («Как я велик! с стола мальчишка всем кричал...») – С. 20; Разбитая Скрыпка («Срипица дюжинна упала и разбилась...») – С. 20; Человек и Конь («Читатели! хотите ль знать...») – С. 21; Горесть и Скука («Бедняк, не евши день, от глада...») – С. 23; Пчела и Муха (Здорово, душенька! – влетя в окно пчела...») – С. 23; Три Льва («Его величество, лев сильный, царь зверей...») – С. 25; Месяц («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – С. 26; Молчание Соловья («Умоле, соловушко! конечно, бедный болен...») – С. 26; Две Лисы («Вчера, подслушал я, две разных свойств лисицы...») – С. 27; Суп из костей («О времена! о времена!..») – С. 28; Два Веера («В гостиной на столе два веера лежали...») – С. 29; Ружье и Заяц («Трусливых наберешь не мало...») – С. 30; Орел и Змея («Орел из области громов...») – С. 32; Каретная Лошадь («Две лошади везли карету...») – С. 33; Амур, Гимен и Смерть («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – С. 34; Часовая Стрелка («Кто равен мне?

солдат, любовник, сочинитель...») – С. 35; Человек и Эхо («Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...») – С. 36; Смерть и Умирающий («Один охотник жить, не старее ста лет...») – С. 37; Лебедь и Гагары («За то, что лебедь так и бел и величав...») – С. 40; Калиф («Против Калифова огромного дворца...») – С. 41; Лев и Комар («Прочь ты, подлейший гад, навоза порожденье!...») – С. 43; Кот, Ласточка и Кролик («Случилось кролику от дому отлучиться...») – С. 44.

Смесь

Филемон и Бавкида («Ни злато, ни чины ко злату не ведут...») – С. 51; Людмила. Идиллия («Кого мне Бог послал среди уединенья?...») – С. 58; Стансы («Я счастлив был во дни невинности безпечной...») – С. 60; Люблю и Любил («Люблю – есть жизнью наслажденье...») – С. 62; Песенка («Все ли милая пастушка!..») – С. 62; Старинная Любовь. Баллада («Как мило жили в старину...») – С. 64; Меланхолик. Романс («Как сын проклятия, скатаюсь...») – С. 67. Надписи: к Амуру. I «Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...» – С. 69; II. («Кто б ни был ты, склонись пре младенцем сим...») – С. 69; Эпитафии. I. Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему Московскому Градоначальнику («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – С. 70; II. «Не дрогнет начертать на камне сем резец...» – С. 71; III. Матери и Сыну («Здесь мать двух близнецов почил в свете лет...») – С. 71. Путешествие («Начать до света путь и ощупью итти...») – С. 72; К Приятелю, который, по сходству двух различных фамилий, часто принимал одну вместо другой («Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь...») – С. 73; Эпиграммы. I. «Кто как ни говори, а Нина бесподобна!..» – С. 74; II. «Поэт Оргон, хваля жену не в меру...» – С. 74; III. «Что легче перышка? – Вода, я отвечаю...» – С. 75; IV. «Как! Рифмин жив еще и телом и душой?...» – С. 75. Надгробия. I. «Увы! здесь погребен мой милый попугай»; С. 76; II. «Под холодной кочкой сей Вралева хладный прах...» – С. 76; III. «Полвека стан его возили в сей юдоли...» – С. 76; IV. «Прохожий, стой! во фронт!..» – С. 77. На случай получения от неизвестной особы вышитого на канве Геня («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством...») – С. 78; К Гавриилу Романовичу Державину («Бард безъямный...») – С. 79; Размышление по случаю грома («Гремит!.. благоговей, сын персти!..») – С. 82; Вольный перевод из Горация – Ода третья из первой книги («Лети корабль, в свой путь с Виргилием моим...») – С. 84; Ода первая из третьей книги («Служитель Муз, хочу я истину воспеть...») – С. 87.

«Увы! здесь погребен мой милый попугай»; «Под холодной кочкой сей Вралева хладный прах...» – составители «Русской эпиграммы второй половины XVII – начала XX в. (Библиотека Поэта. Большая серия)» (Л., 1975. С. 162), со ссылкой на «Опыт русской анфологии...» (М., 1828. С. 138) и на анонимную рецензию в «Моск. Тел.» (1828. № 20. Прибавление. С. 537–538) ошибочно датируют эти эпиграммы 1828 г. Ошибка повторена, см.: «И. И. Дмитриев. Соч. / Сост. и ком. А. М. Пескова и И. З. Сурат. М., 1986. С. 515».

1807

Сентябрь, 10. Петербург. Отношение Министра Просвещения Графа П. В. Заводовского.

«Милостивый Государь мой
Иван Иванович!

Исполняя Высочайшую волю Государя Императора, чтобы предложить Вашему Превосходительству, не согласитесь ли Вы принять в попечение Ваше как Московский Университет, так и все училища подведомого ему округа, я прошу вас, милостивый государь мой, почтить меня уведомлением о вашем расположении, для донесения Его Императорскому Величеству.

Имею честь быть с истинным почтением
Вашего Превосходительства
покорным слугою
Г. Петр Заводовский.

С. Петербург,
Сентября 10 дня
1807.
Его Пр-ву И. И. Дмитриеву».
Дмитриев, 1866. С. 108.

1812

Январь. Петербург. Резолюция Министра юстиции И. И. Дмитриева на жалобу графа Ильинского на незаконные действия (в том числе и пьянство «всякой день») губернского прокурора Формицына(?): «Списать с сего копию и препроводить к Александровскому и просить его удостоверить в то что <здесь> пишет советник Казенной палаты».

ОР ИРЛИ. Сообщено Л. В. Герашко. Приношу ей сердечную благодарность.

Апрель, 19. Петербург. Рекомендательное письмо Дмитриева, выданное П. Е. Языкову:

«Милостивый Государь мой

Николай Авдеевич!

Вручитель сего, Владимирской помещик, Платон Евграфович Языков просил меня доставить ему счастье быть более известным Вашему Превосходительству; я тем охотнее сие исполню, что довольно знаю его с хорошей стороны, и потому покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, удостоить его принятием в милостивое Ваше покровительство.

Между тем с совершенным почтением моим имею честь быть

Милостивый Государь мой

Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга

Иван Дмитриев

Санктпетербург

1812

Апреля 19»

Автограф: ГИМ ОПИ. Ф. 213. Ед. 106. Л. 4 (рукописная пагинация).

Мая, 4. Москва. Диплом от Общества Любителей Российской Словесности, учрежденного при Императорском Московском Университете.

«Под Высочайшим Покровительством
Всепресветлейшего, Державнейшего, Великого Государя
Александра Первого

Императора и Самодержца Всероссийского
и прочая, и прочая, и прочая.

Общество Любителей Российской Словесности, учрежденное при Императорском Московском Университете, уважив в особе Его Превосходительства, г. Тайного Советника, Сенатора, Члена Государственного Совета, Министра Юстиции и кавалера Ивана Ивановича Дмитриева сколько достохвальную любовь к учености и к отечественному языку, столько и благодетельное покровительство трудящимся в российской словесности, признает Его Превосходительство Почетным членом.

Председатель, Статский Советник,

Профессор и кавалер

Антон Прокопович-Антонский.

Действительный Член и Секретарь,

Ординарный Профессор

Михаил Каченовский.

Маия 4 дня

1812».

Дмитриев, 1866. С. 108—109.

1814

Август, 13. Петербург. Диплом от Совета, учрежденного при С. Петербургской Духовной Академии.

«Sub auspicatissimo regimine
Augustissimi ac Potentissimi Imperatoris
Alexandri Primi
totius Russiae Autocratoris
Petropolitanae Ecclesiasticae Academiae Conventus
pro potestate sibi concessa
Virum Excellentissimum

Iohannem Iohannevitsch a Dmitriew,
ob insignia in humaniores litteras ac scientias, maxime in doctrinam, quae est
secundum pietatem, eiusque in praxin perficiendam et amplificandam merita
Socium suum Honorarium,
Solenni hoc Diplomate declarat, honoremque ei ac privilegia concessa, decrevisse
ac contulisse publice testatur.

A. D. MDCCCXIV 13 die Augusti».

Дмитриев, 1866. С. 109.

Ноябрь, 23. Петербург. Отношение Духовной Академии Ректора, Архимандрита Филарета (ныне Архиепископа Московского <примеч. И. И. Дмитриева – С. В.>).

«Превосходительный Господин,
Милостивый Государь!

Уже известно Вашему Превосходительству, что, при образовании в С. Петербургской Духовной Академии Ученого Совета или Конференции для поощрения и распространения духовной учености, высшее начальство духовных училищ избрало вас Почетным членом одного сословия. В следствие чего академический диплом на сие звание при сем имею честь представить, с приложением печатного акта Конференции Академической.

Вместе с признательностию сословия, которому Ваше Превосходительство не возбранили украситься Вашим именем, примите и от исполняющего поручение одного глубокого почитание и совершенную преданность, с которыми имею честь пребыть

Вашего Превосходительства,
Милостивого Государя,
покорнейший слуга

А. Ректор, Архимандрит Филарет.

23 Ноября 1814.

Его Пр-ву Тайному Советнику и Кавалеру Ив. Ив. Дмитриеву».

Дмитриев, 1866. С. 110.

1816

Декабрь, 13. Москва. Диплом от Общества Физико-Медицинского.

«Auspiciis
Augustissimi et Potentissimi Imperatoris ac Domini
Domini
Alexandri Primi,
totius Russiae Autocratoris
Litterarum Bonarumque Artium
Statoris et Protectoris munificentissimi.

Societas Phisico-Medica, apud Universitalem Caesaream Mosquensem instituta, consortio eruditorum, doctrinae, industriae et ingenii praestantia celebrium, et conjunctione virorum nominis splendore nieritoruinque amplitudine excellentium se ipsam illustrare, sibi que studiorum auxilia et adjumenta parare sludens, Virum illustrissimum et excellentissimum, Iohannem Iohannidem a Dmitriew Consil. intim. Ord. St.

Alexandri et S. Annae equitem, in conventu die 6 Nov. anni 1815 habito, in ordinem collegarum honorariorum cooptavit: eumque talem diplomate hoc rite et solemniter declarat, certe sperans fore, ut vir illiistrissimus pro insigni suo in litterarum disciplinas amore et studio, societatem nunquam non patrocinio et favore suo adjuvet et ornet. Datum die 13 Dec. anni 1816.

Praeses Societatis Phisico-Medicae Mosqujensis
Guilielmius Richter.
Secretarius ab epistolis latinis
F. F. Reuss».

Дмитриев, 1866. С. 110—111.

1817

Март, 12. Москва. Диплом от Общества Любителей Коммерческих знаний.
«Любовь к полезному.

Общество Любителей Коммерческих знаний, в уважение отличных заслуг к отечеству и усердию к общему благу, признало Почетным своим членом Его Превосходительство господина Тайного Советника и орденов Св. Александра Невского и Св. Анны первого класса кавалера, Ивана Ивановича Дмитриева, в полной надежде, что он потщится содействовать цели Общества, средствами от него зависящими.

Президента Общества Граф Тормасов.
Директор Общества Петр Дружинин.
Секретарь Общества Алексей Померанцев.
Москва,
1817
Марта 12 дня».

Дмитриев, 1866. С. 111—112.

Июня, 22. Петербург. От Действительных Членов Библиотек и при Гвардейском Штабе.

«Действительные Члены Библиотеки, с Высочайшего одобрения Государя Императора при Гвардейском Штабе открывшейся, непременною обязанностью поставляют покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить означенную Библиотеку принятием на себя звания Почетного оныя Члена.

Начальник Штаба Сипягин.
Старший Библиотекарь Гвардии Капитан и Кавалер
Федор Глинка.
Его Пр-ву И. И. Дмитриеву.
№ 33.
22 Июня 1817.
С. Петербург».

Дмитриев, 1866. С. 112.

Июня, 23, Петербург. Отношение Начальника Гвардейского Штаба, Генерал-Адъютанта Сипягина.

«Милостивый Государь
Иван Иванович!

Члены Военного Общества, под Высочайшим покровительством при главном Гвардейском Штабе утвержденного, вменяя себе за честь войти в ближайшее сношение с отличными по дарованиям и заслугам соотечественниками нашими, единогласно, по предложению моему, положили просить чрез меня Ваше Превосходительство удостоить их принятием звания Почетного члена Общества нашего. Надеюсь, что Ваше Превосходительство не отвергните усердного предложения нашего, я спешу препроводить у сего и диплом.

Удовлетворяя при сем желанно Общества и собственному моему, я с истинным моим почтением и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга

Николай Сипягин.

С. Петербурга,

23 Июня 1817».

Дмитриев, 1866. С. 112–113.

Сентября, 23. Москва. Диплом от Общества Истории и Древностей Российских.

«ЛЕТА ВЕЧНАЯ ПОМЯНУХ.

Под Высочайшим покровительством
Всепресветлейшего, Державнейшего.

Великого Государя

Александра Первого,

Императора и Самодержца Всероссийского,

и пр. и пр. и пр.

Общество Истории и Древностей Российских, учрежденное при Императорском Московском Университете, уважив отличную любовь и ревность к отечественной истории, признает чрез сие Его Превосходительство, Г. Тайного Советника и разных орденов кавалера Ивана Ивановича Дмитриева своим Почетным Членом, в совершенном удостоверении, что он будет содействовать сему сословию всем, что токмо успехам оного способствовать может. Дан в Москве, 1817 года, Сентября 23 дня.

Председатель Общества Майор и кавалер Бекетов.

Секретарь Общества Профессор и кавалер Двигубский».

Дмитриев, 1866. С. 113.

1818

Августа, 4. Казань. Диплом от Совета Императорского Казанского Университета.

«Под Высочайшим покровительством

Всепресветлейшего, Державнейшего, Великого Государя

Александра Первого,

Императора и Самодержца Всероссийского,

Совет Императорского Казанского Университета,

достоительно почитая Его Превосходительство

Господина Действительного Тайного Советника, Императорской Российской Академии Члена, Почетного Члена многих ученых Обществ, орденов Святого Александра Невского и Святыя Анны первого класса кавалера

Ивана Ивановича Дмитриева,

кого творения украсили, обогатили отечественную словесность и пребудут образцом правильного, изящного русского слова, единогласно избрал его Почетным Членом своим, в несомненной надежде на его покровительство наукам и упражняющимся в оных.

Ректор Иван Браун.

Секретарь Совета Барон Врангель.

Казань,

Августа 4 дня,

1818».

Дмитриев, 1866. С. 114.

Сентября, 7. Казань. Отношение того же Университета Ректора г. Брауна.

«Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь!

Императорского Казанского Университета Совет, в изъявление достодожного высокопочитания к Вашему Высокопревосходительству, единогласно избрал вас в Почетные свои члены. Примите благосклонно, Ваше Высокопревосходительство, подносимый ныне диплом на сие звание, а с ним и усерднейшее прошение Совета Казанского Университета о покровительстве Вашем к его начинаниям и деяниям. Без содействия знаменитых особ науки не могут процвести и водвориться в народе.

Вашего Высокопревосходительства,

Милостивого Государя,

всепокорнейший слуга

Ректор Иван Браун.

№ 1,595.

Сентября 7 дня

1818».

Его Высокопревосходительству г. Действительному Тайному Советнику и кавалеру Ив. Ив. Дмитриеву».

Дмитриев, 1866. С. 115.

Декабря... дня. Петербург. Адрес от С. Петербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности.

«Его Высокопревосходительству,

Господину Действительному Тайному Советнику и кавалеру

Ивану Ивановичу Дмитриеву.

Высочайше утвержденное С. Петербургское Вольное Общество Любителей Российской Словесности, будучи движимо неоднократно опытами покровительства вашего просвещению и стремления к подвигам благотворения, и уважая пользы, оказанные вами отечественной словесности, поставило неременным долгом за-свидетельствовать Вашему Высокопревосходительству чувства своей глубочайшей преданности, и в доказательство сего единодушно избрало вас, на основами 9-го параграфа первой части Устава четвертым Попечителем своим, определив журналом в 6-й день сего Декабря состоявшимся, поднести Вашему Высокопревосходительству, за подписанием должностных членов, сей адрес.

С.-Петербург. Декабря..... дня 1818 года.

Председатель Граф Салтыков.

Помощник Председателя Федор Глинка.

Цензор прозы Александр Боровков.

Цензор поэзии Александр Крылов.

Цензор библиографии Иван Гарцелис.

Библиотекаръ Ив. Боровков.

Казначей Иван Ильин».

Дмитриев, 1866. С. 116.

Декабря, 25. Петербург. Отношение Председателя того же Общества.

«Милостивый Государь,

Иван Иванович!

Уважая покровительство ваше просвещению и отдавая должную признательность пользам, оказанным Вашим Высокопревосходительством отечественному слову, Общество, на основании 9-го параграфа Высочайше утвержденного Устава своего, единодушно избрало вас, Милостивый Государь, Попечителем своим, и в заседании 9-го Декабря истекшего года, определило препроводить к Вашему Высокопревосходительству адрес за подписанием должностных членов, твердо надеясь, что вы, Милостивый Государь, не отречетесь принять на себя сего звания, и вместе с другими Попечителями: Князем Александром Николаевичем Голицыным, Графом Сергеем Козмичем Вязмитиновым и Осипом Петровичем Козодавлевым сильным

покровительством своим поддержите благую цель его; соревнования просвещению и благотворительности.

Препровождая к Вашему Высокопревосходительству адрес сей, с совершенным высокопочитанием и глубочайшего преданностию честь имею быть

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
всепокорнейший слуга
Граф Сергей Салтыков.

№ 636.

25 Декабря 1818.

С. Петербург».

Дмитриев, 1866. С. 116—117.

1819

Февраля, 23. Петербург. Отношение Председателя Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения.

«Милостивый Государь,
Иван Иванович!

Высочайше учрежденное в 14 день Января сего года С. Петербургское Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения, желая иметь покровителя в особе Вашего Высокопревосходительства, определило, в заседании своем 10 сего Февраля, просить вас о принятии, на основании 6-го параграфа Устава, звания Почетного Члена оногo.

Доводя о сем положении Общества до сведения Вашего Высокопревосходительства, и прилагая при сем экземпляр Высочайше утвержденного Устава, честь имею уведомить, что надлежащий диплом, по изготовлении оногo, немедленно будет вам доставлен.

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства,
всепокорнейший слуга
Граф Федор Толстой.
С. Петербург.

№ 25.

23 Февраля 1819.

Его Высокопревосходительству И. И. Дмитриеву».

Дмитриев, 1866. С. 117.

Июня 30. Харьков. Диплом от Императорского Харьковского Университета.

«Auspiciis
Alexandri Primi,
Augustissimi ac Potentissimi
Imperatoris et Auctocratoris
Omnium Rossiarum
etc., etc., etc.

Ministro publicae instructionis
Petro Basilide Comite a Zawodowsky,

Cons. Intimo, Senalore, Societatis Educationis nobilium virginum, nec non Scholae ord. S. Catharinae consilii membro, ordinum S. Apostoli Andreae, S. Alexandri Newensis, S. Wladimiri, S. Annae primae, S. Georgii quartae classis, utriusque polonici, nec non S. Ioannis Hierosolimitani equite.

Universitatis Charcoviensis Curalore,
Severino Iosephide Comite a Potochy,

Cons. Intimo, Senatore, actuali cubiculario Caesareo, Supremi scho-larum totius Imperii Rossici Directorii membro, ordinis S. Wladimiri secundae classis, utriusque polonici equite; Universitas Caesarea Charcoviensis bono lilterarum consulens, virum singulari earum studio praeclarum, nec non de iis colendis promovendisque optime

meritum, Consiliarium intimum, Senatorem, Minislrum justitiae, Caesareae Rossicae Academiae membrum, Caesareae Universitatis, quae floret Mosquae, et Caesareae Societatis Mosquensis scrutatorum naturae membrum honorarium, ordinis S. Annae primae classis equitem

Ioannem Ioannidem Dmitriew

societati suae junctum et inter membra honoraria ae se receptum esse hisce publice declarare voluit, persuasa, hanc nominationem utrique parti utilem fore, et hunc spectatissimae eruditionis virum Universalis gloriae et honori, quibus fieri potest rationibus provisurum, communi studiorum negotio diligenter invigilaturum, atque inventa, observata vel animadversa, quae in rei litterariae commoda redundabunt, cum Universitate libenter communicaturum esse. Datum Charcoviae, die 30 Iunii. M. Dec. IX».

Дмитриев, 1866. С. 118.

1822

Октябрь, 10. Москва. Князь Шаликов: «К Ивану Ивановичу Дмитриеву, в день рождения, сентября 10-го»:

«На осень не смотря, весенние зефиры,
Когда родился Ты, Твою согрели грудь –
И не угаснет огонь твоей вовеки лиры!..
Как в славе, Нестором равно и в жизни будь».

Новости Литературы (СПб, 1822. № 16. С. 48).

1823

Января, 20. Петербург. Отношение Председателя Академии Российской (нынешнего Министра Просвещения – <примеч. И. И. Дмитриева – С. В.>) Александра Семеновича Шишкова.

«Милостивый Государь мой
Иван Иванович.

С величайшим удовольствием был я свидетелем, что Императорская Российская Академия, в торжественное собрание свое (сего месяца 14 дня), увенчала стихотворные дарования и труды ваши почестию большой золотой медали. Приемля в том искреннее участие и разделяя оное со всем кругом людей, упражняющихся в словесности, я вас чистосердечно с тем поздравляю и, прося о продолжении вашего ко мне, толь приятного для меня благорасположения, с истинным почитанием и преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства
Покорнейший слуга
Александр Шишков.
Генваря 20 дня 1823».

Дмитриев, 1866. С. 119.

Января, 22. Петербург. Отношение Непременного Секретаря той же Академии Петра Ивановича Соколова.

«Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Иван Иванович.

Императорская Российская Академия, отдавая всю справедливость трудам Вашего Высокопревосходительства, принесшим великую пользу отечественной нашей словесности и уважая отличный дар в стихотворениях ваших, дающих вам полное право занять место между первыми российскими классическими писателями, положила в годовое торжественное свое собрание, бывшее в 14 день сего Генваря, увенчать оные почестию большой золотой медали.

На меня возложен лестный долг доставления сей медали к Вашему Высокопревосходительству, которую при сем препровождаю, всепокорнейше прошу принять

и искреннейшее уверение в том достоюжном к особе вашей высокопочитании и совершенной преданности с каковыми пребуду всегда

Вашего Высокопревосходительства

покорнейшим слугою

Петр Соколов.

№ 22.

С.-Петербург. 22 Генваря 1823.

Его Высокопревосходительству г. Действ. Тайн. Сов. и кавалеру И. И. Дмитриеву».

Дмитриев, 1866. С. 119–120.

Март, 10. Петербург. Цензурное разрешение на выпуск 9-го № «Новостей Литературы», где под заглавием «Басни» и № № 1, 2, 3 напечатаны под апологи:

Львиное право («*Медведя Лев спросил...*»);

Чужеземное растение («*Что сделалось с тобою ныне?...*»);

Равновесие («*Сын Севера! суров и хладен твой климат!...*»).

Общая подпись: ***.

Март, 23. Петербург. Цензурное разрешение на выпуск 11-го № «Новостей Литературы», где под заглавием «Басни» и № № 4, 5, 6 напечатаны апологи:

Преступники («*Тигр, ужас всех зверей, подняв кровавы взоры...*»);

Роза и Шмель («*Прочь, наглый, прочь ты, Шмель!...*» – *вскричала утром Роза...*»);

Песнь Лебедя («*Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владеть...*»).

Общая подпись: ***.

Апрель, 21. Петербург. Цензурное разрешение на выпуск 15-го № «Новостей Литературы», где под заглавием «Басни» и № № 7, 8, 9 напечатаны апологи:

Порок и Добродетель («*Я царь земной!*» – *Порок в надменностью изрек...*»);

Ошибка Чижа («*Чиж, в птичник залетя, прельстился им, как раем...*»);

Скорбь и Фортуна («*Отрады луч блеснул у Скорби на челе...*»).

Общая подпись: ***.

Июль, 18. Петербург. Цензурное разрешение на выпуск 27-го № «Новостей Литературы», где под заглавием «Басни» и № 10, 11, 12 напечатаны апологи:

Жертвенник и Правосудие («*Во храме Жертвенник преступника скрывал...*»);

Плод («*Садовник сетовал, что долго плод не зреет...*»);

«*Лож и Мышь*» («*Лож говорил, что он из одного презренья...*»).

Общая подпись: ***.

Октябрь, 30. Петербург. Цензурное разрешение на выпуск 40-го № «Новостей Литературы», где под заглавием «Басни» и № № 13, 14, 15 напечатаны апологи:

История Порока («*Березка выросла пред домом кривобока...*»);

Курица и Утята («*Ты всё с утятами?...*»);

Павлин («*Индеек не на вкус пришел Павлиный рост...*»).

Общая подпись: ***.

1828

Март, 20. Лондон. А. И. Тургенев в письме к С. П. Жихареву пишет: «...Жаль Ивана Ивановича <Дмитриева>, но не хочу не радоваться успехам гражданской жизни в Англинском клобе. Если бы это случилось с ним в эпоху от 810 до 1815 года – я бы более обрадовался. Не забыли ли они русскую пословицу: лежачего не бьют? Я бы на его месте отвечал им одним четверостишием, напомнив, что они в поэте, в певце Ермака видели только отставного министра и гению не простили слабостей сызранского помещика. Слабости его принадлежат воспитанию и веку, талант его принадлежит России и векам. На Козихе он бьет камердина за добро-

душное его усердие; здесь, может быть, защищал бы он права негров. В Москве выключили его из Англинского клуба; в Англии попал бы он в Вестминстерское аббатство, in the poet's corner (т. е. в уголок, где ставятся памятники поэтам) – Но я не осуждаю членов Англ.<линского> клуба, если поступлено было не без причины. Сохрани Боже, ставить талант выше всего на свете! – одна добродетель, одна любовь к человечеству выше всего в гражданине и человеке. Мы уважаем Карамзина-автора; но мы любим в нем его сердце, его душу, которая сохранила чистоту, святость свою в вихре московских картежников, и на Воробьевых горах во время оно, и в царском селе и в.....».

Ларионова Е. О Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. 136 (с указанием места хранения: ИРЛИ. Ф. 309. № 307. Л. 122об.–123).

1831

Ноябрь, 24. Симбирск. Кн. М. П. Баратаев в письме к Н. М. Лонгинову пишет: «<...> К вашим именинам и у меня есть рождение, поколе одной мысли, но исполнение которой может быть полезно для наших малюток – воспитанниц. Вот она: Составить Ал<ь>манах под названием Волга или речка Симбирска... Отнестись к нашим симбирским поэтам и прозаистам и просить стихков и прозы. Государыня в бытность в Москве изволила мне сказать: Vous êtes de la patrie des poètes, vous avez Dmitreff et vous avez Karamzin, dont la perte est irreparable присоединила было к нам и Державина, но к сожалению он не наш. Однако у нас еще остались, другой Дмитриев, Денис Давыдов, Языков и проч. Можно попросить у Md. Karamzine нет ли у нее Albuma. Апробуете ли, Ваше Превосходительство! Но барыш пополам для Дома трудолюбия и для пенсионера бедных дворян – можно сделать очень замечательную книжку и напечатать отдать Сленину. Вот на прощание моя последняя выдумка...».

РО ИРЛИ. Архив Н. М. Лонгинова. 23606/CLXXI620. Л. 93.

Декабрь, 19. Симбирск. Кн. М. П. Баратаев в письме к Н. М. Лонгинову пишет: «<...> Государыня Императрица, в одно представлений моих, изволила мне сказать: Vous êtes de la patrie des poètes, vous avez Dmitreff et vous avez Karamzin, dont la perte est irreparable. Столь благосклонное замечание Ея Величества внушило мне мысль прибегнуть к достойнейшим нашим симбирским поэтам, обрадовать их сим вниманием, и просить у них новых сочинений, собрать в одну книгу в виде Алманах и всеподданнейше поднести Августейшей Покровительнице. Сумму же вырученную обратить в капитал Дома Трудолюбия.

Ив. Ив. Дмитриев, Денис Давыдов, Ал. Сер. Пушкин, языков, М. А. Дмитриев, Ознобишин и многие изъявили мне свою готовность, первый же обещал и несколько писем Карамзина. Но все сие было лишь приговорительное на словах, без соизволения Государыни и без одобрения к разрешению Вашего Превосходительства я к форменной переписке приступить не осмелился, удостоившись получить оные я поспешу заняться исполнением и удостоверяю, что книжка сия будет достойна своего назначения и принесет много пользы для бедного нашего заведения...».

РО ИРЛИ. Архив Н. М. Лонгинова. 23606/CLXXI620. Л. 106–107об.

Этими сведениями я обязан Е. К. Беспаловой, которой и приношу свою благодарность.

1835

1835. Москва. «Полный новейший песенник в тринадцати книгах, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов, как-то: Державина, Карамзина, Дмитриева.... М., 1835). Из песен Дмитриева здесь напечатаны:

Ч. 3. «Песни простанородныя и хороводныя».

№ 46 К Хлое («Всех цветочков боле...») – С. 81–82;

№ 50. «Без друга и без милой» – С. 92–94;

№ 51. К Младенцу («Дай собой налюбоваться...») – 94–97.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БИС – «Басни и Сказки. I.[вана] – Д.[митриева]. Спб.[тип. Гос. мед. коллегии], 1798». Басни, 1810 – «Басни И. Дмитриева. СПб., 1810».
- Изд. 1-е – «И Мои Безделки» (1795).
- Изд. 2-е – «Сочинения и переводы И.[вана] Д.[митриева] / Иждивением М. Глазунова. – Москва: В типографии Платона Бекетова» (Ч. 1–2. 1803; Ч. 3. 1805).
- Изд. 3-е – «Сочинения Дмитриева... Издание Третье. Москва, в Университетской Типографии. Ч. 1–3. 1810».
- Изд. 4-е – «Сочинения И. И. Дмитриева. Издание четвертое. Москва. В Типографии С. Селивановского. Ч. 1–3. 1814».
- Изд. 5-е – «Сочинения И. И. Дмитриева. Издание пятое, исправленное и умноженное. Москва. В Университетской Типографии. Ч. 1–3. 1818».
- Изд. 6-е – «Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Санктпетербург. В типографии Н. Греча. Ч. 1–2. 1823».
- Апологи* – Апологи в четверостишиях, И. Дмитриева. М., 1826 (1825).
- Дмитриев*, 1866 – Взгляд на мою жизнь. Записки Действительного Тайного Советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях / Издание М. А. Дмитриева. М., 1866.
- Дмитриев*, 1893, 1895 (римск. цифра – номер тома, араб. цифра – номер страницы) – Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. В двух томах. СПб., 1893. Т. I. Стихотворения; СПб., 1895. Т. II. Проза. Письма.
- Дмитриев*, 1967 – Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия).
- Дмитриев*, 1986 – Дмитриев И. И. Сочинения / Сост. и коммент. А. М. Пескова и И. З. Скурат; Вступ. ст. А. М. Пескова – М., 1986.
- Акад.* – Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937–1949. Т. I–XVI; 1959. Т. XVII (справочный).
- Алексеев*, 1982 – Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // ЛН. М., 1982. Т. 91.
- Алексеев*, М. П. Пушкин и наука его времени // Пушкин. Исслед. и матер. Т. I. С. 40.
- Алексеев*, М. П. Ранние английские истолкователи русской поэзии // Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. Т. 91. С. 154.
- «Альманах на 1838 год, составленный из литературных трудов...» (СПб., 1838. С. 1–2).
- Альтшуллер* М. Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX века («Друг Просвещения» и «Московский Зритель») // XVIII век. Сб. С. 98–99.
- Анненков*, 1855 – Сочинения Пушкина / изд. П. В. Анненковым. СПб., 1855. Т. 1. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина.
- Анненков*, 1874 – Анненков П. [В]. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху: 1799–1826. СПб., 1874.
- Анохина*, 1973 – Анохина Т. Г. Дарственные надписи на книгах библиотеки Дмитриевых // Рукописная и печатная книга в фондах научной библиотеки Московского университета. Вып. 1. М., 1973.
- Арзуманова* М. А. Об одной распространенной легенде // Вестник ЛГУ, № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. I. 1964. С. 99–102.
- Архив бр. Тургеневых*. Вып. 2 – Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 347, 348.
- Архив бр. Тургеневых*. Вып. 6 – Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1. 1814–1833 гг. / Под ред. и с примеч. Н. К. Кульмана. Пг., 1921.
- Базанов* В. [Г.] Ученая Республика. М.–Л., 1964. С. 374.

Бантыш-Каменский, 1834 (1836) – Бантыш-Каменский, Д. Словарь достопамятных людей русской земли (М., 1834. Ч. 1. С. 537; 1836. Ч. 3. С. 42–48).

Барсуков Н. Строев – Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 318.

Барсуков Н. Погодин – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888–1910. Кн. 1–22.

Батюшков, 1885–1887 – Сочинения К. Н. Батюшкова / Изд. П. Н. Батюшковым. Со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. Т. I–III. СПб. 1885–1887.

Т. I–1887.

Т. II–1885.

Т. III–1886.

Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подг. И. М. Семенко. М, 1977 (Литературные Памятники).

Беляев М. Дмитриев. Письмо к В. В. Измайлову // Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пг., 1922. С. 68–69.

Бем А. Мелочи о Пушкине // Пушкин и его совр. Вып. XXIX–XXX. С. 30.

Беспалова Е. К. Род и предки И. И. Дмитриева // Симбирский Вестник. Ульяновск. 1993. Вып. 1. С. 34–44.

Биогр. слов. проф. ИМУ. Т. 1. С. 395–396.

Библиографическая Записки. 1858. № 19. С. 589–592.

Боленко, 2004 – Боленко К. Г. Коллекция месяцесловов в составе библиотеки Дмитриевых // Рукописи. Редкие Издания. Архивы. Из фонда Отдела редких книг и рукописей [Научная библиотека Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова]. М., 2004. С. 341–374.

Боленко, рукопись – Боленко К. Г. Коллекция месяцесловов в составе библиотеки Дмитриевых (1-е продолжение) // рукопись, в печати.

Бумаги, относящиеся до Отечественной Войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Часть Десятая. М., 1908. С. 378 (Письмо И. И. Дмитриева к С. С. Уварову).

Быкова, 1969 – Быкова Т. А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. – Л., 1969. С. 324 – 342.

Вацуро, 1980 – Вацуро В. Э. Переписка И. И. Дмитриева // Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.

Д. Н. Блудову (1);

А. Ф. Воейкову (1);

А. П. Глинке (1)

Ф. Н. Глинке (4);

Н. И. Гнедичу (6);

А. И. Дмитриеву (2);

С. П. Жихареву (1);

В. А. Жуковскому (1);

В. В. Измайлову (24);

О. Е. Франку (4);

Неизвестному (1).

Вацуро, 1989 – Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л. 1989.

Вацуро, Гиллельсон (1986) – Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь “умственные плотины”. Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. – 2-е изд., доп. М., 1986.

Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева // Лесная Текстология. Труды летней

школы на Корельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. Пос. Серово, Ленинградская область, 2007. С. 47–51.

Венгеров С. А. Русская поэзия. Вып. VII. Полное собрание стихотворений Ю. А. Нелединского-Мелецкого и Н. М. Карамзина. СПб., 1901. С. 62, 128, 142.

Венера, или Собрание стихотворений разных авторов (Ч. 1–4]. М., 1831).

ВЕ – Вестник Европы (журнал).

Вестник Естественных Наук и Медицины, издаваемый Доктором Медицины Александром Иовским. 1828. № 5. Сентябрь. С. 417–428.

Вигель – Вигель Ф. Ф. Записки / Ред. и вступ. статья С. Я. Штрайха. – М., 1928.

Воспоминания графини А. Д. Блудовой // РА. 1875. Кн. 1. С. 150.

Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 62.

Второв И. А. Москва и Казань в начале XIX века // РС. 1891. Апрель–Июнь. С. 7–8.

Вчера и Сегодня, литературный сборник / Сост. В. А. Соллогубом. СПб., 1845. Кн. 1. С. 52.

Вяземский, 1878–1896 – Вяземский, Петр Андреевич. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Том 1–[9]. Изд. графа С. Д. Шереметева. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1878–1896.

Вяземский П. А. Из старой записной книжки, начатой в 1813 году // РА. 1875. Кн. Первая. С. 205.

Вяземский П. А. Допотопная или допожарная Москва // Собр. соч. 1882. Т. VII. С. 88.

Вяземский, 1929 – Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929.

Вяземский П. А. Записные книжки... М., 1963. С. 215.

Гениев, Н. И. История Псковского пехотного полка. М., 1883. С. 89, 94–98.

Гессен. Приложение – Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин / Приложение к факсимильному изданию. М., 1987.

Гиллельсон М. И. Материалы по истории Арзамасского братства // Пушкин. Исслед. и мат. Т. IV. С. 299.

ГИМ ОПИ – Государственный Исторический Музей. Отдел письменных источников.

Глинка Ф. О напечатании третьего издания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева // Русской Вестник. 1810. Ч. 12. № 10. С. 126–129.

Гончарова Н. Н. Из ближайшего пушкинского окружения. Новые атрибуции рисунков Кипренского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 343–358.

Горчаков Н. Беседа Карамзина, И. И. Дмитриева и великобританского агента Пинкертон у московского архиепископа Августина // Литературный вечер. М., 1844. С. 12.

Грот, 1902 – Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины (3 окт. 1837 г.). Спб., 1902.

Девятнадцатый Век. Кн. I. С. 386, примеч.

Державин, 1871 – Державин Г. Р. Сочинения Державина / с объяснительными примеч. Я. Грота. – Т. 6: с портр. Державина. Переписка (1794–1816) и «Записки». – СПб., 1871.

М. Дмитриев, 1869 – Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. доп. М., 1869.

М. Дмитриев, 1989 – Главы из воспоминаний моей жизни / Подг. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. Вступ. ст. К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М., 1989.

Документальный каталог библиотеки Императорского Казанского Университета. Т. II. Л. 86 об.

Драматический Вестник – Драматический Вестник (Петербург. 1808. Ред. П. А. Шаховской; издатели и главные сотрудники: И. А. Крылов, А. И. Писарев, Д. И. Языков, С. Н. Марин).

- Друг Просвещения* – Друг Просвещения. Журнал Литературы, наук и художеств (Москва, 1804–1806; издатели: гр. Д. И. Хвостов, П. И. Голенищев-Кутузов и гр. Г. С. Салтыков и Н. Н. Сандунов).
- Дубровин* Н. Пугачев и его сообщники: В 3 т. СПб., 1884.
- ЖМНП* – Журнал Министерства Народного Просвещения.
- Жихарев*, 1989 (римск. цифра – номер тома, араб. цифра – номер страницы) – Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. В 2-х томах. Л., 1989.
- Жуковский*, 1895 – Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Издание «Русского Архива». М., 1895.
- Заборов* Р. Б. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине // Пушкин. Матер. и исслед. Т. I. М.–Л., 1956. С. 324.
- Западов* А. В., Д. И. Хвостов и его «Записки» // Литературный Архив. М.; Л., 1938. Т. 1.
- Записки* Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895.
- Записки* А. М. Грибовского // РА. Кн. 1. 1899. С. 131.
- Записки* П. С. Руничя // РС. 1870. Т. II (изд. 3-е). С. 145–151.
- Звенья* – Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX–XX вв. М.; Л., 1932–1951. Кн. I–IX.
- Иванов*, 1863 – Иванов П. Опыт биографий Генерал-Прокуроров и Министров юстиции. СПб., 1863.
- Иванчин-Писарев* Н. Д. Дух Карамзина, или избранные мысли и чувствования сего писателя. С прибавлением некоторых обозрений и исторических характеров (М., 1826. Ч. 1).
- Из бумаг князя В. Ф. Одоевского* // РА. 1864. Изд. 2-е. Стб. 1003.
- Из писем Александра Яковлевича Булгакова* к его брату. 1820 // РС. 1900. № 11–12.
- Измайлов* Н. В. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. Т. I. С. 145–150.
- Измайлов*, 1960 – Измайлов Н. В. Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960.
- ИВ* – Исторический вестник (журнал).
- А. Ильин-Томич*, 1970 – Ильин-Томич А. А. С. Пушкин в письмах В. Л. Пушкина // Вопросы Литературы. 1970. № 6. С. 150–154.
- А. Ильин-Томич*, 1995–1996. «И мои» письма И. И. Дмитриева к Д. Н. Блудову // Новые Безделки. Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 470–482.
- Известия и Ученые записки* Казанского Университета. Казань, 1866. Вып. 2, С. 211.
- ИРЛИ* – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Петербург).
- К. К. П.* Александр Сергеевич Пушкин // РС. 1879. Т. 25. № 6 (Июнь). С. 375–376.
- Казанский Вестник*. 1825. Ч. 14. Кн. 8. Август. С. 312. Выписка из письма Его Высочайшего Копревосходительства Г. Действительного Тайного Советника, Сенатора и разных Орденов Кавалера Ивана Ивановича Дмитриева к Директору Симбирской гимназии.
- Каллаш* В. Библиографические заметки. Об И. И. Дмитриеве // РА. 1901. Кн. 1. Вып. 2. С. 339.
- Карамзин*, 1848 – Сочинения Карамзина. Т. 3. Изд. Александра Смирдина. СПб., 1848.
- Карамзин*, 1860 – Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и Письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву // Под ред. М. Н. Лонгинова. М., 1860.
- Карамзин*, 1866 – Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Изд. Я. Грота и П. Пекарского. СПб., 1866.
- Карамзин*, 1917 – Сочинения Карамзина. Том первый. Стихотворения / Под ред. и с примеч. В. В. Сиповского. Петроград, 1917.
- Карамзин*, 1984 – Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.

- Карамзин Брату* – Атеней. 1858. № 19.
- Карпова Е. В.* Ранее неизвестный скульптурный портрет И. И. Дмитриева // Памятники Культуры. Новые открытия. 1992. Сост. Т. Б. Князевская. М., 1993. С. 260–266.
- Каталог коллекции авторских надписей* (издания XVIII–XIX вв.) / Сост. Л. Б. Шицкова. М., 1994.
- Каченовский В. М.* Михаил Трофимович Каченовский // Библиогр. Зап. 1892. № 5. С. 334–335.
- Каченовский, 1806* – [Каченовский М. Т.] Сочинения и Переводы И. Дмитриева. Часть Третья, Москва, в Типографии Платона Бекетова. 1805 // ВЕ. 1806. Ч. 26. № 8, апр. С. 278–300; Ч. 27. № 9, май. С. 42–54.
- Киевская Старина*. 1888. Т. I. С. 162.
- Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989. С. 39, 98 и след.
- Корбе Ш.* Из истории русско-французских литературных связей // Международные связи русской литературы. Сборник статей под ред. акад. М. П. Алексеева. М., 1963. С. 199, 200.
- Краснобродько Т. И.* Неизвестная басня И. И. Дмитриева // Новые Безделки. Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1995–1996. С. 147–150.
- И. А. Крылов* в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 60.
- Кубасов И.* Александр Ефимович Измайлов. 1779–1831 // РС. 1990. Июль. С. 64–65.
- Кудрявцев И. А.* «Вестник Европы» М. Т. Каченовского об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина // Тр. Моск. историко-арх. ин-та. 1965. Т. 22. С. 217.
- Кюхельбекер, 1979* – Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневники. Статьи. Л., 1979. С. 434–435.
- Лапиер.* Новая находка: из библиотеки И. И. Дмитриева // Самарский книжник 2. Самара. 2006. С. 335–361.
- Левин Ю. Д.* Оссиан в России // Джеймс Макферсон. Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 505, 557.
- Лернер, 1910* – Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910.
- Летопись, 1991* – Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991.
- Летопись, 1999* – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4-х т. / Сост. Н. А. Тархова; Науч. ред. Я. Л. Левкович. – М.: Слово / SLOVO. 1999.
- Литературный Вестник.* 1901. Т. 1. Кн. 1 (СПб., 1901). С. 41–42 (Письмо Ивана Ивановича Дмитриева к Александру Ивановичу Тургеневу).
- Литературная Газета* (Петербург, 1830–1831; редакторы-издатели: бар. А. А. Дельвиг и О. М. Сомов).
- Лобанов М. Е.* Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. СПб., 1847.
- Лонгинов, 1855* – [Лонгинов М. Н.] Два неизданные стихотворения И. И. Дмитриева // Москвитянин. 1855. Т. V. № 17–18. С. 15–16.
- Лотман Ю. М.* Писатель, критик и переводчик А. Я. Галинковский // «XVIII век». Сб. 4. Л., 1959. С. 237–238.
- Лотман Ю. М.* Стихотворение Андрея Тургенева «К Отчеству» и его речь в «Дружеском Литературном обществе» // ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 329.
- Лыжин Н.* Альбом Н. М. Карамзина / Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Кн. 2. С. 179.
- ЛН* – Литературное наследство. М., 1932. Т. 4–6; 1934. Т. 16–18; 1935. Т. 19–21; 1952. Т. 58.
- Майков Л.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.

- Марин С. Н.* Полн. Собр. соч. М., 1948.
- Мартынов И. Ф.* Книга в русской провинции 1760–1790 гг. Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 122.
- Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина / Приложение к репринтному изданию. М., 1988. С. 21.
- Могилянский, 1956* – Могилянский А. П. К уточнению некоторых данных первого тома “Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина” // Пушкин: Исслед. и мат. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 388–395.
- Морозов А. В.* Каталог моего собрания гравированных и литографированных портретов. М., 1912. Т. II. Табл. 154.
- Морской Сборник*, издаваемый от Морского Ученого Комитета. Т. IV. № 7. Июль. СПб., 1850. С. 37 (Письмо И. И. Дмитриева к Н. П. Резанову).
- Москвитянин*. 1855. № 23 и 24. С. 187.
- Московская изобразительная Пушкиниана*. М., 1986. С. 136.
- Моск. Вед.* – Московские Ведомости (газета).
- Моск. Вест.* – Московский Вестник.
- Моск. Зритель* – Московский Зритель.
- Моск. Меркурий* – Московский Меркурий.
- Моск. Сб.* – Московский Сборник. Т. 1. М., 1852.
- Моск. Тел.* – Московский Телеграф.
- Муза*, ежемесячное издание на 1796 год.
- Н. Натанов* [Эйдельман Н. Я.] Законами, но не кровью // Прометей. Т. 10. С. 201–205.
- Оксман Ю. Г.* К истории высылки Пушкина в 1820 г. // Пушкинский Временник. Т. 1. С. 195.
- Осват А. Л.* Источниковедческая заметка к «Медному всаднику» // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига, Москва. 1995–1996. С. 127–128.
- Отрывки из воспоминаний Бекетова* // Щукинский Сборник. М., 1903. Вып. 2.
- Отчет* Имп. Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. Приложения, с. 82.
- ОА* (римск. цифра – номер тома, араб. цифра – номер страницы) – Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. гр. С.Д. Шереметева. СПб., 1899–1913. Т. 1–4 / Под ред. и с примеч. В. И. Саятова; 1909–1913. Т. 5, вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.
- Пазухин А. А.* Родословная Пазухиных. П., 1914. С. 10.
- Памяти декабристов*: Сб. материалов. Л., 1926. Т. I.
- Памяти Дмитрия Ивановича Менделеева*. Семейная хроника. СПб., 1908.
- Пекарский*. О годе рождения Карамзина // Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 463 (приложение VI).
- Петухов Е. В.* Из истории одного литературного общества // ИВ. 1889. Т. XXXVII. № 7. С. 213.
- Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Кривцову* // Отчет имп. Публичной б-ки за 1892 год. СПб., 1895. Приложение. С. 31–40.
- Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому* – Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин. Исслед. и матер. Т. XI. С. 213–249.
- Письма посл. лет* – Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.
- Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980.
- Письмо И. И. Иовского* к князю П. А. Вяземскому от 17 октября 1837 г. // Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины (3 окт. 1837 г.). Спб., 1902. С. 34.
- Письмо М. П. Погодина* к М. А. Дмитриеву от 13 октября 1837 г. // Взгляд на мою

жизнь. Записки Действительного Тайного Советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях / Издание М. А. Дмитриева. М., 1866. С. 302–303.

Письмо А. В. Суворова к И. И. Рибасу от 4 октября 1794 г. // А. В. Суворов. Письма / Изд. под. В. С. Лопатин. М., 1987. С. 279–280.

Погодин, 1866 (римск. цифра – номер тома, араб. цифра – номер страницы) – Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. I–II.

Погодин. Приложение.

Погодин. Дневник – Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива. I. Дневники М. П. Погодина // Пушкин и его совр. Вып. XIX–XX.

Полевой – Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX века / Ред., вступ. ст. и коммент. Вл. Орлова. Л., 1934. С. 360–503.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830 (Первое собрание. Т. 1–30).

Полн. собр. стихотворений графа Хвостова. Т. 4. Басни и сказки.

Поэты-сатирики конца XVII – начала XIX в. Л., 1959. С. 158, 626, 631.

Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л. 1971. С. 442–445.

Пухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени: (По архивным материалам) // Русская литература. 1973. № 2. С. 162.

Пушкин. Временник. – Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936–1941. Т. 1–6.

Пушкин в восп. – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Изд. третье, дополненное / Сост., прим. В. Э. Вацуро, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. СПб., 1998.

Пушкин и его совр. – Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; Л., 1903–1930. Вып. I–XXXIX.

Пушкин. Исслед. и мат. – Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956–1967. Т. 1–5; Л., 1969–1986. Т. 6–12; 1990. Т. 15.

Пушкин. Переписка – Переписка А. С. Пушкина: В 2-х т. / Сост. и коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, И. Б. Мушиной, М. А. Турьян и др. М., 1982.

Пушкин. Письма. – Пушкин А. С. Письма: Т. I–III / Под ред. и с примеч. Б. Л. и Л. Б. Модзалевских. М.: Книга, 1989 (Пушкинская б-ка). Репринт. воспроизв. изд.: Тр. Пушкинского Дома. М.; Л., 1926–1935.

Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пг., 1922.

Раут, историч. и литерат. сборник, изд. Н. В. Сушковым. М., 1854. кн. 3-я. С. 315 (письмо И. И. Дмитриева к М. Н. Загоскину).

Рогожин, 1922 – Дела “Московской Цензуры” в царствование Павла I, как новые материалы для русской библиографии и словаря русских писателей. Вып. II. 1798 год / Редакция В. Н. Рогожина. Петроград, 1922.

РА – Русский Архив.

РА. 1863. № 8–9. Стб. 710–880 – Лонгинов М. Н. Материалы для полного собрания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева.

РА. 1864. № 11–12 Стб. 1251–1255 – Лонгинов М. Н. Дополнения к материалам для издания сочинений И. И. Дмитриева.

РА. 1866. № 8–9. Стб. 1331–1335 – Письмо Н. П. Рязанова к И. И. Дмитриеву (апрель 1803 г.).

РА. 1866. № 11–12 – Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву:

А. С. Шишкова (1) – Стб. 1616–1628;

В. А. Жуковского (7) – Стб. 1629–1642;

К. Н. Батюшкова (4) – Стб. 1642–1646;

- Д. Н. Блудова (12) – Стб. 1647–1690;
Кн. П. А. Вяземского (16, с 1818 по 1829) – Стб. 1691–1721;
А. С. Пушкина (4) – Стб. 1721–1726;
Н. В. Гоголя (3) – Стб. 1726–1730.
РА. 1867. № 4. Стб. 639–670 – Письма Александра Ивановича Тургенева к И. И. Дмитриеву (18 писем).
РА. 1867. № 5–6. Стб. 981–990 – Лонгинов М. Н. Неизданные шуточные стихотворения И. И. Дмитриева.
РА. 1867. № 7. Стб. 1072–1138 – Письма 1806–1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева к Александру Ивановичу Тургеневу (67 писем).
РА. 1868. № 4–5. Стб. 583–658 – Письма к И. И. Дмитриеву:
Д. В. Дашкова (12) – Стб. 583–602;
Кн. П. А. Вяземского (29) – Стб. 602–658.
РА. 1868. № 7–8. Стб. 1081–1102 – Письма 1803–1836 годов Ивана Ивановича Дмитриева к Дмитрию Ивановичу Языкову (24 письма).
РА. 1871. № 7–8. Стб. 961–1014 – Письма Александра Ефимовича Измайлова к Ивану Ивановичу Дмитриеву (1816–1830) – Стб. 961–1008 (23 письма).
РА. 1871. III. 2. Стб. 409–430 – Письма И. И. Дмитриева к В. А. Жуковскому (24 письма).
РА. 1871. Стб. 0148.
РА. 1880. III. С. 392–393.
РА. 1900. № 9. С. 6–54 – Неизданные письма В. А. Жуковского (письмо к И. И. Дмитриеву от 10 марта 1810, с. 8–10).
РА. 1902. № 8. С. 639 – Письмо И. И. Дмитриева к А. С. Норову.
РГАДА – Российский Государственный Архив Древних Актов (г. Москва).
РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства (г. Москва).
РГБ – Российская Государственная Библиотека (г. Москва).
Российской Музеум или Журнал Европейских Новостей (г. Москва; изд. В. В. Измайлов).
РНБ – Российская Национальная библиотека (г. Санкт-Петербург).
РВ – Русский Вестник (журнал).
РЛ – Русская Литература (журнал).
РС – Русская Старина (журнал).
РС. 1888. Декабрь. Т. 60. С. 585 – Письмо И. И. Дмитриева к А. А. Бестужеву.
РС. 1892. Июль. Т. 75. С. 100 – Письма, записки (в отрывках) И. И. Дмитриева к гр. Д. И. Хвостову.
РС. 1895. Август. Т. 83. С. 168 – К биографии И. И. Дмитриева. [1] Письмо министра внутр. дел И. И. Дмитриеву. [2] Собственноручное письмо И. И. Дмитриева кн. А. Б. Куракину.
РС. 1899. Февраль–Март – Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826).
РС. 1899. № 5 (Май). С. [416] – Письмо И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу от 29 мая 1821.
РС. 1901. № 4 (Апрель). С. 122; № 7 (Июль). С. 168 – Письма И. И. Дмитриева к гр. Н. П. Румянцеву.
РС. 1903. № 12. С. 703–720 – Неизданные письма И. И. Дмитриева к А. И. Тургеневу (26 писем).
РС. 1907. Июль. Т. 131. С. 153–154 – Записка обер-прокурора И. И. Дмитриева по жалобе киевского дворянства, поданная Генерал-Прокурору князю Куракину о неправильном выборе судей в Киевском уезде. 1798 Февраля 27 дня.
РС. 1908. № 6. С. 520 – Письмо министра юстиции И. И. Дмитриева к графу Ф. В. Ростопчину в 1812 г.

Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. (Библиотека Поэта. Большая серия). Л., 1975. С. 162.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. С. 517.

Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. С. 81, № 1681.

Сборник Отд. русск. яз. и словесности. Т. V. Вып. 2. С. XIX.

Сводный каталог русской книги. 1801–1825. № 451.

Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). Т. 1. (А – В). С. 80.

Северные Цветы на 1832 год.

Северный Меркурий.

Сиверс, 1913 – Сиверс А. А. Генеалогические разведки. Вып. I. СПб., 1913.

Силинская Г. Г. «Карманный Песенник» И. И. Дмитриева // РЛ. 1982. № 3. С. 143–149.

Н. Синяевский и М. Цявловский. Пушкин в печати. М., 1914. С. 95–96.

Сербинович, 1874 – Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича // РС. 1874. Т. XI. Сентябрь – Октябрь.

Смирнов С. Цензурные ведомости 1786–1788 годов // Оснадцатый век. Кн. первая. М., 1868. С. 437.

Смирнов-Сокольский, 1965 – Смирнов-Сокольский Ник. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965.

Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 179.

СН – Старина и Новизна.

Степанов В. П. – Степанов, В. П. Заметки о В. Л. Пушкине / Пушкин: Исследования и материалы. Т. XI. С. 250–267.

Стихотворения, Романы, Поэмы и Драматические сочинения. XVII – первая треть XIX в. / Описание рукописного отдела библиотеки Академии Наук СССР. Т. 4. Вып. 2. Л., 1980. С. 238–244.

СПБ. Ведомости – Санктпетербургские Ведомости (газета).

Старикова Л. М. Два письма актера Ивана Афанасьевича Дмитриевского // Памятники культуры. Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 137–145.

Старикова Л. М. Следствие излишней доверчивости к авторитетам, или как автором писем И. А. Дмитриевского оказался И. И. Дмитриев // Памятники культуры. Новые открытия. 1992 / Сост. Т. В. Князевская. М., 1993. С. 143–146.

Стихи Николаю Михайловичу Карамзину 1810 года Августа 10 дня (Из Петербурга) («Не можно сердцу век сражаться...») // Руской Вестник. 1810. Ч. XII. № 10. С. 130–136; подпись: Г. Хвостов.

Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе.

Тарасов Е. И. Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923. С. 399–405.

Труды Общества – Труды Общества Любителей Российской Словесности при имп. Московском университете.

Труды Черниговской губернской Архивной Комиссии. Чернигов, 1909. Вып. 2. С. 17.

А. Тургенев, 1964 – Тургенев А. И. Хроника русского; Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964.

Н. Тургенев, 1911–1921 – Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911–1921. Вып. 1–3. Дневники и письма Ник. Ив. Тургенева за 1808–1824 гг. / Под ред. и с примеч. Е. И. Тарасова.

Н. Тургенев, 1936 – Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936.

Учебная книга, 1820 – Учебная книга Российской словесности, или Избранные места

из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики, пиитики и истории Российской словесности (СПб., 1820. Ч. 3. С. 262).

Утро. Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным (М., 1866).

Формулярные и именные списки Софийского пехотного полка за 1795 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. № 857. Л. 65 об. – 66 (цит. по: М. Дмитриев, 1998. С. 512).

Храповицкий, 1862. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй / Изд. подг. Г. Н. Геннадии. М., 1862 (репринт: М., 1990).

ЦИАМ – Центральный Исторический Архив Москвы.

Цявловская Т. Г. Пушкин в дневнике Франтишка Малевского // ЛН. Т. 58. 1952. С. 226.

Чаадаев, 1991 (римск. цифра – номер тома, араб. цифра – номер страницы) – Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х т. М., 1991.

Частная переписка И. Р. Мартоса. 1817–1830. Киев, 1898. С. 6.

Черейский, 1989 – Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. М., 1989.

Шильдер, Н. К. Великий Князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // РС. 1901. Август. С. 225.

Шишков, 1870 – Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Berlin. 1870.

Шляпкин И. А. Берлинские материалы для истории русской литературы // РС. 1893. Апрель. Т. 78. С. 56.

Щеголев. Дуэль – Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Кн. 1–2. М., 1987.

Щукинский Сборник – Щукинский сборник. М., 1902–1910. Вып.: 1, 2 (С. 259–262); 10 (С. 378).

Языков, 1934 – Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1934.

Языков, 1988 – Языков Н. М. Свободомыслящая лира: Стихотворения; поэмы; жизнь Николая Языкова по документам, воспоминаниям / Сост. и автор вступит. статьи и прим. В. В. Афанасьев. М., 1988.

Языковский архив – Языковский архив / Под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. Вып. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829).

D Cyzevskyj (Zeitschrift für slavische Philologie. 1955. Bd. XXIII. Heft 2. S. 390).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аблесимов, Александр Онисимович (1742–1783) – 737 («второй тост»)

Абрамов – 213

Августин, архиепископ Московский и Коломенский (в миру Виноградский, Алексей Васильевич; 1766–1819) – 300

Авдотья Селиверстовна – 308

«Авенир Народный» – 790

Аверкиев, Иван Алексеевич – 261, 270, 278, 292

«Аврора» (изд. Х. Е. Рейхардт и Я. И. де-Санглен) – 193

Австрийский посол – 305

«Автор мелодрамы» – см. Пушкин, Алексей Михайлович

Агарев – см. Огарев

Агеев Петр, служитель Н. М. Карамзина – 82, 96, 100, 139

Д'Агессо – см. Сегюр д'Агессо

«Аглая» – 218, 219, 221, 259

Адашев, Алексей Федорович (?–1561) – 445

Аддисон, Джозеф (Addison, Joseph; 1672–1719) – 417, 457

Аделунг, Фридрих (1768–1843) – 379

«Адельсон» – см. Колычев, Василий Петрович

Адлерберг, граф Владимир Федорович (1791–1884) – 818

Ажбуков – 212

Азаис – 491

Азаричева, актриса – 546

«Азиатский Вестник» – 615

Айгустов – 719

«Академический журнал» («академические сочинения») – см. «Новые Ежемесячные Сочинения»

«Академический календарь» – 826

Академия Духовная (Петербург) – 350

Академия Круска (Accademia della Crusca, осн. в 1582) – 444

Академия Наук (Петербург) – 28, 443, 559

Академия Художеств (Петербург) – 345, 405, 785

Аксаков, Сергей Тимофеевич (1791–1859) – 638, 690, 717

Александр, портной И. И. Дмитриева – 376

Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. – 111 («Александр Павлович»), 112 («Наследник»), 117 («Наследник»), 154, 158, 196,

204, 215, 216, 218, 224, 225, 233, 239 («государь»), 240, 241, 242, 249, 252, 253, 268 («Государь»), 278, 279, 280 («Благословенный»), 282 («государь»), 283, 285, 291, 299, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 312, 313 («Император»), 315, 316, 317, 318, 320, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 331, 332, 339, 347, 353, 354, 355, 359, 366, 367, 369, 371, 375, 379, 380, 383, 384, 389, 404, 406, 407 («Государь»), 410, 412, 414, 416, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 430, 431, 433, 437, 439, 443, 447, 458, 465, 467, 472, 478, 487, 493, 495, 496, 498, 499, 500, 501, 503, 504, 505, 506, 507, 515, 527, 531, 532, 533, 534, 537, 539, 540, 541, 546, 547, 548 («Благодетель»), 550, 555, 561, 565, 566, 570, 573, 574, 575, 576, 578, 579, 580, 583, 591, 592, 595, 597, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 613, 614, 616, 617, 618, 620, 621, 622, 623, 628, 629, 630 (отъезд в Таганрог), 631, 635, 638 (кончина), 639, 642, 646, 647, 648, 649, 650, 652, 653, 655, 660, 662, 663, 669 (бюст), 756 (Александровская колонна, открытие), 774 (копии двух писем к Карамзину от 2 и 10 апреля 1824 г.), 776, 777, 778 (заговор 11 марта 1801 г.), 779, 780, 793, 821, 831

Александр Алексеевич – см. Плещеев, Александр Алексеевич

Александр Андреевич – см. Петров, Александр Андреевич

Александр Григорьевич – 42

Александр Григорьевич Белой, сын Григория Михайлович, внук Михаила Александровича – 335

Александр Иванович – 141

Александр Иванович – см. Дмитриев, Александр Иванович

Александр Ильич – см. Татаринов, Александр Ильич

Александр Казимир Ягеллон, вел. кн. Литовский, король Польши (1461–1506) – 337

Александр Николаевич, Великий Князь, будущий имп. Александр II (1818–1881) – 374, 375, 702, 714, 750 («Цесаревич»), 775 («присяга Наследника»), 821, 828

Александр Фе(о)дорович, кн. Смоленский, по прозв. Нетша, сын кн. Фе(о)дора Константиновича – 335

Александра Фе(о)доровна (урожд. Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798–1860), российская императрица, жена имп. Николая I – 357, 374, 376, 429, 641, 729, 759 («Царица»), 828

Алексеев, Михаил Павлович (1896–1981) –

147, 480, 184, 482, 486, 517, 586, 607, 636, 643, 674, 678

Алексей Александрович – см. Плещеев, Алексей Александрович

Алексей Михайлович (1629–1676) русский царь, с 1645 г. – 149, 337

Алексей Петрович, царевич – 534

«Альбом Северных Муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И. <А. И. Ивановским>» – 691

«Альбом Е. С. Хилковой» – 685 (стих. Дмитриева)

«Альбом Ланской» – 251

«Альманах на 1838 год...» – 827

Альтшуллер, М. Г. – 197, 199

«Альциона. Альманах на 1832 год. Издан бароном Розеном» (СПб., 1832) – 735, 754

Амвросий (в миру Подобедов, Андрей Иванович), митрополит Новгородский и Санктпетербургский (1742–1818) – 279, 373

Амвросий (в миру Протасов, Алексей Иванович; 1762–1841) – 685

Анакреонт (Ἀνακρέων; 572–487 до н. э.) – 47, 100, 827

Ананьевский, обер-секретарь сената – 127

Анастасевич, Василий Григорьевич (1775–1845) – 238, 545

«Анатомический Амфитеатр» («Войдем без содрогания в сие святилище ... ~ ... и тогда перестанут течь слезы») – 694

«Английский клу(о)б» – 190, 306 (в Петербурге), 358, 381, 432, 564, 654, 668, 669, 679, 689, 692, 732 (Москва, совмест. обед с Пушкиным), 737 (анекдот), 738, 769, 774, 776, 811, 832

Ангулем, герцогиня – 574

Андрей Георгиевич (Юрьевич) Боголюбский, кн. Владимиро-Суздальский (ок. 1111–1174) – 335

Андрей Дмитриевич, боярин – 335

Андрей Тимофеевич, сын Тимофея Семеновича, внук Семена Григорьевича Внука – 335

Андрие, Ф. Г. – 412

«Андромаха» («Andromaque», трагед. Ж. Расина) – 605

Андросов, Василий Петрович (1803–1841) – 678, 788

«Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве...» – 214

Анитова, Анна Алексеевна, урожд. Гурьева (ум. не ранее 1835) – 801

Анитова, Елизавета Михайловна – см. Дмитриева, Елизавета Дмитриевна

Анна Иоанновна (1693–1740), герцогиня Кур-

ляндская, российская императрица с 1730 г. – 22, 458, 579, 808

Анна Николаевна – 40

Анна Павловна, великая княгиня и впоследствии королева Нидерландская (1795–1865) – 310, 312, 618, 629, 817

Анна Сергеевна – см. Порошина, Анна Сергеевна

Анна Стюарт, кор. Англии (1664–1714) – 457

Анна Федоровна, первая супруга вел. кн. Константина Павловича – 458

Анненков, Павел Васильевич (1812 или 1813–1887) – 459, 615

Аннибал – см. Ганнибал, О. А

«Аннюар» – см. «Annuaire historique universel, ou Histoire politique...»

Анохина, Т. Г. – 217, 236, 259, 352, 357, 525, 688,

Ансильон, Фредерик (Ancillon, F.; 1767–1837) – 274, 568

Анстетт, барон – 638

Антонов, Александр Юрьевич – 12

Антонский – см. Прокопович-Антонский, Антон Антонович

Антонский, Виктор Антонович, архимандрит – 387

Аполлон Николаевич – см. Бекетов, Аполлон Николаевич.

«Аполлонова шутка» – см. Остолопов, Н. Ф.

Ар – 755

Аракчеев, Алексей Андреевич (1769–1834) – 146, 277, 285, 286, 290, 303, 308 («вельможа»), 309, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 330, 333, 342, 383, 410, 411, 425, 426, 558, 601, 602, 608, 629, 635 («Важный государственный человек»), 641

Арапов, Пимен Николаевич (1796–1861) – 186

Арбенин, Иосиф Иевлевич, командир Измайловского полка – 107

Арбенева, Марфа Ивановна, жена И. И. Арбенева – 107

Аргунов, Иван Петрович (1729–1802) – 405

Арендт, Николай Федорович (1785–1859) – 740

Арефий Васильевич, по прозвищу Нехороший – 335

Аржанс, Жан Батист де Буайе д' (Argens, Jean Baptiste de Boyer d'; 1704–1771) – см. «Приключения кавалера де***»

Аржевитинов – 762

«Арзамас» (лит. общ.) – 308, 309, 310, 312, 314, 317, 318, 347, 373, 400, 444, 452, 457 («арзамасцы»)

- Арзуманова, М. А. – 199
- Ариосто, (Ariosto, Ludovico; 1474–1533) – 80 («Ариост»), 444, 514, 752 («Неистовый Орланд». втор. изд.)
- Аристофан (446–388 до н. э.) – 550, 557
- Арлевиль – 41
- Армяне – 83
- Арнаутов, капрал Семеновского полка – 94, 105
- Арно, Антуан Венсан (Arnault, Antoine-Vincent; 1766–1834) – 450, 651, 766 (Arnault)
- Арнольд, Н. – 211
- Арсеньев – 30, 31
- Арсеньев, Константин Иванович (1798–1865) – 530, 821
- Архаров, Николай Петрович (1742–1815) – 26, 112, «Археологический журнал» – 657
- Аршеневский, Илья Яковлевич (1755–1820) – 432
- Астракова – 357
- «Атений. Журнал наук, искусств и изящной словесности...» (М., 1828–1830; изд. М. Г. Павлов) – 691
- Афанасьев, Александр Константинович – 13, 61, 644
- Афанасьев, М. Д. – 12
- «Афинские письма...» – 179
- Ахматов, капитан – 95
- Ашанин – см. Ошанин.
- Б**
- Бабарыкины – 402
- «Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития» (1829–1831; изд. В. С. Филимонов) – 698, 703 («шадущая бабочка»)
- Багрянский, Михаил Иванович (1761–1813) – 64
- Баженова, домовладелица в Петербурге – 327, 366
- Базанов, В. Г. – 450, 452, 543
- Базен – 795
- Байков, Илья Иванович, лейб-кучер Александра I – 542, 546
- Байрон, Джорж Гордон Ноэл (Byron, George Gordon Noël; 1788–1824) – 444, 457, 488 («Байроновы поэмы»), 498, 599 (о кончине), 610, 612 («Дон-Жуан»), 615 («Бейрон»), 619 (здесь: Д. И. Хвостов), 630, 783 («Байроновым Ларою»), 802, 805
- Бакиров, В. И. – 13
- Бакунин, Павел Петрович – 122
- Балакин, А. – 11, 505, 605, 632, 633, 658, 728, 773, 813
- Балашов, Александр Дмитриевич (1770–1837) – 241, 242, 314, 317, 328, 375, 485, 538, 555, 560, 563, 576, 588, 599, 621, 623, 655, 797 (письмо Дмитриева), 805 (письмо Дмитриева)
- Балашова, Анна Александровна – см. Волконская, княгиня Анна Александровна
- Бальзак, Жан-Луи Гёз де (Balzac J. L. Guez de; 1797–1854) – 20, 276, 766, 769
- Бантыш-Каменский, Дмитрий Николаевич (1788–1850) – 27, 28, 29, 31, 53, 114, 203, 715, 773, 774 (встреча с Дмитриевым)
- Бантыш-Каменский, Николай Николаевич (1737–1814) – 192, 388
- Баранов, Дмитрий Осипович (1773–1834) – 555
- Барант (Barante), барон Амбаль Гильом Проспер Брюжьер (1785–1866) – 789, 790, 818
- Баратынский, Евгений Абрамович (1800–1844) – 625, 626, 636, 653, 677, 688 («Стихотворения Евгения Баратынского», дар Дмитриеву), 695, 696 («Бесенок» («Слышал я, добрые друзья...»)), 707, 710, 711, 712, 788, 791, 805, 810, 817, 818
- Бардовский, Яков Иовлевич (1779–1851) – 264
- «Барон Брамбеус», «Брамбеус» – см. Сенковский, О.-Ю. И.
- «Барон Пельниц» – см. Пельниц, Карл Людвиг фон
- Бароний, Цезарь (Baronio, Cesare; 1538–1607) – 21 («Всемирная История»)
- Барсуков, Николай Платонович (1838–1906) – 292, 384, 491, 611, 633, 674, 688, 710, 788, 791
- Бартелеми, Жан-Жак (Barthélemy, Jean Jacques; 1716–1795) – 179
- Бартенева, Петр Иванович (1829–1912) – 322
- Бартенева, Юрий Никитич (1792–1866) – 822
- Барятинские – 111, 131, 448, 488
- Бастидон, Александр Яковлевич – 107
- Батонди – 477
- Баторий, Стефан – 768, 820
- Баттё, Шарль (1713–1780) – 190, 204
- Батюшков, Константин Николаевич (1787–1855) – 155, 213, 217, 254, 236, 256, 257, 292, 293, 294, 301, 319 («Ахилл»), 320, 344, 346, 351, 354, 355, 357, 359, 375, 377, 381, 383, 397, 402, 403, 404, 405, 418, 422, 423, 434, 439, 444, 450, 457, 471, 488, 489, 492, 493, 497, 505, 516, 531, 533, 534, 556, 570, 573, 586, 671, 673, 776, 788, 790, 824
- Письма к И. И. Дмитриеву:
10 августа 1817 – 352–353
26 октября 1817 – 358–359

- 22 февраля 1818 – 369
 31 октября 1818 – 391
 «Вам, вам плещут Хариты...» – 516
 «Мои Пенаты» («С Эротами играя...») – 304
 «Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова» (СПб., 1817. Ч. 1) – 351–352
 «Послание к Ж.[уковскому] и В.[яземскому]» – 254
 «Похвальное слово сну» – 217 (цитата из стих. Дмитриева «Подражание Тибуллу»)
 «Предслава и Добрыня» – 236
 «Прогулка по Москве» – 254 (цитата из стих. Дмитриева к «К А. Г. С<еверино>й»)
 «Путешествие в Сирей» – 294
 «Чужое – Мое Сокровище» – 355
 Батюшков, П. Н. – 417
 Батюшкова, А. Н. – 256
 Бахметев, Алексей Николаевич (1774–1841) – 635 («наш Бахметев»)
 Безак – 290
 Безбородко, граф (потом князь) Александр Андреевич (1746–1799) – 52, 627, 755
 Безобразова – 549
 Бейль (Бель), Пьер (Baile, P.; 1647–1707) – 630 («словарь» – «Dictionnaire historique et critique» (Vol. 1–16. Nouv. éd. (IX-e). Paris, 1820–1824))
 Беккариа, Чезаре (Beccaria, Cesare; 1738–1794) – 162 («Рассуждение...»)
 Бекетов, Александр Аполлонович – 619, 637, 792, 798
 Бекетов, Аполлон Николаевич (двоюродный брат И. И. Дмитриева) – 47–48, 66 (с ошибкой в отчестве: Иванович), 117, 637
 Бекетов, Афанасий Алексеевич – 19
 Бекетов, А. П. – 206
 Бекетов, Иван Петрович (1761–1835) – 29 (письмо), 31, 37 (письмо), 39 (письмо), 42–43 (письмо), 44, 112, 136, 378, 380, 382, 454, 549, 550, 680, 785 (кончина), 789
 Бекетов, Ипполит – 793
 Бекетов, Никита Афанасьевич (1729–1794) – 20, 27, 40, 81, 82, 95,
 Бекетов, Петр Афанасьевич (1732–1796) – 18, 27, 31, 107
 Бекетов, Петр Петрович (1775–1845 или 1849) – 38, 88, 89, 793, 798
 Бекетов, Платон Петрович (1761–1836) – 18, 37 (письмо), 41 (письмо), 42–43 (письмо), 44, 48, 79, 88, 91, 108, 115, 129, 131, 137, 149, 150, 153, 164, 166, 177 («типографщик»), 199, 201, 205, 207, 209, 217 (дарственная надп. И. И. Дмитриеву), 219, 220, 230 (дарственная надп. Дмитриева), 232, 241, 356, 442, 514, 545, 551, 575, 601, 643, 652, 668, 680–681 (письмо и стихи Дмитриева), 724, 740 (помощь Калайдовичу), 792 (кончина), 793 (архив), 794 (судьба архива), 797 (о рукописях), 798, 802, 812, 813
 Бекетова, Анна Григорьевна, урожд. Репьева – 18
 Бекетова, Ирина Ивановна, урожд. Мясникова (1741–1823) – 576
 Бекетова, Прасковья Петровна, урожд. Опочинина – 47, 798
 Бекетовы – 327, 573
 Беклемищев – 182
 Беклешов, Александр Андреевич (1743–1822) – 145
 Белинский, Виссарион Григорьевич (1811–1848) – 788, 794, 799, 814
 Беллизар (Bellizard), Фердинанд Михайлович (1798–1863) – 700, 707, 741, 742, 744
 Белобородов – 747
 Белосельская-Белозерская, княгиня Анна Григорьевна, урожд. Козицкая (1773–1846) – 42 (княгиня?)
 Белосельские – 588
 Белосельский-Белозерский, князь Александр Михайлович (1752–1809) – 41, 143
 Белоусов, симбирский дворянин – 592
 Белугин – 755
 Бельмонт – 21
 Бельский, кн. Иван Дмитриевич – 335
 Беляев, Михаил Дмитриевич (1884–1955) – 686
 Белякова, Наталия Васильевна – 13
 Бем, А. – 702
 Бем (Беэм), Яков (Böhme; 1575–1624) – 250
 Бенедиктов, Владимир Григорьевич (1807–1873) – 789
 Бени(т)цкий, Александр Петрович (1782–1809) – 208
 Бенкендорф, Александр Христофорович (1781–1844) – 359, 713, 816
 Бентам, Иеремия (Bentham, Jeremiah; 1748–1832) – 435
 Берисфорд, Бенджамин (B. Beresford) – 333
 Берлинская Королевская библиотека – 778 (авторграфы Карамзина и Дмитриева)
 Берри, герцог Шарль Фердинанд де Бурбон (Berry, Charles Ferdinand de Bourbon de; 1778–1820) – 451, 470
 Бертран (Bertrand), граф – 400
 «Беседа любителей русского слова» – 239, 240, 244, 263, 269, 457, 768 («покойная»), 769 («новая»)

- Беспалова, Елена Константиновна – 334
- Бестужев, Александр Александрович (1798–1837) – 472, 549, 550, 551, 555, 563, 564, 567, 568, 569, 5760, 578, 584, 587, 589, 590, 596, 598, 600, 607, 621, 622, 626, 633, 641
- «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.» – 584, 590
- «Взгляд на старую и новую словесность в России» – 550, 555, 558 (критика статьи Карамзиным)
- «Роман и Ольга» – 551 (эпиграф из Дмитриева)
- Бестужев, Андрей Васильевич – 270
- Бестужев, Василий Борисович – 39
- Бестужев-Рюмин, А. Д. – 265, 271, 272
- Бецкий, Иван Иванович (1704–1795) – 110, 585
- Бибиков, Александр Ильич (1729–1774) – 28, 51
- Бибиков, Дмитрий Гаврилович – 631, 635 («наш жених»), 786, 787
- Бибикова, Софья Сергеевна, урожд. Кушникова – 786
- «Библиографическая Листы 1825 года» (СПб., 1826) – 612
- «Библиотека для чтения» – 764, 769, 770, 771, 772, 774, 775, 788, 795, 796, 806, 829
- Библия – 21 («Острожская»), 318
- Бильфельд – 435
- Биньон – 493
- «Биографическая сведения о Князе Димитрее Михайловиче Пожарском» (авт. А. Ф. Малиновский) – 365
- Бирон, В. (капитан кор. «Виллиям») – 52
- Бирон, Иоганн Эрнест (1690–1772) – 22 («Прилиц»), 458
- Бируков, Александр Степанович (1774–1844) – 517, 522, 549, 559, 584, 595, 621
- «Благонамеренный» (СПб., 1818 – 1826; издатель А. Е. Измайлов) – 369, 386, 412, 414, 448 (о собрании Рос. Акад. 8 января 1820 г.), 449, 452, 455, 466, 469, 472, 521, 522, 523, 533, 546, 555, 557, 561, 588 (о 6-м изд. соч. Дмитриева), 590, 593, 594, 683, 703
- «Благословенный» – см. Александр I
- Бланк – 790
- Блудов, граф Дмитрий Николаевич (1785–1864) – 199, 201, 202, 208, 212, 232, 248, 253, 261, 272–273 (письмо Дмитриева), 292, 298 («Видение»), 319 («Касаандра»), 326, 350, 352, 361, 371, 375, 384, 385, 399, 415, 416, 417, 439, 450, 456, 457, 467, 469, 470, 471, 474, 495, 521, 524, 527, 530, 540, 541, 550, 555, 558, 565, 570, 572, 592, 620, 628, 637, 661, 669, 670, 671, 672, 673, 683, 686, 690, 695, 696, 698, 714, 715, 720, 726 («блуд»), 732, 738, 739, 741, 742, 744, 746, 748, 750, 753, 754, 761, 763, 764, 766, 767, 786, 787, 800, 802, 803, 806, 807, 808, 809
- Письма к И. И. Дмитриеву:
- 6 апреля 1820 – 456–457
- 27 июля 1820 – 469–470
- 3 ноября 1825 – 637–638
- 23 ноября 1826 – 672–673
- 11 декабря 1827 – 686–687
- 26 февраля 1828 – 690
- 17 ноября 1828 – 695
- 25 декабря 1828 – 696
- 31 января 1829 – 698
- 29 января 1833 – 753
- 30 мая 1836 – 800
- 11 октября 1836 – 806
- «Видение» – 298
- Блудова, Анна Андреевна, урожд. кн. Щербатова (1777–1848) – 273, 673
- Блудова, Антонина Дмитриевна (1815–1882) – 729
- Блумфельд, Роберт – 216
- Бобринская, графиня Анна Владимировна, урожд. Унгер-Штернберг (1769–1846) – 412
- Бобринский, граф Алексей Алексеевич (1800–1868) – 797, 818
- Бобринский, граф Алексей Григорьевич (ум. 1813) – 271
- Бобров, Семен Сергеевич (1763 или 1765–1810) – 67 («стихи его»: «Бландузский ключ. Из Горация»)
- Боброва, М. И. – 13
- Богарне, Евгений – 472
- Богданов, А.(?) – 525
- Богданов, Виталий Вячеславович – 12
- Богданов, сызранский городничий – 806
- Богданович, Ипполит Федорович (1743–1803) – 207, 208, 217 («Собрание сочинений...»), 255, 544, 575, 581, 583, 719, 737 («второй тост»)
- Богданович, Петр Иванович (1776–1816) – 207
- Боголюбов, Варфоломей Филиппович (1785–1842) – 208, 215, 834
- Болдина, Е. Г. – 13
- Болдырев, Алексей Васильевич (1780–1842) – 404, 505
- Боленко, Константин Григорьевич – 14, 46, 48, 517, 520, 556, 565, 576, 578, 601, 627, 630, 632, 634
- Болотников, Алексей Ульянович (1760–1828) – 271, 277, 286, 464
- Болотов, Андрей Тимофеевич (1738–1833) – 104

- Болховитинов – см. Евгений, митрополит.
 «Большой выход» (правильнее: «Большой выход у Сатаны») – см. Сенковский, О. И.
 «Большой исторический, мифологический, статистический, географический и литературной словарь Российского государства» (М., 1836; изд. не окончено) – 792
 Бонне, Шарль (Bonnet, Charles; 1720–1793) – 834
 Бонштетен (Бонстетен), Карл Виктор (Bonstetten, Karl Wiktor; 1745–1832) – 773
 Борг, Карл Фридрих фон дер (1794–1848) – 297, 298
 Борисов, экономический крестьянин – 648
 Борн, Иван Мартынович (1778–1851) – 185, 190–191
 Бородинское сражение – 260
 Бороздна, Василий Петрович (1793–1850-е гг.) – 817
 Боссюэ (Боссюэт), Жак Бенинь (1627–1704) – 779
 Боуринг, Джон (Bowring, John) – 507, 516, 586, 607
 Бравурша – см. Дубенская, В. И.
 Брагина, Анна Григорьевна – см. Северина, Анна Григорьевна
 Брайко, Григорий Леонтьевич (нач. 1740-х гг.–1793) – 568
 Брей (de-Bray), Франциск-Гавриил (1765–1832) – 360
 «Бригадир» – см. Одоевский, В. Ф.
 Бридон, (автор Voyage en Italie) – 122, 124
 Броглио, Анна Петровна, урожд. Левашева – 811
 Брوليو – см. Броглио
 Броневский, Семен Михайлович (1764–1830) – 585, 722
 Бруни, Антон Осипович (Бароффи-Бруни, Антонио; 1767–1825) – 322
 Брюллов, Карл Павлович (1799–1852) – 761 (портрет А. И. Тургенева), 789 («Последний день Помпеи»), 796, 820
 Брюс, Генрих – 534
 Брюс, граф Яков Александрович (1729–1791) – 27
 Брянцев, Андрей Михайлович (1749–1821) – 80
 Буало-Депрео, Никола (Boileau-Despréaux, Nicolas; 1636–1711) – 20, 30, 211 («Satire II à Moliere accord de la Rime et de la raison»), 263, 274, 355, 381, 388, 488, 618, 722, 723
 Буасар, Жан Жак (Boissard, Jean Jacques; 1528–1602) – 203 («Le lynx et le taure...») <«Рысь и Крот»> – 209
 Бувит – 176
 Булгаков, Александр Яковлевич (1781–1863) – 182, 215, 225, 231, 256, 257, 266, 279, 299 (письмо Дмитриева), 305, 374, 383, 452, 454, 457, 462, 524, 535, 679, 724, 725, 726, 727, 740 (о Калайдовиче), 745, 764, 767, 768 (письмо Дмитриева), 812, 816, 821, 822
 Булгаков, Иван – 712
 Булгаков, Константин Яковлевич (1782–1835) – 224, 279, 452, 454, 462, 475, 552 (письмо Дмитриева), 679 («брату»), 725, 726, 727, 761, 767
 Булгаков, Николай Алексеевич – 37
 Булгаков, Яков Иванович (1743–1809) – 68
 Булгаковы – 221, 222, 764, 821
 Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789–1859) – 550, 552, 561, 562, 568, 589 (реценз. на 6-е изд. и предис. кн. Вяземского), 590, 591, 595, 596, 613, 614, 616, 626, 657, 679, 690, 702 («Выжигин»), 720, 722, 723, 739, 741, 761, 765, 768, 771, 795, 804 (письмо Дмитриева), 831
 «Дмитрий Самозванец» (СПб., 1830ч. 1–4) – 701 («Стан Димитрия Самозванца»)
 «Иван Выжигин» (СПб., 1829. Ч. 1–4) – 701, 702, 704, 706
 «Краткое обозрение Русской литературы 1822 года» – 568
 Булдаков – 614
 Буле, Иоганн Феофил (1763–1821) – 178
 Бульвер, Эдвард Джорж (Bulwer-Lytton, Edward George; 1803–1873) – 765
 Бунина, Анна Петровна (1774–1828) – 173, 210, 546
 Бурбоны – 279, 472, 473
 Буслаев, Петр (ум. 1730–1740-е гг.) – 467
 Бутенев, Аполлинарий Петрович – 349, 378, 531
 Бутков, Петр Григорьевич (1775–1857) – 809
 Бутырский, Никита Иванович – 720
 Бухарин, Иван Яковлевич – 722
 Бухарина, Вера Ивановна (1813–1902), в замуж. Анненкова (с 1832 г.) – 726, 736
 Бухарцы – 83
 Быков, Михаил Егорович – 435
 Быкова, Т. А. – 479, 486, 541
 Бюффон, Жорж Луи (Buffon, Georges Louis; 1707–1788) – 129, 466, 657, 779
 Бэкон, Френсис (Bacon, Francis; 1561–1626) – 790

В

- В.<олконская?>, княгиня – 341
 «В его Истории изящность, простота...» – 368
 «В удовольствие и пользу. Труды воспитанников

- Университетского Благородного Пансиона...» – 236 (дарственная запись Дмитриеву), 259
 «В Хвостова Притчах мы читаем...» – 657
 Вадиус – 408
 Валуев, Петр Александрович (1815–1890) – 801 (в гостях у Дмитриева), 802, 803
 Валуев, Петр Степанович – 213
 Валуева, Мария Петровна, урожд. княжна Вяземская (1813–1849) – 801 (в гостях у Дмитриева), 802, 803, 827
 Ванька-Каин – 719, 826
 Варнек, Александр Григорьевич (1782–1843) – 377, 458
 Василий Александрович, сын Александра Григорьевича Белого – 335
 Василий Андреевич, кн., по прозв. «Виселица» (род Нетши) – 335
 Васили(е)й Дмитриевич, сын Дмитрия Дмитриевича – 335
 Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Ивановича, внук Ивана Даниловича – 335
 Василий Иванович, великий князь Московский (1479–1533) – 280, 337
 Василий Иванович, сын Ивана Григорьевича Старого – 335
 Василий Иванович, сын Ивана Семеновича Внука – 335
 Василий Михайлович – см. Карамзин, Василий Михайлович
 Василий Семенович, сын Семена Андреевича Плото – 335
 Василий Семенович, сын Семена Григорьевича Внука – 335
 Василий Сергеевич – см. Подшивалов, Василий Сергеевич
 Василия Блаженного церковь (Москва) – 23
 Василия Кесарийского приход (на Тверской в Москва) – 53, 54, 82
 Ватковская, в замужестве Кривцова – 476
 Вахтанг, грузинский царь – 273
 Вацуро, Владимир Эразмович (1935–2000) – 94, 141, 194, 273, 299, 329, 348, 368, 403, 552, 556, 559, 563, 567, 570, 578, 598, 599, 608, 630, 637, 666, 669, 673, 679, 682, 683, 689, 694, 696, 702, 703, 706, 707, 708, 709, 710, 750, 756, 785
 Вележев, сызранский секретарь – 66
 Велижев, Михаил Брониславович – 11, 61, 505, 605, 632, 633, 658, 728, 773, 813
 «Велисарий» (вероятно: «Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге» (М., 1768)) – 21, 643
 Веллингтон, герцог Артур Коллей Уелсли (1769–1852) – 332
 Вельяминов-Зернов – 822
 Вельяминов-Зернов, Владимир Федорович (1784–1831) – 178, 404
 Вельяшев – 314, 315,
 Вельяшев-Волынцев, Дмитрий Иванович (1774–1818) – 331
 Венгеров, Семен Афанасьевич (1855–1920) – 236
 Веневитинов, Дмитрий Владимирович (1805–1827) – 633, 674, 676, 677, 678 (кончина), 679, 682
 «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов» (М., 1831. Ч. 1–4) – 717 («Амур и Дружба»)
 Вера Сергеевна – см. Кушникова, Вера Сергеевна
 Вербицкий, Андрей – 574
 «Вергилиевы Геогики: Перевод А. Р.» (М., 1821) – 501
 Вергилий (Виргилий) Марон, Публий (Vergilius Maro, Publius; 70–19 гг. до н. э.) – 23, 454, 493 («Георгики»), 501, 502, 505, 511, 512, 513, 514, 520, 550 («Энеиды»), 557 («Энеиды» в перевод. Жуковского), 558, 580, 652 («Георгики»), 700 («Георгики»), 773
 Вережкин, моск. комендант – 508
 Верещагин, Михаил Николаевич (1789–1812) – 261
 «Вертеровы чувствования или несчастный М-въ (Масловъ)» – см. Клушин, А. И.
 Веселовский («какой-то») – 792, 793
 «Весенние Цветы, ил Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и пр.» (М., 1835) – 791
 «Вестник Европы» – 152, 154, 157, 158, 161, 163, 166, 170, 174, 178, 181, 183, 184, 186, 188, 190, 191, 193, 194, 195, 200, 204, 209, 212, 213, 217, 232, 254, 275, 282, 283, 284, 292, 294, 370, 379, 381, 382, 384, 386, 390, 398, 401, 411 (разбор двух перев. на фр. яз.), 414, 416, 417, 421, 438, 443, 446, 450, 453, 463 («Вестник Европы»), 468, 469, 490, 491, 492, 493, 505, 540 (сообщ. о подпис. на 9-й т. пер. на фр. яз.), 594, 595, 597, 607, 623, 626, 639, 644, 666, 667, 689, 691, 706, 754
 «Вестник Естественных Наук и Медицины, издаваемый Доктором Медицины Александром Иовским» (1828. № 5. Сентябрь) – 694
 Вивьен де Шатобрен, Иосиф Евстафий (Иван Оспович; 1793–1852) – 514
 Вигель, Филипп Филиппович (1786–1856) – 143, 319 («Ивиков Журавль»)

- Виельгорская, графиня Луиза Карловна, урожд. принцесса Бирон (1791–1853) – 828, 830
- Виельгорский(е) (Вельгорский(е), Вилгурский(е)) – 762, 763, 776, 786, 787, 795, 799, 805, 816
- Виельгорский, Матвей Юрьевич (1794–1866) – 741, 746
- Виельгорский, Михаил Юрьевич (1788–1856) – 741, 746, 816, 818, 828
- Виже, Луи Жан Батист Этьен (Vigée; 1768–1820) – 41
- Виланд, Кристоф Мартин (Wieland, Christoph Martin; 1733–1813) – 148 («Оберон»), 284, 429, 471
- Виленский Университет – 678
- Вилламов, Григорий Иванович (1771–1842) – 265 (письмо Дмитриева), 266 (записка Дмитриева), 278, 280 (письмо Дмитриева), 323, 374
- Вилламова – см. Саблина.
- Вилламова, Елизавета Ивановна – см. Ланская, Елизавета Ивановна
- Виллиамс, капитан – 52
- Виллие (Вилье), Яков Васильевич (sir James Wylie; 1765–1854) – 294, 591
- Вильгельм II, принц Оранский, впоследствии король нидерландский (1792–1849) – 312, 323, 357, 376
- Вильгельм, принц – 376
- Вильгельм Петрович – 40
- Вильи – см. Виллие, Яков Васильевич
- Вильковский, Емельян Кириллович – 37
- Виноградов – 834
- Виноградов, Б. – 260
- Виноградов, Виктор Владимирович (1894–1969) – 57
- Винцингероде, граф Фердинанд Федорович (1770–1818) – 309
- Вир, доктор – 33
- Витберг, Александр Лаврентьевич (1787–1855) – 379
- Витовтов, Александр Александрович – 129
- Витгенштейн, граф Петр Христианович (1768–1842) – 581, 691, 820
- Вихман, скульптор – 772, 775
- Владимир II (Василий) Всеволодович Мономах, вел. кн. Киевский (1053–1125) – 225, 334, 335
- Власов, Александр Сергеевич – 616
- Водопьянов, Никита (моск. книгопродавец и переплетчик) – 74
- Воейков, Александр Федорович (1779–1838) – 84, 186 («...обозрение российских журналов»), 231, 294, 297, 298, 340, 348, 404, 408, 466, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 478, 489, 491, 493, 496, 517, 535, 550, 556, 557, 591, 597, 606, 626, 674, 693, 722, 723 («умирающий»), 769, 795, 798, 801, 814, 815 («покойный»)
- «О новом издании стихотворений И. И. Дмитриева» – 591
- «Парнасский Адоес-Календарь» – 408
- «Разбор поэмы Руслан и Людмила, сочин. Александра Пушкина» – 472
- «Хвала, наш Дмитриев! Ты в Оде, Песне, Сказке...» – 591
- Воейкова, Александра Андреевна, урожд. Протасова (1795–1829) – 158, 535
- «Военный Журнал» (Петербург, 1816–1817; изд. Ф. Глинка) – 347
- Войско Донское – 221
- Войцехович, Иван П. – 507, 585
- Волков, Александр Абрамович (1788–1845) – 404, 491, 508, 570, 620, 643, 678, 679, 686, 707 («К И. И. Дмитриеву»)
- «И. И. Дмитриеву. По случаю получения им золотой первой степени медали от Императорской Российской Академии» («Ты путь, назначенный судьбами...») – 570
- «К Симбирским жителям. По случаю постановления портрета Ивана Ивановича Дмитриева в зале Симбирского Благородного Собрания» – 686
- «Освобожденная Москва...» – 643
- Волков, П. А. – 822
- Волконская, княгиня Анна Николаевна, урожд. Репнина – 387
- Волконская, княгиня Зинаида Александровна, урожд. княжна Белосельская-Белозерская (1792–1862) – 679, 724
- Волконская, княжна – 328
- Волконский, князь Григорий Семенович – 284
- Волконский, князь Петр Михайлович (1776–1852) – 325, 506, 507, 691
- Волынский, Артемий Петрович (1689–1740) – 578
- «Вольное Общество любителей словесности, наук и художеств» – 155, 185 (избр. Дмитриева почет. членом), 258, 359, 369, 372, 379, 386, 413, 441, 450, 451, 452, 453, 501, 502, 513, 526, 543, 567, 568, 569, 580, 620, 713
- Вольпат – 772
- Вольтер (псевд.), наст. имя: Аруэ, Франсуа-Мари (Arquet, François-Marie; 1694–1773) – 45, 58, 59, 67, 84, 125, 195, 204, 205, 208, 385, 386, 388, 389, 401 («Генриада»), 421, 423, 428, 441, 445, 471 («Век Людовика XIV»), 499 («Заира, Трагедия в пяти действиях <...> Перевел Илья Полугарский»)

- (М., 1821)), 536, 618, 620, 630, 638, 672, 679, 682, 683, 686, 698, 715 («ливрезоны»), 753, 763, 772, 793 («История Петра Великаго»)
- Вордсворт, Уильям (Wordsworth, William; 1770–1850) – 732 (Вордсворт)
- Воронцов, граф Александр Романович (1741–1805) – 627
- Воронцов, князь Михаил Семенович (1782–1856) – 622, 627
- Воронцов-Дашков, И. И. – 122
- Воронцова, графиня Авдотья Ивановна – 127
- Воронцова, графиня Ирина Ивановна, урожд. Измайлова – 121, 122
- Воропаев, В. А. – 742, 743, 748
- Воропаева, И. А. – 742, 743, 748
- Востоков, Александр Христофорович (Остенок, Александр-Вольдемар; 1781–1864) – 188, 202, 203, 204, 205 (письмо к Дмитриеву), 497, 525
- «Вот резкая черта безсильных подлецов...» – 619
- Вронченко, граф Михаил Павлович (1801–1852) – 627
- Всеволод (Гавриил) Мстиславич, кн. новгородский, переяславский, псковский (ум. 1137) – 820 («*Non potest teum nemini dabo*» <<Чести моей никому не дам>>, надпись на его мече)
- Всеволожский, Всеволод Андреевич (1769–1836) – 95
- Всеволожский, Н. А. – 331, 332, 338, 614
- «Всеобщая история Г. Сегюра» – 568
- Второв, Иван Алексеевич (1772–1844) – 154
- Вуатюр – 20, 276
- «Выпись о происхождении и службах Дмитриевых» – 334–337,
- Высоцкая, М. И. – 464
- Высоцкий – 266, 834
- Вяземская, княгиня Вера Федоровна, урожд. княжна Гагарина (1790–1886) – 248, 251, 259, 308, 322, 359, 373, 383, 387, 401, 448, 469, 538, 564, 608, 665, 701, 715 (письмо И. И. Дмитриева), 738 (письмо мужа об «Смирдинском обеде»), 739, 748, 752, 756, 786, 788, 789 («жена моя»), 790, 791, 794, 795, 799, 821
- Вяземская, княжна Мария Петровна – см. Валуева, Мария Петровна
- Вяземские – 225, 268, 349, 354, 375, 429, 732
- Вяземский, князь Андрей Иванович (1750–1807) – 32, 190, 225, 231, 238, 601, 627
- Вяземский, князь Дмитрий Петрович – 359
- Вяземский, князь Петр Андреевич (1792–1878) – 32, 91 («К Е. Н. Кар. [амзиной] от кн. Вяз. [емско-го]»), 115, 195, 214 («князь»), 219, 225 («князь»), 226, 231, 238 («князь»), 239 («молодой Князь»), 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 254, 260, 266, 268, 275, 283 («князь Петр»), 284, 292, 296, 298, 301, 303, 304, 307, 309, 319 («Асмодей»), 320, 322, 326, 328, 329, 330, 340, 346, 347, 348, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 359, 360, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 377, 382, 384, 385, 386, 388, 389, 390, 396, 397, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 427, 428, 429, 430, 432, 433 («Варшавский поэт»), 434, 435, 436, 438, 442, 443, 444, 445, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 458, 460, 461, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 470, 471, 474, 475, 476, 478, 480, 481, 484, 487, 488, 489, 490, 491, 493, 494, 496, 498, 499 («Князь-поэт»), 500, 501, 502, 504, 506, 507, 508, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 521, 523, 534, 527, 528, 531, 532, 533, 535, 536, 540, 541, 543, 544, 545, 547, 548, 551, 552, 556, 558, 559, 560, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 572, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 585, 587, 589, 591, 592, 594, 595, 597, 599, 600, 601, 602, 603, 606, 607, 613, 616, 618, 619, 620, 621, 624, 625, 627, 628, 629, 631, 632, 633, 635, 639, 640, 641, 643, 644, 646, 650, 654, 660, 661, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 676, 677, 678, 679, 680, 682, 687, 688, 689, 690, 691, 692 (цитата из письма Дмитриева), 694, 699, 702, 703 (письмо Дмитриева), 705–706, 707, 710, 711, 712, 714 (письмо Дмитриева), 715, 716, 718, 719 (письмо Дмитриева), 720, 721, 724 (письмо Дмитриева), 725, 726, 727, 728, 730 (вечер с Дмитриевым), 731, 732, 733, 735 (письмо Дмитриева), 736 (обед у Дмитриева), 738 (письмо Дмитриева), 740, 741 (письмо Дмитриева), 742, 744 (письмо Дмитриева), 745, 747 (альбом С. П. Свечиной), 748 (письмо Дмитриева), 750, 752 (письмо Дмитриева), 754, 756 (памятник Карамзину в Симбирске), 756 (письмо Дмитриева), 758, 763–764 (два письма Дмитриева), 766 (письмо Дмитриева), 768 (письмо Дмитриева), 763 (письмо Дмитриева), 770 (письмо Дмитриева), 773, 774, 775 (письмо Дмитриева), 785 (записка Дмитриева), 786 (письмо Дмитриева), 787, 788 (письмо Дмитриева), 789, 790 (письмо Дмитриева), 791 (два письма Дмитриева), 792, 793 (письмо Дмитриева), 794, 795 (письмо Дмитриева), 796, 797, 798 (письмо Дмитриева), 799, 800 (письмо Дмитриева), 801 (письмо Дмитриева), 802 (письмо Дмитриева), 803, 804, 805, 807, 808, 809, 810 (письмо Дмитриева), 811, 812, 813 (письмо Дмитриева), 814 (письмо Дмитриева), 815, 817, 818, 820, 821 (письмо Дмитриева), 824, 825, 826 (письмо и записка Дмитриева), 827, 831, 832 (письмо Дмитриева), 833, 834, 835
- Письма к И. И. Дмитриеву:
15 апреля 1818 – 374

- 22 августа 1818 – 383–384
 3 декабря 1818 – 402–403
 10 января 1820 – 446
 24 апреля 1820 – 460–462
 12 июня 1820 – 465–466
 21 августа 1820 – 472
 28 сентября 1820 – 478 (приписка к письму Н. М. Карамзина)
 8 октября 1820 – 479
 21 декабря 1820 – 485
 18 января 1821 – 490
 24 августа 1821 – 507
 22 сентября 1821 – 514–515
 26 июня 1823 – 572–573 (приписка к письму С. Н. Карамзиной)
 2 сентября 1825 – 631 (приписка к письму Н. М. Карамзина)
 22 июня 1826 – 666–667 (приписка к письму Е. А. Карамзиной)
 25 июля 1826 – 669
 24 декабря 1827 – 687–688
 24 марта 1828 – 690–691
 7 апреля 1829 – 699–701, 702
 27 июля 1829 – 705–706
 17 июня 1830 – 712–714
 30 октября 1830 – 718
 14 декабря 1830 – 720
 13 апреля 1832 – 738–739
 3 июня 1832 – 740–741
 19 июля 1832 – 742–743
 17 сентября 1832 – 745–746
 31 декабря 1832 – 750
 2 февраля 1833 – 754–755
 10 мая 1833 – 758–759
 14 августа 1833 – 764–765
 1 октября 1833 – 766–767
 23 декабря 1833 – 768
 9 января 1834 – 769–770
 18 апреля 1834 – 774–775
 26 сентября 1835 – 787
 13 декабря 1835 – 789–790
 25 февраля 1836 – 792–793
 15 марта 1836 – 794–795
 13 апреля 1836 – 796–797
 8 августа 1836 – 803
 2 ноября 1836 – 809–810
 18 ноября 1836 – 811–812
 9 декабря 1836 – 813
 21 января 1837 – 815
 17 июня 1837 – 825
 13 августа 1837 – 829
 22 сентября 1837 – 830–831
 «Безобразовой» – 549
 «Благочестивых слов в душе признавши цену...» – 403
 «Быль» – 417
 «Вписавшись в цех Зоилов строгих...» – 451
 «Замечания на краткое обозрение Русской литературы 1822 года, напечатанное в № 5 Севернаго Архива 1823 года» – 568
 «И это человек!..» – 795
 «Из Москвы» (с подз. «29-го декабря 1821 г.») – 524
 «Известия о Жизни и Стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» – 513 («жизнь И. И. Дмитриева»), 514 («рукопись биографии»), 519, 543, 544, 551, 556, 560, 566, 567, 568, 569, 577, 580 (6-е изд. соч.), 589, 594 («жизнь Дмитриева»), «К красавице уединенной» – 451
 «Клеврет журнальный, Аноним...» – 596
 «Княжнин и Фон Визин» – 451
 «Кутейкин, в рясах и с скуфьею...» – 507
 «Негодование» – 496
 «Несколько вынужденных слов...» – 591
 «Новый год» – 688
 «NN, вертлявый по природе...» – 507
 «О литературных мистификациях...» – 595
 «О новых письмах Вольтера...» – 421, 428, 443
 «Первый снег» – 443, 444, 549
 «Полярная Звезда на 1825 год» – 625
 «Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои стихи» («Иваны в списках Аполлона...») – 415, 416, 422 («мое послание к Дмитриеву...»), 423, 424, 548 («К Дмитриеву»), 549 551
 «Послание к М. Т. Каченовскому» – 488
 «Послание Тургеневу с пирогом» – 449 («похвалу его Пирог») – 703
 «Простоволосая головка» – 703
 «Разговор между издателем и классиком...» – 594
 «Старина и Новизна» – 815
 «Стихов моих давно ты слышать хочешь...» – 451
 «Трудная задача» – 451
 «Уныние» – 444
 «Устав столовой» – 451
 «Чтоб полный смысл разбить в творениях певца...» – 451
 Вяземский, кн. Петр Петрович – 564

Г

- Гааз, Ф. П. – 820, 833, 834, 835
- Габлиц (Hablitz), Карл-Людвиг Иванович (1752–1821) – 232 («Географические известия...»)
- Гавриил, князь – см. Всеволод (Гавриил) Мстиславич
- Гаврилов, Матвей Гаврилович (1759–1829) – 602
- Гагарин, князь Григорий Иванович (1782–1837) – 604, 647
- Гагарин, князь Иван Алексеевич (1771–1832) – 308
- Гагарин, князь Сергей Иванович (1777–1862) – 467
- Гагарина, княжна – см. Вяземская, княгиня Вера Федоровна
- Гаевский, Павел Иванович (1797–1875) – 677, 683
- Галактионов, Степан Филлипович (1779–1854) – 585
- «Галатя» – 700, 706
- Гали(е)нковский, Яков Андреевич (1777–1815) – 167, 184, 186, 193
- Галиани, Фердинанд (Galiani, F., l'abbé; 1728–1787) – 389, 396, 400, 404
- Галлер, Альбрехт фон (Haller, Albrecht von; 1708–1777) – 37 («О происхождении зла»), 654
- Галченков, Федор – 37
- Гамалея, Семен Иванович (1743–1822) – 534, 674
- Гамба (итальянский переводчик Истории Карамзина) – 449
- Ганин, Егор Федорович (1758–1825) – 545, 614
- Ганнибал, Петр Абрамович (1742–1826) – 250
- Ганнибал, Осип Абрамович (1744–1806) – 691 («Аннибал»)
- Гапонов, А. И. – 628, 630
- Гара, Доминик Жозеф (Garat, Dominique Joseph; 1749–1833) – 477
- Гарсон, Н. Ф. – 31
- Гаценшильд, Ф. – 486
- Герен (Геерен), Арнольд Герман Людвиг (Heeren, Arnold Hermann Ludwig; 1760–1842) – 214, 540, 547, 548, 551, 552, 564,
- Гейкинг, барон – 125
- Геккерн – см. Дантес, Г. Ж. К.
- Геллерт, Кристиан Фюрхтеготт (Gellert, Christian Fürchtegott; 1715–1769) – 682
- Гельвеций, Клод Адриан (Helvetius, Claude Adrian; 1715–1771) – 631
- Гениев, Н. И. – 50
- Генш, кассир (ум. 1796) – 107
- Герль, Эген де – 673
- Георг IV, король Англии (1820–1830) – 498
- Георгиевский, Иван Васильевич (1802–ок. 1865) – 489 («Моя беседа с друзьями или Взгляд на стиховорения певца Кубры» (СПб., 1820)), 472, 485, 489, 525 («Надпись к портрету Ивана Ивановича Дмитриева...») («Он сказочками сладость...»), 533, 593, 594 («Безпристрастие мое при чтении: Благонамеренного») («Измайлов остр и колок...»))
- Гераков, Гавриил Васильевич (1775–1838) – 174 («Николай Исаевич Ахвердов...»), 346
- Гердер, Иоханн Готтфрид (Herder, Johann Gottfried; 1744–1809) – 190
- Герман, профессор – 530
- Герман, силуэтёр – 73, 75
- Герсеванов – 259 («К Б* Е* Г***[Герсеванов] Для Альбома...»)
- Геснер, Саломон (Gessner, Salomon; 1730–1788) – 34, 654 («Деревянная нога»)
- Гессен, Сергей Яковлевич (1902–1937) – 433, 699, 721, 727, 736
- Гёте, Иоганн Вольфганг (Goethe, Johann Wolfgang; 1749–1832) – 72, 103 («На случай грома»), 151, 284, 429, 561, 618, 629, 745
- Гиллельсон, М. И. – 397, 514, 524, 543, 599, 682
- Гиппиус, Густав Фомич (1792–1856) – 598
- Гишар, Жан Франсуа (Guichard, Jean François; 1731–1811) – 138 («Inscription pour un Amour...»), 161 («L'Amour et l'Amitié»), 209
- Глазунов, Андрей Васильевич (ум. 1877) – 777
- Глазунов, Иван – 217
- Глазунов, Илья Иванович (1786–1849) – 400
- Глазунов, Матвей Петрович (1758–1830) – 416
- Глазунов, П., моск. книгопродавец – 545, 597, 645
- Глебов, Александр Петрович (1786–?) – 404
- Глинка, Авдотья Павловна, жена Ф. Н. Глинки – 755, 756, 763, 764, 780 (письмо Дмитриева)
- Глинка, Сергей Николаевич (1774–1846) – 186 («Наталья, боярская дочь»), 216, 217, 231, 232 («Сергей Николаевич»), 254 («Стихи Дмитриеву»), 486 («Стихи Дмитриеву»), 610, 611, 616, 636, 646, 695, 708, 710, 715
- Глинка, Федор Николаевич (1786–1880) – 299 (письмо Дмитриева), 306, 347 (письмо Дмитриева), 348, 372, 403, 408, 442, 452, 521, 522 («Земная грусть»), 542, 543, 567, 570, 755, 756, 763, 764, 791, 817
- «Письма Рускаго Офицера...» – 299
- «Письма к другу, содержащие в себе замечания

и рассуждения о разных предметах...» (СПб, 1816–1817. Ч. 1–3) – 347

«Рассуждения о необходимости деятельной жизни...» – 408

Гнедич, Николай Иванович (1784–1833) – 213, 218, 238, 280, 283, 314, 351, 386, 428, 442, 445, 457, 468, 471, 513, 514, 530, 533, 535, 541, 543, 544, 547, 549, 557, 564, 565, 566, 570, 612, 651, 659, 710 (письмо Дмитриева), 749 (письмо Дмитриева), 750, 752 (кончина)

Говард – 435

Гоголь, Николай Васильевич (1809–1852) – 742 (приезд в Москву и встреча с Дмитриевым), 743, 747 (письмо Дмитриева), 748, 749, 762, 788, 797, 799

Письма к И. И. Дмитриеву:

Июль (не ранее 20-го) 1832 – 743

23 сентября 1832 – 747 (ответ на письмо Дмитриева)

30 ноября 1832 – 749

Годунов, Борис Федорович (ок. 1552–1605), с 1598 русский царь – 337, 532, 547, 548, 550, 557 (об избрании), 558, 576, 578, 579, 596

Голенищев-Кутузов, Смоленский, князь Михаил Илларионович (1745–1813) – 278

Голенищев-Кутузов, Павел Иванович (1767–1829) – 176 («Творения Пиндара...»), 182, 247, 252, 305, 307, 313, 319, 763

Голиков, Иван Иванович (ок. 1735–1801) – 135

Голицын, А. И. – 441

Голицын, князь Александр Николаевич (1773–1844) – 274, 301, 302, 303, 304, 306, 310, 312, 314, 321, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 338, 339, 341, 345, 359, 369, 370, 371, 379 («Министр просвещения»), 384, 396, 433, 434, 441, 443, 445, 447, 540, 542, 554, 571, 572, 573, 599 (отставка), 600, 622, 645

Голицын, князь Дмитрий Владимирович (1771–1844) – 440, 515, 556, 555, 601, 617, 683, 705–706, 726, 740, 747, 748, 811

Голицын, князь Сергей Михайлович (1774–1859) – 725, 757, 763, 816

Голицына, княгиня Александра Андреевна, урожд. Хрущева (ум. после 1826) – 487

Голицына, княгиня Александра Петровна – 307, 311, 317

Голицына, княгиня Наталья Петровна, урожд. графиня Чернышева (1741–1837) – 315, 815

Голицын – 143, 458

Головин, В. И. – 674

Голхвастов, Дмитрий Павлович – 744

Гольштейн-Ольденбургский, принц Георгий (1784–1812) – 239, 241, 246, 258, 301, 311, 324

Гомер (Омир) – 45, 46, 54, 120, 189, 390 («Омир»), 511, 514 («Омир»), 659 («Омир»), 699 («Илиада»), 832

Гончаров, Наталья Николаевна – см. Пушкин, Наталья Николаевна

Гончарова, Н. Н. – 147, 276 (портрет И. И. Дмитриева), 768 (зарисовка профиля Дмитриева)

Гораций (Horatius) Флакк, Квинт (65 до н. э. – 8 н. э.) – 83, 274, 275, 276, 391, 417 («отечества и дым приятен»), 691

«Горе от ума» – 713, 752 («Фамусовы»), 755

Горн, моск. книготорговец – 148

«Горный Журнал» – 776

Городилов, Андрей Викторович – 12

Городчанинов, Григорий Николаевич (1771–1852) – 381

Горчаков, Владимир Петрович (1800–1867) – 732

Горчаков, князь Дмитрий Петрович (1758–1824) – 30 («Святки»), 31, 72, 199 («Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву»), 281

Горчаков, Н. – 300

Горяева, Т. М. – 13

Горяинов – 263

«Господь послал на Питер воду...» – 657

Государственная Коллегия Иностранных дел при Московском Архиве – 334

Государственная публичная историческая библиотека России (Москва) – 139, 574, 642, 654

Государственный Исторический Музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ) – 61, 147 (портрет И. И. Дмитриева), 218, 220, 224, 257, 276, 566, 632, 643, 694, 725, 735, 813

Государственный Музей Пушкина – 236 (портрет И. И. Дмитриева), 791 (портрет И. И. Дмитриева)

Государственный Русский Музей (Петербург) – 276

Государственный Центральный Театральный Музей им. А. Бахрушина (Москва) – 18, 473

Готье, Иван Иванович, книгопродавец – 413, 740

Гофман, фр. критик – 487, 492, 403

Грамматин, Александр Федорович – 230

Грамматин, Николай Федорович (1786–1827) – 230, 251 (посвящение Дмитриеву), 382, 410, 411, 414, 436, 455, 456, 563

«Досуги Грамматина. Книга первая» – 251 (посвящение Дмитриеву: «О Ты, что с юных лет моей утехой был...»)

<К портрету> И. И. Дмитриеву («Душа его видна...») – 381

«Картон» (с посвящением И. И. Дмитриеву) – 456

Грант, банкир – 117
 Грасиан-и-Моралес, Бальтазар (Gracian y Morales, Baltasar; 1601–1658) – 276
 Грациан Бальтазар – см. Грасиан-и-Моралес
 Грацианский – 410
 Грегуар, Анри (Grégoire, Henri; 1750–1831) – 304
 Грей, Томас (Gray, Thomas; 1716–1771) – 417
 Грекур, Жан Батист Жозеф Виллар де (Grécourt, J. B. Jos. Willart de; 1683–1743) – 70
 Грегф (Греф), Вильгельм – 530
 Греч, Николай Иванович (1787–1867) – 325, 365, 379, 448, 449, 468, 471, 506, 517, 531, 550, 556, 566, 567, 579, 595, 613, 626, 665, 719, 727, 739, 741, 756 («Воспоминания. Графу Федору Петровичу Толстому»), 761, 763, 766, 771
 Греческие Гекзаметры – 45
 Грибовский, А. М. – 714, 727
 Грибоедов, Александр Сергеевич (1795–1829) – 648, 695, 698 (убийство), 700, 703, 737 («второй гост»))
 Григорий, патриарх Константинопольский – 500
 Григори(е)й Андреевич, по прозв. Мамон, окольничий вел. кн. Ивана III – 335
 Григорий Иванович, сын Ивана Дмитриевича – 335
 Григорий Михайлович, сын Михаила Александровича – 335
 «Гримм Балланшъич» – см. Тургенев, Александр Иванович
 «Гримм Гриммович Пилигримов» – см. Тургенев, Александр Иванович
 Гримм, Фридрих-Мельхиор (1723–1807) – 385, 676, 677
 Грот, Константин Яковлевич (1853–1934) – 828, 829, 830, 825, 827, 828, 829
 Грот, Яков Карлович (1812–1893) – 41, 87, 320
 Грузинцев, Александр Николаевич (1779–1840-е гг.) – 404
 Гудович, граф Иван Васильевич (1741–1821) – 51, 256
 Гундоров, А. А. – 224
 Гундоров, князь Иван Андреевич – 657, 688
 Гурго, Гаспар (1783–1852) – 417, 418, 570
 Гуровский – 820
 Гурьев, граф Дмитрий Александрович, (1751–1825) – 285, 317, 342, 345, 420 («Министр Финансов»), 546, 566
 Гурьева, графиня – 345
 Гурьева, москов. соседка И. И. Дмитриева – 508, 719
 Гурьянов, Ив. – 142

Густав III – 46
 Гуфеланд (Гуфланд), Кристоф Вильгельм (Hufeland, Christoph Wilhelm 1762–1836) – 435, 657
 Гуцин, Максим Викторович – 12

Д

Д'Аламбер (Даламберт, Даламбер), Жан-Лерон Д'Аламбер, Жан Лерон (D'Altmber, Jean Le Rond; 1717–1783) – 388, 618
 Давид (библ.) – 352
 Дави(ы)д Ростиславич, кн. Смоленский и Вышгородский (1140–1197) – 335
 Давыдов, Владимир Петрович – 827
 Давыдов, Денис Васильевич (1784–1839) – 444, 471, 672, 732, 788, 829
 Давыдов, Д. И. – 640
 Давыдов, Иван Иванович (1794–1863) – 585, 593, 618, 620, 677, 747, 748, 752
 Дадьян – 818
 «Дамский Журнал» (М., 1806, 1823–1833; изд. кн. П. И. Шаликов) – 570, 571, 596, 607, 619, 621, 632, 685, 686, 691, 724 (1831. № 2), 753 (1833, стих-е кн. П. И. Шаликова), 754 (1833, стих-е кн. Д. И. Хвостова)
 Данзас, Константин Карлович (1801–1870) – 816
 Данило Иванович, сын Ивана Дмитриева – 335
 Данилыч, управляющий Дмитриевых – 650
 Дантес, Геккерн Жорж-Карл (1812–1895) – 815, 816, 817
 Дашков, Дмитрий Васильевич (1788–1839) – 250 («О легчайшем способе возражать на критики»), 252, 253, 283, 319 («Чу!!»), 327, 381, 383, 384, 390, 417, 422, 427, 432, 434, 439, 464, 496, 497, 498, 500, 503, 504, 508, 518, 531, 540, 541, 550, 551, 555, 558, 559, 570, 587, 588, 592, 599, 620, 622, 628, 637, 655, 656 («Еще несколько слов о Серафимской библиотеке...»); «Русские поклонники в Иерусалиме...»), 666, 672, 687, 691, 697, 701, 702, 707, 714, 715, 718, 719, 720, 731, 738, 739, 741, 745, 750, 785, 806
 Письма к И. И. Дмитриеву:
 11 июля 1817 – 348–349
 27 декабря 1817 – 361
 29 июня 1818 – 378–379
 31 октября 1818 – 390–391
 13 июля 1819 – 427–428
 Июль. 1819 – 432–433
 13 ноября 1819 – 439
 16 апреля 1821 – 496–497

- 10 ноября 1821 – 518
 22 января 1823 – 559
 4 января 1824 581–588
 13 апреля 1826 – 655
 Дашкова, княгиня Екатерина Романовна, урожд. графиня Воронцова (1743–1810) – 51, 706 («Записки»)
 Двигубский, Иван Алексеевич (1771–1839) – 328, 356
 Дегай, Павел Иванович (1792–1849) – 611 («Систематическое начертание...»)
 Делавинь, Жан-Казимир-Франсуа (1793–1843) – 653
 Деларю, Михаил Данилович (1811–1868) – 712, 713, 725 (письмо Дмитриева), 735 (письмо Дмитриева)
 Делиль, Жак (Delille, Jacques; 1738–1813) – 138, 152, 340 («Сады...»), 471 («Сады...»), 492, 493
 Дельвиг, барон Антон Антонович (1798–1831) – 413, 624, 626, 640, 658, 659, 671, 679, 689, 705 (Дар Дмитриеву своих «Стихотворений»), 710, 711, 725 (кончина), 729, 731, 760
 Демосфен (ок. 384–322 до н. э.) – 133
 «Деница, Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем» – 710
 Деппинг, Г.-Б. – 486
 Державин, Гавриил Романович (1743–1816) – 28, 33, 51, 52, 53 (письмо Карамзина), 54 (письмо Карамзина), 55, 56 («Державины»), 57, 58, 59 («Державины»), 62 («Кабинетский Секретарь»), 64 («Державины»), 65, 66, 67 («стихи: «Ода к Н. А. Л.»), 68, 69, 71, 72, 75, 76, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 94, 95, 97, 99, 101, 102, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 121, 124, 125, 127, 132, 133, 136, 138, 145, 146, 147, 172, 173, 174, 187, 189, 190, 195, 197–198, 201, 210, 212, 215, 236 (записка Дмитриева), 240, 244, 262, 272 («Орел нашей Поэзии»), 282, 284, 294, 298, 304, 305, 307, 310, 315, 319, 324 (кончина), 325 («наш Пиндар»), 466, 486, 495 «прах двух старых поэтов»), 516, 526, 534, 544, 550, 553, 567, 575, 580, 581, 583, 586, 592, 619, 626, 627, 643, 648, 653, 654, 673, 677, 698, 717, 720, 729 («раздавайся гром победы»), 737, 747 (казнь двух мужиков), 765 (памятник), 769, 809, 810, 812, 813, 822, 823
 Письма к И. И. Дмитриеву:
 22 апреля 1794 – 80
 24 июля 1794 – 82
 17 октября 1794 – 86
 1794(?) – 1795(?) – 87
 5 августа 1796 – 107
 6 октября 1796 – 109
 11 февраля 1804 – 172
 28 февраля 1804 – 173
 5 июня 1804 – 168–175
 21 декабря 1804 – 178
 10 января 1805 – 180–181
 14 января 1805 – 181
 23 января 1805 – 181
 21 ноября 1805 – 189–190
 2 марта 1806 – 197–198
 8 марта 1806 – 198
 22 ноября 1806 – 204
 10 ноября 1810 – 210
 15 февраля 1809 – 212
 «В замужней женщине, прекрасной...» – 109
 «Вельможа» – 51
 «Видение Мурзы» – 51, 53,
 «Водопад» – 51, 64, 65
 «Гребневский ключ» – 51
 «Дева за клавесином» – 198
 «Добрыня, театральное представление с музыкою» – 99
 «Евпраксия» – 212
 «Из первой гильдии...» – 198
 «Ирод и Мариамна» – 212
 «К дому любящему учение» – 52
 «К Киргизкайсацкой Царевне Фелице» – 51
 «К Меркурию» – 80
 «К Соседу» – 51
 «Когда кричит кулик...» – 109
 «Колесница» – 174
 «Лето» – 187
 «На выздоровление И. И. Шувалова» – 51
 «На Коварство» – 51, 54
 «На кончину благодетеля, приключившуюся 1795 года августа 31 дня в Санктпетербурге» – 110
 «На смерть Князя Мещерского...» – 51
 «О! как сердит бывал...» – 198
 «Ода к Евтерпе, по случаю пляски, бывшей на мызе у Ивана Ивановича Шувалова 1789 года августа 24 дня» – 58
 «Оды, сочиненные и переведенные при горе Читалагае» – 28, 51
 «Послание к И. И. Шувалову...» – 51
 «Проведение» – 80
 «Прогулка в Сарком Селе» – 51, 58
 «Успокоенное неверие» – 51
 «Послание Фридриха к астроному Мопертию...» – 51
 «Фонарь» – 174
 «Цирцея» – 197
 «Цыганская пляска» – 190
 Державина, Дарья Алексеевна, урожд. Дьякова (1767–1842) – 94

- Державина, Екатерина Яковлевна, первая жена поэта (1760–1794) – 51 («хозяйка»), 53, 54, 65 (К. Я.), 72, 76, 80, 82, 87, 187
- Дермид – 48
- Дерптский Императорский университет – 297
- Детуш (наст. имя и фамилия: Филипп Нерико; 1680–1754) – 77
- Дефо, Даниэль (Defoe, Daniel; 1660/1661–1731) – см. «Жизнь и приключения Робинзона Круза...»
- Джонсон, Р. (капитан кор. «Три Брудерс») – 52
- Джунковский, Степан Семенович (1762–1840) – 80
- Дибич-Забалканский, Иван Иванович (1785–1831) – 587
- Дидро (Дидерот), Дени (Diderot, Denis; 1713–1783) – 401, 772
- Дирин, автор моногр. – 27, 46
- Дирин, Николай(?) офицер семеновского полка, сослуж. Дмитриева – 38, 58, 65, 121
- «Дионисий Лонгин. О высоком или величественном» – 168
- Дмитрий Иванович, царевич, сын Ивана IV и Марии Нагой – 557 («Об убиении царевича Димитрия»)
- Дмитриев, Александр Иванович (1759–1798) – 19, 22 (старший брат), 24 (старший брат), 25 (брат), 26 (казнь Пугачева), 27 (старший брат), 28 (подпрапорщик), 29 (каптенармус), 31, 32, 36, 39, 46, 48, 49 (Псковский пехот. полк), 50 («к своему Д**»), 51, 52, 53, 56, 57, 59, 61, 63, 65, 70, 71, 77, 82, 84, 85, 94, 118 (письмо И. И. Дмитриева), 119 (письмо И. И. Дмитриева), 136 (кончина), 430
- «Поэмы древних бардов. Перевод А. [И.] Д.[митриева]. На ижд.[ивении] П. [И.] Б.[огдановича]. СПб., 1788. 64 с.» – 48
- Дмитриев, Александр Михайлович, сын М. А. Дмитриева – 828
- Дмитриев, Алексей Васильевич – 335
- Дмитриев, Арефий Васильевич Нехороший – 335
- Дмитриев, Афа(о)насий Михайлович, стольник – 337
- Дмитриев, Валентин Николаевич – 270, 273, 506, 507, 571
- Дмитриев, Василий Михайлович, стольник – 337
- Дмитриев, Гавриил Яковлевич, дед И. И. Дмитриева – 19 («дед мой»), 336
- Дмитриев, Григорий Андреевич, прозванный Мамоном – 336
- Дмитриев, Григорий Иванович – 337
- Дмитриев, Ермолай Васильевич – 335
- Дмитриев, Иван («Созий») – 771 (мальчик-корректор), 796, 798, 801
- Дмитриев, Иван Гаврилович, отец И. И. Дмитриева (1736–1818) – 17, 18, 21 (отец), 22, 24, 25, 34, 48, 59, 62, 102, 128, 275–276, 336, 343, 375 (кончина), 377, 435
- Дмитриев, Иван Иванович – 236 (портрет), 237 (рукоп. сб.), 276 (портрет О. А. Кипренского), 303 (письмо Карамзина к жене), 304 (письмо Карамзина к жене), 307 (письмо Карамзина к жене), 308 (письмо Карамзина к жене), 308 (письмо Карамзина к жене), 313 (письмо Карамзина к жене), 319, 334–337 («Выпись о происхождении и службах Дмитриевых»), 524 («Биография»), 552 (портрет), 554 (портрет), 557 (присуд. золот. медали Рос. Акад.), 737 («заслуженный поэт»)
- Автограф Ломоносова – 172
- Альбом Дмитриева («О Дружбе» <Запись Карамзина в альбом Дмитриева, в прозе>) – 249, 277 (стих. кн. Шаликова), 680, 685
- А. Г. С.<евериной> («Вступая в новый год...») – 138
- «Амур и Дружба» – 161, 717
- «Анатомический Амфитеатр» («Войдем без содрогания в сие святилище ... ~ ... и тогда перестанут течь слезы») – 694 (переводчик, по свидетельству А. А. Иовского, И. И. Дмитриев)
- «Апологи в четверостишиях, И. Дмитриева. М., 1826 (1825)» – 548 (чтение Карамзина рукописи), 567, 622 (дар Жуковскому), 642 (выход в свет), 650, 651, 652, 655 (дар Д. В. Дашкову), 656, 660 (дар В. И. Панаеву), 670 (дар Е. А. Карамзиной), 674–675, 682 (рецен. А. Мицкевича)
- «Ах, когда б я прежде знала...» – 586 (перевод на англ. яз.)
- «Басни И. Дмитриева. СПб., 1810» – 234–236
- «Басни и Сказки. I.[вана] – Д.[митриева]. Спб. [тип. Гос. мед. коллегии], 1798» – 139–140, 163
- «Башмак, мерка равенства» – 587 (цитата),
- «Блаженство» – 115
- «Богач и Поэт» – 585
- «Быль» – 62, 63
- «В альбом Шимановской» («Таланты все в родстве...») – 549, 687, 708
- «1834. В альбом Александrine. Февраля 22» – 773
- «В. В. И.<змайлову>» («Чего ты требуешь, Измайлов, от меня...») – 680
- «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения...» («Была пора: питомец русской славы...») – 634, 727, 728 (дата), 733
- «Вахмистр» («Отставной вахмистр») – 63, 65, 66
- «Верблюд и Носорог» («Верблуду говорил однажды Носорог...») – 209, 234

- «Записки» <«Взгляд на мою жизнь»> – 28, 55, 367, 561 («Записки»), 575 («свои воспоминания»), 577 («Записки»), 578 («Записки»), 579 («твои Записки»), 588 (первая часть), 591 (Карамзин получ. первую часть), 591, 592 (Карамзин читает перв. часть), 593 («записки»), 600 (о 2-ой части), 601, 602, 603, 616 («Записки»), 621 («Записки»), 624 (3-я часть), 630 («три части ... кончены»), 637 (интерес Карамзина), 645 («третья часть»), 671, 700 («записки»), 742 (Белов. рук. 1-ой части), 747 (альбом С. П. Свечиной), 748–749 (рукопись для Пушкина), 760 (Пушкин: описание казни Е. Пугачева), 795 (извлечение), 809 («записки для Вяземского»), 810 («кое-что об Державине»)
- «Внемли: я пять стихов печальных хочу...» – 48
- «Воздушные Башни» – 83
- «Встреча у желтого дома» («Каков Фиялкин?...») – 680
- «Гебры и школьный учитель» – 564, 565, 632, 673
- «Гимн восторгу» – 68
- «Глас Патриота...» – 83, 85, 86, 87
- «Горлица и Мальчик» – 106
- «Горлица и Прохожий» – 516 (перевод на англ. яз.), 517 («The Dove and the Stranger»)
- «Графу Суворову Рымникскому...» – 85 («ода»)
- «Два Голубя» – 213 (реценз. Жуковского)
- «Дети и мыльные пузыри» («Откуда визг и крик далече раздается») – 491
- «Ермак» – 79, 83, 84, 85, 148, 516 (перевод на англ. яз.), 519, 525, 572, 579 (оценка Пушкина), 585, 586 (перевод на англ. яз.), 674 (перевод на англ. яз.: «Ermak, by Demetrief»), 731, 813
- «Ефрем» – 59
- «Жил, жил, и только что в газетах...» – 757
- «Загадка» («Нет голоса во мне...») – 341
- Замечания на публикацию в «Литературных Прибавлениях» (1836. № 25. С. 193) – 797 (опубл. во втором томе «Современника»)
- «Записка капитана Дмитриева об обвинении его и Лихачева в заговоре против императора Павла I» – 113
- «Записка по жалобе киевского дворянства...» – 129
- «И Мои Безделки» (1795) – 78, 81, 83, 84, 86–87, 88, 89, 90, 96 («и мои безделки»), 97 («скромные Безделки»), 97–99 (содержание), 518
- «И так Климена!...» – 636 (подпись под гравюрой: «Счастье нежной матери, из стихотворения И. И. Дмитриева: “И так Климена!...”»)
- Изд. 2-е (1803. Ч. 1–2; 1805. Ч. 3) – 84 (Ч. 2), 85 (Ч. 3), 164–166 (Ч. 1–2), 169 (рецензия), 192–193 (Ч. 3), 200 (Ч. 3), 644
- Изд. 3-е (1810. Ч. 1–3) – 219 («первый том»), 220, 226–230, 231 (рецензия), 238
- Изд. 4-е (1814. Ч. 1–3) – 286–290, 293, 295 (о выходе в свет)
- Изд. 5-е (1818. Ч. 1–3) – 345 (ценз. разр.), 391–395, 396, 397, 398, 402, 412 (рецензия)
- Изд. 6-е (1823. Ч. 1–2) – 573, 579–584, 588 (рецензия), 589 (рецен. в «Литер. Листках»), 591
- «Искатели Фортуны» – 81, 266, 446
- «Испанки...» (приписываемое) – 213
- «История» («Столица роскоши, искусства и наук...») – 402
- «К А. Г. С<евериной>» («Какое зрелище для нежных души!...») – 436, 720 («Итак, Климена! Ты теперь уже спокойна»)
- «К Амуру» («Кто б ни был ты, склонись...») – 208
- «К Амуру» («Стреляй, наш милый враг...») – 138, 209
- «К Волге» – 81, 84, 85, 148, 586 (перевод на англ. яз.), 589, 615, 717 (цитата в 8-й гл. «Евгения Онегина»), 731, 813
- «К Гавриилу Романовичу Державину...» – 85
- «К Голубку» – 97
- «К графу Н. П. Румянцеву» – 138
- «К Дели» – 122
- «К друзьям моим по случаю первого свидания...» – 579 (цитата в письме Пушкина к А. И. Тургеневу)
- «К Маше» – 665
- «К Младенцу» – 148
- «К Николаю Дмитриевичу И. Писареву...» («Счастливый Писарев!...») – 634, 813
- «К Портрету Древняго Рускаго Историка Нестора» – 155
- «К Портрету князя П. А. Вяземского» – 543, 547, 633
- «К Портрету Ломоносова» – 123
- «К Хлое» – 586 (перевод на англ. яз. под назван. «Madrigal»),
- «Какое зрелище для нежных души!...» – 636 (под загл. «Послание к нежной матери» (Из стихотворений И. И. Дмитриева)), 646
- «Карманный песенник...» – 114–115, 705
- «Карикатура» – 716 (цитаты в «Станционном смотрителе» Пушкина)
- «Картина» – 62
- «Кокетка и Пчела» – 644
- «Кот, Ласточка и Кролик» – 369
- «Лев и Комар» – 399
- «Любовь и Дружество» – 48, 516 (перевод на англ. яз.),
- «Мадригал девице...» – 128

- «Мать дочери велит на эту сказку плюнуть...» – 470, 689
- «Месяцеслов на 1798 год...» – 128
- «Модная жена» – 63, 93, 148, 276 (перевод на фр. яз.), 544, 620
- «Мои стихотворения с 1822 г.» – 632–634, 658
- «Мысли» (приписываемое) – 209
- «Мышь, удалившаяся от света...» – 172
- «На высокомонаршую милость, оказанную... потомству М. В. Ломоносова» – 174
- «На журнал “Новости Литературы”» – 179, 207
- «На журналы» – 193, 208
- «На кончину А. Л. П... [ушкиной]» («И так уж нет тебя...») – 605
- «На кончину ***<Д. В. Веневитинова>» («Природа вновь цвете...») – 633, 682
- «На разбитие Костюшки...» – 84, 86 (отд. издание),
- «На случай Грома» – 516 (перевод на англ. яз.)
- «На случай од...» – 154
- «Наборщику стихов моих» («Спасибо твоему ремесленник, набору...») – 680
- «Надгробие от супруга супруге» («И ангелы в плоти не дольше роз живут...») – 621
- «Надгробье другу моему И. Ф. Г-ю» – 110
- <Надгробье> «В. А. В.<оейкову>» – 135
- «Надпись к портрету или бюсту В. П. Петрова» – 658
- «Надпись к портрету лирика» – см. «Надпись к портрету или бюсту В. П. Петрова»
- «Надпись к портрету М. Н. Муравьеву» – 470
- «Надпись к Портрету NN» («Вот, Балдус! русского изделия торжество...») – 680
- «Наслаждение» – 295 (цитата), 586 (перевод на англ. яз.),
- «Наследники» – 83
- «Настроив томну лиру...» – 97
- «Не мне, так детям пригодится» – см. «Старик и трое молодых»
- «Не понимаю я, откуда мысль пришла...» – 205
- «Нет, Венечкин, журнал набитый только брашно...» – 680
- «Ночь» – 106
- «О любезной, о мой милой...» – 95
- «...обращение к ласточке...» – см. «Тише, ласточка болтлива...»
- «Объявление от издателей...» – 191
- «Одним тебя стихом...» – 128
- «Она под стражей, а певец...» – см. Старинная Любовь
- «Орел и Змея» («Орел из области громов...») – 183, 201
- «Орел и Каплун» («Юпитеров Орел...») – 198, 399, 607
- «Орел и Филин» – 585
- «Освобождение Москвы» – 99, 261 (цитата), 297 (пер. на нем. яз.: «Die Befreiung von Moskau»), 298 (пер. на нем. яз.), 365 (цитата), 519, 586 (перевод на англ. яз.), 694 (7-я гл. «Евгения Оенгина», эпитафия), 607, 731 («Пожарской»)
- «Осел и Кабан» – 201
- «Ответ» («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») – 201
- «Ответ» («Нещастливый отец беззубой Эпиграммы!...») – 681
- «Ответ сочинителю стихов под названием: Лето...» – 188, 190
- «Отец с Сыном» – 765 (цитата)
- «Отрывок разговора на бале» (приписываемое) – 209
- «Песенник» – 67,
- «Песнь на день коронавания...» – 154, 507
- «Письмо к***» – 93
- «Письмо к Издателю журнала» – 194
- Письмо к неизвестному (Карамзину?) – 61
- «Пичужечка» (стих. «Жаворонок с детьми и Земледелец») – 73
- «Платону Петровичу Бекетову» («Твой тятя с маминькой моей...») – 643
- «Подражание одам Горация» – 84, 198 («Ода. Спокойствие («Пловец под тучею...») <Подражание Горацию. Книга XIII, Ода VII>»), 200 («ода третья»), 210 (Ода VII из книги XIII), 700 (цитата («Тройным булатом грудь была вооружена»), кн. I, ода III)
- «Подражание 136-му псалму» – 552, 558, 632, 658
- «Подражание первой Тибулловой элегии» – 100, 101, 216 (цитата),
- «Подснежник» – 585
- «Пожарской» – см. «Освобождение Москвы»
- «Попугай» – 59
- «Послание к Державину, по случаю кончины его супруги» – 83
- «Послание к Н. М. Карамзину» («Не скоро ты мой друг, дожدهшься песней новых...») – 525
- «Послание к нежной матери» («Какое зрелище для нежных души!...») – 636
- «Послание от Английского стихотворца...» – 140, 142, 825 (удивление Пушкина)
- «Причудница» – 83, 236
- «Прохожий, стой! во фронт!...» – 620

- «Путешествие NN в Париж и Лондон...» – 684, 802 (рецензия Пушкина)
- «Разбитая Скрыпка» – 516 (перевод на англ. яз.)
- «Размышления по случаю грома» – 561
- «Рапорт кн. Куракину» – 131
- «Репейник и Фиалка» – 584
- «Розы ль дышут над могилой...» – 68
- «Романс» («Песня для двух голосов...») – 137
- «Ружье и Заяц» – 399
- «Рысь и Крот» («Когда-то Рысь...») – 209, 234
- «Светляк и Змея» – 584
- «Сила Любви» – 96
- «Слепец, Собака его и Школьник» – 621
- «Слон и Обезьяна» – 110
- «Собака и Перепел» – 585
- Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благородстве («Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...») – 825 (удивление Пушкина)
- «Сонет» – 106
- «Стонет сизы(о)й голубочик» – 66, 67, 68 («Голубок»), 75 («голубок твой ожил»), 333 (перевод на англ. яз.), 408 (перевод на нем. яз.), 516 (перевод на англ. яз.), 585 (перевод на англ. яз.)
- «Смерть и Умиравший» – 186, 297, 436
- «Смерть князя Потемкина» («Уньл внезапно лавр зеленый...») – 61, 432 (цитата)
- «Стансы» («Прочь от нас...») – 74, 75, 77, 275
- «Стансы» («Я щастлив был во дни невинности...») – 184
- «Старик и трое молодых» – 213 (цитата), 275 (цитата), 525
- «Старинная Любовь» – 184
- «Стихи в альбом Е. С. О.<гаревой>» («Поэту ль своего таланта не любить...») – 708
- «Стихи его Императорскому Величеству Павлу Первому...» – 116
- «Стихи к надгробному камню Петра Дмитриевича Еропкина...» – 184
- «Стихи на высокомонаршую милость...потомству Ломоносова» – 137–138
- «Стихи на получение от неизвестной особы вышитаго по канве Геня...» – 186
- «Стихи на присоединение...» – 96
- «Тибуллова Элегия» – см. «Подражание первой Тибулловой элегии»
- «Тише ласточка болтлива...» – 68
- «Тогда, как все цветет и нежится в природе...» – см. «К А. Г. С<севериной>»
- «Три Льва» – 252
- «Филемон и Бавкида» – 200
- «Чужеземное растение» – 548
- «Царь и два пастуха» – 516 (перевод на англ. яз.), 682 (перевод на фр. яз.)
- «Чепуха» («Дай в шутку напишу Парнас в Карикатуре...») – 681
- «Что мне об ней сказать» – 296
- «Что с тобою, ангел, стало...» – 329
- «Что ты так грустишь Ванюша...» – 93
- «Чужой толк» – 83, 568
- «Шарлатан» – 128, 644
- «Шмит» – 59
- «Щастливец» – 115
- Элегия («Возьмите боги жизнь...») – 136, 137
- Элегия («Коль надежду истребила...») – 136, 137
- <Эпиграмма на Каченовского>: Ответ («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») – 201
- Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи...» («Без имя Рифмодей глумился сколько мог...») – 190
- «Эпиграмма твоя» («О Клюквин! не глуши...») – 74
- Эпитафии Богдановичу – 516 (перевод на англ. яз.)
- Эпитафии Наполеону – 505
- «Я разорился от воров...» – 214
- Дмитриев, Иван Петрович – 56
- Дмитриев, Константин Арефьевич – 336
- Дмитриев, Михаил Александрович (1796–1866) – 22, 27, 28, 29, 31, 39, 46, 90, 115, 128, 198, 202, 206, 213, 259, 262, 270, 273, 375, 430, 431, 434, 506, 507 («Указ о Камер-Юнкере»), 517, 518, 519, 520, 565, 576, 578, 594, 595, 596, 601 (примирение с И. И. Дмитриевым), 607 («Лжедмитриев»), 627, 630, 632, 634, 639, 642, 646, 647, 651 (племянник), 670, 673 («мой племянник»), 696, 698, 693, 705, 710, 716, 737, 756, 757, 758 (скандальное венчание племянниц И. И. Дмитриева), 784 (свадьба с Е. М. Аитовой), 788, 801 (рождение дочери Софьи), 828, 833, 834, 835
- «Возражения на разбор Второго разговора» – 597
- «Второй разговор между классиком и издателем...» – 594
- «На кончину Государя Императора Александра Перваго» – 646, 651 (дар Карамзиным)
- «Ответ на статью...» – 597
- «Торжество муз» – 601
- Дмитриев, Михаил Михайлович, сын Дмитриева М. А. – 828, 834
- Дмитриев, Михайло Михайлович – 337
- Дмитриев, Михайло Симеонович – 337
- Дмитриев, Николай Иванович – 153
- Дмитриев, Семен Константинович – 336

Дмитриев, Сергей Иванович (ум. 1829) – 128, 275 («меньшой мой брат»), 434, 435, 644, 698 (кончина), 699, 705

Дмитриев, Федор Иванович – 215, 260, 263, 273, 275 («дочь моего покойного брата»), 757

Дмитриев, Федор Михайлович, сын М. А. Дмитриева – 828

Дмитриев, Яков Семенович, прадед И. И. Дмитриева – 336

Дмитриева, Евдокия Гавриловна – см. Карамзина, Евдокия Гавриловна

Дмитриева, Екатерина Афанасьевна, урожденная Бекетова (1737–1813) – 17, 19 (родительница), 20 (матушка), 24, 25, 27 (мать моя), 62, 267 (письмо к И. И. Дмитриеву), 269 (кончина)

Дмитриева, Екатерина Ивановна, сестра И. И. Дмитриева – 66

Дмитриева, Екатерина Федоровна (племянница, тайное венчание) – 757

Дмитриева, Елизавета Михайловна, урожд. Анитова (1811–1902) – 784, 801, 828

Дмитриева, Елиз(с)авета Николаевна – см. Пазухина, Елизавета Николаевна

Дмитриева, Марья Александровна, урожд. Пиль (ум. 1806), жена А. И. Дмитриева и мать М. А. Дмитриева – 82, 119 («Марья Александровна»)

Дмитриева, Софья Михайловна, в замуж. Насакина (1836–1888) – 801 (рождение, приемник И. И. Дмитриев)

Дмитриева, Софья Федоровна (племянница, тайное венчание) – 757

Дмитриев-Мамонов, граф Матвей Александрович (1790–1863) – 221, 245, 617

Дмитриевский, Иван Афанасьевич (Нарыков; 1736–1821) – 18, 21, 33, 523, 614

Дмитриевы-Мамоновы – 337

Дмитрий Данилович, сын Данилы Ивановича – 335

Дмитрий Дмитриевич, сын Дмитрия Ивановича, внук Ивана Даниловича – 335

Дмитрий Иванович, сын Ивана Даниловича – 335

Дмитрий Иванович, сын Ивана Дмитриева – 335

Долгорукая (Долгорукова), княгиня Екатерина Алексеевна, урожд. Малиновская (1811–1872) – 726

Долгорукие – 458

Долгорукий (Долгоруков), князь Алексей Алексеевич (1767–1834) – 494

Долгорукий (Долгоруков), князь Василий Васильевич (1787–1858) – 691

Долгорукий (Долгоруков), князь Иван Михайлович (1764–1823) – 412, 790

Доленго-Ходаковский, З. Я. – 438 («Розыскания касательно русской истории»)

Домик Петра Великого в Петергофе – 20

«Домик, что при самом море...» – 20

«Дон», журнал – 250, 260, 269, 277, 409, 737

«Дон-Алонзо» – см. Сальванди, Нарсис де

«Дон-Жуан» – см. Пушкин, А. С.

«Дон Фиегеоразо, или Уединенный Гишпанец» – 20

Дондуков-Корсаков, князь Михаил Александрович (1794–1869) – 783, 784

Дону, Пьер – 440

«Драматический Вестник» – 211

«Друг Просвещения...» – 172, 173, 174, 176, 177, 178, 181, 184, 189, 190, 193, 195, 197 («Письмо Петрония к Ювеналу»), 193,

«Друг Юношества» – 265

«Дружеское Литературное Общество» – 154

«Дружеское Ученое Общество» – 35, 37,

Дружинин, Петр Михайлович (1762–1827) – 404, 408

Дружинин, Яков Александрович (1771–1849) – 606

Дубровин, Н. Ф. – 24

Дубенская, Варвара Ивановна – 677, 761

Дубянский, Федор Михайлович (1760–1796) – 74, 75, 107, 525, 580

Дурасов, Николай Алексеевич (1760–1818) – 380

Дурнов – 747

Дурнов, живописец – 796

Дурново, Н. Д. – 358

«Дух Журналов» (Петербург, 1815–1820; гл. ред. Г. М. Яценко) – 322

Дымшиц, Светлана Ивановна – 12

Дьячков, придворный закройщик – 107

Дьячкова, жена придворн. закройщика Дьячкова (ум. 1796) – 107

Дьяконов, Петр Афанасьевич – 18

Дьяконова, Анна Григорьевна – 18

Дюссо – 700

Е

Евгений, архиепископ Писидийский – 500

Евгений (в миру Болховитинов, Евфимий Алексеевич; 1767–1837), епископ Калужский и Боровский, вполн. митрополит Киевский и Галицкий – 68, 294, 620, 820

Евреин, прокурор – 387, 388

«Европеец. Журнал наук и словесности» (М., 1832; изд. И. Киреевский) – 735, 736, 737, 739

Ежова, Екатерина Ивановна (1788–1836) – 546

Екатерина II (урожд. София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская; 1729–1796), российская императрица с 1762 г. – 21 («Указы»), 22 (политические происшествия 1762 года), 23, 25 («мир с Турками»), 26, 27, 51 («императрица»; «Были и Небылицы»), 64, 66, 80 («Ея Величество»), 85 («Императрица»), 86 («Ея Величество»), 95, 110 (кончина), 111, 146, 222, 231, 281 («Великая»), 377, 405, 441, 445, 447, 465, 533 («Записки»), 534, 537 («Записки»), 583, 602, 626 («Век Екатерины»), 627, 643, 649, 654, 729, 746, 760, 796, 807, 813

Екатерина Андреевна – см. Карамзина, Екатерина Андреевна.

Екатерина Афанасьевна – см. Дмитриева, Екатерина Афанасьевна.

Екатерина Павловна, великая княгиня (1788–1819), в первом браке за принцем Георгием Ольденбургским, во втором за королем Вильгельмом Вюртембергским – 216, 218, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 247, 249, 252, 256, 257, 258, 279, 301, 302, 306, 308, 311, 316, 319, 326, 410 (кончина), 411, 414, 533, 774 (письмо Карамзина от 1/13 ноября 1818 г.), 793, 804

Екатерина Яковлевна – см. Державина, Екатерина Яковлевна.

Екатерининский Институт (Петербург) – 451

Елагин, Иван Перфильевич (1725–1793) – 189, 405

Елагина, Авдотья (Евдокия) Петровна, урожд. Юшкова (1789–1877) – 777, 778

Елена Иоановна, вел. кн., дочь Ивана III – 309

Елена Павловна, великая княгиня – 572 (чтение «Истории» Карамзина), 579, 591

Елизавета (Елисавета) Алексеевна, императрица (1779–1826) – 285, 301, 304, 305, 306, 308, 312, 314, 315, 316, 317, 327, 328, 331, 332, 343, 345, 354, 357, 375, 380, 382, 404, 410, 412, 414, 416, 423, 425, 436, 440, 440, 449, 451, 459, 463, 465, 466, 476, 481, 483, 489, 490, 494, 495, 505, 515, 521, 528, 531, 533, 534, 537, 540, 555, 558, 573, 574, 579, 590, 592, 593, 596, 602 (чтение записок Дмитриева), 603, 606, 608, 609, 610, 611, 613, 629, 631, 635, 639, 641, 645, 661 (кончина), 662

Елизавета (Елисавета) Петровна, российская императрица с 1741 (1709–1761) – 533

Елизавета Петровна, домоправительница И. И. Дмитриева – 539 («Экономка»), 668

Елисавета Семеновна – см. Обрезкова, Е. С.

Елизавета Сергеевна – 315

Ермак Тимофеевич, казачий атаман, покоритель

Сибири (ум. 1585) – 344, 466, 467, 473, 481, 580, 585, 731, 777

Ермакова-Битнер, Г. В. – 199

Еропкин, Петр Дмитриевич (1724–1805) – 583

Епанчин, Николай Петрович (1787–1872), капитан кор. «Елена» – 661

Ж

Жанен, Жюль – 769

Жанлис, Стефани Фелисите Дюкре де Сент-Обен (Genlis, Stéphanie Félicité de; 1746–1830) – 181 «Об авторской вражде», 331, 629, 647

Ждановский, Иван – 334

«Женское Патриотическое общество» – 295

Жерве – 421

«Живописное Обзорение» – 814

«Жилбаз» – см. Клушин, А. И.

Жиркевич, Иван Степанович (1789–1848) – 824

Жихарев, Степан Петрович (1788–1860) – 180, 181, 187, 190, 203, 204, 319 («Громобой»), 373, 411, 481, 549, 551, 567, 640, 660, 663, 664, 665, 667, 668, 694, 711, 712, 727, 832

Жомини, барон Генрих (род. 1779) – 348

Жорж, Маргарит-Жозефин (Mlle Georges; 1787–1867) – 215

Жоржель, аббат Жан Франсуа (Georgel, J. F.; 1731–1813) – 416, 456, 467 («Жоржелевы записки»)

Жоффре, Л. А. (переводчик «Ист. Гос. Рос.» Карамзина на фр. яз.) – 411, 443, 493

Жуковский, Василий Андреевич (1783–1852) – 34, 91 (эпиграмма «Из савана облекся...»), 151, 155, 158, 184, 188, 198 («Пиршество Александра...»), 199, 201, 202, 205, 208, 211, 212, 213, 214, 215, 219, 220, 235, 242, 243, 252, 254, 257, 259, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 273, 275, 294, 295, 298, 300, 301, 305, 313, 319 («Светлана»), 320, 321, 333, 338, 339, 340, 342, 344, 348, 352, 355, 357, 358, 359, 360, 363, 365, 366, 369, 370, 371, 372, 374, 375, 380, 382, 385, 386, 388, 402, 407, 410, 413, 414, 417, 418, 419, 422, 424, 425, 428, 429, 430, 435, 436, 437, 438, 439, 441, 442, 444, 445, 458, 460, 466, 468, 469, 471, 473, 476, 481, 489, 492, 495, 498, 499, 501, 518, 522, 529, 530, 531, 534 (переводы из Шиллера и Вергилия), 535, 540, 550 («Энеиды»), 551, 555, 556, 557, 558, 561, 562, 564, 567, 572, 579, 586, 592, 593, 594, 595, 596, 596, 604, 606, 615, 618, 619, 620, 622, 624, 625, 629, 631, 634, 637, 638, 644, 648, 652, 661, 662, 669, 671, 672, 673, 677, 686, 687, 690, 692, 702, 707, 712, 714, 715, 717, 727, 728, 729, 730 (письмо Дмитриева), 731, 732, 733 (письмо

Дмитриева), 735, 736, 738, 739, 740, 741, 742, 744, 746, 747 (альбом С. П. Свечиной), 750, 752, 755, 759, 761, 762, 767 (письмо Дмитриева), 768, 769, 770, 771, 773 (письмо Дмитриева), 774, 775, 776 (письмо Дмитриева), 777, 778, 780 (письмо Дмитриева), 781, 782 (письмо Дмитриева), 783, 784 (письмо Дмитриева), 785 (запись в дневнике о преб. Дмитриева в Петербурге), 786, 787, 790, 791, 794, 796, 799, 800, 802, 803, 804 (письмо Дмитриева), 805, 814, 815, 816, 817, 818, 820, 823 (письмо Дмитриева), 824, 828, 829

Письма к И. И. Дмитриеву:

10 марта 1810 – 219–220
 18 февраля 1816 – 305–306
 1 марта 1817 – 342
 20 сентября 1817 – 356
 22 ноября 1818 – 398–399
 11 февраля 1823 – 561
 28 марта 1825 – 622
 16 октября 1831 – 729–730
 26 декабря 1831 – 733
 19 февраля 1834 – 772–773
 28 апреля. 1834 – 775
 14 марта 1835 – 781–782
 21 апреля 1835 – 783
 29 мая 1835 – 784
 23 августа 1836 – 804
 12 марта 1837 – 820
 «Баллады и Повести» – 733
 «Воспоминание о торжестве 30-го Августа 1834 г.» – 777 (дар Дмитриеву)
 «Двенадцать спящих дев» – 344, 355 («новое издание»)
 «Два слова от издателя...» – 212
 «К Воейкову» – 294
 «К Мечте» – 522
 «Критика. Басни Ивана Крылова» – 213
 «Лала-Рук» – 498
 «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» – 727, 728 (дар Дмитриеву «от двух обоих учеников его»)
 «Надпись к солнечным часам в саду И. И. Дмитриева» – 236
 «Ночной смотр» («В двенадцать часов по ночам...») – 799
 «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Нет, не прошла, певец наш вечно юный...») – 634, 729, 733
 «Певец на Кремле» – 276, 339, 340
 «Певец во стане русских воинов» – 267, 273 (автограф Дмитриева), 275

«Переход за Рейн» – 344
 «Пери» – 498, 499, 500
 «Русская песнь на взятие Варшавы» – 727, 728
 «Собрание русских Стихотворений...» – 188, 211, 214, 215 (портреты русских поэтов), 235–236 (ч. 1–2), 242 (Ч. 3), 243, 252, 254–255 (Ч. 4–5),
 «Собрание сочинений» (СПб., 1837) – 822, 823
 «Стихи, петье на празднестве английского посла...» – 320
 «Ундина», «Ундина, из Ламот Фуке» – 822, 823
 Журавлев – 221
 «Журнал для Милых» – 177
 «Журнал для художеств» – 807
 «Журнал Министерства Народного Просвещения» – 546, 764, 769, 781, 797
 «Журнал Новостей» (с 3-ей книжки: «Журнал различных предметов словесности») – 178
 Жюльен, М. А. (переводчик «Ист. Гос. Рос.» Карамзина на фр. яз.) – 411

З

«За Эвридикою и в ад Орфей сходил...» – 682, 795 (публ. в «Литературных Прибавлениях» за подп. «И. Дмитриев»), 796
 Заводовский, граф Петр Васильевич (1738–1812) – 125, 240, 281, 583
 Загоскин, Михаил Николаевич (1789–1852) – 710, 747, 748, 792 (письмо Дмитриева), 792 («Недовольные»)
 Заикин, Иван Иванович (?–1834) – 551
 Зайцев, В. Н. – 12
 Захаров, Иван Семенович (1754–1814) – 244
 Зейдлиц – см. Цедлиц, Й. К.
 Закревский, граф Арсений Андреевич (1786–1865) – 325, 328
 Замоскворечье – 23
 Занд, убийца Коцебу – 422
 Западов, В. А. – 232, 233, 238, 240, 244
 Затрапезнов, Дм. Ив. – 100, 106, 122, 129, 324
 Захаржевский, Яков Васильевич (1780–1860) – 346, 496
 Захаржевский, сенатский протоколист – 107
 Зефилов – 685
 Зимовейская станица – 26
 Зиновьев, А. Н. – 339, 344
 Золотов, Василий – 211
 «Зритель» – 63, 69
 Зубов, Валериан Александрович (1771–1804) – 111, 146

Зубов, князь Платон Александрович (1767–1822) – 85, 86, 87, 88, 111, 146
 Зубарев, Дмитрий Елисеевич (1802–1855) – 626 («Историческая справки»), 639 («В защиту новейших критических замечаний...»)
 Зув – 781

И

И. З. – 40
 «И. И. Дмитриеву» («Наперсник муз, увенчанный цветами!...») – см. Стромиллов, С.
 Иакинф, архимандрит – 615
 Иван (Иоанн) I Данилович (Калита), вел. кн. Московский (ум. 1340) – 335
 Иван (Иоанн) III Иванович, вел. кн. Московский (1440–1505) – 335
 Иван (Иоанн) IV Васильевич, «Грозный» (1530–1584), русский царь с 1547 г. – 248, 280, 292, 335, 396, 412 («Ивашка»), 443, 446, 470, 481, 616
 Иван (Иоанн) V Алексеевич (1666–1696), русский царь с 1682 г. – 336
 Иван Гаврилович – см. Дмитриев, Иван Гаврилович
 Иван Григорьевич Мамон Большой, сын Григория Андреевича Мамона – 335
 Иван Григорьевич Мамон Меньшой, сын Григория Андреевича Мамона – 335
 Иван Григорьевич Старой, сын Григория Михайловича, внук Михаила Александровича – 335
 Иван Данилович, сын Данилы Ивановича – 335
 Иван Дмитриевич, боярин – 335
 Иван Дмитриевич, сын Дмитрия Дмитриевича – 335
 Иван Иванович, сын Ивана Даниловича – 335
 Иван Михайлович Большой, сын Михаила Александровича – 335
 Иван Петрович – см. Тургенев, Иван Петрович
 Иван Семенович, сын Семена Григорьевича Внука – 335
 Иванов (майор, казненный Пугачевым) – 23
 Иванов, Иван Алексеевич (1779–1848) – 585
 Иванов, П. – 22, 120
 Ивановская гауптвахта – 710
 Ивановский, Андрей Иванович – 691
 Иванчин-Писарев, Николай Дмитриевич (1790–1849) – 91, 250, 406, 407, 414, 442, 571, 607, 620, 632, 634, 642, 660 (письмо И. И. Дмитриева), 665 (письмо И. И. Дмитриева), 667, 673, 679, 685, 687, 708, 711, 712 (письмо к Дмитриеву), 714, 715 (письмо И. И. Дмитриева), 731, 813 (послед. стихи И. И. Дмитриева), 829, 830
 «Для сельскаго памятника. На случай посеще-

ния села Рудинок Иваном Ивановичем Дмитриевым, 1826 Сентября 26» («Страна, внимавшая моей смиренной лире...») – 673
 «Дух Карамзина...» – 250, 685
 «К Василью Андреевичу Жуковскому, на посланные им к Ивану Ивановичу Дмитриеву стихи» («Уделом гения всегда высокость, чувства...») – 731
 «К экземпляру стихотворений И. И. Дмитриева: Полученному от него самого в подарок с своеручною надписью» («Священный талисман питомцев Аполлона!...») – 414
 «К моим цветам» («Краса весны, питомцы Флоры...») – 571
 «К портрету И. И. Дмитриева» («Се Дмитриев, наперсник Аполлона...») – 442
 «К портрету Н. М. Карамзина» – 442
 «Печальная песнь на кончину покойнаго императора Александра I-го» – 642
 «При получении в подарок от Ивана Ивановича Дмитриева собственноручнаго манускрипта всех его сочинений» («Черты, бесценныя гражданам и певцам!...») – 607
 «При чтении книг под названием: Апологи в четверостиших» («И годы протекли: но гений вечно – юн!...») – 679
 Иванчина-Писарева, Наталья Сергеевна – 632, 634, 813
 Ивашкина, Людмила Юрьевна – 13
 Игельстром, граф Осип Андреевич (ум. 1818) – 19
 Игорь (вел. кн. киевский; ? – 945) – 39, 40
 «Из савана облекся он в ливрею...» – 626 (эпиграмма на В. А. Жукльвского)
 «Избранныя места из Русских Сочинений и Переводов в Стихах и Прозе, изданныя Андреем Вербицким» («Харьков, 1823. Ч. 1–2») – 574
 «Известия Российской Академии» (СПб., 1823. Кн. 11) – 585 (о награждении И. И. Дмитриева и И. А. Крылова золотой медалью)
 «Известия и Ученые записки Казанскаго Университета. Казань, 1866» – 294
 Измайлов, Александр Ефимович (1776–1831) – 321, 322, 369, 399, 412 (рец. на 5-е изд.), 413, 417, 448, 451, 454, 465, 486, 498, 515, 522, 532, 533, 542, 555, 556 (письмо И. И. Дмитриева), 557, 588, 589, 593, 594, 595, 614, 624, 657, 683, 6784, 692–693, 702 (записка И. И. Дмитриева), 703, 715, 718, 721, 722, 724 (рукописи), 725 (кончина), 761 (анекдот о Д. И. Хвостове)
 Письма к И. И. Дмитриеву:
 4 мая 1816 – 321–322
 22 ноября 1818 – 399–400
 20 марта 1819 – 415

- 7 апреля 1821 – 533
 26 декабря 1821 – 522
 6 апреля 1822 – 532
 7 апреля 1822 – 533
 8 октября 1822 – 545–546
 1 января 1823 – 555
 15 января 1823 – 557
 15 февраля 1823 – 561
 1 февраля 1824 – 589–590
 7 марта 1824 – 593–594
 4 апреля 1824 – 595
 5 марта 1825 – 619
 6 апреля 1825 – 624
 15 апреля 1826 – 656–657
 9 ноября 1826 – 671–672
 6 июля 1827 – 683–684
 11 августа 1827 – 684–685
 21 мая 1828 – 692–693
 30 декабря 1830 – 721
 1830–1831 – 715–723
 «Ах! ради Феба и Камен...» – 693
 «Бабушка и Внучка» – 684
 «Встреча двух подруг» – 558
 «Дворянка-Буянка» – 684
 «Дружеской послание издателю Телеграфа» – 656
 «Здесь также был...» – 693
 «Известия о новых русских книгах» (1824) – 588
 (о 6-м изд. соч. Дмитриева)
 «Инструкция жене моей, Тверской вице-губернаторше» – 693
 «Календарь Муз на 1827 год» – 656, 657, 683
 «Кулачные бойцы» – 693
 «Опыт о рассказе Басни» – 683
 «Сленина Лавка» («Вот бард наш Державин, вот Дмитриев, Крылов!...») – 486
 «Слон и Собака» – 595
 «Собака на сене» – 693
 «Сочинения в прозе» – 684
 «Фаддей чугунный лоб» – 595
 Измайлов, Владимир Васильевич (1773–1830) – 87, 144, 174, 196, 217, 233, 238, 239, 272, 292, 295, 296, 329, 563, 569, 598, 599, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 629, 630, 634, 637, 666, 669, 673, 678, 679, 680, 683, 685, 686, 688, 689, 690, 694, 695, 696, 701, 702, 703, 706, 708–709 (недатированные письма и записки И. И. Дмитриева за 1820-е гг.), 711 (кончина), 712, 713, 714, 715, 724
 «И. И. Д. <митриеву>. В ответ на его стихи» («О! Как обрадован я был твоим подарком...») – 680
 «О новой журнальной критике в защиту Карамзин...» – 696
 Измайлов, Николай Васильевич (1893–1981) – 589, 687
 Измайловский лейб-гвардии полк – 23
 Иллический, Александр Демьянович (1798–1837) – 293, 298, 319
 Ильин, Николай Иванович (1777 или 1779–1823) – 174 (Великодушие или рекрутский набор), 429
 Ильин-Томич, А. А. – 374, 416, 468
 Илья, крепостной Н. М. Карамзина – 49
 Илья Кучер – см. Байков, Илья Иванович
 Имбер, Б. – 170 («Les chevaux de carosse...») Императорская публичная библиотека – 338, 345, 359
 Индийцы – 83
 Иннокентий (Смирнов, архимандрит Юрьева монастыря; 1784–1819) – 339
 Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ) – 79, 83, 88, 197, 207, 279, 321, 328, 339, 342, 344, 346, 360, 366, 367, 370, 373, 374, 377, 381, 402, 411, 413, 418, 426, 427, 430, 437, 440, 442, 447, 450, 451, 454, 462, 467, 472, 477, 461, 486, 489, 501, 503, 504, 506, 521, 524, 525, 531, 541, 543, 552, 556, 559, 563, 566, 577, 589, 591, 596, 597, 598, 599, 600, 602, 604, 609, 611, 612, 617, 634, 670, 676, 677, 678, 681, 683, 696, 698, 699, 702, 706, 707, 710, 712, 714, 718, 720, 725, 726, 728, 731, 734, 739, 747, 752, 767, 775, 778, 779, 790, 791 (портрет Дмитриева), 804, 805, 806, 808, 814
 Иоанн Алексеевич – см. Иван V
 «Иоанн, Экзарх болгарский...» (М., 1824) – 602
 Иоанн Грозный – см. Иван IV
 Иоанн Данилович – см. Калита
 Иоанн Златоуст, патриарх Константинопольский (ок. 347–407) – 21 («Маргарит») Иовский, Александр Алексеевич (1796–1857) – 694
 Иовский, И. И. – 831, 833, 834, 835
 Иосиф, митрополит Псковский и Изборский – 820
 Иринарх, викарий (Псковская епархия) – 820
 Исаакиевский собор (Петербург) – 817
 Истомина, Семен – 212, 214
 «Историческое похвальное слово Димитрию Донскому» (СПб., 1827) – 696
 «История XVI века соч. Лингета» – см. «Histoire du XVI siècle, par Linguet»
 «История Генриха Великого...» – 331
 «История Карла V...» – 493
 «История Русского Народа» – 744
 Истрин, Василий Михайлович (1865–1937) – 151

Итальянский театр – 21
Иффланд, Август Вильгельм (Iffland, August Wilhelm; 1759–1814) – 425
Ишимова, Александра Осиповна (1804–1880) – 404

К

«К бюсту И. И. Дмитриева» («Храню я образ твой...») – 386
«К Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Повествователь милый и прелестный...»), анонимное стих. послание – 211
«К Ивану Ивановичу Дмитриеву на новую степень достоинства им занимаемую» («Вблизи, или вдали от царского лица...») (без подписи) – 221
«К Кюхельбекеру» («Напрасно мне сулит, чувствительный певец!...») – 522
«Кабинет Аспазии» – 293, 295 (Кн. 1), 296 (Кн. 2, 3), 297 (Кн. 7, последняя)
Кабрит – 19
Кавелин, Дмитрий Александрович (1780–1851) – 490
Кавелин, генерал, адъютант имп. Николая I – 750
Казадаев, Александр Васильевич (1776–1854) – 215, 390, 424, 696 (письмо И. И. Дмитриева), 714
«Казанские Известия» (1818. Ноябрь. № 88. С. 354) – 391 (1818. Ноябрь. № 88. С. 354), 471 (№ 54)
«Казанский Вестник» – 630 (письмо И. И. Дмитриева директору Симбирской гимназии А. И. Гапонову)
Казанский Императорский университет – 284 (избрание Дмитриева почет. членом), 381, 397, 466, 471
Казанский Собор (Петербург) – 285
«Казанское Общество Любителей Словесности» – 296
Казы-Гирей, Султан (1808–1863) – 798, 799 («Долина Ажигутай»)
Кайсаров, Андрей Сергеевич (1782–1813) – 183, 186, 190
Кайсаров, Михаил Сергеевич (1780–1825) – 183, 186, 190, 372
«Как лебедь на водах Меандра...» – 637 (из оды М. М. Хераскова на воцарение Александра I)
Калайдович, Константин Федорович (1792–1832) – 381, 385, 417, 566, 602, 687, 740
Калайдович, Петр Федорович – 404, 620
«Календарь Муз на 1826 год...» – 656, 657,
Каллаш, В – 568, 633, 698
Калмык(и), калмычата – 83

Кальдерон (Calderón de la Barca, Pedro; 1600–1681) – 20
Каменев, Гаврила Петрович (1772–1803) – 404
Каменев-Любавский, зарайский дворянин – 683
Каменецкий, Тит Алексеевич (1790–1844) – 585
Каменноостровский мост (Петербург) – 713
«Каменный Гость» – см. Пушкин: «Дон-Жуан»
Каменный Остров (Петербург) – 285, 286, 324
Камознс, Луиш ди (Camões Luiz; 1524 или 1525–1580) – 261
Кампенгаузен, Бальтазар Бальтазарович (госуд. контролер 1811 до конч. 1823) – 221, 432, 565
Канкрин, граф, Егор Францевич (1771–1845) – 566, 627 («Министр»), 635 («Министр Финансов»)
Кант, Иммануил (Kant, Immanuel; 1724–1804) – 148
Кантемир, кн. Антиох Дмитриевич (1709–1744) – 28, 29, 189, 276, 400 («Кантемировский стих»), 544, 719, 737 («второй гост»)
Канцлер – см. Румянцев, граф Николай Петрович.
Капнист, Василий Васильевич (1757–1824) – 30, 72, 104, 147, 153 («Клорида и Милон»), 278, 441 («К Несчастному»), 448, 620, 737 («второй гост»)
Капо д'Истриа, граф Иоанн Антонович (1776–1831) – 304, 308, 309, 310, 312, 315, 324, 326, 327, 330, 339, 347, 357, 358, 377, 382, 404, 427, 430, 439, 459, 501, 503, 504, 506, 598, 613, 731 (убийство), 781
Капустина, Е. И. – 817 (воспоминания о Дмитриеве)
Кар, Василий Алексеевич – 747
Каразин, Василий Назарович (1773–1842) – 436, 448, 484, 486 (письмо Дмитриева)
Каракчиоли – см. Караччиоли, М. Д.
Карамзин, Александр Михайлович (1771(?)–1847) – 34, 62, 94, 331, 332, 631, 635, 637
Карамзин, Александр Николаевич (1816–1882) – 303, 308, 313, 315, 439, 481, 505, 527, 600, 613, 745, 770, 795
Карамзин, Андрей Николаевич, сын историографа (1807–1813) – 268, 270
Карамзин, Андрей Николаевич, сын историографа (1814–1854) – 293, 303, 308, 313, 315, 329, 419, 439, 505, 527, 592, 600, 613, 745, 758, 770, 779 («молодой Карамзин?»), 780, 789, 791, 793, 794, 795, 815

Карамзин, Борис Александрович, племянник историографа – 505

Карамзин, Василий Михайлович, старший брат историографа (ок. 1750–1827) – 34, 85, 94, 109, 111, 123, 154, 157, 158, 222, 239, 242, 268, 270, 275, 278, 279, 504, 534, 604, 654 (брат)

Карамзин, Владимир Николаевич (1819–1879) – 424, 427, 527, 539 («Равноапостольный»), 541, 694 («разбойник Владимир»)

Карамзин, Михаил Александрович – 331, 332

Карамзин, Михаил Егорович, отец Н. М. Карамзина (1722(?) (но не позже 1730)–1782) – 19, 22 (свадьба), 32, 34 (кончина)

Карамзин, Николай Михайлович (1766–1826) – 19, 25, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75 («Н. К.»), 76 (письмо к Г. Р. Державину), 77, 78, 79, 80 («эпистола к тебе»), 81, 84, 85, 86, 87, 88, 94, 95, 97, 99, 100–101, 102, 104, 105, 106, 107 («Николай Михайлович»), 108, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127–128, 129, 130, 131, 132, 133, 135–136, 136, 136–137, 137, 138–139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 149–150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 166–167, 182, 185, 186, 187, 189, 190, 191, 194, 196, 197, 199, 202, 208, 209, 212, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 231, 231–232, 233, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 254, 256, 258, 260, 265, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 283, 284–285, 292, 293, 294, 296, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 505, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 340, 341, 342, 352, 356, 360, 361, 362, 365, 366, 367, 369, 370, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 390, 396, 401, 402, 403, 405, 406 («Историограф»), 407, 410, 412, 413, 415 («историограф Империи»), 417 (Карамзины), 418, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 432, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 448, 449, 450, 451, 453, 454, 455, 459, 466, 467, 471 («Историограф»), 472, 473, 474, 475, 476, 479, 481, 484, 486, 487, 488, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 503, 504, 507, 508, 515, 516 («Историограф»), 518 («Карамзины»), 521, 522, 523, 524, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 539, 540, 541, 542, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557 (вручение золот. медали), 558, 560, 561, 563, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571 («папенька»), 572, 573, 574, 575, 577, 579, 580, 586, 593, 594, 595 (Дейст. Статс. Советник), 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610,

611, 612, 613, 614, 615, 616, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 635, 637, 639, 640, 641, 642, 645, 646, 647, 648 («папенька»), 649, 650, 651, 652, 653–654 (биография Карамзина из воспом. Дмитриева), 654, 655, 657, 658, 660, 661, 662, 663, 664 (кончина), 665, 666, 667, 668, 669 («папенька»), 670, 671, 672, 674, 676, 680, 682, 685, 686, 687, 691, 694 («незабвенный Историограф»), 695, 696, 699, 700, 703 («папенька»), 704, 711, 712, 713, 714, 715, 717, 719, 721 (посвящение «Бориса Годунова»), 723, 729, 731, 733, 735 («мой друг»), 736 («белые стихи»), 740 («Карамзинский язык»), 743, 744, 746, 747 (альбом С. П. Свечиной), 748, 751, 752, 753, 754, 755, 756 (памятник в Симбирске), 757, 759, 762, 763, 764 (памятник в Симбирске), 765 (памятник), 771 (проза), 772, 773, 774 (копия письма Дмитриеву от 1 дек. 1825), 779, 780, 781, 790, 793, 794, 795, 797, 799, 803, 804, 805, 806, 807, 809 (о письмах к А. И. Тургеневу), 810, 811, 812, 813, 814, 817, 824 (памятник в Симбирске), 831, 834

Письма к И. И. Дмитриеву:

<1785(?). Москва. Осень(?)> – 36

Б. д. <1787(?). Сентябрь, 10> – 40–41

Москва. 1787– 41

2 марта 1788 – 42

18 мая 1788 – 37

2 июля 1788 – 45

3 августа 1788 – 45

Б. д. <1788. Лето?> 43–44

3 сентября 1788 – 45–46

17 ноября 1788 – 46–47

Б. д. <1788. Москва> – 44

4 июня 1790 – 52

12 ноября 1790 – 53

23 апреля 1791 – 56

1 июня 1791 (?) – 57

23 июня 1791 – 58

Август – Сентябрь 1791 – 58–59

1 сентября 1791 – 59

18 ноября 1791 – 60

2 декабря 1791 – 61

13 декабря (не ранее) 1791 – 62

Февраль – Март 1792 – 63

14 июня 1792 – 64–65

18 июля 1792 – 65–66

6 сентября 1792 – 67

21 октября 1792 – 67–68

3 января 1793 – 69

28 января 1793 – 70

17 февраля 1793 – 71

21 марта 1793 – 71

4 мая 1793 – 71–72	1 марта 1798 – 130
2 июня 1793 – 72–73	15 апреля 1798 – 131
22 июня 1793 – 73–74	29 апреля 1798 – 131–132
26 июля 1793 – 74	3 июня 1798 – 132
17 августа 1893 – 74–75	17 июня 1798 – 132
1 декабря 1793 – 76	27 июля 1798 – 133
1793(?) – 76–77	18 августа 1798 – 133–134
1793(?) – 77	20 сентября 1798 – 135
18 апреля 1794 – 80	12 октября 1798 – 136
1794(?) Май – Июнь – 81	8 ноября 1798 – 136–137
7 июня 1794 – 81–82	20 ноября 1798 – 137
2 августа 1794 – 84	13 декабря 1798 – 139
6 сентября 1794 – 85	30 декабря 1798 – 138–139
8 ноября 1794 – 86–87	1798 – 1799 (в начале?) – 141
12 февраля 1795 – 94	7 февраля 1799 – 141
5 апреля 1795 – 95	10 марта 1799 – 142
1795. Апрель – 96	4 апреля 1799 – 142
13 мая 1795 – 96	19 мая 1799 – 142–143,
3 июня 1795 – 96–97	26 июня 1799 – 143
11 июля 1795 – 97	25 июля 1799 – 144
9 августа 1795 – 99	29 октября 1799 – 144
2 сентября 1795 – 99–100	14 декабря 1799 – 145
19 сентября 1795 – 100	28 марта 1800 – 148–149
17 октября 1795 – 100–101	2 мая 1800 – 149
20 декабря 1795 – 102	20 мая 1800 – 149–150
22 января 1796 – 104	20 июня 1800 – 150
2 февраля 1796 – 104	(1800?) (Июль, втор. пол?) – 150
1796. Февраль(до 16?) – 105	15 ноября 1800 – 151–152
18 февраля 1796 – 105	3 декабря 1800 – 152
16 марта 1796 – 105–106	23 декабря 1800 – 153
4 июня 1796 – 106	14 января 1802 – 157
6 августа 1796 – 108	12 февраля 1802 – 157–158
28 августа 1796 – 108	Не ранее 5 марта 1802 – 158
6 ноября 1796 – 110	3 марта 1810 – 219
12 ноября 1796 – 110–111	10 апреля 1810 – 221
29 декабря 1796 – 114	22 мая 1810 – 221
5 января 1797 – 116	7 июля 1810 – 216–223
21 января 1797 – 116–117	11 июля 1810 – 223
26 февраля 1797 – 117	4 августа 1810 – 223–224
11 марта 1797 – 118	8 сентября 1810 – 225–226
18 мая 1797 – 120–121	19 сентября 1810 – 226
17 июня 1797 – 121	16 октября 1810 – 231
6 июля 1797 – 122	3 ноября 1810 – 231–232
10 августа 1797 – 124	21 декабря 1810 – 233
31 августа 1797 – 124	2 января 1811 – 238
16 ноября 1797 – 125	19 февраля 1811 – 239
10 декабря 1797 – 126	16 марта 1811 – 240
31 декабря 1797 – 127–128	20 марта 1811 – 241
18 января 1798 – 129	22 марта 1811 – 241
11 февраля 1798 – 129	9 апреля 1811 – 242

---

1 мая 1811 – 243–244	12 сентября 1816 – 327
4 мая 1811 – 244	1 октября 1816 – 328
11 мая 1811 – 244–245	26 октября 1816 – 329
27 мая 1811 – 245–246	2 ноября 1816 – 330
3 июня 1811 – 246	3 декабря 1816 – 330–331
15 июня 1811 – 246–247	25 декабря 1816 – 332–333
5 июля 1811 – 247	31 декабря 1816 – 333
9 августа 1811 – 248	18 января 1817 – 338
27 августа 1811 – 248–249	5 февраля 1817 – 339
13 сентября 1811 – 250	26 февраля 1817 – 342
21 сентября 1811 – 250	12 марта 1817 – 343
8 октября 1811 – 251	26 марта 1817 – 343–344
9 ноября 1811 – 252	23 апреля 1817 – 345
4 декабря 1811 – 253	22 мая 1817 – 346
30 декабря 1811 – 253	6 июня 1817 – 347
11 января 1812 – 256	3 июля 1817 – 349–350
8 апреля 1812 – 257	17 июля 1817 – 350–351
22 апреля 1812 – 257–258	3 августа 1817 – 351
9 мая 1811 – 258	21 августа 1817 – 353–354
6 июня 1812 – 258	26 сентября 1817 – 356
20 августа 1812 – 259	15 октября 1817 – 358
11 октября 1812 – 261	1 ноября 1817 – 359
28 октября 1812 – 262	22 ноября 1817 – 360
26 ноября 1812 – 262–263	10 декабря 1817 – 361
18 декабря 1812 – 263	24 декабря 1817 – 362
14 января 1813 – 264	3 января 1818 – 365
17 февраля 1813 – 264	28 января 1818 – 365–366
13 марта 1813 – 266	13 февраля 1818 – 367
30 апреля 1813 – 266–267	21 февраля 1818 – 368
20 мая 1813 – 268	11 марта 1818 – 370–371
15 июня 1813 – 269	8 апреля 1818 – 373
6 июля 1813 – 270	29 апреля 1818 – 374–375
21 июля 1813 – см. 21 июня	9 мая 1818 – 375–376
10 июля 1813 – 271	16 мая 1818 – 376
28 февраля 1814 – 278	4 июня 1818 – 377
19 марта 1814 – 278	13 июня 1818 – 377–378
30 марта 1814 – 279	27 июня 1818 – 379
20 апреля 1814 – 280	11 июля 1818 – 380
11 мая 1814 – 282	2 августа 1818 – 382
15 июня 1814 – 283	22 августа 1818 – 383
30 июня 1814 – 283	11 сентября 1818 – 384
12 июля 1814 – 284–285	10 октября 1818 – 388–389
9 сентября 1814 – 291–292	11 ноября 1818 – 396–397
15 февраля 1816 – 305	28 ноября 1818 – 402
25 мая 1816 – 323	26 декабря 1818 – 407
8 июня 1816 – 323	12 января 1819 – 410
27 июня 1816 – 323–324	27 января 1819 – 411
18 июля 1816 – 324–325	9 февраля 1819 – 412
3 августа 1816 – 325–326	28 февраля 1819 – 413–414
21 августа 1816 – 326	31 марта 1819 – 416

21 апреля 1819 – 419	21 декабря 1821 – 521–522
1 мая 1819 – 420	2 января 1822 – 527
13 мая 1819 – 422	9 января 1822 – 527
27 мая 1819 – 423	9 февраля 1822 – 530
13 июня 1819 – 425–426	27 февраля 1822 – 530
20 июня 1819 – 426	31 марта 1822 – 531
8 июля 1819 – 430	5 апреля 1822 – 532
11 июля 1819 – 431	4 мая 1822 – 533
1 августа 1819 – 433	19 мая 1822 – 534
12 сентября 1819 – 436	16 июня 1822 – 535
6 октября 1819 – 437	30 июня 1822 – 537
20 октября 1819 – 437–438	9 июля 1822 – 537
3 ноября 1819 – 439–440	11 июля 1822 – 538
21 ноября 1819 – 440	26 июля 1822 – 538
15 декабря 1819 – 441	2 августа 1822 – 539
29 декабря 1819 – 443	18 августа 1822 – 539
12 января 1820 – 446–447	7 сентября 1822 – 540
26 января 1820 – 449	25 сентября 1822 – 542
20 февраля 1820 – 451	30 октября 1822 – 547
20 марта 1820 – 455	19 ноября 1822 – 548
1 апреля 1820 – 452	14 декабря 1822 – 550
19 апреля 1820 – 459–460	1 января 1823 – 555
14 мая 1820 – 463–464	19 января 1823 – 558
7 июня 1820 – 465	5 февраля 1823 – 560
21 июня 1820 – 466–467	21 февраля 1823 – 562–563
9 июля 1820 – 467	19 марта 1823 – 563
27 августа 1820 – 473	6 апреля 1823 – 565
20 сентября 1820 – 476	26 апреля 1823 – 566
28 сентября 1820 – 477	31 мая 1823 – 569–570
19 октября 1820 – 481	5 июля 1823 – 573
11 ноября 1820 – 482–483	20 июля 1823 – 574
28 ноября 1820 – 484	10 августа 1823 – 575
20 декабря 1820 – 485	11 сентября 1823 – 576
3 января 1821 – 487	24 сентября 1823 – 576–577
25 января 1821 – 490	18 октября 1823 – 578
27 февраля 1821 – 494	27 ноября 1823 – 579
10 марта 1821 – 494–495	1 января 1824 – 587
31 марта 1821 – 495	21 января 1824 – 588
11 апреля 1821 – 495–496	4 февраля 1824 – 590–591
2 мая 1821 – 497–498	18 февраля 1824 – 591–592
24 мая 1821 – 499	5 марта 1824 – 592–593
10 июня 1821 – 501	7 апреля 1824 – 595–596
28 июня 1821 – 503	22 апреля 1824 – 597
14 июля 1821 – 504	20 мая 1824 – 599
2 августа 1821 – 505	13 июня 1824 – 600
15 августа 1821 – 506	17 июля 1824 – 600–601
30 августа 1821 – 507–508	17 августа 1824 – 601–602
30 сентября 1821 – 515–516	4 сентября 1824 – 602–603
21 октября 1821 – 517	20 сентября 1824 – 603–604
14 ноября 1821 – 520	21 октября 1824 – 605

- 31 октября 1824 – 606–607
 6 ноября 1824 – 607
 12 ноября (не позднее) 1824 – 608
 23 ноября 1824 – 609
 8 декабря 1824 – 609–610
 30 декабря 1824 – 611
 21 января 1825 – 613
 18 февраля 1825 – 615–616
 20 февраля 1825 – 616
 19 марта 1825 – 620–621
 3 апреля 1825 – 623
 17 апреля 1825 – 624
 27 апреля 1825 – 625
 3 июня 1825 – 626–627
 9 июня 1825 – 627–628
 10 июля 1825 – 628–629
 31 июля 1825 – 629
 2 сентября 1825 – 630–631
 24 сентября 1825 – 635
 22 октября 1825 – 680 (выписка), 685
 1 декабря 1825 – 639, 774 (копия)
 19 декабря 1825 – 641–642
 3 января 1826 – 645
 8 марта 1826 (приписка) – 649
 22 марта 1826 – 650
 26 марта 1826 – 651 (приписка к письму дочери)
 16 апреля 1826 – 657–658
 18 апреля 1826 – 659
 Письмо к М. Н. Муравьеву от 28 сентября 1803 г. – 166–167
 Письмо к имп. Николаю I от 15 мая 1826 г. – 663
 «Аглая» – 73, 76, 77, 78, 79 (кн. 2), 80 (кн. 1; «Аглая Николаевна»), 83 (кн. 2), 94 (кн. 2), 96, 133, 143, 184, 654
 «Альбом для Великой Кн. Екатерины Павловны» – 252
 «Аониды» – 81 (кн. 2), 82 (кн. 2), 101 («Almanach des Muses»), 102 («наши музы в 1796 году»), 104 («Almanach des Muses»), 105, 106, 107, 108, 110, 121, 122, 123–124 (начало продажи кн. 2), 135 (кн. 3), 136 (кн. 3), 137 (кн. 1, 3), 138, 139 (моск. цензура), 142, 143–144 (кн. 3), 446 (ч. 2), 644 (кн. 2), 654
 «Бедная Лиза» – 120, 142, 360
 «Бог дал мне свет ума...» – 118
 «Болезнь есть часть живущих в мире...» – см. «Господину Д** на болезнь его»
 «Бумаги Н. М. Карамзина для моих сыновей, когда они вырастут» – 799, 803
 «Везде, везде мы видим радость...» – 42
 «Вестник Европы» – 654
 «Время нравится прошло...» – 152
 «Выписка из письма от 22 октября 1825 г.» – 680
 «Где в первый раз открыл я взор...» (из стихот. «Волга») – 77
 «Господину ***. В ответ на полученную от него Поэму» – см. «К Д* <митриеву>»
 «Государыне Императрице Марии Феодоровны» («Живи, Монархиня...») – 483
 «Дарования» – 142
 «Делины слова» («О время! знаю власть закона твоего...») – 128
 «Деревянная нога...» – 35, 654
 «Детское Чтение...» – 37, 44, 654
 «Для сведения моих сыновей и потомства» – 640, 799
 «Для Потомства» – 443, 799
 «Записка о древней и новой России» («Взгляд на древнюю Россию») – 793, 794 (о невозможности напечатать), 803 («тайная новинка»), 804
 «Записка о москов. достопамятностях...» – 356, 376, 382
 «Здесь все мечта и сон...» – см. «Луизе в день Ея рождения 13 Генваря, при вручении Ей подарка»
 «Ивану Ивановичу» – см. «К Д***»
 «Илья Муромец» – 805
 «Историческое похвальное слово Екатерине II» – 157, 158 («Похвальное слово Екатерине...»)
 «История Государства Российскаго» – 166 («Русская история»), 189, 190, 202, 218, 241, 242 («борьба Дмитрия Донского с Мамаем»), 243, 248 («... времена Ивана Васильевича»), 249, 259, 261, 268, 270, 302, 303, 304, 305, 306, 310, 312, 313 («том Царя Ивана»), 314 («История Донского»), 315, 319, 320, 323, 324, 325, 328, 330, 339, 346, 350, 351, 352, 354, 359, 360, 365, 366, 368, 369, 370, 371, 375, 376, 377, 378, 379 (второе изд.), 382, 383 («корректур», а также переводчики), 386, 389, 390, 397, 400, 402, 407 («II и III печатаются»), 412, 413, 416, 425 (второе изд.), 428, 430 (фр. перевод и втор. изд.), 433 (9-й т.), 437 (2-е изд.; 9-й т.; фр. изд. и нем. пер.), 438, 439 (9-й т.), 440 (рецен. на фр. перев.), 441, 442 (9-й т.), 443 (рецен. на фр. перев.), 445, 449, 451 (9-й т.), 455, 464, 467 (9-й т.), 477, 480, 482, 483 (перев. 8-го т. на фр. яз.), 484 (фр. перев. 7 и 8-го тт.), 485, 486, 487 (пер. на фр. яз. 7 и 8-го тт.), 491 (рецензия на фр. перев.), 493, 497 (перевод на итал. яз.), 498 (коррект. посл. листов 9-го т.), 500 (9-й т.), 501 (9-й т.), 503 (9-й

- т.), 505 (1-я глав. 10-го т.), 506 (9-й т.), 508, 523 (10-й т.), 527 (царств. Феодора Иоанн.), 532 (10-й т., гл. 4-я), 534, 540 (рецензии), 541, 547 («избрание Годунова»), 548 (10-й т.), 550, 551, 552, 554, 555, 557 («характер Годунова»), 568, 575, 576, 579 (критика Лелевеля), 587, 589 («о выходе в свет десятой части»), 591, 592 («11-й том моей Истории» и критика Лелевеля), 596, 621 («третья глава Шуйского»), 626 (коммент. Д. Е. Зубарева), 636, 639, 672 (12-й т.), 694, 695 (корректурa XII т.), 703, 706, 712 («Ключ...»), 723 (третье изд.), 725, 743 (новое изд. Смирдиным)
- «К Д* <митриеву>» («Многие Барды, лиру настрои...») – 46–47, 57
- «К Милости» – 64, 128
- «К портрету Елизаветы Алексеевны» («Корона на главе...») – 483
- «Кадм и Гармония» – 65
- «Как беден человек!...» – 126
- «История Лефевра» – 63
- «Лиодор» (неоконченная повесть) – 67
- «Луизе в день Ея рождения 13 Генваря, при вручении Ей подарка» – 515
- «Любезное глазам как цвет...» – 126
- «Любовник Флоры не играет...» – 43
- «Марфа Посадница» – 655, 805
- «Мессиада» (перевод из Клопштока; не напечатан) – 37
- «Министр, Поэт и друг...» – 236, 298, 673 (под загл. «Стихи к портрету И. И. Дмитриева»)
- «Мне часто эхо изменяет...» – 126
- «Мнение Русскаго Гражданина» – 443, 799
- «Мои Безделки» – 94, 654
- Московская Уголовная палата – 696
- «Московской Альманах для Прекраснаго пола, изданный на 1826 год Сергеем Глинкою» – 636
- «Московский Журнал» – 43, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 65 («Журнал»), 66, 68, 69, 71 («Журнал»), 72 («Журнал и огарки»), 89, 154, 155–156 (изд. 2-е), 160 (изд. 2-е), 455, 518, 654
- «Моритцова митология» – 64, 67 («Мифология»)
- «Мы видим счастья тень...» – 527, 687
- (На голову) («Где трудиться голова...») – 134
- (На глазную повязку) («Любовь слепа для света...») – 134
- (На сердце) («Любовь Анатомист...») – 134
- (На пальчик, которым Амур грозит) («Награда скромности...») – 134
- (На руку) («Когда рука...») – 134
- (На крыло) («Амур летает для того...») – 134
- (На стрелу, которую Амур берет в руку) («Страшитесь: прострелю!...») – 134
- (На ногу) («Когда любовь без ног?..») – 134
- (На спину Амура) («Стою всегда лицом...») – 134
- «Наталья боярская дочь» – 55, 142, 184, 360, 805
- «Несколько слов о русской литературе» – 126
- «Ничто, ничто скрывать Любезных не могло!..» – 126
- «Но что скажем мы о времени прошедшем?...» – 40
- «Новое Прибавление» – 799
- «О Дружбе» <Запись в альбом Дмитриева, в прозе> – 249, 680, 685
- «О любви к Отечеству» – 647 («О любви к отчизне»)
- «О Манифесте 12 декабря 1825 года» – 799
- «О происхождении зла» (точнее: «О происхождении зла, поэма Великаго Галлера...») – 37, 654
- «Ода Е. И. В Александру I (на восшествие на престол)» – 158
- «Он с честью был Министр...» – 293, 298, 673 (под загл. «Стихи к портрету И. И. Дмитриева»)
- «Освобождение Европы...» – 282, 283
- «Пантеон Иностранной Словесности, или Собрания разных новых переводов...» – 132, 133, 137, 138
- «Пантеон Российских авторов...» – 149 («нотицы»), 189
- «Печаль и радость» («С печалью радость...») – 128
- «Письма Русскаго Путешественника» – 47 («греческая Грамматика»), 55, 110, 117, 133, 136, 184
- «Плавай, Сильфида, в весеннем эфире!...» – 60
- «Повесть о Томасе Джонсе» – 32
- «Послание к Д*** <митриеву>, в ответ на его стихи, в которых он жалуется на скоротечность щастливой молодости...» («Конечно так, – ты прав, мой друг!...») – 79, 154
- «Послание к женщинам» – 646
- «Пророчество на 1799 год...» – 141
- «Путешествие к Троице» – 805
- «Разговор Австрийской Марии Терезии с нашею Императрицею Елисаветою в Елисейских полях» – 32, 654
- «Разговор о счастья» – 137
- «Рыцарь нашего времени» – 654
- «Саконтала» («Сцены из Саконталы, Индейской драмы») – 66
- «Стихи Аполлодоровы, изданные приятелем его» – см. «И Мои Безделки»
- «Стихи к верной...» – 142

- «Стихи от де Мазюра к И. И. Дмитриеву» – 77
 «Тебя, лесочик, насадила...» – 126
 «Тень и Предмет» – 687
 «Только для Марфина» – 143
 «Томас Джонсон» – 654
 «Цветок над гробом Агатона» – 35
 «Часто здесь в юдоли мрачной...» – 41
 «Что Меланхолия? Нежнейший перелив...» – 152
 «Что может быть любви и счастья быстрее?...» – 150
 «Штурмовы Размышления» («Размышления о делах Божиих в царстве Природы и Провидения, на каждый день года...») – 37, 654
 «Щастье истинно хранится...» – 40
 «Эмилия Галотти» («Эмилия Галотти, трагедия в пяти действиях, сочиненная г. Лессингом...») – 37, 55, 654, 814
 «Эпиграмма на жизнь» («Что наша жизнь? Роман...») – 128
 «Юлия» – 105, 360
 «Юлий Цезарь» («Юлий Цезарь, трагедия, сочинение Виллиама Шекеспира...») – 37, 40, 82, 654, 814
 «Almanach des Muses» – см. «Аониды»
 «Le Spectateur du Nord» («Северный Зритель») – 126, 129
 «Les veillées du chateau...» – 37
 «On dit que le bonheur...» – 527
 «Quelques idées sur l'amour» – 127
 «Un mot sur la littérature russe» – 126, 129
 Карамзин, Николай Николаевич, сын историографа (1817–1833) – 352, 354, 375, 420, 484, 527, 597 (третий сын), 599, 757 (кончина), 759
 Карамзин, Николай Федорович (1803–1870) – 308, 309, 538
 Карамзин, Федор Михайлович (1768(?)–1832(?)) – 34, 94, 302, 305, 307, 308, 309, 312, 606
 Карамзина, Евдокия Гавриловна, урожд. Дмитриева, втор. жена Карамзина М. Е. (ум. не позже 1774) – 22, 25 (кончина)
 Карамзина, Екатерина Андреевна, урожд. Кольванова (1780–1851), вторая жена историографа – 32, 219, 223, 224, 225, 226, 239 («...возвратились мы»), 240, 241, 244, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 256, 257, 258, 261, 266, 268, 270, 278, 279, 280, 283, 285, 292, 293, 296, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 313, 315, 323, 324, 325, 326, 329, 330, 331, 333, 339, 342, 343, 344, 347, 350, 351, 352, 353, 361, 365, 367, 368, 379, 397, 407 («жена»), 410, 416, 417, 419, 420, 423, 424, 425, 426, 427, 433, 437, 439, 441, 459, 463, 467, 477, 493, 496, 504, 505, 506 (приписка к письму мужа), 508, 535, 537, 538, 543, 547, 571 («маменька»), 576, 577, 587, 591, 592, 595, 609, 610, 613, 615, 617, 623, 627, 635, 638, 641, 645, 646 («маменька»), 647 («маменька»), 650, 651, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 670, 676, 692, 694, 695, 701, 703 («маменька»), 711, 714, 715, 720, 724, 725, 726, 735, 738, 740, 745, 749, 757, 758, 759, 765, 766, 767, 769, 773, 776, 780 (в письме к Пушкину), 781, 784, 788, 789 («бедная мать»), 790, 791, 794, 795, 799, 800, 803, 804, 808, 814, 815, 820, 826
 Письма к И. И. Дмитриеву:
 15 декабря 1816 – 332
 28 сентября 1820 – 477–478 (приписка к письму мужа)
 25 сентября 1822 – 542 (приписка к письму мужа)
 24 сентября 1823 – 577 (приписка к письму мужа)
 8 декабря 1824 – 610 (приписка к письму мужа)
 24 сентября 1825 – 635 (приписка к письму мужа)
 22 марта 1826 – 650 (приписка к письму мужа)
 18 ...19 апреля 1826 – 659 (приписка к письму мужа)
 22 июня 1826 – 666
 10 января 1827 – 676
 8 мая 1828 – 692
 25 сентября 1828 – 694
 Ноябрь 1828 – 695
 13 декабря 1828 – 696
 Накануне Пасхи, 1829 – 701
 Сентябрь 1830 – 717
 7 февраля 1831 – 725
 23 апреля 1831 – 726
 23 декабря 1832 – 749
 4 апреля 1833 – 757
 13 августа 1833 – 765
 17 сентября 1836 – 805
 Карамзина, Екатерина Петровна, урожд. Пазухина, мать Н. М. Карамзина (ок. 1730–1769) – 19, 25
 Карамзина, Екатерина Николаевна – см. Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна
 Карамзина, Елизавета Ивановна, урожд. Протасова, первая жена Н. М. Карамзина (1767(?)–1803) – 121 («Протасова»?), 158, 614, 655
 Карамзина, Елизавета Николаевна (1821–1892) – 493, 494, 496
 Карамзина, Екатерина Михайловна (старшая се-

- стра Н. М. Карамзина) – см. Кушникова, Е. М.
- Карамзина, Марфа Михайловна – см. Фило-софова, Марфа Михайловна
- Карамзина, Наталья Николаевна, дочь исто-риографа (ум. 1810 г.) – 222, 575
- Карамзина, Наталья Николаевна (род. 6 мая 1812) – 258, 266, 270, 278, 285
- Карамзина, Софья Николаевна, старшая дочь историографа (1802–1856) – 158, 278, 280, 303, 315, 478, 483, 507 («Фрейлина»), 508 («Фрейли-на»), 518 («Фрейлина»), 515–516, 533, 536, 571, 572, 578, 587, 592, 600, 623, 635, 650 (сестра), 659, 664, 668, 669, 664, 668, 669, 693, 702, 703, 711, 717, 732, 735, 738, 761, 766, 767 (отъезд за границу), 771, 784, 805, 822, 828
- Письма к И. И. Дмитриеву:
- 28 сентября 1820 – 478 (приписка к письму отца)
- 29 сентября 1821 – 515–516 (приписка к письму отца)
- 25 сентября 1822 – 543 (приписка к письму отца)
- 12 июня 1823 – 571
- 15 июня 1823 – 571
- 1 января 1824 – 587 (приписка к письму отца)
- 26 июня 1823 – 572
- 1 января 1824 – 587 (приписка к письму отца)
- 3 апреля 1825 – 624
- 24 сентября 1825 – 635 (приписка к письму отца)
- 8 марта 1826 – 649
- 11 марта 1826 – 649
- 18 ...19 апреля 1826 – 659 (приписка к письму отца)
- 31 июля 1826 – 669
- 4 июля 1828 – 693–694
- 15 апреля 1829 – 702 (приписка к письму се-стры – кн. Мещерской)
- Аперль(?), 1829 – 703 (письмо при посылке 12 т. «Истории»)
- 26 сентября 1829 – 707
- 14 апреля 1830 – 713
- не ранее 28 сентября 1831 – 717
- 9 декабря 1831 – 732
- 28 июня 1833 – 761
- 20 января 1834 – 771
- 25 мая. 1834 – 777
- 17 сентября 1836 – 805
- Карамзины – 28(малолетние), 218, 263, 277, 283, 324, 376, 377, 417, 422, 434, 435, 438, 441, 446, 463, 635, 691, 702, 703, 713, 714, 718, 719, 726, 727, 728, 731, 740, 743, 746 (сыновья), 748, 750, 759, 761, 762, 764, 766, 767, 768, 791, 793, 795, 803, 805, 831
- Каратыгин, Василий Андреевич (1802–1853) – 546, 818
- Караччиоли, маркиз Доменик (1715–1789) – 404
- Капнист, Василий Васильевич (1758–1823) – 70 («Ода на шастие»), 278, 441, 448, 620, 737
- Карл XI – 738
- Карл XII (Karl XII; король швед.; 1682–1718) – 703
- Карл V – 492
- Карлгоф, Вильгельм Иванович (1796–1841) – 728
- Карлгоф, Елизавета Алексеевна, урожд. Аша-нина (1814–1884) – 728
- Карлевич, Михаил Осипович – 346, 347, 352
- «Карманная Библиотека Аонид, собранная из некоторых лучших писателей нашего времени и расположенная по новому методу, с присовокуплением надписей к их портретам, характери-стики и биографии каждого, Иваном Георгиевским» (СПб., 1821) – 489 («Ковчег»), 525, 533
- Карнеев – см. Корнеев.
- Карниолин-Пинский, Матвей Михайлович (1796–1866) – 606, 622, 636
- Карно, Лазарь – 304
- Карпова, Е. В. – 386
- Карпова, И. Л. – 12, 124, 602
- «Картины политических перемен в Европе, соч. Ансильона» – 568
- Кассельре, лорд – 540
- Каталани, Анжелика (Catalani, A.; 1780–1849) – 466, 469, 470, 472, 475, 480, 486
- Катенин, Павел Александрович (1792–1853) – 460, 481, 546, 548
- Каткарт, лорд, английский посланник – 305, 306, 320
- Катулл, Гай Валерий (Catullus, Gaius Valerius; 87–54 до н. э.) – 827
- Каченовский, В. М. – 387
- Каченовский, Михаил Трофимович (1775–1842) – 190, 194, 197, 198, 200, 201 (эпиграмма Дмитриева), 202, 203, 205, 254, 258, 272, 358, 376, 381, 382 («Г. Аноним»), 384, 385, 386, 387, 389, 400, 401, 404, 406, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 428, 438, 446, 453, 454, 456, 461, 462, 463, 471, 472 («Лужницкий Фрерон»), 485, 488, 490, 491, 493, 496, 564, 596, 597, 607 («качан»), 667, 748, 754
- Кашинцев, Елисей, симбирский старожил – 603
- Кашкин, Д. Е. яросл. поэт – 813

- Кашкин, Евгений Петрович, гвардии премьер-майор – 24
- Кашкин, Николай Евгеньевич, сенатор – 239, 441, 595, 616, 641
- Кашкина, Анна Гавриловна – 616 (кончина)
- Кёнигсбергский архив – 251
- Кеппен, Петр Иванович (1793–1864) – 612
- Киевляне – 39
- Кипренский (Швальбе), Орест Адамович (1782–1836) – 276 (портрет И. И. Дмитриева)
- Киреевский, Иван Васильевич (1806–1856) – 712 («Обозрение Русской словесности за 1829 год»), 735, 737, 788
- Кириченко-Остромов – 404, 405
- Киселев, Дмитрий Иванович (1761–1820) – 147, 465, 654
- Киселев, Н. – 601, 602
- Киселев, Сергей Дмитриевич (1793–1851) – 688
- Киселев, Федор Иванович – 95, 96
- Киселева, Прасковья Петровна, урожд. Урусова – 465
- Клаудий, Христофор Александрович (?–1805) – 94, 97, 99
- Клейст, Кристиан Эвальд фон (Kleist, Christian Ewald von; 1715–1759) – 47, 471
- Клермонт (Clairmont), Клер – 636
- Клингер, Фридрих Максимилиан, фон (Klinger, Friedrich Maximilian von; 1753–1831) – 324
- Клопшток, Фридрих Готлиб (Klopstock, Fridrich Gottlieb; 1724–1803) – 54, 106
- Клостерман, Герман Иоганн – 43
- Клушин, Александр Иванович (1763–1804) – 63, 66, 70, 71 («Человек»), 72 («Несчастный М-ъ»), 74
- «Ключ или Алфавитный указатель к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина» – 711, 712
- Ключарев, Федор Петрович (1751–1822) – 223, 404
- Клюшкин, Кукушкин, Кулушкин, Коклюшин – см. Клушин, Александр Павлович
- Кляйнер, Ю. – 682 («Mickiewicz»)
- «Книжечка для прекраснаго пола и молодых мужчин» (М., 1819; пер. с нем. яз.) – 436
- Князевская, Т. Б. – 18, 386
- Князья:
- Бельские – 337
- Мосальские – 337
- Новгородсеверские – 337
- Смоленские – 334, 335, 336, 337
- Стародубские – 337
- Трубецкие – 33
- Княжевич (младший), Владислав Максимович (1798–1873) – 522
- Княжнин, Яков Борисович (1742–1791) – 33, 404, 679, 737 (второй гость)
- Кобозев, М. – 632
- Козицкая, Еатерина Ивановна, урожд. Мясникова (1746–1833) – 40, 42
- Козлов, Владимир Петрович – 386
- Козлов, Д. И. – 464
- Козлов, Иван Иванович (1779–1840) – 761, 791
- Козловский (Козлов), Михаил Иванович (1753–1802) – 575, 618
- Козловский, князь Петр Борисович (1783–1840) – 797, 798, 825
- Козицкий, Григорий Васильевич (1725?–1775) – 643, 674
- Козловский, князь Петр Борисович (1783–1840) – 618, 797, 798
- Козлянинов – 479 («Урывки времени»)
- Козляев, Федор Ильич – 88, 113, 114, 154, 191, 518, 592
- Козодавлев, Осип Петрович (1754–1819) – 60, 72, 101, 145, 251, 303, 308, 310, 312, 342, 383, 430, 431, 432, 433, 436, 446, 536, 834
- Козодавлева, Анна Петровна, рожд. княгиня Голицына – 432, 433
- Кокоскин, Иван Алексеевич (1765–1835) – 39
- Кокоскин, Федор Федорович (1773–1838) – 215 («Мизантроп»), 283, 323, 404, 575, 576, 632, 692
- Кокрель (Cockerell, Charles Robert) – 516
- Колмаков, Алексей Васильевич (ум. 1804) – 69 («Алкоран»),
- Кологривов – 473
- Кологривова, Прасковья Юрьевна, урожд. княжна Трубецкая (1762–1846) – 248, 367
- Колосов, Василий Михайлович – 404
- Колосова, Александра Михайловна, в замуж. Каратыгина (1802–1880) – 177, 546, 603, 605
- Ко(а)любакин, Иван Васильевич – 35
- Колычев, Василий Петрович (1736–1794) – 31 («Сальвиний и Адельсон»)
- Кольберг – 342
- Комаровский, граф Евграф Федотович (ум. 1843) – 113, 645, 661
- Комаров (Камаров), Матвей (нач. 1730-х гг.–1812?) – 58
- Комиссия для пособия разоренным от пожара и неприятеля в Москве – 326 (председательство И. И. Дмитриева), 327
- «Коммерческая Газета» – 744

- Коммерческий Совет (Петербург) – 713
 Коммерческое Училище (Москва) – 744
 Кондратович, Кирьяк Андреевич (1703–ок. 1790) – 408
 Констан де Ребек Бенжамен-Анри (1767–1830) – 402, 404, 469, 472, 474, 476, 477, 552 («О стодневном правлении»), 700 («Адольф»)
 Константин Павлович, Великий Князь, цесаревич (1799) (1779–1831) – 112, 440, 458, 531, 532, 639, 641
 Константин Васильевич, сын Василия Андреевича Весилицы – 335
 Константин Ростиславович, кн., сын Ростислава Мстиславича – 335
 Конюшенная церковь (Петербург) – 817
 Коперник – 480
 Копецкий – 221
 Копьев, Алексей Данилович (1767–1846) – 83, 85
 Копцев, сержант – 19
 Корбе, Ш. – 480, 482, 486, 552
 «Корифей, или Литературный ключ» (Москва, 1802–1807; изд. Я. А. Галинковский) – 167, 193
 Корецкая – 342
 Коркунов, Михаил Андреевич (1806–1858) – 611, 688
 Корнеев (переводчик) – 414
 Корнеев, Захар Яковлевич (1748–1828) – 432
 Корнель, Пьер (Cornelle, Pierre; 1606–1684) – 388, 618
 Корнильев, Василий Дмитриевич – 817
 Королева – см. Луиза, королева прусская.
 Корф – 723
 Космолинская, Г. А. – 647
 Костар, П. (1603–1660) – 20, 276
 Костров, Ермил Иванович (1752–1796) – 68, 737 («второй тост»), 832
 Костюшко, Тадеуш (Kościuszko, Tadeusz; 1746–1817) – 85, 86
 Котельников (московский купец) – 531
 Коцебу, Август Фридрих Фердинанд, фон (Kotzebue, August; 1761–1819) – 65, 76, 383, 404, 406, 416, 418
 Коцебу, Оттон Евстафьевич (1787–1846) – 376
 Кочубей, граф Виктор Павлович (1768–1834) – 281, 310, 312, 383, 412, 508, 540, 542, 546, 566, 570, 618, 691, 754
 Кошанский, Николай Федорович (1781–1831) – 262
 Кошелев, Александр Иванович (1806–1883) – 725
 Кошелев, Родион Алексеевич (1749–1827) – 351
 Краевский, Андрей Александрович (1810–1889) – 817
 Красинский – 401
 Красицкий, Игнаций (Krasicki, Ignacy; 1735–1801) – 438
 Краснобородько, Т. И. – 673
 Красовский, Александр Иванович (1780–1857) – 551, 556, 559
 Крейтон, Александр Александрович (ум. 1856) – 294, 473
 Кривцов, Николай Иванович (1791–1841) – 413, 415, 416, 417 (письмо Дмитриева), 418, 450, 476, 483, 505, 506, 521, 530, 538, 631
 Крубер, доктор – 458
 Круг, Филипп Иванович (1764–1844) – 312, 554
 Крузенштерн, Иван Федорович (1770–1846) – 294
 Крылов, Л. А. – 557
 Крылов, Иван Андреевич (1769–1844) – 70, 147, 191 (начало знакомства с Дмитриевым), 194, 195 (басни: «Дуб и Трость», «Разборчивая невеста»), 212, 213 (реценз. Жуковского), 262, 314, 321, 322, 399, 415, 416, 417, 544, 546, 557, 565, 570, 573, 577, 578, 585, 589, 595, 598, 626, 653, 661, 739, 762, 818
 Крюднер, баронесса Варвара-Юлия, урожд. Фитингоф (1764–1823) – 821
 Крюков – 404
 Кубасов, И. – 693
 Кугушевы – 404
 Кудрявцев – 715
 Кудрявцев, Александр (оренбургский помещик) – 19
 Кудрявцев, И. А. – 386
 Кудрявцев, Нефед Никитич (убит 1774) – 24
 Кудрявцева, Любовь Фадеевна, урожд. Суворцева – 19
 Кузнецов, Александр Иванович – 702, 809, 814 («Христанский Календарь»)
 Кузнецовы (братья) – 809, 814, 815, 826, 832
 Кукольник, Нестор Васильевич (1809–1868) – 782
 Кулебакин, симбирский дворянин – 141
 Кульман, Николай Карлович – 677
 Купидон – 89
 Куракин, князь Александр Борисович (1752–1818) – 111, 117, 120, 130, 131, 281, 310, 312, 618
 Куракин, князь Алексей Борисович (1759–1829) – 145, 210, 566, 641
 Курбатов, А. – 82

- Курбатов, Александр Дмитриевич (1800–1858) – 690
- Курье (Курьё), де Мере Поль-Луи (Courcier, Paul-Louis; 1772–1825) – 443, 568
- Кутайсов, Иван Павлович (1759–1834) – 146
- Кутузов, граф (дом для Карамзиных) – 664
- Кутузов – см. Голицишев-Кутузов, Павел.
- Кушников, Александр Сергеевич – 244
- Кушников, Серий Сергеевич (1765–1838) – 77, 209, 244, 303, 308, 327, 331, 344, 402, 473, 490, 508, 531, 532, 548, 550, 572, 573, 576, 579, 587, 623, 631, 664, 680, 762, 786
- Кушникова, Анна Сергеевна – см. Порошина, Анна Сергеевна
- Кушникова, Вера Сергеевна, в замужестве Тараринова – 420
- Кушникова, Екатерина Михайловна, старшая сестра Н. М. Карамзина – 77
- Кушникова, Екатерина Петровна, урожд. Бекова (ум. 1827) – 577, 579, 685, 686
- Кушникова, Софья Сергеевна, в замужестве Бибилова – 631 («моя внучка»)
- Кушниковы – 339
- Кюхельбекер, Вильгельм Карлович (1797–1846) – 366, 418, 490, 522, 645, 754
- Л**
- Лабзин, Александр Федорович (1766–1825) – 66, 332, 345, 542, 546, 548
- Лабрюер, Жан де (La Bruyère, Jean de; 1645–1696) – 388, 618
- Лаваль, граф Иван Степанович (1761–1846) – 484, 530, 531, 604, 618, 620, 625, 641
- Лаваль, графиня Александра Григорьевна, урожд. Козицкая (1772–1850) – 302, 303, 307, 314, 315, 484, 609, 641, 790
- Лавали – 641
- Лагарп, Жан-Франсуа (La Harpe; 1739–1803) – 202, 383
- Лазарев – 531, 532, 752, 757
- Лазаревич – 304
- Лайелл, Роберт (Lyall, Robert) – 586
- Ламбер (Lambert, Joh. Heinr.; 1728–1777) – 144
- Ламолиньер – 651
- Ламот (Ла Мотт-Удар Антуан) (Antoine Houdar de la Motte; 1672–1731) – 823
- Ланда, С. С. – 682
- Ландины – 617
- Ланская, Елисавета Ивановна, урожд. Вилламова – 309, 310 (письмо к Дмитриеву), 311, 323, 409, 422, 555, 574
- Ланской, Василий Сергеевич (1754–1831) – 312, 375, 700
- Лапир, Л. Х. – 257
- Лас-Каз, Эммануэль Огюст Дьедонне (Las-Cases Emmanuel-Augustin-Dieudonné-Marie-Joseph de; 1766–1842) – 134, 400, 401, 413, 414, 420, 427, 450, 574, 575
- Лафайет, Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье де (La Fayette; 1757–1834) – 496, 739
- Лафатер, Иоганн Каспар (Lavater, Johann Kaspar; 1741–1801) – 106
- Лафонтен, Жан (La Fontaine, Jean de; 1621–1695) – 20, 41, 121, 159, 186, 200, 203, 205, 212, 232, 236, 260, 275, 321, 322, 389, 403, 404, 405, 417, 418, 541, 544, 551, 555, 581, 591, 592, 661, 767, 775
- Лебре(ю)н, Понс-Дени Экушар (Le Brun, Ponce-Denis Escouchard; 1729–1807) – 41, 214, 524
- Левашова, Екатерина Петровна, рожд. Мятлева – 531
- Левек – 318
- Левин, Юрий Давидович (1920–2006) – 48
- Лене, Ф. (перевод. «Истории» Карамзина на фр. яз.) – 411
- Лжедмитрий I (Отрепьев, Григорий Богданович; ум. 1606) – 548, 554, 574, 578, 596
- «Лже-Дмитриев» – см. Дмитриев, М. А.
- Лейтон, Яков Иванович – 294
- Леклерк, Жан (Leclerc, Jean; 1657–1736) – 318, 366
- Лелевель, Иоахим (Lelewel, Joachim; 1786–1860) – 550 («какой-то поляк»), 554, 579, 592, 594
- Лене-Меланский, Ф. – 411
- Леон, имп. виз. – 40
- Леонов, В. П. – 12
- Лепехин, Иван Иванович (1740–1802) – 122
- Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814–1841) – 821 («Прекрасные стихи на кончину Пушкина»)
- Лернер, Николай Осипович (1877–1934) – 320, 327, 458, 464, 670, 684, 699, 715, 716, 717, 720, 725, 732, 760
- Лесаж, Алан-Рене (Lesage, Alain René; 1668–1747) – 528 («Lesage»), 529
- Лессинг, Готтхольд Эфраим (Lessing, Gotthold Ephraim; 1729–1781) – 37 («Эмилия Галотти»), 654
- Лесток, Иван Иванович (Иоганн Герман, Арман; 1692–1767) – 458
- Летурнер, Шарль (Letourneur, Charles Prangois; 1751–1827) – 48
- Ливен, граф – 41
- Ливен, кн. – 757 (курьер), 821

- Ливий, Тит (Livius Titus; 59 до н. э. – 17 н. э.) – 445, 454, 541, 557, 558
- Лизанька – см. Карамзина, Елизавета Ивановна
- Линде, Самуил Богумил (Linde, Samuil Bogumil; 1771–1847) – 372 («Линдев лексикон»)
- Линдфорс – 722
- Лирия-и-Херика, герцог Якобо Фитц Джеймс Стюарт де (Liria-e-Herica, J. F. de) – 458
- Лисенков, Иван Тимофеевич (1795–1881) – 790
- Лисицына, Анна Ивановна – 674
- Лисовский – 337
- «Листки Граций, или собраннестихотворений для альбома» (М., 1829) – 527
- «Литературная Газета» – 711, 714, 720, 724
- «Литературные Листки» – 589, 591, 606
- «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» – 556, 567, 731, 751 (1832. Карамзин, стихи Дмитриеву), 771, 795, 796, 798, 814, 815
- «Литературный вечер» – 300
- «Литературный Музеум на 1827 год, Владимира Измайлова» – 673, 679, 686
- «Литовский Курьер» – 438
- Лихачев, офицер (штабс-капитан) Семеновского полка – 112, 113
- Лицей Царскосельский – 252 (открытие), 320
- Лобанов, Михаил Евстафьевич (1787–1846) – 590, 783 («Уллис»), 790, 797
- Лобанов-Ростовский, князь Дмитрий Иванович (1758–1838) – 309, 383, 440
- Лобанов-Ростовский, князь Яков Иванович (1760–1831) – 309, 565
- Лобанов-Ростовский, князь – 278
- Лобановы – 304, 308, 312
- «Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева...» – 214
- Локателли, Джиовани Батиста – 21
- Ломоносов, Михаил Васильевич (1711–1765) – 21, 40 («Ломоносовская строфа»), 83, 135, 189, 215, 231, 262, 276, 294, 366, 404, 489, 511, 544, 550, 580, 595, 611, 643, 648, 665, 673, 711, 715, 719, 737, 754, 765 (памятник), 772, 776 (статья П. П. Свиньиной), 813
- «Вечернее Размышление о Величестве Божием» – 21, 404
- «Где ветер в лесах шуметь забыл...» – 21
- «Иов» – 21
- «Мурза упал на долгу тень...» – 20
- «Над войском облак вдруг развился...» – 20
- «Не зрит их око, слух не чувствует...» – 21
- «Открылась бездна, звезд полна...» – 21
- «Ода на взятие Хотина» – 20
- «Свилася мгла герои в ней...» – 21
- Собрание сочинений, первое моск. изд. – 15
- Лонгинов, Михаил Николаевич (1823–1875) – 34, 59, 64, 66, 115, 147, 153, 207, 208, 553, 554
- Лондондерри, лорд – 540
- Лопатин, В. С. – 85
- Лопе (Лопец) де Вера (Lopes Fernão; 1380(90)–1459) – 20
- Лопухин, князь Иван Владимирович (1756–1816) – 66, 110, 145, 290, 310, 311, 312, 324, 325
- Лопухин, князь Петр Васильевич (1753–1827) – 311, 641
- Лорансен, владелец пансиона в Симбирске – 19
- Лосенко, Антон Павлович (1737–1773) – 28
- Лотман, Юрий Михайлович (1922–1994) – 151, 184
- Лошаков, Степан Ефимович – 513
- Луазон, критик – 464
- Лувель – 469
- Лузанов – 322, 404
- Лукин, Владимир Игнатьевич (1737–1794) – 276
- Лунин, А. М. – 218
- Лыжгин – 252
- Львов, Николай Александрович (1751–1803) – 57, 106
- Львов, Павел Юрьевич (1770–1825) – 51, 65, 66 («львенок»), 67 («стихи»: «К Пеночке»), 75, 101, 178, 189 («Историческое слово князю Пожарскому и Минину»), 208, 240 («Храм Славы»), 404, 629
- Львов, Сергей Лаврентьевич – 706
- Львов, Степан Алексеевич, нижегородский помещик – 262
- Львов, Федор Петрович (1766–1836) – 54, 66 («К Лире»), 81, 569
- Львовы – 72
- «Любитель Отечества» («Отчелюбец». СПб., 1816) – 346
- Любошинский, виленский губ. прокурор – 260
- Людовик XIV, (1638–1715), король Франции с 1643 г. – 416, 451, 690
- Людовик XV, (1710–1774), король Франции с 1715г. – 401, 416
- Людовик XVI, (1754–1793), король Франции (1774–1792 гг.) – 39 («Французский король»), 70
- Людовик XVIII, (1755–1824), король Франции (1814–1815, 1815–1824) – 452
- Лютер, Мартин (Luther, Martin; 1483–1546) – 703
- Люцероде, барон Карл Август (Lützerode; 1794–1864) – 766 (обед у Дмитриева), 767

Лямин, Е. – 621
 Лямина, Екатерина Эдуардовна – 13, 46, 773
 «Лянсин», сорт кит. чая – 828
 Ляпунов, Иван Петрович – 87
 Ляпунов, офицер Семеновского полка, сослуж.
 Дмитриева – 39, 65, 138

М

М. Ю. (Министр Юстиции) – 467
 Магницкий, Михаил Леонтьевич (1778–1844) –
 435, 605, 616, 618, 619, 628, 657
 Магмет (точнее: Мухаммед)-Гирей – 337
 Маздорф, Александр Карлович (ок. 1790–
 1820) – 415, 435
 Майков, Аполлон Александрович (1761–1838) –
 546
 Майков, Василий Иванович (1725–1778) – 23,
 719
 Майков, гвардии-поручик – 722
 Макаров, Михаил Николаевич (1785–1847) – 218
 («Евдоксия, или Картина...»), 716, 790, 798, 834
 Макаров, Петр Иванович (1764–1804) – 19, 169
 (рецензия на 2-е изд.), 177
 Макогоненко, Георгий Пантелеймонович (1912–
 1986) – 12, 57, 88, 89, 90, 91, 92, 553, 554
 Максимович – 187
 Макферсон, Джеймс (Macpherson, James;
 1736–1796) – 48
 Малевский, Франтишек Иероним (1800–1870) –
 677
 «Маленький Гримм» – см. Тургенев, Александр
 Иванович
 Малиновская, Анна Петровна (1770–1847) –
 725
 Малиновский, Алексей Федорович (1763–
 1840) – 120, 257, 304, 312, 319, 334, 337, 365, 429,
 440, 441, 444, 447, 449 («Сенатор»), 450, 452, 454,
 463, 485, 490, 508, 573, 637, 740, 763, 798
 Малиновский, Василий Федорович – 120
 Малиновские – 304, 308
 Мальцов, Иван Сергеевич (1807–1880) – 676, 757
 Мальцева (Мальцова) – 464
 Мальшева – 479
 Мамонов – см. Дмитриев-Мамонов
 Манжень, учитель Дмитриева – 19, 22, 592
 Маржерет, Жак (Margeret, Jacques) – 572, 603,
 604, 605, 607, 647, 671, 672
 Мариво, Пьер Карле де Шамблен де (1688–
 1763) – 604
 Марин, Сергей Никифорович (1775–1813) – 211
 («Сатира взятая из Боало» («Любимец нежных
 Муз, питомец Аполлона...»), 236 («Стихи Ек-

спронтум. И. И. Дмитриеву, приславшему мне
 свои басни в первый день поста»)

Мария Николаевна, вел. кн. – 434

Мария Павловна (вел. княгиня; 1786–1859) –
 306, 309, 313, 315, 316, 522, 531, 607, 618, 629

Мария Фе(о)доровна (София Доротея Августа
 Луиза) (1759–1828), императрица, втор. жена имп
 Павла I, мать имп. Александра I и Николая I – 267,
 269, 270, 273, 275, 278, 285, 301, 302, 303, 306, 308,
 313, 314, 315, 318, 323, 325, 326, 328, 342, 343,
 346, 347, 358, 359, 375, 379, 382, 383, 412, 423,
 425 («Вдовствующая»), 434, 437, 439, 458, 459,
 463, 473, 476, 481, 485, 494, 495, 496, 505, 507,
 508, 520, 531, 540, 547, 555, 573, 574, 576, 579,
 588, 594, 609, 622, 623, 627, 635 («Императрица»),
 636, 641, 645, 647, 653, 659, 670, 695

Маркевич, Николай Андреевич (1804–1860) –
 751 (письмо Дмитриева), 786–787 (письмо Дми-
 триева), 791, 792 (письмо Дмитриева)

Марков (Морков), граф Аркадий Иванович
 (1747–1827) – 627

Маркус – 718, 719

Мармонтель, Жан Франсуа (Marmontel, Jean
 François; 1723–1799) – 21

Мартос, Иван Петрович (1754–1835) – 386
 (скульпт. портрет И. И. Дмитриева), 614

Мартос, Иван Романович (ок. 1760–1831) – 217
 («Исследование банного строения...»), 417

Мартынов, Иван Иванович (1771–1833) – 120,
 172, 294, 345

Мартынов, И. Ф. – 274

Марфа Михайловна – см. Философова, Марфа
 Михайловна

Маршал (фам.) – 432

Марья Ивановна – 40

Матвеев, чиновник – 565

Матюнин, Павел Ефимович (1805–1874) – 756
 (1833, посещение И. И. и М. А. Дмитриевых), 757
 (тайное венчание)

Матюшка, слуга Дмитриева – 42

Медвин, Томас (Medwin, Thomas) – 610, 612

Медикохирургическая Академия – 593

«Медный конь» – см. Пушкин: «Медный Всад-
 ник»

Межаков, П. А. – 523

Межевич, Василий Степанович (1814–1849) –
 794

Межуев (Мижув), домовладелец в Петербур-
 ге – 579

Мейстер, Якоб-Генрих (Meister, Jacques-Henri;
 1744–1826) – 411, 569

Мелимук, Виталий Игоревич – 12

Мелиссино, Иван Иванович (1718–1795) – 793

- Мельгунов, Николай Александрович (1804–1857) – 788
- Менгли (Мингли)-Гирей (ум. 1515) – 337
- Менделеев, Дмитрий Иванович (1834–1907) – 817
- Меньшиков, Александр Сергеевич (1787–1869) – 691
- Мердер, Карл Карлович (1788–1834) – 750
- Мерзляков, Александр Федорович (1778–1830) – 151, 187, 190, 192
(письмо Дмитриева), 198 («Торжество Александра, или сила музыки»), 201, 202, 345, 369, 372, 386, 404, 441, 448, 454, 457, 620, 643, 715 (кончина), 790
- Мерсье, Луи Себастьян (Mercier, Louis Sébastien; 1740–1814) – 37 («Философ живущий у хлебного рынку»), 49, 694 («Анатомический Амфитеатр»)
- Месанс, де, шевалье – 239
- Местр, граф Жозеф Мари де (Maistre, Joseph Marie de; 1753–1821) – 305, 311, 314
- Местр, граф Ксавье де (Maistre, Xavier de; 1763–1852) – 155, 256, 312, 504
«Месяцеслов на 1798...» – 128
«Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1825...» – 627, 630, 632, 634
- Метастазιο, Пьетро (Metastasio, Pietro; 1698–1782) – 187
- Мещерская, княгиня Екатерина Николаевна, урожд. Карамзина (1806–1867) – 266, 278, 282, 303 («Катенька»), 308 («Катенька»), 315, 332, 333, 338, 339 («Катенька»), 347, 407 («дочь Катенька»), 524, 555 («Катиш»), 571, 577, 587, 592, 593, 610, 623, 631, 635, 644, 647, 649 («Катенька»), 650, 668, 659, 669, 694, 702, 724, 732, 759, 825
- Письма к И. И. Дмитриеву:
25 сентября 1822 – 543 (приписка к письму отца)
24 сентября 1823 – 577 (приписка к письму отца)
1 января 1824 – 587 (приписка к письму отца)
8 декабря 1824 – 610 (приписка к письму отца)
3 апреля 1825 – 623 (приписка к письму отца)
24 сентября 1825 – 635 (приписка к письму отца)
18 февраля 1826 – 647
26 марта 1826 – 650
31 июля 1826 – 669
15 апреля 1829 – 702
2 мая 1837 – 825
- Мещерская, княгиня Софья Сергеевна, урожд. Всеволожская (1775–1848) – 732
- Мещерские – 732, 766, 767 (отъезд за границу)
- Мещерский, князь Петр Иванович (1802–1876) – 694, 732, 736, 742, 815, 818, 830
- Мещерский (письма) – 742, 744
- «Мизантроп, или Нелюдим» («Le misanthrope», комед. Ж.-Б. Мольера) – 605
- Микеланджело Буанароти (Michelangelo; 1475–1564) – 772
- Миллер, Герард Фридрих (1705–1783) – 711
- Миллер, моск. книгопродавец – 654
- Милонов, Михаил Васильевич (1792–1821) – 230, 386, 399, 404 («Надежда»), 413, 415, 522 («К Юности»), 523
- Милорадович, граф Михаил Андреевич (1770–1825) – 324, 375, 403, 546
- Мильгон, Джон (Milton, John; 1608–1674) – 417, 457, 511, 790, 810 («Потерянный Рай» в переводе В. П. Петрова, три песни), 811, 812
- Микешин, звенигородский городской – 481
- Микулин, Николай – 30
- Минералогическое Общество (Петербург) – 557
«Минерва» – 191
«Миниатюркин» – см. Львов, Павел Юрьевич
- Миницкий – 722
- Митрополит – см. Амвросий Подобедов
- Михаил Десницкий, митрополит С.-Петербургский – 373
- Михаил Павлович, великий князь (1798–1849) – 587, 591, 764
- Михаил Семенович, сын Семена Васильевича, внук Василия Андреевича Весилицы – 335
- Михаил Федорович (царь; 1596–1645) – 336, 337
- Михайло Данилович, сын Данилы Ивановича – 329
- Михайло Дмитриевич, боярин – 335
- Михайло Дмитриевич, по прозв. Шарап, сын Дмитрия Дмитриевича – 335
- Михайло Семенович – 335
- Михайло Яковлевич, сын Якова Ивановича Устряма – 335
- Михайловский-Данилевский, Александр Иванович (1790–1848) – 284, 366 (письмо Дмитриева), 424, 428, 577 (письмо Дмитриева), 591, 592, 670, 738
- Михельсон, Иван Иванович (ум. 1807) – 24
- Мицкевич, Адам (Mickiewicz, Adam; 1798–1855) – 677, 682 (о переводах «Апологов» на польс. яз)
- Могилянский, А. П. – 531, 621
- Моденовы – 671
- Модзалевский Б. Л. – 723

- «Модный Вестник» (Москва, 1816) – 341
 «Моей Вальмине» – 219
 Мойер, Марья Андреевна, урожд. Протасова – 158, 564
 «Молва» – 724, 798, 814
 Моллер, Антон Васильевич (1764–1848) – 661, 691
 Молчанов, Петр Степанович (1773–1831) – 187, 281, 286, 290, 503 (портрет Карамзина)
 Мольво, Шарль-Луи (Molleval, C. L.; 1776–1844) – 651
 Мольер, Жан Батист (Molière, Jean Baptiste; 1622–1673) – 20, 211, 255, 388, 618, 649, 690 («Триссотин и Вадиус»)
 Мольтке, Софья Федоровна – см. Северина, С. Ф.
 Мон-Плезир, дворец в Петергофе – 20
 Монастыри:
 Донской (Москва) – 159, 655, 716
 Заиконоспасский – 23, 151
 Ипатьевский (Кострома) – 245
 Пече(о)рский (Нижний Новгород) – 268
 Пече(о)рский (Псков) – 821
 Святогроский Успенский (Псковс. губ.) – 819
 Симонов (Москва) – 708
 Смольный – 318, 490, 520, 656
 Соловецкий – 459
 Троицко-Сергиев – 692 («Святотроицкая Сергиевская обитель»)
 Монти, Винченцо (Monti, Vincenzo; 1754–1828) – 444
 Монтолон, писатель – 570
 Мордвинов, граф Николай Семенович (1754–1845) – 226, 231, 308
 Мориц, Карл Филипп (Moritz, Karl Philipp; 1757–1793) – 64
 Моритц, Фр. – 678
 Моро, Жан Виктор (Moreau, Jean Victor; 1763–1813) – 276
 Морозов, А. В. – 391, 580
 Морозова, Венера Вениаминовна – 13
 «Москвитянин» (М., 1841–1856; изд.-ред. М. П. Погодин) – 94, 624, 813
 Москони, итальянский переводчик «Истории» Карамзина – 449
 «Московские Ведомости» (М., 1756–1917; в 1813–1836 изд. кн. П. И. Шаликов) – 53, 55, 58, 61, 94, 233, 238, 326, 359, 341, 404, 414, 416, 613, 627, 645, 665, 687, 700, 752, 770, 771, 774, 777 (о скором выходе «Истории Пугачевского бунта» Пушкина), 782, 790, 802 (отъезд Тургенева в Симбирск), 803 (приезд кн. Вяземского из Петербурга), 805, 807
 «Московский Альманах для Прекрасного Пола на 1826 год, изданный Сергеем Глинкою» – 636, 646
 Московский Архив Иностранной коллегии – 259, 380
 «Московский Вестник» (Москва, 1827–1830; изд. М. П. Погодин) – 672, 673, 676, 678 («Погодина журнал»), 682, 691, 707 (о продол. издании в 1830 г. и об участии Дмитриева, Пушкина, Баратынского), 712
 Московский Государственный Университет (МГУ) – 48 (библиотека), 163, 166, 175, 179, 232, 236, 250, 251, 259, 352, 357, 379, 499, 525, 556, 585, 602, 611, 643, 647, 674, 763, 764
 Московский Императорский Университет – 32, 35, 192 (почетный член), 333, 376, 396, 412, 414 («дедушка Москвитянин»), 415, 441, 457, 499, 561, 630, 669, 744 (обида Дмитриева), 787, 788, 792, 793 (университет), 794, 832
 «Московский Журнал» – см.: Карамзин, Н. М.
 «Московский Зритель» – 198, 189, 191, 194, 200, 203
 Московский Кремль – 763
 «Московский Курьер» (издатель П. Ю. Львов) – 178, 189, 191, 193
 «Московский Меркурий» – 164, 167, 169, 174, 177
 «Московский Наблюдатель» – 788, 792, 796, 798, 799, 809
 Московский пожар 1823 г. – 558
 «Московский Телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств» (Москва, 1825–1834; изд. Н. А. Полевой) – 549, 614, 625, 626, 630, 633, 639, 645, 647, 648, 656, 660 (реценз. на «Апологи»), 672, 674, 677, 678, 682, 685, 687 («Об альбоме госпожи Шимановской»), 691, 700, 704, 706, 710 («ругает без памяти ... И. И. Дмитриева»), 711, 715 («22 книжка»), 720, 745, 748, 763, 769, 774, 788, 814
 Московский университетский благородный пансион – 731
 Московский цензурный комитет – 690, 695
 «Московские Ученые Ведомости» (Москва, 1805–1807; изд. профессор И. Ф. Буле) – 178
 «Московское Обозрение» – 272
 Московское Общество Любителей Коммерческих знаний – 343
 Московское Физико-Медицинское общество – 331
 Мосолов, Федор Семенович (ум. 1840) – 735
 Мочалов, Степан Федорович (1775–1823) – 384
 Мстислав Владимирович Великий, вел. князь Киевский, сын Владимира Мономаха – 334

Мстислав (Феодор) Давидович, кн. Смоленский и Новгородский, сын Давида Ростиславича (1193–1230) – 335

«Муза, ежемесячное издание...» – 104, 106, 678

Мур, Томас (Moore, Thomas; 1779–1832) – 457

Муравьев, И. М. – 114

Муравьев, Михаил Никитич (1757–1807) – 19, 23, 195, 196, 233 («сочинения»), 236, 292, 307, 363, 428, 470, 581, 810 (о сыне В. П. Петрова)

«Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову» – 23

«Гражданская брань» (фрагмент «Сатирикона Петрония») – 23 («Петрониевая поэма»)

Собрание басен – 23

Муравьев, Никита Михайлович (1796–1843) – 421, 641, 645

Муравьев, Николай Назарьевич, статс-секретарь – 410, 425

Муравьева, Екатерина Федоровна, урожд. баронесса Колоколыцева (1771–1848) – 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308 («добрая хозяйка»), 310, 312, 320, 323, 382, 388, 389, 440, 496, 531, 534, 539, 540, 555 («хозяйка»), 570, 641, 645

Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич (ум. 1846) – 606, 778

Муромце(о)в, Николай Селиверстович – 308

Мурузи, князь – 500

Мусин-Пушкин, граф Алексей Иванович (1744–1817) – 104, 223, 239, 310, 492

Мутье – 42

Муханов – 753

Муханов, М. Н. – 790

«Мысли пьяного астронома» – 678

Мюллер, Карл Яковлевич, лейб-медик – 648, 660 (Миллер), 661, 662

Мясников, симбирский купец – 649

Мятлев, Иван Петрович (1796–1844) – 684

Мятлев, Петр Васильевич (1756–1833) – 627, 656, 707

Мятлева, Прасковья Ивановна, урожд. Салтыкова (1772–1859) – 656

Мятлевы – 308, 312, 315

Н

<На И. И. Дмитриева> («Я слышал Камены тебя воспитали...») – 674 (автор: Д. В. Веневитинов)

Набоков, Иван Семенович – 342, 452, 506

Надеждин, Николай Иванович (1804–1856) – 747, 748, 776, 794, 795 (характеристика Дмитриевым)

«Надпись к дому великаго Ломоносова» («На месте, где была Троянская столица...») – 31

«Надпись к портрету некоей духовной особы» («Се лицемер, исчадие злое ада...») – 657

Назимов, Федор – 34

Наполеон I, имп. Франции (Napoléon I; 1769–1821) – 278, 242, 278, 279, 283, 400, 401, 472, 497 (кончина), 548, 575, 624, 789 («бюст Бонапарта»)

Нарежный, Василий Трофимович (1780–1825) – 416, 418, 702 («Бурсак», «Два Ивана»)

Нарушевич, Адам Станислав (Naruszewicz, Adam Stanisław; 1733–1796) – 401

Нарыков – см. Дмитриевский, Иван Афанасьевич

Нарышкин, Александр Львович (1760–1826) – 426, 437, 565

Нарышкин, Дмитрий Львович (1758–1838) – 691

Нарышкин, Иван Александрович (1761–1841) – 725

Нарышкина, Анна Никитишна, урожд. Румянцева (1730–1820) – 444, 449

Нарышкина, Мария Львовна («Евтерпа»), по мужу княгиня Любомирская – 58

Настасья Ивановна – см. Плещеева, Настасья Ивановна.

Наталья Кирилловна, царица – 149

Наталья Яковлевна – см. Плюскова, Наталья Яковлевна

Нашокин, Павел Воинович (1801–1854) – 725, 764

«Невский Альманах на ...» – 624 (на 1826 год), 720 (на 1831 год)

«Невский Зритель» – 459, 474, 525

Неелов, Сергей Алексеевич – 400, 741

«Незнакомка» – см. Сенковский, О. И.

«Неистовый Роланд» – 81

Нейман, Б. – 678

Нелединский-Мелецкий, Юрий Александрович (1752–1829) – 55, 67, 72, 101, 190, 204, 223, 239, 252, 270, 279, 281, 285, 308 (Нелединские), 313, 314, 319, 420, 544, 579, 673, 685 (альбом Е. С. Хилковой), 698 (кончина), 700, 704, 790

Нелидов, Василий Иванович – 212

Нессельроде, граф Карл (Карл-Роберт) Васильевич (1780–1862) – 406, 421, 691

Нестор, летописец (XI–XII вв.) – 149 (Карамзин: надпись к портрету), 217, 231, 346, 583, 681, 771, 783

Нефедьев, Николай Алексеевич (ум. после 1844) – 757 (тайное венчание)

Нефедьева, Александра Ильинична (1782–1857) – 757 (дар Тургенева «крест из камня»), 815, 816, 817, 819

Нечаев, Степан Дмитриевич (1792–1860) – 620, 695

Нешумова, Т. Ф. – 46

Никитин, Александр Никитич (1793–1858) – 567

Никифор Иванович, сын Ивана Дмитриевича – 335

Николай, Фридрих (Nicolai, Fridrich; 1733–1811) – 148

Николай, слуга И. И. Дмитриева – 785 («Николашка»), 833

Николай Авдеевич – 257

Николай I, (1796–1855), российский имп. с 1825 г. – 252, 313, 356, 357, 366, 375, 376, 379, 490, 640 («новый император»), 641, 652, 653, 658, 660 («достойный приемник»), 661, 662 (письмо к Карамзину), 663, 664, 665, 669, 670, 671, 713 («Государь»), 714, 717 (отъезд в холерную Москву), 718, 720, 721, 722, 728, 737 («первый тост»), 740, 745, 750, 754 («Государь»), 759 («Царь»), 768 («Государь»), 803, 805, 806, 817, 828

Николай Васильевич – 40

Николай Лукьянович – 542

Николай Николаевич, вел. кн. – 726

Николай Павлович, вел. князь – см. Николай I

Николев, Николай Петрович (1758–1815) – 55, 56, 58 («Эпистола в 1000 стихов»), 60, 68, 69, 109, 138, 199, 274, 704, 798

Никольский, Павел Александрович (1794–1816) – 254, 281, 293, 296, 297, 328 (кончина)

Никон, патриарх (в миру Минов, Никита; 1605–1681) – 149 (Карамзин: надпись к портрету). 692

Ниверне, герцог – 519

«Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, Собранные и пополненные Семеном Броневским...» (М., 1823. Ч. 1–2) – 585

Новиков, Николай Иванович (1744–1818) – 28, 35, 40, 59, 64, 82, 124, 381 (кончина), 654, 712, 719, 824 (записки Дмитриева), 832 («Вивлиофика»)

Новикова, Антонина (Варвара) Ивановна, урожд. Долгорукова (1794–1877) – 725, 733

Новицкая, Ирина Анатольевна (ум. 15 января 2009) – 13, 21, 284, 294, 397

«Новое собрание образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год. Изданное Обществом любителей Отечественной словесности» (СПб., 1821. Ч. 1–2) – 526

«Новое собрание русских анекдотов или прибавлений к 5-ой части русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою» (М., 1829. С. 93–97: об отроческих летах И. И. Дмитриева) – 708

«Новоселье» (лит. сб.) – см. Смирдин, А. Ф.

Новосильцев, Николай Николаевич (1762–1838) – 291, 294, 347, 501

Новосильцев, Николай Петрович (1789–1856) – 827

«Новости Литературы» (прибавление к «Русскому Инвалиду») – 83, 547, 552, 590, 591, 606, 769

«Новости Русской Литературы» (1802–июль 1805; издатели: П. А. Сохацкий и П. В. Победоносцев) – 178, 179 (эпиграмма «На журнал “Новости Литературы”»), 207 (эпиграмма «На журнал “Новости Литературы”»)

«Новости Русской Литературы, или собрание сочинений и переводов в стихах и прозе лучших авторов...» – 404

«Новые Ежемесячные Сочинения» – 57 («Академический журнал»), 58 («академические сочинения»), 186 («Академический журнал»)

«Новые Аониды. На 1823 год» – 556

«Новые исторические записки о семилетней войне» – 390

Новый Завет – 419 (новый перевод), 450, 452 («Евангелие»)

Норов, Абрам Сергеевич (1795–1869) – 572, 784

Норов, Александр – 34

Норов, Дмитрий – 34

Норов, Николай Николаевич (1800–1860) – 567

О

«О важнейших изданиях Герберштейна...» – 379

«О влиянии крестовых походов...» – 214

«О греческой антологии» (СПб., 1820) – 452 («Антология»)

«О крестовых походах г. Мишо» – 568

«О русской истории Карамзина» – 360

«О произведениях Русской Литературы в 1817 году» (статья Н. Греча) – 365

Оберон – 471

Облеухов – 204

Оболенская, княгиня Ольга Степановна, урожд. кн. Гагарина (1787–1860) – 677, 678

Оболенские – 190, 239

Оболенский, князь Андрей Петрович (1769–1852) – 303 («К. Андрей Петрович»), 308, 333, 341, 369, 384, 493, 496, 555, 558, 560, 562, 563, 570, 573, 601, 618

Оболенский, князь Евгений Петрович – 641

Оболянинов, Петр Хрисанфович (1752–1841) – 146

Обрезков, Петр Алексеевич (1752–1814) – 190,

- 225, 239, 257, 283 («Петр Алексеевич»), 285, 379
- Обрезкова, Елисавета Семеновна – 283, 285
- Общество Истории и Древностей Российских при Императорском Московском университете – 356, 441
- Общество Любителей изящной словесности – 556
- Общество Любителей Русской Словесности при Московском университете – 258, 369, 381, 403, 413, 620, 713
- Овидий Назон Публий (Ovidius Naso, P.; 43 до н. э. – 18 н. э.) – 443, 514
- Огарев, А. И. – 579
- Огарев, Николай Иванович (1778–1852) – 244, 257, 258, 262, 283, 284, 347, 570, 571, 591, 625
- Огарева, Елисавета Сергеевна, урожд. Новосильцева (1786–1870) – 229 («К альбому Е*. С*. О<гарево>й»), 304, 315, 316, 324, 575, 577, 708
- Огаревы – 283, 308, 570
- «Ода к милой во вкусе модной литературы» («Миля похлебка с бураками...») – 195
- Одоевская, княгиня Ольга Степановна, урожд. Ланская (1797–1872) – 677, 678
- Одоевский, князь А. И. – 557
- Одоевский, князь Владимир Федорович (1804–1869) – 486, 557, 637, 676, 678, 684, 749 («Квартет Бетговена»), 756 («Бригадир»), 757, 788, 817 («Адуевский»), 831, 832, 833
- Озерецковский, Николай Яковлевич (1750–1827) – 294
- Озеров, Владислав Александрович (1769–1816) – 519, 545, 737 («второй гост») – 238
- Озеров, Семен Николаевич (1776–1844) – 238 (письмо Дмитриева), 254 (два письма Дмитриева), 259 (письмо Дмитриева)
- Ознобишин, Дмитрий Петрович (1804–1877) – 243, 620, 791
- Окоемов, симбирский дворянин – 592
- Оксман, Ю. Г. – 468
- Олег, кн. киевский – 39, 40
- Оленин, Алексей Николаевич (1764–1843) – 214 («Опыт нового библиографического порядка...»), 274, 310, 312, 314, 345, 391, 419, 428, 457, 506, 545, 546, 557, 590, 638, 659
- Оленины – 301, 302, 401
- Олин, Валериан Николаевич (ум. в 1840-х гг.) – 566
- Олсуфьев, Д. А. – 64
- Ольдекоп, Евстафий (Август) Иванович (1787–1845) – 486, 622
- Ольденбургский принц, эстляндский губернатор – см. Август Ольденбургский.
- Ольденбургский принц, тверской генерал-губернатор – см. Георгий, принц Ольденбургский.
- Омира, хирург – 548
- ОПИ ГИМ – см. Государственный Исторический Музей
- Опочецкий уездный суд – 250
- Опочинин, Федор Петрович (1779–1852) – 678, 681
- «Опыт Исторического Словаря о Русских Писателях» – 28
- «Опыт краткой истории русской литературы» (СПб., 1822) – 531
- «Опыт Руской Анфологии...» (М., 1828) – 682, 697, 795
- «Опыт теории налогов» (СПб., 1818) – 397, 402
- «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова» (СПб. 180–1806. Ч. 1–2) – 202
- Орлов – 438
- Орлов, Александр Анфимович (1790–1840) – 727, 728, 744, 775 («Васильи Косые или оптимистическое путешествие по столам приказных. Сочинение Александра Орлова» (М., 1834))
- Орлов, граф Григорий Григорьевич (1734–1783) – 22, 23
- Орлов, граф Григорий Владимирович (1777–1826) – 534, 643, 656
- Орлов, Михаил Федорович (1788–1842) – 397, 519
- Орлов, Ф. Е. – 772
- Орловский, Александр Осипович (1777–1832) – 603
- Орфеев, Иван Данилович – 107
- Орля-Ошменец, Фердинанд Францевич (1775–?) – 353, 363
- Осип Петрович – см. Козодавлев, Осип Петрович
- Осипов, Николай Петрович (1751–1799) – 465
- Оскар (в Choix... – Toskar) – 48
- Оскольд – 39
- «Основания естественного законодательства» (СПб., 1815–1819. Ч. 1–4) – 346
- Осповат, А. Л. – 773, 774
- Оссиан (шотландский бард III века) – 48, 54, 68 («оссиановы сочинения»), 456 («Оссиановы песни»)
- «Оссиан, сын Фингалов» – 68
- Остерман, гр. Александр Иванович (1770–1857) – 315
- Остерман, Андрей Иванович (Генрих Иоганн Фридрих; 1668–1847) – 458

Остерман-Толстая, графиня Елисавета Алексеевна, урожд. кн. Голицына (1779–1835) – 256
 Остолопов, Николай Федорович (1782–1833) – 232, 624
 «Аполлонова шутка» («Езоп да Федр, и с ними...») – 232 (посвящено И. И. Дмитриеву)
 «Отечественные Записки» (Спб., 1820–1833; издатель П. П. Свиньин) – 142, 474, 589, 614, 755
 Оттоманская Порта – 21
 «Отчелюбец» – см. «Любитель Отечества»
 Очкин Амплий Николаевич (1791–1865) – 619
 Ошанин, Дмитрий Николаевич, симбирский дворянин – 376, 382, 504, 534
 Ошанин, М. – 216, 342

II

Павел I (1754–1801), российский император с 1796 г. – 20 (вел. кн.), 110, 111, 112, 113, 114, 117, 119, 120, 146, 147, 518, 580, 627, 712
 Павлов, Илья, бурмистр с. Макателемы (Нижегородская губ.) – 315
 Павлов, Николай Филиппович (1803–1864) – 788
 Пазухин, А. А. – 25
 Пазухин, Алексей Егорович – 24
 Пазухин, Егор Иванович – 24, 25
 Пазухин, Петр Петрович – 25
 Пазухин, Петр Сергеевич – 25, 455, 458
 Пазухина, Анна Егоровна – 24
 Пазухина, Елизавета Егоровна – 24
 Пазухина, Елизавета Николаевна, урожд. Дмитриева (ум. 1865) – 25
 Пазухина, Мария Алексеевна – 24
 Пален, граф Петр Алексеевич (1754–1826) – 146, 309, 778
 «Памела» (точнее: «Российская Памела») – см. Львов, П. Ю.
 «Памятник Отечественных Муз. Изданный на 1827 год Борисом Федоровым» – 564, 632, 673
 Панглос – 519
 Панаев, Владимир Иванович (1792–1859) – 465, 522, 660
 Панин, граф Никита Петрович (1770–1837) – 43, 146
 Панин, граф Петр Иванович (1721–1789) – 25, 747
 Панина, графиня Софья Владимировна, урожд. Орлова (1774–1844) – 308
 «Пантеон Русской Поэзии, издаваемый Павлом Никольским» – 211, 254 (Ч. 1. Кн. 1–2), 281–282 (Ч. 2. Кн. 3–4), 293 (Ч. 4. Кн. 7), 296–297 (Ч. 5. Кн. 9–10), 297 (Ч. 6. Кн. 11–12)

Паскевич, князь Иван Федорович (1782–1856) – 732
 Паткуль – 822
 «Патриот. Журнал воспитания на 1804 год» (Москва; изд. В. В. Измайлов) – 174
 Пашков – 491
 Пашков, Андрей Иванович (1792–1850) – 735
 «Пегас под бременем лирических певцов...» – 230
 Пекарский, Петр Петрович (1827–1872) – 33, 34, 41
 Пёльниц, Карл Людвиг фон (Pöllnitz, Karl Ludwig von; 1692–1775) – 20 («Похождения барона де Польница с примечаниями историческими и географическими, описанное им самим. Переведено с французского языка Павлом Жуковым» (М., 1767. Т. 1–2))
 Пельский, Петр Афанасьевич (1765–1803) – 104
 Пенинский, Иван Степанович (1791–1868) – 490
 Первов – 404
 «Переводчица Инок» – см. Сушкова, Мария Васильевна
 Перовошиков, Василий Матвеевич (1785–1851) – 543
 Перовошиков, Дмитрий Матвеевич (1788–1880) – 645, 754
 Перец – 290
 Перовский, Алексей Алексеевич (псевд. Антоний Погорельский) (1787–1836) – 622
 Перольт – 404
 Перро – 346
 Перфильев, сор. Пугачева – 26
 Песталлоци – 220
 Пестель, Иван Борисович, сибирский генерал-губернатор (1765–1843) – 290, 304, 309, 311, 345
 Петербургская Духовная Академия – 290 (почетное членство)
 «Петербургский Зритель» – 65
 Петергофская команда – 20
 Петр Алексеевич – см. Петр I
 Петр I (1672–1725), российский царь с 1682 г., император с 1721 г. – 21 («Указы»), 135, 208, 231, 336, 603, 691, 703, 789 (бюст), 807, 813, 820, 822, 823
 Петр II (1715–1730), российский император с 1727 г. – 458
 Петр III (Карл Петер Ульрих; 1728–1762) российский император с 1761 г. – 23, 213, 214, 746

- Петр Александрович, граф – см. Толстой, граф Петр Александрович
- Петр Александрович, сын Александра Григорьевича Белого – 335
- Петр (Андреевич), князь – см. Вяземский, князь Петр Андреевич
- Петр Великий – см. Петр I
- Петр Дмитриевич, сын Дмитрия Дмитриевича – 335
- Петр Иванович, сын Ивана Даниловича – 335
- Петр Семенович, сын Семена Григорьевича Внука – 335
- Петр Семенович – 828, 829, 830, 832
- Петр Сергеевич – 514
- Петров, Александр Андреевич (ум. 1793) – 41, 43, 45, 51, 55 («милой Птрв»), 66, 70, 71, 72, 73 («Александр Андреевич»), 69, 70, 71, 72, 73, 654
- Петров, Василий Петрович (1736–1799) – 23, 26–27 («Речет, да гибнет враг...»), 109, 633, 658, 809 («Петров сын»), 810 («две выписки о Петрове»), 811, 824 («Речет, да гибнет враг...»), 834
- Петров, Иван Андреевич, брат А. А. Петрова – 71
- Петровский театр (Москва) – 674
- Петроний – 197
- «Петрушку-грубияна, Феклист Лукиянович за что-то потузил...» – 619
- Петухов, Е. В. – 185
- Пещуров, Алексей Никитич (1779–1849) – 819
- Пиль, Елена Александровна – 436 (письмо Дмитриева)
- Пименов, прозаик – 508, 526
- Пиндар (522–446 до н. э.) – 183, 190, 448
- Пинкертон, Джон (Pinkerton, John; 1758–1826) – 300
- Пирогов, Семен – 58, 443
- Пирогов, сызранский секретарь – 66
- Пирон, Алексис (1689–1773) – 483
- Писарев – 64
- Писарев, Александр Александрович (1780–1848) – 311, 408 (письмо Дмитриева), 630, 639, 642, 667, 670
- «Писатели между собой» – 674
- Питт, Уильям Младший (William Pitt the Younger; 1759–1806) – 810
- «Плавание по Волге в Казань на развалины Болгар в 1823 году» – 589
- Плавильщиков, Петр Алексеевич (1760–1812) – 33, 691
- Плаксин, Василий Тимофеевич (1795–1869) – 766, 798
- Платон, древнегреческий философ (427–347 до н. э.) – 390
- Платон, архиепископ, впоследствии митрополит московский (в миру Левшин, Петр Егорович; 1737–1812) – 692
- Платон Петрович – см. Бекетов, Платон Петрович.
- «Пленира» – см. Державина, Е. Я.
- Плетнев, Петр Александрович (1792–1865) – 194, 570, 620, 645, 682, 699, 716, 762, 763, 798, 817
- Плещеев – 531
- Плещеев, Александр Алексеевич (1778–1862) – 121, 122, 126, 135, 136, 138, 152, 153, 425, 426
- Плещеев, Алексей Александрович – 53, 54, 56, 73, 74, 76, 80, 82, 84, 94, 99, 108, 110, 116, 122, 654, 655 (ссуда)
- Плещеева, Настасья Ивановна, урожд. Протасова – 74, 76, 96, 97, 99, 101, 108, 109, 110, 116, 122, 127, 131, 132, 134, 152, 153, 158, 655
- Плюскова, Наталья Яковлевна (ок. 1780–1845) – 173, 302, 303, 305, 310, 311, 312, 323, 324, 325, 328, 330, 345, 347, 349, 354, 358, 361, 365, 368, 370, 377, 379, 383, 391, 412, 419, 422, 425, 428, 430, 431, 435, 436, 437, 439, 440, 441, 443, 446, 447, 449, 451, 454, 455, 457, 465, 477, 481, 484, 487, 490, 496, 503, 518, 521, 531, 532, 534, 538, 539, 550, 560, 565, 570, 571, 575, 587, 596, 605, 609, 610, 623, 647, 655, 733, 761, 772, 773, 777, 781, 784, 785, 799, 828 (письмо Дмитриева), 829 (письмо Дмитриева), 830 (письмо Дмитриева), 831 (письмо Дмитриева)
- Плюшар, Адольф Александрович (1806–1865) – 815
- Поансине (Poinsinet) – 628
- Победоносцев, Петр Васильевич (1771–1843) – 178, 636, 673
- Погодин, Михаил Петрович (1800–1875) – 33, 34, 44, 53, 112, 152, 273, 594, 624 («Диссертация»), 625, 631, 636, 642, 649, 652, 654, 655, 660, 662, 663, 664 («Нечто против опровержений г. Лелевеля...»), 665, 672, 674, 676, 704, 710, 711, 712, 716, 718 («Ведомости о состоянии города Москвы»), 719, 748 (рукопись Дмитриева), 749, 767 (запись в дневнике о записках Дмитриева), 770, 788, 817, 828, 832, 833, 834, 835
- Погонкин, Владимир Иванович (1793–?) – 580
- «Подснежник на 1830 год» (СПб., 1830) – 703 («подснежник не слишком ароматен...»)
- Подшивалов, Василий Сергеевич (1765–1813) – 76 («Приятное и Полезное препровождение времени»), 95, 96 («Василий Сергеевич»), 97, 99, 100, 101, 106, 108
- Пожарский. И. – 807 («Червонный колпак»)

- Позняк, Дмитрий Прокофьевич (1764–1851) – 523
 «Поистине, Магницкий чудо...» – 657
 Полевой, Ксенофонт Алексеевич (1801–1867) – 716
 Полевой, Николай Алексеевич (1796–1846) – 67, 626, 637, 639, 657, 668, 677, 678, 682, 693 (письмо И. И. Дмитриева), 700, 704, 706, 711, 715, 716, 718, 719, 728 («скотина Полевой»), 736, 739, 740, 744, 752, 754, 760, 763, 766, 770, 772, 776, 777, 781, 783, 794, 807
 «Древнейшая Великокняжеская гробница в Кремле Московском» – 763
 «О новейших критических замечаниях на И.[сторию] Г.[осударства] Р.[оссийского], сочин. Н. М. Карамзина» – 639
 «Поэтический анахронизм, или Стихи в роде Василия Львовича Пушкина и Ивана Ивановича Дмитриева, писанные XIX веке» – 728 (записн. книжка Вяземского)
 Поленов, Василий Алексеевич (1776–1851) – 120
 Полетика, Михаила Ивановича – 609, 610
 Полетика, Петр Иванович (1778–1849) – 368 (письмо Дмитриева), 408 (письмо Дмитриева), 622, 672, 732, 771, 790
 «Политехнический Журнал» – 59, 61, 176
 Политковский, Патрикеев Симонович (1783–1830) – 404
 «Полное собрание законов Российской империи» – 109, 221, 222, 224, 233, 238, 245, 248, 256, 273, 274, 275, 277, 280, 290, 754
 «Полтавская победа» – 603
 Полторацкие – 308
 Полторацкий, Дмитрий Маркович (1761–1818) – 129, 304, 307, 310
 Полторацкий, Серий Дмитриевич (1803–1884) – 647 («Литературные надежды»), 677
 Полторацкий, Федор – 278
 Полугарский, Илья Иванович (?–1859) – 499, 620
 Поляков – 404
 «Полярная Звезда...» – 415 (на 1823 г.), 549 (на 1823 г.), 550 (на 1823 г.; выход в свет), 551, 555 (на 1823 г.), 556, 559 (на 1823 г.; дар от изд.), 584 (на 1824 г.), 589, 590, 591 (на 1824 г.), 594, 595, 596, 598, 604, 618 (на 1825 г.), 621 (на 1825 г.; выход в свет), 623, 625 (на 1825 г.), 633 (на 1825 г.), 641
 Померанцев, Василий Петрович (1736?–1809) – 654
 Пономарев, московский книгопродавец – 74
 Пономарева, Софья Дмитриевна, урожд. Позняк (1794–1824) – 523
 Понс де Верден, Роббер (Pons de Verdun, Robert; 1749–1844) – 161 («Un bon époux, après sa paternôtre») – 161
 Понятовский, Станислав Август, король пол. (Poniatowski, Stanisław August; 1732–1798) – 146, 441, 534 («Записки») – 146
 Поуп (Поп, Попе), Александр (Pope, Alexander; 1688–1744) – 142, 214, 457
 Попечительное Общество о тюрьмах – 441
 Попов, Василий Михайлович (1771–1842) – 281, 311, 345, 347, 395
 Попов, Василий Степанович (1745–1822) – 222 («Жизнь князя Г. А. Потемкина-Таврическаго...»), 259, 281
 Попов («казак с женою») – 705
 Попова – 341
 Порошин, Виктор Степанович – 339
 Порошина, Анна Сергеевна – 333, 336
 «Послание к И. И. Дмитриеву, по случаю сделанного ему Высочайшего препоручения о рассмотрении прошений...» («Сколь радостное утешение...») – см. «Русской Вестник...»
 Пospelов – 428
 Постниковы – 636
 Потемкин-Таврический, князь Григорий Александрович (1739–1791) – 23, 51, 60, 61 («Песнь на кончину...»), 65 («П...»), 146, 677, 832
 Потемкин, граф Павел Сергеевич (1743–1796) – 747
 Потемкин, Сергей Павлович (1787–1858) – 232, 410, 712
 Потемкина, графиня Елизавета Петровна, урожд. кн. Трубецкая (1796–1870-е гг.) – 725
 Потоцкий – 21
 «Похвальное слово Екатерине Второй» – 177, 178 («Слово похвальное Екатерине») – 177
 «Похождения Жильбланда де Сантилана» («Похождения Жилбланда де Сантилланы, описанные г. Ле-Сажем, а переведенные Академии Наук переводчиком Васильем Тепловым» (СПб., 1754–1755. Т. 1–4)) – 20
 «Похождения Клевеланда» («Философ аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелера, самим им писанное и с аглинского на французской, а с французского на российской язык переведенное» (СПб., 1760. Т. 1)) – 20
 «Похождения маркиза Геее» («Приключения маркиза Г... или Жизнь благородного человека оставившего свет, переведена на российский язык Иваном Елагиным» (СПб., 1756–1765. Ч. 1–6)) – 20
 «Похождения маркиза***» («Приключения кавалера де***. Истинная повесть, переведенная из

сочинений господина маркиза д'Аржанса» (СПб., 1772) – 20

«Похождения Робинзона Круза» («Жизнь и приключения Робинзона Круза природного англичанина. Переведена с французского Яковым Трусковым» (СПб., 1762–1764. Ч. 1–2) – 20

Поццо ди Борго, Карл Осипович (1768–1842) – 456, 741, 803

Прадт, Доменик (Pradt, Dominique-Dufour de; 1759–1837) – 415, 418, 452, 461, 469, 476, 484, 487, 492, 630, 764

Прасковья Петровна – см. Бекетова, Прасковья Петровна

Прево д'Экзиль, Антуан-Франсуа, аббат (Prévost d'Exiles, Antoine-François, abbé; 1697–1763) – 20 («Похождения маркиза Гее...»; «Похождения Клевеланда...»), 528 («Prévost»), 529

Прекраса (Ольга) – 39, 40

Преображенский лейб-гвардии полк – 32, 518

Приклонский, П. И. – 308

Прозоровская, княгиня Анна Михайловна, урожд. княжна Волконская – 604

Прозоровский, князь Александр Александрович (1732–1809) – 64, 66, 82

Прокопович-Антонский, Антон Антонович (1760–1848) – 175 («Сердце и Законы Екатерины Великой...»), 188, 258, 331, 358, 381, 398, 404, 406, 428, 448, 461, 462, 468, 481, 505, 596

Прокопович Елисей (Елеазар) (в монашестве Феофан) (1677–1736) – 28

Прокурор московский – см. Кокошкин, Федор «Простонародные песни нынешних греков...» (СПб., 1825) – 612

Протасов, Андрей Иванович – 158

Протасов, Василий Иванович – 219

Протасова, Александра Ивановна – 158

Протасова, Екатерина Афанасьевна, сестра Жуковского (1771–1848) – 158

Протасова, Елизавета Ивановна – см. Карамзина, Елизавета Ивановна

Протасова, Марья Ивановна – 219

Псковский губернский прокурор – 250

Псковский пехотный полк – 50

Пугачев, Емельян Иванович – 23 («император Петр третий»), 24, 25, 26 (казнь), 28, 51, 70, 213, 214, 746, 747, 749, 778, 779 (портрет), 783 (Емелька)

Пуколов («фактотум Графа Аракчеева») – 314, 315, 324

Пулавские, братья Франц Ксаверий (1745–1769) и Казимир (1748–1779) – 21

«Пусть эта хоть строка о том напоминает...» – см. Свинын, П. П.

«Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине четвертого века до Рождества Христова...» (СПб., 1804–1809) – см. Бартелеми, Ж.-Ж.

«Путешествие Резанова...» – 614

Путяти (Путятини) – 761

Пушкин, граф А. И. – см. Мусин-Пушкин, граф. А. И.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799–1837) – 135, 206, 240, 248, 251, 253, 284, 319, 320, 324, 327, 344, 350, 366, 368, 370, 373, 374, 380, 385, 422 («молодой Пушкин»), 423 («молодой Пушкин»), 424 («племянник»), 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 438, 458, 460, 465, 468, 472, 473, 475, 478 (дарственная Дмитриеву), 481, 493, 498, 535, 536 («Сверчок»), 541, 560, 542 («Либерал Пушкин»), 578–579, 579 (письмо к А. И. Тургеневу), 589, 594, 596, 599, 603, 606, 612, 615, 616, 620, 625, 626, 628, 631, 632, 636, 633, 645, 648, 661, 665, 670, 671, 672, 676, 677, 678, 679, 682, 684, 686, 688, 689, 690, 691, 695, 696, 698, 699, 701 (записка Дмитриева), 702, 705, 707, 708, 710, 711 (обед у И. И. Дмитриева), 715, 716, 717, 720, 721, 722, 724 (дарит Дмитриеву «Бориса Годунова»; благодарст. письмо Дмитриеву), 725 (письмо Дмитриева), 726, 727 («Феофилакт Косичкин»), 728, 729, 731, 732, 735, 736 (письмо Дмитриева), 738, 739, 741, 744, 745, 746 (встреча с Дмитриевым; запись воспом. о пугач. бунте), 747 (рассказ Дмитриева о Пугачеве и Державине), 748, 749 (встреча с Гоголем), 754, 755, 757 (дар Тургенева из Тускулума), 759, 760, 761, 762, 763, 764, 767, 768 (приезд из Болдина), 769, 770 (камер-юнкер), 771 (в письме С. Н. Карамзиной), 777, 778 (рассказы Дмитриева), 779, 780 (письмо Дмитриева), 781, 782, 783 (письмо Дмитриева), 784, 785, 786, 787, 788, 789 (о встречах в Петербурге), 790, 791, 793, 794, 795, 796, 797, 798 (1836, приезд в Москву), 799 (письмо Дмитриева), 800 (1836, отъезд из Москвы), 801, 802, 803, 805, 809, 810, 813, 815 (дуэль), 816, 817, 818, 819, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 831

Письма к И. И. Дмитриеву:

14 февраля 1832 – 736–737

Июнь. 1833 – 760

14 февраля 1835 – 779, 780 (о получении Дмитриевым письма)

26 апреля 1835 – 783

14 июня 1836 – 801

«Арап Петра Великого» – 684

«Бахчисарайский фонтан» – 578, 587, 588, 594, 595, 596, 597, 682

«Бессмертною рукой раздавленный зоил...» – 385

- «Борис Годунов» – 631, 640, 671, 672, 676, 721, 724, 736, 824 (монолог Пимена)
 «...Возьми пример с того поэта» – 344
 «Дон-Жуан» – 823 («Каменный гость»)
 «Евгений Онегин» – 606, 616 (1-я глава), 641 (4-я гл.), 665, 671, 691 (6-я гл.), 694 (7-я гл.; эпиграфы из: Дмитриева, Баратынского, Грибоедова), 699 (1-я гл., втор. изд.), 717 (8-я гл.; цитата из «К Волге» Дмитриева), 717 (9-я гл.; V строфа: «И дмитрев не был наш хулитель»), 733 (9-я гл.), 735, 736 (8-я гл.; дар Дмитриеву), 738 («покупка шести книжек»), 757, 818
 «История Петра Великого» – 823
 «История Пугачевского бунта» – 24, 747, 759 («казнь Пугачева»), 760, 777 (сообщ. о скором выходе), 778 (анекдот о Симбирском дворянине), 779 («избалован авторскими подарками»), 780, 782 (дар Дмитриеву), 783, 790
 «К другу стихотворцу» («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса...») – 284
 «К Жуковскому» («...И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил...») – 327
 «Кавказский пленник» – 498, 535 («Узник»), 539, 541, 542, («поэма»), 698
 «Каменный гость» – 822, 823
 «Капитанская дочка» – 810, 815
 «Когда младым воображеньем...» – 374
 «Любезный Вяземский, поэт и камергер...» – 727
 «Медный всадник» («Медный конь») – 822, 823 («Медный конь»)
 «Моцарт и Сальери» – 736, 738
 «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» – 727
 «На Карамзина» («Послушайте: я сказку вам начну...») – 320
 «На трагедию Графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» – 603
 «Ода его сиятельству графу Дмитрию Ивановичу Хвостову» («Султан ярится. Кровь Эллады...») – 615
 «Повести, изданные Александром Пушкиным» (СПб., 1834) – 777
 «Полтава» – 699, 701, 702, 706
 «Припомни, что сказал сатирик! / Чужого толка хитрый лирик...» – 642
 «Руслан и Людмила» – 373, 432 («первая песнь поэмы»), 433, 434, 458, 459, 464, 470, 471, 472, 474, 689 («мать дочери велит...»), 698
 «Сапожник» – 708 (вымышленная цитата из И. И. Дмитриева)
 «Скупой рыцарь» – 818
 «Станционный смотритель» – 716 («прекрасная баллада Дмитриева») «Стихотворения Александра Пушкина» – 645, 735 (часть третья), 738 (часть третья), 786 (часть четвертая)
 «Стихотворения А. С. Пушкина: Из Северных Цветов на 1832 год» – 736
 «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» – 727, 728 (чтение статьи у И. И. Дмитриева)
 «Цыганы» – 698
 «Элегия Шенье...» – 671
 «Table-Talk» – 778
 Пушкин, Алексей Михайлович (1769–1825) – 155, 215 («Федра и Тартюф»), 325, 396, 412, 625, 626 (кончина), 628
 Пушкин, Василий Львович (1770–1830) – 107, 120, 155, 197, 206, 207, 217, 233, 240, 248, 253, 259, 265, 283, 294, 298, 318, 319 («Вот!»), 320, 321, 330, 331, 341, 344, 346, 349, 350, 354, 355, 358, 359, 368, 369, 371, 372, 373, 377, 378, 381, 382, 384, 386, 387, 388, 398, 398, 400, 402, 404, 405, 410, 412, 417, 418, 420, 425, 427, 431, 441, 442, 443, 450, 462, 464, 468, 469, 470, 472, 475, 476, 477, 479, 488, 492, 493, 494, 496, 498, 503, 505, 507 («Арзамасский староста»), 515, 521, 536, 537, 540, 541, 542, 545, 564, 567, 595, 596, 597, 628, 653, 684, 688, 689, 692 («Каптан Храбров»), 694, 700, 709, 711 («дядя»), 712, 715 (кончина), 716, 728, 754 (письмо отца), 775, 804, 809, 810, 812
 «Гнев Зевса» – 359
 «Опасный сосед» – 248
 «Письмо к И. И. Д. [Дмитриеву]» («Ты прав, мой милой друг!...») – 107
 «Прохожий и Река» – 441, 464
 «Смаковица» – 347
 Пушкин, Лев Сергеевич (1805–1852) – 490, 493, 620
 Пушкин, Николай Львович (1745–1821) – 515 («старший брат»)
 Пушкин, Сергей Львович (1770–1848) – 155, 240, 250, 468, 596, 734 (записка к А. С. Пушкину о Дмитриеве), 754 (письмо к Пушкину с приветс. Дмитриева и Чаадаева), 780, 799, 801 (батюшка), 810, 812, 818, 822, 825, 829
 Пушкина, Анна Львовна (1769–1824) – 135, 155, 173, 209, 294, 295, 605 (кончина)
 Пушкина, Елена Григорьевна – 479
 Пушкина, Надежда Осиповна, урожд. Ганнибал (1775–1836) – 780, 797 (кончина)
 Пушкина, Наталья Николаевна, урожд. Гончарова (1812–1863) – 490, 493, 620, 725, 732 (письмо Пушкина; упом. о Дмитриеве)
 Пушкины – 250
 Пущин, Иван Иванович (1798–1859) – 616

Р

- Радищев, Александр Николаевич (1749–1802) – 416, 418
 «Радуга. Альманах Пушкинского дома» (Пг, 1922) – 686
 Раевский, стариший – 39
 «Разказы Лужницкаго старца...» – 452, 453
 Разумовская, гр. – 444
 Разумовские – 345
 Разумовский, граф Алексей Кириллович (1748–1822) – 239, 314, 317, 391, 628
 Раич (подл. фам.: Амфитеатров), Семен Егорович (1792–1855) – 652, 501 («Вергилиевы Геоики»), 502, 504, 509, 511, 513, 520, 522, 700, 706, 752, 788, 791
 Рамлер, Карл Вильгельм (Ramlер, Karl Wilhelm; 1725–1798) – 83
 Расин, Жан (Racine, Jean; 1639–1699) – 20, 232 («Гофолия»), 388, 511, 591, 618
 «Рассуждение о преступлениях...» – см. Беккария Ч.
 «Рассуждение о старом и новом слоге» – см. Шишков, А. С.
 Растопчин – см. Ростопчин Ф. В.
 Раупах, профессор – 530
 Рафаэль, Санти (Raffaello, Santi; 1483–1520) – 772, 773
 Ребендер, председатель нижегородской уголовной палаты – 268
 Регистр Ллойда – 52
 Реман (Рейман), доктор – 223, 492
 Рейнгольм, презид. Моск. Евангел.-лютеранской консистории – 800
 Рейс, Фердинанд Фридрих (1778–1852) – 786, 787
 Рейхардт, Христиан Егорович (ум. 1812) – 193
 Рейхель, Ф. – 391
 Ренуар – 653
 Репнин, князь Николай Васильевич (1734–1801) – 111, 388
 Репнин, Петр Иванович – 810
 Реут – 744, 745
 «Рецов. Новая истрическая записи о семилетней войне» (СПб., 1818) – 424
 Рибас, И. И. – 85
 Ридигер, Христиан, типографщик – 87, 94, 99
 Рихтер, Вильгельм Михайлович (1767–1822) – 294
 Рихтер, И. Г. – 186
 Ричардсон, Самюэль (Richardson, Samuel; 1689–1761) – 528 («Richardson»), 529
 Робертсон, Уильям (Roberttson, William; 1721–1793) – 649
 Робеспьер, Максимилиан Мари Изидор (1758–1794) – 467, 706
 Рогальский, А. (переводчик «Апологов» на польс. яз.) – 682
 Рогожин, Н. П. – 139
 Роде – 215
 Рожалин, Николай Матвеевич (1805–1834) – 676
 Розен, Егор (Георгий) Федорович (1800–1860) – 754, 756, 768
 Розенкампф, Густав Андреевич (1764–1832) – 294, 306, 309
 Розенштраух – 651
 Розетти – см. Смирнова, А. О.
 Розов-Майков, Иван – 72, 75
 Ройс, Кэтрин – 52
 Роман Ростиславич, кн. Смоленский и вел. кн. Киевский (ум. 1180) – 335
 Романовы, царствующий дом – 237, 489, 620
 Роспини – 208
 «Роспись российским книгам...» – 72
 Российская Академия (осн. в 1783 г.) – 56, 122, 123, 133, 177, 188, 192, 307, 338, 376, 379 («кустав»), 380, 385, 386, 406, 407, 409, 412, 414, 415, 417, 418, 419, 427, 437, 441, 442, 443, 444, 445, 447, 457, 489, 490, 492, 493, 502, 520, 521, 522, 557, 558, 560, 593, 624, 687, 740 («коронования Шуйского»), 765 (памятники Державину и Карамзину), 772, 781, 783, 789, 797, 804, 816, 832
 Российская Государственная библиотека (РГБ) (Москва) – 222, 224, 232, 293, 294, 299, 339, 408, 486, 524, 552, 642, 672, 688, 735
 Российская Национальная библиотека (РНБ) (Петербург) – 222, 224, 232, 265, 266, 274, 280, 386, 417, 677, 678, 681, 684, 750
 Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА) (Москва) – 113, 707
 Российский Государственный Архив литературы и искусства (РГАЛИ) (Москва) – 119, 238, 254, 259, 368, 408, 436, 524, 715, 725, 780, 785
 Российский Государственный Военный Архив (РГВИА) – 22, 27, 28, 29, 31, 39, 50
 «Российский Магазин» (журнал) – 68
 «Российский Музеум или Журнал Европейских Новостей» – 295, 297, 298
 Российско-Американская компания – 619
 Российское Библейское общество – 344 (третий отчет за 1815 г.), 347, 419
 Российское Благородное Собрание (Москва) – 702 («Визитерная книга»)

Ростислав (Михаил) Мстиславич, кн. Смоленский и вел. кн. Киевский (ум. ок. 1167–1168) – 335

Ростислав Мстиславович, вел. кн. Смоленский (до 1270), сын Мстислава Давидовича – 335

Ростопчин, граф Федор Васильевич (1763–1825) – 110, 111, 113, 117, 146, 158, 219, 239, 259, 260 (письмо Дмитриева), 261, 271, 301, 302, 306, 308, 310, 311, 314, 570, 593, 640 (кончина), 645

Ростопчина, Евдокия Петровна, урожд. Сушкова (1811–1858) – 815

Ростопчина, графиня, Екатерина Петровна – 578, 645

Ростопчина, графиня, Елизавета Федоровна – 593

Ростопчины – 304, 317, 593

Росцишевский – 130

Рот, адъютант – 117

Рот, дворецкий Дмитриева – 668

Рубан, Василий Григорьевич (1742–1795) – 186

Румянцев, граф Николай Петрович (1754–1826) – 187, 218, 273, 284, 291, 293, 302, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 312, 317, 339 («канцлер»), 321, 340, 347, 373, 382, 387, 388, 396, 441, 444, 449, 455, 458, 466, 495, 535, 541, 565 («Канцлер»), 580, 602, 645 (кончина)

Румянцев, граф Сергей Петрович (1755–1838) – 273, 302, 305, 308 («Румянцевы»), 309, 357, 360, 382, 423, 441, 447, 449, 455, 458, 466, 508, 534, 535, 541, 561, 563, 565, 590–591, 602, 609, 610, 632, 637, 645, 655, 739, 805, 812

Румянцев-Задунайский, граф Петр Александрович (1725–1796) – 26, 111, 293

Румянцева, графиня Анна Никитишна – см. Нарышкина А. Н.

Рунич, Дмитрий Павлович (1776–1860) – 304, 534 («Куратор»), 540

Рунич, Павел Степанович (1748–1825) – 25, 405

«Руской Вестник, издаваемый Сергеем Глинкою...» – 214, 231, 232, 254, 300 (стихи Дмитриеву), 328 («Послание к И. И. Дмитриеву, по случаю сделанного ему Высочайшего препоручения о рассмотрении прошений...»), 344, 486

«Русская антология, или Образчики русских поэтов Дж. Боуринга, ч. II» – 607 (рецензия А. А. Бестужева)

«Русская песня, сочиненная в Подмосковной, в сельце Услава...» («Вечерком румяну зорю...») – см. Николев, Николай Петрович

«Русская стихотворная хрестоматия Василия Зотова» – 211 («Послание к И. И. Дмитриеву»)

«Русская Галия ... на 1825 год» – 613, 614

«Русские писатели в 1816 году» (Бабочка. 1829. № 1. С. 4) – 698 («На лаврах Дмитриев отдышал...»)

«Русский Зритель» – 688

«Русский Инвалид» – 381, 414, 418, 469, 551, 557, 558, 568, 591, 599, 606, 737 (о новосолье А. Ф. Смирдина), 774

Русское Библейское Общество – 318

Руссо, Жан-Жак (Rousseau, Jean Jacques; 1712–1778) – 41, 64, 149 («с Жан-Жаком»), 129, 386, 388, 636, 683

Руссов – 404

Руцкой, лекарь Москов. Легиона (г. Симбирск) – 20

Рушковский, И. А. – 431, 741

Рыженков, М. Р. – 12

Рылеев, Кондратий Федорович (1795–1826) – 549, 550, 570, 584, 589, 594, 596, 598, 617, 621, 625, 633, 641, 710

Рылеев, обер-полицеймейстер – 95

Рындин, обер-прокурор – 139

Рюль, лейб-медик – 647

Рюрик (Василий) Ростиславич, кн. Смоленский и вел. кн. Киевский (ум. 1212) – 335

Рябинин, Андрей Михайлович (1772–1854) – 239, 339, 347

Рябинина, К. А. – 308

Рябинины – 339

Рябухин, Сергей Николаевич – 9, 12

Рязанов, Николай Петрович (1764–1807) – 161–162, 163

С

Саблин, <А. И.>, сенатор – 508

Саблина, рожденная Вилламова – 498

Саблуков – 120

Саведбева, Е. А. – 12

Сайтов, Владимир Иванович (1849–1938) – 250, 277, 282, 596, 682, 822

Саларев, Сергей Гаврилович (1792–1820) – 404, 416 («Письмо к редактору»), 526 («Гробница»)

Салихов, М. Х. – 13

Саллюстий, Гай С. Крисп (Sallustius Crispus Gaius; 86–35 до н. э.) – 133

Салтыков, князь Александр Николаевич (1775–1837) – 281, 302, 303, 314, 446, 756 («Александр Николаевич» Салтыков?)

Салтыков, граф (князь с 1814) Николай Иванович (1736–1816) – 29, 285, 286, 290

Салтыков, Борис Михайлович (1723–1808) – 793

Салтыков, граф Иван Петрович (1730–1805) – 143, 150

- Салтыков, граф Михаил Александрович (1767–1851) – 659, 681, 761
- Салтыков, граф Петр Семенович (1700–1772) – 143
- Салтыковы – 150
- Саллюстий, Гай С. Крисп (86–35 до н. э.) – 133
- Сальванди, Нарсис де (Salvandy; 1796–1856) – 648 («Дон Алонзо», точнее: «Don Alonzo, ou l'Erpagne, histoire contemporaine» (4 vol. Paris, 1824), 739
- Самарин, Ю. – 601, 602
- Самарова гора – 142
- Самборский, Андрей Афанасьевич – 80
- Самозванец – см. Лжедмитрий I
- Самойлов, граф Александр Николаевич (1744–1814) – 52
- Самойлов, Василий Михайлович (1782–1839) – 466
- Самойлова, графиня Софья Васильевна (1787–1854) – 466
- «Сафо: Лирическая трагедия в трех действиях / Сочинение Н. Сушкова» (М., 1823) – 573–574 (дар Дмитриеву)
- де-Санглен, Яков Иванович (1776–1864) – 193
- Сандунов, (Зандукелли), Николай Николаевич (1769–1832) – 189, 191, 204, 755
- Сандунова, Елизавета Семеновна (172 или 1777–1826) – 466
- «Санкт-Петербургские Ведомости» – 51, 80, 467, 595, 726, 762, 778
- «Санкт-Петербургский Вестник» – 52, 257, 568
- Санкт-Петербургский Императорский Университет – 414
- «Санкт-Петербургский Меркурий» – 71, 73, 74
- «Санктпетербургския Ученыя Ведомости на 1777 год» – 28, 28
- Сантти, граф Петр Львович (ум. 1821) – 404
- Сарычев, Гавриил Андреевич (1763–1831) – 194, 557
- Сарская ул. (позже – Арская; ныне ул. К. Маркса) (Казань) – 21
- «Сатирическая Газета» – 558
- Саундерс, Генри – 674
- Сафо (ок. 627 – ок. 568 до н. э.) – 352
- Св. Спиридона приход (Москва) – 273 (строительство дома), 280
- Свербеев, Дмитрий Николаевич (1799–1874) – 815, 816, 818, 819, 821
- Свечин, Николай Петрович – 214
- Свечина, Софья Петровна, урожд. Соймонова (1782–1859) – 311, 314, 315, 317, 405, 747 («рукописи знаменитых русских писателей»)
- Свиньин, Павел Петрович (1787–1839) – 467, 487, 494, 514, 516, 542, 557, 577, 589, 611, 614, 617, 619 («Павлушка»), 629, 647, 648, 651, 669, 701–702 (письмо Дмитриева), 723, 737 (запись в альбоме Дмитриева), 740 (письмо Дмитриева), 745 (письмо Дмитриева), 755 (письмо Дмитриева), 761, 764, 765 (письмо Дмитриева), 764, 766, 771 (письмо Дмитриева), 776 (письмо Дмитриева), 777 (письмо Дмитриева), 779 (письмо Дмитриева), 780, 782 (письмо Дмитриева), 789 (письмо Дмитриева), 796 (письмо Дмитриева), 806 (письмо Дмитриева), 807, 823 (письмо Дмитриева)
- «Ермак или покорение Сибири» (СПб., 1834. Ч. 1–4) – 767 (дар Дмитриеву)
- Свиньин, Петр Петрович – 542
- Свиньиная, Надежда Аполлоновна, урожд. Майкова (1798–1865) – 702, 740, 755, 765, 766, 772, 776, 777, 780, 782, 789, 796, 807, 823
- «Свиток Муз» – 168, 202
- «Святки» – см. Горчаков, Дмитрий Петрович
- Священное Писание – 30, 75 («Св. Писание»), Священный Синод – 75
- Северин, Дмитрий Петрович (1792–1865) – 214 (басня «Мышь»), 220, 253, 295, 320, 326, 358, 376, 378, 379, 380, 382, 390, 404, 406, 413, 414, 419, 420, 422, 424, 425, 439, 464, 466, 468, 475, 480, 481, 487, 492, 497, 503, 504, 521, 530, 551, 570, 602, 605, 620, 628, 631, 661, 672, 759, 815
- Северин, Петр Иванович – 39, 487
- Северина, Анна Григорьевна, урожд. Брагина – 39, 166, 254, 436, 474, 760, 761
- Северина, Софья Федоровна, урожд. Мольтке, вторая жена Д. И. Северина (ум. 1882) – 620
- «Северная Газета» – 215
- «Северная Минерва» (СПб., 1832; изд. Иродион Ветринский) – 735
- «Северная Почта» – 251, 347, 372, 406, 434, 438
- «Северная Пчела» (СПб., 1825–1864; изд.-ред. Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, с 1860 – П. С. Усов) – 367, 614, 618, 665, 684, 685, 700, 721, 727, 736, 739, 745, 761, 769, 774, 776, 785, 788, 798
- «Северные Цветы...» (СПб., 1825–1831; изд.-ред. бар. А. А. Дельвиг, с 1827 совместно с О. М. Сомовым) – 552 (на 1826 г.), 632 (на 1826 г.), 633 (на 1826 г.), 634 (на 1832 г.), 655 (на 1826 г.), 656, 658, 671, 677 (на 1827 г.), 685 (на 1827 г.), 681 (дар от Дельвига), 696 (на 1829 г.), 697 (на 1829 г.), 703, 728 (на 1832 г.), 731, 733, 735, 736 (дар Пушкина Дмитриеву), 749 (на 1831 г.), 760 (кончина)

- «Северный Архив» (СПб., 1822–1828; изд. Ф. В. Булгарин) – 550, 551, 552, 554, 561, 568, 579
- «Северный Вестник» (Петербург, 1804–1805; изд. И. И. Мартынов) – 172, 173, 174, 175, 177, 188, 189, 191
- «Северный Меркурий» – 72, 178, 719, 724
- Сегюр д'Агессо, Луи Филипп, граф де (1753–1830) – 133 («д'Агессо»)
- Сегюр, Филипп Поль граф де (1780–1873) – 493, 552
- Седов, симбирский купец – 649
- Селивановский, Семен Иоанникиевич (1772–1835) – 68, 278, 283, 299, 324, 602
- «Сельский работник, поэма Роберта Блумфельда...» – 216
- Семен Андреевич, кн., по прозв «Плот» (род Нетши) – 335
- Семен Васильевич, сын Василия Андреевича Весилицы – 335
- Семен Григорьевич Внук, сын Григория Михайлович, внук Михаила Александровича – 335
- Семен Иванович, сын Ивана Даниловича – 335
- Семенко, И. М. – 355
- Семенов, Василий Николаевич (1801–1863) – 728, 735
- Семенова, Екатерина Семеновна, (1786–1849) – 186, 546
- Семеновский лейб-гвардии полк – 22 (запись вместе с братом), 25, 27, 44, 46, 66, 94, 95, 518
- Семеновский мост (Петербург) – 66
- Сен(т)-Ламбер, Жан-Франсуа (1716–1803) – 404
- Сенат – 109, 280 (Общее собрание. 1814 г.)
- Сенатор-Куратор – см. Голенищев-Кутузов, П.
- Сенгилеевская дворянская опека – 34
- Сен-Тома, О. (переводчик «Истории» Карамзина на фр. яз.) – 411, 482, 484 («С. Tomas»), 756 («кто этот барон Брамбеус», «Незнакомка» «Большой выход»), 493, 527, 528, 530, 531, 540, 613
- Сенковский, Осип-Юлиан Иванович (1800–1854) – 595 («басурманин»), 756, 757, 766, 768, 769, 770 («Скандинавские саги в отношении к русской истории»), 771, 774, 776, 781, 794, 799, 829
- Серафим, митрополит – 281
- Сербинович, Константин Степанович (1796–1874) – 592, 603, 606, 622, 628, 637, 638, 639, 641, 648, 673, 682, 691, 696, 697, 758, 753, 761, 764, 768, 799, 807, 809, 814, 815, 821
- Сергий Радонежский (ок. 1314–1392) – 692
- Серебряков Дорофей – 23
- Сестренцевич-Богуш, Станислав Ян (Siestrzen-
- cewicz Bohusz, Stanisław Jan; 1731–1826) – 264, 473
- «Сибирский Вестник» – 615
- Сиверс, А. А. – 34
- Сиверс, Елизавета Карловна – 32
- Сиверс, граф Яков Ефимович (1730–1808) – 125
- Сигизмунд II (Zygmunt II), король пол. – 335
- Сидор – 41
- Симбирское Благородное Собрание – 686
- Симиона Столпника приход (Москва) – 31
- Синявский, Н. – 721, 755
- Сипаж, доктор (ум. 1796) – 107
- Сиповский, Василий Васильевич (1872–1930) – 52
- Сипягин, Николай Мартыанович (1785–1828) – 310
- «Система Российской Словесности, составленная Императорского Московского Университета профессором Иваном Давыдовым» – 752
- «Систематическое начертание существующих российских узаконений <...> Доктора прав Павла Дега» (М., 1824. Ч. 1–2) – 611
- «Скажи, о Дмитриев! где рифмы ты находишь?..» – см. Марин, С. Н.
- «Скаковой календарь» – 826
- Скаррон, Поль (Scarron, Paul; 1610–1660) – 20
- Скот, Вальтер (Scott, sir Walter; 1771–1832) – 457, 546, 547, 574, 628, 636, 685
- Скотников, Е. – 391
- Скрипицын, подполковник – 224
- Славно-Греко-Латинская Академия – 23
- Сленин, Иван Васильевич (1789–1836) – 373, 375, 540, 547, 579, 588, 682
- Сленины, братья, книгопродавцы – 413, 458, 486
- Слепушкин, Федор Никифорович (1787–1848) – 648
- Смирдин, Александр Филиппович (1795–1857) – 72, 88, 737 (новоселье), 739, 743 (новое изд. «Истории» Карамзина), 755 (лит. сб. «Новоселье», ч. 1-я), 756 («Новоселье»), 764, 766, 768, 770, 771, 772, 781, 813, 818
- Смирнов, погиб при Рушуке – 224
- Смирнов, Николай Васильевич (1746–1822) – 404
- Смирнов, Семен Алексеевич – 744
- Смирнов, Семен Васильевич (1780-е– после 1828) – 404
- Смирнова, Александра Осиповна, урожд. Россет (1809–1882) – 703, 726, 797
- Смирнова, Анна Николаевна – 334, 536, 572

- Смирнов-Сокольский, Николай Павлович (1898–1962) – 296, 720, 791
- Смит, Адам (Smith, Adam; 1723–1790) – 347
- Снегирев, Иван Михайлович (1793–1868) – 392, 436, 556, 620, 673, 716, 791
- Снегирев М., цензор – 345
- Сниткин – 485
- Собиески – 85
- «Собеседник Любителей Российского Слова...» – 51
- Соболевский, Сергей Александрович (1803–1870) – 485, 676, 677
- «Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности (СПб., 1815. Ч. 1–3; 1816. Ч. 4–6):
- Ч. 1–3. – 299–300;
- Ч. 5. – 296–297;
- Ч. 6. – 363.
- «Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Изд. 2-е, исправленное, умноженное... (СПб., 1822. Ч. 3–6):
- Ч. 3. – 552–547;
- Ч. 4. – 553;
- Ч. 5. – 553;
- Ч. 6. – 553.
- «Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год...»:
- Ч. 1 – 501
- Ч. 2 – 502
- «Собрание русских Стихотворений...изданное Василием Жуковским» – см. Жуковский, В. А.
- «Собрание Российских Стихотворений. В пользу юнотства, воспитываемого в учебном округе Виленского университета») – 678
- Собрание Симбирских дворян – 642
- Совет Императорского Казанского Университета – 397
- «Современник» – 794, 795, 796 (выход в свет и получение Дмитриевым перв. номера), 798, 799 (билет на второй том), 801 (билет на вып. втор. тома и замечания Дмитриева на публ. в «Лит. Приб.»), 802 (билет на вып. третьего тома), 803, 805, 806, 809 (об отправлении 3-го т. в Москву), 810, 815, 817, 825 (1-й номер за 1837 г.), 826, 829, 831
- «Современники, Собрание литографических портретов, государственных чиновников, писателей и художников, ныне в России живущих...» – 554
- «Созий» – см. Дмитриев, Иван
- Соймонов, М. Ф. – 125
- Соймонов, Петр Александрович (1737–1800) – 125, 755
- Соломон, царь Израильско-Иудейский (965–928 до н. э.) – 470
- Соковнин, Сергей Михайлович – 221, 404
- Соколов, Петр Иванович (1766–1836) – 557, 558, 560 (секретарь), 619, 779 (секретарь), 780, 783
- Соколов, Петр Федорович (1791–1848) – 514
- Соллогуб, граф Владимир Александрович (1813–1882) – 88
- Соловцов, Игнатий Иванович – 60, 79, 139
- Соловьева, О. С. – 724, 762, 783
- Солнцов (Сонцов), Матвей Михайлович (1779–1847) – 470, 475, 515, 618, 622, 756
- Сольдейн (Султанша, Солдатша), Вера Яковлевна, урожд. Мерлина (1790–1856) – 726
- Сомов, Орест Михайлович (1793–1833) – 540, 696
- Соненфельд – 435
- Сопиков, Василий Степанович (1765–1818) – 70
- «Соревнователь Просвещения и Благотворения» – 466, 522, 584 (1823. Кн. 11: о выходе в свет 6-го изд. соч. Дмитриева), 590
- Софийский пехотный полк – 22, 27, 28, 29, 31, 39, 50
- Софья – см. Карамзина, С. Н.
- Сохацкий, Павел Афанасьевич (ок 1766–1809) – 97, 178, 204, 207
- Соц, Василий Иванович (1788–1841) – 499
- Спасский, Григорий Иванович (1783–1864) – 615
- Спенсер (Спенсер), Эдмунд (Spenser, Edmund; ок. 1552–1599) – 457
- Сперанский, граф Михаил Михайлович (1772–1839) – 104, 212, 216, 218, 221, 223, 224, 232, 429, 438, 444, 495 («новоприезжий»), 496, 503, 506, 515 («С...»?), 546, 566, 593, 598, 628, 641, 652, 754
- Спиридов – 39
- Спренгпортен, Ирье Мауно (Sprengporten, Yrjö Mauno; 1740–1819) – 42
- Сталь, Анна Луиза Жермена де (Staël-Holstein, Anna Louise Germaine de; 1766–1817) – 41 («О характере»), 260, 303, 396, 519 («M-me Staël»)
- Станислав Понятовский – см. Понятовский С.
- Старая Басманная ул. (Москва) – 716
- Старикова, Л. М. – 18
- Старого (Большого) Вознесения церковь (Москва) – 725
- Старостин, Александр Викторович – 13

- Стасов, архитектор – 534
 «Статистический журнал...» – 657
 Степан Иванович, сын Ивана Даниловича – 335
 Степанов, Александр – 525 (дарственная Дмитриеву)
 Степанов, В. П. – 207, 208
 Степашин, Сергей Вадимович – 7, 12
 Степнинский, – 418
 Стил, Ричард (Steel, Richard; 1672–1729) – 457
 «Стихотворения Александра Востокова. В трех книгах» (СПб., 1821. Кн. 1–3) – 497, 525
 Столыпин, Аркадий Алексеевич (1778–1825) – 308, 423, 565, 653
 Страхов, Петр Иванович (1757–1813) – 71, 72
 Строгонов – 39
 Строганов, барон Александр Сергеевич (1771–1815) – 125
 Строганов, граф Александр Сергеевич (1733–1811) – 52, 345
 Строганов, Григорий Александрович, барон, с 1826 граф (1770–1857) – 497, 498
 Строев, Павел Михайлович (1796–1876) – 417, 711, 712, 740
 Стройновский, граф Валериан Венедиктович (1759–1834) – 373
 Стромиллов, С. – 809
 Струйский, Николай Еремеевич (ум. 1796) – 688
 Стурдза, Александр Скарлатович (1791–1854) – 324, 345 («книга о Православной Церкви»), 376, 379, 404, 406, 414, 416, 419, 422, 468, 784
 Суворов, Александр Васильевич, граф Рымникский, князь Италийский (1729–1800) – 25, 84, 86, 87, 146, 391, 405, 575 (памятник работы М. И. Козловского), 677
 «Суворов, лирическая поэма Александра Степанова» (М., 1821) – 525
 Сумарокова, Александра Петрович (1717–1777) – 20, 21, 23, 25, 149, 405, 643, 648, 679, 711, 718, 719
 «Гамлет» – 20
 «Ода Петру Великому» – 20
 «Хореев» – 20
 «Синав и Трувор» – 20
 «Артистоны» – 20
 Сумароков, Павел Иванович (1760–1846) – 614
 Сумароков, Панкратий Платонович (1765–1814) – 553, 554, 768
 Суворцев, Григорий Фадеевич – 34
 Сутерланд, банкир – 627
 Сухозанет, Иван Онуфриевич (1794–1871) – 818
 Сухопутный Кадетский корпус (Петербург) – 19
 Сухтелен, Павел Петрович (1784–1833) – 635 («Оренбургский Генерал-Губернатор»)
 Сушков, Андрей Васильевич – 483
 Сушков, Василий Михайлович (1747–1819) – 239
 Сушков, Михаил Васильевич (1775–1792) – 67 («Издатель Мифологии»)
 Сушков, Николай Васильевич (1796–1871) – 483, 573
 Сушков, Н. М. – 257
 Сушкова, Марья Васильевна – 67
 «Сызранские секретари» – 66
 «Сын Отечества» – 261, 279, 292, 295, 320, 325, 326, 360, 365, 366, 370, 375, 376, 381, 402, 403, 405, 406, 412, 419, 421, 431, 442, 448 (о собрании Рос. Акад. 8 января 1820 г.), 449, 459, 469, 471, 472, 477, 478, 479, 481, 487, 488, 489, 490, 498 (о вых. в свет 9-го т. «Ист. Гос. Рос.»), 506, 516, 544, 546, 549, 558, 569, 584, 591, 704, 739, 795
 Сулла, Луций Корнелий (138–78 до н. э.) – 410
 Сюлли – 342
- Т**
- Тайная Канцелярия – 578
 Тайная Экспедиция – 26
 Талейран-Перигор, Шарль Морис де (Talleyrand-Perigord, Ch. M. de; 1754–1838) – 739
 «Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе» (СПб., 1807. Кн. 1) – 208 («Ивану Ивановичу Дмитриеву. На получение им высочайшей милости 15 декабря 1806 года»; подпись: ***)
 Тальма, Франсуа-Жозеф (Talma; 1763–1826) – 624
 «Танкред» («Tancrede», трагед. Вольтера) – 605
 Таппе, Дитрих-Август-Вильгельм (1778–1830) – 408
 Тарасов, Е. И. – 664
 Тассо (Тасс), Торквато (Tasso, Torquato; 1544–1595) – 120, 131, 448, 624, 652, 700 («Освобождение Иерусалима»), 770
 Татаринов, Александр Ильич – 420, 423, 426, 440
 Татариновы – 671
 Татарины – 83
 Татищев, Дмитрий Павлович (1767–1845) – 534
 Татищева, Прасковья Ефграфовна – 487

- Татищева Мария Степановна, урожд. Ржевская (ум. 1852) – 487
- Твердышев, Иван Борисович (ум. 1773) – 23
- «Телескоп. Журнал современного просвещения» (М., 1831–1836; изд. Н. И. Надеждин) – 724, 727, 728, 735, 752, 776, 792, 793, 799, 814
- Телешев, Иван Яковлевич (1794–не ранее 1866) – 735
- Тепляков, Виктор Григорьевич (1804–1842) – 769, 770 (письмо Дмитриева)
- Теплова, Серафима Сергеевна (в замужестве Пельская; 1815–1861) – 710 («К***»)
- Терьяв, П. А. – 522
- Тесье – 713
- «Технологический журнал» – 176, 177
- Тибекин, Василий – 322
- Тибулл, Альбий (Tibullus Albius; ок. 54–19 до н. э.) – 100, 518
- Тимковский, Иван Осипович (1768–1837) – 250, 261, 269, 281, 365, 408, 464, 498, 501, 502, 506, 516, 552, 553
- Тимофей Семенович, сын Семена Григорьевича. Внука – 335
- Типографическая Компания – 438
- Тиртей, др. греч. поэт-лирик (VII в. до н. э.) – 275
- Тит-Ливий – см. Ливий, Тит
- Титов, Владимир Павлович (1807–1891) – 676
- Толстой, граф Варфоломей Васильевич (ум. 1838) – 312
- Толстой, граф, Н. А. – 302, 304, 312
- Толстой, граф Петр Александрович (1761–1844) – 261, 342, 440, 441, 488
- Толстой, граф Федор Андреевич (1758–1849) – 466, 595
- Толстой, граф Федор Иванович («Американец») (1782–1846) – 411, 640
- Толченев, Павел Иванович (1786 – после 1840) – 546
- Тома – см. Сен-Тома
- Томашевский, Борис Викторович (1890–1957) – 368
- Томсон, Джеймс (Thomson, James; 1700–1743) – 47, 417
- Тончи, Сальваторе (в России – Николай Иванович (1756–1844) – 206, 529, 530, 533, 535, 564 (портрет Дмитриева), 580
- Торвальдсен, Бертель (Thorvaldsen, B.; 1770–1844) – 480, 648
- Тормасов, граф Александр Петрович (1752–1819) – 281, 312
- Траверсе, маркиз Иван Иванович де (1809–1827) – 508, 635 («Министр Морской»)
- Травина – 746
- Тредь(и)яковский, Василий Кириллович (1703–1769) – 196, 467, 718, 719, 813 («Сатира на Кулябку»)
- Тренделенбург, И. Георг – 47
- Третьяков – 209
- «Три Султана» («Солиман Второй, или Три Султаншъ») – 575
- Трискорни – 648, 789
- Тронопольская, Татьяна Михайловна (ум. 1774) – 21
- Троицкий собор (Псков) – 820
- Тропинин, Василий Андреевич (1780 (по др. источ. 1776)–1857) – 791
- Трошинский, Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) – 290, 302, 303
- Трубецкой, князь Николай Никитич (1744–1821) – 66, 110
- Трубецкой, князь Сергей Петрович (1790–1860) – 641
- Трубецкой, князь (дом на Покровке) – 817
- Трубецкой, князь – 475
- Трунин – 404
- «Труды Казанского Общества Любителей Отечественной Словесности» – 296 (сообщение о принятии Дмитриева в члены общества), 405, 418
- «Труды Общества Любителей Российской Словесности при имп. Московском университете...» – 254, 347, 404, 406, 418, 441, 620
- «Труды Черниговской губернской Архивной Комиссии...» – 215
- Тук, Уильяма (Tooke, William) – 147 («Life of Catherine II. 3 ed. London, 1799»)
- Туманский Федор Антонович (1799–1853) – 791
- Туманский, Федор Осипович, (ум. 1805) – 63, 68, 70, 589, 590
- Тургенев, Александр Иванович (1784–1846) – 35, 182, 189, 190, 199, 200, 201, 208, 209, 212, 213, 214, 215, 218, 221, 222, 224, 225, 231, 233, 243, 244, 251, 252, 253, 256, 257, 258, 261, 266, 274 (письмо Дмитриева), 275, 277, 282, 292, 294, 295, 296, 298, 314 («вечер Тургеневский»), 317, 318, 319 («Эолова Арфа»), 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 328, 329, 330, 331, 334, 338, 339, 340, 341, 344, 345, 346, 348, 350, 352, 353, 354, 360, 362, 365, 367, 368, 369, 371, 373, 375, 376, 377, 380, 381, 385, 386, 387, 388, 389, 392, 397, 398, 400, 401, 402, 403, 405, 406, 410, 411, 413,

414, 415, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434, 435, 436, 438, 439, 441, 442, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 4454, 455, 458, 459, 460, 462, 463, 464, 466, 468, 470, 471, 473, 474, 475, 476, 478, 479, 488, 489, 490, 491, 493, 495, 496, 498, 500, 501, 503, 504, 508, 521, 535, 536, 537, 539, 541, 543, 547, 549, 550, 556, 560, 561, 562, 564, 565, 567, 568, 569, 571, 572, 573, 575, 577, 579, 589, 591, 592, 594, 596, 598, 599 (отставка), 600, 602, 603, 604, 605, 606, 608, 613, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 624, 625, 626, 629 (прощание с Карамзиным), 632, 633, 637, 640, 641 (письмо Карамзина), 649, 650, 652, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 667, 668, 671, 672, 673, 677 («маленький Гримм»), «Эолова Арфа»), 678, 682, 685, 692, 710, 712, 726, 727, 728, 730, 731 (письмо к Пушкину), 732, 733, 735, 736, 737 (знакомство Дмитриева с библиотекой Тургеневых), 739, 741, 742 («Гримм-пилигрим»), 746 («Гримм-пилигрим»), 747 (альбом С. П. Свечиной), 750 («маленький Гримм»), 752 («Гримм»), 755 («маленький Гримм»), 756 (памятник Карамзину в Симбирске), 757 (подарок из Помпей «от Грумушки»), 758, 759, 760, 761, 762, 763 (портреты Вольтера для Дмитриева), 765, 772, 773, 778 (отъезд в Москву), 785, 790, 793 («Эолова арфа»), 794 («Эолова арфа»), 800 (на обеде у Дмитриева), 801, 803, 806, 807, 808 (Записка к Тургеневу), 809, 810, 811, 812, 813, 814 («Гримм Баллашъич или Балланшевич»), 815, 816, 817, 819, 821, 822, 824, 825, 826, 831, 833

Письма к И. И. Дмитриеву:

7 октября 1818 – 387
 16 декабря 1818 – 404–405
 20 декабря 1818(?) – 405
 6 мая 1819(?) – 421–422
 7 августа 1819 – 433–434
 6 января 1820 – 444
 9 января 1820 – 445–446
 23 июля 1820 – 468
 24 августа 1820 – 473
 7 октября 1820(?) – 478–479
 4 февраля 1821 – 492–493
 12 апреля. 1821 – 496
 13 мая. 1821. – 498
 Май (не ранее 25). 1821 – 500
 Июнь – Июль. 1821. – 503
 26 июня 1823 – 573 (приписка к письму С. Н. Карамзиной)
 3 марта 1825 – 618
 30 марта 1825 – 622
 Запись в альбоме И. И. Дмитриева: «Счастье в добродетели...» – 732

«О Карамзине и молчании о нем литературы нашей...» – 682 (отрывок из письма к кн. Вяземскому)

Тургенев, Александр («Сашка») – 820

Тургенев, Андрей Иванович (1781–1803) – 33, 148 (встреча с Дмитриевым), 151 («К портрету Гёте»), 154

Тургенев, Иван Петрович (1752–1808) – 36, 39, 44, 55, 66, 94, 95, 110, 111, 200, 207, 334, 380, 573, 654

Тургенев, Николай Иванович (1789–1871) – 50, 212, 218, 221, 222, 244, 251, 253, 277, 334, 384, 389, 397, 398, 402, 410, 413, 415, 420, 421, 423, 425, 437, 441, 442, 443, 444, 538, 548, 551, 552, 557, 650, 652, 664, 667, 821

Тургенев, Сергей Иванович (1792–1827) – 444, 455, 458, 462, 468, 479, 498, 500, 501, 503, 508, 551, 566, 572, 622, 629, 650, 667, 668

Тургенева (урожд. Качалова), Екатерина Семеновна – 233 («матушка»), 277, 320, 358, 359, 423, 441, 468, 488, 498, 504, 508, 519 («матушка»), 608

Тургенева, Клара – 820

Турчанинов, Петр Иванович (1779–1827) – 39

Тутолмин, Иван Васильевич (ум. 1838) – 312, 691

«Тысяча и Одна Ночь. Сказки арабские, переведенные с французского языка» (М., 1763–1774. Т. 1–12) – 20

У

Уваров, граф Сергей Семенович (1788–1855) – 260, 261, 276, 283, 292, 317, 319 («Старушка»), 345, 366, 375, 399, 410, 412, 452, 471, 520, 540, 562, 694 (письмо Дмитриева), 739, 740, 747, 748, 752, 762, 765, 771, 774, 793, 818

Уваров, Федор Петрович (1773–1824) – 609

Угрим Дмитриевич, сын Дмитрия Дмитриевича – 335

Угры – 39

«Украинский Вестник» – 381, 382, 405

«Улей. Помесячное издание» (1811–1812; изд. В. Г. Анастасевич) – 238, 735

Ульянов, Вячеслав Николаевич – 12

Ульяновская областная научная библиотека (УОНБ) – 139, 243

Усанов, Александр Николаевич – 12

Устинья, вторая жена Е. Пугачева – 747

Устрял Дмитриевич, сын Дмитрия Дмитриевича – 335

Уткин, Николай Иванович (1780–1863) – 377, 407, 413, 433

«Утро. Литературный и Политический Сборник» – 152

«Ученяы Ведомости 1777 года» – 568
 «Ученяы Записки Московскаго Университета» – 769, 771, 780, 794
 Ушаков, Василий Аполлонович (1789–1838) – 715, 719

Ф

Фабр – 312
 Фаон – 352
 Фарнгаген – см. Варнгаген.
 Федор Антипыч – 118
 Федор Васильевич – см. Ростопчин, граф Федор Васильевич.
 Федор Григорьевич Мамон, сын Григория Андреевича Мамона – 335
 Федор Данилович, сын Данилы Ивановича – 335
 Федор Дмитриевич, сын Дмитрия Дмитриевича – 335
 Федор Иванович – см. Дмитриев, Федор Иванович
 Федор Ильич – 41
 Федоров, В. В. – 13
 Федоров, Борис Михайлович (1798–1875) – 564, 633, 671, 761, 768, 783 («Аякс»)
 Фельц (Féletz Ch. M. de) – 702 («Mélanges de philosophie»)
 Феодор Иоаннович, (1557–1598), русский царь – 527
 Фе(о)дор Константинович, кн., сын кн. Константина Ростиславича – 335
 Фе(о)дор Ростиславович, кн., сын Ростислава Мстиславича – 335
 Феодор Иоаннович, царь (1557–1598) – 557, 562, 578
 Федор Яковлевич, сын Якова Ивановича Устряма – 335
 Федр (Phaedrus; ок. 15 до н. э. – 70 н. э.) – 232
 «Федра» («Phedre»; трагедия Ж. Расина) – 590 (пер. М. Е. Лобанова и Чеславского – 1823 г.)
 Фейлер – 274
 Феофан (Прокопович, Елеазар; 1681–1736) – 28
 Феофилакт (Русанов), епископ Калужский – 274, 413
 Феофилова пустынь – 821
 Ферзен, Иван Евстафьевич (1739–1799) – 86
 Филарет, митрополит московский (в миру Дроздов, Василий Михайлович; 1783–1867) – 339, 345, 387, 447, 468, 645 («Архипастырь»), 725, 726, 790
 Филарет, патриарх (Романов, Федор Никитич; ок. 1554–1633) – 336

Филарет (Амфитеатров, Федор Георгиевич; 1779–1857) – 499
 Филдинг, Генри (Fielding, Henry; 1707–1754) – 32, 558, 654 («Томас Джонсон»)
 Филимонов, Владимир Сергеевич (1785–1858) – 404, 462, 485, 691 («Дурацкий колпак»), 703
 Филипп, митрополит московский (1507–1569) – 445
 Философов, Никита Никитич, симбирский дворянин, муж Марфы Михайловны Философовой – 96, 504
 Философов, Николай Никитич – 504, 607
 Философова, Марфа Михайловна, урожд. Карамзина (1773(?)–1821) – 34, 52, 58, 59, 61, 63, 82, 84, 85, 96, 504 (кончина), 505
 Фингельман – 767
 Фитингоф-Шель, Борис Иванович фон (1767–1829) – 446, 560
 Флакк – см. Гораций Флакк, Квинт
 Флакман, Джон (Flaxman, John; 1755–1826) – 823
 Флэри, Шарль – 476 («Mémoires sur les Cent jours par Corbulon...») – неточность Дмитриева; вероятно, речь идет о книге: «Mémoires pour servir à l’histoire de la vie privée, du retour et du règne de Napoléon, en 1815, par M. Charles Fleury de Chaboulon» (Lond., 1820. 2 vol.), 477
 Флориан, Жан Пьер Кларисс де (Florian, Jean Pierre Claris de; 1755–1794) – 120, 159, 161, 163, 170, 209, 450, 464, 643 («Бергамския Близнецы. Комедия Господина Флориана. Вольный перевод»), 644
 «Фоблаз» – см. Клушин, А. И.
 Фома Кемпийский – 438 («О подражании Христу»), 441, 442
 Фокс, Чарлз Джеймс (Fox, Charles James; 1749–1806) – 810
 Фон-Брадке, Ф. И. – 24, 294
 Фомин, сочинитель музыкальных пьес – 153
 Фонвизин, Денис Иванович (1744 или 1745–1792) – 21, 30, 37, 43 («Журнал»), 44 (Журнал), 215, 451, 514, 544, 718, 719, 720, 737, 793, 794, 795, 798, 800, 801
 «Аввакум Скитиник» – 794
 «Бригадир» – 21
 «Журнал Фон Визина» («Друг честных людей, или Стародум») – 43
 «Недоросль» – 43
 «Слово по случаю выздоровления Наследника Екатерины» – 21
 «Сокращенное описание жития графа Никиты Ивановича Панина» – 37

- Фон-Визин, Павел Иванович – 793
- Форбень, граф (Forbin; ум. 1841) – 436 («Voyage dans le Levant...»), 437
- Фотий (в миру Спасский, Петр Никитич; 1792–1838) – 720
- Франк, Сипо Егорович – 279, 321, 328, 339, 342, 344, 346, 360, 367, 370, 373, 374, 377, 381, 402, 411, 413, 418, 425, 426, 427, 430, 437, 440, 442, 447, 450, 451, 454, 462, 467, 472, 473, 474, 477, 481, 486, 489, 495, 501, 506, 515, 517, 520, 521, 525, 528, 531, 541, 543, 552, 556, 559, 563, 566, 578, 588, 589, 596, 597, 599, 600, 602, 604, 609, 610, 611, 612, 617, 622, 668, 676, 677, 678, 683, 687, 696, 698, 699, 702, 706, 707, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 718, 720, 725, 726, 728, 731, 734, 739, 747, 752, 767, 775, 778, 779, 788, 803, 804, 805, 806, 808, 814, 832, 833
- Франклин, Бенджамин (Franklin, Benjamin; 1706–1790) – 354, 389
- Французская Академия – 493
- Французская литература – 20
- Фридрих II (Великий), король Пруссии (1712–1782) – 424, 696
- Фридрих-Вильгельм III, с 1797 г. король прусский (Fridrich Wilhelm III; 1770–1840) – 370
- Фролов, Степан Степанович (1765–не ранее 1843) – 379, 380
- «Фуза Лозанна Оссоска», сорт кит. чая – 833
- Фусс, Николай Иванович (1755–1826) – 294
- Фусс, Павел Николаевич (1798–1855) – 295, 298, 319
- Фуше, Жозеф, герцог Отранский (Fouché, Joseph, duc d'Otrante; 1759–1820) – 304, 332, 425, 427, 707
- Х**
- Харламов, Евстигней – 32
- Харьковский Императорский университет – 350
- Хвостов – 29
- Хвостов, Александр Семенович (1753–1820) – 30, 244 («О стихотворстве»), 793 («послание к Ф. Визину»), 794, 797, 808
- Хвостов, граф Дмитрий Иванович (1757–1835) – 31, 57, 104, 164, 176, 181, 189, 190, 195, 197, 212, 214, 215 («ваш витязь»), 226, 231, 232 («Ода к Карамзину»), 233 (каламбур И. И. Дмитриева), 236, 238, 240, 244, 245, 249, 252, 259, 263, 272 («Сокол»), 274, 283, 294, 297, 309 («обожатель»), 319, 325, 343, 363, 381, 405, 406, 415, 418, 452, 454, 466, 470 («некоторый граф»), 471, 474 («Грифон-Графов»), 478, 479, 484, 486, 488 («перевод Буаловой сатиры»), 489, 523, 533, 536, 543, 544, 545, 546, 557, 561, 562, 569, 573 («Графов»), 575, 593, 595, 615, 619 («наш Байрон»), 621, 624 («граф Д. И.»), 631 (подпись под портретом: «Желал бы Граф я Ваш портрет иметь...»), 636, 657, 672, 680, 681, 685, 691, 693, 713, 719, 722, 723, 724, 731, 735, 738, 740, 741 («жаль и графа»), 743, 745, 750, 754, 775, 780, 785 (визит Дмитриева), 786, 788 (кончина), 789
- «Барышня и Ткачи» – 189, 190
- «Безначалие» – 176
- «И. И. Дмитриеву на случай чтения Н. М. Карамзиным в торжественном Рос. Академии Собрании некоторых мест из IX тома его истории» – 452
- <И. И. Дмитриеву> «Давненко Буало твердил, что целый век...» – 236, 238 (перевод на нем. яз)
- «Записки о словесности» – 232, 233, 238 244
- «Земляная ласточка...» – 238
- «Зима» – 195
- «Леопард и Козел» – 238
- «На победу» – 195
- «На пожар» – 624
- «О стихотворстве» – 244
- «Орел и Змея» («Оставя пышные, надзвездные чертоги...») – 181
- Песенка («Я щастлив был, когда в невинности...») – 184
- «Послание в стихах ...» – 294 (эпиграф из послания к Дмитриеву)
- «Послание к И. И. Д-<митрие>ву» («Мы в белокаменной вновь свиделись...») – 164
- «Послание М. В. Ломоносову о рудословии» – 446, 489
- «Приглашение на вечеринку» – 238
- Эптафии:
- «И. А. Дмитриевскому» – 523
- «М. В. Милонову» – 523
- Хемницер, Иван Иванович (1745–1784) – 321, 544, 673, 737 («второй тост»)
- Херасков, Михаил Матвеевич (1733–1807) – 23, 43, 51, 53 («певец Россияды и Владимира»), 54, 55, 56, 66, 72, 99, 101, 102, 107, 110, 142, 149 («Царь»), 152, 163, 185, 197, 201, 215, 294, 366, 493 («прах двух старых поэтов»), 496, 544, 581, 583, 648, 719, 793
- «Владимир возрожденный, эпическая поэма» – 36
- «Кадм и Гармония, древнее повествование...» – 43, 163
- «Ода» («На случай присоединения к Российской империи от Польши областей») – 72

«Пилигримы, или искатели счастья» – 99, 102
 «Царь или спасенный Новгород» – 142
 Херасков, Петр Матвеевич – 96
 Херасков, Роман Петрович – 97
 Хераскова, Елизавета Васильевна (1737–1809) – 94, 95
 Хивинцы – 83
 Хилкова, Елизавета Семеновна, урожд. Волчкова (ум. 1856) – 685
 Хитров, Алексей Захарович – 345
 Хитрово, Елизавета Михайловна, урожд. Голенищева-Кутузова (1783–1839) – 736 (ошибка Пушкина)
 Хованский, князь Сергей(?) Николаевич(?) (1767–1817) – 39
 Хованский, князь Григорий Александрович (1767–1796) – 97
 Ховен – 125
 Ходынское поле, Ходынка (Москва) – 26, 27
 Хомяков, Алексей Степанович (1804–1860) – 673, 777, 739 («Дмитрий Самозванец»), 788, 799
 Храповицкий, Александра Васильевич (1749–1801) – 70, 125, 146, 158, 178, 205, 440, 441, 494, 516, 755
 Храповицкий, М. Е. – 358
 «Христианская Библиотека» – 438
 «Христианский Календарь» – 807, 814, 821, 832

Ц

Царькова, Татьяна Сергеевна – 13, 88
 Цветаев, Лев Алексеевич (1777–1835) – 295, 297
 «Цветник» – 214, 231, 233
 Цедлиц, Йозеф Кристиан (1790–1862) – 799 («Die nâchiliche Heerschau...» – см. Жуковский В. А.: «Ночной смотр»)
 Церковь Николая Чудотворца (Псков) – 828
 Церковь Харитония в Огородниках (Москва) – 155
 Цитера – 89
 Цицерон, Марк Тулий (Cicero, Marcus Tullius; 106–43 до н. э.) – 129, 133, 391
 Цявловская, Татьяна Григорьевна (1897–1978) – 677
 Цявловский, Мстислав Александрович (1883–1947) – 721, 755

Ч

Чаадаев, Петр Яковлевич (1794–1856) – 551, 668, 730, 731, 732, 734, 754, 790
 Чеботарев, Харитон Андреевич (1746–1815) – 167, 655

Чебышев-Дмитриев, Александр Иванович – 404
 Чемезов – 28
 Черепанов, Никифор Евтропиевич (1762–1823) – 299
 Чернецов, Григорий Григорьевич (1802–1865) – 768 (зарисовка профиля Дмитриева), 785 (визит Дмитриева и Жуковского)
 Чернявский, Радион – 126
 Чернышев, граф Захар Григорьевич (1722–1784) – 441, 654
 Чернышев, Петр Матвеевич, симб. комендант – 23, 746
 Чернышева, графиня Анна Ивановна, по мужу Плещеева – 135
 Чертков – 452
 Чертков, Дмитрий Васильевич (1763–7 VIII 1835) – 788
 Ческий, Иван Васильевич (1777/82–1848) – 552
 Чеславский – 590
 «Чи, чи, чи! кричит сорока...» – 807
 Чириков, Николай Александрович – 54
 Чичерина, Варвара Васильевна (1743–1825) – 382
 Чосер, Джеффри (Chaucer, Geoffrey; 1340–1400) – 457
 «Чтение в Беседе Люб. Русск. слова» – 244, 263, 269

«Чу! грянули трубы!...» – 807

Чулков, комиссар (Петербург) – 66

Чулков, полицмейстер – 112

Чулицкий, В. – 325

Ш

Шабулон – 472

Шаден – 32, 648

Шаликов, князь Петр Иванович (1768–1852) – 91, 164, 189, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 203, 208, 211, 217, 265, 277, 283, 294, 297, 330, 331, 333, 3340 («князь Колхиды»), 341, 344, 351, 353, 358, 359, 370, 371, 382, 398, 404, 411, 417, 418, 441, 448, 454, 456, 462, 463, 469, 470, 475, 481, 487, 489, 505, 506, 518, 519, 543, 552, 619, 634, 639, 651, 680, 687, 716, 753, 775, 776, 790, 829, 832

«В записную книжку И* И* Д***» – см. «Тяжба»

«В моем наследии...» – 164

«Дорога» – 441

«История Генриха Великого...» – 331, 351

«К Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Вот слава чистая как солнце в ясный день...») – 829

- «К Ивану Ивановичу Дмитриеву» («Когда вы схожи на Бальзака...») – 753
- «К Ивану Ивановичу Дмитриеву, на новоселье» («Вхожу в твой дом с пустыми я руками...») – 297
- «К моей библиотеке: В знак благодарности посвящаю Ивану Ивановичу Дмитриеву...» («Еще остаток зрю сокровищей твоих...») – 265
- «К портрету Ивана Ивановича Дмитриева» («Он службой знаменит равно Царю и Фебу...») – 282
- «К юной девушке при подарке басен Ивана Ивановича Дмитриева» («Поэту грации...») – 265
- «На день рождения Императрицы Елисаветы Алексеевны» – 490
- «На книгу И* И* Д* <И. И. Дмитриева>» («Нет, более уже ни слова не скажу...») – 167
- «Надпись к портрету И. И. Дмитриева» – 543
- «Не лзья под час тебе, Фортуна не сказать...» <«...стихи, посвященные...любезнейшему душе моей И. И. Дмитриеву»> – 169
- «Новость» – 370
- «Послание к ***<И. И. Дмитриеву>» («Не раз, к нещастию, потупя томный взор...») – 174
- «Рыцарь нашего времени» (эпиграмма кн. Шаликова на И. Писарева) («Презревший и Лицей и Портик») – 680–681
- «Сочинения Князя Шаликова» (Ч. 2) – 277, 297
- «Сочинения Князя Шаликова» (М., 1819. Ч. 1–2) – 412
- «Стихи на четвертое издание сочинений Ивана Ивановича Дмитриева» – 293
- Стихи Дмитриеву – 552
- «Тяжба» («Фемида с Аполлоном...») – 277
- «Халат и Дети» – 441
- Шапошников, Петр Федорович – 233
- Шарапова, Аграфена Алексеевна («бедная секретарша») – 328
- Шарлотта, принцесса – см. Елена Павловна
- Шатобриан, Франсуа Рене де (Chateaubriand, François René de; 1768–1848) – 243, 332, 341, 403, 405, 444, 470, 495, 600, 655, 752, 758, 785, 811
- Шатров, Николай Михайлович (1765–1841) – 90, 404
- Шаховской, князь Александр Александрович (1777–1846) – 283, 298 («Урок кокеткам или Липецкие воды»), 313, 461, 546, 550, 557, 558, 567 («Шутовской»), 590, 652, 653, 700, 742
- Шаховской, князь Яков Петрович (1705–1772) – 562, 652
- Шаховской – 594
- Шварц, Иван Егорович (ум. 1784) – 35
- Шведская война – 45
- Шевичева – 634
- Шевырев, Степан Петрович (1806–1864) – 83, 94, 620, 676, 678 («Сон»), 703, 710, 711, 724, 747, 748, 788 («Освобождение Иерусалима»), 790, 832
- Шекспир, Уильям (Shakespeare, William; 1564–1616) – 37 («Юлий Цесарь»), 39 («в Шекспировом вкусе»), 54, 82, 136, 457, 654, 697 («...спрашивал Гамлет»), 790, 814
- Шелехов (Шелихов), Дмитрий Потапович (1792–1854) – 441, 583
- Шеллинг, Фридрих-Вильгельм (Schelling, Friedrich Wilhelm; 1775–1854) – 672
- Шенье, Андре (Chénier, André-Marie; 1762–1794) – 671
- Шеню – 39
- Шереметев, граф Николай Петрович (1751–1809) – 111
- Шеридан, Ричард Бринсли (Sheridan, Richard Brinsly; 1751–1816) – 810
- Шиллер, Иоганн Кристоф Фридрих (Schiller, Johann Christoph Fridrich; 1759–1805) – 404, 425, 468, 471, 745
- Шильд, Иван Иванович – 33, 405
- Шильдер, Николай Карлович (1842–1902) – 356, 357, 366, 369, 375, 376
- Шимановская, Марианна-Агата (Мария), урожд. Воловская ((Szymanowska, Maria; 1789–1831) – 527, 535, 549, 570 («альбум»), 633, 679, 687, 708
- Шипов, Сергей Павлович (1789–1876) – 818
- Ширинский-Шихматов, князь Сергей Александрович (1783–1837) – 214 («Пожарский Минин и Гермоген»), 400, 457, 720
- Ширяев, Александр Сергеевич (?–1841) – 646, 666, 685, 771, 803, 826, 829
- Ширяев, поэт эпохи Петра – 813 («Петр рыбак сделал лодку...»)
- Шишкин, П. С. – 220
- Шицкова, Л. Б. – 139, 166, 574, 642, 652
- Шишков, Александр Семенович (1754–1841) – 189, 239, 244, 258, 283, 303, 304, 305, 307, 311, 379, 380, 385, 389, 400, 403 («Александр Семенович»), 406, 407, 413, 428, 439, 439, 442, 443, 499, 502, 504, 505, 509, 513, 520, 521, 522, 530, 550, 554, 559, 560, 593, 598, 599, 601, 602, 624, 647, 651, 655, 765, 768, 772 (Александр Семенович), 789 («почтенный старец»), 797
- Письма к И. И. Дмитриеву:
- 6 января 1819 – 409
- 16 июня 1821 – 502
- 13 сентября 1821 – 509

23 декабря 1821 – 525
 «Разговор дедушкин со внучкой» – 789
 «Рассуждение о старом и новом слоге» – 177
 «Эзоп и Скоты» – 593
 Шлецер, Август Людвиг (Schlözer, August Ludwig; 1735–1809) – 182, 186, 824
 Шлиссельбургская крепость – 66
 Шлипенбах – 572
 Шляпкин, И. А. – 778
 Шмит, домовладелец (Москва) – 152, 154
 Шнауберт – 834
 Шнор, Иоганн Карл (Schnoor, Johann Karl; 1738–1812) – 73, 74
 Шню, содержательница кафе-ресторана в Москве – 141
 Шорин, Абросим, бурмистр села Никольского – 676
 Шоу, Томас (Shaw, Thomas B.) – 607
 Шпренгпортен – см. Спренгпортен И. М. – 42
 Штакельберг, Густав Оттонович (Stackelberg; 1766–1850) – 498
 Штиллинг – см. Юнг-Штиллинг
 Шторм, Г. П. – 52
 Шторх, Андрей Карлович (1766–1835) – 147 («Картины С.-Петербурга»), 313, 317, 373
 Штофреген, лейб-медик – 441
 Штурм, Кристоф-Христиан (Sturm, 1740–1786) – 37 («Штурмовы размышления»)
 Шуберт, Федор Иванович (1758–1825) – 294
 Шувалов, Иван Иванович (1727–1797) – 58, 792, 793
 Шуйский, Василий Иоаннович (1552–1612), русский царь (1606–1610) – 605, 621, 740
 Шуйский – см. Скопин-Шуйский.
 Шульгин, Александр Сергеевич – 362–363 (письма Дмитриева)
 Шульц, моск. ветеринар – 309
 Шут Балакирев – 826
 «Шутливые Повести Скаррона» (точнее: «Господина Скаррона Шутливая повесть переведенная с немецкаго языка Василием Тепловым») (СПб., 1763. Ч. 1–2) – 20

Щ

Щедрин, Сильвестр (1791–1830) – 405
 Щен(н)иков, Александр Гаврилович (1781–1831) – 231, 234
 Щербатов, князь Алексей Григорьевича (1777–1848) – 221, 303, 308, 309, 312 («князь Алексей»)
 Щербатов, Михаил Михайлович (1733–1790) – 346

Щербатов, герольдмейстер – 130
 Щербинин, Михаил Андреевич (1798–1841) – 818
 Щукин, П. И. – 261

Э

Эген де Герль, Шарль (Héguin de Guerle, Charles) – 682
 «Эдип в Афинах» (трагедия в стихах В. А. Озерова) – 187
 Э(Е)зоп (VI в. до н. э.) – 232, 593
 Эйдельман, Натан Яковлевич – 790
 Экзарх – см. Иоанн, Экзарх болгарский
 Эккертгаузен, Карл фон (Eckartshausen, Karl von; 1752–1803) – 332, 404
 «Экономический календарь» – 826
 Эмин, Николай Федорович (?–1814) – 70, 718
 Энгельгардт, Егор Антонович (1775–1862) – 818
 Энгельгардт, Л. Н. – 810
 «Энеидою Осипова...» – 465 (полное назв.: «Виргилиева Енеида, вывороченная на изнанку, в 12 пенях; соч. Николая Осипова и Александра Котельницкаго») (СПб, 1791–1808. Ч. 1–6)
 «Эолова Арфа» – см. Тургенев, А. И.
 Эпиктет, греч. философ-стоик (ок. 50 – 130) – 127, 275
 Эпинне, Луиза Флоранс (d'Épinau, Louise Florence; 1726–1783) – 636
 Эрот – 89
 Эртель, Василий Андреевич (1793–1847) – 781
 Эстеррейх, Е. (Э). – 552

Ю

Ювенал, Децим Юний (Juvenalis, Decimus Iunius; ок. 60–после 127) – 197, 825 («Желание»)
 Юм, Дэвид (Hume, David; 1711–1776) – 259 («о происхождении идей»)
 Юнг, Эдвард (Young, Edward; 1683 – 1765) – 570
 Юнг-Штиллинг, Иоганн Генрих (1740–1817) – 332
 Юрий Александрович – см. Нелединский-Мелецкий, Ю. А.
 Юсупов, князь Борис Николаевич (1794–1849) – 231 («сын Юсупова»), 352, 618
 Юсупов, князь Николай Борисович (1750–1831) – 352, 622

Я

- Языков, Александр Михайлович (1799–1874) – 716, 737
- Языков, Дмитрий Иванович (1773–1845) – 162, 168, 169, 173, 175, 176, 177, 178, 184, 183, 185, 186, 188, 191, 195, 196, 197, 202, 203, 214, 780, 783 («Нестор»), 797 (письмо Дмитриева), 804
- Языков, Николай Михайлович (1803–1846) – 625, 711, 716, 737, 788 («Д. В. Давыдову»), 799 (?)
- Языков Платон Евграфович, владимирский помещик – 257
- Языкова, Екатерина Михайловна, с июля 1836 г. жена А. С. Хомякова (1817–1862) – 799
- Яицкая крепость – 25
- Яков Иванович, по прозв «Устрюм», сын Ивана Даниловича – 335
- Яковлев, Алексей Семенович (1773–1817) – 186
- Яковлев В. И. – 88
- Яковлев, Лев Алексеевич – 744
- Яковлев, Михаил Алексеевич (1798–1853) – 682, 720, 795
- Яковлев, П. Л. – 452
- Яковлев, П. С. – 359
- Якубович, Лукьян Андреевич (1808–1-я пол. 1839) – 827
- Ямбургский карабинерный полк – 50
- Яновский, А. Д. – 13
- Яновский, Н. М. – 404
- Ястребцов, Иван Иванович – 525
- Яценко (Яценков), Григорий Максимович (1780–1852) – 251, 293, 379, 421
- «Allgemeine Litteratur Zeitung...» – 238
- «Almanach des Muses» – см. «Аониды»
- «L'Amour et l'Amitié» («Амур и Дружба») – 161
- «L'Angleterre et les Anglois» – 765
- «Annalles de la littérature et des arts» – 486
- «Annuaire historique universel, ou Histoire politique...» (Paris 1818–1861) – 630 («Аннюар»)
- «Annuaire Nécrologique à commencer de 1820...» – 484
- «Annuaire de Peinture» (1819) – 476
- «La Barreau français...» – 599
- «Die Befreiung von Moskau» («Освобождение Москвы») – 297, 298
- «De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire...» – 208
- «Biographie des contemporains...» – 578, 599
- «Biographie pittoresque de députés...» – 492, 552
- «Blackwood's Magazine» – 607
- «Un bon époux, après sa patenôte» (Супружеская молитва) – 161
- «The Character of the Russians and a detailed history of Moscow... By Robert Lyall. London, 1823» – 586
- «Le Charlatan» («Шарлатан») – 644
- «Chérissons le rival qui peut nous surpasser...» – 107, 195
- «Les chevaux de carosse» («Каретные лошади») – 170
- «Les délices de la convalescence...» – 713
- «Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois...» (Amsterdam–Paris, 1772. Pt. II, p. 60–63) («Избранные эрские сказки и стихотворения») – 48
- Comte (Конт, Шарль; 1782–1832) – 443
- «Le Conservateur Impartial» – 417 («Консерватор»), 418
- «Considérations sur la doktrine et l'eaprit de l'Eglise orthodoxe...» – см. Стурдза, А. С. («книга о Православной Церкви»)
- «Consolations de la vieillesse» – 411 (вероятно, Карамзин разумел книгу: «Lettres sur la vieillesse, par J.-H. Meister. Paris, 1810»)
- «Constitutionel» – 483, 484
- «Conversations d'Emilie» – 636 («книга о воспитании девочек г-жи Д'Эпине»)
- «Conversations de Lord Byron» (Paris, 1824. Vol. 1–2) – 610, 612
- «La coquette et l'abeille» («Кокетка и Пчела») – 644
- «Corbeilles des fleurs...» – 484
- «Correspondance inédite de l'abbé Galiani ... pendant les années 1765 à 1783 avec madame d'Epinay, le baron d'Holbach etc.» – 389, 396
- «Coup d'oeil sur l'état actuel de la littérature russe» (Article 1-er communiqué) – 418
- Courrier – см. Курье, де Мере Поль-Луи
- «Courier de Londres» (1814. № 49, отдел «Nouvelles étragères») – 282, 606
- Cross, A. G. – («The Rev. William Took's contribution to English knowledge of Russia at the end of the XVIII century...») – 147
- Čyževskij, D. – 678
- «Le denier et le louis-d'or» («Червонец и Полushка») – 49
- «Les deux cloches...» – 473
- «The Dove and the Stranger» («Горлица и Прохожий») – 517

- «Der hölzerne Bein, eine Schweitzer-Idylle» – см. «Деревянная нога...»
- «Dictionnaire historique, par une Societé des gens des Letres...» – 401
- «Dix années d'exil...» – 519
- «L'éducation du lion» («Воспитание Льва») – 163
- «Les études du magistrat par François de Neufchâteau...» – 208
- «L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle» – 415, 418
- «Ermak, by Demetrief» – см. «Ермака»
- «Esquisse de grammaire russe» (St. Pétersbourg. 1818) – 429
- «Essai sur l'influence des croisades...» – см. «О влиянии крестовых походов...»
- «La fausse Agnès» – 77
- «Les fables ne sont pas ce qu'elles semblent être...» – 139
- «Les femmes savantes...» – 690
- «La femme à la mode, trad. par M. d'Inocourt, maître au Gymnase de S.-Pét.» – см. «Модная жена»
- «Fictions morales...» – 74
- «Les folies du siècle...» – 413
- Fielding, Henri – см. Филдинг, Г.
- Fizzman, S. – 682
- «La France littéraire...» – 767
- «La France telle qu'elle est, et non pas la France de lady Morgan...» – 494
- «Für Wenige» – 370
- «Le Globe» – 700
- «Göttingische gelehrte Anzeigen. Unter der Aufsicht der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften. Der zweite Band auf das Jahr 1822» – 540, 541
- Grécourt – 70
- Grouvelle – 207
- Guildhall Library (Лондон) – 52
- Héguin de Guerle – 673
- «Histoire critique du Vieux Testament, par Richard Smidt» – 612
- «Histoire de la chute de l'Empire de Napoléon par Labaume...» – 477
- «Histoire de L'Empire de Russie / Traduit par St. Thomas, Jauffret et Divoff. – Paris, vol. I-XI» – 440, 441, 491
- «Histoire de la fille d'un Roi...» – 496
- «Histoire du XVI siècle, par Linguet» – 176, 178
- «Histoire sur le sac de Rome par Giardini...» – 480
- «Inscription pour une statue de l'Amour les jardins de Sceaux» – см. «К Амуру» («Кто б ни был ты, склонись...»
- «Inscription pour un Amour prêt à lancer une flèche» («Стреляй, о милый враг...») – 209
- «Istoria dell'impero di Russia. Traduzione di Giannantonio Moschini. Venezia. Vol. 1–8» – 486
- «Journal Bibliographique» – 769
- «The Journals of Claire Clairmont. Edit by Marion Kingston Stocking with the assistance of David Mackenzie Stocking» (Harvard University Press, Cambridge Mass. 1968, p. 367) – 636
- «Journal de Francfort» – 769
- «Journal de St. -Pétersbourg» – 661, 667
- «Journal des Débats politiques et littéraires» – 484, 487, 485, 493, 700
- «Journal des Savants» – 484, 485
- «Jugement impartial sur Napoléon par Asais...» – 474
- «Karamsin's Geschichte des Russischen Reiches. Nach der 2. Original-Ausgabe übersetzt. Bd. I. Riga, 1820» – 480
- Krüdener M-me – см. Крюденер, Ю.
- «Le langage de fleurs...» – 484
- «Le lynx et le taureau...» («Рысь и Крот») – 209
- «Manuscrit de S-te Hélène» – 479, 480
- «Margeret, Jacques. Etat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie...» – 480 («Etat présent de l'Empire de Russie, par le capitaine Margeret. Paris. 1669»), 647
- Mr. Masplet (Маскле, переводчик басен Крылова) – 742
- «Mélanges de littérature et de philosophie, par Ancillon...» – 569
- «Mélanges de philosophie, d'histoire et de littérature» (Paris, 1828–1830. 6 vol.) – см. Фельц
- «Mélanges de philosophie, de morale et de littérature, par Meister...» (Genève–Paris, 1822. 2 vol.) – 569
- «Mémoires de Las-Casas, avec son Rapport à Lucien B.[onaparte]...» – 413
- «Mémoires de l'abbé Georget» <«Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin du XVIII siècle...» (Paris. 1817–1818. 6 vol.)> – 350, 385, 395, 410, 416, 467
- «Mémoires de Bonaparte...» – 450
- «Mémoires de Garat sur la vie et les écrits de Suard...» – 474, 477, 480
- «Mémoires de M-me Genlis...» – 647
- «Mémoires de Fouché, duc d'Otrante» – 425, 610, 612
- «Mémoires historique sur la Revolution d'Espagne...» – 492
- «Mémoires pour servir à l'histoire de France en 1815–1820...» – 478–479

- «Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Bonap...» – 480
- «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon...» – 570
- «Mémoires sur l'Angleterre» (точнее: «Collection des Mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre...») – 574
- «Mémoires sur la Reine Hortense» – 832
- «Mémoires sur les Cent jours par Corbulon...» (неточность Дмитриева; Лонгинов называет заглавие этой книги: «Mémoires pour servir à l'histoire de la vie privée, du retour et du règne de Napoléon, en 1815, par M. Charles Fleury de Chaboulon» (Lond., 1820. 2 vol.), см.: Карамзин, 1866. С. 0136) – 476, 477
- «Mémoires sur les Cent jours par B. Constant...» – 477
- «Mémoires sur l'état actuel de l'Allemagne» – 404, 406, 414
- «Mémoires sur le 18 siècle – mémoires de l'abbé Morlet...» – 484
- «Mémorial de Sainte-Hélène, ou Juornal où se trouve consigné, jour par jour, tout ce qu'a dit et fait Napoléon durant XVIII mois» – 574 («журнал Лас-Казаса»), 605
- «Mickiewicz w Rosji» (Warsawa. 1949. S. 115) – 682
- «La mort et le mourant» («Смерть и Умирающий») – 186
- «Un mot sur la littérature russe» – см. Карамзин: «Несколько слов о русской литературе»
- «Nécrologie ou Biographiy de 1821...» – 524
- «Neue theoretische-praktische Sprachlehre der russischen Sprache für Deutsche» (Riga, 1810, 1812, 1815, 1819...) – 408
- «Neues russisches Elementar-Lesebuch für Deutsche...» – 408
- «Notice sur M-me de Staël-Holstein par M. de Staël-Saussure...» – 477
- «Oeuvres choisies de Cochin, avocat au parlement, 2 v.» – 208
- «Oeuvres dramatiques de N destouches... Paris, 1822. T. III, p. 322» – 77
- «Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle. Poésies gallique, trad. sur l'anglois de M. Macpherson, par Le Tourneur, t. I, II. Paris, 1777» – 48
- «Le passant et la tourterelle» – 60
- «Petite encyclopédie poétique...» – 188, 216
- «Der philosophische Bauer...» – 209
- «Philosophie divine...» – 414
- «Le poisson-volant» («Летучая рыба») – 161
- «Le premier Littéraire» – 769
- «Le rat qui s'est retire du monde» («Мышь, удалившаяся от света») – 159
- «Le roi et les deux bergeres» («Царь и два Пастуха») – 159
- «Le rhinocéros et le dromadaire» («Верблюд и Носорог») – 209
- «La pile de Volta, recueil d'anecdotes violentes, publiées par un partisan de la littérature galvanique...» – 741
- «Poetical Translations from the Russian Language/ By William Henri Saunders... London, 1826» – 674
- «Poetische Erzeugnisse der Russen. Eine Versuch von Karl Fridrich von der Borg» (Th. I. Derpt, 1820; Th. II. Riga, Derpt, 1823) – 486
- «Portraits pittoresques des députés...» – 473
- «Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte Hélène etc.» – 530
- «Recueil des meilleurs plaidoyers...» – 219
- «La relation de trois ambassades de m-r le comte de Carlisle vers Leur Majesté Alexey Michailovits etc. Amsterdam. 1669» – 480
- «La Révolution et les Révolutionnaires...» – 739
- «De Révolution d'Espagne...» – 492
- «Revue Encyclopédique...» (Paris, 1819–1835) – 440, 441, 486, 552, 603
- «Revue de Paris» – 769
- «Rossiskaja Antologija. Specimens of the Russian Poets: With preliminary Remarks and biographical Notices. Translated by John Bowring... London 1821» – 516, 517 (2-е изд.)
- «Rossiskaja Antologija: Specimens of the Russian Poets: with the introductory Remarks. Part the second... London 1823» – 586 (второй том)
- «The Russian Troubadour...» («Русский трубадур...») – 333 (перевод песни «Стонет сизой голубочек...»)
- «Russische Miscellen» – 186
- «Sans armes comme l'innocence» («Безоружен, подобно Невинности») – 207
- «Séjour au Temple» – 574
- «Le Socrate rustique...» – 209
- «Les oeuvres de M-r Le Brun...» – 213, 214
- «Les soirées de St. Petersbourg...» – 504
- «Le Solitaire et la Fortune» – 70
- «Le Spectateur du Nord» – 129
- «Stonet sisī golubochik» («Стонет сизой голубочек...») – 516 («Deeply sings the little wood-dove / Deeply sings he day and night...»), 586 (с

первой строкой: ««Once a gentle turtle-dove / Night and day dishearten'd mourn'd...»»

«Storia dell'Impero della Russia, scritta dal Consigliere di Karamsin» – 449

«Souvenirs du Sckagenaire par Arnault» – 766

«Tableau des revolutions politiques en Europe, par Ancillon...» – 488

«Tables des matieres...» – см. «Ключ или Алфавитный указатель к Истории Государства Российскаго Н. М. Карамзина»

«Les trois manieres» – 58, 59 («вольтерова сказочка»), 67

«Le tzar et les deux bergers, conte qui n'en est pas un, imité de Dmitrieff» («Царь и два Пастуха») – 682

«The Universal Review» («Всемирное обозрение») (1825. Т. II, № 6, p. 692) – 643 (отзыв о Дмитриеве; ошибочно назван: «Диницев»)

«L'Utile et l'agréable. Almanach amusant. Amsterdam et Paris, 1774» – 60

«La Vérité sur l'incendie de Moscou. Par le Comte Rostopchine» – 570

«Les Veillées Russes, par M. Huguin de Guerle. Paris, 1827» – 673, 682

«Le Voyage» («Путешествие») – 170

«Voyage autor de ma chambre...» – 428

«Voyage de Brydon en Italie...» – 122

Zeitschrift für slavische Philologie (1955. Bd. XXIII. Heft 2. S. 390) – 678

А Л Ф А В И Т Н Ы Й У К А З А Т Е Л Ь

ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. И. ДМИТРИЕВА

(символ *(*)*) у номера страницы означает, что это сочинение И. И. Дмитриев не включил в последнее прижизненное (1823 г.) собрание своих сочинений;
литера *(а)* у номера страницы означает, что это аполог)

А

- Автор и Критика* («Что вздумалось тебе сухие апологи...») – 675 (а)
 «Азор смеется надо мной...» – 34
 «Ай, как его ужасен взор!..» – см. Надпись к портрету
Амур в карикатуре («Слуга покорный тем и этим в тот же час...») – 206, 207
Амур, Гимен и Смерть («Амур, Гимен со Смертью строгой...») – 173, 192, 229, 234, 243, 289, 394, 584*
 «Амур, Гимен со Смертью строгой...» – см. Амур, Гимен и Смерть
Амур и Дружба («“Сестрица, душенька!” – “Здорово, братец мой!”...») – 161, 165, 229, 237 (рпк. сб.), 254, 288, 363, 394, 526, 553, 717
 «Ах! когда б я предузнала...» – см. «Ах! когда б я прежде знала...»
 «Ах! когда б я прежде знала...» – см. Песни
 «Ах, когда бы в древни веки...» – см. К <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи
 «Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!..» – см. Модная жена
 «Ах, Хлоя! Мне-ль за то сердиться...» – см. К***, которая хотела испортить часы

Б

- Бабушкина песня* – см. «Ах! когда б я прежде знала...»
 «Бард безымянный! тебя ль не узнаю?..» – см. К Г. Р. Державину
Башмак, мерка равенства («Да что ты, долгой, возмечтал?...») – 163 (под загл. «Башмак, или Мерка равенства»), 165, 230, 234, 289, 395, 584*, 587 (цитата)
 «Бедно сердце! Как решиться...» – см. Песня
 «Бедняк, живой пример злосчастья смиренья...» – см. Слепец, собака его и школьник
 «Бедняк, не евши день, от глаза...» – Горесть и скука
 «Без друга и без милой...» – см. Песни
 «Без имя Рифмодей глумился сколько мог...» – см. Эпиграмма на притчу...
 «Бергамския Близнецы. Комедия Господина Флориана. Вольный перевод» (неоп. рукопись) – 643
 «Березка выросла пред домом кривобока...» – см. Деревцо
Беспечность Поэта («Поэт случайно в честь и круг бояр попал...») – 675 (а)
Блаженство – см. Щастливец
 «Блажен тот муж, кто к Безбородке...» – см. Щастливец
 «Блестящий тысячью ирисиних цветов...» – см. Мыльный пузырек
Близнецы («“Кого вам надобно?” – “Я дом ишу Разврата...”») – 165, 229, 288, 394, 583*
Бобр, Кабан и Горноста́й («Кабан, да Бобр, и Горноста́й...») – 395, 582
Богач и Поэт («Поэт и горд еще! – сказал спесивый Клим...») – 585, 675 (а)
 И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки» («На урну преклонясь вечернею порою...») см. Надгробия
 «Большой боярский двор собака стерегла...» – см. Нищий и Собака
Будочник («Слушай всякий, кто с ушами...») – 208
 «Будь счастливей в твоём теченьи!..» – см. На Новый 1795 год
 «Бывало, я с прекрасной...» – 79 (под загл. «Песня»), 90, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 237 (рукоп. сб. под загл. «Воспоминание»)
Бык и Корова («Как жалок ты! – Быку Корова говорила...») – 230, 235, 289, 395, 582
 «Бык с плугом на покой тащился по трудах...» см. Муха

«Была пора, питомец русской славы...» – см. Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы

Быль («Даруй мне, Муза, тон согласный...») – 166, 228, 288, 393, 583*

Быль («Уже опять орлы Российски...») – 58, 63, 155

Быль («Чума и Смерть вошли в великолепный град...») – 70, 160, 170

«Быть может, мудреца сей памятник не тронет...» – см. Надгробия: В–. И–. С.

В

В альбом Г-жи Иванчиной-Пасаревой («Счастливый Писарев! Мне ль, старцу, близ могилы...») – 634 (под загл. «К Николаю Дмитриевичу И. Писареву. Вписанные в альбом молодой супруге его Натальи Сергеевны. Декабря 15»), 813

1834. В альбом Александрине. Февраля 22 – 634, 772

В Альбом Шимановской («Таланты все в родстве; источник их один...») – 549, 633 (под загл. «В Альбом Госпожи Шимановской, польской виртуозы»), 708

«В Амуре на холсте все жизни дышало...» – см. Невинность и живописец

«В воскресенье я влюбился...» – 91, 114 (в рубрике «Песни веселыя», с первой строкой «В воскресенье я влюбилась...»),

«В гостиной на столе два Веера лежали...» – см. Два Веера

«В Москве, которая и в древни времена...» – см. Причудница

«В Москве ль я наконец? со мною ли друзья?...» – см. К друзьям моим по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр.<авительствующего> сената

«В навозе вскормленный и вызревший Осел...» – см. Осел и Кабан

«В надежде будущих талантов...» – см. Эпитафия

«В начале мирозданья...» – см. Книга Разум

«В преддверьи храма...» – см. Молитвы

«В сей день, как рос, простерши руки...» – см. Стихи на всерадостный день рождения ее императорского величества

«В спокойствии, в мечтах текли его все лета...» – см. Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки»

«В черной мантии волнистой...» – см. Ночь

Василию Андреевичу Жуковскому по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы («Была пора, питомец русской славы...») – 634 (под загл. «Октября 2-го 1831. К Василию Андреевичу Жуковскому»), 728 (публ. Пушкиным в «Северных Цветах на 1832 год»), 733

«Великий человек и духом и делами!...» – см. Надпись к портрету Б.

Верблюд и Носорог («Верблюду говорил однажды Носорог...») – 209, 230, 234, 289, 395, 582

«Верблюду говорил однажды Носорог...» – см. Верблюд и Носорог

Весна («Под розово-серебристым небом...») – 64, 98, 160

«Взглянул ли наш монарх на копие Беллоны...» – см. К Лампию, славному живописцу

«Видел славный я дворец...» – см. Песни

«Влеком унынием сердечным...» – см. Грусть

«Внуши, земля! владыки мира...» – см. Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма

«Во всяком роде есть безумцы и буяны...» – см. Обезьяны

«Во славу троицы певцов...» – см. Объявление от издателей о журнале на будущий год

«Во сне ли сладком я мечтаю...» – см. На мир с Оттоманскою Портою

«Во храме жертвенник преступника скрывал...» – см. Жертвенник и правосудие

Воздушныя Башни («Утешно вспоминать под старость детски леты...») – 83, 84, 98, 140 (здесь и далее в рубрике «Сказки»), 165, 229, 242, 281, 289, 300 («Воздушныя Замки»), 394, 553, 581

«Возможно ли, как в тридцать лет...» – см. Дряхлая старость

«Возможно ль, как легко по виду ошибиться!...» см. Надпись к портрету

«Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали!...» – см. Элегия

- «Волк, полуночный тать...» – см. Лев и Волк
 Воробей и Зяблица («Умолк Соловушко! конечно, бедный, болен...») – 174 (под загл. «Отдых Соловья»), 192, 229, 234, 243, 289, 394, 553, 581 (под загл. «Воробей и Зяблица»)
Ворон и Фазан – 633
Воспитание Льва («У Льва родился сын. В столице, в городах...») – 163, 165 (в рубрике «Сказки»), 230 (здесь и далее в рубрике «Басни»), 234, 237 (рпк. сб.), 243, 289, 395, 553, 581 (в рубрике «Сказки»)
 «Воспитанник любви и счастья богини...» – см. Надпись к портрету Н. А. Бекетова
 «Восторг, восторг души поэта!...» – см. Гимн восторгу
 «Восточны жители, в преданиях своих...» – см. Мышь, удалившаяся от света
 «Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом...» – см. К портрету Н. М. Карамзина
 «Вот мой тебе портрет; сколь счастлив бы я был...» – см. Надписи к портретам
 «Вотще мы, гордостью безумною надменны...» – см. Подражание Проперцию
 «Всех цветочков боле...» – см. Песни
 «Все ли, милая пастушка...» – см. Песни
Встреча у желтого дома («Каков Фиялкин? плох...») – 91, 634, 680,
 «Вступая в новый год, любезная Климена...» – см. А. Г. С<евериной> в день ее рождения
 «Всяк в своих желаньях волен...» – см. Наслаждение
 «Всяк подвиг божеству возможен...» – см. Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи
 «Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...» – см. Две Лисы

Г

- «Где буйны, гордые Титаны...» – см. Глас патриота на взятие Варшавы
 «Где Дафнис? Где он воспевает...» см. Романс
Гебры и школьный Учитель («Светило дня на небе голубом...») – 564, 565, 632, 673
Гимн Богу («Парю душой, к Тебе Всечтимый...») – 87, 97, 164, 227, 286, 392, 526, 575, 580,
Гимн восторгу («Восторг, восторг душа Поэта!...») – 67, 160, 170,
Глас патриота на взятие Варшавы («Где буйны, гордые Титаны...») – 83, 84, 85, 86 (отдельное изд. под загл. «На разбитие Костюшки глас патриота»), 87, 97, 164, 227, 235, 286, 300, 392, 501, 731 («... первый плен Варшавы»)
 «Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!...» см. Надпись к портрету Ефрема Живописца
Голубок. Подражание Анакреону («Прекрасный голубчик! скажи мне, отколе...») – 70, 160, 170, 502
 «Голубочек сизокрылый...» см. К голубку
 «Гордись пред галлами, московский ты Парнас!...» см. На случай од, сочиненных в Москве в коронацию
Горесть и Скука («Бедняк, не евши день, от глаза...») – 192 (под загл. «Грусть и Скука»), 230, 234, 289, 395, 584*
Горлица и Мальчик («Когда блестящий день...») – 106
Горлица и Прохожий («Что так печально ты воркуешь на кусточке...») – 60 (под загл. «Разговор прохожего с горлицей»), 98, 139 (здесь и далее под загл. «Горлица и Прохожий»), 165, 228, 237 (рпк. сб.), 254, 287, 299, 393, 516 (перевод на англ. яз.), 517, 553, 580
 «Гремит! благоговей, сын персти!...» см. Размышление по случаю грома
Грусть («Влеком унынием сердечным...») – 166, 229, 288, 394, 584*
 Грусть и Скука – см. Горесть и Скука

Д

- «Да что ты, долгий, возмечтал?...» – см. Башмак, мерка равенства
 «Давно уже, давно два друга где-то жили...» – см. Два друга
 «Дай собой налюбоваться...» – см. К младенцу
 «Дамон! Кто бытию всевышнего не верит...» – см. Эпиграмма

- «Даруй мне, муза, тон согласный...» – см. Быль
- Два Веера* («В гостиной на столе два Веера лежали...») – 192, 230, 234, 289
- Два Врача* («Один угрюмый Врач подобен был тирану...») – 675 (а)
- Два Голубя* («Два Голубя друзьями были...») – 98, 102, 139, 165, 213, 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 243, 289, 394, 553, 581
- «Два Голубя друзьями были...» – см. Два Голубя
- Два друга* («Давно уже, давно два друга где-то жили...») – 98 (с подз. «Притча»), 102, 139, 164, 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 289, 394–395, 581–582
- «Два обывателя столицы безымянной...» – см. Сверчки
- «Два разные, мой друг, прозванья ты мешаешь...» – см. К приятелю, который по сходству двух различных фамилий часто принимал одну вместо другой
- Две гробницы*. Идиллия («Прохожий! Будь твой благополучный путь...») – 49
- Две Лисы* («Вчера подслушал я, две разных свойств Лисицы...») – 192, 230, 234, 289, 395, 584*
- «Две лошади везли карету...» – см. Каретные лошади
- Две молитвы* («Средь храма, ниц челом, Моллак молился вслух...») – 675 (а)
- «Дельфира! вот стихи, которых ты желала!..» – см. К А. Г. С. <евериной> при сообщении ей других стихов
- Дерево* («Березка выросла пред домом кривобока...») – 675 (а)
- «Державин в сих чертах блистает...» – см. К портрету Г. Р. Державина
- «Державин! ты ль сосуд печальный! но драгой...» – см. К Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его
- Дети и мыльные пузыри* («Откуда визг и крик далече раздается?...») – 491, 633
- Дитя на столе – см. Мальчик на столе
- Дон-Кишот* («Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...») – 192, 229, 234, 243, 281, 289, 395, 553, 582
- «Дрожащею рукою...» см. К Хлое
- Другая [песенка]* («Душа ль моя душинька...») – 61
- «Други! время, скоротечно...» – см. Песни
- «Друзья! сестрицы! я в Париже!..» – см. Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия
- Дряхлая старость* («Возможно ли, как в тридцать лет...») – 164, 229, 234, 289, 395, 584*
- Дуб и Трость* («Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры...») – 89, 99 (с подз. «Притча»), 102, 164, 229, 234, 243, 281, 289, 394, 575, 553, 581
- «Дуб с Тростию вступил однажды в разговоры...» – см. Дуб и Трость
- Ф. М. Д. <убянском> у («Любезного и прах останется ль безвестным?...») – см. Надгробие Ф. М. Д. <убянском> у
- Дух смирения* («Сыны Османовы вопили: “Мщенье, мщенье!..”») – 675 (а)
- Духовная Песнь, извлеченная из 48 псалма* («Внуши, земля! владыки мира...») – 101
- «Душа ль моя душинька...» – см. *Другая [песенка]*

Е

- «Его величество, Лев сильный, царь зверей...» – см. Три льва
- «Еж говорил, что он из одного презренья...» – см. Еж и Мышь
- Еж и Мышь* («Еж говорил, что он из одного презренья...») – 674 (а)
- «Ему плетет венец терновый Каллиопа...» – см. К моему лицеподобию
- Ермак* («Какое зрелище пред очи...») – 83, 84, 85, 98, 148, 164, 227, 235, 237 (рукоп. сб.), 281, 286, 300, 392, 502, 519, 525 (отрывок), 579 (оценка Пушкина), 580, 585 (цитата), 586 (перевод на англ. яз.), 674 (перевод на англ. яз.), 731, 813
- «Если б ты и не сказала...» – см. К*** в день ее рождения
- «Есть рыбы, говорят, которые летают!..» – см. Летучая рыба

Ж

Жаворонок с детьми и Земледелец («Пословица у нас: на ближних уповай...») – 73, 78, 98, 139, 164, 230, 235, 237 (рукоп. сб.), 243, 281, 290, 395, 552, 582

Желание и Страх («Неугомонное и вздорное Желанье...») – 675 (а)

Желания («Сердися Лафонтен иль нет...») – 124, 140, 165, 230, 235, 237 (рукоп. сб.), 290, 395, 582

Жертвенник и Правосудие («Во храме жертвенник преступника скрывал...») 674(а)

З

«За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом...» – см. Собака и Перепел

«За то, что Лебедь так и бел и величав...» – см. Лебедь и гагары

«За что Ликаста осуждают...» – см. Эпиграмма

«Заведен в лесок тоскою...» – см. К Ю. А. Н. <елединскому>-М. <елецкому>

«Завидна, – я сказал, – Терситова судьбина...» – см. Эпиграмма

Загадка («Нет голоса во мне, а всё я говорю...») – 161, 165, 229, 254, 288, 299, 341, 394, 525, 583*

«Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...» – см. Мадригалы

Запасные надгробия. Одному («Здесь – догнил наш Зоил...») – 633

Запасные надгробия. Другому («Здесь тухнет Аристарх...») – 633

«“Зачем ты льнешь?” – Магнит Железу говорил...» – см. Магнит и Железо

Заяц и Перепелиха («Как над несчастливым, мне кажется, шутить?...») – 98, 103, 139

«Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах...» – см. Эпитафии

«Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...» – см. Надгробия: Петру Дмитриевичу Еропкину...

«Здесь мать двух близнецов почила в цвете дней...» – см. Надгробия: Матери и Сыну

«Здесь тихая могила...» – см. Надгробие В. А. В <оейков>у

«Здорово, душенька! – влетя в окно, Пчела...» – см. Пчела и Муха

Змея и Пиявица («Как я несчастна!...») – 164, 230, 235, 290, 395, 581

Змея и Птицелов («У сетки сторожа добычу, Птицелов...») – 675 (а)

И

«И ангелы в плоти не долше роз живут...» – см. Надгробие от супруга супруге

«И ты несчастлив!.. дай же руку!..» – см. Слепец и Расслабленный

«И это человек?...» – см. Надписи к портретам

«И я питомец Аполлонов...» – см. Песнь на день коронавания его императорского величества государя императора Александра Первого

«Иван! запри ты дверь, защелкни, заложи...» – см. Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту

Идиллия («Умолкни, ветерок, забудьте птички, петь...») – 33,

«Издавна говорят, что будто царедворцы...» – см. Придворный и Протей

В. В. И. <змайлову> («Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?...») – 634, 680

«Или Юпитер сам с превыспренных кругов...» – см. Надпись, к статуе Юпитера

«Индеек не на вкус пришел павлиний рост...» – см. Павлин

Индейка и Стихотворец – 633

Искатели Фортуны («Кто на своем веку Фортуны не искал?...») – 81, 123 (с подз. «Сказка»), 140 (в рубрике «Сказки»), 165, 230 (здесь и далее в рубрике «Басни»), 235, 237 (рп. сб.), 243, 290, 395, 446, 526, 553, 581 (в рубрике «Сказки»)

История («Столица роскоши, искусства и наук...») – 394, 402, 581

История любви («Любовник в первый день признаньем забавляет...») – 161, 165, 229, 255, 288, 363, 394, 553, 583*

Истукан Дружбы («Сколь щастлив тот, кто Дружбу знает!...») – 54, 55, 155, 164, 171

Истукан и Лиса («Осел, как скот простой...») – 98 (с подз. «Притча»), 102, 139, 230, 235, 290, 395, 582

К

К: А: В: («Позволь невинности...») – 89–90

К альбому Кн. Н. И. К<уракиной> («Что пред соперницей Эраты наше пенье!...») – 229, 288 (здесь и далее под загл. «К Альбому К* Н* И* К...й»), 394, 583*

К*** в день ее рождения («Если б ты и не сказала...») – 98, 102

К Венериной статуе («Парис и Марс, о том ни слова...») – 123 (под загл. «Надпись к Венериной статуе. Из Антологии»), 165 (под загл. «К Венериной статуе. Из Антологии»), 228, 288, 237 (рукоп. сб.), 297, 394, 583*

К Волге («Конец благополучну бегу!...») – 81, 84, 85, 97, 148, 164, 227, 235, 286, 392, 501, 580, 586 (перевод на англ. яз.), 589, 615, 717 (цитата в 8-й гл. «Евгения Онегина»), 731, 813

К голубку («Голубочек сизокрылый...») – 97

К графу Н. П. Румянцеву («Что может более порадовать певца...») – 138, 140, 164 (здесь и далее под загл. «К Графу Николаю Петровичу Румянцеву» в рубрике «Послания»), 227, 287, 392, 580

К Делии. На рождение дочери («И боги Дели послушны...») – 122, 123

К Г. Р. Державину («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?...») – 188 (под загл. «Ответ сочинителю стихов под названием: Лето, напечатанных в осьмнадцатом номере Вестника Европы»), 227 (здесь и далее под загл. «К Гавриилу Романовичу Державину»), 286, 392, 575, 580 (под загл. «К Г. Р. Державину»)

К Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его («Державин! ты ль сосуд, печальный, но драгой...») – 83, 84, 85, 166 (под загл. «К Г-Р-Д*** по случаю кончины первой супруги его»), 227 (здесь и далее в рубрике «Послания»), 287 (здесь и далее под загл. «К Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его»), 298, 392, 526, 580 (в рубрике «Смесь» под загл. «К нему же, по случаю кончины первой супруги его»)

К Дружьям моим по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр. Сената («В Москве ль я наконец? со мною ли друзья?...») – 153, 166, 227 (здесь и далее в рубрике «Послания», под загл. «К дружьям моим, по случаю первого с ними свидания после моей отставки»), 254, 287, 298, 392, 579 (цитата в письме Пушкина к А. И. Тургеневу), 581 (под загл. «К Дружьям моим по случаю первого свидания с ними после моей отставки из обер-прокуроров Пр. Сената»)

К дружьям моим («Свершилось. Расторгаю узы...») – 92

К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню «Голубок» («Нежный ученик Орфея!...») – 74, 78, 98, 166 (под загл. «К Ф-М-Д***. Сочинившему голос на песнь мою: Голубок»), 228 (здесь и далее под загл. «К Ф-М-Д***. Сочинившему голос на песнь мою: Голубок»), 288, 393, 580

К Н. М. Карамзину («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...») – 102, 123 (под загл. «К Другу»), 166 (под загл. «К Н-М-К***»), 227 (здесь и далее в рубрике «Послания» под загл. «К Н. М. Карамзину»), 254, 281, 392, 575, 580 (в рубрике «Смесь» под загл. «Послание К Н. М. Карамзину»)

К Климене, которая спрашивала меня, много ли красавиц видел я в концерте («Красавиц не видал, да их и не бывало...») – 59, 60, 156

К***, которая хотела испортить часы («Ах, Лиза! мне ль на то сердиться...») – 41 («Ах, Хлоя! Мне-ль за то сердиться...»), 48, 165, 229, 288, 394, 583*

К Лампю, славному животисцу («Взглянул ли наш монарх на копии Беллоны...») – 123

К Лире («О ты, котора утешала...») – 60, 156

К Маше («Я не архангел Гавриил...») – 166, 229, 288, 363, 394, 584*, 665

К Младенцу («Дай собой налюбоваться...») – 70, 98, 148, 160, 166, 170, 229, 236, 288, 300, 394, 502, 584*

К моему лицеподобию («Ему плетет венец терновый Каллиопа...») – 206, 207

К***. О выгодах быть любовницею Стихотворца («Прелеста, веселись! мой рок уже решился...») – 56, 98 (под загл. «К Прелесте»), 155, 165, 229, 281, 288, 394, 584*

К***, при сообщении ей других стихов – см. К А. Г. <Севериной> при сообщении ей других стихов

К портрету князя П. А. Вяземского («Кого не увлечет талант сего поэта?...») – 543, 547, 633

«К Прелесте» – см. К*** о выгодах быть любовницею стихотворца

«К одной Г-же На вызов ее написать стихи» – см. К <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи

К Ю. А. Н. <елединскому>-М. <елецкому> («Заведен в лесок тоскою...») – 98, 103

К Юности – см. «Юность, юность! веселися...»

К приятелю («Льстивый друг моей цевницы!...») – 98 (с подз. «С дачи»), 103

К Приятелю, который по сходству двух различных фамилий часто принимал одну вместо другой («Два разные, мой друг, прозвания ты мешаешь...») – 193, 229, 288, 394, 583*

К А. Г. С<северино>й («Какое зрелище для нежных души!...») – 61 (под загл. «Письмо к ***»), 93, 156, 166 (под загл. «К***»), 229, 254, 288 (под загл. «К ней же»), 394, 436, 580, 636 (под загл. «Послание к нежной матери...»), 646 (под загл. «Послание к нежной матери»), 720 («Итак, Климена! Ты теперь уже спокойна»)

К <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи («Ах, когда бы в древни веки...») – 81 («К одной Г-же На вызов ее написать стихи»), 98, 114 (в рубрике «Песни нежных»), 166 (под загл. «К NN... на вызов ее написать стихи»), 229 (под загл. «К А-Г-С...й, на вызов ее написать стихи»), 288, 394, 580

К А. Г. <Северино> при сообщении ей других стихов («Дельфира! вот стихи, которых ты желала!...») – 165 (под загл. «К*** При сообщении ей других стихов»), 229, 288, 394, 584*

К текущему столетию («О век чудесностей, ума, изобретений!...») – 57, 58 («стихи на деньги»), 155

К Хлое («Дрожащею рукою...») – 70, 98

«К Хлое» – см. «Всех цветочков боле...»

К честному человеку («Что слышу?.. О, приятна весть!...») – 63,

«Кабан, да Бобр, и Горностай...» – см. Бобр, Кабан и Горностай

«Как жалок ты! – Быку Корова говорила...» – см. Бык и Корова

«Как мило жили в старину!...» – см. Старинная любовь

«Как над несчастливым, мне кажется, шутить?..» – см. Заяц и Перепелиха

«Как ни велик и силен Слон...» – см. Слон и Мышь

«Как! Рифмин жив еще и телом и душой?..» – см. Эпиграмма

«Как сын проклятия, скитаюсь...» – см. Меланхолик

«Как царства падали к стопам Екатерины...» – см. Надпись к памятнику мореходца Шелехова

«Как этот год у нас журналами богат!...» – см. На журналы

«“Как я велик!” – дитя со столика вскричал» – см. Мальчик на столе

«Как я люблю моих героев воспевать!...» – см. Мудрец и Поселянин

«Как я несчастна!...» – см. Змея и Пиявица

«Какое зрелище для нежных души!...» – см. К А. Г. С<северино>й

«Какое зрелище пред очи...» – см. Ермак

«Какой ужасный, грозный вид!...» – см. Надпись к портрету

«Какой-то государь, прогуливаясь в поле...» – см. Царь и два Пастуха

«Какой-то добрый человек...» – см. Пустынник и Фортуна

Калиф («Против Калифова огромного дворца...») – 192 (здесь и далее в рубрике «Басни»), 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 289, 394, 581 (в рубрике «Сказки»)

Каменная гора и Водяная Капля («С умом ли, Капля, ты? Меня пробить взялась!...») – 675 (а)

Карга и певчие птицы – 633

Каретные лошади («Две лошади везли карету...») – 170, 192, 229, 234, 289, 394, 581

Карриатура («Сними с себя завесу...») – 63 («Отставной вахмистр»), 65 («вахмистр»), 98, 160, 165, 228, 235, 288, 300, 393, 502, 583*, 716 (цитаты в «Станционном смотрителе» Пушкина)

Картина («Уж ночь на Петербург спустила свой покров...») – 54, 68 (с подз.: «Сказка»), 98 (с подз.: «Сказка»), 140 (здесь и далее в рубрике «Сказки»), 160, 165, 170, 229, 289, 394, 581

Кенотафия («Покорствуя судеб уставу...») – 123, 166 (в рубрике «Эпитафии»), 228, 288, 393, 583*

Клевета («Честон был поражен кинжалом, но слегка...») – 675 (а)

Книга Разум («В начале мироздания...») – 165, 230, 234, 289, 395, 584*

- «Когда блестящий день...» – см. Горлица и мальчик
 «Когда и дружество струило слез потоки...» – см. Матери и Сыну
 «Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...» – см. Рысь и Крот
 «“Кого вам надобно?” – “Я дом ищу Разврата”...» – см. Близнецы
 «Кого не увлечет талант сего поэта?...» – см. К портрету князя П. А. Вяземского
Кокетка и Пчела («Прелестная Лизета...») – 124 (с перв. строк. «Прелестна, милая Кокеточка Лизета...»), 139 (с перв. строк. «Прелестна, милая Кокеточка Лизета...»), 165, 230, 234, 237 (рукоп. сб.), 289, 395, 584*, 644
 «Колико я в мой век бумаги исписал!...» – см. Модная жена
 «Коль надежду истребила...» – см. Элегия
 «Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...» – см. Эпиграмма
Ком земли («Не амбра ль ты? – подняв Ком, персти я сказал...») – 675 (а)
 «Конец благополучну бегу!...» – см. К Волге
Ком, Ласточка и Кролик («Случилось Кролику от дома отлучиться...») – 192, 230, 235, 237 (рукоп. сб.), 243, 281, 289, 365, 395, 553, 582
 «Красавиц не видал, да их и не бывало...» – см. К Климене, которая спрашивала меня, много ли красавиц видел я в концерте
 «Кто б ни был ты, пади пред ним!...» – см. Надписи к Амуру
 «Кто бы подумать мог? – Прелеста – обезьяна...» – см. Слон и обезьяна
 «Кто в блесках молнии нисходит?...» – см. Преложение 49-го псалма
 «Кто в страсти не ревнив? И Можно ли дивиться...» – см. Сила любви
 «Кто влюблен, здоров и молод...» – 93
 «Кто как ни говори, а Нина бесподобна!...» – см. Эпиграмма
 «Кто на своем веку Фортуны не искал?...» – см. Искатели Фортуны
 «Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...» – см. Часовая стрелка
 «Кто росс – и ныне не восплещет...» – см. Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы
 «Кто хочет, тот несчастья трусь!...» – см. Эпиграмма
 «Куда мне, сердце страстно...» – см. Песни
Курица и Утята («“Ты всё с утятами”. – “Кому ж ходить за ними?..”») – 675 (а)

Л

- Ласточка и Птички* («Летунья Ласточка и там и сям бывала...») – 123 (с подз. «Притча»), 139, 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 243, 289, 297, 394, 526, 553, 581
 «Леандр, в последний раз возникнув из валов...» – см. Эпиграмма
Лебедь и Гагары («За то, что Лебедь так и бел и величав...») – 192, 229, 234, 289, 394, 581
Лев и Волк («Волк, полуночный тать...») – 675 (а)
Лев и Комар («Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!...») – 192, 230, 235, 290, 395, 399, 526, 582
Лестница («Примеры гордости и щастия превратна...») – 49
 «Лети, корабль, в свой путь с Виргилием моим...» – см. Подражание одам Горация
 «Летунья Ласточка и там и сям бывала...» – см. Ласточка и птички
Летучая Рыба («Есть рыбы, говорят, которые летают!...») – 161, 164, 230, 235, 230, 395, 582
Лиса Проповедница («Разбитая параличом...») – 192, 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 243, 281, 289, 394, 581
Листик («На что бросать, друзья, и вестника Европы...») – 633
 «Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать...» – см. Надпись к портрету
Львиное право («Медведя Лев спросил: “Через твою берлогу...”») – 674 (а)
 «Льстивый друг моей цевницы!...» – см. К приятелю
 «Любезного и прах останется ль безвестным?...» – см. Ф. М. Д<убянском>у

- «Любезный попугай! давно-ли ты болтал...» – см. На смерть попугая
 «Люблю – есть жизнью наслаждаться...» – см. Люблю и любил
Люблю и любил («Люблю – есть жизнью наслаждаться...») – 174, 229, 288, 394, 583*
 «Любовник в первый день признанием забавляет...» – см. История любви
 «Любовны утешенья...» – см. Ручеек
Любовь и Дружество («Священно дружество! о коль твой силен глас!...») – 48, 59, 155, 516 (перевод на англ. яз.)
 «Любовь любовью пленилась...» – см. Пародия на Шаликову эпитафию И. Богдановичу
Людьмила. Идиллия («Кого мне Бог послал среди уединенья?...») – 192, 228, 254, 288, 393, 525, 580

М

- Магнит и Железо* («“Зачем ты льнешь?” – Магнит Железу говорил...») – 675 (а)
Магнит и Железо («Природу одолеть превыше наших сил...») – 153, 165, 230, 235, 290, 395, 525, 582
Мадекасская пленница («Младая пленница! не проклинай войну...») – 228, 288, 393, 583*
Мадригал девице, которая спорила со мною, что мужчины щастливее женщин («Мужчины щастливы, а женщины несчастны...») – 128,
Мадригалы:
 «Задумчива ли ты, смеешься иль поешь...» – 98, 102, 165, 228, 254, 282, 288, 299, 393, 581
 «Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!...» – 165, 228, 288, 393,
 «По чести, от тебя не можно глаз отвести...») – 98, 102, 165, 228, 288, 393, 581
 «Мало, мало быть прекрасной...» – 89
Мальчик на столе («“Как я велик” – дитя со столика вскричал...») – 192 (с перв. строкой «Как я велик! С стола мальчишка всем кричал...»), 230, 234, 289, 395, 584*, 674 (а) (под загл. «Дитя на столе»)
Мартышка и Лиса («Скажи мне, есть ли зверь...») – 675 (а)
 «Мартышка, с нежностью дитя свое любя...» – см. Чадолубивая мать
 «Медведя Лев спросил: “Через твою берлогу...”» – см. Львиное право
 «Между Репейником и розовым кустом...» – см. Репейник и Фиалка
Меланхолик («Как сын проклятия, скитаюсь...») – 192, 228, 288, 393, 583*
Месяц («Настала ночь, и скрылся образ Феба...») – 192, 229, 234, 289, 394
 «Мне лекарь, говорил: “Нет, ни один больной...”» – 60 («Эпиграмма»), 156
 «Мне Хлоя сделала решительный отказ...» – см. Слабость
Модная жена («Ах, сколько я в мой век бумаги исписал!...») – 55, 60, 63, 93, 98, 140 (здесь и далее в рубрике «Сказки»), 148, 160, 165, 229, 237 (рукоп. сб.), 242, 288–289, 300, 394, 525, 544, 581, 620 (цитата)
 «Мой друг, судьба определила...» – см. Ответ
Молитвы («В предверьи храма...») – 165 (с перв. строкой «Благочестивый муж в предверьи храма...»), 230, 234, 289, 297, 395, 584*
Молчание Соловья – см. Воробей и Зяблица
Мудрец и Поселянин («Как я люблю моих героев воспевать!...») – 192, 229, 234, 289, 394, 581
 «Мужчины щастливы, а женщины несчастны...» – см. Мадригал девице, которая спорила со мною, что мужчины щастливее женщин
Муха («Бык с плугом на покой тащился по трудах...») – 192, 229, 234, 243, 289, 395, 525, 581
Мишение Пчелы («Обиду мстя, Пчела...») – 675 (а)
Мыльный Пузырек («Блестящий тысячью ирисиних цветов...») – 675 (а)
Мышь, удалившаяся от света («Восточны жители, в преданиях своих...») – 164, 172 (публикация в «Северном Вестнике»), 203, 229, 234, 243, 281, 289, 394, 553, 581
Мячик («Несносный жребий мой! то вверх, то вниз лечу...») – 675 (а)

Н

- На журнал "Новости литературы" («Что за журнал?..»)* – 179, 207
- На журналы («Как этот год у нас журналами богат!..»)* – 193, 208
- «На Клята, верно б, я сатиру сочинил...»* – см. Эпиграммы
- На кончину А. Л. П...[ушкиной]* («И так уж нет тебя, страдалица земная...») – 605, 633
- На кончину Веневитинова* («Природа вновь цветет, и роза негой дышит!..») – 633, 682
- На мир с Оттоманскою Портою* («Во сне ли сладком я мечтаю...») – 63, 99, 160,
- На Новый 1795 год* («Будь счастливей в твоём теченьи!..») – 87, 88, 98,
- На рождение Лирика* («Пегас под бременем лирических творцов...») – 208
- «На случай грома»* – см. Размышление по случаю грома
- На случай од, сочиненных в Москве в коронацию* («Гордись пред галлами, московский ты Парнас!..») – 154, 208
- На случай подарка от неизвестной* («Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!..») – 186 (под загл. «Стихи на получение от неизвестной особы вышитого по канве Гения») – 193 (под загл. «На получение вышитого по канве Гения»), 229 (здесь и далее под загл. «На случай получения от неизвестной Особы вышитого по канве Гения»), 288, 394, 581 (под загл. «На случай подарка от неизвестной»)
- На смерть Ипполита Федоровича Богдановича* («О чем ты сетуешь, прелестная Харита?..») – 170, 207,
- На смерть попугая* («Любезный попугай! давно ли ты болтал...») – 57, 155,
- На спуск Стефанием трех шаров, в присутствии трех знатных особ* («Ну, видел спуск я трех шаров!...») – 140, 207
- «На урну преклонясь вечернею порою...»* – см. И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки»
- «На Цыганскую пляску»* – см. «Пой, скажи, кружись, Параша!..»
- «На чуждых берегах, где властвует тиран...»* – см. Подражание 136-му псалму
- «Над Черепахою нельзя не прослезиться»...»* – см. Черепаха
- Наборщику стихов моих* («Спасибо твоему ремесленник, набору...») – 91, 634, 680
- Надгробия:*
- И. Ф. Богдановичу, Автору «Душеньки»* («В спокойствии, в мечтах текли его все лета...») – 161, 166 (здесь и далее в рубрике «Надгробия»), 228, 287, 393, 516 (перевод на англ. яз.), 575, 583*
- И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки»* («На урну преклонясь вечернею порою...») – 161, 166 (здесь и далее в рубрике «Надгробия»), 228, 255, 287, 297, 299, 393, 516 (перевод на англ. яз.), 575, 581
- И. Ф. Богдановичу, Автору «Душеньки»* («Привесьте к урне сей, о Грации, венец...») – 161, 166 (здесь и далее в рубрике «Надгробия»), 228, 287, 393, 516 (перевод на англ. яз.), 575, 583*
- В. А. В<оико>в* («Здесь тихая могила...») – 135 («quatrain»), 136, 143 (под загл. «Надгробие»), 166 (под загл. «В-А-В»; здесь и далее в рубрике «Надгробия»), 171 (под загл. «Могила»), 228, 255, 287, 299, 393, 581
- В.-И.-С.* («Быть может, мудреца сей памятник не тронет...») – 166 (здесь и далее в рубрике «Надгробия»), 228, 287, 363, 393, 581
- Ф. М. Д<убянка>* («Любезного и прах останется ль безвестным?..») – 107, 124, 166 (здесь и далее под загл. «Ф-М-Д»), 228, 255, 299, 393, 525, 581 (под загл. «Ф. М. – Д....у»)
- «Когда и дружество струило слез потоки...»* – 103, 166, 228 (здесь и далее в рубрике «Надгробия» под общим загл. «Матери и сыну»), 255, 287, 363 (под загл. «Эпитафия Младенцу»), 393, 583*
- Матери и Сыну* («Здесь мать двух близнецов почил в цвете дней...») – 193 (в рубрике «Эпитафии»), 228 (здесь и далее в рубрике «Надгробия» под общим загл. «Матери и Сыну»), 287, 393, 583*, 646
- Петру Дмитриевичу Еропкину, бывшему московскому градоначальнику* («Здесь добрый Еропкин, свершив свой жизни круг...») – 182 («Эпитафия: стихи к надгробному камню Петра Дмитриевича Еропкина»), 184 (под загл. «Стихи к надгробному камню Петра Дмитриевича Еропкина»), 193 (под общим загл. «Эпитафия. Петру Дмитриевичу Еропкину»), 228 (здесь и далее в рубрике «Надгробия» под общим загл. «Петру Дмитриевичу Еропкину»), 287, 393, 583*
- «Не дрогнет начертать на камне сем резец...»* – 193 (под общим загл. «Эпитафия. Петру Дмитрие-

вичу Еропкину»), 228 (здесь и далее в рубрике «Надгробия» под общим загл. «Петру Дмитриевичу Еропкину»), 287, 393, 583*

Стихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова. К Прасковье Ивановне Мятлевой («Стены, дочь нежная, над урной отца!..») – 195 (под загл. «Ея превосходительству Прасковье Ивановне Мятлевой»), 228 (здесь и далее в рубрике «Надгробия»), 287, 393, 583*

Надгробие от супруга супруге («И ангелы в плоти не дольше роз живут...») – 621

Надгробье другу моему И. Ф. Г-ю («Приходит нищ сюда – за прах сей бога просит...») – 110

Надежда и Страх («Хотя Надежда век...») – 56, 155,

Надписи к Амуру:

«Кто б ни был ты, пади пред ним!..») – 193 (в рубрике «Надписи» и первой строкой «Кто б ни был ты, склонись пред младенцем сим...»), 208, 228, 288, 297, 394, 581 (в рубрике «Надписи» под загл. «К Амуру»)

«Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...» – 140, 193, 228, 288, 394, 583*

«Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...») – 138, 140, 209 (под загл. «К Амуру, который прицеливался стрелою...»), 228, 288, 394, 525, 583*

Надписи к Портрету (в рубрике «Смесь»):

«Ах, как его ужасен взор!..» – 99 (с первой стр. «Ай! как его ужасен взор!..»)

«Возможно ль, как легко по виду ошибиться!..» – 99, 103

«Вот мой тебе портрет; сколь счастлив бы я был...» – 165, 228, 254, 288, 393, 581

«Глядите: вот Ефрем, домовый наш маляр!..») – 59, 99, 155 (под загл. «К портрету Ефрема Живописца»), 165 (загл. снято, в рубрике «Надпись»), 228, 255, 281, 288, 363, 393

«И это человек?..» – 60 (под загл. «Надпись к портрету господина...»), 99, 156, 166 (в рубрике «Надпись к Портретам»), 228, 255, 288, 363, 393, 581, 795 (цитата в письме Вяземского от 15 марта 1836)

«Какой ужасный, грозный вид!..» – 165, 228, 288, 393

«Лишь взглянешь на нее, захочешь ты узнать...» – 123, 165, 228, 288, 393

«Одним тебя стихом, любезна, опишу...» – 123, 128

«Родятся лилии, родятся мухоморы...» – 99, 103

«Смейтесь, смейтесь, что я шую...» – 165, 228, 288, 393

«Чей это, Боже мой, портрет?..» – 123, 165

«Что мне об ней сказать?..» – 165, 228, 288, 296 (цитата), 393

Надписи <К портрету>:

<Н. А. Бекетова> («Воспитанник любви и щастия богини...») – 82, 123, 166 (под загл. «К Портрету Н-А-Б»), 227 (здесь и далее в рубрике «Надписи <К портрету>» под загл. «Н** А** Бекетову»), 287, 393, 553, 583*

К бронзовой статуе фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне («Почтенный лик! Когда б ты был изображен...») – 97 (под загл. «Стихи к бронзовой статуе фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне»), 103, 164 (здесь и далее в рубрике «Надписи <К портрету>»), 227, 287, 392, 583*

К бюсту императора Александра I («Потомство! Россиян завидуй торжеству...») – 287 (в рубрике «Надписи <К портрету>»), 299, 392, 583*

К памятнику мореходца Шелехова («Как царства падали к стопам Екатерины...») – 103, 123 (под загл. «Надпись к памятнику именитого гражданина Шелехова»), 164 (здесь и далее в рубрике «Надписи»), 287, 392, 583*

К портрету графа Витгенштейна («Целуйте вы сей лик...») – 392, 581

Гавриила Романовича Державина («Державин в сих чертах блистает...») – 166, 227 (здесь и далее в рубрике «Надписи <К портрету>»), 287, 393, 581 (рубрике «Надписи» под загл. «Г. Р. Державину»)

К Портрету древняго Рускаго Историка Нестора («Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...») – 155, 166, 227 (здесь и далее в рубрике «Надписи <К портрету>» под загл. «К Портретам древнего Рускаго Историка Нестора»), 287, 392, 583*

К портрету Ивана Ивановича Шувалова («С цветущей младости до серебряных власов...») – 124,

164 (здесь и далее в рубрике «Надписи» под загл. «К портрету Ивана Ивановича Шувалова»), 227, 287, 392, 583*

Князя Итальяского («Суворова здесь лик искусство начертало...») – 164 (здесь и далее в рубрике «Надписи» под загл. «Князя Итальяского»), 227, 287, 392, 583*

К его же портрету («Се росс, агарян бич, сарматов покоритель...») – 164 (с перв. строкой «Се Росс, Авгарян бич...»), 287, 392, 583*

<К портрету Н. М. Карамзина> («Вот милый всем творец! иль сердцем, иль умом...») – 165 (здесь и далее без заглавия, в рубрике «Надписи к Портретам»), 228, 288, 394, 581

К портрету М. Н. Муравьева («Я лучшей не могу хвалы ему сказать...») – 165 (здесь и далее без заглавия, в рубрике «Надписи к Портретам»), 228, 288, 393–394, 470 (цитата), 581 (под загл. «М. Н. Муравьеву»)

Михайлы Матвеевича Хераскова («Пускай от зависти сердца в Зоилах уют...») – 166, 227 (здесь и далее в рубрике «Надписи <К портрету>»), 287, 392–393, 581 (под загл. «К портрету М. М. Хераскова»)

<К портрету П. И. Шаликова> («Янтарная заря, румяный неба цвет...») – 165 (здесь и далее без заглавия, в рубрике «Надписи к Портретам»), 228, 288, 394, 581

Надпись к егерскому дому, который выстроен был за городом («О дом, воздвигнутый Голицыным для псов!...»)

Надпись к памятнику именитаго гражданина Шелехова – см. <Надпись> К памятнику мореходца Шелехова

Надпись к портрету Б. («Великой человек и духом и делами!...») – 363

Надпись к портрету лирика («Потомство! вот Петров...») – 632 (под загл. «Надпись к портрету или бюсту В. П. Петрова»), 658 (под загл. «Надпись к портрету или бюсту В. П. Петрова»)

Надпись к портрету NN («Вот, Балдус! рускаго изделья торжество...») – 91, 634, 680

Надпись к статуе Юпитера. Перевод из Антологии («Или Юпитер сам с превыспренных кругов...») – 56, 155

Надпись К.[нязю] Антиоху Димитриевичу Кантемиру («Се князь изображен Молдавский Кантемир...») – 29

«Надсевшись Дон-Кишот с баранами сражаться...» – см. Дон-Кишот

Наслаждение («Всяк в своих желаньях волен...») – 70 («Всяк из нас в желаньях волен...»), 98, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 159, 160, 165, 170, 228, 235, 288, 295 (цитата), 300, 393, 502, 525, 583*, 586 (перевод на англ. яз.)

Наследники («Не доведи бог быть богатым и бесчадным...») – 83, 88, 89

«Настала ночь, и скрылся образ Феба...» – см. Месяц

«Настроив томну лиру...» – см. Песня

«Нахальство, Аристарх, таланту не замена...» – см. Ответ

«Начать до света путь и ошупью идти...» – см. Путешествие

«Не амбра ль ты? – подняв Ком, персти я сказал...» – см. Ком земли

«Не ведаю, какой судьбой...» см. Червонец и Полушка

«Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал...» – см. Осел, Обезьяна и Крот

«Не доведи бог быть богатым и бесчадным...» – см. Наследники

«Не дрогнет начертать на камне сем резец...» – см. Надгробия

«Не знаю отчего зазнавшийся Осел...» – см. Осел и Кабан

«Не понимаю я, откуда мысль пришла / Клеону приписать Фуфановой «Цирцею»» – 205, 207

«Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых...» – см. Послание к Н. М. Карамзину

«Не твоего ль, Израиль, сына...» – см. Стихи на победу графа Суворова-Рымнического...

«Не тигр, а человек – и сын убил... отца...» – см. Совесть

Невинность и Живописец («В Амуре на холсте все жизнью дышало...») – 675 (а)

«Нежной страсти плод любезный...» – см. Плач матери

«Нежный ученик Орфея!...» – см. К Ф. М. Дубянскому, сочинившему музыку на песню «Голубок»

«Несносный жребий мой! то вверх, то вниз лечу...» – см. Мячик

- «Нет, Венечкин, журнал набитый только бранью...» – 634, 680
 «Нет голоса во мне, а всё я говорю...» – см. Загадка
 «Нет! не верю, что любезна» – 91–92
 «Нет, Хлоя! не могу я страсти победить!..» – см. Мадригал
 «Неугомонное и вздорное Желанье...» – см. Желание и Страх
 «Нечаянный мне дар целую с нежным чувством!..» – см. На случай подарка от неизвестной
 «Ни злато, ни чины ко счастью не ведут...» – см. Филемон и Бавкида
Ниспроверженный Истукан («Что вижу? Истукан мой в прахе! Мщенье, мщенье...») – 675 (а)
Нищий и Собака («Большой боярский двор Собака стерегла...») – 165, 230, 235, 290, 395, 575, 582
Новости литературы – см. На журнал “Новости литературы”
Ночь («В черной мантий волнистой...») – 106
 «..Ну, видел спуск я трех шаров!..» – см. На спуск Стефанией трех шаров, в присутствии трех знатных особ
 «Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?...» – см. Сказка

О

- «О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном...» – см. Эпиграмма
 «О век чудесностей, ума, изобретений!..» – см. К текущему столетию
 «О времена! о времена!..» – см. Суп из костей
 «О Геслер! где ты взял волшебное искусство?...» – см. Стихи на игру господина Геслера, славного органиста
 «О дети, дети! как опасны ваши лета!..» – см. Петух, Кот и Мышонок
 «О дом, воздвигнутый Голицыным для псов!..» – см. Надпись к егерскому дому, который выстроен был за городом
 «О Клюквин! не глуши своим нас лирным звоном...» – см. Эпиграмма «О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном...»
 «О любезной, о мой милой!..» – см. Песни
 «О Пчелка! меж цветов, прекраснейших для взора...» – см. Прохожий и Пчела
 «О радость! дайте, дайте лиру...» – см. Стихи на высоко монаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова
О русских комедиях – 158
 «О ты, котора утешала...» – см. К Лире
 «О, тяжкой жизни договор!..» – см. Эпиграмма на дурные оды по случаю рождения именитой особы
 «О чем ты сетуешь, прелестная Харита?...» – см. На смерть Ипполита Федоровича Богдановича
Обезьяны («Во всяком роде есть безумцы и буяны...») – 101
 «Обиду мстя, Пчела...» – см. Мщение Пчелы
 «Обманывать и льстить...» – 114 (в рубрике «Песни сатирические»), 115, 208
Объявление от издателей о журнале на будущий год («Во славу троицы певцов...») – 191, 207
Ода П. П. Бекетову («Пускай тщеславный предается...») – 98, 102
 «Один охотник жить, не старше ста лет...» – см. Смерть и Умирающий
 «Один предобрый муж имел обыкновенье...» – см. Супружняя молитва
 «Один угрюмый Врач подобен был тирану...» – см. Два Врача
 «Однажды дома я весь вечер просидел...» – см. Сонет
 «Однажды старичок над заступом потел» – см. Старик и трое молодых
 «Однажды Шарлатан во весь горланил рот...» – см. Шарлатан
 «Одним тебя стихом, любезна, опишу...» – см. Надпись к портрету
 «“Он врал – теперь не врет”...» – 60 («Эпитафия»), 156, 165 (в рубрике «Эпиграммы»),
 «Он дома – иль Шолье, иль Юм, или Платон...» – см. Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина
Орел и Змея («Орел из области громов...») – 183, 192, 201, 230, 235, 243, 290, 395, 553, 575, 581
Орел и Каплун («Юпитеров Орел за облака взвивался...») – 198, 230, 235, 290, 395, 399, 582

- Орел и Коршун* («Юпитер Коршуну сказал: “Твоя чреда...”») – 675 (а)
Орел и Филин («Орел стремил полет свой к Фебову престолу...») – 585, 675 (а)
 «Орел из области громов...» – см. Орел и Змея
Орел, Кит, Уж и Устрица («Орел парил под облаками...») – 101, 139, 164, 229, 234, 289, 394, 575, 581
 «Орел парил под облаками...» – см. Орел, Кит, Уж и Устрица
 «Орел стремил полет свой к Фебову престолу...» – см. Орел и Филин
Освобождение Москвы («Примите, древние дубравы...») – 99 (под загл. «Пожарской»), 123 (под загл. «Пожарской»), 164 (отсюда и далее под загл. «Освобождение Москвы»), 227, 235, 261 (цитата), 286, 297 (перевод на нем. яз.), 298 (перевод на нем. яз.), 300, 364 (цитата), 365 (цитата), 392, 501, 519, 575, 580, 586 (перевод на англ. яз.), 694 (7-я гл. «Евгения Онегина», эпитафия), 607, 731 («Пожарской»)
Осел и Выжлица («Скот глупый взял перед! и по какому праву?...») – 675 (а)
Осел и Кабан («В навозе вскормленный и вызревший Осел...») – 192, 201, 230, 235, 280, 395, 582 (с перв. строкой «Не знаю отчего зазнавшийся Осел...»)
 «Осел, как скот простой...» – см. Истукан и Лиса
Осел, Обезьяна и Крот («Не диво ли? Осел вдруг ипохондрик стал!...») – 164, 229, 234, 289, 394, 584*
Ответ («Мой друг! судьба определила...») – 42
Ответ («Нахальство, Аристарх, таланту не замена...») – 201, 208
Ответ («Нешастный отец беззубой Эпиграммы...») – 91, 634, 681
Ответ сочинителю стихов под названием: Лето, напечатанных в осьмнадцатом номере Вестника Европы – см. К. Г. Р. Державину («Бард безымянный! тебя ль не узнаю?...»)
Ответ Филлиде. На вызов ее написать к ней стихи – см. К. <А. Г. Севериной> на вызов ее написать стихи
Отдание. I. «Как жаль, что наш Вралев с печатнею сроднился...» – 633
Отдание. II. «Открылись, наконец, твои озлины ноги!...» – 633
Отдых Соловья – см. Воробей и Зяблица
Отец с Сыном («Скажите, батюшка, как щастия добиться?...») – 192, 230, 234, 289, 395, 582, 765 (цитата)
 «Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...» – см. Надпись к Амуру
 «Откуда визг и крик далеке раздастся?...» – см. Дети и мыльные пузыри
 «Отрады луч блеснул у Скорби на челе...» – см. Скорбь и Фортуна
Отрок и одр – 633
Отставной вахмистр («Сними с себя платочек...») – см. Карриатура
 «Отчайнье! Души безжалостной тиран...» – 92
Отцеубийца – см. Совесть
Отъезд («Простите, Лары и Пенаты!...») – 39, 66, 98, 160, 165, 170, 228, 255, 288, 363, 393, 583*
Ошибка Чижса («Чиж, в птичник залетя, прельстился им как раем...») – 674 (а)

II

- Павлин* («Индеек не на вкус пришел павлиний рост...») – 675(а)
 «Парис и Марс, о том ни слова...» – см. К Венериной статуе
Пародия на слова: Сотворивший небо и землю, тот, который и проч. рек, сотворил нам бессмертного и – Петра Великаго, явился, и творец восплескал творению своему. Храм славы сгромаждения П. Ю. Львова («Сядящий на мешках славено-русских слов...») – 170, 208
Пародия на Шаликову эпитафию И. Богдановичу («Любовь любовью пленилась...») – 171, 208
 «Парю душой к тебе, всечтимый...» – см. Гимн богу
 «Певец вечерний, милый...» – см. Песенка
 «Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владетель...» – см. Песнь Лебеда
Песенка – см. Песни: «Все ли, милая пастушка...»

Песенка («Певец вечерний, милый...») – 61

Песни:

«Ах! когда б я прежде знала...» – 67 (под загл. «Бабушкина песня»), 98 (под загл. «Старинная Песня»), 160, 165, 170 («Бабушкина песня»), 228, 236, 288, 300, 393, 502, 580, 586 (перевод на англ. яз.),

«Бедно сердце! как решиться...» – 165, 228, 288, 393, 582*

«Без друга и без милой...» – 78, 90, 98 (под загл. «Разлука»), 114 (в рубрике «Песни нежные»), 165, 228, 235, 237 (ркп. сб.), 288, 297, 300, 393, 582*

«Видел славный я дворец...» – 79 (с подз. «Песня»), 88 («Песня 1»), 90, 98 (с подз. «Песня»), 114 (в рубрике «Песни нежные»), 165, 228, 235, 281, 287, 300, 393, 502, 580

«Всё ли, милая пастушка...» – 192 (под загл. «Песенка»), 228, 288, 393, 526, 580

«Всех цветочков боле...» – 98 (под загл. «К Хлое»), 102, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 159 (под загл. «К Клое»), 165 (под загл. «К Хлое»), 228, 235 (под загл. «К Хлое»), 281, 288, 300, 393, 502, 525, 580, 586 (перевод на англ. яз. под назван. «Madrigal»),

«Други! время, скоротечно...» – 98 (под загл. «Похвала Араку»), 102, 115 (в рубрике «Песни застольные»), 165, 228, 287, 393, 582*

«Куда мне, сердце страстно...» – 98, 102, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 165, 228, 235, 288, 300, 393, 502, 582*

«Настроив томну лиру...» – 97

«О любезной, о мой милой!...» – 95, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 228, 235, 287, 300, 393, 582*

«Пой, скажи, кружись, Параша!...» – 98 (под загл. «На Цыганскую пляску»), 102, 114 (в рубрике «Песни веселые»), 165, 228, 288, 393, 580

«Стонет сизый голубочек...» – 55, 65, 75, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 160, 165, 228, 235, 237 (рукоп. сб.), 281, 288, 300, 333 (перевод на англ. яз.), 393, 408 (перевод на нем. яз.), 502, 516 (перевод на англ. яз.), 525, 580, 585 (перевод на англ. яз.),

«Тише, ласточка болтлива!...» – 70 (под загл. «Песня»), 89 («Песня 3»), 98, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 160, 165, 170, 228, 288, 393, 582*

«Ты клялась мне, ты божилась...» – 114 (в рубрике «Песни нежные»), 143 (под загл. «Песня»)

«Цама! Цама! не мори...» – 89

«Что с тобою, ангел стало...» – 114 (в рубрике «Песни нежные» с перв. строкой «Что с тобой, любезна, стало?...»), 137 (под загл. «Романс»), 144 (под загл. «Песня Для двух голосов»), 159 (под загл. «Дует»), 165, 228 (здесь и далее в рубрике «Песни», загл. снято; первая строка: «Что с тобою, ангел стало...»), 235, 282, 288, 329 (пародия), 393, 502, 526, 580

«Юность, юность! веселися...» – 90, 98 (под загл. «К Юности»), 102, 165 (под загл. «Совет»), 228, 287, 393, 525, 582*

Песнь Лебеда («Пел Лебедь, и моих всех чувств он был владетель...») – 674 (а)

Песнь на день коронования Его Императорского Величества Государя Императора Александра Первого («И я питомец Аполлонов...») – 154, 164, 227, 286, 392, 580

Песнь на кончину Светлейшаго Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго – см. Смерть князя Потемкина

Песнь на кончину Светлейшаго Князя Потемкина Таврическаго – см. Смерть князя Потемкина

Песнь на кончину Князя Потемкина-Таврическаго – см. Смерть князя Потемкина

Песня для двух голосов («Что с тобой, любезна, стало?...») – см. «Что с тобою, ангел стало...»

«Песня на слово: я ... люблю» («Тверди сие бесценно слово...») – 91

Петух, Кот и Мышонок («О дети, дети! как опасны ваши лета!...») – 159, 164, 229, 234, 289, 394, 575, 581

«Письмо к ***» – см. К. А. Т. С<еверино>й («Какое зрелище для нежных души!...»)

«Письмо к Издателю журнала» – 194

Письмо к Прелесте «Прелеста, веселись: мой рок уже решился...» – см. К*** о выгодах быть любовницей стихотворца

План Трагедии с Хорами («Лапландской Князь, жених...») – 227, 287, 392, 584*

Платону Петровичу Бекетову («Твой тятя с маминькой моей...») – 643

- Плач Матери* («Нежной страсти плод любезный...») – 57, 99, 155, 791
- Плач Супруги* – см. Плач матери
- «Пловец под тучею нависшей...» – см. Подражание Горацию
- Плод* («Садовник сетовал, что долго плод не зреет...») – 674 (а)
- Плоды мудрого правления* («При пятом Льве Медведь за правду лез из кожи...») – 674 (а)
- «По ветру, без весла, Челнок помчался в море...» – см. Челнок без весла
- «По чести, от тебя не можно глаз отвести...» – см. Мадригалы
- «Поверит ли кто мне? — Всегда, во всех местах...» – см. Подражание Петrarку
- «Поверю ль я тебе, Кощей...» – см. Эпиграмма
- «Под розово-сребристым небом...» – см. Весна
- «Подзобок на груди и, подогнув колена...» см. Эпиграмма
- Подражание Горацию. Ода VII из XIII книги* («Пловец под тучею нависшей...») – 198 (под загл. «Ода. Спокойствие»), 220, 227, 392, 526, 558
- Подражание Горацию. Ода III из I книги* («Лети, корабль, в свой путь с Virгилием моим...») – 84, 85, 193 (под загл. «Вольный перевод двух Од из Горация – Ода третья из Первой книги»), 227 (здесь и далее под общим загл. «Подражание Горацию»), 286, 392, 501 (под загл. «Вольный перевод Горациевой Оды»), 580 (под общим загл. «Подражание одам Горация»)
- Подражание Горацию. Ода I из III книги* («Служитель муз, хочу я истины воспеть...») – 84, 85, 193 (под загл. «Вольный перевод двух Од из Горация – Ода первая из Третьей книги»), 227 (здесь и далее под общим загл. «Подражание Горацию»), 286, 300, 392, 580 (под общим загл. «Подражание одам Горация»), 700 («Тройным булатом грудь была вооружена...»)
- Подражание Ла Фонтену* («О вы, которых бог соединил...») – 143, 237 (рпк. сб.),
- Подражание Петrarку* («Поверит ли кто мне? – Всегда, во всех местах...») – 124, 165, 237 (рукоп. сб.)
- Подражание Проперцию* («Вотще мы, гордостью безумною надменны...») – 63
- Подражание 136-му псалму* («На чуждых берегах, где властвует тиран...») – 552, 558, 632, 658
- «Подражание первой Тибулловой элегии» – см. Элегия («Пускай кто многими землями обладает...»)
- «Подражание в языке, метре и вкусе новейшим поэтам новейшей Руской, Романтической и народной школы. Марта 1-го» – 634
- Подснежник* («Что мне зима? – сказал Подснежник...») – 585, 675 (а)
- «Пожарской» – см. Освобождение Москвы
- «Пой, скачи, кружись, Параша!..» см. Песни
- «Покорствуя судеб уставу...» – см. Кенотафия
- «“Полвека стан его возили в сей юдоле!”...» – см. Эпитафия
- Полевой цветок* – см. Полевой Цветок и Гвоздика
- Полевой Цветок и Гвоздика* («Простой цветочек, дикой...») – 192 (под загл. «Полевой цветок»), 230, 234, 237 (рпк. сб.), 289, 395, 525, 584*, 674 (а)
- «Полно сердце сокрушаться...» – 90
- Порок и Добродетель* («“Я царь, земной!” – Порок в надменности изрек...») – 674 (а)
- Послание от Английского Стихотворца Попа к Доктору Арбутноту* («Иван! запри ты дверь, зашелкни, заложи...») – 140, 164, 227 (здесь и далее в рубрике «Посланий»), 287, 297, 392, 580, 825 (удивление Пушкина)
- «Пословица у нас: на ближних уповай...» – см. Жаворонок с детьми и Земледелец
- «Постигнув с юных лет тщету и скоротечность...» – см. К Портрету древняго Рускаго Историка Нестора
- «Потомство! вот Петров...» – см. Надпись к портрету лирика
- «Потомство! Россиян завидуй торжеству...» – см. Надпись к бюсту императора Александра I
- «Похвала Араку» – см. Песни: «Други! время, скоротечно...»
- Похвала Элизе Драпер, сочиненная Аббатом Реналем...* – 63, 64, 160
- «Почтенный лик! Когда б ты был изображен...» – см. Надпись к бронзовой статуе фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского, поставленной графом Завадовским в его деревне

- «Почто Софрона осуждают...» – см. Эпиграмма: «За что Ликаста осуждают...»
 «“Почто ты Мазона, мой друг, не прочитаешь?”...» см. Эпиграмма
 «Поэт и горд еще! – сказал спесивый Клим...» – см. Богач и поэт
 «Поэт Оргон, хваля жену не в меру...» – см. Эпиграмма
 «Поэт случайно в честь и круг бояр попал...» – см. Беспечность поэта
 «Поэту ль своего таланта не любить?...» – см. Стихи в альбом Е. С. О<гаревой>
 «Прекрасный голубчик! скажи мне, отколе...» – см. Голубок
 «Прелеста, веселись! Мой рок уже решился...» – см. К*** о выгодах быть любовницей стихотворца
- «Прелестна Лизонька! на этом самом поле...» – см. Счет поцелуев
 «Прелестная Лизета...» – см. Кокетка и Пчела
 «Прелестный пол твердит: без сердца скучен свет...» – 90
Преложение 49-го Псалма («Кто в блесках молнии нисходит?...») – 123, 164, 227, 235, 237 (ркуп. сб.), 286, 296, 300, 392, 502, 575, 580
Преступления («Тигр, ужас всех зверей, подняв кровавы взоры...») – 674 (а)
 «При пятом Льве Медведь за правду лез из кожи...» – см. Плоды мудрого правления
 «Привесьте к урне сей, о грации, венец...» – см. Надгробие И. Ф. Богдановичу, автору «Душеньки»
- Придворный и Протей* («Издавна говорят, что будто царедворцы...») – 165, 229, 234, 289, 395, 582
Признание («Темира! виноват; ты точно отгадала...») – 165, 228, 287, 393, 583*
 «Примеры гордости и щастия превратна...» – см. Лестница
Примечания к Ювеналовой Сатире – 164, 227, 287, 392, 584*
 «Примите древние дубравы...» – см. Освобождение Москвы
 «Природа вновь цветет, и роза негой дышит!...» – см. На кончину Веневитинова
 «Природу одолеть превыше наших сил...» – см. Магнит и Железо
 «Притча. Старик и трое молодых» – см. Старик и трое молодых
 «Приходит нищ сюда – за прах сей бога просит...» – см. Надгробье другу моему И. Ф. Г–ю
Причудница («В Москве, которая и в древни времена...») – 83, 84, 98, 140 (здесь и далее в рубрике «Сказки»), 165, 229, 236, 242, 289, 297, 300, 394, 553, 581
 «Простите, Лары и Пенаты!...» – см. Отъезд
 «Простой цветочек, дикой...» – см. Полевой цветок
 «Против Калифова огромного дворца...» см. Калиф
Прохожий («Прохожий в монастырь зашедши на пути...») – 163, 165, 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 243, 289, 394, 581
 «Прохожий, в монастырь зашедши на пути...» – см. Прохожий
Прохожий и Пчела («О Пчелка! меж цветов, прекраснейших для взора...») – 675 (а)
 «Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...» см. Эпитафия эпитафиям
 «Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай...» – см. Эпитафия
 «“Прочь, дале! близ тебя лежать я не хочу”...» – см. Хлеб и Свечка
 «Прочь, затей стихотворства!...» – см. Стихи по просьбе одной матери и двух ее детей
 «Прочь, наглый, прочь ты, Шмель! – вскричала утром Роза...» – см. Роза и Шмель
 «Прочь от нас, Катон, Сенека...» – см. Стансы к Н. М. Карамзину
 «Прочь ты, подлеший гад, навоза порожденье!...» – см. Лев и Комар
 «Птичка, вырвавшись из клетки...») – 79 (под загл. «Песни»), 89 («Песня 2»), 90, 98
 «Пусть кто многими землями обладает...» – см. Элегия
 «Пусть от зависти сердца в зоилах ноют...» – см. К портрету М. М. Хераскова
 «Пусть тщеславный предается...» – см. Ода П. П. Бекетову
Пустынный и Фортуна. Сказка («Какой-то доброй человек...») – 70, 98, 140, 160, 165, 170, 230, 234, 243, 289, 395, 553, 584*
Путешествие («Начать до света путь и ощупью идти...») – 170, 193, 229, 288, 363, 394, 580

Путешествие Н. Н. в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия («Друзья! сестрицы! я в Париже!...») – 207, 684

Пчела и Муха («Здорово, Душенька! – влета в окно, Пчела...») – 192, 230, 235, 289, 395, 582

Пчела, Шмель и Я («Шмель, рося в навозе...») – 67, 160, 170

Р

Равновесие («Сын севера! суров и хладен твой климат...») – 674 (а)

«Разбитая параличом...» – см. Лиса-проповедница

Разбитая Скрыпка («Скрипка пошлая упала и разбилась...») – 192, 230 (здесь и далее с перв. строкой «Скрыпка дюжина упала и разбилась...»), 235, 243, 290, 395, 516 (перевод на англ. яз.), 525, 584*, 674 (а)

Разговор Прохожего с Горлицей – см. Горлица и Прохожий

Размышление по случаю грома («Гремит!.. благоговей, сын персти!...») – 102 (под загл. «На случай грома»), 193, 227, 235, 286, 300, 392, 501, 516 (перевод на англ. яз.), 516 (перевод на англ. яз.), 561, 580
«Расстаться должен я с тобою!...» – 92

Репейник и Фиалка («Между Репейником и розовым кустом...») – 584, 675 (а)

«Родятся лилии, родятся мухоморы...» – см. Надпись к портрету

Роза и Шмель («Прочь, наглый, прочь ты, Шмель! – вскричала утром Роза...») – 674 (а)

Романс («Где Дафнис? где он воспевае...») – 123, 137, 140

«Ругатель, клеветник на Эхо был сердит...» – см. Человек и Эхо

Ружье и Заяц («Трусливых наберешь немало...») – 173, 174, 192, 229, 234, 237 (рукоп. сб.), 289, 297, 394, 399, 581

Ручеек («Любовны утешенья...») – 79

Рысь и Крот («Когда-то Рысь, найдя лежащего Крота...») – 209, 230, 234, 243, 289–290, 395, 575, 582

С

«С восходом солнечным переходя лужок...» – см. Три путешественника

«С тех пор как нежный пол смеется сердца стонам...» – см. Надпись к Амуру

«С умом ли, Капля, ты? Меня пробить взялась!...» – см. Каменная гора и водяная капля

«С цветущей младости до серебряных влосов...» – см. Надпись к портрету Ивана Ивановича Шувалова

«С чего Конь пышет, ржет? – Гортань дерут Уздою...» – см. Узда и Конь

Садовая Мышь и Кабинетская Крыса («Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!...») – 675 (а)

«Садитесь, слушайте, я буду, как умею...» – 91

«Садовник сетовал, что долго плод не зреет...» – см. Плод

«Садовник, яблоко, отнял у Обезьяны...» – см. Человек, Обезьяна, Червь и Яблоко

Сверчки («Два обывателя столицы безымянной...») – 230, 235, 243, 290, 395, 582

«Свершилось. Расторгаю узы...» – см. К друзьям моим

«Свет полон чудачков: Медведь Лисе был друг...» – см. Своенравная Лиса

Светляк и Змея («Со светлым червячком встречается Змея...») – 584, 675 (а)

Своенравная Лиса («Свет полон чудачков: Медведь Лисе был друг...») – 675 (а)

«Священно дружество, о коль твой силен глас!...» – см. Любовь и дружество

«Се князь изображен Молдавский Кантемир...» – см. Надпись <к портрету> К.[нязю] Антиоху Дмитриевичу Кантемиру

«Се росс, агарян бич, сарматов покоритель...» – см. Надпись к его <Суворову> же портрету

А. Г. С<евериной> в день ее рождения («Вступая в новый год, любезная Климена...») – 138, 140, 166, 229, 288 (под загл. «К ней же, в день ее рождения»), 394, 581 (под загл. «А. Г. С. В день ее рождения»)

«Селящий на мешках славяно-русских слов...» – см. Пародия

«Сердися Лафонтен иль нет...» – см. Желания

- «Сестрица, душенька!» – «Здорово, братец мой!»...» – см. Амур и дружба
Сизой Голубочик. Песня – см. «Стонет сизой голубочик»
Сила Любви («Кто в страсти не ревнив? И можно ли дивиться...») – 96, 144, 165, 228, 237 (ркуп. сб.), 287, 393, 583*
- «Скажи мне, есть ли зверь...» – см. Мартышка и Лиса
«Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...» – см. Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве
«Скажи, мой друг, чистосердечно...» – см. Эпиграммы 10
«Скажите, батюшка, как счастья добиться?...» – см. Отец с сыном
Сказка («Ну, всех ли, милые мои, пересчитали?...») – 72, 78, 98
«Сколько счастлив тот, кто Дружбу знает!...» – см. Истукан дружбы
Скорбь и Фортуна («Отрады луч блеснул у Скорби на челе...?») – 674 (а)
«Скот глупый взял перед! и по какому праву?...» – см. Осел и Выжилица
«Скрипица пошлая упала и разбилась...» – см. Разбитая скрипка
Слабость («Мне Хлоя сделала решительный отказ...») – 165, 229, 288, 394,
Слепец и Расслабленный («И ты несчастлив!.. дай же руку!...») – 192, 230, 234, 243, 289, 297, 395, 582, 621
Слепец, Собака его и Школьник («Бедняк, живой пример в злосчастии смиренья...») – 633
Слон и Мышь («Как ни велик и силен Слон...») – 230, 234, 289, 395, 582
Слон и Обезьяна («Кто бы подумать мог? – Прелеста – обезьяна...») – 110 (с поздз. «Басня»)
«Слуга покорный тем и этим в тот же час...» – см. Амур в карикатуре
«Служитель муз, хочу я истины воспеть...» – см. Подражание одам Горация
«Случилось Кролику от дома отлучиться...» – см. Кот, Ласточка и Кролик
«Слушай всякий, кто с ушами...» – см. Будочник
«Смейтесь, смейтесь, что я шую...» – см. Надпись к портрету
Смерть и Умиравший («Одни охотник жить, не старее ста лет...») – 186, 192, 230, 235, 243, 289, 297, 395, 436, 553, 582
Смерть князя Потемкина («Уныл внезапно лавр зеленый...») – 61 («Песнь на кончину светлейшего Князя Потемкина Таврическаго»), 63 (под загл. «Песнь на кончину Князя Потемкина-Таврическаго»), 99 (под загл. «(«Песнь на кончину Светлейшего Князя Григорья Александровича Потемкина Таврическаго»)), 160, 164, 171, 227 (отсюда и далее под загл. «Смерть Князя Потемкина»), 286, 392, 432 (цитата)
«Сними с себя завесу...» – см. Карриатура
«Сними с себя платочек...» – см. Карриатура
«Со светлым червячком встречается Змея...» – см. Светляк и Змея
Собака и Перепел («За Перепелом Пес вдоль нивы крался летом...») – 585, 675 (а)
Совесть («Не тигр, а человек – и сын убил... отца!») – 139 (под загл. «Отцеубийца»), 164, 229, 234, 289, 395, 582
Совет – см. «Юность! юность! веселися...»
Сокращенный перевод Ювеналовой Сатиры о Благородстве («Скажи мне, Понтикус, какая польза в том...») – 164, 227, 286, 297, 392, 580, 925 (удивление Пушкина)
Сонет («Однажды дома я весь вечер просидел...») – 106
Спор на Олимпе («Прочь, слабое дитя...») – 165, 228, 287, 393, 583*
«Средь храма, ниц челом, Моллак молился вслух...» – см. Две молитвы
Стансы («Я шастлив был во дни невинности беспечной...») – 184, 192, 228, 235 (загл. снято), 288, 297, 300, 393, 502, 525 (под загл. «Рондо»), 583*
Стансы к Н. М. Карамзину («Прочь от нас, Катон, Сенека...») – 74 («Стансы»), 75, 78 («Стансы к Н...М...К...»), 98, 166 («Стансы к Н-М-К***»), 228 (под загл. «Стансы. К Н. М. Карамзину»), 235 (под загл. «Стансы. К Н-М-К***»), 275 (цитата), 288 (здесь и далее под загл. «Стансы. К Н. М. Карамзину»), 300, 364 (цитата), 393, 501, 580

Старик и трое Молодых («Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел...») – 98 (под загл. «Притча. Старик и трое молодых»), 102, 139 (с перв. строк. «Однажды старичок над заступом потел...»), 164 (с перв. строкой «Один старик в саду рыл яму и кряхтел...»), 213 (цитата), 230, 235, 243, 275 (цитата), 290, 296, 395, 526, 553, 582

«Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел...» – см. Старик и трое молодых

Старинная любовь. Баллада («Как мило жили в старину!..») – 192, 228, 236, 288, 393, 526, 552, 580

Старинная Песня – см. Песни: «Ах! когда б я прежде знала...»

Старинная шутка к портрету Н. М. Карамзина («Он дома – иль Шолье, иль Юм, или Платон...») – 147, 208

«Стены, дочь нежная, над урною отца!..» – см. Надгробия: Стихи на кончину фельдмаршала графа И. П. Салтыкова

Стихи в альбом Е. С. О. <гарёвой> («Поэту ль своего таланта не любить?...») – 228–229 (здесь и далее под загл. «К Альбому Е*, С*. О...й»), 288, 394, 581, 708

Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы («Кто росс – и ныне не воспещет...») – 85 («ода»), 87, 88, 98

Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол («Ты принял скиптр Екатерины...») – 115, 116

Стихи на всерадостный день рождения Ея Императорскаго Величества («В сей день, как Росс, простерши руки...») – 98, 102

Стихи на Высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова («О радость! дайте, дайте лиру...») – 135 (под загл. «Стихи На случай оказанной Его Императорским Величеством Высочайшей милости родственникам Стихотворца Ломоносова, исключением их из подушного оклада»), 137–138, 140, 143, 227, 392, 580

Стихи На случай оказанной Его Императорским Величеством Высочайшей милости родственникам Стихотворца Ломоносова, исключением их из подушного оклада – см. Стихи на высокомонаршую милость, оказанную императором Павлом Первым потомству Ломоносова

Стихи на игру господина Геслера, славного органиста («О Геслер! где ты взял волшебное искусство?...») – 98, 102

Стихи на кончину доктора Ви́ра («Что вижу? злая смерть днесь косу поднимает...») – 33

Стихи, на кончину Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова. К Прасковье Ивановне Мятлевой («Стены, дочь нежная, над урною отца!..») – см. Надгробия

Стихи на победу графа Суворова-Рымникскаго, одержанную над польскими войсками, когда он в три дни перешел семьсот верст («Не твоего ль, Израиль, сына...») – 87, 88, 98

Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи («Всяк подвиг Божеству возможен...») – 96, 98

Стихи на присоединение польских провинций и Курляндскаго герцогства к Российской Империи – см. Стихи на присоединение польских провинций, Курляндии и Семигалии к Российской империи

Стихи по просьбе одной матери на двух ее детей («Прочь, затеи стихотворства!..») – 98, 103

«Столица роскоши, искусства и наук...» – см. История

«Стонет сизый голубочек...» – см. Песни

«Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...» – см. Надписи к Амуру

«Суворова здесь лик. искусство начертало...» – см. Надпись к портрету князя Итальяского

Суп из костей («О времена! о времена!..») – 192, 230, 234, 289, 395, 582

Супружняя молитва («Один предобрый муж имел обыкновенье...») – 161, 165, 229, 255, 288, 363, 394, 583*

«Счастливый Писарев! Мне ль, старцу, близ могилы...» – см. В альбом г-жи Иванчиной-Писаревой

Счет поцелуев («Прелестна Лизонька! на этом самом поле...») – 55, 98, 155, 165, 228, 287, 393, 583*

«Сын севера! суров и хладен твой климат...» – см. Равновесие

«Сыны Османовы вопили: “Мщенье, мщенье!..”» – см. Дух смирения

Т

- «Таланты все в родстве; источник их один...» – см. В альбом Шимановской
 «Темира! виноват; ты точно отгадала...» – см. Признание
Тибуллово Элегия («Пускай кто многими землями обладает...») – 100 (под загл. «Подражание первой Тибулловой элегии»), 101 (здесь и далее под загл. «Тибуллово Элегия»), 123, 165, 217 (цитата), 228, 287, 298, 393, 581 (под загл. «Элегия. Подражание Тибуллу»)
 «Тигр, ужас всех зверей, подняв кровавы взоры...» – см. Преступления
 «Тише, ласточка болтлива!..» – см. Песни
Три льва («Его величество Лев сильный, царь зверей...») – 192, 230, 234, 252, 289, 395, 575, 584*
Три Путешественника («С восходом солнечным переходя лужок...») – 230, 235, 290, 395, 582
Триссотин и Вадиус («Вы истинный поэт...») – 207, 227, 255, 281, 287, 363, 392, 581
 «Трусливых наберешь немало...» – см. Ружье и Заяц
 «“Ты все с утятами”. – “Кому ж ходить за ними?”...» – см. Курица и утята
 «Ты клялась мне, ты божилась...» – см. Песня
 «Ты книги всё грызешь: дивлюсь твоей охоте!..» – см. Садовая Мышь и кабинетская Крыса
 «Ты ль это, Буало? Какой смешной наряд!..» – см. Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poétique»
 «Ты принял скиптр Екатерины...» – см. Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский, престол
 «Тьфу, к черту, – муж сказал жене...» – 90

У

- «У Льва родился сын. В столице, в городах...» – см. Воспитание Льва
 «У сетки сторожа добычу. Птицелов...» – см. Змея и Птицелов
 «Убийца, чтоб спастись от строгости судей...» – см. Утопший убийца
 «Увы, – Дамой кричит, – мне Нина неверна!..» – см. Эпиграмма
 «Уж ночь на. Петербург спустила свой покров...» – см. Картина
 «Уже опять орлы российски...» – см. Быль
Узда и Конь («С чего Конь пышет, ржет? – Гортань дерут Уздою...») – 675 (а)
 «Уймися Яровой! во век тебе не быть...» – 634
 «Умен ли я, никем еще в том не уверен...» – см. Я
 «Умолк Соловушка! Конечно, бедный, болен...» – см. Воробей и Зяблица
 «Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь...» – см. Идиллия
 «Уныл внезапно лавр зеленый...» – см. Смерть князя Потемкина
 «Утешно вспоминать под старость детски леты...» – см. Воздушные башни
Утопший убийца («Убийца, чтоб спастись от строгости судей...») – 675(а)

Ф

- Филемон и Бавкида* («Ни злато, ни чины ко счастью не ведут...») – 192, 229 (в рубрике «Сказки»), 288, 394, 581

Х

- Хлеб и Свечка* («Прочь, дале! близ тебя лежать я не хочу...») – 675 (а)
 «Хорош бы Фока был, да много говорит...» – см. Эпиграмма
 «Хорош бы Хватов был...» – см. Эпиграмма: «Хорош бы Фока был, да много говорит...»
 «Хотел бы Лизу я иметь моей женой...» – см. Эпиграммы
 «Хотя Надежда ввек...» – см. Надежда и Страх

Ц

«Цама! не мори...» – см. Песни

Царь и два Пастуха («Какой-то государь, прогуливаясь в поле...») – 159, 165, 230, 235, 243, 290, 296, 395, 516 (перевод на англ. яз.), 553, 575, 582, 682 (перев. на фр. яз.)

Цвет и Плод («Цветной горох под суд хозяина попал...») – 675 (а)

«Цветной горох под суд хозяина попал...» – см. Цвет и Плод

«Целуйте вы сей лик...» – см. К портрету графа Витгенштейна

Ч

Чадолубивая мать («Мартышка, с нежностью дитя свое любя...») – 675 (а)

Часовая Стрелка («Кто равен мне? Солдат, любовник, сочинитель...») – 192, 229, 234, 289, 394, 581

«Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?...» – см. В. В. И<змайлову>

«Чей это, боже мой, портрет?...» – см. Надпись к портрету

Челнок без весла («По ветру, без весла Челнок помчался в море...») – 675 (а)

Человек и Конь («Читатели! Хотите ль знать...») – 192, 229, 234, 289, 394, 581

Человек и Эхо («Ругатель, клеветник на Эхо был сердят...») – 192, 230, 234, 289, 395, 584*

Человек, Обезьяна, Червь и Яблоко («Садовник, яблоко отняв у Обезьяны...») – 675 (а)

Чепуха («Дай в шутку напишу Парнас в Карикатуре...») – 91, 634, 681

Червонец и Полушка («Не ведаю, какой судьбой...») – 49, 55, 155

Черепаша («“Над Черепашою нельзя не прослезиться”...») – 675 (а)

«Честон был поражен кинжалом, но слегка...» – см. Клевета

«Чиж, в птичник залетя, прельстился им как раем...» – см. Ошибка Чижа

«Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет...» – см. Чижик и Зяблица

Чижик и Зяблица («Чиж свил себе гнездо и, сидя в нем, поет...») – 72 (под загл. «Чиж» и с подз. «Подражание»), 72 (чижик), 78, 81, 98, 139, 164, 229, 234, 243, 289, 394, 526, 575, 581

«Читатели! Хотите ль знать...» – см. Человек и Конь

«Что вздумалось тебе сухие апологи...» – см. Автор и Критика

«Что вижу? злая смерть днесь косу поднимает...» – см. Стихи на кончину доктора Вира

«Что вижу? Истукан мой в праже! Мшенье, мшенье...» – см. Ниспроверженный Истукан

«Что за диковинка? лет двадцать уж прошло...» см. Чужой толк

«“Что за журнал?”...» – см. На журнал «Новости литературы»

«“Что легче перышка?” – “Вода”, – я отвечаю...» см. Эпиграмма

«Что мне зима? – сказал Подснежник, ранний цвет...» – см. Подснежник

«Что мне об ней сказать?...» – см. Надпись к портрету

«Что может более порадовать певца...» – см. К графу Н. П. Румянцеву

«Что пред соперницей Эраты наше пенье!...» – см. К альбому кн. Н. И. К.<уракиной>

«Что с тобой, любезна, стало?...» – см. Песня для двух голосов

«Что с тобою, ангел, стало?...» – 115, 300

«Что сделалось с тобою ныне?...» – см. Чужеземное растение

«Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...» – см. Экспромт

«Что слышу?... О, приятна весть!...» – см. К честному человеку

«Что ты так грустишь Ванюша?...» – 92

Чужеземное растение («Что сделалось с тобою ныне?...») – 548, 674 (а)

Чужой толк («Что за диковинка? лет двадцать уж прошло...») – 83, 98, 148, 164, 227, 254, 281, 286, 392, 568, 580

«Чума и смерть вошли в великолепный град...» – см. Быль

Ш

Шарлатан («Однажды Шарлатан во весь горланил рот...») – 123, 128, 139, 165, 230, 234, 237 (рпк. сб.), 289, 395, 584*, 644

«Шмель, роясь в навозе...» – см. Пчела, Шмель и Я

Щ

Щастливец («Блажен тот муж, кто к Безбородке...») – 115, 207

Э

Экспромт («Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный...») – 140, 143, 160, 166 (здесь и далее под загл. «Экспромт на игру Дица»), 228, 288, 393, 583

Элегия («Возьмите, боги, жизнь, которую вы мне дали!...») – 136 («Элегия»), 137, 140, 143

Элегия («Коль надежду истребила...») – 79 (под загл. «Песни»), 90, 114 (в рубрике «Песни нежные»), 159 (под загл. «Жалоба на отказ»), 165 (здесь и далее под загл. «Элегия»), 228, 287, 296 (цитата), 393, 583*

Элегия. Подражание Тибуллу («Пускай кто многими землями обладает...») – см. Тибуллова Элегия
Эпиграмма («Ланцетина души разрушилась обитель...») – 633

Эпиграммы:

«Азор смеется надо мною...» – 34 (под загл. «Эпиграмма 3»)

«Дамон! Кто бытию Всевышняго не верит...» – 98, 103,

«За что Ликаста осуждают...» – 33 (под загл. «Эпиграмма 2» и перв. строкой «Почто Софрона осуждают...»), 34 (под загл. («За что Ликаста осуждают...»), 98, 165, 227, 287, 392, 582*

«Завидна, – я сказал, – Терситова судьбина...» – 98, 103, 165, 227, 254, 287, 299, 392, 582*

«Как! Рифмин жив еще и телом и душой?...» – 193, 227, 287, 392, 582*

«Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова...» – 88

«Кто как ни говори, а Нина бесподобна!...» – 193, 227, 287, 392, 582*

«Кто хочет, тот нещастья трусь!...» – 58, 155

«Леандр, в последний раз возникнув из валов...» – 123, 165, 228, 288, 394, 583*

«Мне лекарь говорил: “Нет, ни один больной...”» – 60, 98, 165, 227, 281, 287, 363, 392, 582*

«О Бардус! не глуши своим нас лирным звоном...» – 73, 74 («прекрасная эпиграмма»), 78 (с первой стр. «О Клюквин! не глуши своим нас лирным звоном...»), 98 (с первой стр. «О Клюквин! не глуши...»), в рубрике «Эпиграммы»), 165, 227, 254, 287, 299, 392, 582*

«О, тяжкой жизни договор!...» – 207, 227 (под загл. «Эпиграмма на дурные оды, по случаю рождения именитой особы»), 287 (загл. снято, в рубрике «Эпиграммы»), 392 (под загл. «Эпиграмма на дурные оды, по случаю рождения именитой особы» в рубрике «Эпиграммы»), 582*

«“Он врал – теперь не врет”...» – 98, 159, 227, 287, 392, 582*

«Поверю ль я тебе, Кощей...» – 56, 155

«Подзобок на груди и, подогнув колена...» – 207, 227, 287, 363, 392, 582*

«“Почто ты Мазона, – мой друг, не прочитаешь?”...» – 56, 155

«Поэт Оргон, хваля жену не в меру...» – 174, 193, 227, 254, 281, 287, 299, 392, 582*

«Скажи, мой друг чистосердечно...» – 34 (под загл. «Эпиграмма 4»)

«Увы, – Дамон кричит, – мне Нина неверна!...» – 165, 287, 392, 582*

«Хорош бы Фока был, да много говорит...» – 123, 165, 227, 287, 392, 582*

«Хотел бы Лизу я иметь моей женой...» – 34 (под загл. «Эпиграмма 1»)

«Что легче перышка...» – 193, 227, 287, 299, 392, 582*

«“Я разорился от воров!”...» – 165, 214, 227, 254, 287, 297, 299, 392, 525, 582*

Эпиграмма на перевод поэмы «L'art poétique» («Ты ль это, Буало? Какой смешной наряд!...») – 211

Эпиграмма на притчу «Госпожа и ткачи», напечатанную в одном журнале («Без имя Рифмодей глумился сколько мог...») – 190, 208

Эпитафия («В надежде будущих талантов...») – 123 (под загл. «Надгробие»), 166, 228, 288, 393,

Эпитафия («Здесь Бригадир лежит...») – 166, 228, 255, 281, 288, 299, 393, 581

- Эпитафии*. I. От супруга («И ангел во плоти...») – 633
- Эпитафии*. II. Наполеону – 505, 633
- Эпитафия* («Когда и дружество струило слез потоки...») – см. Надгробия: Матери и Сыну
- Эпитафия* («Под холодной кочкой сей Вралева хладный прах...») – 193 (см. Дополнения к первой части), 237, 288, 393,
- Эпитафия* («“Полвека стан его возили в сей юдоле!”...») – 193 (в рубрике «Надгробия»), 228, 288, 393,
- Эпитафия* («Прохожий, стой! во фронт! скинь шляпу и читай...») – 193, 228, 255, 281, 288, 299, 393, 581. 626
- Эпитафия* («Увы! здесь погребен мой милый попугай...») – 193 (см. Дополнения к первой части), 237, 288, 393
- Эпитафия Младенцу* («Коль дружество сии начертывая строки...») – 98, 553
- Эпитафия Эпитафиям, сочиненная одним из Авторов Эпитафий* («Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих...») – 163, 166, 228, 288, 393, 583*

Ю

- «Юность, юность! веселися...» – см. Песни
- «Юпитер Коршуну сказал: “Твоя чреда...”» – см. Орел и Коршун
- «Юпитеров Орел за облака взвивался...» – см. Орел и Каплун

Я

- Я* («Умен ли я, никем еще в том не уверен...») – 56, 155,
- «Я лучшей не могу хвалы ему сказать...» – см. К портрету М. Н. Муравьева
- «Я моськой быть желаю...») – 114 (в рубрике «Песни сатирические»), 115
- «Я не архангел Гавриил...») – см. К Маше
- «“Я разорился от воров!”...») – см. Эпиграмма
- «Я счастлив был во дни невинности беспечной...») – см. Стансы
- «“Я царь земной!” – Порок в надменности изрек...») – см. Порок и Добродетель
- «Янтарная заря, румяный неба цвет...») – см. <К портрету П. И. Шаликова>

**УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII И 1-Й ТРЕТИ XIX ВВ., СОДЕРЖАЩИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И. И. ДМИТРИЕВА И ОТЗЫВЫ О НЕМ
(1777–1837 гг.)**

- Аглая (Москва, 1794–1795; изд. Н. М. Карамзиным):
1794. Кн. 1 – 76, 78, 80–81
- Альциона, альманах на 1832 год. Изд. бароном Розеном (Петербург, 1832) – 735
- Аониды, или Собрание разных новых стихотворений, (Москва, 1796–1799; изд. Н. М. Карамзин):
1797. Кн. 2 – 81, 82, 122, 123–124, 446
1798–1799. Кн. 3 – 135, 136
- Бабочка. Дневник новостей, относящихся до просвещения и общежития (1829–1831; изд. В. С. Филимонов) – 698
- Благонамеренный. Ежемесячный журнал (Петербург, 1818–1826; изд. А. Е. Измайлов) – 369, 386, 412 (рец. на 5-е изд.), 588 (о выходе 6-го изд. соч.)
- В удовольствие и пользу. Труды воспитанников Университетского Благородного Пансиона (М., 1810) – 259
- Венера, или Собрание стихотворений разных авторов (М., 1831. Ч. 1–4) – 717 («Амур и Дружба»)
- «Весенние Цветы, ил Собрание романсов, баллад и песен А. Пушкина, Жуковского, Козлова, Баратынского, Туманского, Ф. Глинки, Ознобишина, Раича, Маркевича, Вяземского и пр.» (М., 1835) – 791 («Плач Матери»)
- Вестник Европы, журнал, (Москва, 1802–1830) – 158, 159, 161, 163, 164, 170, 174, 195, 200, 209, 236, 254, 282, 414
- Вестник Естественных Наук и Медицины, издаваемый Доктором Медицины Александром Иовским (1828. № 5. Сентябрь. С. 417–428) (перев. из Мерсье: «Анатомический Амфитеатр») – 694
- Войцехович, Иван П. Происшествия из скандинавской истории VIII века... (М., 1821) – 507 (отр. из стихотв. Дмитриева «Песнь на коронавание ... Государя Императора Александра I...»)
- Вяземский, кн. П. А. Известия о Жизни и Стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева – 519, 580, 589, 594 («жизнь Дмитриева»)
- Дамский Журнал, (Москва, 1823–1833; изд. кн. П. И. Шаликов) – 570, 571, 607, 686 (четверостиш. А. А. Волкова), 753 (1833, стих-е кн. П. И. Шаликова), 754 (стих-е кн. Д. И. Хвостова)
- Грамматин Н. Ф. Досуги Грамматина. Книга первая (СПб., 1811. С. 5–7: посвящение И. И. Дмитриеву) – 251
- Грамматин Н. Ф. Стихотворения (СПб., 1829. Ч. 2) – 456 («Картон», перевод посвящен И. И. Дмитриеву).
- Греч Н. Н. Опыт краткой истории русской литературы (СПб., 1822) – 531
- Драматический Вестник (Петербург. 1808. Ред. П. А. Шаховской; издатели и главные сотрудники: И. А. Крылов, А. И. Писарев, Д. И. Языков, С. Н. Марин) – 211
- Друг Просвещения. Журнал Литературы, наук и художеств (Москва, 1804–1806; издатели: гр. Д. И. Хвостов, П. И. Голенище-Кутузов и гр. Г. С. Салтыков и Н. Н. Сандунов) – 172 (автограф Ломоносова),
- Друг Юношества (Москва, 1807–1815; изд. Максим Ив. Невзоров) – 265 (два стих. кн. Шаликова)
- Европеец, журнал наук и словесности, изд. И. Киреевским (Москва, 1832; изд. И. Киреевский) – 735
- Журнала для милых на 1804 год (Москва; изд. М. Н. Макаров) – 176
- Журнал Новостей (Москва, с фр., получивший с 3-й книжки заглавие: «Журнал различных предметов словесности»; 1805) – 178
- Зеркало Света (Петербург; 1786–1787, издатели: Ф. О. Туманский и И. Ф. Богданович) – 37

- Иванчин-Писарев Н. Д. Дух Карамзина, или избранные мысли и чувствования сего писателя. С прибавлением некоторых обозрений и исторических характеров (М., 1826. Ч. 1. С. 28–29) – 250 (О Дружбе)
- Избранные места из Русских Сочинений и Переводов в Стихах и Прозе, изданный Андреем Вербицким («Харьков, 1823. Ч. 1–2») – 574
- Кабинет Аспазии. Литературный Журнал (Петербург, 1815; издатели: Б. М. Федоров и В. Бахирев) – 295–296, 297
- Казанский Вестник (Казань, 1821–1833; изд. Имп. Казанского универс.) – 630
- Календарь Муз на 1826 год, изданный А. Измайловым и П. Яковлевым (Петербург, 1826) – 656
- Карманный песенник, или собрание лучших светских и простонародных песен (Ч. 1–3), изд. И. И. Дмитриев (Москва, 1796) – 114–115
- Карманная Библиотека Аонид, собранная из некоторых лучших писателей нашего времени и расположенная по новому методу, с присовокуплением надписей к их портретам, характеристики и биографии каждого, Иваном Георгиевским (Петербург, 1821) – 525
- Книжечка для прекрасного пола и молодых мужчин (М., 1819; пер. с нем. яз.) – 436
- Листки Граций, или Собрание стихотворений для альбомов (М., 1829) – 708
- Литературная Газета (Петербург, 1830–1831; издатели: бар. А. А. Дельвиг, затем О. М. Сомов) – 711
- Литературные Листки – 589 (рецензия Булгарина на 6-е изд. соч.), 607
- Литературные Прибавления к «Русскому Инвалиду» (Петербург, 1831–1839; издатели: А. Ф. Воейков, с 1837 А. А. Краевский) – 731 (рец. на выход «Северных Цветов на 1832 год»), 795 (1836. № 25. С. 193: ошибочно приписанная эпиграмма «За Эвридикой...»),
- Литературный Музеум на 1827 год, Владимира Измайлова (Москва, 1827) – 634, 679–680
- Модный Вестник (Москва, 1816) – 341
- Московский Альманах для Прекрасного Пола на 1826 год, изданный Сергеем Глинкою (Москва) – 636, 646
- Московский Вестник (Москва, 1827–1830; изд. М. П. Погодин) – 712 (Ч. II. № 8. С. 383–399: статья Погодина в защиту «достойных писателей», среди которых назван и И. И. Дмитриев)
- Московский Журнал (Москва, 1791–1793(?); изд. Н. М. Карамзин) – 49, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69–70, 155 – 156 (изд. 2-е), 160 (изд. 2-е), 170 (изд. 2-е)
- Московский Зритель (Москва, 1806; изд. кн. П. И. Шаликов) – 194, 198, 203
- Московский Курьер (Москва, 1805–1806; изд. С. М. Львов) – 193
- Московский Меркурий (Москва, 1803–1804; изд. П. И. Макаров) – 164, 167, 169, 174
- Московский Наблюдатель (Москва, 1835–1839; ред.-изд. В. П. Андросов (1835–1837)) – 796 (1836. Кн. 2. С. 372–373; «объяснение» Дмитриева по поводу публ. в «Лит. Прибавл.»), 809 (1836. Ч. 9. Кн. 2. С. 457–458; стих. послан. Стромилова)
- Московский Телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств (Москва, 1825–1834; изд. Н. А. Полевой) – 237, 549, 633, 682, 707 (1829. Ч. 26. С. 128–129: стих. А. А. Волкова «К И. И. Дмитриеву»), 710 («ругает без памяти ... И. И. Дмитриева»)
- Московские Ведомости, газета (1756–1894) – 238, 326
- Муза. Ежемесячное издание на 1796 г. (Петербург; изд. И. И. Мартынов) – 104, 106 (Ч. 2), 110 (Ч. 4),
- Невский Альманах на 1831 год. Издан Егором Аладыным (Петербург) – 720 (надпись к гравюре: «Итак, Климена! Ты теперь уже спокойна»)
- Невский Зритель – 525
- Новое Собрание образцовых Русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год. Изданное Обществом любителей Отечественной словесности (СПб., 1821. Ч. 1–2) – 526
- Новое собрание русских анекдотов или прибавлений к 5-ой части русских анекдотов, изданных Сергеем Глинкою (М., 1829. С. 93–97: об отроческих летах И. И. Дмитриева) – 708

- Новости Литературы – 83, 547, 552, 591 (статья Воейкова на выход 6-го изд. соч. Дмитриева)
- Новости Русской Литературы (Москва, 1802 – по июль 1805; редакторы: П. А. Сохацкий и с 1804 П. В. Победоносцев) – 178, 179 (эпиграмма «На журнал Новости Литературы»), 207 (эпиграмма «На журнал Новости Литературы»)
- Опыт Руской Анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписи, аполлоги и некоторые другие мелкие стихотворения. Собрано Михаилом Яковлевым. Издано Иваном Слениным (СПб., 1828) – 237, 682,
- Отечественные Записки – 589 (цитата из стихотворения «К Волге»)
- Отечественный памятник, посвященный дружелюбному соединению российских и польских народов, 1817 года. Периодическое сочинение, составленное в Орле титулярным советником Фердинандом Орля-Ошменьцом (М., 1817–1818. Кн. 1–3) – 363–364
- Памятник Отечественных Муз. Изданный на 1827 год Борисом Федоровым (Петербург) – 87, 236, 564, 632, 673
- Пантеон Русской Поэзии, издаваемый Павлом Никольским (Петербург):
- 1814:
- Ч. 1. (Кн. 1–2) – 254, 281–282;
- Ч. 2. (Кн. 3–4) – 281–282;
- Ч. 4. (Кн. 7) – 293;
- Ч. 5. (Кн. 9–10) – 296–297
- 1815:
- Ч. 6. (Кн. 11–12) – 297
- Патриот. Журнал воспитания на 1804 год (Москва; изд. В. В. Измайлов) – 177
- Полярная Звезда, Карманная книжка на.... Для любительниц и любителей русской словесности. Изданная А. Бестужевым и К. Рылевым (Петербург, 1823–1825) – 550–551 (на 1823 г.), 621 (на 1825 г.), 633 (на 1825 г.),
- Приятное и Полезное препровождение времени (Москва, 1794–1798, при каждом № «Моск. Вед.»; редакторы: В. С. Подшивалов и П. А. Сохацкий) – 76, 79 (Ч. 1), 81 (Ч. 2), 86 (Ч. 4), 87 (Ч. 4), 88 (Ч. 1), 89 (Ч. 1), 90 (Ч. 1), 95 (Ч. 6), 96 (Ч. 6), 97 (Ч. 6), 100 (Ч. 8), 101 (Ч. 8), 102 (Ч. 8),
- Российский Магазин (Петербург, 1792–1794; изд. Ф. О. Туманский) – 70 («...бедной Туманской хотел зацепить меня в своем Журнале»)
- Российской Музеум, или Журнал Европейских Новостей (Москва, 1815; изд. В. В. Измайлов) – 87, 295, 296, 297
- Русская стихотворная хрестоматия, сост. Василий Золотов (Петербург) – 211
- Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. Изд. Ф. Булгариным, альманах (Петербург) – 613
- Руской Вестник, издаваемый Сергеем Глинкою на... (Москва): – 214, 231, 254 (1811), 300 (1815) «О напечатании третьего издания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева» (1810. Ч. 12. № 10) – 231
- «Стихи Дмитриеву» (1811. Ч. 13. № 3. С. 3–8) – 254
- «Стихи Дмитриеву» (1815. № 4. С. 66–69) – 300
- «Послание к И. И. Дмитриеву, по случаю сделанного ему Высочайшего препоручения о рассмотрении прошений неимущих Московских жителей» («Сколь сладостное утешение...») (1816. № 9) – 328
- Санктпетербургския Ведомости» (газета (1728–1894) – 761
- С. Петербургский Меркурий (Петербург, 1793. Издатели: И. А. Крылов и А. И. Клушин) – 71, 72
- Санктпетербургския Ученыя Ведомости на 1777 год (Петербург, 1777; изд. Н. И. Новиков) – 28, 29
- Северные Цветы, собранные бароном А. А. Дельвигом, альманах (Петербург) – 552 (на 1826 г.), 632 (на 1826 г.), 633 (на 1826 г.), 634 (на 1832 г.), 728 (на 1832 г.; «Василию Андреевичу Жуковскому»)

- Северный Вестник (Петербург, 1804–1805; изд. И. И. Мартынов) – 174, 186
- Северный Меркурий (Петербург, 1805 (вышло всего 5 номеров); изд. В. Ф. Вельяминов-Зернов) – 178
- Сельский работник, Поэма Роберта Блумфельда. Перевод с французского [М. Ошанина] – 216
- Свиньин, П. П. Ермак или покорение Сибири» (СПб., 1834. Ч. 1–4) – 767 (эпиграф из Дмитриева)
- Собеседник Любителей Российского Слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых Российских писателей (Петербург, 1783–1784; «издание осуществлено иждивением Императорской Академией Наук, по мысли директора Академии княгини Е. Р. Дашковой, при постоянном сотрудничестве имп. Екатерины II». Редактор: О. П. Козодавлев) – 34
- Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности (Петербург)
1815. Ч. 1–3 – 299–300
1815. Ч. 5 – 296–297
1817. Ч. 6. – 363
- «Собрание Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности. Изд. 2-е, исправленное, умноженное... (СПб., 1822. Ч. 3–6):
- Ч. 3. – 552–553;
- Ч. 4. – 553;
- Ч. 5. – 553;
- Ч. 6. – 553.
- «Собрания Образцовых русских Сочинений и Переводов в Стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год, изданное Обществом любителей отечественной словесности» (1821. СПб. Ч. 1–2) – 501 (Ч. 1), 502 (Ч. 2)
- Собрания Российских Стихотворений. В пользу юнства, воспитываемого в учебном округе Виленского университета (Вильно, 1827) – 680
- Собрание Русских Стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцов российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским (Москва)
- Ч. 1–2. 1810 – 235–236
- Ч. 3–5. 1811 – 242 (Ч. 3), 254 (Ч. 4–5)
- Ч. 6. 1815 – 300
- Современник (Петербург, 1836–1866; ред.-изд. Пушкин (1836–1837)) – 829 (1837, посл. Шаликова)
- Современники, Собрание литографических портретов, государственных чиновников, писателей и художников, ныне в России живущих... (СПб., 1822–1824) – 554
- Соревнователь Просвещения и Благотворения (1823. Кн. 11) – 584 (о выходе в свет 6-го изд.)
- Сочинения Князя Шаликова. Ч. 2. Стихи. (М., 1819. С. 215–216) – 277
- Сын Отечества. Исторический, политический и литературный журнал (Петербург, 1812–1837) – 365, 402 (рецен. на 5-е изд.), 442 (надпись Иванчина –Писарева), 584 (сообщ. о выходе в свет 6-го изд. соч.)
- Талия, или Собрание разных новых сочинений в стихах и прозе, изд. А. П. Беницким (Петербург, 1807) – 208
- Технологический Журнал, издаваемом нашею Академиею Наук (Петербург) – 177
- Труды Казанского Общества Любителей Отечественной Словесности (Ч. 1-я. Казань, 1815) – 296
- Труды Общества любителей российской словесности (М., 1812. Ч. 1. Кн. 1. С. 17–52) – 254
- Украинский Вестник (1818. Июнь. С. 103) – 382 (надпись Н. Ф. Грамматина)
- Улей. Помесячное издание (1811–1812; изд. В. Г. Анастасевич – 238
- Утра, Еженедельное издание, или Собрание разнаго рода новейших сочинений и некоторых пере-

водов в стихах и прозе с приобщением известия о всех выходящих вновь в Санктпетербурге Российских книгах (Петербург, 1782 (с мая по октябрь); изд. П. А. Плавильщиков) – 33, 34

Утренние Часы (Петербург, 1788–1789; изд. И. Г. Рахманинов) – 49

Учебная книга Российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики, пиитики и истории Российской словесности (СПб., 1820. Ч. 3. С. 262) – 211

Чтения в Беседе Любителей Русского Слова (1811–1816) – 263 (послание гр. Д. И. Хвостова)

Цветник, изд. А. Ф. Воейков (Петербург. 1809–1810; издатели: А. Е. Измайлов и А. П. Беницкий, П. А. Никольский) – 231

«Poetische Erzeugnisse der Russen. Eine Versuch von Karl Fridrich von der Borg» (Th. I. Derpt, 1820; Th. II. Riga, Derpt, 1823) – 486

«Les Veillées Russes, par M. Huguin de Guerle. Paris, 1827» (Эжен де Герл «Русские Предтечи») – 682 (перевод (в стихах) стих-я Дмитриева «Царь и два пастуха»; «Le tzar et les deux bergers, conte qui n'en est pas un, imité de Dmitrieff»).

«Poetical Translations from the Russian Language/ By William Henri Saunders... London, 1826» (перевод «Ермака»: «Ermak, by Demetrief» (p. 7–16)) – 674

«Rossiskaja Antologija. Specimens of the Russian Poets: With preliminary Remarks and biographical Notices. Translated by John Bowring... London 1821» – 516 (1-й том)

«Rossiskaja Antologija: Specimens of the Russian Poets: with the introductory Remarks. Part the second... London 1823» – 586 (2-й том), 607

«The Russian Troubadour...» («Русский трубадур...») – 333 (перевод песни «Стонет сизой голу-бочек...»)

«The Universal Review» («Всемирное обозрение»)(1825. Т. II, № 6, p. 692) – 643 (отзыв о Дмитриеве; ошибочно назван: «Диницев»)

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
(в указателе не включены упоминания Москвы и Петербурга)

- Або – 213
 Авдотьино, с. – 64,
 Австрия – 484
 Азия – 615
 Александрия, г. – 464
 Алексеевская ул. (Москва) – 31
 Америка – 162
 Амстердам, г. – 48
 Англия – 332, 452, 456, 457, 471
 Анкона – 739
 Арбат – 692 («Троица на Арбате»)
 Аргос – 497
 Арзамас, г. – 335, 336, 508
 Архангельск, г. – 692, 722
 Архангельское, с. – 352
 Астрахань, г. – 81, 82, 85, 118, 119, 352, 603
 Астраханская губ. – 336
 Афины, г. – 432
 Ахен, г. – 388, 415
 Батавия – 162
 Белев, г. – 176, 184, 188, 191, 199, 201, 202, 275, 661
 Белоруссия – 464, 495
 Бельгия – 739
 Белый Ключ, дер. в Симб. губ. – 603
 Берлин – 279, 479, 772, 773
 Богородское (Богородицкое), с. (Сызран. округа, Симб. губ.) – 17, 18, 20, 22, 24, 27 (отчизна), 28, 60, 61, 62, 63, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 106, 107, 108, 109, 110, 148, 149, 150, 157, 175, 213, 267, 269, 275 («дом, который был моим ровесником...»), 296, 375, 434, 435, 436, 576, 644, 705, 741, 745, 828
 Богоявленское, с. (Сызран. округа, Симб. губ.) – 34
 Болдино, село в Нижегородской губ. – 716, 717
 Бордо, г. – 658, 660
 Бортное, с. – 614
 Босфор, прол. – 348, 503
 Бразилия – 162
 Бронницкий уезд (Москов. губ.) – 381
 Бузулукская округа (Оренб. губ.) – 34
 Буюкдере, дер. близь Константинополя – 348, 349, 378, 383, 390, 427, 428, 432, 439, 500
 Бурбон, остр. – 138
 Вальпарезо, г. – 162
 Варшава, г. – 86, 87, 371, 372, 373, 374, 375, 377, 382, 383, 385, 386, 389, 390, 391, 397, 400, 401, 402, 405, 412, 413, 414, 415, 416, 418, 422, 423, 429, 432, 442, 444, 445, 446, 450, 451, 453, 454, 458, 460, 461, 462, 463, 465, 467, 468, 472, 473, 476, 478, 479, 480, 484, 485, 490, 491, 501, 506, 524, 622, 702, 729, 744
 Васильевка, с. (Полтавская губ.) – 743, 747, 748
 Васильков – 130
 Васильковский повет – 131
 Великая, р. – 821
 Вена, г. – 404, 449, 473, 485, 686
 Венецианская республика – 649
 Венеция, г. – 486, 747
 Верей – 685
 Верона, г. – 559
 Верхняя Елшанка, с. (Симб. губ.) – 19
 Вильно, г. – 678
 Висла, р. – 444
 Витебск, г. – 496
 Витебская губ. – 744
 Владимир, г. – 261
 Воздвиженское, с. – 336
 Волга, р. – 74, 79, 81, 83, 436, 570, 603, 604, 627, 643
 Вологда, г. – 232, 654
 Воробьевы Горы (Москва) – 379
 Выборг, г. – 46
 Вышний Волочок, г. – 97, 246
 Галич, г. – 779
 Гатчина, г. – 327, 329, 437, 476, 500, 577, 607, 635, 636, 637, 819
 Геркуланум, г. – 503
 Германия – 52, 83, 311, 376, 381, 386, 404, 414, 456, 593, 618, 628, 638, 740, 746, 821
 Гёттинген, г. – 182, 183, 186, 212, 218, 221, 222, 244, 251, 253, 618
 Голландия – 400
 Греция – 432, 439, 519
 Грузия – 705
 Грязовец – 693
 Даниловское, с. (Новгородская губ.) – 352
 Данциг, г. – 47

- Дерпт, г. – 305, 320, 340, 413, 429, 486, 702, 740, 743, 745, 749, 757, 761, 762, 763, 765, 766
- Динабург, г. – 759
- Дмитров, г. – 337
- Доброй Надежды мыс – 162
- Дон, р. – 24,
- Донков, г. – 376
- Дрезден, г. – 672, 676, 685, 767
- Женева, г. – 613, 654, 761, 763, 765
- Женевское озеро – 772
- Задонск, г. – 412
- Зарайск, г. – 683
- Засарье, с. – 25
- Захарьевская ул. (Петербург) – 325
- Званка (Новгород. губ., имение Г. Р. Державина) – 187
- Знаменское (Карамзино тож), с. (Симб. губ.) – 19, 33, 34
- Знаменское, с. (Орлов. губ.) – 74, 76, 80, 81, 84, 85, 96, 97, 99, 100, 101, 108, 109,
- Знаменское, с. (близь Петергофа) – 656
- Европа – 400, 461, 472, 476, 503, 505, 615, 741, 742, 772
- Египет – 437, 439, 519
- Эфес – см. Эфес
- Иерусалим, г. – 497, 650, 655, 656
- Измайлово, с. – 260
- Иена (Ена), г. – 618
- Иркутск, г. – 444
- Исаакиевская площадь – 640
- Испания – 461, 649
- Италия – 332, 381, 391, 432, 439, 468 («Австрийская»), 495, 628, 650, 653, 657, 669, 740, 746, 759, 763, 772
- Кавказ – 473, 607
- Кавказская линия – 144
- Кадьяк, остр. – 162
- Казань, г. – 19, 21, 23 (второй гренадер. полк), 24, 44, 79, 260, 277, 280, 284, 296, 305, 313, 391, 397, 630, 643, 657, 746 (ул. Замочная), 821
- Казанская губ. – 19,
- Калужская губ. – 159
- Камчатка – 162
- Камышин, г. – 83
- Калькутта, г. – 162
- Кантон, г. – 162
- Кап-Горн – 162
- Карлсбад, г. – 143
- Катана – 349
- Кемене – 50
- Кенигсберг, г. – 279
- Киев, г. – 130, 412, 447, 657
- Киевский уезд – 131
- Киравч – 337
- Кишинев, г. – 519, 560
- Ключевка, с. (Оренб. губ.) – 34
- Кнут – 46
- Козельск, г. – 381
- Козиха (Москва) – 462, 668
- Кокшайск, г. – 336
- Коломенское, с. – 336
- Константинополь, г. – 39, 40, 41, 349, 378, 397, 418, 427, 432, 434, 439, 444, 468, 479, 498, 503
- Коринф – 432
- Корфу, остр. – 427
- Костров, г. – 246
- Кострома, г. – 210, 245
- Костромская губ. – 212, 245
- Краковская площадь – 433
- Крестец, г. – 301
- Кронштадт, г. – 162, 662
- Крым – 144, 337, 381, 653
- Крымза, р. – 79
- Крымский юрт – 337
- Кубра, р. – 489, 693
- Курляндия – 96, 125
- Курмыш, с. – 336
- Кучук-Кайнарджи, д. – 24
- Кюменьгородский пост – 50
- Лапландия – 439
- Левант – 439
- Лейбах, г. – 485, 487, 490
- Лейпциг, г. – 682
- Летний Сад (Петербург) – 575, 741
- Ливорно (Ливурна), г. – 658, 660
- Литва – 336
- Литейный двор (Петербург) – 325
- Лондон, г. – 52, 133, 162, 272, 418, 424, 439, 456, 467, 470, 480, 487, 490, 498, 507, 586, 643, 661, 674
- Луга, г. – 819
- Лужники (Москва) – 447
- лука, г. – 658, 660
- Любек, г. – 658, 742
- Люблино, с. – 142

- Мадрид, г. – 20 (Мадрит)
 Макателемы, с. – 315
 Малабарский берег – 162
 Малая Морская, ул. в Петербурге –
 Малинники, с. (Тверская губ.) – 694
 Малороссия – 749
 Марсель, г. – 658, 660
 Марфино, с. – 143
 Мацевицы (Польша) – 85
 Меньшикова башня (Москва) – 654
 Мещерское, с. (Саратовская губ.) – 687, 689, 699,
 702, 705
 Михайловское, д. – 615, 620, 626, 628, 641, 684
 Могилев, г. – 337
 Могилевский уезд – 337
 Морея – 500
 Москва-река – 439
 Московский уезд – 337
 Моховая ул. (Петербург) – 579
 Муратов – 340
 Мценск, г. – 614
 Неаполь, г. – 349, 383, 391, 439, 444, 468, 495,
 496, 757, 759,
 Нева, р. – 47, 388, 107, 444
 Невский проспект – 597, 641
 Нежинское, с. – 337
 Нейшлот – 46
 Нидерланды – 490
 Нижний Новгород, г. – 258, 261, 262, 263, 264,
 266, 268, 269, 601, 643, 821
 Нижегородская губ. – 225, 315
 Никольское, с. – 676
 Никомидийский залив – 378
 Ницца (Ниса), г. – 439
 Новосильский уезд – 614
 Нотка – 162
 Одесса, г. – 348, 381, 518, 519, 578, 579, 594,
 595
 Олимпия (Греция) – 497
 Ораниенбаум, г. – 349, 619
 Орёл, г. – 601
 Оренбург, г. – 18, 24
 Оренбургская губ. – 23,
 Орлеан, г. – 279
 Орловская губ. – 158
 Остафьево, с. – 249, 268, 269, 270, 274, 275, 271,
 274, 275, 278 («подмосковная»), 280, 284, 360,
 352, 354, 355, 507, 508, 514, 515, 516, 517, 518,
 519, 521, 547, 548, 549, 551, 552, 560, 564, 569,
 570, 574, 599, 603, 639, 640, 718, 719, 720, 724,
 726, 742, 801, 803
 Остзейские провинции – 125
 Отрада, имение Н. А. Бекетова – 81, 705
 Оттоманская Порта – 23, 26, 500 («Порта»)
 Павловск(ое) – 269, 279, 285, 323, 324, 325, 326,
 355, 359, 382, 397, 426, 434, 466, 476, 478, 501,
 505, 507, 570, 627, 693
 Палестина – 498
 Париж, г. – 48, 133, 148, 184, 278 («столица Фран-
 ции»), 279, 295, 413, 440, 444, 450, 456, 470, 473,
 482, 484, 485, 486, 490, 552, 615, 637, 654, 673,
 712, 761, 794, 795
 Патриаршие Пруды (Москва) – 420, 462, 773
 Пенза, г. – 694
 Пензенская провинция – 23, 24
 Пера (пригор. Константинополя) – 496
 Перерва – 142
 Переславль-Залесский, г. – 693
 Пермь, г. – 821
 Персия – 384, 690, 700
 Перу – 138
 Пески (Петербург) – 671
 Пестум, др. г. – 757, 759
 Петергоф, г. – 20, 285, 349, 379, 381, 574, 629,
 784
 Петровский дворец (Москва) – 647
 Пирмонт, г. – 143, 414
 Подольск, г. – 718
 Полтава, г. – 401
 Польша – 85, 86, 337, 383, 400, 671, 682
 Помпеи, др. г. – 503, 757
 Портсмут, г. – 162
 Прага, предм. Варшавы – 84
 Преображенское (Михайлово тож), с. (Оренб.
 губ.) – 34
 Принц-Виллиам-Зунд – 162
 Принцезы остр. – 378
 Пре(о)йсиш Эйлау – 214
 Пронск, г. – 335
 Псков, г. – 665, 819, 820, 821, 828
 Псковская деревня см. Михайловское
 Пултуск – 214
 Пьемонт, г. – 495

- Ревель (Колывань), г. – 32, 52, 628, 629, 665, 666, 667, 668, 669, 676, 701, 703, 707, 713, 714, 718, 740, 741, 759, 761 (Робкой), 791, 826, 828
- Рига, г. – 49, 242, 408 («Riga»), 486, 713, 714, 759, 761, 826, 828
- Рим, г. – 439, 444, 464, 495, 711, 757, 759, 762, 772, 773
- Рогервик, о. – 719
- Россия – 24, 46, 52, 167, 337, 383, 384, 391, 396, 401, 441, 457, 464, 487, 520, 597, 601, 611, 618, 671, 694, 744, 757, 767, 768, 793
- Рудинки, с. – 673, 830
- Рузаевка, с. – 688
- Рушук – 224
- Рязань, г. – 209, 337, 719
- Садовая, ул. (Петербург) – 671
- Самарова гора – 142
- Сандвичевы остр. – 162
- Саранск, г. – 24
- Сардиния – 468
- Сарепта, с. – 39, 81, 82, 705
- Саратов, г. – 83
- Саратовская губ. – 699, 705
- Свеаборг, креп. – 755
- Св. Елены, остр. – 138, 400, 472, 497
- Свирлово, с. – 159, 655
- Свияга, р. – 627
- Сердобский уезд (Сарат. губ.) – 699
- Сенгилей, г. (Симб. Губ.) – 548
- Сенгилеевская округа (Симб. Губ.) – 34
- Сергиев Посад, г. – 692
- Сибирь – 466, 467, 473, 807
- Симбирск, г. – 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 32, 33, 34, 35 (Приказ общественного призрения), 37, 44, 50, 55, 62, 74, 75, 77, 79, 84, 87, 94, 95, 109, 110, 157, 239, 242, 244, 268, 270, 275, 278, 279, 435, 436, 474, 504, 517, 565, 576, 592, 603, 604, 609, 627, 628, 630, 632, 642, 643, 644, 649, 650, 651, 654, 705, 737, 745, 757, 762, 802, 805, 806, 821, 824, 828, 832, 833, 834, 835
- Симбирская воеводская канцелярия – 746
- Симбирская (Синбирская) губерния (наместничество) – 17, 19, 34, 35, 61, 63, 74 («Симбирский край»), 79, 80, 81, 84, 85, 94, 175, 267, 269, 275, 298, 336, 375, 434, 435, 628, 642, 698, 699, 737, 756, 805
- Симбирский Венец – 570
- Симбирский (Синбирский) уезд – 33, 60, 336
- Сирия – 439, 519
- Сокольники (Москва) – 715
- Стародуб, г. – 337
- Стокгольм, г. – 261
- Стортавастилла, д. – 50
- Стутгардт – см. Штутгардт
- Сурский р-он (Ульян. обл.) – 25
- Сызрань (Сызран), г. (Симб. губ.) – 17, 22, 27, 39, 60, 61, 62, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 95, 106, 107, 108, 109, 110, 150, 157, 277, 296, 336, 592, 629, 643, 644, 649, 745, 806
- Сызранский уезд (Симб. губ.) – 17, 63, 175, 267, 269, 375, 430 («округа»), 435
- Тавастиле (мыза) – 50
- Таганрог(к), г. – 221, 630, 631, 635, 647
- Тамбовская губ. – 51
- Тверская ул. (Москва) – 53, 54, 56, 647
- Тверская площадь (Москва) – 556
- Тверь, г. – 218, 239, 240, 241, 242, 243, 246, 249, 252, 258, 301, 643, 655, 683, 684, 692
- Тегеран, г. – 698, 700
- Тенерифе – 162
- Тиволи – 142
- Тихвинское-Авдотьино, с. – 381
- Тонино, с. – 518
- Тригорское, с. – 819
- Триест, г. – 464, 475
- Троппау, г. – 479, 485
- Тула, г. – 565
- Тульская губ. – 158, 614
- Тургенево, с. (Симб. губ.) – 33, 35, 94, 737
- Турин, г. – 496
- Турция – 24, 27, 349, 505, 690
- Тускулум, др. г. – 757, 759
- Узень, урочище – 25
- Украина – 747
- Ульяновская обл. – 25
- Уналушка – 162
- Уральск, г. – 23
- Успенское, с. – 182
- Устюг, г. – 354
- Чельтенгамские воды – 456
- Черниговская губ. – 495 («черниговской голод»)
- Чернь, д. – 158
- Чесма (Чешме), турец. порт – 21, 22
- Царицын, г. – 81
- Царское Село – 285, 317, 319, 320, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 342, 344, 346, 347, 349, 350,

- 352, 353, 354, 355, 359, 379, 380, 382, 383, 384,
385, 388, 397, 399, 406, 416, 420, 422, 424, 425,
426, 427, 429, 430, 431, 433, 434, 436, 437, 438,
439, 463 (пожар), 465, 466, 467, 473, 476, 477,
481, 494, 496, 497, 500, 501, 504, 505, 506, 507,
508, 515, 517, 547, 566, 567, 569, 570, 571, 572,
573, 574, 575, 588, 597, 599, 600, 601, 602, 603,
605, 606, 607, 608, 610, 611, 613, 620, 622, 623,
626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 635, 636, 638,
648, 649, 658, 662, 692, 693, 694, 701, 714, 726,
727, 766, 775, 826, 827, 830, 831
- Царь-Град – см. Константинополь
- Харьков, г. – 412, 574, 689
- Хили (Чили) – 138
- Черемоши – 614
- Черная речка – 713, 815
- Черный Яр – 25
- Чернышов мост (Петербург) – 619
- Ферней – 401
- Филиппинские острова – 138, 162
- Финляндия – 39,
- Флоренция, г. – 652, 657, 658, 660
- Фонтанка, р. – 388, 389 («Аничков мост»), 447
- Франция – 52, 167, 214, 242, 278, 386, 388, 404,
429, 452, 456, 471, 474, 720, 739, 750, 781
- Фридрихсгам, г. – 39, 46
- Швейцария – 106, 750, 767
- Швеция – 44, 46
- Шотландия – 184
- Штутгарт, г. – 658
- Эзель, остров – 332
- Эльба, о. – 472
- Эмс, г. – 669
- Эфес – 497
- Юрьевка – 259
- Яик – 23
- Япония – 161, 162
- Ярославль – 256, 259, 260, 261
- Ясашная Ташла с. (Симб. Губ.) – 34
- Яссы, г. – 60, 697
- Яуза, р. – 74

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	1808	209
1760	17	1809	212
1761	18	1810	218
1766	19	1811	238
1767—1773	19	1812	256
1770	22	1813	264
1772	22	1814	277
1773	23	1815	295
1774	24	1816	301
1775	26	1817	334
1776	28	1818	365
1777	28	1819	409
1778	31	1820	444
1780	32	1821	487
1781	32	1822	527
1782	33	1823	555
1783	34	1824	587
1784	35	1825	612
1785	36	1826	645
1786	37	1827	676
1787	39	1828	689
1788	42	1829	698
1789	49	1830	710
1790	51	1831	724
1791	55	1832	735
1792	63	1833	752
1793	69	1834	769
1794	79	1835	779
1795	94	1836	792
1796	104	1837	815
1797	116	Дополнения	836
1798	129	Условные сокращения	851
1799	141	Указатель имен	861
1800	148	Алфавитный указатель произведений	
1801	154	И. И. Дмитриева	925
1802	157	Указатель книг и периодических	
1803	161	изданий	949
1804	172	Указатель географических названий	954
1805	180		
1806	194		
1807	207		

Сукайло Вячеслав Анатольевич

ТРУДЫ И ДНИ
ИВАНА ДМИТРИЕВА

В двух книгах

Книга первая

ХРОНИКА

Издательство

«Корпорация технологий продвижения».

432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 1.

Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktpbook@mail.ru.

Ответственная за выпуск Винник О.К.

Редакторы-корректоры Алиева А.В., Егоров К.В.

Художественный редактор Василькин Н.А.

Компьютерное обеспечение издания Долговой Т.Е.

Отпечатано с электронного файла издательства
в ОАО «Областная типография «Печатный двор».

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27.

Тираж 350 экз. Заказ № 1174.

ISBN 978-5-94655-153-3

9 785946 551533